

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

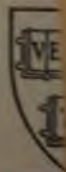
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

- Soc 3985.15

A FINE IS INCURRED
IF NOT RETURNED TO
OR BEFORE THE DATE
BELOW.

STUDY-STUDENT
CHARGE

WILEY

REV. 12-1988

WILEY
BOOKS
JUL 2 1985

1630990

2 Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1933 то

Въ редакціи „Записки Императорскаго Новороссійскаго университета“ ~~издаются~~ предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина.* — 3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко.* — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. *Н. Умова.* — 5) Замятка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Ею-же.*

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{72/73} академическомъ году. — 3) Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. *А. Кочубинскаго.* — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замятка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *В. Лигина.* — 5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 6-го сентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября). — 3) Памятникъ гарпій изъ Ксанона въ Лигин. Опытъ исторической характеристики. *Н. Кондакова.* — 4) Замятка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы. *В. Лигина.*

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 4-го января по 2-е марта 1874 г. — Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ. Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 3) Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе къ 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 4) Федонъ, разговоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д. Лебедева.* — 5) Замятательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ. *А. Павлова.*

ТОМЪ XIV. Содержаніе: 1) Каталогъ дублетовъ библіотеки новороссійскаго университета (Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года). — 2) Вступительная лекція по православному богословію, проф. *А. Кудрявцева.* 3) Анализъ Платонова діалога «Федонъ». Доцента *Лебедева.* — 4) Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи. Доцента *М. Шпилевскаго.*

51939

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
 СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
 МИНИСТР. 10 ИЮЛЬ 89 ВНУТР. Д.
 ШКАФЪ 96. ПОЛКА 4.
 Инв. № 16226. № 1/2

ЗАПИСКИ

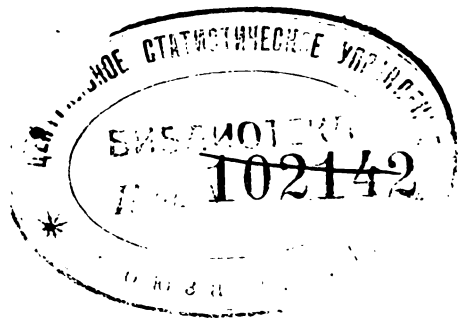
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

11 6108

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. С. П. Ярошенко.

ОДЕССА.

ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.

1876.

LSK 3785.15 1 (20-21)

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
Университета Ректоръ *Θ. Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Краткій отчетъ о дѣятельности новороссійскаго университета за 1875/76 учебный годъ	1—34
Я. Вальцъ.—Отзывъ о докторской диссертациі магистра ботаники А. Н. Волкова.	35—38

I. Часть ученая.

М. Маллининъ.— Отчетъ за первую половину заграничной командировки 1874—75 г.	1—13
В. И. Григоровичъ.—Отчетъ о поѣздѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюня по 8 октября 1875 г.	1—53
В. И. Григоровичъ. — Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ	55—78
А. Кочубинскій.— Отчеты (второй и третій) о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля 1875 по 1-е февраля 1876 г.	79—173
Н. Кондаковъ. Отчетъ о занятіяхъ за границей съ 1 сентября 1875 г. по 1-е марта 1876 г.	175—179
В. Н. Палаузовъ. — Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи	181—358
Я. Вальцъ. — О размноженіи растеній частями съимья	359—368
А. Н. Кудрявцевъ. Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской	369—388

I. Часть официальная.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ 1875/76 АКАДЕМИЧЕСКОМЪ ГОДУ.

М. М. Г.

Предлагая вашему вниманию краткій очеркъ дѣятельности новороссійскаго университета въ истѣвшемъ учебномъ году, мы, прежде всего, должны указать на дарованную университетамъ Монаршую милость, предоставляющую имъ новое средство къ развитію ученой ихъ дѣятельности. Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи разсмотрѣвъ представленіе г. министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при университетахъ должностей сверхштатныхъ ассистентовъ, лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, *мынѣмъ положили*: 1) въ видахъ предоставленія университетамъ возможности усиливать личный составъ профессорскихъ помощниковъ, предоставитъ г. министру народнаго просвѣщенія право учреждать во всѣхъ университетахъ, по мѣрѣ надобности, должности: сверхштатныхъ ассистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, съ производствомъ имъ вознагражденія, по мѣрѣ возможности, изъ свободныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ или изъ спеціальныхъ средствъ университетовъ и съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ по службѣ, какія предоставлены штатнымъ должностямъ, а ассистентамъ—правъ, присвоенныхъ лаборантамъ; и 2) лицамъ, имѣющимъ заняты означенныя должности, правъ на пенсію не предоставлять; но въ случаѣ занятія ими лицами штатныхъ должностей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по учебной части, время, проведенное ими въ означенныхъ сверхштатныхъ должностяхъ, — не свыше однако 6-ти лѣтъ, — зачитывать имъ на пенсію и для сего изъ получаемого ими отъ университетовъ содержанія удерживать 2% въ пенсіонный капиталъ.

Его Императорское Величество таковое мѣнѣе государственнаго совѣта въ 25 день октября 1875 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Этой законодательной мѣрой дана университетскимъ слушателямъ возможность болѣе серьезнаго и близкаго ознакомленія съ опытными науками въ приспособленныхъ для этой цѣли научныхъ учрежденійхъ и виѣстѣ съ тѣмъ открыть непосредственный и широкій путь для увеличенія числа серьезно подготовленныхъ и вполне опытныхъ университетскихъ преподавателей.

1. Личный составъ университета.

А. Въ личномъ составѣ преподавателей новороссійскаго университета въ истекшемъ академическомъ году произошли слѣдующія перемѣны:

1) Магистръ Петріевъ назначенъ доцентомъ по кафедрѣ технической химіи, а магистръ князь Кантакузинъ-графъ Сперанскій допущенъ къ чтенію въ университетѣ лекцій по международному праву въ качествѣ привать-доцента.

2) Изъ прежде служившихъ: а) доцентъ Шпилевскій возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а затѣмъ и ординарнаго профессора, доцентъ Волковъ — въ званіе экстраординарнаго профессора; б) заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ оставленъ на новое 5-лѣтіе, в) выбыли: ординарный профессоръ Сѣченовъ по случаю перемѣщенія въ с.-петербургскій университетъ и скончавшійся ординарный профессоръ Вольскій.

3) Въ настоящее время число наличныхъ преподавателей состоитъ изъ 24 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, изъ нихъ 1 въ качествѣ сторонняго преподавателя, 9 доцентовъ, 1 астронома-наблюдателя и 2-хъ привать-доцентовъ. По факультетамъ преподаватели эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому: 5 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ и 5 доцентовъ, по физико-математическому: 12 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 3 доцента, 1 астрономъ-наблюдатель и 1 привать-доцентъ, по

юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ, 1 доцентъ и 1 приватъ-доцентъ.

Кромѣ того состоятъ вообще при университетѣ: 1 профессоръ православнаго богословія и 2 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4) Остаются незамѣщенными слѣдующія каѳедры:

въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1) сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и

2) исторіи всеобщей литературы.

въ физико-математическомъ:

3) физической географіи

въ юридическомъ:

4) энциклопедіи права,

5) государственнаго права,

6) международнаго права,

7) политической экономіи и статистики и

8) церковнаго законовѣдѣнія.

По перечисленнымъ здѣсь каѳедрамъ совершенно не читались въ отчетномъ году только лекціи сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, физической географіи и государственнаго права, послѣдняго потому, что студенты IV курса уже слушали лекціи по этому предмету въ предшествовавшемъ 1874/75 учебномъ году; да кромѣ того не читалась исторія славянскихъ законодательствъ, по случаю заграничной командировки профессора Богинича.

В. Въ составѣ должностныхъ лицъ по учебно-административной и другимъ частямъ произошли слѣдующія перемѣны: избраны и утверждены: ординарный профессоръ Дювернуа деканомъ юридическаго факультета, доцентъ Воеводскій секретаремъ историко-филологическаго факультета, кандидатъ Меликовъ лаборантомъ химической лабораторіи, иностранецъ Видгалмъ и. д. лаборанта зоологической лабораторіи, кандидатъ Репяховъ хранитель зоотомического кабинета, коллежскій секретарь Константиновъ архитекторомъ на мѣсто уволеннаго по прошенію архитектора

Тодко; лаборантъ химической лабораторіи Вернеръ перемѣщенъ на должность лаборанта при лабораторіи технической химіи, а лаборантъ при лабораторіи агрономической химіи Дородницынъ выбылъ по случаю упраздненія этой должности.

II. Учебная и ученая дѣятельность университета.

1) Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года историко-филологическій факультетъ имѣлъ 21 засѣданіе, физико-математическій 21 и юридическій 17 засѣданій, въ томъ числѣ одно публичное.

2) На историко-филологическомъ факультетѣ по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ измѣненъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, порядокъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что предметы чтеній по этой наукѣ раздѣлены на общіе и спеціальныя курсы, первые для студентовъ I-го, вторые для студентовъ III и IV курсовъ какъ классическаго, такъ и историческаго отдѣленій. Означенныя курсы будутъ обязательны, а самый предметъ на классическомъ отдѣленіи будетъ считаться главнымъ, а на историческомъ — второстепеннымъ. На физико-математическомъ факультетѣ, вслѣдъ за закрытіемъ технико-агрономическаго отдѣленія, закрыта и существовавшая при новороссійскомъ университетѣ учебная сельско-хозяйственная ферма съ обращеніемъ въ доходъ казны суммы, ассигнованной изъ государственнаго казначейства на содержаніе этой фермы и управляющаго оною впредь до того времени, когда окажется возможнымъ устроить вновь означенную ферму.

Въ видахъ достиженія большей полноты преподаванія факультетскихъ предметовъ и для усиленія его по болѣе важнымъ предметамъ, историко-филологическій факультетъ поручалъ заслуженному профессору Юргевичу читать дополнителныя лекціи по кафедрѣ греческаго языка и словесности (греческія древности), ординарному профессору исторіи русскаго языка и литературы Некрасову—лекціи по вакантной кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, а преподаваніе всеобщей исторіи раздѣлил между орди-

нарнымъ профессоромъ русской исторіи Смирновымъ, который читалъ исторію Пруссіи, и стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Бруномъ, читавшимъ двѣ лекціи исторіи землевѣдѣнія и географическихъ открытій и поселеній европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта. На физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе геологіи и палеонтологіи, по случаю заграничной командировки преподавателя этого предмета, было поручено ординарному профессору минералогіи Головкинскому, преподаваніе практической астрономіи и теоріи вѣроятностей — астроному-наблюдателю Блоку, преподаваніе физиологіи отдѣленій приватъ-доценту Спиро, преподаваніе опытной химіи было раздѣлено между ординарнымъ профессоромъ Вериго и доцентами Клименко и Петриевымъ, а преподаваніе ботаники-между ординарнымъ профессоромъ Вальцемъ и экстраординарнымъ профессоромъ Волковымъ; на юридическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантнымъ кафедрѣмъ, исключая государственное право, распределено было между наличными преподавателями другихъ предметовъ. Такъ, чтеніе энциклопедіи законовѣдѣнія поручено было ординарному профессору финансового права Патлаевскому, международного права — ординарному профессору полицейскаго права Шпилевскому, каноническаго права — и. д. профессора православнаго богословія Кудрявцеву.

3) Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ историко-филологическій факультетъ воспользовался съ замѣчательнымъ успѣхомъ мѣрою, которая съ тою же цѣлью была имъ принята уже и въ прошломъ году. Именно, въ замѣнъ прежнихъ устныхъ контрольныхъ испытаній, для студентовъ-стипендіатовъ были назначены въ началѣ учебнаго года темы для письменныхъ работъ. Желające получить стипендію въ слѣдующее полугодіе должны были представить къ 25-му декабря на первыхъ двухъ курсахъ по три, а на остальныхъ по одному сочиненію тѣмъ изъ преподавателей, по кафедрѣ которыхъ были избраны темы. Между представленными сочиненіями оказалось не мало отличныхъ работъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ объ усердіи и прилежаніи авторовъ. Сверхъ того, заслуженный ординарный профессоръ римской словесности Юргевичъ велъ со студентами практическія за-

нтія, посвящая одинъ часъ въ недѣлю на упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. На юридическомъ факультетѣ практиковалась также мѣра обязательнаго представленія студентами письменныхъ работъ. Кромѣ того ординарный профессоръ Леонтовичъ занималъ студентовъ 1 курса разборомъ памятниковъ древняго русскаго права, а ординарный профессоръ Цитовичъ знакомилъ студентовъ съ казуистической стороною русскихъ гражданскихъ законовъ. На физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ практическія занятія составляютъ необходимое условіе для успѣшнаго изученія преподающихся тамъ предметовъ, введены также письменные отчеты о произведенныхъ работахъ въ лабораторіяхъ.

4) По рассмотрѣніи представленныхъ студентами сочиненій на преміи, присуждены, согласно удостоенію подлежащихъ факультетовъ и съ утвержденія совѣта, золотыя медали студентамъ IV курса: историко-филологическаго факультета Васюлову Гавріилу, за сочиненіе «Константинъ Великій и его отношеніе къ христіанской церкви» и физико-математическаго Ханиму Гохману за сочиненіе «Кинематическая теорія зацѣпленій».

На наступающей академической годъ назначаются темы: историко-филологическимъ факультетомъ: «характеристика Θεμιστοκλα», физико-математическимъ: а) по разряду математическихъ наукъ «объ измѣреніи электрическихъ величинъ въ абсолютныхъ единицахъ (миллиграмъ, миллиметръ, секунда)», б) по разряду естественныхъ наукъ: «изучить производныя оптически недѣятельной яблочной кислоты и представить полное изложеніе вопроса объ оптически изомерныхъ кислотахъ», юридическимъ «ученіе о юридическомъ лицѣ въ римскомъ правѣ».

5) Ученая дѣятельность преподавателей и другихъ служащихъ выразилась въ слѣдующихъ печатныхъ трудахъ:

Заслуженный профессоръ Григоровичъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета «объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ» и 2, отчетъ о командировкѣ его въ Петербургъ съ 11 іюля по 14 октября 1875 года.

Заслуженный профессоръ Юргевичъ — въ X т. записокъ

одесскаго общества исторіи и древностей: 1, объясненіе двухъ ольвійскихъ надписей и 2, объясненіе двухъ пантикапейскихъ надписей.

Заслуженный профессоръ Брунъ: 1, *Notices sur la Société Impériale Odessoise d'histoire* и 2, о разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время.

Ординарный профессоръ Леонтовичъ — рецензію на сочиненіе г. Успенскаго.

Ординарный профессоръ Карастелевъ «приложеніе теоріи мнимаго переменнаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія и пертурбаціонной функціи» — въ запискахъ новороссійскаго университета.

Ординарный профессоръ Вальцъ «о вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни» — тамъ-же.

Ординарный профессоръ Вериго «*le soufre dans le gaz d'éclairage*» въ *Comptes rendus de l'Académie des sciences*.

И. д. профессора, протоіерей Войтковскій: 1, слово въ день рожденія Государя Императора, сказанное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ — въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; 2, рѣчь при выпускѣ воспитанницъ одесскаго института благородныхъ дѣвицъ и 3, переписку барона Гакстгаузена съ высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ и А. Н. Муравьевымъ о необходимости установленія моленій о возсоединеніи церкви русской съ церковью римскою.

И. д. профессора православнаго богословія Кудрявцевъ напечаталъ: 1, о спасительныхъ таинствахъ святой православной церкви; 2, проявленіе на землѣ царства Божія, какъ существенное условіе государственнаго благосостоянія; изъ слова въ день вошествія на престолъ Государя Императора; 3, слово въ день тезоименитства Государя Императора; 4, рѣчь предъ началомъ ученія и 5, слово въ день просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія.

Экстраординарный профессоръ Лигинъ напечаталъ: 1, *Sur les systèmes de tiges articulées*, въ *Nouvelles Annales de Mathématiques*, t. XIV; 2, *Sur les systèmes articulées a six*

tiges, въ Comptes rendus de la 4-me session de l'Association française pour l'avancement des sciences, congrès de Nantes; 3, издалъ русскій переводъ сочиненія Сонне «Premiers éléments de mécanique appliquée, дополнивъ его примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и моментахъ инерціи.

Доцентъ Клименко напечаталъ: 1) Ueber die Einwirkung des Brom auf Milchsäure въ Journal für praktische Chemie; 2) ту же статью съ продолженіемъ: «матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ» въ русскомъ химическомъ журналѣ.

Доцентъ Воеводскій напечаталъ свою вступительную лекцію «о такъ называемыхъ гомеровскихъ поэмахъ» — въ запискахъ новороссійскаго университета.

Доцентъ Кондаковъ: 1) въ запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей «мраморный рельефъ изъ Пантикапеи»; 2) въ трудахъ III археологическаго съѣзда «древности кубанской и терской областей» и 3) въ запискахъ новороссійскаго университета отчетъ о занятіяхъ за границей.

Доцентъ Кочубинскій — отчетъ о занятіяхъ за границею, также въ запискахъ новороссійскаго университета.

Лаборантъ, приватъ-доцентъ Спиро напечаталъ «о кожно-мышечныхъ рефлекскахъ» и «прибавленіе» къ этой статьѣ — также въ запискахъ новороссійскаго университета.

Консерваторъ Ршави напечаталъ «Einige Versuche über die Athmung der Pflanzen» — въ Landwirthschaftliche Versuchs-Stationen.

Консерваторъ Сталевичъ произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій, которыя будутъ напечатаны въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи.

Приватъ-доцентъ князь Кантакузинъ графъ Сперанскій напечаталъ двѣ пробныя лекціи: одну подъ заглавіемъ «историческій очеркъ права войны» и другую — «вопросъ о кодификаціи международнаго права».

б) Ординарный профессоръ Головкинскій прочелъ одну публичную лекцію «мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты», ординарный профессоръ Вальцъ три публичныя лекціи

«о болѣзняхъ культурныхъ растеній», «объ опыленіи растеній» и «о размноженіи растеній не цѣльными сѣменами.» Сверхъ того въ теченіи всего учебнаго года читали публичныя лекціи: ординарный профессоръ Мечниковъ по зоологіи, ординарный профессоръ Вальцъ по общей морфологіи растеній, ординарный профессоръ Веригъ по химіи, экстраординарный профессоръ Умовъ по физикѣ, доцентъ Бернштейнъ по анатоміи чловѣка, — всѣ по 2 часа въ недѣлю, и ординарный профессоръ Ярошенко по математикѣ, по 3 ч. въ недѣлю.

7. Подвергались устному и письменному испытанію на степень магистра: римской словесности—кандидатъ новороссійскаго университета, преподаватель александровской и домоносовской гимназій въ Ригѣ Нагуевскій, минералогіи и геогнозіи — кандидатъ естественныхъ наукъ новороссійскаго университета Прендель, зоологіи — кандидатъ новороссійскаго университета Репяховъ и всѣ трое окончили испытанія удовлетворительно; защитившій въ университетѣ св. Владиміра диссертацию на степень магистра международного права и утвержденный въ этой степени кандидатъ новороссійскаго университета, князь Кантакузинъ графъ Сперанскій прочелъ двѣ пробныя лекціи *pro venia legendi* въ качествѣ приватъ-доцента, одну на тему по собственному избранію «историческій очеркъ права войны», другую по назначенію юридическаго факультета «вопросъ о кондификаціи международного права.» Чтеніе лекцій признано было удовлетворительнымъ и соискатель допущенъ къ чтенію въ университетѣ лекцій по международному праву въ качествѣ приватъ-доцента.

8. Изъ окончившихъ въ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ постороннихъ лицъ, удостоены: а) степени кандидата: 1 по историко-филологическому факультету, 4 по физико-математическому и 8 по юридическому; б) званія дѣйствительнаго студента: 6 по историко-филологическому факультету, 9 по физико-математическому и 38 по юридическому; изъ нихъ 20 предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертации на степень кандидата.

9) Кандидаты Слешинскій и Бородинъ оставлены на 2 года при университетѣ стипендіатами для приготовленія къ про-

фессорскому званію — первый по чистой математикѣ, второй по ботаникѣ.

10) Независимо отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей нѣкоторые преподаватели имѣли особня занятія и исполняли особня порученія начальства. Такъ историко-филологическій факультетъ занимался рассмотрѣніемъ двухъ драматическихъ произведеній представленныхъ для соисканія преміи И. Г. Вучина за лучшее драматическое сочиненіе, написанное для народнаго театра. Трехлѣтній опытъ по рассмотрѣнію представляемыхъ на соисканіе этой преміи сочиненій привелъ факультетъ къ мысли объ измѣненіи «положенія». Нѣкоторыя сочиненія, не удовлетворяя строгимъ требованіямъ искусства, заслуживали бы однако поощренія въ размѣрѣ половинной преміи. Между тѣмъ, въ силу 4 § положенія, факультетъ не могъ дробить премію для награды за сочиненія по высшимъ родамъ драматическихъ сочиненій. Поэтому факультетомъ, съ согласія учредителя и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, сдѣлано слѣдующее добавленіе въ примѣчаніи къ § 4 положенія объ означенной преміи: «но факультету предоставляется право назначать и половинную премію, если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не заслуживаетъ полной преміи.»

Ректоръ университета **Ө. И. Леонтовичъ** управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ съ 1 по 4 іюня и съ 26 августа по 27 октября 1875 г., и съ 7 по 31 мая 1876 г.

Проректоръ университета **М. П. Смирновъ** исправлялъ должность ректора съ 22 сентября по 27 октября 1875 г.

Командированы съ ученою цѣлію за границу на 2 года: доцентъ **Успенскій** — для занятій по всеобщей исторіи и лаборантъ **Спиро** — по физиологіи; ординарный профессоръ **Верито** съ 20 апрѣля по 15 августа для осмотра вновь устроенныхъ границею химическихъ лабораторій, профессора **Лигинъ**, **Умовъ** и **Волковъ** и астрономъ-наблюдатель **Блокъ** — въ Лондонъ на отѣрытую тамъ въ южно - кенсингтонскомъ музеѣ выставку научныхъ принадлежностей съ 1 іюня по 1 августа 1876 г.; астрономъ-наблюдатель **Блокъ** въ Варшаву и Берлинъ съ цѣлію опредѣленія въ Берлинѣ личнаго уравненія, а въ Варшаву — для приѣма сигналовъ, проходящихъ между Вѣною, Берлиномъ, и Гринви-

ченъ и служащихъ для опредѣленія долготы обсерваторіи новороссійскаго университета ; командировка находящагося заграницею доцента Кочубинскаго отсрочена на 4 мѣсяца. Заслуженный профессор Григоровичъ совершилъ ученую поѣздку въ Петербургъ съ 11 іюля по 14 октября 1875 г., а ординарный профессоръ Мечниковъ командированъ на Кавказъ съ 10 апрѣля по 1 августа 1876 г. для продолженія начатаго имъ въ прошломъ году изслѣдованія естественной исторіи эфемеридъ и антропологическаго изученія нѣкоторыхъ народовъ Кавказа.

11) По требованію министерства народнаго просвѣщенія выработанъ проектъ правилъ приѣма, храненія и употребленія библиотечнаго матеріала.

III. Хозяйственно-распорядительная часть.

Новороссійскій университетъ съ 1-го іюня 1875 г. по 1-е іюня 1876 года имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежные средства:

Оставалось къ 1-му іюня 1875 года отъ суммы, ассигнованной по § 5 сметы министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ на содержаніе университета :

а) по ст. 1-й на содержаніе личнаго состава	76917 р.	91 к.
б) по ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	20831 р.	68 к.
в) по ст. 3-й на стипендіи и пособія студентамъ	7965 р.	22 к.
Итого	115714 р.	81 к.

Изъ этой суммы израсходовано :

а) на жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ	71195 р.	71 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	32822 р.	64 к.

в) на стипендіи и пособія студентамъ университета	7965 р. 22 к.
Сверхъ этого причитается еще къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	3731 р. 24 к.
Итого	115714 р. 81 к.

По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1876 г. на содержаніе новороссійскаго университета въ этомъ году назначено :

По § 5-му :

а) по ст. 1-й на содержаніе личнаго состава	135581 р. —
б) по ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы.	50828 р. 30 к.
в) по ст. 3-й на стипендіи и пособія студентамъ университета.	18000 р. —

По § 18-му.

По ст. 10-й на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ	2500 р. —
Итого	206909 р. 30 к.

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита :

По § 15-му

По ст. 1-й на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученія командировки	1273 р. 97 к.
По ст. 2-й на біологическую станцію въ Севастополѣ	1500 р. —
Итого	2773 р. 97 к.

А всего 209683 р. 27 к.

Изъ этой суммы по 1-е іюня 1876 года израсходовано :

а) на содержаніе личнаго состава.	56803 р. 57 к.
---	----------------

б) на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	21305 р. 92 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ.	10049 р. 92 к.
г) на пособіе обществу естествоиспытателей при университетахъ	2500 р. —
д) на содержаніе приготавливающимся къ профессорскому званію кандидатамъ и на ученныя командировки	1273 р. 97 к.
е) на содержаніе біологической станціи въ Севастополь	1500 р. —
Итого	93433 р. 38 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 г. состоитъ въ остаткѣ	116249 р. 89 к.
Балансъ	209683 р. 27 к.

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящіа: а) изъ сбора платы съ студентовъ за слушаніе лекцій; б) изъ сбора съ студентовъ за матрикулы; и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ на учрежденіе стипендій.

1) Сборъ платы съ студентовъ за слушаніе лекцій къ 1 іюня 1875 года оставалось	1057 р. 62½ к.
Съ 1-го іюня 1875 по 1-е 1876 г. поступило	5240 р. —
Итого	6297 р. 62½ к.
Изъ нихъ перечислено 2% въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	104 р. 80 к.
Израсходовано на разные предметы по опредѣленіямъ совѣта университета	5263 р. 69 к.
Итого	5368 р. 49 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 года оставалось	929 р. 13½ к.

2) Сбора за матрикулы къ 1-му іюня	
1875 года оставалось	7 р. 82 ¹ / ₂ к.
Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876	
года поступило	537 р. —

Итого 544 р. 82¹/₂ к.

Изъ этой суммы въ отчетномъ году	
израсходовано	532 р. 51 к.

За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 г. осталось . 12 р. 31¹/₂ к.

3) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ % оныхъ стипендіатовъ къ 1-му іюня 1875 года оставалось :

наличными деньгами	2991 р. 27 ³ / ₄ к.
въ процентныхъ бумагахъ	104000 р. —

Итого 106991 р. 27³/₄ к.

Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года поступило :

пожертвованныхъ капиталовъ . . .	2084 р. 85 к.
процентовъ на пожертвованные ка- питалы	4863 р. 47 к.

Итого 6948 р. 32 к.

А всего 113939 р. 59³/₄ к.

Изъ этой суммы съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года выдано стипендій студентамъ университета

5164 р. 98 к.

За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 года осталось :

наличными деньгами	3724 р. 61 ³ / ₄ к.
процентными бумагами	105050 р. —

Итого 108774 р. 61³/₄ к.

Балансъ 113939 р. 59³/₄ к.

Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года поступило пожертвованій: а) капиталами: отъ землевладѣльца Григорія Криворотова 5000 р., заключающихся въ облигаціяхъ одесскаго городского кредитнаго общества, на учрежденіе въ университетѣ стипендіи имени покойнаго его брата Матвѣя Криворотова, и служившими при сооруженіи харьково-ніколаевской желѣзной дороги 6056 р. 92 к. на учрежденіе въ университетѣ стипендіи

имени тайнаго совѣтника барона К. К. Унтернъ-Штернберга; *) б) книгами: отъ вдовы умершаго доцента новороссійскаго университета Пригары 36 названій разныхъ сочиненій; в) принадлежностями милицъ-кабинета: отъ ординарнаго профессора В. И. Григоровича — двѣ древнія русскія монеты: одна серебряный рубль Петра III, а другая мѣдная Петра Великаго 1705 года, за бороду; г) церковною утварью: отъ Анастасіи Іосифовны Скаржинской весьма цѣнная атласная одежда на престоль, съ особымъ верхнимъ также атласнымъ покрываломъ.

Съ 1 іюня 1875 по 1 іюня 1876 г. правленіемъ университета, на основаніи предоставленнаго ему § 51 общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ права, были заключены условія:

1) На поставку какъ для университета, такъ равно и для нѣкоторыхъ, находящихся въ Одессѣ, казенныхъ учебныхъ заведеній 137 сажень дубовыхъ дровъ, суммою въ 4658 р. —; 2) на годичную очистку ретирадныхъ и помойныхъ ямъ, находящихся въ дворахъ университетскихъ зданій, суммою въ 660 р.; 3) на ремонтъ университетскихъ зданій, суммою въ 1500 р.; 4) на приспособленіе вновь отведеннаго для бібліотеки помѣщенія, и на перенесеніе и установку бібліотечныхъ шкафовъ и полокъ 640 р.; 5) на исправленіе крышъ на университетскихъ зданіяхъ 236 р. 16 к. и 6) на приспособленіе помѣщенія подъ квартиру экзекутора, проведеніе воды и газа въ лабораторію 733 р.

Съ разрѣшенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, правленіе университета приобрѣло хозяйственнымъ способомъ, отъ главной конторы русскаго общества пароходства и торговли, какъ для университета, такъ равно и для нѣкоторыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній г. Одессы, 23430 пудовъ грушевскаго антрацита и 500 пудовъ англійскаго угля кардифа, по 23 к, за пудъ того и другаго минерала.

Съ разрѣшенія г. управляющаго одесскимъ учебнымъ округомъ произведено сверхсѣтныхъ работъ по ремонту университетскихъ зданій на 1000 р.

*) Капиталы эти (11,066 р. 92 к.) не причислены еще къ спеціальнымъ средствамъ университета и находятся въ депозитахъ онаго, хранящихся въ Одесскомъ казначействѣ.

IV. Объ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ университетѣ въ 1875—76 академическомъ году.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	Въ 1-му юнѣ 1875 года состоялось.		Въ 1-му юнѣ 1876 года состоялось.		Въ 1875—76 академическомъ году поступило.						
	Изъ гимназій.	Изъ семинарій.	Изъ университетовъ.	Изъ Демидовскаго лицея.	Изъ другихъ высшихъ учеб. завед.	Всего поступило.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.			
Студентовъ	211	286	50	88	23	10	6	177	36	66	
Постороннихъ слушателей	14	15									

2) Въдомость о числѣ учащихся въ университетѣ къ 1-му юнѣ 1876 года.

Студентовъ и постороннихъ слушателей.	Число студентовъ				Всѣхъ студентовъ.	Число постороннихъ слушателей.	ВСЕГО
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ.	Отдѣл. математическ. наукъ.	Отдѣл. естественныхъ наукъ.	Въ юридическомъ факультетѣ.			
Студентовъ и постороннихъ слушателей	71	25	78	112	286	15	301

3) Вѣдомость о числѣ студентовъ освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій въ 1875—76 академическомъ году.

	Всѣхъ студ- дентовъ.	Число освобожденныхъ.			Всего	% общего чис- ла студент.
		На годъ (вполнѣ).	На полу- годіе (на полови- ну).			
Изъ числа бывшихъ въ теченіе академическаго года студентовъ въ новороссійскомъ университетѣ	388	191	25	216	55%	

Въ теченіе академическаго года было стипендіатовъ: на сумму, назначенную по штату университета—94; на сверхштатную сумму, ассигнованную для кавказскихъ стипендіатовъ—10; пансіонеровъ Государя Императора—2, славянскихъ стипендіатовъ—4; кубанскаго казачьяго войска—7; на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ: стипендій имени графа Д. А. Толстаго—1; графа П. Е. Коцебу—1, тайнаго совѣтника Троицкаго—1, И. Т. Ягницкаго—4, Микрюковой—4, А. Ефруси—2, Г. Рафаловича—1, Мазія—1, имени Его Величества учрежд. болгар. колонистами—1, на счетъ бессарабскаго земства,—4, духовнаго вѣдомства—1, князя Абамелика—1, русскаго общества пароходства и торговли—1, общества сельскаго хозяйства южной Россіи—1. Всего стипендіатовъ состояло 141.

*) Въ томъ числѣ освобождены: по прошеніямъ—99, стипендіатовъ университета, на основаніи § 108 общаго устава университетовъ—106, и по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ—11.

V. ВЪДОМОСТЬ

**о числѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій при
Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ и о состояніи оныхъ
въ 1875—76 академическомъ году.**

Число учреждений.

**Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ
учрежденій.**

1

Университетская библіотека.

Книгъ русскихъ и иностранныхъ	{ сочиненій томовъ
Періодическихъ изданій	
	{ названій томовъ
Періодическихъ изданій	
Рукописей (томовъ или тетрадей)	
Картинъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей	

2

Студентская библіотека.

Книгъ	{ названій сочиненій томовъ
Періодическихъ изданій	
	{ названій тетрадей и томовъ
Періодическихъ изданій	
Рукописей, картинъ, гравюръ, рисунковъ и пла- новъ (листовъ)	

3

Астрономическая обсерваторія.

Инструментовъ астрономическихъ и геодезическихъ	
» топографическихъ	
» физическихъ	

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 г од		Вновь приобретено въ 1875 году.		Въ теченіе 1875 года убыло.		За смятъ къ 1 января 1876 года состояло.					
Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.		Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.	
				РУВ.	К.					РУВ.	К.
34279	—	922	—	4236	15	269	—	34932	—	149180	94
58858	—	1483	—			513	—	59828	—		
684	—	13	—	1606	43	—	—	697	—		
12423	—	624	—			—	—	13047	—		
104	104	8	8	103	—	—	—	112	112		
581	588	3	4	18	—	—	—	584	592		
3607	—	82	—	393	95	—	—	3689	—	3756	20
5968	—	244	—			—	—	6212	—		
85	—	—	—			—	—	85	—		
1185	—	69	—			—	—	1204	—		
31	31	—	—	—	—	—	—	31	31		
31	31	—	—	—	—	—	—	31	31	13120	34
16	16	—	—	—	—	—	—	16	16	341	50
60	60	2	2	104	—	—	—	62	62	367	—

Число учреждений

Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Инструментовъ математическихъ
Книгъ и журналовъ
Моделей
Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

4

Кабинетъ практической механики.

Моделей
Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

5

Физическій кабинетъ съ лабораторією.

Инструментовъ и приборовъ
Химическихъ препаратовъ

6

Химическая лабораторія и кабинетъ.

Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1875 года		Вновь приобретено въ 1875 году			Въ теченіе 1875 года убыло			За снмъ состояло къ 1 января 1876 года		
Нуме- ровъ	Эк- земпл.	Нуме- ровъ	Эк- земпл.	На сумму	Нуме- ровъ	Эк- земпл.	Нуме- ровъ	Эк- земпл.	На сумму	
				РУВ. К.					РУВ. К.	
1	1	—	—	—	—	—	1	1	100 —	
1	21	—	—	—	—	—	1	21	302 40	
24	24	—	—	—	—	—	24	24	74 56	
104	104	5	5	226	—	—	109	109	966 69	
169	—	28	—	915 39	—	—	198	—	8331 68	
13	—	8	—	12 23	—	—	21	—	585 58	
479	598	37	39	865 —	6	6	510	631	14440 30	
1	1	—	—	—	—	—	1	1	21 69	
1403	1411	27	78	1096 48	—	—	1430	1489	21755 32	

Число учреждений.

Наименование и составъ учебно - вспомогательныхъ учреждений.

7 **Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею.**

Минераловъ ,

Геологическихъ и географическихъ картъ

Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

8 **Кабинетъ физической географіи.**

Книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ

Инструментовъ

9 **Метеорологическая обсерваторія.**

Инструментовъ и снарядовъ

Книгъ, атласовъ и моделей

Въ нихъ состоило къ 1 января 1875 года.		Вновь приобретено въ 1875 году.			Въ теченіе 1875 года убыло.		За снѣзъ состояло къ 1 января 1876 года.		
Нумеро-роувъ.	Экземпляр.	Нумеро-роувъ.	Экземпляр.	На сумму.	Нумеро-роувъ.	Экземпляр.	Нумеро-роувъ.	Экземпляр.	На сумму.
				РУБ. К.					РУБ. К.
—	8150	—	77	72	—	—	—	8227	+ +
—	10	—	—	—	—	—	—	10	58 66
+	+	10	10	72 15	—	—	+	+	+ +
56	72	—	—	—	—	—	56	72	930 19
35	41	—	—	—	—	1	35	40	1971 77
37	51	1	1	253 78	—	—	38	52	1485 79
8	8	—	—	—	—	—	8	8	36 30

Число учреждений.

Наименование и составъ учебно - вспомогательныхъ учреждений.

10

Ботаническій кабинетъ.

- Сухихъ растений
- Инструментовъ и приборовъ
- Коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей и препаратовъ
и проч.
- Книгъ
- Подвижной утвари, посуды и проч.

11

Ботаническій садъ.

- Оранжерейныхъ растений
- Бустарниковъ и травъ
- Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

12

Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею.

- Книгъ и другихъ изданій
- Чучель препаратовъ въ спиртѣ

Въ какъ состо- яло къ 1 января 1875 года.		Вновь приобретено въ 1875 году.			Въ теченіе 1875 года. убыло.		За сямъ состояло къ 1 января 1876 года		
Чис- ловъ.	Эк- земп.	Чис- ловъ.	Эк- земп.	На сумму.	Чис- ловъ.	Эк- земп.	Чис- ловъ.	Эк- земп.	На сумму.
—	49100	200	200	18 5	—	—	49300	49300	3010 —
13	—	7	—	230 —	—	—	20	—	1113 9
30	—	—	—	— —	—	—	30	—	25 50
209	—	35	—	117 20	—	—	244	—	531 60
—	—	—	—	— —	—	—	—	—	2509 97
—	615	—	25	— —	—	—	—	640	— —
1202	—	50	—	— —	—	—	1252	—	— —
49	—	—	—	— —	—	—	40	—	388 85
138	138	—	—	— —	—	—	138	138	. —
2785	—	179	—	25 —	—	—	2964	—	16858 25

Число учреждений.	Наименованіе и составъ учебно - вспомогательныхъ учреждений.
13	<p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p> <p>Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею.</p>
14	<p>Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p> <p>Физиологическій кабинетъ.</p>
15	<p>Приборовъ и лабораторной мебели</p> <p>Реактивовъ и препаратовъ</p> <p>Разнаго рода посуды</p> <p>Техническій кабинетъ съ лабораторіею.</p>
	<p>Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды</p>

Въ нихъ состоило къ 1 января 1875 года.		Новоъ приобретено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За снмъ состояло къ 1 января 1876 года			
Нуме-ровъ.	Фл. занп.	Нуме-ровъ.	Фл. занп.	На сумму.		Нуме-ровъ.	Фл. занп.	Нуме-ровъ.	Фл. занп.	На сумму.	
				РУВ.	к.					РУВ.	к.
53	—	—	—	—	—	—	—	53	—	—	—
48	—	—	—	—	—	—	—	48	—	—	—
380	—	—	—	—	—	—	—	380	—	} 6322	1
70	70	2	2	10	—	—	—	72	72		
59	59	18	60	1129	—	—	—	77	119		
207	—	—	—	—	—	—	—	207	—		
144	—	—	—	—	—	—	—	144	—	2334	50
267	4536	10	250	756	45	3	185	274	4601	7204	50

Количество реактивовъ препаратовъ и посуды, а равно и цѣнность ихъ, по заявленію завѣдующаго кабинетомъ, не приведены еще въ извѣстность.

Число учреждений

Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений

16 **Агрономическій кабинетъ съ лабораторіею.**

Точныхъ измѣрительныхъ приборовъ

Платиновой и серебряной посуды

Различныхъ инструментовъ, фарфоровой и прочей посуды

Книгъ и другихъ изданій

Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

17 **Музей изящныхъ искусствъ.**

Изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ

Гипсовыхъ слѣпковъ: статуй, бюстовъ, барельефовъ,
обелисковъ и утвари

Коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости

Иконъ, картинъ и фотографій

Хромолитографій, литографій и гравюровъ (листовъ)

Амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами

Древнегреческихъ живописныхъ вазъ

Оригинальныхъ скульптуръ

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1875 года		Новоъ приобрътено въ 1875 года			Въ теченіе 1875 года убыло		За сѣмъ къ 1 января 1876 года состоитъ			
Нуме- ровъ	Въ сенн.	Нуме- ровъ	Въ сенн.	На сумму	Нуме- ровъ	Въ сенн.	Нуме- ровъ	Въ сенн.	На сумму	
		РУБ. К.							РУБ. К.	
52	145									
15	24									
439	1160	3	4	2987	—	—	586	1430	10002	7
26	26									
51	71									
150	—	20	—	60783	—	—	170	—	3959	48
110	110	—	—	—	—	—	100	100	2386	43
1	125	—	—	—	—	—	1	125	160	—
422	422	11	11	—	—	—	433	434	439	99
87	—	3	—	98	—	—	90	—	+	+
169	169	—	—	—	—	—	169	169	—	—
10	—	—	—	—	—	—	10	—	659	85
77	77	—	—	—	—	—	77	77	—	—

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
	18

Въ нихъ со- стояло къ 1 января 1875 года.		Вновь приобрътено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1876 года.			
Нуме- ровъ	Эк- земп.	Нуме- ровъ.	Эк- земп.	На сумму.		Нуме- ровъ	Эк- земп.	Нуме- ровъ.	Эк- земп.	На сумму.	
				РУБЛИ.	К.					РУБЛИ.	К.
2000	2000	—	—	—	—	—	—	2000	2000	112	50
183	—	1	—	8	—	—	—	184	—	+	+
29	—	8	—	120	—	—	—	31	—	663	—
2577	2577	60	60	60	—	—	—	2637	2637	} 1556	50
1125	1125	—	—	—	—	—	—	125	125		

Въ заключеніе долгомъ считаемъ занести на страницы отчета прїѣздъ въ Одессу, въ концѣ 1875 года, г. министра народнаго просвѣщенія. Обозрѣвая университетъ, его сїятельство для возможно подробнаго и болѣе близкаго ознакомленія съ ходомъ преподаванія и ученой дѣятельностію университета, кромѣ посѣщенія профессорскихъ лекцій, приглашалъ еще къ себѣ и всѣхъ преподавателей для бесѣдъ на дому.

ОТЗЫВЪ

профессора Вальда о докторской диссертации магистра ботаники
А. Н. Волкова.

Сочиненіе г. Волкова «къ вопросу объ ассимиляціи» состоитъ изъ введенія, четырехъ отдѣловъ и заключенія. Предметъ этого сочиненія составляетъ — вліяніе различно окрашенныхъ лучей на разложеніе угольной кислоты растеніями. Авторъ исторически и критически разбираетъ этотъ вопросъ. Во введеніи мы находимъ историческій обзоръ трудовъ и мнѣній по этому вопросу, начиная съ трудовъ Сенебье и заканчивая современными намъ трудами Pfeffer'a Lommel'я Prillieux и др. Въ 1-мъ отдѣлѣ авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что рядъ изслѣдователей, поставивши задачей своего труда опредѣленіе вліянія на ассимиляцію различныхъ составныхъ частей бѣлаго свѣта и рѣшившихъ этотъ вопросъ опытами, при которыхъ свѣтъ пропускался чрезъ различно окрашенные срединны, совершенно упустили изъ виду вопросъ о томъ, какъ измѣнилась напряженность окрашенныхъ лучей послѣ ихъ прохожденія чрезъ прозрачную средину, а потому, естественно, и опыты эти не могутъ служить для разрѣшенія этого вопроса. Изслѣдователи, каковы: Сенебье, Добенэ, Моггер, Дреперъ, Клёцъ, Граціале, Саксъ, Пфефферъ, Кальете, Prillieux, Вараницкій не сознавали даже необходимости опредѣлять напряженность свѣтовыхъ лучей, съ которыми они экспериментировали, только Тимирязевъ и Гунтъ

сознавали эту необходимость, но первый из них сознание свое не реализировалъ, а второй употребилъ для этого методъ, который не достигаетъ цѣли.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что для того, чтобы изслѣдованія помощью пропусканія свѣта черезъ прозрачныя срединны могли бы служить для опредѣленія вліянія различныхъ составныхъ частей бѣлаго свѣта на ассимиляцію, необходимо предварительно разложить прошедшій черезъ растворъ свѣтъ и затѣмъ сравнить полученный спектръ со спектромъ свѣта, не прошедшаго черезъ растворъ. Этому ни одинъ изъ экспериментаторовъ не выполнилъ.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ доказываетъ, что и работы, при которыхъ употреблялся свѣтъ, разложенный призмой, каковы: Дреппера, Пфедфера, Миллера и др., страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, а потому тоже не имѣютъ значенія рѣшающаго по отношенію къ поставленному вопросу, такъ какъ въ нихъ упущено изъ виду неравномѣрное разсѣваніе различныхъ цвѣтныхъ лучей спектра.

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на то, что если бы даже изслѣдованія надъ цвѣтными лучами сопровождались опредѣленіями ихъ интензивности, т. е. если бы было опредѣлено, въ какомъ отношеніи находится свѣтъ, съ которымъ экспериментировать къ свѣту обыкновенному,—то и въ этомъ даже случаѣ для того, чтобы работа разрѣшила вопросъ о вліяніи той или другой части бѣлаго свѣта на ассимиляцію, необходимо было бы предварительно разрѣшить вопросъ объ отношеніи, которое существуетъ между ассимиляціей и напряженностью свѣта. Вопросъ же этотъ едва затронуть въ наукѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ, авторъ весьма основательно указываетъ на то, что изслѣдователи вопроса о вліяніи цвѣтныхъ лучей на ассимиляцію рассматривали растенія, съ которыми экспериментировали не какъ живой организмъ, въ которомъ одновременно съ ассимиляціей происходятъ различные жизненные процессы, а какъ слой хлорофіла. Это составляетъ не-

маловажный недостатокъ упомянутыхъ работъ и можетъ быть источникомъ большихъ заблужденій.

Въ заключеніи авторъ резюмируетъ критическій разборъ трудовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненіе А. Н. Волкова не есть экспериментальная работа, которая бы обогащала науку новыми фактами, но это трудъ историческій и критическій, трудъ, обогащающій науку внесеніемъ въ нее новыхъ взглядовъ, основанныхъ на серьезномъ изученіи вопроса. Разсужденіе г. Волкова впервые указываетъ намъ, что рядъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ такихъ именитыхъ мужей, какъ напр. Савель, шли по неправильному пути и указываетъ намъ путь, по которому намъ слѣдуетъ идти. Недостатокъ экспериментовъ въ этой работѣ не можетъ считаться недостаткомъ сочиненія, по той простой причинѣ, что, какъ это несомнѣнно доказалъ авторъ по вопросу, составляющему предметъ сочиненія, въ настоящее время изслѣдованія экспериментальныя невозможны. Пока нѣтъ изслѣдованій, которыя бы уяснили вопросъ, на сколько теряется напряженіе лучей при прохожденіи ихъ чрезъ прозрачныя среды, и вопросъ объ отношеніи между ассимиляціей и напряженіемъ свѣта, экспериментировать подѣ влияніемъ цвѣтныхъ лучей на ассимиляцію, — значитъ увеличивать въ наукѣ число ошибочныхъ по самому существу наблюденій.

Имѣя въ виду все вышеизложенное и обширное литературное знакомство автора съ предметомъ, автора, который рядомъ другихъ работъ заявилъ себя въ ботанической физиологіи какъ отличный экспериментаторъ, я считаю сочиненіе «къ вопросу объ ассимиляціи» важнымъ приобрѣтеніемъ для науки и автора ея А. Н. Волкова вполне достойнымъ степени доктора ботаники.

II. Часть ученая.

ОТЧЕТЪ

Доцента Императорскаго Новороссійскаго Университета М. Малинина
за первую половину заграничной командировки 1874—75 г.

Согласно представленному мною и утвержденному юридическимъ факультетомъ плану моихъ занятій за границей, я, въ теченіе первой половины командировки, долженъ былъ ознакомиться съ состояніемъ науки гражданского судопроизводства и судоустройства въ Германіи. Здѣсь я счелъ нужнымъ обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на то, въ какомъ направленіи развивается современная процессуальная теорія, какой прилагается методъ изслѣдованія, наконецъ какіе существуютъ приемы преподаванія въ видахъ наиболѣе успѣшнаго изученія студентами науки гражданского судопроизводства. Распредѣленіе профессорскихъ лекцій въ данный (лѣтній 1874 г.) семестръ въ мюнхенскомъ университетѣ побудило меня отправиться въ Мюнхенъ, по пріѣздѣ въ который я записался на лекціи проф. Бользіано (гражд. процессъ), Бринца (формулярный процессъ), Гольцендорфа (государственное право), Прантля и Губера (философія права) и получилъ также разрѣшеніе посѣщать университетскую бібліотеку.

Чтобы съ большею точностью и вѣрностью оріентироваться и стать на прочную почву въ преслѣдованіи предстоявшей мнѣ задачи, нужно было воспроизвести въ памяти главные моменты и направленія въ развитіи вообще науки правовѣднія въ Германіи за послѣднее время, съ сороковыхъ годовъ. Сороковые года въ

Германіи были тѣмъ временемъ, когда строго-философская и строго-историческая школы обнаружили признаки паденія и когда, съ другой стороны, стали являться признаки новыхъ движеній въ наукѣ правовѣдѣнія. Сперва чаще и чаще стало высказываться чувство недовольства тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась эта наука, въ виду успѣховъ наукъ естественныхъ и науки сравнительнаго языковѣдѣнія; затѣмъ, въ юридическихъ изслѣдованіяхъ начали появляться нѣкоторыя новыя стороны, новыя точки отправления. Кунце *) группируетъ эти новыя движенія по отношенію къ матеріалу науки и методу и по отношенію къ содержанію. Главнымъ матеріаломъ стали служить явленія дѣйствительной жизни, юридическая практика и сравнительное изученіе законодательства. Въ разработкѣ этого матеріала замѣтно пробужденіе новаго свободного духа критики, замѣтно стремленіе къ самостоятельному анализу установившихся правовыхъ институтовъ. При этомъ, Кунце отмѣчаетъ нѣсколько отгѣнковъ въ новомъ направленіи: то анализъ простирался до такихъ тонкостей, какія прежде не были извѣстны, и изслѣдованія являлись крайне отвлеченными, то требовалась крайняя простота въ изслѣдованіи, невыходящая за предѣлы основныхъ частей юридическаго явленія, и обобщенія не шли далѣе простой абстракціи изучаемаго явленія, то, наконецъ, появился преобладающимъ приемъ аналогіи между явленіями міра физическаго и міра правоваго, и изслѣдованія простирались настолько, насколько это возможно было путемъ аналогіи.

Что касается содержанія науки правовѣдѣнія, то исходной точкой была признана самая жизнь, *Naturgeschichte*, которые непосредственно вытекаютъ изъ сущности вещей, природы человѣка и отношеній оборота; воля человѣка здѣсь не есть оригинальная, но слѣдуетъ чему-то другому, принимая въ себѣ это другое; она отправляетъ обязанности матери, оплодотворяемой творческой силой началъ природы (Действъ). Такимъ образомъ, хотя въ очень об-

*) Der Wendepunkt der Rechtswissenschaft.

щих выраженіяхъ, указывались основные элементы правовой жизни — фактическія отношенія людей между собою и къ окружающей природѣ, и другой элементъ — воля человѣка, вообще участіе интеллектуальной природы человѣка. Въ частности и здѣсь не мало отгѣнковъ въ направленіи. Такъ, нѣкоторые юристы между правовыми явленіями различаютъ явленія механическія и органическія, иные всё правовыя явленія признаютъ органическими и т. д. Въ этомъ случаѣ различіе въ направленіи обуславливается различіемъ въ пониманіи отношенія, въ какомъ находятся между собою вышесказанные элементы правовыхъ явленій, элементъ интеллектуальной природы и элементъ физической природы, и въ пониманіи роли cadaго изъ этихъ элементовъ. Въ современной наукѣ правовѣдѣнія въ Германіи нужно отмѣтить два наиболѣе выдающихся, наиболѣе типичныхъ направленія, которыя сложились въ силу этого различія въ пониманіи.

Профессоръ Кунце, разсматривая правовыя явленія, пришелъ къ тому выводу, что въ области этихъ явленій для науки многое остается тайной, точно такъ, какъ и въ области физической природы; какъ въ той, такъ и въ другой области есть предѣлы, за которые требованія точныхъ знаній не могутъ переступать, за которыми нельзя установить какихъ либо принциповъ; въ области права этимъ предѣломъ является элементъ интеллектуальнаго участія человѣка; эти «интеллектуальныя величины» составляютъ безконечность, неподлежащую разуму. И такъ, изслѣдованію юриста подлежитъ одна фактическая сторона правовыхъ явленій, интеллектуальный же элементъ — на столько, на сколько онъ воплотился въ этихъ явленіяхъ и въ томъ видѣ въ какомъ онъ воплотился. Но, ограничивая этими предѣлами сферу науки правовѣдѣнія, Кунце, тѣмъ не менѣе, пытается объяснить связь, въ сферѣ права, интеллектуальныхъ величинъ съ ихъ формой и роль ихъ; въ объясненіе онъ приводитъ аналогію между обнаруженіемъ и дѣйствіемъ интеллектуальныхъ величинъ въ правѣ и проявленіемъ и дѣйствіемъ человѣческаго духа въ словѣ. Духъ человѣческій,

говорить онъ, выражаетъ представленія, самъ собою, по *инстинктивной необходимости*, въ словѣ и такимъ образомъ является связаннымъ съ словомъ. Говоря затѣмъ, о правовыхъ явленіяхъ, Кунце участіе интеллектуальныхъ величинъ въ этихъ явленіяхъ называетъ также *инстинктивными*. Вдумываясь въ эти положенія Кунце, невольно переходишь мыслью къ современной нѣмецкой философіи безсознательнаго, хотя у него нѣтъ тѣхъ подробныхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые мы находимъ въ этой философіи. Насколько и какъ вышеуказанное направленіе проводится въ Германіи можно видѣть изъ мнѣнія, которое высказалъ гейдельбергскій проф. Родеръ въ своемъ предисловіи къ изданной въ нынѣшнемъ (1874) году книгѣ Краузе: *Das System der Rechtsphilosophie, Leipzig, 1874*. Мнѣніе это сводится къ тому, что «характеристической чертой современнаго правоваго порядка и правовѣдѣнія служитъ безпринципность, отсутствіе высшихъ стремленій въ сферѣ права и безотчетное, доходящее до фатализма, слѣдованіе за фактами!»

Чтобы мой краткій очеркъ не былъ одностороннимъ, я долженъ сказать о другомъ направленіи въ современной наукѣ правовѣдѣнія. Въ этомъ именно направленіи учить Краузе; вышеупомянутая его книга, хотя заключаетъ въ себѣ лекціи, давно читанныя Краузе, но имѣетъ современный интересъ, потому что лекціи эти теперь только въ первый разъ появились въ печати, и потому что между современными учеными юристами есть не мало учениковъ и послѣдователей Краузе (напр. Родеръ, Аренсъ (*) и др.). Авторъ точно также считаетъ лежащимъ внѣ науки правовѣдѣнія анализъ самаго процесса дѣятельности интеллектуальныхъ величинъ въ правѣ, но существенно отличается тѣмъ, что вводитъ въ задачу науки изученіе *содержанія дѣйствій* этихъ величинъ, и именно въ томъ смыслѣ, что наука права и прежде всего философія права должна излагать ученіе о томъ *идеаль*,

(*) Умеръ въ 1874 году.

къ которому люди должны стремиться въ правовой сферѣ. Понятно, какъ основныя положенія, такъ и дальнѣйшіе выводы Краузе представляютъ собою противоположность съ вышеизложеннымъ первымъ направлениемъ. Къ рѣшенію поставленной такимъ образомъ задачи Краузе приходитъ двойнымъ путемъ — сначала аналитическимъ (стр. 127—146), потомъ синтетическимъ (147—189); получивъ въ результатъ одинъ общій принципъ права, онъ въ первой части излагаетъ ученіе объ этомъ принципѣ, какъ о высшемъ идеалѣ правоваго порядка, затѣмъ во второй части излагаетъ ученіе о правѣ даннаго народа (479—544). Эту послѣднюю часть можно назвать прикладной.

Къ двумъ вышеизложеннымъ направлениямъ можно свести всѣ изслѣдованія по отдѣльнымъ отраслямъ правовѣдѣнія и въ частности по гражданскому судопроизводству, появившіяся въ новѣйшее время. Процессуалисты, всѣ строго держась аналитическаго метода, не всѣ даютъ надлежащее развитіе ученію о принципахъ процессуальнаго права, не всѣ даютъ мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ философіи процессуальнаго права. Труды Ветцеля, Эндемана и Рено представляютъ собою изслѣдованія, въ которыхъ строго аналитическій методъ примѣняется къ ученію о принципахъ процессуальнаго права.

Теперь я перехожу къ моимъ занятіямъ въ мюнхенскомъ университетѣ. Здѣсь въ библіотекѣ я пользовался тѣми источниками, которыми не могъ пользоваться въ библіотекѣ новороссійскаго университета.

Что касается лекцій мюнхенскихъ профессоровъ, то изъ вышеупомянутыхъ я останавлиюсь только на лекціяхъ, которыя непосредственно относятся къ моей спеціальности (*), на лекціяхъ

(*) Чтенія проф. Бринца по формулярному процессу носили болѣе характеръ комментарія источниковъ; профессоръ просто, въ порядкѣ статей, комментировалъ источники и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ критически разбиралъ мнѣнія Келлера и Беккера и др напр по вопросу объ *intentio*.

Въ лекціяхъ Прангя и Губера по философіи права нельзя было не затѣнуть послѣдователей двухъ вышеизложенныхъ господствующихъ направле-

профессора Больжано. Въ данный семестръ онъ читалъ *Theorie der Rechtsmittel* и *Theorie des summarischen Processes*. Первой выдавающеюся особенностью его преподаванія является полнота; ни одинъ изъ контroversовъ въ излагаемомъ ученіи не былъ опущенъ, по каждому была приводима литература, каждое отдѣльное мнѣніе было подвергаемо самой подробной критикѣ, въ заключеніе которой профессоръ обыкновенно излагалъ свое мнѣніе; такимъ образомъ, въ его курсъ входятъ такія подробности, которыя встрѣчаются только въ монографіяхъ по данному вопросу, и между тѣмъ профессоръ вовсе не опасается затруднить тѣмъ студентовъ. Другая особенность преподаванія состоитъ въ томъ, что, держась аналитическаго метода, профессоръ до мельчайшихъ подробностей разбираетъ отдѣльные факты и явленія, входящія въ процессъ и почти совсѣмъ не дѣлаетъ обобщеній, такъ что общіе принципы науки остаются для слушателей покрытыми массой отдѣльныхъ частныхъ сторонъ ученія. (Въ этомъ случаѣ лекціи проф. Plank'a составляютъ совершенную противоположность; хотя Планкъ читаетъ гражданскій процессъ только въ зимній семестръ, но о характерѣ и общемъ направленіи его чтеній я могъ составить понятіе изъ личныхъ бесѣдъ). Въ изложеніи процессуальнаго ученія, Больжано слѣдуетъ системѣ Байера, и книга послѣдняго, *Vorträge über den gemeinen ordentlichen Civilprocess*, указана какъ руководство для студентовъ. Я считаю излишнимъ излагать содержаніе чтеній проф. Больжано, такъ какъ вопросы, разсматриваемые имъ, и его собственныя мнѣнія давно извѣстны въ печати (*Vergleichende Darstellung der gemeinen und bayer. Processes*; также *Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete des gemeinen deutschen Civilprocesses*) и потому я перехожу къ тѣмъ приемамъ, какіе практикуются профессоромъ въ видахъ на-

ній; Губеръ замѣтно приближается къ Краузе, Прантъ держится противуположнаго направленія.

Проф. Гольцендорфъ, излагая ученіе вообще о государственномъ правѣ и политикѣ, очень мало, въ самыхъ общихъ чертахъ, говоритъ о судоустройствѣ.

наиболѣе успѣшнаго изученія студентами науки процесса. Прежде всего нужно замѣтить, что Вольжіано считаетъ необходимымъ для студентовъ, въ изученіи науки процесса, прямое непосредственное руководство профессора, и въ этомъ случаѣ признаетъ за ними свободу только въ смыслѣ пользованія или непользованія этимъ руководствомъ. Какъ хозяинъ въ преподаваемой имъ наукѣ, Вольжіано, конечно, хорошо знаетъ, какіе вопросы могутъ представлять для студентовъ наиболѣе затрудненій, и вотъ назначаетъ особые часы (два въ недѣлю), въ которые подвергаетъ специальному разсмотрѣнію эти вопросы; предварительно, за недѣлю, указывая тотъ или другой вопросъ, профессоръ напоминалъ литературу, на которую ссылался или которую разбиралъ въ своихъ лекціяхъ; затѣмъ, по истеченіи недѣли, кому-либо изъ слушателей предлагалъ изложить ученіе по указанному вопросу; здѣсь чаще всего завязывалась общая бесѣда, въ которой со стороны студентовъ слышались вопросы, замѣчанія, иногда очень меткія, дѣлались выводы, иногда очень остроумные, случалось, бесѣда вмѣсто одного часа брала два и болѣе, и ни въ профессорѣ, ни въ слушателяхъ не замѣчалось утомленія. Но далеко не про всѣхъ слушателей можно сказать это и не за весь семестръ; вначалѣ посѣтителей бывало человекъ 40 — 50, но съ теченіемъ времени число ихъ все уменьшалось и уменьшалось, такъ что постоянныхъ собесѣдниковъ у профессора было не болѣе 7 — 10 человекъ. На ряду съ вышеуказанными бесѣдами, проф. Вольжіано назначалъ особые часы для спеціальнаго ознакомленія съ судебнымъ писмоводствомъ и вообще канцелярской стороной гражданскаго судопроизводства; но послѣдняго рода занятія не представляютъ интереса съ научной точки зрѣнія.

По окончаніи лѣтняго семестра я оставилъ Мюнхенъ и отправился въ Швейцарію, гдѣ намѣревался отдохнуть до наступленія зимняго семестра. Въ Швейцаріи мнѣ пришлось ознакомиться на мѣстѣ съ современными стремленіями швейцарцевъ въ области права; стремленія эти направляются къ объединенію законодатель-

ства, которое было бы общимъ для всѣхъ кантоновъ. Желанная цѣль достигается съ сохраненіемъ полной свободы дѣйствій законодательной власти отдѣльныхъ кантоновъ; объединеніе совершается такимъ образомъ, что два, три и вообще нѣсколько кантоновъ, по своему усмотрѣнію, заключаютъ между собою конкордаты, по которому извѣстныя постановленія признаются какъ законъ, обязательный для договаривавшихся кантоновъ, таковы напр. законы объ опекахъ, наследствѣ, конкурсахъ и др. Но дѣло объединенія на этомъ не останавливается. Съ 1869 года при министерствѣ юстиціи учреждены двѣ коммисіи — одна занимается проектомъ закона для всей Швейцаріи объ *Obligationen und Verkehrsrecht*, другая — о *Betreibung- und Konkursrecht*; основой перваго проекта служить трудъ проф. Münzinger'a, основой втораго — *avant projet* проф. Heusler'a; наконецъ, говоря о движеніи въ сферѣ федеральнаго законодательства, нельзя не упомянуть о пересмотрѣ закона, касающагося организаціи федеральнаго суда. Реформа была вызвана крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ этого учрежденія. Профессоръ Vogt въ статьѣ *Eidgenössischer Bund* (помѣщенной въ *Rechts-Kalender 1874, von Schlatter*) говоритъ, что, по федеральному учрежденію 1848 г., швейцарскій федеральный судъ представляетъ собою жалкую пародію сравнительно съ сѣвероамериканскимъ; онъ, съ одной стороны, не представляетъ собою высшей инстанціи во всѣхъ дѣлахъ подвѣдомыхъ ему, съ другой стороны, некомпетентенъ разбирать всѣ тѣ спорныя дѣла, которыя по природѣ своей имѣютъ характеръ дѣлъ федеральныхъ. Большая часть изъ этихъ дѣлъ отнесена къ вѣдомству федеральнаго совѣта и федеральнаго собранія, такъ что федеральный судъ въ теченіи напр. 1872 г. разсмотрѣлъ и рѣшилъ всего только 15 дѣлъ. Неудовлетворительность организаціи суда и соображенія о реформѣ его составляютъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Мюнцингера: *Studie über Bundesrecht und Bundesgerichtsbarkeit (Bern)*. Трудъ этотъ послужилъ основаніемъ новаго закона о федеральномъ судѣ. Но

ни печатныхъ отчетовъ о преніяхъ, бывшихъ въ союзномъ собраніи при разсмотрѣніи проекта, ни окончательной редакціи закона, къ сожалѣнію, я не могъ достать въ бытность свою въ Бернѣ. Изъ двухъ другихъ вышеупомянутыхъ трудовъ я останавлиюсь только на трудѣ, непосредственно относящемся къ моей специальности, на *avant projet* проф. Гейслера. (*Loi fédérale sur les poursuites et les faillites. Avant projet. Berne, 1874. Jent et Reipert*) Означенный проектъ состоитъ изъ двухъ частей; содержаниемъ первой части служить *loi sur la poursuite pour dettes* (art. 1—76). I глава заключаетъ общія положенія; II — постановленія о взысканіи долговъ: а) необезпеченныхъ залогомъ (17 — 31), б) — обезпеченныхъ залогомъ (32 — 60) и с) постановленія о производствѣ, въ случаѣ возраженій должника (61 — 69); III глава заключаетъ постановленія о производствѣ при взысканіи по векселямъ (70 — 76). Вторая часть проекта содержитъ *Loi sur la faillite* и подраздѣляется на постановленія: I, объ открытіи несостоятельности (77 — 86); II, — о послѣдствіяхъ объявленія несостоятельности (87 — 98); III, — объ опредѣленіи актива конкурсной массы и публикаціи несостоятельности (99—117); IV, — объ администраціи и ликвидаціи конкурсной массы (118 — 123); V, — объ опредѣленіи и коллокаціи долговыхъ претензій (124 — 125); VI, — объ отиѣнѣ постановленій о несостоятельности и о соглашеніи заинтересованныхъ (146—160); VII, — наконецъ объ исключительномъ производствѣ при крайней недостаточности актива (161 — 165).

Приведенныя рубрики обнимаютъ все содержаніе проектируемаго закона. Излагать содержаніе проекта подробно, глава за главой, — значило бы повторять вещи, давно извѣстныя и въ теоріи и въ современныхъ законодательствахъ. Но проектъ представляетъ нѣкоторыя особенности, и на нихъ-то я останавлиюсь. Къ особенностямъ проекта относятся: I) его постановленія объ *office*, специальномъ органѣ, производящемъ взысканіе долговъ; II) о дѣятельности судебной власти при взысканіи долговъ; III)

уничтоженіе различія между торговой несостоятельностью и неторговой; и наконецъ IV) постановленіе о несостоятельности, какъ единственномъ средствѣ, которымъ кредиторъ можетъ пользоваться при взысканіи судебнымъ порядкомъ. Последняго рода постановленія сами собою влекутъ отиѣну системы saisie при взысканіяхъ судебнымъ порядкомъ.

Г) Кредиторъ, имѣющій претензіи на должника, все равно будутъ-ли эти претензіи прямо денежныя или будутъ имѣть цѣлью взысканіе денежнаго вознагражденія за неисполненіе какого либо обязательства — кредиторъ предъявляетъ эти претензіи особому органу—office, chargé de l'exécution des poursuites. Обязанность этого спеціальнаго office состоитъ въ томъ, чтобы передать должнику копію заявленія кредитора; затѣмъ, если въ установленный срокъ (4 недѣли и въ особенныхъ случаяхъ съ разрѣшенія суда недѣля) должникъ добровольно не представитъ ни удовлетворенія, ни обезпеченія, не представитъ также и возраженій, то office извѣщаетъ о томъ кредитора. По извѣщеніи кредиторъ можетъ просить office о вторичномъ заявленіи должнику, что если не послѣдуетъ уплаты въ теченіе новыхъ четырехъ недѣль, то онъ, кредиторъ, будетъ просить судъ о признаніи должника несостоятельнымъ. При неудовлетвореніи во вторичный срокъ, office доводитъ о томъ до свѣдѣнія кредитора, и тогда послѣдній получаетъ право обратиться въ компетентный судъ съ просьбой о признаніи должника несостоятельнымъ. Такова роль спеціальнаго office, если со стороны должника не послѣдуетъ ни платежа, ни возраженій. Если-же послѣдуютъ возраженія, то они должны быть представлены спеціальному office; ему должникъ заявляетъ, въ какой мѣрѣ и по какимъ основаніямъ онъ оспариваетъ претензію кредитора; но это заявленіе не ограничиваетъ права должника защищаться кромѣ заявленныхъ средствъ и другими, какія у него окажутся. Копію возраженій должника office сообщаетъ кредитору. Съ этого момента дѣятельность office прекращается. Получивъ копію возраженій, кредиторъ долженъ обратиться въ судъ съ просьбой о

признаніи возраженій ничтожными, долженъ просить *main levée d'opposition*, излагая при этомъ основанія своихъ требованій. Прежде чѣмъ постановить рѣшеніе, судъ—II) выслушиваетъ обѣ стороны. По проекту *l'opposition doit être maintenue*, если, 1) должникъ доказываетъ, что на его сторонѣ есть *exception liquide*, или что онъ 2) имѣетъ претензію также *liquide*, которая можетъ служить компенсаціей претензіи кредитора, или, наконецъ, 3) если должникъ возражаетъ противъ самаго документа, на которомъ основывается кредиторъ; во всѣхъ прочихъ случаяхъ судъ признаетъ *main levée d'opposition* (art. 65). Рѣшеніе суда можетъ быть обжаловано. Въ томъ случаѣ, когда возраженіе не можетъ быть допущено за истеченіемъ срока или когда признано будетъ *main levée d'opposition*, по проекту, должникъ имѣетъ право *de répéter pour voie de procédure ordinaire, comme paiement indû, ce qu'il a payé au créancier* (art. 69). Что касается взысканій по векселямъ, то кредиторъ долженъ прямо въ судъ представить документы и просьбу о взысканіи сокращеннымъ порядкомъ, разница котораго состоитъ въ срокахъ; въ сокращенномъ производствѣ должнику назначается трехдневный срокъ; возраженія точно также должны быть представлены прямо въ судъ; и если оспаривается подлинность документа, представленнаго кредиторомъ, то взысканіе приостанавливается; если же должникъ возражаетъ по другимъ основаніямъ, то возраженію дается дальнѣйшее движеніе не иначе, какъ по представленіи должникомъ въ судъ отыскиваемой суммы. При допущеніи возраженій, кредитору предоставляется право предъявить противъ должника искъ (art. 75). Далѣе, проектъ, какъ я сказалъ,—III) не дѣлаетъ различія между торговой несостоятельностью и не торговой, и—IV) объявленіе несостоятельности признаетъ единственнымъ средствомъ взысканія судебнымъ порядкомъ и отмѣняетъ систему *saïsie*. Излагая мотивы проекта, профессоръ Гейслеръ особенно возстаетъ противъ женеваго закона, гдѣ принята французская система и гдѣ допускается объявленіе несостоятельности только по дѣламъ торговымъ, а по

дѣламъ неторговымъ примѣняется *saïsie*. Начала, принятія этими законодательствами (начало различія торговой и неторговой несостоятельности) не имѣютъ, говоритъ Гейслеръ, разумнаго основанія, потому что превышеніе долговъ надъ цѣнностью имущества должника, на чемъ основывается необходимость несостоятельности комерсанта, — не составляетъ какой либо особенности; подобное превышеніе можетъ быть и не у комерсанта. Французскіе юристы объявленіе несостоятельности оправдываютъ равенствомъ правъ, которое оно устанавливаетъ между всѣми хирографными кредиторами, равенствомъ, которое не можетъ быть уничтожено тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что какой нибудь кредиторъ прежде начнетъ взысканіе. Но нельзя понять, почему же одни только кредиторы по торговлѣ пользуются этимъ преимуществомъ (pag. 56). Правда, говоритъ далѣе Гейслеръ, французскіе писатели настаиваютъ на несостоятельности только торговой на томъ неоспоримомъ фактѣ, что кредитъ и очень широкій кредитъ неизбѣженъ въ торговлѣ, и потому нужно обезпечить его наиболѣе строгими мѣрами, быстро и вѣрно ведущими къ удовлетворенію; между тѣмъ въ неторговыхъ дѣлахъ кредитъ не необходимъ и въ обыденной жизни часто при взысканіяхъ вступаютъ въ соглашенія, чѣмъ иногда устраняютъ разореніе должника. Отсюда заключаютъ, что въ интересахъ кредита нужно, при взысканіи съ комерсанта, оставить въ сторонѣ взысканія не по торговымъ дѣламъ. Кредиторъ, въ послѣднемъ случаѣ, самъ виноватъ, если опоздалъ со взысканіемъ (pag. 56). Но единственно, что можно заключить изъ приведеннаго факта это то, что въ случаѣ несостоятельности комерсанта и некомерсанта претензіи, основанныя на торговыхъ сдѣлкахъ, должны имѣть преимущество предъ претензіями не торговыми (57).

Наконецъ. V) послѣдней выдающейся чертой проекта служить начало, отрицающее систему *saïsie* и признающее объявленіе несостоятельности единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго кредиторъ можетъ судебнымъ порядкомъ получить удовлетвореніе

(c'est le seul mode d'exécution efficace et complet; pag. 58). Авторъ проекта начинаетъ изложеніе мотивовъ этого постановленія оговоркой, что нельзя найти принципа взысканія, который бы могъ быть принятъ и былъ бы самый надежный во все времена и у всехъ народовъ. На дѣлѣ, принятіе той или другой системы должно зависѣть отъ практическихъ соображеній, основывающихся на организаціи власти, производящей взысканія, на природѣ фактическихъ отношеній и вообще на тѣхъ фактахъ, которые могутъ склонить въ пользу той или другой системы. Одна чисто-теоретическая организація не можетъ дать вполне удовлетворительныхъ результатовъ (pag. 61). Затѣмъ, онъ дѣлаетъ историческій очеркъ законодательствъ и практики швейцарскихъ кантоновъ по этому вопросу, начиная съ 17 вѣка, и приходитъ къ тому выводу что, по этимъ источникамъ, цѣль взысканія достигается болѣе успѣшно посредствомъ объявленія несостоятельности, чѣмъ посредствомъ saisie (pag. 71). При этомъ авторъ подробно излагаетъ тѣ затрудненія и невыгоды, какія въ швейцарскихъ кантонахъ соединяются съ системой saisie. Изложенный проектъ закона вызвалъ многочисленныя возраженія; судебныя учрежденія почти каждаго кантона представили объемистые мемуары противъ проекта, отвергая его основныя положенія и особенности; назначена особая коммиссія, на которую возложена обязанность разсмотрѣть проектъ и все представленныя возраженія и приготовить окончательную его редакцію къ первому январю 1875 года.

ПАРИЖЪ.

1874 г. 27-го декабря.

ОТЧЕТЪ

Профессора В. И. Григоревича.

о поѣздѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюня по 8 октября 1875 г.

Совѣту университета извѣстно, что наряду съ прямою своею обязанностію, я предположилъ себѣ, на сколько возможно, ознакомиться съ южно-русскою землею и отвѣчать такимъ образомъ общепробужденной потребности знаній географическихъ и этнографическихъ. По поводу двухъ археологическихъ съѣздовъ въ С.-Петербургъ и Кіевъ, я имѣлъ честь въ трехъ запискахъ, содержанія географическаго, докладывать о томъ, что частные поиски необходимы и что они въ связи съ задачами науки славянской.

Поощренный благосклоннымъ отзывомъ факультета ¹⁾, я намѣренъ былъ и по оставленіи настоящей службы продолжать труды въ этомъ направленіи.

Поэтому, съ истеченіемъ 35 лѣтъ службы, я просилъ дозволенія отправиться въ С.-Петербургъ такъ, чтобы проѣздомъ останавливаться въ Кременчугъ, Рѣшетилковъ, Полтавѣ и Харьковѣ и тамъ пріобрѣтать, если будетъ возможность, нужныя для предположенной цѣли свѣдѣнія.

Получивъ отпускъ, я употребилъ на свою поѣзду около 2 съ $\frac{1}{2}$ мѣсяца и прервалъ занятія свои съ полученіемъ поощрительнаго увѣдомленія объ избраніи меня на слѣдующее пятилѣтіе. Совѣту благоугодно было просроченное время до вступленія на службу вмѣнить мнѣ въ командировку.

¹⁾ См. протоколы совѣта университета, засѣданіе 7-го мая 1874 года, статья 8.

Съ глубокою признательностію за благосклонное вниманіе совѣта къ трудамъ моимъ, долгомъ считаю представить въ общемъ отчетѣ о ходѣ ихъ, и въ отдѣльной запискѣ—о болѣе замѣчательныхъ предметахъ этихъ трудовъ

Первымъ мѣстомъ моихъ поисковъ былъ городъ Кременчугъ (съ 25—27 іюля). Виѣщая въ себѣ около 20 лѣтъ главное управленіе новороссійской провинціи, этотъ городъ, вмѣстѣ съ Крыловымъ (Новогеоргіевскъ), былъ исходною точкою колонизаціи южнаго края русскими старообрядцами. Этихъ поводовъ было мнѣ достаточно, чтобы для предполагаемой цѣли остановиться въ немъ на нѣсколько времени. Немедля, послѣ пріѣзда, обозрѣлъ я старыя храмы, затѣмъ былъ въ городской думѣ и, наконецъ, у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ Кременчугѣ, вромѣ новыхъ, есть двѣ единовѣрческія церкви (Рождества и Покрова) а также часовня старообрядцевъ австрійскаго толка. Пользуясь добрымъ привѣтомъ священнослужителей, я не затруднялся въ своихъ поискахъ. Церкви въ настоящее время весьма оскудѣли по поводу вывоза старыхъ книгъ въ Полтаву, но сохраняютъ еще нѣсколько старопечатныхъ книгъ и иконъ древняго письма. Это уже слабыя доказательства того, что во время князя Потемкина старовѣры были главными двигателями какъ промышленности города, такъ и своего, нѣкогда болѣе оживленнаго, старообрядства. Сколько знаю, изъ Кременчуга получилъ свои сокровища корсунскій монастырь на Днѣпрѣ, гдѣ, какъ извѣстно, и теперь удержались рукописи и старопечатныя книги.— Въ часовнѣ, въ которую ввущенъ я былъ привѣтливыми старообрядцами, нашелъ также старопечатныя книги.

Любопытство увлекало меня узнать въ думѣ, до какого времени достигаютъ документы городского архива. Конечно, значительная часть ихъ могла быть перевезена въ Новомиргородъ, затѣмъ въ Екатеринославъ; но возможно, что остатки могли еще храниться въ Кременчугѣ. Дѣйствительно, есть преданіе, что эти остатки долго лежали въ архивѣ и уже въ недавнее время, при переустройствѣ его, оказались лишними и преданы истребленію. Изъ описи, благосклонно мнѣ сообщенной господиномъ секретаря-

решъ думы, Максимовичемъ, удостовѣрился я, что самые давніе документы помѣчены годомъ 1785-мъ. Они касаются только городскихъ земель. Такимъ образомъ надежда моя—найти въ архивѣ матеріалы для колонизаціи южной Россіи—оказалась тщетною. Меня вознаградило въ городѣ посѣщеніе дома покойныхъ купцовъ Масляниковыхъ. Послѣ нихъ въ домѣ продавалась, кромѣ прочихъ вещей, довольно значительная бібліотека. Покойные Масляниковы принадлежали къ старожиламъ края, еще со временъ Новой Сербіи и, какъ замѣтно, происходили отъ старообрядцевъ. Среди множества разныхъ весьма полезныхъ книгъ, нашелъ я значительное количество старыхъ, печатныхъ и рукописныхъ. Мнѣ, приобрѣвшему нѣкоторыя изъ нихъ, можно было по нимъ заключать о пылкости старообрядцевъ нынѣ такъ рѣдкой. Среди богослужебныхъ я нашелъ много историческихъ прошлаго вѣка книгъ.

Удовлетворивъ своему любопытству, я поспѣшилъ въ село Рѣшетилровку (27—29 іюля), гдѣ до недавняго времени находился архивъ В. С. Попова, знаменитаго правителя канцеляріи князя Г. А. Потемкина — Таврическаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда, этотъ архивъ перевезенъ въ таврическую губернію въ имѣніе Поповыхъ (с. Васильево?). Мнѣ, сталобыть, нечего было оставаться долго въ этомъ селѣ. Я не преминулъ однакожъ обозрѣть церкви села (ихъ 5-ть), гдѣ находилъ кромѣ печатныхъ книгъ и рукописи. Это послѣднее обстоятельство доказывало, что вольные казаки села, до превращенія ихъ въ крѣпостныхъ господина Попова, поддерживали грамотность и дѣлали вклады книгами.

Изъ Рѣшетилровки отправился въ Полтаву (29 іюля по 2 августа), гдѣ давно желалъ посѣтить крестовоздвиженскій монастырь. Этотъ монастырь имѣетъ значеніе въ исторіи южнаго края, бывъ резиденціею перваго архіепископа славянскаго и херсонскаго, Евгенія Булгариса. Въ его книгохранилищѣ находилась лучшая рукопись путешествія извѣстнаго Василія Григоровича Барскаго.

Познакомившись съ весьма начитаннымъ о. архимандритомъ Подіевкомъ (изъ дворянъ Петровскихъ нижегородской губерніи), узналъ я, что за упраздненіемъ всякой старины во время его пред-

пештенинговъ монастырь ничего искомаго не имѣеть. Мнѣ, слѣдовательно, оставалось знакомиться въ Полтавѣ съ тѣмъ, что доступно каждому,— съ памятниками города и его окрестностями.

Наконецъ, въ Харьковѣ только (со 2 по 6 августа), могу сказать, впервые могъ я найти предметы, отвѣчающіе моему намѣренію. Въ университетѣ именно харьковскомъ я успѣлъ, несмотря на вакаціонное время, получить доступъ въ бібліотеку и университетскій архивъ, гдѣ нашелъ нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ. Видѣть музей мнѣ было невозможно по причинѣ отсутствія завѣдывающаго имъ.

Въ бібліотекѣ университета находятся русскія и греческія рукописи, изъ которыхъ Хронографъ XVII (1659 года?) въка смѣшеннаго состава замѣчателенъ по богатству славянскихъ извѣстій, греческая же рукопись Іосифа Бриеннія XVII ст. заключаетъ въ себѣ слова этого обличителя византійскихъ пороковъ и суевѣрій въ началѣ XV столѣтія. Эту послѣднюю рукопись можно бы сличить съ единственнымъ изданіемъ сочиненія Іосифа Бриеннія, напечатаннаго Евгеніемъ Булгарисомъ въ Лейпцигѣ 1784 года.

Архивъ университета долженъ особенно привлечь пытливое вниманіе будущаго историка просвѣщенія южно-русскаго края. Извѣстно, что харьковскій университетъ завѣдывалъ училищами губерніи херсонской до 1830 и екатеринославской до 1833 г.

Испросивъ опись дѣлъ правленія Императорскаго харьковскаго университета съ 1805 по 1820, я отмѣтилъ слѣдующія дѣла:

1) Дѣло (№ 12) о доставленіи свѣдѣній объ училищахъ херсонской губерніи. Въ 1806 году существовали въ херсонской губерніи только три училища: въ Херсонѣ, Елисаветградѣ и Дубассарахъ.

2) Дѣло (№ 629) о смерти профес. Григорія Терлаича въ 1811 году. Изъ него можно извлечь нѣсколько свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго серба. Къ дѣлу приложены собственноручныя письма Терлаича.

3) Дѣла о визитаціяхъ училищъ южной Россіи въ 1812, 1813 и 1819. Изъ этихъ визитацій, визитація профессора

Джунковскаго 1819 весьма замѣчательна по подробностямъ обученія въ Харьковѣ и Екатеринославѣ. Не сомнѣваюсь, что для исторіи одесскаго учебнаго округа дѣла эти доставятъ драгоценныя свѣдѣнія.

Ограничившись этимъ бѣглымъ обзоромъ архива университета въ Харьковѣ и убѣдившись, что заслуги университета въ упроченіи русскаго просвѣщенія на югѣ должны быть признаны исторіею, 6-го августа оставилъ Харьковъ.

Въ С.-Петербургѣ прибылъ я 8-го августа и тамъ, представившись въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, подавъ докладную записку слѣдующаго содержанія: — что, желая ознакомиться съ документами, касающимися событій на южно-русской землѣ отъ возникновенія Новой Сербіи и Славяно-Сербіи и обнимающими годы 1752—1769, 1774—по 1799 годъ, прошу исходатайствовать мнѣ дозволеніе посѣщать архивы министерства иностранныхъ дѣлъ и Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Внявъ благосклонно моему докладу, департаментъ отнесся въ упомянутыя вѣдомства и я не прежде 25 августа получилъ доступъ въ ихъ архивы.

Предварительно доложу, что при поискахъ своихъ всеиѣрно устранялъ всякіе документы высшей администраціи, дипломатическіе и вообще политическіе. Неуклонно преслѣдуя задачу, которую могъ бы обозначить такъ: *земля и люди въ южной Россіи*, — я всегда предупреждалъ, что вовсе не желаю видѣть какіе либо документы запретныя. Такое предвареніе было мнѣ необходимо особенно въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣтилъ колебаніе довѣрія.

За отсутствіемъ господина директора государственнаго архива, тайнаго совѣтника К. К. Злобина, который только въ концѣ сентября возвратился изъ отпуска, я могъ сперва знакомиться съ дѣлами архива, такъ сказать, случайно.

Дѣла эти, послѣ возможнаго обзрѣнія, оказались въ дѣйствительности довольно важными въ сферѣ высшей администраціи, мнѣ же представили весьма мало искомаго.

Дѣла, мнѣ показанныя, были :

1) Дѣло (XVI, 767) — бумаги канцеляріи князя Гр. А. Потемкина — Таврическаго о губерніяхъ новороссійской, азовской, астраханской, днѣпровской линіи и о войскѣ донскомъ. Дѣла эти приблизительно обнимаютъ время отъ 1774 по 1780 годъ.

Это — официальные распоряженія, рапорты и переписка съ весьма извѣстнымъ содержаніемъ. Я могъ только отмѣтить документъ о селахъ маріупольскаго округа весьма небогатый данными.

2) Дѣло № 800, заключающее въ себѣ, между прочимъ, распоряженія князя Г. А. Потемкина и переписку его съ Чертковымъ, Зыковымъ и Суворовымъ по выводу христіанъ изъ Крыма въ азовскую губернію.

Найдя болѣе подробную переписку объ этомъ выводѣ и рапорты А. В. Суворова въ военно-ученномъ архивѣ Главнаго Штаба, я не нашелъ въ этомъ дѣлѣ важныхъ данныхъ.

3) Дѣло № 790 съ разными проектами, черновыми замѣтками по управленію екатеринославскаго намѣстничества. Къ дѣлу приложены собственноручные рескрипты Императрицы Екатерины II, черновыя замѣтки князя Гр. А. Потемкина.

Дѣло это обнимаетъ время отъ 1786 по 1791 годъ.

Какъ ни важны для исторіи эти документы, впрочемъ, сколько припомню, уже извѣстные въ печати, они для меня ничего искомаго не представили.

Одна лишь записка подъ заглавіемъ: «Краткая идѣя объ укрѣпленіи севастопольскаго пристанища (Навге)», писанная въ 1786 году заключаетъ въ себѣ подробности, которыми можетъ воспользоваться топографія Херсонеса Таврическаго. Таже самая записка находится и въ рѣшетилловскомъ архивѣ В. С. Попова.

Дѣло № 232. О награжденіи за усердіе къ Россіи волошскихъ и молдавскихъ бояръ.

Документы, здѣсь заключающіеся, были уже въ рукахъ Н. И. Григоровича, который ими воспользовался въ своей біографіи кн. А. А. Безбородко. Они и взяты изъ канцеляріи послѣдняго вмѣстѣ съ бумагами, касающимися ясскаго трактата. Эти и еще

нѣкоторыя другія дѣла убѣдили меня въ томъ, что въ архивѣ м. и. д. теперь нѣтъ подробныхъ документовъ, выясняющихъ судьбу южно-русской земли. Всѣ бумаги неполитическаго значенія уже давно сданы въ государственный архивъ въ Москвѣ и, кажется, въ военное министерство.

Подъ конецъ моихъ поисковъ его превосходительство К. К. Злобинъ благоволилъ ознакомить меня съ превосходною описью государственнаго архива, составленною имъ самимъ. Хотя это ознакомленіе было подъ его руководствомъ и я не могъ внѣзнуть въ подробности, но и этого было мнѣ достаточно, чтобы заключить, что для задачи, мною предположенной, мало находится данныхъ въ государственномъ архивѣ м. и. д. Имѣя я раньше въ рукахъ эту опись, я не утруждалъ бы напрасными просьбами достойныхъ хранителей его, себѣ же сберечь бы время.

Посѣщеніе государственнаго архива было тогда, когда я, пользуясь благосклонностію военныхъ начальствъ, болѣе и болѣе вникалъ въ сокровища военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Отъ 27 августа по 5 октября, всякій разъ какъ позволяли мнѣ другія занятія, я, посѣщая его, не преминулъ утруждать просьбами своими достойнаго хранителя его сокровищъ И. И. Ореуса показать мнѣ атласы и ту или другую рукопись.

Преобразованный въ 1867 году изъ военно-топографическаго депо въ военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, архивъ этотъ, заключающій въ себѣ огромное количество атласовъ, картъ, топографическихъ записокъ и, наконецъ, дѣлъ, касающихся походовъ — есть единственное сокровище Россіи, изъ котораго самыя разнообразныя свѣдѣнія по географіи будутъ непрестанно добываемы. Ознакомившись съ нѣкоторыми атласами южной Россіи, сдѣлавъ выписки изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, я считаю долгомъ въ особой запискѣ подъ заглавіемъ: «Записка о пособіяхъ, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба для изученія южно-русской земли» сообщить тѣ свѣдѣнія, которыя приобрѣлъ въ этомъ достопамятномъ архивѣ.

Могу теперь вообще выразить сожалѣніе, что мнѣ не былъ знакомъ прежде этотъ архивъ. Пользуясь временемъ, успѣлъ бы

ориентироваться и, не торопясь, оти́чьать важныя данныя для познанія южнаго края.

Не преувеличивая скажу, что южная Россія будетъ только тому хорошо извѣстна, кому дарована будетъ возможность терпѣливо прослѣдить весь богатый матеріалъ этого архива отъ атласовъ до чертежей, отъ общихъ обзорѣній края до топографическихъ описей и маршрутовъ. Недаромъ войнамъ турецкимъ прошлаго столѣтія придано значеніе культурныхъ походовъ. Стоитъ только изучать документы военно-ученаго архива, чтобы при изученіи этомъ пришла сама собою мысль о томъ, что съ подвигами русскихъ воиновъ возрасталъ неисчерпаемый запасъ для рѣшенія вопросовъ науки.

Среди попытокъ добыть свѣдѣнія о южной Россіи, я немало времени посвящалъ дѣлу своему, частному. Давно пытаюсь издать часть своихъ древнихъ памятниковъ, по мѣрѣ своей личной возможности, я, послѣ неудачъ, весьма мнѣ памятныхъ, уже прежде просилъ картографическое отдѣленіе военнаго министерства о возможномъ мнѣ содѣйствіи.

Принимая на себя всѣ издержки, я именно просилъ о фотолитографическомъ снятіи части древней рукописи.

Предварительно, снявъ фотографически одинъ листокъ, я представилъ въ духовную цензуру прошеніе о дозволеніи продолжать снимки его посредствомъ фотолитографіи. Цензура дала разрѣшеніе дѣлать предварительныя оттиски, но не выпускать ихъ въ свѣтъ до будущаго разрѣшенія. Всѣ эти затрудненія долженъ лично преодолѣвать и—надѣюсь—преодолѣю.

Дополняя этимъ донесеніемъ свой отчетъ и покорнѣйше докладывая, что подобныя занятія желаю поставить условіемъ жизни при неминусимой необходимости оставить службу, я долгомъ считаю принести благодарность факультету и совѣту за дарованіе мнѣ возможности устоять въ начинаніяхъ своихъ по исполненію тѣхъ задачъ, которыя предположилъ себѣ.

1876 года 26 мая.

ЗАПИСКА

о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

Усиленное вниманіе къ изученію русской земли заставило ученыхъ обратить пытливость свою на сокровища, хранимыя въ архивахъ. Нѣтъ нужды доказывать, какія свѣдѣнія добыты уже изъ архивовъ для выясненія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній отечества нашего.

И для южной Россіи давно уже возникла потребность подобныхъ поисковъ. Послѣ извѣстныхъ попытокъ заслуженныхъ ученыхъ, совѣтъ университета ознаменовалъ свое участіе въ этомъ земскомъ дѣлѣ, войдя съ ходатайствомъ предъ высшимъ начальствомъ объ учрежденіи архива южно-русской земли.

До осуществленія сего ходатайства, имѣющаго въ виду собраніе и сосредоточеніе могущихъ встрѣтиться документовъ, касающихся южно-русской земли, небезполезнымъ было-бы освѣдомиться о тѣхъ пособіяхъ, которыя уже собраны и находятся внѣ южной Россіи.

Достаточное ознакомленіе съ ними, безъ сомнѣнія, положить прочное основаніе предпріятію, котораго необходимость, хотя-бы ему препятствовалъ недостатокъ средствъ, будетъ громче и громче заявлять себя.

Искренно сознавая это, и преслѣдуя неизмѣнно свою цѣль—собрать возможно достаточныя пособія для географіи и этнографіи края, осмѣливаюсь въ настоящей запискѣ довести до свѣдѣнія ученыхъ о посильной своей попыткѣ.

Именно, послѣ неудачныхъ своихъ поѣздокъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ южной Россіи, о чемъ докладывалъ на двухъ археологическихъ сѣздахъ, въ С.-Петербургѣ и Киевѣ, я рѣшился просить какъ у начальства университета, такъ и въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія о дозволеніи сдѣлать поиски въ с.-петербургскихъ архивахъ.

Удостоившись разрѣшенія, я преимущественно нашелъ драгоценныя пособія въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба и считаю долгомъ особою запискою засвидѣтельствовать объ этомъ.

Предварительно доложу, что въ поискахъ своихъ неуклонно имѣлъ въ виду — собраніе географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Устраняя вообще какъ политическіе, такъ и исключительно военные документы, я однакоже не преминулъ выискать изъ нихъ въ такіе, которые отвѣчали предположенной задачѣ.

Получивъ доступъ въ военно-ученый архивъ 27-го августа и употребивъ нѣсколько дней для ознакомленія съ каталогами, я до 4-го октября преимущественно посѣщалъ его, открывая каждый разъ новыя для себя пособія.

Возникши въ 1796 году по волѣ Государя Императора Павла Петровича, архивъ этотъ именовался сперва Его Величества депо картъ, затѣмъ, съ 1812 года, военно-топографическимъ депо и, наконецъ, послѣ важныхъ преобразованій въ 1867 году, получилъ названіе военно-ученаго архива Главнаго Штаба и сталъ доступенъ съ разрѣшенія начальства постороннимъ ученымъ ¹⁾.

Обиліе матеріаловъ, въ немъ хранящихся, такъ значительно, что уже въ 1835 году каталогъ картъ состоялъ изъ 16-ти томовъ для общаго обзорѣнія и 40 том. для частнаго обзорѣнія.

Кромѣ картъ въ ученомъ архивѣ хранятся еще документы, которые, вмѣстѣ съ картами, раздѣлены въ общемъ обзорѣніи на матеріалы 1) историческіе и статистическіе 2) историческіе ма-

¹⁾ См. Записки военно-топографическаго депо Ч. I. 1837 года. Здѣсь напечатаны: Исторія военно-топографическаго депо и геодезическихъ работъ генеральнаго штаба стр. 1—69. и опись частнаго каталога архива военно-топографическаго депо стр. 71—101.

теріали по топографіи, 3) картографическіе матеріали вообще, 4) картографическіе матеріали и принадлежащіа къ нимъ описанія, имѣющія спеціальное значеніе ¹⁾).

Обиліе этихъ матеріаловъ возникло отъ того, что въ военно-ученый архивъ поступали въ разныя времена рукописи военно-топографическаго содержанія а также и документы изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ канцеляріи князя А. Безбородко, графа П. А. Румянцова, изъ библіотекъ П. Н. Сухтелина, Ф. П. де-Волана и проч.

Преимущественно въ архивѣ обращаютъ на себя вниманіе обиліе и разнообразіе матеріаловъ XVIII столѣтія; но онъ заключаетъ также документы XVII столѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны въ Запискахъ военно-топографическаго депо ²⁾, а съ 1871 года предпринято постепенное обнародованіе ихъ въ изданіи, озаглавленномъ: Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба ³⁾.

Сверхъ сего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ труды по военной исторіи отечества нашего, а также значительная часть трудовъ, носящихъ названіе: Матеріалы для географіи и статистики, издаваемы были при пособіи военно-ученаго архива Главнаго Штаба.

При такомъ богатствѣ разныхъ матеріаловъ вообще каса-

¹⁾ Это общее обозрѣніе литографировано и благосклонно сообщено было мнѣ г. хранителемъ архива И. И. Ореусомъ. Оно носитъ заглавіе: Содержаніе каталоговъ военно-ученаго архива. Матеріалы о Россіи. Каждая часть, заглавіе которой выше сообщилъ, раздѣлена на отдѣлы; этимъ отдѣламъ соответствуютъ картонныя съ карточками, на которыхъ обозначено содержаніе документовъ. Кто ознакомится съ этими картонками, тому легко прискивать нужныя свѣдѣнія. Просвѣщенное участіе хранителя архива, полковника И. И. Ореуса—поможетъ навѣднью. Участіе это—по снисходительности, по терпѣливому вниманію—едва ли найдетъ себѣ подобное въ другихъ вѣдомствахъ.

²⁾ Такъ, въ XVII части записокъ военно-топографическаго депо напечатаны на основаніи документовъ военно-ученаго архива: Свѣдѣнія, относящіеся до турецкой войны въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны 1739 года.

³⁾ См. Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Томъ 1-ый, изданъ подъ редакцію члена археографической комиссіи А. Ѳ. Бычкова. На страницахъ I—IV его:—Краткая вѣдомость о началѣ и составѣ военно-ученаго архива Главнаго Штаба.

ющихся мѣстъ и событій можно заключить, что матеріалы для познанія южной Россіи должны занимать первостепенное мѣсто. Дѣйствительно, довольно вспомнить о походахъ Миниха, Леонтьева и Ласси, о походахъ Румянцова, князя В. Долгорукова, князя Прозоровскаго, Суворова, князей Репнина и Потемкина и о поприщѣ этихъ походовъ, чтобы убѣдиться, что въ военно-ученомъ архивѣ сосредоточены важнѣйшія пособія къ изученію южной Россіи. Архивъ этотъ станетъ еще болѣе драгоценнымъ если вспомнимъ, что и первые картографическіе работы для южной Россіи составляютъ нынѣ незамѣнимый богатый его вкладъ.

Послѣ перваго обзорѣнія каталоговъ вообще и затѣмъ картоновъ въ частности, хронологически распредѣленныхъ, убѣдился, что подробное изученіе ихъ для предположенной цѣли потребовало-бы многихъ мѣсяцевъ. Преодоливъ первое впечатлѣніе, которое произвело на меня обзорѣніе каталоговъ, я на первый разъ слѣловалъ плану, который предложилъ себѣ до обзорѣнія и затѣмъ пытался заняться подробностями.

Вообще я выходилъ изъ общаго предположенія, что знакомство съ матеріалами временъ Румянцова, Суворова и Потемкина дастъ мнѣ искомыя свѣдѣнія.

Первое свое вниманіе обратилъ я на атласы и карты.

Атласы, которые обзорѣлъ, были:

1) Атласъ екатеринославскаго намѣстничества 1784 года, за подписью генералъ-поручика Тутолмина.¹⁾

Атласъ этотъ заключаетъ уѣзды херсонскій, ольвіопольскій, александровскій, полтавскій, новомосковскій, екатеринославскій, алексопольскій, времечугскій, константиноградскій, славянскій, павлоградскій, бахмутскій, донецкій, маріупольскій.

2) Атласъ екатеринославскаго намѣстничества, раздѣленный на двѣ части, составленъ въ Екатеринославѣ 1793 года. Подписалъ Понамаревъ. Атласъ этотъ состоитъ изъ одной генеральной карты, 21 городоваго и 27 уѣздныхъ плановъ.

¹⁾ Въ 1782 г. южный край былъ раздѣленъ на двѣ губерніи: новороссійскую съ 12-ю уѣздами и азовскую съ 9-ю уѣздами.

Къ этому атласу принадлежитъ:

Описаніе къ атласу екатеринославскаго намѣстничества. Это описаніе состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Въ 1-мъ описаны уѣзды: а) херсонскій, александровскій, елисаветградскій, новомиргородскій (два экземпляра), б) новomosковскій, алексопольскій, градисскій, полтавскій, константиноградскій.

Во второмъ отдѣленіи описаны уѣзды: екатеринославскій, славянскій, бахмутскій, донецкій, павлоградскій, маріупольскій.

Описаніе уѣздовъ очаковской земли означено № 1, 2, 3, 4 и изложено кратко (собственно вѣдомость о раздачѣ земель) въ особомъ отдѣленіи въ двухъ экземплярахъ.

3) Атласъ вознесенскаго намѣстничества, открытаго по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію въ 10 день мая 1795 г., составленъ изъ трехъ округовъ, отшедшихъ отъ екатеринославскаго намѣстничества, приобрѣтенной отъ Порты оттоманской области и части, оставшейся отъ брацлавской губернии и раздѣленный на 12 уѣздовъ,—

въ которомъ генеральныхъ картъ одна, уѣздныхъ 60-ть и городовыхъ 14 плановъ; дѣланъ въ екатеринославской межевой экспедиціи 1795 года.

Уѣзды эти суть: 1) вознесенскій, 2) херсонскій, 3) елисаветградскій, 4) новомиргородскій, 5) богопольскій, 6) тираспольскій, 7) еленскій, 8) ольгопольскій, 9) уманскій, 10) екаринопольскій, 11) чигиринскій, 12) червасскій.

4) Описаніе къ атласу ¹⁾ екатеринославскаго намѣстничества, состоящаго изъ 14-ти уѣздовъ, оставшихся за открытіемъ вознесенскаго намѣстничества двѣнадцати и двухъ уѣздовъ отъ кіевскаго намѣстничества, сочинено по открытіи вознесенскаго намѣстничества въ Екатеринославѣ 1795 года.

Уѣзды эти суть: екатеринославскій, александрійскій, новomosковскій, алексопольскій, градисскій, хорольскій, миргородскій, полтавскій, константиноградскій, славянскій, бахмутскій, донецкій, павлоградскій, маріупольскій.

¹⁾ Атласа я не видѣлъ.

5) Атласъ новороссійской губерніи, составленный изъ двѣнадцати уѣздовъ и раздѣленный на двѣ части, 1799 г.

Часть первая: уѣзды новороссійскій, новомосковскій, елисаветградскій, ольвіопольскій, тираспольскій, херсонскій.

Часть вторая: перекопскій, акмечетскій, маріупольскій, павлоградскій, бахмутскій, ростовскій, земля войска черноморскаго.

На картахъ помѣта: губернаторъ Иванъ Селецкий. Карты подписывалъ губернский землефрѣ, коллежскій ассесоръ Павелъ Чуйко.

Къ атласу этому принадлежитъ описаніе въ двухъ томахъ въ листъ. Описаніе это — самое подробное.

6) Атласъ изображающій область Эдисана иначе называемую очаковскою землею, 1791. Де-Волана.

б) Къ нему планъ очаковской степи съ показаніемъ всѣхъ подробностей, 1 листъ, 1790. Подписалъ Дренякинъ.

7) Атласъ новопріобрѣтенной области отъ Порты оттоманской къ екатеринославскому намѣстничеству, состоящей изъ четырехъ уѣздовъ. Подписали землефрѣ: Иванъ Горбаненковъ, Яковъ Гулевичъ, Василій Медовниковъ.

8) Карта географическая, изображающая область Озу или Эдисана, иначе называемую очаковскою землею и присоединенную нынѣ къ россійскому государству въ силу заключеннаго въ Яссахъ 5 декабря 1791 мирнаго договора. Подписалъ инженеръ-маіоръ де-Волантъ (sic).

Знакомясь, по возможности, съ этими атласами, изображающими южную Россію въ постепенномъ ея преобразованіи въ екатеринославское намѣстничество, въ вознесенскую губернію и, наконецъ, въ новороссійскую, я пришелъ къ заключенію, что подробное ихъ изученіе, конечно при пособіи документовъ, дало бы драгоцѣнныя свѣдѣнія для исторической географіи. Утверждаю также, что изданіе одного изъ атласовъ 1793, 1795 или 1799 положительно необходимо.

Описанія, приложенныя къ нимъ—замѣняютъ Писцовыя книги другихъ областей Россіи. Заключая въ себѣ номенклатуру мѣстностей и замѣчанія о качествѣ почвы ихъ, описанія эти были-бы лучшимъ

пособіемъ для личныхъ наблюденій путешественниковъ и, слѣдственно, для сравнительныхъ соображеній и толковыхъ отвѣтовъ на возникшіе нынѣ вопросы по географіи и этнографіи.

Преимущественно меня занималъ атласъ очаковской земли. Предполагаю, что онъ до сихъ поръ недостаточно былъ извѣстенъ ученымъ, знакомившимъ насъ съ этимъ краемъ (срв. Одесскій Вѣстникъ 1835 № 43 и 1836 № 15. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древности. Томъ I. Стр. 257—275).

Составленный по наблюденіямъ даровитаго инженера де-Волана (de Volant) и снабженный описаніемъ на французскомъ языкѣ, онъ заключаетъ подробности, о которыхъ, сколько знаю, едвали кто упоминалъ. Я смѣло могу поставить этотъ трудъ объ Эдисанѣ на ряду съ трудомъ Воплана объ Украинѣ. Общую карту изъ этого атласа при семъ сообщаю. Для объясненія ея представлю перечень описанія атласа, писанаго на французскомъ языкѣ. Это собственно общая записка, которой заглавіе слѣдующее: ¹⁾

¹⁾ Съ запискою де-Волана можно сравнить сочиненіе Мейера: Повѣствовательное, землемѣрное и естественное описаніе очаковской земли. С.-Пб. 1794. Это сочиненіе, какъ оказывается, основано на работахъ де-Волана и тѣмъ не менѣе въ топографической части сбивчиво.

Имя Ф. П. де-Волана (F. de - Volant) должно быть дорого каждому русскому. Въ эпоху захвата очаковской земли разными выходцами—онъ благонамѣренно относился къ русскому поселенію. Между тѣмъ какъ эти выходцы, кланявшіеся вліятельнымъ чиновникамъ, заранѣе обнаружили замыслъ обрѣчь русскихъ въ бродягъ, де-Воланъ одинъ сказалъ доброе слово о поселеніи русскомъ *).

Его дѣятельность была всегда полезна Россіи. Голландецъ по происхожденію, Фр. Павл. де-Воланъ вступилъ въ русскую службу въ 1787 году **). Сперва участвовалъ въ шведской войнѣ, но уже въ 1788 году перешелъ съ чиномъ инженеръ-маіора въ армию, дѣйствовавшую противъ турокъ. Былъ при осадѣ Бендеръ, затѣмъ въ сраженіи при Мачинѣ, а по заключеніи міра былъ въ свитѣ М. И. Кутузова, отправленнаго посломъ въ Константинополь. Затѣмъ получилъ порученіе строить крѣпости на Азовскомъ и Черномъ моряхъ и на Днѣстрѣ. Одесса и Севастополь знаютъ его какъ строителя своихъ портовъ. Въ 1797 году де-Воланъ, въ чинѣ генераль-маіора, назначенъ членомъ

* Онъ даже въ одномъ мѣстѣ своей записки прямо говоритъ, что жители очаковской области сознавали тягость господства безобразныхъ выходцевъ, готовившихъ имъ заирѣшеніе, казавъ достигшимъ и—высказали.

**) Едва-ли не праславъ его знаменитый Книгсбергеръ, который былъ приглашенъ въ 1787 году Имп. Екатеринею II, но почему-то не пріѣхалъ.

«Донесеніе, касающееся географическаго и топографическаго положенія области Озу или Едисана, обще названной очаковскою степью, служащее къ объясненію картъ и плановъ, снятыхъ по Высочайшему повелѣнію».

(Rapport, relativement à la situation géographique et topographique de la Province Ozou ou Yedissan, communément appelée le Step d'Oczakov, pour servir à l'explication des cartes et plans levés par Ordre supreme).

Сказавъ вообще о томъ, что область Едисана или Озу обще (хотя несвойственно) названнаа степью очаковскою, вызвала въ правительствѣ мысль о примѣненіи ея къ пользамъ государства, сочинитель записки опредѣляетъ сперва ея географическое положеніе.

Затѣмъ слѣдуетъ гидрографія края. Описаніе теченія нижняго Днѣстра. Остановивъ вниманіе на Слободзеѣ, какъ на мѣстѣ пребыванія кошеваго черноморскихъ казаковъ (Residence du Koschevoï des cosaques de la mer noir), онъ описываетъ днѣстровскій лиманъ, названный турками Турла, молдаванами Лякуль Овидулуй (lacul ovidului ¹⁾). Описано бѣлое озеро (beloe ozero), озеро леское, которое есть остатокъ стараго днѣстровскаго ложа и озеро (лиманъ) Кучурганъ, котораго ширина 1¹/₂ версты, длина 15 или 16 версть.

департамента водяныхъ коммуникацій. Водяная система тихвинская, маринская, очистка днѣпровскихъ пороговъ, каналъ Огинскаго, судоходство между Волгою и С.-Петербургомъ, каналы Онежскій и Свирскій—суть свидѣтели его полезныхъ распоряженій. Съ 1809 года де-Волянъ состоялъ при принцѣ Георгіѣ Гольштейнѣ Ольденбургскомъ, главномъ директорѣ путей сообщенія. Какъ отличившій генералъ-инженеръ, онъ былъ назначенъ принцемъ Георгіемъ генералъ-инспекторомъ корпуса путей сообщенія.

По кончинѣ принца Георгія Гольштейнъ — Ольденбургскаго де-Волянъ былъ сперва правящимъ должностъ, а съ 1814 года и директоромъ корпуса путей сообщенія.

Въ 1818 году де-Волянъ скончался, въ званіи члена комитета министровъ, оставивъ память опытнаго и дѣятельнаго инженера. (См. Соколова, Пятидесятилѣтіе института корпуса инженеровъ путей сообщенія—С.-Петербургъ, 1859 года, стр. 90—120. Военно-энциклоп. лексиконъ 1840 г. ч. IV. стр. 636.

¹⁾ Кстати скажу, что ovidului происходитъ не отъ Овидія, но отъ *ovidul*, змій, что доказывается народнымъ преданіемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе рѣки Кучургана или Желты воды, рѣки Комаровы, вода которой за 16 верстѣ отъ устья еще подняла мельницу, рѣчекъ Черны и Тамазлыка, которыя суть собственно потоки (*les torrents*), наконецъ рѣки Юрлыка. На югѣ описаны рѣка Барабой (*Peraban*) и озеро Дальникъ. Аджибейскій заливъ у Турковъ считался важнымъ для сношеній съ Очаковымъ. Здѣсь стояли замокъ и маякъ.

Поступая къ востоку, сочинитель описываетъ большой и малый Куяльникъ, рѣку Свиную, р. Волчьи горлы или Кошачью балку, озера малый и большой Аджалыкъ, Сычавку или Беке, Делигіоль, рѣку и озеро, рѣчки Шизовку и Мелану, озеро Тула или Конобчичъ близъ устья р. Березани въ море, р. Березань и ея лиманы, Сасикъ и потокъ Янчокракъ. Затѣмъ слѣдуютъ берегъ между Делигіолемъ и Березанью и очаковскій лиманъ. Со стороны Буга описаны часть его у впаденія въ Днѣпръ, затѣмъ часть отъ Николаева до пороговъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе р. Коренихи, Солонихи и Чечакли и Сухой Черталы, мечетской Черталы и великой Черталы, потока Свирена и Кодымы.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этой запискѣ топографія очаковской земли. Она обилуетъ показаніями, которыхъ не встрѣчаемъ въ современныхъ сочиненіяхъ объ этой землѣ. Описаніе это слѣдуетъ по направленію балокъ и теченію рѣкъ. Ошибки въ названіяхъ мѣстъ легко исправить, за то свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, достовѣрны, ибо они записаны очевидцемъ ¹⁾. Очаковская земля раздѣлена на двѣ части, нижнюю и верхнюю, граница которыхъ—черта отъ Парканъ чрезъ Кучурганъ до села Соколы (Вознесенскъ).

Нижняя часть, по свидѣтельству де-Волана, была предназна-

¹⁾ У Мейера въ соч. Повѣст., зем. и ест. описаніе очаковской земли слѣдующія бѣги поименованы: Сухій юрлыкъ, Тамашлыкъ, Шипка, Ташлыкъ, Пира, Фраса, Комарова, Шибка, Извора, Бурсукъ, Черница, Черная, Долга, Свиная, Волчьи горлы или Кошачья, Аджилыкъ, Стилькова, Сака, Журавка, Глиняная, Курчуганъ, Царегіоль, Лощина Рошъ при деревнѣ Пугацени, Кален, Думбросли, Курлей.

чена для поселенія черноморскихъ казаковъ, верхняя для поселенія молдованъ, армянъ и бессарабовъ (sic).

Начиная съ юга слѣдующія мѣстности были извѣстны въ 1791 году:

На берегу днѣстровскаго лимана: Бухаза (н. Бугаза), у гретковъ Ахилея. Здѣсь обширныя развалины. Поселились здѣсь два семейства казаковъ. Бузинавода (н. Бузиновата) обитаема рыбаками изъ болгаръ и молдованъ. Тутъ же поселились пять семействъ запорожскихъ, которыхъ старшины инвалиды ¹⁾.

Коса Одарика. Адждеръ съ развалинами на три версты. Николаевка или Калаглія съ 32-мя семействами молдаванъ и 4-мя семействами казаковъ.

Коса великая — мысъ, на которомъ поселились пять или шесть семействъ казаковъ. Здѣсь шестиугольное укрѣпленіе.

Въ 10 верстахъ отъ Косы великой находятся развалины укрѣпленія турецкаго или татарскаго по преданію называемаго Татархананъ. — Маякъ.

Головково, на оконечности озера называемаго бѣлое озеро. Жители: 36 сем. молдованъ и 5-ть сем. казаковъ. Яскія на вершинѣ поватости (au pic d'une pente douce). Жители: 105 семействъ, изъ которыхъ 40 молдованскихъ, прочія казацкія. Церковь. Низменность занята небольшими озерами, доказывающими, что здѣсь было старое ложе Днѣстра.

Незавертай (Незавертайловка) съ 23 семьями молдованъ и 34 казаковъ.

Корытно (Корейтна, Коротное) съ 23 сем. молдованъ, прочіе казаки. Глиняная съ 18 сем. молдованъ, прочіе казаки. Чубурча (Tchoubourtcha). Жители 200 семействъ, изъ которыхъ 30 сем. молдованъ, прочіе казаки. Прежде здѣсь жили старовѣры (les anciens russes, raskolniki). Они отсюда выселились и образовали село Спею. Слободзея. Здѣсь кошевой казаковъ, бригадиръ

¹⁾ По старымъ описаньямъ между Бузиноватою и Адждеромъ показаны урочища Кременчугъ и Старое городище. }

Чепьга имѣтъ свое пребываніе и свою канцелярію. Жители: 130 семействъ, всѣ казаки ¹⁾).

Карагачъ съ 60 семействъ, изъ которыхъ 15 молдаванъ, прочіе казаки. Сукляя, село принадлежащее казачьему подполковнику (lieutenant) Черновскому. Терновка съ 120 семействами. Парканы, противъ Бендеръ, основаны казаками взаимнъ прежнихъ; бывшихъ неподалеку отъ нынѣшнихъ. До осады Бендеръ здѣсь были огороды и сады. Нынѣ 20 сем. Между Терновкою и новыми Парканами положеніе мѣста удобное для защиты.

До сихъ мѣстъ простираются поселенія казаковъ. Въ четырехъ верстахъ выше Парканъ впадаетъ балка (le ravin) Тамарова (Тамарова, Комарова) и рѣчка того же имени. Балка Долгая и село Тоя у Днѣстра. Жит. 6 сем. молдаване. Церковь. Тукмезя (Токмазя), жит. 50 сем. молдаване. Церковь. Спая, жит. 67 сем., преимущественно русскіе (les vieux croyants) старовѣры. Вутуръ жит. 85 сем. молдаванъ. Церковь.

Балка Ташлыкъ и село татарское въ развалинахъ. Делякау (Делакіей) жит. 6 сем. Здѣсь предположено основать новый городъ для армянъ.

Валки Черная и Черница. Здѣсь былъ предѣлъ степному пространству, принадлежащему Крыму и Портѣ. (Ce le limite entre le Step, appartenant à la Crimée et le Step, appartenant à la Porte).

Балка Тамашлыкъ (Тамазлыкъ) и село Дороцкое. Жит. 110 сем. изъ которыхъ 40 сем. болгаръ, прочіе молдаване. Церковь. Перерыта, жителей 170 сем., изъ которыхъ 97 болгарскихъ; церковь. Кошница, жит. 171 сем. изъ которыхъ 57 сем. болгарскихъ. Церковь. Погребн, жит. 32 сем. Церковь.

¹⁾ Въ Слободвѣ совершилось событіе, на которое только злорадныя выходцы могли смотрѣть равнодушно. Оно описано въ V части сочиненія П. Кологова, Дѣянія Еккатеринъ II ѣ, стр. 99—106. Въ Слободвѣ 15 авг. 1792 г., кошевой Чепьга встрѣтилъ войскового судью Головатаго, привезшаго изъ С. Петербурга улазъ о переселеніи черноморцевъ на Кубань. Пресвѣщ. Архіеп. Амвросій по этому случаю произнесъ въ Слободвѣ слово, которое слѣдуетъ ввести въ исторію новорос. края. Затѣмъ была пропѣта пѣснь: Ей годи намъ журитися, пора перестати.—Русскіе ушли, а въ торопяхъ выходцы задаромъ поживились русскимъ добромъ.

Новодубоссары главный городъ верхней части очаковской земли. Новодубоссары соединены съ селами Лунга и Коржево. Жителей 435 семействъ и три церкви.

Кочіери (Кучіери), жителей 63 сем. Маловата, жителей 48 сем. Церковь. Надъ рѣкою въ пещерѣ горы монастырь съ 7-ю монахами. Стезя въ монастырю почти непроходима. Монастырю принадлежит село Роги (Rohie) съ 27 семьями¹⁾. Гоянъ, на суходѣ Ягорлыкѣ, жителей 48 семействъ. Церковь.

Балка Юрлыкѣ. Села Дойбанъ съ 15 сем. жителей изъ Польши. Дубово съ 35 сем, большею частью изъ Польши. Церковь. Илія, съ 32 сем. Церковь. На возвышенности, близъ кургана, есть развалины съ признаками до — татарской древности. Также на курганѣ слѣды древняго памятника. Малаешти, недавно заселенное выходцами изъ Польши въ числѣ 13 сем. Окны, съ 35 сем. Косы. Бырзова.

Балка Сухой Юрлыкѣ. По недостатку воды вовсе невидны слѣдовъ заселенія этой балки.

Балка Тамашлыкѣ (Тамазлыкѣ). Село Обча, село старое, жит. 13 семействъ. Село Брызна при впаденіи балки. Въ Тамашлыкѣ вода большею частію высыхаетъ.

Балки Черница и Чорна съ селомъ Чорна, жителей 53 сем. Церковь. Глиняная, съ 78 семьями. Церковь.

Балки Ташлыкѣ и Шипка. Имъ параллельны балки Пырли, Сава, Судоровка. Село Шипка, жителей 40 сем. Церковь.

Балка Долга. Балка Томарова (Комарова) тянется на 20 верстѣ. Здѣсь село Кундузъ опустѣвшее. Малаешти, съ 68 сем. жителей и церковью. Село Шесма (Чесма) опустѣвшее. Балка Сошъ (Соша) оканчивается у села Сугаклея. Здѣсь село Кистеница — опустѣвшее. Балка Красная впадаетъ въ озеро Красное.

Балка или долина Кучурганъ. Самыя красивыя и плодородныя мѣстности находятся на этой балкѣ. Ширина ея мѣстами на 14

¹⁾ Въ селѣ Роги есть старое кладбище, надгробные камни котораго съ славянскими надписями. Посѣтивъ пещеру и село, я снялъ, какъ могъ, надписи, но снимки мои украдены въ Кіевѣ въ 1874 году, когда по неосторожности я остановился у недоброжелательнаго содержателя квартиры.

верстѣ. У устья рѣчки Кучургана при озерѣ лежитъ хуторъ, устроенный кошевымъ, бригадиромъ Чепѣгомъ, а въ верстѣ отъ него юсть, выстроенный общиною казацкою. На мосту раненый казакъ собираетъ пошлину въ пользу церкви въ Слободзеѣ. Въ двухъ верстахъ отсюда два села татарскихъ въ развалинахъ.

Между хуторомъ кошеваго Чепѣги и большою дорогою, ведущею изъ Вендеръ въ Соколы, находятся еще 16-ть другихъ казацкихъ хуторовъ въ 4-хъ или 5-ти побочныхъ балкахъ.

Повыше кучурганскаго лимана, за 8-мъ верстѣ, кучурганская балка раздѣляется на два рукава: Дѣвка (Deivka) и Кучурганъ или Желты воды.

Балка Дѣвка и село Прашиловка. Бухай (Бугай) село опустѣвшее. Здѣсь балка раздѣляется на три вѣтви. Село Камыкъ, окрестности котораго были недавно обрабатываемы, а нынѣ оставлены жителями. Село Джамана, въ барсуковой балкѣ. Село Гурра. Оба эти села оставлены жителями. Всѣ эти мѣста носятъ признаки обильнаго плодородія. Въ концѣ балки Дѣвка сел. Пива (Шыва) оставлено жителями. Здѣсь мелкій лѣсъ и кустарники. Между балками Дѣвка, Комарова и Днѣстромъ слѣды обширнаго хлѣбопашества. Повыше впаденія балки Дѣвка, Кучурганъ становится шире. Село Каспали жителями оставлено. Юрковка, въ балкѣ того же имени. Здѣсь слѣды бывшего хлѣбопашества.

Отъ Каспали до впаденія побочной балки Фраси встрѣчаются три татарскія села, принадлежавшія мурзѣ, именно — Шекмешелай, Ибраимъ, Талапчанъ Газа. Последнее въ прекрасномъ мѣстоположеніи съ пятью источниками, для которыхъ мурза устроилъ фонтаны. Здѣсь капитанъ Савицкій и полковникъ Никорица выбрали мѣсто для поселенія. Въ трехъ верстахъ отъ впаденія балки Фраси находится новое село Маргази съ 20 сем. жит. Священникъ Алексѣй Партаменовичъ (Alexei Partamonovitch), человекъ дѣятельный и по своему положенію необыкновенный—есть двигателемъ успѣховъ этого села (est le mobile de ces etablissements).

При впаденіи балки Фраси, село Богословка бригадира Ланскаго. На лѣво отъ Богословки полковникъ Давидовичъ и еще нѣкто,

военные, завели поселеніе. Въ балкѣ Фраси были села Курпе и Фраси. Они оставлены жителями и здѣсь поселился полковникъ Никорица.

Балка Еслія (Ieslia) съ селомъ Еслія, жители котораго выселились. Окрестности носятъ признаки хлѣбопашества. Здѣсь поселился маіоръ Нумерсъ.

До впаденія балки Фраси рѣка Кучурганъ имѣетъ всегда воду. Предъ впаденіемъ балки Еслія, три села: Сукіоръ, Калфа и Каса Мурза совершенно разрушены. Онѣ были также во владѣніи тарарскаго мурзы.

Балка Сошъ, съ селомъ того же имени нынѣ пустынь. Здѣсь были виноградники.

Балка Берестова и Ларга. Справа балка Курпель, съ селомъ Маридондаль.

Другія побочныя балки: Малорошъ, Аванина, Сасія (Sasia), Шептердюръ и Вадикъ.

Балка Коса (cavin de Kas)—тутъ разрушенное татарское село, имя котораго затерялось. Тутъ долина раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна носитъ названіе Кучургана, другая называется Каширка.

Балка Перебойна (Барабой). Въ 8-ми верстахъ отъ впаденія ея въ море, казаки начали устраивать село, названное Перебойна, теперь уже 7-мь семействъ. Здѣсь было четыре татарскія села, которыхъ имена затеряны. На развалинахъ одного изъ нихъ казакъ Ковальчукъ устроилъ хуторъ.

Балка Дальникъ. Балка Акарджа съ источникомъ, текучею водою и мельницею. Эта балка была очень воздѣлана и почва ея плодородна. Здѣсь были два татарскія села, имена которыхъ затерялись.

Аджибей, крѣпость и маякъ, а въ нѣсколькихъ верстахъ село. Къ западу двѣ малыя балки. Сады, роцци и посѣвы хлѣба доказываютъ, что здѣсь земледѣіе и садоводство были значительны (la culture etoit considerable).

Балка Свиная съ своими вѣтвями тянется на 30 верстъ. Село Корытное (Kogaitno) въ десяти верстахъ отъ впаденія балки этой — оставлено жителями.

Балка большой Кузальникъ тянется на 80 верстъ. Она имѣ-

стани болотиста. Здѣсь три опустѣвшихъ татарскихъ селъ, имена которыхъ затеряны. Близъ большой дороги балка эта дѣлится на двѣ, изъ которыхъ одна носитъ тоже названіе большой Куяльникъ, другая же называется среднимъ Куяльникомъ. Побочныя балки Режепова, Карали, Сафтерова, Андреева, Талапула и Кистелунка — оставлены жителями. Замѣтно, что въ нихъ процвѣтало земледѣліе.

Балка средній Куяльникъ со многими побочными балками, изъ которыхъ главная балка Кресты (Kristei) и Каприца. Здѣсь было четыре, нынѣ пустыхъ селъ: Дончила, Кресты (Kristei) Каприца, а четвертаго села имя затеряно.

Долина малаго Куяльника тянется вдоль цѣлой области, не достигая польской границы только на 4 версты. Въ разстояніи отъ балки малый Куяльникъ на 10 верстѣ впадаетъ балка Волчья горы или Кошачья. Въ ней нѣтъ воды. Въ малый Куяльникъ впадаютъ еще балки: Карица, Широка и другія.

Балка Гоцулова (Gozelova). При ея впаденіи въ малый Куяльникъ есть село Валегоцулово, съ 56 семьями и церковью. Село Плоское опустѣло. Въ 10-ти верстахъ отъ Валегоцулово, село Паннерово въ балкѣ Паннеровой. Оно опустѣло.

Балка Аджилыкъ. Балка Делигіоль; у истоковъ ея рѣки казаки основали село Бистеровку, 32 семьи. Затѣмъ слѣдуютъ развалины селъ: Каратакай и другаго, котораго названіе неизвѣстно.

На балкѣ Журавѣ казаки основали село Гора Жировка, съ 62 семьями. Балка Мелана и села большой и малый Притискъ. Село Ананія, съ 170 семьями. Балка Липецкая и село Гандрабурн, съ 44 семьями молдованъ.

Балка Точила и село Точило, съ 32 семьями. Село Липецкое. Села Гедримашъ и Байталы. Село Пашицель (Paschitzeli), съ 55 семьями. Церковь¹⁾. Гедеримъ, съ 18 семьями.

Степь между Делигіолемъ и Куяльникомъ. Черный лѣсъ и еще лѣсъ между Меланой и Ясеновой.

Балка Царегіоль, съ развалинами села и остатками камен

¹⁾ На картѣ близъ сего мѣста показанъ монастырь.

наго моста на рѣчкѣ Царегіоль. Озера Гаджи Гасанъ и Тузла, съ остатками села

Балка большой Сасикъ съ селомъ Сасикъ, основаннымъ казаками. Балка малый Сасикъ съ соловарнями.

Балка Верезанъ, съ селами: Пекучъ и Трубачевка.

Балка Янчокракъ, съ селами: Оника и Янчокракомъ въ развалинахъ.

Балка Мители (Miteli) съ источникомъ Мителино. Коса Метельская. Крѣпость Гасанъ-Паша.

Очаковъ (Aksiatisi).

Островъ Верезанъ (Achilea). Балка Яселка и село Яселка. Село Аджигіоль, гдѣ поселилось 8 семействъ казаковъ. Село Цареконича (Tzagekonitscha). Балка Широка, а въ сосѣдствѣ ея Стомигила, холмы въ числѣ двухъ или трехъ сотъ и пещеры.

Коса Вольская. Балки Чортовала, Кателина, малая Досиклея и большая Досиклея.

Балка Кориниха и Чичаклея. Здѣсь было много селъ, имена которыхъ затеряны. Черноморскіе казаки завели здѣсь свои хутора.

Балка Солениха и село Солениха (Солониха) или Язкіой, Здѣсь живутъ 32 семьи казаковъ. Село Ковалевка на берегу Вуга въ 10 верстахъ отъ Соленихи. Здѣсь поселились 36 семействъ казаковъ. Церковь.

Балка Акмечеть; у впаденія ея село Голое или Голуна. Прочія татарскія села опустѣли.

Долина Чичаклая, на которой стали селиться запорожцы. Ихъ 25 семействъ.

Долины Сака и Стѣкова. Село Кушовка съ 15 семьями казаковъ.

Балка Сухая Чертала, впереди мостъ Собола, длина ея 25 верстѣ. Балка Пенезона съ татарскимъ селомъ въ развалинахъ.

Балка мечетская Чертала. Здѣсь былъ городъ или село Акмечеть съ древними развалинами (Ольвіа?). При впаденіи Черталы, его свѣтлость (son Altessse, князь Потемкинъ) намѣренъ былъ основать другой армянскій городъ ¹⁾.

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ донесенія сказано, что князь Потемкинъ намѣренъ былъ пригласить русскихъ вельможъ заводить хутора въ очаковской землѣ.

Долина Черталы у лабиринта побочных баловъ, которыхъ множество. Въ четырехъ верстахъ отъ впаденія Черталы начинаются пороги. Островокъ Туганьга, островокъ Крулинка, порогъ Гардъ и близъ него село Гардъ, гдѣ 7 или 8 семей. Порогъ Кривой островъ, порогъ Свирина; пороги Каменчи, Корупчена, Вилькова изъ многихъ острововъ. Протѣчь самый главный порогъ. Мигей. Острова Семповицкіе въ 3-хъ верстахъ отъ Ольвіополя. Богополь у устья Синюхи. Гольта насупротивъ Ольвіополя.

Балка Кодыма и долина ея на сто верстъ. Тутъ упоминается монастырь Богородицы Грома. Село Кумарова, съ 8 семьями. Бердзова и невдали село Березки. Село Луканева, съ 8 семеств. жителей. Кривое озеро съ 13 семьями. Чировка, у впаденія балки Луканевой

Балка Ясенева, съ селомъ новое Ясенево. Село Гольма-старое, съ 26 семьями и церковью. Въ одной верствѣ отъ него греческій монастырь Богородицы Гольмской съ 8 монахами.

Перлита, село старое, съ 49 семьями; Андреашовка, новое село, основанное полковникомъ донскихъ казаковъ Буковымъ, 50 семействъ. Новая Балта. Здѣсь, по мнѣнію турокъ, у рѣчи Свиной была граница.

Настоящее народонаселеніе очаковской области (т. е. съ 1791 года по августъ 1792 года).

До войны здѣсь было 4 города, Очаковъ, Аджибей, Аджидеръ и Дубасары и 150 селъ, хорошо населенныхъ и воздѣланныхъ, преимущественно татарами.

Затѣмъ осталось 7 или 8 селъ на Днѣстрѣ и Делигіолѣ и 300 или 350 семей.

При заключеніи мира въ Яссахъ, было уже: 1 городъ, 39 селъ и 2272 семьи молдавскихъ и армянскихъ въ верхней части области. Нижняя часть области была предназначена вѣрнымъ черноморскимъ казакамъ. Они уже поселились въ числѣ 1320 семействъ или 6000 душъ.

Бѣзпечно полюбовивъ свою осѣдлость по Днѣстру и особенно въ кучурганской долинѣ, казаки отличаются примѣрнымъ трудо-

любіємъ и набожностью (les individus sont d'une industrie exemplaire; ils sont religieux). —

Послѣ этого подробнаго описанія слѣдуютъ общія замѣчанія о земледѣліи и торговлѣ. Въ этому же описанію принадлежитъ еще записка о пограничной защитѣ. Ея французское заглавіе слѣдующіе: *Supplément pour le rapport relativement à la situation topographique de la Province d'Ozou — Idée pour le Systeme de la Defense des frontières.* Въ немъ заключается очеркъ укрѣпленій на Днѣстрѣ.

Такое описаніе, очевидно, значительно облегчаетъ знакомство съ атласомъ. Полагаю, что въ перечню моему будетъ излишне приложить изъ него общую карту земли Озу или Едисана ¹⁾. —

Послѣ ознакомленія съ атласами, я не могъ внимательно заняться отдѣльными картами. Нѣкоторыя изъ нихъ составлены очень давно, другія были рисованы по находящимся въ атласахъ, съ цѣлью изданія.

Поименую именно такія, которыя, послѣ бѣглого обозрѣнія, казались мнѣ заслуживающими вниманія изучающаго южную Россію.

Они суть:

1. Примѣрная карта новороссійской и азовской губерній 1775 года, 1 листъ. Эту карту повторяли въ 1778 и 1781 г.

¹⁾ Позволю себѣ при этомъ указать на другія описанія, которыя я бѣгло рассмотрѣлъ въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

1. Описаніе таврическаго намѣстничества, сочинено около 1785 года. Здѣсь есть замѣтка о Корсунѣ или Шерсонѣ.

2. Описаніе екатеринославскаго намѣстничества, также около 1785. Это — наброски къ описанію.

3. Описаніе таврической губерніи, соч. Мертваго, около 1807.

4. *Topographische und statistische Beschreibung der Handelsstadt Mariupol und der dazugehörigen Kolonien im Jahre 1807.*

5. Описаніе городовъ и мѣстечекъ херсонской губерніи, около 1810 г.

Подобныхъ рукописей можно было бы еще нѣсколько отыскать въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

Кстати упомяну, что въ Импер. публичной библиотекѣ находится соч. отъ 1635 года: *De Landschapen Perecopitza en Nogaize Tartars benefens de van Crimbereest.*

Въ библиотекѣ же Импер. географическаго общества есть: а) карта новороссійской елисаветградской провинціи 1769 года. б) Рукопись попа Иванова, въ которой заключается: описаніе части великой и малой Россіи, польскія земли, Тартаріи и Понть Эвксина. Эта рукопись отъ 1738 года.

2. Геометрическая генеральная карта екатеринославскаго намѣстничества, состоящаго изъ двухъ областей екатеринославской и херсонской, 1783 г.

3. Подробная милитарная карта по границѣ российской имперіи и Порты Оттоманской, составилъ въ 1799 Оперманъ.

4. Карта новороссійской губерніи, составилъ въ 1794 г. Шостакъ.

5. Теченіе рѣки Днѣстра, карта большого объема, составлена, кажется, около 1787 г.

Каковы бы ни были достоинства этихъ и другихъ картъ, нельзя не принять ихъ къ свѣдѣнію изучающему южно-русскую землю ¹⁾. Многъ не доставало времени повѣрять ихъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Другія карты, которыя я успѣлъ только отмѣтить, но не видѣлъ были:

1. Карта запорожской сѣчи, года (?)
2. Карта новой Сербіи, рукопись 1752 года.
3. Карта ахтіарской гавани, около 1773 года.
4. Планъ положенія ахтіарской гавани, Бурнашева, 1772.
5. Планъ древняго Херсона съ предгаванною до Инкермана, 1778. Развалины древняго Херсона въ Крыму *)
6. Планъ ахтіарской гавани, 1783 года.
7. *Vergis chersonesi Taugicae seu Crimaeae conspectus*, 1735.
8. Карта полуострова таврическаго и около лежащихъ мѣстъ, сочиненная по извѣстіямъ греческихъ и генуэзскихъ писателей.
9. Генеральная карта таврической губерніи, 1799 года.
10. Карта части береговъ Чернаго моря отъ Дуная до очаковскаго лимана, 1772.
11. Спеціальная пограничная карта части балтскаго уѣзда подольской губерніи и тираспольскаго уѣзда херсонской губерніи рап. 1803 — 1804. Подполковникъ Хоментовскаго.

*) Въ прекрасной книгѣ В. Ф. Головачева, *Исторія Севастополя, какъ русскаго порта*, описана карта Ватурина, перваго европейскаго топографа, составленная около 1771 года. Ватурина нашелъ тамъ еще много развалинъ древняго Херсонеса. Позволю себѣ замѣтить, что въ это время могли еще существовать и греческія перилы чернаго моря въ Крыму. Могу объ этомъ заключить по статьѣ *Περὶ τῆς πόλεως τῆς ἐν τῷ Ἰσθμῷ τῆς Βερεκίης* (переводъ: *О городѣ Херсонесѣ*), помѣщенной въ издавнѣ въ 1870 году въ Константинополѣ въ Хроникѣ А. Коми. *Испытанія*—стр. 568—584. Впрочемъ, въ архивѣ морскаго министерства сохранились греческія описанія Херсонеса, какъ и вообще топографическія записки. Впрочемъ, — по удостовѣренію въ этомъ нѣтъ было невозможно. Съ перваго разу догадался я, что тщетно было бы искать сведенія у особъ, которые никогда не были испрени въ своемъ попечительствѣ о начинаніяхъ людей не своего вѣдомства.

что поиски мои относились только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ, для которыхъ запасъ моихъ замѣтокъ оказался очень скуднымъ. —

Между тѣмъ, какъ знакомясь съ каталогами, атласами и картами, я то выписки дѣлалъ, то бѣгло отмѣчалъ все, касающееся южной Россіи, постепенно перелистывалъ я описи (руководствуясь указаніями на карточкахъ), и по возможности знакомился со сборниками документовъ.

Сборники эти такъ разнообразны, документы такъ многочисленны, что съ отчаяніемъ убѣдился, — мнѣ въ короткое время ихъ неодолють. Въ нихъ преимущественно прискивалъ то, что поясняетъ географію вообще и судьбы заселенія южнаго края. Такъ какъ судьбы эти зависѣли отъ событій, въ то время на югѣ совершавшихся и отъ людей, имѣвшихъ вліяніе на ея населеніе, то поиски мои, обращенные и на событія и на людей, были весьма торопливы и неподчинялись плану.

Особенно богаты сборники, доставленные въ ученый архивъ изъ канцеляріи графа Румянцева. Они обнимаютъ почти все царствованіе Екатерины II ¹⁾.

По этимъ сборникамъ можно было бы составить подробныя *Res gestae*, т. е. перечень событій, имѣвшихъ вліяніе на судьбы населенія южной земли отъ границъ Молдавіи до Кубани, а также указать на двигавшія вины (мотивы) этихъ событій.

Документы состоятъ изъ рапортовъ, журналовъ разныхъ экспедицій, прошеній, писемъ и разныхъ распоряженій. Всѣ онѣ драгоценны для того, кто желалъ бы на дѣлѣ узнать бытовую повѣсть края.

Я позволю себѣ, вмѣстѣ съ общимъ обзорѣніемъ, указать на такіе, которые пояснятъ извѣстныя уже изъ исторіи явленія.

Дѣла крымскія до присоединенія Крыма, переселеніе христіанъ изъ Крыма въ азовскую губернію, образованіе кубанской линіи, выходъ некрасовцевъ изъ кубанской земли, поселеніе запорожцевъ въ Буджакѣ, переселеніе албанцевъ въ Россію объ-

¹⁾ Срав. Сажовича, Обзоръ дѣятельности графа Румянцева задунайскаго съ 1775—1780. Отдѣльная брошюра изъ Русской Бесѣды 1856 года.

яняютъ документы въ сборникахъ подѣ № 128, 146, 154, 168 и обнимаютъ время отъ 1777—1780.

Очевидно, что рядъ этихъ документовъ прямо относится къ южной Россіи, что частная ея исторія выяснилась бы при подробномъ ихъ изученіи.

Отиѣчая то, что имѣло связь съ передвиженіемъ поселенія—обращалъ я также вниманіе на поводы къ нему.

Такъ, изъ донесенія полковника Лешкевича и резидента Вистицкаго, а также изъ частныхъ показаній самыхъ татаръ, я могу объяснить себѣ то, что было, между прочимъ, виною настоятельнаго (едвали полезнаго русскимъ) переселенія христіанъ изъ Крыма. Этому переселенію предшествовала молва о томъ что ханъ сдѣлался христіаниномъ, что даже мурзы крещены. Толки эти, пущенныя стамбульскими агентами съ цѣлью взволновать татаръ, подали вѣроятно мысль о выселеніи христіанъ изъ Крыма.

По поводу образованія кубанской линіи замѣчательно донесеніе полковника Гамбы о приготовленіяхъ некрасовцевъ къ переселенію въ Анадолю.

По поводу переселенія албанцевъ въ южную Россію важна копія съ прошенія войска албанскаго 3-го августа 1777 года. Она поясняетъ отношенія пелопонескихъ грековъ къ Россіи.

По отношенію къ запорожцамъ, нельзя не принять къ свѣдѣнію донесеніе полковника Репинскаго 1776 года о томъ, что турецкимъ султаномъ назначенъ былъ кошевымъ запорожець Игнатій, неизвѣстный прозваніемъ, и указано мѣсто сѣчи между Бендерами и Аккерманомъ (Гедриле Богазъ?)

Въ этихъ документахъ много данныхъ для исторіи южной Россіи.

Но въ высшей степени заслуживаетъ вниманіе переписка по поводу переселенія христіанъ изъ Крыма. Въ этой перепискѣ есть свѣдѣнія, сколько знаю, еще неизвѣстныя. Таково извѣстіе о томъ, какъ склонялъ резидентъ нашъ, грекъ Константиновъ, христіанъ къ переселенію, какое участіе въ немъ принимали, кромѣ митрополита Игнатія, армянскій архимандритъ Петръ Маргосъ и католическій патеръ Яковъ. Важны свѣдѣнія о колебаніи христіанъ,

подавшихъ подобострастное заявленіе хану, протестъ хана Шагинъ Герая, въ которомъ онъ доказываетъ, что христіане лишаются *древнюю ихъ отечества*, и копія съ письма митрополита Игнатія, заключающаго условія переселенія.

Пока совершалось переселеніе, генераль-порутчикъ А. В. Суворовъ послалъ къ графу А. П. Румянцову рапорты 22 августа, 8, 13, 18 и 21 сентября 1778 года. Изъ этихъ рапортовъ видно, что церковное имущество было вывозимо на особыхъ подводахъ и что вообще на переселеніе христіанъ было употреблено шесть тысячъ фуръ.

Послѣдній рапортъ за подписью А. В. Суворова считаю нужнымъ привести въ цѣлости. Онъ слѣдующій:

«Его Сіятельству графу П. А. Румянцову. Выводъ крымскихъ христіанъ конченъ! Обоего пола отправилось въ Азовскую губернію 31,098 душъ, о чемъ Вашему Сіятельству вѣдомость прилагаю. Осталось зимовать въ Еникалѣ 288 душъ. Преподобный Архимандритъ выѣхалъ за христіанами сего числа, въ то же время и католицкій патеръ Яковъ. Примѣрно вышло денегъ на выводъ сей здѣсь до 130000 рублей паче на прогоны. По собраніи неуступившихъ еще изъ разныхъ мѣстъ вѣдомостей Вашему Сіятельству донести не укосню. — Генераль-Порутчикъ Ал. Суворовъ» ¹⁾. Слѣдуетъ вѣдомость.

Такъ какъ этнографическое изученіе этихъ крымскихъ христіанъ вызоветъ когда либо вниманіе ученыхъ, то считаю нужнымъ приложить у сего эту образцовую вѣдомость.

Изъ этой вѣдомости оказывается, что крымскіе христіане принадлежали преимущественно греческой и армянской народности, были также грузины и волохи, но большею частію изъ яснрей (плѣнныхъ).

¹⁾ Сравни. Письмо Суворова о переселеніи христіанъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1836, года № 15.

ВѢДОМОСТЬ

учиненная съ показаніемъ сколько разнаго роду изъ крымской земли нанихъ городовъ и деревень отправлено въ Россію христіанъ обоего полу мужскаго и женскаго и изъ оныхъ колликое число оставшихъ для торговли зимующихъ, томъ за своими расправами по долгамъ, о томъ значить ниже сего.

Изъ какихъ мѣстъ	Какого рода и закона	ОБОЕГО ПОЛУ		ИТОГО
		Число душъ		
		Муж.	Жен.	
Изъ Ксѣы	Грековъ	837	806	1643
	Грузиновъ	13	11	24
	Армянъ	2781	2700	5511
Изъ Бакчисарая	Поповъ	2	—	2
	Грековъ	667	652	1317
	Грузиновъ	13	14	27
	Армянъ	702	673	1375
	Грузиновъ } изъ Ясырей	8	1	9
	Волоховъ }	1	3	4
Изъ Карасу ба- зара	Грековъ	518	486	1004
	Грузиновъ	5	3	8
	Волоховъ	5	2	7
	Армянъ	1419	1390	2809
Изъ Бозлова	Грековъ	92	80	172
	Поповъ	1	1	2
	Армянъ	667	637	1304
	Грузиновъ } изъ Ясырей	53	17	70
	Волоховъ }	1	—	1
Изъ Ахтъ-мечети	Армянъ	1	—	1
Изъ стараго Крыма	Грековъ	60	49	109
	Армянъ	87	73	160
Изъ Балаклавы	Грековъ	43	39	82
Изъ Вельбека	Грековъ	30	40	70
Изъ деревень:				
Албаты	62	51	113
Черкескермень	155	152	307
Мармары	46	57	103
Камары	Грековъ	238	237	475
Утары,	18	20	38
Стелы	603	625	1228
Кушъ	24	25	49
И Т О Г О . . .		9305	8988	18284

Изъ какихъ мѣстъ	Какого рода и закона	Обоего полу		Итого	
		Число душъ			
		Муж.	Жен.		
Ласпи		63	65	128	
Ханты		11	10	21	
Улакы		102	113	215	
Толи		14	18	32	
Бачкалянъ		38	39	77	
Шуры		80	71	151	
Бишуи		371	315	686	
Янисалъ		437	394	831	
Темерчи		100	90	190	
Слободы Миляри		32	25	57	
Яничли		183	171	354	
Жемрекъ		206	166	372	
Ушунъ		60	64	124	
Ялсы		150	139	289	
Байсы	Грековъ	51	56	107	
Шаленъ		27	24	51	
Батагоръ		52	45	97	
Малой Баракубы		131	113	244	
Куруезенъ		56	47	103	
Удоезенъ		65	59	124	
Бучуезенъ		67	59	126	
Сартаны		374	369	743	
Чердакы		75	79	154	
Малой Янисалы		30	38	68	
Дайры		1	3	4	
Зуи		2	3	5	
Бозъ		38	36	74	
Амарети		37	39	76	
Вуртоленъ		21	12	33	
Баранъ		172	159	331	
Никита		50	52	102	
Гурзы		{ Поповъ	1	—	1
		{ Грековъ	41	41	82
Бизагташъ		{ Поповъ	1	—	1
	{ Грековъ	90	96	186	
Ялты	{ Поповъ	1	—	1	
	{ Грековъ	120	120	240	
Марсанды	{ Поповъ	1	—	1	
	{ Грековъ	120	210	130	
Магарашъ	{ Поповъ	1	—	1	
	{ Грековъ	92	82	174	
Агутыи	{ Поповъ	2	—	2	
	{ Грековъ	81	86	167	
И Т О Г О		3649	3406	7055	

Изъ какихъ мѣстъ.	Какого рода и закона.	Обоего полу		Итого	
		Число душъ			
		Муж.	Жен.		
Инкерманъ		20	21	41	
Малаго Ламбата	} Грековъ	37	38	75	
Яна		117	105	222	
Абдулъ	} Волоховъ	82	67	149	
Какчюй		14	5	19	
Бешутки	} Грузинъ	27	14	41	
Танлы		112	100	212	
Меликъ	} Армянъ	39	33	72	
Башышлакъ		62	59	121	
Сале		215	109	224	
Большаго Ламбата	} Поповъ	7	8	15	
		Грековъ	195	162	357
Чуруксу	Армянъ	20	20	40	
Бурундукъ отаръ	} Грековъ	61	34	96	
		Армянъ	17	21	38
Топчакъ	} Грековъ	62	41	103	
		Армянъ	7	3	10
Султанъ Салы	} Грузинъ	8	7	15	
		Армянъ	34	23	57
Керменчи	} Поповъ	7	5	12	
		Грековъ	249	216	465
Биясамло	} Поповъ	2	3	8	
		Грековъ	118	107	225
Мангуши	} Поповъ	8	5	10	
		Грековъ	415	448	763
Лакн	} Поповъ	3	3	6	
		Грековъ	213	182	106
Большой Каракубы	} Поповъ	16	12	28	
		Грековъ	713	683	1395
		Грузиновъ	116	110	1
Черманлыкъ	} Поповъ	11	2	8	
		Грековъ	132	156	346
		Грузиновъ	1	3	4
Уртагалъ	} Поповъ	5	8	12	
		Грузиновъ	1	—	1
		Армянъ	214	192	406
Итого		3214	3092	6306	
ВСЕГО обоого пола душъ		16165	18221	31686	

Изъ онаго числа оставшихъ въ Крыму и въ другихъ мѣстахъ.			ОБОЕГО ПОЛУ		ИТОГО	
			число душъ			
			Муж.	Жен.		
По своимъ расправам. Для торгов. промисла	Въ Козловѣ	Грековъ	2	—	2	
	Въ Перекопѣ и Козловѣ	Армянъ	10	—	10	
	Въ Цареградѣ	Изъ Кефы Армянъ . .	1	—	1	
	Въ Анадолѣ	Изъ Козлова Армянъ	1	—	1	
	Въ городѣ Чернаскѣ	Изъ Кефы Грековъ	30	27	57	
	Въ Еникалѣ	Изъ Кефы Армянъ	90	94	134	
	Въ Козловѣ	Армянъ	12	—	12	
	Въ Карасубазарѣ	Армянъ	19	—	19	
	Въ деревнѣ Бушъ	Грековъ	1	—	1	
	Итого			167	121	288

Генералъ-Порутчикъ *Александръ Суворовъ.*

Для поясненія возникших общественных отношеній, считая важнымъ документы сборниковъ, касающіеся второй турецкой войны и послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Въ этихъ сборникахъ даже рапорты имѣютъ бытовое значеніе, знакомя съ распоряженіями военныхъ властей въ краѣ, который, послѣ заключенія яскаго мира, сталъ жертвою многихъ выходцевъ, выманившихъ себѣ огромныя надѣлы за двусмысленныя услуги. На бѣду, искусившіеся среди фанаріотовъ, чиновники канцеляріи князей Потемкина и Зубова были посредниками въ дѣлѣ, помрачившемъ значеніе борьбы съ турками.

По моему мнѣнію, весьма достойны изученія журналы по молдавской экспедиціи и даже описи рапортовъ, представленныхъ въ это время. Изъ этихъ-то документовъ мы можемъ ближе ознакомиться съ лицами, которымъ достались надѣлы въ очаковской области. Заслуги этихъ счастливыхъ весьма разноличны. Забѣлательно, что многіе изъ щедро надѣленныхъ были изъ числа волонтеровъ, по поводу безчинствъ которыхъ князь Репнинъ вынужденъ былъ циркулярно извѣщать, объявляя, что волонтеры щутъ только пользоваться данными имъ выгодами ¹⁾).

Нѣкоторые изъ капитановъ-волонтеровъ, бывшихъ прислу-

¹⁾ Не могу не привести въ доказательство того, какъ оправдывали докторе русскихъ полководцевъ прислужники молдавскихъ господарей, слѣдующихъ фактовъ:

Въ журналѣ по молдавской экспедиціи записана сперва подорожная данная греку Марку Портару. Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ помѣщенъ ордеръ генералу Дерфельдену слѣдующій:—По рапорту ко мнѣ Текуцкаго цыгута исправниковъ, что въ предшедшемъ январѣ мѣсяцѣ арнаутскій капитанъ Марко, трѣхалъ съ своими волонтерами въ село Никорешти, напалъ ночью на тамошнихъ обывателей—и имъ грабительства причинилъ и, наконецъ, пришедши въ домъ одного изъ исправниковъ цыгута Гаврила Кавано въ деревнѣ Даргашаны дѣлаетъ разорѣнія и отбивши погреба беретъ вино и съ шайкою пьянствуетъ.—Такіе грабежи графъ Руманцовъ силою ордеровъ своихъ гужалъ остановить. На бѣду, они вошли въ привычку и переселились вмѣстѣ съ портарами на сю сторону Днѣстра. Кононы не избѣгли травли портаровъ.

Кстати упомяну, что въ сборникѣ отд. 1. № 146 находится весьма важное письмо господара Григорія Гики къ графу Руманцеву и затѣмъ извѣстіе объ убіеніи того же Гики. Показанія доктора Фотакія и секретаря «князиды по поводу этого событія бросаютъ много свѣта на роль фанаріотовъ, неразборчивыхъ въ своихъ услугахъ—ради личныхъ выгодъ.

жниковъ молдавскихъ господарей, сдѣлались впоследствии представителями общества въ очаковской землѣ. Такъ упоминаются капитаны волонтеровъ Марко, Велисарій, Ілія Солунскій.

Изъ этихъ же документовъ выясняются дѣла молдавскихъ бояръ, получившихъ защиту русскаго правительства. Такъ есть свѣдѣнія о ворникѣ Палладіѣ, о стольникѣ Георгіѣ Барпѣ, мельничарѣ Василіѣ Карпѣ, бояринѣ Кантакузинѣ, боярѣ Канано, пагарникѣ Манолаки Кузѣ, служерѣ Георгіѣ Кузѣ, исправникѣ и пагарникѣ Канано, исправникѣ Дмитріѣ Кувѣ.

Всѣ эти личности имѣли свое значеніе въ русскихъ отношеніяхъ и поэтому не лишне было бы принять къ свѣдѣнію отзвы о нихъ въ роковую войну 1787 — 91 года.

Но особенно отраднo встрѣчать въ сборникахъ доказательства вниманія военныхъ властей къ заслугамъ скромныхъ труженниковъ. Въ журналѣ по молдавской экспедиціи находится замѣчательная Сальвогардія, данная протопопу М. Стрельбицкому съ правомъ получать изъ села Бутешти (кирлигатурскаго цыпуга) по пяти skutельниковъ для своей защиты. Этотъ протопопъ Стрельбицкій долженъ бы заслужить въ южной Россіи на добрую память. Онъ поселился въ Дубассарахъ, завелъ тамъ типографію и печаталъ русскія и молдавскія книги. Невниманіе къ его доброму начинанію людей, наживившихся захватами — было поводомъ, что, помѣрѣ усиленія выходцевъ, новыхъ представителей общества, типографія и училища становились лишними.

Имѣя въ виду задачу выяснить себѣ земскія отношенія въ южной Россіи и отиѣтитъ географическія и этнографическія свѣдѣнія, въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба проходилъ я съ меньшимъ вниманіемъ документы, замѣчательные по важности событий и знаменитости лицъ.

Безсомнѣнія ими уже воспользовались тѣ заслуженные ученые, предметомъ поисковъ которыхъ была повѣсть о событіяхъ и о лицахъ, участвовавшихъ въ событіяхъ. Такіе крупныя документы какъ письма, донесенія, распоряженія графа Румянцова, А. В. Суворова, П. Зубова, М. Л. Кутузова, Кочубея и пр. вошли уже въ число матеріаловъ для трудовъ историческихъ. Я, стало быть,

принялъ ихъ въ свѣдѣнію, но не трогалъ, т. е. не дѣлалъ выписокъ.

Задавшись посильною задачею собрать пособія къ познанію южно-русской земли, я предпочелъ мелочныя свѣдѣнія крупнымъ и вѣскимъ актамъ. Теперь могу только сожалѣть, что ни время ни подготовка не дозволили мнѣ, въ сообразномъ порядкѣ и съ настойчивымъ терпѣніемъ, прослѣдить всѣ драгоцѣнныя матеріалы, поясняющіе судьбы южной Россіи. —

Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, охраняя подробныя свѣдѣнія о подвигахъ русскихъ воиновъ временъ Румянцова, Суворова, Решина и Потемкина останется навсегда необходимою школою для того, кто, исходя изъ южно-русской земли, желалъ бы знать ея прошедшее, дабы не сбиться съ толку въ настоящемъ. Могу необинуясь сказать, что эта земля, добытая кровью русскихъ, при каждомъ вопросѣ объ ея прошедшемъ, можетъ найдти вѣрное напоминаніе тамъ, гдѣ сложены драгоцѣнныя свидѣтельства объ этихъ подвигахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Перечень, составленная по донесенію де-Волана, заключаетъ въ себѣ весьма обстоятельное обозрѣніе очаковской земли въ 1-й годъ послѣ присоединенія ея къ руссiйскому государству. Вскорѣ затѣмъ начались дачи значительныхъ ея полосъ разнымъ лицамъ. Уже въ 1793 году (стало быть на третій годъ послѣ описанія де-Волана) была изготовлена вѣдомость этиамъ дачамъ по четыремъ уѣздамъ, обозначеннымъ нумерами 1, 2, 3 и 4. Этой вѣдомости одна часть напечатана нынѣ въ Запискахъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ VIII-ой.

Болѣе подробная вѣдомость изготовлена была въ 1795 году при учрежденіи вознесенской губерніи. Сколько знаю, она не была напечатана. Изъ нея позволю себѣ издать ту часть, которая относится къ тираспольскому уѣзду, обнимавшему тогда все пространство отъ Ягорлыка до Чернаго моря, т. е. земли, лежащія по сю сторону Днѣстра до Тилигула и даже до Кодымы. Къ сожалѣнію, изъ этой вѣдомости нельзя извлечь свѣдѣній топографическихъ. Ее можно однакожъ почесть важнымъ документомъ для исторіи населенія поднѣпровскихъ земель и до извѣстной степени для этнографіи ¹⁾.

¹⁾ Вѣдомости № II. 1893 года имѣю два экземпляра. Она заключаетъ нѣкоторые варианты сравнительно съ напечатанной въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древности. Я долженъ еще упомянуть, что подобную вѣдомость напечаталъ его превосходительство А. А. Скальковскій въ своемъ драгоцѣнномъ Обзорнiи исторіи Новороссiйскаго края. Эта вѣдомость относится, однакожъ, къ 1801 году.

ВѢДОМОСТЬ

о состоящихъ въ уѣздѣ тираспольскомъ казенныхъ и владѣльческихъ дачахъ съ показаніемъ находящихся въ оныхъ мужескаго и женскаго пола душъ и десятинъ земли удобной и не удобной.

Сочинена малъ > 1795 года.

№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
			Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	Городъ Тирасполь.					
	<i>Въ округъ оная селенія:</i>					
	Терновка	—	306	286	24000	900
	Сугаклѣя	—	177	135		
	Казенныя селенія:					
1	2 Карагашъ	—	111	90	24000	1600
	Слободзѣя	—	173	160		
1	3 Чубурчи	—	335	299	26000	1400
	Глиняная	—	88	70		
	Боритная	—	230	234		
	Завертайловка	—	257	205		
1	4 Порожня оставленныя	—	—	—	4500	100
1	5 для молдавскихъ	—	—	—	3000	50
1	6 Дворянъ	—	—	—	12000	300
1	7 Пустошь капитана Шербана Владимірова сына Бузіяна.	—	—	—	3000	50
1	8 Пустошь прапорщика Егора Дмитриева сына Галацана .	—	—	—	1500	75
1	9 Пустошь поручика Христофора Николаева сына Куряна	—	—	—	1500	50
1	10 Пустошь капитана Яна Манушлова сына Самарина .	—	—	—	1500	75
1	11 Пустошь поручика Михаила Арсеньева сына Рум .	—	—	—	1500	50

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
1	12	Порожнія оставлена для ка- зенныхъ селеній	—	—	12000	300	
1	13	Казеннаго села Яски	—	246	197	19500	700
1	14	Пустошь поручика Ивана Иванова сына Мандры	—	—	—	150 ^а	—
1	15	Пустошь поручика Матвѣя Дмитріева сына Беровича	—	—	—	1500	—
1	16	Пустошь прапорщика Ивана Павлова сына Доброжана	—	—	—	1500	—
1	17	Порожнія оставленные . . . для молдавскихъ дворянъ . . .	—	—	—	4500	50
1	18		—	—	—	7500	200
Казенныя селенія:							
1	19	Бѣляевка	—	172	143	21000	2500
1	20	Балаклѣя	—	282	210	12000	500
1	21	Городъ Овидіополь	—	115	97	4500	200
1	22	Пустошь полковника и кавале- ра Андріана Моисѣева сына Грыбовскаго	—	—	—	7500	300
1	23	Оставлена для казенныхъ се- леній	—	—	—	12000	300
1	24	Деревня полковника и кавале- ра Густава Гагенмейстера	—	28	6	6000	50
1	25	Пустошь Бригадира и кзвале- ра Ивана Ефремова сына Кисленскаго	—	—	—	6000	100
1	26	Городъ Одесса	—	120	2	29500	1200
		Деревня Бриничка	—	10	8		
1	27	Деревня Деволановка надвор- наго совѣтника и кавалера Андрея Иванова сына Ал- тестія	—	45	41	18000	950
1	28	Пустошь Княжества Молдав- скаго перваго ванаша бе- ратора Аѳанасія Васильева сына Біосъ-Оглу	—	—	—	6000	290
1	29	Пустошь инженеръ-капитана Кайзера	—	—	—	3000	150
1	30	Пустошь секундъ-маіора Ма- нойла Григоріева сына Па- пандопулы	—	—	—	3000	100

Из которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятины земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	31	Пустошь генералъ аншера и Кавалера Михаила Васильевича Баховскаго	—	—	9000	100	
1	32	Назначена генералъ поручику графу де-Вите	78	55	6000	20	
1	33	Пустошь коллежскаго ассесора Стурзы	—	—	4500	200	
1	34	Пустошь поручика Степана Каневскаго	—	—	1500	120	
1	35	Пустошь секундъ-маіоровъ Феликса и Андрея Осиповыхъ дѣтей Дерыбасовъ	—	—	6000	200	
1	36	Пустошь коллежскаго ассесора Константина Бромиды	—	—	6000	250	
1	37	—	—	1500	75	
1	38	—	—	3000	130	
1	39	Порожня }	—	—	3000	120	
1	40		—	—	3000	120	
1	41		—	—	4500	20	
1	42	Пустошь графа Северина Потоцкаго	—	—	6000	180	
1	43	Пустошь подпоручика Чуйка	—	—	3000	100	
1	44	—	—	6000	200	
1	45	Порожня }	—	—	4500	180	
1	46		—	—	4500	170	
1	47	Деревня Мариуполь премьеръ маіора Лазаря Сазонова	7	7	6000	250	
1	48	Пустошь полковника и кавалера Ивана Федорова сына Волкова	—	—	750	350	
1	49	Пустошь поручика Максима Константинова сына Турунси	—	—	1500	80	
1	50	Пустошь ротмистра Ивана Чернецкаго	—	—	3000	150	
1	51	Пустошь прапорщика Ивана Никоваева сына Карамалей	—	—	1500	100	
1	52	Деревня Новопетровска премьеръ-маіора Петра Иванова сына Ковалинскаго	17	7	7500	300	

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятины земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
1	53	Пустошь камеръ-динера Ея Величества Захарія Копстантинова сына Зотова .	—	—	—	6000	300
1	54	Пустошь капитана Александра Иванова сына Генадія .	—	—	—	12000	320
1	55	Пустошь генераль-маіора и кавалера князя Павла Михайловича Дашкова . . .	—	—	—	10500	250
1	56	Деревня Измайловка подполковника и кавалера Ивана Онуфріева сына Буриса .	—	240	130	6000	—
1	57	Пустошь поручика Ивана Григоріевича сына Лагоды .	—	—	—	1500	130
1	58	Деревня Якунина капитана Максима Якунина	—	6	6	4500	50
1	59	Порожня	—	—	—	12000	800
2	60	Пустошь титулярнаго совѣтника Дмитрія Данилова сына Засядки	—	—	—	3000	200
2	61	Деревня Софійская подпоручика Ивана Калинова сына Горбаненка	—	24	22	3000	200
2	62	Пустошь премьеръ-маіора Михайлы Иванова	—	—	—	3000	200
2	63	Пустошь поручика Василія Дмитріева сына Степового .	—	—	—	1500	50
2	64	Пустошь польскаго Шляхтича старости Ожаровскаго Франциска Бржезовскаго .	—	—	—	6000	150
2	65	Пустошь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Петра Васильевича Заводовскаго	—	—	—	1500	—
6	66	Пустошь графа и кавалера Ивана Поточнаго	—	—	—	6000	50
2	67	Пустошь генераль-поручика кавалера Ивана Матвѣевича Толстова	—	—	—	5000	—
2	68	Пустошь провіантмейстера Самоила Брестьянова сына Бонтеніуса	—	—	—	1500	20

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
2	69	Пустошь польскаго шляхтича Юзефа Боковскаго	—	—	12000	200	
2	70	Пустошь польскаго шляхтича Папроцкаго	—	—	4500	20	
2	71	Пустошь подполковника и кавалера Андрея Воеводскаго	—	—	4500	300	
1	72	Деревня Шаровка статскаго совѣтника и кавалера Павла Никифорова сына Шароя	—	12	13	4500	200
1	73	Деревня Ивановка подполковника Ивана Никифорова сына Бузына	—	85	82	6000	300
1	74	Пустошь назначена бригадирю и кавалеру Платову	—	—	9000	350	
1	75	Пустошь полковника и кавалера Дмитрія Егорова сына Лесля	—	—	6000	160	
1	76	Порожня	—	—	1500	50	
1	77	Пустошь премьеръ-маіора Самойлы Баранова	—	—	3000	100	
1	78	Пустошь надворнаго совѣтника Атекся Лебедева	—	—	3000	100	
1	79	Пустошь коллеж. переводчика Георгія Марнова сына Желепова	—	—	4500	70	
1	80	Пустошь поручика Григорія Романова сына Змунчила	—	—	1500	25	
1	81	Пустошь коллежскаго ассессора Фомы Маркова сына Мурашевича	—	—	3000	170	
1	82	Деревня Поповка маіора Ивана Константїнова сына Попова	—	3	4	3000	100
1	83	Пустошь секундъ-маіора Викентія Игнатѣева сына Чаплица	—	—	3000	80	
1	84	Деревня прапорщика Еремея Софроніева сына Гелескуля	—	8	11	1500	20

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ		Десятинаъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
1	85	Деревня Надежда поручика Василія Иванова сына Бня- зевича	—	6	6	1500	40
1	86	Деревня Федоровка прапор- щика Никифора Федорова сына Елкова	—	—	—	1500	45
1	87	Пустошь прапорщика Петра Иванова сына Янкуля	—	—	—	1500	60
1	88	Пустошь кадетскаго корпу- са капитана Ивана Алексѣ- ева сына Цызарева	—	—	—	3000	170
1	89	Пустошь инженеръ подпо- ручника Ферштера	—	—	—	2300	25
1	90	Пустошь премьеръ маіора Александра Ларионова сына Головина	—	—	—	4500	200
1	91	Пустошь инженеръ маіора и кавалера Андрея Фонъ Дерплата	—	—	—	4500	200
1	92	Деревня Михайловка се- кундъ маіора Степана Ос- повича	—	36	34	4500	200
1	93	Пустошь капитана Михаила Иванова	—	—	—	3000	100
1	94	Пустошь подполковника Ни- колая Егорова сына Карпова	—	—	—	6000	250
1	95	Пустошь его-же Карпова	—	—	—	3000	—
1	96	Порожня	—	—	—	1500	100
1	97	Пустошь подпоручика Яко- ва Андреева сына Шима- новскаго	—	—	—	3000	—
1	98	Пустошь секундъ маіора Павла Вызыряна	—	—	—	3000	50
1	99	Пустошь ротмистра Додона	—	—	—	1500	50
1	100	Деревня Филодорова под- полковника Константина Васильева сына Филодора	—	18	16	4500	200
1	101	Деревня Курта поручика Гаврила Михайлова сына Курта	—	6	7	4500	150

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
	1 102	Пустошь прапорщика Григорія Петрова сына Баркара	—	—	—	1500	45
	1 103	Порожня оставлена для молдавскихъ дворянъ	—	—	—	4500	200
	1 104	Деревня Юговичевка подпоручика князя Юговича.	—	14	8	1500	25
	1 105	Пустошь подпоручика князя Рашковича	—	—	—	1500	40
	1 106	Пустошь молдавскаго дворянина Вестіара Константинова Экспорита.	—	—	—	4500	120
	1 107	Деревня Селунская полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго.	—	70	42	3000	100
	1 108	Пустошь вдовы Портаресы Роксандры Эксפורитовой.	—	—	—	1500	40
	1 109	Пустошь капитана Дмитрія Николаева сына Велисарія.	—	—	—	1500	30
	1 110	Порожня оставленная для молдавскихъ дворянъ	—	—	—	4500	100
	1 111		—	—	—	4500	457
	1 112	Пустошь капитана Михайлова сына Добраго	—	—	—	1500	25
1)	2)	Деревня Анастасіевка подполковника Марка Афанасьева сына Гаюса	—	145	142	18500	900
	2 114	Порожня оставлена для молдавскихъ дворянъ	—	—	—	15000	900
	2 115	Деревня Кусаковка Екатеринославскаго казачьяго войска полковника Максима Кусакова	—	26	25	3000	50
	2 116	Деревня Николаевна польскаго шляхтича Красовскаго.	—	3	4	6000	660
	2 117	Деревня Андреевка польскаго шляхтича Франца Михайлова сына Юковскаго	—	2	—	6000	670
	2 118	Деревня Змиина оберъ провіантмейстера Григорія Якимова сына Змиина	—	13	11	4500	230

№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ			Десятинъ земли	
			Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной	
2 119	Пустошь секундъ-маіора Федора Сандерса	—	—	—	4500	230	
2 120	Пустошь инженеръ прапорщика Михайлы Новгородцева	—	—	—	3000	206	
2 121	Деревня Станиловича поручика Николая Станиловича	—	8	5	4500	75	
2 122	Деревня Пулевичевка подполковника и кавалера Павла Константинова сына Пулевича	—	12	16	7500	1090	
2 123	Пустошь коллежскаго ассесора Романа Цебрыкова	—	—	—	4500	73	
2 124	Деревня Новаковка бригадира Ива на Иванова сына Новицкаго.	—	15	11	9000	660	
2 125	Деревня Новопетровская полковаго квартирмейстра Ивана Петрова сына Пиваровича и поручика Михайлы Гордѣева сына Волкова	—	26	20	6000	300	
2 126	Пустошь подпоручика Федора Иванова сына Романенка.	—	—	—	1500	100	
2 127	Пустошь поручика Ивана Кинзерскаго	—	—	—	4500	185	
2 128	Пустошь прапорщика Петра Шерепѣтковскаго	—	—	—	3000	50	
2 129	Пустошь польскаго шляхтича Юзефа Свидзійскаго	—	—	—	3000	50	
2 130	Деревня поручика Василія Сакары.	—	2	4	3000	50	
2 131	Пустошь регистратора Власа Корецкаго.	—	—	—	1500	80	
2 132	Пустошь полковаго Есаула Василія Мелугонова	—	—	—	3000	240	
2 133	Пустошь прапорщика Аристарха Турченоскаго	—	—	—	1500	70	
2 134	Пустошь секундъ-маіора Семена Нейча	—	—	—	3000	50	

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
2	135	Деревня Болотина поручика Ивана Болотина	—	8	10	3000	50
2	136	Пустошь поручика Петра Бирдина	—	—	—	1500	85
2	137	Пустошь секундъ-маіора И- вана Сергѣева сына Козь- мина Большаго	—	—	—	1500	30
2	138	Пустошь капитана Стенана Даценка	—	—	—	3000	120
2	139	Деревня Хаджилиевка се- кундъ-маіора Пантисмона Хаджили	—	7	3	3000	98
2	140	Пустошь поручика Федора Флорина	—	—	—	1500	20
2	141	Пустошь капитана Саввы Ивана сына Бадіолю	—	—	—	3000	60
2	142	Пустошь поручика Ивана Инглазжкія	—	—	—	1500	10
2	143	Пустошь титулярнаго со- вѣтника Андріяна Гусько- ва	—	—	—	3000	40
2	144	Пустошь мѣчухадара Анто- на Паскала	—	—	—	3000	106
2	145	Порожня назначенная для молдавскихъ дворянъ	—	—	—	3000	20
2	146	Пустошь поручика Федора Христоорова	—	—	—	1500	30
2	147	Деревня Бранкованка прапор- щика Андрея Франсіева сы- на Бранкована	—	10	11	1500	100
2	148	Пустошь молдавскаго шлах- тича Степана Ильина сына Гуза	—	—	—	3000	20
2	149	Пустошь поручика Федора Христоорова	—	—	—	3000	20
2	150	Пустошь секундъ-маіора и Кавалера Юрія Юрьева сы- на Карачона	—	—	—	4500	20
2	151	Пустошь Корнета Степана и Кадета Давида Флорин- скихъ	—	—	—	3000	15
2	152	Казенное село Валегоцулъ	—	341	307	12000	100

№ в которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	153	Деревня Бѣлуховка подполковника и кавалера Павла Дмитріева сына Бѣлухи .	—	30	25	6000	300
2	154	Деревня Качуровка шляхтича Качуровскаго.	—	22	14	4500	30
2	155	Пустошь Камараша Федора Константинова сына Маке-рескула	—	—	—	6000	100
2	156	Пустошь капитана Ивана Иванова сына Бояна . . .	—	—	—	3000	50
2	157	Пустошь капитано Криста Манойлова	—	—	—	6000	100
2	158	Капитана Федора Сабеу. . .	—	—	—	4500	160
2	159	Пустошь капитана Ивана Ильескула.	—	—	—	3000	60
2	160	Деревня Бадюлы капитана Саввы Иванова сына Бадюлы	—	13	13	1500	20
2	161	Пустошь капитана Мануила Саула	—	—	—	3000	50
2	162	Пустошь секундъ-маіора Ивана Кононо	—	—	—	6000	100
2	163	Деревня Егоровка полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго .	—	33	33	7500	220
2	164	Пустошь поручиковъ Андрея Захарова и Якова Абрамова.	—	—	—	3000	25
2	165	Деревня Осиповка, Васильевка и Захаровка, князей Соломона и Василя Аргутинскихъ Долгоруковыхъ .	—	185	180	12000	100
2	166	Деревня Харитоновка, подпоручика Пантелимона Асентьева сына Харитова .	—	2	3	3000	60
2	167	Деревня Салчи, капитана Василя Осипова сына Беева	—	9	10	3000	80
2	168	Деревня Гротиле, капитана Ивана Егорова сына Смольянинова	—	4	3	4500	235

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятины земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
2	169	Пустошь поручика Петра Голева и подпоручика Тараса Айвазова	—	—	—	3000	25
2	170	Пустошь преміеръ-маіора Степана Давыдова	—	—	—	3000	25
2	171	Пустошь втораго вестіара Діордія Сивова	—	—	—	1500	20
2	172	Деревня Щедрая, поручика Николая Богданова сына Чиркова	—	30	33	3000	65
2	173	Деревня Веселая поручика Сергѣя Иванова сына Станішина	—	7	5	3000	158
2	174	Преміеръ маіора и квалера Георгія Гиржева	—	—	—	7500	404
2	175	Подпоручика Михайлы Иванова сына Андреева	—	—	—	1500	50
2	176	Деревня Ясли, преміеръ маіора и квалера Георгія Бирилова сына Гиржева	—	76	64	3000	50
2	177	Деревня Полезная, бригадира Василія Ланскаго	—	35	37	12000	300
2	178	Деревня Богословка, подполковника и квалера Арсенія Иванова сына Давыдовича	—	29	20	6000	300
2	179	Деревня Савицкая, капитана Андрея Савицкаго	—	300	36	4500	250
2	180	Деревня Юрковка, подполковника и квалера Ивана Андреева сына Некорцы	—	29	22	4500	100
2	181	Пустошь портарія Григорія Діоль-Оглу	—	—	—	6000	100
2	182	Деревня Маргаритовка, капитана Маргарита Депресрадовича	—	18	19	4500	100

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число душъ		Десятины земли	
			Муж.	Жен.	Удобной	Не удоб- ной
		Казенные селенія :				
		Ташлыкъ	19	11	} 57000	} 3900
		Малаешты	178	187		
		Тея	156	128		
2	183	Спея	107	106		
		Токмадзіу	128	115		
		Буторъ	280	274		
		Шибка	116	103		
2	184	Пустошь статскаго совѣт- ника и кавалера Сергѣя Лашкарева	—	—	6000	200
2	185	Деревня Перушоръ, Порта- ресы Роксандры Эксапори- товой	14	14	3000	160
2	186	Деревня Фраси, поручика Василія Демьянова сына Медовникова	5	8	3000	160
2	187	Деревня Соша, поручика Якова Григоріева сына Гу- лѣвича	4	6	4500	100
2	188	Пустошь поручика Павла Петровича сына Туманова .	—	—	6000	100
2	189	Деревня Евецкова, ротми- стра Якова Евецкаго . . .	27	17	3000	50
2	190	Пустошь городского лѣкаря Ивана Загурскаго	—	—	1500	20
2	191	Деревня Самойловка, секундъ маіора Ивана Самойлов- скаго	18	14	3000	50
2	192	Армянскій городъ Григоріо- поль	2002	2050		
		Въ Округѣ онаго казенные селенія :			} 33400	} 1140
		Черная	164	142		
		Делакеу	178	148		
		Глиняная	209	185		
		Прибавленная земля изъ ок- руга новыхъ Дубосаръ . . .	—	—		

№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли			
			Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной		
2 193	Городъ новые Дубосары.	—	1112	933	} 29600	} 2310		
	Въ Округѣ сего казенные селенія :							
	Дубовое	—	106	88				
	Дойбаны	—	50	44				
	Гояны	—	136	137				
	Рогѣя	—	65	51				
	Мѣловатое	—	154	123				
	Кошіарь	—	177	158				
	Коржево	—	131	138				
	Въ предѣстїи сего города:							
	Лунка и Магалы	—	564	596				
	Погребы	—	97	84				
	Кошница	—	396	383				
	Пиррыта	—	191	205				
	Дороцкое	—	301	279				
2 194	Деревня Ремаровка, секундъ маіора Ивана Данилова сына Ремара	—	35	49	12000	200		
2 195	Деревня Розовка, полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго	—	26	20	1500	50		
2 196	Село Ильино, статскаго совѣтника Ильи Батаржи	—	252	247	12000	100		
2 187	Деревня Друцкая, капитана Елиѣера Васильева сына князя Друцкаго Соколинскаго	—	113	103	3000	50		
2 198	Деревня Карабанъ, капитана Якова Яковлева сына Пономарева	—	5	7	3000	150		
2 199	Пустошь прапорщика Андрея Прокофѣева сына Кочкина	—	—	—	1500	100		

№ по плану	Званіе дачь	Число двор.	Число душъ		Десятины земли	
			Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2 200	Деревня Марковна, подполковника Марка Афанасьева сына Гаяса	—	13	12	3000	25
2 201	Деревня (икны, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Скарлата Стурзы	—	80	74	12000	100
2 202	Деревня Флоры Слуджіара Ивана Макарескула	—	20	14	6000	50
ИТОГО въ части Очаковской области . . .			12124	10774	1129800	44387

	Число дворовъ	Мужск.	Женск.
Владѣніе господина генерала французской артиллеріи князя Александра Любомирскаго ¹⁾.			
Село Глубочекъ	10	33	38
Село Косиць	40	157	125
Село Флора	18	47	42
Село Дигоры	31	107	94
Село Окно	38	122	109
Село Тисколонгъ	49	151	140
Мѣстечко Ягорликъ	55	117	118
Деревня Дубова	53	111	125
Село Дойбаны	27	67	57
Село Тойпала	76	192	109
Село Гавмноши	70	186	154
Село Черное	72	200	145
Село Жура	44	117	99
Деревня Игнатьевка	19	45	39
Деревня Жирка	19	42	31
Село Михайловна	22	40	46
Село Горомацкое	52	153	114
Деревня Красный контъ	6	11	13
Деревня Гукбулевка	69	227	195
Деревня Констанцы	14	26	24
<hr/>			
ИТОГО въ уѣздѣ Тираспольскомъ	784	14275	12591
<hr/>			

¹⁾ Эти села прибавлены въ Ведомости вѣроятно потому, что они лежали на границѣ очаковской земли.

Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

(Читано въ день св. св. Кирилла и Мефодія 11-го мая 1876 года)

В. ГРИГОРОВИЧА.

Милостивые Государы,

Почтенные соревователи въ дѣль благодѣянія!

Участіе, вызванное настоящими событіями среди всѣхъ сословіи русскаго народа, участіе сопровождаемое соревнованіемъ въ дѣль благодѣянія, не можетъ не внушить воспоминаній о событіяхъ, прошедшихъ, конечно, но важныхъ въ исторіи отечества нашего.

Настоящее именно соревнованіе въ достойномъ эпохи нашей содѣйствіи народу храброму, народу, борющемуся за свою законную свободу, есть уже совершившійся фактъ, — такъ почему же не вспомнить и о такихъ фактахъ, въ которыхъ мы должны находить оправданіе его?

Почему нынѣ не спросить себя, какое же участіе принимали сербы и ихъ соплеменники въ нашихъ русскихъ общественныхъ отношеніяхъ? Почему не выяснить себѣ, какое значеніе имѣло у насъ это участіе Сербовъ?

Въ настоящей бесѣдѣ попытаюсь отвѣчать этимъ вопросамъ.

Отвѣчая, постараюсь сперва поставить на видъ самое наглядное обозрѣніе задачи, которые предположилъ себѣ. Мнѣ необходимо сперва сдѣлать какъ бы перечень того, о чемъ желаю бесѣдовать съ вами (1).

И такъ, спросятъ себя сперва, можно ли оставить безъ вниманія то обстоятельство, что въ исторіи славныхъ подвиговъ воиновъ нашихъ читаемъ имена Милорадовичей, Знаевичей, Хорватовъ, Шевичей, де Прерадовичей, Зоричей, братьевъ Текали, Орбы, Подгоричанъ, І. Скорича, А. Стратимировича, Угришинъ, Требишнянъ, Неранчичей, Княжевичей, Штеричей, князей Раш-

ковичей, Райковичей, Черноевичей, Вучей, Миоковичей, Пищевичей, Вукотичей, Войновичей и пр. пр.? (2).

Затѣмъ, можно ли почесть маловажнымъ случаемъ то, что, когда, благодаря подвигамъ этихъ воиновъ, южный край вошелъ въ составъ русскаго государства, онъ въ своихъ едва возникшихъ городахъ увидѣлъ двигателей своихъ промышленныхъ силъ, такихъ какими были сербы Лоровичи, Комненовичи, Джурановичи, Яксичи, Андричи, Славичи, Мариновичи, Бошковичи, Теодоровичи, Лучичи, Ризничи, Трипковичи и пр. пр.?

Наконецъ, спросимъ себя, не участвовали также сербы и въ движеніи нашего просвѣщенія, не оставили ли они у насъ трудовъ, достойныхъ благодарнаго воспоминанія? Развѣ безслѣдно прошла у насъ дѣятельность Младеновича, Янковича, Дудровича, Терлаича, Стойковича и пр. пр.?

Вникая въ сущность предложенной задачи, невольно сознаемся, что пора воздать *visum suique*, пора надлежащимъ образомъ оцѣнить участіе сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, пора съ подабающимъ вниманіемъ извлекать изъ муть забвенія—сказанія объ этомъ участіи.

Къ несчастію, сказанія, на которыхъ мы должны основать наши свѣдѣнія, хранятся или въ архивахъ вообще государства, а преимущественно южнаго края, или же въ частныхъ, доселѣ недоступныхъ для насъ семейныхъ архивахъ.

Мы еще очень бѣдны пособіями.

Необходимы тщательные поиски.

Имѣя это въ виду, члены Императорскаго Новороссійскаго Университета уже давно испрашивали разрѣшенія, учредить въ южной Россіи историческій архивъ, куда могли бы поступать и документы, касающіеся XVIII ст. Мы надѣемся, что желаніе это осуществится и тогда, наряду съ другими, озарится яркимъ свѣтомъ и наша задача.

Пока несобраны будутъ достаточныя свѣдѣнія о лицахъ и ихъ дѣятельности — повѣствованіе о значеніи участія сербовъ, подвизавшихся въ Россіи, будетъ отрывочно, непослѣдовательно.

Вотъ почему, смѣю думать, Вы, Мм. Гг., снисходительно будете внимать моему опыту отвѣчать своей задачѣ. Обращая вни-

маніе преимущественно на XVIII и начало XIX столѣтія, буду усиливаться указать на поводы, вызвавшіе участіе сербовъ, на поприще, гдѣ оно ознаменовалось и на главныя лица — которыми оно осуществилось.

Буду слѣдовать тому порядку вопросовъ, которыми обозначилъ свою бесѣду и попытаюсь разгадать смыслъ того или другаго явленія.

I.

За исходную точку возьму сперва весьма извѣстныя событія — переселенія сербовъ въ южную Россію (3). Онѣ начались очень рано — въ 1712 году. Уже въ 1717 году образовалось изъ сербовъ военное поселеніе при сѣверномъ Донцѣ и при рѣчкѣ Луганкѣ. Въ 1723 уже существовалъ гусарскій полкъ, состоявшій преимущественно изъ сербовъ. Онъ былъ усиленъ въ царствованіе Анны Іоанновны.

Но особенно въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны — на южно—русской землѣ совершилось знаменательное событіе.

Съ 1751 по 53 годъ на ней возникли области — Новая Сербія и Славяно-Сербія. Хорватъ, Шевичъ и Прерадовичъ были виновниками образованія этихъ областей. И такъ, на степяхъ, гдѣ доселѣ подвизалась по Днѣпру русская дружина запорожцевъ, еще до провозглашенія имени Новороссіи, оглашалось уже имя Сербовъ, призванныхъ на борьбу съ татарами и турками за русскую землю. Эта Новая-Сербія и Славяно-Сербія, предтечи новой-Россіи, сдѣлались рассадникомъ дѣятелей, ознаменовавшихъ себя на гражданскомъ и военномъ поприщахъ. Исторія, конечно, не забыла ихъ, но въ общемъ изображеніи великихъ событій XVIII ст., они являются какъ бы спутниками ихъ — а между тѣмъ подвиги многихъ изъ нихъ рѣзко выдѣляются по своему значенію въ судьбахъ южнаго края.

Я останавливаю Ваше вниманіе на одномъ изъ нихъ, чтобы обозначить это значеніе. Имя подвижника, о которомъ скажу, также памятно русскимъ какъ и сербамъ. Это былъ — Петръ Тевели (4), который предупредилъ Хорвата и Шевича, и вмѣстѣ съ братьями своими служилъ Россіи слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Очертишь кратко жизнь его. Петръ Текели, сынъ Ранка Текели и внукъ Иоанна, сподвижника Евгенія Савойскаго, родился въ 1720-мъ году.—Семейство его было уже извѣстно Петру Великому, который оставилъ ему на память свой портретъ. Оно преимущественно проживало въ городѣ Арадѣ, основанномъ Иоанномъ Текели. По матери Петръ Текели происходилъ отъ достопамятныхъ князей Рашковичей, послѣднихъ воеводъ или бановъ земли Рашской, гдѣ нынѣ Новый—пазаръ.

На 21-мъ году жизни Петръ Текели водилъ отрядъ сербовъ противъ французовъ въ войнѣ австрійской за наслѣдство. Въ 1748 году онъ оставилъ австрійскую службу и вступилъ въ русскую—поручикомъ. Когда возникла Новая Сербія—онъ преимущественно избралъ Миргородъ мѣстомъ своего пребыванія.

Оттуда онъ водилъ свои сербскій гусарскій полкъ противъ Пруссіи и отличился въ битвѣ подъ Коллиномъ, гдѣ былъ тяжело раненъ. Въ борьбѣ съ лигой конфедератовъ Текели благодарными распоряженіями — заслужилъ похвалу военной коллегіи и чинъ бригадира. Когда настала турецкая война—онъ въ корпусѣ Панина ознаменовалъ себя подвигами при осадѣ Бендеръ и украшенъ орденомъ св. Георгія. Война эта, преимущественно названная Румянцовскою, открыла блестящее поприще для Текели и его славныхъ сподвижниковъ, сербовъ. Расширяя область завоеваній въ краѣ, которому отсель суждено было носить названіе Новой Россіи, она повела къ завоеванію Крыма и затѣжь очаковской земли. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Текели и его сподвижники принимали самое рѣшительное участіе.

Но Текелию въ этомъ краѣ суждено еще было—роковое призваніе. Когда именно Новая-Сербія и Славяно-Сербія устранивались, онъ устранивались при тяжкомъ соперничествѣ той русской дружины, которая въ виду государственнаго единства—сознавала близкое свое паденіе. Среди попытокъ преобразовать эту дружину, судьбѣ угодно были порѣшить ея вопросъ быть или не быть—однимъ ударомъ.

Кому неизвѣстна такъ называемая атака запорожья? Именно вскорѣ послѣ кучук-каинардскаго жира Текелию выпалъ жребій стать во главѣ ополченія, призваннаго совершить эту досто-

памятную атаку. Безсомнѣнія, благодаря его осторожности, благо-разумной простотѣ, запорожцы отвѣчали требованію государственнаго единства безъ пролитія крови — и лишь страхъ предъ крѣпостнымъ безправіемъ погналъ многихъ изъ нихъ въ турецкія земли.

Эта роковая необходимость сдѣлала имя Текели памятнымъ въ народной молвѣ, но современныя свидѣтельства — не укоряютъ его въ жестокости (4).

За тѣмъ Текели непрестанно участвовалъ въ борьбѣ съ татарами, на пространствѣ начиная отъ Очакова до Кубани. Въ чинѣ генералъ — аншефа онъ встрѣчалъ Императрицу Екатерину II и Императора Іосифа въ Херсонѣ, наканунѣ второй турецкой войны. Въ этой войнѣ, ему довѣрено было предводительство корпусомъ назначеннымъ на Кубань. Онъ завоевалъ тамъ именно тѣ земли, которыя вскорѣ стали землями запорожья, подъ названіемъ земли Черноморскаго казачьяго войска. Текелию, слѣдственно, предопредѣлено было избавить русскихъ людей отъ бродяжничества.

На Кавказѣ, побѣдамъ Текели не было бы предѣла, еслибъ несчастное приключеніе не остановило ихъ на всегда. Паденіе съ лошади, подведенной ему коварнымъ татаринимъ, изувѣчило его такъ, что онъ вынужденъ былъ оставить службу и умеръ въ Миргородѣ 1792 г.

И такъ на Днѣстрѣ, Днѣпрѣ и Кавказѣ — подвизался съ сербскою дружиною знаменитый вождь Текели. Значеніе этихъ подвиговъ можетъ только тотъ оцѣнить, кто въ повѣсти о славныхъ войнахъ временъ Румянцова, Репнина, Суворова и Потемкина не читаетъ только сухую переченьъ сраженій и эволюцій, но культурную эпопею, предвозвѣстившую южно-русской землѣ достойное ея историческое призваніе.

Имя Текели, громкое нѣкогда среди русскихъ, бессмертно среди сербовъ. Съ Петромъ Текели подвизались также и его братья Лазарь и Георгій съ сыномъ, а нѣкоторое время также его знаменитый племянникъ, Савва Текели, посѣщавшій дважды Россію. Этотъ Савва Текели, соревнуя своимъ роднымъ, отказалъ все свое имущество на пользу просвѣщенія сербскаго народа и на содѣйствіе Матицѣ Сербской.

Изъ сонма участниковъ въ борьбѣ за русскую землю съ

татарами и турками, я могъ бы многихъ еще выдвинуть такихъ, дѣянiя которыхъ можно прослѣдить въ подробныхъ исторiяхъ до-стопамятныхъ войнъ прошедшаго столѣтiя, но, имѣя въ виду участiе ихъ въ нашихъ общественнымъ отношенiяхъ, укажу еще и на такихъ, которые принесли себя на жертву имъ.

Да позволено будетъ упомянуть о личности, призванной представлять собою у насъ страну, нынѣ привлекающую уже все наше участiе. Конечно, несчастiе обрело эту личность на забвенiе, но историческая правда неизгладима.

Эту личность я уже назвалъ, сказавъ что Текали происходилъ по матери изъ древняго рода князей или бановъ земли Рашской, Рашковичей.

Что же такое эта земля? кто были князья Рашковичи?

М. Г. Кто изъ Васъ не обращаетъ взоры свои на страну, гдѣ происходитъ отчаянная борьба, кто мысленно не витаетъ на ея обгорелыхъ кровью хребтахъ и ущельяхъ? Эта страна—священная колыбель народа сербскаго. Тамъ вы встрѣтите смиренный храмъ, знаменующiй первое возниканiе историческаго значенiя Сербiи, зародившейся около Рассы или Рашки, тамъ и развалины обители перваго святителя Сербскаго св. Саввы, благословившаго сербовъ на тяжкiе подвиги въ будущемъ, не далеко оттуда переживаетъ еще вражду временъ и людей обитель патриарховъ, нѣкогда охранителей народа сербскаго. Въ виду этихъ то священныхъ памятниковъ зарожденiя, возрастанiя и величiя сербскаго народа—совершаются нынѣ роковыя событiя. Нынѣ народъ сербскiй, помня свою старую Сербiю, съ негодованiемъ взираетъ на поруганную свою святыню и въ тяжелой борьбѣ заявляетъ свѣту, что нежелаетъ дабы земля, на которой онъ созналъ свое историческое призванiе, оставалась навсегда ему чуждою. Какъ русскiй народъ благоговѣетъ предъ Киевомъ и Москвою, такъ и сербскiй народъ чтитъ свои Расу, Мишишево, Печь и Дечаны. Какъ русскiй народъ возобновлялъ послѣ иноплеменнаго поруганiя Киевъ и Москву, такъ и сербскiй народъ надѣется, что кровью своею смоетъ съ священныхъ памятниковъ своего славнаго прошедшаго пятно поруганiя. А пору-

ганіе это нанесено не только исламизмомъ но и двоувѣрною политикою пособниковъ туранцевъ (а).

Эту именно землю, слыущую въ народѣ подъ именемъ Старой Сербіи, охраняли отъ вѣшняго гнета посильно до конца XVII ст. патріархи сербскіе; въ ней до конца XVIII ст. удерживались потомки природныхъ сербскихъ князей. Несчастливымъ вызовомъ патріарховъ сербскихъ въ Австрію земля эта лишилась значительной части словянскаго населенія, замененнаго албанскими колонистами; благодаря австрійскому покровительству — природныя князья потеряли свою власть, народъ — поземельную собственность. Изъ этой именно земли вышли князья Рашковичи. Родъ этихъ князей Рашковичей очень древень. (2) Начало его можно прослѣдить до XIV ст. Одна вѣтвь его перешла въ Австрію и породнилась съ семействомъ Токели, другая оставалась въ старомъ удѣлѣ своемъ до временъ Румянцовской войны.

О судьбѣ именно этой второй вѣтви скажу — что могу, исполняя зарокъ — отвѣчать на запросъ знаменитаго русскаго историка. Первое упоминовеніе о Рашковичахъ въ Россіи находимъ въ воззваніи графа Румянцова 1770 года, посланномъ въ Боснію и Герцоговину на имя Авраама Рашковича. Въ этомъ воззваніи графъ Румянцевъ такъ похваляетъ усердіе князей сербскихъ: «благо воинстину ваше усердіе, что ищете руками своими упразднить ненавистниковъ креста Господня, магометанъ».

Вотъ первая вѣсть у насъ о князяхъ Рашковичахъ, соединенная съ благовѣстью — о свободѣ Герцоговины и Босніи. Затѣмъ въ архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ отъ 1784 и 1785 гг. сохранился рядъ документовъ, изъ которыхъ видно, что князья Рашковичи а именно Константинъ и Симеонъ — были ходатаями предъ Императрицею Екатериною II и княземъ Потемкинымъ о народѣ сербскомъ въ Герцоговиѣ и Босніи. Князю Симеону Рашковичу было поручено просить Императрицу дабы «еще нѣтъ времени нашему освобожденію, онъ могъ свободно проводить насъ съ нашими домами и фамиліями тамо-у россійское царство, чтобы имати

См: Чтеніе мое: О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ. Казань 1869 года.

поселеніе и пропитаніе» И дѣйствительно—съ этого времени въ исторіи второй уредкой войны мы встрѣчаемъ имена князей Рашковичей, имена ихъ сподвижниковъ, но съ трудомъ можемъ узнать о вниманіи къ ихъ заслугамъ. Многіе изъ нихъ пожертвовали жизнью своею въ этой войнѣ и только одинъ, пережившій прочихъ, получилъ въ награду сравнительно незначительный участокъ земли въ завоеванной Очаковской области. Но тамъ тяжело было его существованіе, бѣдственный былъ его конецъ.

Чѣмъ же объяснить печальную участь достойныхъ представителей Босніи и Герцоговины на землѣ русской—князей Рашковичей? Отъ чего имя князей Рашковичей погребено въ архивахъ, въ документахъ истлѣвающихъ отъ времени и враждебнаго небреженія?

Вопросъ этотъ поднять былъ не здѣсь, гдѣ пресыщенная современность легко забываетъ прошедшее, но тамъ, гдѣ уже не разъ подняты были вопросы о судьбѣ славянъ. Онъ былъ поднять тѣмъ, который, сознавъ потребность изученія нуждъ славянскихъ, вызвалъ также въ жизни благотворную мысль о помощи южнымъ славянамъ.

Въ Москвѣ именно, Мих. Петр. Погодинъ допытывался о судьбѣ князей Рашковичей, о жалкой ихъ участи.

Исполнимъ же долгъ нашъ — отвѣтимъ на этотъ вопросъ какъ можемъ.

Скажемъ сперва откровенно, что есть отношенія, для познанія которыхъ нужна независимость и тѣ качества, которыя не всякому дарованы человѣку. Та неутомимая пытливость, которая обнимаетъ все нужды народа, та честная защита призванія славянскаго—дается только избраннымъ людямъ.

И такихъ людей русскій народъ потерялъ недавно! Смерть Михаила Петровича Погодина и Юрія Θεодоровича Самарина оплакиваютъ все славяне. Эти мужи призваны были и ставить вопросы—и вызывать на нихъ отвѣты. Не забудемъ, что послѣднимъ дѣяніемъ Михаила Петровича была—усиленная ревность къ дѣлу сербовъ въ Герцоговинѣ и Босніи, что неизмѣннымъ зарокѣмъ Ю. Θ. Самарина была защита славянскаго призванія — на окраи-

нахъ русской земли. О! да вѣчно пребудетъ между нами память труженниковъ, заронившихъ въ жизнь нашу чувство историческаго самосохраненія. Да поминаются Погодинъ и Самаринъ особенно на окраинахъ русской земли!—

Помянувъ добрымъ словомъ поборниковъ словянскаго призванія, отвѣтимъ же теперь какъ можемъ на вопросъ, какаѣ судьба постигла у насъ князей Рашкевичей.

Князья Рашкевичи появились на этой южной окраинѣ тогда, когда, въ несчастію, таеъ называемый греческій прожектъ заслонялъ словянскій вопросъ. Этотъ греческій прожектъ выдвинулъ другія личности, другіе интересы.

Во время второй турецкой войны мы замѣчаемъ, что словяръ отталкиваетъ соперничество, весьма вредное и русскому народу. Наряду съ греками, искренно преданными своей народности, выползли и люди, которые подъ личиною грековъ, рассчитывали на выгоды отъ греческаго прожекта.

Это были прислужники господарей Молдавіи и Валахіи, двуличные рабы и турковъ и русскихъ. Ихъ было много при дворахъ Маврокордато, Мурузи, Ипсиланти, но особенно знаменита была ватага прислужниковъ—извѣстнаго господара Маврогенія. Усердствуя туркамъ; онъ окружалъ себя и энтузіастами грекофилами, и гнусными взыскателями.

Его-то школѣ обязаны Валахія и Молдавія своимъ истощеніемъ, изъ его также школы и Россія получила образцовыхъ потребителей трудовъ ея воиновъ. Искусившись въ школѣ Маврогенія, эти псевдогреки не преминули проникнуть и въ канцелярію князя Потемкина и, обративъ греческій прожектъ въ средство наживы, не упускали случая вредить ромунамъ и словянамъ. При такомъ оборотѣ дѣлъ немудрено—что ходатайство за угнетенныхъ христіанъ Герцоговины и Босніи должно было уступить болѣе ловкимъ ходатаямъ за личные свои интересы.

Извѣстно, что войною этою пріобрѣтена Очаковская область, извѣстно, кому преимущественно достались земли ея, значаемыя сперва заслуженнымъ воинамъ. Огромныя полосы ея перешли во владѣніе опытныхъ ловчихъ милостей правительства,

а Рашковичу досталась лишь въ надѣлѣ пустошь едва достаточная для его пропитанія тогда, когда онъ надѣялся переселить въ Россію своихъ соотчичей изъ Босніи и Герцоговины.

Рядомъ съ скуднымъ участкомъ Рашковича — тянулись земли, доставшіяся счастливому Портару изъ школы Маврогенія. За выгодныя ему же подряды и услуги вѣстовщика — ему уступлено $\frac{20}{7}$ десятинъ съ прихватомъ. Несчастный князь Рашковичъ, мечтавшій служить своимъ соотечественникамъ, очутился, стало быть, порубежникомъ счастливаго подрядчика греческаго прожекта. Тяжелы были испытанія, которымъ подвергся онъ въ такомъ сосѣдствѣ.

Среди усилій помочь своей родинѣ во время возникшихъ въ Турціи переворотивъ въ концѣ XVIII, а въ началѣ XIX ст. — Рашковичъ не успѣлъ устроить своего надѣла, вынужденъ былъ заложить его — и это повело его къ гибели. Недоброжелатели давно его подстерегали.

Наконецъ памятный Тираспольскій голодъ 1833 — 1834 годовъ рѣшилъ его участь. Его подвергли за незначительный долгъ взысканію — и все имущество его продано за безцѣновъ.

Последнее извѣстіе о князѣ Рашковичѣ, этомъ представителѣ земли, ознаменованной нынѣ отчаянною борьбою, можно прочесть въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1835 № 85, въ объявленіи о продажѣ его имѣнія съ публичнаго торгу.

Онъ умеръ въ Константинополѣ съ горя, семейство же его еще недавно влачило бѣдственную жизнь и тщетно умоляло о помощи. И такъ князьямъ Рашковичамъ, вызваннымъ на рускую землю событіями, подобными настоящимъ, суждено было испытать на себѣ силу греческаго прожекта, плодами котораго досыта воспользовались благообразные преемники Молдавскаго Портара, опытные помощники и покровители взысканій. Рашковича подвараулилъ Тираспольскій голодъ среди честныхъ стремленій служить своей родинѣ.

Изъ этого очерка, смѣю думать, можно заключить, что подробный разсказъ о судьбѣ сербскихъ воиновъ на русской землѣ — могъ бы дополнить исторію южнаго края. Обращаюсь теперь къ другому вопросу.

II.

Утверждая тяжкими подвигами господство свое на сушѣ, народъ русскій не могъ не чувствовать потребности — достигать самостоятельности и въ мореходствѣ. Усилія устроить военный флотъ — кому неизвѣстны? Мы, однакожъ, не должны забыть, что и въ этомъ великомъ предпріятіи принимали участіи сербы отъ Знаевича при Петрѣ В. до Войновича при Екатеринѣ II-й. Но мореходство движетъ также и промышленныя силы народа. Движеніе это, прекрасно названное сербскимъ словомъ *Rokret*, знаменуетъ всегда успѣхи общественныхъ отношеній. Кто же здѣсь на югѣ содѣйствовалъ этимъ успѣхамъ?

Я уже въ началѣ своей бесѣды упомянулъ, что въ едва возникшихъ на югѣ Россіи городахъ — возникали также, не смотря на соперничество, и торговые дома сербовъ.

Но этимъ я обозначилъ фактъ, смыслъ котораго гораздо шире, связь котораго съ развитіемъ нашей общественной жизни гораздо знаменательнѣе.

Постараюсь пояснить свои слова, указывая вѣрнѣе на тѣ потребности, которыя возникли въ обществѣ русскомъ и на призваніе сербовъ отвѣчать этимъ потребностямъ. Тяжъ, кто безъ изумленія можетъ взирать на громадныя размѣры нынѣ такъ величаво развившагося общества парокходства и торговли? Но счастливому этому успѣху предшествовали долгіе и тяжкіе опыты,

Обратимся же къ давнопрошедшему, спросимъ себя, что было до основанія этого общества, кто совершалъ эти тяжкіе опыты. кто преимущественно замѣнялъ это общество? Потрудимся вникнуть въ наши архивы и тамъ въ обветшалыхъ документахъ, прочтемъ, что нѣкогда задачи этого громаднаго общества осуществляли намъ негодіанты и капитаны сербы, которые, заботясь о сбытѣ, заботились также о сношеніяхъ посредствомъ мореходства.

Но, скажутъ, я преувеличиваю, я говорю на обумъ: такъ обратимся же къ другой потребности, которая какъ совѣсть, все болѣе и болѣе пробуждается въ русскомъ народѣ. Потребность эта есть развитіе русскій коммерческой флотъ.

Русскій коммерческій флотъ — это жизненное звѣно въ организмѣ государства, не есть ли завѣтная потребность русскаго народа? Взглянемъ же теперь на Черное море, вспомнимъ прошедшее, спросимъ себя не оправдана ли была эта потребность — словянскимъ т. е. сербскимъ коммерческимъ флотомъ? (6) Этому именно словянскому флоту, мы обязаны быстрымъ развитіемъ торговыхъ предприятий на Черномъ морѣ въ прошлое время. Что этотъ флотъ былъ словянскій и не малочисленный, вникнемъ опять въ архивы и тамъ мы узнаемъ, что въ русской промышленности принимали участіе корабли подъ русскимъ флагомъ, корабли — Комненовичей, Цотичей, Ивановичей, Навиченовичей, Джурасовичей, Джелатичей Маловичей, Иличей, Джурановичей, Матковичей, Поповичей, Мрше, Перовичей, Казанегровъ. Эти корабли подъ русскимъ флагомъ совершали трудное и опасное мореплаваніе. А сколько было такихъ кораблей, которыхъ флаги были хотя не русскіе, но которыхъ капитаны и экипажъ были словяне-сербы. Изъ нихъ рѣдкій кто не посѣщалъ Чернаго моря. Исторія торговыхъ нашихъ предприятий сохранила память о Маркѣ Гойковичѣ, Спирѣ Войновичѣ, братьяхъ Митровичахъ, Сеничахъ, братьяхъ Янковичахъ, Павковичахъ, Лазаревичахъ, братьяхъ Маловичахъ, Вукасовичахъ, Сушичичахъ и пр. пр. Этотъ флотъ имѣетъ огромное значеніе въ жизни южной Россіи. Онъ былъ предтечей русскаго коммерческаго флота и отрадно знаменовалъ собою тотъ фактъ, что сербы и на сушѣ и на морѣ принимали участіе въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

Была еще одна насущная потребность русскаго народа, именно та которую, особенно возлелѣялъ южный край. Русскій народъ, на югѣ и на сѣверѣ не чуждъ мореплаванія, въ природѣ его лежитъ такаже отвага какъ и во всѣхъ предпринчивыхъ народахъ, но ему не достаетъ той увѣренности въ своемъ призваніи, которая есть слѣдствіе свободнаго соревнованія. Сословіе вольныхъ матросовъ медленно но, наконецъ, устроилось у насъ при данныхъ условіяхъ, оно получило однакожъ свое развитіе при содѣйствіи опытныхъ и отважныхъ словянскихъ морнаровъ. Дай Богъ, дабы свободное соревнованіе было поощреніемъ нашимъ вольнымъ матросамъ, которыхъ естественными побратимами будутъ словянскіе морнары.

И очертилъ только значеніе участія сербовъ на самомъ трудномъ поприщѣ ихъ дѣятельности. Раскрыть факты, доказывающіе давнюю связь двухъ морей, Адриатическаго и Чернаго, дополнить ими исторію городовъ южно-русскихъ, — указать въ какой степени благостояніе края было въ связи съ предпримчивостію двигателей торговыхъ интересовъ, — всё эти вопросы ждутъ еще пособій, которыя, надѣясь, не откажутся собирать достойные преемники первыхъ участниковъ въ преобразованіи южнаго края.

Жалѣю особенно, что не могу изобразить изъ ряда дѣятелей — хотя одну личность. Мои свѣдѣнія очень скудны. Ихъ вѣроятно доставятъ люди, которымъ дорого какъ имя сербовъ, такъ и участіе ихъ въ исторіи нашей торговли.

Я сообщалъ только то, что находилъ въ доступныхъ мнѣ источникахъ. Полагаю, что въ памяти многихъ жителей Одессы сохранились подробности, достойныя общей извѣстности.

III.

Послѣ подвижниковъ на полѣ брани, послѣ подвижниковъ на морскихъ пучинахъ, какъ же забыть ратоборцевъ, которыхъ подвиги не всякій замѣтитъ?

Своимъ долгомъ считаю призвать вниманіе Ваше на труды Сербовъ еще на одномъ поприщѣ. Труды эти касаются самой дорогой задачи для cadaго изъ Васъ — задачи народнаго просвѣщенія. Спросимъ же себя, чѣмъ ознаменовали себя Сербы у насъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, дѣлѣ народнаго просвѣщенія?

Скажу сперва вкратцѣ, чего достигли мы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи. Съ Петра В. потребность просвѣщенія постепенно усиливалась, но ей удовлетворяли несообразно. То исключительно практическія школы, то тяжелое семинарское ученіе при рутинѣ чисто внѣшней предлагались пытливости юношества, стремившагося на службу отечеству. Только три гимназіи въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, и Казани, возникшія впоследствии, были условно лучшими учебными заведеніями.

Первымъ нуждамъ грамотности отвѣчали цифирныя и затѣмъ гарнизонныя школы. Наконецъ, съ учрежденіемъ губерній (въ 1775)

возложено на Приказы общественнаго призрѣнія попеченіе о народныхъ училищахъ. Между тѣмъ съ половины XVIII в., съ эпохи основанія Московскаго университета, потребность внутренняго преобразованія въ области воспитанія высказывалась все громче и громче. Ее заявляли И. И. Шуваловъ и особенно незабвенный И. И. Бецкій. Полагая, что причина превратнаго воспитанія лежала въ семействѣ, И. И. Бецкій вѣрилъ въ призваніе школы воспитать новое поколѣніе. Но школѣ тогда не доставало методовъ, не доставало научныхъ пособій.

Поэтому то правительство, въ виду успѣховъ воспитанія въ Европѣ, сильно озабочено было тѣмъ, какъ устранить эти недостатки.

Юному тогда великому князю Павлу Петровичу суждено было сознательно пособить трудной этой задачѣ воспитанія.

Путешествуя по Европѣ, въ 1781, 1782 годахъ, онъ внимательно посѣщалъ учебныя заведенія. Въ Вѣнѣ, гдѣ тогда благодаря преобразованіямъ Императора Іосифа II-го устроились образцовыя училища, великій князь, лично знакомый съ ними, бесѣдуя съ митрополитомъ сербскимъ, Іосифомъ Путникомъ, пожелалъ пригласить къ себѣ наставниковъ изъ сербовъ. Митрополитъ поручилъ его вниманію нѣкоего Янковича, тогда уже директора школъ Темешварскаго округа. Янковичъ принялъ приглашеніе и снабженный лестнымъ отзывомъ Императора Іосифа II, отправился въ С.-Петербургъ, былъ немедленно удостоенъ вниманія Императрицы Екатерины II и вскорѣ оправдалъ вполне оказанное ему довѣріе. И такъ въ Россію, въ то самое время, когда сознавались потребности лучшаго устройства учебной части, призванъ былъ педагогъ Янковичъ, сербъ. (7).

Не будетъ излишнимъ кратко очертить личность этого достопамятнаго сербскаго педагога.

Потомокъ стариннаго сербскаго рода Янковичей, переселившихся изъ села Миріево, что близъ Бѣлграда въ Славоніи, Ѳ. И. Янковичъ родился въ селѣ Каменицѣ въ 1741. Изъ училища въ Карловцахъ, онъ, на иждивеніи епископа Викентія Видака, переѣхалъ въ Вѣну и тамъ въ университетѣ изучалъ философію

и юридическія науки. Нѣкоторое время потомъ онъ несъ обязанности секретаря при упомянутомъ епископѣ Вивентіѣ, но затѣмъ, когда школьная реформа вводилась у славянъ, онъ назначенъ былъ директоромъ народныхъ школъ въ Темешварскомъ бананѣ. Онъ ввелъ лучшей нарядъ въ училищахъ и отстаивалъ славянскую письменность, которую хотѣли устранить. Среди споровъ изъ за кириллицы, онъ въ 1782 былъ лично былъ представленъ В. К. Павлу Петровичу, которому желательно было, дабы православный сербъ содѣйствовалъ и въ Россіи преобразованію училищъ.

Янковичъ, отклонивъ выгодныя предложенія въ Австріи, предпочелъ отправиться въ Россію. Въ Россіи, благодаря милосердивому довѣрію Императрицы Екатерины II, онъ немедля преданъ труду по устройству народныхъ училищъ.

Онъ дѣйствовалъ у насъ какъ директоръ народнаго училища, какъ членъ комисіи народныхъ училищъ, и какъ руководитель созданной по его мысли учительской семинаріи. Онъ также изготавлялъ планы для имѣвшихся открытыя университетовъ.

Неутомимые труды на поприщѣ учебномъ довели Янковича до истощенія и онъ провель въ тяжкомъ недугѣ остатокъ жизни и умеръ въ С.-Петербургѣ. 1813 года.

И такъ въ трудномъ дѣлѣ нашего народнаго просвѣщенія принималъ самое живое участіе сербъ Янковичъ.

Въ чемъ же состояли его заслуги, какіе же его труды? Заслуги Янковича въ отношеніи преподаванія въ нашихъ училищахъ были огромны. Онъ пересадилъ на нашу почву лучшіе плоды европейской дидактики. Онъ былъ живымъ примѣромъ для молодыхъ наставниковъ, представляя собою олицетвореніе разумнаго способа ученія.

И въ общихъ пріемахъ преподаванія и въ частныхъ наставленіяхъ онъ ввелъ многое что моглобы и въ настоящее время оживить нашу школу. Бывъ образцомъ прямоты, скромности, безукоризной честности и строгой набожности, онъ внушалъ моло-

днимъ наставникамъ то настроеніе, съ которымъ они должны обращаться съ учениками. Наставникъ — по внушенію Янковича — возбуждая въ ученикахъ вниманіе къ ученію, становился путево-дителемъ, но не розыскателемъ.

Упрочивая методы ученія въ своемъ вѣдомствѣ, Янко-вичъ посвящалъ труды свои на устройство учебной части въ корпусахъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Его наказы ди-ректорамъ, его инструкціи инспекторамъ были одобрены и при-няты во всѣхъ вѣдомствахъ, отъ которыхъ зависѣли училища. Ему также принадлежитъ мысль, дабы директора и учителя со-бирали географическія и статистическія свѣдѣнія о тѣхъ намѣст-ничествахъ, въ которыхъ находились училища. Благодаря такой дѣятельности изъ народныхъ училищъ развились гимназіи, а изъ гимназій возникли университеты, въ которые Янковичъ прочилъ сер-бовъ, ученыхъ но православныхъ, для занятія профессорскихъ кафедръ.

Ученые его труды достойны также уваженія. Изъ предначер-танныхъ пособій, онъ составилъ около 10-ти учебниковъ, а для дру-гихъ онъ писалъ руководительныя наставленія. Такъ, имъ состав-лены учебники: начальнаго ученія, зрѣлище вселенныя, всемир-ная исторія, русская исторія, всеобщая географія и книга о дол-жностяхъ человѣка. Какъ членъ російской академіи онъ дѣятель-но работалъ для русскаго академическаго словаря и по особому порученію Имп. Екатерины II. составилъ редакцію сравнительнаго сло-вара всѣхъ языковъ въ алфавитномъ порядкѣ и съ прибавленіями. Въ дѣлѣ, слѣдственно, народнаго просвѣщенія самымъ ревностнымъ исполнителемъ обязанностей наставника былъ сербъ, Феодоръ Ив. Янковичъ.

Конечено, скажутъ строгіе судьи чужихъ заслугъ, этотъ сербъ пересадилъ въ Россію готовныя методы и приемы для учи-лищъ. Что съ нимъ случилось, то и нынѣ случается, именно удач-ное болѣе или менѣе заимствованіе. Онъ, де, вышелъ изъ Ав-стріи, гдѣ въ царствованіе Іосифа II. введена пресловутая школь-ная норма!

Но вѣрность своему признанію, мягкость обращенія, воодушевленіе священнымъ долгомъ наставника развѣ эти качества заимствуются?

Бездушное заимствованіе бываетъ всегда и вездѣ, но вѣра въ призваніе есть слѣдствіе внушеній болѣе возвышенныхъ.

Эти внушенія возникли среди сербскаго народа, у котораго тогда совершалъ свою просвѣтительную мисію великій народный наставникъ, олицетворившій собою лучшія качества словянина, приснопамятный Досіеѣй Обрадовичъ. Проповѣдуя Сербамъ, что просвѣщеніе, проникнутое любовью къ своей народности, ведетъ къ общенію народовъ, указывая на самоотверженіе русскихъ, Досіеѣй Обрадовичъ заронилъ въ душѣ Янковича и ту ревность къ исполненію долга и ту любовь, съ которою посвящалъ онъ русскимъ все свои силы даже до изнеможенія.

Мы, слѣдственно, имѣемъ право заключать, что Янковичъ былъ у насъ не проводникомъ только австрійской школьной нормы, но вѣрнымъ исполнителемъ челоуѣколюбиваго ученія, завѣщаннаго сербамъ въ твореніяхъ Досіеѣя Обрадовича, воскресителя народнаго сознанія.

Не обинуясь скажу, что русское народное просвѣщеніе оживлено было, благодаря трудамъ Янковича, духомъ ученія, дѣйствовавшаго на сердце и разумъ, ученія Досіеѣя Обрадовича.

Стало быть лучшая страница въ исторіи народнаго русскаго просвѣщенія могла бы носить названіе—эпохи сербской педагогіи.

Еще одно слово о направленіи этой сербской педагогіи.

Выводы свои извлекаю изъ наставленій Досіеѣя Обрадовича и Ѳ. И. Янковича. Они очень просты.

Воспитаніе, образованіе юношества въ духѣ Обрадовича и Янковича зиждится на краеугольномъ камнѣ — вѣрѣ отцевъ, за тѣмъ, совершается при соблюденіи наглядности, повторенія и возможно-вразумительнаго разъясненія предметовъ. Слова безъ познанія предмета суть пустыя слова, и это правило, высказанное уже чехомъ Коменскимъ, оправдывалось и въ учительской семинаріи

и въ народныхъ училищахъ. Стало быть, Янковичъ, скажутъ, былъ реалистъ?

Но тогда, когда сербская педагогія Обрадовича и Янковича оживляли народныя наши школы, тогда, слава Богу, просвѣщеніе не достигло еще той степени прогресса, чтобы безусловно придавать этому направленію преимущество, чтобы, возбуждая демоническую травлю на едва возникшіе порядки въ школахъ, возстановлять общественное мнѣніе противъ исконнаго двигателя нашего просвѣщенія.

Дѣйствительно, въ духѣ сербской педагогіи возможная наглядность должна предшествовать всякой теоріи, но она же признавала осуществимость изученія словесности двухъ первенствующихъ народовъ древняго міра, изученія, называемаго вообще классическимъ. Отъ степени и способа изученія древняго міра она ставила въ зависимость сознаніе словянъ и своего признанія и своей самостоятельности. Она недопускала глумленія надъ животворнымъ источникомъ народнаго пробужденія. Только подъ условіемъ классической подготовки, Обрадовичъ и Янковичъ полагали возможнымъ усилить трудовъ въ наукахъ, составлявшихъ университетское завершительное образованіе.

Поставивъ главнымъ призваніемъ чловѣка трудъ, работу ради себя и ради другихъ, Обрадовичъ и Янковичъ устранили вредное противоположеніе классическаго и реальнаго воспитанія въ виду истинно реальнаго оправданія въ жизни возвышенныхъ началъ общественнаго строя.

Начала эти были послѣдовательно и благотворно исповѣдуемы у насъ двумя учеными сербами, приглашенными также какъ и Янковичъ, въ Россіи.

Вотъ какъ опредѣлялъ одинъ изъ нихъ съ каедры — значеніе народнаго просвѣщенія въ Россіи: оно должно въ каждомъ русскомъ, какъ членѣ народа отличнаго, благодушнаго и остроумнаго развитъ два нераздѣльныя свойства, *хотѣть и умѣть* точно и сообразно съ цѣлью исполнять свой общественный гражданскій долгъ. Такъ учили у насъ двое Сербовъ, одинъ проф. философіи, другой профессоръ гражданскаго права. Осмѣливаясь упомянуть

объ этихъ двухъ Сербяхъ, давно уже забытыхъ, сознаю свою некомпетентность и опасаясь, что слова мои не заслужатъ довѣрія.

Поэтому упомянувъ, что сербскіе ученые проводили у насъ начала соединенія воспитанія съ гражданскимъ долгомъ, скажу, что такими учеными были Дудровичъ и Терлаичъ.

Умолчу о Дудровичѣ. Намъ, старымъ студентамъ Харьковскаго университета имя это дорого, но, сознавая некомпетентность свою, не желаю личными воспоминаніями утруждать васъ.

О Терлаичѣ же (8) несказать подобающаго слова будетъ грѣшно намъ—и Вамъ, М., Г., которые знаете, что каждое право исходить изъ заповѣди *summi sui que*.

Недовѣряйте конечно моему личному мнѣнію, но—признавая правду словъ *summi sui que*—вникнете, прошу, въ безсмертный трудъ знаменитаго русскаго законовѣда Неволіна и на первой же его страницѣ вы встрѣтите имя Терлаича. Этимъ именемъ начинается именно исторія науки гражданскаго права Неволіна.

Познакомимся же съ этимъ достойнымъ сербскимъ ученымъ, памятнымъ въ наукѣ нашего гражданскаго права.

Терлаичъ род. въ 1766 году въ селѣ Мохолѣ, что въ области, называемой Вачка. Онъ былъ сынъ обѣднхъ землевладѣльцевъ.

Слѣдуя задуманному влеченію, онъ, едва вышедши изъ дѣтскаго возраста, поспѣшилъ въ Пештъ, гдѣ кончилъ гимназію. Изъ гимназіи онъ, на иждевеніи Епископа Видака, поступилъ въ университетъ въ Вѣнѣ. Еще студентомъ онъ приглашенъ былъ русскимъ посломъ Д. М. Голицынымъ исполнять при немъ должность домашняго секретаря. Окончивъ въ университетѣ курсъ юридическихъ наукъ, онъ отклонилъ лестное предложеніе вступить въ русскую службу, но частно имѣлъ возможность посѣтить Петербургъ и Москву то по дѣламъ князей Голицыныхъ, то по дѣламъ другихъ. Содѣйствуя между тѣмъ сербской литературѣ, онъ послѣдуя Обрадовичу, издалъ нѣсколько общенародныхъ сичиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, на сербскомъ языкѣ.

Въ 1801 году онъ подружился съ духовникомъ великой

бнягини Александры Павловны, супруги Венгерскаго палатина, Самборскимъ. По его и Янковича совѣту онъ рѣшился наконецъ остаться въ Россіи и принялъ сперва каеедру исторіи, за тѣмъ, съ основаніемъ училища правовѣдѣнія, каеедру энциклопедіи права и наконецъ гражданскаго права.

Изъ С.-Петербурга онъ переведенъ былъ въ Харьковскій университетъ, но тамъ вскорѣ послѣ своего перевода умеръ, именно въ 1811 году.

Плодомъ его трудовъ въ Россіи было, кромя отдѣльныхъ разсужденій, первое по времени *Руководство къ познанію частнаго гражданскаго права*, изданное съ обширнымъ по энциклопедіи и исторіи права введеніемъ въ 1810 году.

Трудъ этотъ проникнутъ возвышеннымъ пониманіемъ русской правды, старой и новой, заключаетъ въ себѣ ученіе, о которомъ я упомянулъ, и носить, при строгой научной методѣ, печать духа Д. Обрадовича, котораго творенія и изображеніе онъ хранилъ въ С.-Петербургѣ:

Онъ, стало быть, смѣю сказать, былъ бы не лишнимъ и теперь, когда званіе присяжныхъ на судѣ обязываетъ разумѣть духъ законовъ. О благи русскихъ законовъ Терлаичъ именно училъ.

Но, скажутъ намъ, Терлаичъ и его послѣдователи — не помогутъ намъ устоять противъ ученія о борьбѣ за существованіе, противъ теоріи подбора.

Не смѣю спорить; испытывая силу такого ученія, вполне сознаю, какъ было бы несовременнымъ входить въ подробности о трудахъ Серба, учившаго насъ нѣкогда русскому гражданскому праву.

Да и кто нынѣ будетъ внимать славянскому ученому, устарѣвшему, забытому?

Ему, однакожъ, нѣкогда внимали и внимали тѣ, отъ власти которыхъ зависѣло законодательство.

Удостоите же меня, прошу Васъ, М. Г. еще на мгновеніе своего вниманія и благосклонно выслушайте краткій разсказъ, о томъ, кто и какъ внималъ ученому Сербу, профессору Терлаичу. Разсказъ этотъ основанъ на современной перепискѣ 1806

года. Именно въ 1806 г. въ С.-Петербургѣ было открыто училище правовѣдѣнія—начальникомъ котораго назначенъ былъ Н. Н. Новосильцовъ. Августа 31-го того же года, оно открылось чтеніемъ по энциклопедіи права, произнесеннымъ проф. Терлаичемъ — въ присутствіи Государя Императора Александра Павловича, митрополита Амвросія, свѣтлѣйшаго князя Лопухина, тогда министра юстиціи, всѣхъ сенаторовъ и всѣхъ членовъ комиссіи составленія законовъ.

Во время чтенія Государь подошелъ къ кафедрѣ и, стоя, слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда князь Лопухинъ, предполагая, что чтеніе утомляетъ Государя—доложилъ, что его можно прекратить, Государь, далъ знакъ не мѣшать и такъ простоялъ, слушая чтеніе, до конца.

Когда Терлаичъ кончилъ, Государь спросилъ его: Вы изъ Сербовъ?—Изъ Сербовъ, Ваше Императорское Величество.—Давно-ли Вы здѣсь? продолжалъ Государь?—Уже 6-ть лѣтъ, отвѣчалъ онъ.

За тѣмъ Государь удостоилъ своего привѣта другихъ присутствующихъ лицъ и опять обратился къ Терлаичу съ вопросомъ.

Какъ велико пособіе сдѣлалъ Вамъ сербскій языкъ въ языкѣ русскомъ?—Весьма велико, отвѣчалъ Терлаичъ—А велика-ли разница между сербскимъ и русскимъ языкомъ?—Не очень велика, сказалъ Терлаичъ.

Но есть разница въ выговорѣ, замѣтилъ Государь и съ этими словами отправился въ залу, гдѣ ожидали его русскій хлѣбъ—соль.

Государь побѣсѣдовалъ тамъ съ министромъ и сенаторами, пожелалъ успѣха возникшему учебному заведенію и удалился.

Проводивъ Государя, все собраніе почетныхъ гостей воротилось въ залу, и вскорѣ она огласилась единодушнымъ кликомъ: да здравствуетъ Терлаичъ! Я,—пишетъ Терлаичъ—исполненный благодарности, среди всеобщаго восторга поспѣшилъ отвѣчать:

Да здравствуетъ долголѣтно вѣнценосный другъ челоуѣчества, Государь Александръ Павловичъ! да здравствуетъ и весь родъ сербскій, его же имя произнесъ великій Государь!

Такъ внимали 31-го августа въ 1806 г. сербскому ученому, Терланчу, профессору законовѣдѣнія въ Россіи. —

Я очертилъ предъ Вами воспоминанія о давно минувшихъ событіяхъ, лаская себя надеждою, что Вы, Милостивые Государи, благоволите признать, что участіе Сербовъ среди насъ русскихъ имѣло свое значеніе и что оно достойно внимательнаго изученія.

ПРИМЪЧАНІЯ:

1) Чтеніе это основано преимущественно на печатныхъ источникахъ. Весьма немного удалось мнѣ узнать отъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ Новороссійскомъ краѣ.

2) Извѣстіе о военныхъ сербскаго происхожденія заимствовано изъ весьма замѣчательнаго сочиненія генерала Пищевича, изъ котораго подробныя выписки помѣщены въ статьѣ Н. А. Попова: Военное поселеніе сербовъ въ Австріи и Россіи. Вѣстникъ Европы 1870 года, стр. 584.

Сочиненіе Пищевича носитъ заглавіе:

Извѣстіе, собранное изъ разныхъ авторовъ и введенное переводомъ на славянскій языкъ о народѣ славянскомъ Иллиріи, Сербіи и всѣхъ той націи бывшихъ князей, королей, царей и деспотовъ, также нѣкоторыя поясненія о греціи, турціи и бывшемъ давнѣмъ венгерскомъ бунтѣ, а напоследокъ о выходѣ сербскаго народа въ Россію, сочинено генераломъ маіоромъ и ордена военнаго кавалеромъ Симеономъ Пищевичемъ, его собственнымъ трудомъ и рукою зачаломъ предъ нѣсколькими годами, окончено въ 1795 году.

Нѣкоторыя весьма любопытныя свѣдѣнія о сербахъ и ихъ житѣ и бытѣ—можно найдти въ автобіографіи Герасима Зелича, который два раза посѣщаль Ново-Сербію. Она озаглавлена такъ: Житіе скръчь рожденіе, воспитаніе, странствованія и различна по свѣту приключенія Герасима Зелича архимандрита свето успенске обители Крупе у Далмаціи — и проч. — нимъ самимъ — списано. Въ Будимѣ 1823 г. стран. 75 и 245. —

3) Вообще о переселеніи Сербовъ въ Россію см. П. Кеппена, Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ европейской Россіи стр. 419 и С.-П. Ешевскаго. Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны Сочин. Ешевскаго часть II стр. — 548.

4) Очеркъ жизни Петра Аврамовича Текели основанъ на біографіи его, напечатанной во II части лѣтописа Матицы Сербской 1833 и на сочиненіи докт. Іов. Субботича: Животъ Саве Текеліе о у Будиму 1862 г. О дѣйствіяхъ Текелія во время атаки Запорожья—см. сказанія Боржа,

5) О Рашковичахъ — Пищевичъ въ выше упомянутомъ сочиненіи, упоминаеть какъ о потомкахъ князя Лазара Гребліановича и супруги, его.

Милицы.—О нихъ есть также извѣстiе въ хроникѣ Марка Сервiевскаго, гдѣ упоминаются Documenta nonnulla Familiae Raskovits—См. серпскiи народни сабор. 1769 у Карловцима—Райковича въ Серпски Лѣтопис.—1872 г. стр. 152.

См. Выписки изъ актовъ архива Министерства иностр. дѣлъ: письмо къ Императрицѣ, письмо къ князю Потемкину помѣщены въ разборѣ проф. Богшича сочиненiя Н. А. Попова, Россiя и Сербiя — С.-Петербург. 1872 года стр. 22—30.

Посланiе графа Румянцова на имя Авраама Рашковича напечатана въ сочиненiи: Война россиѣ съ турцiей—1765—1774 капитана А. Петрова томъ II-й стр. 257.

6) Свѣдѣнiя о сербскихъ мореходцахъ преимущественно основаны на сочиненiи:—Нѣшто о сербљима на мору — помѣщенномъ въ 4 част. сербскаго Лѣтописа Матице Сербске 1832.

Бое что можно найти въ разныхъ сочиненiяхъ, касающихся Новороссiйскаго края. Если не ошибаюсь, есть особое Высочайшее повелѣнiе Императора Павла о постройкѣ судовъ въ Херсонѣ, порученной Комененовичу.

7) О Янковичѣ — весьма важное извѣстiй помѣщено въ сочиненiи Вукичевича: Србске Школе у XVIII ст., см. Перви извештай о явномъ учительско-приправничкомъ заводу Србскомъ у Сомбору — Сомборъ 1863. Биографiя Янковича помѣщена въ 1 части 1826 србског лѣтописа,—стр. 21—28.

Оцѣнка трудовъ Янковича въ Россiи подробно изложена въ соч. А. С. Воронова: Материалы для исторiи просвѣщенiя въ россиѣ въ въ XVIII ст. Федоръ Ивановичъ Янковичъ.

Свѣдѣнiя свои, почерпнутыя изъ этихъ сочиненiй, я дополнилъ замѣтками изъ писемъ Обрадовича, Терлаича, помѣщенныхъ въ разныхъ книгахъ србскаго лѣтописа.

8) О жизни Терлаича—см. Лазара Бича: Памятникъ мужемъ у славяно — сербскомъ книжеству славнымъ—перва часть 1815 стр. 67 Письма Терлаича помѣщены въ сербскомъ Лѣтописѣ. Письмо къ матери объ открытiи института правовѣдѣнiя въ Сербскомъ лѣтопису за годъ 1825 т. ч. стр. 133, ср. Серб. л. 1826 1 ч.

Сочиненiе Терлаича, о которомъ упоминаю, носятъ заглавiе: Краткое руководство къ систематическому познанiю гражданскаго частнаго права Россiи, начерт. профессоромъ Григорiемъ Терлаичемъ Часть I и II С.-Петер. 1810 года, см. К. Неволина, Исторiя россиискихъ гражданскихъ законовъ С.-Петер. т. 1-й стр. 1-я.

ОТЧЕТЪ

(второй)

о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля по 1-е августа 1875 г.

доцента Императорскаго Новоросійскаго Университета

А. Кочубинскаго.

Представляя вниманію Министерства мой первый полугодовой отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями (галицко-рускимъ, старопольскимъ и старочешскимъ), я успѣлъ довести свои работы въ области изученія старочешскаго языка и письменности не далѣе конца XIII и начала XIV вѣковъ: естественно, мой настоящій отчетъ будетъ непосредственнымъ продолженіемъ перваго, такъ какъ главная масса памятниковъ чешскаго языка (старого) оставалась еще впереди — нетронутой. Поэтому, представляя второй отчетъ, я позволю себѣ начать его съ возможно краткаго описанія тѣхъ рукописей и печатанныхъ памятниковъ старочешскаго языка, на занятіе которыми я посвятилъ время моего дальнѣйшаго пребыванія въ Прагѣ.

И въ настоящемъ отчетѣ, какъ и прежде, я при размѣщеніи старочешскихъ рукописей буду держаться единственно возможнаго, при изученіи языка, хронологическаго порядка, конечно, съ болѣею или меньшею вѣроятностію опредѣляя вѣкъ языка

- Cytisus Laburnum L. l. d.
- Dolichos Catjang L. a. d.
 - > Lablab Adans. a. d.
 - > myodes Ten. a. d.
 - > ornatus a. d.
 - > surinamensis a. d.
- Ervum hirsutum L. a. d.
 - > Hohenackeri Fisch. et M.
 - > Lens L. var. himalayensis
- Galega officinalis L. p. d.
 - > orientalis Lam. p. d.
- Gleditschia triacantha L. l. d.
- Glycyrrhiza echinata L. p. d.
- Hedysarum coronarium L. p. fr.
- Lathyrus alatus Fisch. a. d.
 - > Aphaca L. a. d.
 - > coccineus.
 - > tuberosus K. a. d.
 - > sativus L. a. d.
- Lotus australis Andr. a. d.
 - > corniculatus L. p. d.
- Lupinus hybridus Hort. a. d.
 - > pulchellus Sweet. a. d.
- Medicago falcata L. p. d.
 - > lupulina L. p. d.
 - > orbicularis Ait. a. d.
 - > tuberculata W. p. d.
- Melilotus albus Desv. p. d.
 - > longifolius Ten. p. d.
 - > melanospermus p. d.
 - > ruthenicus M. B. p.
 - > parviflorus Desf. a.
 - > speciosus Dur. a. d.
 - > tauricus M. Bieb. a.
- Ornithopus compressus L. a. d.
- Phaseolus vulgaris L. a. d.
 - > > ellipticus
 - > > >
 - > > >

aburnum L. l. d.
 Catjang L. a. d.
 Lablab Adans. a. d.
 myodes Ten. a. d.
 ornatus a. d.
 surinamensis a. d.
 hirsutum L. a. d.
 Hohenackeri Fisch. et Mey. a. d.
 Lens L. var. himalayense A. Br. et B.
 officinalis L. p. d.
 orientalis Lam. p. d.
 Meschia triacantha L. l. d.
 Myrica echinata L. p. d.
 Myricum coronarium L. p. fr.
 Myrsine alata Fisch. a. d.
 Aphaca L. a. d.
 coccinea.
 tuberosus K. a. d.
 sativus L. a. d.
 australis Andr. a. d.
 corniculatus L. p. d.
 Lupinus hybridus Hort. a. d.
 pulchellus Sweet. a. d.
 Medicago falcata L. p. d.
 lupulina L. p. d.
 orbicularis Ait. a. d.
 tuberculata W. p. d.
 Melilotus albus Desv. p. d.
 longifolius Ten. p. d.
 melanospermus p. d.
 ruthenicus M. B. p. d.
 parviflorus Desf. a. d.
 speciosus Dur. a. d.
 tauricus M. Bieb. a. d.
 Anthropus compressus L. a. d.
 Phaseolus vulgaris L. a. d.
 ellipticus M. Willmottianus M. a. d.
 carneus M. a. d.
 niger M. a. d.

Phaseolus vulgaris ellipticus Willmottianus M. a. d.
 oblongus Savi albus M. a. d.
 saponaceus S. a. d.
 Sargentone S. a. d.
 turcicus S. a. d.
 vinosus D. a. d.
 Zebrinus M. a. d.
 sphaericus M. haematocarpus Sav. a. d.
 sulphureus M. a. d.
 vulgaris Savi amethystinus S. a. d.
 aureus M. a. d.
 fuscoviolaceus M. a. d.
 vitellinus H. a. d.
 Zebra M. a. d.
 gonospermus Savi ochraceus H. a. d.
 multiflorus Lam. coccineus Lam.
 Pisum humile Mill. a. d.
 sativum L. a. d.
 Zeylonicum Hort. a. d.
 Psoralea Palaestina L. p. fr.
 Securigera Coronilla DC. a. d.
 Sophora japonica L. l. d.
 Soya ochroleuca Kth. et Bché a. d.
 Trigonella polycarpa Smith a. d.
 Trifolium agrarium L. a. d.
 arvense L. a. d.
 Vicia azurea Koch a. d.
 Cracca L. a. d.
 pannonica Jacq. a. d.
 sativa L. a. d.

Indicatur : Lit. a -- planta annua ; b -- biennis ; p -- perennis ; l -- liliifera ; fr -- frigidarium ; c -- calidarium ; t -- topidarium ; d -- subterraneum

Professor Dr. J. Walz, horti director.
 R. Rudolph, hortulanus

Odessa, 1876.

рукописей, такъ какъ громадное большинство старочешскихъ рукописей не датовано. Но вмѣстѣ съ этимъ считаю необходимымъ оговориться, что хотя въ первомъ отчетѣ я почти покончилъ съ рукописями XIII вѣка, но въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые свидѣтели языка до XIV вѣка попались мнѣ и послѣ 1-го февраля, я долженъ дать имъ мѣсто въ моемъ настоящемъ отчетѣ — продолжателѣ перваго, вслѣдствіе чего — извѣстная непоследовательность.

А) *Памятники чешскаго языка эпохи доиньмецкой*: XIII — начало XIV вѣка — (въ рукописи, снимекъ или дипломатическомъ поданіи):

1) *Passional český*, или какъ значитса на корешкѣ переплета (позднѣйшаго) «*Vitae sanctorum*». Пергаменная рукопись въ музеѣ королевства чешскаго въ Прагѣ, № 553, in fol, 648 стр. Ганковой помѣты, въ два столбца. По Юнгманну («*Historie literatury české*». 2 изд. 40. № 145) рукопись есть механическое соединеніе двухъ рукописей: середина (стр. 275—490) старше начала и конца на полстолѣтіе и относится къ XIII вѣку; я бы полагалъ — къ концу его. Почеркъ середины — круглый; начала и конца напоминаетъ Клементинскую псалтырь, но еще болѣе узковатый. Середина еще знаетъ употребленіе *i*, *y* (и то, и другое = *ы* или *ѣ*) предъ плавными *l*, *r* въ церковно-славянскомъ рядѣ: *консонант + l*, *r + ѣ*, *ѣ*, а эта весьма цѣнная особенность правописанія (съ *i*, *y* послѣ *l*, *r* включительно) можетъ, кажется, служить надежнѣйшимъ ручательствомъ принадлежности рукописи еще къ первой — *славянской* эпохѣ чешскаго языка (письменнаго или центральнаго), границу которой можно провести въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIV вѣка, когда начинается постепенно охватывать языкъ германизация: потеря *ѣ*, *ы* (= *y*. герест. *i*) — *праславянскихъ звуковъ*, — а внутренняя германизация, пожалуй — цивилизация или рафинизация, вліяніе — дешло съ запада, — одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ въ исторической жизни чешскаго языка.

2) *Pilat a Judaš*, стихотворный отрывокъ на пергамен.

листѣ, in 8, въ музеѣ. Написанъ послѣ 1306 года, такъ какъ въ немъ упоминается объ убіеніи послѣдняго Премысловца, кор. Вячеслава IV, случившемся въ 1306 году, какъ о событіи самаго недавняго прошлаго: «ies zzie zztalo w chzechach penye» (I. a) Понятно, одно упоминаніе о смерти Вячеслава IV не есть еще ручательство того, что рукопись наша писана около 1306 года: но правописаніе и языкъ говорятъ за старину: *yr* вм. *r*; *ju* еще не успѣло перегласоваться въ *i* (*ji*); послѣ свистащихъ и шипящихъ еще мягкіе (іотованные) воевалы, какъ въ старыхъ рукописяхъ церковнославянскихъ и современномъ малорусскомъ нарѣчій; *šć* (щ) вм. *št'* (штъ). Принявъ же во вниманіе, что наша рукопись—въ извѣстномъ смыслѣ датованный памятникъ языка чешскаго, при оригинальной чешской обработкѣ чужаго содержанія, мы вправѣ заключать, что въ началѣ XIV стол. (около 1306 г.) еще бытовали въ устахъ чеха указанна выше старыя славянскія черты языка, и въ то же самое время въ этой рукописи около 1306 года мы имѣемъ хотя нѣкоторое средство опредѣлять вѣкъ языка другихъ рукописей, по мѣрѣ приближенія или отдаленія ихъ — къ нашей. Ср. «Výbor» I. 169; «Čas.» 1829.

3) *Легенда о св. Алексѣ* (въ Брюннѣ), два пергамен. обрѣзка, въ 2 столбца, начала XIV в. По дурной копіи напечатана г. В. Небескимъ въ «Časopisu Musea král. českého» (1851. 138—146); дипломатически — Фейфаликомъ въ «Sitzungsberichte der Wiener Akademie d. Wiss.» XXXVI (1861). 420—24. По Феймалику, рукопись первой четверти XIV в. Чешская легенда есть несомнѣнная передѣлка разсказа изъ «Legenda aurea» Якова де Ворагине, умершаго въ 1296 году; слѣдов. могла явиться не ранѣе конца XIII в.; позже начала XIV в.—не дозволяетъ языкъ. Так. обр. нашъ отрывокъ принадлежитъ въ извѣстномъ смыслѣ къ подудатованнымъ рукописямъ и вмѣстѣ съ предшествующею рукописью долженъ быть принимаемъ, какъ точка отправленія при критикѣ языка другихъ старыхъ рукописей. *Ry* вм. *r*; вездѣ *iu*, *yu* вм. *i*, какъ въ корняхъ, такъ и въ словообразованіи.

4) *Král na lovu* (отрывокъ изъ легенды о Пилатѣ), одинъ пергамен. листокъ въ музеѣ изъ двухъ широкихъ обрѣзковъ и одного узкаго, въ два столбца; по нижнему краю листокъ обрѣзанъ, слѣд. строкъ было больше (теперь 27). Характеръ буквъ и правописаніе напоминаютъ Мاستичкаря. Ганка относилъ къ XIII ст., какъ значится въ его помѣткѣ, приклеенной къ листку, но скорѣе къ началу XIV. (Ср. «Výbor. I. 175; Nebeský въ «Časopisu». 1847. 15). *Ur, yl* вм. *r, l*.

5) *Seslaní ducha sv.*, пергам. листокъ изъ шести продольныхъ обрѣзковъ; межъ четвертымъ и пятымъ одного обрѣзка не достаетъ; въ одинъ столбецъ, въ музеѣ. Правописаніе какъ въ № 2 и 5, но характеръ буквъ, какъ въ Александреидѣ индрихградецкой (см. № 7). Начала XIV в. *Ur* вм. *r*.

6) *Alexandreis* изъ Индрихова Градца, пергам. листокъ въ два столбца въ музеѣ; начала XIV вѣка. Въ «Výbor»'ѣ напечатанъ весьма небрежно.

7) *Alexandreis* изъ Будеѣвиць, два пергам. листа или 347 стиховъ, начала XIV в., въ музеѣ.

8) *Alexandreis*, два перг. лист., нач. XIV, въ музеѣ. (Ср. «Čas.» 1847. III. 303).

9) *Alexandreis*, два, весьма поврежденные пергам. листа или 160 стиховъ, нач. XIV, въ музеѣ. (Ср. «Čas.» 1828. 4. 110).

10) *Alexandreis* изъ Табора, два неполныхъ пергам. листа, половины XIV в., въ музеѣ.

11) Т. наз. *Dalimil*, въ библиотекѣ пражскаго университета подъ IV. g. 29 (хранится у библиотекаря); тетрадь въ два пергамен. листа, сложенные пополамъ, такъ что итого 4 листа или 8 стр. I и III л. цѣлы, II и IV повреждены по правому краю. Письмо сплошное, начала XIV в. (второй десятокъ). Рукопись, драгоценнѣйшая для фонологіи и исторіи латино-чешскаго правописанія, открыта Ганушемъ, въ переплетѣ (Ср. «Čas.» 1861. II. 116. и «Malý výbor» 1—9). Почти изысканное въ воспроизведеніи звуковъ современнаго чешскаго языка правописаніе университетскаго Далимила показываетъ, какъ грѣшатъ тѣ,

которые всегда готовы съ обвиненіемъ противъ старнхъ латинскихъ писцовъ славянскихъ памятниковъ за ихъ неумѣлость или небрежность при передачѣ звуковъ славянской рѣчи латинскимъ письмомъ. Писецъ универс. Далимила тщательнo заботился о томъ, чтобы не оставить неотмѣченными самыя тонкія измѣненія звуковъ чешскаго языка начала XIV в. Особенная трудность представлялась каждому латинскому писцу при передачѣ іотованныхъ вокаловъ и консонантовъ, — но нашъ писецъ умѣлъ одолѣть эту трудность, введя свой, нѣсколько искусственный способъ правописанія. Для указанія мягкаго произношенія согласныхъ писецъ употребляетъ букву *h*, ставя ее послѣ смягчаемаго звука: *bezdhieszni. fie branhiti. thiethivi* (I. a). *za nhu. panh* (III. a). *za knhichnu* (III. b). *giezdhiechu* (IV. a) и др. Эта и другія особенности писца далимилова наводятъ на многія соображенія относительно старочешской фонологіи, но объ нихъ на иномъ мѣстѣ. Тоже значеніе *h*, кажется имѣть въ грамотѣ Штатнаго 1373 г. — «*defeth*» («*Časopis*», 1861. 350), въ рукописи пражской университетской бібліотеки XV в. подъ XVII. F. 13: «*orieth*» (I. b), и немн. другихъ, но только sporadически.

12) *Dalimil* изъ Индрихова Градца, два пергамен. листка или три страницы (стр. I. a. вытерта), первой половины XIV вѣка, въ музеѣ. Мѣстами *ir* вм. *r*, но рѣдко. (ср. *Výbor* 183).

13) *Dalimil* изъ Оломуца, пергамен. листокъ (2 стр.), первой половины XIV в., въ музеѣ. Буквы очень крупныя, какъ въ Пассиональ XIII (№ 1) и Клементинской псалтыри. Начинается стихомъ: «... *chu wseczky fue pagadywſie A u wierzie fie utwirduwſie*», т. е. продолжаетъ собою II. в.) Градецкаго отрывка. *Jr* вм. *r* часто, но *ju* уже вездѣ въ *ī*.

Далѣе подъ нѣсколькимъ № я считаю возможнымъ помѣстить тѣ памятники, которые хотя несомнѣнно ведутъ свое начало не ранѣе второй половины XIV и даже первыхъ годовъ XV столѣтій, но по нѣкоторымъ приѣмамъ правописанія, особенно въ изображеніи т. наз. вокала *r*, ихъ можно разсматривать какъ позднѣйшія копіи памятниковъ изъ эпохи древнѣйшей, донѣмецкой

(XIII, нач. XIV): подозрѣвать въ письмѣ намѣренную архаичность позднѣйшаго писца не дозволяютъ, какъ общій характеръ старочешскихъ рукописей, не знающихъ этой фальши, такъ и невыдержанность системы письма: старина правописанія (отн. языка) является лишь въ видѣ описокъ, исключенія.

14) Бумажная, церковно-учительнаго содержанія рукопись въ пражской унив. библіотекѣ подѣ XVII. A. 19, весьма подержанная, in fol. 108 листовъ (полная). На стр. 107 а) запись: «anno domini millesimo trecentesimo octuagesimo ttio feria ttia in vigilia sti johannis Bapte», т. е. рукопись писана въ 1383 году. Но не смотря на эту довольно новую дату, въ правописаніи еще видна кое гдѣ старина, особенно на первыхъ листахъ. *Ur* вм. *r* почти правило отъ 1 до 10 листа; ниже уже рѣже. Особнякомъ *ry* вм. *yr*: obdruzaly (38. а). (Ср. Dobrowsky. «Geschichte d. böhm. Liter.» 1818. 114. Jungmann. «Historie» II. стр. 34 № 82).

15) Passional český 1379 года, въ музеѣ, подѣ 3. F. 17, пергамен. фоліантъ, 225 л., въ два столбца in 4. На стр. 225. в) запись переписчика: skopawa fie passional na czeft wffyem swatym po boziem narozeny leta tyfieszieho trzysfteho sedmedateho a dewateho, wfoboty blyznu po wffyech swatych amen». Почти тождество текста этой рукописи съ текстомъ музейнаго пассионала XII—XIV в. (см. № 1) показываетъ, что нашъ памятникъ есть копія. О старинѣ языка можно судить изъ слѣдующаго мѣста: «akdyz gednu opuol poszy naff otecz fnaffy matku a fna ma fe dwyema dyetat ma pryecz sye wzdwyhffe newyedye pocz k morzy gustom a tu na korab wffyedffe y pluchom newiedie kam. akdyz naney straney z korabye w y n y d o m tehda tu naffie matka ofta...» (178. а). Изъ остатковъ стараго правописанія можно указать на выраженія: «chyrzil» (6. а). «chyrzenye» (120. b) и др.

16) Бумажная чешская рукопись въ университ. библіотекѣ подѣ XVII. E. 8. — сборникъ молитвъ, легендъ, апокрифическихъ сказаній (путешествіе ап. Павла въ адъ) XIV или

начала XV в.; на первых страницах *ru* вм. *r* часто, далѣе—*рѣже*; но *ju=i*.

17) Латинская рукопись въ той же библіотекѣ, бумажная, подъ XV. Е. 4 конца XIV; внутри текста чешскія вставки: медицинскій рецепт (61. b, 62. a) и латино-чешскій глоссарій (62. b — 71. a). Въ этомъ послѣднемъ встрѣчаются: *ir* вм. *r*, *el* вм. *l* (*procella velna* 63. a) *щ* вм. *штъ* (*descz.* 63 a. *sczyka* 63. b) и др.

Въ этой же, донѣмецкой эпохѣ могутъ быть отнесены еще слѣдующіе памятники языка:

18) *Легенда о св. Ансельмѣ* (риемованный переводъ съ латинскаго), двѣ пергамен. полоски, найденныя въ 1819 г. въ Моравіи. Текстъ напечатанъ Фейфаликомъ въ «*Sitzungsberichte d. Wiener Ak.*» XXXIII. 1 (1860. Jänner). 224 — 26. Фейфаликъ относитъ къ первой четверти XIV в. Болѣе полный текстъ, но въ бумажной, позднѣйшей рукописи XIV вѣка, въ капитульной библіотекѣ св. Вита въ Прагѣ. Въ языкѣ пергаменнаго отрывка есть слѣды вліянія моравскаго или словацкаго нарѣчій: вставка *e* между кореннымъ согласнымъ и суффиксомъ *l* въ *Partic*, act. perf. II: «*rzekel*» (225 = слов. *rekol*); несмягченіе зубныхъ: «*peftudyu ia wlie lwe moszy*» (226).

19) *Легенда о св. Елисаветѣ* въ латинской пергаменной рукописи житій, XIV вѣка, въ Брюннѣ (*Altbrunn*). Чешская легенда заключаетъ собою рукопись. Открыта и напечатана Фейфаликомъ въ «*Schriften d. hist.-statist. Section d. k. k. mährisch-schlesischen Gesellschaft des Ackerbaeues*» XII т. (*Brünn.* 1859), 58—59. Въ извѣстной группѣ *r*, *l* безъ гласнаго; *ju=i*, слѣд. языкъ рукописи не старше половины XIV в. Есть слѣды мѣстнаго нарѣчія: *u* вм. *o*: «*k swum letum*» (58. 3); прибавка *j*: «*gffedffy*» (*ib.* 11), какъ въ словацкомъ *).

*) Небольшимъ отрывкомъ легенды о св. Аннѣ, по Шаэаріку, или о св. Маріи, по Фейфалику—два пергамен. обрѣзка въ капитульной библіотекѣ св. Вита, якобы 1/2 XIII вѣка, я воспользоваться не могъ — нельзя было ихъ

Пройдя так. обр. болѣе или менѣе все доступные памятники старочешскаго языка эпохи первой, дольмецкой (первыя десятилѣтія XIV в.) и считалъ удобнымъ приступить къ изученію языка Краледворской рукописи*). Бывши нѣсколько разъ подъ судомъ, знаменитая рукопись, естественно, можетъ быть принята въ расчетъ послѣ безсмертнаго. Я не пользовался самою рукописью, а извѣстнымъ фотографическимъ изданіемъ ея перваго бібліотекаря музея, г. Върятка, обязательно сообщеннымъ мнѣ А. О. Патерой; только позже я получилъ разрѣшеніе проглядѣть бѣгло самый подлинникъ и усилъ, насколько было возможно, познакомиться, какъ съ общимъ характеромъ письма такъ и съ нѣкоторыми частностями. Чувствуя себя слабымъ для произнесенія суда, я осмѣлюсь только замѣтить, что языкъ виѣсть съ правописаніемъ представляетъ нѣкоторую амальгаму новаго и слишкомъ стараго для начала XIV вѣка: *yr* вездѣ замѣняется *r* (двойнымъ), но *r* вм. *rz*: *uderite* (XII. а). *uderi* (XII. а. XIV. а) и др. Еще виднѣе архаичность въ сохраненіи по цѣлой рукописи іотованнаго *u*, *безъ исключенія*, и іотованнаго *a* въ большей или меньшей степени. Могу прибавить еще, что нѣкоторыя слова, по своей звуковой или формальной особенности, были мнѣ совершенно новы и трудно объяснимы на основаніи того запаса свѣдѣній по славянскимъ нарѣчіямъ, который у меня подъ рукой. Сюда я отношу: *«ptiuo Whō* (III. b = *vrahom*), ср. IX. а. *neklan-in-i* (VII. а). *fuozie krsiedle* (XII. b). *ze ufa lefa* (XIV. а). Долгий путь страданій Краледворской рукописи, возбуждая чувство благоговѣнія къ памятнику, требуетъ прежде всего осторожности и осторожности, и это тѣмъ болѣе, что ни одно изъ существующихъ изданій не можетъ считаться удовлетворительнымъ—каждое

отыскать; текстъ напечатанъ Шаар. въ «*Basoriscu*» (1855. 530—32), но въ транскрипціи.

*) Само собою понятно, памятники въ Чехіи (напр. Виттенб. пс.) не могли б. приняты во вниманіе. Я имѣю всегда въ виду языкъ памятниковъ, письменный, такъ какъ, при консерватизмѣ народной рѣчи, еще и теперь можно встрѣтить мѣстами черты языка до половины XIV в., напр. *ju*, *ř* въ горахъ сѣверовосточной Чехіи.

оставляетъ за собой мѣсто недоразумѣннѣмъ, легко переходящимъ у нѣкоторыхъ въ сомнѣннѣе. Вопросъ останется непорѣшеннымъ до того, пока люди, отпочившіе послѣ изданія 1862 года, не вызовутся снова къ дѣятельности. Краледворская рукопись требуетъ изданія съ громаднымъ ученымъ аппаратомъ: палеографическимъ, буква за буквой комментариемъ и строгимъ филологическимъ разборомъ каждаго звука, формы, оборота; тогда только будетъ рѣшенъ окончательно вопросъ — да или нѣтъ. Одного добраго чувства вѣры мало, тѣмъ болѣе, что вѣра въ непогрѣшимость не можетъ быть обязательна для всѣхъ послѣ печальныхъ страницъ въ исторіи литературной дѣятельности недавняго прошлаго, отиѣченныхъ 1818 и 1848 годами. Нельзя же остановиться на фотографическомъ изданіи Краледворской рукописи, если ученый издатель и исправитель ея серьезно препоручаетъ принять его новое чтеніе «реусе» вмѣсто доселѣшняго (и, къ сожалѣннѣю, единственно возможнаго — при современномъ состояннѣи науки языка) «реусе» (g. v. I. b.): ученый палеографъ упустилъ изъ виду, что почти въ каждой старочешской (латинской) рукописи обоюдная мѣна буквъ: *u*, *n* составляетъ слишкомъ обычное явленіе, чтобы останавливаться на немъ и требовать чтенія съ *n*, если бы даже дѣйствительно въ данномъ мѣстѣ стояло *n* вм. *u*. Другіе занимаются разуборами рукописи, тогда какъ несравненно поучительнѣйшій интересъ представляютъ подскобленные мѣста, время и значеніе этихъ странныхъ скобленій. Правда, остается многого желать; но предъ нами твердая надежда, что новое поколѣннѣе чешскихъ палеографовъ, проф. др. І. Емлеръ, ассистентъ А. Патера и др., не гоняясь за новизной, дадутъ славянской наукѣ то, чего она давно и давно жаждетъ: силы есть, — одного недостаетъ — времени да добраго слова.

Въ пополненіе своихъ свѣдѣннѣй по исторіи чешскаго языка стараго времени я не могъ не просмотрѣть *pomina prorgia* въ старыхъ церковныхъ актахъ XIII — XIV вѣковъ, насколько изданія ихъ были доступны мнѣ: *W. Wattenbach*'а «*Fragmente eines böhmischen Formelbuchs aus dem XII Jahrhunderte*» въ «*Forschungen zur deutschen Geschichte*» 2 тетр. XV тома.

215—238 (Göttingen 1875); Dr *Cl. Borový* «*Libri erectionum archidioecesis Pragensis saec. XIV et XV (I Pragmae. 1875)*»; *Tingl'a* «*Libri quinti confirmationum*» (Prag. 1865. 3 т.), «*Acta judiciaria*» (ib. 1865. 67. 68) и *Emler'a* «*Liber confirmationum*» (ib. 1873). Масса же церковныхъ актовъ хранится въ капитальной библиотекѣ и ждетъ своего издателя.

В) *Памятники эпохи германизации языка* (съ XIV ст.)

1) *Život Krista Pána*, въ пр. унив. библиотекѣ, подъ XVII. А. 9, пергаменный фолиантъ въ 113 листовъ, въ два столбца; красивая, крупная готика. Судя по языку изъ 2-й 1/2 XIV. Произведение оригинальное чешское — легкое изложение четырехъ евангелистовъ неизвѣстнаго чешскаго доминиканца, какъ это видно изъ предисловія: «...protož (для общей пользы) уа predicatoroweho zakona nedoftoynu duchowny уаl fem fie po to dyelo poczen pfaty o poczatku naffeho srafenye... а to fem vymyslil spomoczy ducha swateho porzad pfaty aby u buducich czafiech bohoboynu krziefstylene na tyechno kny-hach cztucz w gesu christa fie kochagicz buoha chwalyli geho myley matcye czest y chwalu wzdawagicz za toho gest to kazal czefky pfaty buoha profili...» (1. b.) И по чистотѣ языка, и по легкости изложенія трудъ этотъ давно уже достоинъ изданія.

2) *Рукопись молитвъ*, въ ун. библ. подъ XVII. F. 30, бумажная, 200 лист. 2-й 1/2 XIV, но въ языкѣ много архаизмовъ: старое долгое *o* вм. *uo* часто; *u* вм. *штъ*; *e* вм. *o*; но *ju*, даже *и* (послѣ *l*, свист. и шипящихъ) въ *i*. Есть кое-что для опредѣленія времени (точного) рукописи: «*O kraly nebefky vflyff fwoy lud czefky zbaw naf nuzye teto day nam dobre leto*» (96. b). Впрочемъ — это можетъ быть и общей формулой. Ср. еще 104. b.

3) *Житія пустынниковъ египетскихъ на горѣ оли-веске прзиебуwagicуch*, въ ун. б. подъ XXII. D. 36, бум. in fol., около 200 л, безъ конца, пропускъ: два первые листа пергаменные, съ изображеніемъ св. Іеронима. Предисловіе виршами.

2-й $\frac{1}{2}$ XIV в. Для исторіи языка рукопись важна тѣмъ, что различаетъ твердое и мягкое (среднее) *l*, употребляя для изображенія перваго точку на верху съ лѣвой стороны: *mi'loft* (1. a) *pa'lez'l* (ib.) *h'lurij lide* (1. b.) и т. д. Отступленій немного. Писецъ вѣроятно, былъ изъ-подъ Кѣрконошъ или Моравіи, гдѣ еще слышится этотъ праславянскій звукъ.

4) *Passie* или вечернія службы, въ ун. библ. подъ XVII. A. 18. 3., пергам. рукопись, 87 л., безъ конца; письмо слошное, почеркъ кудрявый. Въ концѣ — 39 чешскихъ молитвъ въ виршахъ. 2-й $\frac{1}{2}$ XIV: *o* = *uo*; *ju* = *i*.

5) Грамота О. Штитнаго 1373 года, на пергам., старѣйшая изъ чешскихъ. Открыта пок. Ганушемъ въ переплетѣ лат. рук. XIV. H. 23 въ ун. библ. и напечатана имъ же въ *Časopis* 1861. 349.

6) *Грамота 1378 г.* суконникамъ въ Рыхновѣ, пергам. въ музеѣ. Напечатана Ганкой въ *Čas.* 1860. 22—24. *o* = *uo*, но въ *Gen. Pl. I. a*) еще *ow* *).

7) *Сборникъ грамматическихъ статей* — бум. рук. въ капитульной библіотекѣ св. Вита, подъ 0.59, in 4, около 100 л., конца XIV ст. (1385)**). Сборникъ важенъ для старой чешской діалектологіи.

*) Не забудемъ, что къ этому же времени — послѣдней $\frac{1}{4}$ XIV в. относятся рукописи, отиѣченныя нами въ первой эпохѣ, подъ №: 14 (1383). 15 (1379). 16. 17.

***) Считаю долгомъ принести мою глубокую признательность г. библіотечарю капитульнаго книгохранилища, Др. канонику Антонину Фриду, обязательно доставившему мнѣ возможность осмотрѣть эту старѣйшую библіотеку въ Прагѣ (съ XIV в.). Осмотрѣть капитульную библіотеку было истиннымъ удовольствіемъ. На верху отдѣленіе инкунабулъ: въ немъ 700 книгъ, печатанныхъ до 1500 года; повдѣе только тѣ, которыя имѣютъ миниатюры. Внизу за желѣзными дверьми, въ двухъ комнатахъ — рукописи; ихъ до трехъ тысячъ; древнѣйшая — лат. еванг. X вѣка. Для исторіи производства миниатюръ весьма замѣчательнъ Пассиональ XIV ст. Благодаря энергическимъ стараніямъ ученаго каноника въ теченіи 8 лѣтъ, большая часть рукописныхъ сокровищъ уже каталогизована: 5 громадныхъ книгъ каталога готово; еще слѣдуютъ двѣ. Образцовый порядокъ, чистота — все носитъ слѣды неуспѣшной руки заботливаго хозяина.

f. 1—12 b): пословное объяснение лат. молитвъ по чешски. На 12. b) запись: «explicit prose p̄ manus Barthomei datū ad pennā in p̄ga p̄ mgrm conradū qui est lycenciatus in septem artibus finitū die sabbo post octauas corp̄is xp̄i nisi p̄tculū anni de stis ordinatim. Amen tako boh day».

f. 16 a — 20 b): чешско-латинская фразеология — для упражненія школьниковъ. Нѣкоторыя фразы имѣютъ характеръ поговорокъ: «Wlka myeny a wlk ke wfy» (17 a). «Ty neyfi wladika, ale gfy lehkeho vrozenye» (ib.) «Wfechno drzyewye lisczye pada w swem czassu» (ib.). «Sluffe czynyzi podle ludzy» (19. b) и др.

f. 20. b. — 31. b.) «Bohemarius primarius» (словарь). На 31. b) запись: «Explicit bohemarius primarius Martini de Straznicz sub anno domini M^o. CCC^o. nono».

f. 33—38: лат. вирши; f. 39 — 78 латинская риторика, съ записью: «explicit glofa sup equosa p̄ mans wenczezclay de Bzenecz dicto Bartofek sub ano domi M^o. CCC^o. LXXX° V^o die sabbo infra octauas corp̄is xp̄i. aty blazku nebillf przy tō». (f. 78).

f. 81—84: «Viaticum», какъ значится въ записи: «explicit excerptum viatici tybini finitū sabbo infra octauā corp̄is xp̄i p̄ mans Bartholomei dicto Wenczeflas sub a^o dⁿⁱ M^o CCC^o. LXXX. V^o. qui te furetur tribus lignis associetur. A nakōczy olteff paytl foff (?)».

f. 86—до конца: грамоты съ чешскими глоссами.

Изъ сопоставленія записей видно, что рукопись списана въ 1385 году нѣкимъ Вацлавомъ изъ Bzenec, по прозванью Bartošek, хотя нѣкоторое несогласіе послѣднихъ записей въ имени писца допускаетъ предположеніе, что наша рукопись — позже 1385 г.

Разительная черта языка — это несвойственное чешской рѣчи смягченіе зубныхъ *d*, *t*, на сколько мы можемъ судить объ этомъ изъ правописанія рукописи *dz*, *cz*, *c*, тамъ, гдѣ мы ожидали бы простаго мягкаго произношенія *d*, *t*: «nechseyel fye sudziczzi przyed dyekanē» (17. b). «ona fye ma kaczy

fwych hrzyechuow chodzyesci wzynny a pofcziczi fye a w pluszi» (16 b) и т. д. Это правописание выдержано чрезъ всю рукопись. Мѣстами встрѣчающееся с вм. *sz* указываетъ, что начертанія *dz*, *sz* мы должны читать по польскому произношенію, и не по верхнелужицкому. Измѣненіе *ř* въ *s* въ современныхъ памятникахъ мнѣ извѣстно еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: *dbaci*, *třesieš u*, *vyscieršmez* (лирич. пѣсня изъ рукоп. XIV в. у Фейфалика: «Sitzungsberiechte d. Wien. Akad.» XXXVIII (1862) стр. 675). Кажется, пр. Шембера неправъ, когда въ языкѣ рук. 1385 г. видитъ слѣды словацкаго нарѣчія («Dějiny», I. 90): словацкое нарѣчіе не знаетъ *rz*. Если и требуется чисто чешскій языкъ капитальной рукописи приурочить къ какому нибудь краю, то скорѣе всего родину его слѣдуетъ искать въ Моравіи, по границѣ съ польской землей. Есть основанія думать, что писецъ нашъ различалъ *i* и *y* (ы), какъ это въ польскомъ языкѣ.

8) Въ унив. библ. хранятся чешскія перг. грамоты 1391, 95 и 97 год.; частью онѣ напечатаны Ганушемъ въ «Саз.» 1861. 354 — 55. Всѣхъ чешскихъ грамотъ отъ XIV ст. Ганушъ насчитываетъ до 32 (ib. 355—57).

9) Бум. рук. подъ XVII. D. 32 въ ун. библ., конца XIV. 142 f. (безъ начала): индѣ $\bar{o} = o$; щ вм. шть.

10) Бум. лат. рук. тамъ-же подъ VIII. E. 28, нач. XV. На посл. стр. посл. листа латино-чешскій словарикъ въ нѣскольکو десятковъ словъ.

11) Бум. рук. лат. гимновъ тамъ же подъ III. d. 12; въ началѣ fol. 1—48 чешскія глоссы; XIV или нач. XV в.

12) *Старѣйшая рукопись сочиненій Гуса* (немногихъ) въ музеѣ. Пергам., безъ начала, 162 стр. въ мал. 8, начала XV в. $\bar{o} = o$ и *uo* (безразлично); щ, ѣс (изъ *ekj*): Извѣстно, что Гусъ б. консерваторомъ въ языкѣ, и потому при изученіи языка его сочиненій слѣдуетъ имѣть это въ виду.

13) *Пергаменный сборникъ чешскихъ молитвъ* въ музеѣ, подъ ²³/₁₃ 27. (безъ начала и конца), in 8, съ илюминаціями; начала XV или конца XIV в.

14) *Сборника молитвъ чешскихъ*, въ музеѣ, подѣ 23/13. 45; бум, XV вѣка (къ концу). $\bar{o} = uo$: *zebých nemuohla. duosti*; *u* въ *aw* (= *au, ou*): *wykaupil*.

Переваливъ за XV в. памятники чешскаго языка становятся болѣе и болѣе однообразными, теряютъ заманчивую прелесть старины, пока наконецъ они не получаютъ того, т. е. ск., казеннаго характера, который отмѣченъ каждый письменный языкъ. Дальнѣйшее развитіе языка въ эпоху послѣ гуситскихъ войнъ заключалось въ наложеніи послѣдней руки на тѣ явленія языка, которыя унаслѣдованы были отъ старины въ состояніи процессуальномъ. Здѣсь я разумѣю прежде всего подведеніе подѣ *i*, этотъ характерный звукъ современнаго чешскаго языка, элементовъ, по происхожденію своему, самыхъ разнородныхъ: іотованнаго *a*, *je*, *ь*, *ji* которые тамъ-сямъ, еще довольно упорно отстаиваютъ свою индивидуальность въ теченіе XV и даже XVI столѣтій, пока наконецъ все это въ XVI ст. не было приведено къ одному знаменателю — къ *i*; приведеніе \bar{o} чрезъ *uo* къ его конечной формѣ *u*, — и происшедшія отсюда (*i*, *u*) необходимыя звуковыя измѣненія въ системѣ склоненія и спряженія*). Въ области консонантизма побѣда *штъ* надъ *щъ* по всѣмъ пунктамъ грамматики, гдѣ были условія для того, и порожденіе малютки *s* изъ полногласной группы: *ěst*. Наконецъ, какъ законное вознагражденіе за тѣ потери и потрясенія, которыя вынесъ организмъ стараго языка, послѣдовало широкое распространеніе вокальной количественности, которой старый языкъ не могъ знать въ томъ видѣ, какой предлагаетъ напр. современная рѣчь чеха. Съ другой стороны, измѣненіе языка пошло по тропѣ нѣмецкой: явились дифтонги: *eu* (*ej*) изъ \bar{i} (= *и*), *au* изъ \bar{u} , обратная перегибавка *a* въ *e* предъ *j* (*кгејсі* = слов. *кгајсі*), и все это въ XVI ст. въ первопечатныхъ книгахъ до такой степени еще было въ состояніи броженія, что чрезъ строку — то *ej*, то *i*; то *aj*, то *ej*. Въ мнимо-золотой періодъ чешской литературы къ старому нѣ-

*) Старая система спряженія уже сильно пострадала до XV вѣка: у Гуса Аог. уже рѣдкость, не говоря объ Imperfect'а.

ицкѣму вліанію присоединилось латинское, — и общими силами стали выбивать славянской духъ изъ чешскаго языка: конструкція придаточнаго предложенія (*se* — 2 мѣсто, глаголь — въ концѣ), новое управленіе глаголовъ (*čekati na koho, býti zadovolnu v čím* и т. д.), забвеніе согласованія (*viděl ste*), винит. съ неопредѣленнымъ (*slyším ho mluvit*) — всѣ эти синтаксическія особенности современнаго языка выработались окончательно въ «золотой» періодъ.

Съ одной стороны, въ виду малаго (для нечехиста) интереса языка XV — XVI в., съ другой — въ виду того, что онъ былъ прежде мнѣ довольно знакомъ изъ писателей общины и политической литературы XVI — XVII столѣтій, я изъ этого поздняго времени просмотрѣлъ весьма немногіе памятники: «Земское право чешское» Ондreja изъ Дубы (+1412), въ пергамен. рукописи архива пражскаго магистрата, съ 1/2 XV вѣка, (подъ Н. IV. 1) — языкъ старый, чистый; «Книгу стараго пана изъ Рожемберка», въ той же рукописи (21. b—42); чешскаго «Албертана» по бум. рук. университет. бібліотеки, 1493 года, подъ XVII. F. 13. («*rozčinagi fie piekna naucenie kterak Albertan veil fweho syna wffelikin mrawuom a milowati pana boha a blizneho fweho a zpuosoby zywota, a kterak tomu potreebi gest dwu wiescy. jakoz o tom dolegi bude powiedano*» 91. b)*). Въ Младѣ Болеславѣ я занимался въ архивѣ магистрата просмотромъ кучи разновременныхъ грамотъ, записей (старѣйшія чешскія 1/2 XV — 1443, 1469) и знаменитаго болеславскаго канціонала мѣстной братской общины приготовленнаго Яномъ, «старымъ канторомъ, мѣщаниномъ Новаго Мѣста пражскаго» на изживеніе богатой благотворительницы об-

*) О времени рукописи — запись: Skonany gfu tyto kniehy genz flowu Albertan o rozlicnych wiesech a cznoftech kterak fie czlowiek ma mieti na tomto fwiethie k dobrym y ke zlým lidem onichzto gfu duowodowee mudrcznow pohanskych zakona noweho a doctoruow swatych. genz gsu skonany letho od narozenie syna bozieho tisycziego cztyrzisteho dewadesateho trzetieho...» (239. b).

щины «wdowny panij Katherziny przjgmjm Miljtky», весьма драгоценный памятникъ для исторіи живописи въ общинѣ. Изъ печатанныхъ памятниковъ того времени мнѣ были полезны: «Архивъ» Палацкаго, Вшегърда «О правахъ чешской земли» въ изданіи Герм. Ирѣчка, не говоря о нѣкоторыхъ чешскихъ рукоуабулахъ XVI стол.

Но занимаясь меньше чешскимъ языкомъ XV—XVI вѣковъ, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ остановился на ученой разработкѣ (если позволительно такъ выразиться и о первыхъ грамматикахъ чешскихъ) роднаго языка у чешскихъ грамматиковъ, начало которой было положено именно въ ту эпоху, когда письменный языкъ окристаллизовался—въ 1/2 XVI в. Съ этою цѣлью я прочелъ: Благослава (1548), Лаврентія Бенедикти изъ Нудожеръ (1603), Розу (1672), Павла Долежала (1746) и Добровскаго *).

На этомъ были окончены мои занятія исторіей чешскаго языка. Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ чешской діалектологіей, существеннѣйшую часть которой составить, естественно, *словацкое нарѣчіе*.

При слабомъ развитіи этнографической литературы у чеховъ, изученіе мѣстныхъ говоровъ представляетъ заброшенный уголъ науки. Все, что сдѣлано, заключается въ сборникахъ (немногихъ) пѣсень, сказокъ да случайныхъ статьяхъ въ журналахъ: «Часописъ Музея», «Вѣдѣномъ Сборникъ» и др. Но и этимъ немногимъ слѣдуетъ пользоваться осторожно, при несчастной страсти старыхъ ученыхъ поддурманивать «мужицкую» рѣчь. Частыя личныя бесѣды съ чешскимъ лексикографомъ О. В. Ранкомъ, были мнѣ весьма полезны для народной рѣчи крестьянъ запада — Домажлицкаго края, откуда онъ родомъ; двукратное

**) Чешской ученой литературѣ особенно посчастливилось на грамматикъ: отъ XVI стол.—8 грамматикъ; отъ XVII—5; отъ XVIII—14; отъ XIX—80. (См. «Přisrvek k historii českých gramatik» въ книжкѣ: «Výroční zpráva reálné školy prostějovské» (1875). За выключеніемъ трудовъ Добровскаго, Шаверина и г. Гатталы, массы грамматикъ есть или спекуліція на чужой умъ, или казенная работа для повышенія въ чинѣ. (См. рецензію упомянутой книжки въ чешскомъ журналѣ: «Světozor». 1875. отъ 7 августа).

пребываніе въ восточной Чехіи—у Кърконошъ дозволило сдѣлать нѣсколько наблюдений надъ стариной восточнаго нарѣчія; небезполезны были и мои прогулки межъ народомъ въ рыночные дни и въ такіе праздники, какъ Яна Непомука (16 мая), когда тысячи ото всѣхъ концовъ стекаются въ Прагу на Карловъ мостъ.

Съ языкомъ Моравіи я познакомился только изъ книгъ. Брошѣ извѣстныхъ трудовъ г. Шемберы, діалектологическій матеріалъ мнѣ дали: Galass «Muza Moravská» (Brno. 1813. 400 — 456); Cela k ovský «Slovanské národní písně» (во всѣхъ трехъ томахъ); Sušil «Sbírka písní» (1 изданіе въ 2 томика. Brno. 1835—1840, 2-е изд. въ 60-хъ годахъ, языкъ съ поправками); Cia k «Böhmische Sprachlehre» (1842 (много моравизмовъ); Ba u e r «Radhost. Sbírka písní valašských» (Praha. 1873) и нѣвр. др.

Обращаюсь къ *словацкому* нарѣчію, одному изъ старѣйшихъ нарѣчій чешской семьи.

При отсутствіи исторически развившагося письменнаго языка, при отсутствіи литературныхъ преданій подъ вліяніемъ содѣяго языка. съ одной стороны, при многочисленности мѣстныхъ говоровъ, столь естественной средѣ горцевъ, когда чуть не каждый изъ нихъ пытался стать органомъ новорождающейся письменности, съ другой — знакомство съ словацкимъ языкомъ предлагаетъ на первомъ же шагу затрудненія: перебирать ли всѣ говоры, слѣдуя географическому расположенію ихъ съ з. на в. или остановиться прежде всего на одномъ, главнѣйшемъ, заручиться имъ и тогда уже перейти къ другимъ.

Я предпочелъ второй способъ изученія, какъ болѣе практической, легче ведущій къ цѣли. Но ставъ на эту точку зрѣнія, я не языкъ народныхъ пѣсенъ, такъ какъ онъ мѣняется до безконечности, могъ поставить въ основу изученія, а языкъ тѣхъ писателей, которые своими трудами почти въ наши дни заложили словацкую литературу, по крайней мѣрѣ, дали словацкому языку употребленіе болѣе широкое—сравнительно съ прежнимъ, доставивъ ему мѣсто въ школахъ, книгѣ, газетѣ. Естественно, они должны были остановиться на томъ нарѣчій словацкаго языка,

которое могло быть лучшим представителем духовной индивидуальности народа. «По нашему убѣжденію—говорить знаменитый борецъ за права словацкаго литературнаго языка, М. Гурбанъ, въ своемъ—первомъ словацкомъ—журналѣ «Slovenskje pohľadi» (1846. I. 2. стр. 22—23) — у словацкомъ есть только одно нарѣчіе, нарѣчіе чисто—словенское, каковое и признали наши друзья и недруги нашимъ литературнымъ языкомъ».

Т. обр. мое первое изученіе современнаго словацкаго языка ограничилось изданіями Гурбана и его друзей, словомъ дѣятелей 40-хъ годовъ. Благодаря стремленію до мелочи передать въ письмѣ всѣ оттѣнки народной словацкой рѣчи, писатели эти всегда драгоценны; реформаторская дѣятельность высокоуважаемаго проф. М. Гатталы, правда, упростила гурбаново правописание, но она сблизила его съ чешскимъ. Предварительно я сдѣлалъ экскурсію въ старину.

Старые памятники словацкаго языка, можетъ быть, и существуютъ, но они мнѣ неизвѣстны. Помѣщенныя Колларомъ въ «Zpiewankach» (I. 45—56) двѣ баллады, якобы сохранившіяся на пергамен. листахъ отъ XIV—XV в., я считаю патристическимъ измышленіемъ. Два выпуска «Архива старословацкихъ грамотъ», изданныхъ недавно словацкой (преждевременно покойной) Матицей, напрасно прельщаютъ своимъ заглавіемъ: это не болѣе, какъ весьма нехитрая перепечатка чешскихъ грамотъ изъ «Архива» Палацкаго, относящихся къ Венгрии. Вотъ почему—за старословацкимъ языкомъ я обратился къ старымъ грамматикамъ чешскимъ и къ сочиненіямъ XVII—XVIII в., такъ какъ у нихъ я могъ найти свѣдѣнія о старословацкомъ языкѣ.

Первый, кто обратилъ вниманіе на словацкое нарѣчіе и ввелъ его какъ *сравнительный* матеріалъ для чешскаго языка, былъ знаменитый словакъ—Лаврентій Бенедикти изъ Нудожеръ. Ему больно было, что у его земляковъ «excolendae eorum linguae maxima est negligentia» (пред. 6. в.), и онъ издалъ свою грамматику, желая заохотить ихъ къ изученію роднаго языка. Бенедикти вездѣ указываетъ «аналогическія» явленія въ нарѣчіяхъ моравскомъ и словацкомъ съ языкомъ чешскимъ. Не менѣе инте-

ресный словацкий материалъ даетъ П. Долежалъ въ «Grammatica slavico-bohemica, in qua, praeter alia, ratio accuratae descriptionis et flexionis... demonstratur, ut et discrimen inter dialectum bohemosum et cultiorum slavorum in Hungaria insinnatur». (Posonii. 1746). У Бенедикти лучше понятъ глаголъ, у Долежала имя. Въ концѣ грамматики пословицы (272—87). По Долежалу составилъ свою грамматику извѣстный Вернолакъ: «Grammatica slavica» (Posonii. 1790), выдавъ еще раньше «Словацкую орографію» (1787). Во всѣхъ своихъ трудахъ Вернолакъ сильно выступалъ противъ «bohemisantes slavo». Какъ извѣстно, ошибка Вернолака заключалась въ томъ, что, желая избавить своихъ земляковъ отъ употребленія чешскаго языка, онъ самъ препоручаетъ имъ, какъ письменный словацкий языкъ, то именно нарѣчіе, которое наиболѣе сближается съ чешскимъ (Нитра—Тренчинъ).

Въ сочиненіяхъ ученыхъ XVIII в. мнѣ были полезны указанія для словацкаго нарѣчія Фриша (изъ «Slovanki». II. 177), Вела («Prodromos Hungariae»), Іордана («De originibus». II. 2. 3. 108) и особенно Добровскаго: въ «Litterarisches Magazin für Böhmen und Mähren (I. II. 1786), «Geschichte d. böhm. Sprache» (1792), «Ceských prjlsowj sbjрка» (1804) «Slavin» (1808), «Ausführliches Lehrgebäude d. böhm. Sprache» (1809), «Slovanka» 1814—15). Словари Вернолака и Палковича дополнили эти указанія*). Наконецъ, кое-что дали мнѣ для стараго языка тѣ случайныя выписки изъ словацкихъ (полу) писателей XVII—XVIII вѣковъ, которыя я нашелъ у Гурбана въ его статьѣ о словацкомъ языкѣ въ «Slov. pohľadoch» (I т.).

Обращаясь къ новому языку. Какъ было упомянуто выше,

*) Свидѣнія о словацкомъ нарѣчій Добровскій получалъ отъ своего друга Рыбая, священника въ Венгріи (+1811); съ нимъ онъ былъ болѣе 30 лѣтъ въ ученой перепискѣ. Эта драгоценная переписка готовится къ печати А. О. Патерой. Лексическимъ матеріаломъ того же Рыбая воспользовался Палковичъ. Книгъ Szigmaу'a и Бартоломендеса я не могъ найти ни въ музее, ни въ университет. библиотекѣ пражской.

я прежде всего счелъ удобнымъ остановиться на писателяхъ гурбановой школы. Съ этою цѣлью я прочелъ: Rimavského «Slovenskje povesti» (Levoča. 1845); Kadaví «Čitanka pre malje djetki» (Budín. 1845); *ю-же* «Prjatel ludu» (Budín, 2 вып.); Lud. Štura «Narečja slovenskuo, alebo potreba pisaŋja v tomto narečí» (Prešpork. 1846); Hurbana «Slovenskje pohľadi na vedi, umeŋja a literaturu» (I. 1 вып. 1846, 2. 1847, 3. 4. 5. 1851; II. 1851; III. 1852; IV (9 №) 1852); Hodža «Dobruo slovo Slovakom» (1847). Приобрѣвши этимъ чтеніемъ нѣкоторую опытность въ словацкомъ языкѣ 40-хъ годовъ, я могъ просмотрѣть книгу Штура «Nauka reči slovenskej» (Presp. 1846) и грамматику словацкаго языка противника Штура и реформатора штуро-гурбановскаго правописанія, подведшаго словацкую орфографію подъ чешскій знаменатель, пр. М. Гатталы, являвшуюся въ разное время, на разныхъ языкахъ, въ разныхъ видахъ: «Grammatica linguae slovenicae (1850. Schemnicii); «Kratká mluvnica slovenská (1852. Prespork); «Slovenská mluvnica» (Peři. 1864) — все это труды, особенно первый и послѣдній, которые останутся навсегда лучшими нашими руководителями при изученіи словацкаго языка.

Послѣ этого уже я обратился къ этнографическимъ сборникамъ. Кромѣ незначительнаго матеріала по народному языку у старыхъ грамматиковъ, я главный матеріалъ нашелъ въ трудахъ Челаковскаго, Шафарика и Коллара: «Slowanské národní písně» (Челаковскаго) 3 тома, 1822 — 27; Písně světské lidu slowanského w Uhřích» (Шафарика) 2 тома 1823—27; «Národnie zpiewanky čili písně světské Slovakůw w Uhrach» (Коллара), 2 тома, 1834 — 35. Лучшее изъ этихъ собраній — по точности передачи народной рѣчи, — безспорно, Шафарика, за нимъ Челаковскаго; послѣднее мѣсто по праву принадлежитъ Коллару, о пѣсняхъ котораго справедливо замѣтилъ еще Гурбанъ, что съ нихъ много сметья («Slovenskje pohľadi». I. 4. 134). Покойной Словенской Матицей было предпринято изданіе произведеній народнаго творчества въ значительныхъ размѣрахъ, но, къ сожалѣнію, вышло всего два выпуска, а больше,

вѣроятно, и не выйдетъ. Впрочемъ въ изданіи Матицы желатель-
но бы видѣть многое въ измѣненномъ видѣ: «Sborník piesní
slovenskúch» страдаетъ отсутствіемъ системы и точности.

Теперь я могъ считать задачу своего пребыванія въ Прагѣ
и вообще въ Чехіи болѣе или менѣе оконченной, чтобы засимъ
обратиться дальше. 16/28 іюня я изъ Праги чрезъ Турновъ и
Либерець (Reichenberg) двинулся въ Саксонію къ сербамъ лу-
жицкимъ. Но прежде чѣмъ оставить Прагу, я считаю своимъ
долгомъ принести мою глубокую признательность людямъ, помо-
гавшимъ мнѣ дѣломъ или словомъ, въ теченіе всего продолжи-
тельнаго времени моихъ занятій въ Прагѣ: первому бібліотекару
музея г. Въртаткѣ, секретарю г. В. Небескому и особенно ассис-
тенту, А. О. Патерѣ; профессору унив. М. Гатталѣ, словаку ро-
домъ; бібліотекару пражскаго университета, г. Цейдлеру, съ
рѣдкою готовностью открывавшему сокровища своего книгохрани-
лища; проф. и архиварию пражскаго магистрата, др. І. Емлеру,
и директору регистратуры тамъ-же, О. В. Ранку.

Болѣе основательное, чѣмъ прежде, знакомство съ старо-
чешскимъ языкомъ заставило меня съ особеннымъ интере-
сомъ остановиться на языкѣ крохотнаго славянскаго племени среди моря
нѣмецкаго — *лужичанъ* (Serb, Serbjo, Sarb), говорящихъ двумя,
довольно рѣзко различающимися нарѣчіями. Эта ярко выступаю-
щая индивидуальность каждаго изъ обоихъ лужицкихъ нарѣчій
при исконной совмѣстной жизни на небольшомъ клочкѣ земли;
замкнутое, обособленное положеніе верхнелужицкаго нарѣчія, безъ
близкихъ родичей, сиротой, тогда какъ его собратья на сѣверѣ
болѣе или менѣе подходятъ къ типу языковъ лашской семьи —
все это представляетъ явленіе, сколько замѣчательное въ исторіи
славянства, столько интересное въ наукѣ языка. При видѣ верхне-
лужицкаго нарѣчія чудится, будто предъ глазами живой свидѣ-
тель какого-то доисторическаго этнографическаго переворота, отор-
ванный осколкомъ отъ своей родной формаціи и заброшенный
далеко. Не имѣя времени яснѣе развить здѣсь свою мысль, я
замѣчу только, что верхнелужицкое нарѣчіе какъ-бы переброшено
съ в. на з. чрезъ лашскую вѣтвь и т. путемъ очутилось сиро-

той, мысль, которую категорически выставилъ еще въ 40-хъ годахъ Иорданъ («Gram. d. Sorab. Sprachen» Prag. 1841. 5), а затѣмъ г. Новиковъ.

Центромъ моихъ занятій лужицкихъ былъ, естественно, уютный Будышинъ (Bautzen). Наибольше полное собраніе старопечатанныхъ лужицкихъ книгъ, центръ современнаго литературнаго и поэтическаго движенія верхнихъ лужичанъ, съ И. И. Смоляромъ и М. Я. Горникомъ во главѣ, приобрѣтшими своею полезною и благородною дѣятельностью имя въ наукѣ и жизни — все это дѣлаетъ маленькій Будышинъ особенно привлекательнымъ. Въ Будышинѣ я провелъ около 10 дней. Въ повременномъ изданіи «Časopis towařtwa Maćicy serbskeje» (двѣ книги въ годъ, подъ редакціей неутомимаго о. Горника) я нашелъ прекрасныя статьи самого редактора, Dr. Пфуля, пастыря Іенча, Веда, Бука, — по сербскому языку въ его современномъ состояніи и въ былое время (обоихъ нарѣчій), по библиографіи, литературѣ. Укажу на нѣкоторыя: Іенчъ «Stawizny (исторія) serbskeje гуѣје» (I т. 2, 3 вып.); Бука «Serbske prišłowa» (т. II, III); Горникъ «Swětlikowu rukopisъ» (рукоп. переводъ Библии XVII в.) (т. III); Pfuhl: «Hornjožučicka serbska гуѣница (III. за 1861 г.), Pomniki Роѡobjanъ (IV. 1863—64 г.); Горникъ «Катехизисъ 1597 г.», «Агенда 1667 г.», «Псалмы 1627 г. (т. IV. 1868. 69. 71); Вьланъ «Namjezno-Mužakowska wotnožka serbsčiny» (1869), Jordan: «Delnožučiske ludowe рѣснѣ» (1875 г.) и др. Два церковныя общества, католическое и евангелическое, издають массу книгъ для народа, и писанныя простымъ народнымъ языкомъ, книги эти были весьма полезны: «Psalmy» въ переводѣ Lagas'a (1872), «Porst boži» A. Szykory (1875) и др. Журналы: «Žučičanъ», «Katolski posoѡ», «Missionarski posoѡ», «Serbskje powiny» были съ своей стороны полезны при моихъ занятіяхъ языкомъ. О Горнику я свидѣтельствую мою особенную благодарность за трудъ обстоятельнаго объясненія фонетическихъ особенностей обоихъ нарѣчій, и эти уроки будутъ всегда для меня справочной книгой.

Чтобы ближе ознакомиться съ верхнелужицкою рѣчью въ

старину, я, помимо матеріала, собраннаго въ журналѣ Матицы, имѣлъ рѣдкій случай воспользоваться «Катехизисомъ» 1597 г. Единственный экземпляръ этого драгоценнаго памятника, (заглавіе его: «Der kleine Catechismus.... Dr. M. Lutheri wendisch und deutsch in Druck vorfertiget durch Wenceslaum Warichium, Graedicensem Pfarren zu Gödau» M. D. XCVII, in 8. 64 л., въ Будишинѣ) хранится въ церкви св. Михаила въ Будишинѣ; я обязанъ особенному вниманію И. И. Смоляра, что могъ достать эту книгу.

Живя въ Будишинѣ, я занимался и нижнелужицкимъ языкомъ: кромѣ статей «Сазориса» и нар. пѣсень, я съ особеннымъ интересомъ прочелъ доступный мнѣ отрывокъ изъ нижнелужицкаго перевода библіи Якубицы, 1548 года, по изданію Lotze: «Der Brief des Iacobus» (Leipz. 1867) — старѣйшаго памятника нижнелужицкаго языка. Болѣе короткое знакомство съ цѣлою рукописью Якубицы было главною цѣлью моею позднѣйшей поѣздки изъ Лужицъ въ Берлинъ, гдѣ рукопись хранится (въ кор. библиотекѣ).

Изъ Будишина, въ сопровожденіи любезнаго студента Браля, я уѣхалъ въ Khrósčicu, одно изъ самыхъ богатыхъ и большихъ селъ въ саксонскихъ Лужицахъ, неподалеку Каменца, гдѣ послѣднія славянскія поселенія на крайнемъ западѣ. Въ роскошномъ селѣ, съ величественными остатками стараго славянскаго городища («hrōdišće»), въ обществѣ членовъ патріотическаго «srěwaŕskjeho towaŕstwa», я провелъ нѣсколько дней, упражняясь въ народный рѣчи, знакомясь съ съ бытовой обстановкой народа, его жилищами, хозяйствомъ. Кросцицы — католическое село *) и потому въ воскресенье у обѣдни я могъ видѣть. извѣстный своею своеобразностью праздничный нарядъ женщинъ, можетъ быть, остатокъ изъ далекой старины: черное платье, вздутые на верху рукава и громадный бѣлый платокъ на головѣ.

*) Приходы лужицкіе: I) католическіе: 6 въ Саксоніи, 1 въ Пруссіи (всѣ верхнелуж.), II) евангелическіе: а) верхнелужицкіе—въ Саксоніи—26, въ Пруссіи—23; б) нижнелужицкіе—36 (всѣ въ Пруссіи). См. статью о Горыла въ польск. журналѣ «Warta» (№ 4. 1874 г.).

Изъ Бросциць я пробрался къ Каменцу (родина Лесинга), откуда по желѣзной дорогѣ къ Калац, гдѣ свернулъ на-право по франкфуртской дорогѣ до станціи Dubje (Eichow). Отсюда пѣшкомъ черезъ селенія: Kiješow (Kreschow), Gorky (Milken-dorf) я пробрался до Попойцевъ (Papitz), гдѣ нашелъ радуш-ный приѣмъ у г. учителя Іордана, собирателя нижнелужицкихъ пѣсенъ. Здѣсь же я познакомился и съ почтеннымъ мѣстнымъ пастыремъ, старикомъ Маркусомъ, горячимъ любителемъ своего крошечнаго, весьма привѣтливаго народца. Нарядъ нижнелужиц-кихъ женщинъ, особенно широкая плахта на головѣ, кругомъ плотно прилегающая, мнѣ напомнила нашу Украину, съ тою только разницей, что въ Нижнихъ Лужицахъ даже дѣвочка 6—7 лѣтъ обвязываетъ голову этой плахтой, такъ что голова ребенка — что стогъ сѣна: въ такомъ уборѣ я видѣлъ дѣ-тей въ школахъ; по этому наряду легко отличить сербскихъ кор-милищъ въ Берлинѣ. Чѣмъ въ Будишинѣ былъ для меня о. Горникъ, тѣмъ въ Попойцахъ — мой хозяинъ, г. Іорданъ: его бесѣды объ особенностяхъ нижнелужицкаго языка дали мнѣ возможность ознакомиться близко съ рѣчью его немногочис-ленныхъ земляковъ. Къ сожалѣнію, вмѣсто добраго слова о со-храненіи, хотя бы для науки, этого крошечнаго народца, въ мѣстной прусской журналистикѣ встрѣчаются однѣ циническія, впрочемъ весьма обычныя, выходки. Изъ Попойцевъ черезъ Цасовъ я прошелъ до Коцебуша (Cottbus), центра весьма слабой лите-ратурной жизни нижнихъ лужичанъ, а оттуда уѣхалъ въ Бер-линъ черезъ Любенновъ (Lübennau).

Въ Берлинѣ я предполагалъ заняться главнымъ образомъ нижнелужицкимъ переводомъ библіи Якубицы, 1548 г. Рукопись находится въ королевской библіотекѣ подъ сигн. «Man. Slav. fol. № X». Съ рекомендаціей моего друга, проф. В. Ягича, я легко получилъ доступъ къ рукописямъ библіотеки у весьма лю-безнаго консерватора, др. Пфунде; но искомая рукопись не ока-залась на лицо: она была выдана до 15 августа лейпцигскому проф. Лескину, который, какъ слышно, собирается издать ее. Мнѣ оставалось заняться другимъ памятникомъ нижнелужицкаго языка, XVI в.,

но несравненно менѣе важнымъ. Я разумѣю здѣсь рукопись подъ сигнат. «man. sl. fol. XVIII».

Бумажная рукопись эта, конца XVI вѣка, носить заглавіе: «Einn russisch buch, von Thom. Schroue» (на переплетѣ). Но этотъ титулъ данъ по первой части. Дѣло въ томъ, что рукопись состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ лексическихъ трудовъ, составленныхъ въ разное время и разными лицами, но вписанныхъ въ одну тетрадь.

Первая часть рукописи (fol. 1 — 118, или 1—59, ибо пагинація чрезъ листъ) есть русско-нѣмецкіе разговоры для купцовъ нѣмецкихъ, съ словаремъ, расположеннымъ по предметамъ, трудъ нѣкоего *Тома Шрове*, 1546 года. Полный титулъ въ виршахъ:

«Ein russisch buch bin ich genannt,
Ihm deutschen Lanndt ganz unbekannt,
Der mich hatt geschrieben, denn lasse godt
Frolich lebenn unndt sterben amenn.
Hilff Godt war ich begi(nnen?)
Einn sätligk ennde ich gewinne,
Der dies hatt geschrieben,
Gott gebe ihm nach Gottes willenn zu lebenn
Alhier auff dieser erdenn,
Das seine sehll gott zu theill werde,
Thomas Schroue ist ehr genannt,
Das er Gott musse werden bekannt.
Amen. Anno domini 1546 (1. a).

Далѣе (2. а, b) предисловіе въ виршахъ, изъ котораго именно можно догадываться, что книга предназначалась для нѣмецкихъ купцовъ, проживавшихъ въ Россіи («Ein russisch buch binn ich genannt, Ihnn Russlandt bin ich wol bekandt. Der mich will ihn Russlandt lerrnn, Der mus sich voraus zu Godt bekerrnn...» 2. а).

Разговоры начинаются съ 3. а: «Aspoddi blaßleuihz das

walde Gott, Iſde ja gotzu yſboſyu pōmotzyu potſynath kack nadopjſ ruſſynum turguwath da meneiſe thowar kupyth v ruſyna da mynetze thowar prothiif thowar kolly Aspodu Bochgu ljube». (Засимъ нѣм. переводъ). «Boch day Iſme ja-coff iſdoroua ſydt dobber dobuth lychgo jſbudh jamo dobro jmeth, tholl dolgo sydt dokull Aſpddu bochu lube...»

Разговоры эти, не имѣя филологической цѣны, интересны для внутренней жизни Россіи XVI в. Изъ выраженій: «ſ ruſſynum turguwath» (3. а), «Kack tebbe boch perr wortymay» (ib.) можно полагать, что составителю б. извѣстенъ и польскій языкъ. Нѣкоторыя выраженія какъ бы поговорки: «Sydye kryuo da ſudy prawo». (57. b). «Komu dallos tomu terpyth» (ib.). Въ разговорахъ рѣчь часто объ обманѣ; такъ русскій купецъ говорить: «ne straſyus thoga thowar kupyth. thowar dobbro. ja tobbu thogo bes omancku prodam» (45. а).

Послѣ купеческихъ разговоровъ (1—66), идутъ молитвы, замѣтки объ Адамѣ и т. п., а съ л. 72—словарь, раздѣленный на 43 рубрики: названія напитковъ (20), домашней утвари (22), принадлежностей письма (27), пласка, пѣнье и пр.

Вторая часть рукописи (118 а—124. а) — ботаническій словарь 1582 года, съ нижнелужицкими названіями: «Namen der vornembsten Artzney Kreuter ihnn lateinischer, deutscher unnd wendischer sprachen... zugeschrieben durch M. Albinum Monnerum Straupirensem Lusatium anno 1582». Всѣхъ названій лѣкарственныхъ травъ — 240, въ три столбца, въ порядкѣ: лат., нѣм., лужицкія названія. Опустивъ нѣмецкій столбецъ, я списалъ всѣ латино-лужицкія названія: не смотря на неопредѣленность ореографіи, названія эти драгоценны для фонетики стараго нижнелужицкаго языка.

Третья (последняя) часть рукописи—мадяро-нѣмецкій словарь.

Посѣтивъ лекціи проф. Штейнтала по исторіи образованія романскихъ нарѣчій (при 8 слушателяхъ), отличавшіяся имѣющимъ подборомъ немногихъ, но крупныхъ фактовъ, мастерскимъ изложеніемъ и произнесеніемъ, и проф. Ебеля по сравнительной фоне-

тикѣ консонантовъ индоевропейскихъ языковъ (при 2 слушателяхъ), который представляетъ нѣкоторую противоположность Штейнталю по заваливающей массѣ сообщаемого матеріала, притомъ самаго разношерстаго, по излишней скорости произношенія, а во второй половинѣ іюля оставилъ Берлинъ, и чрезъ Дрезденъ, Прагу уѣхалъ въ Вѣну, откуда мой дальнѣйшій путь лежитъ въ верхнюю Венгрію, Сербію и Хорватію.

Вѣна,
12/24 августа, 1875.

ОТЧЕТЪ

(ТРЕТІЙ)

о путешествіи по славянскимъ землямъ съ 1-го августа 1875
по 1-е февраля 1876 г.

За старочешскимъ языкомъ у меня на очереди стоялъ *словацкій* (во избѣжаніе недоразумѣнія я употребляю этотъ терминъ вмѣсто словенскій, хотя только послѣднее выраженіе извѣстно въ народной рѣчи), и потому въ половинѣ августа я отправился изъ Вѣны въ Сѣверную Венгрію.

Двѣ цѣли я намѣтилъ себѣ, отправляясь къ словакамъ собрать кое-какія свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ стараго времени и пополнить, согласить свои, не рѣдко не согласныя свѣдѣнія о языкѣ нашихъ дней — почерпнутыя изъ книгъ и, главн. обр., двухъ школь: Штура и Гатталы. Со вчерашняго дня ведетъ словацкій языкъ свою прагматическую исторію, свѣдѣнія о немъ прежде всего принимаются на добрую вѣру; при разности взглядовъ — разность ученій, съ аристократическими попопзновеніями на мотивъ: «*nov sum Indis*». Естественно, если занятія словацкимъ языкомъ представляютъ больше затрудненій, чѣмъ занятія напр. чешскимъ языкомъ и очень стараго времени, когда писали, не мудрствуя лукаво.

При отсутствіи какового бы то ни было центра политическаго или литературнаго у словаковъ, Святой Мартинъ (*Svatý Martin*,

Szent Márton), въ Турчанскомъ комитатѣ, какъ мѣсто нахождения «Slovenskej Matice», тогда еще на половину закрытой, былъ необходимо тѣмъ пунктомъ, гдѣ я прежде всего долженъ былъ остановиться, предпринявъ путешествіе къ словакамъ.

Черезъ Одербергъ, Тѣшинъ я у Чацы (Szacsza) вступилъ въ Венгрію и вечеромъ 14/26 августа былъ въ Св. Мартинѣ.

Небольшой Турчанскій комитатъ (stolica по слов., съ нѣм.) — центральный (между Тренчиномъ, Нитрой, Баршемъ, Зволеномъ, Гемеромъ, Липтовомъ, Оравой) есть родина современного словацкаго литературнаго языка: «чѣмъ далѣе отъ Турчанскаго комитата — говорить Сасинекъ — на з. с. и в., тѣмъ болѣе словацкій языкъ дробится на нарѣчія и говоры, пока не сливается съ языками своихъ славянскихъ сосѣдей («Die Slowaken», 1875. 10). Гористый характеръ словацкой земли, слабое сообщеніе особенно благопріятствовали развитію говоромъ; къ этому можно присоединить рѣдкій индеферентизмъ словака къ своему языку, о которомъ съ сожалѣніемъ говорить еще Чапловичъ («Gemälde von Ungarn», I. 229).

Св. Мартинъ я посѣтилъ въ несчастное для него время. «Словенская Матица» была не только приостановлена въ своей литературной и ученой дѣятельности (прекратились изданія: «Лѣтописи», «Сборникъ народныхъ пѣсенъ»), но и всѣ ея собранія были уже опечатаны: бібліотека чешско-словацкихъ книгъ XVII — XVIII ст., колекція рукописей и др. *).

*) После тридцатилѣтней войны, литературная дѣятельность чешскихъ братьевъ и лютеранъ продолжилась среди словаковъ. Уже къ концу XVI ст. видимъ много школъ и типографій въ Сѣв. Венгріи (въ Шинтавѣ. 1574 Ваньской Быстрицѣ 1578, и др.); въ то же время издуются собранія церковныхъ пѣсенъ Сиавануса. Вановскаго, Таборскаго, Цегларіуса и др., на обычномъ словацко-чешскомъ языкѣ (въ родѣ языка нашихъ проповѣдей), словацкій катехизисъ Пруно и др. религіозно-учительныя книги. Въ первой полов. XVII ст. въ области церковной литературы дѣйствовать съ особеннымъ успѣхомъ суперинтендентъ Лани и Юрій Трановскій (второй «Cuthara sanctorum»); во второй — Пиларикъ и Горчичка (Synaris). Пиларикъ — народный писатель, не забытъ и сегодня: его «Los Pilarika Stefana», «Harfa Davidova». Изъ книгъ Горчички замѣчательны: «Огородъ благочестивой души» и «Нео-

Матяцу были напрасны: мнѣ оставалось заняться народною рѣчью. За пріятельскія сообщенія я приношу мою благодарность г. Франциси (старому издателю словацкихъ свазокъ подъ псевдонимомъ Ринавскаго), Сасинку, Петору и др. мартинскимъ знакомымъ.

Пробывши недѣлю въ Мартинѣ, я чрезъ Рутку отправился въ сѣверный слав. комитатъ — Липтовскій, языкъ котораго одно время готовъ былъ стать общелитературнымъ (въ трудахъ покойнаго Ходжи † 1872). Въ комитатскомъ городѣ—св. Микулашѣ (Szent Miklós Liptó) я прожилъ около двухъ недѣль, встрѣтивъ въ лицѣ просвѣщеннаго пастора, Фр. Балтика, и дьякона пр. Ковалевскаго, охотныхъ помощниковъ въ моихъ занятіяхъ. Рѣдкая бібліотека Балтика — одно изъ полныхъ собраній словацкихъ книгъ отъ первой иркунабулы — было предоставлено въ мое свободное пользованіе; недостававшее здѣсь я нашелъ въ бібліотекѣ при церкви. Путешествія съ Ковалевскимъ и учит. Уракомъ въ Сельницу (къ св. Грубню, старому писателю и ученику Штура), Смечаны, Деменово пополнили мои замѣтки изъ Св. Мартина по языку и быту.

Разсѣянные по многимъ комитатамъ, словаки представляютъ особенную трудность при опредѣленіи ихъ числа. Въ 1792 году словаковъ считалось 2.236.000; но въ двадцатыхъ годахъ Чапловичъ насчитывалъ ихъ всего 2 миліона (на основаніи частныхъ данныхъ). Въ настоящее время словаковъ можно считать между 2¹/₂—3 мил. (См. мою «Записку»). Не смотря на то, что они живутъ въ 36 комитатахъ**), только четыре комитата исключи-

forum latino-slavonicum», гдѣ собраны народныя пословицы. Многія произведенія того времени остались въ рукописи—напр. Беницкаго (1652). «Навѣрное — говоритъ Ситинскій въ «Словесности» (Martin, 1873, 66) — въ архивахъ епископскихъ, капитульныхъ, магнатскихъ и городскихъ лежитъ въ пыли не одинъ памятникъ словацкой рѣчи». Правда, узка была сфера дѣятельности писателей XVI—XVIII ст., однообразенъ характеръ ея: «весь XVII вѣкъ,— за исключеніемъ Бенедикти и Горчички—половъ одного плача и проклятій» (Гурбанъ въ «Slov. Pohľadoch» I. 2. 10); но таково было время и странно жаловаться, что словакъ былъ лишь вхома чеха (il 19).

**) «Gemälde von Ungarn» Чапловича. I. 205. Кромѣ того мы пользовались рукописными матеріалами по этнографіи Чапловича, любезно сообщенными г. Балтикомъ.

тельно словацкіе: Орава (гдѣ 24 общины говорятъ полупольскою рѣчью), Тренчинъ, Липтовъ и Зволенъ («Изволинъ» въ Ипатьев. лѣт. подъ 1250). Въ девяти комит. словаки въ большинствѣ: Нитра, Турча, Тековъ, Гонтъ (118 об.), Спишъ (186 общ.), Гемерь (131 об.), Шаришъ (235 общ.), Земплинъ (226 об., изъ коихъ 74—сотави), Абауй (360 об.); въ 23 ком. — въ меньшинствѣ: Пештъ, Пресбургъ, Ноградъ и др. Впрочемъ, о восточныхъ комитатахъ должно замѣтить, что трудно сказать, гдѣ кончаются словацкія поселенія и начинаются русскія. Языкъ — недостаточный критерій: при близости обоихъ нарѣчій, одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ,—но на полногласныя формы издавна было гоненіе со стороны католич. священниковъ, полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, такъ что руснакъ, смотря по тому, гдѣ, съ кѣмъ говоритъ, употребляетъ то одну, то другую форму. По моему мнѣнію, одно вѣрно: что православное, то русское; но что не православное, то еще не словацкое. Если въ грамотахъ XIII в. словаки Спиша (Zip) называются *hospites* (Wagner «*Analecta Scepsisii*» I. 80), то съ тѣмъ большимъ правомъ мы можемъ видѣть въ словакахъ Шариша, Земплина, Абуивара позднѣйшихъ колонистовъ промежутокъ исконнаго русскаго населенія. О слѣдахъ стараго православія въ этихъ краяхъ до XV—XIV в. см. только что упомянутое изданіе Вагнера, I. 346—47, III; Bárdosy «*Supplementum analectorum terrae Scepusiensis*» (1802 г.) гр. 1280 г. № XXXVIII, 1288 г. № LXVI, LXVII; ср. № LXXXIII о первомъ епископѣ Спишскомъ, изъ православныхъ, по объясненію Бардоши; Wagner «*Diplomatarium comitatus Sarosiensis*», 436, 463, 520—21.

Словакъ не зналъ и не знаетъ города. Какъ интересы семьи не выходили за порогъ халупы, такъ интересы народа далѣе села. Село—*dedina*—единственная форма общежитія въ исторіи словаковъ—село не развилось—путемъ-ли торговли, администраціи—до города. Большинство городовъ нѣмецкаго происхожденія, и даже комитатскій городъ, если онъ чисто словацкаго происхожденія, болѣе село, чѣмъ городъ. Таковъ напр. св. Мартинъ.

При исключительномъ господствѣ села, словакъ не зналъ исторической жизни, и онъ теперь то же дитя природы, чисто кровный славянинъ, какимъ былъ за 1000 лѣтъ. Вольное расположеніе селъ, немудренная постройка халупъ — все это вполнѣ согласуется съ первобытной простотой вообще жизни словака. «Села — говорить Чапловичъ — отличаются широкими улицами, домъ — просторнымъ дворомъ, и каждый съ садикомъ. Растянутость — выпуклая черта словацкаго села. Удобствъ никакихъ — все просто, все предоставлено на волю Вожию». И это дѣйствительно такъ. Доминши деревянные, убогіе, съ узкими окнами, въ которыхъ часто вмѣсто стеколъ — беспорядочная масса осколковъ стеклянныхъ, и, обыкновенно, безъ трубы: дымъ идетъ дверьми или крышей, почему крыша не прилегаетъ плотно къ верхнимъ окраинамъ стѣнъ, а значительно отступаетъ. Эти халупы, хижы крыты соломой. Лавки у стѣнъ, бѣдная домашняя утварь, бумажные образа святыхъ, буде господарь католикъ, — обстановка жилья.

Старый славянскій бытъ донесся, вѣроятно, не одной чертой въ современной жизни словака, если исключить видимо позднѣйшія наслоенія — напр. преобладаніе чернаго цвѣта въ платьѣ женщины-протестантки. Если извѣстный австрійскій этнографъ (Чернигъ) въ кроѣ платья словака, особенно Оравскаго и Липтовскаго комитатовъ, въ горахъ (узкія, бѣлыя гачи изъ сукна, такой же короткій сиракъ, свита, войлочная круглая черная шляпа, лапти) видитъ память доисторической старины III. 102, то естественно думать, что тою же стариной вѣветъ и отъ цѣлаго строя жизни словака въ бѣдныхъ, но чисто словацкихъ комитатахъ сѣверной Венгріи, не выходившаго за предѣлы западной части прародины славянъ. Женатыя дѣти живутъ вмѣстѣ съ родителями, «ѣдятъ изъ одной миски» (zo jednej misy jedia), т. е. вмѣстѣ газдуютъ (хозяйничаютъ) и имѣютъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи одиночныя «коморы» въ общей избѣ. Въ семьѣ-родѣ отъ 20—30 человекъ и больше, что неудивительно, при поговорочной плодовитости словаковъ: среднимъ числомъ семья имѣетъ отъ 6—10 дѣтенышей, не смотря на крайнюю бѣдность, въ которой

живуть эти первобытные славяне. Земля обрабатывалась сообща, не продавалась. Но съ быстрымъ развитіемъ пьянства, «паленка» сильно дѣйствуетъ на разрушеніе старыхъ порядковъ, рождая всеобщій науперизмъ. Поселенія образовывались, расширялись путемъ естественнаго народненія изъ одной семьи; всѣ односельцы были прежде всего родичи, отсюда и самое названіе для поселенія—«дѣдина», т. е. унаслѣдованная отъ отцовъ земля, мѣсто (въ чешскомъ *dědina* =наслѣдіе). Свою дѣдину словакъ строго отличаетъ отъ «осады», поселенія чужихъ, насѣвшихъ пришельцевъ.

Переходя къ языку, предварительно замѣчу, что въ нему цѣлкомъ идетъ русская поговорка—что городъ, то норовъ. На небольшомъ пространствѣ словацкой части Гемерскаго комитата Бартоломеидесь въ минувшемъ столѣтїи насчитывалъ четыре говора. Я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями о наиболѣе выщуклыхъ пунктахъ языка и говоровъ. Въ соотвѣтствіе тому, что каждая почти околица имѣютъ свою рѣчь, каждая книга словацкая—свою орфографію. Такъ было до недавна.

Ъ. Бѣглый звукъ или коренной, а обыкновенно = о: *nesol*, *posol*. По исключенію онъ является: въ видѣ *a*: *dažd*, *daštička*. *Šafařík*. «Pjesně». I. № 60—88. *mach*; въ видѣ *u*: *za wlasu ruwati*. *Kollar*. «Zpiewanky» I. 4, *lužeš milá ib*. I. 185; въ видѣ *oa*, *moach* (въ Липтовск. ком.); въ видѣ *y* (н): *pred nami lyhat nesmieš*. *Skultety*. «Pověsti». 139.

Ь. При обычной замѣнѣ *e*, изрѣдка въ видѣ *a* (послѣ *l*): *lad*, *lan*, *lahký*; послѣ шипящихъ или *o* (изъ *je*): *Šol* (почти *šoX*, *šoU*), или *je* раздѣльно отъ предш. консонанта: *š'jeu Skult*. 110.

Вслѣдствіе новаго направленія, охватившаго южныя и западныя славян. нарѣчія и сказавшагося въ потерѣ старой смягчаемости консонантовъ, и въ словацкомъ нарѣчїи является *o*, гдѣ нѣкогда должно было стоять *e*: *mogom*, *troch*, *trom*, *kostol*. Въ Гемерѣ *e* въ *ja* въ *g. adj. sing. m. n. dobjaho* (чит. *dobr'-jaho*).

Ъ. Въ краткихъ слогахъ послѣ губныхъ = *e*, т. е. русск.

а: veriĭ, mega; но послѣ d, t, l, n = 'e, т. е. смягчаетъ эти консонанты, ибо это свойство имѣетъ и каждое e. Въ удлинённыхъ слогахъ љ = je (пишется ie), раздѣльно отъ предш. консонанта: хлѣбъ = chl'ieb, чеш. chléb, v'iega, ч. víga. Но во многихъ словахъ словакъ сохранилъ еще память о глубокой старинѣ: а) љ = a съ смягченіемъ предшествующаго консонанта: sňah (чит. sn'ah), lavý; Ср. osiraluo Kol. Zp. I. 9. sadla ib. 85 bolastý mam ib. 158. poslahov ib. 194. Тоже у Шафарика (12), Шкулети: blady. 139. poslah. 170. б) љ = ja, съ твердымъ консон. въ Гёмерѣ: rjaka (почти reaka), djaúše (лѣвча). do chliava, driamaĭ. Skult. 181. Ср. Bartholomeides «Notitia», 135. Можетъ быть, сюда д. отнести и e = ia: piast, viast, vupiasol (въ Гёмерѣ). Šk. 182, 184, 185.

А. Въ краткихъ слогахъ љ = въ чешск. ě, а (е смягчаетъ предш. консонантъ), въ словацк. протяжному e, русск. э въ *этомъ*. Гаттала и большинство писателей обозначаютъ этотъ звукъ начерт. \bar{a} ; но точнѣе выражаютъ этотъ звукъ тѣ, что пишутъ ae вм. \bar{a} (напр. Халупка): чеш. pět, svatý = сл. paeĭ, svaetý. Но въ нѣкоторыхъ суффиксахъ љ = a съ смягченіемъ предш. согласной: vtaĉa, jahŃa, какъ въ русскомъ. Въ слогахъ удлинённыхъ љ = \bar{a} , \bar{i} въ чешскомъ, ia (раздѣльно отъ предш. согласн.) въ словацкомъ ráty, rítka — riaty, valia sae. Такъ обр. можно сказать, что љ, какъ въ русскомъ, прежде всего перешло въ a съ смягченіемъ согласной: vtaĉa (изъ *ptaĉa), žalo; затѣмъ при постепенномъ забвеніи смягчаемости консонантовъ a потеряло способность смягчать и перешло въ ae: setae, paeĭ, maeso; въ Гёмерѣ, какъ на Моравѣ еще слышно a: sa, vatší вм. обычн. sae. При благопріятныхъ условіяхъ (усиленіи ударенія, откуда удлинёніе) небный j является снова, но уже при вокалѣ: riaty (= r-jaty). Въ чешскомъ j ассимилируетъ a: pět, но ráty — rítka (изъ *rjatka, *rietka).

Въ словѣ jendzi-baba = jezibaba, jahababa (въ сказкахъ) љ = en *).

*) По народной этимологіи медяре изъ этого слова сдѣлана Déli-bab = баба лѣа, злой вѣтеръ, духъ. Медярскіе публицисты и французскіе пале-

И. Онъ ясно слышится въ рѣчи словака, особенно въ Липтовѣ и на в.; къ западу приближается къ *i*. Въ Гемерѣ *i*, *y* смѣшиваются, т. е. по южнорусски: *s puma*, *do hostynca*. Skult. 179.

Въ словацкихъ грамматикахъ принято говорить о дифтонгахъ: *ia*, *ie*, *iu*; *ia*, *ie* — при известномъ усиленіи ударенія — *piaty*, *viera*; *iu* — напр. въ *dat. s. n*: *učenju* (Hattala «Slov. Mluvnica» 2, «Slovnačací mluvn.» 119) Гаттала говоритъ даже о «недѣйствительныхъ» дифтонгахъ *ä* (= *ae*), *y*: но если они мнимы, то нечего и говорить. Что же до «истинныхъ» дифтонговъ, то и они, по моему мнѣнію, весьма подозрительны: ученый славистъ допускаетъ, что въ словахъ: *jaго*, *jelen* и др. *ja*, *je* составляютъ слогъ. Slov. 119; не вижу достаточной причины, почему напр. въ 3 pl. pr. *kosia* (*kos-ja*) отъ *kosit* *ia* есть дифтонгъ, а не слогъ.

Настоящіе дифтонги мы имѣемъ лишь въ измѣненіяхъ *u*, о
1) а) *ou* въ *abl. s. f. dobrou ženou*, но въ среднечешскомъ яз. еще *u* (*ū*): *dobru ženū*. Въ коренныхъ слогахъ остается *u*, гдѣ въ чешскомъ *ou*: *útrata*.

б) *u* изъ *ж* въ прич. пр. нескл. съ предшествующей согласной: *dau*, *priadou*, *robiu*; *seden*, *rominuu*. Въ Гемерѣ *oж*, *uж* = *ō*, *ū*, Skult. 186 *)

2) *o*, въ среднечешскомъ *ō*, *ou*, теперь *o*, въ малорусскомъ *o* (*i*), въ старосербскомъ *uo* (*вуов*, *пуок*), въ словацкомъ по нарѣчіямъ предлагаетъ рядъ измѣненій:

а) *uo*, самая обычная форма и наиболѣе распространенная (въ Турчѣ довольно ясно обѣ части): *vuola*, *kuoi*, *dobruo slovo*.

б) *vo*, при легкой мѣнѣ *u*, *v* (*praŭda*): *zlvvo slovo*.

гиристы мадьяръ свободно обращаются съ фактами народной миеологии и дѣлаютъ самыя произвольныя толкованія. См. книгу Ed. Sayous «Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois». Paris 1874, 115, гдѣ о Делибавѣ, 113. о мнимо мад. *rokol'* изъ сл. пекло.

*) Какъ *ū* изъ *av*, *uŭ*, *uж*, такъ слово *kŭi* (= кровь), въ которомъ видать доисторическую старину, изъ *krov* (чеш. правильно *krev*, крвь 'кры) *krauv*, *krauv*, *kŭiv*. Ср. *obŭ* = обувь.

с) *ua*, въ Гёмерѣ: *kuaj*, *muahol*, *puajdemo*. Skult. 183, 180, 181. Bartholom. «Notitia» 135 и др.

Изъ согласныхъ я коснусь гортанныхъ и плавныхъ *l*, *г*.

Словацкій языкъ, подобно великорусскому и польскому, знаетъ еще смягчить гортанные *k*, *h*, *ch* непосредственно: *matki*, *matkin*, *muchi* etc.

Языкъ сохранилъ *g* при обычномъ *h*, но не въ большомъ числѣ словъ: *striga*, *wrzgał* (*crepitare*, Bernolák «Slowak» s. v.) *drgał* (*trudere*, *movere*, *ib*) и др. Въ склоненіи, при извѣстныхъ условіяхъ (*ъ*, *i*), *h* переходитъ въ *z*, какъ въ чешскомъ, хотя не такъ послѣдовательно, но *g* всегда въ *dz*: *stridze*. Различеніе смягченія горт. *g* и *h* въ словацкомъ, тогда какъ чешскій уже успѣлъ соединить обѣ формы въ одну, позволяетъ предполагать, что правильное употребленіе *z*, *ž* въ старѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ словацкій знаетъ *dz*, и никогда *ž*, основывалось на различномъ выговорѣ обѣихъ буквъ, т. е. имѣло свое основаніе въ языкѣ, различавшемъ отъ обыкн. *ž* звукъ, изображавшійся буквой *z* или *ž*, хотя и близкій къ нему (*z*, *ž*). Такимъ различнымъ и въ тоже время близкимъ къ *z* звукомъ могъ быть звукъ въ родѣ словац. *dz*, что принимаетъ и Миклошичъ на основаніи македонскаго нарѣчія. Если *z* = *dz*, то вѣтъ сомнѣнія, старословенское *г* = *g*, а не *h*.

L. R. Словакъ, какъ и старшій чехъ, различаетъ *ж* и *l*. На *з*. *ж* болѣе и болѣе теряется; на *в*. (Липтовъ, Гёмеръ), если нѣтъ поддержки, *ж* = *й*, *у*, какъ въ малорус. *буу*, *буѣа*. Можно замѣтить, что индѣ и *l* мѣняется въ *u*: *tuch* *doupičanou*. Šaf. «Pjsně». II. № 104. *kawnu wodu*. *ib* № 124. Но мягкое *г* затеряно, какъ въ чешскомъ, польскомъ: отсюда послѣ него или твердая гласная, а если мягкая (*іотов.*), то *г* не прикасается къ ней: *urjad* (= *ur-jad*).

Извѣстно, ни одинъ звукъ такъ не труденъ для выговора ребенку, какъ плавный *г* или *l*; ни одинъ звукъ въ рѣчи взрослого человѣка не даетъ такого легкаго повода къ нарушенію общепринятой формы слова, производя перестановку, замѣну и т. д.,

какъ тотъ же *r*, *l*, и особенно *r*: удивительно ли послѣ этого, если остановившись на известной группѣ родственныхъ языковъ и слѣдя за жизнью *r*, *l* въ каждомъ изъ нихъ, мы увидимъ, что каждый пользуется ими болѣе или менѣе по своему, отлично отъ другаго, что свободное отношеніе говорящаго къ этимъ *r*, *l* было въ исторіи языковъ известной группы непослѣднюю причиною ихъ взаимной розни, а въ настоящую минуту — одной изъ самыхъ выпуклыхъ чертъ, прихвѣтъ индивидуальной особенности каждаго. Если вспомнимъ еще специфическія особенности *r*, *l* — напр. легкое развитіе гласныхъ призвуковъ на-право и на-лѣво, т. наз. *svagabhakti*, то не трудно видѣть, какъ далеко могутъ разойтись два языка, нѣкогда весьма близкіе, въ своей внѣшней формѣ, выговорѣ.

Это предварительное замѣчаніе имѣетъ значеніе, когда идетъ рѣчь о *r*, *l* и въ славянскихъ языкахъ.

Въ известной группѣ родственныхъ языковъ — *cons. + voc. + r*, *l + cons.* (рѣже — *cons. + r*, *l + voc. + cons.*) славянскія нарѣчія представляютъ такую нестроту явленій, что напр. два такіа близкіа нарѣчіа, какъ верхнелужицкое и нижнелужицкое, не знаютъ единства, гармоніи. Эта нестрота увеличивается еще болѣе отъ неодинаковости судебъ каждаго изъ плавныхъ въ границахъ одного и того же языка (напр. сербскаго *). Но при всемъ этомъ разнообразіи вокальныхъ измѣненій при *r*, *l* нельзя не замѣтить, что славянскія нарѣчіа согласуются между собой въ томъ, что въ то время, какъ одни любятъ полный, чистый звукъ вокальный, хотя и различно выражаютъ его, другіе — развили противоположный принципъ — стремленіе къ вокальной темнотѣ. Первое явленіе, замѣчаемое главн. обр. въ языкахъ славянъ, не покидавшихъ отцовской земли — русскихъ, поляковъ, лужичинъ, стоитъ въ несомнѣнной связи съ неутраченной этими языками способностью непосредственно смягчать консонанты; второе — въ чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ — въ языкахъ славянъ непослѣднихъ, оста-

*) Брх, вух (вх?) — вокалы *r*, *l* — говорятъ сербскіе слависты, но въ хорватскомъ — *velna*, *volna* = вѣлна, рус. волна.

новившихся на монотонизаціи звуковъ. Ясно, что всякая монотонизація есть явленіе болѣе новое; ясно, что и въ монотонизаціонномъ языкѣ не могутъ не быть остатки изъ формаціи болѣе ранней.

Словацкій, чешскій языки принадлежатъ ко второй группѣ — къ языкамъ монотонизаціи: *corde, gardy—hrdý, hrdý; волк, wilk—vlk, vlk* и т. д. Эта та звуковая группа, которая ввела ученіе о вокализмѣ *r, l* въ словацкомъ, чешскомъ, сербскомъ. Но такъ ли это?

Я позволяю себѣ сомнѣваться въ словако-чешскихъ вокалахъ *r, l* въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Если бы вокализмъ *r, l* былъ присущъ словацкому и чешскому языкамъ, какъ явленіе исконное, роднившее ихъ «*cum Judis*» то между ними должна была существовать полная гармонія, но этого нѣтъ: въ согласіи съ языками первой группы, чешскій имѣетъ *er, lu, lou*, гдѣ словацкій *r, l* (собственно *ъr, ъl*): *červ, čln, dlouhý — črv, čln, dlhy*. Но

2) Если въ словацкомъ *er* (остатокъ старинн), то и въ чешскомъ всегда *er*: *žerd, žernow, černý, červený. Šaf. Pjsně. I. № 2, čert ib. 15, čerstvý Kol. Zp. I. 167, čerpat, čerpak. Šembera, Dialektologie. 67. Sp. Skult. 87, 94. 107, 109* и др. Таже форма и въ чешскомъ. Слѣдов., а) формы словацкія предполагаютъ чешскія, а не наоборотъ, почему нѣтъ основанія говорить о вставкѣ *e, u* въ чешскомъ яз., какъ это у Гаталли; б) чешскія формы, какъ таковыя, необходимо древнѣе*).

3) Если въ литерат. яз. чешскомъ и есть слова вокализациі словацкой (*srce, prst etc.*) и большинство, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ, наиболѣе консервативныхъ говорахъ (Кърконоши) языкъ держится старой, общеславянской вокализациі: *serce, perst, pervý melč. Šembera, Dialektol. 30.* Тоже явленіе и въ восточныхъ

*) Поэтому положеніе Шаарриа, что старочешскіе памятники можно называть болѣе словацкими, чѣмъ чешскими (Pjsně XX) и повторенное мною въ «Запискѣ», должно быть ограничено.

говорах словацкаго языка — въ Гемерѣ, Шаринѣ: *sercia*. Čelak. Písňe. I. 83, 89, 87. *werby Kol. Zp. I. 31. rozterháwá ib. 119*, даже — *sardečka ib. 115*. Масса примѣровъ въ Сборникѣ пѣсень Матицы. Нельзя этого явленія объяснять вліяніемъ сосѣда русскаго: оно и въ Бърконошахъ, и на Моравѣ *). Если и можно допустить русское вліяніе, то въ томъ смыслѣ, что русскій языкъ способствовалъ сохраненію родственнаго себѣ вокализма въ словацкомъ и недопустилъ развитія звуковаго сокращенія.

4) Форма современной плавной группы въ словахъ, какъ *vrse*, *plný* въ старочешскомъ языкѣ до сихъ поръ вопросъ почти не тронутый. Но есть вѣроятіе полагать, что старочешскія рукописи до XIV в. равно какъ и иноземные памятники, послѣдовательно употребляя *yr*, *ir*, *yl*, *il*, гдѣ позже одно *r*, *l* (см. мой второй отчетъ), не заблуждались; что въ старомъ языкѣ было болѣе словъ съ *er*, чѣмъ въ современномъ чешскомъ.

5) Кажется, тоже справедливо и по отношенію къ старословацкому языку, если позволительно судить о немъ изъ мадьярскаго языка. Въ мадьярскихъ словахъ, скорѣе всего изъ словацкаго, мы встрѣчаемъ полный вокализмъ (примѣры я беру изъ Словаря Бернолакова): *Verbo*, по словац. *Wrbowé* — городъ въ Нитр. ком.; *varsa*, *verse* = сл. *wrš*, *wrsa*; *tsónok* = *čln*; *ször* = *srst*; *tsorba* = сл. *štrba*, *strbina*; *sarló* — *srp*; *szömbörtsek* — *smrček* и др.

6) Въ народной рѣчи словацкой не рѣдки случаи, когда разсматриваемая группа является, то въ славянской формѣ — съ вокаломъ, то въ «санскритской» — безъ него; но такъ какъ уже разъ потеряно чутье стараго вокализма, языкъ теперь ставитъ вокаль безразлично — предъ *r*, послѣ *r*: при *brla* (чеш. *berla*) есть форма *barla*; *wrstwa* = *forsta*; *wrch* — *zwrechňica*,

*) Опасскій говоръ въ Моравіи весьма поучителенъ. При сосѣдствѣ поляка мы ожидали бы *er*, *ar*, но вмѣсто этого *yr*: шуква, даже: *hrynes*, *sgur* (Жем. Dial. 56). Говоря строго, не иначе какъ *yr* звучитъ и общечешское *r*; но усвоенная привычка правописанія не позволяетъ признать факта языка-

zwrechná podwog, die Oberschwelle; hlčať—hlučať; hlboký—hluboký; hrdlo—но hredlo na ģagdach — Lautenhals; hrst—prehresčí powesno; žltí—žultí, žultit, žultkowí; klobasa—klobasa; klzat—klúzat; kľkotat—kľoktat; plť (=плоть)—pult, pultowať; ģrńít—ģerpat (см. 2.); blcha—blucha (мал. bolho, старочеш. blcha, теперь blecha) и нѣвр. др. Примѣры эти взяты изъ словаря Бернолакова. Формы «санскритской» вокализации и славянской относятся между собою такъ, какъ напр. словацк. br ģ (logica) къ русск. броня, верхнедуж. br'onģka, а всѣ эти формы пошли отъ готскаго brunjō (Mikl. fremdw.), т. е. первыя есть результатъ затемнѣнія стараго, чистаго вокализма вторыхъ.

7) Непослѣдовательность въ ученіи самихъ вокалистовъ. «Мягкое ģ (т. е. рж. ви. ģj) не является никогда вокаломъ; *слѣдов.* форма kģtiny, tģtina и др. о *двухъ* слогахъ, соответствующія же имъ словацкія — о *трехъ*: kr-sti-ny, tr-sti-na; hģbet, hģmot, chģtaģ—объ *одномъ* слогѣ, но слов. chr-biet, hr-mot, chr-taģ о *двухъ*». «Srovň. mluv». 116.

.Отъ присоединенія къ любому вокалу согласнаго элемента звуковое количество слога не уменьшается, не увеличивается: почему одинъ вокаль *r* имѣетъ исключительную привилегію, при присоединеніи къ нему весьма легкаго консонанта *ģ* изъ *j*, не подчиняться общему закону и изъ вокала тотчасъ не обращаться въ консонантъ? Такъ какъ *r* ви. *r* мягкаго образовался въ языкѣ чешскомъ въ XII—XIII вѣкахъ (свидѣтельство памятниковъ) и такъ для образованія его необходимо, чтобы *r* стояло предъ *e*, *i*, то до XII—XIII слово напр. kģtiny = kģrestiny звучаю krestiny, отъ неславянскаго krest, откуда и словацкое krstiny, тѣмъ самымъ путемъ какъ изъ готско-славянск. *brōnъ* словакъ сдѣланъ *brģn*, изъ *плотъ* (плет)—*plť*. Если чешскій языкъ не развилъ бы *ģ* изъ *j*, то чеш. kģtiny (пр. kģstiny) ничѣмъ не различалось бы отъ словацкаго krstiny, ни формой, ни происхожденіемъ; если же въ словацкомъ словѣ насчитываютъ три слога, то справедливость требуетъ признать столько же слоговъ и въ чешскомъ.

И могъ бы указать и въ неславянскихъ языкахъ явленія,

аналогичныя словацкому сокращенію вокализма при *r*, *l*, образующему «санскритскіе» вокалы *r*, *l* изъ слоговъ *or*, *er*, *ro*, *re* и др., но это повело бы далеко. Изъ предыдущаго достаточно ясно, что эти словацко-чешскіе вокалы *r*, *l* суть ничто иное, какъ формулы, обозначающія присутствіе глухаго вокала предъ *r*, *l* изъ нѣкогда полнаго, чистаго гласнаго звука предъ или послѣ плавныхъ *r*, *l*, какъ это показываетъ и исторія, и діалектологія языковъ словацко-чешской группы, и сравненіе ихъ съ старѣйшими языками славянскими.

На санскритскомъ ученіи о *r*, *l* основывается и словацкое ученіе объ удлиненіи *r*, *l*: gen. pl. — *sṛn*, *vīn* (отъ *sr̥na*, *vīna*), по аналогіи *vōd* (отъ *voda*); adj. *vīcī* (отъ *vīk*) и др. Чешскій языкъ не знаетъ этого удлиненія.

Признавая разницу въ выговорѣ слов. *sṛn* и чеш. *sr̥n*, стараемся объяснить ее. Какъ изъ стараго *krestiny*, *křestiny* образовалось форма *křtiny*? Удареніе, первоначально падавшее на *re*, мало-по-малу перетянулось на вокальный элементъ, развивающійся самостоятельно при каждомъ *r*, *l* но въ одномъ языкѣ въ большей степени (русскій языкъ), въ другомъ—въ меньшей, — т. наз. *сварабакти*. Graecus въ русскомъ, словацко-чешскомъ съ тѣмъ же вокализмомъ (*grék*, *řek*); въ мадьярскомъ — съ прибавкой *сварабакти* *görgö*; въ южнославянскихъ — осталось одно *сварабакти*: *гъре* (*гре*). Тоже съ словомъ *креста*: *крестъ*, *křest*, но словац. *krst* (одно *сварабакти*) мад. *kereszt*, серб. *кърет* (*крст*). Удареніе же перетянулось на звукъ при *r* потому, что удобнѣе всего оно слышится на начальномъ слогѣ въ чешскомъ, словацкомъ и др. Такимъ путемъ изъ слога *k r e*, *k ř e* образовался слогъ *k ř g*. Но если *сварабакти* (у насъ оно = *э*) можетъ держать на себя удареніе, погубивъ старій вокаль, то оно въ состояніи исполнять и другія функціи вокаловъ — слѣд. и *удлиняться*. Такъ *sṛn* (*sr̥n*) можно выразить начертаніемъ *сыри* въ отличіе отъ чешскаго *sr̥n*—*сърн*.

Извѣстно, что сербо-хорваты пошли еще далѣе словаковъ; они въ т. н. долготѣ *r* различаютъ два случая; падаетъ-ли удареніе на первое *r*, или на второе: *gr̥ma* = *gr̥r̥ma* *trg* = *trr̥g*,

Jagić «Gram. herv.» 22. Оставляя вопросъ о рѣдкомъ музыкальномъ чутьѣ сербскаго уха, для меня долгое *r* въ сербскомъ объясняется также, какъ и словацкое. Замѣтимъ, что Мажураничъ *Slovnica hervatska* § 39 въ словѣ *terg* (*trg*) видитъ просто краткій вокаль *e*.

Этимъ я оканчиваю свои замѣтки о словацкомъ языкѣ. Особенности его морфологiи объясняются указанными особенностями его фонетики. Множество говоровъ примиряетъ ту разнь, которая существуетъ въ ученiи Гатталы и Штура (см. «*Slov. Pohľady*» II. 218); каждый имѣетъ за собой живой народъ, живую рѣчь, каждый одинаковнй знатокъ своего народа.

²/₁₄ сентября я уѣхалъ изъ Мякулаша въ Кошицы (Касó). Сейчасъ къ в. отъ Татръ (Ломницко-Герддорфскаго вряжа) идутъ словацкiя поселенiя въ промежку съ русскими, а отъ срединнаго Гернада (въ *Sajos*) у *Markusfalva*, неподалеку отъ *Seres* — *Váralja* (каедрa епископа Спшскаго, памятная въ исторiи православiя въ сѣверной Венгрии въ XII—XIV в.) по прямой линiи на с. къ Галицiи (*Sącz*), на в. къ *Abos*'у и Кошицамъ идетъ русское населенiе. Словаковъ и русиновъ раздѣляютъ нѣмецкiе колонисты XII вѣка извѣстныхъ королевскихъ городовъ: *Kniesen*, *Bela*, *Igló* и др. Верхнiй Попрадъ и Гернадъ принадлежали, вѣроятно, въ старину также русинамъ: на это указуютъ русскiе оазисы въ горахъ Гемера—*Sumjacz* 1470, *Nižnj Szkalnik*, *Telgard* 1188, *Vernag* 640 душъ. *Bartholomeides* «*Notitia*» 695, 725. и далѣе на западъ идущая граница русиновъ въ Галицiи, чѣмъ на югъ—въ Венгрии.

Рѣчь средняго Гернада — смѣсь словацко-русская, даже съ отгѣкомъ польскимъ: *саЖком*, *загаз* etc. Эта смѣсь усиливается въ Кошицахъ и вообще въ *Абауйскомъ* комитатѣ, гдѣ сталкиваются русины, словаки, мадьяре. Въѣсто *d* мягкаго слышно здѣсь *džj*, вм. *t* мягкаго—*čj*: *džješečj krajcarow*, и вообще шипящiе вм. свистящихъ.

Изъ Кошицъ чрезъ *Legenye-Mihaly*, *Terebes* я отправился въ *Mező-Laborcz* (по-русски Межь-Лаборицы) на границѣ съ Галицiей, откуда въ село Чертежное (*Csertész*) къ Ад. Ив.

Добрянскому, имя котораго памятно въ исторіи возрожденія венгерскаго куска русскаго народа. Пользуясь рѣдкимъ гостеприимствомъ радушнаго владѣльца Чертежнаго, я провелъ здѣсь двѣ недѣли—въ занятіяхъ географіей и исторіей мѣстнаго края въ богатой библіотекѣ г. Добрянскаго, въ экскурсіяхъ къ лемкамъ сосѣдней Галиціи и въ села Земплинскаго комитета по Лаборицѣ. Здѣсь я дополнилъ свои свѣдѣнія по вопросамъ о западной границѣ русскаго племени, объ историческомъ измѣненіи ея. Для первой цѣли мнѣ были полезны схематизмы греко-уніатской Пршевской (Eperjess) и Мункачовской епархій (съ 30-хъ годовъ), мѣстные труды по статистикѣ и сообщенія самого Добрянскаго. Для второй—труды мадьярскихъ историковъ стараго времени: Карла Вагнера «*Analecta Sceruzii, sacri et profani 4.1774—78*», «*Diplomatarium com. Sarosiensis.*» 1780; Бартоши «*Supplementum analectorum ter. Scerp.*» 1804; Антон. Сирмая (Szirmay) «*Notitia topographica com. Zempleniensis*» 1804; «*Notitia historica com. Zemp.*» 1803; «*Notitia politica etc. com. Ugochiensis*» 1805. Откладывая обстоятельное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ до другаго времени, я ограничусь нѣкоторыми лишь замѣчаніями о венгерской части русскаго народа.

Малорось сѣверной Венгріи называетъ себя «руснякомъ», но въ рл. «русскыя люде». На вопросъ о вѣрѣ онъ отвѣтитъ: «русскаго набоженства». Страну свою, какъ и лемко въ Галиціи, называетъ онъ прочто русской: «мы изъ русской земли». Сохраненіемъ сознанія своей русской народности русинъ прежде всего обязанъ своей церкви. Официально онъ считается уніатомъ, но онъ себя такимъ не признаетъ, да и не знаетъ этого слова: себя и своихъ «православныхъ» онъ строго различаетъ отъ «папиштаковъ». Церкви его чисты отъ статуй, нѣтъ органовъ; онъ не клянется, крестится по старому, весь чинъ службы—строго православный. Идея православія и русской народности покрываются взаимно. Вѣроятно, такъ было и въ старину и упоминанія въ грамотахъ XII—XIII в. о схизматикахъ, подобояхъ въ сѣв. Венгріи суть свидѣтельства о русинахъ. Унія, введенная украдкой отъ народа въ 1/2 XVII в. (24 апр. 1649 г.), едва коснулась

низшаго духовенства. Только послѣ Вѣнскаго конгресса правительство стало сильнѣе заботиться о сближеніи унитовъ съ католиками и потребовало напр. бритья бороды отъ епископа и священниковъ, какъ знакъ полнаго отреченія отъ востока. Одни монахи ордена св. Василія остались при бородахъ, чего нѣтъ въ Галиціи. *).

Дипломатическій языкъ въ церкви былъ всегда русскій—до послѣдняго времени. Въ селѣ Дричѣ (Шарипскаго ком.) инѣ попались метрики съ $\frac{1}{2}$ XVIII в. мѣстной церкви—на русскомъ языкѣ. Привожу нѣсколько начальныхъ строкъ: «Сиа митрика рку дѣна почалася писати за благословеніемъ боголюбиваго еписпа нашего Манѣила когда и кто креститься и кто крестить и коли. Азъ ереи иваннъ презвитеръ цркви сѣшынскои рку дѣнне вкресих и миромъ помазахъ въ цевѣ сѣшынскои младенца استفана мѣца декабря дна кв Ѡ родителей законо вѣнчанныхъ. Ѡтець власныи василь поповичъ Ѡтець хресныи сынъ блѣхого петра гриць мати хресна скомаренка грубого жена». По-русски писались и ставныя грамоты священниковъ, не смотря на то, что Мункачевскій епископъ до 1772 года былъ только викаріемъ католическаго епископа въ Ягерѣ (Eglaui) **).

*) Объ Уніи и православіи до ней собраны интересныя свидѣнія въ только что вышедшей книгѣ мѣстнаго русскаго историка: «Историческія черты Угро-русскихъ. Іоанна Дулишковича, Чинадѣвскаго священника» тетрадь II (Унгварь, 1875) 94—122, 37—94.

**) Въ бытность мою въ Пештѣ отъ Ант. Мих. Руби (Rubý) я получилъ двѣ ставныя грамоты: одна епископа Іоанна Брадача 1769 года, другая еп. Андрея Бачинскаго, перваго самостоятельнаго епископа Мункачевскаго, 1784 г. Какъ обращеніе языка и какъ матеріалъ для исторіи церкви, я приведу грамоту 1769 года, писанную еще кириллицей, близкою къ нашей современной азбукѣ. «Іоаннъ Брадачъ, млетію Бжією и стаго ерона Апскаго Еписпъ Россійскій Мѣлачовскимъ Мараморыскимъ в црствѣ Ѡгорскомъ и всѣхъ приличныхъ его предѣлахъ надъ людьми восточнаго наказанія Вѣварій Апскаго и проч. По бдти и власти Престого и животворящаго дха данной смиренію ишемѣ отъ высочайшаго архіереѣ Гда Ншого Іса Хта, сего богобояннаго мужа Даміана Цисаритъ оуже в четци, пѣвцы, свѣщеносци, заклинатели, вратари поставленнаго отъ пренаслѣдника ншого боголюбиваго Еписпа Манѣила Олшавскій, въ подіаконы, діаконы поставихомъ и извѣстна о номъ оувѣри-

Обращаясь къ языку венгерскихъ русиновъ, я предварительно замѣчу, что территория, занимаемая ими, далеко не такъ ничтожна, какъ это мы привыкли полагать (см. ошибочныя указанія на петербургской этногр. картѣ слав. племень). Крайнія поселенія лемковъ на западѣ переходятъ за Попрадъ; немного же восточнѣе Попрада начинается западная граница венгерскихъ русиновъ—у села Липника. По направленію къ югу, она идетъ мимо гор. Knieesen, Kesmark, Leutschau къ Гернаду, затѣмъ правымъ берегомъ Гернада къ Абову и Кошицамъ. Отсюда она принимаетъ югозападное направленіе, слѣдуя теченію Бодвы до Мискольца, гдѣ сворачиваетъ на в. вдоль р. Sajó, до впаденія ея въ Тису. Перейдя Тису, она идетъ къ Добрецину, отсюда ломанной линіей мимо Nady-Karoly къ Szathmar - Németi (на средн. Самошѣ), Густу (на верхней Тисѣ), далѣе Тисой, мимо Виска, Сигета къ Лугу (Lonka), отсюда на в. рѣчками Viszo и Русковой къ горамъ, составляющихъ водораздѣлъ бассейна Тисы и Прута *).

шеся, свидѣкомъ достойна быти сана превѣтерскаго, нѣтъ же и поставкомъ его починѣ Восточныя церкви до престола и храмѣ Евгеты Хстова Лѣкы, веси Андреова, о немъ же всѣдомѣ приѣмлющемъ сіе нше Архидіерейское писаніе свидѣтельствемъ, како достойнъ есть не тоцию всѣа священническаа дѣйствовати слѣзбы, но и исповѣдающихъ емѣ и истинно кающихъ грѣховъ своихъ иматъ власть вѣдати и рѣшити въ людехъ прилѣчающаася, неравѣдителяа же емѣ намъ отсылати, а отъ престола, до него же поставленъ есть безъ ншой вѣдомости и благословіа неможеть отходити, да не стаа корчемствѣан гавитса, но томъже единомѣ присѣдан, долженъ бѣдетъ о спсѣніи челоувѣческомъ пещиса, прилѣжати же трезвѣнію, чтенію и повченію, содержати по клятвенномѣ своемѣ обѣтѣ ажъ до смерти соединеніе съ стою западнею Рымскою церквію. Извѣстнѣйшаго же ради сихъ всѣхъ дахомъ емѣ сіе рѣкою ншою Архидіерейскою подписанное при власной печати писаніе. Данъ оу каедр ншой епиской Мѣнкачовской днѣ ки мсѣа феврвар. рока божого дѣѣѣ.

Іоаннъ вѣдка. (печать: Ioannes Bradacs Episcopus Munkacsiensis Magaragos). Extra data per me Georg Szabados Archid. Cath. Вторая грамота—печатанная, той же формулы. Разница въ титулѣ епископа: «еписк. Мѣнкачовскій» и только, и нѣтъ упоминанія о клятвѣ на вѣчное соединеніе съ римскою церквію.

*) При назначеніи границъ я пользовался между прочимъ прекрасной административной картой Венгріи: «Administrativ—und General-Karte des Königreichs Ungarn» (Wien. 1856) листы 7, 8, 8½, 11, 12.

Рѣчь русиновъ на в. не отличается замѣтно отъ языка ихъ сосѣдей въ Галиціи—бойковъ и гуцуловъ. За то рѣчь западная — русиновъ въ Спишѣ, Шарисѣ, отчасти Земплинѣ, имѣетъ свои особенности.

Главнѣйшая особенность—это произношеніе нашего *ы*. Въ рѣчи этихъ русскихъ крайняго запада, запертыхъ въ горахъ Шариса и Спиша, *ы* есть дифтонгъ, не похожій на нашъ русскій звукъ *ы*, ни на польскій *у*, но какъ въ литовскомъ *ū* (при *ū*), такъ и въ этомъ *ы* ясно слышатся обѣ составныя части двогласнаго: краткое *и*+*і*, вслѣдствіе чего выговоръ получаетъ рѣзкій гортанный характеръ, съ удареніемъ на *і*: сынъ = сѣинъ (л. *synūs* см. *sinūs*), быть = бѣйти (л. *buītis*). Здѣсь невольно приходятъ на умъ начертаніе *ui* Фрейзингенскихъ отрывковъ, *ui* древнѣйшихъ рукописей старословенскихъ: оно, вѣроятно, и обозначало звукъ подобный *ы* въ выговорѣ русина Шариса или Спиша. Рѣзче всего звучитъ это *ы* послѣ гортанныхъ и шипящихъ: рѣкъи, хѣжа, орѣхѣи, жѣидѣ; слабѣе, но также ясно и послѣ другихъ *).

О или остается безъ измѣненія (конь, попь) или измѣняется: въ *і* (Шарисѣ, Земплинѣ), въ глухой звукъ (Спишѣ), въ *у*, *ю* (Мункачъ, Бережаны). Для исторіи измѣненія этого звука можно замѣтить слово Шарисѣ. Въ современ. мадьярскомъ и въ старыхъ грамотахъ оно въ формѣ *Sagos*; въ грамотахъ XIII и XIV в. встрѣчается форма *Sarus. Bártosy* «Suppl.» 1248 г., 1286. Wagner «Diplom.» 1288 г. 1316; въ памятникахъ XV в. — *Szarisz. Szirmay*. «Notitia hist. c. Zempl.» § 61. 1412 года; Wagn. Dipl. 1471 г.

Ѣ = *і*, но изрѣдка = *je*, *e*: ѣемъ, сено.

ј не раздѣляетъ двухъ вокаловъ, отсюда дифтонги: маутъ, бѣиваутъ; водоу, водовъ (даже водоу́). Такъ какъ *ѣ*=*й*, то число дифтонговъ, какъ въ словацкомъ.

Въ gen. pl. masc. конечное *е* измѣняется въ *х*: сынохъ.

*) Объ *ы* старослав. ср. Geitler, «Fonologie» § 59.

Формы. Abl. s. I. f. — *ом* при *оу*: *водом*, за том гором.

G. plur. I. m. *оx* вм. *ов*: *сынох* (тоже и въ *acus. pl.*).

Loc. pl. I. II. *оx*, какъ въ словацк.: *громох*, *мъислѣх*.

Rg. I. s. ю, ж: *молю*, *молим*, *pl. ме*, какъ у *лемковъ*.

Конецъ сентября я провелъ въ Пештѣ, занимаясь въ Национальномъ музеѣ. Я надѣялся найти въ музеѣ какіе нибудь рукописные памятники изъ сѣверной (русской Венгрии) — но, къ сожалѣнію, нашелъ слишкомъ скромное собраніе славянскихъ рукописей, и ни слѣда о бывшей книжной дѣятельности угорскихъ русиновъ. Пять рукописей церковныхъ поздняго времени (серб. рец.), семь сербскихъ не имѣютъ интереса. Волѣе интересное отдѣленіе хорватскихъ рукописей, гдѣ есть нѣсколько историческихъ и поэтическихъ памятниковъ. Богаче другихъ собраніе словацко-чешск. рук. XVII — XVIII вѣковъ: можно отмѣтить «Агенду» чешскихъ братьевъ (№ 36), катехизисъ XVII в. (№ 25), чешскую грамматику Павла Holveith'a 1737 г. (№ 24) и черновыя бумаги сотрудника Добровскаго, словац. свящ. Ribaу'a, по разнымъ вопросамъ славистики (сравнительное изученіе старочешскаго языка и словацкаго, народныя пословицы и пр. № 2, 3, 5). Въ отдѣлѣ польскихъ рукописей — три рукописи безъ значенія; наконецъ въ послѣднемъ отдѣлѣ — *manuscripta russica, ruthenica* — четыре рукописи, изъ которыхъ одна въ высшей степени важна, но попала въ этотъ отдѣлъ по недоразумѣнію. Она озаглавлена: «*Cantilenaе sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*» saec. XIX, 25 p. in 4, № 1.

Вѣглый просмотръ славянской части этой небольшой рукописи начала XIX стол. показалъ мнѣ, что въ ней ничего нѣтъ русинскаго, кромѣ названія одного села, что языкъ этой рукописи — тотъ-же, что въ памятникахъ, изданныхъ въ 1856 г. акад. Миклошичемъ по рукописи 1830 года въ изслѣдованіи: «*Языкъ болгаръ въ Седмиградіи*», — т. е. языкъ Трансильванскихъ славянъ, вымершихъ (точнѣе орумынившихся) почти на нашихъ глазахъ. Позднѣйшее сравненіе языка пештской рукописи съ языкомъ миклошичевыхъ отрывковъ не только убѣдило меня въ тождественности языка обоихъ памятниковъ, но и показало,

что нѣкоторыя статьи, помѣщенные у Миклошича, находятся въ рукописи Національнаго музея.

Рукопись писана нѣмецкимъ письмомъ, почеркомъ конца XVIII—нач. XIX в. Славянскій текстъ помѣщенъ на стр. 3—16. Онъ состоитъ изъ 11 церковныхъ молитвъ и пѣсенъ, съ нѣмецкимъ заглавиемъ каждой: 1) Das Gebet des Herrn, 2) Aller Augen warten auf dich, Herr, 3) Danket Gott dem Herrn, 4) Der Glaube, 5) Der Morgen Segen, 6) Unser Herr Jesus Christus in der Nacht, 7) Die Beicht Formel, 8) Auf meinen lieben Gott, 9) Ach bleib bey uns Herr Jesu Christ, 10) Wend ab deinen Zorn, 11) Das Te Deum laudamus.

Время, національность рукописи, лицо писца опредѣляется приписками въ концѣ и началѣ славянскаго текста. На стр. 18 читается: «*Cantilenae Bulgaricae, quas ad me adtulit Dnus Nicolaus Mathias parochus evangelicus in Kiss-Cserged, den 14 September 1803.*». Выраженіе *ad me* поясняется записью на 1 стр.: «*Rutheni in Reussdörfl, Bongard et Csergöd majore ac minore sensim in Valachos abeunt ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae pristinae superfuturum esse vestigium videatur. Hoc magis operam dedi, ut haec specimina, precatationes et cantilenas complexa, atque per sacrorum Ministrum in Csergöd adcurate descripta obtinerem, aliquando ethnologo cuidam, qui, ut Leibnitius procepit, e linguae vestigiis gentis origines investigavit usui futuro. Conf. Observationes ad histor. Trans. p. 68. Vide Catalogum manuscr. Josephi Car. Eder. pag. 32. № 81*» (подчернуто въ подл.). Объ Іосифѣ Карлѣ Едерѣ известно, что онъ былъ довольно знаменитый въ свое время историкъ Венгріи, и особенно Трансильваніи (1760 — 1811), издалъ «*Scriptores rerum Transylvaniae*» и оставилъ послѣ себя значительное количество своихъ сочиненій въ рукописи относительно Седмиградскаго княжества, которыя незадолго предъ его смертью были куплены для петтскаго музея*). Принявъ во вниманіе ссылку на каталогъ

*) См. «*Oesterreichische National-Encyclopädie.*» (Wien 1835). II. 16.

рукописей I. K. Едера того лица, который говорить о себѣ, «operam dedi», «obtinerem», и приведенныя данныя изъ биографіи Едера, естественно, заключать, что лицо, сдѣлавшее запись на 1 стр., есть никто иной, какъ самъ Едеръ. Тогда и запись на 18 стр. сдѣлалъ тотъ-же Едеръ. Сопоставивши обѣ записи, слѣдуетъ, что ранѣе сентября 1803 года венгерскій историкъ, I. K. Едеръ, интересовавшійся между прочимъ этнографіей, желая имѣть обращеніе языка русиновъ или болгаръ, жившихъ въ то время въ селахъ: Reusslöbfl, Bongard, Kiss — и Nady Csergöd (въ Трансильваніи) поручилъ евангелическому пастору въ Маломъ Чергѣдѣ, Николаю Матіашу, списать для него нѣсколько церковныхъ молитвъ, что было и исполнено этимъ послѣднимъ 14 сентября 1803 года.

Наша рукопись имѣетъ 11 статей; рукопись, изданная Миклошичемъ, 41. Но изъ этихъ 11 статей 7 извѣстны изъ изданія вѣнскаго академика, слѣд. немного новаго матеріала даетъ пештская рукопись (новыя статьи № 2, 3, 5, 7). Но такъ какъ памятниковъ языка славянъ Трансильванскихъ слишкомъ немного—пока былъ извѣстенъ одинъ, что у Миклошича, поэтому каждая новая статья, отрывокъ имѣетъ свое значеніе; въ виду одного этого обстоятельства пештская рукопись заслуживаетъ полнаго вниманія, не говоря о томъ, что она древнѣе миклошичевой, поправляетъ или дополняетъ текстъ молитвъ, помещенныхъ у Миклошича, или даетъ варианты текста и языка.

Для образца языка я привожу одну статью (1) изъ извѣстныхъ уже изъ труда Миклошича и одну новую (2). Предварительно замѣчу, что въ изданіи Миклошича молитвы и пѣсни безъ нѣмецкихъ титуловъ, а пѣсни—безъ раздѣленія на строфы.

«Das Gebet des Herrn:

Nas Basta, to βi (βе. M.) fafnebe, to βi (da βa) poβventi toi (tvoie) βventu (-to) jume. Da dode toi hore (tvoie hora), debonde (da bande) toi volye (tvoie volya), toi (kaib) fafnebe, biteni βemi (da-nn-i zema). Nas Liab ketedesni (kata —) deigo Bose neβkenam (этого прошенія «дей го Боже неске нам» нѣтъ у Микл.), prosti ni Bose (нѣтъ у M.) nastin

greße, toi prastini (atto prostimi) nastin gresseky (gresenie).
Deini ßova iß petenye (dan ißovanie ißpitenie), ßlobodenyi
ot (zlobodi nie ott) ßakvoßlo. tse toi hore (cse tvoie hora),
J Szile, J Potgere (puterie i sziellie): otto (ott)nine torno
(dorno) viak viakuito. A.»

«Aller Augen warten auf dich Herr.

Szentem ocsi na tebe glendant Bose J. ti davaßtiam jeßtie
J pitie, faß togovo vreme, ti ßi otvaris tvuite ßvente rantze,
J. na palnis ßette ßaß tvoi ßvent Aldamas, Alduvainam
Bosse, J. ßientz pocsentz, koßra jeßme mnie ßalle, ott tvoi
ßvent Aldamas, poßlet Jesusa Christusa passa Goßpodina.
Amen» (стр. 3 и 1 строка 4-ой).

Что это были за славяне четырехъ смежныхъ селъ южной Трансильваніи, на которыхъ такъ поразительно вѣрно исполнилось пророчество дальновиднаго мадьярскаго историка, произнесенное въ 1803 году—черезъ нѣсколько лѣтъ не останется отъ нихъ и слѣда, все будетъ румынское (сколько же могло погибнуть славянъ въ соосѣдствѣ съ румынами въ былое время?), языкъ которыхъ хотя впервые лишь въ наши дни былъ занесенъ на бумагу, но переноситъ насъ своимъ архаическимъ характеромъ въ давно отошедшія времена?

Исторія не даетъ отвѣта. Она указываетъ, что задолго до образованія государственности у славянъ, страну, гдѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка отыскались единственныя четыре славянскія села, села загадочныя, населяли сплошною массою славяне. Что стало съ ними позже, когда и откуда появились межъ нихъ славяно-истребители—румыны — не знаемъ. Языкъ проливаетъ нѣсколько болѣе свѣта въ темное царство судебъ загадочныхъ четырехъ селъ.

Первый изслѣдователь языка жителей этихъ четырехъ селъ считалъ его въ началѣ болгарскимъ, посредствующимъ звѣномъ между старословенскимъ и нынѣшнимъ болгарскимъ: «въ его болгаризмъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія» говорилъ вѣнскій академикъ въ 1856 году («Denkschriften d. W. Ak.» VII. 106). Но всмотрѣвшись ближе въ языкъ 4 селъ, нельзя

было не замѣтить, что нѣкоторыми чертами онъ превосходитъ въ старинѣ и старословенскій (*an* вм. *ж* при болѣе рѣдкому *on*; *ju*те вм. *има*, т. е. *ju* изъ *o*, *a*, ср. *ито*=*jugum*), что тѣмъ меньше его можно отождествлять съ болгарскимъ, уже въ XI—XII знавшемъ, вѣроятнѣе всего, *з* вм. *ж*, *ж* (см. Слѣпчанскій апостоль у Шаф.), что напротивъ, всей своей стариной: юсами, *ь*=*ea*, онъ соблазнительно близокъ къ тому затерянному славянскому языку, образъ котораго, хотя и блѣдный, восстанавливается изъ славянской части (понятно, не всей) въ языкахъ румынскомъ и мадьярскомъ, да изъ географическихъ именъ Трансильваніи. Румыны и мадьяре давнишніе сосѣди, позже хозлева Трансильваніи. Кажется, въ виду этихъ обстоятельствъ, Миклошичъ отказался отъ своего прежняго ученія и видитъ теперь въ языкѣ четырехъ селъ послѣдній остатокъ языка дакійскихъ славянъ («*Altslov. Formenlehre in Paradigmen.*» 1874. р. XXV). Ко взгляду почтеннаго академика присоединился бы и я*).

Покончивъ занятія въ національномъ музеѣ и познакомившись съ сербскою церковною общиною, благодаря любезности А. М. Руби, я уѣхалъ въ Бѣлградъ, чтобы тамъ заняться старосербскими и старославянскими памятниками.

Любезная встрѣча со стороны сербскихъ славистовъ и ученыхъ: гг. Даничича, Новаковича, др. Янка Шафарика, Миличевича и др. позволила мнѣ удобно расположить свои занятія языковъ старой южнославянской письменности, и я пробылъ въ Бѣлградѣ около полутора мѣсяца.

Прежде всего я нашелъ прекрасное собраніе рукописей у др. Янка Шафарика, за радушиное доставленіе которыхъ приношу мою сердечную благодарность.

Драгоценнѣйшая—Слѣпчанскій апостоль, XII в. болгарской рецензіи. Она описана академ Срезневскомъ (Др. сл. пам. юсов.

*) Юный историкъ болгаръ, талантливый К. Иречекъ, въ своей новѣйшей книгѣ «*Dějiny národa bulharského*» (Прага 1876), коснувшись славянъ 4 селъ Трансильваніи, держится, по видимому взгляда Миклошича въ *Formenlehre*.

п. № XXIV), но въ виду ея древности я остановился на ней— на *зыгѣ*.

Старый мягкій консонантизмъ забыть — а вм. б: прѣклонъ колѣнѣ 4 а. бысть радость. 4 б. Что а въ концѣ безъ звука, показываютъ сл. выраженія: въвасжтъ. 36 а. тамкы. 102 а. Но въ серединѣ *в* и *ь* (гдѣ ихъ мы ожидали бы) мѣняются съ своими чистыми звуками: агнецъ. 5 в безъгласенъ. 6 а. ѣвлетиса. 7 в. ожоненса. 31 в. начатокъ. 104 в. и др. Въ *зыгѣ* переписица существовало уже одно среднее *и*, отсюда смѣшеніе *ы*, *и*: бывшы. 76 а. срдцы 4 а. бѣквы 7 а. и пр.

Мѣстное нарѣчіе сказалось въ смѣшеніи *ж* и *л*, *ж* и *оу* (крщаах8. 4 в. противж своему трудоу. 28 а.) *оу* и *в* (саоуле савле 7 а. непрауда 102 в.), *ю* и *оу* (юды, юдъ 37 а.), въ измѣненіи *и* въ *е* предъ *и* (басней 77 а.) *е* въ *о* послѣ шипящихъ (стригоущоу. 56. и пр.) Память о носовомъ сохранилась въ одномъ словѣ: съжндѣльникъ (19 а.) въ съжндѣлнѣихъ съсждѣхъ. 57 в. съжндельни. 80 а; за то послѣдовательно употребляются начертанія *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* для смягченія изъ *г*, такъ какъ этотъ звукъ (*dz* словаковъ) не чуждъ и современному болгарину: в поля. 32 а. друзи. 64 в. бѣѣ 113 в. ѣвѣзда. 63 в. гобѣа. 12 а. и пр.)

Остановимся на звуковой группѣ, которая въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго письма обычно изображается такъ: *cons. + р, л + з, ѣ*. Въ Слѣпченскомъ апостолѣ мы найдемъ для нея тройкое правописаніе.

Первый способъ — обычный, ѳовой: отъврѣсти. 4 а. оустрѣмишжа id. жрѣти. 12 а. хрѣбетъ. 21 а. стрѣгати. 34 б. стрѣпѣтна. 66 б. (при «трепетъ»). въ брѣна правды. 80 а и др. исплѣнѣ. 4 а. жлѣчь. 5 а. и др. Подъ титломъ: крщаах8 4 в. крстиа id и др. Миклошичъ называетъ этотъ способъ писанія иностраннымъ. («Vergl. Gram.» I. 35; ясиѣ въ «Altsl. Formenlehre in Parad.» XXI: «смѣшеніе *ъ*, *ь* встрѣчается въ словахъ какъ *трѣнъ* и *влѣкъ*, потому что здѣсь правильно въ силу

теоріи, построеной на какомъ то чужомъ языкѣ, писался полу-гласный, котораго никто не слышалъ»).

Второй — упрощенный, по Миклошичу, истинно-словенскій, безъ ъ, ь, — по моему мнѣнію, болѣе новый, разившійся изъ перваго подъ вліяніемъ титлованія, переноса слова изъ строки, необходимаго сокращенія въ концѣ строки, но имѣющей то значеніе, что даетъ средство опредѣлить звуковой характеръ или произношеніе перваго способа т. е. что *посль* р, л въ громадномъ большинствѣ случаевъ писцы не слышали никакого вокала. Впрочемъ, этотъ «вокальный» способъ уже въ Клоціевой глаголитѣ.

а) При переносѣ и въ концѣ: скврва. 10 в. смрътъ. 17 в. држите. 47 в. крвиж 60 а. Стврдити. 69 а. въ плті. 71 а. и др.

б) безразлично: крстистеса 36 в. въскрси 40 в. мртвѣхъ 83 а. крста 111 а. и др.

Наконецъ, третій способъ письма можно назвать остромиро-скимъ или, короче, русскимъ. Его особенность — чистый вокаль (о, е) или его музыкальная замѣна (ъ, ь) предъ р, л. Въ немногихъ примѣрахъ русской системы Слѣпченскаго апостола встрѣчается лишь чистый вокаль *e* предъ *p*: простеръ. 8. в. оумерши 40. в. оумершому. 45. в. Смеръшому за на и въскръъшоу 46 а. оумеръ. 86 в. оумеръше (Срезнев. «Пам. юсоваго письма» 329). Сюда же я отношу формы: жрени бѣшж обѣти. 55. в. жренъ. 66 в. (вм. жьрени, отъ жьрти=малорус. жер-ти, другая форма для жьрѣти, рус. жрать т. е. жрать); дври (при дверь) часто (изъ дыра, лит. *diris*, *дѣра*, с. *dir*, какъ четверть изъ четыре).

Постараемся объяснить присутствіе остромировскаго способа письма, точнѣе—русской формы въ сочетаніи консонанта и плавнаго въ такомъ нерусскомъ памятникѣ, какъ Слѣпченскій апостоль, который, какъ показываетъ система употребленія буквъ, грамматика и словарь, есть кирилловская перепись съ глагольскаго письма, сдѣланная въ Болгаріи въ XI — XII в. Если я позволю себѣ остановиться на немногихъ корняхъ русской формы, то потому,

что въ нихъ, игнорируемыхъ или вольно толкуемыхъ, я вижу единственное условіе для опредѣленія вокализма старословенскаго языка и отношенія этого вокализма къ фонетической системѣ живыхъ славянскихъ языковъ. Чѣмъ рѣзче отступленіе отъ общепринятаго обычая, чѣмъ упорнѣе наблюдается оно въ такомъ популярномъ корнѣ, какъ *мер*, тѣмъ любопытнѣе становится оно, какъ бы ни было оно рѣдко само по себѣ. Одиого перегибъ въ Остромирѣ достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что формы съ *пере*, *тере*, *бере* были родными писцу, а съ *пррь*, *тррь*, *бррь* чужими, хотя сотни разъ употребилъ онъ послѣдніа и всего одинъ разъ форму съ двойнымъ *e* вм. *ь*. Наша увѣренность основывается на убѣжденіи, что отступленіе фонетическое или формальное какъ перегибъ есть выраженіе живаго факта языка, мыслимо лишь при существованіи уже готовой, законченной въ языкѣ системы, случайно единичнымъ указателемъ которой является данное отступленіе. Слѣд. не столько количество отступленій, сколько качество описки имѣетъ первый голосъ.

Русская форма *ер* въ обычномъ сочетаніи старословенскихъ рукописей: *сопс* † *р* † *ь* (*ъ*) въ Слѣпченскомъ апостолѣ принадлежитъ или оригиналу, или болгарской копіи. Если она окажется чуждой другимъ памятникамъ старословенскаго языка, то въ ней, естественно, мы будемъ видѣть черту письма и языка болгарина XI—XII вѣка.

Русская форма въ указанномъ сочетаніи давно уже извѣстна изъ памятниковъ старословенскаго языка, не исключая памятниковъ самой чистой крови; но въ наукѣ она получила кличку — «ошибка» (Miklosich «Vergl. Gr.» I. 38), подъ каковымъ именемъ она живетъ у славистовъ южныхъ славянъ. Упущено было изъ виду, что эта русская форма — вокаль предъ *р* — не только какъ красная нить мелькаетъ по весьма многимъ памятникамъ старословенскимъ, любой редакціи не русской, но является довольно послѣдовательно въ однихъ и тѣхъ же формахъ, корняхъ, и корняхъ наиболѣе ходячихъ. Соберемъ эти зернышки русской формы и сравнимъ между собой.

Рус. кор. мер. 1) Чистый вокаль: оумерьшь (Supr. 11) оумерши (ib. 19) оумеръи (Assen.) оумерьшь (ib).

2) Глухой (одинъ или два): мърн. оумъръи. оумърж. оумьретъ, измьрѣти. оумьрѣти. оумьрѣ. оумьръ (Supr. 213. 120. 117. 34. 54. 74. 225. 371. М.) оумьръша'го. оумьръша. оумьршинимъ (три раза) оумьръшам. оумьръша. оумьръшааго (Supr. 231. 334. 348. 349. 352 359. 417. 418. Ср. Ламанскаго «О слав. рукоп.» въ «Зап. Ав. Н.» VI. 38). Сопоставивъ формы: оумерьшь и оумьръша одной и той же рукописи, очевидно, в передъ $p=e$,*) т. е. число примѣровъ чистаго вокала предъ p въ Супрасльскаго рукописи значительно увеличивается; только въ тѣхъ примѣрахъ, гдѣ вмѣсто $\text{ь} = e$ стоитъ ь , я готовъ признать присутствіе глухаго. Прибавимъ: оумьрѣша (Ass.) оумьръшь (зоограф. еванг. Jagić., Archiv f. sl. Phil. I. 39. два раза) оумьръшааго (ib.) оумьръи (два раза ib.) оумьретъ (зоогр. ев. Mikl. Pag. 69). Такъ какъ кавыка означаетъ пропускъ глухаго между прочимъ и въ Супрасльскаго рукописи (Miklosich, «Vitae sanctorum». 1847. Viennae. предисловіе), слѣд. къ исчисленнымъ примѣрамъ должно присоединить еще: м'рътви (387).

Рус. кор жер. въ малорус. жерти.

1) Чистый вокаль: жерьцемъ (Supr. 15) жерьць (ib. Срезн.

*) Ср. слова пр. Ламанскаго въ только что названной статьѣ, р. 38, и пр. Ягича въ «Archiv für slawische Philologie» I. 10: «на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ мѣ—гр. Яг.—несомнительно, что въ XI, а можетъ быть, и въ X в., не только у русскіхъ, но и у югославянъ e —краткому o , ь —краткому e . Было ли это такъ и во время Кирилла, не утверждаю. Для меня несомнѣно, что только известная часть $\text{ь} = e$, другая же слѣдась съ e въ видѣ одного неопредѣленнаго звука: при «денетъ» есть «днѣтъ» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, что для русскаго уха невысказано. Во всякомъ случаѣ, мой ученый другъ, Берлинскій профессоръ, долженъ признать въ словѣ оумьръша $\text{ь} = e$, если бы даже у насъ не было знаменитыхъ ошибокъ Супрасл. p оумерьшь: памятникъ XI в. Если $\text{ь} = e$ въ XI, X в., то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что такъ было и въ IX и т. д., но почтенный профессоръ согласится съ этимъ не можетъ, чтобы не попасть въ число «гомеопатовъ», утверждающихъ, что o , e древнѣе ь , ь , а ихъ онъ лишаетъ смысла понимать «историческое теченіе языка» (ib. 12).

«Пом. юс. п.» I. 32) жерни (Минел пр. Григоровича XII. Срезн. «Пам. юс. п.» I. 64).

2) Глухой: жърцешь. жърецъ. жъръць. пожъръ (два раза) пожърень, Ргаев. четыре раза жър (Supr. 15. 251. 167. 348. 79. 80. 348. 16. 191. 188. 95). Сравнивъ: жерьцешь, жърцешь, жерьць, жърецъ, ясно, что $\sqrt{\quad}$ жер, а второе $\text{ь} = \text{е}$ есть ликвидальный призывъ, или принадлежность суффикса. Если Миклошичъ напираетъ, что при $\sqrt{\quad}$ жер въ Супраольской рукописи 10 разъ жръти и 12 жрти (Vergl. Gr. I. 81), то, по его же теоріи, ь , в послѣ р имѣютъ нулевое значеніе; а такъ какъ выше исчисленные примѣры указываютъ несомнѣнно, что въ разсматриваемомъ корнѣ слышался вокаль передъ р , и прежде всего е ; съ другой стороны, такъ какъ $\text{ь} = \text{е}$; слѣдов. жрти можетъ = или жрти, какъ въ малорусскомъ, или жрети. Принявъ во вниманіе, что правописаніе, подобное жрети, встрѣчается въ другихъ рукописяхъ съ несомнѣннымъ е или ь передъ р : въ зетской (михановичевой, иловичской) кормчей 1262 года — црекове. 28 а. (при църкы) изврежетъсе. 4 а. (два раза), Infinit. жрти (при жрти) могъ звучать или жрти, или жрти. За первое произношеніе говоритъ малорусское нарѣчіе и исчисленные формы съ *жер*. Так. обр., форма жрти съ своей стороны указываетъ, что писецъ Супрасльской рукописи, пишашъ жърць и жр., передъ р читалъ е .

Рус. кор. *стер*.

1) Чистый вокаль: простеръ (два раза gl. Cloz. Срезн., «Глаг. Пам.» 196. 197). Микл. Vergl. Gram. въ изданіи Капитара указываетъ одинъ примѣръ—простеръ (695), но въ словарѣ правильно—простеръ 695 696. простеръ (Supr. три раза 20. 28. 345).

2) Глухой: простърѣти (gl. Cloz. 523 и нѣсколько разъ) простъръ. (Supr. 260. 133). простъръ (ib. 95) Въ зоографскомъ еванг. правильно вездѣ *стър*. (Jagió. «Archiv» I. 43) простъръ (Саввина книга. Ср. «Пам. юс. п.» II. 21. 63).

Что касается формы, прострѣто (Gl. Cloz. Срезн. 192), то она объясняется какъ жрѣти. Отъ иной темы: прострѣвъ (Supr. 228).

Рус. кор. *тер*.

1) Чистый вокаль: отерѣши (Ass.).

2) Глухой: сътеренъ (gl. Cloz K. 781) сътере. сътеръ сътерѣши (Supr. 8. 80. 233) отерѣши (Зоогр. ев. «Archiv.» I. 45). отерѣши—отере (Савв. кн. II. 69. 73). Ср. «врата мѣднаа стръ» (Триодъ XII в. въ Бѣлградѣ).

Рус. кор. *пер*.

1) Чистый вокаль: попержѣ (Сав. кн. II. 11 и др.)

2) Глухой: распѣра. распѣрънѣ. сжпѣрникъ при супѣрникъ. прѣ. g. plur. попѣраніе (Supr. у Микл. Vergl. Gr. I. 82). сжпѣрѣ (Зоогр. ев. Срезн. «Гл. пам.» 131). попѣрано (Сав. кн. II. 32 и вездѣ *пѣр*).

Слова, встрѣчающіяся въ русской формѣ спорадически, изрѣдка: ск'ръбь (Supr. 439) жь-рьдыма (Сав. кн. II. 87 при переносѣ), выше— жрьдыма (86). вьрхъ. дьрзь. дьрзостиж. дьрзноу. (Мак. лист. Іоан. Екзарх. XI в. Ср. «Пам. юс. п.» I. 42). Принявъ во вниманіе, что кавыка, если она не объясняется какъ знакъ опущеннаго въ письмѣ этимологич. глухаго, можетъ имѣть мѣсто лишь при встрѣчѣ плавныхъ (г, л, п, м) съ моментальнымъ консонантомъ или наоборотъ, ибо только при этомъ условіи возможно появленіе обозначаемаго кавыкой вокальнаго элемента — кор'ванъ (Зоогр. Ев. у Микл. «Par.» 69). на од'рѣ (Сав. кн. 31) ан'гелъ, ам'броси и пр., = ан'гелъ, ам'броси, я полагаю бы, что кавыка въ словѣ оут'врѣждение (Supr. 407 ср. ск'ръбь исп'лнни той же рукоп.) стоитъ опискою между т—в, что писецъ желалъ помѣстить ее собственно между в—р. На томъ же основаніи я полагаю бы читать вмѣсто оскъ-врнатьса въ Саввиной книгѣ (103) — осквьръ-натъса.

Я не касаюсь правописанія корней: *бър, зър, дър, двър* въ словѣ *дъври* *)—оно слишкомъ обычно во всѣхъ памятникахъ.

*) Въ Триоди постной въ Бѣлградѣ у др. Я. Шафарика при дверь, дврми (152 в. 135 в.) встрѣчаются начертанія: дври (3 в). д'ври (7 в) дври

Если, т. обр., и старѣйшимъ памятникамъ словенскаго языка знакомо русское сочетаніе: *sons + e (ь) + r*; если сами памятники даютъ намъ отчасти средство—какъ понимать такъ называемое «правильное» изображеніе плавной группы: *sons + r + ь (ъ)* — въ правописаніи словъ: *сжпръникъ*, *пръ* (*Supr.*), которыя очевидно, произносились какъ *сжперникъ*, *перъ* (или *перъ*)*), въ передачѣ писцами иностранныхъ словъ съ слогомъ *er*: *Σέργιος* — *Срегин* (*Зетская Кормчая 1262 г. 367 а. 374 в. и др.*), даже *Срегии* (*ib.*) при *Сергии*, *Сергъ* въ *Супр. рук.*, *Слѣпч. апостолѣ*, *Охридск. апост.*, *Дечанскомъ евангелии* и др. (*Срезн. «Пам. юс. п.»* указатель календарный; ср. *χάτρυον* = *р. ватерга*, *каторга* при югослав. *катръга***) : то, не говоря о другихъ мотивахъ, доставляемыхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій съ языками ближайшаго и отдаленнѣйшаго родства, я не считаю слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что, кромѣ корней *мер*, *пер*, и во всѣхъ другихъ подобныхъ имъ корняхъ старословенскаго языка, въ которыхъ строго выдерживается «правильное» правописаніе и которыми въ русскомъ, польскомъ, лужицкомъ (въ послѣднихъ двухъ есть исключенія), чешскомъ (отчасти) соотвѣтствуютъ формы съ *e* предъ *r*, въ живой рѣчи старословенскаго писца слышалось тоже *e* предъ *r* или его ослабленіе *ь (ъ)*, произносимое то болѣе, то менѣе глухо. Если справедливо замѣчаніе *Миклошича*, что кто въ правописаніи словъ не признаетъ образа произносимыхъ звуковъ, тотъ отказывается отъ научнаго изслѣдованія тѣхъ языковъ, которые мы знаемъ лишь изъ памятниковъ, а не изъ живой рѣчи («*Formenlehre in Pagad.*» XXI); то какъ понять образъ дѣйствій того же *Миклошича*, когда онъ, игнорируя или свободно отасясь къ пра-

Въръь (139 в.) 135 а. *дврѣь* (136 в.) необходимо *r=er*. Тоже самое въ сербскомъ евангелии до 1200 г. (*Вълчановомъ*): *дверьница* (*Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32*) при господствующемъ начертаніи этого корня безъ *e*: *дври*.

*) Ср. «*всякому мръскому*» т. е. *миръскому* въ *Зетской Кормч. 377 а.*

**) Ср. «*врѣворчане*», «*ворворите*» изъ *borborites* въ *Зетск. Кормч. 375 а. 377 а.* «*Врѣтоломѣ*» въ *Евангел. XIII — XIV Серб. учен. общ. въ Бѣлградѣ № 2 (3 а.)*

вописанію рукописей, октроируетъ его, остракизмомъ изгоняетъ ъ, ѣ изъ сочетанія со *ns* + *p*, *l* + *ь*, *ъ*, какъ это было принято писать, и ссылаясь на словинцевъ, сербовъ, объявляетъ *p*, *l* санскритскими вокалами *). Очевидно, тотъ, кто не позволяетъ себѣ ни юты выбросить изъ правописанія рукописей языка затеряшагося, кто изъ сличенія нѣсколькихъ способовъ передачи одного и того же слова или корня старается опредѣлить его нѣкогдашнее произношеніе на основаніи средствъ, доставляемыхъ памятниками того же языка, не отправляясь за помощію къ языкамъ другимъ, поступаетъ осторожнѣе и, вѣроятно, ближе у цѣли. Миклошичъ заимствуетъ доказательства вокализма *p*, *l* отъ словинцевъ и сербовъ; но это не мѣшаетъ ему произнести осужденіе надъ тѣми, кто въ трудныхъ вопросахъ старословенской фонологіи считаетъ не лишнимъ выслушать и русскій языкъ (ор. cit. XII), а между тѣми словинскій языкъ въ разсматриваемомъ вопросѣ не такъ далеко отъ русскаго, какъ этого желаетъ знаменитый академикъ. Противъ утвержденія Миклошича о вокальномъ *r* у словинцевъ свидѣтельствуютъ лучшіе знатоки словинскаго языка—Метелко, Янежичъ **); противъ него вопіетъ и старій языкъ, и далекаго, и недавняго прошлаго. Такъ мы имѣемъ: Tergowecz (пам. 1362 г., «Starine» IV. 129) Terztenicha. Smerchkoich. Zauerha. Chernomel. Cherna reka (1334 г. ib. 203—209), «portella parva, dvercze vulgo appellata» (1429 г. ib. 120). Werchowcz. Zawersye. Verbowa. Znerkowych. Berdowcz (1501 г. ib. 203 — 209). Габделичъ (XVII в.) употребляетъ всегда *er*. Для болѣе отдаленнаго

*) Ученіе Миклошича было принято особенно сербами, почему знаменитый сербскій филологъ, Даничичъ, не считаетъ не возможнымъ непосредственно сопоставлять, сравнивать славинскія слова въ *соералемной сербской формѣ* съ словами санскритскими и т. д. Этого, по моему убѣжденію, неправдыаемый дѣйствительностью способъ изслѣдованія слав. языковъ—недостатокъ въ послѣднихъ трудахъ знаменитаго филолога: «Формы сербскаго языка», (1874) «Основы» (1876).

*) Јанежић «Slov. Slovnica» § 14 d. Ср. 32. Ср. Hattala. «De mutatione consonantium». (185) p. 52 пр. 114 справедливыя замѣчанія противъ ученія Миклошича.

времени я сошлюсь на грамоты, изданныя Куккуловичемъ и Текалчичемъ (см. ниже). Это согласіе писцовъ различныхъ вѣковъ и мѣстностей въ изображеніи слога, соответствующаго русскому *er* напр. въ словѣ *смерть*, въ родномъ словинскомъ языкѣ слишкомъ серьезно, чтобы не обратить на него никакого вниманія: оно свидѣтельствуетъ, что словинецъ зналъ *er* и никогда *r*. Если же словинскій языкъ можетъ намъ помочь въ опредѣленіи произношенія темнаго правописанія — *cons + r + ъ*, то именно въ томъ смыслѣ, что *рь = er*, и отнюдь не *r* — т. е. онъ подтверждаетъ нашу мысль.

Если же въ старыхъ памятникахъ словенскихъ встрѣчается правописаніе плавной группы (именно = *r. er*) безъ вокала *e*, *ь*, *з*, то этотъ способъ графики должно разсматривать, какъ извѣстный стенографическій приемъ старыхъ писцовъ въ словахъ, особенно часто попадающихся въ текстѣ, для сокращенія времени и экономіи дорогаго мѣста. Произношеніе было хорошо знакомо читателямъ, и если ихъ не смущало «правильное» правописаніе, совершенно чуждое языку — напр. *тръльти*, то еще менѣе могъ смущать пропускъ *e*, *ь* передъ *r* напр. въ словѣ *срдъце*, такъ какъ этотъ послѣдній способъ правописанія, хотя не вполне, но все таки приблизительно передавалъ настоящую форму слова въ живой рѣчи, чего нельзя сказать о «правильномъ» правописаніи. Пропускъ былъ тѣмъ легче, что вообще въ скорой рѣчи любого языка самый чистый и полный вокаль въ любомъ слогѣ (даже подъ удареніемъ) почти не уловимъ. Этимъ я объясняю интересный способъ сокращенія въ старочешскихъ рукописяхъ, съ которыми, по моему убѣжденію, вообще не лишне справляться при возстановленіи настоящаго облика старословенскаго языка изъ мертвыхъ знаковъ письма: есть наримѣръ рукописи, которыя строго выдерживаютъ правописаніе — *cons + r*, *l + y (i)* въ тѣхъ самыхъ словахъ, гдѣ старословенскіе памятники предлагаютъ *cons + r*, *l + ъ (ь)*, о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ; если ни одинъ чешскій славистъ не сомнѣвается, что слово *dryzati* старый чехъ произносилъ также, какъ и нынѣшній — *držati*, т. е. *dřzati*, то нѣсколько странно, почему не видѣтъ аналогическаго

явленія въ рукописяхъ старословенскихъ, а *дръжати* читать такъ, какъ прочли бы, чего никто не дѣлаетъ, старочешское *druzati*, если-бы держалась строго буквы. Это сокращеніе въ словахъ: *prfikri iest hori stien giegie* (Psalt. Clem. f. 64 a.) т. е. *přikryl* etc; *luczisze stnych* (ib. 124 b.) = *silných*; «*hrnczuow a pokr-wadl*» (Pass. рук. Пражск. унив. библ. XVII. E. 8 f. 80 a.) = *pokriwadl*. Нельзя не видѣть, что *r* въ указанныхъ двухъ мѣстахъ совершенно напоминаетъ санскритскій вокаль *r* (= *ri*).

Кажется, въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ, вѣчный нашъ учитель въ старословенскомъ языкѣ—Востокъ, осторожнѣйшій изъ славянскихъ изслѣдователей, какъ называетъ его Миклошичъ («*Form. in Par.*»: *der nütchternste unter den slavischen sprach-und altertumsforschern*». XXIX), въ своемъ предсмертномъ, заключительномъ словѣ о старословенскомъ языкѣ призналъ, въ разсматриваемой плавной группѣ, *ь* предъ *р* отличительной чертой старословенскаго языка. Въ «Грамматикѣ церковно-словенскаго языка» (Сптрб. 1863), говоря о выраженіи грамоты Мстислава Владимировича ок. 1130 г.—държа роускоу землю—Востокъ замѣчаетъ: «въ церковно-слов. было бы—*държа* роускѣ землѣ» (11).

Так. обр., возвращаясь къ Слѣпченскому апостолу, мы должны признать, что формы *мер*, *стер*, *двер* не только не могли быть чужды старословенскому языку, но что это сочетаніе *ер* (*ьр*) есть главнѣйшій выразитель его вокализаціи въ указанной группѣ.

Существовало же сочетаніе *ер* въ томъ же случаѣ и въ памятникахъ болгарскихъ—другими словами, въ болгарскомъ языкѣ? Прослѣдимъ сначала *ер* въ памятникахъ стараго времени, а затѣмъ коснемся его формы въ языкѣ нынѣшнихъ болгаръ.

Послѣдовательность: вокаль \vdash *р* въ разсматриваемомъ сочетаніи извѣстна памятникамъ болгарскимъ также, какъ и старословенскимъ. Въ погодинской псалтыри (XII в.) оумершен. оумъръшж. несевърньоу (Ламанскій «О сл. рук.» 38. 66. 37). Въ болгар. сборн. XIII в. въ Берлинѣ: Змерьшихъ. оумершю. простерша. оумершоу. оумершее. дври. дvernoж, врьхъ (Jagić «Sta-

rine» V. 75, 89, 93, 49, 53). Въ болгар. синаксарѣ 1330 г.: оумершоу. оумерши. оумеры. простерпоу. оумършоу. жърцоу. жърца. жърць. пожършжа и др. (Лам. «О сл. р.» 34, 28, 25, 23, 27). Въ Сказаніи Іоанна Богослова: прѣсти ѣмоу тако сърпи. Смершии. перѣстѣ. чърности (Срезн. «П. юс. п.» 407—9). Чѣмъ ближе къ намъ, чѣмъ болѣе освобождались писцы изъ-подъ вліянія традиціоннаго старо-словенскаго письма, тѣмъ чаще въ болгарскихъ памятникамъ является *ер*, *ьр*, тѣмъ менѣе, съ другой стороны, выдержанности, однообразія—результатъ забвенія традиціи. Болгарскій писецъ XIV—XVII ст., чуждый школы, писалъ подъ диктовку своего языка; но при отсутствіи литературнаго преданія, при естественномъ разнообразіи говоровъ, онъ безсознательно мѣшалъ въ своемъ языкѣ черты разныхъ нарѣчій, — пестрота увеличивалась отъ вліянія читанныхъ книгъ,—и онъ писалъ также свободно, пестро, какъ пестро говорилъ.

Въ сборникѣ апокрифовъ на простомъ болгарскомъ языкѣ XVII—XVIII в. въ Бѣлградѣ сочетаніе *ер* является въ нѣсколькихъ видахъ:

ер: сердечна. сердце. серце. перва. черква. черьква. держителю. утверди. тверде. меръви-те. мертви. четвертокъ. черно (два раза). оскернила. червие (2 раза). двери. («Starine». VI. стр. 31—58 въ разн. мѣст.).

ар: дарво-то. парьваго. почарьнеха. варьти. четвертии. варни са (41. 44. 44. 56).

ьр: сърце. преовърна. свърши. Сьмре. мъртавецъ. мъртви. се усърди. върнатъ. твърде. (34, 37, 41 и др.).

ьр: са върнатъ (56).

Пестрота письма увеличивается отъ присутствія мѣстами старыхъ пріемовъ правописанія: чръква. твърде. дръжи и пр. први. смръть и пр., хотя послѣднія слова необходимо должны были выговариваться или по формулѣ *ар*, или по формулѣ *ер* и т. д. Передача словъ одного и того же порядка на нѣсколько ладовъ въ болгарскомъ памятникѣ XVII—XVIII в. позволяетъ вывести слѣд. заключенія: 1) хотя въ одномъ случаѣ пишется чистый вокаль предъ *р* (е, а), въ другомъ — неопредѣленный

мужой звукъ (ь, ъ), но тотъ и другой пріемъ сходны въ одномъ — они *указываютъ на вокалы предъ р.*; 2) этотъ вокалъ чаще всего является въ формѣ *е*.

Так. образ. какъ старому языку болгарскому, такъ и языку памятниковъ позднѣйшихъ, нельзя отказать въ сочетаніи *ер* въ извѣстныхъ словахъ плавной группы, другими словами, что болгаринъ начертанія своихъ старыхъ рукописей: смръть (ъ), сръдце читалъ, хотя не каждый и не вездѣ, такъ, какъ читается русское смерть, или польское *serce*. Весьма естественно, если тоже произношеніе словъ: смръть и др. не безызвѣстно и современному болгарскому языку. Въ виду неустановившагося правописанія современнаго болгарскаго языка, когда напр. слово = ст. слов. сръдце пишется то сърце, то сръце, то сѣрце и т. д., новѣйшій собиратель болгарскихъ пѣсенъ въ Македоніи всѣ подобныя слова (гдѣ въ русск. *ер*) пишетъ такъ: конс. + ъ + р, но тутъ же поясняетъ, что это *в* звучитъ почти какъ франц. *eu*, *e* въ словахъ *seur*, *le*, *je*: сърце = *seurtsé*, хвъркамъ = *feurkame* (Дозонъ «Български народни пѣсни». Paris. 1875. предисл. стр. 345).

Итакъ, на вопросъ о принадлежности русскаго слога *ер* въ словахъ Слѣпченскаго апостола: простеръ, оумерши, двери, — особенность ли это старословенскаго языка или болгарскаго, — получается одинъ отвѣтъ: *русское сочетаніе: конс. + e + р принадлежитъ одинаково обоимъ языкамъ, и только графически оно могло изобразиться условно въ видѣ: конс. + р + ъ (з)*.

Но если русское сочетаніе *ер* раздѣлялось какъ старословенскимъ, такъ и болгарскимъ языками, то невольно рождается мысль — не были ли знакомы этимъ обоимъ языкамъ и русскія сочетанія: *ор, ро, ре* въ словахъ — *гордъ, кровь, крестъ*?

Въ памятникахъ старословенскихъ упомянутыя три слова имѣютъ обыкновенно одно общее правописаніе — грѣдъ (грѣдъ), крѣвь (крѣвь) крѣсть (крѣсть) — т. е. тоже, что и слова съ *е* (ь) предъ *р*.

Какъ читалось начертаніе *грѣдъ*? Если справедливо, что въ словахъ, какъ смръть, вокалъ, слышавшійся предъ *р*, графически изображался послѣ *р*, то въ виду того обстоятельства, что старо-

словенское письмо отличается строгою послѣдовательностью самому себѣ, естественно полагать, что и въ начертаніи *грдъ*-вокаль слышался предъ *р*. На это указываютъ и нѣкоторые описки, но вообще рѣдкія: *гърдый*. *съгърби* (Бонон. псалт. Среян. «П. юс. п.» II 372. 378). Словинскій языкъ знаетъ въ этомъ случаѣ краткое *e* предъ *р* (или глухой звукъ); тоже — кайковское нарѣчіе и современный болгарскій языкъ. Какъ я понимаю, не иначе поступаетъ и сербскій: ср. правописаніе *ar* у писателей кириловскихъ, глагольскихъ и особенно латинскихъ: житіе Кате-рины XIV в.: *barzo. gardi*. Ср. *Harvat* или *arvat* Хрватъ и др.

Но *ар* = ли русскому *ор*? Согласенъ ли и здѣсь старосло-венскій съ русскимъ, какъ это мы видѣли въ словахъ, какъ *сирть*, гдѣ *ьр* есть условная передача сочетанія *ьр*, а это послѣднее = или русскому *ер* или приблизительно такъ, какъ *ер*? Правда, *з* можетъ = *о* (краткому); но въ виду того, что начертаніе *бонс + р + ь* нигдѣ не представляетъ описки: *бонс + о + р* (= *стръ*, *стыр*, *стер*), я полагаю, что уже въ эпоху пер-ваго написанія рукописей старословенскихъ *въ словахъ, какъ грдъ* — *слышался предъ р глухой звукъ*, легко смѣшавшійся съ глу-химъ предъ *р*, первоначально мягкимъ, въ силу неясности про-изношенія обоихъ глухихъ.

Кайкавское нарѣчіе и современный болгарскій языкъ не разли-чаютъ *грд*. и *сврце*—одинъ и тотъ же звукъ предъ *р*; но, мо-жетъ быть, этого безразличія не знала старина: какойнибудь кайкавскій говоръ долженъ же знать *ор* вм. обычнаго *er*, если послѣдній защитникъ кайкавскаго нарѣчія, Кристіановичъ, всегда писалъ (и пишетъ) «*vu horvatsku obernjem*», «*na horvatski jezik prenešen*»; такъ писалъ и его учитель Mikloussich (См. «*Arkiv za povjestincu jugoslavensku*» XII кн. 58. 64). Что до бол-гарскаго языка, то форма *ор* встрѣчается: въ болгар. сб. XIII в. въ Берлинѣ—въ портѣ» (Jagić «*Starine*» VI. 121. V. 50); въ упомян. сборн. XVII—XVIII в.—горлица («*Starine*» VI. 37. 38). *гордость* (ib 58). Можно отмѣтить, наконецъ, фор-мы въ латинскихъ грамотахъ Далмаціи: Gorbinus (Kukulević

«Codex dipl.» I. 1056 г. 115 два раза). Gorbina (ib. 1065 г. р. 125. 126; 1075 г. р. 157. 1077 г.)

Обращаюсь къ словамъ *кръвъ*, *кръствъ*. Какъ ихъ произносишь старословенецъ: произносилъ ли онъ ихъ одинаково, или различалъ, какъ русскій? При обычномъ правописаніи *кръвъ*, *кръствъ* (*крѣствъ*) мы въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка находимъ замѣчательныя отступленія—обмолвки: *кровиѣжъ*, *кровыѣжъ* (Glag. Sloz. 313. 316), при *кръвъ*, такъ какъ для писца Клоц. глаголиты *в* еще звучалъ какъ *о*: *четврътокъ*, *начатокъ* (Срезн. «Гл. пам.» 172. 194). Если обратимъ вниманіе, что *о* послѣ *р* сохраняется въ косвенномъ падежѣ, гдѣ оно имѣло бы менѣе всего права стоять, если бы въ устахъ писца слово *кръвъ* не различалось отъ *кравъ*—ср. чешское *krav*, но gen. *krvi*, т. е. *kъrvi*, то въ имен. п. *кръвъ* необходимо = *кровъ* или *кровъ* (= *крѣвъ*). Вспомнимъ слово *хромъ* при глаголѣ *хрѣмжити* (въ пс. Погод. охрѣмж. Лам. «О сл. р.» 60. *хромъ* ib. 66). Въ виду этого, я заключилъ бы по аналогіи, что и въ другихъ словахъ словенскихъ, гдѣ *в* послѣ *р*, но гдѣ въ русскомъ *о* послѣ *р*+: *брѣвъ*, *брѣниа* (изъ гот. *brunja*, влуж. *brónska*), *дрѣва*, *кротъ*, *кроха*, *тростъ* (влуж. *trozka*) выговоръ старословенскій не отступалъ отъ русскаго, и *рв* въ *кравъ* и *рв* въ *крѣвъ*—тождество графическое, но не фонетическое.

Кръствъ. Въ той-же Клоціевой глаголитѣ при обычномъ начертаніи: *крѣствъ*, *крѣствъ*, даже *крѣствъ* обмолвка: *крѣствъ* два раза (Срезн. 193, 194). Ср. для корня *красъ* обмолвка: *въскрѣсьшюмоу* (ib. 199). Если бы сохранилось болѣе листовъ отъ Клоц. глаголиты, то, вѣроятно, болѣе нашлось бы и обмолвокъ. Въ Супрасл. р. при крѣстианинѣ одинъ разъ *крѣствизъ* (4). Сопоставивъ формы: *окрѣствъ* въ Супр., Остр. и др. и *окрѣствъ* Бонон. псалт., *въскрѣсьнъ* Клоц. гл., Супр. и *въскрѣсьнъ* Острм. (ѣ часто = е: *оумрѣтъ*, *оумре*. Савв. кн. и др.), мы, въ виду указанныхъ обмолвокъ, можемъ быть увѣрены, что первый рядъ сопоставленныхъ словъ въ устахъ словенскаго писца звучалъ не иначе, какъ произносятся эти слова въ русскомъ языкѣ. Что справедли-

во для нѣкоторыхъ словъ извѣстной категоріи, то, вѣроятно, справедливо и для остальныхъ той же категоріи. Ср. Graecus = грѣкъ.

Поэтому, я утверждаю положеніе, что *въ групѣ на р съ глухими вокаломъ* (обычное правописаніе) *старословенскій языкъ, какъ и русскій, различалъ двѣ категоріи словъ: съ вокаломъ предъ р, съ вокаломъ послѣ р; внутри второй категоріи онъ различалъ, также подобно русскому языку, вокалы о и вокалы е.*

Что касается болгарскаго языка, то, такъ какъ онъ и теперь знаетъ вокалъ (чаще глухой) передъ и послѣ р (см. Mik. Lex. v. v. стрѣмъ, скръжьтъ и др. Dozon), нельзя не полагать, что тоже различіе существовало и въ старое время. Поэтому слова Слѣпч. ап. хрѣбеть. стрѣптъна не могутъ быть одной вокализациі съ словами жрѣти. стрѣгати. Отмѣтимъ: въ Погод. пс. на хрибтъ. (Ламан. «О сл. р.» 38); на хриптъ. на хрѣбтъ въ Бонон. пс. (Срезн. «П. юс. п.» 132); скрежетъ. скречють въ Сказаніи Іоан. Бог. (ib 411. ср. г. skrehtati); вскрасиль. крофъ. древо въ б. сборн. XVII — XVIII в. («Starine». VI. 41 48. 49).

Замѣчательнѣйшія формы Слѣпченскаго апостола отмѣчены г. Срезневскимъ. Для лексикона укажу слова: свѣсивше въ кошери (8 а). не да образжениж вамъ възложж (32 а). симона оусмарь (10 б). мельхиседекъ црѣ...срѣтъ аврама. врацажшаса отъ свѣча. цасаръ. блвивъ его... (84 б).

Другая интересная рукопись въ собраніи Шафарика — *Постыня Триодъ*, кир., перг., болг. рѣц., XI — XII ст. 152 л. in f. безъ начала и конца; было 25 тетрадей, но и уцѣлѣвшія неполны. Пергаментъ толстый и тонкій, съ разурами; чернила мѣстами разлились. Уставъ прямой, похожій на мелкій въ Остромирѣ.

Для ѡ 5 начертаній: ѡі, ѡѣ, ѡі, ѡі, ѡѣ

а, ѡ смѣшиваются: кавыки или двѣ черты означаетъ пропускъ. Точка = і (j).

Для носовыхъ простыхъ: ѡ, ѡ, ѡ. Іотація ихъ рѣдка, что

стоитъ въ связи съ правописаніемъ: ааго, аа, ѣа, юа, на, ѣа и пр. Примѣры:

ѣж: прѣвѣж (150. а). кланѣжщеса (153 а).

ѣа: великѣа тайнѣ 154 б.

ѣа: вышнага силъ 149 б.

Крючокъ горизонтальный (слѣва): молгать. 11 б.

Крючокъ и іота: гѣжтробж 133 б.

Смѣшеніе юсовъ обычно, хотя много и старипы; смѣшеніе же ж—оу, а—ѣ рѣдко (на не въси=нж 132. б).

з = 6; но для смягченія : правильно з: звѣздами 2 а. змеи люты звизданіемъ прѣлѣсти 4 а (чеш. hvízdati) и т. д.

л = 1: люна. 132 а.

Група на л, р. Всѣ три системы:

Ерская: прѣси. 4 б. мрънеть. 133 б. мрътвъ 134 б. трѣпть. 132 а; крѣста. 133 а. почрѣсти 144 а. жлѣчж. 4 а. исплѣтъ 133 б. слѣнце 134 б; слѣзми 4 б. поглѣти 138 б. изблѣвахъ. 135 б.

Вокальная: дврѣи. 5 а. ѿврѣи. 7 а. стрѣ 135 б. крми-телъ. 144 а. почрпять. 145 а. влпщѣи 6 а. слвце 132 а. влѣтѣ. 144 а.

Русская: оумершее плѣтѣж 134 б. оумершааго 135 б. 138 а. дврѣми 135 б. дврѣми 136 б. (съ *приписаннымъ е* наверху—прииска, не лишенная интереса при опредѣленіи произношенія начертаній: дврѣ. смръть и пр.); ѿ слезъ. 139 б. брѣніе. 148 а.

Фонетика языка видна уже изъ указанныхъ чертъ правописанія. Прибавлю еще нѣсколько замѣчаній.

При безразличіи буквъ а, ѣ, при потерѣ глухихъ въ концѣ и серединѣ (въ чрътокѣ жениха. 6 б. ташко. 155 б.), эти глухіе часто мѣняются съ своими чистыми противными: смоковнѣмъ 2. а. кротокъ 5 а. начжтокъ. 6 б.; заченши. 6 а. истиненъ. 6 б. дѣвест-вное. 134 а. пѣвеческѣтѣ. 149 б. и пр.

ѣи — и: възражщѣи. 10 б.

ѣи въ си; змеи. 4 а. оу дврѣи. 5 а. даръ бжен. 146 а. G. pl. вездѣ ей.

Въ склоненіи прил. много старины: разоршааго старааго злодѣа 9 а. хоудож сластяж смрътнжж 2 а.; теплѣмъ подвигомъ. 6 а. зминомъ 7 а. въ незаконномъ. 132 в. Impgf. полный и стяженный; аог. II рѣдокъ; impg. оумъямъ. 4 в. и др.

Но, помимо своего филологическаго значенія, Тріодъ имѣетъ интересъ историко-литературный. Это одна изъ тѣхъ рукописей кирилловскихъ, писцамъ которыхъ была извѣстна и глаголица, свободно, хотя и не часто употреблявшаяся ими въ перемежку съ кириллицей, и, вѣроятно, болѣе машинально, чѣмъ намѣренно. Небогатая глаголица Тріоди своимъ присутствіемъ въ кирилловской рукописи, видно, возмущала чувство читателей, и они старались выскоблить ее, хотя и не успѣли уничтожить всѣхъ слѣдовъ ея. Я укажу всѣ глагольскія мѣста: обычный шрифтъ означаетъ кирилловское письмо, кириллица-глагольское.

1 а. ѡгневявленаа

50. а. Ѡрочѣ раждаѣщи без мѣжа. дѣво кто слі
ша маріе свршаеші чоудо. неглі мі како
не пзѣтаі мі глѣбѣні бѡрождѣства
моего. въ істинѣ паче же члвѣческа оу
ма зачѣтіе . . въ понед. на оутр. стих. г.

По правой сторонѣ, поперекъ этнхъ глагольскихъ строкъ кириллицей: самогласно. Въ сербской Тріоди XIV в. (у того же Шафарика) это мѣсто читается такъ: Утроче раждаѡщю двоу к'то слыша | и
мтръ безмоужа. маріе сввр|шаеші чюдо. нѣ глѣ мѣ како. | не
пѣтаи глѣбѣннѣ бѡрождѣства | моего. се въ|истинѡу паче оума |
члвѣческаго зачѣтіе (96. а. II). Это глагольское мѣсто нашей рукописи нетронуто.

52. а. Служба во вторникѣ. д. недѣли на утрени. Послѣ 1¹/₂ строкъ кириллицы идетъ 6¹/₂ строкъ глагольскихъ, затѣмъ снова кириллица. Часть глагольскихъ строкъ замазана цензорскими чернилами, другая—выскоблена, но большинство буквъ можно прочесть по сравненіи съ упомянутой сербской Тріодью XIV вѣка. Что не прочесть, означаю точками. Въ скобкахъ по догадкѣ.

Фарисеовоу въ

здѣнѣноу оуподобивьса злѣ. нане.о
хъ на са страстное люта же... инм
іже ма врагъ попра нж оущедри. і спси
ма хе своеж млостіж сзмѣривз са
взішнз цроу славынз. р
оді та всі блажнѣтз чстаѣ (іс) к
о единз рждзса і(с) твоего чрѣва самз
яко вѣсть. ...

Въ сербской Тріоди это мѣсто читается такъ: Фарисѣовоу
взданию оуподобивьсе злѣ. наносохъ на се стретное и лютое.
нимъже врагъ попра. нь оущедри и спси же хсе своею млстию
сзмѣривьисе вышньни. цроу славыни. Роди|те вси блажеть чстага.
іс бо єдинъ рожденсе иствогего чрѣва. самъ гако вѣсть... (98 в. I).

70. в. Изъ службы во вторникъ 5 недѣли, двѣ глаголь-
скія строки среди кирилловскихъ, ясно читаемыя.

ермос. гл. в. О прѣвышней плѣтиж. заченпи въ чрѣвѣ. изъ
оца прѣжде вѣвѣ въсиавшее слово. пѣснми безпрѣстаніѣ вѣрні
велічаемз: Юдзи вкса наша пазтнмаа прѣдзставимъ хоу оржжне
правдѣ....

168 а. На полѣ приписка, позднѣйшая :

а поемъ гви славно бо.

О начертаніи буквѣ замѣчу, что глаголица т. наз. болгарская,
закругленная; въ первомъ отрывкѣ г, з, ж имѣють угловатую
форму. Вездѣ ж вж. ѣ. Кое-гдѣ смѣшаны юсы; ти—и.

Въ заключеніе замѣчу, что на сохранившейся половинѣ пер-
ваго листа а) въ отрывкѣ одного изъ каноновъ есть воспомина-
ніе о Кириллѣ и Меодіи :

«Иоана оуста златоустага. съ.... (вырвано)

меоодиомѣ моравы. прѣсла.....

иссухнѣа иоана ееолог.....»

Въ упомянутой сербской Тріоди XIV в. это мѣсто читается
такъ :

Ивана златогливага оуста. съ ки
риломъ и методиемъ морьскы
мъ. непрѣстанно прославимъ.

такожде исихиѧ. и иного ооло

га...» (Зл. а. II. Ср. Триодъ Григоровича XII в. въ
«Пам. юсов. письма». I. 117).

Остальные рукописи Шафарика (точнѣе, Верковича) имѣ-
ють второстепенный интересъ, и для сербиста. Это — сер-
були — церковные памятники сербскаго письма XIV, XV, XVI
в. Правда, ихъ масса, большинство пергаменные, но обыкно-
венно, безъ начала или безъ конца, или безъ того и другаго
вмѣстѣ, слѣдов. безъ драгоценныхъ записей, съ повторяющимися
содержаніемъ. Таковы четыре постныя тріоди, два четвероеванге-
лія (одно полное), октоихъ, псалтырь и пр.

О тріоди XIV в. было упомянуто выше. По сравненіи ея
съ болгарской XII в., видно, что сербскій писецъ списывалъ съ
оригинала, подобнаго этой послѣдней рукописи, и списывалъ осто-
рожно. Въ текстѣ сербской тріоди можно отмѣтить слѣд. патри-
стическую жалобу писца: «не гръци бо тѣчию обогатисесе
ѡцемъ симъ (Іоанномъ Златоуст.), нъ и словеньскыи родъ *мъни-*
мы попрамъ быти всьми (20 а. I). Что касается правописа-
нія (языка), то оно сербское (ж = е, ѡ вм. а); но въ правопи-
саніи плавной группы система не сербская, а русская, очень близ-
кая къ Остромиру. Беру двѣ сосѣднія страницы: оумьр'шихъ. 14
б. I. оумьр'шихъ. 14 б. II, 15 а. I. оумьр'шимъ. 15 а. I.
оумьр'шемъ. 15 а. II. и тутъ же: «веселитесе в'си мрът'выи.
оумьр'тви бо сьмьрть». 15 а. I. Эти «ошибки» пополняютъ
ошибки болгарской тріоди XII в. и Слѣвиченскаго апостола. О
случайности, опискахъ не можетъ быть рѣчи. Оригиналъ былъ
русскаго письма? Но тогда бы русское вліяніе заплавило цѣлый
славянскій югъ уже въ очень раннее время, а доказать это весь-
ма трудно *).

*) «Во все это время (до XIV в.)—говорить прое. Ламанскій—Русь посто-
янно получала изъ Болгаріи не только славянскія рукописи, но и даже ду-
ховныхъ отцовъ, писателей, художниковъ, пѣвцовъ. («О слав. рукописяхъ въ
Бѣлградѣ и пр.».—Зап. Ак. Н. VI. 117).

Одна рукопись имѣетъ современную запись писца—это служебникъ $\frac{1}{2}$ XIV вѣка, изъ южной Сербіи, писанный при жоупанѣ Влькашинѣ. Въ виду историческаго и литературнаго значенія каждой записи, я привожу запись сказанной рукописи вполнѣ. «Слава богу давъшомоу зачело и коньць. амнь изволеніемъ оца и зачетиемъ сна. и съхожденимъ стго дха. съвршише дѣло се мца марьта къ днь. при жоупанѣ влькашинѣ (2 строки выскоблены) въ дны бговѣрнаго пра нашего стефана. и сна мою оуроша. и црце елене обладающимъ всѣми землами сръпскою и поморскою и гръчскою. кьга се ѿвржеберь. да попове молю ви се исправляюще. чтѣте а не кльнѣте. ере брение пише а песты дхъ. нь паче блсвите. а како щете вию мене благословить а и васъ бѣ тако. да благославить. аминь (трижды). ере аще боуду и съгрѣшилъ бѣше (3 строки выск.) мо камене. пасомичие конь писнице. гдѣ пишахъ терми бѣхоу. тамо оуми. гдѣ лоукахоу. да гаке боуду и съгрѣшилъ а вию простѣте: да васъ бѣ да прости. симѣвна и попа тодора и ганикиа. и ковача райкако и месковашилце. и хараксало. бѣ да прости радашевца. изъ марьгарита. и савоу. и семеиновоу. итере. амнь. аминь».

Перехожу къ рукописямъ Народной Библіотеки, каталогизованнымъ г. Новаковичемъ. Онѣ глав. обр. изъ XIV—XV вѣка; старѣйшія—XIII в.; но фрагменты и старѣе. Я прочелъ или просмотрѣлъ специально меня интересовавшія.

Пергаменный листокъ октоиха, русск. ред., изъ Хилендара XI—XII в. Нотные врюки надъ полугласными, какъ и надъ чистыми гласными: нѣ ^lотъ ^lвсѣ ^{ll}ога". Юсы мѣняются съ оу, га. Въ группѣ плавной русская система: сквьръньга (а). измъртвѣихъ съпасово въскръсеніе (ib). оудържаниа (b).

Праздничная минея на ноябрь (№ 175), пергам., въ листъ, безъ начала и конца (43 л.), *сербской редакци*. По каталогу, начала XIII в. *а* = *е*, *ь* вм. *з*; *и* среднее, почему оно послѣ гортанныхъ вм. *ы*; *ь* индѣ = *е* (провещаема. 7 а. смотрение ib). Мягкость консонантовъ ограничена: всакъ. За боуроуцесе. 7 в. *л* = *л*: зми прелюкавыи. 5 а. Вездѣ щ. Употребленіе надстрочныхъ знаковъ имѣло для меня особенный интересъ

Писецъ употреблялъ два знака: крючекъ (>) и точку (.) и тамъ же, гдѣ и въ старыхъ рукописяхъ т. е. для обозначенія пропуска глухаго: вѣр'ни, вѣр'но. 5 а. ов'це. 7 а. бголѣп'нымъ. 5 б. оуп'ваннѣ. 5 б ал'чющенѣ. 6 а. и пр.

Если так. обр. кавыка или точка подѣ перомъ писца или его сербскаго копииста имѣеть извѣстное реальное значеніе, а въ языкѣ свое основаніе, т. е. не служить пустой прикрасой письма, то справедливость требуетъ признать, что она употреблялась разумно, въ силу извѣстныхъ соображеній, и *въ тѣхъ случаяхъ*, гдѣ она въ памятникѣ старословенскомъ или сербскомъ по мнѣнію славиствъ, стремящихся живыя и многообразныя явленія ст. языка вочто бы ни стало вогнать въ узкія, условныя рамки своей теоріи, не имѣеть смысла, не имѣеть права стоять. Я разумію здѣсь главн. образомъ остромировскій случай постановки кавыки (точки) въ нашей минеи, когда кавыка въ плавной группѣ у р, л мимо з, ъ, или при стеченіи плавнаго съ другимъ консонантомъ у р, л.

I. Плавная группа. а) Кавыка или точка на лѣво у р, л, при ъ (ъ), стоящемъ на право: бесм'ръ'ната. д'ръзновение. 3 б. т'ръпнѣ. м'ръ'выне. 4 а. д'ръжимомъ. въ ск'ръбехъ. 4 б. оутв'ръднѣ. (2 раза) ск'ръбьми. 5 а. оум'рътви. в'ръсѣ ж'рът'вою. 5 б. м'рътви. 7 а. в'лъх'вомъ. 8 б. поч'ръпѣмъ. 12 а. м'льни. 16 б. м'ръзъкине. 33 б. и пр.

б) Кавыка на право отъ р, л, ъ на лѣво — употребленіе рѣдкое: жьр'це. 33 б.

с) Двѣ кавыки вм. ъ см'р'ти. 5 в.

II) Въ плавной группѣ.

а) Кавыки при р, какъ память о корневомъ ъ (ъ): изб'ран'ны. 4 б. възб'ранѣше. 7 а. зак'лалъ. 13 б.

б) Кавыка, какъ знакъ «сварабакти» или плавнаго призвука (Stiminton), объясняющая между прочимъ переходъ русскаго (и общеславянскаго) ряда: сонъ + р, л + о, е (ъ, ъ) въ рядъ: сонъ + ъ, ъ + р, л въ языкахъ болгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ, словацкомъ, при чемъ этотъ призвукъ могъ развиваться и

до полного звука-паразита: оут'рыггм. 5 а. к'рвию. 6 а. п'льтою. 4 а. вып'льщеса. 7 а. възг'рымѣ. 13 а. к'рыщоу. 13 а. к'рыститисе. 15 в. т'рые. 5 в. и др. доб'ли 5 в. муд'ре 6 а. ск'рываите 19 в. избав'ламе. 13 в. и др.

Какъ понимать употребленіе кавыки во всѣхъ этихъ случаяхъ? Можно ли сказать о ней и здѣсь, что она означаетъ пропускъ вокала, какъ это напр. въ начертаніи *в'р'на*?

Мы разсмотримъ кавыку въ плавной группѣ отдѣльно отъ употребленія ея при иныхъ условіяхъ, при этомъ отдѣльно корни — *р* и корни — *л*.

І. Корни — *р*. а) *вр* — бесм'рт'нага. Прежде всего можно полагать, что кавыка въ словахъ подобнаго рода есть отголосокъ старословенскаго оригинала: выше мы старались показать, что настоящая форма подобныхъ корней въ старословенскомъ необходимо предполагаетъ вокалы *е*, *ь* предъ *р*, и тотъ, и другой по общему правилу писцовъ могъ быть обозначаемъ надстрочнымъ знакомъ: слово бесм'рт'нага или бесм'рт'нага могло быть одинаково правильно выражено: бесм'рт'нага, бесм'рт'нага.

Но, можетъ быть, кавыка въ нашей рукописи есть дѣло руць сербскаго писца XIII вѣка? Можетъ быть, она въ начертаніи: бесм'рт'нага указываетъ на выговоръ писца? Другими словами, не стояло ли въ оригиналѣ *мрт* и только писецъ XIII в. уже при переписи, желая облегчить пониманіе неясной, но освященной обычаемъ постановки *ь* послѣ *р*, поставилъ кавыку на-лѣво отъ *р*? Не слышался-ли и въ сербскомъ языкѣ XIII в. въ извѣстныхъ словахъ плавной группы вокалъ предъ *р*, какъ это было въ старословенскомъ и имѣеть мѣсто въ русскомъ, польскомъ, лужицкомъ, словинскомъ, болгарскомъ?

Остановимся на правописаніи словъ мягкой плавной группы въ рукописяхъ сербской редакціи приблизительно того-же времени, что и рассматриваемая минея, затѣмъ въ старыхъ грамотахъ латинскихъ, относящихся къ сербскому племени, и въ первыхъ памятникахъ народнаго языка, славянскаго и латинскаго письма.

Въ сербской кормчей 1262 г., писанной сербомъ Богданомъ въ Зетѣ, на югѣ Сербіи (сама же кормчая, по утверженію

проф. Павлова, есть переводъ св. Саввы съ греческаго оригинала не ранѣе половины XII вѣка, съ чѣмъ, впрочемъ, не согласенъ проф. Ягичъ. Starine VI., слѣд. есть плодъ литературной дѣятельности *сербской*) мягкая плавная группа изображается не только согласно обычному правилу писцовъ, но и *на русскій ладъ*: *сопз + ь + р*, при чемъ *р* имѣетъ иногда на-право второй *ь* или кавыку, какъ это и въ старословенскихъ рукописяхъ, и притомъ — этотъ рядъ, частый въ началѣ, рѣже и рѣже къ концу. Примеры русскаго ряда суть слѣдующіе:

вѣрх: ба свѣршена и чловка свѣршена. 13. а.

вѣрт: въ вѣртоградѣхъ. 241 б.

дѣвр. двѣрникъ. 239 а. прѣвными двѣр'ми 241 б. и др.

жѣвр. пожѣрь. 19 б. 70 а. б. жѣршихъ. 33 б. пожѣрте. 69

б. w жѣрьцихъ 40 б.

мѣр. оумѣрь. 277. б. — ше. 33 б. шоу. 99 б. 130 б.

—шихъ. 26 а. 27 а. оумѣр'ши. 277 б.—шихъ. 341 а. оумѣрша

158 а. 246 а. — шоу. 75 а. 87 а. 125 б. — шаго 114 а.

—ши 185 б. — шею. 185 б. 353 а.—шихъ. 114 а. оумѣры.

207 а. 250 б. 239 б.

пѣра. пѣраго. 1 б. — омоу 75 а.

пѣр. соупѣрника 122 б.—оу 129 б.—оу (Dual.) 135 а.

255 а.

стѣр. простѣр'ши. 251 а.

тѣврд. оутѣврдивше 1 б. оутѣ' (переносъ) ждага 3 б. оутѣ (переносъ) рди. 6 а.

цѣрк. цѣрки 8 а. цѣркове 47 б.

чѣрн. о чѣрноризицихъ 36 б.

четѣврт. четѣвртаго 5 б. четѣвртѣвмъ. 49 б. четѣв (переносъ) ртѣвмъ. 6 а.

Принимая во вниманіе, что обычное правописаніе старословенскихъ рукописей (*сопз + р + ь*) составляетъ правило въ кормчей св. Саввы, наоборотъ русскій рядъ составляетъ исключеніе, я полагаю бы, что Савва, переводя греческую кормчую XII вѣка, видѣлъ въ первомъ правописаніи необходимую принадлежность церковнаго письма: его же интересъ заставлялъ ни въ

чемъ не удалаться отъ того, что принято было въ церкви. Если же онъ отступилъ отъ освященнаго обычаемъ правописанія, то могъ это сдѣлать безсознательно, подѣ диктовку своей родной рѣчи; слѣдов. въ опискахъ св. Саввы—*вокала передъ р*—указаніе того, какъ писалъ бы простой сербъ, если-бы высвободился изъ-подъ шеполы книжниковъ.

Если же отступленія суть описки Богдана (на это, кажется, указываетъ то обстоятельство, что онѣ часты въ началѣ и рѣдки къ концу, кромѣ отвердѣвшихъ уже давно въ правописаніи *ь* предъ *р* корней—*мър, нър, дьвр*), то и въ этомъ случаѣ мы получаемъ тотъ же результатъ: Богдану было неясно правописаніе (оригинала) — *сопз + р + ь*, и онъ началъ было измѣнять его, но для чего? очевидно, чтобы приладить его къ своему выговору, ставя вокаль впереди *р*, неясное сдѣлать яснымъ; но потомъ остановился.

Такъ образомъ, я полагалъ бы, что и для серба XIII вѣка — будь онъ Савва или Богданъ — въ плавной группѣ, гдѣ старословенскій и русскій языки знаютъ *е, ь* впереди *р*, слышался также *вокала предъ р*: онъ обозначалъ его *ь-мъ* или *кавыкой*, правда, въ немногихъ относительно словахъ, но количество не рѣшаетъ, и эти описки, отступленія 1262 г. приобретаютъ тѣмъ большее вниманіе, чѣмъ согласнѣе они идутъ съ правописаніемъ другихъ сербскихъ рукописей, находя въ этихъ послѣднихъ свое оправданіе и поясненіе. Дѣйствительно, правописаніе—вокаль предъ *р* въ рассматриваемой группѣ — дается съ XI вѣка и является въ памятникахъ самаго разнообразнаго содержанія, разнаго времени и мѣста.

Въ латинскихъ грамотахъ Далмаціи:

ер. *бьрд*: Berda (Kukul: «Cod. dipl.» I. 138)

дырн: Dernicius (157)

първ: Peruane, —пне (103. 113)

сьрб: Seruie (105)

чьрм: Cerminicus (137)

чьрн: (цьрн): Zerni. Cerni. Cerne. Cernesi,—са. Cernata (178. 170. 166. 110. 110. 177).

ir. *вьрб:* Virbiza (214)

дырж: Dircislaum,—но. Dirsislai (96—97. 129).

зырн: Zirno. Zirnugo. Zirnounyze,—niza (156. 175. 174.

177)

пырв. Piruanego (120)

тырп: Tirpimir (153)

чырн: Cirnecha,—nota,—nechie (157. 176. 188).

ар. *бырд:* Barda (98)

пырв: Paruacca (107)

тырп: Tarpoua (96)

чырн: Carni (180).

Итакъ, грамоты XI—XII вѣковъ словенорусское сочетаніе ер
(ьр) изображаютъ: обыкновенно—*er*, *ir*, рѣже *ar*.

Въ сербскомъ евангеліи до 1200 г. (Влъкановомъ): свѣр-
шившимъ се. дверьница—одинъ разъ—но вездѣ дври. жеречьскъ
(Срезн. «Свѣд.» II. 32).

Въ «Легендѣ о св. Екатеринѣ» (перг. руч. XIV, югосл.
ак. № 317).

er: uerzena pod tuardi zatnori. 5 a. uerse 5 b. (въ приему
съ rastrese = rasterse?). suersilla. 5 b. suersila 6 b

ar (чаще) darxavah. 1 a. uzdarxa. 2 b. varsti. 1 b. pagsi.
2 a. varse. 2 a. и пр.

Въ Никольскомъ евангеліи (XIV в.) вездѣ *двари* (5 а.
36 б. 35 б. 44 б.) при обычной замѣнѣ ь, ѣ знакомъ *a*: маз-
доу. тажно. дашери.

Въ босанскомъ Новомъ Завѣтѣ Хвала вездѣ *двари*. оумар,
оумари,—марыша и т. д. т. е. послѣдовательно $\sqrt{\text{мыр}} = \text{мар}$.
(Starine. III. 32).

Въ псалтырѣ Църноевика 1495 года: с'рдца (пс. 20)
чървь (21) оумьртвитии (36).

Въ сборникѣ апокрифическихъ сказаній на простонародномъ
языкѣ 1520 года (рук. югосл. Ак. № 542) всегда *ар*: смарть.
доваршати. царленѣ. 1 а. дарво. парви 1 б. Барнардо. 14 а.
Гаргурь. 17 б. и т. д.

Въ александрейдѣ Лобковица, XVI в. (изд. Ягичемъ —

Starine. III): смартю. 221. сарци. чарна. 224. неисчарпено (= неизцарплена въ Алекс. XVII в.) 216. и др. Особнякомъ: цриквн. 241—42. црикав. 243.

Считаю излишнимъ приводить примѣры изъ писателей Далмаціи XVI—XIX вѣковъ: правописаніе *ar*, гдѣ русское *er*, неизмѣнно жило до нашихъ дней. Замѣчу только, что правописаніе *ar*, гдѣ теперь *r*, уже потому, что согласно съ общимъ духомъ сербскаго языка—глухой вокаль возводитъ къ *a* (чрезъ рядъ промежуточныхъ звуковъ—ъ, е, о), предполагаетъ для себя разумное основаніе—въ говорѣ народѣ. Его оправдываетъ и физиологическое свойство плавныхъ развивать при себѣ глухой звукъ, если его не было прежде, и затѣмъ возводитъ его къ *a*: ср. русск. аржаной и «за що се арву међу собомъ» въ сербско-дубровницкомъ сборникѣ 1520 года (2 а.).

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго я позволяю вывести слѣдующее заключеніе: въ памятникахъ сербскаго языка—значительныхъ или незначительныхъ, старыхъ или новыхъ, славянскихъ или латинскихъ, въ словахъ плавной группы съ *er* въ русскомъ (старослав.), вокаль *передъ r* составляетъ обычное явленіе, при томъ *e*, *i* въ болѣе старое время, а въ болѣе новое; но есть памятники (Лег. св. Екат.), гдѣ соединяются *e*, *a*. Твердо державшееся одно и то же правописаніе на пространствѣ многихъ вѣковъ, не смотря на весьма различныя литературныя условія образованія и развитія письменнаго сербскаго языка на востокѣ и западѣ, показываетъ, что оно имѣло свои основы въ языкѣ народа: *языкъ всегда зналъ вокаль предъ r*.

Этотъ выводъ оправдываетъ и поясняетъ попытки писца кормчей 1262 года писать на «русскій» ладъ и позволяетъ предполагать, что разстановка кавыкъ въ словахъ плавной группы (*er*), согласная съ употребленіемъ ихъ въ старословенскихъ рукописяхъ, особенно русской редакціи (Остромиръ и др.), въ сербской минеи XIII вѣка есть дѣло сербскаго писца, что кавыками онъ желалъ сдѣлать болѣе доступнымъ пониманіе текста старословенскаго для своихъ сербовъ, приблизивъ правописаніе его къ требованію роднаго языка. За это говорить и то обстоятельство, что

ни въ одномъ старословенскомъ памятникѣ не проведено въ столь широкихъ размѣрахъ измѣненіе правописанія *sons + p + ь* (*ъ*) на *sons + ь + p*.

б) *зр.* Что значить кавыка въ ск'рбехъ бѣлградской минеи?

Выше было замѣчено, что старословенскій языкъ не различалъ въ плавной группѣ *ор* и *ер*, какъ это знаетъ русскій языкъ. Очень рано смѣшалъ эти два сочетанія и сербскій языкъ: по крайней мѣрѣ памятники языка не знаютъ различія ихъ, изображая ихъ одинаково. Въ Кормчей 1262: *ѡтъргноути*. 13 ѡ.,—въ легендѣ о св. Екатеринѣ: *barzo*. 46. *gardī* 2 а. 3 а.; въ алекс. Лобк. растаргоше. 223. *барзо*. 224. *прискарбну* 223 и пр. Одинаковый способъ передачи сочетаній *ор*, *ер* при помощи *ьр—ар*, не говоря о современномъ языкѣ, указываетъ на тождественность произношенія словъ = русск. *борз* и *бердо*. *ор* въ алекс. Лобк въ словѣ: *коркодилови*. 235. 251 не можетъ имѣть значенія: оно развилось изъ *зр*.

Итакъ, кавыка въ словахъ: ск'рбехъ, м'рътви имѣетъ одинаковое значеніе.

II. Корни *л. а)* *ьл.* Примѣры сочетанія *sons + л + ь* (*ъ*) тарословенскихъ рукописей я не нашелъ въ бѣлградской минеѣ. Что въ сербскомъ языкѣ существовало сочетаніе *ел* въ словахъ, какъ напр. русское *желвакъ*, показываетъ слово *жълъвы* въ кормчей 1262 г. (f. 261 б), затѣмъ присутствіе этого сочетанія въ болгарскомъ языкѣ («желта бяла куманита» изъ пѣсенъ, собранныхъ пр. Дриновымъ), словинскомъ, чешскомъ (*želv*), польскомъ. Нынѣ вм. *ел* — *оу*: *жут* изъ *желт*, какъ *вук* изъ *волк* (см. ниже). Образованіе формы *жут* ясно: подъ вліяніемъ *ж е* перешло въ *о*, и сочетанія *ел*, *ол* слились въ одно. Что дѣйствительно между *жут* и *желт* должна была существовать переходная форма **жолт*, показываетъ дошедшее до насъ въ формѣ переходной эпохи слово *жодити* = старослов. *жльдьти*, теперь *жудјети*. Ср. слов. *žolpa*.

б) *ал.* Кажется, существовавшее нѣкогда въ старословенскомъ языкѣ сочетаніе *ол* (оно есть въ словинскомъ, кайкавскомъ) очень

рано получило въ произношеніи глухой характеръ, т. е. его постигла таже судьба, что и сочетаніе *ор*.

Но въ старосербскомъ извѣстно сочетаніе *ол*. У византійцевъ мы находимъ сербскія слова съ *ол*: волк, столп, воулчин, вулкодлак (Mikl. V. Gr. I. 303). Что эти слова могли попасть въ византійцамъ отъ сербовъ, помимо чужой «болгарской» средины, какъ предполагаетъ Миклошичъ (*ib.*), показываютъ старыя латинскія грамоты Далмаціи, нѣкоторые памятники, рѣчь на островахъ Адриатическаго моря и кайкавское нарѣчіе.

волк. Vulcano. (Kukul. «Codex diplom» I. 142). Vulcinnā. 215. Volcinnā. 137. Но: Vellchiza 160.

холм. Zacholmie. 109 два раза. Zachulmie 105. 110. Chulmorum. 76.

Въ Псалтыри Църноевикъ: вѣлнь (пс. 66). сьлнцемь. 139.

Въ Александр. Лобковица, но съ постояннымъ измѣненіемъ *о* на *у*: вулхва Starine III. 220. вулка 221. сулице 227 (ср. слолице въ Еванг. до 1200 г. два раза. Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32, въ чемъ я вижу графическій метатезисъ). напулиць се 236.

Въ грамотахъ, изданныхъ Кукулевичемъ и Миклошичемъ: хомскои. товъ. дѣожанъ. дуога.

На островахъ Далмаціи говорятъ *volna* = волна. Тоже *ol* въ именахъ собственныхъ (Jagić «Gr.» 23. прим.). Въ сербскомъ *присоје* Миклошичъ готовъ видѣть корень *сол* слова солнце (Ver. Gr. I. 304).

Принявъ во вниманіе, что *Х*, требующее сильнаго напряженія мускуловъ языка, у большинства славянъ обыкновенно переходитъ въ *у*, *в*, что въ старыхъ глагольскихъ служебникахъ конечное *Х* въ причастіи замѣняется *в*: *пошав*. *моав*. *разаслаз* (Jagić «Gram.» 73), не трудно понять, какъ изъ стараго *волк* могло образоваться современно *вук*: волк, воук, вѣк, вуок, вук. У кайкавцевъ *вок*.

Такимъ образомъ, по моему крайнему разумѣнію, старый сербскій языкъ зналъ сочетаніе *ол*: *мунија* предполагаетъ форму *моунија*, *молниа*. Въ виду этого я полагалъ бы, что когда писецъ минеи XIII в. ставилъ кавыку (точку) въ словахъ: м'л'ни.

в'лх'вомъ у л, то этимъ онъ желалъ обозначить не глухой звукъ а, в, а чистое о или у, если эти знаки не принадлежали уже оригиналу (ср. исп'лѣни въ Супр. рук. *дальжале* въ Макед. ластѣвъ Иоан. Екз.—Срезнев. «Пам. юс. п.» 42).

II. Кавыка внѣ плавной группы.

Въ словахъ: изб'ран'ны, зак'лалъ и др. кавыка можетъ быть разсматриваема, какъ память о коренномъ звукѣ: бър, къл; но принимая во вниманіе рѣдкую склонность сербскаго языка въ развитію новаго вокализма при р, л: 'нарав вм. нрав, малин вм. илин. (Jagić. Gram. 25), кавыка можетъ имѣть и фонетическое. спеціально сербское основаніе.

Если въ разсматриваемыхъ досадѣ случаяхъ употребленіе кавыкъ при р, л имѣло свои основанія въ языкѣ, если кавыка объяснялась, какъ указатель извѣстнаго вокализма слова, то есть вѣроятіе предполагать, что и въ реченіяхъ минеи: к'ръвию. к'ръцоу. вып'лщесе, которымъ въ русскомъ и старословенскомъ отвѣчаютъ слова съ слѣдующею послѣдовательностью первыхъ трехъ звуковъ: сопс + р, л + о (ъ), е (ь) — *кровь, крестъ, плоть*, кавыка стоитъ не безъ основанія. Въ современномъ сербскомъ эти слова являются въ формѣ: *крв* (т. е. к'ръв), *крст* *пум*. Постараемся же опредѣлить взаимное отношеніе формъ этихъ словъ въ старословенскомъ (русскомъ), въ минеи и нынѣшнемъ сербскомъ: *кровь*—*к'ръвь*—*крв* и т. д.

Кровь. крестъ. Выше мы упоминали не разъ о томъ, что при плавныхъ *г, л* весьма часто развиваются новые этимологически необъяснимые вокальные элементы—явленіе, которое имѣетъ мѣсто въ любой семьѣ человѣческаго рода, начиная съ санскрита и кончая мадьярскимъ: *rug'šam* (изъ *ragāsa*—*ragša* √*rag*), *kegeszt* изъ слав. *крестъ*. Это паразитное вокальное усиленіе слога I. Шмидтъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Къ исторіи индо-европейскаго вокализма» (II-ой т. 1875) назвалъ терминомъ санскритскихъ грамматикъ — *svarabhakti*. Паразитъ-вокаль развивается легче впереди плавныхъ, чѣмъ за ними и старается уподобиться слоговому вокалу (см. упом. книгу Шмидта. 4. 299).

Сварабакти объясняетъ существованіе въ старословенскомъ

языкъ формъ полногласныхъ или наполю — полногласныхъ: *пелена* три раза въ Клоц. гл. вм. плѣна, мѣст. *который* чередуется съ *котерый* при малорус. общей имъ обоеихъ формъ *котрий*. *сребро* при обычномъ *сребро*; въ иностранныхъ словахъ: Тарсъ въ. Тарсъ и др. (ср. Микл. «V. Gr.» I. 89. 90); особенно любопытно выраженіе въ сербскомъ евангелии до 1200: въ *караванъ* = гр. ἐἰς τὸν κορβανᾶν (Срезн. «Свѣд.» II. 32). Сюда же должно отнести правописаніе: *мырь*, *жырь* и пр. (см. выше), если второе *ь* не есть остатокъ первичнаго, чуждаго правописанія старослов. памятниковъ.

Сварабакти мы видимъ въ чешскомъ языкѣ: *Jěřabek* въ *řabek*, *rolona* въ старыхъ библіяхъ = русск. *пелена* (Jirešek, «Časop. Mus». 1875. 413), но въ словацкомъ *plen*, *plena* (Bernolák). *cerep* (ostra) въ *Mater verborum* (fol. 235); тамъ же *pelest* = discolor (f. 360), слово, употребляющееся и теперь въ кърконошскомъ нарѣчїи: *pelesa*, *pelesta* = пестрый жукъ. У словаковъ *peles* = brloh (Bernolák) при *pleso* = hlubina, *plaňa*, *kotlina* (ib), откуда названіе извѣстныхъ горныхъ озеръ въ Татрахъ. Чеш. *harb* вм. *hrab*, р. грабъ, какъ болг. *старна*, *старна*, греч. χαλαζα при лат. *grando*, р. градъ.

Особенно свободно развилось сварабакти въ литовскихъ нарѣчїяхъ и русскомъ языкѣ. Изъ литов. *galwa* развилось латыш. *gal-ā-va*, какъ, по всему вѣроятію, изъ общеславянскаго **юлова* — русск. *юлова* чрезъ посредствующую форму этого и другихъ подобныхъ словъ, сохранныю въ Смоленской грамотѣ 1228 г.: за голъву, холъгъ, зольта. Ср. дол-ѳ-гъ, под-ѳ-нъ. Сюда же относятся образованія: оржаной (арж.), Орша изъ Ръша и др.

Естественно, сварабакти мы ожидаемъ и въ сербскомъ языкѣ. Правда, въ противоположность русскому языку, онъ при извѣстныхъ условїяхъ развилъ сторону, противоположную сварабакти, что можно было бы назвать *вокальною скрадываемостью*: ир (мър) — мер, грд (гърд) — горд, пладнїе изъ *пол* и *дн* и др.; за то при другихъ, онъ сильнѣе русскаго чувствуетъ необходимость воспользоваться услугою сварабакти — особенно въ конечныхъ слогахъ: *добар*, *храбар* изъ *добр*, *храбр*; *земаль* — *земалѣ*,

шар, вестар, —а и т. д. (Даничић, «Исторія облика». 79 и слѣд.).

Если мы обратимся къ памятникамъ стараго языка, то изъ нѣкоторыхъ указаній ихъ можно полагать, что хотя современный языкъ знаетъ сварабаки при *р*, *л* въ видѣ *а*, старый — пользовался еще звукомъ *неопредѣленнымъ*. Постоянность образования новыхъ явленій, наблюдаемую всюду, нельзя не допустить и здѣсь. Она необходима, если вспомнимъ сущность сварабаки въ первоначально неопредѣленномъ или глухомъ звукѣ*).

Въ сербо-болгарскомъ сборникѣ XIII в. въ Берлинѣ: Тоурьсь — Тоурась. нравъ — злонорьнивыхъ («Starine». V. 61. 63. 89) — соврем. нарав. Форма *нравъ* показываетъ на старое *нравъ* какъ на свою исходную точку, такъ что между соврем. сербск. формой *наравъ* и русск. *норовъ* — случайное совпаденіе вокализма и никакой исторической связи, чего не желаетъ видѣть Шмидтъ (op. cit. 143). На ту же посредствующую форму — *норавъ* — указываетъ слово *коракъ* изъ *крак*.

Въ сербской псалтыри 1346 г. сварабаки въ видѣ *о*, трехъ второкъ (Mikl. «Starine». IV. 30), необходимо = глухому звуку. Въ словахъ: *вьръме* серб. еванг. до 1200 (Новиковић «С археолошке изложбе» 29), *чьрънь* коричей 1262 г. (68. b), *ь*, *е* предъ *р* суть указатели развивавшагося сварабаки. Правда, нѣкоторыя старія рукописи знаютъ уже *а*, гдѣ мы бы ожидали сварабаки въ видѣ неопредѣленнаго звука: нѣк. еванг. — о роде невѣраны; рук. Хвала — Маравъ; но равновѣсіе сербскаго вокализма (*вѣранъ* — *вѣрна*) не дозволяетъ это *а* считать дѣйствительнымъ *а*.

Если, наконецъ, сербское вставочное *а* при всякомъ стеченіи консонантовъ (*дан*, *агенат*), въ виду черногорскаго нарѣчія и свидѣтельства памятниковъ, необходимо ведетъ свое начало изъ сербскаго *глухаго звука* (черезъ *е*, *о*); то, по аналогіи, естественно

*) Санскрит. сварабаки =, по Whitney'ю, англ. вокалу въ *but*; по Бенсеню = въ бактрийск. *dadareca* (Schmidt. op. cit. 3).

заключатъ (еслибы отсутствовали всякія другія указанія), что па-
разитъ *a* при *p*, *л*, прежде чѣмъ онъ достигъ своей настоящей
формы, прошелъ нѣсколько промежуточныхъ формъ — начавъ съ
глухаго. Этими промежуточными формами, вѣроятно, были *e*, *o*, на
каковой степени народный русскій языкъ: храберъ, храборъ. Поэто-
му я полагаю, что серб. храбар: р. храборъ: храберъ = польское
czarna: в.луж. *čorna*: рус. черный. Т. обр. сварабакти *a* разви-
лось, по моему убѣжденію, изъ первоначально глухаго. Примѣ-
нимъ этотъ выводъ къ опредѣленію взаимнаго отношенія формъ:
кровь—*к'ръвь*, *крв*; *крестъ*—*к'ръствъ*, *крст*.

Возьмемъ слово *креста*. Оно нѣмецкаго происхожденія, и
сербъ, заимствуя его изъ старословенскаго, произносилъ его въ
началѣ такъ, какъ выговаривалось оно въ языкѣ-источникѣ, т. е.
креста. Но при соприкосновеніи *k* — *p* легко сталъ разви-
ваться при *p* паразитный звукъ—и именно въ видѣ неопредѣ-
леннаго тона: **кврест*. Развивши новый слогъ, языкъ пере-
несъ на него удареніе, какъ на первый слогъ, а старое *e*,
ослабѣвшее въ силѣ произношенія, стало болѣе и болѣе глухнуть,
пока не исчезло совершенно изъ языка. Такъ изъ стараго *креста*
развилась современная форма слова—*крст* (т. е. кѣрст); но по-
средствующая форма—*кврест* (ср. мад. *kegeszt*). Тотъ же про-
цессъ вокальнаго измѣненія коснулся и словъ семьи *кровь*. Изъ
старословенскаго, русскаго, польскаго и др. я заключаю о нѣ-
когдашнемъ существованіи этого слова въ формѣ **кров* или *крово*
и въ сербскомъ. Изъ *кров*—кѣров — кѣрѣв — кѣрв = *крв*. Но
такъ какъ паразитъ *v* развивается легко до *a*, поэтому естественно
полагать, что изъ кѣрст можетъ развиваться форма *карст*, изъ
кѣрв — *карв*. И дѣйствительно, эти формы мы встрѣчаемъ у
сербо-далматинскихъ писателей разныхъ вѣковъ. Ясно, что пиша
такъ, они не руководились однимъ произволомъ. Въ Воснѣ по
Бупѣ говорятъ *карв*, какъ сообщилъ мнѣ г. Кукуловичъ. Въ
ближайшемъ къ сербскому словинскомъ языкѣ аналогическое чередо-
ваніе *er*—*ar* (*e* = сербск. глухому): *kerdelo*, *perst* — *kardelo*,
parst (Janežič «Slovn.» § 32 а). Такъ какъ слова плавной
группы отождествились съ словами сочетанія: *sons* + *r* + *vos*

(бърдо, бърз—кърст, кърв), поэтому сварабакийныя формы старых писателей и некоторых говоров: чарни, царни, варх, *даржати* и др. объясняются также, какъ *карст*, *карв*.

Разъ смѣшавъ ряды: *sons + o*, *e + r* и *sons + r + o*, е въ одинъ: *sons + ъ + r*, сербъ вгоняетъ въ него слова съ любимъ вокаломъ *poslъ r*: *трпеза* (*трѣпѣца*, *трѣпеза*), *прѣија* (*прохѣбн*), *дриниц* (*дринѣн* = *лѣсъ*, въ Далмаціи), *krčiti* изъ *krčiti* и пр.

Возвращаясь къ минеи XIII в., я полагаю, что писецъ, пиша: к'ръщюу, к'ръвию и т. д., кавыкой желалъ указать на современное ему произношеніе старословенскихъ (сербскихъ въ былое время) словъ *креста*, *кровь*—съ глухимъ передъ *p*.

Плоть, въ минеи *п'льтскою*, теперь *пут*. Чтобы *пут* образовать изъ *плоть*, въ виду *вук* изъ *волк*, необходимо предположить, что между ними была посредствующая форма **полт*. На это указываетъ словинскій языкъ: *роѡt* = *роѡt* = *плоть*. Мѣна легкая—изъ ряда менѣе частаго (*lo*) въ рядъ болѣе частый (*ol*). Если это такъ, то мы имѣли бы примѣръ атракціи сочетанія: серб., словин. сохранили *ol*, *el*, не смѣшавъ оба сочетанія въ одно—*vl*, какъ это случилось съ *or*, *er*, и оттого могли измѣнить *lo* въ *плоть* на *ol*—*полт*; смѣшавъ—была бы форма **пвлт*, какъ въ старочешскомъ. Впрочемъ, могло имѣть мѣсто и сварабаки.

Так. обр., кавыка въ словахъ: *п'льтскою*, *п'льщесе* минеи, прилаживая старослов. правописаніе къ сербскому выговору, означаетъ, по моему мнѣнію, не глухой звукъ предъ *л*, а *o*.

Перехожу теперь къ другимъ просмотрѣннымъ мною рукописямъ бѣлградскаго музея.

№ 188. Пергамен. евангеліе, апракосъ, безъ конца, сербской ред. По каталогу, начала XIII в. *л* = *е*, но вездѣ *ѣ*, *ѣ* (*рѣд*-*ко ѣ, ѣ*). Безъ знаковъ. *ы*, *и* постоянно смѣшиваются, т. е. писецъ зналъ одно среднее *и*: близь 7 а. мнозы 14 а. дышетъ 6 а оуслишати 30 в. Р твердый, гдѣ мягкій, и на оборотъ: створоу 80 в. рюцѣ 87 а. оружиень. 90 а.

№ 177. Пергам. четвероевангеліе, полное, сербск. ред. XIII

в. и среднее: жени своимъ. 2 б. мѣди 8 б. рѣданные. 4 в. Мѣна *ou*—*въ*: въ насъ 33 а. въчнеть 44 а. просѣшимъ въ него 12 а. л среднее: землоу 4 б. прѣлоуби 6 б. люкавомоу 28 а. надстрочное ' = глухому: т'ла т'литъ 10 а. ж'ноуть. 10 б. и др. Въ группѣ плавной есть «русская» система: оумьрьшоу. 4 б. простьрь 13 б. 28 б. 35 а. м'львещъ 18 а. жьрьчьскы 78 б.—жь 79 б. вьлаесе вьлнами 34 б.

Никольское евангеліе. Рѣдкая рукопись по изящности письма, блестящему пергамену, формату — in 8, въ родѣ краледворской рукописи. Оно давно издано г. Даничечемъ. Я прочелъ рукопись сравнительно съ этимъ изданіемъ и отрывками новаго завѣта 1404 г. «Хвала крѣстьянина» изъ Босны (въ «Starinach» III. 1—146): оба памятника одной руки. Замѣтки свои объ этомъ знаменитомъ памятникѣ слав. письма боснійской (патаренской) школы ограничу нѣсколькими словами.

Въ рукописи ник. еванг. вездѣ *щ*—въ изданіи *шт*. Правда, въ устахъ Хвала *щ* = шт.; но если текстъ есть переписанъ съ глагольскаго, то присутствіе *щ* въ копіи говорить о *щ* въ оригиналѣ.

Въ рукописи нѣтъ наименованія евангелій, раздѣленія на главы. Если озаглавливать евангелистовъ, то слѣдовало бы держаться системы переписчика: л. 137 а. «евнѣлие Ѡ ивна».

Изданіе не даетъ и предчувствовать тонкой и изящной работы рисунковъ, которыми украшена рукопись: а они вьладѣ въ исторію живописнаго дѣла въ Сербіи.

На начальной страницѣ каждаго евангелія—широкая виньетка, красками, съ слѣдами золота. Особенно любопытны виньетки: 1 а, 47 а—въ нихъ можно различить корону.

Начальныя буквы евангелій въ романскомъ стилѣ.

Наконецъ, предъ каждымъ евангеліемъ на оборотной сторонѣ предшествующаго листа — еванг. символы. Предъ Матвѣемъ (1 б): ангелъ, рисованный красками и золотомъ, съ золотою надписью: мтевндтъ; внизу — виноварью: «вниги рождьства». Предъ Маркомъ (46 б): крылатый красный левъ, съ сіяніемъ во кругъ головы. Тотъ же левъ въ инициалѣ маркова евангелія:

черный драконъ обвилъ краснаго льва, стоящаго на заднихъ лапахъ; на головѣ же льва стоитъ женщина съ книгой. Не для женщины ли (королева Восны) писано евангеліе? Предъ Лукой (79 б.): крылатый телець, съ сіяніемъ, держитъ красную книгу. Предъ Іоанномъ (136 б) орель съ золотымъ сіяніемъ, съ подписью: «образъ стго иовна».

Изъ значительнаго собранія югославянскихъ инкунабулъ въ музеѣ я прочелъ църноевичевы изданія: псалтырь, октоихъ (оба 1495 г.) и бесарабово евангеліе 1512 года. Зетскія изданія были интересны для меня, какъ обращикъ языка и печати первыхъ сербскихъ книгъ; евангеліе 1512, какъ обращикъ первопечатанныхъ книгъ валахо-славянскихъ. Языкъ предлагаетъ тѣ же явленія, что и соотвѣтствующія рукописи. Отмѣчу въ псалтыри Църноевича слѣдующія выраженія: чръвь. гърдине. оумървити. сълицемъ. волнь (см. выше). Имя издателя всегда—църноевыкъ (или—икъ).

Что касается библиотеки Ученаго Общества, то значительное собраніе рукописей имѣетъ особенно литературный интересъ: ср. напр. матеріалы для югославянской письменности народной, напечатанные г. Новаковичемъ въ «Старинахъ»; для моихъ филологическихъ вопросовъ рукописи Общества имѣли второе значеніе. Эти рукописныя евангелія, апостолы и др. церковныя книги, болгарской и сербской редакцій, не прибавляютъ существенно важнаго къ тому, что уже извѣстно изъ другихъ рукописей того же рода.

11 Ноября я уѣхалъ изъ Бѣлграда. Мой путь лежалъ Дунаемъ, Дравой въ Осѣкъ, откуда въ Загребъ. Въ Загребѣ я пробылъ по $\frac{5}{17}$ декабря и занимался рукописями Югославянской академіи и нѣсколько забытымъ вайкавскимъ нарѣчіемъ.

Самая интересная для меня рукопись была зетская кормчая 1262 года (№ XXVI) изъ бывшаго собранія Михановича. Она обстоятельно описана и оцѣнена проф. Ягичемъ (Stagine VI. 60—111) и названа имъ иловичской кормчей: но удобнѣе ее назвать зетской—этимъ сразу указывается мѣсто ея происхожденія. Писана она сербомъ, для сербовъ, въ южной Сербіи, съ оригинала, переведеннаго, по мнѣнію проф. Павлова. св. Саввой—сербомъ—не задолго до нашей переписи (Савва—1234); но въ

ней встрѣчаются особенности, которыя отличаютъ ее отъ другихъ сербскихъ рукописей—болѣе или менѣе. Обь одной изъ такихъ особенностей была рѣчь впереди (рядъ: *sons + ь + p*),—теперь нѣсколько словъ о замѣнѣ *л* знакомъ *га* и о свободной, русской мѣнѣ глухихъ на соответствующіе имъ чистые вокалы.

1) Въ замѣнѣ *л* начертаніемъ *га* пр. Ягичъ («Starine» VI. 72) готовъ видѣть вліяніе русское. Но, можетъ быть, въ ней сказалось вліяніе какого нибудь югозападнаго говора. У Гекторовича нерѣдко *a* вм. *e* (Mikl. V. Gr. I. 298), мѣстами и въ другихъ памятникахъ: непригаль (дубровницкій сборникъ 1520 года, въ югосл. акад. № 542. 5 а.). Ср. Mikl. тамъ же. Вспомнимъ, что и въ древнѣйшихъ старословенскихъ памятникахъ есть случаи мѣны *л* на *a*: поучиша сѧ (gl. cloz. Срезн. «Гл. пам.» 200). отъ ба родишася (Assem. ib. 63) оудариша. поставиша. обличать (Пражскіе глаг. отр. ib. 41. 45. 43), и на оборотъ, сербизмы: жьней мьздѣ приемлете (Zoograph. ib. 144). оужасише ны (ib. 146).

2) *ъ—ь = о—е* (i) въ кормчей 1262 года: шбрѣтохо оубо (18 б). црковахъ (28 а). блоудо и (40 а); веселенскы (1 б.) проклюцьвьшихсе (19 б.) и пр. Кажется, и здѣсь можно видѣть вліяніе мѣстнаго нарѣчія. Въ влькановомъ сербскомъ евангеліи до 1200 г. *o, e* часто вм. *ъ, ь*: токьмо. ко мнѣ. дверьница. жеречьскъ. и т. д. {Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32), хотя тотъ же писецъ пишетъ *вань = вьнь* (ib. 21). Въ сербской рукописи бесѣдъ Еп. Константина Болгарскаго, 1286 года, въ Петербургѣ: начетокъ. точно. (Ягичъ въ «Star.» V. 37). Въ сербскихъ грамотахъ Миллошича безразлично: любвь, любовь, любавь, црьвь, цръкавь (Даничић «Исторія облика». 29. 44. 56). *ъ = о* при *a* въ легендѣ о св. Катеринѣ (XIV в.): *od nizoka roda* (3 б.). *gardobuo smuchiem* (4 а.); но: *dan.* (2 б.)—*prisadsi* (3 а.).

Изъ другихъ рукописей собранія Михановича я просмотрѣлъ сербскія гомиліи XIII в. (№ XXV) и терновское евангеліе (№ XXXV), XIII в. Евангеліе писано при патріархѣ Игнатіи въ Терновѣ, какъ значится въ записи; годъ погибъ; но если

вѣрить сербской переписи записи, рукопись писана въ 6721 году (=1213).

Изъ рукописей собственно сербскихъ, писанныхъ народнымъ языкомъ стараго времени, я прочелъ двѣ, о коихъ я уже говорилъ прежде: «Legendu sv. Katerine divice» (XIV в. № 317) и дубровницкій сборникъ 1520 года (№ 542), писанный католическимъ братромъ (амень) босанской кириллицей.

Кайкавское нарѣчiе занимало меня, какъ ближайшее къ стародавней Паннони, своимъ отношенiемъ къ «словѣнскому» языку Меоодiя, украшавшаго «прѣстоль стѣнъ цркви паноньскѣжж», говоря словами знаменитой минеи пр. Григоровича («служба Кири. и Меоодiю XII в. изд. Григор.» 1862. 16) — но оно очень мало извѣстно. Границы нарѣчiя, его грамматика, лексиконъ, отношенiе къ живымъ сосѣдямъ—все это почти открытые вопросы. Это «slovensko» нарѣчiе осталось въ забытiи, подъ влиянiемъ политическихъ событiй недавняго прошлаго, и голось послѣдняго защитника его—еп. Крiстiановича, не нашель сочувствiя.

Между Дравой, Савой, Альпами Краины и Славонiей живутъ кайкавцы—т. е. населяютъ Хорватiю. На сѣверъ они переходятъ за Драву—въ Паннонию, но поселенiя ихъ здѣсь рѣдки, и они смѣшиваются съ словинцами. Говоры такъ переплетаются, что трудно различить рѣчь сѣвернаго хорвата отъ рѣчи южнаго штирiйца. Географическое положенiе кайкавцевъ—съ сѣвера тиснутъ и тѣснили мадьяре, съ юга—сербы, хорваты, показываетъ, что они заняли свою нынѣшнюю страну не вчера: они не ускоки, не колонисты. Подъ двойнымъ напоромъ, особенно съ сѣвера, они въ теченiе вѣковъ могли много потерять изъ своей земли, но ничего не приобрѣсть. Эти соображенiя приводятъ къ мысли, что кайкавцы автохтоны бассейна средней Дравы.

Насколько позволяетъ судить старыи языкъ обывателей средней Дравы, сохраненный въ средневѣковыхъ историческихъ памятникахъ, кайкавцы всегда населяли страну на сѣверъ отъ Савы—къ Дравѣ и далѣе. Не входя въ доказательство этого положенiя, я укажу памятники, изъ отдѣльныхъ славянскихъ реченiй

которыхъ можно возсоздать обликъ старой кайкавщины, какъ исконнаго языка:

J. Zahn «*Urkundenbuch des Herzogthums Staiernmark*»

• I. Gratz. 1875 (грамоты 798—1192 г.)

Kukulevič «*Codex diplomaticus.*» I (по XII в.).

Tkalčič «*Monumenta historica episcopatus Zagrabienensis saec. XII et XIII.*» I. Zagreb. 1873 (грам. 1134—1299 г.)

II. *ib.* 1874 («*Statuta capituli Zagrabienensis*» saec. XIV).

«Финансовая вѣста Загреба», «Описание Загребской діоцезіи 1334 и 1501 г.» — въ «*Starinah*» IV.

Для знаменитаго Капитара кайкавское нарѣчіе было не только искони домашнимъ въ бассейнѣ средней Дравы, но болѣе того: онъ велъ его по прямой нисходящей линіи отъ паннонскаго языка св. Меодія (см. письмо его къ Кристіановичу въ кайкавской граматикѣ послѣдняго, р. XVIII, цѣликомъ въ 12 книгѣ «*Arkiva za povjestnicu jugoslavensku*» Zagr. 1875. 81). Въ письмѣ своемъ Капитаръ не указываетъ мотивовъ; но, не сомнѣваясь, его должна была остановить необыкновенная матеріальная близость кайкавскаго «словенскаго» нарѣчія и «словѣньскаго» языка. Къ этому заключенію пришелъ я, прочтя Габделича «*Vocabularium sclavonico — latinum*» (Gradec. 1670). Я укажу слова, или исключительно «словенско-словѣньскія», или тождественныя по формѣ и значенію въ обоихъ языкахъ (отчасти русскомъ) и только близкія въ другихъ, и при томъ, малую часть ихъ.

Bolvan idolum. буква *fagus.* черлыен *ruber.* czeu *tibia* (цѣвь, — ница). *iszker proxime* (искръ, — нь). *klupko glomus* (клубъко, но русск. клубокъ). *kvasz fermentum.* *mochi reliquiae.* *nagel,* *gla praesera,* *impetuosus.* *obel,* *blarotundus* (обль). *oberu cilium* (обрѣвь, обры). *oblast auctoritas,* *potestas.* *obrusz mappra* (оуброуць). *oklopi lorica* (оклопъ). *pache uero* (паче). *petel gallus.* *porrug singulum equinum* (попржга). *prepoloviti dimidio* (ср. церк. праздн. «прѣполовьеніе» *supr.* 432). *sveplo sulphur* (жоупель). *szila vis.* *szléd vestigium.* *szlovenszki sclavonicus.* *szlukan curvus* (сължкъ

inflexis, съдѣж incurvare). szochivo legumen (сочиво, у др. славянъ сочевица). szokach cocius. szokachnicza culina. szokachich (сокачій соquus и нигдѣ болѣе, но мад. szakács, рус. сокач). tat fur (отауно = отан). veruga circulus ferreus. vinograd vinea. urach medicus. vuham odora (жхати). vtetel, tla perforatus (жтлѣ). zabim obliviscor. zaradi toga hanc ob rem (ради). ziam hio (зяти).

Изъ этого указателя видно, что въ вайкавскомъ (словенскомъ) нарѣчїи есть не одно слово, встрѣчающееся лишь въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка, отчасти въ русскомъ: obgusz. petel. sverplo. szochivo. szokach. veruga. urach. vtetel и др. Если бы сравнительное изученіе звуковъ и формъ вайкавскаго нарѣчїя теперь и въ старину дало приблизительно тотъ же результатъ, который получается отъ лексикальнаго сравненія обонхъ «словенскихъ» языковъ—IX и XIX стол., то, принимая во вниманіе, что исторія образованія и распространенія *славянской* церкви, исторія начальной письменности *славянской* приурочиваются къ бассейну средняго Дуная, къ Панноніи, не много можно было бы возразить противъ мысли Копитара. Но это вопросъ будущаго; во всякомъ случаѣ, вайкавцы заслуживаютъ нарочнаго изученія.

Для ознакомленія съ современнымъ вайкавскимъ нарѣчїемъ мнѣ были весьма полезны, кромѣ грамматики Кристиановича и словаря Габделича, изданія Валявца: «Narodne pripovjedke u i okolo Varaždina» (Varaždin 1858), «Narodne pripoviesti iz susjedne Varaždinu Stajerske» въ «Jzvestje k. real. i viš. gimnazije» (Varažd. 1875. 1—46) и собраніе Курелца: «Jačke i ručke pesme.» Въ заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубокую благодарность г. Кукулевичу, предѣдателю академіи кан. Ф. Рачкому, членамъ ея: Шулеку, Матковичу и Ганелу за радужное содѣйствіе мнѣ въ моихъ занятіяхъ.

Изъ Загреба чрезъ Шопронъ я уѣхалъ въ Вѣну. Въ имп. библиотекѣ я просмотрѣлъ славянскія рукописи. Вольшинство старословенскихъ рукописей куплено отъ Караджича въ 1858 г. — это рукописи церковнаго содержанія, сербскія, довольно поздняго времени (XVI—XVII в.). Старѣйшая изъ старослов. рукописей

—это ирмосы (№ 37. 290 л.), «по видимому XIII в.», какъ отмѣчено въ каталогѣ. Крупный красивый уставъ, плотный пергаменъ заставляли нѣкогда относить эту рукопись ко времени Кирилла (Ганке). Какъ показываетъ письмо — рукопись русская и прежде чѣмъ попала въ Австрію, побывала въ южной Россіи.

Плавная группа имѣетъ правильно вокаль предъ *p*, *l* (*ь*, *е*); вокаль, заключающій въ русскомъ (и старослов.) сочетаніе *sonp* + *p*, *l*, на своемъ мѣстѣ: 1) *ŵ* перси. исчерва. простърль оумьрщвѣнне. 1 *b*. оумьрщваемъ 2 *a*. и пр.; *wбълъкъд* 3 *a* (= *wбълъкъл* 23 *a*.) дългъ 5 *b* жълчь — зълчи. 53 *a*. *b*. и пр. 2) кровию 20 *a*. крѣвию 5. *b*. окрѣвавивъ 5 *a*; брѣви 46 *b*. трѣми 12 *a*. вѣскрьсъ 3 *a*; плоть. 2 *a*. плтъь 6 *a*. изблѣва 57 *b*. Для опредѣленія значенія глухихъ здѣсь, должно имѣть въ виду, что *ь* — *о*, *ь* — *е* взаимно мѣняются: влѣю 18 *b*. оумьрщвенные ѣстьство 19 *b*. вѣпадъд 28 *a* волюю 41 *b*. 57 *b*. пожръ ма 45 *b*. заблуженимъ 19 *a*. и пр

На южную Русь указываютъ: употребленіе *ь* вм. *и* и на оборотъ: съкроуши гърдльнига 18 *b*. прѣстоль 5 *b*; мягкія послѣдц: прѣцю и влччицю 7 *b*. и *Imperat. mъ* въ I pl., вѣроятно, = *мо*: напр. поимъ гви 27 *b*.

Позднѣйшія записи изъ южной Руси: гну моему *пану* давшоу 151 *a*. помози *ги* рабу своему *петрови* 279 *b*.

Изъ славянскихъ рукописей латинскаго письма (немногихъ) я прочелъ подъ № 4733. Бумажная рукопись XIV ст., она заключаетъ въ себѣ по л. 49 чтенія изъ евангелій въ чешскомъ переводѣ; далѣе — латинское объясненіе гимновъ съ чешскими глосами. О чешскомъ текстѣ г. Иречекъ замѣтилъ («О рѣkladu sv. p.» 1859), что въ немъ есть слѣды *словацкаго вліянія*, но это еще подъ сомнѣніемъ. Языкъ старый, какъ и въ другихъ рукописяхъ XIV в.: *ō* = *uo*, рѣже *o* (*pyet ofstrowow* 4 *b*. dat. pl.—*om*). *и* вм. *au* (*s družynu* 1 *a*). *и* (*ju*), *a* въ *i*: *lydy*. 1 *a*. *kralygye* 1 *b*. *daffym waffym* 37 *b*. *ffcz* = н. *šť* и пр. Словацкое вліяніе можно бы видѣть въ употребленіи *o* вм. *e* напр. *som* *grawyl* 25 *a*. *b*.; но буквы *o* и *e* такъ похожи одна на другую, что, можетъ быть, вмѣсто *som* должно читать *sem*.

Вѣной я закончилъ свое славянское путешествіе. Остававшея еще въ моемъ распоряженіи время (ок. мѣсяца) я прожилъ въ Прагѣ и посвятилъ его на изученіе прусскаго и литовскаго языковъ, по изданіямъ Нессальмана (грамматика, словарь прусскій) Шлейхера и др. Нѣтъ среди живыхъ членовъ нашей семьи языка болѣе первобытно-оригинальнаго и въ тоже время болѣе близкаго къ славянскимъ нарѣчіямъ, какъ языкъ литовскій, — естественно, онъ составляетъ интегральную часть славистики: онъ первый со-вѣтникъ слависта въ каждую минуту, и особенно, когда онъ выходитъ за межу своей области; онъ ясно показываетъ, что слависту болѣе чѣмъ неудобно сноситься съ другими языками нашей семьи, перескочивъ черезъ литовскую среду. Въ своихъ литовскихъ занятіяхъ я пользовался постоянно дружескими указаніями профес. сравнит. языкознанія въ пражскомъ университетѣ Альфреда Лудвига, за что приношу ему мою искреннѣйшую благодарность.

А. Кочубинскій.

Прага, 27-го февраля 1876.

Krakovská. 16.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ :

стр.	стр.	св.	Вм.	Читай
2	11		поданіи	изданіи
4	13		№ 7	№ 6
31	4		Ринавскаго	Римавскаго
35	19		vtac̆a	vtac̆a
43	13		Sajov	Sajo
58	24		ангелъ.....ам'броси	ан'гелъ.....амѣброси
62	3		держалась	держались
65	13		гдѣ ър	гдѣ рь
66	5		вышняАм	вышняАѦ
70	3		инм	ним
74	2		вьп'льщеса	вьп'льщесе
74	23		при	при

ОТЧЕТЪ

доцента Н. Кондакова о его занятіяхъ за границей съ 1 Сентября 1875 г. по 1-е Марта 1876 г.

Имѣю честь представить Ученому Комитету слѣдующій отчетъ о моихъ занятіяхъ во второе полугодіе (съ сентября 1875 по мартъ 1876 г.) заграничной командировки.

Наибольшая часть этого времени, а именно $4\frac{1}{2}$ мѣсяца проведено мною въ Римѣ, мѣсяцъ во Флоренціи, остальное же время употреблено на посѣщеніе Пармы, Болоньи, Равенны, Пизы и Сіены. Во всѣхъ этихъ городахъ, сверхъ обычнаго осмотра музеевъ, картинныхъ галлерей и другихъ коллекцій, мною осмотрѣны были также бібліотеки, съ цѣлью ознакомленія съ находящимися тамъ лицевыми греческими рукописями. Въ то же время, согласно съ этими послѣдними спеціальными занятіями, я обращалъ особое вниманіе на изученіе памятниковъ искусства древнехристіанскаго и византійскаго и на вопросъ о ихъ разграниченіи. Извѣстно, что какъ съ одной стороны уже съ давнихъ поръ археологія итальянская и французская современная подъ именемъ «византійскаго» искусства разумѣла чрезвычайно обширную область съ VI—VII вв., и по первую эпоху возрожденія искусства въ Италиіи, включая сюда, такимъ образомъ, и все то, что выдѣлялось византійскою манерою въ искусствѣ романскомъ, такъ въ послѣднее время археологія нѣмецкая пыталась, наоборотъ, ограничить

этотъ терминъ, примѣняя его лишь специально къ той эпохѣ упадка и оцѣпенѣнія художественныхъ формъ, которая въ самой Византіи начинается не ранѣе конца IX в.: и та, и другая постановка не могутъ въ настоящее время считаться научными. Первая произвольно смѣшиваетъ несомнѣнно разнящіяся произведенія т. наз. римской школы V—VIII в. съ собственно византійскими, равно не различаетъ элементовъ античныхъ и древнехристіанскихъ, вновь оживившихъ, хотя не надолго, и безъ дальнѣйшаго успѣха, искусство въ эпоху Каролингскую. Вторая, видѣляя заботливо наиболѣе мелкія дѣленія въ систематическомъ обзорѣ исторіи христіанскаго искусства на почвѣ Италіи, Франціи и Германіи, съужала болѣе и болѣе область и значеніе искусства византійскаго въ пользу древнехристіанскаго съ одной, и развитія различныхъ болѣе предполагаемыхъ, нежели дѣйствительно существовавшихъ, сѣверныхъ элементовъ съ другой стороны (гипотезы о «лонгобардскомъ» искусствѣ и под. лишь видоизмѣнялись, не исчезая никогда) Такъ что между самыми мозаиками Равенны лишь не многое кромѣ росписи С. Витале относилось къ византійскому искусству, а происхожденіе значительной части мозаикъ въ Св. Маркѣ въ Венеціи приписывалось вліянію сѣверному. Если, слѣдовательно, западная археологія въ настоящее время признаетъ положительно византійское искусство какъ существующее и съ опредѣленнымъ характеромъ лишь за эпоху отъ X по XIII в., а его историческое значеніе въ сохраненіи преданій античной техники и выработкѣ нѣкоторыхъ иконографическихъ композицій, въ древнѣйшую же эпоху говоритъ лишь о «византійскомъ элементѣ» въ костюмахъ и пр., то очевидно, что черезъ это самое существенное представленіе этой области съ ея цѣлостнымъ историческимъ развитіемъ со временъ Юстиніана и до паденія византійской имперіи нарушено и уступаетъ мѣсто самымъ произвольнымъ и исключительно личнымъ толкованіямъ отдѣльныхъ произведеній. Отсюда вопросы о началѣ византійскаго искусства (но не въ томъ общемъ смыслѣ искусства восточнаго въ христіанскую эпоху, какъ представилъ дѣло Унгеръ въ энциклопедіи Эрша и Грубера), его отличительныхъ чертахъ не въ одномъ только византійскомъ церемоніалѣ

и орнатѣ, но въ композиціи, формахъ и техникахъ, его идеальной сферѣ и историческомъ значеніи, нимаю не разрѣшаемые западною археологією, остаются на первомъ планѣ при всякомъ частномъ изслѣдованіи въ этой области.

Съ цѣлью по возможности найти для себя разрѣшеніе этихъ вопросовъ я остановился на рассмотрѣніи мозаикъ Рима и Равенны съ точки зрѣнія какъ формъ и сюжетовъ древнехристіанскаго искусства, въ нихъ сохранныхъ и развитыхъ, такъ и опредѣленій того, какъ этотъ элементъ развивался въ такъ наз. «римской» школѣ искусства, — терминъ условный, но нынѣ общепотребительный; хотя работы съ характеромъ этой школы находимъ въ Римѣ, Равеннѣ и Миланѣ. Съ другой стороны, я имѣлъ въ виду выдѣлить и опредѣлить тотъ новый, приводящій элементъ въ мозаикахъ Равенны V—VI в., который долженъ именоваться древневизантійскимъ искусствомъ, и вмѣстѣ найти вліяніе этого элемента въ мозаикахъ Рима за эпоху отъ VII—IX в., и указать средину между двумя противоположными мнѣніями, изъ которыхъ одно знаетъ лишь единственную византійскую мозаику въ Римѣ (фигура Св. Севастьяна въ S. Pietro in Vincoli), а другое во всѣхъ римскихъ мозаикахъ этого времени видитъ вліяніе византійскихъ образцовъ.

Изъ памятниковъ древнехристіанскаго искусства въ Римѣ я занимался также барельефами саркофаговъ, которые, въ силу особаго чисто-историческаго направленія современной христіанской археологіи, остаются пока въ сторонѣ и со временъ Возіо, Воттари и Аринги мало изслѣдовались археологами; даже со стороны ихъ сюжетовъ многое не объяснено. По отношенію же къ типамъ, стилю необходимо тщательно изслѣдовать самыя оригиналы, чтобъ очистить всевозможныя заблужденія, потому что ни слѣпки, ни фотографіи не послужатъ ни къ чему въ данномъ случаѣ, такъ какъ они воспроизводятъ все и не дадутъ отличить реставраціи; между тѣмъ осмотръ оригиналовъ убѣждаетъ, что ни одинъ изъ саркофаговъ не остался пощажень ею; въ иныхъ же реставраціи столь многочисленны, что почти треть всѣхъ головъ, многія фигуры и часто цѣлыя сцены оказываются реставрацією, а между

тѣмъ онѣ служили для опредѣленія иконографическихъ типовъ, и Дидронъ, отличавшійся легкостью взгляда на эти предметы, обсуждалъ по нимъ вопросъ о безбородомъ и бородатомъ типѣ Ис. Христа.

Преимущественное же мое вниманіе было обращено на изученіе стила, сюжетовъ и иконографическихъ типовъ въ извѣстныхъ барельефахъ рѣзной деревянной двери въ базиликѣ Св. Сабины, что на Авентинскомъ холмѣ. Извлеченіе изъ статьи, мною объ этомъ памятникѣ приготовленной для печати, видѣтъ съ фотографическими снимками, такъ какъ этотъ памятникъ нѣкогда не былъ сколько нибудь удовлетворительно изданъ, я имѣлъ случай сообщить въ засѣданіи новообразованной Академіи Христіанской археологіи (президентъ эпиграфистъ падре Вруцца, вице-президентъ извѣстный археологъ де-Росси), при чемъ, между прочимъ, выставилъ слѣд. полученные мною результаты: барельефы этой двери принадлежатъ V или VI в., скорѣе первому, потому что самая базилика основана въ это время; лишь явное заблужденіе заставляло прежде относить ихъ къ XII—XIII в.; независимо отъ общихъ свойствъ античнаго искусства, въ нихъ сохранныхъ, и мастерства исполненія въ характерѣ саркофаговъ, эти барельефы особенно близки къ диптихамъ по своему стилю; въ фигурахъ намъ уже ясно здѣсь стремленіе найти иконографическій типъ, не довольствуясь общою манерою саркофаговъ; голова Христа по своему типу несомнѣнно древнѣйшаго представленія и окружена нимбомъ въ видѣ монограммы съ А и Ω; между сюжетами мы встрѣчаемъ нѣсколько неизвѣстныхъ въ археологіи древнехристіанской (напр. сцену на горѣ Элеонской, какъ бы это ни казалось страннымъ при нашихъ теперешнихъ представленіяхъ), другіе развиваютъ далѣе первые переводы сюжетовъ въ мозаикахъ Маріи Маджіоре; изображеніе Распятія Христа и двухъ разбойниковъ — безъ крестовъ, при чемъ всѣ фигуры наги, и имѣютъ лишь узкую повязку (подобную находимъ на нагой фигурѣ въ рукописи Ват. Вирилія IV в.), — даетъ намъ, несомнѣнно, *первый* примѣръ представленія этого сюжета, доселѣ находимый лишь въ памятникахъ VI вѣка, и явно предшествуетъ извѣстному

переводу сюжета съ колобіемъ для Христа, подтверждаѣя всецѣло извѣстное мѣсто Григорія Турскаго о нагомъ изображеніи Христа Распятаго; все вмѣстѣ даетъ намъ памятникъ наиболѣе важный въ вопросѣ о начальномъ христіанскомъ искусствѣ и иконографіи.

По вопросу, меня спеціально интересовавшему и составлявшему цѣль моего долговременнаго пребыванія въ Римѣ, объ исторіи византійской миниатюры, мною осмотрѣны все извѣстные номера лицевыхъ греческихъ рукописей библиотеки Ватиканской, Барберинской и Минервинской; сверхъ того въ Ватиканской библиотекѣ, какъ извѣстно, тщательно исчерпанной Даженвуромъ, я разсмотрѣлъ еще номера, указываемые писателями XVII вѣка и ему неизвѣстные и одну рукопись вовсе неизвѣстную. Сверхъ описанія этихъ рукописей мною приготовлены для изданія рисунки изъ всѣхъ важнѣйшихъ, при чемъ извѣстная рукопись Космы Индикоплова срисована мною вся, кромѣ двухъ миниатюръ уже изданныхъ. Въ библиотекахъ Биджи, Валличелли, Анджелика, Корсини и Минервы, осмотрѣны мною также рукописи греческія и латинскія до XIV в. и сдѣланы рисунки.

По классической археологіи я занимался исключительно осмотромъ римскихъ коллекцій; особую пользу для меня представляли чтенія секретаря арх. Института Гельбига о памятникахъ всѣхъ римскихъ музеевъ, частныхъ коллекцій и видѣлъ, продолжавшіяся три мѣсяца, два раза въ недѣлю, для стипендіатовъ института; особенное значеніе и интересъ имѣла иллюстрація памятниковъ искусства этрускаго и древнегреческаго.

Неаполь.

1876 г. Марта 11-го дня.

КЪ ВОПРОСУ

ФОРМЪ УЧАСТІЯ НАРОДНАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ.

ОБОЗНЧЕНІЕ

В. Н. Палаузова.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Разъизгравшаяся въ послѣднее время въ Германіи борьба за существованіе между двумя видами народнаго суда, — между судомъ присяжныхъ и тагъ называемымъ шеффенгерихтомъ, — имѣеть громадное практическое и теоретическое значеніе.

Не говоря уже о непосредственномъ результатѣ этой борьбы — пересозданіи всего строя уголовной юстиціи въ одномъ изъ видѣвшихъ европейскихъ государствъ, не говоря о томъ, что еслибы эта борьба разрѣшилась побѣдою на сторонѣ шеффенгерихта, изъ Германіи изгнано было бы учрежденіе, которому, по словамъ одного изъ историковъ *) его, суждено пріобрѣсти значеніе «міроваго института», признака европейской культуры, — споръ этотъ имѣеть еще громадное значеніе въ томъ отношеніи, что, по поводу его, подвергнуты были ревизіи всѣ начала, выработанныя современною наукою уголовного процесса.

Вообще всякое реформаціонное движеніе въ правовой жизни, всякій новый законодательный проектъ отражались и на наукѣ, призывая ея представителей сказать свое слово по вопросу дня.

Такъ напр., какъ на это указалъ Бруннеръ, **) самое большее количество сочиненій по исторіи суда присяжныхъ

*) Brunner, Entstehung der Schwurgerichte, Berlin, 1872 г., стр. 7.

**) *ib.*, стр. 8.

приходится на то время, когда германскія правительства, силою политическаго движенія 1848 г., принуждены были дать мѣсто суду присяжныхъ въ правовомъ организмѣ нѣмецкихъ государствъ.

Очевидно, что и нынѣшній споръ о быть или не быть суду присяжныхъ долженъ былъ также оживить науку, долженъ былъ принудить ея органы откликнуться на потребности правовой жизни.

Какъ бы ни былъ не основателенъ конечный результатъ, къ которому пришла критика современнаго строя уголовной юстиціи, какъ бы мало ни имѣлъ за собою шансовъ проектъ замѣны суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ,—никто не станетъ, однако, утверждать, что все это движеніе не вызвано дѣйствительно паталогическимъ состояніемъ уголовной юстиціи. Никогда проектъ этотъ не нашелъ бы столько сторонниковъ между теоретиками и практиками, если-бы онъ не заключалъ въ себѣ зерна истины. Мало того, сличая условія нынѣшней борьбы съ обстановкою, которая окружала писателей половины настоящаго столѣтія, можно уже а priori признать за теперешнимъ законодательнымъ движеніемъ болѣе важное значеніе для науки и практики, для теоретическаго выясненія принциповъ процесса и болѣе послѣдовательнаго проведенія ихъ въ деталяхъ судопроизводства.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, какъ сторонники, такъ и противники суда присяжныхъ, согласны въ цѣлесообразности привлеченія народнаго элемента къ участію въ уголовной юстиціи. Весь споръ идетъ только о формѣ этого участія: одни (сторонники жюри) стоятъ за выдѣленіе народнаго элемента въ особую коллегію, другіе (партизаны шеффенгерихта)—настаиваютъ на смѣшеніи народныхъ и коронныхъ судей въ одну коллегію. Такимъ образомъ, если въ борьбѣ между присяжнымъ и короннымъ судомъ, сопровож-

давшей усвоение Германіею перваго, противопологались родовыя понятія, вслѣдствіе чего спорщики, если можно такъ выразиться, скользили по поверхности обоихъ; то нынѣшній споръ между институтами, составляющими два вида одного рода, заставилъ объ стороны войти въ детали этихъ учреждений, отчего самое изслѣдованіе сдѣлалось глубже и основательнѣе.

Поэтому мы вполне согласны съ «отцемъ шеффенгерихта» (или, какъ его называютъ другіе, «воспитателемъ» его), когда онъ въ предисловіи къ своему сочиненію*) говоритъ: «мы не скрываемъ отъ себя, что нашъ проектъ имѣетъ мало шансовъ на всеобщее признаніе.— Однако, авторъ удовлетворится, если проектъ удостоится дальнѣйшаго обсужденія. Изслѣдованіе, хотябы онъ (проектъ) былъ забракованъ, можетъ быть только плодотворнымъ для самаго дѣла, можетъ, по усмотрѣнію, вызвать новые проекты объ улучшеніяхъ, которые, въ концѣ концовъ, поведутъ къ реформѣ въ интересахъ самого суда присяжныхъ и обезпечить ему то мѣсто въ нашемъ правовомъ организмѣ, на которомъ онъ, свободный отъ всякихъ недостойныхъ мотивовъ, можетъ безпрепятственно сослужить правосудію свою полную службу.» Выражаясь конкретнѣе, мы приходимъ къ тому выводу, что такъ какъ весь споръ идетъ о цѣлесообразности разъединенія двухъ элементовъ суда, такъ какъ всѣ аргументы сторонниковъ шеффенгерихта направлены противъ процедуры постановки вопросовъ присяжнымъ, которая, по ихъ мнѣнію, представляетъ источникъ неустрашимыхъ затрудненій,—то и разборъ этого диспута уяснить эти затрудненія, что, въ свою очередь, очиститъ путь для необходимыхъ реформъ.

*) Schwarze, das deutsche Schwurgericht und dessen Reform, Erlangen, 1865 года.

Всѣ эти соображенія имѣютъ еще болѣе силы, когда дѣло идетъ о книгѣ, предлагаемой вниманію русской публики.

Въ самомъ дѣлѣ, для Россіи, какъ для Германіи, рано или поздно настанетъ моментъ, когда поспѣшность, съ которою дѣйствовали строители, созидавая учрежденіе, дастъ себя почувствовать. Незбѣжные промахи законодателя и уклоненія новой практики стануть обращать на себя все болѣе и болѣе вниманія. На скорое наступленіе такого момента указываетъ появленіе въ русской литературѣ такихъ трудовъ, какъ сочиненія гг. Владимірова, Чебышева-Дмитріева, Селитренникова и Арсеньева. Труды эти, къ величайшему удовольствію всякаго интересующагося правосудіемъ, служатъ доказательствомъ того, что начала, выработанныя современною наукою, находятъ своихъ пропагандистовъ и между русскими учеными и практиками.

Какъ бы то нибыло, сочиненія этихъ авторовъ только открываютъ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Ограничивать ими число сочиненій по столь обширному и жизненно-интересному вопросу, какъ судъ присяжныхъ, не возможно.

Во всякомъ случаѣ, сочиненія по вопросу о судѣ присяжныхъ, какъ и по всякому вопросу права, по характеру своему могутъ быть различны. Можно, исходя изъ давняго законодательства, стараться показать примѣненіе принциповъ его къ многообразнымъ комбинаціямъ, представляемымъ дѣйствительностью. Такой догматико-практическій характеръ сочиненій возможенъ только въ томъ случаѣ, если принципы законодательства вполне установлены и практика стоитъ въ уровень съ началами, выработанными наукою.

Бѣ сожалѣнію, какъ на это указываютъ почтенные

труды вышепоименованныхъ авторовъ, практика русскихъ судовъ, даже практика кассационнаго суда руководится началами, уже оставленными наукою и западноевропейскою практикой. Обвинять въ этомъ русскую магистратуру, впрочемъ, было бы въ высшей степени не основательно, ибо теперешнія ея воззрѣнія, какъ показываетъ исторія европейской практики, составляютъ первоначальный фазисъ на пути ко взглядамъ, соответствующимъ требованіямъ науки. Каждая страна, въ которой дѣйствуетъ институтъ, отдала свою дань этимъ заблужденіямъ. Если Россія при этомъ запоздала, то это только потому, что и самый институтъ данъ ей гораздо позже, чѣмъ другимъ странамъ континентальной Европы.

Однако, долгъ каждаго процессуалиста содѣйствовать сокращенію этого ненормальнаго состоянія.

Въ виду этого, сочиненія, имѣющія цѣлью выяснитъ принципы, на которыхъ должно быть построено судопроизводство передъ присяжными, являются какъ нельзя болѣе во-время.

Такое выясненіе идеи учрежденія и принциповъ, которые должны руководить при отдѣленіи его подробностей, получается само собою, если сравнить его съ близкимъ ему институтомъ. — Если принять въ соображеніе, что русская литература не представляетъ ни одного сочиненія, болѣе или мѣнее подробно излагающаго ходъ столь интереснаго спора, *) то станетъ понятнымъ, почему авторъ избралъ такой предметъ для своего сочиненія.

Нужно предупредить, впрочемъ, читателя насчетъ конечной цѣли и характера настоящаго изслѣдованія. Цѣль его вовсе не въ томъ, чтобы подробно развитъ всѣ выгоды,

*) Статья г. Закревскаго въ Журналѣ Гр. и Уг. права (1876, кн. I) только мимоходомъ касается этого вопроса.

которыя представляет судъ присяжныхъ предъ всякою другою формою суда. Да на такое изслѣдованіе въ настоящее время нѣтъ и не можетъ быть вопроса. Въ числу научныхъ аксіомъ принадлежитъ въ настоящее время положеніе, что чисто коронный судъ не мыслимъ въ цивилизованныхъ странахъ, по крайней мѣрѣ, для дѣлъ высшей важности.

Весь вопросъ только въ томъ: какъ организовать судъ съ участіемъ неюридическаго, народнаго элемента? на началахъ ли раздѣленія обоихъ элементовъ суда на двѣ коллегіи (какъ это имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ), или по принципу смѣшенія ихъ въ одну коллегію (организация шеффенгерихта.)?

Такимъ образомъ, представляется необходимымъ войти въ оцѣнку доводовъ, представляемыхъ каждою изъ спорящихъ сторонъ, оставивши безъ особаго рассмотрѣнія все то, что лежитъ внѣ спора. При такой оцѣнкѣ аргументовъ сторонниковъ шеффенгерихта приходилось, конечно, часто обращаться къ общимъ началамъ, на которыхъ построены уголовный процессъ. Въ виду этого намъ и казалось необходимымъ, для уясненія такихъ ссылокъ, представить въ первой главѣ изложеніе этихъ принциповъ судопроизводства. Такое изложеніе тѣмъ необходимѣе, что въ числѣ соображеній, которыми мы руководствовались при выборѣ вопроса о шеффенгерихтѣ предметомъ сочиненія, важную роль играло желаніе дать русской литературѣ, въ связи съ изложеніемъ спора, очеркъ принциповъ производства передъ присяжными, тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется постановка вопросовъ, — процедура, представляющая собою пунктъ локализациі всего спора о сравнительномъ достоинствѣ двухъ формъ народнаго суда.

Во второй главѣ мы вернемся изложивши ходъ вопроса о судѣ шеффеновъ, какъ въ законодательствахъ, такъ и

въ наукѣ. Третья глава посвящена изложенію аргументаціи партизановъ шеффенгерихта. Четвертая — оцѣнкѣ этихъ доводовъ. Наконецъ, въ остальной части сочиненія авторъ представляетъ аргументы въ пользу суда присяжныхъ и затѣмъ, въ видѣ заключенія, пытается сдѣлать сопоставленіе всѣхъ оставшихся непровергнутыми доводовъ про и contra.

I.

Разрѣшеніе всякаго вопроса, относится ли онъ къ области судопроизводства или судоустройства, зависитъ отъ установленія общихъ организаціонныхъ принциповъ процесса. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ представляется необходимымъ условиться на счетъ пониманія этихъ началъ прежде, чѣмъ приступить къ изложенію спора о наиболее рациональной организаціи судовъ съ участіемъ неюридическаго элемента, спора составляющаго содержание настоящаго сочиненія и возникшаго по поводу новѣйшаго проекта замѣны суда присяжныхъ такъ называемымъ шеффенгерихтомъ.

Въ свою очередь, эти общія начала, имѣющія своею задачею регулировать дѣятельность субъектовъ процесса, обусловливаются тою цѣлью, къ которой направлена эта дѣятельность: средства должны быть сообразны съ цѣлью. Итакъ, посмотримъ же теперь, какова эта цѣль и каковы средства, ведущія къ ней?

Каждый отдѣльный процессъ имѣетъ свою цѣлью примѣненіе извѣстнаго уголовного закона къ отдѣльному конкретному случаю. Каждое отдѣльное постановленіе уголовного закона, въ свою очередь, представляетъ двѣ части: 1) *диспозитивную*, въ которой указывается или чаще всего, по крайней мѣрѣ въ современныхъ кодексахъ, опредѣляется понятіе извѣстнаго вида преступленія перечисленіемъ тѣхъ законныхъ (слѣдовательно абстрактныхъ) признаковъ, которые въ совокупности составляютъ такъ называемый законный составъ преступленія (*corpus delicti*). Впро-

чемъ, въ отдѣльной статьѣ указывается только спеціальнѣй составъ преступленія, такъ какъ общія условія вины (общій составъ преступленія) даются въ общей части уложенія и не повторяются при отдѣльныхъ видахъ преступленій.—Вторую часть отдѣльнаго карательнаго постановленія составляетъ такъ называемая *санкція*, то есть опредѣленіе того вида наказанія, которому подвергается субъектъ въ случаѣ признанія его судомъ виновнымъ въ соотвѣтствующемъ видѣ преступленія. Сообразно съ этими двумя частями карательнаго постановленія задача суда представляется двойною: во—1-хъ, приходится разрѣшить вопросъ о томъ, виновенъ ли подсудимый въ совершеніи дѣянія, котораго конкретные признаки соотвѣтствуютъ законнымъ (абстрактнымъ) признакамъ, указаннымъ въ диспозитивной части статьи. Это такъ называемый *вопросъ о виновности* (*Schuldfrage*). Затѣмъ, во—2-хъ, нужно опредѣлить размѣры наказанія, которое указано въ санкціи только въ своихъ крайнихъ предѣлахъ, между извѣстнымъ *maximum'омъ* и *minimum'омъ*. Это—*вопросъ о наказаніи* (*Straffrage*).

Оставляя послѣдній въ сторонѣ, обратимся къ условіямъ рѣшенія вопроса о виновности. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно произвести сопоставленіе законнаго и фактическаго состава преступленія, при чемъ въ результатѣ, для утвердительнаго рѣшенія вопроса, т. е. для обвиненія, должно быть установлено полное согласіе обоихъ сравниваемыхъ объектовъ. Въ свою очередь, для подобнаго сопоставленія, подведенія конкретныхъ обстоятельствъ даннаго дѣла подъ законные признаки преступленія (это составляетъ такъ называемый *Subsumtion*), нужно прежде всего установить извѣстныя фактическія обстоятельства, составляющія конкретную фізіономію даннаго преступнаго дѣянія. Это такъ называемый *вопросъ факта* (*Thatfrage*). Здѣсь нужно взвѣсить доводы въ пользу и противъ существованія извѣстныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Здѣсь, такимъ образомъ, не нужно, по крайней мѣрѣ теперь, знанія никакихъ законовъ, кромѣ законовъ логики. Я говорю «теперь» потому что было время, когда законодатели думали установленіемъ извѣстныхъ правилъ принудить судью или

къ признанію, при наличности предусмотрѣнныхъ этими правилами условій, извѣстнаго факта за доказанный (положительная законная теорія доказательствъ). Иногда, напротивъ, правила эти имѣли значеніе отрицательное, т. е. законодатель говорилъ, что при такихъ-то условіяхъ фактъ не можетъ быть признанъ за доказанный, какъ бы нибылъ судья лично убѣжденъ въ его достовѣрности (отрицательная теорія). Въ настоящее время такая *обязательная* теорія признана невозможной. Это еще не значитъ, что современная наука процесса не признаетъ вовсе цѣлесообразности установленія извѣстныхъ логическихъ правилъ о доказательствахъ, выработанныхъ теоріей и практикой. Все дѣло въ томъ, что наука не считаетъ возможнымъ сообщить этимъ правиламъ значеніе *законныхъ* опредѣленій. — Какъ сказано выше, для бытія приговора уголовного мало обрисовки конкретной факціи дѣянія: нужно еще подвести эти конкретныя обстоятельства подъ законные признаки преступленія. А для этого необходимо установить эти законные признаки. Правда, современные кодексы уголовные даютъ опредѣленіе каждому виду преступленія, перечисляя законные его признаки (составъ преступленія). Однако бывають случаи, когда даже для установленія состава требуется особая дѣятельность со стороны суда; это бываетъ тогда, когда или данное законное опредѣленіе не исчерпываетъ, по признанію практики, всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія, или когда законъ даетъ только терминъ преступленія, безъ его опредѣленія. Въ обоихъ случаяхъ практикѣ приходится изъ сопоставленія законовъ выводить недостающіе признаки. Это чисто *правовая* часть судебныхъ функцій. Но даже внѣ этихъ, болѣе или менѣе исключительныхъ случаевъ, въ каждомъ процессѣ есть такая область, гдѣ судъ вращается въ сферѣ права. Въ самомъ дѣлѣ, мало установить законные признаки преступленія по ихъ количеству; нужно постараться, для возможности самой субсумціи конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки преступленія, установить понятіе и объемъ каждаго отдѣльнаго признака. Дѣло въ томъ, что рѣдко законные признаки бывають такого рода, что не допускають никакихъ сомнѣній на счетъ своего смысла,

на счетъ того, что имѣлъ въ виду законодатель, употребляя извѣстный терминъ; не всегда дѣло субсумцій бываетъ такъ несложно, какъ, напримѣръ, съ признакомъ подвижности предмета. Когда законодатель въ статьѣ о кражѣ говоритъ о подвижности объекта ея, то это выраженіе таково, что не возбуждаетъ ни какого сомнѣнія о своемъ значеніи; такимъ образомъ, если дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о часахъ, то всякій легко пойметъ, что законный и конкретный признаки соотвѣтствуютъ другъ другу. Но такіе случаи рѣдки. Чаще всего законный признакъ обнимаетъ собою болѣе или менѣе сложный фактъ, такъ что выразить его точно однимъ или даже нѣсколькими словами бываетъ по меньшей мѣрѣ трудно. Законодатель въ этомъ случаѣ выбираетъ выраженіе, только приблизительно соотвѣтствующее выражаемому. Это затрудненіе представляется еще болѣе серьезнымъ, если принять въ соображеніе большое или меньше уклоненіе языка законодателей отъ ходячаго въ публикѣ способа выраженія.—Изъ изложеннаго вытекаетъ признаніе необходимости истолкованія смысла каждаго правоваго понятія, при чемъ требуется большее или меньшее знаніе законовъ. Необходимо до тѣхъ поръ разлагать, разрѣшать правовое понятіе о признакѣ преступленія, пока мы не получимъ болѣе или менѣе простыхъ понятій, удобныхъ для сравненія съ конкретными обстоятельствами дѣла. Это — такъ называемое *разрѣшеніе* правовыхъ понятій (*Auflösung der Rechtsbegriffe*). Несмотря, однако, на то, что въ каждомъ процессѣ судья долженъ производить эту операцію въ умѣ своемъ, а иногда и сдѣлать наглядною для третьяго лица (я говорю о мотивировкѣ приговора), всетаки нѣтъ возможности, въ большинствѣ случаевъ, достигнуть полученія въ результатѣ такихъ простыхъ понятій, которыя допускали бы непосредственное сопоставленіе съ конкретными обстоятельствами даннаго дѣла. Всегда будетъ необходимо, для подведенія конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки, молчаливое утвержденіе, что данные факты совершились именно при такой обстановкѣ, которая не исключаетъ возможности реализаціи этихъ абстрактныхъ признаковъ. Или, выражаясь иначе, не всегда изъ приведенія извѣстныхъ конкрет-

нихъ обстоятельствъ дѣла будетъ слѣдовать съ необходимостью утверженіе законныхъ признаковъ, какъ бы ни старались разложить ихъ на простыя понятія. Совершенно справедливо говорить Ваг, что не всегда операція эта представляется такъ простою, какъ въ случаѣ, если законъ и судья, для предпочтенія залоговаго права, устанавливаетъ простой критерій первенства по времени; въ этомъ случаѣ, въ самомъ дѣлѣ, предпочтеніе одного конкретнаго залоговаго права предъ другимъ выходитъ съ необходимостью изъ соображенія времени установленія ипотеки. Не то бываетъ при болѣе сложныхъ правовыхъ понятіяхъ, напр. при сужденіи о томъ, можно ли видѣть неосторожность въ дѣяніи А., наѣхавшаго на улицѣ на В. и нанесшаго послѣдному поврежденіе. Здѣсь, какъ справедливо говоритъ Баръ, заключеніе о неосторожности можно формулировать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ другихъ, существенныхъ для рѣшенія дѣла обстоятельствъ не имѣется, то въ настоящемъ случаѣ идетъ дѣло только о томъ, замѣтилъ ли А. или долженъ былъ онъ замѣтить В. въ данный моментъ? Если вопросъ въ этомъ видѣ будетъ рѣшенъ утвердительно, то неосторожность должна быть признана съ необходимостью. Но тогда опять таки нѣтъ на лицо основаній, даже только относительно одного вопроса права, оставляя въ сторонѣ вопросъ о доказательствѣ (конкретныхъ обстоятельствахъ), — въ пользу отсутствія другихъ существенныхъ обстоятельствъ *). Въ самомъ дѣлѣ, вѣрность подобнаго правоваго вывода о существованіи въ настоящемъ случаѣ неосторожной вины зависитъ не только отъ вѣрности чисто фактическаго утвержденія о несуществованіи въ данномъ случаѣ обстоятельствъ, мѣшающихъ признанію вины, но и отъ большей или меньшей вѣрности заключенія о томъ, какія обстоятельства именно можно признать за несовмѣстныя съ правовымъ понятіемъ о неосторожности. Если первый вопросъ чисто фактическій, то второй совершенно правоваго свойства. А такой вопросъ судья приходится, хотя и молчаливо,

*) Bar, Recht und Beweis im Geschwornengericht, стр. 10.

безъ приведенія доводовъ, рѣшать въ каждомъ случаѣ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при обсужденіи болѣе простыхъ признаковъ, очень мало шансовъ на рѣшительное значеніе того или другаго рѣшенія этого правоваго вопроса для исхода дѣла, (именно вслѣдствіе малаго значенія обстановки, при большей или меньшей рельефности самыхъ положительныхъ критеріевъ для утвержденія наличности признака), то въ другихъ, преимущественно касающихся внутренней стороны преступленія признакахъ эта обстановка имѣетъ громадное значеніе. Потому и центръ тяжести всего вопроса переходитъ въ этомъ случаѣ въ ту область, гдѣ судья молчаливо рѣшаетъ вопросъ объ отсутствіи обстоятельствъ, иѣшающихъ признанію законныхъ признаковъ осуществившимися, т. е. въ область, гдѣ неразрывно сливаются, согласно вышесказанному, правовая сторона съ фактической. Въ этомъ случаѣ отдѣлить эти двѣ стороны предмета можно было бы, если бы возможно было вѣнчить судью въ обязанность въ мотивировкѣ своего рѣшенія снять, какъ удачно выражается Глазеръ *), фотографическій снимокъ съ конкретной обстановки даннаго дѣла, что уже невозможно, вслѣдствіе несовершенства языка.

И такъ, не для всякаго законнаго признака можно подыскать соотвѣтствующую конкретную обстановку и при томъ исчерпать ее на столько, чтобъ изъ нея непосредственно, съ необходимостью, для всякаго третьяго лица, слѣдовалъ выводъ о реализаціи въ этой обстановкѣ извѣстнаго абстрактнаго правоваго понятія; другими словами: всегда останется область, гдѣ правовому понятію не будутъ противопоставлены соотвѣтствующіе ему конкретные факты. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ априорныхъ соображеній можно прійти къ тому же результату, къ которому пришла современная наука, изслѣдуя практику судовъ,— къ положенію, что *фактъ и право на судъ до такой степени переплетаются между собою, что провести рѣзкую дѣ-*

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, Wien 1875., стр. 89.

маркаціонную линію между ними, отдѣлить ихъ,—нѣтъ никакой возможности*)).

Отсюда непосредственно вытекаетъ слѣдующій практическій результатъ: *если вообще целесообразно допустить раздѣленіе труда при отправленіи судейскихъ функций, то во всякомъ случаѣ критеріемъ для такого раздѣленія не можетъ служить противоположность между фактомъ и правомъ*; нужно искать другой границы для распредѣленія между различными органами свойственныхъ каждому изъ нихъ функций.

Этотъ выводъ имѣетъ громадное значеніе по отношенію къ рациональному установленію предѣловъ вѣдомства каждаго изъ двухъ элементовъ, функционирующихъ въ судахъ присяжныхъ. Дѣло въ томъ, что при учрежденіи этихъ судовъ на континентѣ имѣлось въ виду, чтобы присяжные, взятые изъ народа, судили только о фактѣ, а коронные судьи занимались бы чисто правовыми вопросами. Такъ думали или, по крайней мѣрѣ, говорили и во Франціи и, по примѣру ея, въ Германіи. Всѣ почти континентальныя законодательства исходили изъ этой точки зрѣнія на дѣло.

Впрочемъ, какъ это показалъ Мейеръ, никто въ то время ясно не представлялъ себѣ предмета. Такъ, во Франціи дѣло было въ такомъ положеніи. Съ одной стороны увлекала проводимая во всѣхъ сферахъ государственной жизни идея раздѣленія властей. Ее-то хотѣли осуществить и въ судоустройствѣ. Хотѣли устроить такъ, чтобы взятые изъ народа присяжные рѣшали вопросъ о виновности (его-то и называли вопросомъ факта), такъ что суду только бы оставалось раскрыть книгу закона, посмотреть, какой статьѣ соответствуетъ признанный присяжными фактъ, и опредѣлить указанное въ санкціи наказаніе. Дѣло, такимъ образомъ, представлялось въ такомъ видѣ, какъ-будто суду, послѣ

*) Ср. изслѣдованіе Гуго Мейера въ его классическомъ сочиненіи «Вопросы права и факта на судѣ присяжныхъ», переводъ Таганцева; Bar'a «Recht und Beweis»; Planck'a, Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens.

произнесенія вердикта присяжными, предстала чисто механическая работа. Значить, по этому взгляду, центр тяжести всего приговора долженъ лежать въ вердиктѣ присяжныхъ. Какъ же, спрашивается, съ этимъ согласить идею объ ограниченіи вѣдомства присяжныхъ вопросами чистаго факта? Ясно, что въ этихъ разсужденіяхъ вовсе была игнорируема та часть судейскихъ функций, которая задачей своей имѣетъ субсумцію конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки. И дѣйствительно, разборъ практики французской, въ особенности практики послѣ изданія кодекса 1808 г., показываетъ, что даже тѣ, которые настаиваютъ на ограниченіи вѣдомства присяжныхъ фактами, вовсе не относятся всякаго законнаго термина, какъ таковаго, къ вопросу права. Практика французская, напр., не желаетъ во всякомъ случаѣ замѣны законнаго выраженія конкретными обстоятельствами. Она только желаетъ, чтобъ не спрашивали присяжныхъ о сложныхъ правовыхъ понятіяхъ, опредѣленныхъ самымъ закономъ. Такъ она не желаетъ постановки такого вопроса присяжнымъ: «виновенъ ли А. въ совершеніи покушенія на убійство В.?»; она требуетъ, что бы выраженіе «покушеніе» было замѣнено соответствующимъ законнымъ опредѣленіемъ. Вообще замѣна правовыхъ понятій необходима, во—1-хъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, самъ законъ даетъ опредѣленіе ему; во—2-хъ, когда нѣтъ вовсе опредѣленія, а между тѣмъ понятіе принадлежитъ въ числу такихъ, для уясненія которыхъ необходимо знаніе законовъ вообще. Къ понятіямъ втораго рода французская практика относитъ напр., въ преступленіяхъ изнасилованія признаковъ *autorité légale*; въ преступленіяхъ должностныхъ лицъ — квалифікація дѣйствія, совершеннаго какъ во время исполненія обязанностей службы; квалифікація документа, какъ публичнаго, торговаго; понятіе о томъ, что извѣстный родъ денегъ имѣетъ «законный курсъ» и проч.*).

Что касается признаковъ общаго состава, и именно внутренней стороны преступленія, то здѣсь разрѣшеніе (*Auflösung*), за-

*) Майеръ, вопросы права и факта, пер. Таганцева, ст. II, стр. 62.

мѣна правовыхъ понятій конкретными обстоятельствами дѣла не только не требуется вообще (по понятной, впрочемъ причинѣ, именно вслѣдствіе невозможности здѣсь такого разграниченія права отъ факта), но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда есть специальная причина, погашающая виновность, напр., состояніе необходимой обороны, состояніе невмѣняемости и пр. Въ этихъ случаяхъ практика французская не ставитъ особыхъ вопросовъ объ этихъ причинахъ; слѣдовательно, присяжные *tasite* рѣшаютъ ихъ, разрѣшая общій вопросъ о виновности*.

Изъ всего этого видно, что и французскіе присяжные не вполне ограничены областію факта, что имъ въ большинствѣ случаевъ приходится рѣшать чисто правовые вопросы.

Тоже можно вывести относительно законодательствъ и практики нѣмецкихъ государствъ. Вездѣ, несмотря на желаніе установить не надлежащее разграниченіе функций присяжныхъ отъ судейскихъ, сила вещей брала верхъ**). Наконецъ, какъ мы уже упомянули выше, современная наука дала свою санкцію этимъ уклоненіямъ практики, возведши ихъ въ принципъ. Въ настоящее время признано, что правильнѣе видѣть критерій для специализаціи функций присяжныхъ въ противоположность судейскимъ въ раздѣленіи всего уголовного приговора на приговоръ о виновности и о наказаніи. Теперь присяжные, такимъ образомъ, не судьи о фактѣ, а судьи о виновности подсудимаго предъ закономъ. По этому теперь прежнему термину *Thatfrage* (въ противоположность *Rechtsfrage*, вопросъ права), означавшему кругъ вѣдомства

*) Мейеръ, стр. 73. Ср. Faustin Hélie, *Traité de l'instruction criminelle*, т. 9, § 663.

**) Что касается русской практики, то, какъ видно изъ рѣшеній уг. касс. департамента сената, въ ней доселѣ господствуетъ убѣжденіе о необходимости ограничить присяжныхъ областію фактовъ. Такого мнѣнія былъ и покойный Буцковскій (О приговорахъ по уг. дѣламъ). Впрочемъ, въ послѣднее время правильный взглядъ на кругъ вѣдомства присяжныхъ нашелъ своихъ защитниковъ въ лицѣ пров. Чебышева-Дмитріева, Селитренникова (о постановкѣ вопросовъ) и Закревскаго (Журн. Уг. и Гр. пр., 1876, кн. 1).

присяжныхъ, соответствуетъ терминъ *Schuldfrage* (въ противоположность *Strafffrage*, вопросъ о наказаніи).

Продолжая исходить, какъ это было въ нашемъ предъидущемъ изложеніи, изъ того предположенія, что матеріаль, необходимый для рѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ всякаго уголовного приговора, уже собранъ кѣмъ бы то нибыло, мы должны призвать современную науку для рѣшенія слѣдующаго вопроса: какими правилами долженъ руководствоваться судья (опять таки кто бы онъ нибылъ), признавая извѣстный фактъ за доказанный. Въ свою очередь, вопросъ этотъ находится въ связи съ верховнымъ принципомъ уголовного судопроизводства, который даетъ послѣднему характеръ, совершенно отличающій его отъ судопроизводства гражданскаго. Принципъ этотъ носитъ названіе *публичности* *).

Дѣло въ томъ, что уголовный процессъ имѣетъ дѣло съ *преступленіями*, т. е. съ дѣяніями, въ которыхъ заинтересованы не только частныя лица (какъ это бываетъ въ процессѣ гражданскомъ), именно лицо непосредственно потерпѣвшее отъ преступленія и самъ подсудимый, а все общество **). Каждое преступленіе требуетъ, для обезпеченія правоваго порядка въ государствѣ, извѣстнаго воздѣйствія на преступника, проявляющагося въ формѣ наказанія. Но государству важно не то, чтобы наказаніе перетерпѣлъ вообще кто-бы то ни былъ, а именно тотъ, кто въ дѣйствительности совершилъ преступленіе. Въ силу этого уголовный процессъ долженъ быть такъ построенъ, чтобъ гарантировать достиженіе *матеріальной истины*, насколько она вообще достижима человѣческими средствами. Въ силу же этого начала публичности, въ уголовномъ процессѣ немнѣлимъ произволъ сторонъ или вообще лицъ, въ немъ участвующихъ, тотъ принципъ

*) Не нужно смѣшивать этотъ терминъ съ названіемъ гласность, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

**) Впрочемъ, въ уголовныхъ кодексахъ есть мѣсто и для такихъ дѣяній, на которыхъ не распространяется принципъ публичности. Это так. наз. частныя преступленія (проступки), приватъ-делиты.

отказа (Verzichts-Prinzip), который господствуетъ въ производствѣ по гражданскимъ дѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, въ какой угодно моментъ процесса и даже до его начатія, могутъ отказаться отъ своихъ даже несомнѣнныхъ правъ, и суду останется только констатировать фактъ отказа, имѣющій такую же силу, какъ и самый приговоръ. Такой произволъ по отношенію къ своему праву на судебное разслѣдованіе и разрѣшеніе спора, проявляющійся со стороны истца въ отказѣ отъ своихъ требованій, а со стороны отвѣтника — въ признаніи притязаній истца, не можетъ имѣть мѣста въ уголовномъ процессѣ. Правда, и здѣсь можетъ быть дозволено прокурору, какъ публичному истцу, не вчинать уголовного иска и прекращать его во всякое время*); но здѣсь нѣтъ всетаки того произвольнаго отношенія къ дѣлу, какъ это имѣетъ мѣсто въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь предполагается всетаки, что если прокуроръ беретъ назадъ свое обвиненіе, то это только потому, что онъ его считаетъ неосновательнымъ, не имѣющимъ за собою шансовъ на утвердительное разрѣшеніе судомъ; въ противномъ же случаѣ поддержаніе его считается его *обязанностію*, а не только правомъ, обязанностію, правильное исполненіе которой гарантируется какъ чувствомъ долга, руководящимъ прокуроромъ въ его служебной дѣятельности, такъ и надзоромъ за нимъ со стороны его начальства. Изъ всего этого слѣдуетъ, что всякій вопросъ, входящій въ составъ приговора уголовного, долженъ быть разрѣшенъ судомъ, заявленіе стороны (по крайней мѣрѣ признаніе подсудимаго) принимается только какъ обыкновенное доказательство, которое, для полной убѣдительности, требуетъ провѣрки.

Что касается дальнѣйшаго вопроса о томъ, какими правилами долженъ руководствоваться судъ при признаніи извѣстнаго

*) Такое рѣшительное вліяніе на исходъ процесса предоставляет обвинителю одно изъ новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ — Австрійскій кодексъ уголовного судопроизводства 23 мая 1873 года. См. ст. 89, 90, 109 259 п.п. 1, 2 и 317.

факта за доказанный, то, какъ уже объ этомъ упомянуто было выше, возможно двойное рѣшеніе его законодательствомъ: или оно устанавливаетъ *объективныя* гарантіи справедливости судебныхъ приговоровъ, или довольствуется только *субъективными*. Понятно, что во всякомъ случаѣ законодатель не можетъ быть индифферентнымъ въ этомъ отношеніи: онъ не можетъ оставить совершенно на произволъ судьбы такіе дорогіе интересы, о какихъ идетъ дѣло въ уголовномъ процессѣ. Но весь вопросъ въ томъ, гдѣ нужно искать гарантій, увеличивающихъ шансы справедливаго приговора? Мы только-что сказали, что они двойкаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, законодатель можетъ напередъ установить известную законную теорію доказательствъ, состоящую изъ правилъ, руководствуясь которыми судья могъ бы рѣшить, доказанъ ли данный фактъ или нѣтъ? При этомъ, само собою разумѣется, законодателя не должно интересовать субъективное убѣжденіе судьи о достовѣрности факта: ему (законодателю) достаточно, если на лицо всѣ формы, обуславливающія признаніе известнаго факта за доказанный. Очевидно, что при такой теоріи доказательствъ, известный вопросъ будетъ одинаково разрѣшенъ, кто бы ни былъ субъектъ, имъ занимающійся. Поэтому этотъ видъ гарантій правильности приговора и названъ *объективными*. Современная наука отвергла такую положительную законную теорію. Мало того, она не дружелюбно относится и къ отрицательной теоріи доказательствъ, составляющей какъ бы переходъ отъ системы объективныхъ гарантій къ противоположной системѣ субъективныхъ ручательствъ достовѣрности приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь законодатель, устанавливая известный *minimum* требованій, оставляетъ судью въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшить, за предѣломъ этого *minimum*'а, на основаніи внутренняго убѣжденія: можно-ли признать известный фактъ за доказанный?

Но и къ этой системѣ, повторяемъ, современная наука относится не дружелюбно*). Вообще законодатель долженъ искать

*) Zachriæ, Handbuch des deutschen Strafprozesses, т. II. стр. 400—401

гарантії правильности приговора не въ установленіи объективныхъ правилъ для провѣрки его, а въ организаціи судопроизводства вообще. Нужно озаботиться о хорошемъ составѣ судей, отъ которыхъ можно было бы ожидать какъ способности, такъ и желанія постановлять приговоры, согласные съ истиной. Нужно, да-дѣе, поставить ихъ въ такое положеніе, окружить такою обстановкою, чтобы не только уменьшить препятствія къ постановленію ими справедливаго рѣшенія, но и увеличить количество стимуловъ, воздѣйствующихъ на возможно полное проявленіе присущаго имъ стремленія къ справедливости и свойственной имъ вообще способности. Что же касается до самаго приговора, то его произнесеніе нужно поставить въ зависимость отъ внутренняго убѣжденія судей, основаннаго на добросовѣстномъ взвѣшиваніи всѣхъ доводовъ pro и contra. Однимъ словомъ, въ основѣ приговора современнаго судьи должно быть внутреннее, субъективное убѣжденіе, или, какъ говорятъ французы, conviction intime. Изъ всего этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, какъ было уже говорено выше, что судья долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ логическихъ правилъ, выработанныхъ опытомъ столѣтій, чтобы единственнымъ руководителемъ его была неопредѣленное чувство; нѣтъ, его убѣжденіе должно быть разумное, conviction raisonnée. Подъ словомъ «свобода» нужно разумѣть независимость отъ заранѣе установленныхъ законныхъ правилъ, а не отъ логическихъ правилъ вообще.

Теперь спрашивается: какія учрежденія, какія мѣропріятія именно должны служить суррогатомъ оставленной современными наукою и законодательствами законной теоріи доказательствъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ — изложить всѣ признанные въ настоящее время принципы уголовного судопроизводства. Къ возможно сжатоу изложенію ихъ и главныхъ ихъ послѣдствій мы и приступимъ.

Что касается до принципа *ласности* производства, то, несмотря на его важность для правильнаго хода юстиціи, мы о немъ распространяться не будемъ, какъ по причинѣ его общепризнанности (покрайней мѣрѣ относительно главнаго, или судебного слѣдствія, Hauptverfahren), такъ и потому, что онъ не прина-

длежитъ къ принципамъ, вліяющимъ на внутреннюю фізіономію процесса; это начало есть ничто иное, какъ, по выраженію *Zachariae**, «внѣшній придатокъ.»

Въ виду этого мы перейдемъ къ изложенію сущности другого принципа процесса — *устности*, или, точнѣе, *непосредственности* (*Unmittelbarkeit*) производства. Настоящая идея его состоитъ въ поставленіи судьи въ непосредственное, живое отношеніе къ цѣлому производству, въ предоставленіи ему возможности черпать заключенія непосредственно изъ источника, словомъ, принципъ этотъ требуетъ, чтобы между судьей и всѣми средствами познания не было посредника. Только въ такомъ его значеніи можно противопоставлять его принципу письменности производства, канцелярскому процессу, подъ которымъ, такимъ образомъ, нужно разумѣть такой порядокъ, когда между судомъ, постановляющимъ приговоръ, и всѣми доказательствами стоитъ посредникъ, въ лицѣ судьи — слѣдователя (*Inquirent*). Онъ собственно разрабатываетъ доказательства, онъ допрашиваетъ свидѣтелей, совершаетъ осмотры и результаты своихъ розысканій сообщаетъ суду, который на основаніи такихъ данныхъ постановляетъ окончательный приговоръ. Но такой порядокъ забракованъ теоріей, оставленъ и практикой. Теперь, въ силу противоположнаго начала, непосредственности, весь процессъ получилъ другую фізіономію. Слѣдующія положенія получившія научную и законную санкцію слѣдуетъ считать консеквенціями принципа устности.

1) Судъ долженъ, какъ мы сказали выше, черпать самъ изъ источниковъ, а не полагаться на положенія, добытыя изъ нихъ другими, въ другое время, — другими словами: въ основу, рѣшенія суда должна быть положена полная разработка, такъ сказать, сырого матеріала, необходимаго для приговора, а не письменные акты о результатахъ предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, центръ тяжести приговора нужно искать не въ предварительномъ слѣдствіи, которое поэтому и согласно своему названію должно только служить для приведенія въ извѣстность и

*) *Handbuch des deutschen Strafprozesses*, т. I, стр. 59.

собрания необходимаго матеріала, а въ судебномъ (главномъ, Hauptverfahren, Hauptuntersuchung, въ противоположность предварительному, Vorverfahren, Voruntersuchung), гдѣ и происходитъ всесторонняя разработка этого матеріала.

2) Производство должно быть непрерывно, ибо каждый перерывъ засѣданія, превышающій время, необходимое для реставрированія потраченныхъ судьями силъ, давая доступъ другимъ впечатлѣніямъ, ослабляетъ первоначальное живое, непосредственное вліяніе предшествовавшей перерыву процедуры.

3) По этому же не слѣдуетъ допускать отсутствія какого бы то нибыло субъекта процесса, необходимаго для производства и постановки приговора, равно и вредной для рѣшенія смѣны его другимъ лицомъ.

4) Наконецъ, какъ на послѣдствіе этогоже принципа можно смотрѣть на все болѣе и болѣе входящую въ сознаніе процессуалистовъ идею о необходимости устранить вторую инстанцію суда по вопросамъ факта *).

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ изложенію столь богатаго консеквенціями принципа судопроизводства, что отъ того или другаго пониманія его зависитъ вся фізіономія процесса. Мы говоримъ о такъ называемомъ *обвинительномъ*, или *состязательномъ* началѣ судопроизводства (Anklage-Princip, Verhandlungsmaxime, accusatorisches Princip), въ противоположность *слѣдственному*, *инквизиціонному*, *розыскному* (Inquisitorisches Princip, Untersuchungs-Princip). Считаеиъ нужнымъ предупредить читателя, что о сущности и слѣдовательно послѣдствіяхъ этого принципа не установилось еще въ современной наукѣ вполне единогласнаго мнѣнія.

Во всякомъ случаѣ, современная наука и законодательства, всѣ единогласно признають его основнымъ принципомъ судопроизводства и стараются такъ или иначе примирить свои отступленія отъ него съ основною его идеею, выставляя ихъ только какъ кажущіяся уклоненія, оправдываемыя какъ сущностью самаго

*) См. Zachariae, Handbuch, т. 1, стр. 48 и сл.

принципа, такъ и другими требованіями, началами процесса. Изъ писателей строже всѣхъ проводить этотъ принципъ въ деталяхъ процесса Планкъ *). Сочиненіе его можно считать за критику нѣмецкихъ партикулярныхъ законодательствъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго проведенія этого принципа. Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ читателямъ въ переводѣ характеристику Плянка, въ надеждѣ, что и они признаютъ за ней ту ясность и послѣдовательность, которою она, по нашему мнѣнію, отличается. Для постановленія уголовного приговора суду необходимо обладать тѣми данными, о которыхъ было говорено выше. Впрочемъ, что касается свѣдѣній о правѣ, то они предполагаются всегда на лицо у судьи, такъ что рѣчь здѣсь должна идти больше о добываніи чисто фактическихъ свѣдѣній. Теперь спрашивается: кому нужно ввѣрить заботу о собраніи и разработкѣ этого матеріала? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двояко. «По одному взгляду, матеріаль предлагается суду, самъ же онъ не принимаетъ при его собираніи никакого активнаго участія; онъ ограничивается обсужденіемъ представленнаго матеріала, рѣшеніемъ спора между лицами, которыя участвуютъ въ изысканіи.—По второму—судъ самъ собираетъ матеріаль, годный для признанія этого права (т. е. права государства на примѣненіе уголовного закона къ данному случаю). Первый взглядъ требуетъ необходимо появленія другихъ лицъ, которыя призываютъ рѣшеніе суда на матеріаль, представленный ими, и такъ какъ они преслѣдуютъ противоположные интересы, то и представляются сторонами. Ихъ дѣятельность въ процессѣ требуетъ законнаго нормированія, которое, исходя изъ руководящей идеи равенства правъ сторонъ, устанавливаетъ взаимныя права и обязанности, форму, порядокъ и силу дѣйствій сторонъ. Уголовный процессъ получаетъ, вслѣдствіе этого, форму *спора о правѣ* (Rechtsstreit). Его цѣль—правомѣрное признаніе или отрицаніе утверждаемаго *права* на уголовную кару. Руководящую здѣсь идею можно обозначить выраженіемъ: *состязательное начало* (Verhandlungsmaxime), обвини-

*) Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens.

тельный принцип (*Accusations,-Anklageprincip*). Для второго взгляда, напротивъ, появленіе другихъ лицъ есть нѣчто случайное, могущее быть разсматриваемо только какъ вспоможеніе судейской дѣятельности. Сторонъ онъ (взглядъ) не знаетъ; самъ обвиняемый въ преступленіи—только объектъ судейской дѣятельности. Все производство, на сколько оно имѣетъ своимъ предметомъ открытіе права на кару, получаетъ форму розыска (*Untersuchung*). Руководящая идея здѣсь обозначается выраженіями: слѣдственный, розыскной, инквизиціонный принципъ (по нѣмецки: *Untersuchungsmaxime, Inquisitionsprincip*).

Только эта противоположность въ производствѣ, обязанная своимъ происхожденіемъ различному пониманію задачи суда и, слѣдовательно, сторонъ, принадлежитъ процессуальному праву. Между тѣмъ, многіе правовѣды съ двумя выраженіями, при этомъ употребляемыми, связываютъ совершенно другія понятія. Основаніемъ для различенія служитъ имъ не дѣятельность или недѣятельность суда при собираніи необходимаго для приговора матеріала, а активность или пассивность *государства*. Государство можетъ, въ самомъ дѣлѣ, относиться къ осуществленію уголовного права пассивно. Такъ было, какъ это еще и теперь въ гражданскихъ дѣлахъ, въ древне-римскомъ и германскомъ правѣ, пока господствовалъ взглядъ на преступленіе, какъ на частное правонарушеніе. Слѣдствіе недѣятельности состоитъ въ томъ, что собираніе матеріала предоставляется ищущимъ права, т. е. сторонамъ, поэтому подлежитъ ихъ произволу. Однако государство можетъ въ этомъ дѣлѣ принимать активное участіе. И это направленіе выступило въ исторіи тотчасъ, какъ только развился взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе самаго правового порядка. Но активность государства проявляется въ самыхъ различныхъ нормахъ: или въ томъ, что частныя лица побуждаются къ осуществленію карательнаго права обѣщаніемъ наградъ или страхомъ наказанія; или въ установленіи должностныхъ лицъ съ обязанностію разслѣдовать преступленія и преслѣдовать передъ судомъ; или, наконецъ, въ уполномочиваніи самихъ судовъ дѣятельно вліять на собираніе матеріала. Не всѣ эти проявленія по-

рождають особенныя *процессуально-правовыя* формы. Первые два сами по себѣ безразличны для организаціи процесса. Последнее производит своеобразное измѣненіе въ положеніи субъектовъ процесса и чрезъ это въ содержаніи и порядкѣ процессуальныхъ дѣйствій, потому что оно изъемереть изъ произвола сторонъ собираніе и эксплуатацію матеріала. Хотя этотъ институтъ и можетъ быть примиренъ въ первоначальномъ своемъ историческомъ проявленіи съ старыми формами, однако можетъ развиться до того, что это собираніе и пользованіе матеріаломъ предоставляется исключительно суду, необходимымъ слѣдствіемъ чего будетъ исчезновеніе сторонъ. И такъ, нѣкоторые подразумеваютъ подъ инквизиціоннымъ принципомъ начало указаннаго выше активнаго участія государства при преслѣдованіи преступленій. Въ такомъ случаѣ настоящимъ противоположеніемъ ему былъ бы не обвинительный принципъ, а начало пассивности государства. Это различіе, однако, какъ бы оно ни было законно, вовсе не процессуальнаго характера, а политическаго. Оно даетъ *мотивъ* законодательству организовать уголовное производство такъ или иначе; внутреннее же существо процесса не можетъ быть изъ него узнано. Утвержденіе противнаго покоилось бы на ошибочномъ представленіи, что сказанное дѣятельное участіе государства можетъ только проявляться въ предоставленіи постановляющему приговоръ суду активной роли при собираніи и эксплуатаціи матеріала. Именно поэтому дѣйствіе вышеупомянутаго различія распространяется за передѣлы уголовного процесса, вступая уже въ область уголовного права. Здѣсь законодательство рѣшаетъ сообразно съ нимъ вопросъ, какія лица должны принять на себя роль ходатаевъ государства при осуществленіи права его на уголовную кару и область ихъ полномочія, равно какъ и правовое положеніе преступника въ виду ему предстоящей обязанности подчиниться наказанію. Въ первомъ отношеніи осуществленіе этой права на наказаніе предоставляет то самому потерпѣвшему отъ преступленія лицу, то каждому изъ народа, то особымъ должностнымъ лицамъ государства, при томъ или такимъ, которымъ оно вверено какъ ихъ исключительное занятіе, или такимъ, которыя

какъ напр. судьи, рядомъ съ этимъ отправляютъ еще другія функціи. Въ послѣднемъ отношеніи лицу обязанному (т. е. подсудимому) предоставляется бѣльшій или меньшій просторъ касательно его свободнаго подчиненія (конечно наказанію). Если у насъ принято излагать относящіяся сюда правовыя положенія большею частью при изложеніи системы процесса, потому что ихъ послѣдствія преимущественно выступаютъ въ производствѣ; то для установленія понятій представляется необходимымъ уяснить собѣ ихъ настоящее положеніе въ системѣ права, и принять въ соображеніе, что они, т. е. вышеупомянутыя двоякаго рода нормы, настолько же принадлежатъ матеріальному уголовному праву, какъ ученіе о кредиторѣ и должникѣ—гражданскому праву въ противоположность гражданскому процессу*).

Итакъ, если возвратиться къ вышеупомянутой противоположности въ пониманіи предстоящей уголовному суду задачи, бѣлье подробное развитіе которой (противоположности) принадлежитъ исключительно процессуальному праву; то строгое проведеніе перваго взгляда повело-бы къ *обвинительному процессу*, т. е. такой процессуальной формѣ, въ которой судъ въ своихъ функціяхъ ограничивается управленіемъ ходомъ производства (*Processleitung*) и произнесеніемъ окончательнаго приговора, сторонамъ же исключительно предстоитъ собираніе и представленіе матеріала. Первое, управленіе ходомъ процесса, обнимало бы право и обязанность уголовного суда заботиться о томъ, чтобы стороны соблюдали правильныя процессуальныя формы и правовыя нормы, равно какъ и принимать мѣры, имѣющія цѣлью сдѣлать предложенный сторонами матеріалъ понятнымъ и, такимъ образомъ, годнымъ служить рѣшенію; второе, произнесеніе приговора—имѣющее обязательную силу разрѣшеніе вопроса о томъ, послѣ сопоставленія представленнаго матеріала съ закономъ, правомѣрно въ настоящемъ случаѣ. Напротивъ, сторонамъ было бы предоставлено

*) Вьглядѣ, оспариваемаго Планкомъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ, придерживаются многіе старыя процессуалисты нѣмецкіе. напр. Винеръ.

предварительное разслѣдованіе матеріала, необходимаго для обвиненія или для защиты, форма, въ которой предлагается онъ суду (утвержденіе или признаніе), веденіе аргументаціи. Активное отношеніе государства къ преслѣдованію преступленій вообще равно соимѣстимо съ этой формой процесса, именно посредствомъ установленія органовъ, какъ для разработки служащаго къ обвиненію матеріала, такъ и для поддержки подсудимаго, — въ обоихъ отношеніяхъ посредствомъ института повѣренныхъ на судѣ (Anwaltschaft, т. е. прокуратуры и защиты). Эта процессуальная форма, для полного достиженія цѣли всякаго судопроизводства — согласія приговора съ истиннымъ содержаніемъ спорнаго правоотношенія, — предполагаетъ тщательную обработку законодательства, рассчитанную на то, чтобы обезпечить каждой сторонѣ возможно широкій и равный кругъ дѣятельности для осуществленія ея справедливыхъ требованій. Она (процессуальная форма) гарантируетъ подсудимому соответствующее личному достоинству его, какъ гражданина, правовое положеніе, въ силу котораго онъ находится, касательно своихъ угрожаемыхъ наказаніемъ правъ, въ положеніи равнаго съ государственнымъ цѣлымъ. Она же гарантируетъ суду, далѣе, необходимое для управленія ходомъ засѣданія и произнесенія приговора безпристрастіе, освобождая его отъ несовмѣстимыхъ съ этимъ для человѣческихъ силъ функций по собиранію необходимаго матеріала. Напротивъ, при этой формѣ законъ долженъ установить напередъ съ неумолимою строгостью послѣдствія недѣятельности или неправильной дѣятельности сторонъ и признать даже недостаточный матеріалъ единственнымъ основаніемъ приговора*). Впрочемъ, вытекающія

*) Всякую, даже только вспомогательную дѣятельность суда, являющуюся цѣлью исполнить недостаточную дѣятельность сторонъ по собиранію доказательствъ, Планкъ (стр. 154, sub. 2) считаетъ уже порожденіемъ слѣдственнаго принципа и, слѣдовательно, уклоненіемъ отъ строгаго соблюденія обвинительнаго началъ. Конечно, это не слѣдуетъ понимать такъ, что судъ не имѣетъ права вліять на разработку собранныхъ уже доказательствъ, что онъ не можетъ предлагать, напр., свидѣтелямъ послѣ перекрестнаго допроса ихъ сторонами нѣкоторыхъ вопросовъ. Въ этомъ правѣ нельзя видѣть нарушенія

отсюда опасности отклоняетъ она посредствомъ института ходатаевъ на судъ (*Anwaltschaft*, т. е. прокурора — *Staatsanwalt* и защитника — *Rechtsanwalt*), въ лицѣ которыхъ государство даетъ, даже противъ воли, каждой сторонѣ свѣдущаго въ правѣ помощника; въ чрезвычайныхъ же случаяхъ, неотвращенный такимъ образомъ вредъ можетъ быть удаленъ институтомъ возобновленія уголовного дѣла (*Rechtsmittel der Restitution*) или, наконецъ, правомъ помилованія, принадлежащимъ главѣ государства.

Второе воззрѣніе, напротивъ, въ строгомъ своемъ проведеніи, ведетъ къ чистому слѣдственному процессу, въ которомъ собраніе матеріала принадлежитъ исключительно дѣятельности призваннаго для постановленія приговора суда. Начало, продолженіе, направленіе и заключеніе производства должно, поэтому, подлежать единственно судебному усмотрѣнію, рѣшительное вліаніе третьихъ лицъ не имѣетъ мѣста. Самъ подсудимый разсматривается только какъ ближайшій источникъ для заключенія относительно сомнительныхъ фактовъ, не иначе, какъ и всякій третій, который, въ качествѣ свидѣтеля или свѣдущаго лица, можетъ сообщить какія-нибудь идущія къ дѣлу свѣдѣнія. Поэтому, отъ него, какъ и отъ всякаго другаго, требуется истина, и это требованіе санкціонуется принудительными мѣрами. Такъ какъ показанія подсудимаго въ высшей степени цѣнны для образованія того или другаго судебскаго убѣжденія, то судъ, при собраніи матеріала съ цѣлью открытія истины, будетъ оперировать преимущественно надъ нимъ, или, другими словами: дѣятельность суда приметъ направленіе къ полученію признанія. Эта форма процесса несомнѣнна съ строгою, напередъ закономъ устано-

обвинительнаго начала, ибо отъ этого судъ не становится еще въ положеніе стороны, не терять безпристрастія, какъ теряетъ въ томъ случаѣ, если самъ завѣдываетъ *собираніемъ* матеріала, необходимаго для приговора. Въ предоставленіи суду этого права нужно видѣть только необходимое средство для отклоненія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыми отличается и обвинительный принципъ, какъ таковой. Въ самомъ дѣлѣ, обвинительный принципъ есть ничто иное, какъ принципъ раздѣленія труда, въ примененіи къ судопроизводству. Но всякому раздѣленію труда, въ особенности въ сферѣ дѣятельно-

вленною, регламентаціею. Она будетъ всегда имѣть тенденцію къ нарушенію даже тѣхъ немногихъ границъ, которыя законъ установилъ судейскому произволу въ дѣятельности по собиранію и эксплуатаціи доказательствъ, и къ признанію единою руководящею идеею правилъ цѣлесообразности, устанавливаемыхъ по соображеніи обстоятельствъ даннаго случая.

По этому самому она (эта форма) идетъ вообще въ разрѣзъ съ научно правовымъ развитіемъ и ставитъ на его мѣсто только руководство, сводящее приобрѣтенныя опытомъ положенія. Подсудимаго она отдастъ въ полное распоряженіе изслѣдующаго суда, самостоятельность его личности она не можетъ признать. Конечно, и въ ней заботятся о безпристрастномъ собираніи доказательствъ, какъ въ интересахъ невинности подсудимаго, такъ и его виновности, вслѣдствіе чего о пробѣлѣ, причиненномъ оплошностью стороны, не можетъ быть и рѣчи. Однако, противъ пристрастія самаго слѣдственнаго суда она (эта форма) не пред-

сти духа, грозитъ опасность, что участвующіе въ производствѣ факторы съ спеціальными функціями могутъ другъ друга не понять, и вслѣдствіе этого самый продуктъ ихъ общей дѣятельности выйдетъ неудачнымъ. Для предупрежденія подобныхъ недоразумѣній общиновенно рекомендуется, чтобы эти факторы болѣе подробно уясняли другъ другу, чего каждому изъ нихъ нужно отъ другаго. Очевидно, что такого рода соглашеніе нельзя считать нарушеніемъ принципа раздѣленія труда и вслѣдствіе этого незаконнымъ. Правда, оно переходитъ въ таковое нарушеніе, если обращается въ совмѣстное управленіе разнородными органами однихъ и тѣхъ же функцій. Но все зависитъ отъ мѣры. Если смотрѣть на всякое воздѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ другъ на друга, имѣющее цѣлью единственно устраненіе недоразумѣній, какъ на незаконное уклоненіе отъ принципа раздѣленія труда, то тогда собственно немогло бы быть и рѣчи о такомъ широкомъ примѣненіи этого начала къ умственному производству, какое представляетъ дѣйствительность.

Мало того, вѣдь въ рекомендуемой Планкомъ законной теоріи доказательствъ нельзя, между прочимъ, не видѣть средства къ установленію такого взаимнаго соглашенія между судомъ и сторонами. Разница отъ тѣхъ соглашеній между ними, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь, только въ томъ, что въ первомъ случаѣ (законная теорія доказательствъ) самъ законодатель беретъ на себя роль посредника, омончательно устанавливая пункты соглашенія; во второмъ же это достигается непосред-

ставляетъ *ex se* никакой ручательства, Пристрастіе же, которое можетъ быть порождено предшествующимъ приговору собираніемъ матеріала, можетъ она отклонить, хотя не вполне, учрежденіемъ, противорѣчающимъ, однако, ея существу, — учрежденіемъ, въ силу котораго для обѣихъ занятій назначаются спеціальныя судебныя органы. — Ошибочно, поэтому, утверждать, что только слѣдственный принципъ способенъ вести къ матеріальной истинѣ. Не менѣе же ошибочно утверждать, что признанная новѣйшею наукою природа преступленія требуетъ этого же принципа. Эта природа требуетъ только такого активнаго участія государства, посредствомъ котораго отклоненъ былъ бы вредный производъ сторонъ. Достиженіе же этого возможно при институтѣ прокуратуры и адвокатуры. Такимъ путемъ достиженіе матеріальной истины, на сколько она вообще *доступ-*

ственнымъ сношеніемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Но эта разница, какъ таковая, не имѣетъ ничего общаго съ противоположностью между обвинительнымъ и слѣдственнымъ принципами. Правда, второй способъ установленія гармоніи въ дѣятельности факторовъ процесса удобнѣе для нарушенія ими границъ. Впрочемъ, и здѣсь публичность процесса представляетъ достаточную гарантію.

Впрочемъ, Планкъ увлекается въ проведеніи конвенцій обвинительнаго начала до того, что высказываетъ такія положенія, съ которыми не согласится ни одно законодательство. Такъ, онъ высказываетъ, въ качествѣ конвенцій обвинительнаго принципа, положеніе, по которому подсудимый не долженъ быть принуждаемъ къ выдачѣ документовъ, обличающихъ его также точно, какъ онъ не можетъ быть принужденъ къ показанію противъ себя (стр. 237 и сл.). Далѣе, по поводу дѣятельности адвоката, Планкъ говоритъ: «die Ablegung eines Geständnisses zu widerrathen müsste daher nach den Gesetzen gestattet sein, welche eine Pflicht des Angeklagten den Ankläger durch Geständnisse zu unterstützen nicht anerkannten» (стр. 49 и сл.) Очевидно, что ни то, ни другое положеніе не можетъ быть принято, да его нельзя разсматривать собственно какъ послѣдствіе обвинительнаго начала. Начало это требуетъ только, чтобъ вообще въ процессѣ было двѣ стороны, разрабатывающія дѣло съ равныхъ точекъ зрѣнія. Такими сторонами являются прокуроръ и защитникъ. Но оно не требуетъ, чтобы процессъ былъ лишень какихъ бы то нибыло доказательствъ (напр. признанія подсудимаго). Если современное процессуальное право и возстаетъ противъ всякаго воздѣйствія

на челоуьку, гораздо болѣе обезпечено, чѣмъ смѣшеніемъ въ лицѣ суда несомѣстныхъ функций*).

Между охарактеризованными такимъ образомъ Планкомъ крайними формами, онъ помѣщаетъ еще переходныя, промежуточныя, изъ которыхъ однѣ стоятъ ближе къ обвинительному, другія — къ слѣдственному началу. Описывать ихъ мы не станемъ; скажемъ только, что по типу этихъ промежуточныхъ формъ построены почти все континентальныя европейскіе кодексы**).

Впрочемъ, въ послѣднее время въ наукѣ и даже у законодателей замѣтно стремленіе къ дѣйствительному проведенію обвинительнаго начала, такъ давно обѣщаннаго и остававшася до сихъ поръ мертвою статью въ конституціяхъ разныхъ государствъ. Въ послѣдующихъ строкахъ мы постараемся вкратцѣ изложить главнѣйшія положенія, вытекающія изъ обвинительнаго принципа, насколько они приняты большинствомъ представителей современной науки.

1) Начало всякаго процесса обусловлено предложеніемъ объ этомъ со стороны прокурора. Никакой слѣдователь не можетъ начать предварительнаго слѣдствія, не получивши такого предложенія со стороны обвинительной власти. Всякое, дошедшее до слѣдователя или другаго должностнаго и даже частнаго лица, свѣдѣніе о преступленіи должно быть сообщено прокурору, отъ

на подсудимаго съ цѣлью заставить его доказывать противъ себя, въ формѣ физической или нравственной пытки, такъ это только потому, что самыя показанія теряютъ въ этомъ случаѣ всякую цѣну. Но это не значитъ, что желательно, чтобы во всякомъ процессѣ фигурировалъ подсудимый, отрицающій виновность. Вообще за подсудимымъ также точно должно признанъ обязанность показывать истину, какъ и за потерпѣвшимъ лицомъ. Заирательство естественной обороняющейся стороны также мало желательно, какъ мало желательно во что бы ни стало вредныя для подсудимаго показанія естественнаго обвинителя (потерпѣвшаго лица). Въ обоихъ субъектахъ нужно признавать особаго рода свидѣтелей, хотя такихъ, съ показаніями которыхъ нужно обращаться осторожно.

*) Planck., Syst. Darst. d. d. Strafv., стр 147—15

**), Въ Англии и Америкѣ судопроизводство построено на строгомъ соблюденіи обвинительнаго начала.

котораго зависить, дать ли ему дальнѣйшій ходъ или оставить безъ послѣдствій^{*)}). Исключеніе допускается тогда, когда такое выжидательное положеніе слѣдователя повредило бы самому дѣлу, давая возможность слѣдамъ преступленія изгладиться и пр. Въ этихъ случаяхъ слѣдователь уполномочивается на производство такихъ, нетерпящихъ отлагательства дѣйствій безъ предложенія прокурора. Что-же касается до дальнѣйшаго производства, то оно уже обусловлено требованіемъ обвинительной власти.

2) Въ такой-же строгой зависимости отъ заявленій обвиненія должно находиться дѣло въ продолженіе всего хода процесса. Преслѣдованіе должно производиться только противъ тѣхъ же лицъ и по тѣмъ только дѣяніямъ ихъ, которыя обозначены въ предложеніи прокурора. Относительно новыхъ лицъ и дѣяній дѣйствуетъ предъидущее правило (sub.**). Мало того. Обвинительный принципъ требуетъ, далѣе, чтобы соблюдалось не только тождество дѣянія, но и его фактическая обстановка и юридическая квалификація, на сколько это представляется необходимымъ для возможности защиты. Мы касаемся самаго спорнаго вопроса въ наукѣ уголовного процесса, именно вопроса о рациональномъ установленіи предѣловъ *измѣненія первоначальнаго обвиненія****). Обвиненіе есть ничто иное, какъ, такъ сказать, проектъ будущаго приговора, и какъ таковой, должно заключать въ себѣ тѣ-же составныя части, что и послѣдній.

Итакъ, въ обвиненіи нужно различать двѣ стороны: конкретную, фактическую и абстрактную, юридическую. Теперь спрашивается, какія изъ измѣненій въ обоихъ этихъ отношеніяхъ допустимы безъ нарушенія обвинительнаго начала, какія нѣтъ?

*) О произвогѣ прокурора въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, (см. выше).

**) Литературу см. у Zachariae, Handbuch, т. II, стр. 508.

***) Нашъ уставъ уг. судопр. не ставитъ судъ въ зависимость отъ предложеній обвинительной власти. Такъ статьи 751 и 752 уполномочиваютъ судъ ставить, по его усмотрѣнію, вопросы о новыхъ дѣяніяхъ подсудимаго, непредусмотрѣнныхъ обвинительнымъ актомъ.

Что касается до фактической стороны, то предѣлы позволительнаго измѣненія въ ея содержаніи станутъ сами собою ясны, если установить тотъ *minimum* конкретныхъ обстоятельствъ, который долженъ заключаться какъ въ обвиненіи, такъ и въ приговорѣ вообще, слѣдовательно, все то, что должно остаться не тронутымъ въ продолженіе всего процесса.

Дѣло въ томъ, что ни одинъ теоретикъ, ни одинъ законодатель не помышлялъ о томъ, чтобы обвиненіе и приговоръ были формулированы совершенно *in abstracto*, только словами закона. Никого не осуждаютъ вообще въ убійствѣ, въ кражѣ и пр., а въ такомъ-то убійствѣ, совершенномъ при такихъ-то обстоятельствахъ. Всегда, слѣдовательно, требовалось извѣстное количество конкретныхъ признаковъ какъ въ обвиненіи, такъ и въ приговорѣ; дѣло идетъ только о мѣрѣ такого конкретизированія (иначе — индивидуализированія, специализированія). — Положенія, касающіяся этого вопроса, выработаны наукою не сразу; въ этомъ отношеніи можно прослѣдить нѣсколько фазисовъ, связанныхъ съ именами различныхъ ученыхъ авторитетовъ. Очевидно, что и здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ науки права, опредѣленіе подобнаго *quantum'a* возможно не цифрами и не точнымъ пересчисленіемъ предметовъ: рѣшеніе этого вопроса возможно только установленіемъ руководящей идеи, принципа, при примѣненіи котораго къ практикѣ нужно сообразоваться съ обстоятельствами даннаго дѣла. И здѣсь, какъ и вездѣ, повторяется явленіе, что чѣмъ болѣе абсолютности во взглядѣ, чѣмъ болѣе подобный критерій походить на шаблонъ, тѣмъ менѣе шансовъ на внутреннюю правду такого взгляда. Наконецъ и здѣсь имѣетъ свое приложеніе тотъ законъ развитія, по которому одна крайность вызываетъ другую до тѣхъ поръ, пока изъ такихъ крайнихъ взглядовъ, путемъ постепенныхъ сглаживаній и поправокъ, не установится болѣе согласное съ истиною ученіе. Все сказанное подтверждается ходомъ развитія взглядовъ по этому предмету, къ сжатоу изложенію котораго мы и приступимъ.

Весьма понятно, что теоретики эпохи пересозданія процесса, дѣйствовавшего на континентѣ Европы до 1848 года, стоя въ положеніи критиковъ современныхъ имъ законодательствъ и прак-

тики, не имѣли за собой шансовъ на вѣрное рѣшеніе этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, реагируя противъ крайности, въ которую впала тогдашняя практика, требовавшая занесенія въ вопросы присяжнымъ (вопросы составляютъ гезитѣ обвиненія и выстѣ основу приговора) возможно бѣльшаго количества конкретныхъ фактовъ въ ущербъ законнымъ признакамъ, тогдашніе ученые должны были сами обратиться къ другой крайности. Все вниманіе свое они обратили на законные признаки. Съ энергіей отставвали они необходимость предложенія вопросовъ присяжнымъ въ выраженіяхъ закона, забывая почти о необходимости конкретизированія законныхъ понятій. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., одинъ изъ уважаемыхъ ученыхъ, много разъ нами цитированный Планкъ *).

Позднѣ Гуго Мейеръ**), желая установить принципъ конкретизированія, эксплуатировалъ съ этою цѣлью извѣстное начало *non bis in idem*. Онъ считаетъ нужнымъ имѣть въ виду столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы изъ нихъ можно было констатировать тождество рѣшеннаго дѣла, для предупрежденія возможности вторичнаго суда надъ тѣмъ-же лицомъ и за тоже преступное дѣяніе. Затѣмъ онъ даетъ образчики примѣненія этого принципа, изъ которыхъ видно, что самый масштаб устанавливается напередъ, *in abstracto*, безъ принятія въ расчетъ индивидуальныхъ свойствъ дѣянія. Все, что принимается Мейеромъ при этомъ въ соображеніе, такъ это только видовыя особенности различныхъ разрядовъ преступленій. Но этотъ критерій не вѣреть***). Впоследствии на мѣсто его Баръ****) установилъ слѣдующій принципъ. Масштабомъ при конкретизированіи должны служить не второстепенныя соображенія, — именно доставленіе под-

*) Syst. Darst. d. d. Straf., стр. 400 и сл.

**) Вопросы права и факта, въ переводѣ Таганцева и статью Мейера въ Архивъ Гольдшммера, т. X, стр. 227—237, 337—348, 377—388.

***) См. критику у Бара, Recht und Beweis, стр. 71 и сл.

****) Recht und Beweis, стр. 76 и сл.

судимому возможности предъявить против будущаго обвиненія въ томъ же дѣяніи *exsertionem rei judicatae*, — а интересы защиты. Такимъ образомъ, какъ обвиненіе, такъ и приговоръ должны заключать въ себѣ столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы подсудимый, при предположеніи его невинности, — а такое предположеніе должно имѣть мѣсто во всякомъ процессѣ, — имѣлъ возможность организовать свою защиту, каковая возможность опредѣляется, въ свою очередь, не а priori, а изъ соображенія обстоятельствъ даннаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, все дѣло можетъ иногда вращаться около какого-нибудь такого пункта, который въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого значенія для исхода процесса. Напр., для подсудимаго, имѣющаго намѣреніе представить доказательство *alibi*, очень важно точное констатированіе времени преступленія, иногда не только дня, но и часа.

Вообще никакая защита противъ исполнѣ абстрактно формулированнаго обвиненія невозможна. Разрѣшеніе же вопроса, какая конкретная обстановка необходима съ точки зрѣнія возможности защиты, мыслимо, какъ сказано выше, только по соображеніи обстановки даннаго дѣла.

Впослѣдствіи Баръ нѣсколько видоизмѣнилъ эту формулу. Именно, по его позднѣйшему взгляду, какъ вопросы присяжнымъ, такъ и обвиненіе, должны заключать столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы аргументація, тема которой формулируется въ этихъ вопросахъ и приговорѣ, могла служить достаточно опредѣленнымъ основаніемъ приговора.

Вообще, если устранить всю фактическую обстановку, то и самое бытіе такого абстагированнаго дѣянія представляется сомнительнымъ, даже вовсе неспособнымъ служить предметомъ аргументаціи. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, какъ это признаетъ самъ Баръ, обѣ эти точки зрѣнія совпадаютъ, такъ что поправка имѣетъ скорѣе теоретическое значеніе*).

Вотъ тотъ *minimum*, та фактическая обстановка, которая должна быть не тронутаю въ продолженіе всего процесса. Всѣ до-

*) *Gerichtssaal*, Jahrg. 19, стр. 420 и сл.

пустымя измѣненія въ конкретныхъ обстоятельствахъ должны, слѣдовательно, находиться за предѣломъ этого *minimum'a*.

Итакъ, во все предложеніе процесса нужно имѣть въ виду одно и тоже дѣяніе подсудимаго въ такой конкретной обстановкѣ, чтобы самая аргументація приобрѣла необходимую твердость, или, иначе, чтобы возможна была защита подсудимаго. Что касается фактовъ, не входящихъ въ эту конкретную обстановку, то исправленіе неточности при описаніи ихъ въ обвиненіи допустимо, ибо это не вредитъ интересамъ защиты (*falsa demonstratio non nocet.*)

Эта неподвижность извѣстной части конкретнаго матеріала уже сама собою обусловливаетъ и постоянство юридической квалификации дѣянія, ибо новая квалификация, всякій дѣйствительно *новый* законный признакъ, предполагаетъ и *новый* конкретный фактъ, въ которомъ первый реализуется.

Понятно, такимъ образомъ, что позволительны, во-первыхъ, исправленія въ квалификаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого не требуется установленія новыхъ, не указанныхъ въ обвиненіи фактовъ, что бываетъ въ случаѣ явной ошибки обвиненія въ правовой оцѣнкѣ дѣянія (*Falsa denominatio non nocet*). Здѣсь не можетъ быть рѣчи о нарушеніи интересовъ защиты, ибо предполагается, что въ правѣ всѣ участвующія лица свѣдуци (при существованіи повѣренныхъ), такъ что неимѣютъ нужды въ особой подготовкѣ при поправкѣ ошибочной юридической квалификации. На этомъ же основаніи, во-вторыхъ, допускается и въ случаѣ явной ошибки переходъ (при сохраненіи, конечно, указаннаго выше конкретнаго минимума) къ другому виду преступленія, если для наличности его законныхъ признаковъ не требуется особой противъ прежней фактической подкладки. Такъ, напр., возможны переходы отъ обвиненія въ умышленномъ преступленіи къ неосторожному, иногда отъ обвиненія въ главномъ виновничествѣ къ пособничеству, отъ убійства предумышленнаго къ убійству безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и пр. Вообще, если строго придерживаться обвинительнаго начала, вопросъ о большемъ или меньшемъ наказаніи за дѣяніе въ измѣнившейся квалификаціи, не

можетъ служить критеріемъ при сужденіи о допустимости такого измѣненія. Подсудимому необходимо обезпечить возможность защиты, а не утѣшать его тѣмъ, что за преступленіе въ настоящемъ его видѣ полагается меньшее, чѣмъ прежде, наказаніе; ибо и меньшее наказаніе—все таки большое зло, если оно присуждено безъ надлежащихъ гарантій и, слѣдовательно, невинному*).

Изъ этого всего видно, что и здѣсь, какъ и вездѣ при раздѣленіи труда между нѣсколькими дѣятелями, возможны случаи недоразумѣнія, разногласіе между различными факторами, вредящія дѣлу. Обвинитель можетъ смотрѣть на дѣло иначе, чѣмъ судья; въ этомъ случаѣ, при принципѣ неизмѣняемости обвиненія, невозможно рѣшеніе, исчерпывающее возможные точки зрѣнія на дѣло. Вслѣдствіе этого происходитъ приговоръ, несоотвѣтствующій (съ точки зрѣнія суда), вполне истинному положенію вещей; во всякомъ случаѣ, судья часто испытываетъ нѣкоторое нравственное насиліе въ формѣ неизмѣннаго обвиненія, приговоръ не есть полное выраженіе того, что онъ находитъ справедливымъ въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, теорія и законодательства придумали нѣкоторые коррективы противъ этого зла. Къ нимъ относятся, кромѣ упомянутыхъ выше случаевъ не вредящаго защитѣ измѣненія обвиненія**), слѣдующія мѣры, принаровленные къ другимъ отношеніямъ. Такъ, на судебномъ слѣдствіи могутъ открыться новые факты и доказательства, не бывшіе на усмотрѣніи обвинительной камеры (которая, какъ извѣстно, на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду или о прекращеніи дальнѣйшаго преслѣдованія подсудимаго), при чемъ эти факты представляютъ дѣло въ иномъ видѣ. Здѣсь хотя измѣненіе

*) Не такъ строгъ въ соблюденіи обвинительнаго принципа нашъ уставъ уг. суд. (ст. 751). Съ нимъ согласны новый австрійскій кодексъ уг. суд. 23 мая 1873 г. (ст. 320) и большинство нѣмецкихъ кодексовъ, за исключеніемъ Брауншвейгскаго, слѣдовавшаго и здѣсь началамъ англійскаго процесса.

**) Поэтому такія измѣненія могутъ быть реализованы въ томъ же судебномъ засѣданіи, безъ новаго обвинительнаго акта.

обвиненія и невозможно въ этомъ засѣданіи (развѣ подсудимый соглашается, и судъ не находитъ къ этому препятствій); однако всетаки возможно принять во вниманіе это видоизмѣненіе, давши только возможность подсудимому, посредствомъ отсрочки засѣданія, подготовиться къ защитѣ по новому обвиненію. Въмѣсто этой мѣры, рекомендуется обыкновенно другая, имѣющая передъ первой много преимуществъ. Она заключается въ предоставленіи прокурору, по разрѣшеніи первоначальнаго обвиненія, преслѣдовать подсудимаго новымъ обвиненіемъ, модифицированнымъ откровенными на судебномъ слѣдствіи фактами (такъ называемый *Vorbehalt weiterer Verfolgung*).— Впрочемъ, эти двѣ мѣры только до нѣкоторой степени отклоняютъ вредныя послѣдствія возможнаго при всякомъ раздѣленіи труда несопаденія взглядовъ различныхъ спеціальныхъ факторовъ производства. Въ самомъ дѣлѣ, если прокуроръ не обращаетъ вниманія на возможность другой точки зрѣнія на дѣло, изъ которой, быть можетъ, исходитъ судъ, а поддерживаетъ прежнюю, которую судъ считаетъ неправильною; то дальнѣйшею дѣятельностью онъ не только не помогаетъ суду въ его стремленіи постановить согласный съ истиннымъ положеніемъ вещей приговоръ, — если мѣриломъ истины признать субъективное убѣжденіе суда*), — но даже уклоняетъ, удаляетъ. Если же воспретить суду, какъ это и требуетъ обвинительный принципъ, быть иниціаторомъ въ процессѣ, то такое разногласіе во взглядахъ между прокуроромъ и судомъ даже пресѣкаетъ всякое существенное отклоненіе послѣдняго отъ области, очерченной прокуроромъ въ его взглядѣ на дѣло. Исчерпывающее рѣшеніе дѣла, поэтому, становится невозможнымъ. Вообразимъ себѣ, напр. что, на взглядъ суда, судебное слѣдствіе доставило матеріалъ, необходимый для предоставленія прокурору, по рѣшенію дѣла въ прежнемъ видѣ, права предъявить новое обвиненіе. Если прокуроръ не находитъ этотъ матеріалъ годнымъ для измѣненія обвиненія и, слѣдовательно, не воспользуется

*) А другой мѣрки для этого нѣтъ, согласно теперешнему положенію науки (см. выше.)

принадлежащимъ ему правомъ, то судъ долженъ будетъ ограничиться разсмотрѣніемъ его въ первоначальномъ видѣ, не имѣя возможности, такимъ образомъ, высказаться вполне.— Но эти недостатки составляютъ атрибутъ всякаго раздѣленія труда, которое, какъ и всякое твореніе чловѣка, не лишено погрѣшностей, тѣневыхъ сторонъ. Искать совершенства здѣсь, какъ и вездѣ, было бы мечтой, неосуществимой при какомъ-угодно усилии.—

3) Наконецъ, въ качествѣ консеквенціи обвинительнаго принципа, касающейся отношенія обвиненія къ приговору, рекомендуется многими теоретиками и санкціонируется даже законодательствомъ *) постановленіе, въ силу котораго обвинитель во всякое время можетъ взять назадъ свое обвиненіе, что, въ свою очередь, дѣлаетъ приговоръ суда излишнимъ. Здѣсь, такимъ образомъ, отказъ прокурора разсматривается, какъ суррогатъ приговора.

До сихъ поръ мы касались такихъ консеквенцій обвинительнаго начала, въ которыхъ выражается отношеніе продукта дѣятельности обвинителя (обвиненія) къ приговору суда. Что же касается до того вліянія на этотъ приговоръ, которое имѣетъ другая сторона въ процесѣ, т. е. подсудимый и его защитникъ, то относительно этого большинство процессуалистовъ **) сходятся на томъ, что рѣшительнаго значенія заявленіямъ обвиняемаго придавать нельзя, въ силу начала публичности уголовного процесса. Такимъ образомъ, желаніе подсудимаго подвергнуться уголовному наказанію, проявляющееся въ признаніи, можетъ реализоваться только послѣ провѣрки судомъ справедливости признанія, что, такимъ образомъ, дѣлаетъ неизбѣжнымъ и въ этомъ случаѣ приговоръ суда.

Изложенныя до сихъ поръ положенія уголовного процесса, исходя изъ общепризнанныхъ основныхъ принциповъ, равно обязательны при всякой организаціи уголовныхъ судовъ. Извѣстно,

*) См., напр., приведенныя выше статьи новаго австрійскаго устава уголовного судопроизводства 1873 года 23 мая.

**) За исключеніемъ Планка. Syst. Darst., стр. 357 и сл.

что исторія знаетъ три типа послѣднихъ. Прежде всего, судъ можетъ творить вся община, вся свободная часть населенія или непосредственно, въ народномъ собраніи, или представляемая коллегію, состоящую изъ избранныхъ для этого гражданъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Это—чисто народная юстиція. Таковы суды въ Римѣ временъ комицій, *quaestionum perpetuarum*, въ древней Германіи, гдѣ судьями были сначала такъ называемые *sagibarones*, *gachimburgi*, затѣмъ, со времени Карла Великаго, *scabini* (по нѣмцамъ *Schöffen*). — Съ тѣхъ поръ какъ народъ пересталъ быть единымъ хранителемъ права, съ тѣхъ поръ какъ право стало предметомъ призванія спеціалистовъ, такая организація юстиціи стала невозможной. Дифференцированіе между положительнымъ правомъ и правомъ въ сознаніи народа породило и необходимость дать доступъ въ судъ уголовный лицамъ, спеціально посвятившимъ себя изученію этой области знанія,— другими словами: нужно было дать судамъ ученыхъ судей—чиновниковъ. Удовлѣворить этой потребности можно двоякою организаціею судовъ: или предоставить постановленіе приговоровъ исключительно ученымъ короннымъ судьямъ, или, сохраняя въ судахъ по прежнему народный элементъ, присоединить въ помощь ему чиновный.

Первая форма судоустройства господствовала на континентѣ Европы до настоящаго столѣтія. Будучи порожденіемъ упомянутого выше отклоненія положительнаго права отъ чисто народнаго источника, эта форма, въ свою очередь, способствовала дальнѣйшему отклоненію. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока уголовный законъ не сталъ понятнымъ только юристамъ. Очевидно, что подобная аномалія должна была рано или поздно обратить на себя всеобщее вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны уголовные законы предполагаются извѣстными всѣмъ гражданамъ, такъ что по этой презумпціи уголовной карѣ подвергаются только вопліѣ сознательные нарушители закона; съ другой стороны, законодатели и практика, кажется, постарались сдѣлать все, чтобы это предположеніе оказалось неосновательнымъ.

Такимъ образомъ, законодательству предстояла слѣдующая дилемма: или отказаться отъ этой фикціи и признать законность примѣненія наказанія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ не юристъ и, слѣдовательно, не можетъ сознавать незаконность своего дѣянія; или позаботиться о сближеніи положительнаго закона съ правомъ, живущимъ въ народномъ сознаніи. Этого можно достигнуть установленіемъ особаго судебного органа, который былъ бы въ судѣ представителемъ этого народного сознанія: мы говоримъ о коллегіи судей присяжныхъ, которымъ предоставляется рѣшеніе вопроса о виновности предъ закономъ (Schuldfrage); судъ же коронный примѣняетъ только наказаніе.— Впрочемъ, вердиктъ о виновности есть продуктъ совмѣстной дѣятельности короннаго и народного элементовъ, причемъ обимъ этимъ факторамъ предоставлены спеціальныя функціи. Такимъ образомъ, совмѣстная ихъ дѣятельность организована по началу сложнаго сотрудничества,—каждая коллегія отправляетъ соотвѣтствующую своему призванію работу. Въ самомъ дѣлѣ, судьи коронные, будучи свѣдущими въ правѣ, изясняютъ подлежащія положенія присяжнымъ, которые примѣняютъ ихъ къ констатированной ими данной фактической обстановкѣ. Если для дѣятельности перваго рода компетентны коронные судьи, то во второй современная наука отдастъ преимущество судьямъ народнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, при восстановленіи дѣйствительнаго характера явленія, подавшаго поводъ къ преслѣдованію, необходимо стоять въ близкихъ отношеніяхъ къ практической жизни, нужно имѣть много такихъ знаній, которыя усваиваются только непосредственно и не могутъ быть предметомъ книжнаго изученія. Въ этомъ-то отношеніи ученые судьи и уступаютъ народнымъ.

Но народные судьи имѣютъ превосходство надъ коронными не только въ интензивности, качествѣ своихъ знаній житейскихъ отношеній. Если-бы преимущества ихъ ограничивались только этимъ, то по этому поводу можно было бы замѣтить, что хотя судья въ свѣжести своихъ знаній уступаетъ присяжному, за то въ обширности, экстензивности ихъ удерживаетъ за собою пре-

восходство. Въ самомъ дѣлѣ, умственный кругозоръ отдѣльнаго присяжнаго уже судейскаго. Все это справедливо, если противопоставлять каждому судьѣ отдѣльнаго присяжнаго. Но дѣло въ томъ, что и тѣ, и другіе дѣйствуютъ коллегіально. Если принять въ соображеніе это обстоятельство, то можно прийти къ выводу, что коллегія присяжныхъ, превосходя коллегію ученыхъ судей по свѣжести, интенсивности своихъ свѣдѣній о практической жизни, не уступаетъ послѣднимъ и въ экстенсивномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, увеличеніе числа судящихъ субъектовъ не всегда одинаково вліяетъ на накопленіе знаній, находящихся въ распоряженіи коллегіи. Если каждый новый субъектъ вращался въ одной сферѣ съ прежними, находился подъ одними съ ними вліяніями (это именно и бываетъ въ коллегіи ученыхъ судей), то своимъ присоединеніемъ онъ не внесетъ ничего въ общую сумму знаній. Не то, если (какъ это имѣетъ мѣсто при образованіи коллегіи присяжныхъ судей), члены собранія набираются изъ разныхъ слоевъ общества: тогда, дѣйствительно, можно ожидать, что каждое новое лице внесетъ свою лепту въ общую массу свѣдѣній, необходимыхъ при рѣшеніи различныхъ вопросовъ.

Но преимущества суда присяжныхъ не приурочены къ области факта. Теперь всѣ теоретики признають, что идея этого суда заключается въ томъ, что подвергать гражданина тяжкому уголовному наказанію можно только тогда, когда въ винѣ его предъ закономъ убѣждены не только ученые судьи, но когда послѣднимъ удастся убѣдить въ томъ же двѣнадцатъ гражданъ, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ народа и, такимъ образомъ, не связанныхъ съ изученіемъ права и его примѣненіемъ своей профессіи. Только судъ съ участіемъ такихъ лицъ подготавливаетъ почву для презумпціи, долженствующей лежать въ основѣ уголовной юстиціи, презумпціи, которая гласитъ: никто невѣдніемъ закона отговариваться не можетъ. Когда судять судьи-юристы, то всегда есть шансы, что они, въ своемъ одностороннемъ, рабскомъ подчиненіи буквѣ закона, при своей наклонности къ абстракціи, обратятъ эту презумпцію въ пустую фикцію. Въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ оспаривать, что судьи, какъ всякіе вообще специали-

сты, непременно должны имѣть тенденцію разойтись съ народнымъ воззрѣніемъ. Такимъ образомъ, есть опасность, что судьи могутъ усмотрѣть въ дѣяніи подсудимаго преступленіе, когда ни самъ подсудимый, ни его сограждане не могутъ видѣть въ дѣяніи ничего преступнаго. Наказывать при такихъ условіяхъ можно только такого же юриста, какъ сами судьи. Но, могутъ возразить, такое рѣзкое дифференцированіе взгляда судьи отъ взгляда народа есть явленіе, общее всякому прогрессу. Въ самомъ дѣлѣ, всякое прогрессивное движеніе характеризуется переходомъ отъ простаго къ сложному, причѣмъ демаркаціонная линия между дифференцированными частями становится все постояннѣе и рѣзче. Но дѣло то въ томъ, что это дифференцированіе предполагаетъ только размѣщеніе элементовъ, а не исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, понятно, что коронныя судьи должны сдѣлаться спеціальными вѣщателями права. Но для примѣненія права нужно еще возстановить конкретныя обстоятельства дѣла и затѣмъ обобщить на столько эти факты, чтобы полученная такимъ образомъ характеристика была удобна для сравненія съ соответственными законными признаками (субсумція).

Если коронныя судьи вообще лучше вѣдаютъ чистое право, если только они могутъ знать абстрактный составъ преступленія въ его законныхъ признакахъ; то, съ другой стороны, субсумція удается лучше присяжнымъ, какъ неспеціалистамъ. Въ самомъ дѣлѣ, рутинна, постоянное упражненіе приводитъ ученыхъ судей къ тому, что они становятся равнодушными къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла; они стараются установить извѣстные факты, при наличности которыхъ они склонны сплошь да рядомъ признавать наличность извѣстнаго законнаго признака преступленія. Очевидно, что при неизмѣримомъ разнообразіи, представляемомъ дѣйствительностью, такіе шаблоны приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы *). Весьма часто можетъ случиться, что при возстановленіи извѣстнаго признака преступленія коронныя судьи будутъ

*) На основаніи аналогичныхъ причинъ, законодательства и наука современныя отказались и отъ законной теоріи доказательствъ. См. выше стр. 201—203.

расходиться съ духомъ закона, съ воззрѣніемъ законодателя, умышленно оставившаго отдѣльные признаки безъ законнаго опредѣленія, чтобы предоставить практикѣ соображаться съ индивидуальными особенностями дѣла.

Изъ всего слѣдуетъ, что предоставленіе присяжнымъ субсумціи дѣлаетъ институтъ еще болѣе цѣннымъ.

Впрочемъ, и это учрежденіе, какъ и всякое дѣло человѣческое, имѣетъ свои тѣньныя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь раздѣленіе труда между различными субъектами порождаетъ опасность взаимнаго непониманія, отсутствія солидарности во взглядахъ, что, въ свою очередь, служитъ причиною неправильныхъ приговоровъ. Радикальныхъ средствъ для отвращенія этого взаимнаго непониманія между коллегіями присяжныхъ и судей наука не придумала да и придумать не можетъ, не отказавшись отъ самаго принципа раздѣленія труда, т. е. не поставивши, на мѣсто двухъ коллегій съ разнородными членами, одной—съ исполнѣ однородными. Другими словами: радикальнымъ средствомъ для устраненія этого недостатка было-бы устраненіе одного изъ двухъ теперешнихъ элементовъ суда, съ предоставленіемъ оставшемуся функціи устраненнаго.

Если не гнаться за такимъ идеальнымъ положеніемъ вещей, то средствами для устраненія взаимныхъ недоразумѣній будутъ, согласно состоянію теперешней науки и законодательства, слѣдующія мѣры. Прежде всего, предлагаемые судомъ присяжнымъ засѣдателямъ *вопросы* должны во—1) заключать въ себѣ все то, что, согласно изложеннымъ выше принципамъ, предоставлено вѣдѣнію присяжныхъ (т. е. вопросъ о виновности). Такимъ образомъ, здѣсь должны заключаться извѣстныя конкретныя обстоятельства, необходимыя для индивидуализированія даннаго абстрактнаго понятія преступленія, на основаніи начала, изложеннаго выше^{*)}. Далѣе, въ вопросахъ должны заключаться абстрактныя признаки преступленія, подъ которые присяжнымъ слѣдуетъ подвести соответствующіе конкретныя факты для рѣшенія вопроса о виновности предъ закономъ. Вопросы эти, во—2) должны быть такъ редактированы,

*) Стр. 219.

чтобы отвѣчать на нихъ можно было кратко—утвержденіемъ (да) или отрицаніемъ (нѣтъ)*).—Неговоря о томъ, что возможность взаимнаго непониманія между двумя коллегіями будетъ доведена до мінімума уже удобною стилистическою формою, вопроса, законодательство и теорія обязываютъ предсѣдателя суда въ видѣ заключительной рѣчи (Vortrag des Vorsitzenden, résumé, charge) объяснить эти вопросы, что можно достигнуть излагая присяжнымъ тѣ правовыя понятія, которыя необходимы при рѣшеніи ими вопроса о виновности, и, слѣдовательно, заключаются въ самомъ вопросѣ. Не нужно забывать далѣе, что и весь предъидущій процессъ, съ рѣчами прокурора и защитника, есть ничто иное, какъ продолжительный комментарий этихъ вопросовъ. Наконецъ, на случай, если и этого не будетъ достаточно для разъясненія присяжнымъ ихъ задачи, и теорія, и практика предоставляютъ имъ, какъ только во время совѣщанія возникаетъ какое либо сомнѣніе насчетъ смысла вопроса или вообще какихъ—либо правовыхъ понятій, испрашивать у суда необходимыхъ разъясненій, даваемыхъ предсѣдателемъ публично**). Но возможно, и помимо грубыхъ недоразумѣній, сознательное несогласіе присяжныхъ со взглядами суда на фактическую и правовую фізіономію преступнаго дѣянія, несогласіе, не предусмотрѣнное короннымъ судомъ при постановкѣ вопросовъ. Въ такомъ случаѣ присяжнымъ приходится испытывать то нравственное давленіе, насиліе, о которомъ мы говорили выше, рассматривая положеніе суда, вообще при соблюденіи обвинительнаго начала (стр. 220). Въ самомъ дѣлѣ, если судьи поставили только вопросъ о виновности

*) Что касается вопроса о томъ, кто долженъ заботиться о постановкѣ вопросовъ, то, очевидно, обвинительное начало требуетъ и здѣсь предоставленія простора инициативѣ сторонъ. Онѣ составляютъ проектъ вопросовъ, такъ что судъ произноситъ окончательное опредѣленіе по этому предмету. См. *Ver. Recht und Beweis*, § 64.

***) Особенно настаиваетъ на установленіи болѣе близкихъ сношеній между обоими элементами суда *Neugmann*, рекомендуя съ этою цѣлью вопросы, предлагаемые присяжными коронному суду по поводу всевозможныхъ сомнѣній. (См. *Gerichtssaal*, XVIII, стр. 19; и сл.).

въ умышленномъ убійствѣ, а присяжные находятъ подсудимаго виновнымъ въ неосторожномъ, то они поставлены въ затруднительное положеніе: или произнести несправедливый обвинительный вердиктъ, или вовсе оправдать виновнаго въ преступномъ дѣяніи съ видоизмѣненною квалификаціею. Для устранения этого неудобства процессуалисты предлагаютъ предоставленіе присяжнымъ права самимъ обращать вниманіе суда на возможность другого взгляда, послѣдствіемъ чего можетъ быть предложеніе такъ наз. *эвентуальнаго* (условнаго) вопроса *), который можно формулировать такъ: если подсудимый не виновенъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ предъидущемъ главномъ вопросѣ, то не виновенъ ли въ такомъ-то? Такіе эвентуальные вопросы ставятся, помимо инициативы присяжныхъ, судомъ, или по собственному его усмотрѣнію, или по заявленію сторонъ, и только въ случаѣ упущенія специалистовъ восполненіе этого пробѣла предоставляется присяжнымъ. Въ виду необходимости избавленія присяжныхъ отъ такого неловкаго положенія, о какомъ только что говорилось, нельзя быть достаточно уступчивымъ при сужденіи о возможности постановки подобныхъ эвентуальныхъ вопросовъ; ходатайство о нихъ можетъ быть отклонено судомъ, поэтому, только изъ чисто-правовыхъ соображеній, т. е. если судъ находитъ, что даже при признаніи присяжными извѣстныхъ фактовъ за доказанные не будетъ на лицо всѣхъ законныхъ признаковъ преступленія, долженствующаго составить предметъ эвентуальнаго вопроса **).

II.

Мы покончили въ предыдущей главѣ съ изложеніемъ принциповъ, на которыхъ должно строиться судопроизводство предъ

*) См. V. Bar'a, *Recht und Beweis*, §§ 53, 55, 56.

**) Glaser, *Scwurgerichtliche Erörterungen*, стр. 72.

присяжными. Обращаясь теперь къ дѣйствительности, мы замѣчаемъ, что законодательства и практика европейскаго континента должны были пройти много фазисовъ, прежде чѣмъ начала эти получили должное признаніе и приложеніе. Впрочемъ, подобныя уклоненія имѣють свое достаточное историческое объясненіе.

Судъ присяжныхъ, какъ извѣстно, въ настоящемъ своемъ видѣ есть продуктъ англійской почвы^{*)}. Тамъ онъ развился путемъ постепенныхъ метаморфозъ, начиная съ той формы, когда жюри являлась своего рода доказательствомъ, и до современной формы его въ значеніи суда. На континентъ же онъ былъ пересаженъ съ англійской почвы въ концѣ прошлаго столѣтія, сначала законодательствомъ французской республики, а затѣмъ окончательно утвержденъ въ той почти формѣ, въ какой существуетъ и теперь, Наполеоновскимъ кодексомъ 1808 года.

Если сравнить англійскій оригиналъ съ французскою копіею, то нельзя не замѣтить, что послѣдняя далеко не точна; притомъ всѣ почти отклоненія ея говорятъ далеко не въ пользу умѣнія и искренности копіиста.

Дѣло въ томъ, что англійскій процессъ передъ присяжными построенъ на точномъ проведеніи состязательнаго начала. Отъ него вѣдетъ взаимнымъ довѣріемъ двухъ элементовъ суда—короннымъ и присяжнымъ; самому произволу дѣятельности сторонъ и суда положены границы въ соблюденіи тѣхъ правилъ, выработанныхъ вѣковою практикою, которыя носятъ названіе теоріи доказательствъ. — Совсѣмъ не то мы видимъ во французскомъ судѣ. Коронный судъ, а въ особенности предсѣдатель его, поставлены въ самое ненормальное отношеніе, какъ къ суду присяжныхъ, такъ и къ сторонамъ, особенно къ обвиняемому. Это произошло отъ двухъ причинъ, Во первыхъ, весь процессъ пропитанъ инквизиціоннымъ духомъ. Въ силу этого, президентъ суда ничѣмъ почти не отличается отъ слѣдователя, и все судебное слѣдствіе

^{*)} Хотя зародышъ его коренится въ чисто германскихъ правовыхъ институтахъ см. Brunner die Entstehung der Schwurgerichte.

является какъ бы продолженіемъ, дополненіемъ предварительнаго: на предсѣдатель лежитъ обязанность не только управлять ходомъ процесса (Prozessleitung), — онъ долженъ, кромя того, разрабатывать доказательства, т. е. дѣлать то, что, согласно обвинительному принципу, должно составлять задачу сторонъ. Очевидно, что, вѣшиваясь постоянно въ дѣло, онъ не можетъ удержаться на нейтральной почвѣ: онъ долженъ, чтобы его дѣятельность была плодотворна, составить себѣ какой-нибудь планъ, поставить себѣ цѣль, къ которой стремится; а разъ сдѣлавши это, онъ становится не судьей, а стороной въ дѣлѣ и именно обвинителемъ.

Между тѣмъ предсѣдателью, по французскому праву, предоставлено много такихъ правъ, отъ осуществленія которыхъ зависитъ самый исходъ процесса и которыя, поэтому, предполагаютъ въ субъектѣ ихъ чисто судейское, вполне безпристрастное отношеніе къ дѣлу.

Ясно, слѣдовательно, что весь процессъ получаетъ одностороннее направленіе, благоприятное интересамъ обвиненія, и ужь конечно французскаго президента нельзя назвать «естественнымъ защитникомъ подсудимаго», — эпитетъ, которымъ гордятся англійскіе судьи, предсѣдательствующие въ ассизныхъ судахъ.

Этого мало. Находясь въ ненормальномъ отношеніи къ сторонамъ, предсѣдатель и весь вообще коронный элементъ суда не имѣетъ той солидарности съ народнымъ элементомъ, присяжными, которая служитъ характеристической чертой англійскихъ ассизныхъ судовъ. Законодательство французское исходитъ отъ ложнаго начала отдѣленія фактической стороны дѣла отъ правовой и предоставляетъ вѣдѣнію присяжныхъ только первую.

Впрочемъ, въ основѣ и закона, и практики, проводившихъ эту теорію, лежало одно большое недоразумѣніе. Въ свою очередь, теорія эта въ приложеніи не могла произвести ничего больше, кромя громадныхъ затрудненій, пока наконецъ сила вещей не заставила самихъ взлелѣявшихъ ее лицъ наложить на нее руки, при чемъ всетаки многіе изъ нихъ остаются въ блаженномъ невѣдѣніи на счетъ своей невѣрности. Вообще, какъ справедливо

говорить Шварце*), судъ присяжныхъ во Франціи, будучи порожденъ недовѣріемъ, будучи назначенъ служить оплотомъ свободы противъ правительства, въ свою очередь, только укрѣплялъ это взаимное недовѣріе между всѣми факторами судопроизводства, ставилъ въ оппозиціонное отношеніе присяжныхъ къ судьямъ и мѣшалъ, такимъ образомъ, всякому согласному дѣйствію участниковъ. Весь вообще институтъ сталъ предметомъ опасеній со стороны правительства, которое, поэтому, незамедлило принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы сдѣлать его безвреднымъ для себя, подчинить его своему вліянію.

Таковъ образецъ, который былъ въ виду у нѣмецкихъ законодателей, принужденныхъ движеніемъ 1848 года удовлетворить всеобщему желанію пересадить и на германскую почву институтъ суда присяжныхъ. Это политическое движеніе, съ его постулатомъ суда присяжныхъ, застало, такъ сказать, германскихъ законодателей врасплохъ. Научныхъ изслѣдованій по вопросу о судѣ присяжныхъ еще тогда почти не было. Все, что могло быть въ распоряженіи реформаторовъ судопроизводства въ требуемомъ направленіи, такъ это французскія учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Наполеона жюри было введено во многихъ нѣмецкихъ областяхъ, оставившихъ этотъ институтъ по воссоединеніи ихъ съ германскими государствами. Напротивъ, объ англійскомъ оригиналѣ тогда почти ничего не было извѣстно^{*)}. Понятно, что вмѣстѣ съ французскимъ жюри пересажены были на нѣмецкую почву и большинство тѣхъ недостатковъ, которыми отличался этотъ институтъ во Франціи. Правда, въ судопроизводствѣ передъ присяжными сдѣланы были нѣмецкими законодательствами нѣкоторыя поправки; тѣмъ не мѣнѣе общій духъ процесса, общее направленіе его со всѣми предразсудками и недоразумѣніями, о которыхъ было говорено выше, остались нетронутыми. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что когда движеніе, поро-

*) Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform; см. введеііе.

*) Biener, das englische Geschwornengericht, § 28.

дившее судъ присяжныхъ, утихло и уступило мѣсто спокойному обсужденію, всѣ стали открывать глаза на тѣ недостатки, которые заимствованы вмѣстѣ съ учрежденіемъ изъ Франціи. Эта критика была какъ нельзя болѣе на руку старымъ врагамъ института. Антагонисты суда присяжныхъ пользовались всякимъ, даже случайнымъ недостаткомъ учрежденія въ томъ видѣ, какъ оно было организовано въ нѣмецкихъ государствахъ, чтобы уронить его въ глазахъ общественнаго мнѣнія въ самомъ принципѣ. Эта борьба длится и до настоящаго времени, когда на сторонѣ антагонистовъ стало имперское правительство, рассчитывавшее на поддержку со стороны общественнаго мнѣнія. Впрочемъ, расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ предполагалъ, что, воспользовавшись враждою къ французамъ, идущею рука объ руку съ крайнею энергіею патриотизма, возбужденнаго войною и дальнѣйшими событіями въ Германіи, легко можно настроить общественное мнѣніе къ невыгодѣ суда присяжныхъ,—учрежденія, заимствованнаго непосредственно изъ ненавистной Франціи, и къ замѣнѣ его судомъ, якобы древне-нѣмецкимъ,—судомъ шеффеновъ (Schöffengericht):

Идею этого института, въ отличіе отъ суда присяжныхъ, можно выразить вкратцѣ такъ. Призванный для рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ уголовного приговора, народный элементъ въ судѣ присяжныхъ составляетъ отдѣльную коллегію. Между тѣмъ, приговоръ о виновности есть результатъ общей дѣятельности обѣихъ коллегій (присяжныхъ и судей), причемъ каждой принадлежитъ своя доля участія. Для бытія его (приговора), такимъ образомъ, необходимо взаимное соглашеніе между факторами, соглашеніе, посредствомъ котораго результаты, полученные одною коллегіею передаются для дальнѣйшаго оперирования другой. — Какъ ни стремиться, говорятъ сторонники шеффенгерихта, къ установленію взаимнаго пониманія между двумя факторами, а устранить недоразумѣнія между двумя коллегіями, раздѣльно обсуждающими предоставленные каждой изъ нихъ вопросы,—нѣтъ возможности. Въ виду этого и совѣтуютъ образовывать изъ этихъ двухъ коллегій одну съ предоставленіемъ каж-

дому члену ея совершенно одинаковыхъ правъ по обсужденію вопросовъ, подлежащихъ ея рѣшенію. Такимъ образомъ, взаимное пониманіе, проникновеніе одного элемента взглядами другаго, обезпечивается гораздо больше, чѣмъ при раздѣльномъ обсужденіи.

Проектъ этотъ впрочемъ не новъ; мало того, очень давно и во многихъ странахъ онъ даже осуществлялся на практикѣ. Такъ, что касается Германіи, суды съ организаціей, близкой къ проектируемой нынѣ, извѣстны уже Каролинѣ (такъ называется кодексъ уголовного судопроизводства изданный Карломъ V въ 1532 году). По этому уложенію суды должны состоять изъ непринимающаго никакого участія въ постановленіи приговора *судьи* и *гражданъ* (Schöffen), которымъ представлялось разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ—факта, права наказанія, такъ что судьи оставалось только приводить приговоръ въ исполненіе. Впрочемъ, подобныя древне-германскіе принципы организаціи судовъ, принципы, ведущіе свое начало еще съ эпохи реформъ Карла Великаго, не соблюдались въ точности на практикѣ въ эпоху Каролины. Мало того, сама Каролина санкціонировала эти отступленія, предполагала ихъ. Такимъ образомъ, кодексъ этотъ склоняется (какъ это показалъ Цахаріэ *) къ тому взгляду на судью, въ силу котораго онъ является *предсѣдательствующимъ членомъ* постановляющей приговоръ коллегіи; другими словами: Каролина вводитъ въ коллегію шеффеновъ элементъ чиновный, коронный, вслѣдствіе чего коллегія становится смѣшанною. Читатель видитъ, что устройство суда Каролины напоминаетъ собою организацію новѣйшаго шеффенгерихта. Мы говоримъ «напоминаетъ», потому что между ними есть нѣкоторое различіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ судахъ Каролины элементъ чиновный (Beamtenelement) противопоставался народному, между тѣмъ какъ въ смѣшанной коллегіи новѣйшаго шеффенгерихта выступаетъ другая противоположность: элементъ юристовъ противопоставляется здѣсь неюридическому. Впро-

*) См. статью, помѣщенную въ Archiv des Criminalrechts 1857 года, стр. 85 и слѣд.

чемъ, различіе это имѣетъ чисто теоретическое значеніе, ибо слова: чиновный и юридическій, даже для эпохи Каролины, были понятіями почти синонимическими.

Суды съ организаціею Каролины просуществовали однако не долго. Вскорѣ шеффены обратились въ простыхъ статистовъ, увеличивающихъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ только торжественность засѣданія. Зародыши этого порядка вещей видны уже въ Каролинѣ*). Наконецъ, дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ-же пути было окончательное устраненіе народнаго элемента изъ уголовныхъ судовъ, которые обратились, такимъ образомъ, даже по вѣншно-сти, въ чисто коронные.

Затѣмъ, въ болѣе близкое къ намъ время, проектъ объ организаціи судовъ по типу новѣйшаго шеффенгерихта возникъ во Франціи при обсужденіи въ національномъ собраніи началъ, на которыхъ предстояло реформировать французскій процессъ. Такъ Sièyes въ 1790 г. предложилъ поручить рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ приговоръ, коллегіи, которая должна была состоять изъ юристовъ (*gens de loi*) и образованныхъ гражданъ (*citoyens recommandables par leurs lumières et leur sagesse*), такъ чтобы руководящему засѣданіемъ судья оставалось только проясненіе приговора. Проектъ этотъ однако не былъ принятъ**).

Такимъ образомъ, послѣ паденія въ Германіи суда шеффеновъ съ организаціею Каролины, суды на западно-европейскомъ континентѣ приняли форму чисто-коронныхъ***), до тѣхъ поръ, пока Франція, съ 1791 г., а затѣмъ нѣмецкія государства, начиная съ революціоннаго движенія 1848 года, не приняли англійскаго учрежденія суда присяжныхъ.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ введенія этого института, въ нѣко-

*) См. вышеупомянутую статью Цахарів.

**) *Wiener, das englische Geschwornengericht*, § 27.

***) Если не принимать, напр., въ расчетъ существовавшего еще съ 1818 года въ Вюртембергѣ суда шеффеновъ для дѣлъ низшей подсудности. Здѣсь къ одному коронному судья присоединялись два шеффена. Позже мы увидимъ, что это явленіе совершенно исключительное, вызванное отношеніями, свойственными только этой странѣ.

торныхъ нѣмецкихъ государствахъ зародилась идея—организовать низшіе суды (т. е. для дѣлъ низшей подсудности, для такъ называемыхъ *Uebertretungen*) по типу шеффенгерихта. Такъ уже въ 1850 году введено было это учрежденіе въ Ганноверѣ.

Изъ мотивовъ правительства, оправдывающихъ введеніе института, видно, что при этомъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ популяризація до того непопулярныхъ *единоличныхъ* судовъ по полицейскимъ правонарушеніямъ, устраненіе упрековъ, дѣлаемыхъ имъ по поводу ихъ *единоличности*. Такимъ образомъ, присоединеніе двухъ засѣдателей (шеффеновъ) въ коронному суду, вѣдавшему доселѣ эти дѣла (*Amtsrichter*), было средствомъ къ проведенію начала коллегіальности даже въ судахъ съ низшею подсудностью.

Впрочемъ, къ этому же заключенію можно уже прийти а priori, сообразивъ, что время введенія шеффенгерихта въ Ганноверѣ почти совпадаетъ съ эпохою принятія Германіею судовъ присяжныхъ. Уже изъ этого можно заключить о скромности тенденцій вводившихъ институтъ шеффеновъ.

Благоприятныя свидѣтельства опыта о дѣйствіи этихъ судовъ въ Ганноверѣ послужили толчкомъ къ введенію ихъ въ другихъ германскихъ государствахъ. Такъ, это учрежденіе принято *Ольденбургомъ* (въ 1857 году), *Бременомъ* (въ 1863 г.), *Кургессеномъ* (въ 1863 г.) и *Баденомъ* (въ 1864 г.)

Послѣ войны 1866 года, шеффенгерихтъ не только былъ оставленъ въ тѣхъ изъ присоединенныхъ въ Пруссію государствахъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ уже прежде (въ Кургессенѣ, Ганноверѣ), но и введенъ въ другихъ новыхъ владѣніяхъ прусскаго королевства. Такъ, получилъ этотъ институтъ *Шлезвиг-Гольштейнъ*, *Гессенъ* и *Франкфуртъ на Майнѣ* (Уставъ уголовного судопроизводства 1867 года).

Такимъ образомъ, до 1868 года шеффены принимали участіе только въ дѣлахъ низшей подсудности. Въ это время въ Вюртембергѣ и въ Саксоніи допущено участіе шеффеновъ и въ судахъ средней подсудности. Такимъ распространеніемъ своей ком-

петенціи шеффены обязаны въ Саксоніи генеральному прокурору Шварце, который составилъ проектъ по порученію саксонскаго правительства и поддержалъ его на ландтагѣ.

Что касается принциповъ, на которыхъ организованы суды шеффеновъ въ этихъ двухъ странахъ, то они далеко не одни и тѣже. Такъ, по саксонской системѣ шеффены участвуютъ съ рѣшительнымъ голосомъ при обсужденіи только вопросовъ о виновности (Suldfrage); вюртембергское же законодательство предоставляетъ шеффенамъ права, равныя въ полномъ своемъ объемѣ съ правами коронныхъ судей. Въ саксонскомъ шеффенгерихтѣ заступаетъ 3 судьи и 4 шеффена, — въ вюртембергскомъ — наоборотъ, 4 судьи и 3 шеффена въ болѣе важныхъ дѣлахъ и 3 судьи на 2 шеффена — въ дѣлахъ меньшей важности*).

Вотъ въ какомъ положеніи былъ вопросъ о шеффенгерихтѣ въ законодательствахъ германскихъ государствъ наканунѣ германской имперіи. — При обсужденіи вопроса о шеффенгерихтѣ на 9 съѣздѣ германскихъ юристовъ, бывшемъ въ Штутгартѣ въ 1871 году, были предложены слѣдующіе три вопроса: 1) можно-ли ожидать улучшенія уголовной юстиціи отъ введенія шеффенгерихтовъ, т. е. отъ привлеченія неюристовъ къ судамъ средней и низшей подсудности? 2) Можно-ли рекомендовать введеніе шеффенгерихтовъ даже тогда, когда будетъ устранена аппеляція на рѣшеніе упомянутыхъ уголовныхъ судовъ? 3) Нужно-ли возложить на шеффеновъ судебскую должность въ полномъ ея объемѣ или ограничить ихъ вѣдомство извѣстными предѣлами (именно предоставленіемъ ихъ рѣшенію вопросовъ факта или доказательства).

Генераль-прокуроръ Шварце, въ качествѣ референта, при устномъ обсужденіи предложилъ другую редакцію перваго вопроса, именно: «отъ возможно-широкаго участія народнаго элемента при

* Въ дѣйствующемъ съ 1818 года въ Вюртембергѣ въ дѣлахъ низшей подсудности шеффенгерихтѣ количественное преобладаніе дано народному элементу: на 1 судью (теперь на 2) приходится 3 шеффена.

рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ можно ожидать пользы для уголовной юстиціи, при чемъ можно рекомендовать, по *крайней мѣрѣ* для судовъ средней и низшей подсудности, форму шеффенгерихта.»

Собраніе не нашло возможнымъ однако рѣшить этотъ вопросъ въ такой формѣ.

Равнымъ образомъ, хотя только по формальнымъ причинамъ, оно не захотѣло высказаться о предложеніи профессора Вальберга (Wahlberg), которое гласило: «улучшенія уголовной юстиціи возможно ожидать,—при условіи, если твердо держаться судовъ присяжныхъ, по *меньшей мѣрѣ* съ ихъ теперешнею компетенціею,—и отъ введенія шеффенгерихтовъ для дѣлъ средней и низшей подсудности». Утвердительный отвѣтъ получило предложеніе Шварце, только съ пропускомъ словъ *по крайней мѣрѣ* (wenigstens).

Такимъ образомъ, если резюмировать отношеніе 9-го съѣзда юристовъ къ вопросу о судахъ шеффеновъ, то получимъ слѣдующее: съѣздъ категорически высказался въ пользу шеффенгерихта; что же касается суда присяжныхъ, то о немъ онъ умолчалъ.

Нѣмецкая пресса поняла все это въ смыслѣ иѣрилы, служившаго партизанамъ шеффенгерихта для опредѣленія легкости, съ какою можно склонить съѣздъ юристовъ къ категорическому отзыву противъ судовъ присяжныхъ.—Дальнѣйшія обстоятельства подтверждаютъ эту гипотезу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reich» (1871 г. № 43) появилась статья подъ названіемъ: «über Schwur und Schöffengerichte», въ которой авторъ стремится доказать преимущества суда шеффеновъ предъ судомъ присяжныхъ, вслѣдствіе чего первый рекомендуется взамѣнъ втораго.

Эта статья, какъ справедливо разсуждаетъ John *), получаетъ громадное значеніе для выясненія отношеній, до тѣхъ поръ составлявшихъ предметъ догадокъ.

Изъ заявленія самого автора ея видно, во-первыхъ, что имперское правительство въ то время дѣйствительно возымѣло

*) Ueber Geschwornengerichte und Schöffengerichte, Berlin, 1872 г., стр. 5—6.

намѣреніе замѣнить суды присяжныхъ шеффенгерихтомъ и что самая статья предназначена для опубликованія этого плана, до тѣхъ поръ хранившася въ тайнѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ John'a и самая аргументація этой статьи получаетъ значеніе плана будущей официальной мотивировки проекта. — Когда, такимъ образомъ, было подготовлено общественное мнѣніе, ничто не препятствовало на ближайшемъ (10) съѣздѣ юристовъ (во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1872 г.) поставить уже прямо шеффенгерихтъ лицомъ къ лицу съ судомъ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, собранію былъ предложенъ вопросъ въ такой формѣ: «слѣдуетъ-ли соединить дѣйствующія въ судѣ присяжныхъ отдѣльныя коллегіи коронныхъ и народныхъ судей въ одну коллегію, состоящую изъ юристовъ и неюристовъ? и каково должно быть числовое отношеніе представителей этихъ двухъ элементовъ?» Штенглейнъ предложилъ вопросъ въ другой формѣ, менѣе невыгодной для проекта, въ случаѣ неблагоприятнаго къ нему отношенія большинства членовъ съѣзда, въ формѣ, смягчающей отрицательный отвѣтъ. Онъ предложилъ собранію высказаться такъ: «*въ настоящее время не целесообразно замѣнять единою коллегією, состоящею изъ судей коронныхъ и народныхъ, дѣйствующія въ судѣ присяжныхъ отдѣльныя коллегіи*». Не сматра на это, съѣздъ громаднымъ большинствомъ голосовъ высказался болѣе категорически и къ невыгодѣ для проекта о шеффенгерихтѣ: онъ отвѣтилъ *отрицательно* на вопросъ въ первоначальной редакціи.

Такимъ образомъ *громадное большинство германскихъ юристовъ* высказалось коллективно и категорически противъ проекта изгнать «мировой институтъ» изъ оборота нѣмецкой правовой жизни.

Такъ-же точно отнеслось къ этому проекту и большинство сочиненій, написанныхъ по этому поводу разными представителями германской науки.

Очеркъ *литературы* этого предмета нужно начать съ указанія на сочиненіе, относящееся къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ та, о которой шла рѣчь при описаніи вышеупомянутыхъ событій.

Я говорю объ известной книгѣ *Гіе Глунека* *, книгѣ, содержаніе которой составляютъ лекціи, читанныя имъ въ «Вѣнскомъ обществѣ для упражненія судебного краснорѣчія» съ 16 января до 20 марта 1863 года. Сочиненіе это по нѣмецки носитъ названіе «Ueber das Schwurgericht **»). Здѣсь авторъ выдаетъ коронный судъ за самую лучшую форму судопроизводства. Что же касается суда присяжныхъ, то, по его мнѣнію, онъ не только уступаетъ въ достоинствахъ первому, но и не можетъ выдержать конкуренціи съ шеффенгерихтомъ. Мы не будемъ входить въ аргументацію Гіе потому, что доводы ***) его большею частью были подробнѣе развиты другими сторонниками шеффенгерихта, изъ которыхъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ саксонскій генераль-прокуроръ Д-ръ Фридрихъ-Оскаръ Шварце.

Если Гіе только мимоходомъ коснулся вопроса о шеффенгерихтѣ, то Шварце изъ него сдѣлалъ, такъ сказать, предметъ своей миссіи. Онъ велъ войну за это учрежденіе и въ области теоріи, и въ практикѣ. Онъ писалъ по этому предмету сочиненія, его стараніямъ шеффенгерихтъ обязанъ расширеніемъ круга своего вѣдомства, будучи предназначенъ въ Саксоніи для дѣлъ средней подсудности; наконецъ, онъ же фигурировалъ на съѣздахъ юристовъ въ качествѣ «отца новѣйшаго шеффенгерихта». И дѣйствительно, если титулъ въ той формѣ, въ которой присвоилъ его себѣ самъ Шварце, справедливо оспаривается другими; то несомнѣнно, что саксонскій шеффенгерихтъ обязанъ ему своимъ существованіемъ, почему и называютъ его «отцемъ саксонскаго суда шеффеновъ.»

*) Впрочемъ, первыми по времени представителями въ Германіи идеи о шеффенгерихтѣ въ смыслѣ института, соперничающаго съ судомъ присяжныхъ, были *Maurer* (über die Freipflege 1848) и *Götze* (über die preussischen Schwurgerichte und deren Reform, 1851).

**) Въ русскомъ переводѣ Филиппова.

***) См. критику этого сочиненія Гіе у *Глазера* въ *Schwurgerichtliche Erörterungen*, Вѣна, 1875 г. Подъ этимъ названіемъ вышелъ сборникъ его исследованийъ о судѣ присяжныхъ, относящихся къ гораздо ранней эпохѣ (1863 и 1864 г.)

Въ первый разъ Шварце выступилъ въ качествѣ бойца за это учрежденіе въ анонимномъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1864 г. подъ названіемъ: «*das Geschwornengericht und das Schöffengericht*» (Leipzig).

Дальнѣйшимъ трудомъ по этому вопросу его была книга, согласно надеждамъ автора, въ самомъ дѣлѣ принесшая громадную пользу помимо главной своей тенденціи. Я говорю объ известномъ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: «*das deutsche Schwurgericht und dessen Reform*» (Erlangen, 1865 г.) Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ стремится раскрыть все недостатки нѣмецкаго тогдашняго судопроизводства передъ присяжными и вытекающую отсюда настоятельность его реформы. Тутъ онъ нападаетъ главнымъ образомъ на затрудненія, группирующіяся около нераздѣльной съ самимъ учрежденіемъ процедуры постановки вопросовъ. Приэтомъ главная его тенденція— доказать, что эти затрудненія не устранимы, что употреблявшіися до сихъ поръ средства не болѣе, какъ палліативы, что вырвать зло съ корнемъ возможно только отбросивши самое процедуру.

Впрочемъ, Шварце при этомъ выставляетъ себя почитателемъ народнаго элемента въ уголовныхъ судахъ; онъ только находитъ необходимымъ реформировать судъ присяжныхъ на началахъ соединенія двухъ коллегій въ одну, смѣшанную изъ судей-юристовъ и шеффеновъ. Развитію этого-то проекта онъ и посвящаетъ вторую часть своего сочиненія.

Если автору и не удалось доказать преимущества шеффенгерихта передъ судомъ присяжныхъ, то книга его принесла громадную пользу наукѣ, выставивши и объяснивши многія темныя стороны института и давши, такимъ образомъ, возможность ихъ исправить.

Объ этой книгѣ можно сказать то, что и вообще обо всемъ этомъ диспутѣ между сторонниками двухъ конкурирующихъ учреждений. Вся эта война противъ «міроваго института» вмѣсто пораженія, только возвысила его, только ярче обрисовала свѣтлая сторона учрежденія. Положеніе партизановъ шеффенгерихта стало, такимъ образомъ, еще безнадежнѣе, чѣмъ было до войны.

Кромѣ этихъ двухъ писателей, партизаны шеффенгерихта могутъ съ гордостью считать въ рядахъ своихъ двухъ знаменитыхъ нѣмцевъ ученыхъ. Я говорю о покойномъ профессорѣ геттингенскаго университета *Генрихъ Цехаріэ*, авторѣ известнаго руководства къ уголовному судопроизводству и объ эрлангенскомъ профессорѣ *Гюо Мейеръ*, прославившемъ свое имя въ наукѣ изданіемъ классическаго изслѣдованія о вопросахъ права и факта на судѣ присяжныхъ. Первый изъ нихъ издалъ, по занимающему насъ вопросу, сочиненіе подъ названіемъ: «das moderne Schöffengericht», Berlin 1872 г.); второй—«die Frage des Schöffengerichts, geprüft an der Angabe der Geschwornen» Erlangen, 1873 г.

Что касается Цехаріэ, то весьма любопытно сопоставить отношеніе его къ вопросу въ два момента, не особенно отдаленные, впрочемъ, одинъ отъ другаго, не говоря уже о томъ, что въ промежуткѣ между ними нѣтъ никакихъ событій, которымъ можно было бы придать значеніе новой эры въ наукѣ процесса, если не обращать вниманія на перемѣну политическихъ отношеній, послѣдовавшую послѣ франко-прусской войны. Если бы рѣчь шла, впрочемъ, о молодомъ человѣкѣ, еслибы этотъ промежутокъ (около 12 лѣтъ) совпадалъ съ тѣмъ возрастомъ, когда еще убѣжденія человѣка не устанавливаются окончательно, то въ этой перемѣнѣ мы бы не нашли ничего удивительнаго. Но дѣло-то въ томъ, что первый моментъ принадлежитъ той эпохѣ жизни Цехаріэ, когда всѣ существенныя перемѣны въ его возрѣніяхъ уже совершились, когда онъ, издавая свое руководство, подводилъ, такъ сказать, итоги своей научной дѣятельности*).

И такъ, послушаемъ же этого ученаго до франко-прусской войны и послѣ нея.

*) См. въ періодическомъ изданіи Гольцендорфа и Онкена, Deutsche Zeit-und Streitfragen, Jahrg. 1. Heft 12.

*) Стоять только сообразить, что съ изданія одного изъ известныхъ его трудовъ (въ 1837 г.) до этого момента уже прошло около четверти столѣтій.

Въ 1 т. своего руководства, Цахаріе, говоря о формахъ организаціи уголовныхъ судовъ, дѣлаетъ сравнительную оцѣнку судовъ присяжныхъ и короннаго.

Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ выводу, что и тотъ, и другой имѣютъ свои достоинства и недостатки, вслѣдствіе чего «о безусловномъ требованіи замѣны коронныхъ судовъ судомъ присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи, какъ съ другой стороны, не можетъ быть рѣчи о необходимости вытѣснить суды присяжныхъ тамъ, гдѣ они уже введены; объ этомъ послѣднемъ можно говорить рационально только тамъ, гдѣ цѣлый рядъ неблагоприятныхъ опытовъ (а не отдѣльныя неспріятныя или опасныя рѣшенія) вызоветъ у законодателя убѣжденіе, что институтъ пересаженъ на совсѣмъ не подходящую, для этого вовсе не подготовленную почву, что здѣсь нѣтъ всѣхъ необходимыхъ условий плодотворной дѣятельности института, или что послѣдній представляется несомнѣтельнымъ съ характеромъ, степенью развитія народа и т. д. Объ этомъ, впрочемъ, не можетъ быть рѣчи въ Германіи» *).

Такимъ образомъ, «безусловно рациональнѣйшимъ и болѣе способствующимъ прогрессу правоваго быта Германіи можно почесть стремленіе сдѣлать институтъ (судъ присяжныхъ) болѣе годнымъ, здоровымъ, жизненнымъ и устранить различныя препятствія благотворной его дѣятельности» **), къ которымъ онъ причисляетъ, между прочимъ, и систему постановки вопросовъ.

И такъ, изъ всей вышеприведенной цѣпи разсужденій Цахаріе слѣдуетъ, что даже въ виду недостатковъ постановки вопросовъ, нельзя говорить объ устраниніи суда присяжныхъ, что, такимъ образомъ, *самые недостатки этой процедуры не неизлечимы*, ибо рокомендуется ихъ устранить. И все это говорилось въ 1860 году, когда институтъ просуществовалъ въ Германіи болѣе 10 лѣтъ, когда онъ, по словамъ самого же Цахаріе, «пустилъ глубокіе корни», когда юристы-практики «давали о немъ благоприятные отзывы, несмотря на многіе недостатки, обязан-

*) Handbuch, m 1, стр. 79—80.

**) ib. стр. 82.

ные происхожденіемъ французскому образцу» **). Мало того, это говорилось въ виду хваленаго института шеффеновъ, уже тогда успѣвшаго просуществовать лѣтъ 10, въ виду того самаго института, который самъ Цехаріэ относитъ къ числу попытокъ, которыя хотя «имѣютъ своимъ источникомъ хорошее намѣреніе примирить и враговъ съ нелюбимымъ институтомъ, (т. е. судомъ присяжныхъ), но притязанія на всеобщее одобреніе уже потому не могутъ имѣть, что они или отнимаютъ очень много существеннаго отъ учрежденія, или, въ противномъ случаѣ, не могутъ удовлетворить противную сторону» *). Съ тѣхъ поръ какъ связаны эти слова, обстоятельства качественно не измѣнились; накопилось только больше опытовъ какъ съ институтомъ присяжныхъ, такъ и съ учрежденіемъ шеффеновъ. Въ виду всего этого, интересно знать, какія соображенія заставили Цехаріэ и другихъ писателей стать въ ряды партизановъ новаго учрежденія.

Съ этою цѣлью развернемъ именно то сочиненіе Цехаріэ, въ которомъ онъ выступилъ противникомъ того самаго института, содѣйствовать развитію котораго онъ самъ совѣтовалъ. На страницѣ 12—14 сочиненія, вышедшаго въ 1872 году подъ названіемъ: «*das moderne Schöffengericht*», Цехаріэ дѣлаетъ попытку отклонить отъ себя упрекъ въ непопнатомъ переворотѣ во взглядахъ на этотъ предметъ. Считаю болѣе цѣлесообразнымъ дать слово въ этомъ случаѣ самому Цехаріэ.

« Мы, говоритъ онъ, рѣшительно придерживаемся мнѣнія, что именно въ свойствѣ суда присяжныхъ, въ силу котораго онъ является такъ называемымъ народнымъ судомъ, т. е. въ томъ, что для постановленія приговора по каждому отдѣльному уголовному дѣлу призываются лица, которыя сами по себѣ обезпечиваютъ соотвѣтствующее обыкновенному пониманію индивидуальное разрѣшеніе вопроса о виновности, въ противоположность чисто технико-юридическому отношенію къ дѣлу,—что въ этомъ значеніи ин-

*) 1. с. стр. 80.

*) 1. с. стр. 83

ститута лежитъ причина, почему растеніе, пересаженное съ чужой почвы, обремененное въ самомъ дѣлѣ дурными отростками, противостоитъ естественно обрѣзанное и испорченное, акклиматизировалось однако въ нѣкоторомъ смыслѣ; мало того, оно при нѣкоторой помощи законодательства, по возможности исправляющаго частности (въ особенности въ отношеніи образованія состава присяжныхъ, расширеніи функций ихъ наперекоръ ненаходящему себѣ оправданія въ законодательствѣ малодушію французской и рейпской практики), пустило болѣе глубокіе корни и воспользовалось *большимъ* довѣріемъ народа, чѣмъ можно было ожидать. Въ этомъ же лежитъ причина, почему даже тѣ, которые отнюдь не были энтузіастами въ почитаніи суда присяжныхъ, отъ которыхъ не скрывались темныя стороны института, однако придавали участію народа вообще въ дѣлахъ, имѣющихъ публичный интересъ, а въ особенности *въ уголовной юстиціи*, громадное значеніе,—почему эти лица не только считали нужнымъ защищать судъ присяжныхъ, послѣ того какъ онъ былъ усвоенъ всеми почти законодательствами германскихъ государствъ, противъ непрекращающихся нападковъ враговъ, нападковъ, рассчитанныхъ на совершенное его устраненіе; но и высказались противъ недостаточныхъ самихъ по себѣ, бьющихъ только на половину или нарушающихъ существо института (т. е. суда присяжныхъ) проектовъ съ характеромъ компромисса, сдѣлки, проектовъ, которые появились въ довольно большемъ количествѣ въ теченіе 6 и 7 десятилѣтій настоящаго вѣка и которые большею частію могли только удовлетворить своихъ авторовъ. Въ этомъ же самомъ, равно какъ и въ нежеланіи упреждать имѣвшееся уже въ виду общее нѣмецкое законодательство, можно найти объясненіе иначе неопытному факту, что еще въ концѣ прошлаго десятилѣтія, въ 1868 году, въ *Саксонскомъ королевствѣ*, въ одно время съ принятіемъ шеффенгерихта для дѣлъ средней подсудности, для важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ введены были *суды присяжныхъ*, хотя съ законодательной точки зрѣнія уже тогда задались вопросомъ, не слѣдуетъ ли ввести шеффенгерихтъ для всехъ уголовныхъ дѣлъ, доселѣ (т. е. 1868 г.) принадлежавшихъ въ подсудности окружныхъ судовъ (*Bezirksgericht-*

те)*), вовсе не обращая вниманія на суды присяжныхъ. Во всякомъ случаѣ, отнюдь нельзя обвинять въ противорѣчїи или немотивированной перемѣнѣ мнѣній лицъ, которыя, въ виду состоянїя законодательства въ большинствѣ германскихъ государствъ, высказались въ пользу сохраненїя или принятїя судовъ присяжныхъ, не желая рекомендовать для отдѣльной страны аномальное учрежденіе,—если они въ виду *общаго* законодательства имперїи, рассматриваютъ весь этотъ вопросъ, какъ *открытый*, и, послѣ внимательной оцѣнки всѣхъ доводовъ про и contra, высказываются въ пользу шеффенгерихта, между прочимъ, на томъ основанїи, что только съ нимъ можетъ быть дано *однородное* учрежденіе для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ».

Вотъ каково данное самимъ Цахаріе объясненіе перемѣны мнѣній по вопросамъ процессуальнымъ, перемѣны, совпадающей съ измѣненїемъ политическихъ отношенїй. Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, чтобы это политическое движеніе Германїи зажгло въ душѣ стараго нѣмецкаго гелертера огонь того крайне — возбужденнаго патріотизма, который увлекаетъ теперь гражданъ новой имперїи. Дѣло могло быть иначе. Какъ видно изъ сдѣланной нами выше выписки изъ его *Handbuch*, Цахаріе не былъ никогда сторонникомъ суда присяжныхъ. Если онъ его и не порицалъ, то во всякое время склоненъ былъ его замѣнить короннымъ, если бы отъ этого не страдало единство правовыхъ институтовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ. Такимъ образомъ, защищая судъ присяжныхъ отъ разныхъ нападокъ и даже рекомендуя его тѣмъ изъ государствъ, которыя не успѣли еще усвоить его, Цахаріе только уступалъ силѣ вещей, вліянію временн, характеристической чертой котораго было стремленіе предоставить народу во всѣхъ сферахъ публичной жизни активную роль.

) До закона 1868 года, которыми для важнѣйшихъ дѣлъ введенъ судъ присяжныхъ, эти суды вѣдали всѣ дѣла средней и высшей подсудности, т. е. тѣ, которыя въ другихъ странахъ, принявшихъ институтъ присяжныхъ, составляютъ предметъ вѣдомства коллегіальныхъ коронныхъ судовъ и судовъ присяжныхъ.

Но вотъ обстоятельства измѣнились. Пылъ, съ которымъ нѣмцы принялись за осуществленіе народной юстиціи, сталъ по немногу остывать. Съ другой стороны, нѣмцы сотворили себѣ новый кумирь, передъ которымъ стали блѣднѣть всѣ идеи, одушевлявшія ихъ до тѣхъ поръ. Въ числѣ ихъ ослабѣла и прелесть суда присяжныхъ. Враги его воспользовались временемъ крайняго почитанія всего нѣмецкаго, чтобъ подъ этой эгидой ввести учрежденіе, близкое къ изгнанному коронному суду: мы говоримъ о шеффенгерихтѣ. Понятно, что съ точки зрѣнія Цахаріэ, относившагося къ формамъ суда индифферентно, мирившагося съ судомъ присяжныхъ, институтомъ, составляющимъ рѣзкій контрастъ съ прежнимъ короннымъ, понятно, повторяемъ, что съ его точки зрѣнія переходъ къ шеффенгерихту, этой смягченной формѣ короннаго суда, не представляетъ ничего труднаго.

При такомъ индифферентизмѣ весьма понятно, если Цахаріэ продолжаетъ и теперь руководиться въ вопросѣ объ организациіи судовъ такими второстепенными соображеніями, какъ однообразіе судовъ на всѣхъ ступеняхъ подсудности.

И такъ, переходъ Цахаріэ изъ рядовъ сторонниковъ жюри на сторону шеффенгерихта не производитъ того подавляющаго дѣйствія, какимъ характеризуется всякій переворотъ въ воззрѣніяхъ такого важнаго авторитета въ наукѣ.

Если прибавимъ къвышеупомянутымъ изслѣдованіямъ еще статьи *Шварце* въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ (въ *Gerichtssaal'* 1868 года, стр. 317, въ архивѣ Гольтдаммера, т. XVII, стр. 257, т. XVIII, стр. 585 и сл.), статьи *Цахаріэ* въ томъ же архивѣ (т. XIX, 209 сл.), практика *Курца* (*Kurtz*, въ *Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung* Гольцендорфа, XII, стр. 177 сл.), *Мисери* (въ издаваемомъ имъ, послѣ смерти Гольтдаммера, архивѣ, XX, 289 сл.); то получилъ списокъ главнѣйшихъ сочиненій въ пользу шеффенгерихта.

Что касается сочиненій, направленныхъ противъ этого проекта, слѣдовательно, въ защиту широваго института, то большинство ихъ принадлежитъ перу извѣстнѣйшихъ ученыхъ Германіи. Мало того, сравнивая число этихъ сочиненій

съ числомъ изслѣдованій въ противоположномъ направленіи, можемъ сказать, что большинство авторитетовъ науки и дѣятелей практики высказались въ пользу сохраненія суда присяжныхъ. Да къ этому можно было прійти и а priori, имѣя въ виду рѣшеніе, къ которому пришелъ 10 съѣздъ германскихъ юристовъ. Такииъ образомъ, въ числѣ защитниковъ суда присяжныхъ фигурируютъ: знаменитый ветеранъ науки правовѣдѣнія *Гнейста*¹⁾, профессоръ берлинскаго университета и авторъ извѣстнаго сочиненія о судѣ присяжныхъ (*Bildung der Geschwornengerichte*); далѣе высшій практикъ, прежній профессоръ *John*²⁾; теперешній австрійскій министръ юстиціи, бывшій вѣнскій профессоръ *Glaser*³⁾, профессора *Bar*⁴⁾ и *Wahlberg*⁵⁾; бывшій адвокатъ, теперь профессоръ *Seuffert*⁶⁾. Если къ этииъ авторитетамъ науки, изъ которыхъ многіе, при этомъ, играютъ важныя роли и въ практикѣ, прибавить еще практиковъ *Petsch'a*⁷⁾; *Wellmann'a*⁸⁾ и *Mager'a*⁹⁾, то станетъ понятнымъ то фiasco, которое потерпѣлъ проектъ шеффенгерихта въ наукѣ и жизни.—

Въ предъидущемъ очеркѣ мы перечислили главнѣйшія спеціальныя изслѣдованія по занимающему насъ вопросу¹⁰⁾.

¹⁾ Vier Fragen zur deutschen Strafprocessordnung mit einem Schlusswort über die Schöffengerichte. Berlin, 1871.

²⁾ Ueber die Geschwornengerichte und Schöffengerichte. Berlin, 1872.

³⁾ Schwurgerichtliche Erörterungen. Wien, 1875.

⁴⁾ Recht und Beweis im Geschwornengericht и отдѣльное сочиненіе которымъ, къ сожалѣнію, авторъ немогъ пользоваться.

⁵⁾ Статья въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung Гольцендорфа, XIII, 10 сл.

⁶⁾ Ueber Schwurgerichte und Schöffengerichte, München, 1873.

⁷⁾ Статья въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung, XII, 301.

⁸⁾ Geschworne oder Schöffen? Berlin, 1873.

⁹⁾ Geschwornengericht und Schöffengericht. Frankfurt a M., 1872.

¹⁰⁾ Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ возможности пользоваться отчетами о засѣданіяхъ съѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ (въ особенности 9 и 10), равно какъ и нѣсколькими спеціальными сочиненіями по вопросу о шеффенгерихтѣ (напр. сочиненіями Шютце, Готтгельса, Гроссмана, Вейгеля и Эйсена и послѣднимъ сочиненіемъ Шварце о шеффенгерихтѣ).

Кромѣ этихъ, непосредственно относящихся къ предмету настоящаго сочиненія, изслѣдованій, автору приходилось очень часто обращаться, вслѣдствіе тѣсной связи вопроса съ другими частями процесса и съ теоріей и исторіей послѣдняго вообще, еще къ слѣдующимъ трактатамъ и монографіямъ.

Прежде всего нужно назвать сочиненіе *Zachariae*, подъ названіемъ: «*Handbuch des deutschen Strafprocesses* (2 тома, 1860—1868, Göttingen). Книга эта есть ничто иное, какъ зеркало состоянія современной науки уголовного процесса. Столь же важное, хотя и въ другомъ отношеніи, значеніе имѣетъ сочиненіе *Planck'a*, *Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens*, (Göttingen, 1857 г.). Здѣсь авторъ оказалъ громадную услугу наукѣ, выяснивши истинное значеніе принциповъ производства, въ особенности обвинительнаго, который можно назвать жизненнымъ нервомъ процесса. Планкъ устранилъ то вредное смѣшеніе понятій, въ которомъ можно упрекнуть многихъ писателей, касавшихся вопроса о сущности и консеквенціяхъ этого начала.

Изъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ процесса въ ближайшимъ отношеніи къ предмету сочиненія, конечно, находятся изслѣдованія той части процесса, по поводу которой на судъ присяжныхъ сышется ббольшая часть нападокъ враговъ института: я говорю о процедурѣ постановки вопросовъ присяжнымъ. Съ этой точки зрѣнія особое значеніе имѣютъ классическія изслѣдованія *Гуло Мейера*: «*вопросы факта и права на судъ присяжныхъ*» (русскій переводъ Таганцева, С.-Пб. 1866 г.), и *Бара*: «*Recht und Beweis im Geschwornengericht*» (Галлнверъ, 1865 года).

Этому же предмету посвящено много статей въ журналахъ *Gerichtssaal*, *Archiv für preussisches Strafrecht* и *Archiv des Criminalrechts*.

Что касается сочиненій по исторіи судопроизводства вообще и въ особенности суда присяжныхъ, то приходилось обращаться больше всего къ сочиненіямъ *Віенера* *) и *Brunner'a*. Послѣдній

*) Das englische Geschwornengericht. Leipzig. 1852. Beiträge zu der Geschichte des Inquisitionsprozesses und der Geschwornengerichte Leipzig. 1827.

въ недавнее время издалъ книгу, подъ названіемъ «die Entstehung der Schwurgerichte (Berlin, 1872 г.), сдѣлавшую своимъ появленіемъ, по признанію нѣмецкой литературы, эпоху въ исторіи науки процесса.

III.

Послѣ приведенныхъ выше вступительныхъ замѣчаній намъ пора перейти къ изложенію аргументаціи партизановъ шеффенгерихта.

Исходная точка всѣхъ возраженій противъ суда присяжныхъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ указаніи на ложность основнаго принципа этого института — раздѣленія труда между коронными и народными судьями, составляющими двѣ отдѣльныя коллегіи.

Ложность этого принципа, по ихъ мнѣнію, видна изъ соображенія, что приговоръ о виновности долженъ составлять гармоническое цѣлое; приговоръ этотъ не можетъ быть механически составленъ изъ двухъ частей, выработанныхъ отдѣльно двумя самостоятельными дѣйствующими коллегіями, каждая со своею спеціальною сферою дѣятельности.

«Каждый практикъ», говорятъ Шварце, «который долгое время участвовалъ въ коллегіальномъ судѣ, подтвердитъ, что такое разъединеніе, о какомъ здѣсь идетъ рѣчь, вредно дѣйствовало бы на совѣщаніе коллегіи. Почти въ каждомъ засѣданіи бывають случаи, что въ теченіе совѣщанія впервые могутъ быть фиксированы точки зрѣнія, которыя считаютъ руководящими, а взгляды, которые вначалѣ почитались такими, теряють это значеніе;— что судьи бывають принуждены обратиться къ фактамъ и доказательствамъ, которые вначалѣ оставлялись въ сторонѣ, потому что только дальнѣйшій ходъ совѣщанія придалъ имъ такое значеніе;— что нѣкоторые доказательства стоятъ въ такомъ отношеніи

другъ къ другу, что взаимно обусловливаются и требуютъ одновременнаго обсужденія. Въ этомъ-то разъединеніи и воссоединеніи и въ этой всесторонней оцѣнкѣ каждой подробности, равно какъ и въ этихъ изслѣдованіяхъ, охватывающихъ всецѣло предметъ, коренится достоинство коллегіальнаго обсужденія и гарантія вѣрности его результата.» — Самая нравственная отвѣтственность за приговоръ не только не увеличится, но даже уменьшится въ слѣдствіе раздѣленія труда между двумя коллегіями. «Понятно», продолжаетъ Шварце, «что, какъ это подтверждаетъ и ежедневный опытъ, присяжные и судьи взваливаютъ другъ на друга отвѣтственность за несправедливый или извращенный приговоръ: первые ссылаются на неловкую, неясную, запутанную или узкую постановку вопросовъ, а вторые — на произвольные, невѣрные, неясные отвѣты. Такое взаимное обвиненіе будетъ появляться всегда, когда призываются координирующія лица къ раздѣльной умственной работѣ, результаты которой потомъ должны быть воссоединены въ одно органическое цѣлое».

»Этотъ неоспоримый вредъ раздѣленія труда такъ глубоко проникаетъ, что всегда возникаетъ вопросъ о допустимости вообще этого раздѣленія» *).

Справедливость этихъ общихъ замѣчаній сторонники суда шэффеновъ стараются поддержать ссылкой на затрудненія, группирующіяся около того момента процесса, когда именно происходитъ это сліяніе результатовъ, добытыхъ порознь двумя коллегіями, въ одно органическое цѣлое — приговоръ о виновности: мы говоримъ о процедурѣ постановки вопросовъ и слѣдующемъ за нею вердиктѣ присяжныхъ.

Если общія соображенія о ложности принципа раздѣленія труда справедливы, то они-де, должны подтвердиться тѣми противорѣчіями, тѣми трудностями, которыя возникаютъ въ этотъ многозначительный моментъ. Поэтому противники суда присяжныхъ всѣ свои удары направляютъ на эту, такъ сказать, Ахиллесовскую пятую учрежденія; такимъ образомъ, постановка во-

*) Das deutsche Schwurgericht 98—100 стр.

просовъ приобрѣтаетъ значеніе «зерна всего вопроса объ институтѣ суда присяжныхъ»^{*)}), въ глазахъ какъ сторонниковъ его, такъ и его противниковъ.

Итакъ, процедура постановки вопросовъ представляетъ собою пунктъ локализаціи борьбы писателей, стремящихся въ своихъ сочиненіяхъ склонить законодателей въ пользу какого-либо изъ двухъ конкурирующихъ институтовъ. Такимъ образомъ, процедура эта точно также локализируетъ борьбу теоретическую, борьбу за существованіе «міроваго института», какъ она локализируетъ борьбу практическую, — споръ за исходъ каждаго отдѣльнаго процесса между участвующими въ немъ лицами.

Посмотримъ же теперь, что говорятъ противники института присяжныхъ по поводу этого знаменательнаго акта процесса. Весь ходъ ихъ аргументаціи слѣдующій. Начинаютъ они обыкновенно съ констатированія тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ по поводу процедуры на практикѣ и въ теоріи. Указываютъ при этомъ на всѣ мельчайшія подробности, дѣляція на партіи ученыхъ и практиковъ. Впрочемъ, сторонники шеффеновъ при этомъ до того увлекаются, что ставятъ въ вину процедурѣ постановки вопросовъ такія затрудненія, корень которыхъ заключается въ другихъ принципахъ. Не мѣсто здѣсь доказывать это положеніе, такъ какъ это будетъ составлять уже критику доводовъ сторонниковъ шеффенгерихта, которую мы условились отложить до времени, когда будутъ изчерпаны всѣ аргументы ихъ. Поэтому считаемъ необходимымъ ограничиться въ настоящемъ случаѣ только упоминаніемъ тѣхъ главныхъ пунктовъ, на которые они указываютъ, какъ на неисправимые недостатки процедуры. Въ такомъ смыслѣ говорится, напр., не только о трудности индивидуализированія законнаго состава преступления, разрѣшенія правовыхъ понятій соответствующими конкретными обстоятельствами (*Auflösung der Rechtsbegriffe*) или о восполненіи вопроса результатами судебного слѣдствія, о *tacite judicata* въ вердиктѣ и о толкованіи его судомъ, о процедурѣ исправленія вердиктовъ (*Berichtigungsverfahren*),

^{*)} Goltdammer, Archiv, Bd. III, s. 181.

о гезимé предсѣдателя, — но даже объ альтернативныхъ вопросахъ *)).

Если выдѣлить, впрочемъ, изъ ихъ возраженій все то, что явно не имѣетъ ничего общаго съ особенностями организаціи оспариваемаго института, то получимъ слѣдующую формулировку аргументовъ противъ суда присяжныхъ, почерпнутыхъ изъ соображеній объ органическихъ недостаткахъ процедуры постановки вопросовъ.

Присяжные не рѣшаютъ казуса, а отвѣчаютъ только на предложенные судомъ вопросы, сообразно тому какъ они ихъ понимаютъ. Судъ, въ свою очередь, толкуетъ отвѣты присяжныхъ (ограничивающіеся большею частію краткими «да» или «нѣтъ») съ своей точки зрѣнія. Отсюда недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ, не говоря о невозможности изчерпать точки зрѣнія на дѣло, всѣмъ эвентуальности. Радикальныхъ средствъ устранить эти затрудненія, какъ показываетъ практика судовъ, не придумано. Напротивъ, многочисленность противорѣчивыхъ рѣшеній возникающихъ здѣсь вопросовъ заставляетъ предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о коренномъ злѣ, неразрывно связанномъ съ самымъ институтомъ, въ качествѣ его необходимаго атрибута. Такимъ образомъ, ничего болѣе не остается, «какъ разрушить все это учрежденіе и недѣлимую работу постановленія приговора возложить на *одина* органъ, не устрояя участія народнаго элемента юстиціи» **).

Къ этимъ аргументамъ, разсчитаннымъ на недостатки, сопряженные съ институтомъ жюри, присоединяютъ еще слѣдующій, имѣющій такое же основаніе. Дѣло въ томъ, говорятъ сторонники шеффенгерихта, что съ замѣной суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ устранена будетъ та безпринципность въ судоустройствѣ, которая господствуетъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время въ законодательствахъ, принявшихъ судъ при-

*) Cp. Schwarze, das deutsche Schwurgericht, erste Abtheil. Cap. III; Гиз-Глуцкѣ.

**) Zachariae, das moderne Schöffengericht, стр. 51—53.

сяжныхъ, суды, смотря по важности дѣлъ, организованы на различныхъ началахъ: суды низшей подсудности — или единоличные коронные, или смѣшаннаго состава (т. е. шеффенгерихты), суды средней подсудности — коронные коллегіальные или опять таки шеффенгерихты; наконецъ въ дѣлахъ высшей важности функционируютъ суды присяжныхъ. Понятно, говорятъ они, если законодательство, сообразно важности правонарушеній, такъ сказать, *количественно* видоизмѣняетъ организацію судовъ. Такимъ образомъ, допустимо установленіе различія между судами разной подсудности по числу засѣдающихъ судей, по большому или меньшему формализму производства и пр. Напротивъ, принципиальное, *качественное* различеніе организаціи судовъ — не естественно именно въ силу *однородности* природы всѣхъ уголовныхъ правонарушеній. И такъ, по мнѣнію сторонниковъ шеффенгерихта, за послѣднимъ нельзя не признать преимущества въ томъ, что со введеніемъ его становится «возможнымъ осуществить болѣе простое, гармоническое, однородное построеніе всего судоустройства и судопроизводства, чѣмъ это допускаетъ удержаніе, хотя бы улучшеннаго въ томъ или другомъ отношеніи, суда присяжныхъ»^{*)}).

Всякій согласится, что еслибы этимъ ограничивались доводы въ пользу замѣны института жюри шеффенгерихтомъ, то вся аргументація была-бы недостаточною. Въ самомъ дѣлѣ, мало доказать, что извѣстный институтъ не имѣетъ тѣхъ недостатковъ, которыми отличается другой, чтобъ склонить симпатіи на сторону перваго. Представляется самъ собою вопросъ: не имѣетъ ли первый, въ свою очередь, другихъ какихъ-либо дурныхъ свойствъ, которыя не встрѣчаются во второмъ? Если не имѣетъ, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ рѣшается очень легко. Въ противномъ же случаѣ рѣшеніе этого вопроса будетъ зависетьъ отъ того, чьи недостатки берутъ перевѣсъ. Такимъ образомъ, шеффенистамъ предстояло установить по меньшей мѣрѣ слѣдующее положеніе: шеффенгерихтъ не только лишенъ недостат-

^{*)} Zachariae, das mod. Schöffengericht, стр. 57 и слѣд.

ковъ, отличающихъ судъ присяжныхъ, но и свободенъ отъ другихъ кавихъ-либо, спеціально ему свойственныхъ, слабыхъ сторонъ.

Это положеніе шеффинисты, не обинуясь, рѣшаютъ утвердительно; мало того, они его расширяютъ, стараясь доказать, что институтъ, защищаемый ими, обладаетъ даже положительными достоинствами сравнительно съ жури.

Аргументы въ пользу этихъ тезисовъ они заимствуютъ, во-первыхъ, изъ исторіи, во-вторыхъ, изъ современнаго опыта и, въ третьихъ, дедуцируютъ ихъ изъ болѣе общихъ положеній, признанныхъ за принципы судоустройства и судопроизводства.

Что касается аргументовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи, то, для полной своей убѣдительности, результатъ ихъ долженъ быть сформулированъ въ такомъ видѣ: судъ шеффеновъ болѣе суда присяжныхъ отвѣчаетъ національному духу Германіи, на сколько это видно изъ общаго хода развитія процесса, судоустройства и вообще правовыхъ институтовъ этой націи. Это положеніе представляетъ собою тотъ *minimum*, безъ установленія котораго ссылки на исторію будутъ пустыми фразами. Что же сдѣлано сторонниками шеффенгерихта для установленія этого тезиса?

Прежде всего слѣдуетъ предупредить читателя (это, впрочемъ, дѣлаютъ и сами сторонники института *), что названіе «Schöffengericht» не говоритъ ровно ничего въ пользу родства этого учрежденія съ древнегерманскимъ институтомъ, начало котораго восходитъ въ эпоху Карла V. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшій шеффенгерихтъ не имѣетъ и тѣни сходства съ институтомъ того же имени временъ Карловинговъ. Шеффены Карла V. были въ полномъ смыслѣ слова судьи: они рѣшали не только всѣ вопросы о винѣ, но и присуждали наказаніе на основаніи правовыхъ обычаевъ, хранителями которыхъ они признавались. Роль судьи ограничивалась только управленіемъ хода засѣданія и приведеніемъ приговора въ исполненіе. Гораздо уже сфера, въ которой

*) См. Zachariae, d. m. Schöffengericht.

вращается новѣйшій шеффенъ. По вопросу о предѣлахъ вѣдомства не выработалось еще, впрочемъ, единогласія во взглядахъ самихъ же сторонниковъ института и въ постановленіяхъ законодательства. Такъ, одни (Шварце *) и, согласно его воззрѣнію, саксонское законодательство 1868 г.) стоятъ за ограниченіе вѣдомства шеффеновъ сферою, въ которой вращаются присяжные, — что же касается рѣшенія о томъ, какія карательныя постановленія приложимы къ положеніямъ, установленнымъ шеффенами совмѣстно съ судьями, равно какъ и установленія, на случай осужденія, мѣры наказанія, то рѣшающій голосъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, по сакс. закону 1 октября 1868 г., предоставленъ исключительно судьямъ. По мнѣнію другихъ**), имѣющихъ на своей сторонѣ и заключеніе 9 съѣзда германскихъ юристовъ, за шеффенами должна быть обезпечена роль судей въ полномъ объемѣ, такъ что они не устраняются не только отъ подведенія дѣянія подъ законъ (Subsumtionsfrage) и опредѣленія наказанія, но и отъ постановленія промежуточныхъ опредѣленій, касающихся различныхъ процессуальныхъ вопросовъ.

Наконецъ, третьи***) предоставляютъ шеффенамъ вопросы о виновности и наказаніи, исключая изъ круга ихъ вѣдомства процессуальные вопросы, требующіе промежуточныхъ опредѣленій.

Какъ-бы то ни было, новѣйшіе шеффены даже съ самою обширною компетенціею, все таки не являются *единственными* судьями о винѣ и наказаніи подсудимаго, какими были они въ древности: они во всякомъ случаѣ дѣляютъ свою работу съ коронными судьями.

*) Das deutsche Schwurgericht, стр. 172—174.

**) Zaichariae, das m. Schöffengericht.

***) Напр., Binder на 9 юристентэгъ. См. его заключеніе у Mayer'a, Geschwornengerichte und Schöffengerichte, стр. 128, 129.

Впрочемъ, въ одно время, именно во время, слѣдующее за Каролинной (начиная съ XVI в.), шеффены стали дѣлать свою работу съ учеными судьями, такъ что эти шеффены представляютъ много сходства съ нынѣшними. Но дѣло въ томъ, что это—извращеніе стараго германскаго института. Такимъ образомъ, сторонникамъ института не выгодно роднить его съ учрежденіемъ, которое, впрочемъ, и просуществовало не долго, было замѣнено коронными судами, уступившими въ свою очередь свое мѣсто судамъ присяжныхъ. Вслѣдствіе этого, шеффинистамъ представилась необходимость доказать, что смерть института, родственнаго тому, за который они теперь сражаются, послѣдовала не въ силу его организаціи, а въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, исключительно свойственныхъ той эпохѣ. Такимъ образомъ, положеніе сторонниковъ шеффенгерихта на почвѣ исторіи изъ наступательнаго сдѣлалось оборонительнымъ; имъ нужно было опровергнуть ссылки противниковъ на исторію, доказывающихъ родство ихъ института съ учрежденіемъ, которое исторія отиѣтила, какъ неспособное къ долговѣчности. И вотъ дѣйствительно, шеффинисты ставятъ слѣдующее положеніе. Древне-нѣмецкій шеффенгерихтъ обязанъ паденіемъ своимъ специальной причинѣ—усвоенію Германіей чуждаго (римскаго) права, въ свою очередь потребовавшему участія знатковъ этого чуждаго народа права—ученныхъ юристовъ; очевидно, продолжаютъ они, что при существованіи такой пропасти между шеффенами и судьями-юристами, существованіе института, который предполагалъ участіе столь разнородныхъ элементовъ, не могло длиться долго. Но дѣло-де въ томъ, что теперь такой пропасти между народнымъ и короннымъ элементами нѣтъ, право, де, сняло съ себя печать чуждаго происхожденія, стало понятнѣе народу.

Однако, сторонники суда шеффеновъ не охотно ограничиваются оборонительною позиціей: они все таки стараются, главнымъ образомъ, впрочемъ, намеками, голословными утвержденіями поставить на видъ, что предлагаемое ими устройство судовъ ближе къ германскому духу, чѣмъ заимствованный изъ ненавистой Франціи судъ присяжныхъ. Я говорю, «намеками и голословными

утвержденіями», ибо мнѣ не извѣстно, чтобы хоть какой-нибудь писатель постарался войти поглубже въ этотъ вопросъ и аргументировать это положеніе. Считаю не лишнимъ представить образчикъ отношенія писателей къ этому вопросу. Вотъ, напр., что говоритъ по этому поводу анонимный авторъ статьи, подъ назв. «über Schwur- und Schöffengerichte», помѣщенной въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reiche» (1871. № 43) «Итакъ я долженъ напередъ признаться нъ своего рода романтической слабости, которая въ моихъ глазахъ уже потому подкупаетъ въ пользу плана (вести шеффенгерихтъ), что онъ окончательно покидаетъ торную колею бонапартовско-французскихъ судебныхъ реформъ и, *если не на дѣль, то по крайней мѣрѣ на словахъ приближается къ подлинному древне-германскому правовому быту.* Развѣ можно не видѣть предести въ томъ, что съ императоромъ и имперією должны возвратиться также и шеффены на свои давно уже опустѣвшія кресла, что Германія возвратится, черезъ ссоръ и развалины вѣковъ, къ тѣмъ великимъ идеямъ, съ которыми Карлъ Великій взялся за установленіе однообразнаго судоустройства». И далѣе: «какъ же безконечно большаго можно ожидать для оживленія добрыхъ старыхъ правовыхъ обычаевъ отъ проведенія въ высокомъ стилѣ организаціи судовъ шеффеновъ! Не здѣсь ли и только здѣсь истинно здоровые корни народныхъ судовъ, на сколько они отвѣчаютъ природѣ нашей расы?» *) — Считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на то, что хотя авторъ статьи и не извѣстенъ, тѣмъ не менѣе можно догадываться, какъ справедливо разсуждаетъ John, что строки эти вышли изъ подъ пера лица, близко стоящаго къ тѣмъ сферамъ, въ которыхъ созрѣла мысль о введеніи въ Германіи суда шеффеновъ на мѣсто присяжнаго, и что, такимъ образомъ, самая аргументація статьи получаетъ значеніе официальной мотивировки проекта.

*) Выписка эта взята изъ соч. John'a: «über Geschwornengerichte und Schöffengerichte» Berlin 1872, p. 10.

Впрочемъ, можно указать на одну попытку призванія исторіи на помощь проекту, какъ на такую, которая не ограничивается, подобно только-что приведенной, голословными утверждениями: я говорю о статьѣ Mager'a, преемника Goldammer'a по изданію журнала «Archiv für Preussisches Strafrecht», статьѣ, подъ названіемъ: «das Laienelement in der Strafrechtspflege» *). Ходъ его аргументаціи слѣдующій. Перемена въ міросозерцаніи западной Европы, замѣчаемая съ эпохи великой французской революціи, породила, между прочимъ, въ экономическомъ быту усиленное раздѣленіе труда, спеціализацію дѣятельности. Полезное въ матеріальномъ отношеніи явленіе это неблагоприятно отразилось на умственной и нравственной фізіономіи современнаго человѣка, который былъ близокъ къ тому, чтобы стать, такъ сказать, простымъ колесомъ въ производительной машинѣ, потерявши подобіе человѣка съ его разнородными способностями. Такимъ образомъ, экономическая выгода куплена была цѣною нравственной потери, потери, отъ которой предостерегаетъ уже изреченіе: «кая польза человѣку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщестить» ?

Понятно, что, при присущемъ человѣку стремленіи къ нравственному совершенствованію, реакція противъ этого нравственнаго зла не могла замедлить своимъ появленіемъ. Эта-то реакція и выразилась въ томъ парадоксальномъ постулатѣ новаго времени, что человѣку, какъ таковому, присущи право и обязанность участвовать словомъ и дѣломъ въ сферахъ религіозной и государственной жизни. Въ настоящее время никто не станетъ оспаривать законность такого требованія въ принципѣ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ осуществить его на практикѣ, другими словами: какая самая удобная форма участія народнаго элемента въ этой дѣятельности? На первыхъ порахъ предоставленія этихъ правъ человѣку, пытались оперировать съ одними непосвященными. «Народныя собранія и клубы думали призвать къ законо-

*) Arch. f. preuss. Strafr. т. XX. стр. 289 и сл.

дательству и администраціи; *levée en masse*, народное войско должно было стать военною силою. Дѣйствительность не дала жить долго этому заблужденію. Стало необходимымъ соединить народный элементъ съ людьми призванія. Вначалѣ пытались произвести механическое соединеніе. Въ виду бюрократіи, которая до того времени одна заботилась о законодательствѣ и администраціи, выступили избранныя собранія (муниципальные совѣты, представители городовъ, департаментскіе совѣты, окружныя и провинціальныя сословія, законодательныя корпораціи). Народный же элементъ долженъ былъ дѣйствовать не *совмѣстно* съ элементомъ призванія, а *рядомъ* съ нимъ. Чтобы обезпечить ихъ раздѣленіе, были измышлены инкомпатибилитеты, было воспрещено вторичное избраніе членовъ по истеченіи законодательнаго періода (Національное собраніе 1791 г.) Необходимое развитіе должно было однако повести къ *химическому* сліянію обоихъ элементовъ. Ограниченія въ пользу народнаго элемента исчезли. Изъ людей, избранныхъ различными политическими корпораціями, образуется классъ, который выигрываетъ на каждомъ новомъ выборѣ и получаетъ значеніе вожака на собраніяхъ. Эти люди, политики по призванію, усваиваютъ рутину практики; они поддерживаютъ однообразіе производста, приводятъ къ порядку и проникаютъ входящей народный элементъ; повѣйшая бюрократія народнаго представительства, тѣсно сросшаяся съ вновь приливающими представителями народа, обезпечиваетъ собранію способность къ жизни, учрежденію—существованію.—Еще яснѣе этотъ законъ развитія на военной силѣ. Первая французская республика ставила механически военныя корпораціи волонтеровъ рядомъ съ старыми полками. Пруссія обладала немного лѣтъ тому назадъ полевую армію изъ линейныхъ регулярныхъ солдатъ и изъ близкаго къ народу ландвера; вначалѣ вполнѣ раздѣленные, соприкасались они въ механически образованной бригадѣ, пока, наконецъ, военная организація не создала большихъ кадровъ изъ регулярныхъ солдатъ для всей арміи и тѣсно сплотила оба элемента».

«Должны-ли, спрашиваетъ Магеръ, къ юстиціи, и именно къ уголовной юстиціи, прилагаться другіе законы? Долженъ-ли

здѣсь народный элементъ занять другое положеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ государственной жизни?*)).

Таковы аргументы, почерпнутые сторонниками шеффенгерихта изъ исторіи права. Теперь обратимся къ аргументаціи, построенной на свидѣтельствахъ опыта.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы говорили уже выше, шеффенгерихты вѣдаютъ дѣла нишей и средней подсудности во многихъ государствахъ Германіи. Вотъ на этотъ-то опытъ и указываютъ сторонники этого учрежденія не только въ значеніи его, какъ суррогата единоличныхъ и коллегіальныхъ короннымъ судовъ, но и суда присяжныхъ. Приводятъ благопріятныя свидѣтельства о дѣйствіи этого учрежденія въ Ганноверѣ, примѣръ котораго подѣйствовалъ и на сосѣднія страны, незамедлившія ввести у себя этотъ институтъ (Ольденбургъ, Кургессенъ) Приводятъ свидѣтельства даже о дѣйствующихъ съ недавняго времени (съ 1868 г.) въ Саксоніи судахъ шеффеновъ съ среднею подсудностью. Такъ, Шварце уже въ своемъ сочиненіи «das d. Schwurgericht (1865 г.)» говоритъ: «опытъ съ судами шеффеновъ въ высшей степени благопріятенъ. Въ особенности свидѣтельство его выгодно для ганноверскихъ шеффенгерихтовъ. Рѣшенія ихъ пользуются большимъ довѣріемъ, и общественное мнѣніе высказалось въ пользу ихъ. Именно сами судьи воздаютъ много похвалъ этому учрежденію и привѣтствуютъ съ благодарностію участіе народнаго элемента. Такимъ же образомъ, съ другой стороны, шеффены не жалуются на «давленіе» со стороны юристовъ. Во всякомъ случаѣ этотъ опытъ имѣетъ громадное значеніе и, какъ намъ кажется, долженъ почитаться за руководящій моментъ для реформы суда присяжныхъ. Со стороны Глазера (Zur Jurifrage, стр. 61) было сдѣлано возраженіе, что привлеченіе шеффеновъ дѣлаетъ возможнымъ превращеніе единоличныхъ судовъ въ коллегіальные, въ чемъ онъ и видитъ оправданіе института. Можно было еще прибавить, въ силу того же стало

*) I. с., стр. 289—290

возможнымъ организовать въ этихъ судахъ по истинѣ гласно-устно производство*). Однако, въ настоящее время дѣло идетъ о констатированіи того, на сколько проявились въ шеффенгерихтахъ тѣ *недостатки*, которые выводятъ изъ соединенія элементовъ юридическаго и народнаго для совмѣстнаго рѣшенія. Если бы они были неустранимы, то они появились бы, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и въ этихъ шеффенгерихтахъ (т. е. съ ниспешю подсудностью). Въ особенности имѣло бы силу давленіе со стороны элемента юристовъ, даромъ что его представляетъ только одинъ судья, и особенно въ виду того, что уже *одина* слабый шеффенъ гарантируетъ большинство для судьи. Эти недостатки, однако, не проявились. Ни съ какой стороны не слышны жалобы на это**).

Теперь намъ остается изложить аргументы сторонниковъ суда шеффеновъ, имѣющіе дедуктивную подкладку.

Какъ мы уже говорили выше, для полной аргументировки проекта о замѣнѣ суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ, сторонникамъ послѣдняго необходимо доказать не только, что онъ лишенъ тѣхъ недостатковъ, которыми заражено замѣняемое учрежденіе; нужно еще установить, что служащій суррогатомъ институтъ не имѣетъ другихъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, отъ которыхъ свободенъ ассизный судъ. Это—тотъ *minimum*, безъ котораго аргументація защитниковъ суда шеффеновъ будетъ страдать логическимъ промахомъ, называемымъ *mutatio elenchî*. Мы говоримъ—*minimum*, потому что аргументація была бы еще сильнѣе, еслибы имъ удалось доказать, что, необладая недостатками соперничающаго института, проектируемое въ качествѣ суррата учрежденіе не только не имѣетъ специально ему свойственныхъ слабыхъ сторонъ, но и отличается еще особевными достоинствами, не встрѣчающимися въ присяжномъ судѣ. Говоря конкретнѣе, сто,

*) Такимъ образомъ, Глазеръ считаетъ шеффенгерихтъ на мѣстѣ только для дѣлъ низшей подсудности.

***) Стр. 180—181.

ронникамъ шеффенгерихта приходится доказывать, что организація шеффенгерихта сообразна въ той же мѣрѣ, какъ устройство суда присяжныхъ, или еще сообразнѣе той цѣли, ради которой вообще въ суды привлекается народный элементъ. Такимъ образомъ, приходится сначала условиться на счетъ идеи привлеченія народа къ участию въ уголовной юстиціи, а затѣмъ изслѣдовать, на сколько спеціальная организація шеффенгерихта гарантируетъ реализацію этой идеи. Что же касается цѣли, ради которой привлекается народный элементъ къ участию въ уголовной юстиціи, то относительно этого можетъ быть два взгляда. Во-первыхъ, можно видѣть *raison d'être* этого участія въ той пользѣ, которую приносятъ оно для рѣшенія каждаго даннаго дѣла.

Съ этой точки зрѣнія исходитъ большинство процессуалистовъ, какъ приверженцевъ жюри, такъ и сторонниковъ шеффенгерихта. Кромѣ этого взгляда, однако, нѣкоторое высказываютъ и другой. Такъ, авторъ вышецитированной статьи Магеръ *) признаетъ что присяжные могутъ, — впрочемъ, только подъ условіемъ надлежащей дѣятельности участвующихъ въ дѣлѣ юристовъ, — произнести такой-же приговоръ, какъ и коллегія, составленная спеціально изъ юристовъ. Но въ этомъ случаѣ сама присяжныхъ является излишнимъ аппаратомъ. Мало того, она становится положительно вредною безъ упомянутыхъ условій, т. е. безъ выдающейся способности и энергіи предсѣдателя и прокурора; а на такія условія, рассчитывать вообще нельзя. Дѣло принимаетъ другой оборотъ, если имѣть въ виду интересы юстиціи вообще. Тогда привлеченіе народнаго элемента будетъ гарантировать большія выгоды. Выгоды эти двухъ родовъ. Во-первыхъ, общеніе судей съ постоянно оживляющимся элементомъ воспрепятствуетъ имъ впасть въ ту вредную односторонность, которая грозитъ всякому спеціалисту. Во-вторыхъ, однимъ участіемъ своимъ въ юстиціи шеффены поднимаютъ общій интересъ къ правосудію и довѣрію къ его органамъ.

*) Archiv für preussisches Strafrecht, т. XX, стр. 289 сл.

Очевидно, что аргументация будетъ различна, смотря по взгляду на идею привлеченія къ участию въ уголовномъ судопроизводствѣ лицъ, непосвященныхъ въ тайны юриспруденціи.

Если исходнымъ взглядомъ выбрать первый изъ нами изложенныхъ, то ходъ аргументаціи долженъ быть слѣдующій.

«Отдѣльное дѣйствіе элементовъ гражданъ и чиновниковъ», говоритъ Курцъ, «въ томъ же уголовномъ дѣлѣ необходимо имѣть послѣдствіемъ тѣ невыгоды, которыя свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности» *). Чиновничество, по мнѣнію Курца, до нѣкоторой степени справедливо упрекаютъ въ привязанности къ буквѣ закона, въ склонности подчиниться вліянію правительства. Впрочемъ, за судьей-юристомъ нельзя не признать нѣкоторыхъ, специально ему свойственныхъ достоинствъ. Такъ, сюда нужно отнести привычку къ болѣе правильному мышленію, выработанную долгимъ упражненіемъ; далѣе быстроту и ловкость, съ которою юристъ схватываетъ суть дѣла.—Что же касается народного элемента, то относительно его можно сказать, что каждому достоинству на сторонѣ чиновничества соотвѣтствуетъ недостатокъ и наоборотъ каждому недостатку перваго соотвѣтствуетъ специальное достоинство втораго. При организаціи суда присяжныхъ эти достоинства и недостатки обоихъ элементовъ проявляются—де въ полной своей силѣ, для каждаго элемента въ специально предоставленной ему области. Сюда же присоединяются и недостатки свойственныя процедурѣ, которая имѣетъ своею задачею установить пунктъ соприкосновенія функций обоихъ факторовъ процесса. Здѣсь Курцъ намекаетъ на постановку вопросовъ и сопряженныя съ ней недоразумѣнія со стороны присяжныхъ о смыслѣ вопросовъ, со стороны судей—о значеніи отвѣтовъ присяжныхъ. Другой случай для проявленія этихъ же затрудненій представляетъ наставленіе, преподаваемое присяжнымъ предсѣдателемъ суда.

Все это пропадаетъ, по мнѣнію Курца, при организаціи

*) См его статью «Schwurgericht oder Schöffengericht?» въ Allgemeine deutsche Staatsrechtszeitung», XII Jahrg, стр. 162 и слѣд.

шеффенгерихта. Сравненіе шансовъ правильнаго рѣшенія при организации суда шеффеновъ съ таковыми же при устройствѣ жюри наводитъ его на слѣдующую аналогію. «Представимъ себѣ неспеціалиста, которому еще не случалось видѣть химическаго аппарата; пусть ему будетъ преподано популярно-научное наставленіе о какомъ нибудь химическомъ анализѣ; пусть ему точно опишутъ порядокъ, которому нужно слѣдовать для полученія опредѣленнаго результата, достигаемаго химикомъ играясь; пусть посадятъ его одного въ комнату и предоставятъ ему оперировать:—онъ скорѣе откроетъ способъ приготовленія золота, чѣмъ прійдетъ къ желаемому результату. Напротивъ, пусть не спеціалистъ работаетъ при помощи и сообщая съ химикомъ,—и можно будетъ получить поразительный результатъ: первый сообщая съ вторымъ будетъ вѣрно и хорошо оперировать и даже, можетъ быть, часто изобрѣтеть ловкій пріемъ, произведетъ хорошую мысль, къ которымъ спеціалистъ не приходилъ, поступая по обычному способу въ полной увѣренности, что путь его ведетъ къ цѣли.

Если мы возвратимся къ нашимъ присяжнымъ и спросимъ людей, которые сами дѣйствовали, какъ таковые, то бѣльшая часть изъ нихъ, навѣрно, признаетъ, что часто предложенные вопросы производили на нихъ такое же впечатлѣніе, какъ химическій аппаратъ, и что по отношенію къ нимъ они были иногда почти безпомощными». Въ поясненіе Курцъ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда присяжные своими отвѣтами ясно показывали непониманіе ими вопросовъ и наставленій предсѣдателя*).

*) Такъ, онъ приводитъ случай, когда присяжные отвѣтили на сложный вопросъ о виновности утвердительномъ „да“ съ прибавленіемъ „но недоказано,“ безъ дальнѣйшаго указанія, что именно не доказано. Здѣсь, такимъ образомъ, присяжные обнаружили непониманіе наставленій предсѣдателя. На случай, если присяжные не найдутъ возможнымъ отвѣчать утвердительно на какую-нибудь часть сложнаго вопроса, онъ совѣтовалъ имъ отвѣчать „да“ съ соответствующей оговоркой, для которой онъ предложилъ формулу: «однако не доказано, чтобы и т. д.» Присяжные же поняли, что эта формула рекомендована имъ вообще для утвердительнаго отвѣта, что имъ иначе нельзя отвѣчать, какъ „да“ во недоказано».

Курцъ, какъ и вообще всѣ сторонники шеффенгерихта, надѣется, что при совмѣстномъ обсужденіи, присяжные, какъ и судьи, потеряютъ всѣ свои недостатки и сохранять только лучшія стороны, вслѣдствіе чего самое рѣшеніе, конечно, выиграетъ во всесторонности и правильности.—Что же касается до опасности незаконнаго, парализующаго всякую самостоятельность вліянія шеффеновъ со стороны ученыхъ судей, то партизаны шеффенгерихта не допускаютъ вѣроятности ея наступленія. «Что при дебаттѣ рѣшеніе судей-гражданъ останется самостоятельнымъ, то за это долженъ ручаться ихъ характеръ, ихъ легальная независимость. Къ этому присоединяется еще, что главный контингентъ шеффеновъ, при теперешней и во всякомъ случаѣ оказавшейся практичной организаціи института, доставляется интеллигентнымъ населеніемъ городовъ и ихъ окрестностей; въ этомъ также заключается гарантія въ пользу того, что приговоръ неспециалистовъ будетъ именно охраненъ отъ ошибокъ, но не подвергнется ненадлежащему вліянію*). Цахаріэ даже дошелъ до того, что упрекаетъ противниковъ шеффенгерихта въ неизъяснимомъ для него противорѣчій, усматриваемомъ имъ яко-бы въ одновременномъ утвержденіи и отрицаніи за одними и тѣми же лицами тѣхъ же самыхъ качествъ, необходимыхъ для произнесенія справедливаго рѣшенія,—только смотря по тому, идетъ ли рѣчь о нихъ, какъ о шеффенахъ, или—какъ о присяжныхъ засѣдателяхъ**). Наконецъ, Шварце по этому поводу ссылается на опытъ повѣйшаго времени, когда очень часто граждане принимаютъ участіе съ специалистами въ обсужденіи дѣлъ, касающихся мѣстнаго общиннаго самоуправленія. Проявлявшееся вначалѣ вліяніе юристовъ на гражданъ, не свѣдущихъ въ правовѣдѣніи, постепенно стало исчезать. Мало того, нѣкоторое смягченное преобладаніе специалистовъ даже полезно для дѣла. Вообще, по мнѣнію, или скорѣе, по ожиданію Шварце, разумный судья, равно какъ и та-

*) Курцъ въ вышеуп. статьѣ, стр. 187.

**) Das moderne Schöffengericht, стр. 38.

ковой же шеффенъ будутъ взаимно открывать доступъ вліянію, каждый въ той области, которая лежитъ за предѣломъ его обычной дѣятельности. Указавши на то обстоятельство, что согласіе элементовъ народнаго и короннаго нельзя истолковывать всякій разъ какъ слѣдствіе незаконнаго вліянія судей коронныхъ на народныхъ, Шварце ссылается далѣе на свидѣтельства опыта съ существующими въ Германіи шеффенгерихтами и на опытъ въ Швейцаріи. Дѣло въ томъ, что онъ не слышалъ ни съ какой стороны жалобъ на это давленіе судей на шеффеновъ. Что касается Швейцаріи, то тамъ, вмѣсто судовъ присяжныхъ во многихъ кантонахъ существуетъ учрежденіе, аналогичное съ шеффенгерихтомъ: суды состоятъ изъ специально избранныхъ судей изъ народа, въ число которыхъ весьма часто попадаютъ юристы. Однако, здѣсь не было наблюдаемо, по заявленію Шварце, того давленія, котораго боятся сторонники жюри. На возраженіе, которое можно ожидать со стороны противниковъ, о неумѣстности въ данномъ случаѣ аналогіи (ибо шеффенгерихты Швейцаріи отличаются отъ германскихъ отсутствіемъ постоянства, несмѣняемости членовъ-юристовъ), Шварце отвѣчаетъ, что вслѣдствіе этого, однако давленіе все таки не уничтожилось бы вовсе, а было бы только въ меньшей степени; между тѣмъ его вовсе не замѣчаютъ. Наконецъ, Шварце дѣлаетъ ссылку на благопріятное свидѣтельство Гіз-Глунова объ австрійскихъ судахъ, въ которыхъ принимали участіе уважаемые граждане, несмотря на вообще дурную организацію этихъ судовъ*).

Такова въ главныхъ чертахъ аргументація тѣхъ изъ сторонниковъ шеффенгерихта, которые видятъ выгоды привлеченія народнаго элемента къ уголовной юстиціи именно въ томъ вліяніи, которое народные суды оказываютъ на рѣшеніе отдѣльнаго дѣла.

Что же касается до хода разсужденія тѣхъ, которые, какъ указано было выше, цѣнятъ главнымъ образомъ вліяніе народнаго элемента на характеръ и ходъ уголовной юстиціи вообще, то онъ будетъ совершенно иной. Если смотрѣть на дѣятельность присяжныхъ, какъ

*) Das deutsche Schwurgericht etc. стр. 187—191.

на такую, которая въ лучшемъ случаѣ, т. е. при особенно удачномъ выполненіи обязанностей предсѣдателемъ и прокуроромъ, будетъ имѣть своимъ результатомъ вердиктъ, только не уступающій по своимъ достоинствамъ приговору обыкновенной коллегіи ученыхъ судей; если смотрѣть, такимъ образомъ, «на коллегію присяжныхъ засѣдателей, какъ на излишній аппаратъ въ отношеніи къ отдѣльному рѣшенію, который угрожаетъ правосудію безъ корректива въ надлежащей дѣятельности предсѣдателя и прокурора, обусловливаемой ихъ служебною ревностью и интеллигентностью»: то естественно, не нужно особенно заботиться о такой организаціи, которая обезпечивала бы народному элементу положеніе, дающее ему возможность внести свою долю въ уголовный приговоръ. Напротивъ, такъ какъ нельзя разсчитывать постоянно на отличныхъ предсѣдателей и прокуроровъ, такъ какъ, слѣдовательно, постоянно есть опасность дурнаго вліянія народнаго элемента; то, можетъ быть, прибавимъ отъ себя, такое устройство, которое бы давало возможность чиновному элементу держать на уздѣ народный, было бы всего цѣлесообразнѣе. Во всякомъ случаѣ, при аргументаціи, исходнымъ пунктомъ которой не служитъ вліяніе народнаго элемента на доброкачественность самаго приговора, а скорѣе длительное вліяніе на юстицію вообще,— вопросъ о гарантіяхъ самостоятельности шеффовъ, объ устраненіи подавляющаго вліянія на нихъ со стороны судей не составляетъ рѣшительнаго момента. Такъ какъ смыслъ привлеченія заключается въ томъ, чтобы удержать ученыхъ судей отъ окончательнаго разобщенія съ народнымъ воззрѣніемъ, то и организація судовъ должна быть такова, чтобы судьи имѣли всегда подъ рукою представителей этого воззрѣнія. Но это ни больше, ни меньше какъ, такъ сказать, обстановка, при которой дѣйствуютъ ученые судьи. Очевидно, что при такомъ взглядѣ самая цѣлесообразная организація будетъ та, которая осуществляется въ шеффенгерихтахъ.

Мы покончили съ изложеніемъ аргументаціи сторонниковъ судовъ шеффовъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ критической оцѣнкѣ ея.

IV.

Главнѣйшее возраженіе противъ суда присяжныхъ, представляемое по поводу постановки вопросовъ, состоитъ, какъ мы видѣли*), въ томъ, что уже въ силу приурочиванія вердикта къ извѣстнымъ формулированнымъ судомъ вопросамъ присяжные не рѣшаютъ самаго казуса, а вопросы,—что, однимъ словомъ, вердиктъ присяжныхъ не имѣетъ того изчерпывающаго всѣ возможные взгляды на дѣло значенія, какимъ отличается свободное рѣшеніе суда шеффеновъ или короннаго суда.

Прежде всего можно возразить противъ этого положенія, какъ это и сдѣлалъ Баръ**), что причина ограниченія взглядовъ суда на дѣло лежитъ не въ той или другой системѣ замѣщенія судовъ, а въ общепризнанномъ началѣ судопроизводства, извѣстномъ подъ именемъ обвинительнаго. Какъ справедливо замѣчаетъ Баръ, обвиненіе (которое согласно обвинит. принципу должно очерчивать границы судейскаго обсужденія) само по себѣ есть ничто иное, какъ вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ приговоромъ, отъ кого бы послѣдній ни исходилъ. Если быть вѣрнымъ обвинительному принципу, то, при всякой организаціи суда, послѣдній стѣсненъ нѣкоторымъ образомъ въ обсужденіи даннаго дѣла предѣлами обвиненія.

На это, впрочемъ, сторонники шеффенгерихта***) возражаютъ, что все это справедливо только относительно тѣхъ случаевъ, которые лежатъ за предѣлами дозволяемыхъ обвинительнымъ принципомъ измѣненій обвиненія. Но вѣдь и обвинительный процессъ даетъ мѣсто нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ обвиненія въ извѣстныхъ предѣлахъ****). Вотъ въ этихъ-то случаяхъ и обнаруживается свое дѣйствіе то стѣсненіе присяжныхъ рамками вопроса

*) См. выше, стр. 63

**) Recht und Beweis, § 253.

***) Hugo Meyer, die Frage des Schöffengerichts, 19—21.

****) См. выше, глава I.

которое лишаетъ вердиктъ присяжныхъ значенія приговора о данномъ дѣлѣ, низводя его на степень отвѣта на вопросъ, предложенный судомъ.

На это, въ свою очередь, можно замѣтить слѣдующее. Никто не спорить, что могутъ быть случаи, когда судъ, постановляя вопросы присяжнымъ, упустить изъ виду такую точку зрѣнія на дѣло, которая какъ разъ соотвѣтствуетъ взглядамъ присяжныхъ. Дѣйствительно, очень трудно суду на столько возвыситься въ пониманіи возрѣній присяжныхъ, чтобъ избѣгнуть опасности пропустить постановку извѣстнаго эвентуальнаго вопроса, на который присяжные могли бы отвѣтить утвердительно и который, потому изъбавилъ бы ихъ отъ затруднительнаго положенія—или совершенно оправдать виновнаго, или обвинить подсудимаго въ преступленіи, въ которомъ онъ не виновенъ.

Впрочемъ, цѣлесообразная организація судопроизводства передъ присяжными не должна оставлять и не оставляетъ безъ вниманія эту опасность. При этомъ въ качествѣ коррективовъ обыкновенно рекомендуются слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, воспрещается суду не уважать только на основаніи фактическихъ соображеній требованія сторонъ о постановкѣ эвентуальныхъ вопросовъ*).

*) См. выше, стр. 229. Что касается, между прочимъ, русской практики, то повтому поводу можно привести разнорѣчивыя рѣшенія сената. Такъ въ одномъ рѣшеніи, по дѣлу Бойко (1871 г. № 1401), сенатъ призналъ нужнымъ, чтобы сторона, предлагающая постановку эвентуальнаго вопроса, доказала суду наличность фактовъ, видоизмѣняющихъ квалификацію дѣянія, если она хочетъ, чтобы ея ходатайство было уважено судомъ Совершенно другое положеніе сенатъ высказалъ въ другихъ рѣшеніяхъ своихъ, гдѣ для удовлетворенія ходатайства онъ считаетъ достаточнымъ выраженіе стороною *сомнѣнія* въ томъ, что фактическія условія были въ самомъ дѣлѣ таковы, какъ ихъ описываетъ главный вопросъ (обвиненіе). Мы, необинуясь, склоняемся, вмѣстѣ съ г. Селитренниковымъ (о постановкѣ вопросовъ, стр. 127 и сл.), на сторону перваго способа рѣшенія вопроса. Это рѣшеніе вполне согласно съ требованіями теоріи, находящей своихъ представителей въ лицѣ такихъ авторитетовъ какъ Glaser. Далѣе такимъ путемъ можно ослабить возраженія противъ самаго института жюри, дѣлаемыя сторонниками шеффенгерихта по поводу часто про-

Во-вторыхъ, шансы на болѣе разностороннее обсужденіе даннаго дѣла увеличиваются съ предоставленіемъ коронному суду по собственной инициативѣ ставить эвентуальные вопросы*). Наконецъ, авторитетные теоретики**) стоятъ на предоставленіи въ этомъ случаѣ нѣкотораго простора инициативѣ самихъ присяжныхъ. Другими словами: рекомендуется поощрять заявленія присяжныхъ, имѣющія цѣлью обратить вниманіе суда на иную точку зрѣнія на дѣло, слѣдствіемъ чего можетъ быть постановка соответствующаго эвентуальнаго вопроса.

являющагося несовпаденія точекъ зрѣнія у двухъ факторовъ процесса (присяжныхъ и коронныхъ судей). Такъ-же относится къ этому вопросу и новый австрійскій уставъ уголовного судопроизводства 23 мая 1873 года. (см. Erläuterungen zum Strafprocess.—Ordnung vom 23 Mai 1873 г. Mitterbracher's и Neumaier's, толкованіе 320 ст., стр. 728—729).

*) На счетъ цѣлесообразности этихъ мѣръ согласны почти всѣ теоретики и законодатели.

**) *Var, Recht und Beweis.* Что касается положенія этого вопроса въ законодательствахъ и практикѣ, то въ вѣбъ этихъ сферахъ онъ не обратилъ еще серьезнаго на себя вниманія. Впрочемъ, комментаторъ прусскаго законодательства по уголовному судопроизводству, Oppenhoff (*die preussischen Gesetze über das mündliche und öffentliche Verfahren in Strafsachen*, стр. 380), ссылаясь на матеріалы къ законамъ, изданные въ 1852 г. въ Берлинѣ (которыми, въ сожалѣнію, авторъ не могъ пользоваться), кратко, но категорически высказывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «den Geschwornen steht eine Einwirkung auf die Fragestellung in keiner Weise zu».

Въ рѣшеніи 1866 г. № 91 нашъ уголовный кассационный департаментъ также высказался въ смыслѣ устраненія всякаго воздѣйствія присяжныхъ заседателей (старшинъ) на постановку вопросовъ, воздѣйствія, проявляющагося въ формѣ замѣчаній, на поставленные судомъ вопросы. Сенатъ видитъ въ допущеніи и уваженіи подобныхъ замѣчаній существенное нарушеніе 750 и 762 ст. устава уголовного судопроизводства. Сколько намъ известно, французская практика не высказывалась объ этомъ вопросѣ, по крайней мѣрѣ у Hélie (*Traité de l'instruction criminelle*, т. IX, § 675) мы не нашли указанія на это. Впрочемъ, кодексъ 3 брюмера IV года прямо постановляетъ: «l'accusé, ses conseils, l'accusateur public, et les jurés peuvent faire des observations sur la manière dont les questions sont posées et le tribunal en décide sur-le-champ». По мнѣнію Hélie, это распоряженіе, хотя и не внесенное въ дѣйствующій кодексъ, тѣмъ не менѣе должно быть исполняемо. Впрочемъ, Hélie

Конечно, по поводу этих мѣръ можно возразить, что и онѣ не исключаютъ всякой возможности того затруднительнаго положенія присяжныхъ, о которомъ говорилось выше. Можно утверждать, что для того, чтобы заявить суду о неполнотѣ вопросовъ, о новой точкѣ зрѣнія на дѣло, нужно обладать въ достаточной степени той активностью, самостоятельностью, которая обусловливается бѣльшимъ количествомъ свѣдѣній въ правѣ, бѣль-

ведеть рѣчь только о правахъ сторонъ (прокурора и защитника) дѣлать свои замѣчания на постановку вопросовъ. Если, однако, практика, изъ соображеній объ интересахъ обвиненія и защиты (слѣдовательно, и интересахъ правосудія) можетъ предоставить сторонамъ то право, о которомъ законъ не упоминаетъ; то аналогическія соображенія должны заставить практику отнестись въ такомъ же смыслѣ и къ правамъ присяжныхъ. Въ интересахъ правосудія требуютъ всякаго облегченія задачи присяжныхъ. Необходимо стараться всеми силами объ освобожденіи ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ они находятся, принужденные высказаться о вопросѣ, не соответствующемъ ихъ взгляду на дѣло, неизчерпывающемъ всѣ точки зрѣнія на него. Такое установленіе неподвижныхъ рамокъ въ формѣ вопроса поведетъ къ тому, что часто явно виновные въ преступномъ дѣяніи съ видоизмѣненною квалификаціею избѣгутъ всякой уголовной кары. Иногда, однако, можетъ произойти и худшій результатъ: присяжные могутъ выйти изъ альтернативы, въ которую ихъ ставятъ вопросъ (или обвинять невиновнаго въ дѣяніи съ квалификаціею вопроса, или оправдать виновнаго въ дѣяніи съ другою квалификаціею), въ ущербъ для подсудимаго. Тогда послѣдній потерпитъ *неслужескую кару*. Вообще положеніе присяжныхъ и безъ того затруднительно; увеличивать количество препятствій, затруднять ихъ еще больше представляется въ высшей степени нерациональнымъ. Тѣмъ болѣе, что это дѣлается безъ всякой нужды; ибо ничьи права не будутъ нарушены, если судъ уважитъ найденныя имъ справедливыми замѣчанія присяжныхъ засѣдателей. Мало того, такое явленіе въ высшей степени отрадно: оно свидѣтельствуетъ о томъ, что присяжные не какая-нибудь пассивная, инертная масса, а коллегія лицъ, горячо принимающихъ интересы правосудія. Что касается практики нашего сената, то она не имѣетъ точки опоры даже въ законѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 762 и 812 ст. устава уголовного судопроизводства видно, что законодательство не смотритъ на вопросы, какъ на нѣчто неизмѣнное, какъ на интерлокутъ, преюдицирующій окончательному рѣшенію. Они исправляются, измѣняются судомъ (762); мало того, 812 ст. указываетъ на то, что собственно задача вердикта присяжныхъ не въ томъ только, чтобы отвѣтить на вопросъ

шимъ навѣкомъ даже въ оцѣнѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, чѣмъ это обыкновенно имѣютъ присяжные. Безъ этихъ-де условій самое право присяжныхъ обратится, такъ сказать, въ *indium jus*. Но если это такъ, то неужели, спросимъ мы, только то обстоятельство, что присяжные посажены будутъ рядомъ съ судьями во время обсужденія приговора (какъ этого требуютъ сторонники шеффенгерихта), преобразить присяжныхъ и придасть имъ ту активность, которой добиваются противники суда присяж-

равъ предложенный судомъ, а въ томъ, чтобъ дать возможность присяжнымъ высказать ихъ настоящее мнѣнiе по дѣлу, т. е. о силѣ или несправности подсудимаго (ст. 7 учрежд. суд. уст.) Въ самомъ дѣлѣ, она говоритъ: «когда присяжные заседатели признають, что однимъ утвержденiемъ или отрицанiемъ невозможно съ точностью выразить свое мнѣнiе, то они могутъ дать надлежащее значенiе отвѣту, прабавленiемъ къ установленнымъ выраженiямъ нѣкоторыхъ словъ, напр. «да, виновенъ», но безъ предумышленiя». И такъ, изъ статьи видно, что присяжные, по собственной инициативѣ, могутъ измѣнять установленный отвѣтъ, другими словами: *измѣнять вопросъ*. Ибо, въ сущности, если отвѣчаешь съ оговоркою, съ прибавленiемъ, то, значить, отвѣчаешь на другой вопросъ: если вмѣсто отвѣта «да» на вопросъ: «виновенъ ли А. въ предумышленномъ убiйствѣ В?»—отвѣчаютъ: «да, но безъ предумышленiя», то, значить, отвѣчаютъ на вопросъ: «виновенъ ли въ убiйствѣ, непредумышленномъ?» Разница только въ формѣ отвѣта и именно въ пользу той формы, которая предполагаетъ постановку двухъ вопросовъ—одного главнаго, а другаго эвентуальнаго (съ ограничениемъ); ибо присяжные могутъ въ своихъ ограниченияхъ, дѣлаемыхъ самостоятельно, впасть въ противорѣчiя, какъ это часто и случается на практикѣ.

Замѣчательно, что сенатъ такъ строгъ въ толкованiи только по отношенiю къ присяжнымъ. Что касается до права суда измѣнять первоначальную редакцiю вопросовъ *не на основанiи* (а по поводу) требованiя стороны, то сенатъ признаетъ его въ полной силѣ, хотя ст. 752—774 не предусматриваютъ этого случая, говоря только объ измѣненiяхъ, дѣлаемыхъ *по тѣмъ отъ сторонъ замѣчанiямъ*, которыя судъ признаетъ *уважительными* (см. приведенныя въ сборникѣ г. Трахтенберга рѣшенiя сената подъ тезисомъ 4426).

Что касается формы, времени, впродолженiе котораго допустимы подобныя замѣчанiя со стороны присяжныхъ, силы ихъ домогательства, то объ этомъ см. у Бара, *Recht und Beweis*, §§ 53—57. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ здѣсь же замѣтить, что въ этомъ отношенiи не нужно дѣлать разницы между исправленiемъ вопросовъ по ходатайству сторонъ и поправками по инициативѣ присяжныхъ. См. выше стр. 80 въ примѣчанiи.

ныхъ и которая необходима для обезпеченія всесторонности обсужденія даннаго дѣла. Вообще, если придавать большое значеніе тому вреду, который можетъ послѣдовать отъ ограниченія обсужденія присяжными даннаго дѣла предѣлами вопросовъ, то невольно представляется вопросъ: почему вовсе не уничтожить общепризнанное въ настоящее время *обвинительное начало процесса?*

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и противъ этого начала можно, даже въ бѣльшей мѣрѣ, представить подобныя возраженія *). Ибо стороны, устанавливая рамки, между которыми можетъ двигаться судейское усмотрѣніе, дѣйствуетъ ограничительно. Мало того, опасность здѣсь большая, чѣмъ при ограниченіи присяжныхъ; потому что вообще присяжные гораздо пассивнѣе относятся къ дѣлу, чѣмъ ученые судьи; слѣдовательно, стѣсненіе послѣднихъ менѣе нанесетъ матеріальнаго ущерба дѣлу, чѣмъ ограниченіе первыхъ. Итакъ, если можно называть право присяжныхъ заявлять свои взгляды на дѣло голымъ правомъ; то, обратно, обязанность присяжныхъ ограничиваться предѣлами вопросовъ будетъ въ большинствѣ случаевъ естественною обязанностью, которая выполнялась бы и безъ всякой санкции, т. е. при какой угодно организаціи суда, будетъ ли то судъ присяжныхъ или шеффенгерихтъ.

Такъ же, если не болѣе, неосновательны нападки сторонниковъ шеффенгерихта на институтъ суда присяжныхъ, дѣлаемые по поводу затрудненій въ процедурѣ постановки вопросовъ, порождаемыхъ желаніемъ ограничить присяжныхъ разрѣшеніемъ вопросовъ чисто фактическихъ.

При этомъ говорятъ о трудности *разрѣшенія* правовыхъ понятій (*Auflösung der Rechtsbegriffe***). По этому поводу мы позволяемъ себѣ установить слѣдующее положеніе: *если затрудненія этого рода порождаются не формою суда, а признанною уже наукою***) невозможностью отдѣлится правовыя*

*) См. выше, стр. 220.

**) См. выше, стр. 252.

***) См. выше, стр. 196—197.

понятія отъ фактическихъ обстоятельствъ съ одной стороны и отъ желанія, равно общаго всякой формѣ суда, организовать надлежащій контроль надъ судьями, гевр. присяжными по поводу подсудности — съ другой. Такимъ образомъ, возраженія по поводу этихъ трудностей съ одинаковымъ правомъ могутъ быть направлены и противъ суда шаффеновъ, даже противъ чисто коронныхъ судовъ, будь они одиночные или коллегіальные.

Постараемся пояснить это. Еще прежде мы упоминали о трудности провести рѣзкую демаркационную линію между абстрактными, правовыми признаками преступленія и фактическими, конкретными обстоятельствами, въ которыхъ первые осуществляются. Это въ свою очередь ведетъ къ слѣдующему. Ограниченіе компетентности присяжныхъ только одними фактами безъ расширенія въ тоже время вѣдомства судей предоставленіемъ ихъ обсужденію вопросовъ факта, во всякомъ случаѣ вещь невозможная. Другими словами: какъ бы ни старались въ вопросахъ присяжныхъ изчерпать фактическую обстановку на столько, чтобъ судьямъ оставалось только примѣнить къ установленнымъ фактамъ законъ, дѣятельность эта останется безплодною, ибо всегда суду придется *tacite* установить положеніе, что въ данномъ случаѣ нѣтъ *фактовъ*, мѣшающихъ подведенію конкретныхъ признаковъ дѣянія подъ абстрактные, — положеніе, гдѣ неразрывно право соединяется съ фактомъ^{*)}). Итакъ, законодателю приходится рѣшить слѣдующую дилемму: или, обративши присяжныхъ въ пробный камень доказательствъ (выраженіе Планка), предоставить коронному суду и рѣшеніе фактическихъ вопросовъ; или, изъявши изъ вѣдѣнія суда вопросы факта, предоставить присяжнымъ подведеніе констатированныхъ ими конкретныхъ фактовъ подъ правовыя понятія, — слѣдовательно, разрѣшеніе вопросовъ права.

Современныя наука и законодательства высказались въ пользу второй части дилеммы.

О мотивахъ такого рѣшенія вопроса (мы говорили выше.

^{*)} См. выше, стр. 195 и сл.

Резюмировать ихъ можно такъ: во-первыхъ, сила вещей, невозможность раздѣлить право и фактъ; во-вторыхъ, соображенія объ истинной идеѣ суда присяжныхъ, о миссіи неюридического элемента судовъ.

И такъ, изслѣдуя какою угодно вопросомъ процесса передъ присяжными, нужно исходить изъ положенія, что задача ихъ заключается не только въ констатированіи фактовъ, но и въ подведеніи (субсумціи) ихъ подъ законные признаки преступленія.

Влижайшей консеквенціей этого положенія будетъ признаніе необходимости знакомить присяжныхъ на столько съ правомъ, на сколько это нужно для субсумціи. Знакомство это совершается въ формѣ *gesimé* и вопросовъ, для которыхъ первое служитъ комментариемъ. Самый же процессъ субсумціи долженъ совершаться въ умахъ присяжныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о томъ, что присяжные рѣшаютъ вопросы права. Такимъ образомъ, необходимо принять такія мѣры, которыя гарантировали бы контроль юристовъ надъ присяжными въ ихъ дѣятельности по примѣненію права. Такой контроль необходимъ, впрочемъ, при всякой формѣ суда, даже при замѣщеніи судовъ только юристами. Здѣсь этотъ контроль, принадлежащій высшему (кассационному) суду, гарантируется *мотивировкой* приговора. На судѣ присяжныхъ контроль этотъ вѣренъ, во 1) коллегіи коронныхъ судей, во 2) кассационному суду, который слѣдитъ за единообразнымъ примѣненіемъ закона. Гарантируется этотъ контроль прежде всего санкціонируемою присягою обязанностью присяжныхъ слѣдовать руководству суда.

Руководство это преподается обыкновенно въ формѣ *gesimé* предсѣдателя суда. Юридически-образованному элементу суда дается еще прежде случая знакомить присяжныхъ съ правомъ, на сколько это необходимо въ конкретномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обвинительный актъ, рѣчи и заявленія прокурора и защитника, — все это акты, имѣющіе цѣлью познакомить присяжныхъ съ подлежащими законами. Такимъ образомъ, заключительное слово предсѣдателя есть ничто иное, какъ голосъ безпристрастнаго судьи, имѣющій своей задачей исправить тѣ недостатки, сгла-

дять тѣ крайности, въ которыя впадаютъ увлекаемыя одностороннимъ отношеніемъ къ дѣлу стороны.

Англійскій процессъ считаетъ все это вполне достаточнымъ для надлежащаго ознакомленія присяжныхъ съ правомъ. Послѣ такого *resumé* (*charge*) англійскіе присяжные удаляются въ совѣщательную комнату и постановляютъ свой вердиктъ, которымъ они или оправдываютъ подсудимаго, или обвиняютъ его въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ; — другими словами, они или принимаютъ, или отвергаютъ обвинительный актъ.

Континентальный процессъ и теорія считаютъ эти мѣры не достаточно гарантирующими правильность вердиктовъ присяжныхъ относительно примѣненія права. И законодательства, и наука, по этому, устанавливаютъ еще другія гарантіи.

Прежде всего сюда относится *процедура постановки вопросовъ*. — Собственно говоря, все, что присяжные должны рѣшить, какъ со стороны факта, такъ и права, для признанія подсудимаго виновнымъ въ преступленіи, возводимомъ на него обвинительнымъ актомъ, должно содержаться въ *resumé* предсѣдателя. Поэтому можно было бы не предлагать особыхъ вопросовъ, формулирующихъ обвиненіе въ сжатомъ видѣ; можно было бы предоставить присяжнымъ, какъ это дѣлаетъ англійскій процессъ, высказываться объ обвиненіи. Однако, на континентѣ боятся предоставить несвѣдущимъ въ правѣ людямъ самимъ выбирать изъ обвиненія все то, что существенно для рѣшенія даннаго дѣла, даже послѣ наставленія, которое они, впрочемъ, легко могутъ забыть.

Съ этою-то цѣлью и предлагаются присяжнымъ вопросы.

Континентальный процессъ стремится придумать такую форму вопросовъ, которая давала бы возможность суду контролировать присяжныхъ въ правильномъ примѣненіи права, въ усвоеніи ими правовыхъ понятій. Этого старая практика пыталась достигнуть *замѣною* въ предлагаемыхъ вопросахъ правовыхъ понятій соответствующими *конкретными обстоятельствами*. Какъ мы видѣли, однако, выше, наука показала нераціональность и даже

невыполнимость такой мѣры. Неудача эта, впрочемъ, не уничтожила самаго стремленія; она заставила только искать другихъ путей. Такимъ образомъ, законодательства и практика потребовали замѣны правовыхъ понятій не конкретными обстоятельствами даннаго дѣла, а равносильными *обицами* (*абстрактными*) *выраженіями*, потребовали *описанія правоваго термина въ общепотребительныхъ выраженіяхъ**). Однако, было доказано, что эта мѣра имѣетъ тенденцію уподобиться предъидущему способу контроля**). Поэтому стали предлагать не *замѣну* сомнительныхъ правовыхъ понятій въ вопросахъ, а *сопоставленіе* ихъ съ соответствующими конкретными фактами. Вслѣдствіе этого вопросъ, предлагаемый на основаніи этой теоріи, получаетъ такую форму: «виновенъ ли X. въ совершеніи дѣянія, которое слагается изъ конкретныхъ фактовъ a, b, c, соответствующихъ законнымъ признакамъ A, B, C?»***). Наконецъ, послѣднюю стадію въ развитіи взглядовъ по этому предмету составляетъ предложеніе Бара****), близко подходящее къ предъидущему. Разница заключается въ формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Баръ предлагаетъ весь матеріалъ, составляющій, согласно только что указанному проекту, содержаніе одного вопроса, раздробить на двѣ части, изъ которыхъ каждая войдетъ въ особый вопросъ. Такимъ образомъ, первый вопросъ будетъ гласить: «виновенъ ли X. въ совершеніи такого-то (здѣсь значитъ или названіе преступленія, или № статьи) преступленія, которое по закону слагается изъ такихъ-то признаковъ (здѣсь приводится опредѣленіе преступленія словами за-

*) Op. Goldammer, Archiv für preuss. Strafrecht, B. III стр. 195. На этой-же точкѣ зрѣнія стоитъ и русское законодательство; смот. 760 ст. уст. уг. суд. 1864 года по толкованію Чебышева-Дмитріева. (Русск. уг. судопр. 1875 стр. 515 и сл.) и Семитренникова (О постановкѣ вопр.). Другаго мнѣнія Будковский (О приг. по уг. дѣламъ), понимающій 760 ст. въ смыслѣ ограниченія приносящихъ еадтамъ.

**) Bar, R. und B., § 9.

***) Glaser, Schw. Erört, стр. 56; Daleke, Golt. Ar., т. XIV.. стр. 153 сл.

****) Recht und Beweis, стр. 134.

кона), при такихъ-то конкретных обстоятельствахъ (индивидуализированіе преступнаго дѣянія).» Второй, дополнительный вопросъ имѣеть своею спеціальною задачею узнать о мотивѣ вердикта присяжныхъ. Онъ требуетъ отвѣта только въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія перваго вопроса. Онъ формулируется такъ: «нашли-ли присяжные, утвердительно отвѣтившіе на вопросъ о виновности, что законные признаки преступления А, В, С, реализовались въ конкретныхъ обстоятельствахъ а, б, с?» Если присяжные отвѣтятъ на оба эти вопроса утвердительно и если по мнѣнію суда упомянутые конкретные признаки не соответствуютъ законнымъ, то судъ оправдываетъ подсудимаго. Содержание такихъ дополнительныхъ вопросовъ могутъ составлять и причины, исключаящія виновность и наказуемость, т. е. то, что нѣмцы называютъ Schuld—и Strafausschliessungsgründe, напр. необходимая оборона, отсутствіе виныемости и пр.*).

Какъ бы то нибыло, въ какой бы формѣ ни предлагать вопросы присяжнымъ, главный контроль юристовъ-судей проявляется въ наставленіи предсѣдателя, комментариемъ къ которому служить все предшествовавшее производство. Всѣ остальные мѣры, куда относится вообще процедура востановки вопросовъ, ничто иное, какъ замѣтки для памяти, понятные только послѣ предшествовавшихъ наставленій. Придавать имъ большое значеніе по этому нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы суть, какъ мы говорили уже выше, ничто иное, какъ resumé наставленія, преподаваемого присяжнымъ впродолженіе всего предшествовавшаго производства. Значеніе они имѣютъ по столько, по сколько присяжные поняли это наставленіе и желаютъ ему подчиниться. Заставить ихъ отвѣчать такъ или иначе они не могутъ. Если присяжные, напр., расходятся съ судомъ въ квалификаціи дѣянія, именно считаютъ преступленіемъ то, въ чемъ судъ не видитъ такового, то они легко могутъ избѣгнуть контроля суда, отвѣтивши на первый

*) Изъ законодательствъ европейскихъ приняло этотъ проектъ только австрійское. См. 319 и 323 ст. новаго устава уголовного судопроизвод. 23 мая 1873 г.

(главный) вопрос утвердительно, а на второй (дополнительный) отрицательно. Присяга же, приносимая присяжными в томъ, что они будутъ рѣшать дѣла согласно закону, одинаково будетъ обязывать ихъ слѣдовать наставленіямъ суда, въ какой бы формѣ они ни излагались. Что же касается контроля кассационнаго суда, то онъ мыслимъ безъ особыхъ вопросовъ*). Средствами для этого служатъ резюме предсѣдателя и все вообще производство. По требованіямъ сторонъ, тѣ мѣста въ резюме, въ которыхъ они видятъ непривильное толкованіе закона, записываются въ протоколъ засѣданія, что и даетъ возможность кассационному суду судить о правильности вердикта, построеннаго при такомъ или другомъ руководствѣ суда.

Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, съ Баромъ, что резюме предсѣдателя играетъ роль мотивировки приговора съ тою разницею въ выгодѣ резюме, что собственно мотивировка послѣдуетъ за произнесеніемъ приговора, а резюме предшествуетъ ему**). Во всякомъ случаѣ, въ чемъ бы не выражали контроль, — въ мотивировкѣ или резюме,—трудности, которыя для его осуществленія нужно преодолѣть, происходятъ изъ одного и того же источника. Источникомъ этотъ — трудность отдѣленія факта отъ права. Слѣдствіемъ этой трудности бываетъ то, что всякая мотивировка (мы говоримъ главнымъ образомъ о мотивахъ субсумціи) будетъ не достаточна для того, чтобъ съ необходимостью заключить о справедливости приговора. Всегда будутъ такія положенія, которыя нужно принять безъ дальнѣйшихъ аргументовъ. Что бы мотивировка была вполне достаточна, чтобы она обезпечивала контроль посторонняго суду субъекта, необходимо снять, но приведенному выше выраженію Глазера, фотографическій снимокъ съ конкретной обстановки дѣянія, будетъ ли этотъ снимокъ поставленъ въ рамки вопросовъ, или предложенъ въ формѣ мотивовъ къ судебному приговору. Въ такомъ только случаѣ всякій судящій могъ бы провѣрить правовую квалификацію.

*) Это такъ и есть въ Англии.

**) Recht und Beweis. § 66,

Невозможность подобнаго точнаго снимка всегда будет помѣхою для учрежденія строгаго контроля надъ судебскимъ приговоромъ, независимо отъ организаціи суда. Допустимъ, что мы замѣнили судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ. Правда, тогда вся процедура постановки вопросовъ отпадаетъ^{*)}). Но устраняетъ ли это всѣ затрудненія, которыя выступаютъ наружу при этой процедурѣ? — Вовсе нѣтъ. Тогда нужно будетъ издавать подробныя правила о мотивировкѣ судебныхъ рѣшеній. Нужно будетъ обозначить, насколько каждое положеніе приговора должно быть аргументировано, гарантировать исполненіе этихъ правилъ, связавши ихъ нарушеніе съ недѣйствительностью приговора.

Очевидно, что на сцену при этомъ выступаютъ тѣже вопросы, которые приурочены теперь къ процедурѣ постановки вопросовъ. Здѣсь будетъ говоритья, между прочимъ, и о разрѣшеніи сомнительныхъ правовыхъ понятій. Можно даже утверждать, что, съ точки зрѣнія болѣе прочнаго установленія этихъ правилъ и болѣе послѣдовательнаго ихъ примѣненія, можно рекомендовать именно судъ присяжныхъ съ его процедурой постановки вопросовъ. Выгода ея состоитъ уже въ томъ, что въ ней локализируются всѣ тѣ препятствія, которыя въ другихъ формахъ судоустройства разбросаны по всѣмъ частямъ процесса. Во-вторыхъ, вопросы, поднимаемые этою процедурою, рѣшаются публично, при контролѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ.

Какъ бы то нибыло, изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что ссылаться на затрудненія, встрѣчаемыя судомъ при разрѣшеніи правовыхъ понятій, съ цѣлью доказать преимущество шеффенрифта передъ судомъ присяжнымъ, въ высшей степени не основательно.

Такъ же несправедливо въ числѣ недостатковъ, неразрывно связанныхъ съ существомъ института, указывать на затрудненія при *индивидуализированіи* преступнаго дѣяніи, какъ это

^{*)} Мы говоримъ здѣсь о постановкѣ вопросовъ, какъ объ актѣ публичнаго проваводства.

дѣлаетъ, напр., Шварце^{*)}). Въ первой главѣ настоящаго сочиненія, мы старались показать, что необходимость индивидуализированія вытекаетъ изъ общихъ началъ процесса, какова бы ни была организація суда, постановляющаго приговоръ. Различія въ судоустройствѣ вліяютъ только на форму, въ которую одѣваются правила конкретизированія. Такъ, на судѣ присяжныхъ они излагаются въ числѣ правилъ о постановкѣ вопросовъ. Въ судахъ же коронныхъ и шеффенгерихтахъ они помѣщаются въ системѣ законныхъ опредѣленій, регулирующихъ мотивировку судебныхъ приговоровъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ противниковъ суда присяжныхъ (напр. Гіз-Глунокъ) дошли до того, что, какъ мы видѣли выше^{**}), ставятъ въ укоръ институту такъ называемые *альтернативные вопросы*. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ вопросы, предлагаемые въ формѣ раздѣлительнаго сужденія: «виновенъ ли А. въ преступномъ дѣяніи при такомъ-то или при другомъ обстоятельстве?» Часто процессъ представляетъ необходимость постановки именно такого вопроса, а не двухъ отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый заключалъ бы въ себѣ одинъ изъ альтернативныхъ признаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что большинство присяжныхъ констатировало тотъ минимумъ конкретной обстановки, относительно котораго должны быть согласны присяжные во всякомъ дѣлѣ и о которомъ было говорено выше^{***}). Предположимъ далѣе, что также точно то-же большинство присяжныхъ согласно и относительно квалификаціи дѣянія; т. е. согласно, что всѣ признаки даннаго преступленія осуществляются въ данной конкретной обстановкѣ. Несогласны они только по поводу такого конкретного обстоятельства, которое безразлично для системы защиты обвиняемаго; напр., иногда относительно принадлежности объекта вражи, для преступленія и пр. При томъ здѣсь могутъ

*) Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform, § 9.

***) Стр. 218 и сл.

****) Стр. 253

быть два случая: или, во—1) большинство присяжных цѣликомъ сомнѣвается въ томъ, что, напр., преступленіе совершилось 5, а не 7 января такого-то года, причемъ однако внѣ всякаго сомнѣнія, что преступленіе имѣло мѣсто въ одинъ изъ этихъ дней; или, во—2) часть присяжныхъ категорически настаиваетъ на одной, другая часть на другой датѣ, при чемъ въ сложности обѣ эти партіи составляютъ большинство. Очевидно, что еслибы, вмѣсто раздѣлительнаго вопроса (въ вышеприведенной формѣ), поставлено было бы два вопроса, изъ которыхъ одинъ спрашивалъ бы о совершеніи дѣянія 5, а другой 7 числа, то въ первомъ случаѣ, т. е. когда большинство присяжныхъ сомнѣвается, на оба вопроса послѣдовалъ бы отрицательный совѣтъ, вслѣдствіе чего подсудимый, по мнѣнію большинства виновный въ преступленіи, былъ бы оправданъ. Такое же оправданіе подсудимаго, большинствомъ признаваемаго виновнымъ, послѣдовало бы и во второмъ случаѣ, при извѣстномъ распредѣленіи мнѣній между присяжными; напр, если 5 стоятъ за 5 число, 3 за 7 и 4 признаютъ подсудимаго вовсе невиновнымъ.

Правда, часто можно обойти альтернативный вопросъ, выбравъ такой болѣе общій признакъ, который заключалъ бы въ себѣ оба сомнительные обстоятельства, какъ видовые понятія. Такъ, въ данномъ случаѣ, можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, формулировать вопросъ такъ: «виновенъ ли А въ преступномъ дѣяніи, совершенномъ имъ въ началѣ января такого-то года?» Иногда, однако, подысканіе такого болѣе общаго признака и выраженіе его въ словахъ представляетъ затрудненія, для избѣжанія которыхъ рекомендуется альтернативная форма. Впрочемъ, не всегда, не всякое обстоятельство можетъ быть однимъ изъ альтернативныхъ признаковъ. Нужно, сообразно положенію даннаго дѣла, дѣлать различенія на основаніи принципа, указаннаго выше, и порождающаго при примѣненіи на практикѣ иногда большія затрудненія.

Вотъ на эти-то затрудненія и указываетъ Гіе-Глузекъ, смотря такимъ образомъ на нихъ, какъ на спеціальную принадлежность процедуры постановки вопросовъ присяжныхъ, и, слѣдо-

теля,—явленіе, повторяющееся весьма часто въ настоящей борьбѣ за существованіе между двумя видами народнаго суда.

Если вычестъ найденные неосновательными обвинительные пункты противъ суда присяжныхъ изъ всей массы *) упрековъ, дѣлаемыхъ этому институту сторонниками шеффенгерихта, то останутся неопровернутыми только слѣдующія возраженія: затрудненія и опасность недоразумѣнія при толкованіи судомъ вердикта присяжныхъ, затрудненія процедуры исправленія вердикта (*Berichtigungsverfahren*), трудности, группирующіяся около *gesamte* председателя. Изъ этого перечня читатель видитъ, что всѣ эти недостатки суть именно послѣдствія раздѣленія труда и возможнаго, вслѣдствіе этого, недоразумѣнія между отдѣльными факторами производства. Такимъ образомъ, мы пришли къ установленію положенія, которое выставляется осмотрительными противниками суда присяжныхъ, какъ единственное орудіе противъ послѣдняго. Такъ смотритъ, какъ мы видѣли выше, на дѣло Чахаріа. Впрочемъ, и онъ не можетъ избѣгнуть упрека въ преувеличеніи. Дѣло въ томъ, что можно доказывать, что лежащее въ основѣ жюри раздѣленіе труда не лишено извѣстныхъ темныхъ сторонъ. Но не нужно забывать, что, во—1), эти недостатки общи всякому раздѣленію труда; во—2), что, поэтому, говорить о совершенномъ устраненіи этого недостатка, при сохраненіи факторовъ съ спеціальнымъ, такъ сказать, призваніемъ, миссією,—это впасть во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою. Впрочемъ, аргументацію этого послѣдняго положенія мы оставимъ до времени, когда мы покончимъ съ оцѣнкой аргументаціи партизановъ суда шеффеновъ.

Вотъ отрицательная сторона аргументаціи сторонниковъ шеффенгерихта. Какъ мы это не разъ говорили, этижъ не могутъ ограничиться доводы лицъ, не только *критикующихъ* существующее учрежденіе, но и *рекомендующихъ на его мѣсто другое*.

Обращаясь къ этой части доводовъ, мы должны предупре-

*) Списокъ всѣхъ органическихъ пороковъ «міроваго института» представляютъ заголовки параграфовъ второй главы перваго отдѣленія сочиненія Шварце: «*das deutsche Schwurgericht und dessen Reform*».

дѣть читателя, что они вообще слабѣе отрицательныхъ. Это станетъ яснымъ послѣ разбора каждаго изъ нихъ.

Что касается до соображеній о преимуществахъ шеффенгерихта предъ судомъ присяжныхъ, имѣющихъ дедуктивную подкладку, и именно тѣхъ, которыя принимаютъ въ расчетъ значеніе народнаго элемента для каждаго отдѣльнаго дѣла, то всѣ они страдаютъ недостаткомъ неполноты аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, сторонники суда шеффеновъ при этомъ большею частью ограничиваются простымъ утвержденіемъ извѣстныхъ положеній, изъ которыхъ далѣе выводятъ окончательный результатъ о цѣлесообразности замѣны суда присяжныхъ проектируемымъ ими институтомъ. Такъ, мы видѣли, дѣлаетъ Курцъ, когда онъ утверждаетъ, что, соединивши два элемента, изъ которыхъ слагается судъ, во-едино, мы достигнемъ того, что недостатки, свойственные каждому изъ нихъ, устранятся, уступивъ мѣсто достоинствамъ. Почему-же, спрашивается, не выйдетъ такъ, что достоинства каждаго пропадутъ, оставивъ только недостатки? Объ этомъ Курцъ не говоритъ ни слова. Мало того, соображая только сказанное имъ, можно вывести, что такого идеальнаго порядка вещей, который онъ обѣщаетъ, при устройствѣ шеффенгерихта достигнуть невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не скупится на черныя краски, рисуя дѣятельность присяжныхъ. Онъ, какъ мы видѣли*), приводитъ такіе примѣры неподготовленности присяжныхъ къ своей роли, что невольно рождается вопросъ: слѣдуетъ-ли вообще призывать къ дѣятельности въ судахъ неюридическій элементъ? Ясно, что источникъ непониманія присяжными наставленій суда не столько въ недостаткахъ словесныхъ выраженій, сколько въ отсутствіи солидарности въ воззрѣніяхъ между присяжными и коронными судьями. Теперь спрашивается, что значить, если выставляя въ такомъ видѣ**) значеніе народнаго элемен-

*) См. выше, стр. 265.

**) Также относится къ присяжнымъ и авторъ статьи въ період. изданіи «Im neun Reich» См. Iohn'a «über Geschwornengerichte und Schöffengerichte». Даже Шварце не жалѣетъ черныхъ красокъ, указывая на недостатки, которыми отличается народный элементъ. См. его «das deutsche Schwurgericht», § 15.

та, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ не устранить его вовсе, а, удержавши, составить изъ него и изъ короннаго одну коллегію? Думаютъ-ли при этомъ, что народный элементъ будетъ попрежнему вносить свою долю въ общую сумму судейскихъ функцій? Не думаютъ-ли скорѣе, что, поставивши присяжныхъ въ болѣе близкія отношенія съ судьями, такъ сказать, съ глазу на глазъ, дадутъ средства послѣднимъ держать первыхъ на привязи, сдѣлать ихъ безвредными? Не рассчитываютъ-ли при этомъ именно на то *давленіе* (*Pression*) судей на шеффеновъ, котораго боятся друзья суда присяжныхъ? Слѣло можно отвѣтить утвердительно на эти вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нельзя было ожидать такого вытѣсненія народнаго элемента короннымъ, то могъ бы возникнуть, при составленіи одной изъ нихъ коллегіи, еще болѣе опасный для правосудія порядокъ, чѣмъ при обособленіи ихъ въ двѣ. Если предположить, что присяжные при совмѣстномъ обсужденіи не откажутся отъ своего голоса, то нельзя-ли ожидать, вмѣсто уменьшенія, напротивъ—увеличенія пропасти, отдѣляющей два элемента суда? Нельзя-ли ожидать возникновенія между ними борьбы, тѣмъ болѣе вредной для взаимнаго пониманія шеффеновъ и судей, чѣмъ она ожесточеннѣе? При такой борьбѣ, нѣтъ-ли опасности, что и тѣ несложные предметы, которые были бы поняты даже теперешними несообразительными присяжными, будутъ дѣлиться на двѣ партіи шеффеновъ и судей? Другими словами: нѣтъ-ли шансовъ на то, что, при раздраженіи другъ на друга, *механическое* сближеніе скорѣе помѣшаетъ проникновенію каждаго элемента воззрѣніями другаго, чѣмъ поможетъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, предположивъ, такъ сказать, упругость, самостоятельность шеффеновъ, о *химическомъ* сліяніи и рѣчи не можетъ быть. — Но партизаны шеффеновъ не боятся такого порядка вещей и по очень простой причинѣ: они надѣются, что шеффены предъ судьями ступаютъ, что первые обратятся, по остроумному выраженію одного изъ писателей, въ нули, которые имѣютъ только то значеніе, что увеличиваютъ рядомъ съ ними стоящую единицу.

Все это, впрочемъ, только *argumenta ad hominem*, —

всѣ наши замѣчанія имѣютъ только цѣлью показать, что аргументація сторонниковъ шеффенгерихта не только недостаточна, но и вредна для ихъ же окончательнаго вывода. Развитие же положенія, что необходимою для совмѣстнаго обсужденія солидарности между чиновнымъ и народнымъ элементами быть не можетъ, мы оставляемъ до одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ, согласно общанію, дано будетъ изложеніе аргументовъ въ пользу сохраненія міроваго института.

Впрочемъ, болѣе осмотрительныхъ сторонниковъ шеффенгерихта нельзя упрекнуть въ такихъ увлеченіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Цахаріэ и Гуго Мейеръ, въ отличіе отъ другихъ товарищей, скупше на тѣни въ картинахъ дѣйствующаго учрежденія. Они только утверждаютъ, что очень много несправедливыхъ приговоровъ происходитъ единственно отъ раздѣльнаго обсужденія тѣсно связанныхъ между собою предметовъ. За то ихъ аргументація блѣднѣе: изъ ихъ сочиненій не видна *настоятельность* самой реформы. Впрочемъ, будучи свободна отъ увлеченій въ сторону преувеличиванія недостатковъ суда присяжныхъ, ихъ аргументація все таки недостаточна. Они не постарались представить доказательствъ въ пользу того, что въ шеффенгерихтѣ юридическій элементъ не абсорбируетъ народный. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя считать серьезнымъ возраженіемъ слѣдующее замѣчаніе Цахаріэ на предположеніе о давленіи судей на шеффеновъ, давленіи, которое можетъ обратить шеффенгерихтъ въ чисто коронный судъ. Онъ удивляется, какъ могутъ тѣже лица, которыя такъ восхваляютъ значеніе народныхъ судей, когда они фигурируютъ въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, какъ могутъ эти лица опасаться за независимость ихъ, когда они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ учеными судьями. Однако, здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляются здѣсь—это значитъ утверждать, что учрежденіе функционируетъ одинаково, несмотря на обстановку, условія. Присяжные могутъ обладать на столько основательностью, силою разсудка, что имъ можно, при извѣстныхъ условіяхъ, ввѣрить разрѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ. Поставьте вы ихъ въ другія условія, заставьте обсуждать эти вопросы рядомъ съ лицами, смотрящими на произ-

несеніе приговоровъ, какъ на предметъ своего призванія, и обстоятельности измѣнятся, измѣнятся и роль народнаго судьи. Конечно, мыслимо такое положеніе вещей, такой умственный складъ шеффена, въ силу котораго онъ сохранитъ вполне свою самостоятельность. Но спрашивается, не все-ли равно, — если исходить изъ предположенія о той умственной и нравственной высотѣ присяжныхъ, — какъ вы его ни посадите? Не достаточно ли будетъ въ этомъ случаѣ, для устраненія всевозможныхъ недоразумѣній того наставленія, которое даетъ предсѣдатель суда и комментаріемъ къ которому служить все производство передъ присяжными?

Впрочемъ, въ смыслѣ попытки отклонить опасеніе давленія судей на шеффеновъ можно указать на ссылки сторонниковъ шеффенгерихта на опытъ. Такъ, мы видѣли, что они указываютъ на хорошія свидѣтельства опыта о шеффенгерихтѣ въ дѣлахъ высшей и даже средней подсудности. Такимъ образомъ, говорятъ они, дѣло въ настоящемъ случаѣ идетъ только о расширеніи круга дѣятельности уже существующаго въ разныхъ германскихъ государствахъ учрежденія, — новаго, слѣдовательно, законодателью не приходится творить. Прежде всего нужно замѣтить, что придавать факту существованія шеффенгерихта во многихъ государствахъ нѣмецкихъ такое значеніе, какъ будто въ немъ проявляется общая тенденція къ такому «химическому» сліянію элементовъ суда, нѣтъ достаточнаго основанія. Ибо введеніе этого института въ разныхъ странахъ объясняется совершенно особыми, мѣстными причинами и при томъ такими, что изъ нихъ нельзя заключить даже объ особомъ довѣрїи къ институту со стороны самихъ его организаторовъ, потому что они обыкновенно склонялись къ принятію этого учрежденія для избѣжанія неотвратимаго другими средствами большаго зла, или подъ вліяніемъ другихъ какихъ-либо второстепенныхъ мотивовъ. Воспользуемся произведеннымъ Печемъ и Гейстомъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ введеніе этого института въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Начнемъ съ Саксонїи. Вотъ какъ Petsch *) объясняетъ об-

*) Въ Allg. deutsche Strafrechtsz. Jahr XII, стр. 327 и сл.

стоятельства, обусловившія принятіе проекта Шварце объ учрежденіи суда шеффеновъ для дѣлъ *средней* подсудности.

Дѣло въ томъ, что до этого проекта организациі судовъ была слѣдующая. Для дѣлъ низшей подсудности предназначены были единоличныя коронныя судьи; дѣла средней важности, вѣдающіяся въ другихъ странахъ короннымъ же коллегіальнымъ судомъ, и дѣла, составляющія, по другимъ законодательствамъ Германіи, предметъ вѣдомства судовъ присяжныхъ, разрѣшались въ Саксоніи коллегіальнымъ судомъ, состоявшимъ изъ директора и 4—5 членовъ (ученыхъ юристовъ)*). Эти *Bezirksgerichte* были вмѣстѣ съ тѣмъ и апелляціонною инстанціею по дѣламъ, рѣшеннымъ единоличными судами.

Такимъ же образомъ, особаго органа для отправленія функций обвинительной камеры не было. Предавали суду тѣже самыя *Bezirksgerichte* (въ составѣ трехъ судей), въ которыхъ потомъ эти же дѣла поступали для окончательнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, тѣже лица, которыя играли роль обвинителя, за тѣмъ функционировали въ должности судей. Для отклоненія упрека въ пристрастіи, саксонское законодательство считало вполне достаточнымъ постановленіе, запрещавшее докладчику при преданіи суду председательствовать на судебномъ слѣдствіи.

Когда въ Саксоніи все болѣе и болѣе стала ощущаться потребность ввести судъ присяжныхъ и поставить, такимъ образомъ, саксонское законодательство по организациі уголовной юстиціи въ уровень съ другими нѣмецкими законодательствами, давно усвоившими этотъ институтъ, когда нельзя было уже говорить о неподготовленности почвы въ Саксоніи для этого учрежденія,—подоспѣлъ проектъ Шварце о шеффенгерихтѣ.

Принять онъ былъ общественнымъ мнѣніемъ въ смыслѣ новаго предлога для продленія *status quo* въ виду учрежденія, противъ котораго тамъ и сямъ еще слышались возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, предлагая шеффенгерихтъ, могли имѣть тенденцію показать, что прежде окончательнаго рѣшенія вопроса о бытіи

*) Въ томъ числѣ и судебный слѣдователь.

или не быть суду присяжныхъ, слѣдовало хорошенько обсудить проектъ о новомъ институтѣ, могущемъ конкурировать съ первымъ.

Впрочемъ, едвали новый институтъ занялъ бы въ правовомъ организмѣ Саксоніи какое бы то нибыло мѣсто, если бы не помогли ему исключительныя, второстепенныя соображенія.

Въ самомъ дѣлѣ, правительство, наконецъ, увидѣло себя принужденнымъ ввести для дѣлъ высшей подсудности судъ присяжныхъ. Новымъ принципамъ, получившимъ доступъ въ саксонскій процессъ съ институтомъ жюри, слѣдовало удовлетворить и въ производствѣ по дѣламъ, подсуднымъ другимъ судамъ. Такимъ образомъ, слѣдовало устранить тѣ нарушенія начала непосредственности и обвинительности, о которыхъ говорено было выше и которыми страдало производство въ окружныхъ судахъ (Bezirksgerichte). Нужно было устранить тѣхъ членовъ этого суда, которые принимали участіе въ преданіи суду, вовсе отъ участія въ дальнѣйшемъ производствѣ по дѣлу. Какъ же, спрашивается, возмѣстить эту потерю трехъ судей, какъ образовать составъ изъ пяти судей для окончательнаго разрѣшенія дѣлъ? Присоединеніе даже двухъ дополнительныхъ судей (Hülfsrichter), избираемыхъ министерствомъ изъ чиновъ судебного вѣдомства и сословія повѣренныхъ, не помогло бы, ибо не составилось требуемаго числа судей*).

Мыслимы, впрочемъ, и другія средства для устраненія этого затрудненія. Такъ, можно было бы организовать такъ называемую переѣзную инстанцію (Wechselinstanz). Можно было бы возложить функціи обвинительной камеры по дѣламъ, подлежащимъ окончательному рѣшенію одного окружнаго суда, на равный съ нимъ судъ въ другомъ округѣ и обратно. Впрочемъ, такая мѣра не имѣла въ то время шансовъ на сочувствіе. Не обладая достоинствами, свойственными французской обвинительной камерѣ, эта переѣзная инстанція сопряжена съ неудобствами пересылки производства изъ одного округа въ другой.

*) Ибо изъ общаго числа (6) выключались 3 судьи, предававшіе суду и судебный слѣдователь.

Что касается до другого мыслимаго пути, т. е. предоставленія апелляціоннымъ судамъ функций обвинительной камеры, то и онъ не оказался удобнымъ. Существовавшимъ въ то время окружнымъ апелляціоннымъ судамъ, въ виду ихъ тогдашняго назначенія вѣдать гражданскія дѣла, было не цѣлесообразно поручать направленіе уголовныхъ дѣлъ. Можно, впрочемъ, было бы надѣяться на постепенное приноровленіе ихъ къ предмету новой дѣятельности; можно было ожидать, что, сообразно съ этимъ, будетъ организовано и замѣщеніе должностей въ этихъ судахъ. Но дѣло-то въ томъ, что все это надежды, для осуществленія которыхъ необходимо продолжительное время; а между тѣмъ тогда уже имѣли въ виду близкую реформу судоустройства и судопроизводства въ смыслѣ единообразной организаціи ихъ для всего германскаго союза.

При такихъ обстоятельствахъ, естественно, что проектъ о шеффенахъ въ дѣлахъ средней подсудности явился какъ нельзя болѣе кстати. Въ самомъ дѣлѣ, присоединеніе четырехъ шеффеновъ къ тремъ судьямъ возмѣщаетъ потерю судей, потерю, являющуюся необходимымъ послѣдствіемъ желанія соблюсти начало непосредственности. Съ другой стороны, такое присоединеніе не стоило государству никакихъ издержекъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Petesch, что соображенія экономіи продолжаютъ, къ сожалѣнію, играть слишкомъ важную роль при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ первой важности.

Вотъ при какихъ условіяхъ возникъ судъ шеффеновъ въ саксонскомъ королевствѣ.

Что касается Вюртемберга, то и здѣсь расширеніе компетенціи шеффеновъ на дѣла средней подсудности, послѣдовавшее въ силу закона 1868 года, было обусловлено исключительными обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что Вюртембергъ принадлежитъ къ числу государствъ, гдѣ старый институтъ шеффеновъ, институтъ, извѣстный Каролингъ, просуществовалъ до послѣдняго времени. Шеффенгерихтъ, такимъ образомъ, для Вюртемберга есть остатокъ священной старины.

Не говоря уже о томъ, что здѣсь до послѣднихъ временъ

выполнялось предписаніе Каролины о привлеченіи въ коронному судѣ—слѣдователю при важнѣйшихъ слѣдственныхъ актахъ двухъ шеффеновъ въ качествѣ свидѣтелей, понятыхъ (Urkundspersonen),—эдиктъ 1818 года организовалъ суды съ низшею подсудностью на началахъ привлеченія народного элемента въ лицѣ шеффеновъ. Это же устройство сохранилъ и уставъ уголовного судопроизводства 1843 года. Такимъ образомъ, по этому закону слѣдователь долженъ привлекать двухъ засѣдателей. Равнымъ образомъ шеффены засѣдали и въ коллегіяхъ суда (низшей подсудности, *Bezirksgerichte*) и принимали участіе въ постановленіи окончательнаго приговора по дѣлу въ числѣ *трехъ*, при одномъ коронномъ судѣ.

Такимъ образомъ, законъ 1868 года не творилъ въ сущности ничего новаго. Самое бѣльшее, что онъ сдѣлалъ, такъ это—разширилъ кругъ вѣдомства шеффеновъ, допустивши ихъ участіе и въ дѣлахъ средней подсудности. Законъ этотъ сохранилъ остатокъ старины и далъ ему дальнѣйшее развитіе, однако, не въ ущербъ суду присяжныхъ. Въ настоящее время въ Вюртембергѣ судятъ: 1) низшіе суды (*Oberamtsgerichte*), состоящіе изъ *двухъ* судей коронныхъ (*Oberamtsrichter* и *Justiz-Assessor*) и *трехъ шеффеновъ*; 2) уголовныя отдѣленія окружныхъ судовъ (*Kreisgerichtshöfe*), состоящіе изъ *трехъ* ученыхъ судей и *двухъ* шеффеновъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ составъ коллегіи усиливается прибавленіемъ одного короннаго судьи и одного же шеффена; и 3) суды присяжныхъ.

Намъ остается еще указать на обстоятельства, при которыхъ возникли шеффенгерихты съ низшею подсудностью, т. е. то учрежденіе, которое усвоено законодательствами Ганновера, Вадена, Ольденбурга, Пруссіи.

Идея о привлеченіи засѣдателей, избранныхъ изъ народа, въ суды, вѣдающіе проступки (*Uebertretungen*), возникла первоначально въ Ваденѣ въ 1843 году. Здѣсь, при обсужденіи во 2-й камерѣ проекта, предложеннаго правительствомъ, объ организаціи процесса на началахъ устности, гласности и обвинительности, возникла мысль о присоединеніи къ единоличному корон-

ному суду двухъ засѣдателей изъ народа (шеффеновъ). Проектъ этотъ мотивировали тѣмъ, что только такимъ образомъ можно удовлетворить принципу коллегіальности суда, а съ нимъ вмѣстѣ провести и другія начала процесса, именно: обвинительность, устность и гласность. Въ самомъ дѣлѣ, говорили, что всѣ эти принципы, при единоличности суда, обратились бы въ обманъ и каррикатуру. Привлеченіе народнаго элемента, впрочемъ, имѣло бы само по себѣ громадныя выгоды въ томъ отношеніи, что содѣйствовало бы распространенію въ народѣ свѣдѣній о правѣ, что, такимъ образомъ, укрѣпилось бы чувство права и отвращеніе къ его нарушеніямъ даже въ формѣ полицейскихъ проступковъ; все это, въ свою очередь, содѣйствовало бы уменьшенію количества правонарушеній*). Точно такія же соображенія заставили и другія законодательства Германіи принять это учрежденіе, въ смыслѣ улучшенія до того непопулярныхъ единоличныхъ судовъ.

Изъ всего вышесказаннаго можно, вмѣстѣ съ Гнейстомъ, заключить, что нынѣшній проектъ о замѣнѣ судовъ присяжныхъ шеффенгерихтомъ, есть нѣчто совершенно новое.

Говорить о существующихъ шеффенгерихтахъ, какъ о прецедентѣ, какъ о проявленіи идеи, лежащей въ основѣ нынѣшняго проекта, невозможно. Дѣйствовавшіе до сихъ поръ шеффенгерихты вводились съ цѣлью обезпечить примѣненіе признанныхъ въ настоящее время принциповъ судопроизводства и на низшей и средней ступеняхъ судебной лѣстницы, въ судахъ съ низшею и среднею подсудностью, притомъ безъ обремененія казны новыми расходами; въ другихъ же мѣстахъ (Вюртемберга) имѣлось при этомъ въ виду поддержаніе и развитіе укоренившагося, унаслѣдованнаго отъ старины учрежденія. При этомъ у вводившихъ его и мысли никогда не было придавать ему въ отношеніи къ суду присяжныхъ значеніе конкурирующаго института. Напротивъ, какъ видно изъ отчета комисіи 1-й камеры, въ Баденѣ, при вторичномъ обсужденіи вопроса о шеффенгерихтѣ, по поводу проекта правительства 1862 года, смотрѣли на институтъ шеф-

*) См. Naeger, въ Gerichtssaal'ъ 1865 г., стр. 51.

феновъ не только какъ на неспособный замѣнить собою судъ присяжныхъ, но даже не могущій конкурировать съ коллегією ученыхъ судей.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ наблюденій надъ шеффенгерихтомъ, которыя, по словамъ Шварце и другихъ партизановъ института, такъ благоприятны для послѣдняго.

Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ всегда, достовѣрность свидѣтельскихъ показаній по слухамъ зависитъ отъ рѣшенія, между прочимъ, вопроса: на сколько вѣрнымъ источникомъ пользовался свидѣтель, на сколько лица, сообщавшія свѣдѣнія свидѣтелю, сами могутъ считаться достовѣрными свидѣтелями? А этотъ вопросъ, въ свою очередь, рѣшается только послѣ разрѣшенія другихъ вопросовъ, именно: на сколько первоначальный свидѣтель могъ и хотѣлъ сообщить истину?

Всѣ эти вопросы обыкновенно сами собою разрѣшаются благопріятно въ виду авторитетности лица передающаго. Обыкновенно предполагается, что лицо, получившее эти свѣдѣнія, прежде чѣмъ выдавать ихъ за истину, само потрудилося провѣрить ихъ.

Въ настоящемъ случаѣ обстановка такова, что всѣ эти вопросы требуютъ тщательнѣйшаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, мы имѣемъ по одному и тому же предмету самыя разнорѣчивыя показанія со стороны одинаково вѣснихъ авторитетовъ. Такъ, Шварце, со словъ прокуроровъ, судей, шеффеновъ, даетъ самыя благоприятныя показанія о дѣятельности шеффеновъ. Онъ превозноситъ ихъ за выказываемую ими самостоятельность, устраняющую всякую мысль о томъ давленіи на нихъ со стороны коронныхъ судей, котораго такъ боятся сторонники суда присяжныхъ. Весь процессъ совѣщанія производитъ, по словамъ Шварце, впечатлѣніе гармоніи; судьи заимствуютъ отъ шеффеновъ ихъ знаніе житейскихъ отношеній, проникаются ихъ свѣжимъ мировоззрѣніемъ; въ свою очередь шеффены поучаются у судей праву. Путемъ такихъ взаимныхъ вліяній, вліяній, которыми каждая изъ сторонъ подчиняется добровольно, въ сознаніи его законности, коллегія приходитъ къ приговору далеко превос-

ходящему по своимъ достоинствамъ вердиктъ присяжныхъ. При этомъ указывается на ту охоту, съ какою шеффены выполняютъ свою обязанность: здѣсь и тѣни нѣтъ того желанія вернуться отъ нея, которая характеризуетъ присяжныхъ. Все это говорить одна сторона. Напротивъ, другая показываетъ совсѣмъ иное. Такъ авторъ обширнаго изслѣдованія по вопросу о шеффенгерихтѣ, S. Maueg, адвокатъ во Франкфуртѣ на Майнѣ*), во-первыхъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, которыя онъ имѣлъ случай дѣлать, фигурируя въ шеффенгерихтахъ въ качествѣ защитника, во вторыхъ, со словъ своихъ товарищей, судей, обвинителей, сообщаетъ весьма неблагоприятныя свѣдѣнія о дѣятельности шеффеновъ. Прежде всего, что касается вопросовъ правовыхъ, то шеффены, какъ бы хорошо они ни были образованы, всегда подчиняются взглядамъ судьи. Менѣе же образованные, составляющіе большинство шеффеновъ, относятся къ дѣлу совершенно индифферентно, не принимаютъ почти никакого участія, безропотно подчиняются приговору судьи, признаваемого ими единственно компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого, свѣщанія коротки, о взаимномъ обмѣнѣ мнѣній нѣтъ и помину.

Впрочемъ, сами сторонники шеффенгерихта съ тою подсудностью, съ какою онъ существуетъ, напр., въ Пруссіи, очень осторожны на похвалы этому институту. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность шеффеновъ не одинаково полезна въ сферѣ факта и права. Такъ Циммерманъ**), судья, засѣдающій въ судѣ шеффеновъ въ Касселѣ, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ къ результату, что дѣятельность шеффеновъ благотворна только по отношенію къ чисто фактическимъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого онъ и предлагаетъ предпринять соответствующія реформы въ прусскихъ шеффенгерихтахъ. Нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ о судахъ шеффеновъ съ низшею подсудностью. Естествен-

*) Geschwornengerichte und Schöffengerichte, стр. 115 и сл.

**) См. въ Архивѣ Гольтдаммера, т. 18, его статью, подъ названіемъ: Ueber das Schöffen-Institut bei den vormaligen Kurhessischen Untergerichten und bei den Preussischen Amtsgerichten.

но, что въ шеффенгерихтахъ съ среднею и высшею подсудностью всѣ эти недостатки проявятся съ бѣльшею силою. При такихъ обстоятельствахъ, при такомъ разнорѣчїи въ показанїяхъ свидѣтелей, естественно задаешься приведенными выше вопросами.

Обращаясь къ ихъ рѣшенїю, мы видимъ, что всѣ лица, наблюденїя которыхъ надъ шеффенами въ Саксонїи передаетъ Шварце, далеко не удовлетворяютъ, какъ справедливо разсуждаетъ Petsch*), условїямъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти свѣдѣнїя Шварце почерпалъ прежде всего отъ своихъ прямыхъ подчиненныхъ (прокуроровъ). Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, свѣдѣнїя, сообщенныя прокурорами не могутъ быть цѣнными въ виду того, что представители обвиненїя ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ въ совѣщательной комнатѣ. Вторымъ его источникомъ были судья и шеффены, дававшїе при томъ свои отзывы не официально, а вслѣдствїе частныхъ распросовъ. Естественно, что большинство собесѣдниковъ «отца шеффенгерихта» находилось подъ влїяніемъ желанья угождать ему, или, покрайней мѣрѣ, не огорчать отца сообщенїемъ дурныхъ свѣдѣнїй о его дѣтищѣ, не говоря уже о томъ, что самъ Шварце могъ въ своихъ вопросахъ невольно навести свидѣтеля на сообщенїе именно тѣхъ свѣдѣнїй, которыя ему были нужны. Другое дѣло, если бы свѣдѣнїя эти собирались официально, отъ цѣлыхъ коллегїй: тогда можно было бы положиться на сознанїе долга, на благотѣльное влїянїе коллегїального обсужденїя. Далѣе, по мнѣнїю Wellmann'a**), нельзя не признать въ судьяхъ и шеффенахъ еще и другаго, интенсивнѣе дѣйствующаго стимула къ окрашиванїю свѣтлыми красками своихъ показанїй о шеффенгерихтѣ. Въ виду этого, эти показанїя, подобно заявленїямъ посудимаго на судѣ, могутъ имѣть цѣну только отрицательную: имъ можно вѣрить, по скольку они выставляютъ недостатки учрежденїя; все же, что въ нихъ есть благоприятнаго для него

*) Въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung, J. XII, стр. 347—348.

**) Geschworne der Schöffен? стр. 120.

может вытекать из нежеланія свидѣтеля признаваться въ своихъ недостаткахъ и нарушеніяхъ долга.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если шеффенъ подчинился давленію судьи, то какъ можно ожидать, что онъ въ этомъ чистосердечно признается? Равнымъ образомъ, и судья не признается въ томъ, что онъ производитъ такое нравственное насиліе.

И такъ, на сколько, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, показанія этихъ лицъ, благопріятныя для шеффенгерихтовъ, мало вѣроятны, настолько сообщенія въ противоположномъ смыслѣ имѣютъ всѣ шансы склонить всякаго на свою сторону. И вотъ дѣйствительно Petsch*) свидѣтельствуетъ, что многіе шеффены жаловались ему на свое положеніе въ судахъ. Образованнѣйшіе изъ нихъ отзывались о совмѣстной дѣятельности съ судьями, о необходимомъ руководствѣ и инициативѣ предсѣдателя, какъ о помѣхѣ для себя. Такимъ образомъ, шеффены на всю процедуру смотрятъ какъ на совершенно излишнюю, ибо все говорить въ пользу того, что окончательное рѣшеніе какъ бы составляется еще раньше между судьями, такъ что шеффены только выслушиваются pro forma.

До сихъ поръ мы изслѣдовали достовѣрность существующихъ показаній, касающихся главнымъ образомъ саксонскихъ шеффенгерихтовъ.

Но этого мало. Мы можемъ, вѣсть съ Petsch'емъ**), сказать, что вообще для собранія цѣнныхъ наблюденій надъ шеффенгерихтомъ нужно болѣе времени, больше осторожности, чѣмъ тогда, когда дѣло идетъ о судѣ присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, организація шеффенгерихта такова, что не только посторонніе наблюдатели, не только публика, но и участвующія въ дѣлѣ стороны — прокуроръ и защитникъ, наконецъ кассационный судъ лишены возможности опредѣлить роль, которую играютъ оба фактора приговора. Послѣ прекращенія судебныхъ преній и судьи, и шеффены удаляются въ совѣщательную ком-

*) I. e., стр. 348.

**) I. e., стр. 344. сл.

нату, въ типѣ которой вырабатывается этотъ продуктъ судопроизводства.— Не то въ судѣ присяжныхъ. Здѣсь послѣ прекращенія преній сторонъ публично ставятся присяжнымъ вопросы— этотъ важнѣйшій и первый судебный актъ, въ которомъ проявляется вліяніе суда на вердиктъ присяжныхъ. Затѣмъ публично же дается присяжнымъ наставленіе со стороны предсѣдателя суда— второй случай для короннаго элемента суда внести свою долю участія въ вердиктъ. Затѣмъ присяжные даютъ отвѣты на вопросы, составляющіе вмѣстѣ съ вопросами ихъ вердиктъ, основу приговора суда. Стороны, публика и кассационный судъ имѣютъ, такимъ образомъ, случай оцѣнить то участіе, которое принимаютъ присяжные и судьи въ составленіи приговора о виновности подсудимаго. Затѣмъ, судьи, на основаніи вердикта, примѣняютъ наказаніе, причеиъ мотивы суда опять таки даютъ основу для сужденія о правильности этого примѣненія. Ясно, что условія для наблюденій надъ обѣими институтами не одинаковы.

Какъ же послѣ этого можно въ такое короткое время существованія шеффенгерихта составлять столь категорическія заключенія о немъ, если даже для сужденія о судѣ присяжныхъ нужно продолжительное время? Такъ же неосновательны ссылки партизановъ шеффенгерихта на другія учрежденія, въ которыхъ участвуютъ непосвященные вмѣстѣ съ людьми призванія. Здѣсь они разумѣютъ суды ремесленные и торговые, различныя административныя учрежденія. Что касается первыхъ, то аналогія здѣсь не умѣстна, ибо неуристы, фигурирующіе въ этихъ судахъ, собственно говоря, такіе же специалисты въ своей сферѣ, какъ и ученые судьи: они избираются изъ ремесленного и торговаго сословія. Впрочемъ, и здѣсь многіе авторитеты (Гнейстъ) требуютъ разьединенія двухъ элементовъ, какое имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ. Такъ же невыгодна и аналогія второго рода, ибо какъ свидѣтельствуетъ Wellmann*), и здѣсь скоро даетъ себя чувствовать подавляющее вліяніе элемента призванія. Такъ, напр.,

*) Geschworne oder Schöffen? стр. 132.

въ общинныхъ церковныхъ совѣтахъ преобладають лица духовныя^{*)}).

Мы покончили съ оцѣнкой доводовъ сторонниковъ шеффенгерихта, доводовъ построенныхъ на наблюденіи. Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ аргументовъ, подкладкою для которыхъ служить *исторія*.

Впрочемъ, сторонникамъ шеффенгерихта слѣдовало бы отклонить направленное *противъ* нихъ свидѣтельство исторіи, прежде чѣмъ самимъ обращаться къ ней за помощію. Мы говоримъ о паденіи шеффеновъ Каролины. Мы видѣли, какъ шеффенисты стараются отпарировать этотъ ударъ; они указываютъ, какъ на причину паденія института, на фактъ усвоенія римскаго права. Но противники на это въ свою очередь возражаютъ, что «не свѣдущіе въ правѣ засѣдателя исчезли бы даже тогда, еслибы римское право принято было и не въ такомъ объемѣ какъ это случилось въ дѣйствительности. Вслѣдствіе дѣйствующаго и въ юс-

*) Мы могли бы представить свидѣтельство русскаго опыта съ прежними засѣдателями въ нашихъ судахъ. Известно, что они буквально играли роль статистовъ, такую же роль, какую играло, по свидѣтельству Котошихина, большинство бояръ думы его времени. Но дѣло въ томъ, что подобная сомысла явилась бы совершенно излишнею въ виду нашей задачи. Мы задались цѣлью показать вообще неосновательность мнѣнія тѣхъ, кто рекомендуетъ замѣну суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ, гдѣ бы то нибыло. Если, теперь, такая замѣна оказалась бы вредною даже въ Германіи, гдѣ вообще общій уровень образованія гораздо выше нашего, гдѣ, слѣдовательно, съ меньшею вѣроятностью можно ожидать давленія на шеффеновъ со стороны коронныхъ судей, то изъ этого сама собою и съ большою силою слѣдуетъ невысказанность этого института у насъ. Вообще, такъ какъ судъ шеффеновъ требуетъ наличности большаго количества условій, чѣмъ судъ присяжныхъ, то тамъ, гдѣ при введеніи послѣдняго слышались возраженія о неподготовленности почвы для него, не можетъ быть и рѣчи о шеффенгерихтѣ. Здѣсь о послѣднемъ можно говорить только по столько, по скольку желать восстановления короннаго суда. Впрочемъ, какъ мы постараемся показать ниже, вездѣ проектъ о шеффенгерихтѣ имѣеть характеръ послѣдняго усилія сторонниковъ прежняго короннаго суда восстановить этотъ институтъ хотя бы въ другой формѣ. Вездѣ предпочитать судъ шеффеновъ суду присяжныхъ можетъ только тотъ, кто въ дилеммѣ — присяжный или коронный судъ? — выскажется за послѣдній.

тиціи закона раздѣленія труда образованіе особаго сословія юристовъ стало необходимою; предоставленіе же свѣдущимъ и не-свѣдущимъ въ правѣ однихъ и тѣхъ же функций при рѣшеніи правоваго спора есть ничто иное, какъ нарушеніе этого закона»^{*)}).

Также не удачны и попытки сторонникъ шеффенгерихта призвать исторію на помощь своему проекту.

Само собою разумѣется, что тѣ неопредѣленные ссылки на исторію, которыми довольствуется большинство партизановъ проектируемаго института, и въ особенности неизвѣстный авторъ статьи въ периодическомъ изданіи «Im neuen Reich», — не нуждаются въ комментаріяхъ. Очевидно, что придавать какое-либо значеніе древности названія въ высшей степени неосновательно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ реформа уголовной юстиціи. Поэтому мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній по поводу того воззрѣнія Магера, въ которомъ послѣдній настаиваетъ на соотвѣтствіи проекта о шеффенгерихтѣ общему ходу развитія социальнаго государственной жизни. Съ этою цѣлью, какъ мы видѣли, Магеръ ссылается на фактъ допущенія въ послѣднее время къ участию въ представительныхъ собраніяхъ лицъ со спеціальною подготовкою, и на военную реформу.

Что касается перваго явленія, то аналогія съ нимъ вовсе неумѣстна въ данномъ случаѣ. Она годилась бы, еслибы вопросъ шелъ объ исключеніи изъ числа присяжныхъ всѣхъ лицъ, бывшихъ уже разъ присяжными засѣдателями, или тѣхъ лицъ, которыя получили юридическое образованіе. Напротивъ, аналогіи смѣшенію двухъ отдѣльныхъ частей дифференцированнаго организма (элементовъ коронаго и народнаго), нужно искать совсѣмъ не тамъ. Аналогіею было бы такое измѣненіе государственнаго устройства, въ силу котораго была бы устранена независимость, обособленность каждаго фактора въ государственномъ организмѣ, еслибы конституціи перестали ставить рядомъ кабинетъ и собранія народныхъ представителей, когда бы

^{*)} Bar, Recht und Beweis, стр. 56 сл.; также Wellmann стр. 123 сл.

онѣ, давши немногимъ избраннымъ представителямъ народа доступъ въ кабинетъ, организовали бы такимъ путемъ смѣшанную коллегію. Но подыскать подобную аналогію нѣтъ никакой возможности: современный государственный организмъ представляетъ собою картину полного дифференцірованія частей; въ немъ каждая часть имѣетъ свое специальное призваніе, миссію; каждой изъ нихъ очерченъ конституціей ея специальный кругъ дѣятельности.

Что касается военныхъ реформъ послѣдняго времени, то и здѣсь аналогія неумѣстна. Здѣсь народный элементъ, очевидно, имѣетъ значеніе только средства пополненія войска. Все, что можно почерпнуть изъ соображеній объ исторіи военной организаціи, то это только то, что здѣсь *не чувствуется надобности въ противопоставленіи войска народнаго, регулярному войску, элементу профессіи*. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ организовать пополненіе войска? Простымъ сопоставленіемъ вновь приливающего элемента съ прежнимъ, или смѣшеніемъ перваго со вторымъ? Какъ лучше достигнуть *ассимиляціи* втораго съ первымъ? Аналогія эта была бы умѣстна, если бы вопросъ шелъ только о томъ, какъ *пополнять судебное сословіе*? Естественно, что самое раціональное въ этомъ-случаѣ всякаго новичка, всякаго вновь прибывающаго въ сословіе члена поставить въ такую обстановку, въ которой онъ былъ бы окруженъ опытными товарищами. Такимъ образомъ, если называть всякаго новаго чиновника-судью шеффеномъ, то для того, чтобы достигнуть скорѣйшаго посвященія его въ тайны его призванія, всего цѣлесообразнѣе помѣстить его въ коллегію ученыхъ, опытныхъ судей. Такимъ образомъ, аналогіи Магера иллюстрируютъ его взглядъ на народныхъ судей, какъ на аппаратъ излишній въ лучшемъ случаѣ, а при председателѣ и прокурорѣ не отличныхъ—положительно вредный. Аналогіи эти говорятъ, что и положеніе народнаго элемента въ судахъ аналогично значенію его въ войскахъ: какъ здѣсь онъ не имѣетъ значенія специального фактора, такъ и тамъ, въ судебномъ организмѣ, онъ фигурируетъ только въ смыслѣ обстановки, при которой дѣйствуютъ судьи по профессіи, не внося ничего специально ему свойственнаго въ уголовный приговоръ.

И такъ, вся аргументація Магера доказываетъ только то, что она понимаетъ *шеффенерихтъ* только въ смыслъ модификаціи короннаго суда. При такихъ условіяхъ говорить о немъ, какъ о народномъ судѣ, какъ о поприщѣ, гдѣ человекъ, какъ таковой, призванъ проявить свои духовныя силы, говорить объ этомъ институтѣ какъ объ удовлетворяющемъ постулату новаго времени о призваніи человека въ участію во всѣхъ сферахъ государственной жизни, — значить злоупотреблять словами. Также напрасно для поддержанія этого проекта обращаться къ исторіи, ибо она даетъ аргументы именно за сохраненіе суда присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, распаденіе суда на двѣ коллегіи, каждая со своими спеціальными функціями, служитъ проявленіемъ того же историческаго закона, который осуществляется и въ государственномъ устройствѣ выдѣленіемъ собранія народныхъ представителей въ особый факторъ государственной жизни на ряду съ другими факторами, какъ кабинетъ и пр., — того самаго закона развитія всякаго, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, организма, который Спенсеръ*) формулируетъ такъ: «переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связанной разнородности, путемъ непрерывныхъ дифференцированій и интеграцій». Иллюстрировать этотъ законъ примѣрами, аргументировать его мы не будемъ, рекомендуя читателямъ съ этою цѣлью сочиненіе Спенсера. Здѣсь только умѣстно изложить самый процессъ, разложить приведенное выше опредѣленіе на его составныя части.

Какъ индивидуальный организмъ, такъ и коллективный, социальный, представляютъ собой вначалѣ нѣчто неопредѣленное, однородное. Каждая часть, единица его походить на другую. Всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ организмъ слагается, перемѣшаны между собою почти въ каждой отдѣльной части, единицѣ. Но такое хаотическое состояніе продолжается не долго. Начинаетъ появляться спеціализація частей. Элементы одного рода концентрируются въ одной части, элементы другаго — въ

*) Основныя начала. Перев. Тиблена, С. П. В. 1867 г., стр. 233.

другой. Такимъ образомъ, мы получаемъ непохожія другъ на друга части; цѣлое представляется намъ разнороднымъ. Это одна сторона развитія — дифференцірованіе.

Впрочемъ, демаркаціонная линія между обособившимися такимъ образомъ частями устанавливается не сразу. Границы между отдѣльными частями вначалѣ неопредѣленныя, неустойчивыя становятся рѣзче и правильнѣе, по мѣрѣ того какъ разнородные элементы, разбросанные по разнымъ частямъ цѣлаго, совокупляются каждый въ отдѣльной части. Связь между атомами каждого элемента становится, такимъ образомъ, тѣснѣе. Это-другая, противоположная сторона одного и того же процесса, -- интеграція. «Такимъ образомъ, развитіе характеризуется не только непрерывнымъ размноженіемъ частей, но и возрастающимъ объединеніемъ каждой части. И тогда какъ усиленіе разнородности является слѣдствіемъ прогрессивнаго дифференцірованія, увеличеніе опредѣленности составляетъ результатъ прогрессивной интеграціи. Оба эти измѣненія одновременны, или лучше—это противоположныя стороны одного и того же измѣненія»^{*)}). Силу этого закона Спенсеръ показываетъ, какъ мы сказали, не только на индивидуальномъ организмѣ, но и на организмѣ социальномъ, даже подводитъ подъ него неорганическое развитіе. Свое опредѣленіе онъ иллюстрируетъ многочисленными примѣрами, почерпнутыми изъ исторіи солнечной системы, исторіи земли, флоры ея и фауны; далѣе онъ пользуется съ этою же цѣлью фактами, представляемыми развитіемъ языка, искусства, экономической дѣятельности и проч. Законъ этотъ до того всеобъемлющъ, до того проникаетъ во всѣ уголки социальной жизни, что даже вызвалъ въ мыслителяхъ противъ себя реакцію. Стали вспоминать о евангельскомъ предостереженіи, на которое, между прочимъ, ссылается и Магеръ. Стали указывать на то, что такое дифференцірованіе социальнаго организма идетъ въ разрѣзъ съ дифференцірованіемъ индивида, что, такимъ образомъ, прогрессъ перваго вредитъ вто-

^{*)} Спенсеръ, Основныя начала, стр. 211.

рому, обращаетъ его изъ цѣлой единицы въ какую-то частицу, атрофируетъ силы, остающіяся безъ употребленія вслѣдствіе суженія сферы дѣятельности индивида.

Какъ ни резонна эта реакція противъ дифференцірованія, тѣмъ не менѣе она своимъ уже существованіемъ указываетъ на господство этого закона.

Во всякомъ случаѣ, сослаться на эту реакцію, на служащее характеристикой новаго времени призваніе человѣка, какъ такового, къ участию въ сферахъ публичной жизни, при мотивировкѣ проекта о шеффенгерихтѣ въ томъ значеніи, какъ его понимаетъ Магеръ,—это впадать въ *противорѣчіе* съ самимъ собою.

Ссылаться на это расширеніе сферы дѣятельности личности могли бы съ успѣхомъ не Магеръ и вообще сторонники новѣйшаго шеффенгерихта, а самые крайніе приверженны жюри, тѣ именно, которые проповѣдывали такъ называемую теорію *Omnipotentz der Jury* (всемогущество присяжныхъ). Вотъ обращеніи ихъ аргументаціи. «Наши постоянные (коронные) судьи судятъ, согласно доселѣ существующимъ отношеніямъ, только на основаніи формулъ законовъ.—При этомъ, конечно, не слышно голоса человѣка, котораго, однако, нужно было-бы выслушать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о признаніи вины такого-же человѣка. Потому что онъ во всякомъ случаѣ провинился, какъ человѣкъ, какъ и со всеми нами это можетъ случиться; если намъ собственная совѣсть говорить, что совершившій нарушеніе долженъ быть извиненъ, какъ человѣкъ, то мы не имѣемъ права его обвинять. Такимъ именно языкомъ говорить тамъ, гдѣ въ уголовныхъ дѣлахъ постановляютъ приговоръ постоянные (коронные) судьи, суверенъ, отправляя право помилованія; однако голосъ его раздастся только случайно, по особому побужденію, а не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для полученія такого приговора человѣка является поэтому нужда въ особомъ институтѣ, который и представляетъ судъ присяжныхъ. Оставленіе безъ вниманія закона въ отдѣльномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, составляетъ въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ существенныхъ признаковъ суда присяжныхъ, должно ему быть дозволено самимъ законодателемъ, и до тѣхъ поръ пока присяжный не

уполномоченъ къ приговору въ каждомъ конкретномъ случаѣ гла-
сашему: «этотъ казусъ не подходитъ подъ законъ, или: есть ос-
нованія, которыя мѣшаютъ подведенію этаго казуса подъ за-
конъ»,—судъ присяжныхъ, значить, не понять въ настоящемъ
смыслѣ; только этимъ полномочіемъ можно исполнѣть удовлетворить
требованію справедливости»^{*)}).

Такимъ образомъ, по этой теоріи, всего менѣе склонной
къ тѣмъ переменамъ въ судоустройствѣ, которыя реализуются въ
шеффенгерихтѣ, человѣкъ, какъ таковой, признается вѣшателемъ
правды, высшей справедливости, чѣмъ та, глашатаемъ которой
служить законъ и его точные исполнители (судьи-юристы).

Итакъ, только въ этой теоріи проявляется тотъ постулатъ
новаго времени, на который ссылается Магеръ. Напротивъ, его
взглядъ на миссію представителей народа вовсе не вяжется съ
этимъ постулатомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Магеръ смотритъ, какъ мы
видѣли, на уголовный приговоръ, какъ на продуктъ дѣятельнос-
ти коронныхъ, ученыхъ судей; представители-же народа (шеф-
фены) должны только составлять обстановку, въ которой судьи
вращаются; объ активномъ, сколько нибудь замѣтномъ, вліяю-
щемъ на исходъ дѣла, участіи ихъ Магеръ и не помышляетъ.
У Магера на первомъ планѣ доброкачественность приговора съ
точки зрѣнія закона: онъ говоритъ, что обыкновенный заурядный
составъ коллегіи ученыхъ судей можетъ произнести такой-же
приговоръ, какъ и присяжные при отличномъ предсѣдателѣ. Вся
цѣна вердикта заключается въ томъ, на сколько хорошо отпра-
вили свою обязанность юристы. Дѣятельность народныхъ судей
только постольку заслуживаетъ одобренія, по сколько она не
идетъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которыя можно пред-
явить къ коллегіи ученыхъ судей. Онъ *сравниваетъ и уравниваетъ*
приговоры народныхъ судей съ приговорами коронныхъ коллегій.

^{*)} Слова Геестера. См. Biener, das englische Geschwornengericht, стр.
396—397. Въ послѣднее время такой взглядъ на миссію народнаго элемента
высказанъ Petsch'емъ. Allg. d. Strafrechtaz., XII, 321 сл.) и S. Mayer'омъ
(Geschwornengerichte und Schöffengerichte).

О спеціальному призваніи, місії народнаго элемента въ уголовной юстиціи нѣтъ и помину. Напротивъ, по теоріи всемогущества присяжныхъ, вердиктъ послѣднихъ имѣеть цѣну, какъ таковой, — все равно согласенъ ли онъ съ рѣшеніемъ короннаго суда, или нѣтъ. По этой теоріи, вердиктъ присяжныхъ именно по стольку имѣеть цѣну, по скольку въ немъ отражается пониманіе *простаго здраваго смысла*. Естественно, что съ этой точки зрѣнія нужно стараться всячески, чтобы рѣшеніе присяжныхъ *дѣйствительно* было выраженіемъ пониманія простаго здраваго смысла; нужно стараться предохранить присяжныхъ отъ вліянія коронныхъ судей. Съ этой точки зрѣнія, та организація, которая осуществляется въ судѣ присяжныхъ, въ отличіе отъ устройства шеффенгерихта, — самая цѣлесообразная. По этой теоріи нужно спрашивать присяжныхъ, нарушилъ ли подсудимый такой то законъ, т. е. виновенъ ли онъ въ убійствѣ, мошенничествѣ и пр.; объ ограниченіи ихъ фактами нѣтъ и помину*).

Итакъ, ссылаться на «постулять новаго времени» въ пользу шеффенгерихта нельзя. Развѣ понимать его (постулять) въ томъ смыслѣ, въ какомъ Магеръ понимаетъ участіе народнаго элемента въ уголовной юстиціи. Именно, можно смотрѣть на участіе народа во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ какъ мнимое, какъ на декорацию, увеличивающую торжественность производства; при этомъ, само собою разумѣется, представители эти разсматриваются какъ инертная масса, которая двигается туда, куда толкнуть ее дѣйствительные агенты, люди призванія. Но тогда тѣ жертвы, съ которыми сопряжено такое участіе народныхъ представителей, совершенно напрасны, торжественность, декорация эта покупается слишкомъ дорогою цѣною. При такихъ обстоятельствахъ непонятно, почему дѣйствительность даетъ жить, питаетъ этотъ пос-

*) Нужно, впрочемъ, отличать эту теорію отъ усвоенной современными процессуалистами. Теорія всемогущества стремится поставить присяжныхъ *смыслъ закона*, уполномочиваетъ ихъ *критиковать законъ* и не только диспозитивную его часть, но и санкцію, — права, которыхъ не признаеть господствующая теперь теорія.

тулять, почему представители народа не сходятъ со сцены, какъ сошли въ былыя времена германскіе шеффены, обратившіеся съ XVI стол. въ простыхъ статистовъ, назначеніе которыхъ заключалось единственно въ увеличеніи торжественности, такъ наз. «endlicher Rechttag»?

Итакъ, не зачѣмъ шеффенистамъ обращаться за помощію къ этому постулату. Аргументировать проектъ имъ выгоднѣе, исходя изъ болѣе умѣреннаго взгляда на миссію народнаго элемента въ уголовной юстиціи. Если спросимъ теперь, какой принципъ нужно имъ призывать къ себѣ на помощь? то на это одинъ отвѣтъ — *принципъ раздѣленія труда* между коронными и народными судьями.

Тщетно сторонники шеффенгерихта возстаютъ противъ этого начала въ приложеніи къ уголовной юстиціи и вообще къ дѣятельности духа. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о народномъ элементѣ въ судахъ можно или желая его *исключительнаго господства* (теорія всемогущества присяжныхъ), или предоставляя ему какую-нибудь *спеціальную сферу дѣятельности*, оставляя для коронныхъ судей другую область. Еслибы по всѣмъ вопросамъ шеффены были одинаково компетентны съ судьями, то нечего было бы и призывать ихъ. Еслибы народные судьи не имѣли такихъ *особыхъ* качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ способными къ какой-нибудь *спеціальной работѣ* при постановленіи уголовного приговора, еслибы они не вносили въ этотъ приговоръ чего-нибудь *спеціально имъ свойственнаго*, то призваніе шеффеновъ имѣло бы развѣ цѣлью просто *увеличить безъ ущерба для казны составъ коллегій ученыхъ судей*. Самый шеффенъ тогда имѣлъ бы развѣ значеніе менѣе опытнаго, знающаго члена короннаго суда. Такимъ образомъ, если вооружаться противъ раздѣленія труда, то тогда *о шеффенгерихтѣ рѣчь можетъ идти только какъ о модификаціи, суррогатѣ короннаго суда*. Такой взглядъ на шеффенгерихтъ, какъ мы видѣли, открыто высказывается нѣкоторыми изъ его сторонниковъ (напр. Ціэ-Глунекомъ)*).

*) См. выше, стр. 240.

Этотъ взглядъ на дѣйствительную тенденцію шеффенистовъ подтверждается еще слѣдующимъ. Шварце и другіе сторонники шеффенгерихта (напр. Курцъ, см. выше) такими красками рисуютъ народный элементъ въ судахъ присяжныхъ, что невольно задается вопросъ: зачѣмъ вообще призывать народъ къ участию въ уголовномъ судѣ?

Наконецъ, въ пользу этого заключенія о дѣйствительной тенденціи партизановъ суда шеффеновъ говоритъ, по нашему мнѣнію, и тотъ замѣчательный фактъ, что почти весь контингентъ сторонниковъ проектируемаго учрежденія доставила та категорія ученыхъ, которая, въ борьбѣ между короннымъ и присяжнымъ судомъ, высказывалась за первый или, по крайней мѣрѣ, не видѣла въ судѣ присяжныхъ учрежденія, которому слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе предъ короннымъ судомъ. Таковы, напр., Гіз-Глунокъ, Цахаріэ. Къ нимъ же нужно отнести и Bisinger'a. Въ изданномъ въ недавнее время сочиненіи, о которомъ мы узнали изъ рецензіи, помѣщенной въ № 7 журнала *Gerichtssaal* за настоящій годъ, онъ рекомендуетъ коронный судъ и только на случай неудачи соглашается на шеффенгерихтъ. Напротивъ, ни одинъ изъ искреннихъ друзей суда присяжныхъ, вообще участія народа въ уголовной юстиціи, не склонился на сторону проекта о судѣ шеффеновъ. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ имѣетъ тѣхъ же противниковъ, что и коронный судъ. Такъ, противъ проекта о смѣшеніи народнаго и короннаго элемента высказались Миттермайеръ, Баръ, Гнейстъ.

И такъ, сведемъ во-едино всѣ добытые нами выводы касательно цѣны аргументаціи партизановъ шеффенгерихта. Что касается отрицальной стороны этой аргументаціи, т. е. указанія на недостатки суда присяжныхъ, обусловливающихъ необходимость реформы, то большинство сторонниковъ шеффенгерихта (Шварце, Курцъ, авторъ статьи въ періодическомъ изданіи «*Im neuen Reich*») не дѣлаютъ различія между недостатками, присущими самому институту въ принципѣ, и недостатками, обязаннами своимъ происхожденіемъ дурной конкретной организаціи, которую однако можно видоизмѣнить. Мало того, въ общую массу недо-

статковъ они сваливають и недостатки, обусловливаемые другими началами процесса, признанными, однако, современными законодательствами и теоріей. Наконецъ, они увлекаются до того, что ставятъ въ укоръ институту, построенному на началѣ привлеченія народнаго элемента, органическіе недостатки этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого аргументація ихъ не соотвѣтствуетъ тому тезису, который долженъ составлять ея тему, — аргументація ихъ страдаетъ порокомъ *mutatio olenchi*. Ибо изъ нея можно заключить о необходимости реформы не въ смыслѣ учрежденія шеффенгерихта, а въ смыслѣ перестройки началъ процесса и устраненія народнаго элемента, т. е. возвращенія къ инквизиціонному производству и коронному суду.

Другіе сторонники шеффенгерихта (Цахаріэ, Гуго-Мейеръ) ставятъ въ вину организаціи суда присяжныхъ, только неудобства, проистекающія отъ раздѣленія труда, именно взаимныя недоразумѣнія факторовъ и невозможность изчерпывающаго рѣшенія.

Изъ этого положенія, совершенно вѣрнаго въ самомъ себѣ, нельзя, однако, заключать о необходимости реформы въ духѣ установленія шеффенгерихта. Недостатки эти могутъ быть разсматриваемы или какъ необходимыя темныя стороны всякаго творенія рукъ человѣка: тогда думать о реформѣ значитъ помышлять объ осуществленіи идеала, гонится за мечтой. Или можно утверждать, что недостатки эти такъ велики, что дѣлають самый *принципъ* негоднымъ, неприложнымъ къ юстиціи. Но тогда нужно стремиться вырвать зло съ корнемъ — дѣйствительно устранить этотъ принципъ раздѣленія труда: тогда нечего предлагать шеффенгерихтъ, построенный на томъ же началѣ раздѣленія труда и разнящійся отъ суда присяжныхъ только въ способѣ, формѣ установленія взаимнаго соглашенія факторовъ. Очевидно, что эта разница, касаясь только *формы*, не можетъ излѣчить кореннаго зла: она можетъ устранить случайныя недоразумѣнія между факторами, недоразумѣнія, обязанныя своимъ происхожденіемъ ошибкамъ, такъ сказать, *стилистическаго* свойства (напр. неловка

редакція вопросовъ, неудовлетворительность наставленія предсѣдателя).

Мы вовсе не желаемъ умалить значенія формы вообще. Но однако несомнѣнно, что неудачная форма здѣсь имѣетъ только настолько опасныя, вредныя послѣдствія, на сколько эта внѣшняя причина совпадаетъ съ дѣйствиємъ болѣе глубокой, внутренней причины, — въ нашемъ случаѣ съ отсутствіемъ солидарности между короннымъ и народнымъ судьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если присяжнымъ преподано неудовлетворительное наставленіе или предложена несоотвѣтствующая редакція вопросовъ, то, при достаточной умственной самостоятельности, интеллигентности присяжныхъ, это можетъ только повести къ тому, что, по требованію присяжныхъ, это поставленіе будетъ пополнено, редакція исправлена.

Впрочемъ, въ силу доселѣ изложенныхъ соображеній можно сказать о проектируемой реформѣ, что она произведетъ *ничтожное улучшение сравнительно съ тѣмъ зломъ, ради котораго она приложена, что она мало полезна.*

Но дѣло въ томъ, что и самое это улучшение можетъ наступить, если не будетъ какихъ-нибудь *вѣщающихъ* обстоятельствъ. Такимъ *вѣщающимъ* обстоятельствомъ нельзя не признать проявленіе, при совмѣстномъ обсужденіи, того разлада между присяжными (шеффенами) и судьями, который поведетъ или къ борьбѣ между ними или, что безконечно вѣроятнѣе, къ окончательному устраненію одного изъ элементовъ (конечно, народного).

Съ точки зрѣнія необходимости обоихъ элементовъ, оба эти послѣдствія искусственнаго, механическаго сближенія двухъ разнородныхъ дѣятелей одинаково важны, опасны. Въ такомъ случаѣ сближеніе этихъ двухъ факторовъ въ одной совѣщательной комнатѣ породитъ болѣшій вредъ, чѣмъ разъединеніе ихъ въ двѣ.

Сближеніе химически несродныхъ (употребляя метафору сторонниковъ шеффенгерихта) элементовъ увеличитъ отталкивающую силу между ними или устранить одинъ изъ нихъ.

Если прибавить нѣкоторыя неминуемыя вредныя послѣдствія введенія шеффенгерихта, состоящія въ нарушеніи принциповъ судопроизводства, признанныхъ въ настоящее время, то получимъ

въ итогѣ, что шеффенгерихтъ представляется не только *безполезнымъ*, но и *вреднымъ*.

Не иѣсто здѣсь распроспространиться объ этомъ вредѣ, болѣе или менѣе вѣроятномъ. Это мы оставимъ до слѣдующей главы, гдѣ мы обѣщали дать доводы за судъ присяжныхъ. Здѣсь только нужно упомянуть о томъ, что эти стороны вопроса, какъ мы это старались показать выше, очень неудовлетворительно изслѣдованы.

Не помогли сторонникамъ шеффенгерихта въ этомъ случаѣ ни опытъ, ни исторія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ (напр. Курцъ) и не стараются подкрѣпить свои утвержденія о невѣроятности давленія.

Они ограничиваются въ этомъ отношеніи простымъ отрицаніемъ, *надѣясь* на «легальную самостоятельность, характеръ шеффена».

Замѣтимъ, что это говоритъ тотъ же авторъ, который за нѣсколько страницъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ духъ новаго времени: «характеристическій признакъ послѣдняго дѣсятилѣтія—въ томъ, что оно не теряетъ въ недосыгаемой дали высокихъ идеаловъ, а гордится тѣмъ, что достигло доступнаго человѣческимъ силамъ, что оно точно опредѣлило средства, которыя находятся въ распоряженіи человѣка, и только къ тому стремится, что достижимо этими средствами». Спрашивается теперь, не идетъ ли проектъ этого самаго автора въ разрѣзъ съ такъ хорошо понятымъ имъ духомъ новаго времени? Можно ли назвать практичнымъ институтъ, порожденный погоней за тѣмъ идеальнымъ порядкомъ, въ которомъ бы совмѣщались всѣ достоинства двухъ противоположныхъ началъ—раздѣленія труда и единства дѣятельности, притомъ съ *рискомъ* потерять болѣе, чѣмъ можно выиграть? Читатель видитъ, что болѣе тяжкаго обвинительнаго приговора произнести самому себѣ нельзя.

Въ послѣдней главѣ сочиненія мы постараемся показать, что осуществленіе шеффенгерихта, порожденнаго такимъ стремленіемъ осуществить идеалъ и сопряженнаго съ такимъ рискомъ потерять болѣе, чѣмъ можно выиграть, при чемъ гарантіей выигрыша слу-

Такъ, можно вполне согласиться съ Глазеромъ*), когда онъ настаиваетъ на томъ, что только въ судѣ присяжныхъ можно говорить о послѣдовательномъ примѣненіи принципа *устности* (Unmittelbarkeit) такъ, какъ его понимаютъ въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы ни замѣнить судъ присяжныхъ — чисто ли короннымъ судомъ или судомъ шеффеновъ, — въ коллегію получаютъ доступъ члены, которые имѣли случай подвергаться другимъ вліяніямъ кромѣ тѣхъ, которыя можно испытать, слушая только судебное (главное) слѣдствіе. Такъ, предсѣдатель долженъ необходимо знакомиться съ актами предварительнаго слѣдствія, другимъ же короннымъ членамъ коллегіи такое знакомство не воспрещается (мы прибавимъ отъ себя, что оно даже до нѣкоторой степени желательно, если *de facto* не отказываться отъ коллегіальнаго разрѣшенія промежуточныхъ процессуальныхъ вопросовъ, предполагающихъ знаніе предварительнаго слѣдствія.) Сказанное Глазеромъ въ защиту суда присяжныхъ, въ виду конкуррировавшаго тогда съ нимъ короннаго суда, вполне примѣнимо и въ настоящей борьбѣ между жюри и шеффенгерихтомъ; ибо если не всё, то почти половина членовъ смѣшанной коллегіи съ точки зрѣнія принципа устности — *judices male informati*.

Также почти страдаетъ при шеффенгерихтѣ и принципъ *гласности*, ибо цѣлая процедура, имѣющая рѣшительное для дѣла значеніе, совершается въ тиши совѣщательной комнаты: мы говоримъ о процедурѣ *постановки вопросовъ*. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, эта процедура не исчезаетъ при организаціи шеффенгерихта: вся разница только въ томъ, что она совершается не публично и безъ контроля участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ, устраняя постановку вопросовъ, какъ актъ публичнаго производства, разомъ грѣшитъ противъ двухъ принциповъ процесса — *гласности* и *обвинительности*. О нарушеніи перваго принципа мы здѣсь распространяться не будемъ. Что касается начала обвинительности, то нарушеніе его также несомнѣнно. Мы видѣли, что сущность его состоитъ въ

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, стр. 276.

томъ, чтобы ограничить судъ постановленіемъ приговора по спорному правоотношенію; въ судѣ не должны смѣшиваться роли обвинителя (стороны) и суда. Съ этой точки зрѣнія все то, что требуетъ, *активного* отношенія къ дѣлу должно уйти въ область дѣятельности сторонъ. Такимъ образомъ, стороны должны заботиться, во-первыхъ, объ установленіи спорныхъ пунктовъ. Это совершается путемъ предложенія на разсмотрѣніе суда точно формулированнаго, готоваго обвиненія, въ формѣ обвинительнаго акта, съ одной стороны, и возраженій подсудимаго и его защитника, съ другой. Далѣе, стороны должны заботиться о собраніи и обработкѣ матеріала, служащаго основаніемъ для ихъ противоположныхъ утвержденій. Вліянію же сторонъ, по этому, слѣдуетъ дать просторъ и на *постимовку вопросовъ*,—этого существеннаго для исхода дѣла и, слѣдовательно, въ высшей степени интересующаго ихъ судебного акта. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ, изъемя процедуру постановки вопросовъ изъ-подъ вліянія сторонъ, нарушаетъ принципъ, признанный въ настоящее время и теоріей, и практикой.

Наконецъ, вся процедура въ шеффенгерихтѣ лишается, основательности, которая служить, какъ это развилъ Глазеръ*), отличительной чертой производства передъ присяжными, что, опять таки, отражается на соблюденіи обвинительнаго начала.

Такъ, Глазеръ указываетъ на то, что всѣ мѣропріятія, всѣ процессуальные правила и формы, которыя въ настоящее время служатъ суррогатомъ оставленной законной теоріи доказательствъ и отъ соблюденія которыхъ, слѣдовательно, зависитъ доброкачественность окончательнаго приговора, только тогда будутъ хорошо выполняться, когда для каждой изъ этихъ двухъ работъ (т. е. предварительныхъ мѣропріятій, промежуточныхъ опредѣленій и окончательнаго приговора) предназначенъ особый процессуальный органъ, что и имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ. Въ саможъ дѣлѣ, только тогда можно съ необходимою осторож-

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, стр. 273.

ностью, серьезностью отнестись къ соблюденію этихъ процессуальныхъ правилъ, когда субъектъ, которому ввѣрена забота о нихъ, знаетъ, что не ему ввѣрено и окончательное рѣшеніе; ибо, въ противномъ случаѣ, его всегда будетъ искушать нѣкоторая самонадѣянность, сознание, что онъ и безъ этихъ формъ, безъ этихъ предварительныхъ мѣропріятій съумѣетъ отличить черное отъ бѣлаго силою своей логики. Не то, если онъ имѣетъ въ виду другую коллегію, которая, съ его точки зрѣнія, легко можетъ выйти не такъ побѣдоносно изъ труднаго положенія, въ которое она будетъ поставлена безъ этихъ предварительныхъ мѣропріятій, принужденная сама выдѣлять изъ громадной массы матеріала все неидущее къ дѣлу и отвлекающее отъ конечной цѣли. Выразаясь кратче, — идентифицируя субъектъ, управляющій ходомъ процесса и постановляющій интерлокуты съ субъектомъ, рѣшающимъ дѣло окончательно, рискуютъ, что первая работа будетъ произведена не основательно.

Этого мало. Если соединеніе этихъ двоякаго рода функций вредитъ одной изъ нихъ, то также страдаетъ и другая. Каждый интерлокутъ, постановляемый судомъ до окончательнаго рѣшенія, есть предрѣшеніе вопроса о виновности; въ силу такого рѣшенія судъ, постановляющій его, становится въ положеніе стороны, онъ становится нѣкоторымъ образомъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Понятно, что желательно для соблюденія безпристрастія судьи, а слѣдовательно и обвинительнаго начала, предоставить окончательное рѣшеніе другому субъекту, непринимающему никакого участія въ такихъ интерлокутахъ. Такою представляется коллегія присяжныхъ засѣдателей.

И такъ, изъ всего слѣдуетъ, что всѣ принципы судопроизводства, именно гласность, устность и обвинительность, терпятъ отъ замѣны суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ.

Это — несомнѣнныя невыгоды учрежденія, которыя неразлучны съ его организаціею, и которыя наступаютъ независимо отъ того, есть ли всѣ условія для осуществленія идеи самаго института. Но сторонники жюри этимъ не ограничиваются: они стараются показать, что организація шеффенгерихта, стремящаяся устано-

вить взаимное пониманіе двухъ факторовъ процесса на болѣе прочныхъ началахъ, представляеть собою мѣру нецѣлесообразную; институтъ, говорятъ они, вмѣсто установленія болѣе полного соглашенія, еще болѣе разъединяеть оба элемента, такъ что въ концѣ концовъ произойдетъ или постоянная борьба въ нѣдрахъ смѣшанной коллегіи, или, что безконечно вѣроятнѣе, атрофія одного изъ элементовъ (конечно, народнаго),—въ обоихъ случаяхъ громадное зло.

Вѣроятность наступленія при организациі шеффенгерихта этого порядка вещей Печъ (Petsch) находитъ въ томъ различномъ отношеніи къ предмету судебного изслѣдованія, которое характеризуетъ присяжныхъ въ отличіе отъ коронныхъ судей, и въ процессѣ обсужденія вопросовъ, подлежащихъ ихъ рѣшенію.

Что касается перваго отличія, то оно состоитъ по Печу въ томъ, что осудья коронный относится къ дѣлу объективно, народный субъективно. Присяжный исходитъ изъ *своего* пониманія права, всегда сопоставляя каждое данное карательное постановленіе съ своимъ представленіемъ о правѣ. Напротивъ, судья—подавляетъ свое личное пониманіе абстрактнаго права, разсматривая законъ, какъ нѣчто данное, принимая въ соображеніе при этомъ буквальннй текстъ закона и то его толкованіе, которое даетъ ему наука и практика.

Различіе этимъ, по мнѣнію Печа, не изчерпывается. Оно проявляется далѣе и въ самомъ процессѣ, которому слѣдуютъ присяжные и судьи, при отправленіи своихъ функций. Судья-спеціалистъ поступаетъ по строгой системѣ, по выработанному методу, послѣдовательно. Логическія послѣдствія его премиссъ его не пугають; отъ общихъ размысленій онъ уклоняется. Совсѣмъ иначе процедируетъ народный судья. Вопросъ о фактахъ (о доказательствахъ), вопросъ о виновности, наказаніи, объ обстоятельствахъ, исключающихъ виновность, смягчающихъ вину, — все это перепутывается. Однако природный инстинктъ указываетъ ему истинный путь, даетъ ему ту аriadнину нить, которая выводитъ его изъ этого лабиринта. Предоставьте его самому себѣ — и онъ выйдетъ побѣдоносно; напротивъ, онъ поте-

рлется, если ему помѣшаютъ, если его посадятъ съ судьей, котораго отношеніе къ дѣлу внутренно противорѣчитъ его пониманію.

По поводу всего этого, конечно можно утверждать, что присяжные *должны* иначе относиться къ дѣлу; напротивъ, Печъ никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы сталъ доказывать, что они *будутъ* въ состояніи когда-нибудь иначе понимать и выполнять свою обязанность.

Вслѣдствіе такого органическаго различія между присяжнымъ и судьей, никогда нельзя ожидать гармоніи отъ ихъ совмѣстной дѣятельности, когда они будутъ посажены рядомъ въ совѣщательной комнатѣ: присяжные будутъ стѣснены судьей, будутъ — имъ недовольны; судьи, въ свою очередь, будутъ недовольны на присяжныхъ. О гармоніи, о свободномъ обмѣнѣ мнѣній при такихъ условіяхъ нечего и говорить. Это механическое сближеніе имѣеть, такимъ образомъ, обратный результатъ: оно порождаетъ еще большее разъединеніе между элементами, уясняя каждому изъ нихъ ту пропасть, которая его отдѣляетъ отъ другаго.

И такъ, возможно только *подчиненіе* одного элемента другому, о взаимномъ вліяніи при такихъ условіяхъ и говорить нечего.

Какъ легко замѣтить, въ основѣ вышеизложенной аргументаціи Печа лежитъ взглядъ на миссію народнаго элемента, носящій названіе теоріи Omnipotenz der Jury. Это дало поводъ Гуго Мейеру возражать указаніемъ на то, что эта теорія уже покинута современными процессуалистами*). Легко однако показать, что къ тому же окончательному выводу можно прійти, исходя изъ совершенно другой теоріи, изъ болѣе умѣреннаго взгляда на призваніе народнаго элемента.

Мы говорили уже выше, что если вообще призываютъ народныхъ судей, то, значить, предполагають, что они одарены такими качествами, которыя дѣлають ихъ *особенно способными* къ какой нибудь специальной области вопросовъ, входящихъ въ уголовный приговоръ. Само собою разумѣется, что такою областію

*) Die Frage des Schöffengerichts, стр. 32 — 33.

нужно признать именно вопросы факта и субсумціи. Современная теорія и законодательства отдають въ этихъ вопросахъ предпочтеніе присяжнымъ передъ коронными судьями. Для нашей цѣли очень важно соображеніе о причинѣ такого предпочтенія. Она состоитъ въ томъ, что коронные судьи, вслѣдствіе *постояннаго упражненія*, потеряли чувствительность къ индивидуальной обстановкѣ, *привыкли* путемъ постоянныхъ сличеній однородныхъ дѣлъ къ абстракціи, къ установленію шаблоновъ, примѣняемыхъ ими къ каждому дѣлу, несмотря на конкретную обстановку. Коронные судьи, принужденные жить въ кабинетѣ, разошлись съ дѣйствительною жизнью, вслѣдствіе чего уступаютъ народнымъ судьямъ, набираемымъ изъ разныхъ слоевъ общества на короткіе сроки, въ свѣжести, непосредственности своихъ знаній житейскихъ отношеній. Читатель видитъ, что качества, необходимыя для обсужденія вопросовъ факта и субсумціи, коронные судьи потеряли вслѣдствіе цѣлаго ряда вліяній.

Каковы бы ни были, однако, преимущества народныхъ судей предъ коронными, они не достаточны для того, чтобы безъ всякой помощи ученыхъ судей постановить приговоръ о виновности. Для самой субсумціи конкретныхъ фактовъ подъ законъ нужно не одно воспроизведеніе фактической обстановки; нужно еще знать абстрактныя правовыя понятія, съ которыми и сопоставляются конкретныя факты. Прошло то время, когда единственными вѣщателями права были представители народа на судѣ (шеффены Карла Великаго). Въ настоящее время положительное право стало объектомъ профессіи, предметомъ спеціальности. Такимъ образомъ, необходимъ и другой факторъ — коронный судья. Онъ истолковываетъ абстрактный составъ преступленія, предоставляя народному судѣ рѣшить вопросъ — подходитъ-ли конкретная фізіономія дѣянія подъ этотъ абстрактный составъ. Итакъ, идеаль современнаго судьи — это субъектъ, взятый изъ народа и достаточно ознакомившійся съ правомъ, — другими словами: присяжный, получившій наставленіе въ правѣ отъ ученаго судьи.

Вотъ какъ современная наука, въ лицѣ ея представителей,

опредѣлила предѣлы вѣдомства обоихъ факторовъ суда. Иначе, впрочемъ, демаркаціонной линіи провести было невозможно *).

Теперь посмотримъ, чего требуетъ шеффенпроектъ, какова его тенденція?

Онъ говорить: та форма передачи результатовъ дѣятельности одной коллегіи другой, которая имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ, недостаточна. Разъединеніе, обособленіе обоихъ факторовъ уголовного приговора причиняетъ часто недоразумѣнія, которыя легко устранить, давши этимъ факторамъ сговориться, допустивши короннаго судью ассистировать, когда присяжный отправляетъ свои функціи и наоборотъ. Болѣе свободный, живой обмѣнъ мыслей между факторами устранить недоразумѣнія между ними, которыя такъ часты на судѣ присяжныхъ.

И такъ, съ цѣлью устранить недоразумѣнія, съ цѣлью облегчить присяжному пониманіе наставленія судьи въ правѣ, шеффенпроектъ даетъ доступъ въ коллегію *новымъ* членамъ. Теперь спрашивается: каково ихъ желательное и возможное положеніе? Каковы взаимныя отношенія двухъ элементовъ суда?

Естественно, что если только дѣйствительно, а не на словахъ, сочувствовать привлеченію народнаго элемента къ уголовной юстиціи, если дѣйствительно отдавать ему предпочтеніе въ извѣстныхъ вопросахъ предъ ученымъ, то желать можно только такого порядка, при которомъ каждый изъ этихъ факторовъ будетъ дѣйствовать въ специально очерченной для него области; что касается другаго, то вмѣшиваться съ рѣшительнымъ голосомъ въ обсужденіе выходящихъ изъ круга его спеціальнаго призванія вопросовъ онъ не долженъ. Если допустить противное, то это будетъ ни больше, ни меньше, какъ молчаливое утвержденіе того, что собственно въ уголовномъ приговорѣ нѣтъ такихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ можно было бы считать *особенно* способнымъ короннаго судью или народнаго; что каждому изъ нихъ можно поручить, безъ риска получить превратное рѣшеніе, всякій во-

*) См. выше, гл. I.

просто, относится ли онъ къ праву или факту; что нѣсколько часовъ бесѣды могутъ настолько быть полезными присяжному, что сдѣлать его компетентнымъ при *рѣшеніи* всѣхъ правовыхъ вопросовъ,—съ другой стороны это же немногое время будетъ достаточно для того, чтобы сдѣлать короннаго судью чувствительнымъ къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла, сообразоваться съ которыми онъ отвыкъ въ продолженіе своей практики, что коронный судья такъ проникнется живыми, свѣжими воззрѣніями народнаго судьи, что сумѣетъ прійти самостоятельно къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ факта и субсумціи въ томъ же смыслѣ, какъ народный судья.

Утверждать это—значить ни больше ни меньше, какъ сомнѣваться въ значеніи народнаго элемента въ уголовной юстиціи, какъ такого органа, который можетъ внести въ уголовный приговоръ свою лепту. Съ этой точки зрѣнія равно можно совѣтовать и коронный судъ и шеффенгерихтъ, и даже судъ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько часовъ бесѣды въ состояніи изгладить различіе между народнымъ и короннымъ судьей, то нѣтъ, значить, основанія бояться недоразумѣній и въ судѣ присяжныхъ; ибо основная причина недоразумѣній между судьей и присяжнымъ состоитъ въ коренномъ несходствѣ въ воззрѣніяхъ того и другаго на извѣстные вопросы. Какъ мы видѣли, такой индифферентизмъ въ дѣйствительности проглядываетъ у Цахаріа. Впрочемъ, аргументація тѣхъ, кто исходитъ изъ этого взгляда, никогда не можетъ быть такъ энергична, чтобы склонить кого-нибудь къ принятію того или другаго рѣшенія*).

*) На это соображеніе мыслимо, впрочемъ, возраженіе. Можно, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что это смѣшеніе, если и не будетъ имѣть послѣдствіемъ такого уравненія двухъ факторовъ, *увеличивши уже обособиться*, удалиться другъ отъ друга, то оно будетъ *препятствовать* такому расхожденію. Можно утверждать, что это постоянное общеніе ученыхъ и народныхъ судей помѣшаетъ первымъ разойтись въ воззрѣніяхъ со вторыми, помѣшаетъ имъ приобрести тѣ качества, которые дѣлаютъ ихъ некомпетентными при рѣшеніи вопросовъ факта и субсумціи. Но это несправедливо. Дѣло въ томъ, что общеніе это не устраняетъ тѣхъ причинъ, которые собственно и

Итакъ, исходить изъ того взгляда на взаимное отношеніе двухъ элементовъ суда, по которому возможно и желательно устраненіе между ними всякаго различія, дѣлающаго cadaго изъ нихъ компетентнымъ только въ спеціальной сферѣ, нельзя.

Остается для тѣхъ, кто вообще дорожить участіемъ народнаго элемента въ произнесеніи уголовного приговора, другая точка зрѣнія, — остается желать раздѣленія труда между двумя факторами. Желательно, чтобы народный судья дѣйствовалъ въ своей сферѣ, въ той именно, въ которой ему отдается предпочтеніе предъ судьей ученымъ; напротивъ, судья ученый является единственно компетентнымъ при разрѣшеніи вопросовъ чисто правовыхъ. Задача переговоровъ между двумя этими факторами, — все равно, происходятъ ли они публично, подъ контролемъ заинтересованныхъ сторонъ (система суда присяжныхъ), или въ тиши совѣщательной комнаты (какъ въ шеффенгерихтѣ), — въ томъ, чтобы каждый изъ факторовъ зналъ, чего именно отъ него хочетъ другой, чтобы установить гармонію въ ихъ дѣятельности, взаимное пониманіе. — Можно сказать въ пользу системы шеффенгерихта, что здѣсь каждый изъ факторовъ ассистируетъ при

производить недостатки въ судьяхъ-спеціалистахъ. Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ причинъ, — это *истоянное умраженіе въ вершеніи уголовныхъ дѣлъ*. Посадите вы самого народнаго судью въ судейскія кресла на долгое время, — и онъ потеряетъ ту чувствительность къ индивидуальной обстановкѣ, которая въ немъ такъ цѣнится, и получитъ наклонность къ установленію теорій какъ въ вопросахъ о доказательствахъ, такъ и субсумціа. Каждое рѣшеніе, каждое дѣло, незамѣтно для самого субъекта, оказываетъ вліяніе въ этомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, если даже въ началѣ своей судейской дѣятельности коронный судья и не расходился съ народными воззрѣніями (что уже, конечно, нельзя допустить, имѣя въ виду, что ученый судья прошелъ школу, какой не проходитъ народный судья), то это разобщеніе неминуемо наступитъ впоследствии. Оно не наступало бы, если бы и юридическій элементъ, подобно неюридическому, постоянно обновлялся. Утверждать противное — значитъ не признавать никакого значенія за обстановкой дѣятельности. Это значило бы утверждать, что, ставя двухъ субъектовъ въ совершенно различныя условія, нельзя рисковать произвести какія-либо различія въ умственномъ складѣ только потому, что отъ времени до времени они будутъ имѣть случай бесѣдовать другъ съ другомъ.

томъ, какъ другой отправляетъ свои функціи. Каждый изъ нихъ получаетъ результатъ дѣятельности другаго не въ формѣ готоваго продукта—онъ видитъ самый процессъ его производства. Все это, конечно, облегчаетъ пониманіе, ибо процессъ этотъ есть ничто иное, какъ мотивировка. Однако, тоже происходитъ и въ судѣ присяжныхъ. Развѣ весь предъидущій процессъ съ рѣчами прокурора и защитника не есть комментарий къ заключительной рѣчи предсѣдателя, которая имѣетъ цѣлью наставить присяжныхъ въ правѣ? Развѣ передъ глазами присяжныхъ не происходитъ въ существѣ тотъ же процессъ, какой они могутъ наблюдать и въ совѣщательной комнатѣ шеффенгерихта. Разница между этими двумя системами чисто формальная. Въ сущности и въ совѣщательной комнатѣ шеффенгерихта произойдетъ тоже, что и въ залѣ суда присяжныхъ:*) образуется двѣ коллегіи, при чемъ сначала одна изъ нихъ, ученая, разъяснитъ другой вопросы права, а эта послѣдняя будетъ оперировать надъ фактической стороной предмета. Отъ ассистенціи каждой изъ коллегій при томъ, какъ другая функціонируетъ, ожидать особаго чего-нибудь нельзя. Она никогда не будетъ въ состояніи устранить того различія въ отношеніи къ дѣлу двухъ элементовъ, которое образовалось путемъ долгихъ вліяній. Судья не будетъ въ состояніи переселиться *in apicem* присяжнаго даже и тогда, когда вы ихъ посадите рядомъ. Недоразумѣнія между народными и коронными судьями, которыя могутъ произойти въ судѣ присяжныхъ вслѣдствіе неполноты наставленія, могутъ легко быть устранены, если присяжные обратятъ вниманіе судей на тѣ пункты, которые остались неразъясненными. Радикальнымъ же средствомъ устранить эти недоразумѣнія было бы — устранить самый принципъ раздѣленія труда, ибо коренная причина недоразумѣній заключается въ основномъ несогласіи въ воззрѣніяхъ этихъ двухъ факторовъ уголовного приговора. Другими словами: радикальнымъ средствомъ устранить опасность недоразумѣній — это устранить какой-нибудь изъ эле-

*) Это по крайней мѣрѣ желательно, если дорожить участіемъ народныхъ судей въ той области, въ которой они компетентнѣе ученыхъ.

ментовъ суда и организовать или чисто народный, или коронный судъ.

Говорять, далѣе, въ пользу шеффенгерихта, что здѣсь возможно болѣе исчерпывающее рѣшеніе вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, можно утверждать, что то, что остается незамѣченными судьями и присяжными, когда они работаютъ отдѣльно, можетъ обратить на себя вниманіе при обсужденіи дѣла въ смѣшанной коллегіи. Шеффены своими замѣчаніями могутъ навести судей на идею, открывающую новую эвентуальность. Но дѣло въ томъ, что народные судьи не отличаются такою активностью, такимъ господствомъ надъ предметомъ, чтобы быть въ состояніи *убѣдить* судей, *отстоять* свой взглядъ. Еслибы это было такъ, даже если бы народные судьи могли только *уяснить себѣ* вопросъ, то ничто не мѣшало бы имъ и при организаціи суда присяжныхъ заявить объ этомъ суду и просить постановки эвентуальнаго вопроса. Преимущество шеффенгерихта, такимъ образомъ, сводится въ этомъ отношеніи только на то, что судьи могутъ услышать *намекы* со стороны шеффеновъ на эти эвентуальности. Намеки эти будутъ ничто иное, какъ слабая *ссылка на данныя судебного слѣдствія*, которыя и безъ того судья имѣетъ въ виду при постановкѣ вопросовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь выгода, представляемая организаціей шеффенгерихта, чисто формальная, фиветивная.

Но если шеффенгерихтъ ничего не сдѣлаетъ существеннаго для устраненія вредныхъ послѣдствій всякаго раздѣленія труда, если выгоды, которыя онъ въ этомъ смыслѣ сулитъ, ограничены *шахішум'омъ* весьма небольшимъ; то нельзя того же сказать о тѣхъ недостаткахъ, которые характеризуютъ шеффенгерихтъ. Недостатки эти состоятъ въ томъ, что *сама организація* не представляетъ никакихъ ручательствъ за то, что демаркаціонная линія, проведенная между двумя факторами, не будетъ нарушаться однимъ въ ущербъ другому. Никто не станетъ оспаривать того, что по системѣ суда присяжныхъ эта линія *постоянная, устойчивая*, чѣмъ въ шеффенгерихтѣ. За соблюденіемъ границъ въ первомъ случаѣ слѣдять заинтересованныя стороны, кассационный судъ и общественное мнѣніе. Напротивъ, въ шеффен-

герихтъ соблюденіе ихъ зависитъ только отъ *усмотрѣнія самихъ дѣятелей* — ученыхъ и народныхъ судей. Границы эти будутъ проводиться такъ или иначе, смотря потому, каковъ составъ коллегіи въ данномъ случаѣ, на сколько каждый изъ факторовъ уступчивъ, или притязателенъ. Мало того. Эта невыгода организаціи можетъ простираться отъ ничтожныхъ колебаній до *полной атрофіи* одного изъ органовъ смѣшанной комисіи, т. е. до уничтоженія принципа раздѣленія труда. Такимъ образомъ, подъ видомъ шеффенгерихта можетъ дѣйствовать или чисто народный, или коронный судъ. Конечно, этотъ результатъ въ высшей степени неблагоприятенъ съ точки зрѣнія того, кто дѣйствительно дорожить участіемъ обоихъ элементовъ въ уголовной юстиціи.

И такъ, если мы сравнимъ выгоды системы шеффенгерихта съ ея невыгодами, то получимъ такое отношеніе. Ожидаемыя выгоды, заключааясь не въ устраненіи коренной причины недоразумѣній, а скорѣе случайной, внѣшней, ограничены ничтожнымъ *maximum'омъ*; напротивъ, для возможныхъ невыгодъ, состоящихъ въ нарушеніи *самаю принципа* учрежденія, есть только *minimum*, — увеличиваться они могутъ до какихъ-угодно размѣровъ. Вѣроятность наступленія этихъ невыгодъ опредѣляется такими фактами, которые стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, которые признаются даже сторонниками шеффенгерихта — мало того, на которые они даже ссылаются, какъ на аргументы въ пользу своего проекта. Мы говоримъ объ общепризнанной трудности провести демаркаціонную линію между фактомъ и правомъ. Внѣ сомнѣній также и то, что между присяжными и судьями существуетъ различіе въ отношеніи къ каждому изъ двухъ элементовъ уголовного приговора. Если первое обстоятельство *облегчаетъ* каждому изъ двухъ элементовъ смѣшанной коллегіи шеффенгерихта нарушеніе границъ, то за вторымъ нельзя не признать значенія *стимула* къ такому нарушенію.

Очевидно, что находя цѣлесообразнымъ принципъ раздѣленія труда между народнымъ и короннымъ судьямъ именно въ томъ смыслѣ, чтобы первый рѣшалъ вопросы факта и субсумціи, а второй истолковывалъ первому право, нельзя склониться на предла-

газную реформу суда. Рекомендовать шеффенгерихтъ значило бы находить прогрессъ не въ установленіи болѣе устойчивыхъ, прочныхъ границъ между факторами со спеціальными функціями, а, напротивъ, въ томъ хаотическомъ состояніи организма, когда еще разнородные элементы неполнѣ другъ отъ друга обособились. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что основная идея всѣхъ современныхъ принциповъ судопроизводства, главная тенденція исторіи его состояла въ такомъ дифференцированіи частей. Мы увидимъ, что всегда законодательства жертвовали тѣми выгодами, которыя доставляетъ единство дѣятельности, для полученія тѣхъ гарантій, которыя представляютъ раздѣленіе труда между разнородными факторами, при чемъ ходъ развитія выражался только въ проведеніи болѣе рѣзкихъ и устойчивыхъ границъ между дифференцированными такимъ образомъ частями организма. Процессуальными средствами для этого были: установленіе отдѣльныхъ судебныхъ органовъ для каждаго рода функцій и подчиненіе ихъ контролю общественнаго мнѣнія и кассационнаго суда. Вездѣ, въ исторіи всякаго процессуальнаго института проглядываетъ основная тенденція—организовать процессъ такъ, чтобы *еz nemz самоz* заключались гарантіи достиженія истины. Современное процессуальное право не полагается на личность, если ей приходится бороться съ искушеніями, если ей приходится отправлять несовмѣстимыя функціи; оно оставляетъ мечту осуществить идеаль, а довольствуется тѣмъ, что вообще достижимо человеческими средствами. Легко видѣть, что и здѣсь проглядываетъ та практичность новѣйшаго времени, на которую ссылается, какъ мы видѣли, Курцъ.

Итакъ, остается для тѣхъ процессуалистовъ, которые *настаиваютъ* на реформѣ судоустройства въ духѣ шеффенгерихта, только тотъ взглядъ на миссію народнаго элемента въ уголовной юстиціи, который выраженъ Магеромъ. Остается возложить свои надежды на *коронный элементъ*, смотрѣть на него, какъ на *единственный* органъ приговора, на привлекаемыхъ шеффеновъ—какъ на обстановку, при которой отправляютъ свои функціи ученые судьи, не ожидая, такимъ образомъ, отъ представителей на-

роднаго элемента никакихъ притязаній на активное участіе въ постановленіи рѣшенія. Правда, судьи могутъ, *по усмотрѣнію*, принимать въ соображеніе замѣчанія, дѣлаемныя шеффенами, но только по столько, по сколько судья руководится, напр., показаніями свидѣтелей, свѣдущихъ лицъ. Только вѣруя въ преимущество короннаго суда предъ всякою формою суда, можно настаивать на принятіи шеффенгерихта. Съ этой точки зрѣнія не нужно не только заботиться о самостоятельности народныхъ судей, но напротивъ, привлекать ихъ можно только ожидая съ вѣроятностью того, что они ступаютъ предъ учеными судьями, уйдутъ на второй планъ^{*)}). Мы приходимъ къ результату, что взглядъ Магера выражаетъ открыто то, что у каждаго партизана шеффенгерихта на умѣ, и что прорывается только въ пылу спора. Итаетъ, сторонники шеффенгерихта принуждены лавировать между Сциллой и Харибдой: или, поступая осмотрительно, аргументировать на столько слабо, что нельзя никого убѣдить; или, дѣйствуя болѣе энергично, рисковать доказать больше, чѣмъ требовалось. Мы видѣли, что упрекъ перваго рода можно сдѣлать, аргументаціи Цахаріе; промахъ втораго рода дѣлаютъ Шварце, Курцъ, авторъ статьи въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reich». Во всякомъ случаѣ, рекомендовать шеффенгерихтъ можно только какъ институтъ, представляющій видъ короннаго, а не народнаго суда. Къ такому же выводу, какъ увидимъ ниже, приводитъ насъ и соображеніе объ историческомъ развитіи процессуальныхъ институтовъ. Въ слѣдующей главѣ мы постараемся показать, что шеффенгерихтъ имѣетъ тенденцію, какъ разъ противоположную той, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ перемѣнъ въ процессъ и судоустройство. Мы, увидимъ что исторія не разъ относилась недружелюбно къ институтамъ, имѣющимъ одну идею съ шеффенгерихтомъ.

^{*)} Этого ожидаютъ и желаютъ не только теоретики, но и законодательства, какъ видно изъ распоряженій кодексовъ ганноверскаго, бременскаго, баденскаго, саксонскаго, по которымъ при рѣшеніи дѣла подають голоса сначала судьи, а потомъ шеффены. См. Баръ, R. и В., стр. 56 сл.; также Petsch въ Allg. d. Strafr., XII, стр. 330 сл., 342 сл.

VI.

Судь, какъ и всякое другое человѣческое учрежденіе, не сразу организовался такъ, какимъ онъ представляется въ настоящее время. Въ исторіи самаго устройства, организациі въ техническомъ смыслѣ слова, также какъ и процесса можно прослѣдить многія ступени, фазисы развитія и даже намѣтить общую тенденцію этихъ пережѣвъ.

На первыхъ порахъ жизни народовъ, когда еще не образовалось твердой государственной власти, связующей отдѣльные союзы, на которые распадается общество, тѣ столкновенія лицъ между собою, которыя теперь мы называемъ преступленіями, не вполне отдѣлялись въ сознаниі народовъ отъ правонарушеній, которыя технически обозначаются въ настоящее время выраженіемъ—гражданская неправда.

Говоря объ отсутствіи такого разграниченія въ сознаниі младенческихъ народовъ между уголовной и гражданской неправдой, мы тѣмъ самымъ отказываемся настаивать на чисто-частномъ значеніи преступленій. Мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые, особенно въ виду тѣсныхъ отношеній между членами отдѣльнаго союза, утверждаютъ, что дѣянія, съ нашей точки зрѣнія преступныя, должны были интересовать все общество; ибо «исторія не застаётъ ни одного народа на такой низкой ступени развитія, когда бы онъ не сознавалъ, что преступникъ опасенъ для общества, что человѣкъ, поджегшій домъ одного человѣка, можетъ поджечь и другой домъ»^{*)}.

Для насъ важно только то, что понятія гражданского правонарушения и уголовного преступленія смѣшивались между собою въ сознаниі младенческихъ народовъ.

Что касается лицъ, которыя осуществляли право на кару, и процедуры, при этомъ соблюдавшейся, то и здѣсь господствуетъ

^{*)} См. Чебышевъ-Дмитріевъ, о преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву, Казань, 1862 года, стр. 24.

то же смѣшеніе ролей. Въ самомъ дѣлѣ, первобытное общество, какъ зародышъ организма, заключаетъ въ себѣ всѣ атомы, всѣ элементы, которые впоследствии должны войти въ разнородныя части его. Вся разница только въ размѣщеніи этихъ атомовъ: въ то время какъ зародышное состояніе представляетъ собою хаосъ, смѣшеніе разнородныхъ элементовъ,—въ болѣе развитомъ, напротивъ, атомы каждаго элемента выдѣляются въ особую часть организма.

Такъ и въ первобытномъ состояніи социальнаго организма есть понятіе объ уголовной, общественной неправдѣ. Но воздѣйствіе на злую волю человѣка, творящаго неправду, проявляющееся въ формѣ мести, реализуется не *особымъ* органомъ, специально къ этому предназначеннымъ, а непосредственно или посредственно обиженнымъ лицомъ. Ему, во 1-хъ, принадлежитъ инициатива возбужденія преслѣдованія. Это, конечно, не значитъ, что въ первобытномъ обществѣ не сознаютъ общепасности правонарушенія, которое мы называемъ уголовнымъ. Мечь, не только является правомъ, но и обязанностью, которая санкціонуется сознаніемъ нравственнаго долга, страхомъ согрѣшить оставленіемъ преступника безъ возмездія. Мы вполне соглашаемся съ тѣми, кто утверждаетъ, что не смотря на отсутствіе специальныхъ органовъ, преслѣдующихъ правонарушеніе, въ первобытныхъ обществахъ оно испытываетъ болѣе скорую и вѣрную реакцію при посредствѣ заинтересованныхъ лицъ. Такимъ образомъ, хотя по формѣ, съ нашей точки зрѣнія, вся процедура имѣетъ характеръ частной расправы, тѣмъ не менѣе въ существѣ преступленіе и тогда не было дѣломъ чисто-частнымъ. Отъ этого, однако, еще далеко до того, чтобъ утверждать, что общепасное правонарушеніе сразу заинтересовало вновь образовавшуюся *исударственную* власть. Дѣло въ томъ, что и въ социальныхъ явленіяхъ проявляется физическій законъ инерціи: и здѣсь часто формы, лишившись своего содержанія, продолжаютъ, однако, существовать, пока, наконецъ, онѣ смѣняются другими.

Какъ бы ни сильно первобытное общество было заинтересовано въ реакціи противъ нарушеній мира, какъ бы ни доста-

точные были формы личной мести для реализаціи этой реакціи, никто не станетъ однако утверждать, что только-что возникшая *государственная власть* сейчасъ же принимаетъ живое участіе въ дѣлѣ реакціи противъ неправды. Нѣкоторое время продолжаютъ существовать тѣже формы процесса, продолжаютъ дѣйствовать тѣже органы, несмотря на то, что религіозная санкція потеряла свое значеніе. Вотъ въ этотъ то промежутокъ времени преступленія дѣйствительно близко граничатъ съ гражданскою несправедливостію. Только постепенно *государство* становится *активнымъ* по отношенію къ уголовнымъ правонарушеніямъ *).

Такъ, оно прежде всего является особенно впечатлительнымъ къ такимъ преступленіямъ, въ которыхъ заключается зародышъ политическихъ правонарушеній. Въ виду такихъ преступленій оно принимаетъ на себя инициативу преслѣдованія; воздѣйствіе на преступника здѣсь получаетъ прежде всего значеніе чисто уголовного наказанія. Далѣе, государство чувствуетъ себя обиженнымъ и въ такихъ преступленіяхъ, которыя направлены непосредственно противъ отдѣльнаго гражданина. Такъ, напр., въ особенно тяжкихъ преступленіяхъ, какъ убійство, разбой и проч. — Итакъ, въ тотъ періодъ развитія соціальнаго организма, когда не образовалось еще крѣпкой государственной власти, въ періодъ мести и композицій *государство* относится къ уголовнымъ правонарушеніямъ въ общемъ правилѣ *пассивно*, и въ этомъ смыслѣ мож-

*) Справедливо говорятъ Гольцендорфъ (Handbuch des deutschen Strafrechts, т. 1 стр. 22) о древне-римскомъ уголовномъ правѣ: «die öffentliche Gewalt steht zwischen den verschiedenen Rechtskreisen gleichsam vermittelnd, Anfangs die verschiedenen Formen der Selbsthülfe gegen den Frevler während, nach und nach beschränkend, endlich an sich ziehend. Das alte staatliche Strafrecht der Römischen Bürgergemeinde ist also ein Recht, bedingt entweder durch den Character einer Handlung als einer von der Gottheit priesterlich unsühnbaren oder durch die Verweigerung des Schadenersatzes an eine zur Erzwingung der Privatrache nicht hinreichend starke Person. Selbständigkeit der öffentlich-rechtlichen Strafe besteht nur für jenes Anfangs kleine Gebiet, welches dem Gemeinleben ausserhalb des Opfer- und des Familienrechts gehört».

но говорить о частном значеніи уголовныхъ правонарушеній*).

На такой ступени развитія стоитъ, напр., древно-германское уголовное право, о которомъ Гольцендорфъ говоритъ, что оно въ двойномъ смыслѣ носитъ характеръ частнаго права. По его мнѣнію, самая пеня, уплачиваемая публичнымъ органамъ (*fredus*) рядомъ съ штрафомъ въ пользу непосредственно обиженнаго (*Wehrgeld*), имѣетъ значеніе вознагражденія за то участіе, за ту помощь, которую оказывало общество обиженному, не имѣющему собственныхъ средствъ принудить преступника къ уплатѣ *Wehrgeld'a*. «*Erst später kann die That selbst als Friedensbruch erscheinen, als Störung der auf Gegenseitigkeit und Gemeinschaft begründeten Schutzgenossenschaft, deren sprachlichen Ausdruck uns das Wort Friede darbietet. So die Regel. Ausnahmsweise kann eine Missethat gegen die Volksgenossenschaft gerichtet erscheinen, indem sie nicht Einzelne, sondern Alle gleichmäszig verletzt und wegen ihrer Schwere die Vorstellung der Sühnbarkeit ausschlieszt. In solchen Fällen war einfache Vernichtung des Schuldigen. Ein dreifaches Schicksal konnte ihn treffen: entweder der Opfertod durch die Hand des Priesters, die unmittelbar auf die That folgende Tödtung oder die Friedloserklärung und damit Preisgebung an die Rache jedes einzelnen Volksgenossen*»**).

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что на первой ступени развитія взглядовъ на преступленіе, представляемой намъ исторіей, преступленіе, не успѣло еще выдѣлиться изъ родственныхъ ему понятій частной неправды и грѣха.

*) По этому нельзя не признать законнымъ стремленіе провести параллель между западной и русской исторіей касательно хода развитія понятія преступленія. Нельзя не согласиться, что и русская государственная власть не сразу стала относиться также активно къ уголовнымъ нарушеніямъ, какъ въ настоящее время. См. Богдановскій, развитіе понятія о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго, Москва, 1857; Ланге, изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ русской правды.

***) Holtzendorff, Handbuch, т. 1, стр. 54—55.

Тоже смѣшеніе господствуетъ и въ осуществленіи реакціи, въ процессѣ. Отдѣльныхъ органовъ, констатирующихъ нарушеніе права и приводящихъ въ исполненіе приговоры, нѣтъ ни въ эпоху господства мести, ни въ эпоху композицій. Правда, около преступника и мстителя группируется извѣстное количество членовъ общины или представителей власти, но въ каждомъ изъ нихъ смѣшаны функціи самыя разнородныя. Они — и судьи, и свидѣтели, и исполнители въ одно и тоже время.

Этотъ же порядокъ въ существѣ господствуетъ и тогда, когда, какъ въ древне-германскомъ процессѣ временъ до Карла Великаго, судить община въ лицѣ рахимбурговъ, сагибароновъ, *bonorum hominum*. Если разсмотрѣть процессъ того времени, то можно прійти къ тому выводу, что въ лицѣ однихъ и тѣхъ же субъектовъ сосредоточивались функціи, нынѣ раздѣленные между спеціальными дѣателями, выступающими въ качествѣ свидѣтелей, экспертовъ, сторонъ, судей о наказаніи и виновности.

Дѣателями тогдашняго процесса были *grafz* (*comes*), предсѣдательствовавшій въ судѣ и руководившій только ходомъ засѣданія, не принимая никакого участія въ постановленіи приговора. Судьями были вначалѣ члены общины — *boni homines*, избиравшіеся на короткіе сроки. Они рѣшали всѣ вопросы, входящія въ приговоръ. Далѣе, участіе въ процессѣ принимали стороны — обвинитель (потерпѣвшее лицо) и подсудимый, — каждая съ соприсяжниками (*conjuratores*).

Съ перваго взгляда, такимъ образомъ, покажется, что всѣ элементы организма судебного заняли въ лицѣ cadaго дѣателя свое особое мѣсто. Но это только съ перваго взгляда. Если вглядѣться внимательнѣе въ процедуру, въ роль cadaго изъ нихъ, то увидимъ полнѣйшее смѣшеніе функцій въ лицѣ cadaго дѣателя. Не успѣло еще установиться рѣзкой, постоянной демаркаціонной линіи между частями судебного организма.

Вообще весь древній процессъ носитъ на себѣ печать фор-

мализма^{*)}). Приговоръ суда собственно опредѣляетъ, *кто и какъ* долженъ доказывать спорный фактъ и *каковы правовыя* послѣдствія доказаннаго факта. Такимъ образомъ, во первыхъ, приговоръ народныхъ судей распространяется за предѣлы голыхъ фактовъ, заключаая въ себѣ и право.

Что касается доказательствъ, то свидѣтели были не въ большомъ употребленіи. Главными доказательствами были *присяга стороны*, усиливаемая *соприсяжниками*, и *ордалии*, судъ *Божій*.

Во всякомъ случаѣ, если выступали свидѣтели, то въ формѣ ихъ присяги заключалось простое повтореніе формулы судебного приговора. Такъ, напр., въ гражданскихъ процессахъ свидѣтель, не ограничивался, какъ теперь, констатированіемъ извѣстныхъ *фактовъ*, предоставляя суду выводить отсюда окончательное *заключеніе* о фактической подкладкѣ дѣла и правовую его квалификацію. Въ то время свидѣтели, напр., присягали, что отвѣтчикъ, утверждающій свое свободное состояніе, «*drico plus esse debet servus, quam ingenuus*» или, что «спорныя десятины *plus debent esse partibus sancti Andree, quam Gesoaldo*». Если сторона съ соприсяжниками приноситъ присягу, то ей примѣрно предоставляется присягать, «что спорное имущество *secundum legem plus sit ei habendi debita, quam ipso homini reddendi*»^{**}).

Итакъ, роль судей заключалась только въ установленіи того, *какая изъ сторонъ будетъ доказывать*, и въ опредѣленіи рода доказательствъ. Такой свой приговоръ судьи высказывали раньше разработки доказательствъ, а не послѣ нея, какъ это дѣлается теперь. Суду оставалось только быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго, съ цѣлью удостовѣриться въ соблюденіи необходимыхъ формъ. Значить, для того, чтобы первоначальный условный приговоръ (ибо онъ собственно гласить: *если соблюдены будутъ та-*

^{*)} См. Brunner, Entstehung der Schwurgerichte.

^{**}) *Ib.* стр. 48.

кія-то формы, то имущество нужно считать принадлежащим такой-то из сторонъ) перешелъ въ категорическій, нужно было констатировать такіе простые факты, какъ благопріятный исходъ ордалий, поединка, произнесеніе присяжной формулы свидѣтелемъ или стороною, соприсяжникомъ. Особыхъ заключеній, выводовъ, особой логической дѣятельности суда не требовалось въ то время. Все вышеизложенное о процессѣ древне-германскомъ можно резюмировать такъ: 1) преступленіе въ сознаніи народа еще не успѣло окончательно выдѣлиться изъ смежныхъ ему понятій грѣха и гражданской неправды. 2) Въ силу этого нѣтъ существенной разницы и между процессомъ по преступленіямъ и производствомъ по гражданскимъ дѣламъ. 3) Хотя около возстановленія нарушеннаго права группируются много субъектовъ съ разными наименованіями, тѣмъ не менѣе въ лицѣ каждаго изъ нихъ смѣшиваются разнородныя функціи; очень часто одинъ субъектъ управляетъ функціи другаго. Такъ, сторона при посредствѣ присяги, ордалий, поединка конкурируетъ со свидѣтелемъ, замѣняетъ его. Совмѣстная ихъ дѣятельность скорѣй организована по началамъ простаго сотрудничества, чѣмъ сложнаго. Собственно говоря *всѣ дѣятели — только свидѣтели совершающагося чуда*, свидѣтели того, какъ Божество посредствомъ ордалий, устами присягающихъ сторонъ и ихъ *conjuratorium*, свидѣтелей, отъискиваетъ виновнаго и подвергаетъ его карѣ.

Впрочемъ, такой порядокъ могъ длиться недолго. Формализмъ, которымъ запечатлѣнъ весь древне-германскій процессъ, предоставленіе всего хода дѣла инициативѣ заинтересованныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего процессъ походилъ на борьбу обиженнаго съ обидчикомъ, имѣлъ свой *raison d'être* только въ ту эпоху, когда религія была двигателемъ челоуѣка во всѣхъ его житейскихъ отношеніяхъ, когда онъ дѣйствительно, присягая съ своими *conjuratoribus*, могъ сказать: *«ob ich schuldig bin oder nicht, weiss Niemand als ich, meine Verwandten und Genossen neben mir und Gott über mir.»* Когда вліяніе религіи на личность ослабѣло, прежнія формы лишились своего внутренняго содержанія. Наступилъ тотъ моментъ, когда *государству*

слѣдовало вмѣшаться въ дѣло уголовной юстиціи, когда оно должно быть взято подъ свою защиту слабого, угнетаемаго сильнымъ. Слѣдовало реформировать строй уголовного процесса, удобный во время первобытной непосредственности, наивныхъ вѣрованій во вмѣшательство Божества въ дѣла гражданъ. Въ эти времена, дѣйствительно сила была почти всегда на сторонѣ праваго. Но этотъ порядокъ прекратился, — и тогда судебная борьба тяжущихся стала просто средствомъ въ рукахъ сильнаго прятѣ-снять слабого.

Однако, государство Меровинговъ продолжало относиться пассивно къ юстиціи. Настали времена, когда право потеряло всякую силу. Всякаго рода правонарушенія, — разбой, грабежи, ложныя присяги, сдѣлались самыми обыкновенными явленіями, противъ которыхъ оставалось для собственной защиты употреблять точно такія же средства.

Инициатива вмѣшательства въ дѣла юстиціи, съ цѣлью при-норовить ее къ современнымъ обстоятельствамъ, принадлежитъ Карлу Великому.

Реформы его были двоякаго рода. Однѣ измѣняли общій порядокъ, касались судоустройства и судопроизводства вообще; другія, создавали особый порядокъ процесса. Впрочемъ, оба эти рода реформъ исходили изъ одной идеи — устранить формализмъ тогдашняго процесса, обезпечить по возможности открытіе истины человѣческими средствами. Реформы общаго порядка коснулись, между прочимъ, выбора судей. Съ осложненіемъ отноше-ній потребовалось возложеніе должности судьи на знатковъ права, потребовалась специализація судейской должности. Такимъ обра-зомъ, теперь судили уже не *boni homines*, избравшіеся на краткіе сроки, а свѣдующіе въ правѣ — *Schöffen*, *scabini*, — облакавшіеся властью судьи на цѣлую жизнь. Впрочемъ, специализація судейскихъ функций, дифференцированіе между гражда-нинномъ и судейскъ все таки не было такъ рѣзко: шеффенъ все таки былъ гражданинъ, онъ не проходилъ никакой специальной школы.

Второй реформой въ общемъ порядкѣ были мѣропріятія от-носительно свидѣтелей и соприсяжниковъ (*conjuratores*). Мы ви-

дѣли, что въ предыдущую эпоху свидѣтели и соприсяжники не поляѣ выдѣлялись изъ того общаго цѣлаго, которое они составляли вмѣстѣ съ представлявшей ихъ стороной: между ними еще не существовало рѣзкой демаркаціонной линіи. Сторона, давая присягу, имѣла значеніе свидѣтеля; напротивъ, соприсяжники, помощники (Helfer) стороны, и свидѣтели, избравшіеся ею же, безъ всякаго вмѣшательства противной стороны и суда, носили печать вліянія стороны. Когда вліяніе религіи было сильно, когда всякая сторона боялась кары Вожества за нарушеніе клятвы, даваемой ей въ подтвержденіе вѣрности показываемаго, — тогда этотъ порядокъ былъ сносенъ. Но съ ослабленіемъ вліянія религіи на субъекта весь этотъ порядокъ долженъ былъ обратиться въ господство грубой силы. Пренной гарантіи того, что каждый дѣятель выполнялъ роль, взятую на себя, не было. Часто свидѣтель по имени въ сущности былъ стороной, демаркаціонной линіи между этими двумя дѣятелями процесса не было, все зависело отъ личности, отъ степени ея нравственнаго развитія; учрежденія *ex se* *se* *se* не представляли никакой гарантіи, никакого ручательства въ томъ, что каждый субъектъ выполняетъ ту роль, которая ему предназначена. Вотъ обстоятельство, обусловившія реформы Карла Великаго.

Что касается до *conjuratores*, то относительно ихъ было постановлено, чтобы часть изъ нихъ была избираема противникомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было дозволено сторонѣ требовать большаго количества соприсяжниковъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. Самая форма ихъ присяги была измѣнена: теперъ они присягали не всѣ въ одинъ разъ, а каждый по одному, — для увеличенія нравственной отвѣтственности.

Въ такомъ же духѣ произведены были преобразованія и въ отношеніи *свидѣтелей*. Мѣры эти или репрессивнаго характера, или превентивнаго. Къ первымъ относится, напр., усиленіе уголовной отвѣтственности за ложную присягу. Ко вторымъ — два нововведенія: допущеніе свидѣтелей съ противной стороны и реформы въ процедурѣ, имѣющія задачей установить достовѣрность свидѣтелей (*Legitimationsverfahren*). Такимъ образомъ,

если одна сторона ссылается на свидетельство членовъ общины по такимъ отношеніямъ, которыя извѣстны имъ, какъ таковымъ, то противнику дозволено было представлять и своихъ свидѣтелей; если въ показаніяхъ этихъ двухъ категорій свидѣтелей не устанавливалось согласія, то изъ каждой избиралось по одному для рѣшенія дѣла поединкомъ между ними. Побѣжденный дуэлянтъ терялъ въ наказаніе руку, товарищи же его платили соотвѣтствующую пеню. Что касается *Legitimationsverfahren*, то оно имѣло цѣлью, какъ сказано выше, установить достовѣрность свидѣтельскаго показанія. Это достигалось путемъ констатированія тѣхъ фактовъ, которые въ то время разсматривались какъ *conditiones sine quibus non* для достовѣрности свидѣтелей; сюда относятся, напр., обладаніе свидѣтелемъ извѣстнаго имущественнаго ценза. По лангобардскимъ законамъ спеціальныя *laudatores* должны были засвидѣтельствовать, что свидѣтели *liberi sunt et widrigeld et proprium habent et testimonium bene possunt dare*. Къ легитимационному же процессу относятся законоположенія Карла Великаго, носящія названія *inquisitio, discussio testium*. Это предварительный допросъ свидѣтелей съ цѣлью опредѣлить, знаетъ-ли что-либо свидѣтель о дѣлѣ, о которомъ онъ призванъ показывать. Какъ бы мало ни имѣлъ общаго подобный допросъ съ современнымъ инквизиторіальнымъ допросомъ¹⁾, никто не станетъ оспаривать того, что въ немъ заключается зародышъ новаго взгляда на свидѣтелей противъ того, который господствовалъ въ предъидущую эпоху крайняго формализма. И *laudatores* и *inquisitio* — суть такія учрежденія, которыя провели болѣе постоянную, болѣе рѣзкую границу между стороною и свидѣтелемъ, чѣмъ какая существовала прежде. Законодатель ищетъ гарантіи не въ процесса, а въ немъ самомъ, т. е. въ распредѣленіи ролей между субъектами, участвующими въ процессѣ, въ спеціализаціи ихъ дѣятельности.

¹⁾ Brunner, стр. 108 — 109.

Такая же основная идея и реформъ въ особомъ порядкѣ процесса.

Въ основѣ всѣхъ этихъ преобразованій лежалъ взглядъ на короля, какъ на источникъ юстиціи. Въ силу этого взгляда король могъ давать привилегіи лицамъ и корпораціямъ, въ силу которыхъ дѣла ихъ разрѣшались не въ общемъ порядкѣ, а въ особомъ, наблюдавшемся въ королевскомъ судѣ, гдѣ судилъ или самъ король, или такъ называемый *comes palatii* (*Pfalzgraf*). Такимъ образомъ, судъ короля (*consistorium principis*) игралъ роль суда справедливости (*Billigkeitsgerichtshof, iudicium acq-uitatis*) въ противоположность строгому формализму народного суда.

Органами такого суда были между прочимъ такъ называемые *missi dominici* — институтъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Карлу Великому. Они должны были объѣзжать графства съ цѣлью контролировать дѣятельность графовъ, между прочимъ, по отправленію уголовного правосудія.

Къ каролингскому же періоду относится институтъ *inquisitionis*. Извѣстнымъ лицамъ и учрежденіямъ давалась привилегія, по которой извѣстнаго сорта гражданскія дѣла ихъ рѣшались не по правиламъ обычнаго процесса, гдѣ всѣ доказательства, въ томъ числѣ и свидѣтельскія показанія, имѣли формальный характеръ, а въ особомъ порядкѣ. Въмѣсто свидѣтелей, призываемыхъ сторонами и имѣющихъ значеніе односторонняго доказательства (ибо эти свидѣтели или присягали въ пользу представившаго ихъ, или вовсе не присягали), судья самъ избиралъ изъ членовъ общины извѣстное количество людей, которымъ извѣстны спорныя правоотношенія (*illos ragenes ingenuos homines, qui hoc bene cognoscere debent*) и которые во всякомъ случаѣ показывали извѣстное имъ по дѣлу, не обращая вниманія на то, въ пользу кого клонятся ихъ показанія. Разница между новыми свидѣтелями и старыми проходитъ чрезъ всѣ детали. Вообще этотъ институтъ играетъ такую важную роль въ исторіи процесса вообще, образованія суда присяжныхъ — въ особенности, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе, чѣмъ это сразу покажется нужнымъ. Здѣсь мы, придерживаясь Brunner'a, поста-

раемъ указать на отличіе *inquisitionis* отъ обыкновенныхъ свидѣтелей, на правила образованія персонала, посредствомъ котораго судья (графъ или *missus dominicus*) производитъ *inquisitionem*, наконецъ самую процедуру съ ея послѣдствіями.

Отличіе между двумя институтами, какъ мы видѣли, заключается уже въ самомъ способѣ привлеченія ихъ къ участию въ процессѣ. Такъ свидѣтелей представляла *сторона*; присяжныхъ же призываетъ *самъ судья*, не спрашивая шеффейовъ. Вообще выборъ, представленіе свидѣтелей предоставлены инициативѣ сторонъ, — въ отношеніи присяжныхъ дѣйствуетъ усмотрѣніе судьи. Самая форма присяги свидѣтелей и присяжныхъ другая: въ первомъ случаѣ присяга подтверждающая (*assertorischer Eid*), т. е. свидѣтель, излагая самое показаніе, клянется за его достовѣрность; во второмъ—присяга имѣетъ значеніе обѣщанія показывать о томъ, о чемъ спросятъ, согласно съ истиной (*promissorischer Eid*). Но самое важное отличіе, съ нашей точки зрѣнія, заключается въ томъ, что при новыхъ свидѣтеляхъ-присяжныхъ не допускалось рѣшенія спора поединкомъ. Что касается до лицъ, призываемыхъ графомъ или *missus dominicus* въ качествѣ присяжнаго, то, какъ указано было выше, таковыми были *pagenses, circavicini*, т. е. сосѣди. Значеніе этого ограниченія, по мнѣнію Brunner'a, заключается въ томъ, что только въ такихъ лицахъ можно было *предположить* свѣдѣнія о спорномъ дѣлѣ. Судья долженъ, далѣе, выбрать только *лучшихъ* людей, отъ которыхъ можно ожидать показаній справедливейшихъ. Инквизиція должна производиться, какъ говорятъ источники, *per veraces et idoneos homines et quorum testimonium dignoscitur esse probabile, per bonos et veraces et nobiles homines, ibi commanentes* и проч. Въ замѣнъ той гарантіи достовѣрности показаній, которая заключалась въ возможномъ для свидѣтелей поединкѣ, обычай требовалъ увеличенія числа присяжныхъ, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходило до 66. Что касается до процедуры, соблюдавшейся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то прежде всего присяжныхъ или заставляли присягать *ad hoc*, или довольствовались указаніемъ на ихъ вѣрноподанническую присягу (*Treueid, sacramentum*

fidelitatis). Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ присяжныхъ, который заключалъ въ себѣ тему доказательствъ (Beweisthema), спорное положеніе. Впрочемъ, эта тема предлагалась еще до присяги, которая давалась, такимъ образомъ, въ виду спорнаго положенія. Затѣмъ слѣдовалъ отвѣтъ (вердиктъ) со стороны присяжныхъ, который давался или сообща, mit gesamtten Munde, или по одиночкѣ. Что касается его содержанія, то въ большинствѣ случаевъ онъ изчерпывалъ спорное положеніе (Beweisthema), такъ что не требовалось приведенія тѣхъ премиссъ, изъ которыхъ присяжные вывели окончательный результатъ. Вотъ какъ отвѣчали присяжные «... medietas omnis marchae ad monasterium S. Galli juste et legaliter pertinere debeat, или «... ipsa ecclesia haberet injuste per prisem et per legem reddere deberet»^{*)}. Изъ этого видно, что здѣсь лица, при посредствѣ которыхъ производилась inquisitio, не были свидѣтелями въ нашемъ смыслѣ слова. Въ ихъ показаніяхъ не заключались одни факты: въ нихъ заключалось и рѣшеніе правоваго вопроса.

Такимъ образомъ, если въ этомъ институтѣ произошло довольно замѣтное дифференцированіе между сторонами и свидѣтелями, то еще по прежнему въ лицѣ juratores господствовало смѣшеніе функций судейскихъ со свидѣтельскими. Впрочемъ, вскорѣ функціи стали приурочиваться къ спеціальнымъ дѣятелямъ, при чемъ свидѣтели отдали имъ судейскіе атрибуты. Уже вскорѣ послѣ возникновенія института inquisitionis въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна тенденція приравнять новыхъ присяжныхъ къ свидѣтелямъ, что, по мнѣнію Бруннера, видно изъ формы отвѣтовъ. Послѣдніе давались иногда не отъ имени всѣхъ присяжныхъ, не mit dem gesamtten Munde, а по одиночкѣ, на подобіе того, какъ допрашиваютъ свидѣтелей.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣты присяжныхъ не содержатъ въ себѣ простаго утвержденія спорнаго положенія, утвержденія, разрѣшающаго какъ вопросъ фактическій, такъ и пра-

^{*)} Примеры эти взяты у Brunner'a

вовою, а ограничиваются простымъ установленіемъ извѣстныхъ фактовъ, изъ которыхъ при посредствѣ силлогизмовъ можно выводить спорное правовое положенію. Вотъ процессъ выдѣленія изъ группы лицъ, участвовавшихъ въ древне-германскомъ судопроизводствѣ, субъектовъ со специально свидѣтельскими функціями.

Итакъ, когда прежняя абсолютная гарантія достиженія истины въ формѣ вѣры во вмѣшательство Божества въ дѣла правосудія, уступила мѣсто человѣческимъ мѣропріятіямъ съ тою же цѣлью, то такой суррогатъ найденъ былъ въ томъ, что вся масса функцій лицъ, участвующихъ въ процессѣ, была распредѣлена между ними такъ, что каждый субъектъ принялъ въ свое завѣдываніе специальную часть, именно ту, которая, согласно положенію его въ процессѣ и его качествамъ, могла быть выполнена имъ лучше другихъ. Тѣмъ съ большею старательностью проводится между ними демаркаціонная линія, тѣмъ важнѣе, чтобы одинъ членъ судебного организма не вторгнулся въ сферу другаго. Такъ, мы видѣли, что прежде сторона, предлагая поединокъ свидѣтелю или соприсяжнику, могла, въ случаѣ окончанія дуэли въ ея пользу, стать на мѣсто свидѣтеля. Собственно говоря, свидѣтеля, какъ фактора процесса, вполне обособленнаго, вполне отдѣленнаго отъ стороны, его призывавшей и считавшей его своимъ пособникомъ, не было. Вотъ эту-то неопредѣленность границъ между стороной и свидѣтелемъ стараются устранить мѣры, о которыхъ мы только что говорили. Въ особенности сюда относится институтъ *inquisitionis*. Хотя въ томъ видѣ и съ тѣмъ значеніемъ, какъ мы ее описали выше, *inquisitio* есть институтъ гражданскаго процесса, однако къ тому же времени относится введеніе въ организмъ уголовнаго процесса учрежденія, носящаго тоже имя и обязаннаго своимъ происхожденіемъ тѣмъ же причинамъ. Дѣло въ томъ, что государство вышло наконецъ изъ той пассивности по отношенію къ реакціи противъ уголовныхъ правонарушеній, которая характеризовала его въ предъидущую эпоху. Государство поняло, что полагаться на частную инициативу въ дѣлѣ возстановленія права, нарушеннаго преступленіемъ, нельзя. Съ этою цѣлью было предписано графамъ и особымъ чиновникамъ,

посылаемымъ въ графства (missi), собирать на мѣстѣ лучшихъ людей и побуждать ихъ къ указанію на преступленія, совершенныя въ ихъ округѣ, и на виновниковъ ихъ. Эта процедура носитъ тоже названіе inquisitio.

Какъ институтъ этотъ въ гражданскихъ дѣлахъ былъ зародышемъ англійскаго суда присяжныхъ, развившагося путемъ переходовъ отъ inquisitio сначала въ жюри съ значеніемъ доказательства (Beweisjury), а потомъ къ настоящему жюри съ значеніемъ суда (Urtheiljury); такъ inquisitio въ уголовныхъ дѣлахъ было зародышемъ развившагося впоследствии въ той же Англій обвинительнаго, большаго жюри (Anklagejury) чрезъ посредствующій фазисъ, обозначенный Brunner'омъ именемъ Rügejury.

Итакъ, въ формѣ института inquisitionis въ средневѣковомъ судебномъ организмѣ произошло уясненіе понятій свидѣтеля проведеніемъ демаркаціонной линіи между нимъ и стороной. Мало того, мы видѣли и зародыши освобожденія свидѣтелей отъ функцій, которыя, по современнымъ понятіямъ, принадлежать судьямъ. Впрочемъ, по дальнѣйшему ходу развитія процессуальныхъ институтовъ континентъ радикально отличается отъ Англій. Въ послѣдней, благодаря особо сложившимся обстоятельствамъ и консервативному характеру англичанъ, развитіе выразилось только въ детальной отдѣлкѣ готовыхъ институтовъ; здѣсь не было почти такихъ переворотовъ въ исторіи процесса что бы атрофировался, напр., цѣлый судебный органъ. Совершенно противоположное мы замѣчаемъ въ исторіи континентальнаго процесса. Каждая новая эпоха выдвигаетъ новый органъ судебный, причемъ старыя устраняются. Такъ было съ тѣми институтами, о которыхъ мы только что говорили. Inquisitio въ значеніи доказательствъ не продержалась долго, какъ самостоятельный органъ на континентѣ. Присяжные, отдавши судьямъ ихъ атрибуты, ушли въ персоналъ свидѣтелей. Точно тоже произошло и съ институтомъ inquisitionis въ значеніи органа, предащаго суду.

Не то въ Англій. Изъ учрежденія inquisitio въ гражданскихъ дѣлахъ, путемъ постепенныхъ метаморфозъ, образовался,

какъ мы уже замѣтили, истинную суда присяжныхъ. Франкская *inquisitio* въ Нормандіи приняла форму, которую Бруннеръ называетъ *Beweisjury*. Впрочемъ, особенности этого института въ Нормандіи—второстепеннаго свойства; здѣсь все таки сохранился основной характеръ этого учрежденія, какъ судебного доказательства. Наконецъ, Англія довершила перемѣны въ этомъ институтѣ, обративши его изъ доказательства въ специальный органъ суда, въ т. н. *Urtheiljury*. Процессъ перехода состоялъ въ слѣдующемъ. Вначалѣ не существовало еще рѣзкаго различія между *juratores* и собственно свидѣтелями по дѣлу. Они призывались вмѣстѣ, давали свои показанія сообща, послѣ общаго совѣщанія, такъ что ихъ вердиктъ представлялся продуктомъ совмѣстной дѣятельности. Впослѣдствіи стали ихъ различать. Стали свидѣтелей въ собственномъ смыслѣ (именно свидѣтелей сдѣлки, документальныхъ свидѣтелей, *Urkundenzeugen*) отдѣлять отъ *juratores* и допрашивать особо, передъ послѣдними. Тоже самое стали дѣлать впоследствии и со всякими свидѣтелями; стали допрашивать ихъ передъ присяжными. Наконецъ, позднѣе, передъ присяжными же стали продуцировать и другія доказательства. Впрочемъ, несмотря на это, скамья присяжныхъ не сразу получила значеніе органа суда. Въ ней все таки смѣшивались функціи судебскія со свидѣтельскими: присяжные судили отчасти на основаніи доказательствъ, разрабатываемыхъ въ ихъ присутствіи, отчасти на основаніи собственныхъ, личныхъ знаній обстоятельствъ дѣла. Только статутомъ 1650 года признана была несовмѣстимость функцій свидѣтеля съ функціями присяжныхъ.

Что касается *inquisitionis* въ смыслѣ органа преданія суду, въ смыслѣ суррогата формальнаго обвиненія, то и этотъ институтъ не вымеръ въ Англіи. Онъ принялъ здѣсь форму т. н. *Rügejury*. Ихъ было три рода. *Rügejury* въ сотняхъ (*hundreds*), которыя функционировали или передъ *viscomes'om*ъ при его объѣздахъ,—или передъ путешествующимъ членомъ высшаго суда (*curia regis*), который назывался *justitiarius*; персоналъ третьяго вида *Rügejury* набирался изъ цѣлаго графства и допрашивался тѣмъ же странствующимъ судьей. Изъ послѣдняго

рода *Rügejury* образовалось современное обвинительное, большое жюри. Во всѣхъ этихъ случаяхъ избранные представители общины показывали судѣ обо всѣхъ непорядкахъ, куда относились и собственно уголовныя преступленія, и нарушенія казенныхъ интересовъ и проч. Отличіе древняго *Rügejury* отъ теперешняго *Anklagejury* состоитъ въ томъ, что члены перваго представляли въ лицѣ своемъ свидѣтеля и судью, предающаго суду. Они показывали обо всѣхъ нарушеніяхъ, извѣстныхъ имъ лично или по свидѣтельствамъ другихъ. Между тѣмъ современное обвинительное жюри является органомъ суда: оно утверждаетъ проектъ обвинительнаго акта на основаніи доказательствъ, которыя разрабатываются передъ нимъ.

Что касается до жюри, какъ органа окончательнаго уголовного приговора, то въ исторіи его развитія замѣтно тоже явленіе, что и въ исторіи другихъ институтовъ процессуальныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вначалѣ судила окончательно таже коллегія лицъ, которая и предавала суду, — *Rügejury* было вмѣстѣ и *Beweisjury* (*Urtheiljury*). Впослѣдствіи поняли, что смѣшивать въ одномъ лицѣ разнородныя функціи обвинителя и судьи въ высшей степени несправедливо. Стали требовать для окончательнаго рѣшенія по дѣлу присяжныхъ, не принимавшихъ участія въ возбужденіи уголовного преслѣдованія. Законодательную санкцію этого обычая представляетъ статутъ Эдуарда III. И такъ, и здѣсь законодатель не полагается на личныя, индивидуальныя качества субъекта, а стремится создать гарантіи въ самомъ процессѣ, поручая субъекту только тѣ функціи, которыя онъ, по своему положенію, легко можетъ выполнить.

Путемъ такихъ метаморфозъ, на которыя мы только могли указать, пользуясь сочиненіями Бинера и Бруннера, судоустройство получило совершенно иной видъ, чѣмъ въ началѣ исторіи. Вмѣсто прежняго смѣшенія въ лицѣ одного субъекта совершенно разнородныхъ функцій, установился такой порядокъ, при которомъ для каждаго рода дѣятельности есть спеціальнй органъ. Демаркаціонная линія между сферами дѣятельности различныхъ факторовъ, прежде неясная, неустойчивая, проводившаяся въ каждомъ

почти конкретномъ случаѣ иначе, стала рѣзче, правильнѣе, постояннѣе. Теперь уже каждый дѣятель процесса не *можетъ* вторгаться въ сферу другого, даже еслибы этого онъ хотѣлъ.

Такимъ образомъ, современный процессъ рѣзко отличается, во-первыхъ, судью отъ сторонъ — обвинителя и подсудимаго. Далѣе, функціи судящаго субъекта раздѣляются между различными органами. Такъ, въ первой стадіи процесса, предварительномъ слѣдствіи, функционируетъ въ качествѣ судьи — *следователь*, который ео ipso исключается изъ коллегіи суда, постановляющей окончательный приговоръ. Далѣе, для преданія суду существуетъ особый процессуальный органъ — въ Англійи *обвинительное жюри*, на континентѣ *обвинительная камера*. Члены ея не допускаются, въ свою очередь, къ участию въ коллегіи суда, произносящаго приговоръ. Такимъ образомъ, здѣсь современное процессуальное право не возлагаетъ *надежды* на то, что субъектъ, произнося окончательный приговоръ, съумѣетъ силою своего характера и признанія долга, выдти побѣдоносно изъ того затруднительнаго положенія, которое создается его участіемъ въ преданіи подсудимаго суду, что онъ съумѣетъ говорить и мыслить совершенно иначе смотря по тому, сидитъ ли онъ въ обвинительной камерѣ или въ залѣ засѣданія суда, постановляющаго окончательный приговоръ.

Самый судъ, окончательно рѣшающій дѣло, разбитъ на двѣ отдѣльныя коллегіи — коронную и скамью присяжныхъ, — каждая со спеціальными функціями, съ рѣзко очерченными кругомъ дѣятельности.

Въ процессѣ фигурируетъ много другихъ субъектовъ, для которыхъ современное судопроизводство также позаботилось создать такое положеніе, чтобы каждый изъ нихъ не вторгался въ сферу дѣятельности другихъ. Такимъ образомъ, свидѣтель вполне обособился отъ стороны. Мы видѣли уже начало этого процесса обособленія. Въ эпоху господства законной теоріи доказательствъ, эта тенденція провести рѣзкую демаркаціонную линію между свидѣтелемъ и стороною вылилась въ громадныя списки лицъ, отводимыхъ отъ свидѣтельства по причинѣ близости ихъ

къ сторонѣ. Эта же тенденція выразилась и въ т. н. Collusionshaft, т. е. въ арестѣ подсудимаго, чтобы, между прочимъ, парализовать незаконное воздѣйствіе его на свидѣтелей. Итакъ, общая тенденція перемѣнъ въ англійскомъ процессѣ заключается въ томъ, чтобы организовать процессъ на началахъ раздѣленія труда между различными факторами, при чемъ демаркаціонная линія между сферами дѣятельности такихъ факторовъ становится рѣзче и постояннѣе.

Мы видѣли въ первой главѣ, что къ этому же пришелъ и континентальный процессъ. Разница въ самомъ ходѣ исторіи обоихъ типовъ процесса заключается только въ томъ, что въ Англии онъ былъ спокойнѣе, правильнѣе, — на континентѣ же, напротивъ, происходили частыя отклоненія отъ нормальнаго развитія. Въ Англии никогда не было рѣзкихъ переходовъ, переворотовъ въ системѣ процесса. Напротивъ, въ континентальной Европѣ на процессъ вліяли различныя постороннія, внѣшнія причины, вслѣдствіе чего происходили частыя колебанія. И тогда, какъ въ Англии процессъ шелъ медленно, но вѣрно на пути прогресса, — на континентѣ — одной эпохѣ приходилось разрушать то, что сдѣлала предъидущая. Континентальный процессъ кружился около того пункта, на который ему, наконецъ, пришлось стать только въ послѣднее время, въ настоящемъ столѣтіи.

Изъ отклоненій, для нашей цѣли, весьма интересны два главныя. Одно изъ нихъ состоитъ въ господствѣ на континентѣ Европы т. н. *инквизиціоннаго процесса*, другое — въ переходѣ отъ суда чисто народнаго къ *коронному*. Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ въ судебномъ организмѣ произошла атрофія его органовъ. Такъ, инквизиціонный принципъ лишилъ судъ участія сторонъ, какъ самостоятельныхъ субъектовъ процесса. Такое же упрощеніе организациі произошло и во второмъ случаѣ: народный элементъ суда атрофировался.

Задача настоящей главы вовсе не въ томъ, чтобы изложить исторію процесса, т. е. изложить процессъ развитія процессуальныхъ институтовъ и объяснить эти перемѣны. Цѣль ея только въ томъ, чтобы *указать на общую тенденцію пере-*

мльнъ въ процессъ. По этому, здѣсь мы не будемъ пытаться объяснить, какъ и почему именно старая форма процесса — обвинительная—замѣнена слѣдственной и затѣмъ, какъ процессъ опять возвратился къ обвинительному принципу. Для нашей цѣли важно только то, что иневиизиціонное начало, просуществовавъ до половины нынѣшняго столѣтія, признано и наукою, и практикою несостоятельнымъ. Важно это потому, что господство его противорѣчитъ тому общему духу реформъ въ процессѣ, на который мы указывали и который состоялъ въ установленіи для каждаго рода функций спеціальнаго фактора. Очевидно, что полагая центръ тяжести всего процесса въ дѣятельность судьи, слѣдственное начало шло въ разрѣзъ съ принципомъ раздѣленія труда.

Вообще съ XVI столѣтія въ Германіи и во Франціи совершился переворотъ въ организаціи судовъ и въ самой процедурѣ, переворотъ, который можно выразить словами: господство законной теоріи доказательствъ, иневиизиціоннаго начала и устраненіе изъ коллегій судовъ народнаго элемента. Насталъ порядокъ, при которомъ судьи коронные, ученые стали хозяевами процесса. Отъ нихъ зависѣло начало, дальнѣйшее направленіе процесса. Они заботились о собраніи необходимаго матеріала для окончательнаго рѣшенія. Понятіе стороны въ процессѣ исчезло. Судья въ своей личности совмѣщалъ роли обвинителя, защитника и судьи. Инициатива чиновника-судьи, такимъ образомъ, преобладала. Впрочемъ, произволу судьи положены были границы въ формѣ законной теоріи доказательствъ. Она имѣла значеніе не только отрицательное, но и положительное.

Вотъ что говоритъ Эли о значеніи законной теоріи доказательствъ. «*Cette opération (т. е. дѣятельность судьи при постановленіи окончательнаго приговора) était hérissée de plus de difficultés qu'on ne peut le comprendre aujourd'hui. Ce que nos jurés, ce que nos juges correctionnels recherchent maintenant en parcourant les faits d'un procès, en examinant les pièces d'une procédure, ce sont les éléments d'une conviction quelconque; ils n'attachent d'importance*

à tel fait, à telle circonstance, qu'autant qu'ils y trouvent la source, le point d'appui d'une opinion, leur jugement est dicté par l'impression qu'ils trouvent dans leur conscience; ils ne doivent aucun compte de ses motifs, il suffit qu'ils soient convaincus.

Sous la législation de 1539 et de 1670, les juges, à peine libres de leur conviction, ne l'étaient nullement de leur sentence. Le législateur, pour donner peut-être un contrepoids à la procédure secrète, les avait liés étroitement par une foule de petits règles, qu'il avait semées devant leurs pas et qui enchaînaient complètement leur volonté. Ces règles précisaient à l'avance la valeur légale de chaque fait, de chaque circonstance du procès, matérialisaient les éléments du jugement, et dictaient au juge sa décision, indépendamment de sa propre conviction. *Nec enim a iudice exigitur ut suam sententiam de crimine dicat, verum ut sententiam legislatoris applicet facto.* (Kressù Comm. in const. crim. Carol. V, in art. 2, p. 26). Dès que la cause constatait telle preuve, telle présomption, tel indice, il devait attacher à cet indice, à cette présomption, à cette preuve, l'effet que la loi avait voulu lui assigner; il n'était pas libre d'apprécier lui-même cette preuve et de lui refuser son assentiment; sa conviction intime fût elle contraire, il fallait qu'il étouffât sa conviction*).

Процессъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ правилъ, ложность которыхъ Бентамъ видитъ именно въ томъ, что они ставили въ противорѣчiе рѣшенiе судьи и законодателя. Они заставляли «судью постановлять рѣшенiе противъ его внутренняго убѣжденiя, жертвовать существомъ формъ, судить въ качествѣ исполнителя закона иначе, чѣмъ онъ судилъ бы, какъ частный человекъ**»).

Такимъ образомъ, до начала настоящаго столѣтiя на кон-

*) Hélie, Traité de l'instruction criminelle, т. 1., стр. 648 — 649.

**) Traité des preuves judiciaires, Bentham-Dumont, 1823, Paris, стр. 5.

тинентъ господствовало убѣжденіе, что можно напередъ предусмотрѣть силу всякаго обстоятельства, какъ доказательства, что можно установить объективную мѣрку истины. Понятно, что съ этой точки зрѣнія вопросъ о судящемъ субъектѣ, о его личныхъ отношеніяхъ, качествахъ, — вопросъ второстепенный.

Здѣсь развѣ можно было говорить только о самыхъ крупныхъ причинахъ отвода судьи. Нужно было только позаботиться о томъ, чтобы должность судьи отправлялъ тотъ, кто считался обладающимъ свѣдѣніями по части теоріи доказательствъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія не только не было необходимости въ участіи въ судѣ народнаго элемента, въ смыслѣ фактора со специальнымъ призваніемъ, но, напротивъ, оно было даже невозможно. Для рѣшенія вопросовъ факта, для оцѣнки доказательствъ требовалось такое же знаніе права, какъ и для чисто правовыхъ вопросовъ.

Итакъ, настала для процесса пора новаго абсолюта. Мы видѣли, что при абсолютной вѣрѣ во вмѣшательство Божества въ дѣла правосудія всякое различіе въ призваніи отдѣльныхъ лицъ, группировавшихся около процесса, ступеньвалось. Съ точки зрѣнія древняго германца не существовало рѣзкаго различія между свидѣтелемъ и подсудимымъ: устами того и другаго Божество могло одинаково творить свой судъ. Такое же дѣйствіе производила и вѣра въ новый абсолютъ. Настало время охлажденія у гражданъ чувства общественности. Тѣмъ понятнѣе вѣра въ то, что государство при посредствѣ своихъ органовъ одно призвано къ устроенію общественного блага. Става государству такія обязанности, очевидно, должны были предоставить ему и громадныя права, должны были уполномочить его дѣйствовать по усмотрѣнію; короче: это была пора полицейскаго государства.

Въ сферѣ уголовного процесса, этотъ порядокъ выразился въ усиленіи власти судей-чиновниковъ. Они одни были инициаторами процесса. Отъ нихъ ждали всего хорошаго тѣмъ болѣе, что законная теорія доказательствъ ограничивала ихъ произволь. Такимъ образомъ, законная теорія если и не составляетъ необходимой принадлежности инквизиціоннаго принципа, принципа

преобладанія судейской инициативы въ ущербъ сторонамъ, то она помогла все-таки ему продержаться такъ долго. Она составляла тотъ коррективъ, безъ котораго самый принципъ былъ бы громаднымъ зломъ*). Въ самомъ дѣлѣ, если возможно напередъ опредѣлить, при какихъ именно условіяхъ можно и должно признать подсудимаго виновнымъ, если возможно дѣйствительно найти объективную мѣрку истины, то, естественно, законодатель не могъ видѣть ничего особенно опаснаго въ томъ, что судья въ своемъ лицѣ соединялъ такія съ нашей точки зрѣнія несовѣстимыя функціи, какъ функціи судьи, обвинителя и защитника. Законодатель не боялся того, что судья, находясь въ положеніи инициатора во все продолженіе процесса, потеряетъ то спокойствіе, безпристрастіе, которымъ онъ долженъ обладать въ качествѣ судьи. Это опасно только тогда, когда окончательное рѣшеніе есть продуктъ *внутренняго убѣжденія* судьи. Тогда же, когда для обвиненія необходимо констатировать тѣ факты, которые составляютъ полное доказательство виновности, это можетъ вредить интересамъ правосудія по столько, по сколько виновный можетъ избѣгнуть заслуженной кары только потому, что судья не достаточно интенсивно дѣйствовалъ при изысканіи обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, принужденный въ тоже время заботиться и объ открытіи оправдательныхъ фактовъ. Впрочемъ, и эта опасность устраняется, если принять въ соображеніе, что тогдашній судья былъ собственно обвинителемъ.

Итакъ, и здѣсь вѣра въ абсолютъ изглаживала различіе между дѣятелями процесса. Подсудимый разсматривался не какъ сторона, а какъ объектъ судейской дѣятельности, какъ свидѣтель. Обвинителя, какъ стороны, не только частнаго, но даже публичнаго также не существовало; да въ немъ не было и ну-

*) Несправедливо, по этому, мнѣніе тѣхъ писателей, которые, какъ Zachariæ и Planck, сииются показать, что законная теорія доказательствъ предполагается обвинительнымъ процессомъ и поэтому не допускается инквизиціоннымъ началомъ. Ср. Köstlin, Wendepunkt des deutschen Strafverfahrens, стр. 127 сл.

жды, если принять въ соображеніе, что инквизиціонный процессъ тѣмъ и отличался, что развязывалъ руки судѣй.

Но такая вѣра въ абсолютъ должна была рано или поздно пасть. Потеряли вѣру въ возможность все предусмотрѣть, все предвидѣть. Увидѣли, что подъ точныя, неподвижныя правила абстрактной теоріи доказательствъ нельзя подвести многообразныя комбинаціи, представляемыя дѣйствительностью. Увидѣли всю относительность такой абстрактной теоріи. Поняли, что съ ней одной ничего не подѣлаешь; что обратить при посредствѣ ея судью въ машину, примѣняющую законъ, нельзя; что, такимъ образомъ, нельзя не предоставить нѣкотораго простора его внутреннему убѣжденію.

Такимъ образомъ, отъ гарантій *объективныхъ* перешли къ гарантіямъ *субъективнымъ*. Такъ какъ на первый планъ выступило внутреннее убѣжденіе судьи, то стали особенно заботиться о такомъ его положеніи въ процессѣ, чтобы онъ могъ сохранить полное безпристрастіе. Въ виду этого стало невозможнымъ соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ функцій обвинителя, защитника и судьи. Для каждой изъ этихъ работъ былъ предназначенъ спеціальныи органъ. Такимъ образомъ, было провозглашено начало *обвинительности*. Черезъ всю дальнѣйшую исторію процесса проходитъ тенденція рѣзче и опредѣленнѣе провести демаркаціонную линію между стороною и судьею.*)

Современная теорія и законодательство стремятся освободить судъ отъ всякаго активнаго участія въ дѣлѣ, предоставляя это сторонамъ. Напротивъ, въ прокурорѣ они видятъ сторону, обвинителя, освобождая его отъ обязанности блюсти интересы подсудимаго; интересы же послѣдняго ввѣряются какъ ему, такъ и даваемому ему въ помощь адвокату. Только въ такомъ раздѣленіи труда между тремя дѣятелями современный процессъ видитъ гарантію безпристрастія судьи.

Но одного безпристрастія судьи еще недостаточно для того,

*) Значительный шагъ на этомъ пути сдѣлалъ, какъ мы видѣли, австрійскій уставъ уг. суд. 23 Мая 1873 г.

чтобы постановить согласное съ истиной рѣшеніе. Обвинительный принципъ гарантируетъ только то, что устами судьи не будетъ говорить подсудимый или обвинитель. Въ немъ проявляется дифференцированіе между судьей и стороной. Этого однако мало.

Если имѣть въ виду только область, предоставленную судѣ, то и здѣсь можно замѣтить два разряда функцій, изъ которыхъ каждая требуетъ спеціальнаго органа, предполагая въ субъектѣ, отправляющемъ ихъ, спеціальныя качества. Мы говоримъ о вопросахъ факта и субсумціи съ одной стороны, и вопросахъ права — съ другой. Разрѣшеніе первыхъ, какъ мы видѣли, современный процессъ поручаетъ присяжнымъ, судьямъ-неюристамъ, разрѣшеніе вторыхъ — ученымъ судьямъ:

Ясно, что и здѣсь примѣненіе принципа раздѣленія труда стало возможнымъ и цѣлесообразнымъ только тогда, когда утеряна была вѣра въ абсолютъ, въ формѣ абстрактной теоріи доказательствъ. Если бы возможно было снабдить судью такими правилами, которыя онъ могъ бы прилагать во всѣхъ случаяхъ и которыя гарантировали бы достиженіе истины, то тогда нужно было заботиться только о томъ, чтобы судья былъ хорошо знакомъ съ ними. Совсѣмъ не то, если смотрѣть на эти правила только какъ на руководство, когда придавать имъ значеніе пособія. Тогда мало знанія этихъ абстрактныхъ правилъ. Нужно, чтобы судья принялъ въ расчетъ и индивидуальныя особенности дѣла, которыя нельзя всегда подвести подъ такіе шаблоны. Нужно для рѣшенія фактическихъ вопросовъ близкое, непосредственное знаніе житейскихъ отношеній. Здѣсь-то и увидѣли невозможность подысканія такого субъекта, который обладалъ бы всѣми этими качествами, т. е. знаніемъ абстрактныхъ правилъ и чувствительностью къ индивидуальнымъ свойствамъ факта. Судья коронный, ученый самъ по себѣ знаетъ хорошо эти абстрактныя правила, которыя ему далъ опытъ какъ его собственный, такъ и опытъ другихъ. Напротивъ, постоянное упражненіе въ вершеніи дѣлъ сдѣлало его неспособнымъ принимать въ расчетъ индивидуальныя особенности дѣла, удалило его отъ жизни, какъ и всякая профессія. Итакъ, современный процессъ,

разочаровавшись въ абсолютѣ, появивъ всю относительность абстрактныхъ правилъ, призываетъ къ дѣятельности народный элементъ, предоставляя ему *спеціальную* область вопросовъ.

Итакъ, и обвинительное начало, и привлеченіе народного элемента къ уголовной юстиціи суть проявленіе одной и той же идеи. Въ обоихъ случаяхъ процессъ ожидаетъ пользы отъ раздѣленія труда между различными факторами. Вообще между этими двумя принципами процесса существуетъ полная аналогія. Сходство между ними не только въ отрицательныхъ признакахъ. Констатированіе только такого сходства не имѣло бы никакого значенія въ спорѣ о шеффенгерихтѣ. Сходство это и въ достоинствахъ того и другаго.

Что касается недостатковъ то въ обоихъ случаяхъ они суть необходимое послѣдствіе раздѣленія труда. Въ самомъ дѣлѣ, никто не будетъ отрицать того, что и сторонѣ, на обязанности которой лежитъ собраніе и обработка матеріала для приговора, также трудно переселиться *in anima* судьи, какъ ученому судѣ *in anima* присяжнаго. И въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, могутъ проявиться темныя стороны, недостатки всякаго раздѣленія труда между различными факторами, состоящіе въ возможности дисгармоніи въ ихъ дѣятельности. Въ обоихъ случаяхъ нужно примириться съ невозможностью абсолютно-исчерпывающаго всѣ эвентуальности рѣшенія. Судебный слѣдователь, стороны, собирающіе и разрабатывающіе матеріалъ, и обвинительная камера, предающая суду, могутъ также не попасть въ точку зрѣнія окончательнаго рѣшающаго дѣла судьи, котораго субъективное воззрѣніе является рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ; стороны и слѣдователь могутъ упустить изъ виду какую-нибудь эвентуальность. Вся ихъ дѣятельность будетъ въ этомъ случаѣ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна: она не только не будетъ способствовать уясненію предмета для судьи, а напротивъ, мѣшать послѣднему, отвлекать его. Вообще, если стремиться къ устраненію послѣдствій такого несовпаденія взглядовъ факторовъ процесса, то тогда можно рекомендовать прежній, оставленный теоріей и практикой слѣдственный процессъ. Тогда слѣдовало бы обратить

ся къ тому идеалу юстиціи, который нарисовалъ Бентамъ. Тогда нужно было бы отмѣнить всѣ формы, всѣ гарантіи, установленныя современными законодательствами и возстановить ту естественную, патріархальную юстицію, которую отправляетъ всякій отецъ семейства.

Въ самомъ дѣлѣ, и въ упрекъ современному обвинительному процессу можно сказать, что, если допустить судью ассистировать при самомъ процессѣ собиранія и разработки матеріала, и, наоборотъ, стороны—при окончательномъ сужденіи по дѣлу, другими словами: если на одну коллегію возложить функціи сторонъ и судьи; то и здѣсь возможно болѣе изчерпывающее рѣшеніе вопроса, и здѣсь можно скорѣе добиться того единства, согласія въ дѣйствіяхъ факторовъ, котораго часто нѣтъ при рѣзкомъ разъединеніи ихъ. На возраженія приверженцевъ обвинительнаго начала о томъ, что при такой организаціи могутъ часто быть случаи, когда устами судьи будетъ говорить сторона, или, наоборотъ, когда функціи обвинителя будетъ отправлять судья, когда, слѣдовательно, ни та, ни другая работы не будутъ хорошо выполнены, можно было бы отвѣчать такъ-же, какъ сторонники шеффенгерихта отвѣчаютъ приверженцамъ жюри: можно сослаться на ту гарантію, которая заключается въ сознаніи судью своего долга, на его чувство законности.

Но на подобныхъ надеждахъ на личность, какъ таковую, процессуальное право никогда не успокоивалось. Всегда, какъ мы видѣли, требовалось, чтобы *сама процессъ* представлялъ ручательства за то, что субъектъ будетъ выполнять ту роль, которая ему предоставлялась. Разница только въ томъ, что старое право искало ихъ въ абсолютѣ, — новое, напротивъ, довольствуется тѣмъ, что распредѣляетъ процессуальныя роли такъ, чтобы каждый субъектъ отправлялъ только функціи, которыя ему, по его положенію въ процессѣ и качествамъ, всего болѣе свойственны. Такъ поступали всегда, когда шла рѣчь о какихъ-нибудь важныхъ функціяхъ. Такихъ гарантій *въ самомъ процессѣ* искали всегда, когда говорилось о важныхъ интересахъ. Итакъ, соглашающійся на шеффенгерихтъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что

для него не важно участіе народнаго элемента въ какомъ бы то нибыло отношеніи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что аргументировать въ пользу суда присяжныхъ можно и не отрицая тѣхъ темныхъ сторонъ его, на которыя указываютъ сторонники шеффенгерихта. Для этого не нужно доказывать, что всё недостатки суда присяжныхъ суть консеквенціи обвинительнаго начала процесса. Мы видѣли, что утверждать это значитъ давать поводъ сторонникамъ шеффенгерихта дѣлать справедливыя возраженія въ томъ смыслѣ, что и обвинительное начало все таки допускаетъ нѣкоторыя видоизмѣненія обвиненія, что и оно даетъ судѣ известныя просторъ для его усмотрѣнія и что именно въ этой области и дѣйствуетъ стѣснительно процедура, составляющая необходимую принадлежность жюри, процедура, принуждающая присяжныхъ рѣшать не казусъ, а вопросы.

Ссылаться на обвинительный принципъ можно только какъ на аналогію. Если только признать цѣлесообразность привлеченія народнаго элемента къ уголовному суду, а слѣдовательно раздѣленія труда между коронными и присяжными судьями, то задача историческаго развитія будетъ заключаться, какъ и всегда, въ проведеніи между дифференцированными частями болѣе устойчивыхъ, рѣзкихъ границъ. Смѣшеніе присяжныхъ и судей въ одну коллегію также мало исторически вѣроятно, какъ и всякая реформа, имѣющая тенденцію изгладить ту демаркаціонную линію, которая раздѣляетъ области судьи и сторонъ, обратить ее изъ устойчивой, опредѣленной въ неустойчивую, другими словами: какъ мала вѣроятность такихъ перемѣнъ въ строѣ процесса, въ силу которыхъ устранены были бы всякія внѣшнія препятствія тому, чтобы сторона функціонировала какъ судья, послѣдній— какъ сторона.

Въ слѣдующихъ положеніяхъ мы подведемъ итогъ всему добытому въ предъидущемъ изслѣдованіи.

1) Та часть аргументаціи сторонниковъ шеффенгерихта, въ которой они стремятся поставить на видъ всё «неизлечимые» не-

достатки суда присяжныхъ, имѣть на столько силы, на сколько изъ нея можно сдѣлать тотъ выводъ, что и судъ присяжныхъ, предполагающій дѣятельность двухъ факторовъ со специальнымъ кругомъ вѣдомства, не свободенъ отъ темныхъ сторонъ всякаго раздѣленія труда.

2) Напротивъ, положительная сторона ихъ аргументовъ страдаетъ логическимъ промахомъ *mutatio elepchi*. Ибо, если недостатокъ принципа раздѣленія труда въ приложеніи къ юстиціи дѣйствительно больше, чѣмъ сколько ихъ можно вынести, — то слѣдуетъ вырвать зло съ корнемъ, устранить самый принципъ, т. е. удалить народный элементъ изъ уголовныхъ судовъ, а не ограничиваться реформой, имѣющей чисто - формальное значеніе. Если же и въ шеффенгерихтѣ видѣть средство устранить раздѣленіе труда съ его вредными послѣдствіями, тогда о немъ можно говорить только какъ о смягченной формѣ короннаго суда, рекомендовать его можно только *надѣясь* на подавленіе народнаго элемента короннымъ. Ибо въ противномъ случаѣ не видна настоятельность самой реформы. Итакъ, *настаивать* на реформѣ въ духѣ шеффенгерихта можно только надѣясь на то, что народный элементъ ступается передъ короннымъ.

3) Это апіорное заключеніе о дѣйствительной тенденціи партизановъ шеффенгерихта подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ аргументаціи ихъ. Большая часть изъ нихъ въ пылу спора высказываетъ такіа положенія, въ которыхъ замѣтно недоувѣріе къ народному элементу вообще. Это же подтверждается и тѣмъ фактомъ, что почти весь контингентъ сторонниковъ шеффенгерихта доставляется тою категоріею процессуалистовъ, которая симпатизируетъ коронному суду.

4) Такимъ образомъ, взглядъ Магера на миссію народнаго элемента есть открытое выраженіе истинной тенденціи сторонниковъ шеффенгерихта.

5) Не помогли сторонникамъ шеффенгерихта и ссылка на опытъ и исторію. Что касается послѣдней, то она не только не даетъ аргументовъ въ пользу проектируемаго учрежденія, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ за судъ присяжныхъ, какъ за инсти-

туть, въ которомъ осуществляется идея, лежащая въ основѣ всѣхъ современныхъ процессуальныхъ учреждений. Ссылка партизановъ шеффенгерихта на исторію (Магеръ) только иллюстрируетъ ихъ взгляды на значеніе народнаго элемента въ уголовной юстиціи, какъ на декорацию, при которой дѣйствуютъ коронныя судьи.

6) Что касается тѣхъ выгодъ системы, на которыя указываетъ Цахаріэ и которыя состоятъ въ томъ, что принятіе шеффенгерихта дастъ возможность организовать однообразную для всѣхъ ступеней подсудности юстицію, то онѣ второстепеннаго свойства и не могутъ притязать на значеніе въ такомъ важномъ спорѣ, въ особенности въ виду громаднхъ невыгодныхъ сторонъ проекта.

7) Доводы сторонниковъ суда присяжныхъ въ пользу того, что только при организаціи жюри мыслимо послѣдовательное проведеніе признанныхъ современною наукою и законодательствами принциповъ судопроизводства (устности, гласности и обвинительности), остались не опровергнутыми.

8) Въ всякаго сомнѣнія, что система суда присяжныхъ отличается къ своей выгодѣ отъ шеффенгерихта тѣмъ, что представляетъ *вз самой себя* гарантію того, что каждый изъ элементовъ суда не будетъ вторгаться въ область, представленную другому, что каждый изъ нихъ будетъ выполнять свое назначеніе. А между тѣмъ вѣроятность, что при организаціи шеффенгерихта произойдутъ такіа столкновения между народнымъ и короннымъ элементами обусловливается тѣми же фактами, на которые ссылаются сторонники проектируемаго учрежденія въ поддержаніе своего проекта.

9) Сопоставляя тѣ ничтожныя выгоды, которые судить шеффенгерихтъ, съ невыгодами его, нельзя отнести къ нему сочувственно; нельзя и рассчитывать на то, что проектъ будетъ когда-либо принятъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока законодатели и наука не перестанутъ вѣрить въ цѣлесообразность привлеченія народнаго элемента къ уголовной юстиціи.

10) Итакъ, о шеффенгерихтѣ должно сказать и теперь то же, что Цахаріэ (Handbuch, т. I, стр. 83) говорилъ о немъ

еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ, именно—что этотъ проектъ не можетъ притязать на всеобщее признаніе. Вообще, въ немъ выразилось послѣднее усиліе враговъ народнаго суда возстановить прежній коронный судъ. Впрочемъ, результатъ этой послѣдней, нужно надѣяться, борьбы былъ въ концѣ концовъ выгоденъ для суда присяжныхъ: свѣтлыя стороны его стали еще ярче, послѣ сравненія съ институтомъ суда шеффеновъ; что касается темныхъ, то, послѣ разбора несправедливыхъ нападокъ поклонниковъ шеффенгерихта, оказывается, что ихъ не больше, чѣмъ во всякомъ твореніи рукъ человѣка.

О размноженіи растеній частями сѣмянъ.

Публичная лекція проф. Я. Я. Вальца.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государы.

Въ Новороссіи, въ странѣ, дѣятельность которой преимущественно направлена къ производству хлѣбныхъ зеренъ, въ Одессѣ, въ торговомъ центрѣ этого края, въ городѣ, благосостояніе котораго зависитъ главнымъ образомъ отъ успѣха въ торговлѣ этими зернами, въ городѣ, въ которомъ каждый житель постоянно наталкивается на повозки, тяжело нагруженныя этими зернами, естественно вопросъ о зернахъ, о сѣменахъ растеній представляетъ интересъ. Многолюдность настоящаго собранія служитъ нагляднымъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что сѣмена служатъ для размноженія растеній, что изъ каждаго зрѣлаго, неповрежденнаго сѣмени вырастаетъ одно растеніе, а потому распространяться объ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ я не стану. Не каждому, однакоже, изъ присутствующихъ извѣстно, что не только цѣлое сѣмя, но и его извѣстныя части, могутъ воспроизвести новое растеніе, что изъ одного сѣмени можно получить нѣсколько растеній. Вопросъ этотъ кромѣ теоретическаго интереса представляетъ даже въ настоящее время и практическій интересъ. Не стану я утверждать, что въ настоящее время намъ извѣстны такіе способы дробленія сѣмянъ и полученія изъ ихъ раздробленныхъ частей растеній,

которые были бы пригодны земледѣльцу, засѣвающему тысячи, сотни или десятки десятинъ или даже единичныя десятины. Для земледѣльца это вопросъ будущаго. Въ настоящее время извѣстны однакоже такіе способы, пригодные для того, кто не рѣдко воспитываетъ свои растенія въ ящикѣ или вазонѣ, они пригодны для садовода. Садоводамъ же вопросъ этотъ весьма интересенъ. Нерѣдко садоводъ получаетъ сѣмена какого нибудь растенія въ крайне ограниченномъ числѣ и для него важно получить изъ этихъ сѣмянъ возможно быстро возможно большее число растеній. Помимо этого можетъ случиться, что садоводъ получаетъ сѣмена отчасти поврежденныя, это поврежденіе извѣстной части сѣмени можетъ распространиться и на другія части, и на растеніе, вырастающее изъ сѣмени, если только поврежденіе произведено какимъ нибудь паразитомъ и если поврежденную часть не удалить изъ сѣмени. Важно знать какую часть сѣмени можно удалить и, несмотря на это, получить растеніе. Займемся же вопросомъ о томъ, какія части сѣмени могутъ воспроизвести растеніе. Прежде однакоже чѣмъ мы приступимъ въ разрѣшенію этого вопроса, мы естественно должны рассмотретьъ вопросъ: какія части различаемъ мы въ сѣменахъ. Для этого рассмотримъ внимательно сѣмена фасоли (*Phaseolus vulgaris* L.) и нѣкоторыхъ другихъ растеній.

Размочивши сѣмена фасоли мы легко можемъ съ нихъ снять кожицу, облекающую внутреннюю часть сѣмени. Эта кожица защищаетъ внутреннія части сѣмени отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. Это такъ называемый сѣмянной покровъ, состоящій изъ нѣсколькихъ слоевъ клѣточекъ, изъ которыхъ наружныя имѣютъ толстыя и плотныя стѣнки, а внутреннія тонкостѣнны и нѣжны. То, что облечено сѣмяннымъ покровомъ называется ядромъ сѣмени. Если мы сравнимъ это ядро съ молодымъ растеніемъ, съ фасолью только что выросшею изъ сѣмени, мы легко убѣдимся, что ядро сѣмени фасоли есть маленькое растеніе, въ которомъ обособились всѣ главныя части растенія, что это маленькое изогнутое растенъце — это зародышъ, какъ его называютъ.

Въ зародышѣ фасоли мы различаемъ двѣ части, по объему своему составляющія главную его массу, эти двѣ утолщенныя

части составлены изъ клеточекъ, изобилующихъ крахмаломъ и азотистыми веществами, назначенными для питанія зародыша при превращеніи его въ совершенное растеніе. Эти утолщенные части при проростаніи сѣмени выходятъ на поверхность земли, зеленеютъ и представляютъ собою два первыхъ листа растеній. Это такъ называемыя сѣменные доли.

Между ними мы замѣчаемъ маленькую часть, нѣсколько напоминающую перо, а потому и называемую перышкомъ. Изъ этого перышка при проростаніи сѣмени вырастаетъ стебель, покрытый листьями. Слѣдовательно перышко есть стебель въ зачаточномъ состояніи — это стеблевая почка. Продолженіе перышка составляетъ часть, къ концу утончающуюся и пригнутую къ краю сѣмянныхъ долей. Изъ этой послѣдней части при проростаніи сѣмянъ вырастаетъ корень. Это слѣдовательно корешокъ-

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ сѣмени фасоли мы различаемъ: 1) сѣменные покровы и 2) ядро сѣмени, которое представляетъ собою зародышъ, т. е. маленькое растеніице съ обособленными существенными частями взрослога растенія. Въ этомъ зародышѣ мы различаемъ: 1) корешокъ, 2) перышко, или стеблевую почку съ зачаточными листочками и 3) двѣ сѣмяныя доли, т. е. два утолщенныхъ листочка, изобилующихъ питательными веществами, два листочка, доставляющихъ корешку и стеблевой почкѣ матеріалъ для развитія при проростаніи сѣмянъ.

Въ сѣменахъ турецкаго боба (*Vicia Faba*), какъ вы легко убѣдитесь можете, мы различаемъ тѣ же части, какъ у фасоли; но если вы заставите эти сѣмена проростать, то вы замѣтите различіе отъ фасоли въ томъ, что сѣмяныя доли у боба остаются въ землѣ. Слѣдовательно, въ сѣменахъ мы встрѣчаемъ зародыши съ подземными или съ надземными сѣмянодолями, что у различныхъ растеній различно.

Не у всѣхъ растеній въ сѣменахъ зародышъ имѣетъ двѣ сѣмянодоли, а у нѣкоторыхъ, какъ напр. у пшеницы, у маиса и др. злаковъ, а также у лука и т. д. въ зародышѣ только одна сѣмянодоля, и такія растенія и называются односѣмянодольными въ отличіе отъ первыхъ, которыя называются двусѣмянодольными.

Существуютъ растенія, у которыхъ зародышъ представляетъ болѣе двухъ сѣмянолей; такъ напр. у сосны (*Pinus silvestris*) ихъ 6. Наконецъ, бываютъ случаи, когда въ зародышѣ до проростанія сѣмени мы не различаемъ ни одной сѣмяноли и не различаемъ ни стеблевой точки, ни корешка, когда весь зародышъ является въ видѣ клѣтчатого тѣла, въ которомъ не обособились морфологическіе члены (стебель, корень и листь) растенія. Число такихъ растеній однакожъ сравнительно очень незначительно. Сюда относятся перѣдко поражающія насъ красотой своихъ цвѣтковъ орхисовыя или любковыя растенія (*Orchideae*), а также Мопотгора и нѣкоторыя другія.

Разсматривая сѣмена пшеницы, сосны и др. растеній съ цѣлью опредѣленія частей зародыша вы могли замѣтить, что у этихъ растеній, кромѣ покрововъ сѣмени и зародыша, въ сѣменахъ есть еще особенное тѣло. Въ сѣмени пшеницы, на примѣръ, тѣло это представляетъ бѣлую мучнистую массу, составляющую большую часть ядра. Зародышъ здѣсь сравнительно очень малъ и помѣщенъ въ углубленіи этой массы. У сосны тѣло это окружаетъ зародышъ. Тѣло это называется бѣлкомъ (*albumen, endosperm.*). Бѣлокъ состоитъ изъ клѣтчатой ткани, переполненной крахмаломъ или масломъ, или другими питательными веществами. Эти питательныя вещества назначены для питанія зародыша при его превращеніи въ совершенное растеніе. Когда сѣмя проростаетъ, питательныя вещества въ бѣлкѣ постепенно исчезаютъ, переходятъ въ зародышъ и подобно питательнымъ веществамъ, находящимся въ сѣмяныхъ доляхъ, они служатъ матеріаломъ для развитія частей зародыша. Не у всѣхъ растеній въ сѣменахъ мы встрѣчаемъ бѣлокъ. Мы видѣли, напр., что въ сѣменахъ фасоли, боба его нѣтъ. Слѣдовательно, существуютъ сѣмена безбѣлковыя, которыя состоятъ изъ сѣменныхъ покрововъ и зародыша, и сѣмена бѣлковыя, которыя состоятъ изъ сѣменныхъ покрововъ, зародыша и бѣлка.

При проростаніи сѣмянъ, зародышъ превращается въ совершенное растеніе, т. е. всѣ части его, которыя онъ представляетъ въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи достигаютъ полного раз-

витія: корешокъ его превращается въ корень, который обыкновенно вѣтвится, перышко вырастаетъ въ покрытый листьями стебель, который тоже вѣтвится, сѣменные доли или выходятъ на поверхность земли и зеленѣютъ, или остаются подъ землей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ однакоже, раньше или позже, питательныя вещества въ сѣменныхъ доляхъ исчезаютъ, онѣ засыхаютъ, пропадають. Изъ бѣлка тоже высасываются питательныя вещества и онъ пропадаетъ. Такимъ образомъ, изъ цѣльнаго сѣмени естественно можетъ вырасти только одно растеніе. Опыты, однакоже, произведенные Van Tieghem *) и повторенные въ ботанической лабораторіи Новороссійскаго университета показываютъ, что извѣстныя части зародыша, отдѣленные отъ него могутъ воспроизвести новое растеніе, а слѣдовательно—изъ одного сѣмени мы можемъ получить нѣсколько растеній.

Дѣло въ томъ, что растенія размножаются не только посредствомъ сѣмянъ, но и посредствомъ почекъ. Извѣстно, напримеръ, что если разрѣзать листья *Bryophyllum*, *Vegonia* и нѣкоторыхъ др. растеній на части, положить эти части на влажную землю, покрыть колпакомъ и держать въ теплѣ,—то изъ каждой части вырастаетъ растеніе. Въ этомъ случаѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жилками листа, съ такъ называемыми волокнисто-сосудистыми пучками, образуется почка, т. е. бугорокъ, состоящій изъ клѣточекъ размножающихся, изъ него вырастаетъ стебель и при основаніи перваго бугорка появляется 1, 2 или нѣсколько бугорковъ, изъ которыхъ вырастають корни. Извѣстно также, что если отрѣзать черенокъ олеандра, фуксіи и т. д., посадить его въ землю или въ баночку съ водой, то черенокъ укореняется, т. е. при основаніи его, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ волокнисто-сосудистыми пучками, развиваются корневая почка, которая и превращаются въ корни.

Sachs упоминаетъ о томъ, что листья фасоли, посаженные

*) Recherches physiologiques sur la germination. Annales des sciences naturelles 5-e Serie. T. XVIII. 1873.

въ землю укореняются. Все это случаи размноженія растений посредствомъ почекъ. Разнообразнѣйшія части растений могутъ произвести почки. Эти почки, развивающіяся на неопредѣленныхъ частяхъ стебля, листа и корня называются прибавочными почками въ отличіе отъ тѣхъ, положеніе которыхъ строго опредѣлено, каковы конечная или верхушечная и пазушная, которыя развиваются въ углахъ, образуемыхъ листьями со стеблемъ. Van Tieghem показалъ, что части зародыша могутъ развиваться и не во взаимной связи и что они могутъ производить прибавочныя почки. Онъ дѣлалъ свои опыты съ сѣменами подсолнечника (*Helianthus annuus*), маиса (*Zea Mays*) и *Mirabilis Jalappa*. Въ ботанической лабораторіи Новороссійскаго университета были произведены опыты съ сѣменами фасоли и боба. Тѣ и другіе дали сходные результаты.

Если взять сѣмя фасоли, вынуть изъ него зародышъ, разрѣзать его на части, т. е. такъ, чтобы были отдѣльными корешокъ, перышко, и каждая сѣменная доля, положить эти части на влажную землю или на тюль натянутый на стаканъ наполненный водою и поставить посѣвъ въ теплое мѣсто*), то они развиваются. Корешокъ отдѣленный отъ зародыша значительно удлиняется отъ 16 до 20 и болѣе разъ сравнительно съ его первоначальной длиной, онъ покрывается волосками, строеніе его измѣняется такъ точно, какъ оно измѣняется при прорастаніи сѣмянъ въ корешкѣ, неотдѣленномъ отъ зародыша. По показаніямъ Van Tieghem это удлиненіе продолжается два дня, за тѣмъ останавливается и черезъ нѣсколько дней корешокъ погибаетъ. По моимъ наблюденіямъ, у фасоли и боба удлиненіе продолжается 2—5 и болѣе дней. Во всякомъ случаѣ—послѣ извѣстнаго времени корешокъ останавливается въ развитіи, покрывается пѣсенью и сгниваетъ. Изъ корешка растеніе образоваться не можетъ.

Перышко отдѣленное отъ сѣмени развивается и при основаніи его на пятый день или нѣсколько позже (по показаніямъ

*) Van Tieghem производилъ опыты при температурѣ + 22 до + 25° C. а я производилъ опыты при + 14 до + 18° C.

Van Tieghem при основаніи или на вершинѣ или при основаніи и на вершинѣ) появляются прибавочныя почки и развиваются корешки. Строеніе перышка измѣняется также точно, какъ и строеніе перышка, не отдѣленнаго отъ сѣмени. Во всякомъ случаѣ—укоренившееся перышко вскорѣ погибаетъ. Если же отрѣзать только сѣменные доли и оставить перышко и корешокъ въ связи, то растеніе развивается, только оно значительно слабѣе растенія, выросшаго изъ цѣльнаго сѣмени.

Сѣменные доли, отрѣзанныя отъ зародыша и положенныя на влажную землю значительно увеличиваются и зеленѣютъ, т. е. въ нихъ развивается хлорофилъ. Это зеленѣніе свойственно даже сѣменнымъ долямъ такихъ растеній какъ напр. бобъ, у которыхъ при нормальныхъ условіяхъ, т. е. когда цѣлыя сѣмена посажены въ землю, сѣменные доли не выходятъ на поверхность земли и не зеленѣютъ. Развитіе сѣменныхъ долей идетъ и дальше. Черезъ 12 или болѣе дней въ томъ мѣстѣ, которымъ они были прикрѣплены къ стебельку зародыша, появляются 1 или чаще нѣсколько бугорковъ, изъ которыхъ развиваются корешки, которые сильно удлиняются и вѣтвятся. Въ сосѣдствѣ съ этими корешками появляется стеблевая почка. Van Tieghem долженъ былъ прервать свои изслѣдованія и дальнѣйшаго развитія этой почки онъ не наблюдалъ; но мнѣ удалось видѣть и дальнѣйшее развитіе, а именно доводить полученныя растенія до цвѣтенія. Изъ каждой сѣменной доли, слѣдовательно, можно получить отдѣльное растеніе, которое отличается отъ растенія выросшаго изъ цѣльнаго сѣмени, только болѣе слабымъ развитіемъ. Мы видѣли также, что изъ стебелька съ корешкомъ вмѣстѣ можно получить растеніе; слѣдовательно, изъ одного сѣмени можно получить, по крайней мѣрѣ, три растенія. Я говорю по крайней мѣрѣ; такъ какъ при опытахъ Van Tieghem'a и моихъ оказалось, что если разрѣзать сѣменные доли на неслишкомъ малыя части, напр. на 2, 3 части каждую, то каждая часть зеленѣетъ и укореняется. Получить однакоже изъ такихъ кусковъ вполне развитое растеніе, мнѣ до сихъ поръ не удалось.

Само собою разумѣется, что уже изъ сказаннаго слѣдуетъ

и что подтверждается и слѣдующими опытами, что можно получить растеніе изъ зародыша, у котораго отрѣзана одна сѣменная доля или отрѣзанъ корешокъ. Растенія эти во всякомъ случаѣ однакоже слабѣе развившихся изъ цѣльныхъ сѣмянъ. При опытахъ отрѣзки корешка, при которыхъ сѣмя не погружалось въ почву, а было положено на влажную хлопчатую бумагу или на тюль, было впервые замѣчено Van Tieghem и подтверждено и моими опытами, что развитіе недѣлимаго происходитъ быстрѣе. Фактъ этотъ, на нашъ взглядъ, не безъинтересенъ для садовниковъ, часто заботящихся о полученіи возможно раннихъ всходовъ.

Не только отдѣленные отъ зародыша корешокъ, стебелекъ и сѣмянная доля могутъ развиваться, но до извѣстной степени способны къ развитію, къ удлиненію не только части сѣменныхъ долей, о чемъ уже было упомянуто, но и части корешка и стебелька. Продольныя половинки корешка и стебелька, а также поперечныя кружки вырѣзанныя изъ стебелька продолжаютъ нѣкоторое время развиваться. Это доказываютъ опыты Van Tieghem и мои.

Кромѣ того Van Tieghem производилъ опыты надъ сѣменами, содержащими бѣлокъ, какъ напр., маиса (*Zea Maïs*) и царской бородаки (*Mirabilis Jalappa*). Онъ липалъ эти сѣмена бѣлка и получалъ изъ зародыша маленькія растеньица, которыя однакоже вскорѣ останавливались въ развитіи и погибали, очевидно, по недостатку матеріала, назначеннаго для ихъ питанія. Природой назначенный матеріалъ для питанія зародыша, бѣлокъ, Van Tieghem старался замѣнить искусственнымъ матеріаломъ и это ему до извѣстной степени удалось. Зародышъ *Mirabilis Jalappa*, отдѣленный отъ бѣлка, онъ помѣщалъ внутри шарика, составленнаго изъ бѣлка сѣмянъ тѣхъ же растеній, растертаго съ водою, или изъ картофельнаго крахмала, или изъ бѣлка гречихи и получалъ при этомъ усиленіе развитія сравнительно съ тѣмъ какое было, когда зародышъ отдѣленный отъ бѣлка не былъ окруженъ искусственнымъ бѣлкомъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что не только изъ цѣльныхъ сѣмянъ, но и изъ ихъ отдѣльныхъ частей можно получить

растения, которыя однакоже слабѣе растеній, полученныхъ изъ цѣльныхъ сѣмянъ. Мы въ правѣ въ заключеніе нашей бесѣды сдѣлать тотъ выводъ, что отдѣльныя части зародыша способны къ самостоятельному развитію, что автономія присуща всѣмъ частямъ сѣмени, но, тѣмъ не менѣе, здоровые, сильные организмы получаютъ только тогда, когда части, способныя къ автономическому развитію, находятся во взаимной связи, не разъединены.

МОХАММЕДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ

въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи
христіанской.

Публичная лекція прое. А. Н. Нудрицкаго.

Мм. Г. и Г-ни.

Предметъ, съ которымъ я буду имѣть честь сегодня познакомиться Васъ, есть религія Мохаммеданская, разсматриваемая въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи Христіанской. Причина, побудившая меня остановиться именно на этомъ, а не на другомъ предметѣ, заключается въ тѣхъ событіяхъ, которыя обратили на себя такое напряженное повсюду вниманіе. Какъ представляющія предъ нами двѣ силы, изъ коихъ одна борется подъ знаменемъ креста, а другая — подъ знаменемъ полумѣсяца, онѣ могутъ возбуждать собой не одинъ интересъ политическій, но и интересъ религіозный. Помимо вопросовъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ воюющія народности, здѣсь легко могутъ возникнуть вопросы и объ отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ исповѣдующія ими религіи. И дай Богъ, чтобы вопросы эти какъ можно скорѣе обратили на себя вниманіе. Только ихъ правильное рѣшеніе и можетъ сдѣлать достаточно понятнымъ для насъ, что за причина тѣхъ варварскихъ жестокостей, какія совершаются въ несчастныхъ славянскихъ провинціяхъ; только оно одно можетъ и то сказать, на сколько обезпечены будутъ возставшія провинціи, если зависимость отъ послѣдователей Мохаммеда останется для нихъ и на будущее время. Вотъ эта-то возможность рели-

гіознаго вопроса и эта-то важность его рѣшенія и были причиною, почему не, другой какой-либо предметъ, а именно Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ Христіанству стала тѣмъ предметомъ, на который хочу я обратить Ваше благосклонное вниманіе. Я льщу себя при этомъ надеждою, что въ виду сложности изобразнаго мною предмета, Вы будете ко мнѣ снисходительны.

I.

Чтобы получить понятіе о происхожденіи религіи Мохаммеда, намъ нужно перенестись совершенно къ инымъ Мохаммеданскимъ странамъ, чѣмъ тѣ, которыя теперь насъ интересуютъ, и совершенно къ инымъ временамъ, чѣмъ конецъ VI-го и начало VII-го вѣка, когда жило и дѣйствовало лицо, давшее религіи свое имя. Страна, куда должны мы перенестись мысленно, есть Аравія, а времена, въ которыя должны мы перенестись, суть тѣ отдаленныя отъ насъ времена, которыя извѣстны намъ подъ именемъ временъ патриархальныхъ. Въ этой-то странѣ и въ эти-то времена получилъ начало свое народъ, который извѣстенъ подъ именемъ Арабовъ и который, на основаніи происхожденія своего отъ сына Авраамова Измаила, съ полнымъ правомъ можетъ быть разсматриваемъ какъ родной братъ народа Еврейскаго. Благодаря ли сохранявшимся въ народѣ преданіямъ, какъ увѣряютъ одни ¹⁾, или благодаря впечатлѣніямъ, доставляемымъ вѣчно однообразною пустыней, какъ увѣряютъ другіе ²⁾; только несомнѣнно, что начальныя вѣрованія этого народа были вѣрованіями довольно чистыми и что истина единства Божества и истина покорности воли Божьей — эти признающіяся нѣкоторыми ³⁾ за произведеніе ге-

¹⁾ Воронежъ. Матеріалы для изученія и обличенія Мохаммеданства. Казань. 1873 г.

²⁾ Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohamhad. В. III. S. IX.

³⁾ Вейль, Бартелеми Сентъ-Илеръ, Галлюйя и др. Смотр. статья: Исламизмъ французскихъ писателей К. Кустодіева и Характеръ Мохаммеданства по Пальгреву. Первая — въ Прав. Обзор. 1867 г., вторая — въ Православи. Собесѣд. 1874 г. Іюль.

нія Мохаммеда истины, издавна были истинами, составлявшими существенную часть вѣрованій Аравитянъ. За достовѣрность такого факта могутъ ручаться намъ какъ изслѣдованія такихъ ученыхъ, каковы: Хвольсонъ ¹⁾, Шпренгеръ ²⁾, Коссенъ-де-Персеваль ³⁾ и др., такъ и указанія такихъ источниковъ, какъ священныя книги ветхозавѣтныя. Отсюда узнаемъ мы о такихъ трехъ принадлежащихъ сынамъ Аравіи личностяхъ, которыя смѣло могутъ быть сопоставлены на ряду съ читателями Бога истиннаго. Первая изъ нихъ есть Іовъ ⁴⁾ съ его друзьями. Насколько высоки были его религіозныя вѣрованія, на сколько сильна была его преданность Богу — о томъ свидѣтельствуетъ извѣстная подъ его именемъ книга, которая признана церковію не только полезнѣйшей и назидательнѣйшей, но и сопричислена къ разряду книгъ боговдохновенныхъ. Дальнѣйшимъ послѣ Іова свидѣтелемъ Богопочитанія сыновъ Аравіи является священникъ Мадиамскій Іофоръ ⁵⁾, тесть Моисея. Уже одно то обстоятельство, что Моисей проводитъ въ его домѣ сорокъ лѣтъ и женится на одной изъ дочерей его достаточно, намъ кажется, свидѣтельствуетъ, что какъ онъ самъ, такъ и семейство его вполнѣ были изъ числа правовѣрующихъ; но о немъ извѣстно намъ болѣе. О немъ извѣстно, что по прибытіи его въ станъ Израиля, онъ торжественно прославилъ Господа за совершенныя Имъ въ Египтѣ чудеса, что онъ принесъ, какъ священникъ, всесоженія и жертвы Ему и что Онъ далъ, наконецъ, Моисею мудрый совѣтъ, какъ управлять народомъ, согласно волѣ Божіей, Вит. гл. XVIII. Третьимъ и послѣднимъ свидѣтелемъ чистоты и Богопочитанія сыновъ Аравіи является упоминаемая книгами Царствъ и Пара-

¹⁾ Chwolsohn. Die Saabier und der Saabismus. 1856.

²⁾ Das Leben und die Lehre des Mohamad. 1865.

³⁾ Caussin de Perseval. Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme etc. 1847.

⁴⁾ Доказательства о происхожденіи Іова изъ Аравіи указаны въ Матеріалахъ для изученія Мохаммеданства стр. 47.

⁵⁾ Тамъ же стр. 52.

липоменонъ, Царица Савская ¹⁾, посѣтившая Соломона во дни его славы. Что не одну земную мудрость прибыла она видѣть въ немъ, о томъ ясно свидѣтельствуесть то восторженное восклицаніе, какое произнесла она по окончаніи бесѣды съ нимъ: «Да будетъ благословенъ, говорила она, Господь Богъ твой, Который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ. Господь по вѣчной любви Своей къ Израилю поставилъ тебя царемъ творить судъ и правду.» 3. Цар. X., 9. 2. Пар. IX, 8. Изъ всѣхъ такихъ указаній достаточно ясно, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что начальныя вѣрованія Аравитянъ были вѣрованіями довольно чистыми и что всѣ тѣ истины, которыми гордилось впоследствии Мохаммеданство, уже издавна составляли существенную часть ихъ. Что касается до послѣдующихъ періодовъ религіознаго состоянія Аравитянъ, то періоды эти хотя и не отличаются такою чистотою вѣрованій, какою видѣли мы въ начальномъ періодѣ, но и о нихъ трудно сказать, чтобы они были періодами полного упадка. Всѣ тѣ высокія истины, какія отличали начальныя вѣрованія, оставались и теперь, только онѣ осложнились новыми формами и чрезъ то утратили начальную свою ясность. Та лежавшая въ основѣ древнихъ вѣрованій истина, что истинный Богъ есть единый Богъ, оставалась и теперь, но какъ одною этою истинною сердце Аравитянина мало удовлетворялось, то поддѣвліаніемъ пылкости фантазіи съ одной стороны и чарующаго вліянія Аравійской природы — съ другой, Аравитяне вообразили, что находящіяся надъ главами ихъ величественныя планеты не суть какія либо бездушныя и безучастныя къ человѣку твари, но суть тѣла высшихъ существъ или Ангеловъ, посредствомъ которыхъ невидимый духовный всевышній Аллахъ управляетъ міромъ вообще и человѣкомъ въ частности. Дойдя до такой мысли, Аравитяне не остановились. Какъ прежде они искали себѣ какого либо средства для сообщенія съ верховнымъ божествомъ, такъ теперь, когда средство это было въ планетахъ отыскано, они стали искать себѣ средства съ этими послѣдними. «Представлять себѣ,

¹⁾ Матеріалы для изученія Мохаммеданства стр. 64.

говорили они, духовныя существа этихъ нашихъ посредниковъ съ Богомъ, направлять себя и приближаться къ нимъ можемъ мы только посредствомъ ихъ жилищъ, которыя суть звѣзды; эти же послѣднія въ одно время видны, въ другое — невидны, вслѣдствіе ихъ движенія видны въ ночи и скрываются днемъ: такъ что мы не можемъ чрезъ нихъ всегда приближаться и устремляться къ духовнымъ ихъ существамъ. Поэтому необходимы ихъ образы и фигуры, которыя бы существовали и стояли постоянно предъ нашими глазами. И вотъ мы почитаемъ эти изображенія и стараемся чрезъ нихъ приблизить себѣ свѣтила небесныя и отыскать себѣ доступъ къ нимъ, чтобы эти обители (т. е. звѣзды) приблизили къ намъ духовныя существа (ангеловъ), а эти въ свою очередь, чтобы приблизили къ намъ Бога¹⁾. Волѣе обычными предметами такого посредства служили для Аравитянъ камни и деревья. Причина, почему предпочитались именно камни и деревья, заключалась, по мнѣнію ученаго Дози²⁾ и другихъ, въ тѣхъ смутныхъ воспоминаніяхъ, какія сохранялись у Аравитянъ въ отношеніи къ мѣстамъ, ознаменованнымъ при ихъ предкахъ особенными божьими благодѣяніями. Что касается въ частности камней, то на почитаніе ихъ не безъ вліянія могло остаться то уваженіе, какимъ пользовался черный камень, находящійся въ одномъ изъ древнѣйшихъ ихъ святилищъ, именно Меккской Каабѣ и считающійся за камень, данный Ангеломъ праотцу ихъ Измаилу. Такъ какъ частички этого камня, уносимыя ежегодно поклонниками, признавались предметами священными, то неудивительно, что почитаніе, оказываемое имъ, перешло мало по малу и вообще на камни. Такъ появились у Арабовъ наряду съ единобожіемъ Сабизмъ или поклоненіе планетамъ и фетишизмъ или поклоненіе идоламъ. Какъ ни много наносились всѣми такими и иными осложненіями вреда религіи, но перво-

¹⁾ Die Saabier und der Saabismus von D. Chwolsohn. B. I. S. 630. Смotr. Матер. для изученія Мохаммеданства стр. 91.

²⁾ Die Israiliten zu Mekka von Dozy. S. 18 — 32. Смotr. Матер. для изученія Мохаммеданства. стр. 85.

начально, когда осложненія эти появились только, ни поклоненію планетамъ, ни поклоненію идоламъ не придавалось никакого другаго значенія кромѣ того, которое было нами указано. Но вотъ, съ половины пятаго вѣка по Рожд. Христовъ, Каабой или Меккскимъ храмомъ овладѣваетъ грубое и властолюбивое племя Корейшитовъ, и все, что признавалось прежде какъ посредство, какъ напоминаніе о предметахъ духовныхъ, получило теперь значеніе самостоятельное¹⁾). Планеты и идолы стали разсматриваться теперь какъ дѣйствительные боги, такъ что Кааба, не имѣвшая прежде ни одного идола, получила ихъ столько, сколько дней въ году, а для поклоненія Солнцу и нѣкоторымъ другимъ планетамъ устроены были даже отдѣльные храмы²⁾). Среди такихъ постигшихъ религію печальныхъ обстоятельствъ совершилось слѣдующее, весьма важное въ исторіи религіи Арабовъ, событіе. Въ ряду поселенцевъ, занимавшихъ отъ времени до времени свободолюбивую Аравію, стали все чаще и чаще появляться послѣдователи такихъ религій какъ Іудейская и Христіанская. Первые вынуждены были въ тому войнами Тита и Адриана, а вторые — тѣми религіозными спорами, какіе возникли на Востокѣ въ IV и V вѣкѣ. Хотя ни тѣ, ни другіе и не были истинными представителями своихъ религій: ибо Іудеи были, въ большинствѣ случаевъ, изъ числа Талмудистовъ, а Христіане изъ числа изгнанныхъ изъ православныхъ странъ сектантовъ, тѣмъ не менѣе появленіе тѣхъ и другихъ въ Аравіи, среди указанныхъ обстоятельствъ, не могло пройти незамѣченнымъ. Какъ для того, кто томится жаждою, даже и мутный источникъ кажется источникомъ пріятнымъ, такъ и для Арабовъ, недовольныхъ накопившимися въ религіи злоупотребленіями, даже и такія вѣрованія, какъ вѣрованія Талмудистовъ и Сектантовъ, показались вѣрованіями весьма для нихъ близкими. Іудейство плѣняло ихъ своими напоминаніями о ихъ предкахъ, о ихъ обычаяхъ, а сектантство свои-

¹⁾ Исламъ Мирзы Каземъ-Бека. Русск. Слово 1860 г. Августъ стр. 134 и Февраль стр. 142. Всемирн. Исторія Шлоссера. Т. V. стр. 20.

²⁾ Исламъ Мирзы Каземъ-Бека. Русск. Слово 1860. Авг. стр. 153.

ми богословско-философскими умствованиями. Но такъ какъ источники эти не были, какъ мы сказали, чистыми источниками, то лишь только вкусили отъ нихъ Арабы, какъ тотчасъ почувствовали, что духовная жажда ихъ весьма далека еще отъ полного насыщения. Иудейство неудовлетворяло по причинѣ талмудической баснословности, сектаторство — по причинѣ излишней отвлеченности, а то и другое — по причинѣ взаимныхъ распрѣй, соединенныхъ съ насмѣшками, упреками, порицаніями. Правда, находились колѣна, которыя считали достаточными и такія вѣрованія, но во всемъ остальномъ большинствѣ Арабовъ они ничего другаго не вызвали кромѣ желанія очистить религію отъ накопившихся въ ней разныхъ чуждыхъ ей наслоеній. Первые, въ которыхъ пробудилось такое желаніе, были поэты. Пользуясь въ средѣ Арабовъ громаднымъ значеніемъ и составляя душу каждаго національнаго праздника, они не ограничивались въ своихъ твореніяхъ однимъ восхваленіемъ древнихъ подвиговъ, но старались при этомъ и пробудить воспоминаніе о томъ Единомъ истинномъ Богѣ, котораго исповѣдывали нѣкогда ихъ предки¹⁾. Наряду съ поэтами подвизались на томъ же поприщѣ такъ называемые Ханифы. Это были люди поставившіе себѣ задачей очистить религію отъ накопившихся въ ней чуждыхъ наростовъ и возбудить вѣру въ единобожіе, откуда и получили свое названіе то Халифовъ, что означаетъ очистителей, пуристовъ,²⁾ то Мослимовъ или чтителей Единого Бога³⁾. Отъ поэтовъ и Ханифовъ не далеко уже былъ шагъ и до массы народной. Всѣ, что заявляемо было тѣми, стало мало по малу повторяться и здѣсь, и вотъ является теперь молва, что для обновленія религіи долженъ явиться на землѣ особый посланникъ Вождій, что мѣстомъ рожденія егo будетъ Мекка и что онъ не признанъ будетъ своимъ отечествомъ. Когда, такимъ образомъ, и почва для образованія новой религіи, чрезъ возбужденіе недовольства прежними вѣрова-

¹⁾ Материалы для изученія и обличенія Мохаммеданства.

²⁾ Sprenger. Das Leben und die Lehre d. Moham. B. I. S. 67.

³⁾ Тамъ-же, S. 70.

ніями, была значительно подготовлена, и первыя сѣмена ея, составлявшія ученіе Іудеевъ и Христіанъ съ одной стороны и труды поэтовъ и Ханифовъ—съ другой, были давно посѣяны, и орудіе, долженствовавшее пожать плоды — было, благодаря стоустной молвѣ, намѣчено, оставалось только, чтобы явилось такое лицо, которое могло бы всѣмъ этимъ искусно воспользоваться. Такимъ лицомъ и былъ Мохаммедъ, сынъ Абдаллы, изъ племени Корейшитовъ, родившійся, по болѣе вѣроятному численію, въ 571 году по Р. Хр.

II.

Сопоставивъ все, что извѣстно намъ о жизни Мохаммеда, мы находимъ, что обстоятельства, вызвавшія въ немъ мысль принять на себя званіе посланника Божія, были слѣдующія: онъ происходилъ изъ той богатой и славной фамиліи Гашемитовъ, которая была стражемъ священной Каабы; онъ былъ необыкновенно красивой наружности, выражавшейся въ величественномъ видѣ лица, остромъ пронизательномъ взглядѣ, пріятной улыбкѣ, величавой осанкѣ и походкѣ; онъ обладалъ обширнымъ умомъ, прекрасною памятью, пылкимъ живымъ воображеніемъ и богатымъ даромъ слова; онъ провелъ свою юность то въ дальнихъ странствованіяхъ съ караванами по рынкамъ Аравіи и Сиріи, то среди мирной пастушеской жизни (отъ 21 — 25); онъ имѣлъ мѣсто-пребываніе свое въ такомъ городѣ, какъ Мекка, который былъ центромъ Аравійской торговли и пунктомъ, гдѣ пересѣкались разные торговые пути. Онъ страдалъ наконецъ припадками эпилепсіи, что также не должно быть оставляемо безъ вниманія¹⁾. Хотя обстоятельства эти и не были изъ числа особенно необыкновенныхъ, но при томъ положеніи, какое было нами описано, онѣ значили много. Гдѣ, какъ не вблизи храма, не при видѣ политеистическаго въ немъ служенія, всего скорѣе могла явиться Мохаммеду такая мысль, что бывшая до того времени религія—

¹⁾ Очеркъ жизни и дѣятельности Мохаммеда. Прав. Соб. 1876. Іюль.

неудовлетворительна, что она требует себѣ преобразованія? Когда, какъ не во время далекихъ странствованій, легче всего можно было увидѣть: каково было расположеніе умовъ и есть ли надежда на осуществленіе реформаторской идеи? Что, какъ не пастушеская жизнь, съ ея уединеніемъ и тишиною, съ ея близостию къ природѣ, могло расположить всего болѣе и къ мистицизму и къ мечтательности и къ осуществленію задуманнаго плана? Какой другой городъ какъ не Мекка, съ его многочисленными пиллигримами, съ его богатыми и образованными посѣтителями, могъ быть всего удобнѣе и для того, чтобы самому научиться и чтобы самому начать ученіе? Какія инныя качества, какъ не красота, какъ не умъ и краснорѣчіе могли быть для реформатора болѣе выгодны? А чѣмъ, наконецъ, какъ не эпилепсіей съ ея экзальтаціей, съ ея видѣніями, онъ могъ всего скорѣе какъ самъ обмануться, такъ и другихъ обмануть, что онъ дѣйствительно небесный посланникъ? Таковы были тѣ элементы, подъ вліяніемъ которыхъ сложился и образовался у Мохаммеда и его взглядъ на религію и его мнѣніе о себѣ, какъ о лицѣ призванномъ довершить дѣло религіознаго обновленія. Какъ выступилъ Мохаммедъ на это дѣло, каковы были первые шаги его на реформаторскомъ поприщѣ — о томъ нѣтъ нужды много распространяться. Всякому извѣстно, что въ первый разъ Мохаммедъ высказался въ своемъ домашнемъ кругу, что даже и здѣсь его заявленіе встрѣчено было весьма враждебно, что эта вражда заставила его предпринять бѣгство въ Медину, каковое и принимается за начало Мохаммеданскаго лѣтосчисленія, что, по приобрѣтеніи себѣ тамъ многочисленныхъ послѣдователей, онъ возвратился чрезъ семь лѣтъ, сперва въ качествѣ пиллигрима, а потомъ въ качествѣ завоевателя, въ Мекку, откуда и началъ, при посредствѣ огня и меча, пролагать путь своей религіи. Прежде всѣхъ подпали ея вліянію тѣ Еврейскія и Арабскія племена, которыя населяли Аравію; затѣмъ, при преемникахъ Мохаммеда, раздѣлили ту же участь: Сирія, Персія, Палестина, Египеть и другія части Византійской Монархіи, а наконецъ, по принятіи въ XI вѣкѣ Ислама Турками, и часть Европы, именно несчастный Балканскій

полуостровъ, съ древнейшею столицею Православія Константинополемъ, подпала подъ власть послѣдователей религіи Мохаммеда. Что же, спрашивается теперь, была это за религія и въ какихъ отношеніяхъ стояла она къ той шестью вѣками ранѣе выступившей на всемірное поприще — религіи Христіанской?

III.

Въ чемъ должно было обнаружиться существо новой религіи и каковъ могъ быть характеръ ея — на то достаточно намекали уже какъ тѣ попытки, какія предпринимались въ томъ же родѣ прежде Мохаммеда, такъ особенно обстоятельства, среди которыхъ она появилась. Какъ составлявшая протестъ многобожію и идолопоклонству, она естественно должна была сдѣлаться религіей строгаго единобожія, а какъ созрѣвшая подъ вліяніемъ Іудейскаго Талмудизма съ одной стороны и Христіанскаго Сектаторства — съ другой, она должна была представлять собою смѣсь вѣрованій, которыя, хотя и могли имѣть съ Откровеніемъ много общаго, однакоже должны были носить на себѣ свой особенный отпечатокъ. Таковою дѣйствительно и является она какъ въ признаваемомъ всѣми Мохаммеданами — Алборанѣ, гдѣ собраны изреченія Мохаммеда, такъ и въ признаваемой одними Суннитами — Суннѣ, гдѣ собраны преданія о жизни его. Наряду съ довольно близкимъ къ Откровенію ученіемъ о міротвореніи Вы встрѣчаете здѣсь самыя странныя разсужденія о дѣлахъ творенія въ родѣ тѣхъ, что земной сводъ не имѣетъ ни одной третины, что горы необходимы были для большей устойчивости земной планеты, и что падающія звѣзды суть раскаленные камни, бросаемые ангелами въ Джинновъ, когда тѣ подкрадываются къ небеснымъ чертогамъ¹⁾). Наряду съ ученіемъ о Промысленіи Вошіемъ Вы встрѣчаете такое неограниченное ученіе о предопредѣленіи, которое сильно напоминаетъ вамъ ученіе древнихъ о судьбѣ. Наряду

¹⁾ Руководство къ основному Богословію. Августина: Трактатъ о Мохаммед. религіи стр. 177.

съ ученіемъ о грѣхопаденіи, тоже довольно близкомъ къ библейскому ученію, Вы встрѣчаетесь съ тѣмъ еретическимъ воззрѣніемъ, что грѣхъ человѣка былъ прощенъ ему Богомъ и что всѣ послѣдствія грѣха ограничились однимъ низверженіемъ человѣка изъ небснаго жилища и ощущеніемъ въ немъ голода и холода ¹⁾. Наряду съ ученіемъ объ ангелахъ, какъ существахъ чистыхъ и святыхъ, Вы встрѣчаетесь, во-первыхъ, съ ученіемъ о сотвореніи ихъ изъ тонкой свѣтоносной матеріи, во-вторыхъ — съ ученіемъ о Джиннахъ или такихъ существахъ, которыя занимаютъ средину между человѣкомъ и ангеломъ, живутъ между небомъ и землею, размножаются и стоятъ въ такихъ же къ человѣку отношеніяхъ, какъ и ангелы ²⁾. Наряду съ ученіемъ объ Откровеніи Вы встрѣчаетесь съ ученіемъ о многочисленныхъ пророкахъ и посланникахъ Божиихъ, которые являлись въ каждомъ народѣ, были равны между собой и исповѣдывали одну и ту же вѣру, вѣру въ единого Бога и Исламъ, что составляло, какъ находятъ ученые, не болѣе какъ развитіе ученія древнихъ еретиковъ-Евѣонеевъ ³⁾. Но главное, что особенно отличаетъ Коранъ — это враждебность въ отношеніи къ Христіанству. Причина такой враждебности заключалась уже въ самомъ Мохаммедѣ и была, по словамъ Пальгрэва ⁴⁾, та, что религія Христіанская, какъ обнимавшая уже цѣлыя страны и какъ постоянно привлекавшая къ себѣ все новыхъ и новыхъ послѣдователей, болѣе чѣмъ всякая другая изъ существовавшихъ тогда, могла служить препятствіемъ къ распространенію его собраннаго отовсюду ученія. И вотъ, чтобы положить между своимъ и Христіанскимъ ученіемъ непроходимую грань, чтобы сдѣлать переходъ отъ одного къ другому невозможнымъ, Мохаммедъ придаетъ каждому изъ пунктовъ своего вѣроученія

¹⁾ Братское изложеніе вѣроученія Мохаммеда. Правосл. Соборъ. 1876. Іюль. стр. 244.

²⁾ Тамъ-же. стр. 243.

³⁾ Исторія происхожденія и развитія Мохаммед. ученія о пророкахъ. Прав. Собес. 1874. Май. стр. 31 и 19.

⁴⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874 г. Іюль. стр. 247.

особенно враждебный Христіанству характеръ. Первое, въ чемъ выразилась такая враждебность — это въ сужденіи о священной письменности. Чтобы внушить своимъ послѣдователямъ недовѣріе къ ней, Мохаммедъ объявляетъ, что какъ ветхозавѣтныя, такъ и новозавѣтныя книги Христіанъ — повреждены и что эта-то порча и была причиною, почему Богу угодно было отереть людямъ такого величайшаго посланника какъ онъ, и дать такую совершеннѣйшую ни съ чѣмъ несравнимую книгу, какъ Коранъ ¹⁾. Она есть, такимъ образомъ, по ученію Мохаммеда, послѣднее слово Откровенія. «Слѣдуйте ему одному, говоритъ онъ, и не слѣдуйте многимъ путямъ изъ страха, чтобы не совратиться съ Божьяго ²⁾. Внушивши недовѣріе къ священной письменности, Мохаммедъ переходитъ къ каждой изъ основныхъ истинъ Христіанства въ отдѣльности. Главнѣйшая изъ такихъ истинъ есть, какъ извѣстно, та, что Единный Богъ есть Троиченъ въ Лицахъ (Мѡ. 28, 19). Чтобы предотвратить вліяніе этой истины, Мохаммедъ устраняетъ изъ нея все, что составляетъ въ ней постижимую одну вѣроу тайну и твердо настаиваетъ только на первой половинѣ ея, на томъ, какъ видѣли мы, давно извѣстномъ ученіи, что Богъ есть Единъ. «Нѣтъ другаго Бога кромѣ Бога» ³⁾, вотъ слова, которыя повторялъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ. «Тѣ же, говорилъ онъ, которые придаютъ ему товарищей и говорятъ, что онъ Троиченъ въ Лицахъ — многобожники, они въ числѣ нечестивыхъ» ⁴⁾. Вторая изъ главнѣйшихъ въ Христіанствѣ истинъ есть истина Божества Иисуса Христа. Чтобы предотвратить вліяніе такой истины, Мохаммедъ обращаетъ ее къ себѣ въ служеніе. Онъ объявляетъ, что божественность Иисуса Христа есть вымыселъ христіанскихъ учителей ⁵⁾, что Сынъ Маріинъ есть не болѣе какъ

¹⁾ Коранъ гл. XI ст. 1. 2. 3. и гл. II и III.

²⁾ Коранъ II. 192. XI, 3. IV, 104. LXXII. 8, 55. LXII 10. XXIX, 44.

³⁾ Коранъ V, 65. XX, 2.

⁴⁾ Коранъ V, 65.

⁵⁾ Коранъ гл. IV, 148, 149, 150. Краткое изложеніе ученія Мохаммеда. Прав. Соб. 1876. Іюль.

одинъ изъ тѣхъ посланниковъ, какихъ было нѣсколько, что Онъ хотя и есть высшій изъ нихъ, потому что послѣднй до него, но такой однако, Который ниже его и Который самъ предвозвѣстилъ будто бы его пришествіе. Устранивши отъ послѣдователей своихъ прославленіе приснопокланяемой Троицы, Мохаммедъ затмилъ тѣмъ для нихъ въ Божествѣ одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ Его. На мѣсто той безконечной любви Бога въ міру, которая проявилась въ Христіанствѣ, по удачному выраженію одного православнаго богослова¹⁾, въ Лицѣ Бога Отца, какъ Любовь распинающая, въ Лицѣ Бога Сына — какъ распинаемая, а въ Лицѣ Бога Духа Святаго какъ торжествующая Силою Крестною, первое и главное, что выступило, по корану, въ Божествѣ — это самолюбіе, строгость и истительность. Какъ являющееся единимъ всепоглощающимъ двигателемъ всего, Оно не усваиваетъ міру ни малѣйшей самодѣтельности. Отъ великаго до малаго, отъ ангела—до камня—все есть не болѣе какъ слѣпое пассивное Его орудіе — лишенное всякой разумной свободы. Здѣсь нѣтъ поэтому мѣста никакой нравственной предъ Богомъ отвѣтственности. Совершаетъ ли человекъ чтонибудь доброе — это дѣло одного Бога, совершаетъ ли злое — это опять дѣло Его же. «Богъ заблуждаетъ, говоритъ Мохаммедъ, кого хочетъ и направляетъ кого хочетъ»²⁾. Здѣсь нѣтъ, поэтому, мѣста ни самоусовершенствованію себя, ни нравственнымъ подвигамъ. Зачѣмъ работать надъ собою, зачѣмъ жертвовать собою — когда все будетъ такъ, какъ предопредѣлено свыше и когда ничто не въ состояніи измѣнить такого предопредѣленія. «Нѣтъ ничего тайнаго, говоритъ Мохаммедъ, на небесахъ и на землѣ, что не было бы записано въ явной книгѣ предвѣчныхъ предопредѣленій Бога»³⁾. Здѣсь же находятъ мусульманинъ и всевозможныя оправданія для своихъ проступковъ. Являются ли неудачи въ дѣлахъ государственныхъ, открываются ли упущенія въ дѣятельности

¹⁾ Сочиненія Филар. Митр. Московск. Т. I. стр. 90.

²⁾ Коранъ гл. XIV. ст. 3. XXX ст. -8.

³⁾ Коранъ гл. XXVII, ст. 31.

общественной — на всё есть всегдашнее и обычное извинение — это слово судьба, которое не сходитъ почти съ устъ Мусульманина. Вслѣдствіе такого ученія о Божествѣ, Мохаммедъ хотя и указываетъ на мздовоздаяніе въ жизни загробной, хотя и дѣлаетъ различіе между раемъ и адомъ, но это различіе выходитъ у него только фиктивное. Такъ какъ единственный поступокъ, за который будетъ Мусульманинъ, по Корану, отвѣтствененъ есть умаленіе самодержавія Божества, а такой поступокъ почти невозможенъ, то въ сущности адъ назначается для однихъ неправовѣрующихъ. Что же касается правовѣрующихъ Мусульманъ, то они всё наслаждаться будутъ сладостями райа¹⁾. Описывая эти сладости, Мохаммедъ опять сдѣлалъ всё возможное, чтобы противостать въ этомъ пунктѣ ученію Христіанскому. Въ противоположность тѣмъ чистымъ духовнымъ радостямъ, которыя составляютъ по ученію Христіанства: блаженное созерцаніе Божества Іоан. 17, 21, полнота вѣденія, I Кор. 12, 13, совершенство любви I Кор. 13, 8, онъ такими чувственными, такими оскорбляющими нравственное чувство красками описываетъ состояніе райское, о которыхъ и говорить даже не вполнѣ удобно²⁾.

Всё, что указано въ Мохаммеданствѣ по отношенію къ основнымъ истинамъ, имѣетъ полное приложеніе и ко всѣмъ остальнымъ пунктамъ Христіанскаго вѣроученія и притомъ не только догматическимъ, но и обрядовымъ. Такъ, чтобы внушить недоувѣріе къ величайшему въ Христіанствѣ Таинству Евхаристіи, Мохаммедъ, по свидѣтельству Пальгрэва,³⁾ изгналъ изъ употребленія самое вино. Чтобы ослабить значеніе христіанскаго брака, гдѣ союзъ мужа и жены объявленъ какъ союзъ неразрывный, священный, служащій образомъ союза Христа съ Своею Церковію, онъ отрицаетъ въ женшилѣ даже единство ея природы съ мужчиною, устраняетъ ее отъ участія въ общественныхъ молитвахъ, допускаетъ многоженство, потвор-

¹⁾ Коранъ гл. VI, 71. гл. IV ст. 59 и 60.

²⁾ Коранъ гл. IV, 67.

³⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874. Июль, стр. 256.

ствуется свободному сожителству ¹⁾ и въ высшей степени облегчается разводы ²⁾. Здѣсь нѣтъ, поэтому, мѣста ни для правильного воспитанія дѣтей, ни для тихихъ семейныхъ радостей. Рабство женщины, постоянная зависть однихъ женщинъ въ отношеніи къ другимъ, постоянная вражда однихъ дѣтей съ другими—вотъ тѣ свойства, какія отличаютъ каждую мусульманскую семью. Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же противодѣйствіемъ Христіанству, нужно объяснить и то, почему Мохаммедъ такъ сильно вооружается противъ живописи, музыки, скульптуры, колоколовъ и вообще всего, что содѣйствуетъ украшенію и благолѣпію храмовъ. Онъ зналъ, какое богатое содержаніе даетъ Христіанство всѣмъ этимъ искусствамъ и потому хотѣлъ лучше совершенно ими пожертвовать, чѣмъ подвергнуть своихъ послѣдователей вліянію Христіанства. Здѣсь причина тѣхъ нелѣпостей, какими старается объяснить онъ нѣкоторыя изъ своихъ запрещеній. Такъ, воспрещеніе колоколовъ объясняется у него тѣмъ, что ихъ звуками нарушается будто-бы сонъ Ангеловъ ³⁾. Недовольствуясь такимъ косвеннымъ противодѣйствіемъ Христіанству, Мохаммедъ принялъ противъ него и мѣры болѣе положительныя. Чтобы не дать своимъ послѣдователямъ ни одной минуты на отвлеченіе отъ его ученія, онъ обставилъ жизнь ихъ такъ, что дѣйствительно нѣтъ минуты, которая не напоминала бы о немъ въ томъ или другомъ видѣ. Однимъ изъ главныхъ средствъ для такой цѣли избрана имъ была молитва. Помимо молитвъ общественныхъ, совершающихся пять разъ въ сутки, именно: поутру, въ полдень, послѣ полдня, вечеромъ и ночью, онъ предписалъ свои особенныя молитвы для каждаго часа ⁴⁾. При посредствѣ этихъ-то общественныхъ и частныхъ молитвъ онъ и старался какъ можно больше обособить своихъ послѣдователей. Онъ внушаетъ въ нихъ, что Мохаммедане составляютъ народъ избранный и просвѣщенный самимъ Богомъ, что

¹⁾ Коранъ гл. IV, 1—44.

²⁾ Коранъ гл. II, ст. 121, 125.

³⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. Іюль 1874, 257.

⁴⁾ Тамъ же стр. 248.

вѣроученіе ихъ совершенно, несравнимо и несомнѣнно ни съ однимъ изъ прочихъ заблуждаемыхъ. Та же цѣль имѣлась въ виду и тѣми предписаніями, какія даны были какъ относительно времени недѣльнаго праздника, такъ и относительно соединенныхъ съ молитвами омовеній. Устанавливая праздничнымъ днемъ недѣли не Воскресенье, какъ чтили Христіане, и не субботу, какъ чтили іудеи, а пятницу, Мохаммедъ имѣлъ очевидно въ виду, чтобы праздникъ имъ установленное какъ можно болѣе отдѣлялось отъ праздника Христіанскаго и іудейскаго. Предписывая предъ молитвами омовенія, онъ имѣлъ очевидно въ виду не столько чистоту тѣла, сколько то, чтобы возвысить свою молитву надъ молитвами другихъ религій¹⁾. Не безъ причины, наконецъ, даны были Мохаммедомъ воспрещенія относительно молитвы въ первые часы по восходѣ солнца и въ часы предшествующіе его захожденію. Очевидно, что не рога сатаны, видныя будто бы въ это время на горизонтѣ, какъ объяснялъ онъ, были дѣйствительнымъ побужденіемъ къ такому запрещенію, а единственно только то, чтобы часы молитвы мусульманской не совпадали съ часами молитвы Христіанской²⁾. Выдѣливъ, насколько можно было, своихъ послѣдователей при посредствѣ молитвы, Мохаммедъ постарался о томъ же выдѣленіи и чрезъ другой предписываемый имъ подвигъ, именно: постъ. Это ясно высказывается какъ въ исторіи установленія поста, такъ и въ характерѣ его. Устанавливая, по примѣру іудеевъ и Христіанъ, для послѣдователей своихъ постъ, Мохаммедъ долго не зналъ, какое бы придать ему значеніе. Первоначально, когда жила еще въ немъ надежда на принятіе ислама іудеями, онъ рѣшилъ, что въ отношеніи къ посту будетъ держаться іудейскихъ постановленій. «Лучше я буду съ Моисеемъ, говорилъ онъ по прибытіи своемъ въ Медину, чѣмъ съ курейшитами», и установилъ іудейскій постъ Гашура.³⁾ Но вотъ надежда на іудеевъ не оправдалась и онъ попробовалъ ту же по-

¹⁾ Коранъ гл. IV, ст. 52 и 53.

²⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874. Июль. 257

³⁾ Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammad. В. III. S. 53.

литягу въ примѣненіи къ Христіанамъ. Объявивъ постъ Гашури необязательнымъ, онъ цѣлые два года, именно 623 и 624, предписывалъ такой же сорокадневный постъ, какой имѣли Христіане предъ Пасхой¹⁾. Но когда и эти надежды не оправдались, Мохаммедъ началъ мало по малу выдѣлять постъ свой отъ поста Христіанскаго. Прежде всего онъ сократилъ его на 10 дней, такъ что, вмѣсто сорокадневнаго, онъ сдѣлался тридцатидневнымъ. Затѣмъ, чтобы отдѣлить его еще болѣе, онъ навсегда соединилъ его съ мѣсяцемъ Рамазаномъ, что, при Мохаммеданскомъ раздѣленіи года на лунные мѣсяцы, отдѣлило Мохаммеданскій постъ отъ Христіанскаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, онъ придалъ ему и свое собственное значеніе. Онъ объявилъ, что причина этого поста не иная какъ ниспосланіе съ неба Корана. Такова постепенность съ какою выдѣлялся постъ Мохаммеданскій отъ поста Христіанскаго²⁾. Но главное, чѣмъ особенно Мохаммедъ выдѣлялъ свой постъ — это характеромъ. Въ противоположность посту Христіанскому, который понимается какъ воздержаніе непрерывное и притомъ не только въ отношеніи къ тѣлу, но и въ отношеніи къ духу, постъ Мохаммеда имѣетъ силу только въ теченіи дня, отъ утренней зари до ночи, а въ теченіи послѣдней постящемуся разрѣшается всё, чего бы ни пожелалъ онъ, не исключая и удовлетворенія чувственныхъ страстей³⁾. Нельзя, наконецъ, не видѣть что и третій предписываемый Мохаммедомъ подвигъ, именно: милостыня, носить тоже чуждый Христіанству характеръ. Вопреки заповѣди Спасителя, внушающей любить самихъ враговъ, благотворить ненавидящимъ насъ Мѡ. 544, Мохаммедъ допускаетъ законъ мести, ограничиваетъ благотворительность одними единовѣрцами и главнымъ образомъ тѣми, которые сражаются за исламъ⁴⁾. Какъ ни узокъ былъ такой взглядъ на благотворительность, но, впоследствии времени, онъ суженъ

¹⁾ Тамъ же. С. 55.

²⁾ Мохаммеданскій Постъ Рамазанъ. Прав. Собесѣд. 1875. Июль.

³⁾ Коранъ гл. II. ст. 99 и 100.

⁴⁾ Коранъ гл. II. 150.

былъ еще болѣе. Чтобы освободиться сколько возможно и отъ этой, предписанной въ отношеніи къ елиновѣрцамъ, милостыни, Мохаммедане, по свидѣтельству Маракчи¹⁾, стали разсматривать какъ милостыни всѣ тѣ налоги и подати, какія взимаются въ казну государства. Здѣсь вѣроятно и можетъ находить для себя нѣкоторое объясненіе то странное явленіе, почему, несмотря на законы о милостыни, нигдѣ такъ не развито нищенство какъ въ странахъ Мохаммеданскихъ. Вершиной всѣхъ подвиговъ считается, по ученію Мохаммеда, путешествіе въ Мекку на поклоненіе священной Каабѣ. Хотя предписаніе это и было внушено Мохаммеду древнимъ обычаемъ, но, придавая ему такую силу, Мохаммедъ имѣлъ очевидно въ виду и нѣчто большее. Онъ имѣлъ тѣмъ въ виду, чтобы Мусульманскіе народы, группируясь вокругъ своего святилища, не забывали о своихъ другъ къ другу обязанностяхъ и еще больше выносили отсюда убѣжденіе, что они одни возвеличены надъ всѣми народами. Есть и еще у Мохаммеданъ нѣкоторые обряды какъ то: обрѣзаніе, закланіе Агнца въ праздникъ Курбана, но, какъ составляющіе прямое заимствованіе или изъ іудейства или изъ язычества, они не представляютъ собою ничего особеннаго и даже у самыхъ Мохаммеданъ не пользуются особеннымъ значеніемъ.

Когда, такимъ образомъ, не только внутренняя но и внѣшняя жизнь мусульманъ была достаточно обособлена, оставалось позаботиться о томъ только, чтобы устранить все, что могло такъ или иначе только неблагопріятно повліять на нее. Здѣсь первое, что обратило вниманіе Мохаммеда — это взаимная обидчивость. Усматривая въ ней одно изъ тѣхъ орудій, при посредствѣ которыхъ легко зарождаются и сомнѣнія и колебанія, онъ всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы какъ можно болѣе ограничить ее. Для этой цѣли онъ запрещаетъ, по свидѣтельству Пальгрэва²⁾, общественныя удовольствія, забавы, прокликаетъ вся-

¹⁾ Смотри статью: Краткое изложеніе ученія Мохаммеда. Прав. Соб. 1876 г. Іюль. стр. 249.

²⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874 г. Іюль. стр. 252.

кія общественныя развлеченія и осуждаетъ даже всѣ тѣ общественныя бесѣды, которыя имѣють предметомъ не Бога. Еще болѣе, чѣмъ общительность, опасными Мохаммеду казались всѣ тѣ предприятия, которыя ставили его послѣдователей въ отношенія съ людьми иныхъ вѣрованій. Здѣсь причина, почему назвалъ онъ невѣрнымъ всякаго, кто два раза предпринималъ морское плаваніе¹⁾. Здѣсь же причина, почему онъ не особенно дружелюбно относился къ торговли и вообще ко всякой коммерческой предприимчивости. А вотъ, наконецъ, мѣста Корана, гдѣ уже не косвенно, а прямо высказывается затаенная противъ Іудеевъ и Христіанъ ненависть. «О вѣрующіе! взываетъ Мохаммедъ, не избирайте друзьями жидовъ и Христіанъ. Они друзья одни другимъ. Тотъ, кто принимаетъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ²⁾». Недовольствуясь предостереженіемъ касательно дружбы, Онъ объявилъ всѣмъ не Мохаммеданамъ постоянную и ожесточенную войну. Къ этой священной войнѣ имъ призываются всѣ безъ различія пола и возраста. Одинъ долженъ жертвовать личнымъ участіемъ, другой — денежными пособіями, третій — совѣтомъ. Онъ разрѣшаетъ даже сыну быть предателемъ своего отца, если послѣдній окажется не Мохаммеданиномъ³⁾. Что касается самой войны, то вотъ какія наставленія даетъ онъ своимъ послѣдователямъ. «О вѣрующіе, говоритъ Онъ, когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ вездѣ, чтобы сдѣлать изъ того большую рѣзню, покуда они не сдѣлаются мусульманами. Испушенія невѣрныхъ хуже чѣмъ военная сѣча. Составляйте союзы только между собою, невѣрные не преминутъ развратить васъ. Не призывайте невѣрныхъ къ миру; не избирайте друзьями жидовъ и Христіанъ. Сражайтесь съ ними покуда не будете страшиться испушенія и поклоненіе будетъ

¹⁾ Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Собесѣд. 1874 г. Июль. стр. 257.

²⁾ Коранъ III, 65. V, 56.

³⁾ См. «Основныя начала Мусульманскаго Закона» въ книгѣ Гиргаса: права Христіанъ по Мусульманскимъ законамъ. 1865. стр. 8.

только Единому Мохаммеданскому Богу. Сражайтесь за Исламъ — религію Бога и Онъ осыпетъ васъ благодѣяніями; вы будете счастливы. А убиваете ихъ не вы а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, а Богъ»¹⁾. Такова, въ общихъ чертахъ, религія Мохаммеданская въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи Христіанской. Уже эти одни указаннныя нами религіозныя особенности Мохаммеданства достаточно должны, по нашему мнѣнію, указывать, на сколько могутъ благоденствовать страны, гдѣ господствуетъ такая религія; но мы не должны при этомъ еще и то забывать, что Мохаммедъ выдавалъ себя не за одного пророка, но вмѣстѣ и за законодателя, а потому и Коранъ его не есть кодексъ однихъ религіозныхъ вѣрованій, а есть вмѣстѣ и кодексъ постановленій гражданскихъ. Вся та, слѣдовательно, ненависть, какою пропитано Мохаммеданство къ Христіанству, необходимо отражаться должна и на остальныхъ сферахъ жизни государственной. Каковы могутъ быть плоды такого отраженія, — о томъ можно бы сказать многое, но какъ это не входитъ въ предѣлы нашей и безъ того довольно широкой задачи, то здѣсь я и долженъ окончить мои сообщенія.

¹⁾ Коранъ II. 10. VII. 14.

Приведенное изложеніе ученія о войнѣ сгруппировано какъ изъ двухъ указанныхъ выше мѣстъ, такъ изъ множества другихъ, разбѣянныхъ по всему Корану. Смотри. «Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву». Правосл. Собес. 1874. Іюль. стр. 251.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ сочиненіи В. Палаузова «къ вопросу о формѣ участія
народнаго элемента въ уголовной юстиціи».

Стр.	Строка	Напечатано :	Слѣдуетъ :	
187	предисл. 3	сверху	западноеврейскою	западноевропейскою
»	» 6	снизу	мѣнее	меньше
188	» 1	сверху	представляетъ	представляетъ
»	» 15	»	изъ	изъ
188	» 18	»	шеенгерихт	шеенгерихта
191	7	»	спора	спора,
192	27	»	называемый	называемую
»	1	снизу	судью или къ	судью къ
194	2	сверху	субсумцій	субсумціи
196	12	снизу	И такъ	Итакъ
»	18	»	абстрактнаго правоваго	абстрактнаго, правоваго
197	14	сверху	присяжные	присяжные
»	17	»	Франціи	Франціи,
198	18	»	требовать	требуетъ
»	7	снизу	относить напр.,	относить, напр.,
»	4 и 5	»	квалификація	квалификацію
199	2	сверху	впрочемъ	впрочемъ,
201	6	снизу	судомъ,	судомъ;
201	11	»	положенія получившія научную и законную санкцію	положенія, получившія научную и законную санкцію,
205	10	сверху	По этому же	Поэтому же
»	8	снизу	и слѣдовательно по- слѣдствіяхъ	и, слѣдовательно, по- слѣдствіяхъ
213	6	сверху	Ошибочно	Ошибочно
223	18	»	орргнизацію	организацию
»	19	»	исключительно	исключительно
»	7	снизу	вниманіе	вниманіе
224	17	сверху	будучи	будучи
225	13	снизу	наказанію	наказанію
228	4	сверху	мінімума	минимума
232	4	снизу	мѣнѣе	меньше
260	5	сверху	механическое	механическое

Стр.	Строка.	Напечатано :	Слѣдуетъ :	
261	17	сверху	уже	еще
265	8	»	химикоми	химикомъ
»	11	»	не специалистъ	неспециалистъ
268	7	»	ѣк	къ
271	во 2 прим. 2		ѡбхъ	обѡихъ
275.	6	сверху	шаѣеиновъ	шеѣеиновъ
»	10	»	демакратионную	демаркатионную
»	2	снизу	дилемы	делемы
289	9	сверху	коментаріемъ	комментаріемъ
294	4	снизу	конкурирующаго	конкуррирующаго
295	2	сверху	конкурировать	конкуррировать
301	16	»	соціальной государст- венной	соціальной. государст- венной
303	1	»	И такъ	Итакъ
»	6	»	институтъ	институтъ,
304	6	»	частями вначалѣ неоп- редѣленныя, неустойчи- выя становятся	частями, вначалѣ неоп- редѣленныя неустойчи- выя, становятся
307	21	»	дѣлахъ какъ на мнимо	дѣлахъ, какъ на мнимо
308	4	сверху	торжественности,	торжественности
310	8	»	olenchi	elenchi
314	13	»	defactō	de facto
315	12	»	по этому	поэтому
317	15	»	осудя	судя
321	12	»	ни больше	ни больше,
»	16	»	коронный судъ	коронный судъ,
336	17	»	зависило	зависѣло
337	15 и 16	»	засвидѣтельствовать	засвидѣтельствовать
338	10	»	acquiritatis	aequiritatis
343	1	»	институуъ	институтъ
348	17	»	Kressii	Kressii
353	17	»	также	такъ же
355	13	снизу	дифференцированными	дифференцированными
357	15	»	представленную	предоставленную

ТОМЪ XV. Содержаніе: 1) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 1873/74 академическомъ году.—2) Историческій очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 30-го августа 1874 года профессоромъ *В. Липинымъ*.—3) Къ вопросу объ инверсіи дыхательныхъ движеній. *П. Спиро*.—4) Кинематика. Часть I. Чистая кинематика. *В. Липина*.

ТОМЪ XVI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 20 сентября по 23 декабря 1874 г. 2) Значеніе византийскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи. *Ө. Успенскаю*.—3) Отзывъ о сочиненіи г. Дювернуа: «основная форма корреляльнаго обязательства», составленный профессоромъ *П. Циновичемъ*.—4) Отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ въ 1874 году въ губерніяхъ саратовской и самарской. *И. Ситцова*.—5) Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *М. Шпилевскаю*.—6) Замѣчанія на программу изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіемъ. *А. Павлова*.—7) Объ изданіи «Извѣстій» Императорскаго русскаго географическаго общества.

ТОМЪ XVII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 25-го января по 12-е мая 1875 г. 2) Краткій отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 1874/75 академическомъ году.—3) Личный составъ служащихъ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ.—4) Обзорніе преподаванія предметовъ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ въ 1873/76 академическомъ году.—5) Къ вопросу объ ассимиляціи. *А. Волкова*.—6) Нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи развитія предостереженій паротниковъ. *А. Шельтима*.—7) Опытъ понятія военной контрабанды. *Князя М. Кантакузина—Графа Сперанскаю*.

ТОМЪ XVIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 19 августа по 18 декабря 1875 г. 2) О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ новорос. унив. 30 августа 1875 года орд. проф. *Я. Я. Вальцелмъ*. 3) О кожно-мышечныхъ рефlekсахъ. *П. Спиро*. 4) Способъ вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *А. Кононовичи*. 5) Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Н. Головкинскаю*. 6) Вліяніе тепла на растенія. *А. Шельтима*. 7) Отчетъ о занятіяхъ за границей съ 1-го марта по 1-е сентября. *А. Кондакова*. 8) Прибавленіе къ статьѣ «о кожно-мышечныхъ рефlekсахъ». *П. Спиро* 9) Отчетъ о занятіяхъ за границей славянскими нарѣчіями, съ 1 августа 1874 г. по 1 февраля 1875 г. *А. Кочубинскаю*.

ТОМЪ XIX. Содержаніе: Протоколы засѣданій совѣта съ 19-го января по 29-е мая 1876 года. 2) Докладъ комиссіи, назначенной совѣтомъ по вопросу о перенесеніи библіотеки. 3) Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ (Продолженіе). *А. Кононовичи*. 4) Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Е. Клименко*. 5) Вопросъ о кодификаціи международнаго права. *Князя Кантакузина—Графа Сперанскаю*. 6) О такъ называемыхъ «Гомеровскихъ песняхъ». *Л. Ф. Воеводскаю*. 7) Приложеніе теоріи функций. *Б. Карстелова*.

Редакціи періодическихъ изданій могутъ получать Записки Императорскаго Новороссійскаго университета въ обмѣнъ на свои изданія. Заявленія объ этомъ сообщаются въ канцелярію университета.

118

LSoc 3985.151

11

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОГО

НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТУС	КОЛЛЕКЦИИ
ДАТА:	10 ЮЛЬ 89
71 ШКАФ	КОЛЛЕКЦИЯ
№ 16927	№ 1

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. С. П. Яроженко.

ОДЕССА.

ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 8.
1877.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
31 JAN 1968

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ имѣются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{72/73} академическомъ году. — 3) Братья-Подобой и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. *А. Кочубинскаго*. — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *В. Лигина*. — 5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 6-го сентября по 5-е декабря 1873 г.). — 2) Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября). — 3) Памятникъ гарпій изъ Ксаноса въ Ликии. Опытъ исторической характеристики. *Н. Кондакова*. — 4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы. *В. Лигина*.

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 4-го января по 2-е марта 1874 г. — Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ. Доцента *А. Кочубинскаго*. (Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 2) Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе къ 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 3) Федонъ, разговоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д. Лебедева*. — 4) Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патриаршей) библиотекѣ. *А. Павлова*.

ТОМЪ XIV. Содержаніе: 1) Каталогъ дублетовъ библіотеки новороссійскаго университета (Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года). — 2) Вступительная лекція по православному богословію, проф. *А. Кудрявцева*. 3) Анализъ Платонова діалога «Федонъ». Доцента *Лебедева*. — 4) Материалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи. Доцента *М. Шмелевскаго*.

ТОМЪ XV. Содержаніе: 1) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{73/74} академическомъ году. — 2) Историческій очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 30-го августа 1874 года профессоромъ *В. Лигинымъ*. — 3) Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *П. Спиро*. — 4) Кинематика. Часть I. Чистая кинематика. *В. Лигина*.

ТОМЪ XVI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 20 сентября по 23 декабря 1874 г. 2) Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи. *Ө. Успенскаго*. — 3) Отзывъ о сочиненіи г. Дювернуа: «основная форма корреляльнаго обязательства», составленный профессоромъ *П. Цитовичемъ*. — 4) Отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ въ 1874 году въ губерніяхъ саратовской и самарской. *И. Синцова*. — 5) Помѣщическое право, какъ самостоятельная

5 1939

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

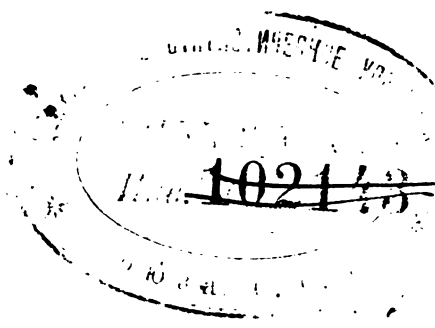
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

н 6162

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТУСНОГО	КОМПЛЕКТА
МИНИСТР.	10 ИЮЛЬ-89 СНАТ. А
ШКАФЪ: 96	КОМ. 4.
№ 16927	№ 1

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. С. П. Ярошенко

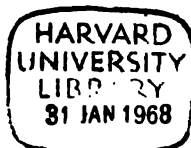
ОДЕССА.

ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.

1877.

△
L Soc 3985.151 (21-22)

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета *Θ. Леонтович.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Протоколы засѣданій совѣта съ 18-го августа по 7-е октября 1876 года.	98—167

II. Часть ученая.

Н. Бондаковъ. Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей . . .	1—276
Н. Бондаковъ. Отчетъ о занятіяхъ заграницей съ 1-го марта по 1-е августа 1876 г.	277—286

III. Приложение.

Index seminum anno 1876 collectarum quae hortus botanicus universitatis Novae Rossiae mutuo commutanda offert.	1—26
--	------

I. Часть официальная.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНИЙ СОВѢТА

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Засѣданіе 18 августа 1876 г.

Присутствовали 13 членовъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

1. Отъ 27 мая за № 3660 о порученіи профессору Бруну преподаванія всеобщей исторіи въ новороссійскомъ университетѣ и въ 1876-77 учебномъ году въ качествѣ сторонняго преподавателя. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

2. Отъ 11 іюня за № 4166 съ копіею рѣшенія совѣта министра народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержания: совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, въ засѣданіи 31 мая 1876 г., слушали (ст. II): Дѣло по возбужденнымъ бывшимъ профессоромъ новороссійскаго университета Яги-емъ, одобреннымъ совѣтомъ сего университета предположеніямъ: 1) о включеніи сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ въ число вспомогательныхъ предметовъ при испытаніи на степень магистра и доктора греческой, римской и славянской филологіи, а также на званіе учите-

ля древнихъ языковъ гимназій; и 2) о включеніи, на томъ же основаніи, церковно-славянскаго языка въ программу испытанія по сравнительному языковѣдѣнію.

Совѣтъ министра, по обсужденіи отзывовъ по настоящему дѣлу совѣтовъ университетовъ: московскаго, с.-петербургскаго, харьковскаго, казанскаго и св. Владимира, а также мнѣнія состоящаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія ученаго комитета, хотя и признавалъ важное значеніе сравнительной грамматики въ кругу филологическихъ знаній, тѣмъ не менѣе не нашелъ въ настоящее время возможнымъ включить ее, какъ отдѣльный предметъ, въ программу испытаній на степень магистра древней славянской филологіи и на званіе учителя гимназій, въ виду главнымъ образомъ того, что въ большинствѣ нашихъ университетовъ катедра сравнительнаго языковѣдѣнія остается и до настоящаго времени незамѣщенной и слѣдовательно не будетъ и особаго экзаменатора этого предмета. Что касается втораго предложенія профессора Ягича, то имѣя въ виду: а) что коль скоро классическіе языки поставлены отдѣльно въ программѣ испытанія по сравнительному языковѣдѣнію, то не представляется достаточнаго основанія исключать, какъ нѣчто неравноправное, церковно-славянскій языкъ; и б) что отъ русскаго ученаго, занимающагося сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, ожидается и можетъ быть требуемо большее вниманіе къ славистикѣ, чѣмъ отъ ученыхъ другихъ странъ, занимающихся тѣмъ же предметомъ, — совѣтъ призналъ полезнымъ включить церковно-славянскій языкъ въ число вспомогательныхъ предметовъ при испытаніи на степень магистра по сравнительному языкознанію, съ тѣмъ однако, чтобы мѣра эта введена была въ дѣйствіе не ранѣе начала 1877—78 учебнаго года. Определено: заклю-

ченіе совѣта министра сообщить для предложенія въ исполненію совѣтамъ университетовъ: попечителю одесскаго учебнаго округа—по обоимъ вышеприведеннымъ вопросамъ, а попечителямъ учебныхъ округовъ: с.-петербургскаго, московскаго, казанскаго, харьковскаго и нѣвскаго — по второму изъ сихъ вопросовъ.—*Опредѣлили*: принять къ руководству и увѣдомить историко-филологическій факультетъ.

3. Отъ 14 іюня за № 4320 о невозможности удовлетворить ходатайству совѣта о допущеніи къ переезамеиовкѣ по гражданскому праву нѣкоторыхъ студентовъ IV курса, за силою § 56 правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей новороссійскаго университета.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

4. Отношеніе канцеляріи г. попечителя одесскаго учебнаго округа, при коемъ препровождена копія предложенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю округа, отъ 3 іюня за № 6529, слѣдующаго содержанія: «вслѣдствіе представленія вашего превосходительства о передачѣ, вмѣсто продажи, двухъ участковъ земли, приобрѣтенной въ 1871 году новороссійскимъ университетомъ отъ г. Вербицкаго, обществу сельскаго хозяйства южной Россіи, имѣю честь, по порученію г. министра, увѣдомить васъ, милостивый государь, что г. министръ затруждается въ настоящее время изъяснить на сіе свое согласіе и призналъ необходимымъ приостановиться этимъ дѣломъ впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи медицинскаго факультета при новороссійскомъ университетѣ». *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и увѣдомить физико-математическій факультетъ.

5. Отношеніе той же канцеляріи съ копіею предложенія г. министра за № 6769 о невозможности, по неимѣнію свободныхъ суммъ, удовлетворить ходатайству совѣта объ оставленіи кандидата Бородина стипендіатомъ при университетѣ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и сообщить въ физико-математическій факультетъ.

7. Представленіе правленія университета о назначеніи комисіи изъ гг. преподавателей для провѣрки всѣхъ газометровъ, находящихся въ зданіяхъ университета. *Опредѣлили*: составить комиссію изъ гг. профессоровъ Лигина, Абашева, Шведова, Вериги и доцента Петріева и просить приступить немедленно къ повѣркѣ, подъ предѣдательствомъ проф. Абашева.

8. Докладную записку профессора Григоровича: «съ глубокою признательностію за незаслуженное рѣшеніе совѣта университета, почтительнѣйше имѣю честь доложить, что поданное мною прошеніе объ увольненіи отъ должности профессора было внушено сознаниемъ невозможности быть полезнымъ университету своею педагогическою дѣятельностію. Въ несчастію, испытывая приливы крови къ головѣ, я вынужденъ дѣлать упущенія по службѣ, которыя имѣли уже вредное вліяніе и на частныя мои занятія. Съ искреннимъ сожалѣніемъ о томъ, что не могу оправдать великодушнаго отзыва совѣта и принявъ его какъ знакъ челоуѣколюбиваго поощренія своего подчиненнаго, осмѣливаюсь питать надежду, что Императорскій новороссійскій университетъ, уволивъ меня также милостиво какъ уволилъ меня Императорскій казанскій университетъ, при условіи посильно трудиться—не лишитъ меня покровительства правительства, въ которомъ по роду своихъ трудовъ нуждаюсь. *Опредѣлили*: дать ходъ прошенію профессора Григоровича объ отставкѣ.

9. Представленіе историко-филологическаго факультета о томъ, что изъ драматическихъ произведеній, представленныхъ на соисканіе преміи И. Г. Вучины, ни одно не найдено факультетомъ достойнымъ означенной преміи. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и внести въ отчетъ.

10. Представленіе того же факультета объ удостоеніи автора сочиненія «Константинъ Великій и его отношеніе къ христіанской церкви» съ девизомъ «scribitur non ad laudandum, sed ad investigandum» награды золотой медалью.

По выслушаніи рецензіи проф. Войтковскаго объ этомъ сочиненіи, совѣтъ согласился съ мнѣніемъ факультета, а по вскрытіи пакета съ именемъ автора оказалось, что сочиненіе написано студентомъ IV курса историко-филологическаго факультета Басюловымъ Гавріиломъ. *Опредѣлили*: удостоить г. Басюлова награды золотой медалью.

11. Представленіе того же факультета о порученіи чтеній въ текущемъ учебномъ году профессору Смирнову 2-хъ лекцій въ недѣлю по всеобщій исторіи и профессору Юргевичу также 2-хъ лекцій въ недѣлю по греческой словесности съ соответствующимъ вознагражденіемъ. *Опредѣлили*: утвердить.

12. Представленіе физико-математическаго факультета о томъ, что онъ находитъ возможнымъ назначить для чтенія богословія студентамъ I и II курсовъ физико-математическаго факультета часы отъ 10 до 11 по понедѣльникамъ и вторникамъ; при чемъ факультетъ ходатайствуетъ объ измѣненіи, вслѣдствіе этого, въ распредѣленіи лекцій профессора Вальца и доцента Блименко. *Опредѣлили*: утвердить и сообщить профессору Бударяцеву.

13. Представленіе того же факультета: «физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 16-го сего августа,

слушалъ предложеніе профессора Вальца о порученіи преподаванія физиологіи въ настоящемъ учебномъ году одному изъ преподавателей по кафедрѣ зоологіи, преимущественно доценту Бернштейну. Послѣ преній, возникшихъ по поводу этого предложенія, предсѣдателемъ былъ предложенъ для голосованія вопросъ: находятъ-ли факультетъ возможнымъ отложить преподаваніе физиологіи въ настоящемъ году, безъ ущерба для всего хода преподаванія предмета, или нѣтъ. Большинствомъ восьми голосовъ противъ четырехъ определено: отложить преподаваніе физиологіи въ настоящемъ году. Объ этомъ своемъ постановленіи факультетъ имѣетъ честь донести совѣту. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію

15. Представленіе того же факультета: «Физико-математическій факультетъ, вслѣдствіе предложенія астронома-наблюдателя Блока и своего постановленія, состоявшагося въ засѣданіи 16 текущаго августа, честь имѣетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о возможно скоромъ рѣшеніи вопроса о преподаваніи физической части физической географіи въ наступившемъ учебномъ году».

При этомъ доложено, что по представленію факультета заслушанному въ засѣданіи совѣта 22 апрѣля сего года (ст. 15), о порученіи преподаванія въ текущемъ учебномъ году физической географіи астроному-наблюдателю Блоку и геологической профессору Головкинскому съ установленнымъ вознагражденіемъ и по выслушаніи доложенной секретаремъ совѣта справки: 1) о томъ, что г. Блоку, сверхъ его обязанностей какъ астронома-наблюдателя, поручено уже чтеніе лекцій практической астрономіи и теоріи вѣроятностей съ установленнымъ вознагражденіемъ и 2) § 84 унив. устава, совѣтъ университета постановилъ разсмотрѣніе настоящаго представленія отложить.

— 99 —

За симъ, большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ совѣта противъ двухъ (гг. Ковалевскаго и Вальца). *Опредѣлили*: возвратить въ факультетъ представленіе, указавъ на 84 § уст.

16. Представленіе юридическаго факультета съ провозженіемъ одобренной имъ къ произнесенію на торжественномъ актѣ и напечатанію рѣчи профессора Патлаевскаго «о подоходныхъ налогахъ». *Опредѣлили*: утвердить.

17. Представленіе того же факультета о разрѣшеніи студенту Яковенко, вслѣдствіе его болѣзненнаго состоянія, держать экзаменъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

18. Представленія факультетовъ объ утвержденіи въ степени кандидата: юридическихъ наукъ: Гловацкаго Франца, подвергавшагося испытанію въ качествѣ посторонняго лица и бывшихъ студентовъ Граура Григорія и Акимова Захарія съ освобожденіемъ двухъ послѣднихъ отъ коллоквиума, по отдаленности ихъ мѣстожительства, и наукъ естественныхъ — Манзовино Ивана.

При этомъ секретарь доложилъ, что подлежащими казенными палатами исключены изъ податнаго состоянія окончившіе въ текущемъ учебномъ году курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента: Мичу-Николаевичъ, Раковъ, Аджемовъ, Богосовъ, Добровъ и Гохманъ и выдержавшій испытаніе на степень кандидата, въ качествѣ посторонняго лица, Бойчевскій Николай. *Опредѣлили*: всѣхъ поименованныхъ въ докладной части протокола лицъ утвердить въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, за исключеніемъ гг. Граура и Акимова, вопросъ объ утвержденіи которыхъ въ ученой степени возвратить въ факультетъ въ виду того, что, по заявленію факультета, не было коллоквиума.

19. Предложеніе г. ректора о назначеніи комисіи для

производства повѣрочныхъ испытаній; при чемъ его превосходительство довелъ до свѣдѣнія совѣта, что изъ числа 208 молодыхъ людей, подавшихъ прошенія о приѣмѣ ихъ въ университетъ, имъ зачислены 54 въ студенты безъ повѣрочныхъ испытаній, по аттестатамъ и свидѣтельствамъ зрѣлости. *Опредѣлили*: назначить комиссію, подъ предсѣдательствомъ профессора Юргевича, изъ гг. Некрасова, Абашева, Барастелева и Воеводскаго, и предметами испытаній: для поступающихъ на историко-филологическій факультетъ: русскій, латинскій и греческій языки, на физико-математическій: русскій и латинскій языки, физику и математику, и на юридическій факультетъ — латинскій и русскій языки и математику.

21. Представленіе правленія о томъ, что по неимѣнію спеціальныхъ средствъ, оно нашлось вынужденнымъ уплатить въ типографію за отпечатанный XIX т. «Записокъ» университета 400 р. изъ штатной суммы. *Опредѣлили*: отложить до слѣдующаго засѣданія.

22. Представленіе его же: «вслѣдствіе появившихся въ сводахъ подвального этажа университетскаго зданія на дворянской улицѣ значительныхъ трещинъ, оказалось необходимымъ немедленно принять мѣры къ предупрежденію могущихъ быть за тѣмъ дурныхъ послѣдствій. Поэтому правленіе университета поручило архитектору Константинову подвести подъ своды стѣны изъ камня и жженого кирпича и задѣлать самыя трещины. Такихъ стѣнъ или арокъ сдѣлано восемь, на что потребовался расходъ въ 1000 руб., неимѣвшійся въ виду правленія при составленіи сметы на ремонтъ университетскихъ зданій и отдачи работъ съ подряда. Затѣмъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій завѣдывающихъ химическою и техническою лабораторіями объ осмотрѣ и ис-

правленіи водопроводныхъ трубъ, уложенныхъ подъ поломъ въ большой аудиторіи при химической лабораторіи, изъ каковыхъ трубъ вода неизвѣстно куда утекаетъ, что подтвердилъ и архитекторъ, правленіе вынужденнымъ нашлось ассигновать на эти работы 300 р. Наконецъ, оказалось необходимымъ еще израсходовать до 600 р. на исправленіе крышъ на университетскихъ зданіяхъ и на приспособленіе помѣщенія въ 3-мъ этажѣ подъ квартиру эзекутору. Такимъ образомъ, сверхъ суммы, предназначавшейся въ текущемъ году на ремонтъ университетскихъ зданій, израсходовано еще до 2000 р. на вышеуказанныя работы, не терпѣвшія отлагательства, что крайне истощило штатную сумму, ассигнованную въ текущемъ году на хозяйственные и другіе расходы по университету. Между тѣмъ завѣдывающій зоотомическимъ кабинетомъ университета, ординарный профессоръ Бовалевскій вторично уже заявляетъ правленію о необходимости провести въ рабочія комнаты означеннаго кабинета газъ и воду и настоятельно проситъ произвести работы до начала учебнаго времени. Эта просьба проф. Бовалевскаго, при всемъ желаніи правленія исполнить ее, къ сожалѣнію, не можетъ быть удовлетворена, по неимѣнію въ распоряженіи правленія свободныхъ суммъ.

Донося о вышеизложенномъ совѣту университета, правленіе имѣетъ честь убѣдительноше просить удѣлить изъ предвидящагося къ концу сего года свободнаго остатка отъ содержанія личнаго состава университета, въ количествѣ 5000 р., двѣ тысячи пятьсотъ рублей, крайне необходимыхъ на хозяйственные расходы по университету и на проведеніе газа и воды въ зоотомическій кабинетъ.

Большинствомъ всѣхъ наличныхъ членовъ противъ одного (проф. Вальца) *Опредѣлили*: ходатайствовать.

23. Прошеніе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Орбинскаго объ увольненіи его, за выслугою 25-ти-лѣтняго срока по министерству народнаго просвѣщенія, отъ занимаемой имъ при новороссійскомъ университетѣ должности и объ исходатайствованіи пенсіи, на которую по закону имѣеть право. *Опредѣлили*: дать ходъ просьбѣ объ отставкѣ.

24. Внесенныя ректоромъ прошенія Львова Наума и Бартошевицкаго Марьяна о приемѣ ихъ въ студенты новороссійскаго университета.

При чемъ секретарь доложилъ, что первый изъ означенныхъ лицъ исключенъ въ 1874 г. изъ с.-петербургскаго практическаго технологическаго института за участіе въ бывшихъ въ ноябрѣ того же года беспорядкахъ въ институтѣ и, кромѣ того, имѣеть аттестатъ зрѣлости отъ 24 іюня 1874 г., а второй выбылъ изъ числа студентовъ университета св. Владиміра 1-го декабря 1874 года. *Опредѣлили*: принять въ студенты гг. Львова и Бартошевицкаго, подвергнувъ ихъ предварительно контрольному испытанію.

25. Представленіе правленія университета объ ассигнованіи изъ специальныхъ средствъ 150 руб. на покрытіе издержекъ по предстоящему торжественному акту.

Большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ проф. Вальца, *Опредѣлили*: разрѣшить.

26. Изготовленный секретаремъ краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности новороссійскаго университета въ 1875 — 1876 учебномъ году. *Опредѣлили*: утвердить.

27. Представленіе физико-математическаго факультета объ изъявленіи благодарности директору департамента телеграфовъ Людерсу за содѣйствіе при соединеніи астрономичес-

вой обсерваторіи съ главною станціею телеграфовъ въ Одессѣ и о сохраненіи этой линіи.

Въ приложенномъ къ представленію факультета донесеніи профессора Беркевича, подписанномъ и астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ, значится: «желая воспользоваться опредѣленіемъ долготы между Берлиномъ и Гринвичемъ, Вѣною и Гринвичемъ, я обратился въ правленіе университета съ просьбою исходатайствовать у директора департамента телеграфовъ Людерса разрѣшеніе на соединеніе астрономической обсерваторіи съ главною станціею телеграфовъ въ Одессѣ. Получивъ таковое и располагая чрезвычайно скудными средствами, я, по указанію начальника одесскаго округа телеграфовъ, вторично обратился къ г. директору департамента удѣлить обсерваторіи необходимую для сего проволоку и изоляторы и дозволить воспользоваться для натяженія проволоки казенными столбами, принимая на счетъ обсерваторіи расходы на рабочихъ и поставку собственныхъ столбовъ отъ обсерваторіи до перваго казеннаго. Въ отвѣтъ на мою просьбу начальникомъ одесскаго округа телеграфовъ получена была телеграмма отъ директора департамента — содѣйствовать обсерваторіи всѣми средствами для производства ею астрономическихъ опредѣленій. Вслѣдствіе такого распоряженія г. директора Людерса, немедленно было отпущено обсерваторіи изъ складовъ 42 пуда желѣзной проволоки, 85 изоляторовъ и данъ въ распоряженіе обсерваторіи, на время опредѣленія долготы, пишущій аппаратъ и 80 элементовъ Мейдингера. Мало того, когда, вслѣдствіе неблагоприятной погоды во время производства наблюденія, двухнедѣльный срокъ, разрѣшенный на пользование непосредственно линіею отъ Одессы до Берлина, оказался недостаточнымъ, г. директоръ Людерсъ, спрошенный

телеграфомъ, не только продлилъ этотъ срокъ еще на 17 дней, но и исходатайствовалъ разрѣшеніе у общества индійскаго телеграфа въ Лондонѣ. Въ виду столь дѣятельнаго участія, оказаннаго г. директоромъ департамента телеграфовъ Людерсомъ при опредѣленіи долготы нашей обсерваторіи относительно Берлина, я покорнѣйше прошу факультетъ объ исходатайствованіи предъ совѣтомъ изъявленія благодарности директору департамента телеграфовъ Людерсу.

Въ виду же того, что наша обсерваторія уже соединена съ главною станціею телеграфовъ и это соединеніе будетъ нужно въ будущемъ году для опредѣленія долготы Одессы относительно главной николаевской обсерваторіи въ Пулковѣ, я покорнѣйше прошу исходатайствовать о сохраненіи этой линіи для обсерваторіи нашего университета. *Опредѣлили*: выразить благодарность г. Людерсу, а также и начальнику одесской телеграфной станціи г. Ланге, и ходатайствовать о сохраненіи линіи.

28. Представленіе историко-филологическаго факультета съ распредѣленіемъ лекцій на 1876 — 77 учебный годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

29. Представленіе того же факультета о допущеніи къ переводному испытанію на II курсъ посторонняго слушателя Величкова Николая. *Опредѣлили*: допустить.

30. Заявленіе профессора Дювернуа, къ которому присоединился и профессоръ Вальцъ, объ изъявленіи благодарности профессору Сабинину за понесенные имъ въ теченіи всего вакаціоннаго времени нынѣшняго года труды по наблюденію за перенесеніемъ и установкой библіотеки. *Опредѣлили*: выразить г. Сабинину благодарность отъ имени совѣта.

Засѣданіе 28 августа.

Присутствовали 16 профессоровъ.

Слушали :

2. Докладъ комисіи о результатахъ повѣрочныхъ испытаній; при чемъ комисія доводитъ до свѣдѣнія совѣта о своемъ постановленіи о томъ, чтобы не допускать желающихъ перейти съ другихъ факультетовъ на историко-филологическій безъ экзамена въ латинскомъ языкѣ, когда у нихъ значится по этому предмету отмѣтка 3, такъ какъ, выставляя эту отмѣтку нефилологамъ, экзаменаторъ руководится большею снисходительностью. *Опредѣлили*: 1) всѣхъ молодыхъ людей, удовлетворительно сдавшихъ повѣрочныя испытанія, зачислить въ студенты новороссійскаго университета; 2) принятое комисіею рѣшеніе относительно студентовъ, переходящихъ съ другихъ факультетовъ на историко-филологическій утвердить.

3. Представленія факультетовъ о результатахъ дополнительныхъ испытаній студентовъ, о назначеніи нѣкоторымъ изъ нихъ стипендій, а также объ утвержденіи въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ. *Опредѣлили*: 1) переводъ въ слѣдующіе курсы студентовъ, удостоенныхъ къ тому факультетами, утвердить; 2) вопросъ о стипендіяхъ передать въ правленіе; и 3) утвердить, согласно удостоенію факультетовъ, въ степени кандидата математическихъ наукъ Гохмана Хаима, естественныхъ наукъ — Софіанова Евгенія; въ званіи дѣйствительнаго студента: окончившихъ курсъ по физико-математическому факультету: Кузнецова Дмитрія, Харченко Якова, Кыркова Георгія, Цокова Петра, и по историко-филологическому факультету — Вимута Станислава,

съ предоставленіемъ первымъ двумъ права представленія въ установленный срокъ диссертациі на степень кандидата; предварительно же утвержденія въ степени кандидата Герича Андрея снести съ подлежащею казенною палатою объ исключеніи его изъ податнаго состоянія.

4. Представленіе физико-математическаго факультета о разрѣшеніи студенту II курса Третьякову Леониду, по уважительнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, держать экзаменъ по опытной физикѣ при окончательныхъ испытаніяхъ въ концѣ IV курса, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ настоящее время переведенъ на III курсъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать объ этомъ предъ г. попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

5. Представленное юридическимъ факультетомъ распределеніе лекцій на 1876—77 учебный годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

6. Внесенныя ректоромъ на усмотрѣніе совѣта прошенія окончившихъ курсъ семинаріи: Хереско Владиміра, Будеско Николая и Бочковскаго Василя о допущеніи ихъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ и бывшаго студента II курса с.-петербургскаго технологическаго института Рябова Григорія о зачисленіи его въ студенты II, а при невозможности, — въ студенты I курса физико-математическаго факультета.

При этомъ секретарь доложилъ, что по п. 5 § 3 правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей новороссійскаго университета «всѣ, переходящіе въ новороссійскій университетъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній постороннихъ министерству народнаго просвѣщенія вѣдомствъ, подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ наравнѣ съ тѣми, кои поступаютъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній тѣхъ же вѣ-

домствъ». *Опредѣлили*: означенныхъ въ докладной части молодыхъ людей допустить къ повѣрочнымъ испытаніямъ, въ случаѣ удовлетворительности которыхъ и зачислить ихъ на 1-й курсъ соответствующихъ факультетовъ.

6. Письмо на имя г. ректора бывшего профессора новороссійскаго университета, И. М. Съченова съ благодарностію за избраніе его въ почетные члены новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и напечатать, въ приложеніи, настоящее письмо и письмо почетнаго члена новороссійскаго университета С. М. Соловьева.

8. Представленіе юридическаго факультета: «юридическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 27 сего августа, опредѣлялъ: 1) поручить чтеніе лекцій въ наступившемъ 1876—77 учебномъ году по вакантнымъ кафедрамъ: государственнаго права—ординарному профессору Шпилевскому (двѣ лекціи въ недѣлю), энциклопедіи права — орд. проф. Патлаевскому (2 лек. въ недѣлю), каноническаго права—проф. богословія Будрявцеву (2 лекціи въ недѣлю); 2) съ цѣлью усиленія занятій студентовъ по римскому праву - поручить доценту Малинину преподаваніе институцій римскаго права (2 лекціи въ недѣлю). Донося объ этомъ, факультетъ покорнѣйше проситъ совѣтъ утвердить означенное опредѣленіе и назначить вышеупомянутымъ преподавателямъ соразмѣрное вознагражденіе. При этомъ доценту Малинину изъ оклада, положеннаго на доцентовъ юридическаго факультета».

По прочтеніи этого представленія профессоръ Вальцъ просилъ занести въ протоколъ слѣдующее его заявленіе «въ предложеніи юридическаго факультета я вижу странность, а именно: профессору по кафедрѣ финансовъ Патлаевскому поручается энциклопедія права, а не политическая эконо-

мія, которую преподавать не будутъ. Полагаю, что политическая экономія настолько же важный предметъ, какъ и энциклопедія права и что естественнѣе профессору представлять чтеніе предмета, ближайшаго къ его специальности».

За тѣмъ г. предсѣдатель обратилъ вниманіе совѣта на то, что чтеніе лекцій по постороннимъ кафедамъ, съ вознагражденіемъ за это, допускается по кафедрамъ вакантнымъ, такъ какъ изъ разъясненія г. министромъ народнаго просвѣщенія § 84 университетскаго устава, явствуетъ, что этотъ § заключаетъ въ себѣ постановленіе о вознагражденіи преподавателей за чтеніе ими лекцій по вакантнымъ кафедрамъ, кафедра же римскаго права у насъ въ настоящее время занята, и что, поэтому, безъ нарушенія § 84 унив. устава, нельзя производить г. Малинину вознагражденіе, за чтеніе институцій римскаго права, изъ суммы, находящейся въ распоряженіи университета на этотъ предметъ отъ незамѣщенія нѣкоторыхъ кафедръ.

Послѣ заявленія декана юридическаго факультета, ординарнаго профессора Дювернуа, что ходатайство факультета вызвано крайнею необходимостью усилить преподаваніе по одному изъ главнѣйшихъ предметовъ онаго, г. предсѣдатель поставилъ вопросъ: угодно-ли совѣту войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю, согласно представленію факультета, о производствѣ г. Малинину установленнаго вознагражденія за чтеніе институцій римскаго права, или нѣтъ?

Въ результатѣ голосованія всѣ присутствовавшіе члены совѣта, за исключеніемъ профессора Вальца, высказались въ пользу ходатайства. *Опредѣлили*: утвердивъ распоряженіе факультета о порученіи чтеній профессорамъ Шпилев-

скому, Патлаевскому и Будрявцову, просить разрѣшенія г. попечителя о производствѣ каждому изъ нихъ вознагражденія по 225 р. за годовую лекцію; относительно же производства такового доценту Малинину, въ виду нарушенія 84 § унив. устава, войти къ г. попечителю съ особымъ ходатайствомъ, обративъ вниманіе его превосходительства на настоятельную потребность усилить занятія студентовъ по одному изъ главнѣйшихъ предметовъ факультета.

(Приложеніе къ ст. 7-й).

а) Письмо профессора И. М. Съченова на имя г. ректора университета.

Милостивый государь Федоръ Ивановичъ. Я только что получилъ ваше письмо съ лестнымъ для меня извѣстіемъ объ избраніи меня членомъ новороссійскаго университета и спѣшу обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой выразить предъ совѣтомъ мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь. Выборъ этотъ для меня тѣмъ болѣе дорогъ, что благодаря ему не прерывается моя связь съ университетомъ, о которомъ я сохранилъ столько отрадныхъ воспоминаній и интересамъ котораго не только горячо сочувствую, но и всегда буду радъ служить. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи искренно преданнаго вамъ *И. Съченова*. С.-Петербургъ, 17 августа 1876 г.

б) Письмо профес. С. М. Соловьева на имя г. ректора университета.

Милостивый государь Федоръ Ивановичъ. Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство засвидѣтельствовать предъ совѣтомъ новороссійскаго университета мою искреннѣйшую признательность за столь лестное для меня

избраніе въ почетные члены. Сильно сожалѣю о томъ, что ученые и служебныя занятія мои не позволяютъ мнѣ лично благодарить многоуважаемую ученую коллегію за дорогое для меня ея вниманіе къ моимъ посильнымъ трудамъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга *Сергій Соловьевъ*.
Москва, 23 марта 1876 года.

Засѣданіе 7-го сентября.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали :

1. Г. исправляющій должность ректора, заявивъ, что, какъ сообщилъ ему г. попечитель округа, императоръ Бразиліи Дом-Педро II-й, 10-го сего сентября прибудетъ въ Одессу и удостоитъ своимъ посѣщеніемъ новороссійскій университетъ, предложилъ совѣту обсудить подробности пріема его величества. *Опредѣлили* : въ зданіи на дворянской улицѣ предложить вниманію его величества : бібліотеку, на замѣчательныя рукописи и изданія которой просить профессора Григоровича указать его величеству, музей изящныхъ искусствъ съ минцъ-кабинетомъ, кабинетъ практической механики, физическій кабинетъ и домовую университетскую церковь, пригласивъ его, если пожелаетъ, посѣтить и одну изъ лекцій по историко-филологическому факультету ; сопровождать его величество при этомъ осмотрѣ г. ректору и прочимъ преподавателямъ, за исключеніемъ гг. завѣдывающихъ кабинетами и лабораторіями, которымъ оставаться въ своихъ учрежденіяхъ. Въ зданіи на преображенской

улицѣ: химическую лабораторію, въ сопровожденіи профессора Абашева, если къ тому времени не возвратится завѣдывающій ею профессоръ Вериго, зоологическій и зоотомическій кабинеты, а буде изъявить желаніе — то и другія учрежденія, а также астрономическую обсерваторію.

2. Г. и д. ректора, обративъ вниманіе совѣта на ученыя заслуги и труды императора Бразиліи Дом-Петро II въ области филологическихъ и естественныхъ наукъ, предложилъ его величество въ почетные члены Императорскаго новороссійскаго университета.

Предложеніе это встрѣчено сочувствіемъ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ членовъ совѣта и его величество оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: поднести его величеству, чрезъ г. и д. ректора и декановъ, на званіе почетнаго члена новороссійскаго университета дипломъ, который, по большинству голосовъ, рѣшено редижировать со внесеніемъ словъ: «во вниманіи къ его замѣчательной и многосторонней ученой дѣятельности.»

4. Представленіе физико-математическаго факультета: «вслѣдствіе прошенія студента II-го курса разряда естественныхъ наукъ Федора Щербины, не подвергавшагося, по болѣзни, подтвержденной медицинскимъ свидѣтельствомъ, испытанію по опытной физикѣ въ минувшемъ 1875 — 76 учебномъ году, и на основаніи заявленія профессоровъ Головкинскаго и Бовалевскаго объ успѣшности занятій студента Щербины, физико-математическій факультетъ имѣеть честь ходатайствовать предъ совѣтомъ о разрѣшеніи г. Щербинѣ держать экзаменъ по опытной физикѣ въ концѣ IV-го курса и о переводѣ его въ настоящее время на III-й курсъ».

По поводу этого ходатайства профессоръ Шведовъ замѣтилъ слѣдующее: «студентъ Щербина проситъ не опис-

хожденіи, въ родѣ отсрочки экзамена на мѣсяць или полтора, а о переводѣ его на III курсъ безъ того экзамена, который обязательенъ для всѣхъ студентовъ, желающихъ перейти на III курсъ, т. е. просить о нарушеніи установленныхъ правилъ. По этому я считаю совершенно невозможнымъ уважить подобную просьбу. Такое же дѣло было въ предыдущемъ засѣданіи совѣта и если я не возражалъ, то только потому, что при обсужденіи этого дѣла не присутствовалъ въ совѣтѣ».

На поставленный за сямъ г. председателемъ вопросъ: ходатайствовать-ли предъ г. попечителемъ, согласно представленію факультета, или же совѣтъ раздѣляетъ мнѣніе профессора Шведова по этому дѣлу, большинство 9-ти членовъ (гг. Барастелевъ, Сабининъ, Лигинъ, Мечниковъ, Умовъ, Бовалевскій, Головкинскій, Юргевичъ и Вальцъ) противъ 8-ми (гг. Синцовъ, Шпилевскій, Некрасовъ, Шведовъ, Абашевъ, Дювернуа, Григоровичъ и г. председатель) подали голоса за представленіе факультета*). *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ о разрѣшеніи студенту II курса Федору Щербинѣ держать экзаменъ по опытной физикѣ въ концѣ IV курса и о переводѣ его въ настоящее время на III курсъ.

5. Представленіе того же факультета: «Физико-математическій факультетъ, заслушавъ, въ засѣданіи своемъ 6-го сего сентября, предложеніе совѣта отъ 28-го минувшаго августа за № 2683, относительно преподаванія физической географіи въ настоящемъ учебномъ году, честь имѣетъ увѣдомить совѣтъ, что астрономъ—наблюдатель Блокъ чита-

*) Предъ настоящимъ голосованіемъ профессора Войтковскій и Кудрявцевъ оставили залу засѣданій.

еть лекціи практической астрономіи и той части теоріи вѣроятностей (способъ наименьшихъ квадратовъ), которая относится также къ астрономіи, такъ что факультетъ считаетъ г. Блока стороннимъ преподавателемъ по одной астрономіи, за что г. Блокъ и получаетъ соответственное вознагражденіе; этому стороннему преподавателю факультетъ считаетъ возможнымъ поручить преподаваніе физической части физической географіи; такимъ образомъ, давая г. Блоку это порученіе, нисколько не нарушается § 84-й устава Чтеніе же геологической части физической географіи факультетъ поручаетъ профессору Головкинскому, а чтеніе ботанической части физической географіи взялъ на себя профессоръ Вальцъ.

Донося объ этомъ совѣту, факультетъ снова ходатайствуетъ о назначеніи вознагражденія профессору Головкинскому и астроному — наблюдателю Блоку за преподаваніе физической географіи каждымъ изъ нихъ по одной лекціи въ недѣлю». *Опредѣлили*: распоряженіе факультета о порученіи чтеній утвердить, а о производствѣ вознагражденія профессору Головкинскому и астроному — наблюдателю Блоку представить г. попечителю.

6. Представленіе юридическаго факультета о томъ, что профессоръ Патлаевскій будетъ читать въ наступившемъ учебномъ году, вмѣсто двухъ, три лекціи энциклопедіи права и о производствѣ ему за эту 3-ю лекцію дополнительнаго вознагражденія въ установленномъ размѣрѣ. *Опредѣлили*: распоряженіе факультета утвердить и ходатайствовать о вознагражденіи.

7. Представленіе того же факультета о томъ, что по балламъ могутъ быть удостоены степени кандидата Гармансонъ Иванъ, Каминскій Андрей, Мичу-Николаевичъ Христо-

форъ, Беръ Абрамъ, Гончаревскій Василій и Чеважевскій Иванъ; званія дѣйствительнаго студента: Артамоновъ Григорій, Бѣловъ Владиміръ, Гилецкій Харлампій, Банинъ Бонстантинъ, Покровскій Иванъ, Хизановъ Николай, Шахъ-Пароніанецъ Иванъ, Барбось Георгій, Говедарица Илья, Заводовскій Николай, Зелинскій Иванъ, Коцюбинскій Дмитрій и Пановъ Трофимъ. *Опредѣлили*: означенныхъ въ докладной части молодыхъ людей утвердить въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ первымъ шести права въ установленный срокъ представить диссертациі на степень кандидата; о принадлежащихъ же къ податному состоянію, предварительно утвержденія, снести съ подлежащими казенными палатами объ исключеніи ихъ изъ поддушнаго оклада.

8. Докладъ ректора о томъ, что къ нему обращаются многіе изъ студентовъ съ прошеніями о переводѣ ихъ съ одного факультета на другой и которые, по этому, подлежатъ повѣрочнымъ испытаніямъ изъ тѣхъ предметовъ, какиѣ подвергались молодые люди, прямо поступившіе на тотъ факультетъ, на который они переходятъ. *Опредѣлили*: предоставить г. ректору препровождать такіа прошенія въ экзаменаціонную комисію.

Засѣданіе 16 сентября.

Присутствовали 22 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.
2. Отъ 3-го сентября за № 6158 о разрѣшеніи сту-

денту Дмитрію Яковенко, по случаю его болѣзни, держать переходный экзаменъ въ октябрѣ сего года.

При чемъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ того же числа за № 6159 съ разрѣшеніемъ производить профессорамъ Смирнову и Юргевичу вознагражденіе за порученныя имъ факультетомъ въ текущемъ учебномъ году постороннія чтенія.

Было доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе университета и въ историко-филологическій факультетъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 9-го сентября за № 6313 объ утвержденіи его величества императора Бразиліи Дом-Педро II почетнымъ членомъ новороссійскаго университета.

При этомъ доложено, что дипломъ былъ поднесенъ его величеству 11 сего сентября г. исправляющимъ должность ректора вмѣстѣ съ гг. деканами факультетовъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

6. Представленіе того же факультета объ утвержденіи Басюлова Гавріла въ степени кандидата. *Опредѣлили*: утвердивъ г. Басюлова въ степени кандидата, выдать ему установленный дипломъ.

7. Представленіе физико-математическаго факультета объ отдачѣ двухъ участковъ земли бывшей фермы въ аренду, съ употребленіемъ арендной платы на нужды учебно-вспомогательныхъ учрежденій факультета. *Опредѣлили*: возбужденный факультетомъ вопросъ передать на обсужденіе и рѣшеніе правленія университета.

8. Представленіе того же факультета: «физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи 6-го текущаго сентября,

слушалъ приложенное при семь представленіе профессоровъ Сабинина, Барастелева и Лигина объ избраніи магистра чистой математики Преображенскаго штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ чистой математики. При произведенномъ затѣмъ закрытомъ баллотированіи г. Преображенскаго всѣ 13-ть участвовавшихъ голосовъ оказались избирательными. На этомъ основаніи факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ объ избраніи г. Преображенскаго штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ чистой математики».

Вышеозначенное представленіе въ факультетъ, подписанное также профессорами Беркевичемъ и Ярошенко, содержитъ въ себѣ слѣдующее: «по примѣру другихъ университетовъ, какъ напр. петербургскаго и московскаго, необходимо и въ нашемъ университетѣ имѣть трехъ преподавателей по кафедрѣ чистой математики съ тѣмъ, чтобы была возможность читать и такія важныя части математики какъ теорія чиселъ, мнимаго переменнаго и эллиптическихъ функцій. Еще въ 1874 г. въ половинѣ марта профессора Сабининъ и Ярошенко входили въ факультетъ съ представленіемъ объ избраніи магистра чистой математики В. В. Преображенскаго третьимъ преподавателемъ по кафедрѣ чистой математики. Въ настоящее время изъ 19-ти штатныхъ мѣстъ по физико-математическому факультету наличными преподавателями занято 18 мѣстъ, такъ что остается вакантнымъ одно штатное мѣсто, которое мы покоряѣйше просимъ факультетъ назначить для третьяго преподавателя математики и этимъ третьимъ преподавателемъ избрать магистра чистой математики Преображенскаго. Въ вышеозначенномъ представленіи профессоровъ Сабинина и Ярошенко указано, что въ магистерской диссертациіи своей «объ интегрированіи уравненій съ частными производными высшихъ

порядковъ», г. Преображенскій показалъ умѣнье владѣть анализомъ и съ успѣхомъ самостоятельно работать по математическимъ вопросамъ; приложенное же къ вышеупомянутому представленію письмо извѣстнаго нашего математика Давидова свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ г. Преображенскаго факультетъ приобрететъ достойнаго преподавателя; «дѣйствительно, пишетъ г. Давидовъ, я могу по доброй совѣсти рекомендовать г. Преображенскаго, какъ человѣка весьма дѣльнаго и даровитаго; его преподавательскія способности мнѣ хорошо извѣстны, такъ какъ онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ технологическомъ институтѣ; будучи посланъ на казенный счетъ за границу, онъ вернулся вполне подготовленнымъ для университетскаго преподаванія; съ окончанія курса университетскаго, въ промежуткѣ времени значительно небольшомъ, онъ успѣлъ заявить себя печатно какъ ученный самостоятельный и свѣдущій; я убѣжденъ, что новороссійскій университетъ приобрететъ въ немъ весьма полезнаго члена». На основаніи вышеизложеннаго имѣемъ честь войти въ факультетъ съ представленіемъ объ избраніи г. Преображенскаго штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ чистой математики; принимая же во вниманіе, что по преподавательскимъ и научнымъ достоинствамъ г. Преображенскаго, новороссійскій университетъ можетъ быть предупрежденъ другимъ университетомъ въ приобрѣтеніи г. Преображенскаго, мы покорнѣйше просимъ факультетъ дать ходъ нашему представленію въ возможно непродолжительное время».

Въ результатѣ произведеннаго засимъ баллотированія г. Преображенскій оказался избраннымъ большинствомъ 21 голоса избирательнаго противъ 1-го неизбирательнаго. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію, просить г. по-

печителя объ утвержденіи магистра Преображенскаго доцентомъ по кафедрѣ чистой математики.

9. Представленіе юридическаго факультета о приобрѣтеніи библиотеки покойнаго профессора Вольскаго, по приведеніи ея въ извѣстность. *Опредѣлили*: просить факультетъ войти въ сношеніе съ наследниками покойнаго профессора Вольскаго о приведеніи въ извѣстность библиотеки и объ условіяхъ ея приобрѣтенія.

10. Отношеніе общества сельскаго хозяйства южной Россіи съ приглашеніемъ принять участіе въ V всероссійскомъ сѣздѣ сельскихъ хозяевъ, имѣющемъ быть въ Одесѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года. *Опредѣлили*: сообщить приглашеніе въ физико-математическій факультетъ.

11. Представленіе правленія объ изъясненіи архитектору Бонстантинову, за исполнѣніе удовлетворительное производство работъ по укрѣпленію зданія университета на дворянской улицѣ и значительное уменьшеніе расходовъ на ремонтныя работы, признательности совѣта, со внесеніемъ ея въ послужной его списокъ. *Опредѣлили*: исполнить.

12. Г. и. д. ректора заявилъ, что очередь произнесенія рѣчи на актѣ 30 августа 1877 года лежитъ на историко-филологическомъ факультетѣ. *Опредѣлили*: увѣдомить историко-филологическій факультетъ.

13. Заявленіе его же о томъ, что бывший бухгалтеръ новороссійскаго университета, Л. Сухомлиновъ перемѣщенъ на должность старшаго секретаря одесской конторы государственнаго банка и что временное исполненіе обязанностей бухгалтера, до избранія новаго, поручено правленіемъ, съ разрѣшенія г. попечителя округа, секретарю правленія университета Марченко. Сообщивъ затѣмъ, что на открывшееся мѣсто бухгалтера явилось болѣе 20 соискателей, г. и. д.

ректора объяснилъ неудобство вступленія новаго, незнакомаго съ порядкомъ университетскаго счетоводства, лица въ должность бухгалтера къ концу отчетнаго года. *Опредѣлили*: отложить баллотировку бухгалтера до января 1877 г.

Засѣданіе 7-го октября.

Присутствовали 23 профессора.

Слушали.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

2. Отъ 30-го іюня за № 4702 о доставленіи заключенія юридическаго факультета по приложенному къ предложенію «положенію о преміи графа Сперанскаго».

При чемъ доложено, что требованіе это сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ 17-го сентября за № 6619 относительно предложенія новороссійскому обществу естествоиспытателей составить проектъ устава онаго, на основаніи указаній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, изложенныхъ въ выпискѣ изъ журнала комитета, приложенной къ предложенію. *Опредѣлили*: передать въ общество естествоиспытателей.

4. Отъ 22-го сентября за № 6676 объ утвержденіи магистра Преображенскаго доцентомъ по кафедрѣ чистой математики.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи г. Преображенскаго сообщено уже въ физико-математическій факультетъ, а г. Преображенскому предложено явиться на службу

въ узаконенный поверстный срокъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

5. а) Отъ 24 сентября, за № 6730 о томъ, не пожелаетъ-ли кто изъ окончившихъ курсъ юристовъ отправиться въ Петербургъ для приготовления къ должности учителей коммерческихъ наукъ въ реальныхъ училищахъ.

и б) Донесеніе юридическаго факультета, которому предложеніе это было передаваемо, что отіправиться въ Петербургъ для означенной подобности изъявили желаніе: кандидатъ Попельницкій и дѣйствительные студенты: Мышкинъ, Дубровный и Волянский. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

6. Отъ того-же числа за № 6731 съ разрѣшеніемъ производить вознагражденіе за постороннія чтенія профессорамъ Шпилевскому, Бударяцеву и Патлаевскому, каждому по 225 руб. за годовую лекцію.

При чемъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ правленіе университета и въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7. Отъ того-же числа за № 5732 о невозможности согласиться на переводъ студентовъ II курса Щербинны и Третьякова на III курсъ безъ экзамена по физикѣ.

Доложено, что объ этомъ сообщено уже физико-математическому факультету. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

8 Отъ 30 сентября за № 6910 о томъ, что представленіе его объ увольненіи профессора Григоровича, согласно прошенію, отъ службы, утверждено приказомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, отъ 18 истек. сентября за № 18.

Доложено, что объ увольненіи профессора Григоровича сообщено уже историко-филологическому факультету. *Опре-*

опредѣлили: выдать заслуженному профессору Григоровичу аттестать о его службѣ.

9. Представленіе правленія университета съ препровожденіемъ на утвержденіе совѣта составленнаго бібліотекаремъ проекта систематическаго каталога медицинскихъ книгъ. *Опредѣлили*: передать въ бібліотечную комисію.

10. Представленіе его же о выдачѣ семейству умершаго вольнонаемнаго писца канцеляріи университета Савельева денежнаго пособія. *Опредѣлили*: выдать вдовѣ Савельевой въ единовременное пособіе пятьдесятъ рублей, испросивъ предварительно разрѣшенія г. попечителя.

11. Представленіе историко-филологическаго факультета объ ходатайствованіи заслуженному экстраординарному профессору Бруну добавочной пенсіи за пять лѣтъ преподаванія имъ въ новороссійскомъ университетѣ всеобщей исторіи въ качествѣ сторонняго преподавателя. *Опредѣлили*: ходатайствовать, чрезъ г. попечителя, о зачисленіи заслуженному профессору Бруну послѣдняго пятилѣтія въ дѣйствительную службу, а затѣмъ и о прибавкѣ къ получаемой имъ пенсіи одной пятой доли оной.

12. Представленіе его же объ избраніи бывшаго профессора новороссійскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языкознанія, нынѣ профессора берлинскаго университета В. Ягича ординарнымъ профессоромъ на кафедру славянской филологіи, оставшуюся вакантною за выходомъ въ отставку профессора Григоровича.

Въ результатѣ произведеннаго за симъ баллотированія г. Ягичъ оказался избраннымъ большинствомъ 20 голосовъ избирательныхъ противъ 4 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать, чрезъ г. попечителя, предъ министромъ народнаго просвѣщенія о назначеніи профессора берлинскаго

университета Ягича ординарнымъ профессоромъ въ новороссійскій университетъ по кафедрѣ славянской филологіи.

13. Представленіе физико-математическаго факультета: «Физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 20 минувшаго сентября, слушалъ представленіе профессоровъ Сабинина и Беркевича объ оставленіи ординарнаго профессора по кафедрѣ механики Барастелева на пять лѣтъ по той же кафедрѣ при новороссійскомъ университетѣ, и постановилъ: назначить баллотированіе проф. Барастелева въ засѣданіи 30 сентября и просить гг. членовъ, заявившихъ мнѣнія о трудахъ г. Барастелева, представить эти мнѣнія письменно. Въ засѣданіи своемъ 30 сентября, факультетъ слушалъ отзывъ проф. Ярошенко и Умова о сочиненіи проф. Барастелева «теорія функціи мнимаго переменнаго количества», отзывъ проф. Лигина и астронома-наблюдателя Блока о трехъ трудахъ г. Барастелева, относящихся къ области прикладной математики, и возраженіе проф. Сабинина на означенные два отзыва. По заслушаніи этихъ мнѣній говорилъ проф. Вальцъ, при чемъ заявилъ, что онъ немедленно изложитъ связанное имъ письменно для приложенія къ протоколу. Затѣмъ профессора Ярошенко, Умовъ и Лигинъ и астрономъ-наблюдатель Блокъ заявили, что, несмотря на всѣ возраженія, выраженные въ бумагахъ проф. Сабинина, и относящіяся только къ несущественныхъ сторонамъ ихъ отзывовъ, они остаются при выраженномъ ими мнѣніи. Сверхъ того, заслушано было письмо проф. Лѣтникова къ проф. Сабанину, при семъ прилагаемое. Затѣмъ, факультетъ приступилъ къ закрытому баллотированію г. Барастелева, при чемъ получилось 4 голоса избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ. О вышесказанномъ факультетъ имѣетъ честь донести совѣту, прилагая, при семъ: 1) пред-

ставленіе профессоръ Сабинина и Беркевича, 2) два отзыва профессорозъ Ярошенко, Умова и Лигина и астронома-наблюдателя Блока о трудахъ проф. Барастелева, 3) возраженіе проф. Сабинина, 4) мнѣніе проф. Вальца и 5) письмо проф. Лѣтникова къ проф. Сабинину».

Затѣмъ, прочтены были приложенныя къ представленію факультета вышепоименованныя бумаги :

а) Представленіе профессоръ Сабинина и Беркевича : «ординарный профессоръ по кафедрѣ прикладной математики Барастелевъ въ октябрѣ нынѣшняго академическаго года оканчиваетъ 25-лѣтній срокъ учебной службы и желаетъ подвергнуться баллотировкѣ на пятилѣтіе. Мы, какъ ближайшіе его товарищи по преподаванію, считаемъ своею обязанностію въ этомъ случаѣ представить на благоусмотрѣніе факультета и совѣта наше мнѣніе объ ученой и учебной дѣятельности проф. Барастелева. Большая половина ученой дѣятельности г. Барастелева принадлежитъ закрытому рижельскому лицее. О ней мы знаемъ, что сначала Барастелевъ былъ опредѣленъ профессоромъ чистой математики, а потомъ, въ 1860 году, совѣтомъ лицея, съ утвержденія г. министра народнаго просвѣщенія, переведенъ на кафедру прикладной математики. Читеніе лекцій по этимъ двумъ кафедрамъ представляло не мало трудностей и требовало основательныхъ и разностороннихъ знаній. Курсъ чистой математики въ лицее заключилъ въ себѣ тѣже части этой науки, которыя преподаются въ настоящее время въ университетѣ и требовалъ для своего выполненія одиннадцати лекцій въ недѣлю, что, безъ сомнѣнія, было довольно обременительно для одного преподавателя. Въ составъ кафедры прикладной математики, кромѣ механики, входили астрономія и геодезія. Обязанности преподавателя

по всѣмъ этимъ наукамъ, проф. Барстелевъ исполнялъ съ полнымъ усердіемъ. Первый или лицейскій періодъ учебной дѣятельности Барстелева былъ на столько труденъ по своей разносторонности, что почти не оставлялъ свободного времени для самостоятельныхъ ученыхъ занятій; несмотря на это, проф. Барстелевъ напечаталъ два ученыхъ труда въ этотъ періодъ времени, одинъ подъ заглавіемъ «теорія интеграловъ функций мнимаго переменнаго количества», въ 1860 г. въ Москвѣ, другой — «о сопротивленіи эира движенію небесныхъ тѣлъ», — въ отчетѣ рипельевскаго лица за 1861—62 академическій годъ. Мы сдѣлаемъ только краткій очеркъ этихъ двухъ трудовъ проф. Барстелева. Теорія интеграловъ функций мнимаго переменнаго, если принять во вниманіе время ея появленія, имѣла нѣкоторое значеніе въ русской математической литературѣ. Счастливая мысль знаменитаго французскаго математика Боши ввести въ интегральное исчисленіе мнимыя количества для разысканія величинъ опредѣленныхъ интеграловъ была высказана въ 20-хъ годахъ, но она осталась совершенно незамѣченною; между тѣмъ, по своимъ результатамъ, эта мысль принадлежитъ къ числу самыхъ плодотворныхъ въ чистой математикѣ. Во Франціи идеи Боши начали разрабатывать только въ 60-хъ годахъ его ученики Брио, Букэ и др. Проф. Барстелевъ, съ своей стороны, руководствуясь трудами Боши и его послѣдователей, обратилъ особенное вниманіе на приложеніе общей теоріи ко многимъ частнымъ случаямъ и старался частными примѣрами выяснитъ сущность этой отвлеченной теоріи. За этотъ первый трудъ г. Барстелевъ получилъ степень магистра чистой и прикладной математики въ московскомъ университетѣ. Въ своемъ трудѣ о сопротивленіи эира, проф. Барстелевъ разсматриваетъ одно поступатель-

ное движеніе планетъ около солнца, необращая вниманія на ихъ вращеніе около оси. Силы, дѣйствіе которыхъ онъ принимаетъ въ расчетъ, суть: 1) тяготѣніе планеты или кометы къ солнцу, 2) тяготѣніе солнца къ планетѣ и 3) сопротивленіе эфира. При изслѣдованіи этого вопроса въ такомъ видѣ, весьма удобно дифференціальныя уравненія движенія въ прямоугольныхъ координатахъ преобразовать въ полярныя. Найдя интегралы преобразованныхъ дифференціальныхъ уравненій и сравнивъ потомъ радіусы векторы легко найти измѣненія какъ въ ихъ величинѣ, такъ и въ положеніи, а также въ положеніи перигелія и афелія, происходящія отъ сопротивленія эфира. Выражая время въ функціи истинной аномаліи, легко найти измѣненія въ средней скорости. Математическій анализъ, которому слѣдуетъ проф. Барастелевъ, руководствуясь трудами Леонарда, — отличается простотою и ясностію изложенія, что и дѣлаетъ этотъ сложный вопросъ, принадлежащій къ числу труднѣйшихъ, совершенно элементарнымъ и доступнымъ даже молодымъ людямъ, которыхъ знанія въ теоретической механикѣ не настолько обширны, чтобы допустить возможность изученія этого вопроса по оригинальнымъ мемуарамъ. Трудъ проф. Барастелева объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ, напечатанный въ 1865 г. въ Одессѣ, имѣетъ своимъ предметомъ вопросъ весьма важный по своимъ приложеніямъ и трудный по анализу. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ главъ; первая глава посвящена историческому обзорѣнію изслѣдованій геометровъ объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ; она представляетъ обстоятельную исторію вопроса, изложеніемъ котораго занимается авторъ. Во второй главѣ Барастелевъ изложилъ измѣненіе произвольныхъ постоянныхъ по способу Лагранжа. Третья глава со-

держитъ способъ Пуассона для опредѣленія дифференціаль-
ныхъ измѣненій произвольныхъ постоянныхъ. Этотъ трудъ
Барастелева удостоенъ степени доктора прикладной матема-
тики въ харьковскомъ университетѣ. Такъ какъ докторская
диссертація Барастелева посвящена теоріи, которая служить
основаніемъ всѣхъ вопросовъ, разсматриваемыхъ въ небес-
ной механикѣ, то эта диссертація съ послѣднимъ трудомъ
Барастелева «приложеніе теоріи функцій мнимаго перемеж-
наго въ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго
движенія и пертурбаціонной функціи», напечатаннымъ въ
XIX томѣ «Записокъ» новороссійскаго университета, пред-
ставляетъ для насъ доказательство того, что онъ близко
знакомъ съ работами ученыхъ по вопросамъ, входящимъ въ
область небесной механики. Въ послѣднее время, разложеніе
функцій въ ряды обратило на себя особенное вниманіе ма-
тематиковъ. Исслѣдованія современныхъ геометровъ привели
къ открытію формулъ, значительно облегчающихъ труды
астрономовъ-теоретиковъ, занимающихся опредѣленіемъ дви-
женія тѣлъ, составляющихъ солнечную систему. Небесная
механика есть отдѣльная и совершенно самостоятельная
глава теоретической механики, въ которой со всею подро-
бностію разсматриваются движенія совершающіяся подъ влія-
ніемъ закона всеобщаго тяготѣнія, открытаго Ньютономъ;
слѣдовательно, вопросы небесной механики имѣютъ ближай-
шую связь съ наукой, изученію и преподаванію которой
проф. Барастелевъ посвятилъ послѣдніе годы своей 25-ти
лѣтней службы. Мы высказали предъ факультетомъ наше
мнѣніе о профессорѣ Барастелевѣ, какъ ученомъ; намъ ос-
тается еще высказать наше мнѣніе о немъ, какъ о препо-
давателѣ. При избраніи на новое пятилѣтіе, на эту сторону
дѣятельности всякаго профессора слѣдуетъ обращать серъ-

езное вниманіе, такъ какъ ей, — и вполне справедливо, — приписываютъ важное значеніе. Мы представляемъ благосклонному вниманію факультета и совѣта слѣдующіе факты, которые, по нашему мнѣнію, говорятъ въ пользу учебной дѣятельности г. Карастелева: 1) совѣтъ рижельскаго лицея поручилъ Карастелеву, частнымъ образомъ, чтеніе лекцій по кафедрѣ прикладной математики, т. е. астрономіи, механики и геодезіи въ продолженіи цѣлаго академическаго года и въ то же время, по случаю тяжелой болѣзни штатнаго преподавателя, также чтеніе лекцій по кафедрѣ физики, метеорологіи и физической географіи временно. Г. Карастелевъ съ усердіемъ и полнымъ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе; 2) нашъ факультетъ и совѣтъ, на первыхъ порахъ существованія университета, куда изъ лицея Карастелевъ перешелъ профессоромъ прикладной математики, до замѣщенія кафедры чистой математики, поручали ему чтеніе лекцій дифференціального, интегральнаго и варіаціоннаго исчисленій и интегрированія уравненій, т. е. чтеніе лекцій важнѣйшихъ предметовъ университетскаго курса чистой математики, и это порученіе было не временное, а повторялось въ продолженіи 4 лѣтъ. Первые два года Карастелевъ это порученіе исполнялъ безмездно. Профессору же Карастелеву, при недостаточномъ составѣ преподавателей чистой математики, факультетъ и совѣтъ поручали чтеніе лекцій по математической теоріи вѣроятностей; онъ исполнялъ и это порученіе въ продолженіи трехъ лѣтъ безмездно. Всѣ эти порученія доказываютъ полное довѣріе факультета и совѣта къ усердію и знаніямъ Карастелева. Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что, по нашему мнѣнію, проф. Карастелевъ оправдалъ это довѣріе, потому что къ этому періоду его педагогической дѣятельности относится

обстоятельство, которое нельзя пройти молчаніемъ, и на которое обыкновенно смотрятъ какъ на нѣкоторую заслугу дѣлу высшаго образованія. Одинъ изъ его слушателей сдѣлался потомъ ординарнымъ профессоромъ чистой математики, а другой — экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ механики. На основаніи всего вышеизложеннаго, мы и считаемъ своимъ долгомъ войти въ факультетъ и совѣтъ съ представленіемъ объ остановленіи ординарнаго профессора Барастелева на пять лѣтъ по кафедрѣ механики».

б) Отзывъ профессоровъ Ярошенко и Умова: «согласно постановленію факультета, имѣемъ честь представить наше мнѣніе о трудѣ проф. Барастелева «теорія интеграловъ функцій мнимаго переменнаго количества», высказанное нами въ засѣданіи факультета 20 сентября. Въ этомъ трудѣ нѣтъ ни одного результата, добытаго г. Барастелевымъ. Сочиненіе это далеко не представляетъ обстоятельнаго изложенія современнаго состоянія избраннаго вопроса. Авторъ даже не ознакомился съ замѣчательными трудами Боши въ этой области, такъ какъ многіе существенные вопросы въ теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго, рассмотрѣнные въ первый разъ Боши, совершенно незатронуты авторомъ. Если изъ этого труда отбросить: введеніе, заимствованное у Брю и Букэ (*Théorie des fonctions doublement periodiques...*), посвященное изложенію основныхъ свойствъ функцій мнимаго переменнаго; затѣмъ, рѣшенія примѣровъ, которыя могутъ быть найдены какъ въ мемуарахъ Боши, такъ и въ сочиненіи Меуга (*Théorie des intégrales définies, 1851*) и большая часть которыхъ, очевидно, взята изъ курса Муаньо (*Leçons de calcul différentiel et de calcul integral, t. II, 1844*), то 80 страницъ сочиненія Барастелева сведутся къ 15 или 20 стр., въ ко-

торыхъ онъ излагаетъ основныя предложенія Боши съ нѣкоторыми ихъ слѣдствіями и обобщеніями, данными Бертрапомъ. Изъ указанныхъ выше заимствованій, первое не можетъ быть поставлено въ упрекъ автору, такъ какъ въ введеніи онъ говоритъ, что при составленіи своего разсужденія онъ пользовался сочиненіемъ Брю и Буэ, о курсѣ же Муаньо авторъ не упоминаетъ, несмотря на то, что пять параграфовъ его труда (12, 13, 14, 15, 16) составляютъ почти подстрочный переводъ стр. 303—310 курса Муаньо. Вообще, этотъ трудъ представляетъ компіляцію, необличающую въ авторѣ даже знакомства съ важнѣйшими работами по избранному имъ вопросу. Что касается остальныхъ трехъ работъ проф. Барастелева, относящихся къ области прикладной математики, то мы вполне раздѣляемъ мнѣніе о нихъ, высказанное профессоромъ механики Лигинымъ и астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ».

в.) Отзывъ проф. Лигина и астронома—наблюдателя Блока: «честь имѣемъ представить письменное изложеніе мнѣнія, высказаннаго нами въ засѣданіи факультета 20-го сентября, о трехъ трудахъ проф. Барастелева, относящихся къ области прикладной математики. Первый трудъ проф. Барастелева «о сопротивленіи ээира движенію небесныхъ тѣлъ», состоитъ изъ двухъ частей. Въ одной изложено общій историческій очеркъ изслѣдованій геометровъ по вопросу о движеніи планетъ и кометъ, очеркъ, который почти весь заимствованъ авторомъ дословно изъ 1-й главы XV книги «небесной механики» Лапласа. Другая часть посвящена разысканію измѣненій, происходящихъ отъ сопротивленія ээира въ величинѣ и положеніи радіуса вектора, въ положеніи перигелія и афелія и въ средней скорости; математическій анализъ, которому слѣдуетъ при этомъ проф. Ба-

растелевъ, заимствованъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, изъ разсужденія Лекаплена, напечатаннаго въ 1843 году. Второй трудъ «теорія измѣненія произвольныхъ постоянныхъ и приложение ея къ вычисленію измѣненій элементовъ планетъ по способамъ Лагранжа и Пуассона,» раздѣленъ на три главы; изъ нихъ первая представляетъ историческое обзорѣніе изслѣдованій ученыхъ объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ. Большая часть ея составлена прямо по предисловіямъ къ различнымъ, относящимся сюда, мемуарамъ Лагранжа и Пуассона и по приведенной уже выше главѣ небесной механики Лапласа, такъ что, несмотря на всю обширность этого очерка, въ немъ нельзя усмотрѣть никакой самостоятельной критической оцѣнки предшествующихъ трудовъ по излагаемой теоріи. Бромѣ того, авторъ проходитъ молчаніемъ всѣ важныя изслѣдованія Бюши, Леверье, Мориса и др., которыя вышли послѣ трудовъ Лагранжа и Пуассона и которыми онъ самъ такъ часто пользовался при составленіи своей книги. Въ слѣдующей главѣ развита теорія измѣненія произвольныхъ постоянныхъ по способу Лагранжа. Въ предисловіи, проф. Карстелевъ утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ здѣсь три «слѣдующія отступленія отъ анализа Лагранжа». 1) «Я началъ свои изслѣдованія», говоритъ онъ, «съ двухъ системъ дифференціальныхъ уравненій перваго порядка, имѣющихъ значеніе гораздо болѣе общее, чѣмъ обыкновенныя уравненія динамики. Хотя эта общность и не представляетъ ничего особенно важнаго при тѣхъ приложеніяхъ, которые я имѣлъ въ виду, однако въ теоретическомъ отношеніи она заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Форма, принятая мною для дифференціальныхъ уравненій, позволяетъ съ величайшею легкостью доказать основныя свойства коэффициентовъ Лагран-

жа и ввести его формулы для опредѣленія производныхъ произвольныхъ постоянныхъ». Обобщенія и упрощенія, о которыхъ здѣсь говорить проф. Карастелевъ, были уже сдѣланы Боши въ обширномъ литографированномъ мемуарѣ по небесной механикѣ, представленномъ туринской академіи въ 1831 году, въ чемъ можно убѣдиться изъ напечатаннаго въ журналѣ Лиувилля (т. II первой серіи) отрывка изъ того мемуара, а также изъ одного замѣчанія, сдѣланнаго Бине въ его статьѣ объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ, которою пользовался самъ проф. Карастелевъ (*Mémoire sur la variations des constantes arbitraires dans les formules générales de la dynamique et dans un système d'équations analogues plus étendues*), *Journal de l'École Polytechnique*, cah. XVII стр. 44). Въ напечатанномъ отрывкѣ мемуара Боши находятся приближенныя уравненія въ томъ же обобщенномъ видѣ, въ какомъ они взяты проф. Карастелевымъ, равно какъ и изложенный послѣднимъ упрощенный выводъ свойствъ коэффициентовъ Лагранжа. Что же касается до точныхъ уравненій проф. Карастелева, то они отличаются отъ точныхъ уравненій Боши предположеніемъ, что прибавочные члены представляютъ какія-либо малыя функціи переменныхъ, а не выражаются непременно производными одной и той же функціи. Но это обобщеніе встрѣчается у Леверье въ его «*Recherches astronomiques*». (*Annales de l'Observatoire de Paris*, t. I., стр. 236 и слѣд.); раньше оно было указано Бине въ примѣненіи къ уравненіямъ еще болѣе общимъ, чѣмъ уравненія Боши (*Jour. de l'École Polyth.*, cah. XVII, стр. 17 и 49). 2). «Предполагая переменныя разложенными въ ряды по возрастающимъ степенямъ времени», продолжаетъ проф. Карастелевъ, «я преобразовалъ коэффициенты Лагранжа въ другіе коэффициенты, въ кото-

рыхъ роль произвольныхъ постоянныхъ играютъ начальныя значенія переменныхъ и ихъ производныхъ, и получилъ уравненія для вычисленія измѣненій этихъ новыхъ произвольныхъ постоянныхъ». Это преобразование давно извѣстно. Проф. Барстелевъ излагаетъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дано Морисомъ въ § 10 его «Mémoire sur la variation des constantes arbitraires (Mémoires de l'Académie des sciences de l'Institut, t. XIX), 3) Наконецъ, свое третье отступленіе отъ анализа Лагранжа, проф. Барстелевъ характеризуетъ словами: «во второй части аналитической механики Лагранжъ исполнилъ вычисленіе своихъ 15 коэффициентовъ, но Бине сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ этихъ вычисленій и въ особенности противъ введенія вспомогательныхъ угловъ, дающихъ возможность представить формулы въ простѣйшемъ видѣ. Я старался посредствомъ различныхъ преобразованій устранить замѣчанія Бине и сдѣлать вычисленія, неподлежащими никакому возраженію». Отличіе вычисленія проф. Барстелева отъ вычисленія Лагранжа основывается на томъ, что, при введеніи въ формулы общепринятыхъ элементовъ орбиты, первый полагаетъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$, тогда какъ Лагранжъ принимаетъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$, гдѣ ω есть долгота перигелія, считаемая отъ восходящаго узла по орбитѣ α — долгота восходящаго узла, считаемая отъ точки весенняго равноденствія, $\tilde{\omega}$ — употребляемая въ астрономіи условная сумма двухъ количествъ ω и α , γ — наклонность орбиты къ эклиптикѣ. Возможность обоихъ допущеній, въ свою очередь, зависитъ отъ разныхъ способовъ разсматривать измѣненія суммы $\tilde{\omega}$. Но допущеніе, сдѣланное профессоромъ Барстелевымъ, не представляетъ ничего новаго: тому же положенію слѣдовалъ и Леверье въ «Recherches astronomiques» (loc. cit., стр. 253),

чѣмъ и объясняется тождественность окончательныхъ выраженій проф. Барастелева для измѣненій элементовъ съ выраженіями, данными у Леверье. Итакъ, уклоненіе отъ анализа Лагранжа, сдѣланное здѣсь проф. Барастелевымъ, состоитъ лишь въ употребленіи другаго, хорошо извѣстнаго въ астрономіи преобразованія. Возраженіе же Бине оставлено имъ совершенно незатронутымъ. Третья глава обнимаетъ способъ Пуассона для опредѣленія измѣненій произвольныхъ постоянныхъ. Здѣсь, по словамъ автора, онъ «предлагаетъ два доказательства знаменитой теоремы Пуассона, состоящей въ томъ, что символъ (a, b) не зависитъ отъ времени». Между тѣмъ, первое изъ этихъ доказательствъ дано Боши въ его упомянутомъ туринскомъ мемуарѣ (см. журналъ Лувилля за 1837 г., стр. 408 и 409); второе вполнѣ сходно съ тѣмъ, которое приведено, между прочимъ, Понтекуланомъ въ первомъ томѣ его курса небесной механики. Далѣе, авторъ замѣчаетъ, что *ею* «вычисленіе коэффициентовъ, встречающихся въ способѣ Пуассона, во многомъ отлично отъ того, которому слѣдовалъ самъ Пуассонъ въ мемуарѣ, напечатанномъ въ XV тетради журнала политехнической школы». Указанное отличіе несомнѣнно; но все вычисленіе, которое проф. Барастелевъ здѣсь называетъ своимъ, заимствовано имъ непосредственно изъ «*Recherches astronomiques*» Леверье (loc. cit., стр. 249—251) и представляетъ ничто иное, какъ повтореніе приѣмовъ, указанныхъ Боши въ рядѣ мемуаровъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ *Comptes rendus*. Наконецъ, проф. Барастелевъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что ему удалось принять такіа произвольныя постоянныя, которыя даютъ возможность найти простѣйшія уравненія для ихъ измѣненій; между тѣмъ, какъ и эти постоянныя, и дѣйствительно замѣчательныя по своей прос-

тотъ уравненія, на которыя указываетъ авторъ, были съ давнихъ поръ предложены Боши (см. *Comptes rendus*, т. XI стр. 517, а также названную выше статью Бине, стр. 69). Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ мѣста сочиненія проф. Барастелева объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ, на которыя онъ самъ указываетъ въ предисловіи, какъ на выдающіяся части своего труда, въ дѣйствительности не болѣе какъ заимствованія изъ изслѣдованій различныхъ ученыхъ, ни разу не названныхъ авторомъ. Наконецъ, третій и послѣдній трудъ проф. Барастелева по прикладной математикѣ «приложеніе теоріи функціи мнимаго переменнаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія планетъ и пертурбаціонной функціи» есть весьма близкое воспроизведеніе статей Пьюзё, опубликованныхъ въ журналѣ Ліувилля и въ *Comptes rendus* за 1860 годъ. При такомъ характерѣ работы нельзя не удивляться, что авторъ ни разу не счелъ нужнымъ назвать обширнаго мемуара Пьюзё, помѣщеннаго въ журналѣ Ліувилля, который служилъ для него главнымъ источникомъ, а ограничился лишь указаніемъ на предварительное очень краткое сообщеніе французскаго геометра, сдѣланное имъ въ парижской академіи до появленія мемуара *in extenso*. — Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что труды проф. Барастелева, относящіеся къ области прикладной математики, представляютъ только компиляціи. Если притомъ принять во вниманіе, что многія мѣста этихъ трудовъ сводятся на подстрочные переводы, другія — на самыя близкія заимствованія, третія — на повтореніе общеизвѣстнаго, или даже разъ уже сказаннаго авторомъ, и что авторъ почти нигдѣ не упоминаетъ источниковъ, изъ которыхъ непосредственно черпалъ, и неоднократно застав-

ляют думать, что онъ приписываетъ себѣ результаты, добытые такими учеными какъ Коши, Леверье и др., — то и со стороны изложенія труды эти нельзя не признать весьма слабыми.»

г) Возраженіе профессора Сабинина: «считаю своимъ долгомъ представить вниманію факультета мое возраженіе противъ отзывовъ, представленныхъ Ярошенко и Умовымъ о магистерской диссертациі проф. Барастелева, а также Лигинымъ и Блокомъ о докторской диссертациі того же профессора. При прочтеніи отзыва профессоромъ Ярошенко и Умова о магистерской диссертациі Барастелева, съ перваго раза представляется довольно ясно то, что гг. Ярошенко и Умовъ писали свой отзывъ, относясь слишкомъ субъективно къ магистерской диссертациі Барастелева, между тѣмъ какъ существенная черта ученой критики — объективность. Субъективность взгляда гг. Ярошенко и Умова на магистерскую диссертацию Барастелева ясно проглядываетъ въ слѣдующихъ двухъ выраженіяхъ этихъ профессоромъ: 1) «сочиненіе это» (магистерская диссертациі проф. Барастелева), пишутъ гг. Ярошенко и Умовъ, «далеко не представляетъ обстоятельнаго изложенія современнаго состоянія избраннаго вопроса»; 2) «Авторъ» (проф. Барастелевъ), пишутъ также Умовъ и Ярошенко, «даже не ознакомился съ замѣчательными трудами Коши въ этой области, такъ какъ многіе существенные вопросы въ теоріи интеграловъ функций мнимаго переменнаго, рассмотрѣнные въ первый разъ Коши, совершенно не затронуты авторомъ». Относительно перваго выраженія гг. Умова и Ярошенко можно только удивляться тому ихъ требованію, чтобы магистерская диссертациі Барастелева представляла обстоятельное изложеніе современнаго состоянія избраннаго имъ вопроса, тогда какъ

это сочинение Барастелева появилось въ печати болѣе 15 лѣтъ тому назадъ. Чтоже касается втораго выраженія гг. Умова и Ярошенко, то, справедливость требуетъ прямо сказать, совершенно несогласно съ достоинствомъ ученой критики утверждать, что проф. Барастелевъ не познакомился даже съ замѣчательными трудами Коши въ области интеграловъ функций мнимаго переменнаго — утверждать на томъ только основаніи, что многіе вопросы въ этой теоріи, рассмотрѣнные въ первый разъ Коши, не затронуты профессоромъ Барастелевымъ, — утверждать даже при томъ условіи, что точность изложенія магистерской диссертации проф. Барастелева не пострадала отъ того, что имъ не затронуты вопросы, на которые указываютъ Ярошенко и Умовъ, даже и при томъ условіи, что во введеніи къ своей магистерской диссертации проф. Барастелевъ прямо заявляетъ о своемъ знакомствѣ со всѣми трудами Коши по теоріи интеграловъ функций мнимаго переменнаго. Указанная мною ясно субъективность взгляда гг. Умова и Ярошенко на магистерскую диссертацию г. Барастелева достаточно свидѣтельствуетъ о несправедливости вообще отзыва гг. Умова и Ярошенко о магистерской диссертации профессора Барастелева, какъ о компиляціи, необличающей въ авторѣ даже и знакомства съ важнѣйшими работами по избранному имъ вопросу. Доказательствомъ же несправедливости такого отзыва служить тотъ фактъ, что извѣстный нашъ математикъ А. Ю. Давидовъ призналъ разсужденіе Барастелева, о которомъ идетъ рѣчь, достойнымъ степени магистра; этотъ фактъ я могу засвидѣтельствовать письмомъ, присланнымъ мнѣ А. Ю. Давидовымъ отъ 12-го сентября 1876 года; этотъ фактъ былъ бы невозможенъ, еслибы отзывъ гг. Ярошенко и Умова былъ справедливымъ. Для

болѣе же подробнаго подтвержденія несправедливости отзыва этихъ двухъ профессоровъ, я приведу мнѣніе А. В. Лѣтникова о магистерской диссертациі Барастелева, выраженное имъ въ письмѣ къ мнѣ отъ 22-го сентября. А. В. Лѣтниковъ — докторъ чистой математики и профессоръ этой науки въ московскомъ техническомъ училищѣ; онъ обогатилъ русскую математическую литературу двумя своими замѣчательными учеными работами: одною подъ заглавіемъ «теорія дифференцированія съ произвольнымъ указателемъ» и другою подъ заглавіемъ «ислѣдованія, относящіяся къ теоріи интеграловъ вида $\int_a^x (x-u)^{p-1} f(u) du$. Какъ по своимъ ученымъ трудамъ, такъ и по своему ученому положенію А. В. Лѣтниковъ имѣетъ право на ученый авторитетъ, никакъ не меньшій того, на который имѣютъ право какъ по своимъ трудамъ, такъ и по своему ученому положенію каждый изъ тѣхъ членовъ факультета, которые подали отзывъ о трудахъ Барастелева, т. е. Умовъ и Ярошенко съ одной стороны, Лигинъ и Блокъ — съ другой стороны. Вотъ что пишетъ Лѣтниковъ о магистерской диссертациі проф. Барастелева: «изъ трудовъ Борнелія Ивановича мнѣ наиболѣе извѣстна его магистерская диссертациія «о теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго. Авторъ былъ первымъ изъ русскихъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ предметъ, въ то время еще малоразработанный. Диссертациія эта составляла часть его обширнаго труда, въ которомъ были собраны и обработаны новѣйшія изслѣдованія объ эллиптическихъ функціяхъ и функціяхъ, встрѣчающихся въ небесной механикѣ; въ диссертацию вошла только та часть сочиненія, которая имѣла болѣе самостоятельный характеръ. Теорія, составляющая содержаніе диссертациі, была впоследствии предметомъ усилен-

наго вниманія ученыхъ. Множество сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ появленія этого труда, конечно, отнимаютъ часть его интереса для настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе и теперь еще это сочиненіе можетъ быть прочитано съ пользою, въ особенности въ виду тѣхъ замѣчаній, которыя авторъ дѣлаетъ о случаѣ, когда интегрируемая функція обращается въ безконечность на самомъ контурѣ, по которому производится интегрированіе. Притомъ же, въ этомъ сочиненіи имѣется въ виду преимущественно нахождение опредѣленныхъ интеграловъ помощію интегрированія по мнимому пути, а съ этой стороны приращеніе теоріи функціи мнимаго переменнаго съ 1860 года еще весьма не велико. При той ясности и элементарности изложенія, которая составляетъ отличительную черту работъ Борнелія Ивановича, сочиненіе это представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для русской математической литературы». Несправедливость отзыва гг. Лигина и Блока обнаруживается не только субъективностію ихъ взгляда на докторскую диссертацию Барастелева, но и ошибочностію ихъ взгляда какъ разъ на то мѣсто этой диссертациі, которое свидѣтельствуетъ о самостоятельности работы Барастелева, и которое состоитъ изъ 16, 17, 18, 19 и 20 §§ второй главы, содержащихъ прямой выводъ формулъ Леверье по способу Лагранжа. Субъективность взгляда гг. Лигина и Блока на докторскую диссертацию Барастелева проглядываетъ и въ томъ, что они, указывая на литографированный мемуаръ Боши, представленный этимъ великимъ геометромъ въ 1831 году въ туринскую академію наукъ, и на извлеченіе изъ этого мемуара, помѣщенное во второмъ томѣ журнала Ливилля, — не прибавляютъ того, что этотъ литографированный мемуаръ Боши — библиографическая рѣдкость; между

тѣмъ, какъ не дѣлать этого прибавленія и указывать какъ на литографированный мемуаръ Боши, такъ и на извлеченіе, помѣщенное во второмъ томѣ журнала Лиувилля — значить дѣлать намекъ, что этотъ мемуаръ Боши, вѣроятно, былъ прочтенъ проф. Барастелевымъ; но подобные намеки не будутъ дѣлать тотъ, кто относится совершенно объективно; при объективномъ отношеніи къ докторской диссертациі проф. Барастелева, слѣдовало бы гг. Лигину и Блоку изложенное Барастелевымъ доказательство какъ основныхъ свойствъ коэффициентовъ Лагранжа, такъ и знаменитой теоремы Пуассона сравнить съ тѣмъ доказательствомъ Боши, которое находится въ извлеченіи изъ его литографированнаго мемуара, помѣщенномъ во второмъ томѣ журнала Лиувилля; такое сравненіе показало бы, что изложенное Барастелевымъ доказательство основныхъ свойствъ коэффициентовъ Лагранжа и теорема Пуассона представляетъ развитіе того доказательства Боши, которое помѣщено во второмъ томѣ журнала Лиувилля, — притомъ, развитіе, которое говоритъ о самостоятельности работы Барастелева; а потому, не дѣлать этого показанія — не значить ли относиться субъективно къ докторской диссертациі г. Барастелева? Но субъективность взгляда гг. Лигина и Блока на докторскую диссертацию г. Барастелева со всѣмъ блескомъ является въ слѣдующемъ ихъ выраженіи: «наконецъ, проф. Барастелевъ *обращаетъ вниманіе* на то обстоятельство, что *ему удалось* принять такіа произвольныя постоянныя, которыя даютъ возможность найти простѣйшія уравненія для ихъ измѣненій, между тѣмъ какъ эти постоянныя и дѣйствительно замѣчательныя по своей простотѣ уравненія, на которыя указываетъ авторъ, съ давнихъ поръ предложены Боши». Форма, въ которой проф. Барастелевъ въ своемъ

предисловіи излагаетъ преобразованія, имъ употребленныя, или результаты, имъ добытыя — такова, что изъ нея рѣшительно невозможно сдѣлать неопровержимаго заключенія о томъ; что г. Карастелевъ присваиваетъ себѣ результаты имъ выведенные; этого впрочемъ, заключенія и не дѣлаютъ гг. Лигинъ и Блокъ, но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: однимъ изъ аргументовъ, на основаніи которыхъ гг. Лигинъ и Блокъ считаютъ трудъ г. Карастелева весьма слабымъ, выставляется ими, между прочимъ, и тотъ, что Карастелевъ неоднократно заставляетъ думать, что онъ приписываетъ себѣ результаты, добытые Боши, Морисомъ и др.; но въ дѣйствительности оказывается совершенно другое — оказывается, что приведенное мною выраженіе гг. Лигина и Блока фиктивного свойства, такъ такъ во 1-хъ, Карастелевъ въ своей диссертациіи нигдѣ не выступаетъ съ обращеніемъ къ вниманію на то, что онъ сдѣлалъ въ своей работѣ и во 2-хъ, въ своей диссертациіи Карастелевъ нигдѣ не говоритъ, что *ему удалось* принять; въ предисловіи же своемъ Карастелевъ, не дѣлая даже и намека на ту удачу, которую ему съ такою предупредительностію предлагаютъ гг. Лигинъ и Блокъ, говоритъ просто такъ: «произвольныя постоянныя, принятыя мною, дали возможность найти простѣйшія уравненія для ихъ измѣненія». Ошибочность взгляда гг. Лигина и Блока на указанное мною мѣсто докторской диссертациіи Карастелева обнаруживается въ слѣдующихъ двухъ ихъ выраженіяхъ; *первое*: «отличіе вычисленія проф. Карастелева отъ вычисленія Лагранжа основываются на томъ, что при введеніи въ формулы общепринятыхъ элементовъ орбитъ, первый полагаетъ $d\omega = d\bar{\omega} - da$, тогда какъ Лагранжъ принимаетъ $d\omega = d\bar{\omega} - da \cos \gamma$, гдѣ ω есть долгота перигелія, считаемая отъ восходящаго

узла по орбитѣ, α — долгота восходящаго узла, считаемая отъ точки весенняго равноденствія, $\tilde{\omega}$ — употребляемая въ астрономіи условная сумма двухъ количествъ ω и α и γ — наклонность орбиты къ эклиптикѣ»; *второе*: «итакъ, уклоненіе отъ анализа Лагранжа, сдѣланное здѣсь Карастелевымъ, состоитъ лишь въ употребленіи другаго, хорошо извѣстнаго въ астрономіи преобразованія». Дѣйствительно, гг. Лигинъ и Блокъ утверждаютъ, что отличіе вычисленія г. Карастелева отъ вычисленія Лагранжа основывается на томъ, что первый полагаетъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$, тогда какъ Лагранжъ принимаетъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos\gamma$, а потому, заключаютъ гг. Лигинъ и Блокъ, уклоненіе отъ анализа Лагранжа, здѣсь сдѣланное Карастелевымъ, состоитъ лишь въ употребленіи другаго, хорошо извѣстнаго въ астрономіи преобразованія, между тѣмъ какъ для всякаго, хотя сколько нибудь разумющаго дѣла, понятно, что уклоненіе отъ анализа Лагранжа, сдѣланное профессоромъ Карастелевымъ и указываемое гг. Лигинымъ и Блокомъ, состоитъ собственно въ выводѣ уравненій (76, стр. 85), для полученія которыхъ Карастелевъ не употреблялъ, да и нѣтъ нужды употреблять то преобразование, на которое указываютъ гг. Лигинъ и Блокъ и которое, какъ они говорятъ, хорошо извѣстно въ астрономіи. Слѣдомъ открытія обнаруженной мною ошибочности взгляда гг. Лигина и Блока на указанное мѣсто докторской диссертаци г. Карастелева служитъ довольно замѣтная ошибка тѣхъ же гг. Лигина и Блока, заключающаяся въ первомъ, приведенномъ мною, ихъ выраженіи и состоящая въ томъ, что гг. Лигинъ и Блокъ, при объясненіи обозначеній, выведенныхъ въ равенство $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos\gamma$, указываютъ, что какъ въ равенствѣ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$, такъ и въ равенствѣ $d\omega = d\tilde{\omega} -$

$d\alpha \cos \gamma$, количество $\tilde{\omega}$ есть употребляемая въ астрономіи условная сумма двухъ количествъ ω и α ; между тѣмъ, какъ для всякаго, сколько нибудь разумѣющаго дѣло, понятно, что въ равенствѣ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$, подъ ω слѣдуетъ разумѣть уголъ, который Лагранжъ и Пуассонъ дѣйствительно называютъ долгою перигелія, но эта долгота перигелія совсѣмъ не та, которая въ астрономіи называется долгою перигелія по орбитѣ и которую подъ ω слѣдуетъ разумѣть въ равенствѣ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$. Обнаруженная мною ошибочность взгляда гг. Лигина и Блока на указанное мною мѣсто докторской диссертациі Барастелева, наконецъ, уже совсѣмъ окрашивается весьма выдающеюся ихъ ошибкою, содержащеюся въ слѣдующемъ ихъ выраженіи: «возможность обоихъ допущеній (т. е. возможность равенствъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$), въ свою очередь, зависитъ отъ разныхъ способовъ разсматривать измѣненіе суммы $\tilde{\omega}$. Ошибочность взгляда гг. Лигина и Блока, заключающаяся въ этомъ ихъ выраженіи, состоитъ въ томъ, что они возможность равенствъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$ ставятъ въ зависимость отъ разныхъ способовъ разсматриванія измѣненія $\tilde{\omega}$, тогда какъ изъ самихъ этихъ же равенствъ слѣдуетъ, что измѣненіе $\tilde{\omega}$ есть ничто иное, какъ дифференціалъ $\tilde{\omega}$ по времени t , и равенства $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$ — суть дифференціальныя уравненія; а потому возможность каждаго изъ этихъ равенствъ — точно такая же, какъ возможность вообще дифференціального уравненія; что же касается до различія каждаго изъ равенствъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$, то, опять таки, различіе ихъ отнюдь же зависитъ отъ разныхъ способовъ разсматриванія измѣненія $\tilde{\omega}$; различіе равенствъ $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha$ и $d\omega = d\tilde{\omega} - d\alpha \cos \gamma$ зависитъ

единственно только отъ различія того счета долготъ перигелія, который принять Лагранжемъ и Пуассономъ, отъ того счета долготъ перигелія, который обыкновенно принимается въ астрономіи. То мѣсто докторской диссертациі проф. Барастелева, о которое, такъ сказать, оступились гг. Лигинъ и Блокъ, служить твердою опорою для того, чтобы утверждать, что докторская диссертациія Барастелева, хотя по содержанию своему и компиляція, но все таки работа самостоятельная, составляющая полезный вкладъ въ русскую математическую литературу. Дѣйствительно, выводъ формулъ Леверье, изложенный Барастелевымъ въ 16, 17, 18, 19, и 20 §§ второй главы несомнѣнно свидѣтельствуетъ о самостоятельности его работы; кромѣ того, этотъ выводъ Барастелева имѣетъ научное значеніе, какъ прямой выводъ формулъ Леверье по способу Лагранжа; изложеніе же Барастелева дѣлаетъ чтеніе его докторской диссертациі полезнымъ какъ изложеніе глубоко обдуманное, точное, ясное и математически строгое. Въ представленіи своемъ я ограничился лишь указаніемъ на то, что разсужденіе Барастелева объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ признано достойнымъ степени доктора, такъ какъ я предполагалъ, что сдѣлать одно только это указаніе, — значитъ выразить мнѣніе объ упомянутомъ разсужденіи Барастелева какъ о самостоятельной работѣ, составляющей полезный вкладъ въ русскую математическую литературу; такое же предположеніе я основывалъ на твердой увѣренности въ томъ, что при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ каждый университетъ умѣетъ цѣнить дарованныя ему права и хранить ихъ настолько, что уже невозможенъ тотъ фактъ, чтобы какой бы ни былъ университетъ удостоилъ бы высшей ученой степеніи такое сочиненіе, которое не

могло бы быть признано самостоятельной работой, приносящей пользу русской ученой литературѣ. Въ подтвержденіе несправедливости вообще отзыва гг. Лигина и Блока о докторской диссертациі проф. Барастелева, считаю долгомъ привести мнѣніе о ней А. В. Лѣтникова, о которомъ я уже говорилъ въ возраженіи моемъ на отзывъ гг. Ярошенко и Умова о магистерской диссертациі проф. Барастелева. Вотъ что пишетъ Лѣтниковъ о докторской диссертациі Барастелева, въ письмѣ ко мнѣ отъ 22-го сентября: «другое мнѣ известное сочиненіе Борнелія Ивановича — теорія измѣненія произвольныхъ постоянныхъ — представляетъ обработку весьма важнаго вопроса, причемъ, изложеніе предмета можетъ быть поставлено примѣромъ ясности, свидѣтельствующей о глубокомъ пониманіи авторомъ сущности дѣла, при исполнѣ самостоятельномъ къ нему отношеніи. Въ этой диссертациі нѣтъ претензій на обогащеніе науки новыми теоріями, но есть толковое и глубоко обдуманное изложеніе предмета, которое дѣлаетъ чтеніе ея полезнымъ и просвѣщающимъ. Самостоятельность труда Борнелія Ивановича заключается въ обработкѣ многихъ сторонъ предмета, въ новомъ выводѣ уравненій (I, II, III, IV, V, VI, стр. 83), а также и въ приемахъ изложенія. Упростить изложеніе предмета, сдѣлать его болѣе доступнымъ изученію, облегчить его усвоеніе — есть задача, исполненная Борнеліемъ Ивановичемъ чрезвычайно удачно, что, между прочимъ, болѣе всего свидѣтельствуешь о его профессорской опытности и о его постоянномъ стремленіи — доводить математическое дѣло до послѣдней степени ясности».

д) Мнѣніе проф. Вальца: «честь имѣю письменно изложить сказанное мною въ засѣданіи, бывшемъ 30 сентября, по вопросу объ избраніи проф. Барастелева на пятилѣтіе:

1) мнѣ кажется страннымъ, что въ письменномъ изложеніи мнѣнія, устно высказаннаго г. астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ въ предыдущемъ факультетскомъ засѣданіи, вовсе не упоминается объ казавшейся тогда г. Блоку ошибкѣ въ одной изъ формулъ, ошибкѣ, которую, согласно тогда высказанному г. Блокомъ мнѣнію, трудно считать опечаткой, такъ какъ она вошла въ послѣдующія за ней формулы; 2) до сихъ поръ мы преимущественно разсуждали о научныхъ работахъ Барастелева и мало говорили о его преподавательской дѣятельности. При обсужденіи вопроса объ оставленіи на пятилѣтіе преподавателя, на мой взглядъ, вопросъ о его педагогической дѣятельности имѣеть громаднѣйшее значеніе. Вотъ почему я обращаю вниманіе на этотъ вопросъ и, какъ имѣвшій честь быть деканомъ физико-математическаго факультета новороссійскаго университета, считаю нравственнымъ долгомъ заявить, что, присутствуя, какъ деканъ, на испытаніяхъ профессора Барастелева, я былъ пораженъ блестящими отвѣтами его учениковъ. Хотя я и незнакомъ съ высшею математикой, но, тѣмъ не менѣе, смѣло утверждаю сказанное, основываясь въ этомъ случаѣ на общемъ впечатлѣніи, которое произвели на меня отвѣты студентовъ, на отвѣткахъ, полученныхъ ими, и на мнѣніяхъ объ отвѣтахъ, которыя высказывали какъ г. Барастелевъ, такъ и профессора математическихъ наукъ, присутствованіе на экзаменахъ. Мое высокое мнѣніе о многополезной педагогической дѣятельности глубокоуважаемаго К. И. Барастелева, о его высокихъ достоинствахъ, какъ преподавателя, я выражаю съ тѣмъ большею смѣлостію, что мнѣніе это раздѣляется преподавателями высшей математики. Мы слышали отзывы профессоровъ Лѣтникова и Сабинина, касавшіеся этого вопроса, и

у меня имѣются документальныя доказательства, что многоуважаемые члены нашего факультета, профессора Лигинъ и Ярошенко, ученики Б. И. Карастелева, раздѣляли этотъ взглядъ: въ подписяхъ, которыя они дѣлали на своихъ диссертацияхъ магистерскихъ, передаваемыхъ Б. И. Карастелеву, они выражали глубокое или высокое уваженіе къ нему какъ къ наставнику и руководителю, однимъ словомъ — оцѣнивали по достоинству его многополезную педагогическую дѣятельность».

с) Письмо проф. А. В. Лѣтникова къ проф. Е. Θ. Сабину отъ 22-го сентября: «въ виду приближающагося 25-ти лѣтняго срока ученой и профессорской дѣятельности Б. И. Карастелева, я беру на себя смѣлость высказать вамъ, какъ одному изъ представителей факультета, къ которому принадлежитъ Борнелій Ивановичъ, нѣсколько словъ о моемъ съ нимъ знакомствѣ и о его ученыхъ трудахъ. Я встрѣтился съ Бор. Иванов. въ Парижѣ въ 1859 году. Онъ состоялъ въ то время профессоромъ рипельевского лицея, а мнѣ было 22 года и я только еще приступалъ къ изученію тѣхъ областей науки, которыя лежали внѣ университетскаго преподаванія. Я прожилъ слишкомъ два года въ Парижѣ, имѣлъ случай сблизиться съ Кар. Иванов. и впоследствии работать вмѣстѣ съ нимъ по изученію нѣкоторыхъ научныхъ теорій, въ то время еще мало извѣстныхъ среди русскихъ ученыхъ. Мнѣ чрезвычайно пріятно вспомнить это время горячаго труда, время усидчивой работы, открывавшей мнѣ такъ много новаго. Въ Кар. Ивановичѣ я нашелъ просвѣщеннаго и опытнаго руководителя, въ которомъ любовь къ наукѣ, обширныя познанія и настойчивое стремленіе къ ихъ расширенію соединялись съ полнымъ отсутствіемъ самолюбія и самонадѣянности. Я рѣдко и впоследствии встрѣчалъ людей такъ всецѣло преданныхъ на-

уѣ, ради которой онъ часто пренебрегалъ насущными потребностями. Несмотря на обширность своего знанія, онъ товарищески относился къ моимъ занятіямъ и готовъ былъ цѣлые дни просиживать, работая вмѣстѣ со мною, раздѣляя мои увлеченія и помогая мнѣ разрѣшать встрѣчавшіяся затрудненія. Впослѣдствіи, занимаясь съ нимъ вмѣстѣ, я нашелъ въ немъ опытнаго ученаго, недовѣрчивый умъ котораго глубоко охватывалъ предметъ изучаемой теоріи, открывая въ немъ часто слабыя стороны, которыя могли бы быть и не замѣчены менѣе опытнымъ математикомъ. Въ Бор. Ивановичѣ я всегда высоко цѣнилъ его любовь къ наукѣ, неотступавшую ни предъ какимъ трудомъ, его добросовѣстное отношеніе къ труду и это чисто-юношеское увлеченіе, съ которымъ онъ относился къ интересамъ своего предмета, — качества, признаваемые незамѣнимыми въ преподавателѣ. Изъ трудовъ Бор. Ивановича, мнѣ наиболѣе извѣстна его магистерская диссертация о теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго. Авторъ былъ первымъ изъ русскихъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ предметъ, въ то время еще мало разработанный. Диссертация эта составляла часть его обширнаго труда, въ которомъ были собраны и обработаны новѣйшія изслѣдованія объ эллиптическихъ функціяхъ и функціяхъ, встрѣчающихся въ небесной механикѣ; въ диссертацию вошла только та часть сочиненія, которая имѣла болѣе самостоятельный характеръ. Теорія, составляющая содержаніе диссертации, была впослѣдствіи предметомъ усиленнаго вниманія ученыхъ. Множество сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ появленія этого труда, конечно, отнимаютъ часть его интереса для настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе и теперь еще это сочиненіе можетъ быть прочитано съ пользою, въ особен-

ности въ виду тѣхъ замѣчаній, которыя авторъ дѣлаетъ о томъ случаѣ, когда интегрируемая функція обращается въ безконечность на самомъ контурѣ, по которому производится интегрированіе. Притомъ же, въ этомъ сочиненіи имѣется въ виду преимущественно нахождение опредѣленныхъ интеграловъ помощью интегрированія по мнимому пути, а съ этой стороны приращеніе теоріи функцій мнимаго переменнаго съ 1860 года еще весьма не велико. При той ясности и элементарности изложенія, которая составляетъ отличительную сторону работъ Бор. Ивановича, сочиненіе это представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для русской математической литературы. Другое, мнѣ извѣстное сочиненіе Бор. Ивановича «теорія измѣненія произвольныхъ постоянныхъ» — представляетъ обработку весьма важнаго вопроса, причѣмъ изложеніе предмета можетъ быть поставлено примѣромъ ясности, свидѣтельствующей о глубокомъ пониманіи авторомъ сущности дѣла, при вполне самостоятельномъ къ нему отношеніи. Въ этой диссертациі нѣтъ претензій на обогащеніе науки новыми теоріями, но есть толковое и глубоко обдуманное изложеніе предмета, которое дѣлаетъ чтеніе ея полезнымъ и просвѣщающимъ. Самостоятельность труда Бор. Ивановича заключается въ обработкѣ многихъ сторонъ предмета, въ новомъ выводѣ уравненій I, II, III, IV, V, VI (стр. 83), а также и въ приѣмахъ изложенія. Упростить изложеніе предмета, сдѣлать его болѣе доступнымъ изученію, облегчить его усвоеніе — есть задача, исполняемая Бор. Ивановичемъ чрезвычайно удачно, что, между прочимъ, болѣе всего свидѣлствуетъ о его профессорской опытности и о его постоянномъ стремленіи доводить математическое дѣло до послѣдней степени ясности. Та ревность, съ которою, какъ это мнѣ лично извѣстно, Бор. Ивановичъ всегда

заботился о томъ, чтобы дать дорогу начинающимъ ученымъ, которыхъ способности онъ оцѣнилъ самъ, или на которыхъ ему было указываемо какъ на людей даровитыхъ, свидѣтельствуешь также не мало о его безкорыстной любви къ наукѣ. Среди моихъ друзей московскихъ профессоровъ — математиковъ, мало знающихъ Бор. Ивановича лично, тѣмъ не менѣе всѣ желаютъ ему полного успѣха въ предстоящемъ переизбраніи, которое покажетъ, что его честный и добросовѣстный трудъ цѣнится и его товарищами».

По выслушаніи доклада открылись пренія объясненіемъ проф. Сабина, который говорилъ: «изъ факультетскаго представленія видно, что въ факультетѣ кончилась уже полемика о трудахъ проф. Барстелева — между мной съ одной стороны и между гг. Ярошенко, Умовымъ, Лигинымъ и Блокомъ съ другой стороны. Но конецъ вѣнчаетъ дѣло, говоритъ русская пословица; поэтому я и считаю своимъ долгомъ указать на то, чѣмъ же кончилась наша ученая полемика, — кончилась она слѣдующимъ заявленіемъ гг. Ярошенко, Умова, Лигина и Блока: они, какъ сказано въ факультетскомъ представленіи, заявили, что, несмотря на возраженія, выраженные въ бумагѣ проф. Сабина и *относящіяся только къ несущественнымъ сторонамъ ихъ отзывовъ*, остаются при выраженномъ ими мнѣніи. Изъ этого заявленія гг. Ярошенко, Умова, Лигина и Блока прямо вытекаетъ такое заключеніе: основаніе къ тому, что они остаются при прежнемъ рѣшеніи состоитъ въ томъ, что они считают мои возраженія противъ ихъ отзывовъ относящимися только къ несущественнымъ сторонамъ ихъ же отзывовъ, тогда какъ мои возраженія заключаются въ указаніяхъ какъ на субъективность ихъ взгляда на труды проф. Барстелева, такъ и на ошибочность ихъ взгляда на то

мѣсто докторской диссертациі проф. Барастелева, которое, *вопреки ихъ отзыву*, приведено мною въ доказательство самостоятельности и полезности этой работы Барастелева. На такомъ основаніи, конечно, немислима никакая ученая полемика, также точно какъ немислима всякая полемика о какой нибудь ученой работѣ — на томъ основаніи, чтобы указанія на полезность этой работы считать *относящимися только къ несущественнымъ сторонамъ* того отзыва, который говоритъ о бесполезности этой же самой работы. Вотъ почему въ сегодняшнемъ засѣданіи совѣта, назначенномъ для обсужденія объ оставленіи профессора Барастелева на пятилѣтіе, мнѣ остается одно только, къ чему побуждаетъ меня сознаніе моего долга: я считаю своимъ долгомъ предъ досточтимымъ совѣтомъ мнѣніе мое о трудахъ Барастелева подтвердить мнѣніями уже такихъ ученыхъ какъ Давидовъ, Бугаевъ, Бредихинъ и Слудскій, — мнѣніями этихъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, изложенными въ общедоступной формѣ и содержащимися въ ихъ письмахъ, полученныхъ мною въ октябрѣ мѣсяца послѣ факультетскаго засѣданія (30 сентября), на которомъ происходило баллотированіе Барастелева на оставленіе его на пятилѣтіе. Мнѣніе Н. В. Бугаева, о магистерской диссертациі Барастелева состоитъ въ слѣдующемъ: во 1, магистерская диссертациі Барастелева есть и до сихъ поръ почти единственное на русскомъ языкѣ изложеніе теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго; во 2-хъ, она приноситъ русской математической литературѣ пользу, за которую нельзя не благодарить автора; въ 3-хъ она обнаруживаетъ въ авторѣ достаточно хорошее знакомство съ трудами французскихъ математиковъ по теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго; и въ 4-хъ, въ ней изложеніе отличается ясностію, простотою и опредѣленностію;

причемъ Н. В. Бугаевъ съ благодарностію вспоминаетъ о томъ, что онъ съ магистерской диссертациі Бар. Ивановича началъ изучать когда-то теорію интеграловъ функцій мнимаго переменнаго. Такимъ образомъ, мнѣніе Н. В. Бугаева о магистерской диссертациі Барастелева какъ нельзя болѣе подтверждаетъ все сказанное мною о ней какъ въ моемъ представленіи, такъ и въ моемъ возраженіи противъ отзыва гг. Ярошенко и Умова о магистерской диссертациі Барастелева. Въ своемъ мнѣніи о послѣднемъ сочиненіи Барастелева: приложеніе теоріи функцій мнимаго переменнаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія пертурбаціонной функціи, Ѳ. А. Слудскій указываетъ на то, что изложеніе Барастелева отличается простотою и ясностію — качествами весьма важными въ преподавателѣ. О томъ же послѣднемъ сочиненіи Барастелева, а также о его докторской диссертациі мнѣніе свое Ѳ. А. Бредихинъ выражаетъ такъ: во 1-хъ, Ѳ. А. Бредихинъ пишетъ, что онъ съ своей стороны никоимъ образомъ не можетъ раздѣлять мнѣнія подобнаго тому, чтобы эти сочиненія Барастелева считать *просто* компиляціями; ихъ, по его мнѣнію, вѣрнѣе всего можно признать тѣмъ, что у нѣмцевъ разумѣется подъ словомъ *Bearbeitung*. Хотя нельзя отрицать, что подъ словомъ *Bearbeitung* можно разумѣть и не самостоятельную работу, но въ такомъ случаѣ *Bearbeitung* приводится къ простой компиляціи, между тѣмъ, по мнѣнію Бредихина, какъ послѣднее сочиненіе Барастелева, такъ и его докторскую диссертацию никакъ нельзя назвать *просто* компиляціями, а потому, по мнѣнію Ѳ. А. Бредихина, эти сочиненія Барастелева, а слѣдовательно и его докторскую диссертацию нужно признать за такого рода *Bearbeitung*, которое составляетъ работу самостоятельную; во 2-хъ, Ѳ. А. Бредихинъ

писать, что Барастелевъ въ обоихъ сочиненіяхъ своихъ (сейчасъ упомянутыхъ, а слѣдовательно и въ докторской диссертациі) вполне достигаетъ той цѣли, чтобы, какъ можно болѣе, освѣтить избранные для изложенія вопросы. Если въ докторской диссертациі своей Барастелевъ вполне достигаетъ той цѣли, на которую указываетъ Ѳ. А. Бредихинъ, то эту диссертацию нельзя не признать сочиненіемъ полезнымъ для русской математической литературы. Причемъ считаю не лишнимъ присовокупить слѣдующее: въ письмѣ своемъ Ѳ. А. Бредихинъ, указывая на то, что Бар. Ивановичъ посвятилъ себя по преимуществу профессорской дѣятельности, также точно какъ Н. Е. Зерновъ, лекціи и наставленія котораго съ величайшею благодарностію вспоминаютъ его ученики, заявившіе уже себя плодотворною педагогическою дѣятельностію, — выражаетъ мнѣніе о томъ, что для распространенія научнаго математическаго образованія въ Россіи нужно желать, чтобы тѣ изъ нашихъ профессоровъ, которые отвлечены дѣятельностію академическаго свойства, приложили свои старанія, подобно Н. Е. Зернову и Б. И. Барастелеву, къ всестороннему разъясненію — къ *Bearbeitung* — мѣстъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ. Мнѣніе мое о достоинствѣ и полезности докторской диссертациі проф. Барастелева подтверждается также слѣдующимъ мнѣніемъ А. Ю. Давидова: «хотя его сочиненіе (т. е. докторская диссертациа Барастелева) не содержитъ никакихъ новыхъ, ему принадлежащихъ изслѣдованій, расширяющихъ предѣлы науки, но по ясности и простотѣ изложенія и дѣльному распредѣленію матеріала представляетъ трудъ весьма хорошій; его сочиненіе, безъ сомнѣнія, можетъ быть весьма полезно желающимъ заняться механикой, представляя имъ очень удобное средство оріентироваться въ одномъ изъ са-

ныхъ сложныхъ вопросовъ науки, и желательно, чтобы наша учебная и ученая литература представляла побольше такихъ сочиненій».

Профессоръ Ярошенко отвѣчалъ: «выслушавъ въ засѣданіи факультета мнѣніе проф. Сабинина, какъ я, такъ и профессора Умовъ, Лигинъ и Блокъ сочли излишнимъ отвѣчать на него, а потому ограничились только заявленіемъ, что и по выслушаніи бумаги г. Сабинина мы остаемся при томъ же мнѣніи—такъ какъ возраженія Сабинина не касаются существенныхъ сторонъ нашего мнѣнія. Такое отношеніе къ мнѣнію Сабинина могло имѣть мѣсто въ факультетѣ, гдѣ въ продолженіи двухъ засѣданій обсуждался вопросъ объ ученой дѣятельности Барастелева и слѣдовательно и члены—спеціалисты могли составить мнѣніе объ этой дѣятельности. Нѣсколько иначе поставлено это дѣло въ совѣтѣ; здѣсь неспеціалистамъ приходится въ первый разъ выслушать цѣлый рядъ мнѣній о профессорѣ Барастелевѣ и при бѣгломъ чтеніи всѣхъ бумагъ, относящихся къ этому дѣлу, имъ, очевидно, трудно сопоставлять эти мнѣнія и отличать существенное отъ несущественнаго. Вотъ почему я и считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу мнѣнія проф. Сабинина. При этомъ я ограничусь только возраженіемъ на первую половину мнѣнія Сабинина, относящуюся къ магистерской диссертациі Барастелева. Высказывая, по желанію членовъ факультета, мнѣніе объ этой работѣ, я и проф. Умовъ имѣли въ виду дать мнѣніе болѣе или менѣе доступное для неспеціалистовъ и потому вотъ какъ характеризовали работу Барастелева: «если изъ этого труда отбросить введеніе, заимствованное у Брю и Бука, посвященное изложенію основныхъ понятій о функціяхъ мнимаго переменнаго, затѣмъ рѣшенія примѣровъ, которыя могутъ

быть найдены какъ въ мемуарахъ Коши, такъ и въ сочиненіи Меуер'а, и большая часть которыхъ, очевидно, взята изъ курса Муаньо, то 80 страницъ сочиненія Барастелева сведутся на 15 или 20, въ которыхъ онъ излагаетъ основныя предложенія Коши съ нѣкоторыми ихъ слѣдствіями и обобщеніями, данными Бертраномъ. Изъ указанныхъ заимствованій было поставлено въ особый упрекъ Барастелеву заимствование изъ курса Муаньо, о которомъ онъ не упоминаетъ, несмотря на то, что пять параграфовъ его труда (12, 13, 14, 15, 16) составляютъ подстрочный переводъ стр. 303—310 курса Муаньо. Все это оставлено проф. Сабининымъ совершенно безъ отвѣта и потому я въ правѣ полагать, что сказанное признается Сабининымъ справедливымъ. Профессоръ Сабининъ останавливается только на двухъ фразахъ, встрѣчающихся въ мнѣніи моемъ и проф. Умова. Я и проф. Умовъ, назвавъ въ нашемъ мнѣніи годъ появленія магистерской диссертациі Барастелева, говоримъ, что сочиненіе это далеко не представляетъ обстоятельнаго изложенія современнаго состоянія избраннаго вопроса. Ясно, что здѣсь мы разумѣемъ время, современное появленію въ свѣтъ диссертациі Барастелева, а никакъ не вопросу о его баллотированіи на пятилѣтіе. Признаюсь, мнѣ не понятно, какимъ образомъ и для чего профессоръ Сабининъ извратилъ смыслъ этой фразы, тѣмъ болѣе, что ея редакція и связь съ остальнымъ изложеніемъ не подавали къ тому ни малѣйшаго повода. Далѣе проф. Сабининъ упрекаетъ меня и Умова въ томъ, что мы говорили, что профессоръ Барастелевъ «даже не познакомился съ замѣчательными трудами Коши въ этой области, такъ какъ многіе *существенные* вопросы въ теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго, разсмотрѣнные въ первый разъ Коши, совершенно не

затронуты автором». Изъ только что приведенной фразы видно, что мы указывали на незнакомство Барастелева съ замѣчательными трудами Коши, потому что не имѣли доказательствъ противнаго въ его трудѣ; кромѣ того, мы имѣемъ право утверждать это, такъ какъ Барастелевымъ не затронуты многіе *существенные вопросы*, разсмотрѣнные Коши, *существенные*, т. е. такіе, отъ отсутствія которыхъ должны страдать какъ строгость, такъ и полнота изложенія избраннаго вопроса. Что касается замѣчанія Сабинина, что будто бы во введеніи къ своей магистерской диссертациі проф. Барастелевъ прямо заявилъ о своемъ знакомствѣ со всѣми трудами Коши по теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго, то я рѣшительно не знаю, гдѣ во введеніи проф. Сабининъ отыскалъ это прямое заявленіе. Я имѣлъ въ рукахъ печатный экземпляръ диссертациі Барастелева изъ нашей бібліотеки и въ немъ я ничего подобнаго не находилъ. Во введеніи Барастелевъ говоритъ только о двухъ общезвѣстныхъ теоремахъ Коши; затѣмъ даже не называетъ ни одного изъ многочисленныхъ мемуаровъ Коши, а прямо заявляетъ, что при составленіи своего труда онъ пользовался сочиненіями Брю и Буэ и лекціями Бертрана. Наконецъ, еслибъ прямое заявленіе, о которомъ говоритъ г. Сабининъ, и было во введеніи, то о немъ тоже можно было бы сказать, что оно субъективно (въ смыслѣ проф. Сабинина), ибо не подтверждено никакими данными въ работѣ. Нисколько не сомнѣваясь въ томъ что проф. Сабинину извѣстно, что работы Коши по теоріи интеграловъ функцій мнимаго переменнаго далеко не ограничиваются двумя названными теоремами, я рѣшительно не могу объяснить себѣ, гдѣ проф. Сабининъ отыскалъ это прямое заявленіе, развѣ можетъ быть проф. Сабинину уда-

лось видѣть его во введеніи къ обширному труду Барастелева, о которомъ говорить и г. Лѣтниковъ; къ тому труду, гдѣ будто были собраны и обработаны новѣйшія изслѣдованія объ эллиптическихъ функцияхъ и функцияхъ, встрѣчающихся въ небесной механикѣ, который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ напечатанъ, и который, по заявленію г. Лѣтникова, уступалъ въ самостоятельности части, появившейся въ печати. Послѣ сказаннаго, я полагаю, что возраженія Сабинина достаточно уяснены и что я и проф. Умовъ имѣли право сказать, что магистерская диссертация Барастелева, — компиляция, *необличающая* въ авторѣ даже знакомства съ важнѣйшими работами по избранному имъ вопросу. Дальше проф. Сабининъ указываетъ на тотъ фактъ, что трудъ Барастелева, о которомъ идетъ рѣчь, былъ принятъ проф. Давидовымъ какъ диссертация на степень магистра; очень легко можетъ быть, что это справедливо, такъ какъ Барастелевъ дѣйствительно приобрѣлъ за этотъ трудъ степень магистра въ московскомъ университетѣ, что и значится въ его формулярномъ спискѣ. Но такъ какъ мнѣ неизвѣстно, какія достоинства были отысканы проф. Давидовымъ въ трудѣ Барастелева, то это замѣчаніе не имѣетъ значенія, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что между диссертациями на степени встрѣчаются и работы плохія. — Перехожу къ приведенному проф. Сабининимъ отзыву г. Лѣтникова и ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями на этотъ отзывъ. При этомъ я, разумѣется, оставляю безъ отвѣта мнѣніе Лѣтникова, относящееся къ обширному труду Барастелева — въ свѣтъ не появившемуся, — къ тому, съ какимъ усиленнымъ вниманіемъ занимались ученые вопросомъ объ интегрированіи функций мнимаго переменнаго и проч. За исключеніемъ указанныхъ мѣстъ, на долю магис-

терской диссертациі Барастелева остается только то, что это сочиненіе было первое на русскомъ языкѣ по избранному предмету и затѣмъ, что оно можетъ быть прочитано съ пользою. Первый фактъ, очевидно, ничуть не свидѣтельствуетъ о достоинствахъ труда Барастелева. Что же касается того, что этотъ трудъ можетъ быть прочтенъ съ пользою, то противъ этого я могу только сказать, что и чтеніе плохаго сочиненія можетъ принести нѣкоторую пользу читателю: все дѣло въ требованіяхъ читателя. Послѣ этого у Лѣтникова слѣдуетъ неожиданное заключеніе, что будто бы магистерская диссертациія Барастелева составляетъ цѣнное приобрѣтеніе для русской литературы. Я удивляюсь какъ проф. Сабининъ рѣшился привести эту фразу Лѣтникова въ своемъ мнѣніи. Въ представленіи своемъ въ факультетъ проф. Сабининъ былъ болѣе скромнаго мнѣнія объ этомъ трудѣ: онъ говоритъ, что если принять во вниманіе время появленія, то это сочиненіе могло имѣть нѣкоторое значеніе въ русской математической литературѣ. Сопоставивъ рядомъ два заключенія о магистерской диссертациі проф. Барастелева—гг. Сабинина и Лѣтникова, я считаю излишнимъ возражать имъ и позволю себѣ только присоединить къ этимъ двумъ мнѣніямъ еще третье, свое. Я думаю, что русская математическая литература не потерпѣла бы никакого ущерба, еслибы этотъ трудъ Барастелева въ свѣтъ не появился. Въ заключеніе, я немогу не выставить одну черту въ мнѣніи Сабинина. Онъ обозвалъ мнѣніе мое и Умова субъективнымъ; будь этотъ эпитетъ употребленъ имъ въ общепринятомъ смыслѣ, то я не обратилъ бы вниманія на такую характеристику. Но чрезъ нѣсколько строкъ Сабининъ разъяснилъ тотъ своеобразный смыслъ, который онъ связываетъ съ эпитетомъ субъективный; по его

миѣнію, субъективность— тоже что несправедливость. Его миѣніе я также называю субъективнымъ, предоставляя ему самому принять это слово въ общепотребительномъ или же въ томъ своеобразномъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ его бумагѣ». Что же касается выдержекъ изъ писемъ, адресованныхъ г. Сабинину московскими профессорами, то проф. Ярошенко считалъ себя обязаннымъ отвѣчать на нихъ въ такомъ только случаѣ, если онѣ будутъ цѣликомъ прочтены въ совѣтѣ, приложены къ протоколу и напечатаны вмѣстѣ съ другими документами. Проф. Сабининъ заявилъ, что онѣ согласенъ, чтобы письма были прочтены въ засѣданіи, но, адресованныя къ нему, онѣ составляютъ его достоиніе и онѣ не считаетъ ни необходимою, ни даже приличнымъ цѣликомъ печатать ихъ въ протоколѣ и сдавать къ дѣламъ совѣта.

Проф. Вальцъ: «я предлагаю просить профессора Сабинина предъявить письма, имъ полученныя, по двумъ причинамъ: 1) въ этихъ письмахъ, на мой взглядъ, еще ярче, чѣмъ въ отзывѣ г. Сабинина, освѣщаются достоинства Б. И. Барастелева какъ ученаго и какъ преподавателя; 2) эти письма служатъ документальнымъ доказательствомъ справедливости выписокъ, сдѣланныхъ проф. Сабининымъ изъ этихъ писемъ. Что же касается до печатанія этихъ писемъ цѣликомъ, то этотъ вопросъ я считаю и нашъ университетъ считалъ безразличнымъ. При избраніи проф. Синцова въ ординарные профессора мною были сдѣланы выдержки изъ ряда писемъ и самыя письма представлены какъ документы безъ всякаго ограниченія; совѣтъ дебатировалъ даже вопросъ объ ихъ печатаніи и эти письма, къ моему крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатаны. На мой взглядъ, предъявленіе писемъ имѣетъ значеніе документальныхъ доказательствъ и напечатанныя вы-

держки изъ этихъ писемъ для авторовъ ихъ имѣютъ тоже значеніе, какъ и печатаніе цѣлыхъ писемъ».

Профессоръ Абашевъ: «по моему мнѣнію, всякій документъ, представляемый на обсужденіе совѣта, вполне принадлежитъ совѣту; если же упоминающій о какихъ либо документахъ, не желаетъ представлять ихъ на усмотрѣніе совѣта, то такіе документы должны считаться не существующими и должны быть устранены отъ разсмотрѣнія совѣта—это не документы, а слухи».

Профессоръ Лигинъ: «проф. Ярошенко только что далъ цѣлый рядъ объясненій по поводу возраженія, представленнаго проф. Сабининымъ на наши отзывы о трудахъ проф. Барастелева. Я, съ своей стороны, считаю нужнымъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній противъ той части возраженія, которой не касался проф. Ярошенко и которая относится къ отзыву, данному мною и астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ о трудахъ проф. Барастелева по прикладной математикѣ. Проф. Сабининъ въ своемъ возраженіи упрекаетъ меня и г. Блока во 1-хъ, въ субъективности, а во 2-хъ, въ ошибочности нашего взгляда на докторскую диссертацию проф. Барастелева. Субъективность нашего взгляда, по мнѣнію проф. Сабинина, проглядываетъ, съ одной стороны, въ томъ, что, говоря о сходствѣ одного мѣста докторской диссертациі проф. Барастелева съ изслѣдованіями Коши, и указывая по этому поводу на литографированный мемуаръ Коши, представленный туринской академіи въ 1831 году, и на отрывокъ изъ этого мемуара, напечатанный впоследствии въ математическомъ журналѣ Лиувилля, не прибавляемъ, что этотъ литографированный мемуаръ Коши—библіографическая рѣдкость; «не дѣлать этого прибавленія», заключаетъ проф. Сабининъ, «и указывать какъ на лито-

графированный мемуаръ Боши, такъ и на извлеченіе, помѣщенное во второмъ томѣ журнала Лувилля, значить—дѣлать намекъ, что этотъ мемуаръ Боши, вѣроятно, былъ прочтенъ проф. Барастелевымъ; но подобныя намеки не будутъ дѣлать тотъ, кто относится совершенно объективно». Во-первыхъ, уже одно сдѣланное нами указаніе, что туринскій мемуаръ Боши есть изданіе литографированное, появившееся въ 1831 году, свидѣтельствуесть ясно, что онъ въ настоящее время долженъ быть библиографическою рѣдкостью. Затѣмъ, вопросъ о томъ—рѣдкость ли этотъ мемуаръ или нѣтъ, не имѣетъ ровно никакого отношенія къ дѣлу, такъ какъ указанное нами мѣсто сочиненія проф. Барастелева имѣетъ сходство съ тою именно частью этого мемуара, которая была впоследствии напечатана въ весьма распространенномъ періодическомъ изданіи. Второе обстоятельство, приведенное проф. Сабиннымъ въ подтвержденіе субъективности нашего взгляда, заключается въ томъ, что мы слова проф. Барастелева «произвольныя постоянныя, принятыя мною, дали возможность найти простѣйшія уравненія для ихъ измѣненій» выразили въ нашемъ отзывѣ такъ: «проф. Барастелевъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что ему удалось принять такія произвольныя постоянныя, которыя даютъ возможность найти простѣйшія уравненія». Предоставляя каждому судить о силѣ такого аргумента, замѣчу только, что проф. Сабининъ посвящаетъ его толкованію почти цѣлую страницу своего возраженія, при чемъ прибѣгаетъ даже къ выраженіямъ въ родѣ слѣдующаго: «въ предисловіи своемъ Барастелевъ не дѣлаетъ даже и намека на *ту удачу, которую съ такою предупредительностію предлагаютъ ему и. Линнъ и Блокъ*». Ошибочность нашего взгляда на докторскую диссер-

тацію проф. Барастелева проф. Сабининъ видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что, по нашему мнѣнію, уклоненіе отъ анализа Лагранжа, сдѣланное проф. Барастелевымъ во второй главѣ при выводѣ уравненій (I), (II), (III), (IV), (V), (VI) состоитъ лишь въ употребленіи въ § 20 другаго, хорошо извѣстнаго въ астрономіи преобразованія, между тѣмъ какъ, по мнѣнію проф. Сабинина, это уклоненіе состоитъ собственно въ выводѣ ур. (76) стр. 85, т. е. въ изложенномъ въ §§ 16, 17, 18, 19 диссертациі проф. Барастелева. Въ этомъ уклоненіи проф. Сабининъ видитъ даже «твердую опору для того, чтобы утверждать, что докторская диссертациія Барастелева, хотя по содержанію своему и компиляція, всетаки работа самостоятельная, составляющая полезный вкладъ въ русскую математическую литературу». Взглянемъ теперь, какъ самъ проф. Барастелевъ смотритъ на это столь важное, по мнѣнію проф. Сабинина, мѣсто своей диссертациі. На стр. 30 онъ говоритъ: «способъ, который мы употребили для вывода уравненій (76), (I), (II), (III), (IV), (V), (VI) немногимъ отличается отъ того, который предложенъ Лагранжемъ во 2 части его аналитической механики». И дѣйствительно, что бы ни говорилъ проф. Сабининъ, здѣсь нельзя не согласиться съ проф. Барастелевымъ, потому что данный имъ выводъ уравненій (76) основанъ на соображеніяхъ, ни въ чемъ существенно не отличающихся отъ тѣхъ, которыя развиты Лагранжемъ въ его мемуарѣ объ измѣненіи элементовъ планетъ, читанномъ, въ 1808 г., въ парижской академіи, и въ §§ 67 до 75 втораго тома его аналитической механики, самыя же уравненія (76) никакъ нельзя считать новыми, такъ какъ онѣ были даны въ томъ же самомъ видѣ Лагранжемъ въ только что названномъ мемуарѣ 1808 г. (§ 24). Итакъ, мы

были вполне правы, утверждая, что уклонение, сдѣланное Барастелевымъ отъ анализа Лагранжа, заключается только въ § 20; да, и оно, какъ мы сказали, состоитъ лишь въ употребленіи другаго, хорошо извѣстнаго въ астрономіи преобразованія, которое приводитъ къ ур. (I), (II), (III), (IV), (V), (VI). Несмотря на это, проф. Сабининъ заявляетъ, что мы оступились о тотчасъ приведенное мѣсто докторской диссертациі проф. Барастелева. Но оступились объ это мѣсто не мы, а оступился о него самъ проф. Сабининъ. Въ самомъ дѣлѣ, проф. Сабининъ, защищая достоинство и значеніе указаннаго мѣста, между прочимъ, утверждаетъ, что «выводъ *формулы Леверье*, изложенный проф. Барастелевымъ въ 16, 17, 18, 19, 20 §§ второй главы, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о самостоятельности его работы»; «кромѣ того», продолжаетъ проф. Сабининъ, «*этотъ выводъ Барастелева имѣетъ научное значеніе, какъ прямой выводъ формулы Леверье по способу Лагранжа*». Подъ *формулами Леверье* проф. Сабининъ здѣсь, очевидно, разумѣетъ уравненія, обозначенныя проф. Барастелевымъ цифрами I, II, III, IV, V, VI, на стр. 88 и 89 его диссертациі. Называть такъ эти уравненія — значитъ думать, что они были предложены впервые Леверье, между тѣмъ какъ эти уравненія встрѣчаются уже въ мемуарахъ Ганзена 1829 года (*Astronomische Nachrichten, herausgegeben von Schumacher, т. 7, стр. 423*), т. е. въ мемуарахъ, опубликованныхъ 11 лѣтъ раньше выхода въ свѣтъ первой работы Леверье по вопросу о возмущеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Но эта ошибка профессору Сабинину, какъ неспеціалисту, еще извинительна. Неизвинительно же ему то, что онъ рѣшается утверждать, будто приведенный проф. Барастелевымъ выводъ уравненій (I), (II), (III), (IV), (V), (VI)

стр. 88-89 — есть выводъ самостоятельный и имѣеть научное значеніе, какъ прямой выводъ этихъ уравненій по способу Лагранжа, тогда какъ этотъ выводъ былъ указанъ еще въ 1829 году Ганзеномъ въ названныхъ мемуарахъ (loc. cit. стр. 421 до 424). Ганзенъ беретъ форм. (76) прямо изъ мемуара Лагранжа 1808 года, гдѣ онъ, конечно, выведены по способу этого геометра, и затѣмъ отъ нихъ переходитъ къ ур. (I), (II), (III), (IV), (V), (VI), стр. 88—89 такимъ же точно путемъ, какъ это дѣлаетъ и профессоръ Барастелевъ. Въ чемъ же заключается научное значеніе вывода профессора Барастелева, о которомъ говорить проф. Сабининъ, когда Барастелевъ для вывода ур. (76) только повторяетъ вычисленіе Лагранжа, а для перехода отъ нихъ къ уравн. (I), (II), (III), (IV), (V), (VI) стр. 88—89 повторяетъ преобразование, встрѣчающееся у Ганзена? Въ этомъ-то повтореніи давно извѣстныхъ приѣмовъ проф. Сабининъ видитъ твердую опору для того, чтобы утверждать, что докторская диссертация проф. Барастелева есть работа самостоятельная. Можно думать, что проф. Сабининъ былъ введенъ здѣсь въ заблужденіе приеденнымъ въ его возраженіи отрывкомъ изъ письма проф. Лѣтникова, въ которомъ тоже утверждается, что самостоятельность труда проф. Барастелева заключается въ *новомъ выводѣ* уравненій (I), (II), (III), (IV), (V), (VI), стр. 88 и 89, тогда какъ выводъ этотъ былъ извѣстенъ по крайней мѣрѣ за 36 лѣтъ до появления сочиненія г. Барастелева. Стараясь уличить насъ въ искаженіи смысла словъ проф. Барастелева, проф. Сабининъ самъ въ толкованіи ихъ грѣшитъ противъ очевиднаго. Такъ, онъ, между прочимъ, утверждаетъ, что «форма, въ которой проф. Барастелевъ въ своемъ предисловіи излагаетъ преобразование, имъ употребленное, или результаты,

имъ добытыя —такова, что изъ нея *рѣшительно невозможно* сдѣлать неопровержимаго заключенія о томъ, что проф. Карастелевъ присваиваетъ себѣ результаты имъ выведенныя.» Для примѣра я возьму слѣдующее мѣсто изъ предисловія проф. Карастелева: «мое вычисленіе коэффициентовъ», говорить проф. Карастелевъ, «встрѣчающееся въ этомъ способѣ (способѣ Пуассона), во многомъ отлично отъ того, которому слѣдовалъ самъ Пуассонъ въ мемуарѣ, напечатанномъ въ XV тетради журнала политехнической школы». Никто, я полагаю, не станетъ отрицать, что проф. Карастелевъ здѣсь присваиваетъ себѣ вычисленіе коэффициентовъ, о которыхъ идетъ рѣчь; а между тѣмъ это вычисленіе, какъ мы уже сказали въ нашемъ отзывѣ, заимствовано прямо изъ «Recherches Astronomiques» Леверье. Я не стану останавливаться на тѣхъ направленныхъ противъ насъ рѣзкихъ восклицаніяхъ, которыми проф. Сабининъ счелъ нужнымъ приправить свое возраженіе, такъ какъ онѣ не могутъ имѣть никакого отношенія къ научной сторонѣ спора; любопытны онѣ развѣ только какъ краснорѣчивыя свидѣтельства «субъективности» взгляда самого проф. Сабинина. Въ заключеніе, я сдѣлаю еще одно общее замѣчаніе относительно возраженія проф. Сабинина. Въ нашемъ отзывѣ мы выразили мнѣніе о трехъ трудахъ проф. Карастелева, тогда какъ проф. Сабининъ, въ своемъ возраженіи, коснулся одного лишь труда—объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ. Далѣе, мы привели много частныхъ и важныхъ фактовъ, ярко обрисовывающихъ значеніе различныхъ мѣстъ докторской диссертациі проф. Карастелева; большую часть изъ этихъ мѣстъ проф. Сабининъ также прошелъ молчаніемъ въ своемъ возраженіи. Наконецъ, резюмируя весь нашъ отзывъ, мы привели цѣлый рядъ аргументовъ, по

которыми мы не можем не признать труды проф. Карастелева по прикладной математикѣ—слабыми компиляціями. «Все сказанное приводитъ къ тому заключенію», пишемъ мы въ концѣ нашего отзыва, «что труды проф. Карастелева, относящіеся къ области прикладной математики, представляютъ только компиляціи. Если при этомъ принять во вниманіе, что многія мѣста этихъ трудовъ сводятся на подстрочные переводы, другія—на самыя близкія заимствованія, а третія — на повторенія общеизвѣстнаго или даже разъ уже сказаннаго самимъ авторомъ, и что авторъ почти нигдѣ не упоминаетъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ непосредственно черпалъ, и неоднократно заставляетъ думать, что онъ присваиваетъ себѣ результаты, добытые такими учеными какъ Боши, Леверье и др., то и со стороны изложенія труды эти нельзя не признать весьма слабыми.» Проф. Сабининъ не возражаетъ ни на одинъ изъ здѣсь приведенныхъ доводовъ, кромѣ послѣдняго. Такое молчаніе проф. Сабинина даетъ мнѣ полное право заключить, что онъ не можетъ отрицать перечисленныхъ нами недостатковъ докторской диссертациі проф. Карастелева и что онъ самъ раздѣляетъ нашъ взглядъ на его два другія сочиненія.»

Профессоръ Вальцъ: «считаю долгомъ повторить въ совтѣ высказанное мною въ одномъ изъ факультетскихъ засѣданій при дебатированіи вопроса объ избраніи многоуважаемаго К. И. Карастелева на пятилѣтіе. Я сказалъ, что мы, натуралисты, ищущіе новизны фактовъ, можемъ впасть въ ошибку при оцѣнкѣ математическихъ трудовъ съ этой точки зрѣнія. Я заявилъ, что я однажды былъ введенъ въ такого рода заблужденіе, въ которомъ я потомъ искренно раскаивался. Въ стѣнахъ нашего университета была представлена диссертациія на степень магистра по наукамъ ма-

тематическимъ, о которой даже со стороны нѣкоторыхъ математиковъ были такіе отзывы, что это компиляція, указывались многіе десятки, даже чуть-ли не сотни страницъ чистаго перевода, которую одинъ изъ математиковъ считалъ на этихъ основаніяхъ студентскимъ упражненіемъ, стоящимъ ниже кандидатскаго разсужденія. Члены физико-математическаго факультета и члены совѣта вспомнить, что я здѣсь говорю по поводу магистерской диссертациі нашего почтеннаго товарища В. Н. Лигина, достоинства которой такъ горячо защищали профессора Карастелевъ, Сабининъ и Беркевичъ и достоинства которой признаны въ другихъ университетахъ. Наученный этимъ опытомъ, я осторожно отнесся къ отзывамъ о трудахъ Карастелева, какъ о компиляціяхъ, прибавлю къ этому—компиляціяхъ *слабыхъ*, какъ выражались въ факультетѣ, и я не могу не обратить вниманія совѣта на то, что мои сомнѣнія вполне оправдались лестнымъ отзывомъ нашего извѣстнаго астронома Бредихина о трудахъ ученыхъ Карастелева,—мнѣніе, которое еще до этого выразилъ въ факультетѣ нашъ математикъ, заявившій себя трудами не только въ отечественной, но и въ иностранной литературѣ—Е. О. Сабининъ»

Профессоръ Сабининъ заявилъ, что онъ находитъ всѣ аргументы, представленные профессорами Ярошенко и Лигинымъ въ дѣлѣ оцѣнки трудовъ Б. И. Карастелева, совершенно ошибочными; въ виду же невозможности, по требованію существующихъ правилъ о веденіи дѣлъ въ совѣтѣ, представить здѣсь же въ письменномъ изложеніи устныхъ замѣчанія, просилъ совѣтъ, чтобы ему дана была возможность напечатать письменныя его возраженія въ университетскихъ «запискахъ». — Проф. Умовъ, вообще раздѣляя мнѣніе проф. Лигина о научныхъ достоинствахъ проф. Карастелева, между прочимъ, замѣтилъ, что мнѣнія москов-

скихъ математиковъ сводятся главнымъ образомъ на признаніе ясности въ трудахъ Карастелева, требованіе же ясности въ изложеніи отъ профессора университета есть шпішумъ, о которомъ нельзя даже и говорить серьезно.

На это проф. Вальцъ отвѣчалъ: «несправедливость мнѣнія проф. Умова, что мнѣнія московскихъ математиковъ сводятся на признаніе ясности въ трудахъ Карастелева, доказывается самымъ яркимъ образомъ письмомъ Бредихина, въ которомъ указывается, что труды Корн. Ивановича—*Bearbeitung* и такого рода *Bearbeitung*, которые нельзя назвать простой компиляціей. Результатомъ нашихъ преній оказывается, что мнѣнія математиковъ относительно К. И. Карастелева раздѣлились: съ одной стороны мы имѣемъ отзывы нашихъ профессоровъ Лигина, Ярошенко, Умова и Блока, мнѣнія, неблагопріятныя для Корнелія Ивановича, и рядъ благопріятныхъ отзывовъ какъ нашихъ профессоровъ Сабинина и Беркевича, такъ и московскихъ математиковъ: Слудскаго, Лѣтникова, Бугаева, Бредихина и Давидова, отзывы, въ которыхъ признаются и научныя и педагогическія достоинства трудовъ Корнелія Ивановича; такимъ образомъ является вопросъ для неспеціалистовъ: къ которому изъ двухъ мнѣній присоединиться—къ мнѣніямъ-ли гг. Лигина, Ярошенко, Умова и т. д., или же къ мнѣніямъ Бредихина, Давидова, Бугаева и проч.»

Въ результатъ произведеннаго затѣмъ баллотированія закрытыми голосами оказалось, что профессоръ Карастелевъ получилъ восемь голосовъ избирательныхъ и шестнадцать неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ увольненіи ординарнаго профессора Карастелева отъ службы за выслугою установленнаго срока.

II. Часть ученая.

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАГО ИСКУССТВА И ИКОНОГРАФИИ

ПО

МИНИАТЮРАМЪ ГРЕЧЕСКИХЪ РУКОПИСЕЙ

Н. КОНДАНОВА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.

<p>Значение миниатюръ въ общей исторіи византійскаго искусства и его иконографіи. Редакціи лицевыхъ кодексовъ. Историческія и литературныя свѣдѣнія о производствѣ и его художественный характеръ. Литература исторіи византійской миниатюры.</p>	<p>отр. 1—28</p>
<p>I. Древнѣйшіе греческіе (Иліады) и латинскіе (Виргилія) кодексы съ миниатюрами; календарь Константина Великаго и вѣнскій кодексъ Бытія. Возрожденіе искусства на Востоцѣ. Натуралистическое направленіе древнѣйшихъ миниатюръ и мозаикъ. Общій характеръ и значеніе древнехристіанскаго искусства и новаго художественнаго движенія съ V и VI стол.</p>	<p>28—66</p>
<p>II. Періодъ <i>процвѣтанія</i> византійскаго искусства и миниатюры въ теченіе VI—IX в. Кодексы: Діоскорида, Сирійскаго Евангелія и Космы Индикоплова. Позднѣйшіе кодексы (IX вѣка) того же характера</p>	<p>66—101</p>
<p>III. Вторая половина періода процвѣтанія (IX вѣкъ). Вопросъ о значеніи иконоборства для исторіи византійскаго искусства. Кодексы съ характеромъ упадка античной манеры. Лицевая редакція <i>Псалтыри</i>, древнѣйшіе и позднѣйшіе кодексы лицевой Псалтыри съ характеромъ Толковой. Кодексы съ миниатюрами переходной къ послѣдующему періоду манеры</p>	<p>101—133</p>
<p>IV. Періодъ <i>историческаго процвѣтанія</i> византійской миниатюры и искусства: отъ конца IX в. по конецъ XII в. Общая характеристика формы, содержанія, типовъ, символовъ и натуралистическаго направленія. Редакціи лицевыхъ кодексовъ <i>Псалтыри</i> съ парадными иллюстраціями, рукописи <i>Палеи</i> и Псалтыри. Лицевые кодексы словъ <i>Григорія Богослова</i>, Библии (<i>Октоехва</i>), <i>Менологія</i>, <i>Милей</i> и Сборниковъ <i>Житій</i>. Очеркъ исторіи Богородичныхъ праздниковъ и лицъ рукописи <i>Гомилій о Дьяблѣ</i>. Дѣявіица I. Климака и олицетворенія отвлеченныхъ понятій.</p>	<p>133—235</p>
<p><i>Лицевая Евангелія</i>: съ полною иллюстраціею по кодексамъ XI—XIII вѣковъ; съ изображеніями Евангелистовъ и подобныя кодексы Пророчествъ, Посланій и соч. Отцовъ ц.</p>	<p>235—259</p>
<p>V. Заключительный періодъ или <i>паденіе</i> византійскаго искусства и миниатюры: съ начала XIII в. до паденія Имперіи. Внешнія и внутреннія причины этого паденія. Лицевыя Евангелія XIII и XIV вѣка. Редакція кодексовъ книги Іова съ иллюстраціею, <i>Житія Іоасафа Царевича</i>, Александра Македонскаго и позднѣйшихъ кодексовъ</p>	<p>259—270</p>
<p>Дополненія.</p>	<p>— 271</p>

ИСТОРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАГО ИСКУССТВА И ИКОНОГРАФИИ ПО МИНИАТЮРАМЪ РУКОПИСЕЙ.

Историческое значеніе византійскихъ миниатюръ или раскрашенныхъ рисунковъ въ греческихъ рукописяхъ указывается уже тѣмъ, что самая наука исторіи византійскаго искусства доселѣ обуславливается и наполняется преимущественно общими выводами изъ анализа лицевыхъ или украшенныхъ миниатюрами рукописей, въ хронологической послѣдовательности ихъ, начиная съ IV и V вѣка и кончая паденіемъ Византійской Имперіи. На этихъ выводахъ основываются не только спеціальныя изслѣдованія, но и общія руководства по исторіи живописи и искусства. Значить ли это, что византійское искусство мало произвело на свѣтъ по другимъ родамъ художественныхъ произведеній? Но обширныя и монументальныя мозаики византійскихъ церквей Равенны, Константинополя, Солуни, Венеціи, городовъ южной Италіи и Сициліи, несомнѣнно, должны были стоять во главѣ историческаго движенія этого искусства. Изящныя работы на слоновой кости въ древнѣйшую эпоху Византіи, разнообразныя металлическія производства и неподражаемыя эмали впоследствии, вмѣстѣ съ шитыми тканями были тѣми художественными произведеніями Византіи, по которымъ Западъ цѣнилъ и судилъ всегда ея искусство. Правда, между мозаиками Равенны и Фессалоники съ одной стороны и мозаиками Венеціи и Италіи съ другой есть промежутокъ въ пять вѣковъ, для котораго совершенно отсутствуютъ памятники подобнаго монументальнаго рода; и многое ли мы имѣемъ отъ другихъ византійскихъ производствъ ранѣе X вѣка? Между тѣмъ

исторія византійскої мініатюры представляеть серію памятниківъ однородныхъ, идущую на значительномъ пространствѣ времени, и какъ мы постараемся показать, — непрерывно съ древнѣйшихъ временъ существованія византійскаго искусства и до послѣднихъ дней Византійской Имперіи. Вотъ почему византійскія миниатюры не должны быть разсматриваемы лишь въ томъ несущественномъ для ихъ исторіи и случайномъ видѣ, какой онѣ имѣють, какъ наглядная иллюстрація различныхъ рукописей, въ формѣ исторіи иллюстрированныхъ манускриптовъ, какъ этотъ вопросъ поставленъ напр. даже Лабартомъ, Ваагенемъ, но какъ независимый и важный отдѣлъ самостоятельнаго художественнаго движенія, только применувшаго къ письменности, по требованіямъ времени. Ибо съ библиографической точки зрѣнія на миниатюры манускриптъ, украшенный хотя бы и самымъ дюжиннымъ изображеніемъ историческаго лица, цѣнится болѣе чѣмъ рукопись, полная оригинальныхъ по содержанію и изящныхъ миниатюръ. Напротивъ того, изслѣдованіе исторіи миниатюры, пользуясь подобными библиографическими данными, какъ драгоценными указаніями и важнѣйшимъ пособіемъ въ вопросѣ о датахъ рукописей, должно главною своею цѣлью поставить общую характеристику искусства и его направленій. Извѣстно также, что общій взглядъ на миниатюру и ея исторію приписываетъ этому виду художественныхъ произведеній характеръ субъективный, исключительный, поэтому—чуждый общенароднаго значенія. И въ самомъ дѣлѣ, если мозаика, эмали, металлическія вещи дѣлаются въ мастерскихъ цѣлою группою мастеровъ и ихъ учениками и исполняются при томъ по заказу и въ большихъ центрахъ духовной жизни, то очевидно, что въ подобномъ монументальномъ произведеніи мы должны видѣть работу общую, произведеніе типическое, характеръ общенародный. Напротивъ того, миниатюры, исполняемыя въ монастырѣ однимъ до сужимъ каллиграфомъ—монахомъ для украшенія рукописи богослужебной или духовно поучительной, должны бы были быть проникнуты тѣмъ характеромъ личнаго, своеобразнаго вымысла, который уничтожаетъ въ изслѣдователѣ надежду найти настоящій объективный историческій матеріалъ. Но даже, не выходя за пре-

дѣлы собственной исторіи византийской миниатюры, мы можемъ въ настоящее время положительно утверждать, что такой взглядъ на памятники искусства есть остатокъ отжившихъ эстетическихъ теорій и не можетъ имѣть мѣста въ исторической наукѣ. Какъ живописныя украшенія греческой посуды оказываются пинѣ важнѣйшимъ источникомъ для познанія народной религіи Грековъ, какъ фресковыя росписи погребальныхъ камеръ Этрусковъ и ихъ гробничная утварь содержатъ въ себѣ все ихъ искусство, такъ и византийская миниатюра была самостоятельною и характерною сферою, которая имѣла свою внутреннюю исторію. Есть эпохи такого процвѣтанія искусства, когда оно проявляется въ колоссальныхъ идолахъ Фидія, какъ бы стягивая всѣ свои силы въ одинъ фокусъ, и есть періоды разложенія, дробленія этого идеала, когда искусство проявляется въ мелочныхъ, домашнихъ подѣлкахъ или даже механическомъ воспроизведеніи идеаловъ.

Если, поэтому, историческая важность миниатюръ доказывается апріорнымъ положеніемъ, то объективность ихъ—тѣмъ фактомъ ихъ происхожденія, что всѣ миниатюры рукописей возникали не случайно, но какъ начало и развитіе извѣстныхъ *основныхъ редакцій*, и потому составляютъ непреложно общенародное явленіе въ искусствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всякому разсматривавшему лицевыя греческія Евангелія должно было приходить въ голову, что поразительное сходство ихъ изображеній не можетъ быть случайное. А между тѣмъ подобное сходство простирается не на одни изображенія Евангелистовъ, но и на тѣ многочисленныя иллюстраціи, которыя пестрятъ собою текстъ иныхъ списковъ Евангелія; многіе замѣтили, далѣе, подобнаго рода сходство въ минологіяхъ, рисунки которыхъ необходимо повторяются; еще болѣе въ рукописныхъ толкованіяхъ на книгу Іова и различныхъ сборникахъ сочиненій Отцовъ церкви. Извѣстно, что мы владѣемъ въ одно и тоже время оригиналами и непосредственными копіями подобныхъ лицевыхъ рукописей: кодексъ Космы Индикоплова въ Ватиканѣ и его же въ Лаврентіанской бібліотекѣ; Гомилии Іакова въ Ватиканѣ и Царигѣ; Паноція Ват. бібліотеки и совершенно такая же рукопись въ Московской Синодальной бібліотекѣ. Обѣ послѣднія отличаются

притомъ одними недостатками въ тѣхъ же самыхъ миниаторахъ, не только въ композиціи, но и въ техникахъ, что и показываетъ, что ни одна рукопись не есть оригиналъ, а обѣ суть копии съ общаго оригинала, и потому было явнымъ заблужденіемъ судить по Ватиканскому кодексу о состояніи искусства при дворѣ Комненовъ, на томъ основаніи, что въ кодексѣ изображенъ Алексѣй Комненъ. Различные кодексы гомилій Григорія Назіанзена, встрѣчаемые нами въ бібліотекахъ Парижа (№ 450, 553), Флоренціи Лавр. Plut., VII, 32, Ват. № 463 и Моск. Синод. Вибл. № 61 (LXII) сводятся все къ одной основной редакціи и представляютъ тождество не только въ выборѣ сюжетовъ для иллюстраціи и ихъ композиціи, но иные и въ техникахъ и стилѣ. Откуда должны мы объяснять себѣ то знаменательное сходство и зачастую тождество, какія мы встрѣчаемъ напр. между иллюстраціями Ват. Октоиха (№ 746) XII вѣка къ книгѣ I. Навина и знаменитымъ древнимъ свиткомъ I. Навина, принадлежащимъ той же бібліотекѣ подъ № 405? Между ними таковой значительный промежутокъ времени, что значило бы слишкомъ разсчитывать на случайность, если полагать, что въ бібліотекѣ монастырской, гдѣ писался Октоихъ, хранился и этотъ свитокъ: напротивъ того, гораздо вѣроятнѣе, что композиціи свитка перешли черезъ нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, прежде чѣмъ попали въ рукопись XII вѣка. Тѣмъ болѣе, что греческій кодексъ Ват. библ. за № 747 представляетъ другой Октоихъ, иллюстрированный совершенно тождественно съ № 746, и оба находятся въ подобной же связи съ древнѣйшею иллюстраціею всей Библии, въ родѣ Вѣнскаго рукописи Бытія, какъ то доказано Пиперомъ. Мы могли бы насчитать много подобныхъ примѣровъ, но это можетъ быть удобнѣе сдѣлано при самомъ анализѣ миниатуръ въ соответствующихъ рукописяхъ *). Такимъ образомъ, исторія византійской миниатюры должна

*) См. ниже сравненіе миниатуръ въ рип. Ват. Космы № 699 и различныхъ иллюстрацій въ библейскихъ рукописяхъ; также псалтырей лицевыхъ въ Ват., Лондонской, Барберин., Хлудовской и Пар. бібліотекахъ, а также и отдѣльныхъ миниатуръ, перешедшихъ въ другія поучительныя книги; влія-

признать, что 1) эта отрасль искусства, представляя самостоятельную и по своимъ мотивамъ развивающуюся сферу, объективна и общенародна, 2) а въ силу этого она есть нѣчто цѣлое и представляетъ естественное и необходимое выполненіе общихъ законовъ искусства и его историческаго движенія. Слѣдовательно, мы должны разсматривать всякую лицевую рукопись, какъ плодъ общихъ вкусовъ, знаній и художественнаго направленія за данный періодъ въ извѣстномъ духовномъ центрѣ, и по своему общегодному историческому характеру, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ произведеній искусства. Во вторыхъ, сводя вмѣстѣ всѣ иллюстрированныя византійскія рукописи, мы можемъ, при помощи ихъ историческаго движенія по редакціямъ, возстановить всю исторію миниатюры и такимъ образомъ самаго византійскаго искусства.

И, наоборотъ, если мы примемъ гипотезу редакцій за основаніе всѣхъ нашихъ научныхъ взглядовъ на исторію миниатюры, то мы получимъ самый точный историческій методъ для оцѣнки, объясненія и сопоставленія другъ съ другомъ лицевыхъ рукописей. Встрѣчая въ рукописи XII вѣка олицетвореніе, мы не будемъ относить его появленіе къ этому вѣку, но найдемъ или гадательно укажемъ его древній оригиналъ. Равно, если мы найдемъ въ рукописи X вѣка живописную деталь какъ бы помпеевскаго характера, то, становясь ближе къ истинѣ, мы будемъ думать, что это было столько же копія съ матеріала, оказавшагося подъ рукою каллиграфа-миниатюриста, сколько и ясное свидѣтельство общаго античнаго направленія въ искусствѣ и духовной жизни вѣка.

Наконецъ, подобная самостоятельная и отдѣльная художе-

ніе композицій Менологія на всѣ подобныя иллюстраціи въ Житіяхъ, Святцахъ и пр.; наконецъ тѣсное соотношеніе миниатюръ, украшающихъ Евангелія съ изображеніемъ Евангелистовъ, праздниковъ, евангельскихъ событій, и влияніе ихъ на иллюстрацію Пророковъ и пр. Въ иллюстраціяхъ къ Отцамъ Церкви и Евангеліямъ замѣчаемъ также сокращенія композицій, образованіе краткой схемы, прежняя живописная иллюстрація умѣщается въ букву (см. ркп. Григорія В.) и др.

ственная сфера должна стоять въ постоянныхъ соотношеніяхъ съ другими областями искусства, особенно монументальнаго въ мозаическихъ и фресковыхъ украшеніяхъ храмовъ, и, распредѣляя явленія этой сферы по эпохамъ, мы найдемъ первичныя редакціи и ихъ отношеніе къ монументальному искусству: онѣ ли перенимали его формы и сюжеты, или, обратно, оно разрабатывало въ крупныхъ размѣрахъ образцы, созданныя на почвѣ миниатюры.

Вѣсть съ этимъ опредѣленіемъ по эпохамъ, указанный взглядъ на миниатюру даетъ намъ новый методъ въ анализѣ самыхъ иллюстрированныхъ рукописей: ихъ должно разсматривать по естественнымъ группамъ, иначе—по родамъ и видамъ рукописей. Важнѣйшій недостатокъ всѣхъ изслѣдованій, доселѣ являвшихся по исторіи византійской миниатюры, заключается именно въ отсутствіи этого существеннаго обстоятельства: глядя на лицевыя рукописи какъ на складъ большаго или меньшаго числа миниатюръ, и переходя отъ Евангелія къ Гомиліямъ Хризостома, отъ свитка Иисуса Навина къ Виргилію и потомъ къ Псалтыри, изслѣдователь поневолѣ долженъ былъ оставлять въ сторонѣ самое духовное содержаніе этихъ произведеній, и, избирая для своего анализа лишь немногія миниатюры, судить только о ихъ техникахъ, стилѣ и въ общихъ чертахъ о сюжетѣ. Напротивъ того, убѣдившись, что различныя кодексы, нынѣ разбросанные по бібліотекамъ всей Европы, появлялись въ свое время въ отдѣльныхъ видахъ болѣе или менѣе одновременно и подъ одними вліяніями и условіями, хотя не въ одной мѣстности, мы распредѣлимъ эти кодексы *по ихъ содержанію*: лицевыя Евангелія отдѣльно отъ иллюстрированныхъ Гомилій, лицевыя Псалтыри независимо отъ разныхъ Менологіевъ и пр. и пр. Этимъ путемъ не только будетъ сохранена историческая постановка вопроса, но и окажется способъ научнымъ образомъ воспользоваться тѣмъ матеріаломъ художественнымъ и иконографическимъ, который онѣ представляютъ. Несомнѣнно, что византійское искусство уже въ раннюю эпоху значительно развило въ себѣ характеръ богословскій; это богословско-догматизирующее направленіе должно было, затѣмъ, главенствовать въ знаменованіи рукописей, и весьма многое въ миниатюрахъ нельзя понять ина-

че, какъ справляясь съ текстомъ, который онѣ поясняютъ; быть можетъ, часто содержаніе миниатюры (*diatáxis* по тексту соборнаго постановленія) указывалось заранѣе искуснымъ книжникомъ рисовальщику, ибо мы встрѣтимъ случаи, когда выходная миниатюра иллюстрируетъ одно, но особенно замѣчательное изреченіе въ срединѣ текста; часто также между миниатюрами и текстомъ, всегда древнимъ, слѣдовательно, разнообразно понимаемымъ въ разные періоды, существуетъ лишь мысленное, символическое соотношеніе, которое разгадать и понять можно, только разобравъ самый текстъ и его толкованіе. Таковы въ особенности всѣ иллюстраціи Отцовъ церкви греческой, Толковыхъ священныхъ еписъ, Псалтырей простыхъ и Толковыхъ и пр.

Между тѣмъ, когда эта важнѣйшая сторона вопроса всѣми изслѣдователями оставалась совершенно въ сторонѣ, чѣмъ разрывалась живая связь миниатюры съ текстомъ, который признавался какъ бы несуществующимъ, то и самая миниатюра окончательно утрачивала свое значеніе въ *иконографіи*, потому что извѣстный сюжетъ въ рукописи являлся подѣ влияніемъ различныхъ мыслей и выраженій текста, а также результатомъ современныхъ богословскихъ взглядовъ. Слѣдовательно, если гдѣ эти взгляды имѣли силу и значеніе,—то наиболѣе въ миниатюрахъ, гдѣ для нихъ былъ полный просторъ и гдѣ впервые богословская мысль представлялась въ художественной оболочкѣ. Найдя себѣ признаніе, этотъ новый сюжетъ или эта новая композиція переходила затѣмъ въ живопись монументальную и тамъ окончательно санкціонировалась: мы впоследствии подтвердимъ это обстоятельство не разъ, говоря о византійскихъ мозаикахъ XI—XIII вѣковъ.

Но, независимо отъ этого преобладанія въ миниатюрахъ богословскаго направленія, характеръ индивидуальный долженъ былъ выступать въ нихъ съ неменьшею силою, а вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ художественной личности и извѣстная художественная и религиозная свобода; миниатюры представляютъ такую область, куда охотно удалялось преслѣдуемое православіе и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, безбоязненно проявлялось чистое религиозное одушевленіе. Въ средѣ пышныхъ, роскошествующихъ матеріаломъ и тонкостью исполненія, но бѣд-

ныхъ мыслью и формами произведеній придворнаго византійскаго искусства, миниатюра была, можетъ быть, единственнымъ убъжищемъ для вольнаго (хотя бы и монаха), нецеховаго артиста, интересовавшагося своимъ искусствомъ не въ однихъ техническихъ производствахъ, но и во внутреннемъ содержаніи. Рядомъ съ усиленною скукою блестящихъ рисунковъ придворнаго Менологія разнообразныя сцены и фигуры, поясняющія благочестивому читателю Толковую Псалтырь, даютъ богатый матеріалъ исторической, любопытную символику, рисуютъ общественный и монастырскій бытъ времени, представляютъ намъ, однимъ словомъ, индивидуальную жизнь искусства. Въ этомъ смыслѣ миниатюра представляетъ явный контрастъ съ монументальною византійскою живописью, или съ ея представителемъ—мозаикой; это два полюса, начало и конецъ. Мозаика даетъ намъ какъ бы отлитыя навѣки формы; мозаистъ не изобрѣтаетъ новыхъ позъ и складовъ: картонъ, изготовленный другимъ мастеромъ до мелочей, исполняется имъ буквально. Техническое паденіе становится здѣсь паденіемъ общимъ, и только блестящее состояніе искусства, а главное, самого государства производитъ въ этой сферѣ достойное. Напротивъ того, миниатюра менѣе чувствуетъ удары, постигающіе государство, и не исчезаетъ вмѣстѣ съ упадкомъ вѣшнимъ. Мы укажемъ впослѣдствіи, что именно подобному паденію мы обязаны появленіемъ цѣлой серіи важнѣйшихъ памятниковъ этого рода. Еще болѣе: въ противоположность такимъ издѣліямъ, какъ эмали и мозаики, миниатюра сильно чувствуетъ губительное вліяніе придворнаго блеска; усиливаясь сравняться въ изяществѣ и небывалыхъ тонкостяхъ техники съ этими произведениями пышности, она производитъ цвѣтъ скоропреходящій, результатъ по истинѣ призрачный. Только тамъ, гдѣ миниатюра коронится въ долговременной традиціи и вѣковыхъ образцахъ и стремится къ цѣлямъ высокимъ и вмѣстѣ скромнымъ, она имѣетъ и всѣ необходимыя жизненныя силы. Наоборотъ, искусственнымъ цвѣтомъ и мнимымъ успѣхомъ было процвѣтаніе миниатюры во времена Каролинговъ. Было ли оно результатомъ вліянія византійскаго, какъ полагаютъ иные, или возрожденіемъ классическихъ элементовъ,

во всякомъ случаѣ оно не имѣло національной основы и корня. Явились пышныя, пурпуромъ расцвѣченныя и серебромъ писанныя Библии, Псалтыри и чтенія изъ Евангелій; ихъ миниатюры, всѣ выходные, имѣютъ какой-то показный или парадный характеръ, съ изображеніемъ императора, на первомъ мѣстѣ принимающаго книгу, и обиліемъ различныхъ прикрасъ въ видѣ медальоновъ съ изображеніями монетъ, чтеца въ чреслахъ, сосудовъ, коронъ и пр.; историческія иллюстраціи евангельскихъ и библейскихъ событій лишены художественной и иконографической традиціи и художникъ только старался изобразить иначе, чѣмъ другіе. Понятно, что подобный пустоцвѣтъ кончился ничѣмъ, не оставивъ никакого по себѣ слѣда и не получивъ истиннаго значенія въ исторіи. Для насъ будетъ легко убѣдиться, что въ исторіи византійской миниатюры мы находимъ совершенно инныя условія, инныя начала, ею управляющія, и что Лабартъ, Даженкуръ и др. ошибочно приписывали развитіе миниатюры покровительству византійскаго двора. Мы имѣемъ теперь достаточно данныхъ, чтобы удостовѣриться въ относительной неважности этого покровительства для исторіи византійской миниатюры. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сведемъ всѣ историческія о томъ свидѣтельства въ хроникахъ, то онѣ оказываются крайне незначительны, немногочисленны *) и почти ничего не говорятъ о самомъ характерѣ этой художественной области. Изъ Евсевія *Vita Constant. IV, 36, 37* мы знаемъ о существованіи украшенныхъ живописью Евангелій, и что самъ Константинъ имѣлъ библіотеку. При Зенонѣ въ 477 г. эта библіотека въ 120 т. томовъ сгорѣла, и между ними свитокъ *Иліады* и *Одиссеи*, писанный золотомъ, въ 120 локтей длины; сожженіе Александрійской библіотеки было въ 639 г. Имп. *Θεοδοσίη III*, постригшійся поневолѣ въ *Эфесѣ* въ 716, былъ каллиграфъ и иллюстраторъ рукописей; наслѣдовавшій ему, Левъ Исаврянинъ сжегъ библіотеку въ 36 тысячъ томовъ, основанную Зенономъ. Несомнѣнныя свидѣтельства покровительства миниатюрной живо-

*) См. въ *Chronol. Byz. Muralt* подъ соотвѣт. годами, въ соч. Лабарта *Histoire des arts ind.*, III и Даженкура, *Hist. d. arts, Introduction.*

писи имѣемъ объ Имп. Василии II Македонской династїи и Львѣ Мудромъ, при чемъ, отъ перваго мы имѣемъ нѣсколько богатыхъ рукописей, повидимому, назначавшихся прямо для его употребленія и библіотеки. Константинъ Порфирородный былъ самъ большой любитель изукрашенныхъ книгъ и, по мнѣнію Лабарта, могъ быть отчасти причиною дурнаго вкуса, вошедшаго въ миниатюры, а именно любви къ фантастической орнаментаци и миниатюрному (въ переносномъ смыслѣ) или крохотному жанру иллюстрацій. Затѣмъ для Комненовъ наши свидѣтельства ограничиваются самими же рукописями, равно какъ и для позднѣйшихъ временъ византійской Имперїи; сохранились (вмѣстѣ съ каталогомъ) извѣстія о библіотекѣ Евдокии, жены Константина, X Дуки (+ 1067) ¹⁾. Михаилъ Палеологъ присылаетъ папѣ Евангеліе и иконописца и т. д.

Сравнительно съ этими немногочисленными и маловажными свидѣтельствами о покровительствѣ византійскаго двора миниатюрному производству, мы знаемъ очень многое и характерное о монастырскихъ занятіяхъ этимъ художествомъ. Очень рано искусство это слилось съ собственною каллиграфіею и въ богатыхъ монастыряхъ было въ большомъ распространеніи.

Никифоръ, патріархъ Константинопольскій и извѣстный защитникъ иконопочитанія, въ соч. своемъ о незапятнанной Христовой вѣрѣ ²⁾ и въ полемикѣ (*Antirrhetica*) съ иконоборцами ³⁾ говоритъ о нихъ слѣд.: «они уничтожаютъ ризы, кимелїи съ священными изображеніями, *евангелїя, въ которыхъ почитаются картины*, ни чѣмъ не отличныя отъ тѣхъ, которыя сдѣланы снаружи *Εκτός ἱστορουμέναι*, хотя въ нихъ и тоже содержаніе» онъ же указываетъ на существованіе *древнѣйшихъ лицевыхъ* рукописей, чтившихся *διὰ τῆς ζωγραφικῆς ἐδτεχνίας* — которыя,

¹⁾ Напечатанъ у Монжожа Pal. graeca p. II.

²⁾ Изъ Аглаціи De Eccl. Occ. et Or. cons. lib. 3, Assemani, Kalend. eccl. univ. I p. 16.

³⁾ Изд. Бард. Питра въ Spicileg. solesm., vol. IV, p. 280: *ταύτη δὲ καὶ τῶν ἁγίων Εὐαγγελίων τὰς βίβλους συναπηχρέωσαν. ἔτι καὶ τὰ ἱερὰ κειμήλια φλογὶ πυρὸς παραδόθηαι.*

конечно, и были образцами позднѣйшей византийской миниатюры. Еще любопытнѣе свидѣтельство того же Никифора въ другомъ полемическомъ сочиненіи противъ Евсевія ¹⁾, что лицевыя Евангелія изготовлялись и цѣнились, потому что онѣ представляли истину евангельскую реальнѣе и нагляднѣе, конечно, для простолюдина. Важнѣйшими же свидѣтельствами и данными являются приписи, встрѣчаемыя нами въ лицевыхъ рукописяхъ, особенно въ Евангеліяхъ, Псалтыряхъ и т. т., гдѣ монашествующій или іерействующій каллиграфъ называетъ кратко себя грѣшнаго, указываетъ время написанія и иногда монастырь. И хотя украшеніе рукописей дѣлалось чаще въ монастыряхъ столичныхъ или особенно прикрѣпаемыхъ императорами и дворомъ, и самыя рукописи дѣлались въ даръ имъ, но монастырь пребывалъ, однакоже, единственно тою сферою, откуда миниатюристъ получалъ свои художественные и религіозные мотивы. Между тѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣло съ VIII вѣка во всѣ послѣдующіе монашество на Востокѣ и въ частности въ Византіи: пріобрѣти несокрушимую силу въ церкви подвижничествомъ, оно отдалось интеллектуальной дѣятельности, въ которой находило свою опору для борьбы съ ересями; философскія привычки влекли богослова и къ тонкому изученію Писанія, и къ усвоенію себѣ ораторскаго таланта и умѣнія отъ древнихъ образцовъ. И въ то время, какъ на Западѣ, съ V уже вѣка, падала болѣе и болѣе монастырская наука и только въ эпоху карловингскую оживилась искусственнымъ, недолговременнымъ жаромъ, она была въ VIII и IX вѣкахъ главною силою, которую выставила церковь греческая въ эпоху иконоборства. Такъ, знаменитый въ византийской исторіи и въ борьбѣ съ иконоборствомъ Студійскій монастырь выдѣляется и въ исторіи византийской литературы и искусства: видѣтъ съ уставами отсюда же выходили и редактированныя Лицевыя Псалтыри и Лицевые

¹⁾ Pitra, Spicil. volensm., I p. 463: *Τὸ ἐν γραφαῖς Εὐαγγέλιον, οὗ τὴν δέξασιν, εἰ καὶ παχύτερον, ἐμφαντικώτερον ὄψεως, ἀποφρονταί.* Въ возреженіи его же de Magnete ib. p. 307 указываются миниатюры, изображающія блаженнаго Макарія въ древнѣйшемъ кодексѣ.

Святцы и разные сборники для поучительнаго чтенія покровителямъ патриціямъ и инья иллюстрированныя сочиненія ¹⁾. Тоже, хотя съ меньшою степенью, можно сказать и о монастыряхъ Фессалоники, Антиохіи, Александріи и пр. до Аѳонскихъ въ позднѣйшее время. Съ X вѣка редакціи иллюстрированныхъ рукописей настолько проникаются служеніемъ высокой цѣли и задачамъ этого новаго и самаго многочисленнаго воинства Имперіи ²⁾, что весь послѣдній періодъ исторіи византійской миниатюры слѣдовало бы назвать монашескимъ. Несомнѣнно, что подобная научно-идеальная дѣятельность въ постиженіи христіанства не имѣла мѣста въ монастыряхъ бѣдныхъ, занятыхъ исключительно своимъ пропитаніемъ (напр. въ Месопотаміи, на монастыри которой нападки за грубо-чувственную жизнь начинаются еще съ Созомена) и сосредоточивалась въ извѣстныхъ центрахъ, но за то духовное представительство ихъ было обширно и властно. Этому представительству, основанному на высокомъ возрѣвнн на свободную церковь, которую монашество отстаивало противъ притязаній самихъ императоровъ (Феодоръ Студитъ), призывая иногда папъ и вообще направляя высшій клиръ, не мѣшала, но способствовалъ самый аскетизмъ, который въ самой Византіи умѣлъ уживаться рядомъ съ литературой и изящными искусствами (Григорій В., Василій Великій, Аѳанасій, Златоустъ, положили основаніе умственному аскезу—этой «божественной философіи»); и было-бы заблужденіемъ смѣшивать этотъ активный аскетизмъ, усиливавшійся во времена гоненій и смуть и подвигшій живаго, талантливаго и ученаго Феодора претерпѣть всякія

¹⁾ См. ниже описаніе ркци. Псалтыри Лондон., Евангелій съ Календаріями по студит. образцу, сборника (Пален) ркци. Христ. № 1. О значеніи монастырей въ борьбѣ съ иконоборствомъ см. письма Феодора Студита, изд. при С. Пет. Дух. Акад. 1867 и свидѣтельства виз. историковъ (см. ниже). Pichler Gesch. d. Kirchl. Trennung: M. 1864, I стр. 21, 50, 99, 137, 139 и др.

²⁾ Tafel Eustathius v. Thessalon. Aus d. Griech. B. 1847 стр. 7. «Византія есть сплосной монастырь». Но издатель, руководясь общими и риторическими поученіями автора, пришелъ къ заключенію, что единственною наукою греч. монашества было земледѣліе и мелкая промышленность.

униженія и жестокиа пытки, съ общимъ самоотреченіемъ аскетизма восточнаго, который жилъ независимою жизнью, но, правда, питалъ въ нужную минуту своими силами центръ Имперіи и въ эпоху ея паденія заполонилъ собою бѣдствующее общество ¹⁾).

Какъ въ Византіяцахъ, этихъ прямыхъ наслѣдникахъ древнихъ Грековъ, преобладаніе разсудочной стороны надъ воображеніемъ никогда не допускало въ самыхъ глубокихъ сферахъ увлечься до забвенія привычныхъ философскихъ и схоластическихъ рамокъ, а также и практическаго смысла, такъ и въ монашествѣ Византіи мы находимъ лишь въ слабой степени тотъ мистицизмъ, который обыкновенно проникаетъ всѣ отрасли духовной дѣятельности, а тѣмъ болѣе не видимъ мистицизма восточнаго. Правда, въ любви къ глубокомысленному проникновенію слова и буквы Писанія, «къ мистической ариметикѣ», т. е. къ различнымъ прозрительнымъ умозаключеніямъ, по священнымъ именамъ и числамъ, и проявлялся общій мистическій, религіозный принципъ, но онъ никогда не переставалъ быть общенароднымъ. Вотъ почему всѣ иллюстраціи Толковой Псалтыри, книги Іова, Отцовъ Церкви и пр. не были только мертвымъ книжнымъ дѣломъ, плодомъ монашескихъ досуговъ, но и религіозною потребностью народа. Забывая строгую чистоту священнаго преданія, монахъ вносилъ въ свои поучительныя бесѣды и сказанія апокрифическія и на простой основѣ умѣлъ выткать иногда блестящую эпопею; въ эту область уходило поэтическое чувство и талантъ повѣствователя, стѣсненные въ собственной поэзіи схемой, узкими рамками и отсутвіемъ живаго содержанія. Переложенная въ ямбическіе стихи повѣсть о первородномъ грѣхѣ (Θ. Студита) и эниграммы на Господскіе и Богородичныя праздники, иконы и пр. были вполне по современному вкусу, и ея нехитрые освященные образы давно стали популярными. Въ этой сферѣ схоластическое богословіе разрѣшалось въ изящное поученіе, соперничавшее слогомъ и риторствомъ

¹⁾ Правда, однакоже, что на Востоку литературная дѣятельность монашества послѣ высокаго состоянія въ IV и V вѣкахъ временно пала въ послѣдующее время. См. Encykl. v. Ersch. G. Th. 84 стр. 116.

съ свѣтскою поэзію; для Симеона Метафраста важнѣйшею цѣлю было изложить житія святыхъ въ высокомъ и изящномъ стилѣ: какъ разнится этотъ стиль отъ золотой легенды *Такова de Voyage*!

Съ IX вѣка иконопись также принимаетъ лирико-поучительный характеръ, и сложныя толкованія притчей являются въ ней непосредственнымъ результатомъ этого направленія.

Миниатюра живѣе всѣхъ другихъ чувствуетъ это направленіе, такъ какъ она связана съ нимъ самою литературною средою, и потому въ иконописномъ дѣлѣ этотъ родъ живописи начинаетъ играть первенствующую роль съ VIII — IX вѣка. Не одна только привычка мастеровъ къ мелкому роду живописи, сложившаяся будто-бы въ эпоху иконоборческихъ гоненій, заставляли ихъ предпочитать миниатюру другимъ болѣе высокимъ и монументальнымъ видамъ, но прямая современная потребность. Въ эту сферу уерылось не искусство, но его личная творческая жизнь; здѣсь слагалась впервые лирическая, сложная композиція иконы, выражавшей весь цѣль завѣтныхъ идей и представленій; тонкій богословскій переводъ, составленный по церковной пѣснѣ, испытывался впервые въ иллюстраціи Псалтыря, рѣчей Григорія Богослова и только гораздо спустя являлся въ иконѣ. Мы встрѣтимъ въ исторіи миниатюры IX — XII вѣковъ также много такихъ иконописныхъ изображеній, которыя не привились и были покинуты сразу. Но, вообще говоря, это эпоха окончательнаго сложенія греческой иконописи и монументальныя памятники ея, какъ увидимъ, только слѣдуютъ за иконописнымъ движеніемъ въ миниатюрахъ.

Такимъ образомъ, если для перваго періода исторіи византійской миниатюры съ VI по IX вѣкъ мы довольствуемся множествомъ монументальныхъ произведеній искусства, то во второмъ періодѣ миниатюра дѣлается не только отдѣломъ вполне самостоятельнымъ, но и безспорно главнѣйшимъ, — фактъ, который, однако, не былъ признанъ литературою вопроса.

Литературная исторія византійскихъ миниатюръ, хотя и начинается очень рано, а именно вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ

описаній рукописныхъ бібліотекъ въ Италиі, однако долгое время, не представляетъ матеріала собственно научнаго. Эти публикаціи каталоговъ бібліотекъ Лаврентіанской ¹⁾ во Флоренціи, Туринской ²⁾, Амвросіанской въ Миланѣ (различныя изданія Анжело Май), Вѣнской ³⁾, Марціаны въ Венеціи, корол. или нац. библ. Парижской ⁴⁾, Московской Синодальной ⁵⁾ и англійскихъ бібліотекъ (Коттона, Бодлея, Гарлея и пр.) сообщаютъ по большей части описанія миниатюръ, а иногда и снимки нѣкоторыхъ изъ нихъ; изрѣдка, когда представляется особый интересъ или историческій для античнаго міра или богословскій, издается весь рукописный памятникъ: такъ издапы миниатюры кодексовъ Вѣнскаго Бытія Амвросіанской Илиады ⁶⁾ и Ватиканскаго Менология. Къ сожалѣнію, какъ самыя указанія и описанія миниатюръ, такъ и публикація рисунковъ дѣлались всегда съ полною небрежностью какъ дѣло второстепенной важности. Такъ, знаменитый Монфоконъ ⁷⁾ въ своихъ сочиненіяхъ о греческой палеографіи, о бібліотекахъ Италиі (*Diagium Italicum*), изданіи разныхъ сочиненій Отцовъ церкви, (а также Мабильонъ и др.) нерѣдко подробно описываетъ миниатюры, интересныя въ историческомъ отношеніи; но въ какія грубѣйшія ошибки впадалъ въ своихъ крайне разбросанныхъ и всегда наскоро исполняемыхъ занятіяхъ этотъ трудолюбивый и способный ученый, покажетъ одинъ примѣръ: онъ описываетъ въ библ. Киджи въ Римѣ Діонисія Галикарнасскаго X в. съ его изображеніемъ и прилагаетъ даже его снимокъ, ⁸⁾ самъ справедливо удивляясь странности костюма; между

¹⁾ Bandini, *Catalogus codicum mss. bibl. Medic. Laurentianae*. Fl. 1764, fol.

²⁾ Pasini, *Codices mss. reg. Taurin.* 1749 2 vol. in fol.

³⁾ *Lambecius*. *Comment. de bibl. Caes. Vindob.* ed. Sec. Kollarii. 1766—82. 8 vol. in fol. сокращеніе: Danielis de Nesselii, *Catalogus cod. man. Graecorum Bibl. Caes. Vindobonensis*. 2 vol.

⁴⁾ *Catalogus codd. mss. bibl. reg. Paris.* P. 1739—44. 4 vol. fol.

⁵⁾ Matthaei. *Accurata codd. mss. Mosquens. notitia*. Арх. Саввы. Указатель для обозр. Моск. Патр. Библ. М. 1858.

⁶⁾ Mai, A. *Picturae antiquissimae bellum Iliacum repr. etc.* fol. M. 1819.

⁷⁾ Albani, *Menologium Graecorum*. 3 vol. 1727.

⁸⁾ Pal. gr. p. 23—4.

тѣмъ какъ миниатюра эта лишь крайне грубая современная копія съ исчезнувшаго рисунка XV вѣка. Весьма важное сочиненіе Блюме по описанію итальянскихъ библіотекъ ¹⁾ и обширный сборникъ Фабриціуса ²⁾ ни слова не говорятъ о лицевыхъ рукописяхъ. Несравненно цѣлесообразнѣе пользовался миниатюрами знаменитый Дюбанжъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по византійской древности ³⁾. Равнымъ образомъ и другіе изслѣдователи древностей церковныхъ пользуются изрѣдка лицевыми рукописями, какъ напр. Гоаръ, библіотекаръ Ватикана—Ассеманни, Аллеманни ⁴⁾, и др.; въ XVII и XVIII вѣкахъ появляются и описанія, хотя отрывочныя и ненаучныя со снимками лицевыхъ рукописей византійскихъ, какъ памятниковъ древности: Шилтеръ въ изслѣдованіи о древностяхъ германскихъ ⁵⁾, Гель ⁶⁾ въ описаніи кодекса Евангелія Геттингенской библіотеки, Гори ⁷⁾ въ подобномъ же описаніи и публикаціи Евангелія, принадлежавшаго Флорентійскому аббатству. Въ новѣйшее время Сомераръ ⁸⁾ въ своемъ изданіи средневѣковыхъ памятниковъ помѣстилъ рисунки миниатюръ византійскаго Евангелія XI—XII вѣковъ изъ Гренобльскаго кармелитскаго монастыря. Извѣстный библіографъ Дибдэнъ ⁹⁾, опи-

¹⁾ *Iter Italicum*, 4 vol. 1821—36. Въ 4-мъ т. *Bibl. mss. italica*.

²⁾ *Bibliotheca graeca* ed. Harles, XI vol., 1790—1808. Н.

³⁾ *Constantinopolis christiana*, tab. 9. *Historia Byzantina* p. 142, *Glossarium lat.* tab. VII.

⁴⁾ *De Lateranensib. basilicae parietinis restituendis*, рис. изъ Космы Ват. Allemanni, *Kalend. ecc. Slav.* 1750, t. I.

⁵⁾ Schilterus, *Thes. antiq. teutonic.* 3 vol. 1727 fig.

⁶⁾ Gehlii. *Codex Evangeliorum bibl. Gött.* 1729.

⁷⁾ Gori, *Thesaurus vett. diptychorum* vol. III. p. 102, tal. XII; этотъ же кодексъ, по его словамъ, описывали Lamius *De eruditione Apostolorum* cap. X, p. 229, и Aloysius Galletius, монахъ изъ Кассино. Наконецъ d'Agincourt, *peint.* pl. 47, 6.

⁸⁾ Du Sommerard. *Les arts au moyen âge*, VIII-e série, pl. 12—16. Авторъ наз. рукоп. Псалтырюю, которой сцены всѣ исключительно изъ Нового Завета (см. ниже о мин. Псалт.)

⁹⁾ *Voyage bibliographique, archéol. et pitt. en France*, traduit par Zicquet. P. 1825. *A Bibliographical Tour in the Northern counties of England*. Vol. III. London. 1838 и *Décameron bibliographique*.

савшій множество древнихъ рукописей, мало интересовался византійскими. Другое сочиненіе библиографа Сильвестра ¹⁾ содержитъ въ себѣ, какъ исключеніе, снимокъ съ одной византійской миниатюры изъ Кинегетики Оппіана. Мы считаемъ умѣстнымъ упомянуть здѣсь и тѣ немногія пошты на Западѣ знакомить съ художественною орнаментикою византійскихъ рукописей и пользоваться ею для исправленія вкуса современнаго: хотя при этомъ смѣшивали чисто византійскіе образцы съ ихъ подражаніемъ въ каролингскихъ миниатюрахъ или ограничивали выборъ византійскаго самымъ необходимымъ ²⁾. Но единственное подобное изданіе, удовлетворяющее научнымъ требованіямъ, т. е. исполненное съ строгимъ и умѣлымъ выборомъ и сохраненіемъ всѣхъ тонкостей стиля и техники, есть извѣстное русское изданіе Строгановскаго Музея Художественной Промышленности.

Заслуга первой научной оцѣнки византійской миниатюры и широкаго пользованія этими памятниками принадлежитъ, такимъ образомъ, безспорно Даженкуру ³⁾, который для исторіи живописи съ IV по XIII вѣкъ взялъ основаніемъ миниатюры рукописей; онъ первый описалъ подробно и приложилъ рисунки, снятые прорисью (калька) съ самыхъ оригиналовъ, замѣчательныхъ греческихъ рукописей съ миниатюрами Ватиканской бібліотеки; преслѣдуя свою теорію о византійскомъ вліяніи, возродившемъ искусство Запада въ XIII—XIV вѣкахъ, онъ заботливо сличалъ

¹⁾ *Paléographie universelle*, gr. fol. 4 vol. P. 1841.

²⁾ *Mathieu et Ferd. Denis*. Les ornements des mss. Livre de prières. Paris. 1862 in 12°. En couleurs. О виз. орнамент. p. 10—25; заставка, 4 Евв. Рисунки изъ Парижск. рукоп. № 510, 139, 74, 79. 64.

Denis. Notice sur les mss. à miniatures de l'Orient въ Manuel du peintre par Arsène. 2 vol. in 18. Paris. 1833.

Curmer. Les Evangiles des fêtes et des dimanches, in 4°, Chromolith. Paris 1864.

Racinet. L'ornement polychrome, 1869, fol. Виз. орнаментъ стр. 29—31; по миниатюрамъ изъ рукоп. Пар. № 139, 510, 64, 230; на табл. 31—35 мозаическіе орнаменты изъ Зива въ Палермо.

³⁾ Histoire de l'art, vol. II-e p. 40—85; planches: peinture, 1-re partie, pl. 19—81.

миниатюры греческихъ рукописей X—XIII вѣковъ съ современными латинскими и для нагляднаго убѣжденія представлялъ параллельныя изображенія Евангелистовъ и иконописныхъ сценъ изъ тѣхъ и другихъ ¹⁾); срисовывалъ отдѣльныя фигуры для исторій костюма, заглавныя буквы, орнаменты и образцы письма важнѣйшихъ рукописей для опредѣленія даты. Но въ эту обширную задачу Даженкуръ не могъ, конечно, внести полной подготовки, а для строгаго критическаго отношенія къ ней онъ не имѣлъ ни силъ, ни данныхъ, ни мотивовъ въ самой исторической наукѣ. Какъ произвольны и нерѣдко ошибочны его сужденія по палеографіи, такъ неопредѣленно и слабо было его пониманіе и чувство стиля: онъ легко смѣшивалъ произведеніе VI, VII в. съ средневѣковымъ и зачастую не умѣлъ отличить собственно византійскаго отъ его западныхъ подражаній или даже отъ сходнаго по общей основѣ искусства VII—IX вв. такъ назыв. римской школы. Слѣдуя библиографической методѣ, Даженкуръ не сумѣлъ раздѣлить добытый матеріалъ исторически, и анализировалъ рукописи одну за другою, лишь на основаніи своихъ собственныхъ, иногда смутныхъ палеографическихъ опредѣленій. И въ то время какъ онъ съ особенною внимательностію описывалъ и издавалъ въ рисункахъ неважные или и вовсе ничтожные по историческому значенію кодексы, каковы напр. Паноуплія догматическая (потому что въ ней изображенъ Алексѣй Комненъ), или хирургія Гиппократова и пр., онъ пренебрегалъ рукописями важнѣйшими и одну изъ богатѣйшихъ лицевыхъ рукописей Ватикана (отдѣлъ Бор. Христіны № 1), съ замѣчательными миниатюрами въ листъ, IX или X вѣка, интересную даже въ библиографическомъ отношеніи, онъ упоминаетъ лишь по поводу того, что въ ней коронованіе представлено въ видѣ поднятія на щитъ какъ любопытный сѣверный

¹⁾ *ibid.* pl. 47, 81, 84, 103 др. Даж. пользовался, съ разрѣшенія самаго папы, полнѣйшею свободою въ Ватиканской библіотекѣ, и потому понятно, что имъ былъ почти исчерпанъ весь запасъ лицевыхъ рукописей ея, но Палатинскій ея отдѣлъ былъ въ то время въ Парижѣ. Изъ другихъ римскихъ библіотекъ онъ зналъ лишь Минервинскую.

обычай въ Византіи. Научныя же воззрѣнія Даженкура на византійскія миниатюры не могли быть поэтому обширны: онъ отнесъ всё эти миниатюры ко второй эпохѣ искусства съ VIII вѣка по начало XIII-го; это время на Западѣ представляетъ полное паденіе искусства, а на Востокѣ, по его взгляду, благодаря покровительству блестящаго двора, искусство хранило отчасти свое техническое знаніе и даже доходило до извѣстнаго блеска въ X и XI столѣтіяхъ. Но такъ какъ это поднятіе было искусственное, и блестящія миниатюры этого времени представляютъ лишь «обманчивое совершенство»¹⁾, то тѣмъ глубже было паденіе въ XII вѣкѣ. Смутно понимая значеніе иконографіи, науки, впрочемъ, тогда еще не существовавшей, Даженкуръ нашель, что сюжеты и композиціи становятся сложнѣе съ XII в., и это единственное его замѣчаніе, выходящее изъ разряда обыкновенныхъ описаній внѣшняго вида рукописи, письма, числа миниатюръ, и ихъ техники. Но такъ какъ сочиненіе это со множествомъ снимковъ служить и доселѣ настольною книгою, то и всё недостатки его еще въ полномъ ходу и наука христіанскаго искусства доселѣ владѣеть самою неопредѣленною постановкою памятниковъ съ IV по IX вѣкъ; не переходя въ другія сферы, упомянемъ Ват. рукописи: книги Навина (свитокъ), Топографіи Космы, Вирлигія № 3867 и Ват. Октовека, по которымъ сочиненіе Даженкура только затемнило вопросъ, надолго затормозивши его разрѣшеніе. Общія же воззрѣнія его, вызвавъ отчасти возраженія въ литературѣ нѣмецкой, нашли много послѣдователей въ литературѣ итальянской и французской, породивши, впрочемъ, легковѣсныя приговоры о восточномъ и византійскомъ вліяніи; у французскихъ писателей явилось обычаемъ утверждать, что первое искусство христіанское явилось въ формѣ миниатюръ священныя книгъ у отшельниковъ Эиваиды и Сиріи и отъ нихъ было перенесено въ греческіе монастыри, и т. п. Замѣтимъ кстати, что широкая археологическая дѣятельность Дидрона, извѣстнаго из-

¹⁾ ibid. p. 65.

дателя Археологическихъ Анналь, Иконографіи Бога и пр., кромяъ безспорнаго значенія и пользы, принесла не мало и вреда, породивъ во Франціи особую школу археологовъ-любителей, чуждую строго научнаго отношенія въ христіанской древности.

Общей постановкѣ въ вопроса и отчасти воззрѣніяхъ Даженкура слѣдовали дальнѣйшіе труды по исторіи средневѣковаго искусства, особенно во французской литературѣ, напр. сочиненіе Луандра съ рисунками Ангаръ-Може о предметахъ роскоши въ искусствѣ¹⁾, собраніе различныхъ статей по исторіи искусствъ и быта въ средніе вѣка и эпоху Возрожденія, съ трактатомъ Шамполіона-Фижава «о миниатюрахъ рукописей»²⁾. На той же почвѣ возникло и капитальное сочиненіе Лабарта по исторіи промышленныхъ художествъ: для исторіи византійской миниатюры оно предлагало отдѣльное изслѣдованіе и множество роскошныхъ рисунковъ, передающихъ всѣ особенности стиля и техники³⁾. Этотъ историческій обзоръ византійскихъ миниатюръ (хотя Лабартъ зналъ по собственной наглядкѣ лишь лицевыя рукописи Парижской Нац. Библиотеки, о другихъ же, видимо, пишетъ по Даженкуру, ограничиваясь общими мѣстами), онъ раздѣлилъ на 5 періодовъ: 1) отъ Константина до Льва Исаврянина (717), 2) до Михаила III (842), 3) до Василия II (976), 4) до конца XII в., 5) до паденія Имперіи. Съ перваго взгляда ясно, что авторъ, даже зная всѣ греческія рукописи съ миниатюрами, не могъ бы найти достаточно историческихъ отличій для наполненія своихъ мелкихъ рубрикъ. Такъ, напримѣръ, авторъ, изъ одной рукописи, нѣтъ отосимой къ VIII ст., образуетъ цѣлый отдѣлъ (иконоборческій періодъ) и приходитъ произвольно къ умозаключенію, что въ этотъ періодъ не было рукописей съ миниатюрами, но были ру-

¹⁾ *Louandre, Les arts Somptuaires, vol. II, p. 10, p. 52—59.* Таблицы взяты изъ Пар. № 510, 70, 64, 74.

²⁾ *Paul Lacroix et Ferdinand Séré. Le moyen âge et la Renaissance. 5 vol. in 4°.*

³⁾ *Labarte, Jules. Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la Renaissance. P. 1865 vol. III p. 9 sq.*

кописи орнаментированныя. Другіе періоды характеризуются имъ по манерѣ Даженкура, главнымъ образомъ, въ техникаѣ и общими чертами по поводу содержанія; напр. для перваго періода: «храненіе античныхъ традицій въ формахъ и вкусахъ; свобода композиціи; правильность рисунка; выраженіе въ лицахъ; строгость типа; благородство позы; теплыя тоны тѣла» и пр. и пр. Второй періодъ характеризуется «новымъ стилемъ, сочетавшимъ особенныя декоративныя формы (?) съ античнымъ преданіемъ». Въ X вѣкѣ авторъ открываетъ увлеченіе фантазією и богатство орнаментации: во-первыхъ, рукописи, по которымъ онъ судить, принадлежатъ скорѣе XI в. и во 2-хъ, мы знаемъ, что въ IX в. была уже въ Византіи богатая и фантастическая орнаментика. Такое мелкое дробленіе привело автора, далѣе, къ необходимости видѣть въ четвертомъ періодѣ (XI и XII в.) лишь вліяніе предшествующей школы и уже начинающійся упадокъ, а обращикомъ этого упадка выставить знаменитый Ватиканскій Менологій и столь же извѣстную рукопись Гомилій Такова (Ват. № 1162) ¹⁾. Вообще же въ должной оцѣнкѣ византійскихъ миниатюръ Лабартъ не пошелъ далѣе Даженкура и повторилъ всё его мнѣнія лишь съ немногими оговорками и измѣненіями. Такъ напр. хотя рукопись Космы Ват. онъ по прежнему относитъ съ Монфокономъ и Даженкуромъ къ IX вѣку, но оговаривается, что онъ считаетъ миниатюры этой рукописи копіями съ работъ VI вѣка; между тѣмъ, несомнѣнно — и это признаютъ всё, видѣвшіе самолично кодексъ —, что эти миниатюры никакъ не могутъ представлять копіи, а наоборотъ, даютъ намъ лучшій оригиналъ, какой существуетъ, и этого предположенія не допускаетъ монументальный и высоко артистическій характеръ ихъ исполненія. Во всякомъ случаѣ, починъ на Западѣ искренняго, научнаго отношенія къ византійскимъ занятіямъ остается за французскою наукою. Новѣйшее изданіе Рого де Флери, предлагающее археологическую иллю-

¹⁾ Рецензія: *Отте, Jahrb. d. Kunstw.* 1870 p. 287. Прое. Буслаева въ Сбор. Общ. древне-рус. искусства за 1836, стр. 61.

страцію евангельскихъ событій на 100 таблицахъ ¹⁾, широко пользуется парижскими греческими кодексами. Съ византійскихъ миниатюръ (но также лишь Пар. библ.) начинается иконографическій анализъ сюжетовъ и новое сочиненіе Гримуара о христіанской иконографіи ²⁾.

Инаго рода заслуга принадлежитъ археологинъ нѣмецкой, которая, не интересуясь прямо византійскимъ искусствомъ, и самый вопросъ о немъ и его вліяніи считая тяжелымъ для себя бременемъ, тѣмъ не менѣе почитала своимъ долгомъ употребить при случаѣ всѣ научныя средства и силы для посильнаго разрѣшенія вопроса. И хотя въ изслѣдованіи по исторіи византійскаго искусства приходится чаще относиться отрицательно къ выводамъ нѣмецкихъ археологовъ, основавшимся на предвзятыхъ взглядахъ партіи по существу своему тенденціозной, однакоже, нѣкоторыя, правда, немногія данныя, ими добытыя, на почвѣ общей исторіи искусства (особенно въ переходѣ византійскаго искусства въ Италію) суть результатъ внимательнаго изученія и должны быть приняты въ извѣстныхъ частныхъ изслѣдованіяхъ.

Однимъ изъ первыхъ и вмѣстѣ наиболѣе талантливыхъ изслѣдователей этой партіи былъ извѣстный Руморъ, котораго значеніе ³⁾ для исторіи итальянскаго искусства было въ свое время важно и рѣшительно: его розыски документовъ въ итальянскихъ библіотекахъ, наглядное и продолжительное знакомство съ самыми памятниками, тонкая эстетическая критика и сильная логика блестящаго, хотя парадоксальнаго ума, — все способствовало въ немъ къ успѣшной разработкѣ новаго еще предмета. Но, къ сожалѣнію, остроумный писатель особенно интересовался и увлекался тѣми вопросами, въ которыхъ онъ не имѣлъ подъ собою почвы: вмѣсто того, чтобы ограничиться исторіею живописи Возрожденія въ XIV вѣкѣ, онъ значительную часть своихъ сочиненій и ста

¹⁾ Rohault de Fleury. L'Évangile. Études iconographiques et archéologiques. 2 vol in 4°. 1874.

²⁾ Grimouard de St. Laurent. Guide de l'art chrétien. 6 vol. 1875.

³⁾ Italienische Forschungen. 1827—31 2 Bde. и особенно его статья: Ueber die Entwicklung der ältesten ital. Malerei въ Kunstblatt 1821 г., № 7—12.

той наполнялъ полемикою по вопросу о происхожденіи этого возрожденія, византійскомъ вліяніи и пр.; мало зная древнехристіанское искусство, онъ вовсе не могъ знать византійскаго ¹⁾ и его миниатюръ, хотя и ссылается на нихъ постоянно. По его мнѣнію, вплоть до эпохи Ломбардовъ продолжался древнехристіанскій періодъ искусства, общій для Греціи и Италіи. Затѣмъ съ этого времени въ Греціи покровительство двора, новыя богатства создали временное «условное искусство» изъ сліянія существовавшихъ уже элементовъ; такимъ образомъ, византійское искусство лишь повторило древнехристіанскія идеи, но въ формѣ и постановкѣ средневѣковой-греческой. Если по этому, въ западномъ искусствѣ и было какое либо заимствованіе отъ искусства византійскаго, то это было лишь возвращеніе къ своему первоисточнику-искусству древнехристіанскому, котораго другой потокъ — римскій изсякъ вслѣдствіе вѣшнихъ бѣдствій. Слѣдовательно, византійское искусство не создало почти ничего новаго и, по словамъ автора, *леико можно доказать*, что самое образованіе художественно-религіозныхъ типовъ и композицій (т. е. иконографіи) принадлежитъ древнехристіанскому искусству V — VI вѣковъ; это видно, между прочимъ, по его словамъ, и изъ того, что мы встрѣчаемъ въ композиціяхъ постоянно античныя костюмы и вообще обстановку классическаго искусства. Мы не пойдемъ далѣе съ авторомъ въ рѣшеніи пресловутаго вопроса о вліяніи и полагаемъ, что и приведеннаго достаточно, чтобы представить, съ какою явною тенденціозностью онъ приступалъ къ рѣшенію самыхъ существенныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ. Со свойственнымъ ему остроуміемъ онъ пересадилъ сложеніе всего христіанскаго искусства въ періодъ IV—V вѣка, т. е. въ тотъ, о которомъ мы имѣемъ наименѣе представленія за крайнею бѣдностью памятниковъ, и который, по крайней мѣрѣ, въ силу этой самой бѣдности не могъ играть такой всеобъемлющей роли въ

¹⁾ Довольно указать напр. на то, что мозаики атриума или предвѣнія у Св. Марка въ Венеціи онъ относилъ ко временамъ эзархата--VI и VII вѣку, въ Ital. Forsch. I. p. 175, тогда какъ онъ, навѣрное, не ранѣе XII вѣка.

иконографіи. Однако же, примѣру Румора втайнѣ слѣдовали многіе и относительно иконографіи предпочитали скорѣе думать, что она выработалась уже въ эти времена, нежели предоставить ея разработку искусству византійскому. Исторія миниатюры намъ доказываетъ прямо, что подобнаго рода предположенія основаны на иллюзіи, что искусство IV и V вѣковъ болѣе повторяло прежнія формы, знакомыя по живописи катакомбъ и скульптурамъ саркофаговъ и что, наоборотъ, рѣшительное движеніе въ христіанскомъ искусствѣ началось лишь въ VI стол. съ періодомъ равнинскимъ. Извѣстный въ свое время знатокъ средневѣковаго искусства и особенно живописи Ваагенъ въ своихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи миниатюръ останавливался отчасти и на миниатюрахъ византійскихъ, хотя ихъ описаніе, по видимому, и было для него лишь побочнымъ вопросомъ ¹⁾; тѣмъ болѣе, что на византійское искусство онъ смотрѣлъ какъ на недвижимый, мертвенный складъ древнѣйшихъ и первоначальныхъ образовъ христіанскаго искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на известную особливую художественную манеру (*Kunstweise*), состоящую въ сухости и худобѣ формъ, преувеличеніи длинноты пропорцій, мелкихъ складкахъ, шраффировкѣ золотомъ и пр. Такимъ образомъ, самыя, по видимому, безпримѣсныя византійскія произведенія, какъ напр. Париж. код. Григорія Назіанзена и Псалтырь Пар. № 139 въ силу ихъ художественнаго достоинства оказываются у Ваагена римско-античнаго характера по техникѣ, по композиціямъ же — древнехристіанскаго происхожденія; мѣстный византійскій элементъ въ этихъ рукописяхъ является лишь въ сухихъ и длинныхъ фигурахъ святыхъ. Вообще же Ваагенъ вовсе не зналъ византійскаго и даже древнехристіанскаго искусства, былъ незнакомъ съ иконографіею и даже не отгады-

¹⁾ Въ соч. *Künstler und Kunstwerke von Paris*, 1-г Bd. p. 200—231, общее: 200. 2. *Kunst und Kunstwerke in Wien*, 1864; *Treasures of Art in Great Britain*. 3 vol. Suppl. London. 1854 in 8°. t. 1 p. 97 ss.. Suppl. p. 7 ss. Въ бумагахъ покойнаго Ваагена найдены также приготовленные матеріалы къ исторіи миниатюры вообще, но по словамъ прое. Вольмана, (издателя *Kleine Schriften* Ваагена въ 1875 г. въ предисловіи), въ нихъ нѣтъ ничего новаго.

валъ содержанія простѣйшихъ сюжетовъ; открылъ во многихъ рукописяхъ двойную работу: хорошую и дурную руку, что было совѣмъ несообразно съ дѣломъ и давало въ результатѣ самые странные выводы: миниатюра дурной руки приходилось среди остальныхъ хорошихъ и наоборотъ и пр. Во всякомъ случаѣ этотъ ученый первый обратилъ вниманіе на содержаніе лицевыхъ византійскихъ рукописей и подробно описалъ иные изъ нихъ, а краткія характеристики другихъ были приняты всѣми нѣмецкими археологами. Несомнѣнно, затѣмъ, что его разсмотрѣніе всѣхъ западныхъ рукописей съ миниатюрами въ библіотекахъ Парижа, Лондона и Вѣны представляетъ и доселѣ единственное по полнотѣ, научно добросовѣстное изслѣдованіе громаднаго и разнообразнаго матеріала. Равно и въ исторіи византійскаго искусства онъ принесъ положительную пользу, именно тѣмъ, что для уясненія вопроса о византійскомъ вліяніи онъ сдѣлалъ болѣе самыхъ защитниковъ: во всѣхъ изслѣдованныхъ имъ латинскихъ лицевыхъ кодексахъ вплоть до XIV в. онъ внимательно отмѣтилъ то, что ему казалось византійскаго происхожденія и характера, что пришлось — скажемъ мимоходомъ — дѣлать довольно часто. Изъ другихъ изслѣдователей средневѣковаго искусства и литературы обращали на это вниманіе Фёрстеръ, Энгельгардтъ (изд. Hortus deliciarum), отчасти Куглеръ, Воцель для пражскихъ рукописей и др. Но для своихъ характеристикъ миниатюръ въ древнихъ кодексахъ Парижа Шнаазе ¹⁾ гораздо болѣе пользовался Лабартомъ, нежели Ваагеномъ и даже склонялся на сторону взглядовъ перваго болѣе, чѣмъ втораго. Наконецъ, въ послѣднее время западные историки, сознавъ важность византійскаго искусства для иконографіи, стали пользоваться миниатюрами рукописей съ этою цѣлью, но при этомъ и выборъ, и постановка чаще имѣли совершенно случайный характеръ: таковы изслѣдованія и статьи Берл. проф. Пипера ²⁾. Та-

¹⁾ Geschichte d. bild. Künste, Bd. III. Лучшій компендіумъ по исторіи византійскаго искусства и его отраслей. См. также т. VII, стр. 305 слѣд.

²⁾ Theologische Studien u. Kritiken. 1861; въ Evangelischer Kalender разныя статьи; также въ Mythologie u. Symbolik и пр.

кимъ образомъ въ западной литературѣ по данному вопросу сохраняютъ свое значеніе лишь труды Даженгура и Лабарта и для достиженія дѣйствительныхъ успѣховъ еще необходимо отчасти переимѣнить установившееся направленіе. Въ русской литературѣ, напротивъ, по понятнымъ причинамъ, сразу ставшей на прямой путь, благодаря основнымъ мотивамъ въ древне-русскомъ искусствѣ, спеціальныя изслѣдованія византійскихъ лицевыхъ рукописей еще мало имѣли мѣста: подробное описаніе греческой псалтыри г. Хлудова, сдѣланное Ундольскимъ ¹⁾, образцовое изслѣдованіе извѣстнаго Ватиканскаго Октоевха, — малый отрывокъ большаго, но неисполненнаго труда покойнаго В. Н. Виноградскаго ²⁾ замѣтка о редакціи Лицевой Псалтыри Барберинской Θ . И. Буслаева ³⁾, представляющая новый взглядъ на редакцію кодексовъ греческихъ лицевыхъ псалтырей. Общій обзоръ историческаго развитія миниатюръ до позднѣйшаго времени сдѣланъ проф. Буслаевымъ ⁴⁾, до VIII стол., — проф. Гёрцемъ ⁵⁾. Но между изслѣдованіями, тѣсно сопрягающимися съ этою областью русская литература обязана тому же проф. Буслаеву анализомъ тридцати важнѣйшихъ лицевыхъ русскихъ рукописей ⁶⁾, ведущихъ въ основѣ свое происхожденіе отъ греческихъ, какъ напр. иллюстраціи Псалтырей, Хронографовъ, Палей и пр.; историкъ литературы и въ данномъ вопросѣ остановился на богатомъ внутреннемъ содержаніи, указывая, такимъ образомъ, путь изслѣдованія образцовъ византійскихъ. Арх. Амфилохію принадлежитъ подробное описаніе Славянской Псалтыри г. Хлудова XIV в. ⁷⁾; въ изданіи г. Прохорова «Хри-

¹⁾ Сборникъ Общ. Древнерус. Искусства за 1866 г. стр. 136—155.

²⁾ Сборникъ Общества Древне-Русскаго Искусства на 1873 г.

³⁾ Сборникъ Общ. Древне-Русскаго Иск. за 1874 г.

⁴⁾ Ст. Общія понятія о рус. иконописи въ Сбор. Общ. Древне-рус. Иск. за 1866 г., стр. 56—66.

⁵⁾ О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Вели. до начала романской эпохи. 1873.

⁶⁾ Историческіе очерки. т. 2-й. Древнерус. лит. и иск. Статьи объ икобраз. Страшнаго Суда, вив. символикъ въ рукописяхъ XV в., подлинникахъ и пр. Стр. 84—90, 133—155, 199—216, 281—330. Съ табл. рис.

⁷⁾ Описаніе Псал. въ «Древностяхъ». Труды Моск. Ар. Общ. т. III. съ атласомъ рисунковъ.

стіанскія Древности» мѣстами наданы рисунки съ древнѣйшихъ лицевыхъ греческихъ кодексовъ ¹⁾).

Этотъ краткій общій обзоръ убѣждаетъ насъ, что изслѣдуемый нами предметъ, хотя эксплуатировался разнообразно и съ давняго времени, но не получилъ вовсе научной постановки: отрывочность и неполнота, — таковы существенные недостатки, вліяющіе на его постановку, на взглядъ и оцѣнку частей и на исторію цѣлаго; чтобы восполнить ихъ и исправить постановку, необходимо обзрѣть весь запасъ матеріала и утвердиться на сравнительномъ изслѣдованіи его. Поэтому основаніемъ предлагаемаго сочиненія послужилъ обзоръ всѣхъ (по возможности) греческихъ рукописей съ миниатюрами въ бібліотекахъ Европы, какъ приведенныхъ въ извѣстность, такъ и неизвѣстныхъ, которые посчастливилось автору найти; рукописи восточныя, западно-латинскія и русскія входятъ въ сочиненіе ради сравненія съ греческими образцами.

Такой анализъ миниатюръ долженъ въ результатъ представить исторію общаго развитія византійскаго искусства, опредѣлить важнѣйшіе ея вопросы: гдѣ и когда начинается византійское искусство, откуда беретъ оно источники, и въ чемъ заключаются его существенныя свойства, не гоняясь за наукою элементовъ, потому что при современномъ построеніи науки, и на эти первѣйшіе вопросы не дано еще никакого удовлетворительнаго отвѣта. Развитіе художественное должно охватывать собою исторію стилей и развитіе техники, и выводомъ этого разбора формъ должна быть общенсторическая формула соотношенія двухъ управляющихъ искусствомъ началъ: идеальнаго и реальнаго, какъ въ высшемъ своемъ проявленіи—историческихъ, мѣстныхъ типахъ, такъ и въ видѣ грубаго, старческаго натурализма, разлагающаго идеаль. Отложеніе этого развитія — иконографическіе типы и идеалы получаютъ въ анализѣ содержанія первенствующее мѣсто, разумѣя

¹⁾ Христ. Древн. I. 1862 кн. I, табл. 1-я, кн. 2 рис. 8, кн. III. рис. 1; 1863 кн. X рис. 6; кн. XI, рис. 1; кн. XII, 2, 5, 6, 7, 10 — 12 1864 кн. II рис. 2, 3, 4, 5; кн. VI, рис. 1, 2; 1875, таб. 48, 52.

подъ ними не одні лишь фигуры Бога и Святыхъ, но и самы сюжеты иконописи въ ихъ переводахъ или композиціяхъ, какъ иконныхъ, такъ и живописныхъ, слагающихся своеобразно въ каждомъ періодѣ самостоятельнаго развитія, пока оцѣпленіе художественной жизни не превратитъ эти движущіяся формы въ непреложный канонъ. Но такъ какъ въ искусствѣ жизнь никогда не прекращается, а только безконечно мѣняетъ свое направленіе и начала, то существенный интересъ есть и въ упадкѣ искусства, когда данныя и повидимому увѣковѣченныя формы разлагаются дробленіемъ и натурализмомъ, и въ этомъ претворенномъ видѣ переходятъ къ дѣятельности и развитію въ инныя свѣжія сферы искусства новыхъ историческихъ народовъ.

I.

Всѣ описанія древнѣйшихъ кодексовъ съ миниатюрами, до насъ дошедшихъ, естественно убѣждаютъ насъ, что мы владѣемъ въ нихъ только немногими жалкими ихъ фрагментами, сравнительно поздняго времени, что ни одна изъ этихъ рукописей не даетъ представленія объ истинной высотѣ положенія художествъ между IV и VI в., ни одна изъ нихъ не сосредоточиваетъ въ себѣ всѣхъ художественныхъ силъ эпохи. Всѣ увлеченія историковъ живописи этими отрывками должны уступить мѣсто рациональному сожалѣнію объ утраченныхъ нинѣ богатствахъ, и потому будетъ вполне справедливо, если мы отроемъ исторію христіанской миниатюры не этими позднѣйшими кодексами, но случайно сохраненною копіею лицеваго *Календаря* сыновей *Константина Великаго* ¹⁾.

¹⁾ Эта копія сдѣлана была, по приказанію Пейреска, въ 1620 г. съ рукописи, принадлежавшей сначала секретарю Люксемб. сената, потомъ известному Куспиніану, еп. Фаберу и Библиотекѣ, а затѣмъ президенту Арраса и впоследствии *безслѣдно (?) исчезнувшей*. Въ видѣ калекъ съ миниатюръ она была прислана въ Римъ при собственноручной реляціи Пейреска. Въ настоящее время эта копія находится въ Барбериніевской библиотекѣ въ Римѣ, въ сборникѣ за № 1053-мъ, содержащемъ отрывки календаря Августа, рисунки мо-

Хотя мы имѣемъ въ этой копіи лишь бѣднѣйшія прориси съ нѣкогда великолѣпныхъ миниатюръ, на скоро сдѣланныя и только благодаря механизму кальки воспроизводящія характеръ ихъ стила, но и эта тѣнь рисуетъ намъ образъ произведенія истинно изящнаго въ своей античной чистотѣ. Рукопись вся состояла изъ миниатюръ съ немногими надписями унциальнаго письма; она содержала иллюстрацію двухъ календарей: Августа и Константина, или—какъ желательно называть Пейреску и Бюше — языческаго и христіанскаго; во время исполненія копіи она была уже значительно неполною. Миниатюры, представляющія иногда фигуры до 24 сант. высоты, и въ копіи—красоты необыкновенной, но онѣ еще замѣчательны и тѣмъ, что онѣ могутъ отчасти наглядно изобразить намъ соотношеніе искусства собственно античнаго въ композиціяхъ Августовскаго календаря и возрожденія того же искусства или новой его разновидности въ календарѣ Константина. И эта разница заключается не въ стилѣ, или манерѣ исполненія, что и врядъ-ли было возможно сохранить въ копіи, — она въ самомъ художественномъ замыслѣ, типахъ и формахъ, также въ орнаментикѣ и во внутреннемъ содержаніи, слѣдовательно, въ общемъ характерѣ изображеній. Въ первомъ мы видимъ изображенія божествъ: Сатурна, Меркурія, Марса и другихъ патроновъ римской имперіи, въ видѣ статуй разнѣщенныхъ надъ триумфальными арками; самъ императоръ или его геній держитъ феникса на сферѣ въ тимпанѣ одной изъ арокъ,— того феникса, который, перелетѣвъ на пальму, сталъ, два вѣка спустя, символомъ неоскудѣвающей христіанской вѣры въ мозаи-

нетъ и статьи Алеандера, Герварта, Сильдежа и др. *Bucherius* въ соч. *De doctrina temporum commentarius in victoriam Aquitanum*. Antverpiae 1634 in fol. указываетъ на этотъ календарь и даже прилагаетъ копію съ изображенія мѣсяцевъ кромѣ Января, — конечно, весьма неудовлетворительную, къ стр. 274. Боттари *Sculture e pitture etc.* къ tav. 48 сравниваетъ 4 времени года изъ каталогъ Понціана съ фигурами календаря, но уже по изданнымъ рисункамъ. И этимъ превращаются всѣ свѣдѣнія о рукописи, а самая копія оставалась неизвѣстна всѣмъ историкамъ живописи. Но въ соч. Ассемани *Kal. eccl.* т. 1-й находимъ увѣреніе, что Ламбеціусъ въ изв. каталогѣ, т. 4-й стр. 275 указываетъ эту рукопись между латин. историч. кодексамъ подъ № 56.

важъ; архитектурная композиція въ чистомъ римскомъ вкусѣ съ безвкусными усложненіями греческихъ формъ, классическимъ рококо; по низу у пилястровъ стоятъ привязанные плѣнные варвары. Напротивъ того, календаръ Константина начинается изображеніями членовъ императорской фамиліи: его сына Констанція и Констанція Цезаря Галла: первый сидя, разсыпаетъ золото, второй какъ Зевсъ держитъ на правой рукѣ Викторію ¹⁾; оба въ церемоніальныхъ палліумахъ, убранныхъ гэммами и камеями — новый родъ роскоши, о которомъ упоминають хроникеры первыхъ вѣковъ византійской имперіи. Правда, самыя изображенія мѣсяцевъ отличаются еще чисто античнымъ характеромъ, но ихъ фигуры размѣщены въ портникахъ, которыхъ архитектурныя и орнаментальныя формы чужды уже античнаго искусства; первыя чрезвычайно смутны, бѣдны и даже не могутъ назваться въ строгомъ смыслѣ архитектурными: мы имѣемъ передъ собою фронтоны, накрытый по бокамъ двумя пулукругами съ раковиннымъ украшеніемъ, внутри фронтона тоже украшеніе; пилястрики представляютъ затѣйливую рѣзбу и послѣ городковъ, кружковъ, ромбиковъ и прочихъ специальныхъ принадлежностей византійской орнаментики, только внизу имѣемъ античную волну; всѣ растительные орнаменты исчезли. Несомнѣнно, однакоже, что мы имѣемъ въ самомъ памятникѣ довольно точную дату, заставляющую насъ отнести ою къ концу IV столѣтія ²⁾, что подтверждаетъ и самая свѣжесть античныхъ идеаловъ и формъ. Послѣ тяжело церемоніальной помпы слабыхъ

¹⁾ Тотъ же имп. на диптихѣ такъ наз. Константина и держитъ также Викторію, см. Gori, *Theat. vet. diptych.* II, tab. 50.

²⁾ Выходной листъ представляетъ двухъ геніевъ, держащихъ на щитахъ посвященіе вѣному Валентину, притомъ въ формѣ древне-христіанской: *Valentine, florens in Deo* и пр., ниже *V., lege feliciter*, а сбоку *Furius Dionisius Filocalus titulavit*. Въ этомъ Валентинѣ можно видѣть *Dux Illyrici primicerius Protectorum tribunus*, (вновь открытой въ 1875 году)—лицо извѣстное въ исторіи города Рима, какъ строитель базилики Юліи на Фламиніевой дорогѣ. Что касается Филокала, что это лицо извѣстно еще болѣе во времена папы Дамаса какъ библіографъ, и потому самую рукопись, какъ копию, сдѣланную, по желанію его, для Валентина, должно отнести къ 364 г. — и под. годамъ.

композицій римскаго календаря, въ которыхъ принадлежатъ и колоссальныя фигуры городовъ: Рима съ Викторією и Плутосомъ, Александріи, Константинополя съ геніями вѣнчающими, Трира, держащаго варвара за волосы ¹⁾ — все неуклюжее римское рококо съ тяжелыми *putti* какъ будто изъ храма Св. Петра и тѣми-же развѣвающимися берниніевскими лентами —, легко убѣдиться, что ясныя, граціозныя и вполне жизненныя аллегоріи мѣсяцевъ могли явиться только въ новой струѣ художественной, шедшей изъ того же источника искусства древнегреческаго.

Январь — молодой пастухъ, одѣтый въ мѣховую накидку, мѣхомъ внутрь, грѣетъ озябшія руки на огнѣ очага, задумчиво глядя на огонь и опираясь на свой длинный посохъ; кругомъ мелкая утварь; (ср. юношу съ фавеломъ передъ огнемъ — зима въ кат. Понціана) ²⁾. Февраль — молодая фигура въ широкой женской столбѣ и подъ покрываломъ, какъ Весталка, среди аиста, рыбы, раковинъ, поднимаетъ гуся. Мартъ — пастухъ въ волчьей шкурѣ, съ прыгающимъ весело козломъ сбоку, показываетъ намъ въ клѣткѣ жаворонка. Августъ — нагой юноша, ѣстъ долю арбуза, кругомъ него разбросаны: снятая одежда, вѣеръ изъ павлиньихъ перьевъ и арбузы. Октябрь — юноша, вынимаетъ изъ капкана зайца, возлѣ корзины съ овощами. Ноябрь — обрѣтый жрецъ Изиды съ атрибутами ея культа, гранатовыми плодами, гусемъ, держитъ на блюдѣ змѣю; на столбѣ сосудъ сапорию. Декабрь — молодой рабъ, держа факель, играетъ темнымъ вечеромъ въ кости и пальцами показываетъ два очка; одѣтъ тепло въ шерстяную туннику съ мѣховою пелеринкою мѣхомъ внутрь, на ногахъ теплыя ноговицы; возлѣ — маска, знакъ зимнихъ увеселеній, и висащая на стѣнѣ дичь.

Эти граціозныя жанры, которые, только ради вѣшняго прижизненія, позволительно назвать унижительнымъ именемъ аллегорій, не могли родиться нигдѣ иначе, какъ въ греческомъ искусствѣ.

¹⁾ Этихъ же геніевъ, сыплющихъ золото изъ мѣшочковъ и пр., можно найти на диптихахъ, см. Gori, *Theat. dipt.* I, tab. 9, II t. 17.

²⁾ Martigny, *Dictionn. des antiq. chr.* стр. 588.

Съ другой стороны различныя детали напоминаютъ намъ, что мы видимъ передъ собой искусство въ служеніи инымъ потребностямъ, чѣмъ въ классическую эпоху, и такъ какъ эти детали мы не встрѣчаемъ въ современныхъ римскихъ работахъ, то имѣемъ основаніе называть ихъ «византійскими» тѣмъ болѣе, что онѣ вполне соответствуютъ и характеру орнаментики. Сосудъ, рогъ, чаша убираются здѣсь уже драгоценными камнями; воротники, пола платья непременно богато расшита; самый характеръ костюмовъ, *toga picta* у императорской фамиліи, мафтортовъ на плечахъ, обуви и пр. крайне сходенъ съ изображеніемъ диптиховъ предполагаемаго византійскаго происхожденія ¹⁾. Самыя лица своимъ широкимъ оваломъ, обрамленнымъ кудрями, большими глазами, крѣпкимъ и энергически вырѣзаннымъ носомъ, при маломъ красивомъ ртѣ, представляютъ намъ тотъ нѣсколько рѣзкій, измѣнившійся греческій типъ, который во всей еще чистотѣ сохраняется древнѣйшими византійскими миниатюрами (Космы Ват. и пр.) и преобразуется послѣ въ специфически византійскій.

Древнѣйшія рукописи съ миниатюрами, дошедшія до насъ: Иліада Амвросіанской Библіотеки, кодексъ Виргилія Ват. № 3225, фрагменты Бытія Вѣнскаго и Коттонова въ Лондонѣ и свитокъ Іисуса Навина въ Ват. библіотекѣ не принадлежатъ къ собственной исторіи византійской миниатюры и искусства: эти фрагменты нѣкогда великолѣпныхъ кодексовъ представляютъ немногіе образцы чисто античной миниатюры, хотя по времени происхожденія явившіеся между IV и VI стол. по Р. Х. Ихъ классическій характеръ выдается столько же въ стилѣ, техникѣ и всѣхъ формахъ, столько въ самомъ выборѣ, смыслѣ сюжетовъ и общемъ характерѣ рисунковъ; и какія бы мы затѣмъ ни находили въ этихъ рукописяхъ мѣстныя черты, въ видѣ ли византійскихъ костюмовъ и деталей, или въ видѣ формъ письменности, инымъ указывающей на Италію,—онѣ ни мало не должны измѣнять этого основнаго воззрѣнія; фрески Помпеи, и Тиверіева дома въ

¹⁾ Gori, Thesaurus I, tab. IX, X и др.

Римъ остаются вѣдъ греческою живописью, гдѣ бы ни были написаны. Но именно въ силу этого античнаго характера указанныхъ миниатюръ, онѣ и должны быть рассматриваемы въ исторіи миниатюры византійской: она есть прямая и непосредственная наслѣдница ихъ техники, и эти самыя рукописи послужили образцами для позднѣйшихъ византійскихъ; наконецъ, между четырьмя важнѣйшими рукописями этого рода двѣ представляютъ миниатюры церковно-библейскаго содержанія и потому важны уже какъ пунктъ отправленія по многимъ вопросамъ древнѣйшей иконографіи.

Несомнѣнно, древнѣйшая изъ всѣхъ этихъ рукописей, знаменитая Иліада ¹⁾, по всѣмъ признакамъ, происходящая изъ IV вѣка (или не позже V в.), представляетъ наименѣе интересные рисунки: морскія сцены, битвы со множествомъ мелкихъ фигуръ, и все это въ сильной степени разрушенія ²⁾. Замѣчательная живость и естественность драматическихъ композицій, привычная художественность работы смѣлой, легкой и небрежно-артистической указываютъ на долговременную практику, на значительное развитіе этой отрасли художества въ первыхъ вѣкахъ новой эры. Но если изъ этой рукописи антикваръ извлечетъ множество интереснаго для античной жизни, архитектуры, кораблестроенія, жизни домашней и военной, то это повтореніе помпейской живописи мало даетъ для исторіи искусства; мы имѣемъ здѣсь всѣ свойства чисто античной живописи: въ мелкихъ картинкахъ поразительно искусную группировку, хотя часто однообразную и оживленную лишь нѣсколькими фигурами на переднемъ планѣ. Замѣчательныя, даже въ ³⁾ копіяхъ, композиціи статуарнаго ха-

Кодексъ Иліады Амвров. библ.

¹⁾ Въ Амвровіанской Библіотекѣ, въ Миланѣ. Издана въ рис. библіотекаремъ Angelo Mai: *Picturae antiquissimae bellum Iliacum representantes*. Med. 1819 in 4° и другое изданіе in fol. Экземпляръ библіотеки весь иллюминированъ красками. Рукопись содержитъ 800 стиховъ, по 25 на стр., миниатюры находятся на каждомъ листѣ, иногда по двѣ, итого 58 миниатюръ, но кромѣ того многія бесслѣдно исчезли. Размѣры въ длину 21 сант., въ ширину 6, 9 и 20 сант.

²⁾ Объ олицетвореніяхъ: ночи. рѣки см. Проф. Гѣрда указ. соч. стр. 19.

³⁾ Анжело Май въ предисловіи l. c. описываетъ разнообразіе красокъ: *minium, cerussa, rubrica, argemium, purpurissimum, arrianum, tincturae*

рактера: собранія боговъ и героевъ и др. и прелестныя, истинно классическія фигуры героевъ въ битвахъ (ростомъ вдвое выше воиновъ простыхъ); группировку битвы въ разсыпную, съ нѣсколькими эпизодами, какъ у Гомера, что даетъ возможность художественнаго представленія; милыя ландшафтныя сцены и пр. По отношенію къ техникѣ колоритъ нѣжный и глубокій, любовь къ пурипуру и красному цвѣту въ гармоніи съ темнозеленымъ фономъ и легкими переходами къ фіолетовому и голубому, однимъ словомъ—полное усвоеніе стиля и живописной техники лучшихъ помпейскихъ фресокъ. Но, къ сожалѣнію, мы не находимъ здѣсь также ничего, что бы характеризовало нарождающееся христіанское искусство. Въ этой артистической небрежности, которая можетъ принадлежать лишь искусству совершенному, подъ покровомъ разрушенія рукописи одинъ выставляется недостатокъ, но существенный: пустота внутренняго содержанія.

Кодексъ Вир-
гилія Ват. библ.
61. № 3225.

Весьма близка къ этому кодексу и столь же извѣстна рукопись Виргилія Ватик. библ. за № 3225 ¹⁾, также, вѣроятно, писанная въ V и нивакъ уже не въ VI в., какъ полагаетъ Даженбургъ. Но если «Илиада» скорѣе напоминаетъ фрески Помпеи видомъ своихъ картинокъ, то рисунки Виргилія получаютъ опредѣленный характеръ миниатюръ, хотя бы въ рукахъ римскаго художника, и, разумѣется, ихъ техника имѣетъ прямое значеніе для византійской миниатюры. Каждая миниатюра Виргилія имѣетъ характеръ отдѣльной картины и этому впечатлѣнію способствуетъ столько же выборъ законченнаго сюжета, сколько и манера исполненія: рисунокъ окаймленъ красною каймою изъ одной или двухъ полосъ; земля пред-

hyacinthinae, violaceae, hyalinae, croceae, furgae; minii vero ubique ad splendorem abusio est etc. См. Eraelius, de coloribus Rom. v. Ilg. 1873, гл. 50, стр. 85.

¹⁾ Въ малую четвертку, тѣмъ и отличается отъ Виргилія той же библ. № 3867, писаннаго въ большую in 4°. Принадлежала некогда Пьетро Бембо. Изд. въ рисункахъ крайне неудовлетворительныхъ Даженбургомъ, Peint. pl. XX, и пять въ калѣкахъ pl. XXI—XXV. Лучше рисунки, сдѣланные рисовальщикомъ Пьетро Санти Бартоли въ изд. Picturae antiquissimae Virgil. cod. Bib. Vat. aere incisae. Accedunt picturae, gemmae etc. Romae. 1782 in 4°, 124 табл. Предисловіе Мональдини (антикваръ XVIII в. и нумизматъ) относитъ кодексъ даже ко временамъ Константина.

ставляетъ зеленый или свѣтлоричневый фонъ, мѣстами живо отгѣненный; надъ нею свѣтлоголубой или даже пепельно-голубой фонъ воздушной атмосферы и выше небо или въ фиолетовомъ тонѣ зарева утренняго и вечерняго или темносинее съ звѣздами ночью или розовое на горизонтѣ и голубое вверху. Въ этой законченности миниатюры, въ этомъ выборѣ наиболѣе красивыхъ и вмѣстѣ яркихъ моментовъ для миниатюрной живописи заключалось новое направленіе: въ кодексъ Иліады мы имѣемъ лишь иллюстрацію, т. е. рисунки фигуръ *по бллому фону* (если только миниатюра не изображаетъ моря). Но въ этомъ новомъ направленіи мы имѣемъ древнѣйшій прототипъ миниатюры византійской, которая также въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ ищетъ подобія картины со всѣми ея художественными свойствами, и мы лишь прямымъ унаслѣдованіемъ античныхъ формъ можемъ себѣ объяснить ту привязанность византійской миниатюры къ ландшафту, и особенно къ изображенію неба въ заревѣ: мы найдемъ, что эта подробность повторяется безъ всякой нужды кодексами X—XII вв., когда въ нихъ хотятъ представить небо живѣе и натуральнѣе: ни одна большая миниатюра съ ландшафтомъ, напр., не обходится безъ этой детали. Мы увидимъ впоследствии, что и другія формы стили и техники въ кодексъ *Виргиліа* общи съ византійскими миниатюрами. Тѣло имѣетъ здѣсь краснокоричневый цвѣтъ, но съ болѣе свѣтлымъ отгѣнкомъ, чѣмъ во фрескахъ Помпей; волосы почти всегда свѣтло- или темнокаштановые; широкіе и большіе глаза имѣютъ живой зрачекъ, замѣченный блестящею черною точкою (ту же манеру найдемъ въ рукописи *Космы Ват.*); для усиленія и яснаго выдѣленія иныхъ мускуловъ положены темнокоричневые тѣни. Для нашей цѣли также значительный интересъ представляютъ современные костюмы III — VI в.: пэнулы надсмотрщиковъ темношолоднаго и оливковаго цвѣта (л. 13); далматйки съ двумя пурпурными (клавы) полосами (л. 10); одинъ изъ Троянъ наряженъ въ костюмъ, въ которомъ послѣ мы видимъ всегда трехъ волхвовъ — короткую хламиду, тунику два раза подпоясанную и высокіе, красными шнурами обвитые чулки (также одѣтъ и Амуръ). Дидона въ сценѣ жертвоприно-

шенія покрыта съ головою розовымъ гиматіемъ, туника ея открыта съ праваго плеча; на рукѣ три запястья. Сивилла имѣетъ на туникѣ одну широкую пурпурную полосу, а vates двѣ узкихъ, равно какъ и его слуга (л. 40); далѣе царь Латинъ носить длинную красную далмативу или тунику и длинную красную хламиду, какъ и Эней, а его приближенные пурпурную хламиду и тунику короткую съ двумя полосами. Все это въ теченіи V—VI стол. превратилось въ сакральныя и церемоніальныя одежды и лишь здѣсь находимъ мы объясненіе того, почему въ VII—IX вв. различаютъ одну широкую и двѣ узкихъ полосы и какое значеніе имѣетъ пурпуръ въ верхнихъ и нижнихъ одеждахъ. Такъ напр. одинъ изъ циклоповъ является въ вырѣзномъ на поляхъ пастушескомъ кафтанѣ, въ который одѣтъ Авель въ рукописи Космы и другія лица ветхозавѣтной исторіи. Для исторіи византійской миниатюры этотъ кодексъ даетъ драгоцѣнное свидѣтельство древности и античнаго происхожденія извѣстнаго приѣма шраффировки золотомъ; эта манера наложенія свѣтовъ или оживокъ считалась всегда приѣмомъ специально византійскаго происхожденія. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ эту манеру во всей полнотѣ въ нашемъ кодексѣ: такъ раздѣланы напр. складки одеждъ, особенно богатыхъ и цвѣта краснаго или пурпурнаго, и, согласно съ византійскою манерою, не самыя складки, но ихъ освѣщенныя линіи, чтó и составляетъ вполнѣ оживки; конечно, античная простота рисунка и колорита употребляетъ съ умѣренностью этотъ приѣмъ и не пестритъ мельчайшими эмалевыми извивами одежду, какъ византійская миниатюра X—XI вв., въ которой эти золотыя штрихи уже не служатъ бликами, но прямо очерками контуровъ. Наконецъ въ рукописи *Виргилія* золотыя свѣта наложены штрихами и на деревья, стволы, крыши домовъ и другіе предметы, съ цѣлью усилить яркость колорита; часто темнокрасная кайма также иллюминирована золотомъ. Между разнообразными данными для исторіи быта мы остановимся, наконецъ, на одномъ: древнѣйшія миниатюры даютъ случай открыть первоначальное значеніе и происхожденіе жестовъ извѣстныхъ подъ именемъ «греческаго и латинскаго благословенія», которымъ церковный смыслъ былъ приданъ уже въ болѣе

позднія времена. Такъ въ рукописи *Виргилія* разговаривающія лица обыкновенно обращаются другъ къ другу съ жестомъ латинскаго благословенія, но въ то время какъ Эней дѣлаетъ этотъ жестъ рукою въ послѣднемъ разговорѣ съ Дидоною (л. 24), она отвѣчаетъ ему, складывая палецъ большой съ четвертымъ и оставляя поднятыми остальные ¹⁾ — что соответствуетъ греческому благословенію; имѣеть-ли этотъ жестъ смыслъ продолжительнаго убѣжденія, при чемъ дѣло высчитывается по пунктамъ, или иное значеніе, — мы не можемъ рѣшить. Но во всякомъ случаѣ изъ этого противоположенія жестовъ можно заключить и о противномъ ихъ значеніи; если, слѣдовательно, греческая церковь усвоивала себѣ одинъ жестъ по преимуществу, то она придавала этому выбору какой либо извѣстный смыслъ. Дальнѣйшее развитіе положенія и доказательства мы увидимъ изъ примѣровъ другихъ рукописей (см. рукописи *Вѣнскаго Бытія* и др.). Напротивъ, латинскій способъ въ рукописи *Виргилія* имѣемъ на л. 6, когда хозяинъ отдаетъ приказаніе рабочимъ, у разговаривающихъ на л. 16 и 17. Точно также и въ рукописи *Иліады* находимъ этотъ жестъ на л. 5, 7, 19, и послѣдній случай выражаетъ изумленіе, какъ и на л. 21, 22.

Описанный кодексъ рассматриваютъ обыкновенно въ связи съ другимъ кодексомъ *Виргилія* той-же Ватиканской библіотеки ²⁾, за № 3867, который представляетъ грубую и дѣтскую иллюстрацію *Георгіевъ* и нѣсколько миниатюръ болѣе совершенныхъ по композиціи къ *Энеидѣ*. Хотя эти послѣднія (засѣданіе боговъ, три богини на тронахъ и пр.) и видимо скопированы съ античныхъ оригиналовъ хорошаго рисунка, однако и въ нихъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ собственно античнаго искусства; это

Виргилія
Ват. библи
№ 3867.

¹⁾ Даженикуръ l. c., peint. pl. 24.

²⁾ № 3867, въ больш. 4°. Рисунки въ соч. Даженикура, peint. pl. 63—65; въ соч. *Le moyen âge et la Renaissance, Miniatures* pl. 1, 2, и вторая иллюминирована красками, но обѣ сильно прикрашены. Нѣкоторые изъ французскихъ историковъ, основываясь на томъ, что рукопись перешла въ Ватиканъ изъ м-ря S. Denis, полагаютъ, что она и написана была во Франціи и относятся къ V или VI вѣку; въ изд. выше упомянутомъ таблицы помѣчены одна III или IV вѣкомъ, другая V; тоже Ватгенбахъ, см. Гёрца, стр. 21.

только варварское ¹⁾ подражаніе исчезнувшей блестящей рукописи, дѣтская мазня, пытавшаяся передать искусный рисунокъ. Мы видимъ здѣсь бѣлесоватое тѣло, темно-зеленый или пепельный фонъ, почву, обильно усѣянную цвѣтами, но все это безъ всякой моделировки тоновъ и красокъ, какъ бы если ирландскій миниатюристъ. рисовалъ съ античной фрески. Очевидно, что эта рукопись могла-бы имѣть какое либо значеніе въ исторіи искусства только тогда, если-бы мы не имѣли другого кодекса. *Virgilia*; что касается вопроса о времени ея происхожденія, то вѣроятнѣе принимать VI—VII вѣкъ, нежели V, потому что, по нашему мнѣнію, самая техника указываетъ ²⁾ на упадокъ римской школы этихъ вѣковъ. Равнымъ образомъ мало значенія имѣютъ и различные рукописи Теренція, всѣ, однакоже, приблизительно одного времени и скопированныя съ однихъ и тѣхъ-же или весьма сходныхъ оригиналовъ ³⁾, хотя, несомнѣнно, уже не прямо античныхъ по времени, но христіанской эпохи. При живой и ясной концепціи, силѣ и разнообразіи движеній и жестовъ, чувствѣ артистической свободы въ широкой манерѣ,—которыя относятся къ оригиналу, мы встрѣчаемъ здѣсь и всѣ недостатки неумѣлой копіи, воспроизводящей чуждыя, непонятныя формы и лишенной необходимыхъ силъ и технического знанія. Мутныя краски, густо наложенныя; туманные толстыя контуры, неуклюже обозначаемыя черною полосю вмѣсто прежней тѣни, дававшей рельефъ; тѣни, прочерченныя голубыми и лиловыми штрихами, небрежный очеркъ перомъ въ крупныхъ и мелкихъ контурахъ, все это представляетъ намъ уже омертвѣвшее въ чуждой сферѣ античное искусство и какъ

Код. Теренція Ват., Амврос. и Парижск. библ.

¹⁾ Замѣтимъ, что Даженгуръ относитъ рукопись къ XII и XIII стол. по своей ошибочной привычкѣ относить къ этому времени произведенія грубой, но античной формы искусства, напр. известную дверь баз. Сабинны.

²⁾ Обычныя жесты рѣчи представляютъ два пальца (важъ и въ предъид. код.) поднятыми, остальные сложены, — манера выраженія простой и спокойной бесѣды, которую встрѣтимъ и въ византійскихъ миниатюрахъ.

³⁾ Лучшія изъ нихъ въ Ват. № 3868 и 3226, въ Амвросіанской, кодексъ совершенно подобный первому (шесть комедій) въ Парижск. Библ. 7899. Было прямою ошибкою Лабарта помѣщать всѣ эти рукописи наряду съ Вергиліемъ № 3225 для характеристики древней миниатюры.

всякое безхарактерное и бессильное подражаніе, не имѣетъ значенія и роли въ исторіи: оно также далеко отъ античнаго, какъ и не имѣетъ никакой связи ни съ византійскимъ, ни съ западнымъ современнымъ ему искусствомъ ¹⁾.

Напротивъ того, весьма важное значеніе въ исторіи искусства и первостепенное для исторіи византійской миниатюры имѣетъ знаменитый фрагментъ греческой Библии Вѣнской Библіотеки ²⁾, къ сожалѣнію, ни разу не изданный и не описанный сколько-нибудь удовлетворительно ³⁾. Между тѣмъ, независимо отъ древности кодекса и чисто античнаго характера миниатюръ, мы владѣемъ въ его рисункахъ несомнѣнно первою иллюстраціею Библии и притомъ произведеніемъ истинно художественнымъ. Ваагенъ, мелькомъ разсмотрѣвшій миниатюры, обратилъ вниманіе только на то, что онъ, по своему обычаю, называетъ «двумя руками»:

Фрагментъ
Библии въ
Вѣнс. Библ.
№ 31.

¹⁾ Какъ любопытную, однакоже, подробность этихъ миниатюръ, замѣтимъ, что драматическая концепція сценъ вызываетъ разнообразныя жесты, которыми изобилуетъ всякій разговоръ Итальянцевъ и доселѣ. Здѣсь всякое обращеніе, объявленіе новости и пр. выражается двумя пальцами, три открытыя — жестъ болѣе сильный; вся открытая рука — полное выраженіе. Напротивъ того, одинъ палецъ открытый выражаетъ спокойное состояніе, приказаніе господина и пр. Сложеніе по гречески имѣетъ подобное значеніе, встрѣчается одинъ разъ, въ жестъ господина, разговаривающаго съ рабомъ Пармено, съ выраженіемъ поученія.

²⁾ 24 листа (25-й и 26-й л. безъ миниатюръ, подлѣ и содержатъ Евангеліе) in 4° (12 дюйм. выс. и 10 шир.), съ 48 миниатюрами за № 31. Писано золотомъ и серебромъ по пурпуру, и по этому признаку, какъ древнѣйшая рукопись IV—V; по Ламбецію, IV; по Моннекону Pal. gr. p. 193 между V и VII, потому будто бы, что ничего нельзя сказать точнаго о древнѣйшихъ рукописяхъ, но подобное замѣчаніе только придириха, обыкновенная у этого писателя. По стилю рисунковъ мы полагаемъ безусловно необходимымъ относить рукопись къ V ст. и не подлѣ начала VI: античность ея выше и чище самаго кодекса Виргилія.

³⁾ *Lambecius Petrus*, *Commentaria de Aug. Bibliotheca Caes. Vindobonense*, ed. altera Collarii. Vind. 1776, fol. vol. 8; въ т. III изданы всѣ миниатюры, но въ самыхъ неудовлетворительныхъ снимкахъ. У Лабарта l. c. одна, pl. 77. у Даженура *ibid.* pl. 19 одна выбранная какъ нарочно изъ самыхъ дурныхъ (рукоп. л. 45-й) и 16 миниатюръ въ уменьшенномъ размѣрѣ, еще худшаго рисунка. Описаніе у Ваагена въ *Künstler und Kunstwerke in Wien*, 1860, p. 3 слѣд. Въ сокращенномъ каталогѣ Несселя 1690, стр. 49 слѣд. повторены всѣ рисунки, съ оригинала Ламбеція.

хорошая и дурная, т. е. на существованіе рисунковъ хорошихъ и слабыхъ. Эта идея fixe Ваагена находить двойную работу тамъ, гдѣ есть лишь разница не въ стилѣ и манерѣ, но отчасти только въ степени исполненія, и вмѣстѣ тамъ, гдѣ, быть можетъ, есть работа десяти и болѣе рукъ, особенно неудачно припласъ въ настоящемъ случаѣ. Съ 34-го листа фрагмента мы видимъ, дѣйствительно, исполненіе иное чѣмъ прежде, то есть крайне небрежное, слабое, мѣстами вовсе плохое, а съ 37-го мазню до самаго конца фрагмента, а можетъ быть и самой исчезнувшей рукописи; но тѣмъ не менѣе античный характеръ не теряется, а напротивъ того, выступаетъ еще сильнѣе и рѣзче. Затѣмъ, всѣ эти миниатюры по выбору сюжетовъ, по деталямъ композиціи имѣютъ лишь одну цѣль: художественную и преслѣдуютъ одни виды — дать читателю наслажденіе и развлеченіе художественное. Миниатюристъ не задумывался о типахъ, объ иконографіи сюжетовъ, часто не слѣдовалъ даже тексту, и вовсе не заботился о созданіи новаго христіанскаго искусства; онъ дѣлаетъ рисунки Библии, какъ если-бы это была Илиада или Энеида, какъ къ поучительному эпосу; онъ обставилъ ландшафтомъ свои композиціи, натуральныя и живныя, то распредѣляя ихъ поясами, какъ всѣмъ извѣстныя мелкія фресковыя картинки съ природы и идилліи изъ Помпеи, то располагая перспективно. Иногда художникъ ведетъ зигзагомъ по сценѣ дорогу, и по ней ѣдутъ группы всадниковъ вверху и внизу, а другіе заворачиваютъ по повороту слѣва на право; мы видимъ здѣсь чистую реалистическую манеру классическаго искусства въ изображеніи факта, краткую и ясную, а часто не стѣсняющуюся и различными грубыми наивностями, въ родѣ сценъ Лота съ дочерьми; подобнаго рода наивности хранились византійскими миниатюрами и попадали потомъ въ мозаики собора Св. Марка, гдѣ и были почтены западными историками, какъ признакъ сѣвернаго вліянія, переносъ искусства простодушной Германіи. Кодексъ Бытія, наконецъ совмѣщаетъ въ себѣ манеру Илиады и Виргилія: большая часть миниатюръ представляетъ иллюстрацію по фону общему съ письмомъ, т. е. пурпурному, а съ листа 37-го по конецъ имѣютъ характеръ картинокъ съ иллюминан-

нимъ небомъ, облаками и пр. Узенькая красная каемочка обрамляетъ миниатюру, а зеленая полоса земли раздѣляетъ обыкновенно пополамъ ея поле, образуя, такимъ образомъ, форму фриза. Небольшія фигуры, рѣдко болѣе 6 или 7 сант., исполнены необыкновенно тщательно по пурпурной раскраскѣ фона, по преимуществу свѣтлыми красками; ихъ густота, сочность и блескъ уподобляется самымъ тонкимъ фламандскимъ миниатурамъ X-го вѣка; тонкость и нѣкоторая мелочность работы сближаетъ рукопись съ известнымъ код. Діоскорида. Въ этомъ отношеніи однакоже вполнѣ сохранена живописная неопредѣленность или туманность контуровъ, особенно рукъ и ногъ, довольствующаяся, какъ въ код. Виргилія, лишь общими абрисомъ и сильными тѣнями. Но живописецъ взаимнѣ часто употребляетъ черные штрихи для очерчиванія драпировки (впрочемъ, исключительно темныхъ одеждъ, напр. синихъ, пурпурныхъ), а также волосъ на головѣ и бровей. Мы увидимъ, что эта античная манера встрѣчается особенно часто въ VI вѣкѣ, и исчезаетъ въ миниатурахъ специально византійскихъ какъ приемъ грубый, некрасивый. Самый глазъ намѣчается черною краскою и около поставленная бѣлая точка даетъ ему живость и блескъ. Кодексъ передаетъ тѣло съ такимъ истинно помпейскимъ колоритомъ, отъ нѣжно-розоватаго до бронзоваго и краснокоричневаго у пастуховъ, каковой даютъ развѣ самыя лучшія античныя фрески; по лбу, носу, щекамъ и подбородку розовые и бѣлые свѣта. Свѣта-же, какъ основной принципъ византійской техники, мелкою, сложною шраффировкой покрываютъ одежды; мѣстами мы видимъ даже до крайности пеструю игру ихъ на бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ. Здѣсь же имѣемъ первоисточникъ обычныхъ формъ и приемовъ византійской драпировки: известно, что почти всякая стоящая фигура въ византійскомъ искусствѣ, коль скоро она наряжена въ хитонъ и гиматій, драпируется по одному и тому же шаблону: отъ низа живота идутъ по гиматію сильно оттѣненные складки по правому колѣну, переламываются тамъ и, пересѣкаясь, доходятъ до щиколки, въ то время какъ хитонъ внизу складывается между ногъ во множество мелкихъ складокъ, а по подолу въ формѣ зигзаговъ; это *барокк* античной драпировки медленно

движущихся фигуръ, какъ еще находимъ въ данной рукописи, но позднѣе онъ былъ усвоенъ для всѣхъ стоящихъ фигуръ, какъ красивая, эффектная форма, замѣнившая прежнія простыя и величаво падающія складки греческихъ статуй. Рукопись наполнена множествомъ интереснѣйшихъ деталей быта и живою передачею типовъ, ибо при общемъ античномъ типѣ въ группахъ народа мы находимъ и попытки индивидуализировать изображенія царя, вельможъ, прислуги, какъ то будетъ видно въ самомъ описаніи миниатюръ ¹⁾. Такъ какъ, наконецъ, эти миниатюры даютъ намъ истинно артистическія композиціи Библии, притомъ легшія отчасти въ основаніе позднѣйшихъ ея иллюстрацій, какъ въ миниатюрахъ, такъ и въ мозаикахъ, то мы считаемъ необходимымъ дать описаніе миниатюръ по порядку. Замѣтимъ, что если мы употребляемъ выраженіе «игрушечный» о многихъ миниатюрахъ, то не съ цѣлью унизить внѣшнюю красоту ихъ, а скорѣе выставить радостный характеръ сценъ. Если Карпаччіо рисуетъ на громадныхъ полотнахъ исторію Урсулы и наполняетъ ее чисто игрушечною обстановкою, то историкъ искусства все таки видитъ въ этомъ извѣстный, хотя матеріальный успѣхъ живописи. Но иной вопросъ: какъ должно смотрѣть на эту игрушечную красоту съ точки зрѣнія высшаго идеала, къ которому должно стремиться искусство, и мы скажемъ объ этомъ въ общемъ обзорѣ періода.

1. Грѣхопаденіе въ видѣ трехъ послѣдовательныхъ моментовъ: Адамъ и Ева у древа (на которомъ нѣтъ змѣя) вкушаютъ отъ его плодовъ; далѣе прикрывшись листьями, они убѣгаютъ отъ гласа Божія и въ сторонѣ сидятъ, спрятавшись за кустами; въ срединѣ въ голубомъ блестящемъ полукругѣ *открытая* Десница Божія; фонъ заполненъ деревьями, растениями и цвѣтами, исполненныя въ сочно глубокихъ и пріятныхъ тонахъ свѣтло-зеленой, желтой, свѣтло-голубой, синей и розовой красокъ, — что скорѣе

¹⁾ Продолжая кратко анализировать происхожденіе греческаго и латинскаго благословенія, замѣтимъ здѣсь, что изъ нихъ рукопись употребляетъ первый жестъ, а именно на л. 16, 17, 19 и исключительно въ характеръ оживленной бесѣды. Десница же Божія всегда благословляетъ по гречески, что составляетъ и само по себѣ фактъ важный и было замѣчено не разъ.

походить на манеру византійскую, нежели античную. И такъ иллюстраторъ, изобразивши исторически фактъ грѣхопаденія, опустилъ сцены творенія, — въ нихъ не видѣлось никакого интереса для рисовальщика сценъ натуральныхъ и драматическихъ. И, дѣйствительно, искусство древне-христіанское, занятое наплывомъ новыхъ идей и образовъ, не знаетъ еще ¹⁾ и чуждо тѣхъ моральныхъ и аллегорическихъ толкованій этой главы Битія, придавшихъ ей особенное значеніе для искусства съ X и XI вѣка и выразившихся въ цѣломъ рядѣ произведеній отъ миниатюры до мозаики. 2. Адамъ и Ева, изгоняемые ангеломъ, уходятъ изъ Рая въ сопровожденіи высокой женской фигуры въ голубой туникѣ съ золотою, широкою полосою (clavus) и розовомъ гиматіи. Адамъ и Ева одѣты въ короткія безрукавныя туники изъ кожи зеленовато-коричневаго, чрезвычайно натурального цвѣта. По объясненію Монкофона и Боттари женская фигура есть *metanoia* (раскаяніе ²⁾); можетъ быть, и просто *изгнаніе*, согласно съ общимъ характеромъ и употребленіемъ олицетвореній; ибо всякій другой смыслъ былъ бы указанъ надписью, и только этотъ ясенъ самъ по себѣ. Но важнѣе для насъ тотъ выводъ, что мы имѣемъ здѣсь греческое (если не византійское) олицетвореніе: римское искусство не знало подобнаго пластическаго выраженія самаго сюжета. Мы встрѣтимся съ тою же чертою полнѣе въ рукописи Діоскорида. Свѣтло-голубая краска металлической двери рая напоминаетъ намъ византійскія миниатюры. 3. Живописное изображеніе потопа со многими фигурами утопающихъ, исполненными въ ракурсѣ и смѣломъ рисункѣ, по небрежности исполненія однако похожемъ на дѣтскую мазню. Вновь реалистическое изображеніе факта, замѣнившее извѣстную символическую сцену Ноя въ ковчегѣ, выпускающаго голубя. 4. Возлѣ Арарата, представ-

¹⁾ Единственный древне-христіанскій памятникъ съ сюжетомъ творенія жены — барельефъ Латеранскаго саркофага съ Троицею (Vosio, Roma sotter. p. 159 — подобный же, Латер. у Grimouard l. c. II, pl. 5), гдѣ Духъ Святой, оживотворяя рукоположеніемъ, напоминаетъ саркофагъ съ Прометеемъ и Аяною.

²⁾ Piper, Symb. u. Myth. I, 2, стр. 688.

леннаго въ видѣ утеса, покрытаго снѣгомъ, обитатели ковчега покидаютъ его, — живая разнохарактерная сцена. Внизу Ной на жертвенникѣ рѣжетъ ягненка и кровь его сливается въ красивый золотой сосудъ; передъ нимъ алтарь съ огнемъ, а кругомъ валяются уже приготовленные для пира жертвы: кабанъ, утка и пр., а въ сторонѣ на алтарѣ сжигаются другія жертвы. Мудрено присказать сцену болѣе античнаго характера. 5) Завѣтъ Бога съ Ноемъ въ видѣ радуги, подъ которою Ной и другіе кланутся, открывая правую руку ладонью, по обычаю древнихъ. У Ноя на бородѣ и усахъ выписана тонко сѣдина, по зеленому фону волосъ, что вновь даетъ намъ пріемъ, любимый византийцами. 6. Опьяненіе Ноя. Розовый пологъ постели, какъ на византийскихъ миниатюрахъ IX—X в.; розовые и голубые хитоны всѣхъ другихъ фигуръ, кромѣ Ноя, изображеннаго въ апостольскомъ бѣломъ одѣяніи. 7. Одна изъ интересныхъ сценъ Библии въ иконографическомъ отношеніи: Мельхиседекъ встрѣчаетъ Авраама и союзниковъ хлѣбомъ и виномъ. Дѣйствіе происходитъ на гористой мѣстности, съ которой спускается повоздъ; вверху Авраамъ съ Ходоллогоморомъ, спѣшившись съ коней; царь одѣтъ въ голубой до колѣнъ туникѣ, темно-голубыхъ штанахъ и длинныхъ красныхъ сапожкахъ, убранныхъ жемчугомъ; поверхъ пурпурная хламида, подбитая и отороченная золотомъ, а на головѣ діадема съ жемчужными украшеніями — полный костюмъ византийскаго императора. Мельхиседекъ одѣтъ почти также; въ лѣвой сосудъ, въ правой хлѣбъ, онъ самъ стоитъ около престола, поставленнаго подъ киворіемъ на четырехъ золотыхъ коринескихъ колоннахъ съ малою голубою завѣсою, покрытою звѣздами напередѣ. Такимъ образомъ мы видимъ въ этой сценѣ ясныя намеки на то, что художникъ зналъ символическій смыслъ сцены; подчинившись ему, онъ измѣнилъ историческій характеръ ея и внесъ детали новаго христіанскаго содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, на мозаикѣ нефа Маріи Маджіоре ¹⁾ Мельхиседекъ встрѣчаетъ Авраама и царя еще

¹⁾ Рис. у Ciampini, Vet. mon., tav. 50. Лишь случайнымъ образомъ эта мозаика оказалась ближайшею къ абсидѣ слѣва, ер. съ намѣреннымъ помѣщеніемъ этого сюжета въ трибунѣ Виталія Равеннскаго.

на коняхъ, поднося имъ вино и хлѣбъ,—сюжетъ обработанъ въ видѣ простой сцены безъ особаго смысла. Наша миниатюра, наоборотъ, служитъ переходомъ къ византийской многозначительной иконографіи этого сюжета въ VI и VII стол. Такъ въ трибунѣ св. Виталія въ Равеннѣ мы находимъ уже символическій образъ Евхаристіи, гдѣ нѣтъ Авраама и гдѣ священствуютъ за престоломъ Мельхиседекъ и Авель; въ трибунѣ же равеннской базилики Св. Аполлинарія in classe Мельхиседекъ, какъ верховный священникъ, какъ Христосъ, преломляетъ хлѣбъ, сидя за престоломъ, въ то время, какъ Авель приноситъ свою жертву угодную Богу—агнца, а Авраамъ приводитъ къ алтарю своего сына Исаака—жертву Ветхаго Завѣта, прообразъ жертвы Завѣта Новаго. Всѣ эти символично художественныя идеи основались на извѣстномъ философски-мистическомъ мѣстѣ посланія къ Евреямъ гл. VII, гдѣ Апостолъ уподобляетъ Мельхиседеку Христа, священника вѣкъ, царя мира и пр., но для насъ важно доказать, что эти идеи явились очень рано въ церкви торжествующей ¹⁾, а именно еще въ IV—V вѣкѣ въ виду того строго-церемониальнаго представленія, какое онѣ даютъ уже въ VI стол. въ искусствѣ собственно византийскомъ или точнѣе, въ томъ богословскомъ направленіи, которое опредѣлило сущность этого искусства. Замѣтимъ, наконецъ, небрежность въ исполненіи миниатюры, усиленную еще тѣмъ, что отпали легко наложенные контуры, что и должно было часто сбивать поверхностно глядѣвшаго Ваагена. 8. Авраамъ во снѣ пріемлетъ обѣщаніе потомства и молится; внизу изображенъ сѣдой пастухъ его Дамаскъ, о которомъ онъ упоминаетъ часто въ молитвѣ и который утираетъ себѣ лицо отъ поту ли, или утромъ умывшись; художникъ хотѣлъ противопоставить счастье и богатство. 9. Живая сцена гибели

¹⁾ Излишне говорить, что мы разумѣемъ церковь восточную, хотя бы и до раздѣленія церквей. На Западѣ мы не знаемъ изображенія Мельхиседека ранѣе X вѣка: въ кодексѣ Брюссельской библиотекѣ X вѣка, гдѣ Мельхиседекъ изображенъ съ Авелемъ—по переводу равеннской мозаики. См. Гёрца I. с. стр. 60; у Дидрона въ *Ann. Arch. Vol. III, Livr. 4* изданъ потиръ съ изображеніемъ Мельхиседека и пр.

Содома и Гоморра: группа, сначала, неохотно выходя изъ города, бѣжить потомъ отъ соляной статуи жены Лота. 10. На гористой мѣстности наивно циничныя сцены Лота съ дочерьми. Въ глаза бьетъ красная краска на туникахъ и постеляхъ. 11. Въ натурально живой сценѣ представлено новое обѣщаніе Аврааму потомства у колодца ангеломъ, являющимся на небѣ, (обѣтъ Іакову въ мозаикѣ нефа Маріи Маджіоре). Ангелъ изображенъ здѣсь въ пепельно или небесно-голубомъ хитонѣ, замѣнившемъ бѣлыя одежды ангеловъ на древнѣйшихъ мозаикахъ Рима и Равенны: дѣтски юное лицо съ свѣтлокаштановыми волосами и бокубыя крылья. 12. Рабъ Авраама идетъ въ Месопотамію съ верблюдами. Игрушечно пестрая сцена, копирующая античную; на головахъ верблюдовъ видны персидскія украшенія коней ²⁾. 13. Рабъ встрѣчается съ Ревеккою у колодца. Въ живописной композиціи сцены особенно замѣчательно прекрасная фигура нимфы источника; подъ шумъ бѣгущей изъ ея урны воды и небрежно раскинувшись на своемъ пурпурномъ хитонѣ, сброшенномъ съ тѣла, она подперла голову рукою и въ задумчивости смотритъ на сцену. По красотѣ фигура эта можетъ спорить съ олицетвореніями свитка I. Навина. Особенно должно замѣтить бѣлое тѣло фигуры съ легкими розовыми контурами и пепельные волосы,—это манера и представленіе послѣдней эпохи греческаго искусства на ночвѣ Рима и римскихъ модъ. 14. Разнообразныя сцены свадебныхъ переговоровъ о Ревеккѣ и любовныя разговоры жениха и невесты. 15. Въ нѣсколькихъ сценахъ рассказъ о продажѣ Исавомъ права первородства, съ тѣмъ же реалистически игрушечнымъ характеромъ, но чрезвычайно живыми фигурками. 16. Бѣгство Іакова. Городъ съ высокою башнею, статуями въ бѣлыхъ одеждахъ по стенамъ. 17 и 18. Жизнь Іакова у Лавана, пестрые пейзажи. 19. Уходъ отъ Лавана. Отсюда начинаются миниатюры съ особенно малаго размѣра фигурами въ видѣ дѣтей—изуродо-

²⁾ О которыхъ разсуждаетъ г. Стасовъ по поводу керченской фрески въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1872 г. стр. 305—6.

ванная классическая манера, которая, однако, не иѣшаетъ ясности и выразительности. 20. Переговоры объ унесенныхъ идолахъ. Въ палатѣ, гдѣ Ревекка сидитъ, притворно горюя, иные шарятъ и удивляются, а другіе искоса смотрятъ на нее, какъ бы зная ея тайну. 21. Два вѣстника, по буквенному пониманію греческаго слова представленные въ видѣ ангеловъ, возвѣщаютъ Іакову прибытіе Исава. Смущеніе Іакова чрезвычайно живо, въ натуральныхъ жестахъ и измѣненіи чертъ лица. 22. Іаковъ посылаетъ стадо въ даръ Исаву; дурная манера, усиливающая выраженіе въ жестахъ за отсутствіемъ другихъ средствъ. 23. Любопытное изображеніе поѣздки Іакова въ мелкихъ, но изящныхъ фигуркахъ (начало виз. финифтей), живо, разнообразно и натурально представленныхъ. Въ борьбѣ Іакова его соперникъ Израиль представленъ не Ангеломъ и не съ крыльями, какъ всегда въ послѣдствіи, но обыкновеннымъ юношею. 24. При свѣтѣ солнца Іаковъ молится, и Израиль въ бѣлой одеждѣ его благословляетъ. 25. Интересная миниатюра по изображенію храма и алтаря въ Веѣилѣ; храмъ имѣетъ видъ полуротонды диптеральной — т. е. съ двумя рядами колоннъ, а алтарь — открытой абсиды съ престоломъ, канцеллами и епископскимъ сѣдалищемъ, барельефами на пилястрахъ и статуями. 26. Столь же интересная сцена смерти Рахили: гробница имѣетъ видъ дома съ тонкой башенкой, на крышѣ челоуѣкъ зажигается, вѣроятно, факелъ; дико и утрированы жесты, выражающіе горе семьи, особенно у женщинъ плакальщицъ, съ растрепанными волосами; у одной находимъ даже извѣстный жестъ заброшенныхъ назадъ рукъ, выраженіе горькаго отчаянія у Джіотто и его школы. 27. Въ изображеніи смерти Исаака любопытно, что въ могилу покойника опускаютъ коричневую чашу съ огнемъ и пепломъ (у Ламбеція похоже на хлѣбъ); подъ головою его розовый плащъ, у постели два свѣтильника. Ниже начало исторіи Іосифа, негодованіе братьевъ. 28. Группа братьевъ, слушающая рассказъ Іосифа о его снахъ, оживлена выраженіемъ разнообразныхъ чувствъ, вниманія, переспросовъ, толковъ, недоумѣнія у болѣе простоватыхъ и злобно сдержаннаго молчанія у другихъ. 29. Новый сонъ Іосифа о солнцѣ и лунѣ, фигура Іосифа дана въ

прекрасномъ ракурсѣ; мать его имѣетъ бѣлый чепецъ подѣ желтою пенулою. Братья раздѣлившись по группамъ, обсуждаютъ, что дѣлать съ Иосифомъ; въ сторонѣ одинъ изъ нихъ (Иуда) съ негодованіемъ отказывается слушать, а другой ему указываетъ, что всѣ согласны и уже рѣшили. Въ одной группѣ видимъ также, что одинъ изъ братьевъ «ищется» у другаго—совсѣмъ по сельски, въ другой играютъ на флейтѣ—пастушеская сцена во вкусѣ Остада. Столь же натурально и бронзово-красное тѣло пастуховъ. 30. Иосифъ уходитъ къ братьямъ въ поле, сопутствуемый Ангеломъ — странная подробность, болѣе умѣстная въ позднѣйшихъ византійскихъ миниатюрахъ. Большой милевой столбъ съ пурпурною повязкою, какъ античный символъ дороги; такая же живость въ группѣ братьевъ, просыпаются, потягиваются. 31. Извѣстная сцена съ женою Пентефрія въ полуротондѣ. Въ сторонѣ семейная сцена: въ качалкѣ ребенокъ, нянька и Иосифъ или другой рабъ; толстая кормилица съ веретеномъ въ рукахъ въ голубой кикѣ со звѣздами и въ шушунѣ съ широкими рукавами; ниже подобная же сцена: одна изъ нянекъ въ зеленомъ хитонѣ цѣлуетъ ребенка, другая прядетъ шерсть изъ корзинки; третья фигура, конечно, сама хозяйка въ бѣломъ хитонѣ, совершенно прозрачномъ, сквозь который видно ея розовое тѣло, съ красными сапожками, сидя на складномъ креслѣ съ красной подушкою и съ веретеномъ въ рукахъ, принимаетъ отъ Иосифа чашу. Не лишено интереса также и то, что въ физиономіи жены Пентефріевой замѣчательно ясенъ тотъ изношенный типъ, который мозаистъ Св. Виталія такъ удивительно передалъ въ лицѣ знаменитой Феодоры. 32. Подобная же сцена обвиненія Иосифа: Пентефрій слушаетъ вѣсть отъ своей жены, сидящей передъ нимъ въ богатомъ костюмѣ съ широкими золотыми полосами, розовою накидкою и бѣломъ вуалѣ; за устоемъ дверей слуга зоветъ Иосифа изъ за перилъ; ниже ему предъявляютъ его хитонъ, и въ то время, какъ сама госпожа молча на него указываетъ, за нее говоритъ наперсница; послѣдняя имѣетъ высокій, ржаватый нарикъ, одѣта въ сарафанъ, мужчины въ высокихъ черныхъ сапожкахъ. Пентефрій представленъ безбородымъ, въ голубой туникѣ и желтомъ гиматіи съ пурпурнымъ

таблѣномъ. 33. Иосифъ истолковываетъ сны въ тюрьмѣ; въ стонѣхъ тюремшикъ и его жена выражаютъ другъ другу удивленіе и притомъ слѣдующими жестами: онъ сложеніемъ латинскимъ, она греческимъ и послѣднее, вѣроятно, имѣетъ значеніе какихъ-либо объясненій. 34. Пиръ у Фараона, сложная и мелкая сцена. Любопытны парики прислуги, какъ на трагическихъ маскахъ, что напоминаетъ нами ливреи и парики. 35. Истолкованіе сна Фараонова; маги изображены всѣ съ черными таблѣнами на коричневыхъ гиматіяхъ; возлѣ Иосифъ въ колобіумѣ, на которомъ полосы доходятъ только до живота—видимо, подробность въ костюмѣ слугъ, какъ окажется въ послѣдствіи. Чрезвычайно натуральны спящіе сидя и развалившись въ богатыхъ ракурсахъ тѣлохранители Фараона. 36. Продолженіе той-же сцены: сбоку въ малую, т. е. внутреннюю, дверь входитъ съдой придворный въ длинной хламидѣ; передъ нимъ идетъ съ жезломъ ликторъ, а слуга у дверей подымаетъ занавѣсъ, понятная подробность византійскаго церемоніала, которую мы встрѣтимъ впослѣдствіи всегда и въ сценахъ религіознаго содержанія. Тѣлохранители опять въ парикахъ. 37. Приходъ братьевъ Иосифа въ Египетъ. Съ этой миниатюры начинается серія рисунковъ исполненныхъ на особомъ фонѣ—пепельно-голубомъ; работа становится крайне небрежна, но сохраняетъ тотъ же самый античный характеръ, контуры толстыя, наведены коричневою краскою; толстый мазокъ ея рисуетъ волосы, никакой моделировки, отсутствіе бликовъ, грубый рисунокъ и дикія движенія, ноги у фигуръ и особенно у животныхъ просто мазки кисти. Очевидно, что рисовалъ тотъ же художникъ, но торопясь и совершенно наскоро, какъ минутную работу, это какъ бы подмалевка. Фигуры втрое крупнѣе послѣднихъ. 38. Сцены въ дорогѣ, контуры фигуръ писаны черною краскою. 39. 40. 41. 42. Продолженіе того же разсказа. При живой и смѣлой композиціи рисунокъ отличается крайнею грубостью и небрежностью. 43. 44. Братья Иосифа въ дорогѣ. На ярко-голубомъ воздушномъ фонѣ видны розовые отблески зари. Въ первой сценѣ видны кухонныя приготовленія въ дорогѣ, потрошатъ овцу, повѣшенную на деревѣ. 45. Иаковъ благословляетъ дѣтей Иосифа. Ландшафтъ представляетъ горы, то

песчаную и желтую, то зеленую почву; мѣстами видны тѣни, показывающія исканіе перспективы; небо впервые имѣетъ по синему фону бѣлыя облака. 46. Іаковъ благословляетъ всѣхъ сыновей. Подобный же ландшафтъ. 47. 48. Іаковъ завѣщаетъ похоронить его, и самая смерть его. По толстымъ контурамъ, по небрежности рисунка, представляющаго группу въ видѣ ряда цвѣтныхъ полукружковъ для головъ, миниатюра изъ разряда самыхъ грубыхъ.

И такъ въ этомъ рядѣ миниатюръ послѣдовательно рассказана намъ библейская исторія въ главнѣйшихъ ея событіяхъ: за грѣхопаденіемъ слѣдуетъ потопъ, и пропущена исторія Каина и Авеля; особенно подробна исторія Іакова, но вовсе нѣтъ изображенія лѣствицы и т. д., однимъ словомъ, самый выборъ сюжетовъ показываетъ намъ, что, забывъ символику древне-христіанскаго искусства, миниатюра еще не нашла въ Библии инаго, новаго интереса и потому отнеслась къ своей задачѣ съ точки зрѣнія спеціально артистической. Однакоже, и въ средѣ этихъ античныхъ иллюстрацій мы не можемъ не замѣчать, хотя бы по чисто внѣшнимъ признакамъ христіанскаго элемента: пусть это будетъ Десница Божія, изображеніе ангеловъ, черныя табліоны маговъ, нѣкоторый духъ благочестія въ исторіи Авраама, Іосифа и пр. Иначе говоря, мы видимъ въ миниатюрахъ Библии постоянное присутствіе двухъ элементовъ: общей античной основы въ композиціи, рисункѣ, техникѣ, а главное, въ художественномъ замыслѣ и воззрѣніи, которая, однакоже, держится лишь въ силу традиціи, и явно обнаруживающагося съ другой стороны новаго движенія, которое опредѣляется существенно и религіознымъ содержаніемъ избранныхъ сюжетовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ явленіями новой жизни. О первомъ элементѣ, т. е. объ античной основѣ рисунковъ и говорили исключительно всѣ изслѣдователи, начиная съ Ламбеція, высоко ставившаго ихъ, и кончая Ваагеномъ, который восхваляетъ живость представленія, блескъ и переходы красокъ, мотивы достойные Рафаэля, полноту и пріятность лицеваго античнаго овала и пр. и пр., тогда какъ, несомнѣнно, главнѣйшій интересъ рисунковъ представляетъ именно другая сторона, какъ признакъ будущаго движенія. Въ силу указанныхъ причинъ, мы не рѣшимся

характеризовать этот элемент именемъ «византійскаго», хотя и многія подробности реального характера, напр. костюмы указываютъ на Византію (Ваагенъ находитъ эти костюмы почему то странными), и мы прослѣдили даже сходство въ общемъ направленіи между манерою этихъ миниатюръ и византійскихъ. Но, принимая за общее правило, что подробности въ произведеніи искусства не составляютъ еще характеристики цѣлаго, и что костюмы византійскіе распростанялись повсюду въ V и VI вѣкахъ на Западѣ, какъ дѣло высшей моды, шедшей отъ двора, мы, вѣсть съ тѣмъ, видимъ въ самомъ началѣ византійскаго искусства цѣльное и широкое по результатамъ и фактамъ направленіе, особую идеально-художественную сферу. И это направленіе, конечно, складывается не изъ однихъ только мелкихъ явленій мѣстнаго быта и особенно жизни полуазіатскаго двора, какъ понимаютъ въ существѣ дѣла Руморъ, Ваагенъ и даже отчасти Шнаазе, для которыхъ біеніе челомя въ миниатюрѣ или даже слишкомъ усердныя поклонны служатъ лучшимъ и важнѣйшимъ признакомъ византизма. Конечно, и въ данной рукописи, несмотря на всѣ указанныя видимости, направленіе это еще не выяснилось и мы находимъ въ ней явленіе все того же межуточнаго художественнаго направленія, которое не можетъ еще отрѣшиться отъ предестей міра античнаго, чтобы углубиться въ христіанскую мысль. Тѣмъ не менѣе, иллюстрація Библии имѣетъ прямое значеніе въ исторіи христіанскаго искусства, а именно по тому вліянію, какое чудныя античныя композиціи должны были производить на начинающееся искусство не только въ миниатюрахъ, но впоследствии и въ монументальной живописи мозаикъ. Косвеннымъ доказательствомъ греко-византійскаго происхожденія этого кодекса могли-бы послужить фрагменты Вытія на греческомъ языкѣ, въ Британскомъ Музеѣ, извѣстные подъ именемъ Коттоновой Библии и относимые къ V или VI в. ¹⁾ Ми-

Код. Вытія
въ Брит. Муз.
Otho. B. VI.

¹⁾ Къ несчастію, почти совершенно уничтожены пожаромъ, а жалкіе остатки наклеены на бумагу на 147 листахъ; въ Британскомъ музеѣ за № Otho. B. VI. Въ каталогѣ Коттоновой библии. Смита 1696 г. на стр. 127 упоминаются еще цѣлыми, но вовсе не описаны. Рисунки впервые сообщены съ 2 фрагментовъ ипр соч. Проф. Гёрда, указ. соч. т. 1-я.

платеры, какъ и тамъ, идутъ поверхъ текста и въ общемъ представляютъ близкое сходство. Но въ Лондонской рукописи мы чаще различаемъ цвѣтной, а именно голубой, или даже ландшафтный фонъ; рисунокъ значительно небрежнѣе, и самая манера исполненія измѣнилась; такъ складки классическихъ драпировокъ сдѣланы гораздо мельче, чѣмъ приближаются къ манерѣ византійской. Далѣе въ сценѣ грѣхопаденія Богъ представленъ въ золотой одеждѣ, а равно и въ другихъ сценахъ крупная шраффировка золотомъ складокъ идетъ дальше Ват. Виргилія и приближается къ перегородчатой византійской эмали. Въ иллюстраціи мѣста Бытія XVII, 6 три фигуры ангеловъ чистаго византійскаго типа: съ крыльями въ голубыхъ хитонахъ и пурпурныхъ гиматіяхъ съ золотыми уже полосами, а на плечахъ золотыя бармы; въ гл. XVIII, 33 ангелы являются въ полныхъ византійскихъ костюмахъ и пурпурныхъ сапожкахъ, а низъ хитона убранъ золотомъ бахромою; равно и предпочтеніе къ свѣтлымъ краскамъ: голубой и розовой сближаетъ съ живописью византійской.

Откуда же шло это новое направленіе, и чѣмъ было оно возбуждено въ IV и V вѣвѣ? Почему оно двоилось, то усиливая свой артистическій античный запасъ, то проникаясь формами христіанскими? Гдѣ могло бы явиться въ новомъ мірѣ повтореніе стиля Помпей? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы представляется самъ собою: начиная съ первыхъ изслѣдователей классической археологіи и до послѣдняго времени всѣ равно указывали на знаменательный фактъ перенесенія столицы изъ Рима въ Константинополь, какъ на фактъ первостепенной политической важности. Немногіе, и то были историки Византіи или византійскаго искусства, видѣли въ немъ и фактъ культурный: вмѣстѣ со столицей перешло искусство, наука и промышленность. Пусть Греція въ эпоху Римской Имперіи, дѣйствительно, обѣдняла, порты ея опустѣли, населеніе разошлось по Азіи и Италіи, а образованіе перешло въ Александрію и Антиохію ¹⁾, и сама страна превратилась въ глухую

¹⁾ Finlay, Griechenland unter den Römern, 146 v. Ch.—716 n. Chr. L. 1861, стр. 64, 67, 73, 78 и др.

провинцію. Все же образованіе было нѣкогда такъ высоко, что и остатки его послѣ распаденія римской Имперіи могли освѣтить новое государство: историкъ говоритъ намъ ¹⁾, что именно въ эпоху наибольшаго паденія Греціи въ II вѣкѣ послѣ Р. Хр., когда религія была безвозвратно унижена, на смѣну ея явились философія, какъ общая учительница: ее изучали всѣ и въ ней видѣли основу нравственности и жизни общественной. Вотъ почему, когда при Феодосіи православно-христіанская церковь была отождествлена съ греческою націею, всѣ формы управленія, народный характеръ этой церкви применили къ организаціи религіи древнегреческой, и Греки сразу стали во главѣ церкви; великіе учителя ея: Аванасій, Григорій и Василій отнеслись къ греческой образованности, какъ къ высокой силѣ, которая, будучи совершенно совмѣстима съ христіанствомъ своею общечеловѣческою стороною, необходима для высокаго общественнаго и научнаго образованія христіанъ и вполне самостоятельна въ области естественнаго и рациональнаго²⁾. Именно эта образованность способствовала церкви проложить путь между ересями и отвергнуть предложенное гностиками дѣленіе церкви на совершенно духовную и церковь толпы, а равно значительно смягчить общую вражду юнаго христіанства противъ искусства. Въ то время какъ Кароагенянинъ Тертуліанъ громилъ философію, какъ источникъ ересей, и искусство и даже для образа Христа предлагалъ безобразіе, Климентъ Александрійскій признаетъ важность образованія и высоту искусства, но ищетъ для нихъ достойнаго содержанія; цѣлая IV глава его сочиненія *λϋγος προτρεπτικὸς πρὸς Ἑλληνας*³⁾ трактуетъ объ искусствѣ, убѣждая Грековъ покинуть идолопоклонство, презрѣть развратные

¹⁾ *ibid.* стр. 75.

²⁾ См. ст. «Сужденія Отцовъ и Учителей Ц. П и III в. объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству». Труды Кіев. Дух. Акад. т. II, г. 1860, стр. 74 слд.

³⁾ *Migne, Patrol. s. s. ser. gr. t. VIII.* Также и во второй рѣчи его трилогіи: Педагогъ и третьей—Строматеонъ гл. I, X и др. возвращается къ тому же предмету.

сюжеты и покинуть эту область лжи и злых демоновъ. Когда же Греція стала значительно поправляться въ IV вѣкѣ и послѣдующія реформы Императоровъ, вызванныя самымъ перенесеніемъ столицы, дали Востоку вновь условія общественнаго развитія, естественно, и искусства должны были пробудиться къ новой жизни: явилось собираніе художественныхъ произведеній древности или государственное ихъ огражденіе отъ разрушенія, постройки пышныхъ зданій и пр.

Вотъ почему, сопоставляя эти и подобныя имъ историческія извѣстія о новой столицѣ¹⁾ и ея художественныхъ богатствахъ, съ исторією сплошнаго разоренія Запада и его центра Рима въ V вѣкѣ, мы невольно убѣждаемся, что такія рукописи, какъ Бытіе Вѣны должны были возникнуть на Востокѣ.

Вотъ почему, если-бы мы вздумали сопоставить эти миниатюры съ библейскими сценами въ мозаикахъ, украшающихъ главный корабль римской базилики Маріи Маджіоре, то мы должны были бы отдать безусловное предпочтеніе этимъ небрежно сдѣланнымъ миниатюрамъ, ибо въ нихъ мы увидимъ и работу мысли, и сравнительное совершенство въ техникѣ и исполненіи. Ихъ выборъ останавливается на сюжетахъ драматически интересныхъ, полно обставленныхъ; житейскія сцены исторіи сыновей Авраама, странствія и жизнь Іакова и Іосифа, иллюстрированныя столь подробно, напоминаютъ намъ позднеразвившіяся античныя романъ. Сцены обильны фигурами, но онѣ участвуютъ въ данномъ актѣ, лишними деталями пейзажа, но слагающимися въ пріятную картину; живое представленіе иллюстратора не чуждо еще поэзіи и наивности миеологическаго воззрѣнія. И, напротивъ, мы могли-бы сопоставить множество одинаковыхъ сценъ въ миниатюрахъ и мозаикахъ, чтобы доказать внутреннее ничтожество мозаическихъ композицій, которыя то повторяютъ въ живописи всѣ недостатки римскихъ барельефовъ позднѣйшей имперіи, то утрируютъ хаотически туманный рисунокъ римскихъ фресокъ.

¹⁾ Banduri, Imperium Orientale, 1711, т. I, р. III: Anonymi Patria, Никиты Хоніата «о статуяхъ» ib., энграммы и пр.

Разсказъ вовсе лишенъ драматизма миниатюръ, и его грубый реализмъ довольствуется изображеніемъ множества фигуръ въ битвахъ, множества овецъ для стада и не затрудняется помѣстить въ одну группу и пастуховъ Іакова, исполняющихъ извѣстный маневръ со стадомъ, и самого Іакова, принимающаго изъ рукъ ангела въ небесахъ свитокъ. Эти мозаики достаточно характеризуются и тѣмъ, что, иллюстрируя весь Октотевхъ, онѣ наибольшую часть сценъ посвящаютъ Исходу, видимо интересуются битвами Израильтянъ. Если, такимъ образомъ, въ самомъ Римѣ монументальное искусство не могло произвести ничего, кромя жалкаго копированія Траяновой и Авреліевой колонны, то мы обязаны хотя въ предѣлахъ гипотезы указать на Востоку, какъ на единственный пунктъ, гдѣ возможно было начало новой художественной жизни. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ Вѣнской Библии отрывокъ блестящаго труда, въ которомъ наглядно представлялась вся исторія возрожденія искусства на его родной почвѣ, совершавшагося въ продолженіи IV и V вѣковъ. Искусство вновь возвратило здѣсь и силы забытой техники, и свѣтлый характеръ представленія и любовь къ сочно блестящимъ краскамъ и стремленіе къ драматизму, выражающему полноту жизни личной, не знавшей римской солдатчины. Подобнаго же рода отношенія мы можемъ прослѣдить между этими мозаиками и извѣстнымъ свиткомъ, иллюстрирующимъ книгу Іисуса Навина.

Этотъ свитокъ¹⁾, покрытый миниатюрами въ видѣ непрерывнаго фриза (подобіе барельефовъ Траяновой и Авреліевой колонны), представляетъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ памятниковъ миниатюры античной и принадлежитъ по всѣмъ признакамъ V или VI в. Но такъ какъ свитокъ покрытъ подписями, объясняющими миниатюры, письма VIII или IX ст., то большая часть изслѣдователей вынуждена была принять, что миниатюры копируютъ древнѣйшіе оригиналы, чему и можно было впол-

Свитокъ кн.
I. Навина,
Ват. греч. 405

¹⁾ Въ Ватиканской библиотекѣ, Codd. gr. № 405, имѣетъ въ длину 10 метровъ, будучи фрагментомъ. Рисунки всѣхъ миниатюръ, но въ маломъ размѣрѣ, у Даженкура pl. 28—30; калки слѣваны лишь съ трехъ и неудовлетворительны. Описание у Румора Ital. Forsch. I стр. 166 сл.

нѣ повѣрить, судя по небрежнымъ копіямъ Даженкура¹⁾. Но всякій, видѣвшій оригиналъ, отвергнетъ подобное предположеніе въ виду необыкновеннаго изящества и оригинальности его миниатюръ, несомнѣнно исполненныхъ художникомъ первой руки. И кто видалъ когда либо копіи въ видѣ свитковъ 10 метровъ длины?²⁾ Объясненіе этой загадки представляется крайне простымъ, когда мы замѣтимъ, что всѣ эти надписи и длинныя подписи сдѣланы безусловно позже самаго свитка, т. е. въ IX или даже X стол. скорописью и темными чернилами, при чемъ, напротивъ того, немногія подписи древнія, для горъ, городовъ и пр. сдѣланы уставомъ лапидарнаго письма V—VI в. безъ удареній и дыханій, притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не безобразятъ собою (напр. колонкою на башнѣ) миниатюры, какъ тѣ позднѣйшія. Можетъ быть, убѣдительнымъ доводомъ послужить и то указаніе, что напр. двойное изображеніе горы Гейвалъ одинъ разъ, написано уставомъ: *ḡros Gáival* а въ другой скорописью *γερβαλ*: не могутъ же эти надписи быть одновременны. Второе затрудненіе представляется въ самой technikѣ миниатюры: одни хотятъ видѣть въ ней какой-то неизвѣстный процессъ, другіе утверждаютъ, что это живопись водяными красками. По нашему опыту, существованіе положенныхъ слоями на пурпуровой фонъ бѣлыхъ бликовъ доказываетъ всего скорѣе, что это таже гуашь, только въ особомъ легчайшемъ растворѣ, при чемъ фонъ могъ быть покрываемъ и водяными красками; быть можетъ, послѣднее обстоятельство было причиною того, что нѣкоторыя изъ красокъ до того поблѣднѣли, что съ трудомъ и только вблизи могутъ быть различаемы. При поверхностномъ разсмотрѣніи представляются только двѣ краски: свѣтло-коричневая для всѣхъ контуровъ, тѣней, почвы, тѣла и одежды, и пепельно голубая, а мѣстами также красная для

¹⁾ Таково мнѣніе самого Даженкура, повторенное у Румора *ib: Шнаазе Gesch. d. bild. Künste*. III p. 238; Hotho, *Gesch. d. christl. Malerei* I p. 43; Piper, *Myth. u. Symbolik* I, p. 24.

²⁾ Лѣтописцы рассказываютъ, какъ о чудѣ: кодексахъ—свиткахъ Иліады и Одиссея въ 120 метровъ длины (см. выше).

одеждъ, почему иные и думаютъ, что остальные краски сошли. Не для того, чтобъ опровергать подобное странное мнѣніе, но для исторіи техники мы опишемъ всѣ существующія краски. Въ одеждахъ мы чаще всего находимъ или желтоватую, или просто бѣлую краску; также пепельно-голубую и пурпурную; голубыя латы у воиновъ (жѣлѣзныя) и желтоватыя (т. е. золотыя) у вождя. Свѣтло-коричневая служитъ какъ для контуровъ и тѣней, такъ даже при помощи сильныхъ свѣтовъ для изображенія листьевъ; съ оттѣнкомъ желтой она отмѣчаетъ тѣни на скалахъ. Особенную роль играетъ видимо пурпуръ, какъ наиболѣе обычная краска, потому что ею сдѣланы не только различныя детали напр. полосы (clavi), обувь у царей, но она же замѣняетъ краски: розовыя и красную: такъ кровь обрѣзанныхъ изображена пурпуромъ, такъ и тѣло мѣстами наведено легкимъ слоемъ пурпура, изображающаго румянецъ, а также оттѣняющаго мускулы и суставы на рукахъ и ногахъ. Но въ моделировкѣ лица обращаютъ на себя наше вниманіе рядомъ съ розовымъ оттѣнкомъ тѣла и рѣзкія зеленоватыя тѣни, напоминающія раннюю византійскую технику.

Что касается самыхъ композицій, то всѣ художественныя достоинства миниатюръ: живость и драматичность дѣйствія, разнообразіе въ изображеніи и замыслѣ, замѣчательное расположеніе и группировка, и вообще весь блескъ легкой артистической манеры, сознающей свою силу и связь съ античнымъ искусствомъ — только болѣе заставляютъ насъ сожалѣть о томъ, что эти богатые средства потрачены на содержаніе пустое и задачу маловажную. Въ средѣ этихъ скучно однообразныхъ сценъ или батальныхъ, или церемоніальнаго содержанія, мы мало встрѣчаемъ интереса и въ типахъ; но какъ въ немногихъ женскихъ фигурахъ, такъ и въ двухъ вариантахъ мужскаго типа: одинъ — молодецъ съ вьющимися волосами, похожій на амура или на Аполлона, и другой — бородатый мужчина съ нѣсколько вульгарнымъ лицомъ въ цвѣтѣ силъ, мы находимъ безусловно чистый греческій овалъ. Легкое видоизмѣненіе этого типа заключается въ короткомъ нѣсколько вдернутомъ носѣ и въ нѣкоторой угловатости верхней

части лица, часто напоминающей обычные типы Византийскаго искусства ¹⁾.

Главнѣйшій интересъ этихъ композицій сосредоточивается на олицетвореніяхъ городовъ, горъ и рѣкъ, которыя соперничаютъ по замыслу съ своими античными оригиналами и въ данное время указываютъ на пробужденіе художества послѣ долговременнаго застоя. Въ порядкѣ слѣдованія первая фигура представляетъ Иорданъ, изображенный сзади (какъ всегда изображались рѣки въ античной живописи); прекрасная классическая фигура, драпированная пурпурнымъ гиматіемъ, опирается на поваленную за спиною урну и держитъ въ правой рукѣ вѣтвь или стволъ дерева. Гора Галгаль полулежа, съ рогомъ изобилія, юная фигура; ей соответствуетъ по другую сторону сцены подобная же фигура горы или холма по античному переводу съ вѣтвью (подпись: βουβός τῶν ἀκροβυστῶν). Иерихонъ—женская фигура, въ градской коронѣ, сидя на скамьѣ, въ раздумьи; возлѣ нея блюдо; эта же фигура въ отчаяніи въ сценѣ паденія стѣнъ, съ брошеннымъ на землю рогомъ изобилія. Городъ Гай, женская фигура съ развернутымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, правую опирается на скалу; та же фигура въ позѣ устремленнаго вниманія опирается на рогъ изобилія. Гора Гемекахоръ съ вѣтвью въ правой рукѣ полулежа, юная мужская фигура; гора Геваль полулежа, правая рука для большаго выраженія покоя, (а не ужаса, какъ думаетъ Пиперъ) заброшена за голову; другое изображеніе ея же, съ переброшеною ногою за ногу (фигура Микель Анжеловскаго дня); всѣ фигуры горъ легко одѣты хламидою, накинутаю на нижнюю часть тѣла. Городъ Гаваонъ—наиболѣе изящная женская фигура и фи-

¹⁾ Изъ такъ называемыхъ признаковъ Византизма мы встречаемъ паденіе челою и другіе способы выраженія и знаки почтенія, напр. покоренные подходятъ къ Навину, простирая руки, покрытыя верхнею одеждою. Способъ греческаго благословенія употребляется очень часто: какъ самое благословеніе и какъ особый жестъ, выражающій почтеніе: у Иисуса Навина передъ архангеломъ и у его приближенныхъ передъ нимъ самимъ.

гура другого неизвѣстнаго города ²⁾, все это, правду сказать, довольно однообразнаго типа, единственная заслуга котораго его античное происхожденіе. Больше интереса имѣютъ поэтому фигуры, въ которыхъ античный типъ представляетъ и христіанское содержаніе, напр. Арх. Михаилъ съ мечемъ передъ Навиномъ.

И такъ, разсмотрѣвъ древнѣйшіе лицевые кодексы, мы не нашли между ними ни одного, который представлялъ бы въ полномъ смыслѣ произведеніе новаго христіанскаго искусства; на противъ того, мы видѣли въ нихъ или обломки чистаго античнаго искусства, уцѣлѣвшіе въ копіяхъ или прямыхъ подражаніяхъ, или же временное возрожденіе того же искусства. Это возрожденіе проявляется какъ въ улучшеніи внѣшней стороны искусства: техники, рисунка и композиціи, такъ и въ нѣкоторомъ оживленіи, если не самыхъ идей и образовъ, то манеры представленія, не чуждой живаго и естественнаго драматизма, къ которому искусство перешло, освободившись отъ оковъ римскаго плѣненія, и мертвившей его пустоты и форменной выправки. Вотъ почему, не находя на почвѣ римской ничего, что бы могло объяснить намъ эту новую жизнь искусства, полагаемъ, что она заключалась въ перенесеніи художественной дѣятельности на почву Греціи и была, по этому, возрожденіемъ собственно греческаго искусства. Понятно, что это обстоятельство еще ближе объясняетъ намъ тѣ тѣсныя связи античнаго искусства съ византійскимъ, которыя опредѣлили навсегда извѣстныя черты и направленія въ собственно византійской миниатюрѣ. Но въ своемъ анализѣ древнихъ кодексовъ, особенно Вѣн. Библии, свитка I. Навина и друг. мы постоянно останавливались на одномъ наиболѣе характерномъ свойствѣ ихъ рисунковъ, которое проникаетъ самыя композиціи и сюжеты, то сврываясь иногда за классическими идеальными образцами, то господствуя на просторѣ. Это свойство составляетъ цѣлое явленіе, или вѣрнѣе, направленіе искусства и получило въ эстетикѣ названіе *натурализма*, т. е. таковаго художественнаго

²⁾ Объ олицетвореніяхъ рѣки см. Пипера *Symb. u. Myth. Th.* 2. стр. 506, горь стр. 477, о городахъ стр. 627.

мировоззрѣнія, когда искусство, не отрѣшаясь отъ созданнаго идеала, ищетъ, однако-же, образовъ въ самой природѣ, хотя бы въ грубѣйшихъ формахъ, лишь бы оживить мертвый идеаль. Въ отличіе отъ реализма, въ которомъ искусство ставитъ въ принципъ себѣ изображеніе дѣйствительности и стремится ею ограничиться (хотя никогда этого не достигаетъ, ибо всякое искусство идеально), натурализмъ видитъ въ дѣйствительности только подробность, прикрасу, пріятное развлеченіе глазъ.

Наука исторіи искусства можетъ отнынѣ выставить своимъ закономъ, что всякое искусство въ своемъ полномъ развитіи и своемъ зародышѣ *идеально*, какою бы ступенью его мы подъ этимъ именемъ ни разумѣли,—будетъ ли это совершенное изображеніе высшаго божества, или хитрый синтаксисъ геометрической орнаментации посуды и утвари, который созданъ человѣкомъ, какъ первое извѣстное проявленіе его художества. Чѣмъ свѣжѣе, сильнѣе и живучѣе искусство, тѣмъ полнѣе его идеальная сторона, и тѣмъ болѣе примиряется она или сливается съ реальною основой, а въ ихъ полномъ сопряженіи заключается загадка процвѣтанія искусства. Напротивъ того, натурализмъ, т. е. подчиненіе искусства дѣйствительности, безъ исканія въ ней идеала, есть существенная черта паденія, старчества и даже полного вымирания искусства, признавашаго свое безсиліе въ идеальномъ творествѣ. Но, оставя строгую историческую почву, обратимся къ апіорной эстетикѣ въ ея лучшимъ представителѣ—Фишерѣ: натурализмъ есть оппозиція противъ стиля, противъ основнаго художественнаго мировоззрѣнія; онъ ведетъ къ природѣ¹⁾, но этотъ переходъ къ дѣйствительности совершается въ сферѣ сложившагося искусства, когда оно, чуждаясь идеальнаго творчества, поступаетъ подъ руководство чистаго инстинкта; дѣятельность этого инстинкта случайна, а первоначальная свѣжесть, при отсутствіи школы, отзывается грубостью природы и скоро цѣпенѣетъ въ привычныхъ формахъ²⁾. Пусть этотъ приговоръ не различаетъ въ своей

¹⁾ Vischer, Fr. Th. Aesthetik, 1854, 5 т., 3 ч., II, 514.

²⁾ ib. III, стр. 62 сл., 98 сл., 100, 134 и пр.

общности натурализма отъ реального направленія, которое является временно, какъ плодотворная борьба противъ рутины, школы, безсильнаго идеальничанья, и составляетъ силу такихъ великихъ дѣятелей на поприщѣ идеальнаго искусства, какъ Дюреръ и Гольбейнъ, но надъ этою характеристикю явленія слѣдуетъ останавливаться, прежде чѣмъ, замѣтивъ въ средневѣковыхъ византійскихъ или западныхъ произведеніяхъ черту натурализма, радоваться ей, какъ искрѣ свѣжей жизни. Это оживленіе поупадается разложеніемъ идеала, и мы встрѣтимся съ его результатами въ послѣднюю эпоху византійскаго искусства.

Теперь же для насъ важно лишь признать вообще, что и античное искусство, несмотря на свои, повидимому, закрѣпощенные идеалы, кончало жизнь свою подобнымъ же явленіемъ, и если этого не чувствовалъ изслѣдователь въ церемоніальныхъ мозаикахъ и диптихахъ, то обильно находитъ въ миниатюрахъ.

Наконецъ, эта вѣтвь античнаго искусства безусловно, однакоже, принадлежитъ исторіи новаго христіанскаго искусства и вполне выражаетъ общій характеръ искусства въ первые пять вѣковъ христіанской эры. Эти иллюстраціи Иліады и Вытїа, соотвѣтствующія эпическимъ поэмамъ III и IV вѣковъ ¹⁾, глубже характеризуютъ это искусство въ его внутреннемъ существѣ, силахъ и направленіи, чѣмъ напр. инныя мозаики. Оставимъ въ сторонѣ самое богатое содержаніе новыхъ идей и фактовъ христіанской вѣры, представляемыхъ живописью катакомбъ (хотя и здѣсь должно еще отдѣлать обширную и невыдѣленную область идей общихъ, напр. о безсмертіи, разработавшихся языческимъ искусствомъ) чтобы видѣть, что сдѣлало здѣсь само искусство. Мы найдемъ лишь условные знаки іероглифическаго характера, холодную схему представленія, которой художественная сторона цѣликомъ заимствована изъ античнаго искусства. Всѣ формы изображенія, вся концепція безусловно имѣютъ характеръ временный;

¹⁾ Примѣромъ ихъ можетъ служить метрическое изложеніе Исхода испан. пресвит. Ювенкусомъ Аквиліномъ жив. въ IV в. См. *Pitra, Spicilegium Solesm.*, I стр. 171—261.

работа живописца, хотя назначенная для вѣчнаго жилища, носить всѣ признаки скороспѣлой, необдуманной, она беретъ на мѣстѣ готовые, казенныя формы и не ищетъ новыхъ типовъ, созданія новыхъ композицій. Исторія иконографіи раскрываетъ намъ нынѣ всю историческую исключительность этого искусства, котораго временныя формы или остались, какъ и были подъ землею и не вышли наружу вмѣстѣ съ торжествующимъ христіанствомъ, или быстро утратили свою годность. Скульптуры саркофаговъ, стояція въ первые три вѣка въ тѣснѣйшей связи съ искусствомъ катакомбъ вообще, (разумѣя, здѣсь какъ монументальную живопись ихъ фресокъ такъ и мелкія подѣлки, въ родѣ извѣстныхъ донышкѣ стеклянныхъ сосудовъ *vetri opati*) и пр., столь же мало даютъ для собственно христіанскаго искусства и также мало участвовали въ дальнѣйшемъ его развитіи. Лишь въ IV и V вѣкѣ эта вѣтвь скульптуры начинаетъ нѣсколько расширять область своего представленія (два саркофага съ изображеніемъ Страстей Господнихъ въ Латеранѣ), но общій характеръ, стиль, остается тотъ-же, какъ будто бы скульптура была немислима внѣ античнаго искусства; таковы напр. барельефы двери базилики Св. Сабинны ¹⁾). Извѣстно, насколько античны по стилю и даже сюжетамъ древнѣйшіе диптихи; церковнаго происхожденія диптихи появляются не ранѣе VI вѣка, равно какъ и сюжеты религіознаго содержанія не могутъ быть указаны ранѣе этого времени. Такимъ образомъ, собственно христіанское искусство является съ мозаиками, но первыя произведенія этого рода представляютъ намъ также замѣчательное смѣшеніе элемента языческаго какъ единственно возможной въ эту эпоху художественной формы въ типѣ, орнаментѣ, композиціи съ идеями и содержаніемъ христіанскими. Мозаики бывшаго баптистерія Константина—нынѣ S. Costanza представляютъ намъ по сводамъ обходящаго корридора пологъ, богато украшенный орнаментами всякаго рода, въ

¹⁾ Этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ древне-христіанскаго искусства, о котоуомъ скоро появится наше разсужденіе, принадлежитъ V или VI вѣку и представляетъ иконографическое дополненіе къ саркофагамъ.

которые вплетены разныя фигуры аллегорическаго значенія и цѣлыя сцены: гении собирають виноградъ, везуть его на упрямыхъ ослахъ, даютъ дружно въ прессуарахъ¹⁾). Знаменитая мозаика церкви Св. Пуденціаны IV в. въ единственно сохранившихся фигурахъ Церкви изъ Иудеевъ и Церкви изъ язычниковъ—все остальное почти сплошь новая реставрація—даетъ благороднѣйшіе типы античнаго искусства. Тоже самое относится и къ двумъ тождественнымъ мозаическимъ изображеніямъ въ базиликѣ Св. Сабинны. Что касается мозаикъ нефа Маріи Маджіоре, то мы уже имѣли случай опредѣлить ихъ отношеніе къ христіанскому и античному искусству. Мы находимъ отчасти тотъ же характеръ даже въ знаменитыхъ мозаикахъ триумфальной арки этой базилики, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ важнѣйшій памятникъ христіанской вѣры и искусства какъ бы разрываетъ разомъ классическую завѣсу: колоссальная попытка иконописно-торжественнаго исповѣданія вѣры.

Недаромъ католическая церковь указываетъ на эти мозаики, какъ и было еще въ древности, какъ на непреложное свидѣтельство божескаго почитанія Дѣвы Маріи въ древне-христіанской церкви. Правда, съ другой стороны, въ типахъ и образахъ этихъ мозаикъ мы еще видимъ болѣе античное, нежели христіанское искусство или, по крайней мѣрѣ, переходъ отъ перваго къ второму²⁾. Мы видимъ здѣсь чисто эпическій приѣмъ

¹⁾ Изображенія въ двухъ абсидахъ, представляющія Христа, подающаго Апостолу (?) Евангеліе, и дающаго миръ между Петромъ и Павломъ, принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ—V—VI вѣку, какъ въ томъ свидѣлствуетъ непоколебимо ихъ стиль. Новую попытку отнести ихъ ко временамъ Константина съ подробнымъ анализомъ см. въ статьѣ г. Евг. Мюнца въ *Revue Arch.* за 1876 г. Впрочемъ и въ этихъ мозаикахъ есть много чертъ, представляющихъ характеръ искусства въ IV—V вѣкахъ, какъ напр. въ типѣ Христа, который одинъ разъ молодъ и съ маленькою бородою, другой разъ скорѣе въ типѣ Бога Отца. Евангелистъ является безбородымъ. По сторонамъ его десять (а не девять, какъ считаютъ г. Мюнцъ и Кроу) пальмъ вмѣстѣ съ нимъ должны, по моему мнѣнію, изображать одиннадцать Апостоловъ съ Христомъ по Воскресенію.

²⁾ Къ величайшему сожалѣнію, эти замѣчательнѣйшія мозаики Рима никогда не были срисованы и изданы сколько-нибудь удовлетворительно (см.

въ прославленіи Дѣвы и Богоматери въ шести сюжетахъ, расположенныхъ тройнымъ фризомъ по аркѣ. Художникъ обрабатываетъ свои композиціи живописно, какъ бы прилично было въ миниатюрѣ, а не иконописно, какъ слѣдуетъ въ колоссальной мозаикѣ, т. е. въ томъ родѣ живописи, какой христіанское искусство избрало для монументальнаго представленія, тогда какъ мозаика античная рѣдко имѣла колоссальные размѣры и потому была инаго характера. Мы видимъ во многихъ сценахъ величавую архитектурную обстановку: храмъ, городъ, колоннада представляетъ храмовой дворъ или атриумъ въ сценѣ Срѣтенія (впослѣдствіи же всегда сцена происходитъ передъ престоломъ) ¹⁾ вездѣ видимъ группы народу, воиновъ, священниковъ и пр.; въ Благовѣщеніи ангелъ изображенъ летящимъ вверху, вмѣстѣ съ голубемъ Духомъ Святымъ; особенно характерную деталь представляетъ рядомъ со сценою Срѣтенія храмъ, дворъ котораго наполненъ голубями, и гдѣ слуга или другое лицо собирается принести жертву — эта подробность напоминаетъ миниатюры Виргилія. Поклоненіе волхвовъ представлено съ любопытными нѣсколько римско-античными подробностями: Христосъ Младенецъ сидитъ на громадномъ тронѣ достаточномъ для трехъ лицъ, по сторонамъ его сидятъ: церковь языческая въ богатомъ дѣвическомъ нарядѣ какъ юная дѣва ²⁾ и церковь іудейская какъ старая матрона въ пенулѣ (прежде ее принимали за самое Богородицу) со свиткомъ. Богородица тоже является въ этомъ пышномъ костюмѣ знатной римской дѣвы (какъ Агнеса) съ косымъ вырѣзомъ столы, оплечьями и коронкою. Весь-

Ciamprini, t. I tab. 49). Описанія же всѣ небрежны и невѣрны. Самыя мозаики погружены въ мракъ и нужно много разъ ихъ смотрѣть, даже для того только, чтобы удовлетворительно разобрать композицію. Оба края арки наконецъ срѣзаны вынѣ и прикрыты, такъ что крайнія фигуры или невидны или видны на половину. Большая же заслуга соч. Флѣри *L'Évangile* 1875, что оно сообщаетъ много рисунковъ мозаикъ, хотя нѣсколько годныхъ.

²⁾ По слову Павла Кор. II гл. II, 2; Кириллъ Ал. въ соч. О поклоненіи въ Духѣ сопоставляетъ ц. язычниковъ съ дѣвою Сепеорю, дочерью жреца призванною къ Богу для сочетанія съ Моисеемъ, см. *Migne, Patrol. с. с. т. 68, стр. 259.*

¹⁾ Замѣчательная иконографическая подробность, имѣвшая знаменатель-

на любопытна и виѣсть крайне затруднительна для объясненія сцена, которую обыкновенно толкуютъ какъ поученіе Христа во храмѣ: изъ извѣстнаго города вышедшая толпа народу въ изумленіи остановилась (если не вышла на встрѣчу) передъ Младенцемъ; подошедшіе сзади Іосифъ и Мать протягиваютъ къ нему руки, а два ангела указываютъ имъ на изумленную группу; впереди толпы мужчина въ золотой туникѣ, голубой хламидѣ съ табліономъ пурпурнымъ, діадемъ и красныхъ сапожкахъ долженъ изображать царя, потому что мы видимъ всѣ подробности и безусловные атрибуты костюма византійскихъ императоровъ; рядомъ съ нимъ мужчина въ одномъ гиматіи уперся длинною палкою въ землю, это тѣлохранитель; сзади вельможи въ красныхъ и золотыхъ хламидахъ. Можетъ быть, мы имѣемъ передъ собою проповѣдь Христа въ Іерусалимскомъ храмѣ, но съ какими то неизвѣстными намъ (въ извѣстныхъ изданіяхъ ничего не находится) подробностями апокрифическаго характера, представляющими торжественную встрѣчу Младенца царями и вельможами ¹⁾.

Напротивъ того, несомнѣнно, новыя формы и типы, сложеніе сюжетовъ на новыхъ началахъ находимъ мы въ мозаикахъ Равенны V стол., какъ напр. въ Баптистеріи и ц. С. Аполлинарія Нового: строго монументальныя задачи, осмысленная опредѣленность типовъ не только главныхъ, но и второстепенныхъ, выработка композицій

ный смыслъ: позднѣйшіе писатели: Левъ имп., I. Зонара, Германъ, Дамаскинъ особенно указываютъ, что Марія пришла въ самый храмъ, а не стала передъ дверьми его, какъ подобало женѣ по кн. Левитъ XII, 1—7; *Legenda Aurea* Жакова де Вогаине стр. 159, также; и еще даже, что самъ Захарія ввелъ Дѣву внутрь и указалъ на чудо. Гомиліи и повѣствованія древнихъ О. Ц. (и приписываемыя имъ) о Срѣтеніи: Аванасія Ал. (?) въ *Patrol.* с. с. томъ 28, Кирилла Ал. (Феодота) т. 77-й, Кирилла Іерус. (?) т. 33-й, Григорія Нисскаго т. 46-й, Іоанна Зл. т. 50-й, Гезихія Іерусал. т. 93-й, даже Германа о Введеніи томъ 98-й *этого не содержатъ*. Праздникъ Срѣтенія съ 552 г. См. код. у *Lambecius* IV, 298,307; VIII, 52,154, 155,823. Кириллъ Алекс., гдѣ онъ доказываетъ, что Богородица не нуждалась въ обычномъ очищеніи, см. соч. „О поклоненіи“, кн. 15, *Patrol.* с. с. томъ 68, стр. 1006, въ комментарий. Ев. Луки *ibid.* т. 70, стр. 501.

¹⁾ Рис. въ изд. Rohault de Fleury, *L'Évangile*, pl. 30.

притомъ не въ томъ живописномъ направленіи, какое мы видѣли, но съ характеромъ иконописи. Среди античныхъ орнаментовъ и сценъ въ мозаикахъ усыпальницы Галлы Платидіи изображенъ Св. Лаврентій, съ крестомъ на плечахъ и раскрытымъ Евангеліемъ идущій къ костру, величаво-античная фигура, но по замыслу и идеѣ принадлежащая христіанскому искусству. И это явленіе ясно-опредѣлившагося въ своихъ задачахъ искусства убѣждаетъ насъ, когда мы сопоставимъ его съ современными римскими произведеніями, повторяющими древне-христіанскіе образцы, что мы видимъ здѣсь новое движеніе художества. Это движеніе съ теченіемъ времени слагается въ широкое и знаменательное явленіе исторіи, образуетъ эпоху процвѣтанія, и независимо отъ спеціально-иѣстнаго византійскаго характера и происхожденія, начинаетъ собою развитіе собственно христіанскаго искусства. Мы увидимъ что это развитіе сосредоточивается исключительно въ области Византіи, и что вся эта эпоха составляетъ собственно *первый періодъ* исторіи византійскаго искусства, или эпоху его процвѣтанія, къ которой и переходимъ.

II.

Первое по порядку мѣсто между лицевыми рукописями *періода процвѣтанія* византійской миниатюры и искусства занимаетъ Вѣвскій *Диоскоридъ*, написанный около 500 года ¹⁾ и несомнѣнно, въ Византіи. Пять великолѣпныхъ миниатюръ и множество изображеній на поляхъ, блестящихъ красками и представляющихъ растенія, животныхъ и птицъ, исполнены, безусловно,

Код. Диоско-
рида Вѣв.
Библи. греч.
№ 5.

¹⁾ Такъ наз. *большой*, им. 12 д., иначе въ боль. 4°, 491 листъ, № 5, Вѣв. библиотеки. Писанъ для Юліаны, дочери Платидіи и Аниціи Олибрія, императора Запада, ум. въ 472 г. Рисунки изданы въ «комментаріяхъ о Библиотекѣ» Петра Ламбенія. Изд. Коллара. 1776 г. т. 3 ж; у Даженкура pl. 26—три большихъ миниатюры; Лабарга изображение Юліаны, но вполне удовлетворительное. Одинъ рис. Диоскоридъ въ Сборникѣ общ. древне рус. исн. за 1866 г. къ ст. прое. Бусласва. Пассери издалъ миниатюру Юліаны-Аниціи какъ неизвѣстный памятникъ въ прибавленіи къ Gori, *Thes. vett. dipt.: Expositio in monum.* p. 60, таб. 90-я.

мастеромъ первой руки и даютъ отличный образецъ возрожденнаго античнаго искусства на византійской почвѣ. Византійскій элементъ, слѣдовательно, заключается, прежде всего въ усовершенствованіи античной техники, сохранившейся не только въ преданіи, но и въ живомъ употребленіи хотя значительномъ упадкѣ; затѣмъ въ выборѣ и предпочтеніи особенно блестящихъ и свѣтлыхъ красокъ согласно съ житейскими привычками византійской роскоши, — отсюда начинается обильное употребленіе розовой краски для одеждъ, — что заставляеть художника пренебрегать часто формами предмета и своимъ рисункомъ, лишь бы удовлетворить тонкому чувству краски и пріятности впечатлѣнія. Живописцемъ руководило не «правило вѣрности природѣ», какъ поверхностно замѣчаетъ Ваагенъ, но уже извѣстное сложившееся эстетическое воззрѣніе, которое и погубило впоследствии византійское искусство и миниатюру; оно преслѣдуетъ въ предметѣ, отдѣльной фигурѣ или цѣлой композиціи ту сторону, которая кажется съ перваго раза наиболѣе характерною, и забываетъ о всѣхъ другихъ, о соотношеніи, мѣрѣ и естественности. Это стремленіе, къ характерности было обусловлено въ византійскомъ искусствѣ ремесленною постановкою художника, необходимостью выработать для обихода мастерской схему фигуры, сцены, красокъ и пр. Вотъ почему византійское искусство сразу выдѣляется своею спеціальною манерою, а впоследствии такъ страдаетъ отъ схематичности, условности, казенности типовъ и композицій. Какъ скоро мастеръ въ извѣстномъ представленіи нашелъ характеристическую его сторону, онъ разрабатываетъ исключительно ее и подчиняетъ ей все остальное. Нельзя же думать напр., что византійскій миниатюристъ, умѣя нарисовать фигуру, не могъ затѣмъ никакъ ее поставить какъ слѣдуетъ, — внутренняя причина этихъ недостатковъ та, что онъ не заботился и не думалъ о нихъ; для него было достаточно, если кончики носковъ этой фигуры прикасаются къ землѣ: такимъ образомъ недостатки византійскаго искусства суть скорѣе результаты китайской привычки, нежели дѣтскаго безсилія. Иначе говоря, для живописца, исполнившаго сцену въ изящной античной композиціи и наполнившаго ее блескомъ и гармо-

нѣю разнообразныхъ красокъ, было почти безразлично, не страдаютъ ли фигуры неправильностью рисунка, устойчиво-ли поставлены онѣ на ногахъ и дѣйствительно ли онѣ посажены на стулья и кресла или только прислонены къ нимъ. Всѣ недостатки этого рода и всѣ достоинства находимъ мы въ Диоскоридѣ, который даетъ намъ уже полную византийскую манеру въ рисунокѣ и технику; мы находимъ здѣсь и густую гуашь, которая по сочности красокъ превосходитъ эмаль, но сильно дупится и потому была причиною сильнаго разрушенія миниатюръ; слои свѣтовъ: пепельныхъ, красныхъ, розовыхъ по коричневому тѣлу и лицу; золотой хитонъ шраффируется мелко золотомъ по коричневому полю, какъ бы въ эмали; по бѣлой одеждѣ идутъ голубоватныя и зеленныя тѣни.

На выходномъ листѣ находится изображеніе павлина—древняго символа безсмертія и смѣны временъ года, изображеніе котораго встрѣчается уже въ катакомбахъ Калликста: известна привязанность христіанской литературы къ этой эмблемѣ. За этимъ выходнымъ слѣдуютъ листы съ другими парадными миниатюрами: 1) семь древнихъ медиковъ сидятъ, расположившись триклиніемъ, и разсуждаютъ о медицинѣ: Хиронъ Гиппокентавръ (съ лошадиными формами тѣла отъ пояса; на плечахъ шкура; у Ламбеція же, ошибочно, съ человѣческими) Махаонъ и др.; бесѣда крайне живая, горячая, съ сильными драматическими жестами. 2) Семь другихъ медиковъ бесѣдуютъ въ томъ же расположеніи; въ центрѣ спорятъ Галенъ съ Диоскоридомъ (врачъ, жившій при Августѣ, изъ Биликіи); всѣ другіе внимательно слушаютъ, но двое не согласны; одинъ Никандръ играетъ съ послушной змѣею. ¹⁾ Что обѣ миниатюры повторяютъ древній оригиналъ, доказательствомъ служитъ небольшая мозаика изъ термъ Каракаллы, нынѣ въ виллѣ Альбани, въ галлерей Канта (изд. Винкельманомъ), изображающая въ томъ же расположеніи и характерѣ школу семи врачей. Обѣ миниатюры имѣютъ золотой фонъ, совершенно не идущій къ композиціи. 3)

¹⁾ Можно различить, что употребляются по преимуществу жесты греческаго и латинскаго благословенія, притомъ въ соответствіи, такъ что бесѣдующіе взаимно отвѣчаютъ другимъ жестомъ.

Діоскоридъ сидитъ въ складномъ креслѣ въ голубомъ пышномъ гиматіи и, держа въ лѣвой рукѣ свитокъ, указываетъ на мандрагору, которую представляетъ ему εβρασις (позднѣйшая надпись: σοφ(α)) прекрасная женская фигура въ золотомъ безрукавномъ хитонѣ и пурпурномъ гиматіи; на шеѣ ея жемчужное ожерелье, а на рукѣ браслетъ; волосы собраны назадъ; древне-греческій образъ, сдѣлавшійся типическимъ для олицетвореній въ византійскомъ искусствѣ. Передъ золотымъ подножіемъ Діоскориды собака, умирая отъ съѣденнаго растенія, опрокидывается въ корчахъ. Фонъ миниатюры синій, живописный. 4) Діоскоридъ и живописецъ описываютъ и срисовываютъ растеніе мандрагору, которую держитъ передъ ними та же фигура, но въ голубомъ хитонѣ съ рукавами и вышитымъ перлами воротомъ; на головѣ діадема. Мастеръ въ короткомъ и подпоясанномъ хитонѣ розоваго цвѣта и длинныхъ черныхъ сапожкахъ, какъ прилично рабочему. Сцена представляетъ внутренность портика съ коринтскими колоннами и нишею, которой сводъ имѣетъ форму раковины ¹⁾. 5) Внутри медальона, котораго плетеная кайма образуетъ по краямъ нѣсколько угольныхъ полей, изображена на золотомъ тронѣ, несомомъ орлами, Юліана въ блестящемъ византійскомъ орнатѣ: пурпурной туникѣ съ широкими золотыми полосами и золотомъ гиматіи; на головѣ діадема съ жемчугомъ и съ пряжкой или бантомъ на лбу; въ ушахъ жемчужныя подвѣски; голову накрываетъ красная повязка, завязанная назадъ; спереди положена коса, накрытая жемчужною сѣткою; лицо Юліаны изношеннаго византійскаго типа чрезвычайно напоминаетъ Θεодору. Держа книгу въ лѣвой рукѣ, она принимаетъ другую отъ нагаго крылатаго генія *κβδος τῆς σοφίας κτιστου*; закутанная въ бѣлыхъ одеждахъ фигура, падшая передъ ея трономъ, — *εὐχαριστία* те φιλ олицетвореніе, характеризующее византійскую принцессу (Ваагенъ принялъ по ошибкѣ за писца). По сторонамъ Юліаны двѣ классическія фигуры *φρόνησις* и *μεγαλοφυχία*: первая съ золотомъ эгидію на груди (или золотыми монетами), а вторая держитъ книгу, какъ неотъемлемныя спутницы византійскаго

¹⁾ См. эту архитектуру въ мов. Согуни, Texier and Pullan, Byzantine architecture 1864.

двора; у трона два круглых ащика со свитками исчезающая хвалебная надпись. Въ угловыхъ ювелирно мелкихъ композиціи изображаютъ геніевъ разными художественными провоздствами — на

Орнаментика этихъ миниатюръ въ 505 году. Фонъ хотя пользуется также элементами античными; таковая каемка, которую мы видѣли во всѣхъ древнѣйшихъ, но которая сохраняется миниатюрой византийцевъ. Византія имѣли передъ собою древнейшаго времени, служа подтверженіемъ того, что лиграфы Византіи всегда имѣли составленъ мозаичны. Затѣмъ: лавровый вѣнокъ, перевитый лентою, по пурпурному фону волюты съ акантами въ углахъ ютъ античное наследіе. Напротивъ того, своеобразныя византийскія орнаменты составляютъ мозаичный кружки со вписанными крестами или другимъ цвѣтине византийскій орнаментъ составляють мозаичныя также кружки радужныхъ цвѣтовъ. Св. Софіи у Залубной каймѣ (см. рисунки мозаикъ Пуллана въ указ. и Солунскихъ церквей у Таксы и Пуллана въ указ. и Св. Софіи у Залубной каймѣ) рисунки мозаикъ Пуллана въ указ. и Солунскихъ церквей у Таксы и Пуллана въ указ. и Св. Софіи у Залубной каймѣ (см. рисунки мозаикъ Пуллана въ указ. и Солунскихъ церквей у Таксы и Пуллана въ указ. и Св. Софіи у Залубной каймѣ)

Но какъ ни великолѣпна эта первая византийская искусство христианское: онѣ близки только къ диптихамъ и нымъ мозаикамъ. Важнѣе другая лицевая рукопись съ датой въ это родѣ—сирійское Евангеліе, писанное монахомъ Рабулою въ по Р. X. ¹⁾ Хотя эта рукопись отдѣлена отъ Диоскорида

¹⁾ Находится въ Лаврентіанской Библіотекѣ, во Флоренціи, Сир. 56. Писано въ монастырѣ Іоанна, въ Загбѣ, городѣ Месопотаміи. Въ Х по указу патріарховъ Антиохіи кодексъ перешелъ въ монастырь Божіей теріи въ Ботрѣ, оттуда въ другой въ Канубинѣ близъ Ливана, и уже XV в. поступилъ въ Библіотеку. Миниатюры приложены близъ Ливана, и уже въ концѣ, тогда какъ по своему назначенію должны были быть съ начала, на 14 отдѣльныхъ листахъ, считая какъ большія такъ и виньетки каноновъ. Лицты эти варварски образаны, такъ что края многихъ виньетокъ пропали.

Сирійское
Еванг. Лаур.
Биба., код. 56.

столѣтіемъ, и между другими иллюстрированными кодексами этого періода могутъ быть болѣе древніе, но памятнѣе съ датою всегда имѣеть преимущественное право быть разсматриваемымъ прежде другихъ, а Евангеліе Рабулы и независимо отъ того, — по своимъ миниатюрамъ, ихъ композиціи и техникѣ, отчасти принадлежить періоду предшествующему. Эта рукопись возникла въ провинціи, куда новое художественное движеніе должно было приходить гораздо позже мѣстностей ближайшихъ къ центру.

Предварительно замѣтимъ, что техника во всѣхъ миниатюрахъ безусловно одна и таже¹⁾, слѣдовательно, какъ большія миниатюры, такъ и виньетки принадлежать одному времени и всѣ рисованы тѣмъ-же каллиграфомъ Рабулою. Небрежная грубость или техническая неумѣлость исполненія и напротивъ, искусство композиціи указываютъ на то, что миниатюристъ долженъ былъ пользоваться готовыми оригиналами. Техника представляетъ паденіе античной, ее ближе всего можно сравнить съ плохими миниатюрами Вѣнскаго Бытія. Для усиленія тѣни живописецъ употребляетъ обильно черные контуры, и часто прибѣгаетъ къ этому средству и для того, чтобы очертить яснѣе фигуру, но уже послѣ того, какъ она исполнена въ краскахъ, а не предварительно ее намѣчая, какъ дѣлается въ XII, XIII вѣкахъ, когда очеркъ иллюминируется красками. Контурны назначены помогать художнику и въ группахъ, когда нужно отдѣлать фигуры и въ случаѣ совпаденія темныхъ цвѣтовъ, за отсутствіемъ свѣто-тѣни. Краски также просты и несложны и лишены моделировки; какъ мѣстную черту, свойственную сирійскому Востоку, можно отмѣтить любовь

Описаніе миниатюръ, но неудовлетворительное находимъ у Даженкура; рисунки: у Даженкура pl. 27. (Вознесеніе и нѣсколько деталей), Лабарта съ красками и образцовой вѣрности pl. 80 — Распятіе. Наконецъ въ Storia della arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa padre Гарруччи, Prato, 1873—6 fol. на листахъ 136—140 рисунки 3 большихъ миниатюръ и канонъ, но не передаютъ вовсе оригинала.

¹⁾ Замѣчаемъ это потому, что есть ошибочное мнѣніе, будто-бы въ котормя изъ миниатюръ подаете VI вѣка; основаніе этому видать въ орнаментикѣ, которая-де имѣеть формы VIII—IX стол. и сходна съ каролингскою.

къ красному, господствующую въ деталяхъ, одеждахъ — даже ангеловъ, нимбахъ, заревъ и пр. Свѣтъ или оживки наложены сильно и мѣстами слишкомъ широко, утрируя византійскую манеру. Формы тѣла, особенно головы, руки, ноги представляются туманными (код. Виргилія); глаза намѣчены одною черною и одною бѣлою возлѣ точкою, что даетъ непріятную живость взгляду; къ тому-же брови сведены остро подъ прямымъ угломъ съ носомъ и сообщаютъ выраженіе дикое, жесткое; пропорціи тѣла коротки, фигуры чаще приземисты; согласно съ этимъ, и члены тѣла толсты, руки и ноги болѣе велики, чѣмъ слѣдуетъ и пр. Животныя рисованы очень свободно и ничѣмъ не уступаютъ въ типѣ виньеткамъ Діоскорида, хотя далеко слабѣе по работѣ. Но несмотря на множество чертъ античной техники, основа рукописи — искусство византійское, которое, кромѣ другихъ столь же важныхъ по значенію техническихъ свойствъ, дало миниатюристу композицію, типы, всю манеру представленія. Рядомъ съ легкими туманными формами мы видимъ и рѣзко очерченныя лица и фигуры съ мелкою, дробною штриховкою одеждъ, дающею извѣстныя византійскія схемы складокъ; притомъ въ тѣхъ миниатюрныхъ сценахъ Евангелія, которыя излюбило именно византійское искусство. Мы имѣемъ здѣсь памятникъ рѣшительнаго движенія искусства къ выполненію задачъ, предложенныхъ христіанскою религіею; не находя еще истинно религіозныхъ типовъ, оно не колеблется усвоить себѣ извѣстные приемы, которые, имѣя значеніе и интересъ въ искусствѣ древнемъ, такъ утомляютъ своимъ однообразіемъ и неумѣстностію въ позднѣйшей иконописи и миниатюрахъ. Таковъ напр. жестъ греческаго благословенія, являющійся здѣсь не только безусловною формою для изображенія Христа благословляющаго какъ Спасителя міра, или при Вознесеніи даващаго свое благословеніе, какъ проповѣдника, творца чудесъ и пр., но и всякаго Апостола, Пророка, воль скоро они изображаются среди проповѣди, поученія, или просто религіозной бесѣды. Многіе типы главнѣйшихъ лицъ Нового и Ветхаго Завета не повторяютъ уже античной условной схемы, но представляютъ стремленіе къ идеальному образцу. Самый за-

мѣчательный фактъ этого стремленія представляетъ двойной типъ Христа: а именно въ большихъ миниатюрахъ съ торжественными сюжетами—это вульгарный типъ древне-христианскаго искусства, но осложненный мѣстными чертами: у Христа длинные, падающіе по плечамъ, черные какъ смоль волосы и черная короткая борода; лицо однако же болѣе продолговатое, нежели широкое. Напротивъ того, въ сценахъ Евангелія Христосъ является молодымъ юношею, безбородымъ или съ бородкою, слегка опушающею лицо, и кудрявымъ; цвѣтъ волосъ рыжеватый. Какъ бы слабо этотъ типъ ни былъ характеризованъ, мы не можемъ, однакоже, не усмотрѣть въ немъ того ранняго натурализма, котораго легко добываемые результаты постоянно смѣнялись и потеряли все свое значеніе, когда явился типъ идеальный; этотъ древній натурализмъ былъ результатомъ колебанія, исканія истиннаго по идеѣ и исторически дѣйствительнаго типа Христа и предшествовалъ установленію въ VI стол. благочестивыхъ преданій о лицѣ Христа и появленію почитаемыхъ его иконъ въ эту же эпоху ¹⁾). При этомъ, однако же, натуралистическая тенденція руководилась преданіемъ, что образъ Христа былъ красивъ, что онъ имѣлъ волосы вьющіеся ²⁾ и воспроизводя реальный типъ Еврея, искусство сохраняло идеальную величавость фигуры, отличающейся высокимъ ростомъ. И этотъ типъ былъ извѣстною иконографическою новостью, вытекавшею изъ исторіи типа Христа въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Извѣстно, что символическій юношескій образъ Христа (саркофаги, живопись катакомбъ и мелкія вещи ихъ) только въ IV вѣкѣ (а не II и III, какъ думали по разнымъ под-

¹⁾ См. изложеніе исторіи типа и сказаній у Шнаазе *Gesch. d. bild. Künste* III p. 186—190, какъ особенно обстоятельное, также у Дидрона *Iconog. de Dieu* стр. 247 сл. Grimouard, *Guide de l'art chr.* II. стр. 241 сл. Wilh. Grimm, *Die Sage v. Urspr. des Christusbildes*, *Abhandl. Berl. Akad.* 1842 стр. 122—175, образъ Авгара признаетъ вив. типомъ.

²⁾ Намъ кажется, что этотъ типъ, вмѣстѣ съ фигурою Христа въ мозаикѣ С. Констанцы, изданной г. Мюнцемъ въ *Revue Arch.* 1876 pl., прямо соответствуетъ этому описанію, тогда какъ Шнаазе *ib.* p. 189 прим. 3 полагасть, что былъ еще типъ неизвѣстный намъ.

дѣльными, или позднѣйшимъ изображеніямъ), сближается (но не всегда) типомъ историческаго характера, т. е. въ пожиломъ возрастѣ, съ бородою и длинными волосами. Но эти черты или воспроизводятъ общія черты античной фигуры (изв. саркофагъ Латеранскаго Музея) или придаютъ ей нѣсколько вульгарный типъ, какъ бы руководясь текстомъ Исаи 52, 14 и идеями Климента Алекс., Лустина, Тертуліана (таблетка слон. кости въ Ват. Христ. Музеѣ и барельефы дверей св. Сабинны). Болѣе определенное стремленіе въ типу историческому, или, какъ правильнѣе можно его называть, византійскому является въ мозаикахъ С. Пуденціаны въ Римѣ (отъ которой, впрочемъ, только тѣнь уцѣлѣла послѣ реставраціи), Латеранской базилики, базилики Павла за стѣнами на триумфальной аркѣ, Космы и Даміана, главнаго нефа ц. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Но въ то же время индивидуальная характеристика типа является въ мозаикѣ Констанцы въ Римѣ, гдѣ Христосъ имѣетъ юношеское лицо, только съ легкимъ признакомъ бороды на подбородкѣ и длинными бѣлокурыми волосами ¹⁾. И между тѣмъ, какъ основы византійскаго типа, поддерживаемыя Златоустомъ и др. развиваются окончательно въ мозаикахъ Св. Софіи и миниатюрахъ Космы, новый Заѣтъ въ моз. Св. Аполлинарія и другія равеннскія мозаики еще держатся этого колебанія и пользуются двоякимъ типомъ: юношескимъ и мужественнымъ для завѣтныхъ символическихъ цѣлей. Таковъ двоякій типъ Христа: юнаго и безбородаго и мужественнаго—съ бородою въ мозаикахъ ц. Св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ и барельефахъ двери въ базиликѣ Св. Сабинны а также другихъ наиболѣе раннихъ памятникахъ христіанскаго искусства. Эти два типа представляются въ историческомъ чередованіи, а именно: въ сценахъ земной жизни до тайной Вечери Христосъ представляется сначала юношею, съ полнымъ кругловатымъ и пріятнымъ лицомъ, безусловно общаго античнаго типа и короткими волосами; но въ сценахъ чудесъ этотъ юноша имѣетъ уже отпущенные длинные волосы, падающіе

¹⁾ См. фотолитогр. къ ст. г. Мюнца *Notes sur les mos. chr. en It.* II *Revue Arch.* 1875.

на плечи и раздѣленные проборомъ по срединѣ; въ тайной Вечери и первыхъ сценахъ Страстей это уже молодой человекъ съ усами и легкою бородою; въ сценѣ Несенія Креста и по Воскресеніи Онъ является уже съ полною бородою и густою прическою длинныхъ волосъ, обрамляющихъ строгій типъ, повторяемый мозаиками какъ равненскими, такъ и римскими. Понятно, что художникъ подчинялся здѣсь требованіямъ современнаго, довольно наивнаго, но далеко не безусловнаго натурализма или хотѣлъ быть натураленъ въ предѣлахъ даннаго типа ¹⁾). Миниатюры сирійскаго кодекса представляютъ и тотъ признакъ древности, что въ сценахъ евангельскихъ и пр. ни Апостолы, ни даже Божія Мать не имѣютъ нимба; у ангеловъ нимбъ окрашенъ въ голубую краску, — любопытная и довольно рѣдкая черта древне-христіанскаго ²⁾ искусства; нимбъ Христа золотой, но безъ крестообразнаго дѣленія.

Между миниатюрами особенный интересъ представляютъ семь большихъ, изъ которыхъ двѣ имѣютъ характеръ выходныхъ и вмѣстѣ посвятительныхъ, а другія иллюстрируютъ главнѣйшія сцены Евангелія: Распятіе, Вознесеніе, Сшествіе Св. Духа и пр.; начальный порядокъ перебитъ и врядъ ли можетъ быть восстановленъ. Пять изъ нихъ идутъ сначала.

1) Сшествіе св. Духа на Апостоловъ ³⁾): посреди стоитъ Богородица, правою рукою, поднятою до груди и сложеніемъ трехъ первыхъ пальцевъ (сходно съ греческимъ благословеніемъ) выражая благоговѣйное изумленіе передъ событіемъ. По сторонамъ ея стоятъ въ двухъ рядахъ Апостолы, между которыми можно узнать по опредѣленному типу Петра, Андрея, Маттея, Марка и Луку; по наивности старыхъ временъ всѣ молодые стоятъ сзади. Инне, сложивъ руку для благословенія, проповѣдуютъ, другіе,

¹⁾ См. рис. въ соч. Rohaut de Fleury, L'Évangile. 1874. 2 vol. въ соотвѣт. таблицахъ или фотографияхъ Риччи, каталогъ. № 127—152.

²⁾ Между прочимъ встречаемъ въ мозаикахъ арки Маріи Маджоре: у ангеловъ нимбы бѣлые или розовые; въ мозаикѣ S. Maria Navicella IX в. голубые, но золотые у архангеловъ.

³⁾ Рис. въ Христ. Древн. Прохорова за 1863 г. ин. X, рис. 6, но снимокъ не удовлетворителенъ, особенно въ типахъ.

протянувъ ее, бесѣдуютъ на чуждыхъ языкахъ. Петръ рѣзкимъ движеніемъ въ сторону выдѣляется изъ группы. Всѣ одѣты одинаково: желтоватую или голубую туннику и голубоватый гиматій; по туникѣ идутъ двѣ широкія красныя полосы; Богородица въ голубомъ хитонѣ и пурпурной пенулѣ, накиннутой на голову, на которой виденъ край толстаго бѣлаго чепчика (кукуліона); сверхъ того Марія обута въ красныя башмаки, подробность императорскаго византійскаго костюма, воспрещенная для ношенія и потому рано перешедшая на изображенія Богородицы, Ангеловъ и проч. Нимбъ Божіей Матери желтоватый (т. е. золотой), а нимбы Апостоловъ представляютъ лишь синіе ободки на общемъ фонѣ миниатюры; этотъ фонъ — розовый и видимо долженъ изображать зарево. Св. Духъ нисходитъ изъ синяго небснаго ореола, представленнаго въ формѣ полога, подъ которымъ густо поднимаются растенія (рай?). Но что значитъ, что всѣ фигуры изображены стоя и что подъ ногами Апостоловъ изображена почва, покрытая травомъ, тогда какъ дѣйствіе совершилось въ домѣ? Это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ передъ собою какой либо неизвѣстный переводъ, тѣмъ болѣе, что настоящая сцена Сожествія является въ концѣ рукописи (см. ниже).

2) Выходная миниатюра. Въ аркѣ портика, украшеннаго крестомъ и наполненнаго растеніями (вновь символическій образъ рая), на византійскомъ тронѣ Христосъ, царь небесный, изображенный въ голубомъ ореолѣ (въ формѣ миндаины) съ Евангеліемъ въ рукахъ, принимаетъ подходящія къ престолу четыре фигуры, изъ нихъ двѣ держатъ Евангеліе покровенными руками, изъ другихъ одна фигура монаха долженъ быть самъ Рабула. Интересъ представляетъ лишь фигура самого Христа: юная съ кудрявыми волосами въ пурпурномъ гиматіи и съ желтымъ нимбомъ.

3) Замѣчательная композиція Вознесенія. Внизу группа ставшая вполнѣ обычной: Богородица посреди, съ воодѣтыми руками; пурпурная пенула оторочена бахромою. По ея сторонамъ два Архангела бесѣдуютъ съ группами Апостоловъ, одинъ указывая вверхъ, другой обращаясь къ близъ стоящимъ; вол-

неніе въ группѣ, ясное и выразительное, сопровождается рѣзкими движеніями головы и поднятыми руками; все виѣствъ даетъ чрезвычайно живую сцену, безъ измѣненій повторяемую послѣ византійскимъ искусствомъ; развѣ только въ соответствующихъ фигурахъ болѣе внесено симметріи контрастовъ. Между Апостолами видны: Павелъ, восторженно указывающій вверхъ, и Петръ съ другой стороны, требующій объясненія; онъ держитъ крестъ, какъ въ древнѣйшихъ мозаикахъ. Фонъ представляетъ горный ландшафтъ. Выше Христось, держа въ лѣвой рукѣ развернутый свитокъ и открытою правою какъ бы возвѣщая міру Откровеніе, возносится въ голубомъ миндалевидномъ ореолѣ, который несутъ вверху два Ангела, а внизу колесница съ четырьмя апокалипсическими эмблемами. Съ двухъ сторонъ устремляются ко Христу два Архангела, неся вѣнцы мученическаго подвига на пурпурныхъ покрывалахъ, золотые съ краснымъ подбоемъ. Небо, покрытое облаками, горитъ пурпуромъ зарева, а вверху видны солнце и луна въ видѣ ликомъ. Миниатура эта представляетъ намъ торжество мученика и по всей концепціи, деталямъ, апокалипсическому переводу евангельскаго сюжета слѣдуетъ вообще пріемамъ древнихъ мозаикъ Рима и Равенны, но въ тоже время далеко опережаетъ ихъ своею сложною, пышною композиціею. Прототипъ этой сцены находимъ на одномъ изъ барельефовъ двери базилики Сабинны, гдѣ Вознесеніе представлено еще въ полномъ характерѣ диптиховъ, и гдѣ внизу Петръ и Павелъ вѣнчаютъ фигуру церкви діадемою. Замѣчательно, что Христось имѣетъ въ миниатурѣ нимбъ простой, не крестчатый, также какъ въ этомъ барельефѣ и въ евангельскихъ сценахъ послѣ Воскресенія въ катакомбахъ и на другихъ древнехристіанскихъ памятникахъ. Рисунокъ отличается живостью, сильнымъ лирическимъ порывомъ, смѣнившимъ холодно-античную красоту пошиба древнехристіанскаго.

4) Распятіе. Миниатура указываетъ обыкновенно, какъ древнѣйшее извѣстное намъ изображеніе этого сюжета послѣ символическихъ переводовъ его на ампулахъ Монцскаго собора, относящихся къ VI вѣку. Но въ виду существованія этого сюжета между барельефами двери Сабинны, притомъ съ любопытнѣйшими

въ иконографіи этого сюжета подробностями, миниатюра теряет это значеніе примитивности. Рого де Флери издалъ ¹⁾ также таблетку слоновой кости VI вѣка, изъ Ват. музея, которая вполне примыкаетъ къ этому барельефу ²⁾. Христосъ облаченъ въ миниатюрѣ въ длинный пурпурный съ золотыми полосами колобій; разбойники же имѣютъ повязки по чресламъ, слѣдовательно иконографія подчинилась уже той церковной дисциплинѣ которая требовала изображать Христа одѣтымъ: въ барельефѣ и на таблеткѣ онъ изображенъ нагимъ (по римскому обычаю при распинаніи), т. е. съ одной скрученной повязкой около чреселъ. Далѣе самый сюжетъ представляетъ также обычные послѣдствіи мотивы: сотникъ Логинъ прободаетъ конемъ, а съ другой стороны одинъ изъ Иудеевъ подаетъ Христу губку, держа котелокъ съ уксусомъ. Направо отъ Креста рыдающая Мать и Иоаннъ, а налѣво три жены. Внизу трое разыгрываютъ одежду, въ итальянскую (погга) игру: угадывая количество выкинутыхъ пальцевъ. Помимо замѣчательнаго искусства, несомнѣнно почерпаемаго изъ того же античнаго родника, въ изображеніи нагихъ тѣлъ, въ живомъ движеніи и мастерской постановкѣ другихъ фигуръ, особенно Логина и еврея, мы находимъ здѣсь и рѣзко запечатлѣнное выраженіе, какъ ни просто и несложно, повидимому, для того средства художника. Для иконографіи важно также, что по сторонамъ Христа изображены солнце и луна, что Его ноги и разбойниковъ прибиты порознь (четыре гвоздя), и что врестѣ сдѣланъ безъ всякихъ перекладинъ. Въ ландшафтѣ опять двѣ горы — приемъ, который мы встрѣтили и въ миниатюрахъ X столѣтія.

б. Воскресеніе ³⁾ по византійскому переводу: Ангелъ возвѣщаетъ двумъ женамъ, пришедшимъ ко Гробу, одна съ алавастромъ (узкая античная бутылочка), другая съ куреніями въ жаровнѣ; гробъ представляетъ античный круглый мавзолей съ іони-

¹⁾ L'Évangile, pl. 88.

²⁾ Отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ о двери Сабинны, которая нѣтъ быть помѣщена въ трудахъ Моск. Арх. Общества.

³⁾ Рис. въ изданіи Rohault de Fl. 1. с. pl. 93.

ческими колонками. Изъ полуоткрытыхъ дверей вырывающійся сильный свѣтъ ослѣпляетъ трехъ бѣгущихъ и падающихъ ницъ воиновъ — подробность извѣстная существенно лишь здѣсь и представляющая намъ любопытную попытку изобразить Воскресеніе реально и вмѣстѣ сохранить покровъ тайны, брошенный на это событіе Евангелиемъ. Въ сторонѣ воскресшій Христосъ является двумъ женамъ въ саду; одна изъ нихъ въ нибѣ. По розовому зареву неба тянется полоса пурпурныхъ облаковъ.

Мы встрѣчаемъ въ Евангеліи Рабулы и такъ называемые каноны (сводъ параллельныхъ мѣстъ 4 Евангелій Евсевія), обрамленные парными аркадами на трехъ тонкихъ и пестрыхъ колонкахъ; во фронтонѣ помѣщенъ въ медальонѣ крестъ, поверху цвѣты, разнообразныя птицы, одни сидятъ на гнѣздахъ, другія клюютъ плоды; стадо утятъ плыветъ вверхъ и внизъ по аркадѣ; или же птицы расположены по сторонамъ розы, фонтана и пр. Припомнимъ, что у древнехристіанскихъ писателей Христосъ часто именуется источникомъ жизни, водою, рѣкою и пр., мы должны, безъ всякаго недоумѣнія, видѣть въ основѣ этой декораціи символическую мысль. Если мы находимъ чаще всего двухъ голубей, то Кириллъ Александр. особенно выразительно уподобляетъ Христа горлицѣ и голубѣ¹⁾ (*turtur* и *columba*), и, встрѣчая эту деталь на диптихахъ, мозаикахъ и пр., мы не въ правѣ лишать ее смысла. Такое значеніе напр. имѣетъ этотъ символъ въ аркахъ знаменитой равенской гробницы Галлы Плицидіи. Впослѣдствіи эта орнаментація осложняется, теряетъ первоначальный смыслъ и получаетъ значеніе внѣшней декораціи въ византійскихъ Евангеліяхъ VIII—XIII в.; понятно также, что по самымъ сюжетамъ своимъ она особенно шла къ украшенію сводовъ и абсидъ (VIII—XII въ Италіи). По сторонамъ аркадъ каноновъ въ сирійскомъ Евангеліи идутъ виньетки, иллюстрирующія Евангельскія событія; ихъ символическій характеръ представленія какъ нельзя болѣе идетъ къ краткой схемѣ изображеній. Христосъ передъ

¹⁾ Въ соч. О поклоненіи въ Духъ и Истинѣ, въ изд. Migne, Patrolog. curs. complet. Ser. gr., т. 68-й, стр. 970.

Пилатомъ, который, сидя на креслѣ за столомъ, собирается умыть руки. Иуда повѣсившійся; Христось, уводимый служителями, прикосновеніемъ благословляющей десницы испѣляетъ рабу Малху ухо ¹⁾: это соединеніе напоминаетъ таблетки выше описанныя. Христось причащаетъ Апостоловъ, держа чашу и подавая имъ эвлогию, хлѣбъ,—любопытный и, очевидно, древнѣйшій символическій переводъ крайне рѣдкаго сюжета — Тайной Вечери. Извѣстно, что этотъ же переводъ мы находимъ впоследствии на знаменитой императорской далматикѣ въ Римѣ ²⁾. Съ другой стороны аркады изображенъ входъ въ Иерусалимъ. Христось проповѣдуетъ, сидя на горѣ, среди двухъ Апостоловъ (Андрея и Филиппа?); больные. Умноженіе хлѣбовъ, изображенное тождественно съ мозаикою же св. Аполлинарія Новаго: Христось благословляетъ двѣ рыбы въ рукахъ двухъ Апостоловъ, стоящихъ по сторонамъ. По нашему мнѣнію, какъ изображеніе двухъ рыбъ ³⁾ на Тайной Вечерѣ, такъ и эта композиція должна имѣть символическое значеніе, и ближайшее доказательство этого мы находимъ въ сочиненіяхъ (комментаріи на Евангеліе) Кирилла Александрійскаго, который, сравнивая пятикнижіе Моисеево съ Евангеліемъ, уподобляетъ ихъ, первое—пяти хлѣбамъ, а второе — мудрость Апостоловъ — двумъ рыбамъ ⁴⁾. Вотъ почему двѣ рыбы являются на столѣ Тайной Вечери, когда ученики «просвѣщались на умовеніи Вечери». Столъ же любопытно изображеніе Христа съ сотникомъ, принимающимъ Его благословеніе на покровенныя руки; сюжетъ этотъ является затѣмъ впервые въ византійскихъ мозаикахъ Монреале. Двое Евангелистовъ съ Евангеліями въ рукахъ, стоя, — повидному Лука и Маркъ, оба молодые и безбородные; двое затѣмъ,

¹⁾ Рис. въ соч. Rohault de Fleury. L'Évangile, pl. 78.

²⁾ См. рис., литературу у Didron, Ann. arch. I p. 152 слѣд. О самомъ переводѣ сюжета статью г. Добберта. Abendmahl etc, помѣщ. въ Zahn, Jahrbücher der Kunstwissenschaft.

³⁾ Древнѣйшее изображеніе этой детали на моз. той же равеннской церкви. Рис. въ соч. Rohault de Fleury pl. 73.

⁴⁾ Migne, Patrologiae cur. compl., томъ 73-й, стр. 459.

сидя на креслахъ, съ античнымъ свѣточемъ, но если одинъ съдой долженъ представлять Іоанна ¹⁾, то другой юный Маттея, что и даетъ намъ, слѣдовательно, замѣчательные древне византійскіе типы Евангелистовъ, смѣненные уже въ код. Космы типами обычными. Христосъ и Петръ, поймавшій рыбу.

Съ этого же листа верхи аркадъ украшаются изображеніями Пророковъ, Патріарховъ и пр., отличающихся безусловно античною композиціею въ позахъ и драпировкѣ: складки обработаны широко, но орнаментально и вяло; мутныя краски; зеленоватыя тѣни, столь извѣстныя въ мозаикахъ раввенскихъ VI вѣка. Всѣхъ фигуръ 24; онѣ представлены въ монументальномъ характерѣ мозаикъ; всѣ держатъ свитки (а не книги, какъ въ миниатюрахъ Космы, что позднѣе) при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, развернувъ, читаютъ ихъ. Захарія изображенъ съ серпомъ, который онъ видитъ надъ собою; Іона — лежащимъ подъ смоковницею; І. Навинъ въ грубой фигурѣ римскаго воина останавливаетъ солнце и луну, а Ааронъ держитъ процвѣтшій жезлъ. Въ розовыхъ и голубыхъ хитонахъ мы видимъ уже византійскія формы, но есть и одежды зеленыя и желтыя, какъ въ римской живописи. Слѣдуетъ нѣсколько евангельскихъ сюжетовъ плохаго исполненія, но еще древне-христіанскаго типа ²⁾: Христа исцѣляющаго двухъ прокаженныхъ, Самаритянки, женщины истекавшей кровью, брака въ Канѣ, Крещенія, Рождества, Избѣненія младенцевъ, Благовѣщенія и Благовѣствованія Захарія (въ аркѣ у престола, З. въ любопытномъ вѣнциѣ на подобіе стеммы или калатоса ³⁾ какъ въ Маріи Маджіоре; въ сценѣ Рождества Богородица сидитъ (а не лежитъ, какъ въ византійскихъ иконахъ, что есть результатъ натурализма), а Іосифъ стоитъ у яслей, любовно наклонившись къ Младенцу; на нашъ взглядъ, переводъ столько же достойный сюжета, какъ и позд-

¹⁾ Ибо Іоаннъ въ визант. искусствѣ является всегда старымъ, такъ и въ абсидѣ Виталія въ Равеннѣ, см. Rahn, Ravenna, 1869, стр. 60; и въ мозаикѣ ц. Павла въ Римѣ.

²⁾ Любопытенъ обратный порядокъ евангельскихъ сценъ, если только этотъ порядокъ въ рукописи первоначальный.

³⁾ Рис. у Rohault de Fleury, pl. 3., стр. 13.

пѣйшій (съ IX вѣка) византійскій, хотя не столь вышній и сложный. Въ Крещеніи Христосъ погруженъ въ воду по грудь, Іоаннъ возлагаетъ на Него правую руку, выше Духъ нисходящій и Десница съ открытымъ указательнымъ перстомъ¹⁾: простая композиція катакомбъ, но Іоаннъ въ апостольскомъ облаченіи. Наконецъ двѣ большія миниатюры, изображающія въ портникахъ двухъ монаховъ и Богородицу съ Младенцемъ въ пестромъ и богатомъ византійскомъ уборѣ (Младенецъ уже въ золотомъ хитонѣ); типъ Матери отличается особенною юностью и потому близокъ къ первому образу Богородицы въ живописи катакомбъ и мозаикѣ Маріи Маджіоре.

Послѣдняя заключительная и большая миниатюра изображаетъ 11 фигуръ, сидящихъ на подушкахъ, въ триklinii (рисункъ Діоскорида). Очевидно, передъ нами изображена бесѣда Апостоловъ послѣ Сошествія Св. Духа, соответствующая самой сценѣ Сошествія въ первой миниатюрѣ; и при томъ бесѣда происходитъ на разныхъ языкахъ, такъ что двѣ фигуры въ сценѣ не понимаютъ другъ друга и вся правая сторона внимательно и съ недоумѣніемъ прислушивается къ непонятной рѣчи Апостола Андрея, а двѣ фигуры изъ собравшагося народа, стоя, посреди, слушаютъ его съ удивленіемъ. Итакъ, эта композиція Сошествія сходится съ позднѣйшею византійскою лишь въ томъ, что Апостолы сидятъ въ полукружій: драматическая сцена эта не имѣетъ затѣмъ ничего общаго съ тѣмъ торжественнымъ засѣданіемъ Апостоловъ, которое, видимо, и намѣренно было скопировано съ обычнаго изображенія вселенскихъ соборовъ²⁾: это былъ первый соборъ. Но эта композиція также наглядно объясняетъ намъ тѣ врата или непонятный темный сводъ, въ которомъ появляется послѣ образъ міра—народа въ видѣ царя и смерда, и который уже съ IX—X вѣка сталъ непонятенъ и далъ поводъ къ различнымъ темнымъ

¹⁾ Рис. *ibid.* pl. 32, 33.

²⁾ Собраніе разн. изображ. этого сюжета въ Христ. Древн. г. Прохорова за 1862 г. кн. X, рис. 1—13.

символическимъ объясненіямъ ¹⁾: это не болѣе какъ центръ три-клинія, неуловимъ копированіемъ превращенный въ подземелье.

Каемка миниатюръ представляетъ узенькую полоску съ фестонами между разноцвѣтныхъ полукружковъ или штучный крестчатый наборъ голубаго цвѣта или разноцвѣтные фестоны зигзагомъ, или мозаику изъ голубыхъ и розовыхъ кубиковъ, образующихъ радужную полосу — все вмѣстѣ съ характеромъ мозаики или рѣзьбы по дереву. Растительная орнаментика каноновъ или складается изъ античныхъ акантовъ, или же изъ элементовъ спеціально византійскихъ: розовыхъ почекъ, крестообразныхъ цвѣтковъ и пр.; но чаще это орнаменты изъ того-же мозаического набора въ видѣ зигзаговъ, ромбовъ, меандровъ, радужной волны или даже разноцвѣтныхъ раковинъ, осыпанныхъ жемчугомъ. Коштыобразныя арки каноновъ любопытны, какъ ранній примѣръ этой восточной формы. Анализъ миниатюръ, наконецъ, ясно показалъ намъ, что грубый дилетантизмъ ихъ исполненія есть не только результатъ жалкаго состоянія искусства въ глухой провинціи, какъ увѣряютъ Лабартъ и Шнаазе, желая доказать, что рукопись эта не имѣетъ значенія въ исторіи ²⁾),—но историческая художественная манера, которой происхожденіе должно искать въ тѣхъ формахъ античнаго искусства, съ коими оно перешло къ новому времени

Историческое существованіе этой манеры доказываетъ намъ примѣръ другой сирійской рукописи также Парижской Библиотеки ³⁾), поражающей своимъ сходствомъ съ Евангеліемъ Рабулы. Это также Евангеліе VI столѣтія; но миниатюры встрѣчаются только при канонахъ, обрамленныхъ аркадами, въ видѣ виньетокъ на поляхъ; иллюстрація начинается также послѣдними событіями Евангелія: Ангелъ возвѣщаетъ женамъ Воскресеніе, Умноженіе хлѣ-

Сир. код.
Еван. Пар.
Библи., нум.
№ 33.

¹⁾ Изъ подлинниковъ рус. въ ст. Проф. Буслаява: Общія понятія о рус. иконописи въ Сбор. Общ. Древне-Рус. иск за 1866 г. стр. 102.

²⁾ Labarte, l. c. vol. III, стр. 24; Schnaaze, т. III, стр. 238.

³⁾ Ms. Syriacus no 33, in fol. По каталогу, половина рукописи принадлежитъ XII в., а другая къ VI. Не можетъ быть и сомнѣнія, что миниатюры каноновъ, принадлежащихъ къ этой части, также древни, какъ и текстъ.

бовъ, жена истекающая кровью, слѣпорожденный, и пр., послѣдняя — Благовѣщеніе. Мы видимъ истинно классическую фигуру ангела бѣлокурого и съ мѣриломъ, въ античной драпировкѣ; на Богородицѣ пѣнула пурпурная и зеленый чепецъ; въ рукѣ, по обычаю, веретено клубокъ пурпурной шерсти, для тканія покрыва въ церковь. Но всего замѣчательнѣе сходство съ Евангеліемъ Рабулы въ типѣ Христа—юноши въ антично-пурпурномъ (т. е. темнолиловомъ) гиматіи и бѣломъ хитонѣ съ бѣлокурыми, кудрявыми волосами и опушающею лицо бородкою. Нимбы разнообразятся по характеру лицъ: голубые для ангеловъ, желтые или также пурпурные для другихъ. Миниатюры представляютъ небрежный, но умѣлый рисунокъ, античную технику и орнаментацию аркадъ; однако, драпировка одеждъ моделируется мельче прежняго.

Но эта манера, копировавшая даже въ технику античные оригиналы, видимо слабѣетъ и, естественно, ея упадокъ былъ глубоже тамъ, гдѣ его не возмѣщало своевременно новое живое направление и иное начало. Мы увидимъ впоследствии, что эта манера, окончательно выродившись и обезсилѣвъ, продолжала однако существовать въ мелкомъ художествѣ, а именно въ миниатюрахъ, даже до IX и X вѣка, хотя и не играетъ никакой дѣйствительной роли въ самомъ историческомъ движеніи; ея роль, какъ увидимъ, была скорѣе отрицательная, потому что именно ея паденіе вызвало художественную дѣятельность на другую дорогу, а также помимо иконоборческаго движенія было отчасти причиною тѣхъ крайнихъ и одностороннихъ стремленій, развившихъ мертвяція начала поздне-византійскаго искусства.

Напротивъ того, истинная сила и высокое значеніе новаго художественнаго движенія, уже всецѣло принадлежавшаго Византіи, выразилась въ цѣломъ рядѣ монументальныхъ художественныхъ созданій, каковы мозаики Константинополя, Тессалоники, Равенны, принадлежащія началу этого періода. Жалкіе остатки этой пышной мозаической декораціи, дошедшіе до насъ, показываютъ намъ, какой коренной переворотъ произошелъ въ самомъ художественномъ идеалѣ. Въ то время какъ мозаики равненскихъ церквей: св. Аполлинарія Новаго (съ конца V по средину VI в.),

и позднѣйшія св. Аполлинарія во флотѣ (сред. VII в.) еще представляютъ въ типахъ, церемоніальныхъ композиціяхъ (длинные процессіи святыхъ) сообщеніе съ римскою школою, мозаики абсиды св. Виталія предлагаютъ намъ рядъ монументальныхъ картинъ, которыхъ общія формы мы только и могли бы сравнивать съ миниатюрами Сир. Еванг. или Ват. рукописи Космы. Въ самомъ дѣлѣ, символическія сцены Евхаристіи, совершаемой Мильхиседекомъ и Авелемъ и представляемой тремя странниками въ гостяхъ у Авраама, окружаютъ здѣсь торжественное изображеніе Эммануила, возсѣдающаго на небесной сферѣ; выше опять Моисей передъ кушиною нестареющею снимаетъ съ себя обувь — образъ поклоненія св. Евхаристіи или преклоненія Завѣта Ветхаго передъ Новымъ, ибо это символическій типъ учениковъ, омовеніемъ ногъ приготавливающихъ къ Таинству Вечери, какъ говорятъ намъ первые Отцы церкви. Что касается колоссальныхъ образовъ Святыхъ, въ которыхъ отнынѣ искусство ищетъ выразить не только иконографическій идеалъ, но и историческую личность каждаго, то ц. св. Виталія и св. Софія Константинопольская представляютъ намъ незамѣнимые образцы; ихъ античные, простые типы являются въ раннихъ мозаикахъ Солуни. Но какъ ни замѣчательны эти памятники эпохи процвѣтанія византійскаго искусства, всякій согласится, что они не удовлетворяютъ полному представленію ея, тѣмъ болѣе, что почти всѣ изслѣдователи считаютъ мозаики св. Софіи позднѣе не только эпохи Юстиніана, но даже и самаго періода ¹⁾, а мозаики Равенны пока только немногіе согласны признавать за чисто византійскія произведенія. И такъ, для полной характеристики этого періода, однихъ мозаикъ оказывается недостаточно, а всѣ мелкія художественныя издѣлія, какъ то: эмали, рѣзьба на металлѣ и слоновой кости, оказываются или позднѣйшими, или удерживаютъ стиль древне-христіанскій ²⁾.

¹⁾ Къ эпохѣ Юстиніана относятъ одного Архангела въ абсидѣ, см. вѣд. Зальценберга л. 21; мозаику нартекса Лабартъ l. c. I, 41 относятъ къ Гералдію, свитителей ко временамъ Македон. династіи и даже XI в. См. напр. Унгеръ Byzantin. Kunst въ энцикл. Эрша и Грубера. ч. 84, стр. 433.

²⁾ Таковы напр. два диптиха, относимые къ этой эпохи Лабартомъ, l. c. pl 5, 6.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если произведенія первыхъ вѣковъ этой эпохи (конецъ V, VI и отчасти VII стол.), образуютъ древнее византійское искусство, а самая эпоха заслужила названіе «періода его процвѣтанія», то уже въ концѣ ея (VIII и начало IX в.) совершается поворотъ искусства и виденъ извѣстный упадокъ. И такъ рѣзко разграничены эти эпохи, что между историками какъ бы условлено смотрѣть на первую, какъ источникъ всѣхъ произведеній и формъ византійскаго искусства, а на вторую, какъ на полный его застой. Подобный взглядъ, какъ онъ ни преувеличиваетъ значеніе иконоборства въ исторіи византійскаго искусства, приписывая этому отрицательному движенію всѣ его позднѣйшія формы, вѣрнѣе, однакожь, въ общемъ смыслѣ, и потому требуетъ точнѣйшаго распредѣленія памятниковъ по эпохамъ, ибо лишній вѣкъ и даже полвѣка измѣняютъ рѣзко характеръ искусства. Тѣмъ важнѣйшее, слѣдовательно, значеніе имѣетъ опредѣленіе вѣка лицевой рукописи, лишенной точной даты и по общему характеру своему относимой къ данному періоду, для котораго мы имѣемъ такъ мало памятниковъ избраннаго разряда. Таковъ между тѣмъ вопросъ объ эпохѣ извѣстной греческой рукописи Космы Индоплова въ Ватиканской Библіотекѣ и втораго ея списка въ Лаврентіанской, относимыхъ обыкновенно: первая къ IX, а вторая къ X в. ¹⁾ Это опредѣленіе, сдѣланное Монфокономъ, до такой степени противорѣчило характеру миниатюръ, что уже онъ долженъ былъ предположить, что Ватиканскій списокъ есть копія

Код. Космы
Индоплова
Ват. Биба. №
699 и Лаврент.
Plut 9 сод. 28.

¹⁾ Ватик. код. in gr. 1° № 699. Лаврент. въ малую четв., Plut. 9. Cod. 28. Опредѣленіе вѣка дано Монфокономъ при изданіи самой рукописи въ соч. *Collectio nova patrum* 1706, vol. II стр. 141 сл. прооесіумъ, повторено и принято Вандина, Даженкуромъ, Лабартомъ, Шнаазе. Унгеръ *Vuz. Kunstgeschichte* въ Энцикл. Эрша и Грубера ч. 84 стр. 111 относятъ объ рукоп. къ X вѣку. Авторъ — Косма Индикопловъ посвятилъ соч. Памятл. жившему во времена Юстина имп. Рукописью Ват. интересовались Левъ Алладій, Рупертъ, Спонъ, Биготіусъ ради Птоломеева памятника въ Адулѣ, въ ней изображеннаго, см. *Fabricius Bibl. gr. t. IV, стр. 251* сл. Патр. Фотій передаетъ содержаніе, отдѣлая мѣста вадорныя: объ ангелахъ которыхъ К. помѣщаетъ между твердью и землею, Христа—между небомъ и твердью, и пр. Изд. у *Fabric. ib. t. IV, стр. 256.*

древнѣйшаго оригинала, какъ въ свою очередь его копію представляеть списокъ Лаврентіанскій; при этомъ Монфокопъ догадывалъ, что самъ авторъ жилъ и писалъ это сочиненіе между 536 и 547 годомъ, и что поэтому лицевая редакція могла составиться около конца VI стол. Отсюда и всѣ послѣдующіе изслѣдователи пришли къ мнѣнію, что древневизантійскій стиль миниатюръ Космы копируетъ оригиналъ VI столѣтія, при чемъ однакоже иные, видѣвшіе и изучавшіе самую рукопись, полагали, что эта копіровка простирается на всѣ стороны стиля, а другіе ограничивали копію только композиціе¹⁾. Всѣхъ сбивали съ толку кромѣ того классическія композиціи Псалтыри Парижской, которую ставили «по античности» выше, а Даженкуръ разсматривалъ рукопись Космы даже послѣ Ват. Менологія! Подобная путаница покажется тѣмъ непростительнѣе, если мы убѣдимся, что наша рукопись есть не только важнѣйшій и несомнѣнный памятникъ даннаго періода, но и замѣчательнѣйшая лицевая рукопись изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ византійскихъ!

Палеографическія данныя рукописи, прежде всего, нисколько не требуютъ относить ее къ IX вѣку; даже, по опредѣленію, данному самимъ Монфокономъ, мы должны помѣстить ее между VI и IX вѣками; ибо только скоропись безусловно требуетъ приписать кодексъ IX вѣку, Ватиканская же рукопись Космы писана уставомъ (*majusculae*), и, напротивъ, Лаврентіанская скорописью (*minusculae*). Далѣе: дыханія и ударенія въ первой половинѣ рукописи, дѣйствительно, находятся, но во второй ихъ мѣстами нѣтъ вовсе и *досель*, по большей же части онѣ сдѣланы и въ первой позднѣе, другими болѣе черными чернилами и иною рукою. Виѣтъ съ тѣмъ и самъ Монфокопъ не отрицаетъ, а Ваттенбахъ²⁾ и положительно утверждаетъ, что какъ эта черта,

¹⁾ Что изслѣдователями руководилъ рисунокъ миниатюры, столь удачно выбранный Лабартомъ, можно видѣть изъ ст. прое. Буслаева въ рецензій его соч. въ Сбор. Общ. Древне-Русскаго искуc. за 1836 г. стр. 68, гдѣ этотъ рис. сравнивается съ миниат. Псалтырей.

²⁾ *Paleogr. gr. lib.* III p. 185; *Scimus quidem septimo saeculo accentus et spiritus adscribi coepisse deindeque paulatim priscam litterarum formam non nihil mutatam fuisse etc.* Anleitung z. Gr. Palaeographie, предисловіе, *passim*.

такъ и вообще извѣстныхъ скорописныхъ перемѣны въ буквахъ (напр. $\epsilon = \epsilon$ въ Космѣ) начинаютъ появляться уже съ седьмого вѣка. Наконецъ, самая рубрика IX вѣка, какъ межи, отмѣчающей начало извѣстныхъ перемѣнъ въ письмѣ, установлена Монфокономъ лишь на томъ основаніи, что во всѣхъ извѣстныхъ ему рукописяхъ IX вѣка эти измѣненія существуютъ, но не существуютъ въ кодексахъ V и VI вѣковъ; напротивъ того, Ваттенбахъ предпочелъ не дѣлать подобныхъ разграниченій и считаетъ всѣ данныя явленія болѣе ранними. Итакъ, не нуждаясь даже въ точномъ палеографическомъ анализѣ, можемъ утверждать, что нѣтъ никакихъ основаній относить кодексъ къ IX вѣку, внося, такимъ образомъ, въ исторію искусства фактъ полной дисгармоніи съ его историческимъ ходомъ. Сличая же письмо рукописи съ образцами, находимъ, что она можетъ быть отнесена къ эпохѣ между VI и VIII вѣкомъ, при этомъ болѣе къ VII, нежели къ тѣмъ двумъ, и съ этимъ опредѣленіемъ будетъ вполне согласенъ характеръ миниатюръ.

Миниатюры Космы представляютъ характеръ византійскаго искусства въ Юстиніановъ вѣкъ или эпоху процвѣтанія полнѣе и ближе, чѣмъ какой бы то ни было другой засвидѣтельствованный памятникъ этого періода, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ мозаикъ Равенны. Стилъ и исполненіе этихъ миниатюръ показываютъ намъ ту артистическую, въ себѣ вполне увѣренную и богатую знаніемъ манеру, которая съ равнымъ совершенствомъ управляетъ широкимъ монументальнымъ рисункомъ, какъ и блестящими красками. Контуръ фигуры незамѣтенъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ красками, которыя накладываются въ густомъ растворѣ гуаши; ея блестящій элементъ позволяетъ употреблять самыя свѣтлыя и легкіе типы красокъ; всѣ онѣ: розовая, голубая, зеленая, красная, коричневая имѣютъ лишь на половину или треть своей интенсивности, что образуетъ легкій, свѣтлый колоритъ древне-византійскаго искусства. При этомъ и легкая моделировка отчетливѣе и рѣзче въ очеркахъ; тѣни, дѣлаемая въ глубокихъ тонахъ краски, выдѣляютъ ясно поверхности скользящими, незамѣтными свѣтами; нигдѣ не находимъ мы тѣхъ рѣз-

кихъ, намазанныхъ бѣлою краскою или ея растворомъ съ краскою основною, бликовъ или оживокъ, которые пестрятъ всю фигуру въ византійской миниатюрѣ IX—XVI, своею рѣзкою ясностью уничтожая впечатлѣніе тѣни и пластичности. Тѣло сохраняетъ пріятный глубокой колоритъ античнаго искусства, отъ красно-коричневаго въ молодыхъ фигурахъ переходя къ свѣтло-шоколадному, хотя мѣстами видимъ на тѣлѣ и лицѣ слегка зеленоватая тѣни, обыкновенно же красно-коричневая; миниатюра даетъ видѣть всю рисовку, свободную и совершенно чуждую позднѣйшей манеры зализыванія, которая уподобляетъ миниатюру IX, X вѣка сочнымъ и ровнымъ краскамъ перегородчатой эмали.

Еще выше художественное достоинство этихъ миниатюръ въ рисункѣ; онѣ представляютъ такую высоту пластическаго характера, которая ни въ чемъ не уступаетъ кодексу Навина; мы можемъ прослѣдить даже ихъ близкія родственныя связи; тотъ и другой кодексъ разрабатываютъ одинъ излюбленный типъ, переводя его отъ дѣтскихъ и юношескихъ фигуръ къ мужественнымъ и пожилымъ типамъ, которые только легкою сѣдиною отличаются отъ цвѣтущей фигуры взрослого мужчины. Мы видимъ крѣпкое, мощное сложеніе классически приземистыхъ фигуръ, широкую грудь и увѣсистыя руки и ноги съ ясно-очерченными мускулами,—полный овалъ съ большими глазами и широкимъ крѣпкимъ носомъ—идеальное наслѣдіе классическаго искусства; но рядомъ художникъ умѣлъ въ лицѣ Мельхиседека изобразить и сухой византійскій типъ съ тонкими худыми членами, треугольнымъ суженіемъ овала, маленькими глазами, торчащею бородкою и усами на тонкихъ губахъ,—типъ столь же живой и реальный, какъ и лицо Юстиніана въ мозаикѣ св. Виталія. Всѣ фигуры даны въ полномъ типѣ классическаго безучастія, столь типично лишены всякаго выраженія въ лицахъ, что этимъ еще болѣе утверждаютъ свою связь съ античнымъ искусствомъ, которую поддерживала иконопись. Иконописная манера дала всѣмъ композиціямъ характеръ монументальной живописи: или ряды фигуръ въ величавыхъ позахъ en face, безъ всякаго слѣда почвы какъ мозаиковыя изображенія святыхъ на сводахъ, на натуральномъ фонѣ пергамена, или

большія иконныя композиціи. Сюжеты драматическіе имѣютъ только въ двухъ, трехъ миниатюрахъ явно древнехристіанскаго происхожденія. Содержаніе миниатюръ даетъ продуктъ сложившагося и развивающагося христіанскаго искусства. Эта «христіанская топографія» наполнена изображеніями Патріарховъ, Пророковъ, Апостоловъ, Христа во славъ, первыхъ мучениковъ; лишь незначительная доля рисунковъ посвящена космографическому содержанию. Мы упомянемъ здѣсь эмблематическое изображеніе вселенной, странъ свѣта, царства небснаго, географическое—восхода, захода солнца, зенитовъ, антиподовъ, птоломеева пути. Того же характера иллюстраціи: Скинія съ Левитами и колѣнами израильтянами, ковчегъ Завѣта, Ааронъ въ первосвященническомъ облаченіи, представленный дважды: спереди и сзади, — интересъ которыхъ заключается лишь въ томъ, что эти рисунки перешли впослѣдствіи въ лицевыя рукописи библіи, псалтыри и поучительныхъ сборниковъ. Миниатюры религіознаго содержания объясняютъ вторую часть сочиненія Космы, которая излагаетъ христіанскую исторію міра до первомученика Стефана, съ намѣренною подробностью ¹⁾). Изложеніе Библіи начинается изображеніями патріарховъ; послѣ каждаго идетъ отдѣльное о немъ слово какъ подробная подпись: «это прародитель чelовѣковъ Адамъ» и пр., что даетъ подозрѣвать, что текстъ былъ приравленъ уже первоначально къ миниатюрамъ; онъ отличается глубоко религіозными идеями и выѣстъ мышленіемъ образованнаго чelовѣка, который краснорѣчиво и искусно развиваетъ тонкія символическія сопоставленія и характеристики. Такъ библейскіе образы имѣютъ для писателя двойной интересъ: какъ древніе образцы высокыхъ добродѣтелей, и какъ «типы», прообразующіе Христа и явленія Новаго Завѣта; въ этомъ отношеніи подробная иллюст-

¹⁾ Всего въ рукописи имѣется нынѣ 54 большихъ и малыхъ миниатюры. Лишь общую характеристику, но нельзя болѣе краткую и недостаточную находимъ у Лабарта, Даженкура, Шнаазе и др. Рисунки у Даженкура pl. 34 (Илія и Елисей, обращеніе Савла, орхисисъ), Лабарта pl. 79 (Давидъ среди хоровъ). Первые неудовлетворительны, послѣдній сдѣланъ съ уродливою миниатюры.

рація Космы получаетъ особенно важное значеніе для исторіи церкви и вмѣстѣ исторіи искусства, ибо объясняетъ намъ тотъ предпочтительный интересъ византійскаго искусства къ образамъ Библии, который необходимо долженъ былъ основываться на извѣстномъ направленіи религіозной мысли. Это предпочтеніе лишь отчасти только повторяло древнехристіанскую символику, также обильно пользовавшейся Ветхимъ Заветомъ, и шло въ другомъ направленіи, шире и глубже захватывая событія Ветхаго и таинства Новаго Завета и не нуждаясь въ условныхъ формахъ іероглифическихъ фресокъ и скульптуръ катакомбъ. Уже съ первыхъ вѣковъ въ христіанскомъ вѣроученіи замѣчается особое стремленіе на почвѣ глубокаго изслѣдованія Ветхаго Завета установить дѣло непосредственнаго примиренія іудейства съ христіанствомъ. Средоточіемъ этой проповѣди становится Александрія, гдѣ иудаизмъ всегда игралъ важную роль ¹⁾, а въ III и V вв. два знаменитые писателя и Отцы Ц. Свв. Климентъ и Кириллъ Александрійскіе, особенно послѣдній, построили на этой темѣ значительную часть наиболѣе глубокихъ мыслей, и посвятили обширныя сочиненія подробному доказательству идеи, что Ветхій Заветъ есть тайный прообразъ Новаго ²⁾. Извѣстно также, что самъ Косма Индикопловъ былъ родомъ и жилъ въ Александріи, и потому естественно, что въ самомъ текстѣ постригшагося плователя должны были отразиться вполнѣ мысли этихъ учителей. Вотъ почему его упрощенныя параллели придавали интересъ богословскій его сочиненію и впоследствии, и прологъ Космы къ псалтыри иногда помѣщался въ греческихъ палеяхъ, вмѣстѣ съ Евсевіемъ и другими

¹⁾ См. между прочимъ соч. Delaunay, Moines en Orient etc. passim, но соч. отличается преувеличеніями и извращеніями фактовъ.

²⁾ Климента Ал. основная трилогія полна параллелими, изд. Migne, Patrol. Ser. gr. т. VIII, IX (см. ниже) и отдѣльныя замѣтки. Также основное сочиненіе Кирилла Александрійскаго: Глаѳіры на Бытіе (въ Migne Patrol. томъ 69) занято самымъ подробнымъ сопоставленіемъ В. Зав. какъ тайнаго прообраза Христа съ Новымъ, начиная съ Адама, Авеля, Мелхиседека и пр. Тоже въ другихъ его сочиненіяхъ, напр. «О поклоненіи въ Духъ и Истинѣ, ib. томъ 68.

Отцами Церкви¹⁾. Уже первая фигура Библии — Авель, пастырь стадъ, представляет намъ подобную символическую параллель образамъ Ветхаго и Новаго Заветъа. Красивый, рослый и молодой пастухъ, одѣтый въ овечью шкуру, укрѣпленную на одномъ плечѣ, стоитъ, заложивъ ногу за ногу, подпершись правою рукою въ бокъ и въ лѣвой держа пастушескую палку; золотой нимбъ увѣнчиваетъ его кудрявую голову; по сторонамъ его нѣсколько овецъ, поднося голову, смотрятъ на него умильно. Явно, что рисовальщикъ имѣлъ въ виду перевести извѣстное изображеніе Добраго Пастыря въ древнехристианскомъ искусствѣ на библейскія лица; представить самого Христа въ видѣ пастуха было противно духу византійской иконографіи; между тѣмъ отыскивалось соотвѣтствіе между притчею Христа и именемъ Добраго Пастыря, которое по праву придано и Авелю, отнынѣ ставшему образомъ перваго праведника²⁾ и видѣтъ перваго мученика, по словамъ текста, прообразующаго намъ страданія Христа и древней церкви³⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что пастушескій костюмъ Авеля съ угольными полами изъ цѣльной шкуры перешелъ послѣ какъ семитическій или восточный въ формѣ вырѣзныхъ кафтановъ на изображеніе Крестителя въ пустынѣ, волхвовъ⁴⁾ и пр. Слѣдуетъ изображеніе праведнаго *Еноха*, вновь образъ Христа воскресшаго; спокойная, полная силъ и мужества фигура съ полною бѣлокурою бородою стоитъ задумчиво, благословляя; не будь этого благословенія, можно было бы подумать, что это изображеніе греческаго оратора — такъ замѣчательно сохранены всѣ иделанныя черты античнаго типа и драпировки. Но рядомъ видимъ фигуру молодаго юноши, полунагаго.

¹⁾ Fabricius, Bibl. gr. VI, стр. 236. Сбор. XV в. Неапол. II, А. 12 особенно полный. См. Cyrillo, Codd. gr. Bibl. Borbon. 1826 vol. I p. 32.

²⁾ Что это символическое изображеніе пользовалось успѣхомъ, увидимъ изъ миниатюры Византійскаго Октоиха, № 746 и 747, которая представляетъ Авеля же томъ же типѣ.

³⁾ Авросій на пе. 39 и Тертуллианъ, см. Matachi, Origines Chr. III стр. 27 сл. у Кирилла Алек. сходство Авеля съ Христомъ отмѣчено въ Комент. Ев. Иоанна, Migne Patrol. т. 7, стр. 900.

⁴⁾ См. ниже рукоп. Ватик. Менология и въ рукоп. Космы Данила.

зеленый платъ прикрываетъ чресла; голова (лицо вытерто, чтобы избавиться отъ дурнаго глаза) съ дико взъерошенными волосами, и вся фигура повернута въ сторону; это смерть, отворачивающаяся отъ Еноха, и сидитъ она на саркофагѣ; тѣло же этой классической фигуры зелено-дымчатого цвѣта. Прекрасная фигура старца *Ноя* (онъ не избѣжалъ смерти), съ длинными сѣдыми волосами, но короткою бородою, рисуетъ намъ образъ полный добродушія: ничего мрачнаго, черстваго и сухо-старческаго, какъ въ поздне византійскихъ идеалахъ и типахъ; по сторонамъ голубь и коршунъ. *Мельхиседекъ* первый священникъ, царь мира и правды, священникъ Бога вышняго, прообразующій собою Сына Божія, который, будучи священникомъ вовѣкъ ни самъ не получилъ священство отъ іереевъ, ни другимъ передалъ, не по заповѣдямъ Моисея, ἀλλὰ ἐτέροις χραττωσι συμβόλοισ ἱερουργῶν, и пр., какъ говоритъ о немъ текстъ, развивая извѣстное мѣсто посланія къ Евреямъ, гл. VII. Художникъ изобразилъ его молящимся съ воздѣтыми по священническому чину руками, но въ типѣ и костюмѣ византійскаго императора, какъ бы ища возвеличить и освятить эту черствую и разслабленную фигуру, облакая въ нее высокой образъ ¹⁾. Для *Авраама* художникъ предпочелъ избрать цѣлую сцену жертвоприношенія Исаака, ибо его жертва была σύμβολα καὶ τόποι τοῦ κατὰ Χριστὸν μυστηρίου, τοῦ παθοῦς καὶ τῆς ἀναστάσεως. Фигура патріарха представляетъ уже ординарный типъ библейскаго старца съ развѣвающимися волосами въ голубомъ хитонѣ и розовомъ гиматіи, и мы не видимъ также ничего особенно интереснаго въ композиціи, которою увлекаются Унгеръ и Лабартъ; можно отмѣтить только, какъ попытку къ натурализму, введеніе въ сцену впервые двухъ рабовъ съ осѣданными мулами, которые играютъ такую видную роль въ флорентинскихъ барельефахъ. Болѣе интереса въ слѣдующей фигурѣ патріарха *Исаака*, представленнаго нѣжнымъ юношею; ясно, что художникъ

¹⁾ О символич. значеніи Мельхиседека (см. выше) Климентъ Ал.: образъ Евхаристіи. Стром. кн. IV, гл. 25, Migne Patrol. gr. т. 8, 1369. Переносится и на Авраама по Юан. 1, 3, въ Стром. кн. VI *ibid.*

наи́ренно слилъ съ представленіемъ Исаака юный возрастъ: для него это была вѣчно юная добровольная жертва¹⁾; по словамъ текста, это образъ Христа воскресшаго, и видя Исаака, несущаго дрова къ костру, мы должны представлять себѣ Христа, несущаго крестъ. Двѣ прелестныя фигуры Иакова и Иуды, обращенныя другъ къ другу, полны юношеской свѣжести, ибо и Библия знаетъ ихъ юношами; Иаковъ «вѣчно ждетъ основанія обѣтованнаго Иерусалима небеснаго», а Иуда «даетъ ясную на то надежду»; Иуда же — юный Эммануиль, левъ бодрствующій вѣчно, въ родѣ его вѣчно скипетръ, и потому «какъ Иосифъ» онъ изображенъ въ красномъ царственномъ гиматіи съ зеленымъ подбоемъ. Моисей опять таки повторяетъ зрителю любимый образъ Христа пастыря ἀληθινῷ ποιμένος²⁾ и потому является среди стадъ, но уже въ богатой красной безрукавной туникѣ (ибо пасеніе стадъ есть *regni praeludium*, образъ законодателя); рядомъ онъ уже въ сценѣ купины, которая есть самъ Христосъ³⁾. Еще одна любопытная подробность: художникъ вмѣсто обычной сандалии представилъ роскошную обувь *ποδῆματα* изъ красной кожи съ нашитою фестономъ сѣрою или попельною: это *δ. διβολέα, χρώματος ὀξέως καὶ λευκοῦ*, которая, по Кодицу, носилась только знатными⁴⁾. Итакъ, снимая эту богатую обувь, Моисей слагаетъ символически суетность богатства, ибо объ этомъ подробно толкуетъ Климентъ

¹⁾ Тертуллианъ *adv. Marc.*, с. 18: *Christi exitum jam tum denotabat in victimam concessus a Patre* и пр. у Мамаси *ibid.* Климентъ Аж. въ Педагогъ кн. I, *Patrol.* т. 8, р. 278.

²⁾ Также у Мамаси, *ib.* III р. 35 прим. 2.

³⁾ На миниатюрѣ купина въ видѣ золотого сосуда съ огнемъ: *ἡ βάτος* (кусть), м. б., но наи́ренному смѣшенію съ евр. словомъ *ו' βάτος* — мѣра для жидкостей, см. *Sophocles, Greek. lex.* Образъ чаши — символъ страданій Христа и Евхаристіи. Но также возможно, что въ данномъ случаѣ купина представлена какъ золотой сосудъ, — п. ч. это тотъ *σκεῦος ἀμύαντον*, о которомъ говоритъ Кириллъ Александрійскій и который символически обозначаетъ Дѣву-Мать; огонь же горящій — Христосъ Эммануиль (см. ниже рукопись Го. милій Иакова), см. Кирилла Гомилія о Богородицѣ, VI въ *Patrol.* гр. т. 77 стр. 1031. Этотъ же сосудъ въ другой мин. и съ огнемъ названъ *ὑποστατήριον* — алтарь, и символическій смыслъ проще.

⁴⁾ *Du Cange, gloss. graec. v. Τζάγαι*, стр. 1556.

Алекс. ¹⁾), объясняя, почему Христос воспретилъ Апостоламъ носить обувь по Ев. Луки X, 4. Вычурное изображеніе *Давида* съ маленькимъ наслѣдникомъ престола Соломономъ, окруженныхъ хорами Корея, Асафа, Идуеима, Ефана и Афана: такъ и представлено пять кружковъ съ фигурками пѣвцовъ и музыкантовъ по радіусамъ ²⁾); кромѣ контраста между византійскими фигурами царей и остальными—античнаго типа здѣсь можно отмѣтить лишь замѣчательное олицетвореніе пляски — орхисисъ въ видѣ двухъ античныхъ танцорокъ въ безрукавныхъ короткихъ туникахъ; онѣ въ мѣру кружатъ надъ головою шарфы. Большая сцена изображаетъ *Илю*, возносящагося на колесницѣ, запряженной двумя огненными конями, и Елисея, на бѣгу принимающаго *милотъ* ³⁾ отъ учителя; *Илія* стоитъ лицомъ къ зрителю, какъ и Христосъ въ сценѣ Вознесенія и втораго Пришествія, котораго онъ прообразуетъ, но художникъ изобразилъ его сѣдымъ, тогда какъ текстъ называетъ его *ἀγῆρας ἀνδρῶπος*, и древніе барельефы изображаютъ его юнымъ; Елисей же представленъ, по Библии, плѣшивымъ. И *Іона* изображенъ подъ смоковницею и въ сценѣ поглощенія китомъ, такъ какъ своею жизнью онъ прообразовалъ Христа. Изображенія слѣдующихъ затѣмъ Пророковъ по одному или по два рядомъ, хотя и представляютъ значительное однообразие: всегда съ книгою и благословляя, лицомъ къ зрителю, и даже въ безусловно тождественной постановкѣ ногъ, — имѣютъ, безусловное значеніе, потому что послѣ Туринскихъ Пророковъ ⁴⁾,

¹⁾ Въ соч. Педагогъ кн. III, Patrol. gr. т. 8, стр. 610.

²⁾ Перешло въ Псалтыри греч. и латинскія, Библия (B. San Paolo); также рис. Космы Синод. Биол. № 997 и пр.

³⁾ Шкура въ кожь въ рукахъ *Илія* изображаетъ вполне точно *милотъ*. *Милотъ* — *μιλωτή* есть или овечья кожа или *ζώνη ἐκ δερματος*; надѣвается на спину и можетъ поворачиваться напередъ. Такъ носятъ шкуру Сванеты. У египетскихъ монаховъ обычная одежда, затѣмъ символъ строгаго учительства и монашества. «Кто изъ нихъ, спрашиваетъ Климентъ Алекс. въ Strom. кн. 3, л. 6, у Migne т. т. VIII, стр. 1157, ходитъ какъ *Илія*, въ *милоти* и *кожѣномъ поясъ*?» Но уже на саркофагахъ (*Юнія Васса*) *милотъ* замѣнена палітономъ или плащомъ.

⁴⁾ См. рисунокъ въ Сборникѣ общ. древнерусск. иск. за 1866 г., табл. 5, въ стр. 86.

которыхъ типы, представляя чисто античныя черты, страдаютъ отсутствіемъ индивидуальности и характера, и сходныхъ съ ними (по типамъ, не по исполненію) Пророковъ въ медальонахъ на сводѣ архіепископской капеллы въ Равеннѣ—эти фигуры суть, несомнѣнно, произведеніе искусства византійскаго и притомъ древнѣйшаго. Античная основа дала здѣсь красоту юности, а византійская догматиче торжественность монументальной позы и тонкую характеристику; то и другое утратилось со временемъ, будучи замѣнено однимъ глубокостарческимъ типомъ съ длинными сѣдыми, нѣсколько взъерошенными волосами, оливковымъ лицомъ муми и длинной бородою; иногда юность сохраняютъ Осія, Аввакумъ и Наумъ, иногда же одинъ Аввакумъ, какъ въ византійскихъ мозаикахъ XI и XII в., впоследствии же и всѣ подводятся подъ одинъ типъ. Въ миниатюрахъ Космы Осія является съ легкою бородкою, Амосъ безбородымъ юношею, Михей, Иоилъ и Авдей съ маленькими бѣлокурыми бородками, Аней и Софонія безбородый; лишь Захарія сѣдой держитъ крестъ, кромѣ Евангелія; равно какъ и Іеремія мрачнаго типа и выраженія съ легкимъ проблескомъ сѣдины, и Іезекіиль совершенно сѣдой. Замѣчательная миниатюра¹⁾ изображаетъ посвященіе Исаи: ангелъ влагаетъ ему, павшему на колѣна, щипцами уголь горящій въ уста, а вверху Христосъ во славу воссѣдающій на престолѣ, окруженномъ херувимами, въ торжественно-монументальной позѣ²⁾ при чемъ только одна кисть правой руки высунута изъ складокъ гиматія для благословенія³⁾. Любопытно также и раціоналистическое изображеніе извѣстнаго лирическаго мѣста — видѣнія Іезекіиля; Христосъ здѣсь заключенъ въ четверномъ ореолѣ различныхъ элементовъ: внѣшній

¹⁾ Рисунокъ помѣщенъ въ ст. Пипера объ Исаи въ *Evangel. Kalender* 1859 къ стр. 44.

²⁾ Вся фигура какъ будто скопирована съ извѣстной мозаики нартекса св. Софій, см. рис. у Зальценберга, л. 27, у Лабарта pl. 118, но здѣсь одежды бѣлыя.

³⁾ Эта манера представленія усвоена была послѣ мозаиками для изображенія Христа Царя Небснаго въ абсидѣ, см. мозаики Палатинской капеллы, Собора въ Монреалѣ и Мартораны въ Палермо.

кругъ называется εἶδος πορῶς; слѣдующіе: εἰ. ἐλέκτρου, ε. σαφφεῖρου и внутренній — голубой — ἶδος τοξότου ἐν τῇ νεφέλῃ; подѣ ногами Христа голубая полоса представляетъ εἶδος στερεώματος и четыре херувима по обычаю. Большая миниатюра изображаетъ юнаго Даниїла въ позѣ оранта среди львовъ, какъ на саркофагахъ; вверху въ углу — подразумевается на краю рва — маленькая фигура Аввакума; слѣдовательно, древній символизмъ еще сохрaненъ и здѣсь. На Даниилѣ восточная шапочка — митра и подѣ мантией туника съ вырѣзанными въ формѣ треугольниковъ полами, какъ вообще на лицахъ и Святыхъ восточнаго происхожденія въ византійскомъ искусствѣ, къ сожалѣнію мода доселѣ неизвѣстная по имени¹⁾ и происхожденію, но видимо возникшая у Семитовъ — пастушескаго племени (см. фигуру Авеля выше). Четыре представителя восточныхъ монархій: персидской, мидійской и пр., ѣдутъ на львѣ, барсѣ и т. д. сюжетъ извѣстный еще на *диптихахъ*²⁾. Рисунки изъ Новаго Завѣта хотя менѣе многочисленны, но не менѣе интересны. Особо обращаетъ на себя вниманіе большая миниатюра въ листѣ съ иконописною композиціею, несомнѣнно, единственнаго въ своемъ родѣ содержанія: ибо въ этой миниатюрѣ совмѣщены все лица, являющіяся въ первыхъ главахъ Евангелія. Посреди стоитъ Іоаннъ Предтеча «величайшій изъ людей» и его фигура лицомъ къ зрителю, видимо, главная; направо отъ него Христосъ съ Божіею Матерью, повернувшись другъ къ другу; налѣво Захарія съ Елисаветою въ томъ же положеніи; вверху въ медальонахъ изображеніе по грудь благочестивыхъ Симеонъ и Анны. Характеръ монументальной группировки мозаикъ виденъ въ симметріи и въ позахъ отдѣльныхъ фигуръ; обширныя надписи даютъ намъ характеристичную изображеннаго лица. Но что значить это почти

¹⁾ Bottari, Roma sotter. стр. 203 полагаетъ, что она называлась *sarabira*, но это халд. имя, встречающееся въ кн. Дан. 3, 21 скорѣе относится къ шароварамъ персидскимъ, а по глоссамъ у Дюканжа Gloss. graec. къ ряду brachionia, v. v.

²⁾ Диптихъ Барберин. Библи. въ Римѣ, Gori Thea. dipt., II. т. 50.

второстепенное мѣсто, данное Христу¹⁾, и почему рукопись наша совершенно лишена всякихъ сценъ земной жизни Христа? Тѣмъ не менѣ живописецъ отличилъ Христа золотыми *slavi* по золотомъ хитонѣ, а Иоанна голубыми на коричневомъ. Говоря кратко о самыхъ типахъ, замѣтимъ, что они представляютъ всѣ обычные черты, но данныя въ такой идеальной формѣ, которая изъ этой миниатюры дѣлаетъ важнѣйшій памятникъ византійской иконографіи. Укажемъ лишь на замѣчательное добродушіе въ лицѣ Иоанна Крестителя, котораго типъ еще совершенно чуждъ позднѣйшей дикой мрачности отшельника, на кротко спокойное лицо Христа съ маленькой не раздвоенной бородою, на пышную матрональную красоту «святой Дѣвы Маріи» и пророчицы Елисаветы. Всѣ эти лица явно духовная родня между собою: у нихъ всѣхъ продолговатый четырехугольный овалъ съ длиннымъ, но широкимъ носомъ и большими глазами — вообще духовно и физически крѣпкій типъ, основаніе иконографическаго идеала. Послѣ четырехъ Евангелистовъ, изображенныхъ стоящими (см. ниже Лицев. Еванг.) въ обычныхъ типахъ, слѣдуетъ изображеніе Апостола Петра съ тремя ключами въ лѣвой рукѣ,²⁾ и большая сцена, — обращеніе Савла: посреди стоитъ «Павелъ», монументальная фигура котораго съ извѣстнымъ энергическимъ выраженіемъ въ мощныхъ чертахъ лица, большимъ вздыбленнымъ лбомъ, тонкими очерками носа и губъ, пронизательныхъ глазъ, и съ замѣчательною драпировкою, лучшее, по нашему мнѣнію, изображеніе Апостола; на лѣво живая сцена чуда, съ нимъ случившагося по дорогѣ въ Дамаскъ; онъ видитъ свѣтъ и тутъ же падаетъ ослѣпленнымъ; направо его уже слѣпаго ведетъ Ананія; при нѣкоторой понятной сухости мы находимъ замѣчательно живое выраженіе испуга въ лицахъ и фигурахъ Савла и

¹⁾ Какъ побочное обстоятельство замѣтимъ, что Косму Инд. уличаютъ въ подпаденіи вліянію несторианской ереси: замѣчаніе, сдѣланное Лакривою. *La Croze Christianisme des Indes*, t. I p. 40 — 56. см. указаніе у Gibbon: *Histoire de la décad. etc.* vol. IX. p. 373, прим. 77.

²⁾ Это изображеніе ради трехъ ключей — якобы тройной власти Апостола издано въ соч. Аллеманна *De Lateranensibus parietinis restitutis* стр. 55.

спутниковъ и неловкость въ беспомощныхъ движеніяхъ ослѣпшаго ¹⁾). Въ сценѣ побіенія (*тефана* въ полукругѣ арены много античныхъ деталей и формъ въ фигурахъ. Но даже и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ болѣе нашего вниманія другая любопытная композиція, которой значеніе такъ или иначе соответствуетъ изображенію Страшнаго Суда или Втораго Пришествія. Въ продолговатомъ четырехугольникѣ, вверху закругленномъ овално, поясами расположены ряды фигуръ: нижній рядъ лишь погрудь высовывается изъ земли, и надписи *καταχθόνιοι* и *νεκροὶ ἀνίστασθαι* указываютъ на смыслъ; поэтому въ концѣ этого сюжета въ Лаврентіанскомъ спискѣ Космы на л. 228 v. уже изображаются мертвые въ саванахъ какъ муміи, какъ и въ русскомъ спискѣ Космы и Псалтыри XVII в. ²⁾); слѣдующій рядъ фигуръ наз. *ἄνθρωποι ἐπίγειοι* и верхній *ἄγγελοι ἐπουράνιοι*; всѣ фигуры глядятъ на верхъ, гдѣ въ голубомъ овалѣ небѣ, окруженномъ синею полосой *νεφέλη*, является Христосъ во славѣ; сцена отличается высокими достоинствами группировки и красотой классическихъ типовъ. Послѣднія иллюстраціи, относящіяся къ параграфу о солнцѣ, его закатѣ и затменіи представляютъ любопытную фигуру солнечнаго диска съ головою въ вѣнцѣ, вполне античную, и драматическую сцену, какъ тѣнь вернулась на 10 ступеней, по желанію праведнаго Езекии (IV кн. Цар., гл. 20,11); и вотъ царь Меродахъ Вавилонскій въ ужасѣ бѣжитъ отъ алтаря вѣстѣ съ тремя своими волхвами. Выше посѣщеніе больного царя Пророкомъ, въ присутствіи трехъ же вельможъ, или волхвовъ.

Таково разнообразное содержаніе замѣчательнѣйшей лицевой византійской рукописи, и тѣмъ страннѣе встрѣтитъ въ литературѣ столь неправильную ихъ оцѣнку. Даженкуръ не только разсматриваетъ эту рукопись послѣ Ват. Менологія, но еще порицаетъ

¹⁾ Любопытно также, что въ мозаикѣ боковаго нефа Палатинской капеллы въ Палермо точь въ точь таже сцена, см. Buscemi, *Notizie della Basilica di S. Pietro* 1840, рис. Сл. у Даженкура *reint.* pl. 34,6.

²⁾ Рукопись Космы Синод. Библи. № 997; Налойная Псалтырь Сергія—Троицкой Лавры. См. Буслаевъ, *Истр. Очерки*, т. II въ стр. 21 и стр. 325 рис. 3.

стиль, находя въ рисункѣ упадокъ, въ фигурахъ жесткость, особенно критикуя лошадей въ сценѣ Иліи. Еще далѣе идетъ Унгеръ, видимо судившій по словамъ и, главное, *рисункамъ* Даженкура: для него эти миниатюры небрежно и декоративно рисованы и потому имѣютъ мало значенія; «фигуры, однакоже, рисованы довольно хорошо и только на одномъ листѣ онѣ очень коротки и съ большими головами» — вотъ все, что нашелъ авторъ нужнымъ и возможнымъ сказать о рукописи въ своей обширной исторіи византійскаго искусства, впрочемъ, трактующей обо всемъ, кромѣ самаго этого искусства.

Какъ бы ни медлилъ изслѣдователь покидать эту эпоху величія и процвѣтанія, время или неистовства иконоборцевъ на столько воспрепятствовали сохраненію лицевыхъ византійскихъ рукописей этого періода, что мы должны довольствоваться даже фрагментами или отдѣльными рисунками этого стиля, столь широкаго и полнаго античной красоты. И потому полагаемъ не лишнимъ упомянуть объ одномъ заготовленномъ рисункѣ миниатюры, оставленномъ, однако, безъ раскраски, въ коптскомъ переводѣ книги Іова и пѣсней Соломона, составляющемъ одинъ изъ извѣстныхъ коптскихъ фрагментовъ Библии въ Библиотекѣ Неаполитанскаго Музея ¹⁾. Этотъ фрагментъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ VII или VIII вѣку, не имѣетъ еще удареній, и его начерченная перомъ миниатюра, изображающая Іова съ женою и двумя дочерьми, имѣетъ весь характеръ и детали рисунковъ Космы: на пергаментномъ фонѣ, въ широкой манерѣ, полныя

Коптская рукопись № 10-ва, Неап. Муз. бл. № 1, В, 19.

¹⁾ Фрагменты эти принадлежатъ различнымъ эпохамъ, одни въ листѣ, другіе in 4° и разнаго письма, по мнѣнію Цоёги, отъ IV, V вѣка по X и позднѣе. Соч. Цоёги *Catalogus codicum copticorum, qui in Museo Borgiano etc.* 1810 въ предисловіи относятъ фрагментъ Іова (№ I. В. 19) ко второму классу, слѣдующему послѣ древнѣйшихъ фрагментовъ, принадлежащихъ къ одной эпохѣ съ древними греческими рукописями, см. обращаясь къ табл. 2, V. Другія, почти ирландскаго стиля и позднѣйшія миниатюры: Старецъ молящійся и аббатъ Дуль на л. 277 въ фрагментѣ № 169 и на л. 267. Рис. Іова и его жены у Цоёги въ послѣд. табл. Замѣтка у Fornari, *Notizia della Bibl. di Napoli*, 1874, p. 60.

илъ и здоровья и величавныя фигуры Іова и женщинъ въ царственномъ орнатѣ съ усыпанными жемчугомъ діадемами и богатыми украшеніями на поясахъ ¹⁾ и груди представляютъ намъ фигуры Юстиніанова вѣка, а косыя верхнія туняки женщинъ тѣ же, что у Святыхъ Дѣвъ въ мозаикѣ Св. Аполлинарія Нового, рано исчезающія въ византійскомъ костюмѣ; Іовъ держитъ скипетръ и вѣнецъ мученичества, а мускулы его обнаженныхъ рукъ очень близки къ типамъ Космы ²⁾.

Другой образецъ монументальнаго направленія миниатюры, нами рассмотрѣннаго въ ркп. Космы и перешедшаго на Востокъ, можетъ представить *Арабская рукопись Посланій Апостола Павла* 892 года, въ Имп. Публичной Библиотекѣ, съ двумя изображеніями въ большомъ размѣрѣ самого Ап. Павла со свиткомъ, и переводіакона Стефана съ Евангеліемъ ³⁾, въ фелони съ ораремъ; оба благословляютъ именовословно. Но въ этихъ миниатюрахъ, сохранившихъ вполне, очевидно, чрезъ посредство перевода, т. е. прориси древнѣйшій рисунокъ, уже полное паденіе въ краскахъ: волосы черные, гиматій Апостола желтый; обѣ миниатюры сдѣланы на голубомъ фонѣ.

Араб. под. По-
сл. Ап. Павла
Имп. Публ.
Библи.

III.

Итакъ вторая половина этого періода перваго процвѣтанія византійскаго искусства знаменуется крайнею бѣдностью памятниковъ и въ частности живописи миниатюръ, а извѣстно, что современная наука исторіи относитъ это къ разрушительнымъ послѣдствіямъ иконоборства: оно не только уничтожило существо-

¹⁾ Подобныя золотыя пояса съ жемчугомъ *Strophia gemmata* на диптихахъ, см. Gori Thea. dipi. t. III, p. 182.

²⁾ Чтобы объяснить нѣсколько появленіе этого стиля въ ркп. книги Іова, вообще получившей очень поздно иллюстрацію (въ XII—XIII в.), заметимъ, что, по словамъ г. аббата Дюшена, ученаго члена Лангской школы, въ библиотекѣ г. Патмоса имеется рукопись книги Іова греч., съ миниатюрами, относящаяся къ VII или VIII вѣку.

³⁾ Рис. въ Христ. Древн. г. Прохорова за 1862 г. 12, рис. 2.

вавшія до него лицевыя рукописи, но и воспрепятствовало миниатюристамъ предаваться своему художеству. Шнаазе начинается вторую эпоху Византіи съ иконоборства ¹⁾, Лабартъ ²⁾ даже выдѣляетъ цѣлый иконоборческій періодъ (717 — 842) и наконецъ всѣ изслѣдователи, становящіеся на внѣшнюю точку зрѣнія, находятъ, что иконоборство составляетъ существенный перерывъ въ ходѣ византійскаго искусства, который бросилъ его насильственно на иной путь. Иначе взглянулъ Унгеръ ³⁾, основательно замѣтившій, что для рѣшенія этого вопроса нѣтъ данныхъ въ самыхъ памятникахъ, но что, судя по сходству типовъ позднѣйшаго искусства съ древними образцами, перерыва не было, и иконоборство вовсе не стремилось къ уничтоженію искусства. Тѣмъ не менѣе, составилось мало по малу мнѣніе, что этотъ рѣшительный перерывъ рѣзко измѣнилъ самый характеръ искусства, лишивъ его прежней связи съ античнымъ преданіемъ, и даже, что самое иконоборство было отчасти вызвано *языческимъ* характеромъ древне-византійской иконописи (разумѣлись и скульптуры, и античныя миниатюры) и имѣло своимъ *положительнымъ* результатомъ перемѣну въ ея характерѣ.

Не входя въ подробный разборъ всего вопроса и исторіи иконоборства, такъ какъ мы считаемъ это вопросомъ спеціально богословскимъ, и только одною стороною соприкасающимся съ исторіею искусства, замѣтимъ, что вся описанная постановка вопроса возникла отъ внѣшняго къ нему отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы читаемъ въ исторіи иконоборства столько же о неистовствахъ еретиковъ, сколько о постоянномъ и могучемъ отпорѣ православія: напрасно Лабартъ назначаетъ болѣе вѣка для этой борьбы: церковный эдиктъ относится лишь къ 730 г., въ 726 г. только велѣно было повѣсить иконы выше въ церквахъ, чтобы народъ не цѣловалъ ихъ и не простирался передъ ними, только въ 754 г.

¹⁾ Gesch. d. bild. K., III стр. 226. Онъ приписываетъ иконоборству вліяніе на раздѣленіе церквей и значительное въ ходѣ искусства, стр. 228—9.

²⁾ L. c. III стр. 31.

³⁾ Byz. Kunst, Encyk. v. Ersch u. G. Th. 81, стр. 449—450.

осуждено самое искусство живописи как «безбожное»; преслѣдованіе же имѣло мѣсто главнымъ образомъ между 766 — 775 гг. ¹⁾); и если иконоборство было дѣломъ «солдатскаго» самолюбія, то весь народъ (и особенно женщины, даже во дворцѣ) былъ за иконы и за монаховъ, изъ за нихъ пострадавшихъ; извѣстно, какъ кричалъ въ злобѣ Копронимъ, что не онъ уже императоръ, а монахъ; извѣстно также, какъ возвысилось своею дѣятельностью монашество, какъ возвеличились такіе борцы, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, патріархи Германъ и Ниефоръ и Феодоръ Студитъ, котораго монастырь, уменьшенный до 12 человекъ, имѣлъ до тысячи ч. при Иринѣ ²⁾); какъ, наконецъ, переходилъ народъ на сторону узурпатора только потому, что этотъ чтилъ иконы ³⁾); наконецъ къ иконоборческой тенденціи, только у Льва и Копронима доходившей до исповѣданія вѣры, присоединялись различныя еретическія мнѣнія (несторіанство) ⁴⁾), а также и общая вражда противъ главенства и самостоятельности церкви, и въ тайнѣ у многихъ императоровъ противъ богатыхъ монастырскихъ имуществъ: извѣстный Фиплей рассматриваетъ иконоборство какъ борьбу императорской власти и принципа централизаціи, соединенія власти церковной и свѣтской противъ духовенства: пусть этотъ взглядъ и преувеличенъ, и подчиненъ вообще той точкѣ зрѣнія западныхъ историковъ, которая видитъ въ иконоборцахъ только добродѣтели, хотя дикія, а въ защитникахъ только пороки. Наконецъ, мы укажемъ только на то презрѣніе, съ которымъ ученое богословіе относилось къ этой ереси: она шла, по ихъ мнѣнію, изъ дикаго Востока (изъ Наколен, по Герману), Левъ Исаврянинъ подчинился вліянію Араба, и только по византійской инерціи и любви къ богословскимъ преніямъ такъ долго держалась эта ересь, что наконецъ явились и епископы, воспитанные

¹⁾ См. Schlosser, *Gesch. d. bilderstürm. Kaiser.* 1812. стр. 177, 413; также Finlay, *History of the Byz. Empire.* 1856, I гл. 1.4.

²⁾ Banduri, *Imp. Or.* II, 599.

³⁾ Кедрена въ *S.ript. Hist. Byz.* т. 18, ч. 2, стр. 4, 13 и др.

⁴⁾ *Ibid.* про Льва Копронима сказано, что онъ былъ сначала *φίλος τῆς Ἐσότητος καὶ τῶν μοναχῶν*, § 168.

тремя царствованиями, между иконоборцами, и понадобился соборъ для уничтоженія ереси, вполнѣдствіи исчезнувшей безслѣдно.

Итакъ, если иконоборство и дѣйствовало разрушительнымъ образомъ на искусство, то это было дѣйствіе чистаго отрицанія искусства и оно не вносило ничего взаимнѣ. Слѣдовательно, мы должны совершенно отвергнуть всякое воззрѣніе на его внутреннее значеніе. По всемъ своимъ духовнымъ сторонамъ, иконоборство было сильнымъ отголоскомъ общаго древне-христіанскаго направленія въ богословіи, по которому соч. Оригена, Епифанія, Тертулліана, а также Кирилла и Блимента Александрійскихъ, Евсевія, также Златоуста и многихъ другихъ особенно жарко ратовали противъ языческаго искусства, какъ идолопоклонства, противъ его циничныхъ, развратныхъ и позорныхъ произведеній. Иначе говоря, это древне-христіанское отвращеніе къ идолу, къ извѣстнымъ основамъ культа Эллиновъ (язычниковъ называли «Эллинами» ¹⁾) стало завѣтною идеею богослововъ и въ неразвитыхъ умахъ смѣшивалось съ общимъ враждованіемъ противъ искусства, тогда какъ великіе писатели IV и V вѣковъ старательно различаютъ эти двѣ стороны. Дѣйствительно, съ VIII вѣка не дѣлается вновь статуй — скорѣе по тому, что не умѣли и дѣлали безобразныя — но развѣ Царьградъ не сохраняетъ свои античныя памятники ²⁾ и послѣ описаній Кюдина развѣ не оплакиваетъ ихъ Никита Хониатъ?

Но главнѣйшимъ нашимъ доводомъ противъ внутренняго и положительнаго значенія иконоборства будетъ самая полемика иконоборцевъ съ ихъ защитниками, которой не хотѣли коснуться изслѣдователи. Правда, акты иконоборческаго собора 754 г. или жеседьмаго не сохранились, ибо были уничтожены, и только въ извлеченіи рѣчей Іоанна и Епифанія, т. е. въ такъ наз. *refutationes* приводятся ихъ постановленія, обще-гласящія объ идоло-

¹⁾ Прокопій, *Апосд.* XI, 9, гдѣ прибавлено, что на нихъ ополчался Юстиніанъ.

²⁾ См. особенно статья Хр. Гот. Гейне: *Priscae artis opera, quae C—poli etc* въ *Commentat. Soc. Reg. Gotting.*, t. X, XI, cl. *Hist.* а. 1789—91, и его же *Serioris artis opera etc. ib.*, vol. XI, также *Monumentorum recensio* въ *Comm.* 1792—3. Изв. соч. Кюдина *de signis Const.* ed. Becker, *Vanduri. Imp. Or.* и пр.

поклонствѣ, смѣшеніи святыхъ иконъ съ предметомъ поклоненія и пр. ¹⁾). Но за то сохранены второстепенныя свидѣтельства: хронографъ Θεοφана, соч. Іоанна Дамаскина ²⁾, Германа, Θεοδора и, главное, замѣчательнѣйшія полемическія сочиненія Никифора противъ иконоборцевъ ³⁾. Изъ нихъ мы ясно видимъ, что споръ велся исключительно на общей почвѣ, т. е. на вопросѣ объ идолопоклонствѣ и иконопочитаніи, о томъ, что такое — изображеніе, искусство, его вредъ и польза и пр. и никогда не переходилъ къ анализу характера иконописи, къ ея языческимъ чертамъ, такъ какъ, понятно, Византійцы не различали сами античной основы своихъ олицетвореній, какъ и своего цвѣтистаго языка. Главнымъ богословскимъ пунктомъ былъ вопросъ о человѣческомъ воплощеніи Сына, о его изобразимости по этому естеству, и полемика съ докетствомъ и манихействомъ и почитателями Астерія, а существенными основаніями всего спора толкованія текстовъ Библии и Отцовъ Церкви (особенно Златоуста): иконоборцы читали: *ὁ ποιητής πᾶν εἰκόσῳρα εἰκόσῳρα* ⁴⁾ и т. д., понимали ложно слова Златоуста о художествахъ, изреченія Меѳодія Патарскаго, Епифанія, Θεοδοῦта противъ идольскихъ изображеній Христа, — и вообще слѣдовательно, такъ наз. прагматическая часть оставалась главною: приводились въ доказательство сочувственныя слова объ искусствѣ и иконахъ у Василія, Григорія В., Кирилла и др. ⁵⁾.

¹⁾ Labbei et Cossartii, curante Coletto. Concilia, t. VIII, Ven. 1729. стр. 1046.

²⁾ Три апологическія рѣчи въ защиту иконопочитанія съ разборомъ свидѣтельствъ Отцовъ ц. и пр. въ соч., изд. Migne Patrol. gr. т. 91-й. Апологическая рѣчь, ib. томъ 95-й. Письмо къ Θεοφилу съ исторіею ереси ib. т. 95-й.

³⁾ Изд. въ Spicil. Solesm. Кард. Питра, т. I: о Магнетѣ, противъ Евсевія; т IV: противъ иконоборцевъ, противъ Епифаніа, т. е. противъ же Епифанія или поддѣлки, приписанной Кипрскому Епифанію. Въ будущемъ томѣ обѣщается соч. противъ же собора, см. стр. 291, прим.

⁴⁾ ibid. т. IV. гл. 3, стр. 242.

⁵⁾ См. также любопытныя письма Св. Θεοδора Студита, изд. при С.-Петербург. Дух. Акад. 1867, ч. II, письмо: 1-е, 2, 4, 8, 15, 21, 23, 33 (объ изобразимости Христа), 36-е особенно и 199-е, 42, 72, 156 и его же Antirrhetica,

Что иконоборство имѣло скорѣе разрушительное вліяніе, нежели уничтожающее значеніе въ ходѣ исторіи византійскаго искусства, доказывается ближе всего исторією миниатюры. Запрещая иконопись, оно отнимало у искусства главнѣйшій его родъ: живопись монументальную, т. е. ту область, въ которой художникъ находитъ истинное воплощеніе своихъ высшихъ идей, гдѣ новая художественная форма получаетъ свое усовершенствованіе, а старая яено представляетъ свои недостатки, гдѣ глазъ яснѣе слѣдитъ за формами тѣла и рисункомъ, и гдѣ краска показываетъ силу своего блеска и глубину тоновъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, иконоборство уничтожало внѣшнюю опору искусства въ формѣ покровительства и разныхъ заказовъ; и не должно думать, что если въ эту эпоху не расписывались церкви и не дѣлались иконы, то взамѣнъ должны были процвѣтать и умножаться издѣлія мелкія, напр. эмали, работы въ драгоценныхъ матеріалахъ, миниатюры: и въ этомъ производствѣ отсутствовали заказы, не было мотивовъ для совершенствованія, а чаще и самыхъ матеріаловъ по ихъ дороговизнѣ. Распространено мнѣніе, что иконоборство развило миниатюру, что монахъ рисовальщикъ святыхъ изображеній именно здѣсь находилъ удовлетвореніе своему художественному позыву; но и великолѣпныя лицевыя рукописи дѣлались для высокихъ особъ, по ихъ заказу или въ даръ отъ монастыря; монастырскій же обиходъ довольствовался болѣе простыми. По заключенію Лабарта ¹⁾, къ VII стол. напр. относится греческое Евангеліе Пар. Библ. № 63 ²⁾, котораго каллиграфическая орнаментация канонъ, съ характеромъ рѣзбы по дереву, пользуется простѣйшими красками въ простой иллюминаціи безъ моделировки и полутоновъ и приближается скорѣе къ общему характеру восточныхъ лицевыхъ рукописей (особенно коптскихъ и сирійскихъ), нежели показываетъ общее состояніе искусства, въ эпоху иконоборства, будто бы осужденнаго на каллиграфію. По крайней мѣ-

Ев. ан. Пар.
№ 63.

¹⁾ L. c. vol. III p. 31.

²⁾ Привезено съ о. Кипра in 4°. Замѣтимъ, что въ этомъ же Евангеліи находимъ и первые фигурные инициалы: голубь съ маслянымъ листомъ и др.

рѣ, древняя техника миниатюръ нисколько не была утрачена и никогда не доходила до подобнаго паденія, какое представляетъ эта рукопись. Такъ мы имѣемъ два греческихъ Евангелія: Библиотеки Брит. Муз. № Add. 5111, относимое къ VI и VII вѣку ¹⁾, и Марціаны въ Венеціи С. I cod. VIII, принадлежащее къ VIII или IX вѣку ²⁾, въ которыхъ орнаментика каноновъ сохранила высокій характеръ стиля процвѣтанія въ двойныхъ аркахъ съ мозаичнымъ рисункомъ и тисненными по золоту разводами; въ тимпанѣ арки или затѣйливое плетеніе, или медальоны съ крестами; вмѣсто позднѣйшей заставки покоемъ заглавіе помѣщено въ золотомъ киворіи или кубукліи.

Еванг. Брит.
Муз. Add. 5111.
Ев. Марціа-
ны сі. I, 8.

Несравненно болѣе проливаетъ свѣта на положеніе искусства въ эпоху иконоборства и непосредственно послѣ него то, что въ концѣ нашего періода, а именно отъ IX вѣка мы владѣемъ двумя лицевыми рукописями, исполненными въ стилѣ упадка античной манеры, характеръ которой окончательно опредѣлился еще въ VI—VII вѣкѣ, какъ мы замѣтили прежде. Что могло быть причиною подобнаго явленія, какъ не тоже самое иконоборство, очевидно, прервавшее и задержавшее развитіе новаго стиля, нами описаннаго въ рукописи Космы? Въ продолженіи этихъ слутныхъ для государства и художествъ вѣковъ VII и VIII, отсутствіе поощренія и самый запретъ не могли все-таки уничтожить искусства; но влія отрицательно, они ускорили и усилили вырожденіе прежней манеры, не давъ созрѣть новой. И духовное содержаніе, и внѣшняя техника миниатюръ въ этихъ лицевыхъ кодексахъ составляютъ лишь искаженіе, изуродованіе стараго; новое является въ нихъ грубо и неумѣло, какъ чуждое и непонятное. Пусть рукописи эти содержатъ въ себѣ слова и рѣчи Отцовъ Церкви, ихъ миниатюры, однакоже, вовсе не соотвѣтствуютъ высокому содержа-

¹⁾ Образецъ орнаментики Канононъ изданъ въ Tynms and Wyatt, The Art of Illumin. 1880, pl. 2

²⁾ In. 12°. Изображенія 4 Евангелистовъ съ главнѣйшими событіями ихъ Евангелій принадлежатъ въ этой рукописи XIII вѣку, и имѣютъ крайне пеструю, позднюю раскраску и самые листы приклеены.

нію и заслуживаютъ болѣе называться иллюстраціями текста, нежели художественными сочиненіями, только вызванными текстомъ; пошлый, декоративный характеръ этихъ миниатюръ напоминаетъ мѣстами азбучные рисунки предметовъ и фигуръ и низводитъ искусство на степень жалкой игрушки для взрослыхъ. Этому соответствуетъ и исполненіе, мѣстами доходящее до пачкотни и вездѣ небрежное; византійская техника внесла сюда лишь неизбѣжный золотой фонъ, который притомъ и служитъ часто подмалевкою для рисунка; иногда рисунокъ ограничивается цвѣтнымъ орнаментомъ по золотому полю. Изъ красокъ встрѣчаемъ чаще красную и зеленую; пурпурная, коричневая и синяя употребляются рѣдко; византійскихъ красокъ: голубой и розовой нѣтъ вовсе; всюду золото. Иллюстраторъ уже усердно помогаетъ себѣ очертками перомъ не только волосъ, чертъ лица, но и мускуловъ тѣла; отдѣлываетъ ихъ, какъ въ мозаикахъ X—XI в., красными контурами. Всѣ наиболѣе тонкіе приемы и формы античной живописи здѣсь огрубѣли: таковы напр. формы и цвѣтъ нагаго тѣла; живописецъ явно съ большею охотою пользуется новою манерою ее уродуя по неумѣлости: такъ при короткихъ фигурахъ и круглыхъ молодежавыхъ лицахъ изъ народа, изображенія Святителей отличаются длинными пропорціями, темно-коричневымъ цвѣтомъ тѣла и вообще строгимъ иконнымъ характеромъ. Точно также на ряду съ деталями и изображеніями античнаго характера и иногда миеологическаго содержанія, композиціями краткими и условными, напоминающими декораціи катакомбъ, мы видимъ множество сценъ церемоніальныхъ, которыхъ декоративное значеніе связывается, однако, съ поучительно-богословскимъ содержаніемъ. Подобную смѣсь изображеній представляетъ напр. особенно рѣзко греческая рукопись рѣчей *Григорія Назіанзена* Амвросіанской Библіотеки ¹⁾, относимая

Код. Григорія В. въ Амвросіанской Библиотекѣ №№ 49. 50.

¹⁾ 40 рѣчей, in fol. за №№ 49 и 50 въ двухъ томахъ. Привезена съ острова Хиоса. Многія мелкія миниатюры вырѣзаны; позднѣйшая рука подрисовывала во многихъ мѣстахъ тонзуру. Краткая замѣтка въ указ. соч. Милеобъ Иліадѣ, въ прим. стр. 31. Подробно описано проѡ. Буслаевымъ въ ст. Сбор. Общ. др. рус. иск. за 1866 г. стр. 59.

у Мав къ IX в. Начало каждой рѣчи сопровождается изображеніемъ Святителя, бесѣдующаго, по смыслу рѣчи, съ епископами, іереями, монахами, народомъ и пр.; маленькія фигуры этихъ группъ рисованы небрежно и наскоро; недостатки рисунка не искупаются золотомъ одеждъ и утрированнымъ выраженіемъ благочестиваго вниманія. Всякое посланіе иллюстрируется опять таки по рецепту: изображается, какъ оно сочинилось, вручалось для пересылки, получалось и пр.; нерѣдко затѣмъ изображается Святитель, молящійся по окончаніи рѣчи и благословляемый Десницею и пр. Все это назначено уже дѣйствовать на зрителя наставительно, пробуждать въ умѣ его почитаніе высокихъ образовъ. Съ этою же цѣлью и безъ всякаго плана, обсужденія мысли, иллюстрируется и самое содержаніе рѣчей: событія и лица Ветхаго Завѣта, упоминаемыя въ этихъ рѣчахъ, Пророки подъ рядъ (въ казенномъ византійскомъ типѣ старцевъ, исключеніе составляетъ лишь Даниилъ), Моисей (сѣдой, что заставляетъ насъ искать на Западѣ происхожденія кодекса, тѣмъ болѣе что Ев. Іоаннъ молодъ); Ааронъ, трое Святителей, первомученикъ Стефанъ, Іосифъ и Іовъ въ царскихъ орнатахъ и т. д. Приемъ буквенной иллюстраціи увлекаетъ миниатюриста до наивностей: въ текстѣ упоминается городъ, крѣпость, животныя, — и мы видимъ уродливыя изображенія этихъ предметовъ; метафоры и аллегоріи: «конь ессалійскій, жена лакедемонянка, люди, пьющіе воду изъ Аретузы» и пр. являются намъ въ той же буквенной, азбучной иллюстраціи. Правда, Орфей съ киеарой на скалѣ еще сохранилъ свой античный типъ, но Омиръ только юноша въ короткой туникѣ, равно какъ и Бронъ, и Діасъ, оба съ сѣкирами и неимѣютъ и тѣни прежнихъ идеаловъ. Паденіе техники способствуетъ еще болѣе глубокому паденію самаго искусства, низведеннаго въ наиболѣе жалкую сферу.

Совершенно того же характера и стиля большой греческій кодексъ Парижской Библіотеки, не позднѣе IX вѣка, № 923, содержащій въ себѣ *Избранныя мѣста и параллели* изъ Отцовъ Церкви. И здѣсь мы имѣемъ множество мелкихъ иллюстрацій, виньетокъ и пр. по сторонамъ текста, содержащаго въ себѣ 394 листа. Тоже обиліе золота въ фонѣ, одеждахъ, таже небрежна

Сборникъ
греч. Пар.
Биба. № 923.

быстрая рисовка перомъ по наведенному заранѣе золотомъ на-
ленькому полю; толстые контуры, пичѣмъ не скрытые, очерчива-
ютъ безобразно низкія толстыя фигуры, уродующія античный обра-
зецъ; тѣже самыя подробности въ изображеніи тѣла и чертъ лица;
волосы темно-коричневые, или голубые для обозначенія сѣдины.
Но при этомъ низкомъ состояніи техники копируются классиче-
скіе образы VI и VII вѣковъ: Пророки, Святители, Отцы Цер-
кви, изображенные въ медальонахъ, убранныхъ жемчугомъ и пред-
ставляющихъ, явно, древнія иконы, сохраняютъ смѣлые античныя
типы; Давидъ (позднѣе всегда старъ), Соломонъ, Сирахъ, Ми-
хей и др. представлены въ юномъ возрастѣ. Многочисленныя ви-
ньетки изъ Ветхаго Завѣта, видимо, избираютъ сюжеты романи-
чески поучительные: такова исторія Самсона, жизнь Іова (кото-
рой сцены вновь доказываютъ намъ, что циклъ миниатюръ книги
Іова сложился между VII и IX вѣк.), Навуходоносоръ, бродящій въ
видѣ медвѣдя, рассказъ о блудницѣ Тамарѣ съ наивно эротическими
подробностями (л. 78) и пр. Этому соотвѣтствуютъ и выборъ сценъ
Н. Заѣта, по преимуществу сосредоточивающійся на исцѣленіяхъ,
изгнаніи бѣсовъ и пр., при чемъ преслѣдуется прямо поучитель-
ная цѣль, а аскетическій образъ мыслей выражается во множе-
ствѣ сценъ мученичества; по силѣ буквального пониманія словъ
Свящ. Писанія Ев. Луки X, 4, Христосъ изображается всегда
босымъ. Этотъ аскетически наставительный характеръ иллюстра-
цій можетъ служить намъ наилучшею характеристикою общаго
литературно-художественнаго направленія въ VIII и IX вѣкѣ и,
какъ мы увидимъ, легъ въ основу Лицевыхъ Псалтырей. Срав-
нительно съ этимъ двигателемъ, мотивы художественные ничтож-
ны и стары: мы вновь встрѣчаемъ тѣже жалкія иллюстраціи пред-
метовъ, животныхъ и птицъ; въ словахъ I. Златоуста о врачѣ
(л. 269) изображенъ самъ врачъ, онъ же аптекаръ и шарлатанъ:
сидя на высокомъ стулѣ передъ своею выставкою въ шкапу, онъ
мѣшаетъ какую то жидкость въ чашѣ, работая передъ публикою.
По поводу уподобленія (у монаха Нила) житія добродѣтельнаго
и подвижничества атлетическимъ упражненіямъ древнихъ изобра-
жены атлеты передъ царемъ, нагіе и одѣвающиеся. Но еще лю-

бопытѣ въ отношеніи къ быту и характеру современной миниатюры рисунковъ, помѣщенный при параллеляхъ изъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста и 2-й книги царствъ гл. XII, 20: внутри портика, на высокомъ полкѣ, на который ведетъ лѣстница, сидитъ нагой, толстый и пожилой мужчина; правою рукою онъ расчесываетъ себѣ волосы, а лѣвою моется изъ широкаго сосуда; по другую сторону видна сидящая женская, одѣтая фигура прислужницы; эта наивная иллюстрація изображаетъ царя Давида, утѣшившагося послѣ смерти ребенка. Подобнаго рода иллюстраціи только формальнымъ образомъ связаны съ античнымъ искусствомъ, отчасти продолжая его традиціи, отчасти пользуясь ими въ другихъ сферахъ; но въ существѣ дѣла, ихъ появленіе обязано не художественно-земному и позитивному мировоззрѣнію Помпеи, но тому-же суровому аскетизму монашества, который съ особенною сладостью изображаетъ сцены мученичества и подвижности какъ и явленіе грубаго цинизма и варварской жестокости. По господствующему взгляду на иконоборство, его появленіе было отчасти обусловлено антично-языческимъ направленіемъ искусства до VIII вѣка; разумная же цѣль, достигнутая иконоборствомъ, состояла будто бы въ томъ, что черезъ него характеръ искусства измѣнился, и потому создалъ истинно-религіозные типы, легшіе въ основу византійскаго искусства. Не говоря уже о томъ, что эти типы были созданы, и что дальнѣйшая дѣятельность искусства ограничивалась болѣе установленіями сложныхъ иконографическихъ композицій, мы не видимъ никакого дѣйствительнаго переворота въ характерѣ искусства и въ IX вѣкѣ, что и будетъ доказано анализомъ его памятниковъ. Но приведенныя лицевыя рукописи показываютъ намъ ясно, какъ устойчиво сохраняется античный характеръ и какъ мало удержало иконоборство монаха-рисовальщика отъ его прежней будто бы языческой манеры.

Но эта любопытная черта и справедливость послѣдняго взгляда выясняются окончательно на иллюстраціяхъ *лицевой псалтыри*, которыя сложились въ концѣ этого періода, хотя большая часть кодексовъ ея принадлежатъ эпохѣ XI — XIII столѣтія. Общее ли настроеніе умовъ въ современномъ христіанскомъ мірѣ,

или, вѣрнѣе, возбужденіе подѣ влияніемъ смуть и бѣдствій всякаго рода въ Византіи, но окончаніе эпохи иконоборства совпадаетъ съ рѣзкою переменною въ жизни общественной и духовныхъ интересахъ. Церковно-монашеская борьба противъ иконоборческой ереси была въ то же время и народною и дала значительный толчекъ умамъ; но она же довершила и богословское воспитаніе націи, сосредоточивъ въ этомъ направленіи умовъ всю прежнюю приверженность къ отвлеченному мышленію. Племенной составъ византійской имперіи и ея разнообразныя сосѣдства, очевидно, способствовали появленію и развитію ересей, изъ которыхъ многія Финлей справедливо приписываетъ влиянію Сиріи и Арменіи, Персіи и Египта ¹⁾). Возбужденное иконоборствомъ ожесточеніе православнаго монашества еще долго чувствуется въ соборныхъ рѣчахъ и поученіяхъ и даетъ обильное содержаніе полемическимъ сочиненіямъ, выходящимъ изъ монастыря. Понятно также, что это общенародное, хотя направляемое монашествомъ, религіозное, и еще болѣе того: богословское возбужденіе должно было съ особеннымъ предпочтеніемъ остановиться на Псалтыри, которой пространныя толкованія сдѣланы въ эту эпоху главнѣйшимъ родомъ поучительнаго чтенія. Именно этотъ родъ рукописей и украшался въ эту эпоху чаще всего миниатюрами, и проф. Буслаевъ ²⁾ въ своемъ анализѣ происхожденія редакцій лицевой Псалтыри справедливо замѣчаетъ, что она представляетъ Псалтырь Толковую или по самому тексту, или по толкующимъ его иллюстраціямъ. Краснорѣчивая «похвала» Василія Великаго видитъ въ псалмахъ и откровеніе будущаго, и повѣствованіе о прошедшемъ, правила жизни и душевное успокоеніе, посредника мира и вѣрную помощь въ ночныхъ ужасахъ; наконецъ, псалмы заключаютъ въ себѣ *все богословіе*: и, дѣйствительно, Толковая Псалтырь стремилась совмѣстить въ себѣ всѣ богословско-историческія свѣдѣнія въ живой общегодной формѣ, назначавшейся для народнаго поученія. Анализъ мини-

¹⁾ Finlay, History of the byzantin empire from 716 etc. t. I, p. 262.

²⁾ См. корреспонденцію профессора изъ Рима въ Вѣст. Общ. древн. искуства 1876. Смѣсь, стр. 67.

тюръ ея покажетъ, что Лицевая Псалтырь была направляема тѣми же богословами, которые подбирали насущныя, интересныя или къ извѣстному времени идущія толкованія изъ множества оставленныхъ Отцами Церкви, но что въ то же время, въ силу общихъ причинъ, въ ней преобладалъ всегда характеръ *народный*, въ которомъ книжная основа переработана живою современною фантазією. Нужно-ли миниатюристу выразить благополучіе челоуѣка въ прославленіи милости Господней: передъ нимъ образъ столпника, какъ живое явленіе современной жизни съ ея кіонитами и стилитами; «святой праведникъ» псалма — для него Святитель Василій Великій; мы увидимъ также излюбленныя изображенія Содома пылающаго, Авраама съ Лазаремъ на лонѣ, Іуды, кинокефаловъ и пр.; риторическіе и поэтическіе обороты являются въ реальномъ образѣ Святаго, Столпника, людей праведныхъ и нечестивыхъ и пр., однимъ словомъ все то художественное содержаніе, пристрастіе къ которому монашество всегда дѣлило съ народомъ, и которое должно имѣть первенствующее значеніе въ глазахъ изслѣдователя старины ¹⁾. Многочисленность этихъ наглядныхъ толкованій была вызвана самою сложностью этого богословскаго аппарата и произвела обильный рядъ различныхъ мелкихъ изображеній, который и составляетъ т. наз. Лицевую Псалтырь.

Что эта Лицевая Псалтырь съ характеромъ Толковой принадлежитъ періоду непосредственно слѣдующему за иконоборствомъ, это доказывается какъ техническими и стилистическими свойствами, такъ и самымъ внутреннимъ ея содержаніемъ, заключающимъ въ себѣ неоспоримо-ясныя историческія указанія на этотъ періодъ. Миниатюры представляютъ мелкія виньетки на поляхъ, сопровождающія текстъ, притомъ въ ближайшемъ съ нимъ соотношеніи, какъ его необходимое толкованіе, почему иные кодексы даютъ даже руководящія красныя черточки для отысканія мѣста

¹⁾ Не такъ смотрятъ современные ритормы-богословы западной церкви, спорящіе о «заблужденіяхъ» этихъ иллюстрацій. Grimouard de St. Laurent, *Guide de l'art chrétien* vol. II p. 67, и даже *ibid.* указанный взглядъ мвв. Кайв.

ской Библиотеки (Mss. gr. № 20), чрезвычайно сходный съ нею по миниатурамъ, рисунку и краскамъ; свободная композиция несравненно лучше самой раскраски, что естественно указываетъ намъ на копію¹⁾; кромѣ голубой и розовой красокъ, другъ другу соответствующихъ, обильно употребляется зеленая и коричневая, также гармонирующія. Въ XI вѣку относится *Псалтырь Вибл. Барберинской* въ Римѣ за № 217, которой миниатюры разсмотрѣны были проф. Вуслаевымъ сравнительно съ Хлудовскою рукописью²⁾ и подали ему поводъ указать на существованіе редакцій лицевыхъ рукописей. Въ этой рукописи, при безусловно античномъ характерѣ многихъ иллюстрацій, мы видимъ всѣ недостатки небрежнаго письма, грязные тоны красокъ и мутно красное золото, розовыя и голубыя одежды почти исключеніе, и только въ фигурахъ Ис. Христа, Богородицы и олицетвореній находимъ античный пурпуръ. Выходная миниатюра изображаетъ императора и императрицу съ ихъ сыномъ въ красныхъ хитонахъ съ золотыми коронами, съ лабарумами въ рукахъ, при чемъ императоръ держитъ въ лѣвой рукѣ *акакію* — красный мѣшокъ, наполненный пескомъ и долженствовавшій ему напоминать о грѣховности всякаго человѣка³⁾; по характеру жемчужныхъ уборовъ и орнату, а равно и самому типу бородатаго и длинноволосаго императора напоминаетъ времена Комненовъ. Гораздо выше стоять по стилю и богатству содержанія *Псалтырь Британскаго Музея*, содержащая въ себѣ также и древнія пѣснопѣнія или гимны⁴⁾: микроскопическій родъ миниатюръ XI вѣка является

Псал. Вибл.
Барберини
въ Римѣ, гр.
№ 217.

Псал. Брит.
Муз. Грев.
№ 19352.

¹⁾ Принадлежитъ скорѣе X, нежели IX стол. Содержитъ псалмы 92 — 136; въ малую in 4°; безъ вырванныхъ миниатюръ омоло 25 вняетоковъ. У Ваагена Kunstwerke in Paris p. 22 6 подъ этимъ № ошибочно указано Евангелие.

²⁾ См. корреспонденцію въ Вѣстникѣ Общ. древне-русскаго иск., на 1875 г. стр. 61 сл.

³⁾ У Бодина гл. 6, 27: *βλάτιον πᾶσιμ ἐπιπέδον... καὶ καλεῖται Ἀκακία ὡς ἔλεγε, μεν τὸ τὸν Βασίλεια ταπεινὸν εἶ ὡς ἀνηγὸν* и пр. Тоже у Симеона Θεσσαλον. См. Дюканжа De Nomenclatibus n. 12, 13.

⁴⁾ № 19352, изъ коллекціи Борелля, in 4°. Описана Ваагеномъ въ *Treasures of Art in Great Britain*, transl. by Eastlake. 4 vols. L. 1854—7, и Шипера *Theologische Studien u. Kritiken*. 1861. 3-е Heft.

здѣсь въ значительно болѣе роскошномъ исполненіи, но краски, насыщенные сильною примѣсью гуаши, дупятся мелкимъ порошкомъ, оставляя слабыя желтоватые контуры. По узкимъ полямъ разсыпанныя на пергаментномъ фонѣ виньетки, прекрасной композиціи, сопровождаются надписями киноварью и помѣчаются знаками, относящими миниатюры къ извѣстному мѣсту въ текстѣ. Одежда шраффирована золотомъ; тонъ тѣла зеленоватый, въ деталяхъ обиліе красной краски; отступленія отъ античныхъ формъ рисунка являются здѣсь общимъ правиломъ, но еще можно легко прослѣдить различіе композицій древнѣйшихъ отъ позднихъ въ самой манерѣ рисовки и исполненія: такъ, олицетвореніе, аллегорія, сцены древнѣйшаго сложенія вообще, исполняются все же въ общей манерѣ и не имѣютъ мелкой отдѣлки одеждъ. Рукопись тѣмъ важнѣе, что въ ея концѣ имѣется припись, указывающая на автора миниатюръ и переписчика—«библіографа» Теодора родомъ изъ монастыря Василія Великаго въ Кесаріи и на 1066 годъ — время написанія кодекса: по началу имени (л. 207) «Студита» — т. е. игумена Студійскаго монастыря (Στοῦδ[ιτης] λέγει) Пиперъ указалъ, что рукопись происходитъ изъ этого монастыря, — фактъ особенно важный для пониманія иллюстрацій. Изъ четырехъ *Аеонскихъ* кодексовъ Лицевой Псалтыри къ этому разряду принадлежитъ рукопись № 20, относящая къ IX или X в.—скорѣе къ послѣднему¹⁾; по своему стилю и характеру рукопись эта ближе къ Барберинской, нежели Лондонской Псалтыри. Изъ русскихъ Псалтырей замѣчательныя копія греческаго образца представляютъ: Псалтырь б. Лобкова, нынѣ г. Хлудова, конца XIII вѣка²⁾ и Угличская Лицевая Псалтырь *Имп. Публичной Библіотеки* 1485 г.³⁾, въ которыхъ греческій ориги-

Аеонскія рукоп. Псалт.
№ 20.

Слав. Псалт.
г. Хлудова.

Пс. Углич.
Имп. Пуб. Библ.

¹⁾ in 16°. Снимки въ альбомѣ Севастьянова, томъ 46. Рукоп. представляетъ фрагментъ: съ пс. 21-го по гимнъ Моисея.

²⁾ Описана подробно Арх. Амелюхиемъ въ Древностяхъ, Труды М. Арх. Общ. III т.; описаніе миниатюръ стр. 4 — 25. Съ атласомъ рисунковъ XII табл. Въ соч. А. Н. Попова, Описаніе рукописей Библ. А. И. Хлудова М. 1872, стр. 5.

³⁾ Критическій анализъ миниатюръ въ ст. Проф. Буслаева, Историческіе очерки т. 2, стр. 201 по 215 съ рис.

наль значительно сокращенъ, особенно въ символическихъ изображеніяхъ, сдѣлавшихся непонятными, но прочее передано съ малыми измѣненіями и дополненіями. Въ углической рукописи поздне-византійскій стиль уже освободился отъ стильной манеры обычного византійскаго рисунка и показываетъ простую иллюминацію въ толстыхъ абрисахъ, сдѣланныхъ перомъ, при чемъ преобладаютъ краски голубая и красная. Независимо отъ общаго сохранения греческаго типа эти Лицевыя Псалтыри не внесли въ иллюстрацію ничего русскаго ¹⁾, ограничившись развѣ въ Хлудовской рукоп. замѣною иныхъ сюжетовъ болѣе привычными и популярными: много сценъ изъ жизни и исторіи Давида (пс. 54—59, 61—63), Адамъ, какъ образъ слабаго грѣховнаго человѣка, прибѣгающаго къ Богу; Іоасафъ молящійся является въ пс. 79, гдѣ говорится о лозѣ насажденной, онъ же къ пс. 81 обличаетъ князя жидовскаго и пр. Наконецъ характерно то, что изъ 120 миниатюръ Слав. Псалтыри г. Хлудова ровно половина изображаетъ Давида, то молящагося, то кающагося и пр., то въ разныхъ событіяхъ его жизни, тогда какъ въ греческихъ кодексахъ эти изображенія сравнительно рѣдки (не болѣе 25 случаевъ на вообще большее число миниатюръ). Остальные лицевые кодексы Псалтыри имѣютъ иную иллюстрацію и будутъ нами рассмотрѣны впоследствии (см. ниже Пс. Ват. № 752 и лат. Эгертонъ въ Брит. Муз.) Всѣ перечисленные нами кодексы представляютъ развитіе одной основной редакціи, и древнѣйшій звень въ этомъ ряду есть, несомнѣнно, греческій кодексъ г. Хлудова, хотя эта рукопись и не была, конечно, тѣмъ оригиналомъ, съ котораго писались послѣдующіе кодексы: въ свою очередь она пополняется фрагментами Парижскимъ и Аѳонскимъ. За ними въ ходѣ развитія слѣдуетъ кодексъ Варберинскій и потомъ Лондонскій, наиболѣе полный и даже осложненный. Но такъ какъ кодексъ Лобковскій уже былъ разслѣдованъ съ большою подробностью въ на-

¹⁾ Проф. Вуслаевъ замѣчаетъ ib. стр. 211, что въ Угличес. рукоп. нѣтъ ни одного изображенія изъ Святыхъ русскихъ, надписи агіосъ и пр.

шей археологической литературѣ¹⁾, то, не перечисляя всѣхъ его миниатюръ, мы можемъ довольствоваться общею его характеристикою въ анализѣ позднѣйшихъ наслоеній.

Извѣстно, какъ бѣдно само по себѣ историческое содержаніе Псалтыри: понятно, что и миниатюръ, изображающихъ жизнь Давида менѣе всѣхъ другихъ, и лучше отнести ихъ въ другому отдѣлу. Затѣмъ вся иллюстрація сводится къ двумъ главнымъ отдѣламъ: *историческому* и *лирико-поучительному*. Самый многочисленный отдѣлъ сценъ историческаго содержанія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта является въ Псалтыри съ двойнымъ характеромъ: какъ историческія параллели къ пророческимъ изреченіямъ Псалмопѣвца и какъ символическія конкретныя подобія къ духовному ея содержанію.

Настолько же многочисленны сцены и иллюстраціи предметовъ и лицъ поучительно - лирическаго характера и содержанія. Особый разрядъ миниатюръ выдѣляется элементомъ *символизма*, или даже представляетъ аллегорію; на оборотъ, другія переходятъ къ простымъ иллюстрированнымъ изображеніямъ предметовъ.

Такимъ образомъ, мы подраздѣлимъ всѣ миниатюры Псалтыри на слѣдующіе отдѣлы: 1) параллели и уподобленія къ пророчествамъ Давида, взятыхъ изъ а) Ветхаго Завѣта б) Новаго Завѣта с) Исторіи Церкви; 2) поучительныя иллюстраціи лирическаго характера съ содержаніемъ, взятымъ изъ: а) Псалтыри, б) жизни с) изъ исторіи самого Давида²⁾; 3) Миниатюры символическаго характера и религіозно-нравственнаго содержанія различнаго происхожденія; Аллегоріи и притчи. 4) Иллюстраціи предметовъ и лицъ съ отгѣнкомъ поучительнаго или символическаго характера, основанныя на буквенномъ представленіи текста; олицетворенія; 5) миниатюры спеціально иконописнаго характера. Наиболѣе многочисленныя миниатюры въ основной редакціи пред-

¹⁾ Кромѣ угаз. ст. Ундольскаго въ Сборникѣ Общ. Древне-Русскаго Исх. за 1866 г. характеристика рукоп. въ ст. Проє. Вуслаева, ib. стр. 60, 88.

²⁾ Проє. Вуслаевъ въ ст. «о Визант. символикѣ». Углич. Пс. раздѣляетъ такъ содержаніе миниатюръ: 1) буквенныя иллюстраціи, 2) олицетворенія, 3) аллегоріи, 4) параллели. Историч. Очерки, т. 2, стр. 202—212.

ставляютъ отдѣлы первый и третій, и въ нихъ заключается существенное содержаніе этой редакціи; напротивъ, позднѣйшіе кодексы: Барберинскій и Лондонскій значительно распространяютъ отдѣлы второй и четвертый, какъ имѣющіе особенную важность въ поучительно-религіозномъ направленіи, которое получила въ нихъ иллюстрація Псалтыри. Наконецъ, не болѣе пяти миниатюръ древнѣйшей редакціи было исключено этими позднѣйшими кодексами или замѣнены другими.

Разсматривая миниатюры по ихъ отдѣламъ, мы будемъ указывать постоянно на текстъ, къ которому онѣ относятся, такъ какъ этимъ опредѣляется главнѣйше и ихъ содержаніе, а источникомъ самаго разсмотрѣнія будетъ для насъ служить кодексъ Лондонскій, какъ наиболѣе полный.

Параллели изъ Ветхаго Завѣта берутъ не произвольно подходящія къ изреченіямъ сюжеты, но указанные различными толкованіями Отцовъ Церкви. Такъ къ пс. XX, 2 изображеніе Іезекіи, вѣнчаемаго ангеломъ, поднятаго на щитъ, съ лабарумомъ въ рукахъ, и одѣтаго въ туніку съ лорономъ, вошло въ Псалтырь по толкованію Θεодорита, указавшаго на исторію болѣзни и выздоровленія Іезекіи послѣ побѣды надъ Сеннахерибомъ; миниатюристъ же изобразилъ вмѣсто того торжественное вѣнчаніе (въ Углич. Пс. Христосъ вѣнчаетъ Соломана) царя, которое и было принято впоследствии для изображенія подобныхъ случаевъ. Пс. 104 представляетъ жертвоприношеніе Исаака; къ пс. 49 жертва Авраамова и др.; къ 104 же исторія Іосифа; къ пс. XX, 10 изображеніе въ Лонд. рукоп. Содомы горящаго, Лота и жены его и пр.; 41, 7—Вознесеніе Іліи. Наиболѣе же обширныя иллюстраціи имѣетъ историческій псаломъ 76, изображающій Исходъ, также 77 съ изображеніемъ Чудесъ, язвъ Египетскихъ; къ пс. 126, 1 Столпотвореніе Вавилонское; 136, 1—На рѣкахъ Вавилонскихъ и пр.; наконецъ къ пѣснямъ Исхода, гимнамъ Исаи, Іоны, Захаріи собственныя иллюстраціи. Всѣ остальные библейскіе сюжеты обработаны въ манерѣ символической или даютъ лирическаго характера сцену, каковы напр. изображенія Авраама съ душами праведныхъ на лонѣ.

Несравненно болѣе значенія, какъ символическія параллели къ изреченіямъ Псалтыри и какъ непосредственное воплощеніе ея пророческихъ гаданій, имѣютъ событія новозавѣтныхъ, включая сюда и событія изъ исторіи древней Церкви. Главное лицо этихъ событій—Иисусъ Христосъ есть, такъ сказать, обычное выраженіе религіознаго мышленія, любимая фраза иллюстратора; его изображеніе сопровождается сценами поучительнаго характера, какъ ясное для каждаго указаніе всевышней воли и милости. Слова начальныя: «Блаженъ мужъ» выражены Христомъ, благословляющимъ «блаженнаго» въ красной одеждѣ, и, такъ какъ по толкованію Василія Великаго, лишь Богъ истинно блаженъ, то рядомъ изображена Слава Господня съ тройкимъ хваленіемъ: Святъ, Святъ, Святъ. Образъ Христа на небесахъ или икона его въ медальонѣ, являющаяся иногда на небесахъ или на Крестѣ, помѣщается надъ Моисеемъ боговидцемъ (ис. 89), или надъ молящимся, кающимся и спящимъ Давидомъ (ис. 3, 6, 7, 9 ст. 15, 37), какъ осуществленіе надеждъ, столь ясно выраженныхъ псалмами; къ этому же образу обращается праведный (XII, 2) и имъ повергается нечестивый С, 1; Христосъ, возсѣдый на Херувимахъ, внизу которыхъ лики льва и вола извергаютъ пламя, служитъ выраженіемъ славы и торжества (IX, 37; XVII, 11); передъ нимъ падаютъ ницъ народы — три волхва (XXI, 30) и пр. Но въ общей суммѣ всѣхъ иллюстрацій оказывается даже и извѣстный порядокъ евангельскихъ сценъ, составленный, главнымъ образомъ, изъ Страстей Христовыхъ: Христосъ передъ Судомъ, Распятіе, Воскресеніе и Вознесеніе, которыя повторяются намѣренно цѣлою серією нѣсколько разъ (около шести случаевъ непрерывнаго слѣдованія этихъ сценъ: IX, 33—Хр. полулежащій передъ гробомъ (6 таφος); XXI, 18, 19—приготовленіе къ Распятію, XXII, 9—Вознесеніе; XXXIV, 11—Хр. на судѣ (замѣчательно, что судъ происходитъ передъ 3 судьями (Синедрионъ) какъ въ мозаикѣ S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ; здѣсь по толкованію Кирилла и Герасима) XXXV, 13, XXXVII, 12, XXXVIII, 13, XL, 10—Христа берутъ воины, Вечеря и пр.; XLIII, 24.—Воскресеніе; XLVI, 9—Вознесеніе. LXVII, 3—Воскресеніе; LXVIII, 10,

20, 22, LXXIII, 12—Страсти; LXXXVII, 6 — Погребеніе и затѣмъ вновь тотъ же порядокъ. Кромѣ сценъ Страстей наиболѣе идущія къ содержанію псалмовъ миниатюры представляютъ: Рождество пс. II (въ углич. Пс. пс. 90), Входъ въ Іерусалимъ VIII, 3; Воскресеніе Лазаря XXIX, 4 (въ углич. пс. 48): сцена любопытная тѣмъ, что въ Барберинскомъ код. изображенъ лучъ свѣта, идущій отъ Христа и заставляющій корчиться «адъ», изображенный въ видѣ Силена, отъ котораго улетаетъ по лучу освобожденная маленькая мужская фигура души Лазаря). Любопытна также символическая миниатюра, представляющая Закхей на деревѣ, жену истекающую кровью и блудницу къ пс. 84. Въ словахъ пс. 38: вкусите и видите — чудо насыщенія пяти тысячъ. Крещеніе XXVIII, 3 (въ углич. 73) изображено въ Барбер. съ убѣгающимъ Іорданомъ; оно же къ пс. CIII, гдѣ выраженіе «море побѣже» послужило мотивомъ для извѣстнаго перевода этого сюжета съ моремъ и Іорданомъ разбѣгающимися ¹⁾, и къ пс. 73, словамъ: «ты стерлъ еси главу змѣвъ» — въ водѣ змѣй въ крови; изъ Богородичныхъ праздниковъ встрѣчаемъ Благовѣщеніе къ XLIV, 3, Введеніе — XLIV, 15; любопытную миниатюру сцены, именуемой Цѣлованіе Елисаветы къ LXXXIV, 11: «милость и истина срѣтятся», гдѣ надъ домами видны маленькія фигуры Христа и Іоанна Младенцевъ, также привѣтствующихъ другъ друга—очевидно, оригиналъ употребительнаго позднѣе перевода ²⁾. Подобный же прототипъ изображенія иконописнаго Богородицы съ Младенцемъ къ пс. 94, 1, гдѣ самыя слова: «отрыгну сердце мое» сдѣлались заглавіемъ иконы. Церковно-историческихъ сюжетовъ находимъ сравнительно мало, что объясняется содержаніемъ псалмовъ (XVIII, 4: Апостолы проповѣдующіе на тронахъ различнымъ народностямъ; XXVI, 12: исторія оклеветанія женщиною Григорія Богослова, внесенная сюда помимо толковниковъ; XXXIII, 6, 7 Григорій изгоняетъ Арія; XXXIV,

¹⁾ Рис. изъ Углич. Псалт. въ Истор. Очер. пров. Буслаява, т. II къ стр. 205.

²⁾ Рисунки и объясненіе въ ст. Пипера: Joh. der Täufer in griech. Kunstvorstellungen, Evangel. Kal. 1867 стр. 63.

1. Григорій приводитъ къ Христу Тиридата. LXVIII, 30: Симонъ хиротонизуетъ двѣ фигуры, принимая отъ нихъ золото; изъ ихъ волосъ брызжетъ огонь, а сзади него дьяволъ съ чернымъ мѣриломъ. XCIV, 5: Траянъ съ воинами на террасѣ дома, ниже темницы съ заключенными Петромъ и Павломъ; еще ниже ровъ, гдѣ львы терзаютъ Святителя. Наиболее интересные сюжеты относятся къ исторіи иконоборства: въ XXV, 3 миниатюристъ изображаетъ Патріарха Никифора и Преподобнаго, держащихъ иконы; далѣе Преподобный обличаетъ лже-патріарха и иконоборцевъ; иконоборческіе епископы изображены съ руками и одеждою въ крови; подъ общимъ именемъ Преподобнаго (*σσιος πῆρ*) разумеется, конечно, Св. Ѳеодоръ Студитъ. Къ LXVIII, 27 известное изображеніе иконоборцевъ, ругающихся надъ иконами Христа, которую они сожигаютъ въ варѣ сосуда. Рядомъ Распятіе — образъ Христа первообраза, вновь поругаемаго въ Его образѣ, какъ говорили современные писатели.

Но для исторіи христіанскихъ художественныхъ идей важнѣйшій отдѣлъ рисунковъ Лицевой Псалтыри представляютъ миниатюры *символическаго* характера съ различнымъ содержаніемъ, и именно этою стороною Лицевая Псалтырь происходитъ изъ эпохи предшествующей, и ею сообщается общій основной тонъ всей иллюстраціи. Въ этой символической манерѣ выразилось общее отношеніе къ религіи въ древне-христіанскомъ мірѣ; это была та могущественная античная форма, развитіемъ которой жило его искусство; подъ оболочкою символа пріучилось оно постигать всѣ идеи христіанства. Въ то же время лирической и образный языкъ Псалтыри какъ нельзя болѣе соответствовалъ этой формѣ, и потому Лицевая Псалтырь дала иконописи наиболее обильный запасъ символическихъ изображеній. Въствѣ съ тѣмъ этотъ символизмъ былъ удѣломъ высшаго духовнаго и религіознаго развитія, и его замѣна (см. анализъ рукописи Ват. Библ. № 752) пустымъ и дѣтскимъ натурализмомъ была паденіемъ искусства.

Изъ множества символическимъ иллюстрацій возьмемъ наиболѣе любопытныя, раздѣливъ ихъ на сцены и отдѣльныя изображенія. Пс. XXI, 13: Христосъ изображенъ сидящимъ на

горѣ, которую обступили волны свирѣпыя, одна фигура человѣческая, въ хламидѣ знатнаго вельможи, но съ рогами; это изображеніе иллюстрируетъ толкованія Евсевія, Симмаха, Аквилы и др., образно представляя Христа на судѣ человѣческомъ, волны— это судьи (и грѣшники изображены рогатыми въ углич Пс. въ пс. 74), а гора — гора Васанская, Божія. Эта гора вмѣстѣ и Сіонъ, который представляется или въ видѣ высокой башни, въ окнѣ которой виденъ Христосъ: LXIV, 2, или же въ видѣ скалистой горы, на которой домъ съ Богородицею и Младенцемъ: LXXVII, 68—70 или же съ иконою знаменія: LXVII, 16; подъ горою изображаются Давидъ, Іеремія, Іезекиль, Даніиль или даже Самуиль, помазующій Давида или же самъ Христосъ стоитъ передъ зданіемъ на Сіонѣ, а въ окнѣ видна царица Сіона, и гора эта утверждена надъ адомъ съ низверженнымъ діаволомъ въ пс. CI, 17. Эта же гора становится и тою скалою, изъ которой Моисей извелъ воду въ пустынѣ, ибо на ней въ сценѣ изведенія изображенъ въ пс. LXXX, 11 сидящимъ самъ Христосъ, а надпись въ Лонд. рукописи говоритъ: ἡ δὲ πέτρα ἦν ὁ Χς; мысль ¹⁾ Θ. И. Буславя, что этою сценою опровергается наглядно мнѣніе извѣстнаго Де-Росси о символическомъ отождествленіи Петра и Моисея, совершенно вѣрна и подтверждается самою надписью. Любопытна также миниатюра въ пс. XCI, 11 положившая начало извѣстному сюжету въ иконописи, какъ греческой, такъ впоследствии, съ XII и XIII стол., и западной ²⁾: единорогъ (спасшійся отъ стрѣлки, чего здѣсь не изображено, ради символическаго со-

¹⁾ См. Вѣстникъ Общ. Древне-Рус. иск. узн. корреспонденція изъ Рима, стр. 70. Въ Константинополѣ при Комненахъ существовалъ монастырь «Петра» (Дю-Канж не упоминаетъ), такъ называвшійся. м. б., какъ скала, съ которой воды текутъ на спасеніе пьющихъ: въ основу положена также аллегорія. Еще еп. Паулинъ ер. ad. Sev. XII. замѣчаетъ, что эта скала-Церковь; припомнимъ, наконецъ, скалу съ 4 изливающимися рѣками и Агнцемъ на ней стоящимъ въ мозаикахъ.

²⁾ См. Пилера въ Evang. Kalender за 1859 стр. 35 сл., гдѣ авторъ указываетъ появленіе самаго сказанія въ миниатюрѣ VII вѣка, на толкованіе же символа какъ Христа. послѣднаго Богомъ и вочеловѣчившагося черезъ Даву, только въ епископѣ XI вѣка. Повторено въ компилятивномъ соч. Крауса Die chr. Kunst. 1873, въ приложеніи.

держанія) ставитъ на лоно Дѣвы ногу свою; вверху икона Знаменія, а внизу I. Златоустъ пророчествуетъ о Дѣвѣ; рогъ звѣря «вознесенъ», т. е. представленъ очень длиннымъ. Подобнаго же характера изображеніе оленя у источника, св. Евстаѳія, преслѣдующаго оленя съ иконою между рогъ (въ Хлудов. пс. $\phi\acute{o}\varsigma \delta \chi\zeta \epsilon\acute{\iota}\varsigma \tau\acute{o}\nu \acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\nu\sigma \text{ Пѣтров}$ и пр.). Древнѣйшаго происхожденія приращеніе Апостоловъ Христомъ съ Мельхиседекомъ къ пс. СХ, 5. Особеннаго вниманія заслуживаетъ миниатюра, иллюстрирующая къ пс. СХLIII, 4 притчу о единорогѣ, преслѣдовавшемъ человѣка, двухъ мышахъ: бѣлой и черной, грызшихъ дерево, на которомъ онъ спасся и стерегшемъ его паденіе драконъ: извѣстно, какую важную роль играла эта притча, какъ изображеніе суетности и ничтожности жизни человѣческой съ ея прелестями въ поучительныхъ изображеніяхъ въ средніе вѣка ¹⁾). Наконецъ многія изображенія изъ Новаго Завѣта представлены съ особыми символическими деталями: напр. подъ Благовѣщеніемъ помѣщается Гедеонъ; сцена съ Самаритянкою носитъ надпись, называющую Христа источникомъ жизни; сцена съ Закхеемъ LIX, 7 сопровождается фигурами истекавшей кровью и блудницы и пр.

Отдѣльныя иллюстраціи символическаго характера показываютъ еще болѣе античный характеръ и представляютъ или протыя олицетворенія, или вновь сочиненные символы. Замѣчательно, что олицетворенія и встрѣчаются по преимуществу въ сценахъ съ символическимъ содержаніемъ. Пс. I называетъ древо, посаженное у потока водъ; иллюстраторъ изображаетъ его со множествомъ плодовъ, какъ древо райское, по толкованію Хризостома; потокъ представленъ въ видѣ двухъ рѣкъ сливающихся, потому что это Іоръ и Данъ, рѣки райскія; онѣ имѣютъ видъ двухъ фигуръ съ урнами, опоясанныхъ лишь по чресламъ: одна молодая, другая бородатая ²⁾), въ шапкѣ съ золотыми рогами, воспо-

¹⁾ Литература извѣстнаго барельева Пармскаго баптистерія указана у Шнаазе, *Gesch. d. bild. Kunst* VIII, 262 прим. См. также статью прое. Буслаева въ Сбор. Общ. древне-рус. иск. за 1866 г., стр. 80—83.

²⁾ См. изображеніе изъ Гомидій Іакова Vat. 1162. Также въ Псал. Углич.; прое. Буслаева Очерки, т. II, рис. 6.

минаніе египетскихъ идоловъ. «Нечестивые, развѣваемые вѣтромъ» пс. I: юноша-вѣтеръ дуетъ въ большую трубу. VIII, 7: среди звѣрей, львовъ и пр. юная женская фигура съ длинною лавровою вѣтвью, перевязанной красными шнурами и въ коронѣ, изображаетъ Еву, владычицу земли. Въ Слав. Псал. Хлудова есть фигура, олицетворяющая пророчество въ скорбной задумчивости о Страстяхъ Христовыхъ²⁾. Аллегоріи — этотъ превращенный видъ символизма — являются въ Лицевой Псалтыри по большей части въ зависимости отъ буквеннаго иллюстрированія текста, а также отъ привязанности къ притчѣ. Къ пс. V истина, улетающая съ земли, изображается въ видѣ человѣческой фигурки, поднявшейся изъ устъ двухъ человѣкъ и возносящейся ко Христу¹⁾. Стремленіе души къ Богу представляется въ видѣ оленя, стремящагося къ источнику водному. Иногда подобныя аллегоріи тѣсно связываются съ буквальнымъ воспроизведеніемъ мѣста: такъ напр. въ Слав. Псал. г. Хлудова²⁾ мѣсто псалма 129: «изъ глубины воззвахъ къ тебѣ, Господи» изображается такъ: передъ темнымъ вертепомъ, изъ котораго онъ вышелъ, стоитъ Адамъ колѣнопреклоненный и воздѣвъ руки; этотъ вертепъ — жилище перваго человѣка и первое вмѣстелище Богочеловѣка — очень знаменательная подробность.

Въ кодексахъ Варберинскомъ и особенно Лондонскомъ играютъ важнѣйшую роль иллюстраціи *лирико-поучительныя*, которыхъ содержаніе, заимствованное непосредственно изъ жизни обывденной, а равно и духовно-монашеской, направлено къ прямому наставленію читателя простаго, нуждающагося въ обильной проповѣди и непосредственномъ поученіи. Ихъ основаніе дано въ высшей поучительной литературѣ VIII и IX вѣка: назовемъ I. Дамаскина, Германа, Андрея Критскаго: Герману принадлежитъ Гомилія о концѣ жизни, Андрею — Гомилія о жизни человѣ-

¹⁾ Въ ст. Арх. Амеллохія Древности т. III, стр. 9, за № 16.

²⁾ Тоже, въ Углич. Псал. къ тексту: «Нѣсть въ устнѣхъ» и т. д., но тамъ-же и продолженіе текста: гробъ отвереть гортани ихъ: внизу изображенъ самый гробъ. Прое. Бусл. ib. стр. 203.

³⁾ Въ Ст. Арх. Амеллохія ib. стр. 22, № 99.

чешвой и смерти, также о мытарѣ и Фарисеѣ и пр.¹⁾), обильно черпающія изъ Псалмовъ или даже ихъ перифразирующія; слова о добродѣтеляхъ и порокахъ учениковъ I. Дамаскина: Антонія Пчелы, Θ. Абухара и пр.²⁾).

Начальная миниатюра изображаетъ напр. (въ Лонд. ркп.) «совѣтъ нечестивыхъ» въ видѣ свѣтскаго собранія: на богатомъ вреслѣ женщина сидитъ посреди двухъ юношей, но позади ихъ ждутъ жертвы два черта; такъ передано толкованіе Василия Великаго, которое говоритъ о пути сладострастія, о собраніи развратныхъ; въ Барбер. код. миниатюра изображаетъ трехъ уговаривающихся еретиковъ. Далѣе находимъ множество миниатюръ, изображающихъ праведника *δικαιος*, преслѣдуемаго нечестивыми (*ἀσεβείς*), они стрѣляютъ въ него, онъ же молится образу; или XI, 4: ангелъ рветъ языкъ нечестивому; ангелы гонятъ грѣшниковъ, но Христосъ ихъ принимаетъ; нераскаленныхъ грѣшниковъ попадаетъ огонь; сатана заключаетъ ихъ въ свои объятія (пс. IX, 18) и пр. Лонд. рукопись наполнена затѣмъ миниатюрами особаго сложенія, въ которомъ легко усмотрѣть позднѣйшіе принципы монашества, ставшіе на первый планъ: ихъ задача прославленіе милостины и поощреніе милосердія въ разнообразнѣйшихъ фактахъ этого скуднаго сюжета, надъ которыми изошрялось остроуміе рисовальщика. IX, 19: ангелъ беретъ подъ свою защиту нищаго; IX, 29: нищаго хватаетъ волкъ; XIII, 6: богатый прогоняетъ бѣдняка палкой, а Христосъ беретъ его за руку; XXI, 27: Іоаннъ Милостивый раздаетъ нищимъ деньги; XXXIII, 11: люди, для которыхъ нѣтъ скудости» — монахи»; XXXVI, 22: «милостивый» (или въ Барбер. *ἐλεημοσύνη* — милосердіе) раздаетъ деньги, а изъ вѣнца его растутъ колосья и вѣтви. Сюда же относятся всѣ изображенія благочестія (LXX, 9: *επαλαϊός γέρων* съ ангеломъ), кончины праведника и грѣшника, беззаконныхъ *ἀνομοί*; идолопоклонниковъ: пс. CV, 38: отецъ приноситъ въ жертву дочь (не память-ли объ Ифигеніи) а про-

¹⁾ Patrol. gr., t. 97, 98. Гомилія Андрея составлена по Псалт. и Эклизіасту, полна экстаза и аффектированныхъ мѣстъ: человекъ есть дѣвѣ одноплеменный, тѣнь бѣгущая, образъ Божій и животное и пр.

²⁾ Fabricius, Biblg. г. т. IX, стр. 744, X стр. 367.

литую кровь поглощаетъ идолъ на колонкѣ въ видѣ дьявола; здѣсь же начало и всѣмъ поучительнымъ изображеніямъ искушений: Антонія CVIII, 24, образъ пренебреженія прелестей міра и спасеніе отъ гибели. Молитва въ видѣ Адама, Моисея, Аарона и Самуила, слава Божія во Святыхъ; мученики; точно также изображенія ангеловъ, демоновъ, дивихъ грѣшниковъ, праведниковъ, людей съ крестами, и пр. служатъ обычными фигурными приѣмами для выраженія отвлеченныхъ мыслей.

Иллюстраціи предметовъ, слѣдующаго бѣдственному для искусства направленію, сочиняются въ Лиц. Псал. по бѣдному шаблону и рѣдко представляютъ какой либо интересъ; живописецъ изображаетъ буквально врата небесныя, Ковчегъ Завета, лозу виноградную, идоловъ; мѣстами онъ примыкаетъ къ лирическимъ и поучительнымъ, мѣстами же и къ символическимъ изображеніямъ Любопытнѣе другихъ тѣ, которыя взяты изъ древнѣйшихъ лицевыхъ рукописей: изъ Космы взято изображеніе захода солнца за гору — *δβσς* къ пс. XLIX, 3, солнце въ видѣ бычьей головы ¹⁾ LXXVII, 14: сзади Моисея въ Исходѣ идетъ день *ἡμέρα* — женская фигура въ изукрашенномъ хитонѣ и нимбѣ. Антиподы изъ Космы къ пс. CIII, 8; вселенная оттуда же, CI, 26; идолъ Венеры, держащейся за сосцы къ XCV, 5. Подобнаго рода античныя изображенія солнца, рѣкъ; къ LVII, 8: врачъ прыскаетъ водою въ пасть змѣи ²⁾. Къ словамъ «ты перешлавишь насъ» двѣ фигуры влириковъ (*αἰαντες*) (*πάπαδες*) въ голубомъ и розовомъ подирѣ съ молотками. Грубѣйшая мазня изображаетъ мучениковъ и различныя дѣтскія иллюстраціи — сцены мученичества.

Рукопись Брит. Музея предлагаетъ, наконецъ, особый рядъ миниатюръ, которыя, принадлежа по характеру или назначенію своему къ поучительно-лирическимъ изображеніямъ, представляютъ отдѣльныхъ Святыхъ, порознь или въ группахъ, почти къ каждому псалму, гдѣ только позволялъ это текстъ. И въ

¹⁾ См. иллюстрацію Космы въ Очеркахъ пров. Буслаева, II, стр. 206, рис. 15: «убываніе солнцу луча».

²⁾ Углич. Псал., соч. Пр. Буслаева, ib. рис. 12.

этомъ отдѣлѣ мы легко можемъ прослѣдить тотъ народный характеръ, который направляетъ монашеское книжное знаніе. Пс. IV, 4: «Господь хранить дивно святаго свдего»: изображенъ столпникъ (есть и въ Хлуд. рукописи), онъ же служить далѣе XXIV, выраженіемъ беззавѣтнаго христіанскаго самоотреченія. Пс. VI, XIX, 1 праведникъ, обращающійся къ Богу, представляется въ видѣ Василя Вел. за аналоемъ со свѣчемъ, или молящагося. Пс. XV, 3 упоминаетъ «святыхъ на землѣ»: толковники единогласно указываютъ на Апостоловъ, какъ на непосредственныхъ наслѣдователей Господа на землѣ; для иллюстратора это три главнѣйшіе святители церкви греческой, и отчасти Солуньской области: Григорій Богословъ, Димитрій и Георгій; еще чаще является Златоустъ, пользовавшійся особымъ почитаніемъ ученаго монашества, также XVI, 7: это св. Аванасій, XXI, 2—Харитонъ, затѣмъ Алипій, Аверкій, Артемій, Авксентій, Арсеній, Амфилохій, Алексій Божій человекъ, CX, 3: Онуфрій, Даніилъ и Пантелѣй и пр., при чемъ въ выборѣ, повидимому, руководились столько же почитаніемъ мѣстныхъ святыхъ, сколько и благочестивымъ стараніемъ почитать всѣхъ святыхъ по алфавиту. Въ русской редакціи къ пс. 91 встрѣчаемъ часто ведиваго Онуфрія «яко финицкъ» среди пальмъ на горѣ, въ которой также течетъ рѣка, какъ новый источникъ, подобный чудесной водѣ Моисея въ пустынѣ; также изображается и Павелъ Ѡнвейскій пустыжникъ, а къ пс. 103 прямо изображены ручьи, текущіе съ горъ, какъ символическая подробность.

Непосредственнымъ доказательствомъ того, что разсмотрѣнныя нами рукописи Лицевой Псалтыри представляютъ самые замѣчательные и чистые образцы древне-христіанскаго символизма, развитаго Византіей и легшаго въ основу иконописи какъ общій философскій взглядъ, служитъ появленіе уже въ XI вѣкѣ такихъ иллюстрацій Псалтыри, въ которыхъ пустая, безцвѣтная манера покинуть образцы VII—IX вѣка показываетъ полную неспособность создать что либо новое въ прежнемъ направленіи. Подобную пустоту сюжетовъ, въ которой, кромѣ обычныхъ приемовъ буквальной иллюстраціи, нѣтъ никакой работы мысли, никакихъ и-

дей, и только игра внѣшнимъ символизмомъ, не идущимъ далѣе надписей (напр. миниатюристъ, изобразивъ Давидъ пастухомъ, надписываетъ: ποιῦν καὶ τῶν ἀνδρώπων) да немногихъ аллегорій, встрѣчаемъ въ любопытномъ кодексѣ Ватиканской Библіотеки за № 752. Этотъ кодексъ въ двухъ томахъ въ л., всего 976 листовъ, напоминая чрезвычайно извѣстный Октоевехъ той же библіотеки, наполненъ миниатюрами и остался, однакоже, неизвѣстенъ всѣмъ изслѣдователямъ, доселѣ изучавшимъ миниатюры ея. Но какое горькое разочарованіе готовитъ рукопись тому, кто, судя по ея первому виду, увлечется надеждою встрѣтить интересное содержаніе! Рукопись можетъ быть опредѣлена приблизительно даже по времени, потому что расчисленіе Пасхи и прочихъ праздниковъ въ началѣ ея, въ 32 медальонахъ на 4 листахъ начинается съ 6567 года, т. е. 1059 года по Р. Хр. И по стилю рукопись очень близка къ Октоевеху; фигуры миловидны, отлично рисованы свѣтлыми красками; композиціи сложны и довольно искусны; миниатюрность размѣровъ иныхъ соперничаетъ съ Евангеліями. Какъ въ позднѣйшее время въ русскихъ Псалтыряхъ, такъ и здѣсь наиболѣе многочисленный отдѣлъ сюжетовъ изображаетъ Давида молящагося, поющаго, или изрекающаго пророчество; иногда кающагося царя принимаетъ Христось, причемъ Архангелъ представляетъ его какъ заступникъ; еще больше миниатюръ изъ жизни Давида; наоборотъ, сравнительно немного сценъ аллегорическихъ, въ которыхъ участвуетъ Давидъ: таковы: собесѣдованія Давида съ толковниками, Св. Сильвестромъ и пр.; причащеніе Давида отъ рукъ Святителя; сослуженіе его передъ алтаремъ и пр. Символическія сцены явленія Христа слѣдуютъ различнымъ подробностямъ богословскихъ толкованій, напр. при поученіи народа Писанію сынами Кореевыми присутствуетъ Христось, или Онъ самъ читаетъ Свящ. Писаніе, или-же Онъ креститъ Іудеевъ⁽¹⁾ что обозначено и надписью, въ высокой мраморной купели и пр. Оригинальныхъ сюжетовъ въ этой массѣ миниатюръ немного: выходная первая миниатюра (πρῶτα εἰς Δαὶδ τὸν προφήτην) представляетъ Давида играющаго на скрипкѣ¹⁾, около него музицирующія

Псал. Ват.
№ 752.

¹⁾ А не на лирѣ; тотъ же инструментъ, но по ширинѣ близкій къ

фигуры; Гоасафъ возлагаетъ вѣнцы на Мудрость и Пророчество (ср. ниже мин. Пар. Пс. № 139). Христосъ на престолахъ Славы, въ золотыхъ одеждахъ, окруженный ангелами, ниже гетимасія съ надписью *ἡ δευτέρη παρούσα* посреди святителей: переводъ Второго Пришествія, который окончательно подтверждаетъ мысль Дюрана ¹⁾, что изображеніе престола, уготованнаго на землѣ, имѣетъ символическое значеніе представленія Страшнаго Суда. Странная аф-фектированная миниатюра представляетъ Христа, который обни-жаетъ излѣчившихся отъ демоновъ. Другая миниатюра Страшнаго Суда воспроизводитъ описанный рисунокъ изъ Космы Индикопло-ва: Христосъ «подъ облаками» въ мидалевидной глоріи, кру-гомъ іерархи, Евангелисты, а ниже Адамъ и Ева по краямъ ад-ской горы, и жертвы, поднимающіеся изъ гробовъ; ихъ саваны цвѣт-ные, какъ покрывала у невьсть. Изъ олицетвореній любопытна фигура *ἀπαλλαγῆ* освобожденія послѣ покаянія.

Но существенная сторона иллюстрацій Лицевой Псалтыри— символическія параллели перешли и въ позднѣйшіе кодексы, напр. латинскіе XII и XIII вѣковъ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ — богато украшенный кодексъ Псалтыри т. назыв. Эгертона въ Брит. Музеѣ за № 1139, писанный въ Іерусалимѣ для Ме-лизенды, дочери короля Балдуина, содержитъ въ себѣ болѣе 20 большихъ миниатюръ, иллюстрирующихъ весь Новый Заветъ, отъ Благовѣщенія до Успенія Богоматери и Славы Господней, въ ви-зантійскомъ иконописномъ типѣ. Выходною же миниатюрою служитъ притча: «нагъ былъ, и одѣли меня» и пр. Другая лат. Толковая Псалтырь въ Ватиканской библиотекѣ въ Римѣ, за № Е. 24 XII или XIII вѣка, также содержащая пѣсни, символъ вѣры, святцы и пр., кромѣ обычныхъ выходныхъ миниатюръ съ Дави-домъ поющимъ Псалмы и сочиняющимъ, даетъ изображенія: Спа-сителя міра въ славѣ, съ Евангелистами, благословляющаго *по иречески*, и затѣмъ къ Псалмамъ: сцену Тайной Вечери, Воскресе-нія въ формѣ Сошествія во адъ, агнца и др., въ византійскомъ стилѣ.

Брит. Муз.
Псал. Лат.
№ 1139.

Псал. Ватик.
Библиот. въ Римѣ,
Е. 24.

гитарѣ, на выходной мин. Слав. Псал. Хлудова, см. 1 рис. къ Описанію Арх. Амеллохія I. с.

¹⁾ Durand, Paul. Étude sur l'etymasia. 1860.

Если въ основѣ лицевой Псалтыри мы имѣемъ наиболѣе яркій образецъ продолжительнаго сохраненія всѣхъ формъ и свойствъ античнаго искусства, воспринятыхъ миниатюрою въ первый періодъ развитія византійскаго искусства, то анализъ позднѣйшихъ ея кодексовъ показалъ, что античный характеръ ограничивался въ нихъ почти исключительно извѣстными сторонами представленія и только слегка проявлялся въ удержаніи оттѣнковъ древнѣйшей манеры. Между тѣмъ всякій періодъ искусства характеризуется, прежде всего, художественной формою, и манера представленія, будучи болѣе устойчивою и менѣе чувствительною къ вліяніямъ времени, не можетъ служить къ полному опредѣленію эпохи. Мы найдемъ и въ слѣдующемъ періодѣ византійской миниатюры много античнаго элемента въ замыслѣ, идеяхъ, повтореніи завѣтныхъ приемовъ и композицій (см. описаніе рел. Ватиканскаго Октотевха), исполненныхъ въ стилѣ поздневизантійскомъ. Поэтому анализъ художественнаго движенія въ описанную нами эпоху будетъ не полонъ, если мы не рассмотримъ ея связей съ слѣдующимъ періодомъ по самымъ свойствамъ художественной формы или стилю.

Между многими греческими лицевыми рукописями IX вѣка мы могли бы выбрать нѣсколько отвѣчающихъ подобной цѣли: Парижскую Псалтырь № 139 Ваагенъ относитъ къ античному искусству, равно какъ исключаетъ и другія рукописи изъ области искусства византійскаго, другіе указываютъ на Парижскій кодексъ Григорія В. и пр. Но счастливая случайность сохранила намъ и одну рукопись VIII — IX вѣка, удовлетворяющую вполнѣ нашей задачѣ: отрывокъ *Четвероевангелія* Имп. Публ. Библиотеки № 21 ¹⁾; весь характеръ уставнаго письма, отсутствіе заглавныхъ буквъ указываетъ на VII-е или VIII-е стол.; богатство и монументальность иллюстраціи, покрывающей страницы рукописи фигурами крупныхъ разиѣровъ напоминаетъ рел. Космы; съ другой стороны, каждая миниатюра представляетъ отдѣльную картину, окружена рамкою съ гирляндами и другими

Рел. Имп.
Публ. Библ.
№ 21.

¹⁾ Въ листѣ. Описаніе см. въ Catalogue des mss. grecs de la Bibl. Imp. Publ. St. P. 1864.

орнаментами, какъ дѣлается въ X, XI вѣкахъ. Формы тѣла, наперъ его представленія чрезвычайно близки къ Евангелію Рабули, даже контуры часто обрисовываются черною краскою; волосы дѣлаются бѣлокурными или пепельными, а у Христа черноватыми, и самый типъ Христа аскетическою суровостью напоминаетъ близко строгій образъ изъ ркп. Космц. Въ то же самое время миниатюры нашей рукописи по всему стилю представляютъ безусловный византизмъ, какъ онъ сложился въ IX и X вѣкахъ: узаконенные типы съ явнымъ выраженіемъ фізіономіи, даже крайняя худоба оконечностей, условность драпировки въ большихъ изображеніяхъ трехъ Евангелистовъ, представленнхъ уже за аналогомъ съ Евангеліями и свитками въ глубокой задумчивости. То же говорятъ самыя краски, господство голубой и розовой, вся манера иллюминировки густою гуашью, скрывшей подмалевку. Главное же вниманіе останавливаетъ на себѣ композиція сюжетовъ, данныхъ въ форітѣ переводовъ столь извѣстныхъ въ иконописи X — XI ¹⁾). Такъ первая миниатюра, изображающая Анастасію подъ видомъ Сочествія въ адѣ представляетъ не только всѣ формы этой композиціи: Христа, стоящаго на поверженномъ сатанѣ и извлекающаго Адама и Еву, но и извѣстную группу предстоящихъ слѣва: Давида, Соломона и другихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ; древность миниатюры выдается лишь желтыми табліонами на царскихъ хламидахъ. Того же типичнаго рисунка миниатюры изображающія: умовеніе ногъ, гдѣ всѣ Апостолы одѣты въ пепельно-голубые гиматіи, а Христосъ поверхъ антично-пурпурнаго гиматія имѣетъ бѣлый передникъ; ангела, возвѣщающаго Воскресеніе; явленіе двумъ женамъ *χαίρετε*; послѣднее благословеніе Апостоламъ — *ἡ προ...* (*σὺνῆσις*), въ которомъ Христосъ стоитъ на подножіи среди преклоняющихся 12 Апо-

¹⁾ Лучшій комментарий къ нимъ находимъ въ рѣчи І. Дамаскина въ защиту иконъ, *Patrol. gr.* т. 95, стр. 314, гдѣ онъ высчитываетъ евангельскіе сюжеты, изображаемые въ его время на иконахъ: Воскресеніе — Христосъ въ адѣ освобождающій Адама, Рождество съ обстановкою миниатюръ и пр. Также описываетъ любопытную икону Ветхаго Завѣта отъ Адама до Рождества.

столовъ ¹⁾ въ пышной манерѣ лицевныхъ Евангелій XI вѣка; Преображеніе (сохранился только низъ), представленное какъ картина съ темнымъ фономъ скалъ, и другія. Напротивъ того, нѣкоторыя изъ миниатюръ сохранили древнѣйшіе переводы или черты композиціи простой и свободной, таковъ напр. рисунокъ сцены брака въ Канѣ $\delta \gamma \alpha \mu \omicron \varsigma$: за столами, расположенными триklinиємъ, возлежать различныя лица, а Христосъ на концѣ сидя бесѣдуетъ съ Матерью; ниже Онъ же совершаетъ чудо превращенія ²⁾, прикасаясь къ большимъ сосудамъ жезломъ своимъ, какъ геній чудотворецъ античнаго міра; потому же Онъ изображенъ здѣсь и юнымъ, съ легкою опушающею бородкою; и типы присутствующихъ слугъ, и ихъ костюмы античны, а на груди ихъ хитоновъ еще идутъ двѣ полосы до груди, какъ въ Вѣн. Бытіи. Въ явленіи Христа ученикамъ (Θωινο невѣριε) на ряду съ скудостью и черствостью византійскихъ позднихъ типовъ, схематическою драпировкою мы находимъ вполне античную моделировку, сильное выраженіе морщинистыхъ лицъ и оживленныя группы. Въ Тайной Вечерѣ, интересной по близости своей композиціи съ мозаикою св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, видимъ Христа, возлежащаго слѣва и Іуду сидящаго справа; одною рукою онъ прикасается къ чашѣ съ двумя рыбами, а другую подноситъ ко рту; при этомъ всѣ Апостолы протягиваютъ руки къ Христу, и эта манера выраженія ихъ протеста гораздо живѣе того обычнаго приема, когда фигуры Апостоловъ представлены сгруппированными попарно и обернувшимися другъ къ другу.

IV.

Итакъ, первый періодъ византійскаго искусства, слагался изъ эпохи собственнаго процвѣтанія и смутнаго времени искусства,

¹⁾ Сличь древнехристіанскій переводъ этого сюжета, известный подъ названіемъ: *Christus legem dat*, и позднѣйшій, гдѣ группы Апостоловъ изображаются расходящимися на проповѣдь: мозаика трибуны въ триклиніи Льва въ Латеранѣ, нынѣ копія. Рис. въ соч. *Allemani, de Lateranensibus parietinis gestituendis*.

²⁾ Замѣчательное сходство миниатюры съ рельефомъ на переплетѣ ограда Миланскаго Евангелія VI вѣка. изд. Арундел. Общ. въ слѣпкѣ. См. въ изд. *Rohault de F. l. c. pl. 3:—38*: снимки съ саркофаговъ, двери Сабинны, риз. X в. и пр.

представляетъ самъ по себѣ нѣчто цѣлое и характеръ, проведенный на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мысли и формы, въ этотъ періодъ созданныя, питали искусство эпохъ послѣдующихъ, переходя далѣе вмѣстѣ съ тѣми художественными сферами, въ которыхъ онѣ появились. Античная красота формы и глубокой смыслъ символическаго содержанія отличаютъ собою это искусство во всѣхъ его произведеніяхъ, до простѣйшей лицевой рукописи, идущей совместно, не отдѣляя парадныхъ иллюстрацій, изготовленныхъ для императорскаго двора, и убогихъ, но глубокомысленныхъ рисунковъ восточнаго монаха. Какъ ни губительно дѣйствовали смутныя времена, этотъ характеръ искусства продолжалъ бы существовать, если бы наступленіе блестящаго политическаго состоянія Имперіи не вызвало вновь оживленія искусства въ концѣ IX вѣка и не положило такимъ образомъ основанія новому періоду, который можно бы назвать *періодомъ вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства и миниатюры*.

Какъ и первый періодъ, онъ продолжается три столѣтія: съ конца IX по конецъ XII в.; его начало—эпоха блестящаго состоянія миниатюры, въ концѣ его наступаетъ паденіе, ведущее въ окончательному разложенію художественныхъ формъ въ теченіе XIII—XIV вѣковъ.

Блестящее состояніе искусства въ этотъ періодъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ политическимъ процвѣтаніемъ Имперіи, и какъ она сама въ эту эпоху, переставъ быть римскою или всемірною, становится византійскою, такъ и искусство специализуется въ своемъ характерѣ и возводитъ мѣстныя свои отличія въ основной принципъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ процвѣтаніе самаго центра, ядра Имперіи въ этомъ періодѣ разливаешь благосостояніе и на окраины ея, и блескъ художествъ Византіи распространяется на области Малой Азіи и острова Средиземнаго моря, въ Калабрію и Сицилію, а въ концѣ періода въ Венецію и по всему Западу; но во всѣ эти мѣстности искусство является уже готовымъ, окончательно сложившимся; его содержаніе отлилось въ столь прочныя формы, что не принимало уже въ себя ничего извнѣ и не допускало вліяній мѣстныхъ и племенныхъ. Но именно въ силу такой

отвлеченности искусство византийское и получило характеръ общегонности для самыхъ разнообразныхъ народностей, входившихъ въ составъ Имперіи, или ее окружавшихъ. Миниатюры цареградскихъ рисовальщиковъ служили колодкой не только во всей Имперіи, но и въ отдаленной Грузіи и Арменіи, и развѣ только глухія мѣстности Сиріи и Египта еще хранили свой народный характеръ. Благодаря этой же способности къ безусловно-систематическому обобщенію, византийское искусство воспринимало въ эту эпоху и различныя могущественныя восточныя вліянія, не потерпѣвъ отъ того существенныхъ перемѣнъ. Основной тонъ и направленіе давали отнынѣ дворъ и многочисленныя монастыри Константинополя; гораздо позднѣе начинается дѣятельность Аѳона; мозаики Сициліи, Неаполитанской области, Марка въ Венеціи и Юста въ Триестѣ перенимались съ рисунковъ, исполненныхъ въ самомъ Константинополѣ: вся техника ихъ почти безусловно тождественна и мелкія отличія обуславливаются лишь мѣстными особенностями техники или же ея богатствомъ. Главнѣйшее вниманіе обращалось на усовершенствованіе техники различныхъ художественныхъ производствъ, и согласно съ общимъ направленіемъ, между ними разрабатывались наиболѣе блестящія: мозаика, эмаль, миниатюра. Техника этой послѣдней дошла до той степени совершенства, до какой она доходила лишь въ XVI вѣкѣ подъ руками знаменитаго Кловіо. Густая гуашь накладывалась толстыми слоями, на подобіе эмали; ея быстрое высыханіе не дозволяло никакихъ поправокъ и требовало отъ художника опытности и полного владѣнія всѣми художественными средствами. Миниатюра исполнялась самыми свѣтлыми красками, и самая тонкая моделировка дробила краску на множество тоновъ, повсюду рождая нѣжные переходы и гармоническое сліяніе; никогда краска не имѣла столь первенствующаго значенія, и ей въ жертву приносились самыя идеи и характеры; художникъ, казалось, представлялъ себѣ все въ розовомъ цвѣтѣ и лазурномъ сіяніи; все высокое, великое покрывалось для него пурпуромъ; нѣжный карминъ выдѣлялъ детали, а самая картина была заткана тонкимъ флеромъ полутоновъ. Смягченный нѣжными красками и дрожашею

лазурною дымкою скалистый пейзаж Восточнаго моря становится неизмѣннымъ фономъ картины. Въ иззубренныхъ линияхъ его утесовъ и тонкомъ рисункѣ различныхъ ползущихъ растений, богатныхъ и пестрыхъ коврахъ устлавшихъ почву, выражается та же игра формами природы, какъ и причудливое переплетеніе растительныхъ и геометрическихъ орнаментовъ въ фронтисписахъ или заставкахъ. Эта же забава формами, небреженіе рисункомъ дали и особый жанръ миниатюры, появляющійся въ X и преобладающій въ XI и XII вѣкахъ, который можно было бы назвать собственно *миниатюрнымъ* жанромъ: такъ крошечны безчисленныя фигурки этихъ рисунковъ. Красота античнаго пластическаго рисунка кажется недостаточною, и мелкое изящество не соответствуетъ прежней широтѣ и свободѣ. Игра линій и декорация въ заглавныхъ буквахъ разрастается съ теченіемъ времени въ обширную систему производить множество разнообразныхъ видовъ, столь же замѣчательныхъ по изяществу, сколько и любопытныхъ по орнаментальнымъ формамъ, и эти формы имѣютъ свою особую исторію развитія. Въ рукописяхъ IX стол. заглавныя буквы являются въ новомъ растительно-суставчатомъ сложеніи, и ихъ оригинальныя формы усиливаются гармоніею золотой сѣрдцевины и голубыхъ окаймленій, что дѣлаетъ ихъ похожими на эмалевыя работы; позднѣе растительныя формы берутъ перевѣсъ надъ геометрическою, заполняя контуры пестрыми цвѣтами; съ XI вѣка начинаются уже и звѣриныя, причудливо переплетающіяся фигуры, своимъ опредѣленнымъ характеромъ настойчиво доказывая, что звѣриная орнаментика романскаго искусства имѣла свой прототипъ на византійскомъ Востокѣ. Специальность XI и XII вѣка составляютъ микроскопически мелко отдѣланныя «антропоморфическія» буквы, съ поучительнымъ содержаніемъ, птицеобразныя (орнитоморфныя) и пр. Мы увидимъ затѣмъ, съ какимъ великолѣпіемъ и изяществомъ украшались выходные листы рукописей, назначавшихся для императоровъ, сколько труда, умѣнья и воображенія полагалось въ декоративную орнаментацию каноническихъ въ Евангеліяхъ и разнообразныя рисунки заставокъ, какія невѣроятныя ухищренія были нужны, чтобы варіировать безконечно одну и ту же композицію

утомительно тождественныхъ сценъ, какъ богата и изящна была, однимъ словомъ, внѣшняя сторона искусства въ данную эпоху.

Но этотъ внѣшній блескъ, ослѣпляя на время, не въ состояніи заставить насъ закрыть глаза на ничтожество внутренняго развитія. Многочисленныя и глубокія причины, заключавшіяся въ самомъ характерѣ новаго періода византійской исторіи и внутренней жизни Имперіи, рано прерываютъ развитіе; движеніе искусства съ давнихъ уже поръ, т. е. непосредственно послѣ эпохи иконоборства, заключалось лишь въ разработкѣ идей и формъ, созданныхъ эпохою процвѣтанія. Освобожденное искусство вернулось къ тѣмъ же принципамъ, которыми оно жило до иконоборства; но, не понимая ихъ и ища угодить новому духу, оно мельчило ихъ и превращало въ бессмысленный, случайно сложившійся шаблонъ. Историки византійскаго искусства, пораженные классическимъ изяществомъ нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописей IX вѣка и щегольской отдѣлкою другихъ и замѣчательныхъ эмалей, называютъ этотъ вѣкъ эпохою процвѣтанія этого искусства, или даже выдѣляютъ эти памятники изъ отдѣла византійскаго и переносятъ въ древнехристіанскій. Но мы увидимъ, съ одной стороны, что эти памятники тѣсно связаны съ эпохою послѣдующею, какъ продукты чисто византійскаго искусства, и съ другой также, что они были не болѣе какъ воспроизведеніе въ блестящемъ образчикѣ манеры древнѣйшей, которое дало, конечно, готовую форму, но не было въ силахъ послужить образцомъ для новыхъ замысловъ въ томъ же направленіи. Если символическая манера, наполняющая условный пейзажъ олицетвореніями рѣкъ и горъ и пластическую композицію живыми образами, воплотившими въ себѣ отвлеченныя понятія, и господствовала въ этомъ періодѣ во всей своей силѣ (однако вовсе не какъ реакція противъ иконоборческаго спиритуализма), и мы имѣемъ отъ нея рядъ изображеній замѣчательной красоты, все же она не имѣла теперь подъ собою живой миеологической и поэтической основы, и потому была результатомъ усвоенія и сухаго знанія. Утративъ связь этихъ образовъ съ почвою, ихъ родившею, искусство не могло имъ дать новой жизни и смотрѣло на нихъ какъ на голыя схемы; чѣмъ

схема проще, несложнѣе, тѣмъ она удобнѣе для пользованія, и потому вся символическая область миниатюръ этого періода сводится къ очень немногимъ разновидностямъ двухъ трехъ типовъ, съ бѣдными и однообразными вариациями атрибутовъ и деталей. За то тѣмъ могущественнѣе была аллегорія, это мертвое порожденіе книжника, производящее скучно-натянутыя и однообразныя сцены, мертвящее своимъ прикосновеніемъ живые поэтическіе образы; для пространныхъ поучительныхъ сочиненій монастыря это было наиболѣе пригодное и послушное орудіе въ выраженіи его мыслей. Въ самомъ содержаніи символическихъ фигуръ мы видимъ рѣзкую разницу съ предъидущимъ періодомъ: тамъ эти образы служатъ художественной потребности, выражаютъ идею поэтическую, какъ картинка — подробность эпического разсказа, — здѣсь это риторическое уснащеніе отвлеченнаго разсужденія. Безсодержательныя фигуры добродѣтелей и пороковъ¹⁾, составленныя по одному шаблону, тождественныя олицетворенія отвлеченныхъ понятій мѣшаются здѣсь съ грубо реалистическимъ содержаніемъ и сами являются въ этой оболочкѣ; художникъ рядитъ классическій образъ въ жемчужныя діадемы съ привѣсками и пышный византійскій костюмъ. Какъ современное поучительно-полемическое сочиненіе, начинаясь съ порыва, естественно внезапнаго, приступа страстнаго и рѣзкаго, наполняется затѣмъ схоластическимъ тождесловіемъ и разниманіемъ понятій и вращается въ сферѣ общихъ мѣстъ и банальнаго риторства аффектированныхъ вопросовъ и восклицаній, ничего прямо не анализуя и не доказывая, такъ и въ художественномъ замыслѣ миниатюры мы съ понятнымъ чувствомъ скуки видимъ все ту же риторику, тѣже сочиненія по заказу, лишеныя внутренняго интереса. Выработанныя для всего мельчайшія правила, многочисленныя темы и установленная манера представленія вмѣстѣ съ схематическими формами рисунка дѣлають возможнымъ появленіе невиданной массы работъ, но за то онѣ представляютъ какъ будто варианты одного

¹⁾ Великодушіе, Благоразуміе, Признательность, Смиреніе, Убѣганіе мірскихъ прелестей, Цѣлительное, Многословіе и пр. См. рип. I. Климака.

несложнаго образчика. Какъ риторъ занижаетъ въ своемъ многоглаголаніи ряды общихъ мѣстъ: крылья души, чадо свѣта и тьмы, мірянина подобнаго женѣ Лотовой, мужа пашущаго и оглядывающагося назадъ, пса, возвращающагося къ своей плевѣ и пр. и пр., такъ и миниатюристъ утомляетъ насъ своими безчисленными повтореніями одной и той же фигуры. Но это пристрастіе къ фигурной рѣчи замѣчательно вяжется съ грубымъ натурализмомъ, отнынѣ направляющимъ художника въ его композиціяхъ, не въ строгомъ смыслѣ особаго художественнаго направленія, но той старческой манеры, которая характеризуетъ разложеніе искусства.

Нуждаясь въ прикрасахъ, сложной обстановкѣ, натурализмъ подчиняетъ сюжетъ всемімъ внѣшнимъ условіямъ, хотя бы противорѣчащимъ законамъ красоты и мѣры, и пользуется въ частностяхъ приемами и формами реализма, не будучи, однако, въ силахъ достигнуть художественной характеристики предмета. Въ миниатюрахъ это подчиненіе условіямъ является въ видѣ буквенаго слѣдованія тексту, подстрочной его иллюстраціи, и ея успѣху значительно способствуетъ миниатюрный жанръ рисунка; притча представляется въ голой формѣ своего изсказанія; если же и примѣшивается символическая манера, то она только уродуетъ изображеніе: если напр. добродѣтельный Самарянинъ¹⁾ удачно изображается въ лицѣ Христа, то Христось, представленный съ метлою и драхмою, имъ отысканною, по притчѣ²⁾,—явленіе крайняго безобразія въ иконописи. Каждое образное и поэтическое выраженіе принимается буквально и, согласно съ этимъ пониманіемъ, иллюстрируется: миниатюристъ не затрудняется напр. въ концѣ проповѣди Христовой представить праведника, съ ужасомъ глядящаго внизъ въ яму, гдѣ раздастся «скрежетъ зубовъ». Есть лицевыя рукописи, наполненныя многими сотнями иллюстрацій, передающихъ буквально разнообразное содержаніе текста, и нельзя не сказать, что онѣ ярко характеризуютъ глубину паденія мысли и чувства, и разсматривать ихъ подробно было бы излишнимъ

¹⁾ См. рукопись Париж. № 510.

²⁾ См. рукопись Париж. № 71.

и тяжелым испытаніемъ. Иконографія также должна была подчиниться разлагающему вліянію этого направленія, какъ ни было, повидимому, оно чуждо внутренней ея сущности, и восприняло отъ него какъ значительную сложность въ своихъ композиціяхъ, такъ и парадный характеръ, замѣнившій догматически точнымъ и подробнымъ воспроизведеніемъ почитаемаго сюжета, художественно-религіозное его представленіе для вѣрующаго. Самый цыклъ сюжетовъ, предпочтительно избравшихся, рѣзкою переменною указываетъ на внутренній переворотъ; въ этомъ цыклѣ, несомнѣнно, главнѣйшее суть сцены страстей, мученичества, человѣческихъ страданій Христа, какъ замѣчаетъ Шнаазе¹⁾, но ихъ появленіе нельзя приписывать одному благочестивому стремленію видѣть изображеніе всѣхъ сценъ Евангелія, или только реакціи противъ античнаго взгляда, искавшаго лишь сценъ торжества и славы: въ данномъ случаѣ искусство отрѣшалось не только отъ язычества, но и отъ художественныхъ законовъ и подъ давленіемъ узкаго монашества, искало въ своихъ произведеніяхъ ближайшей, практической цѣли, прямой пользы поученія и наглядной проповѣди. Достаточно взглянуть, чѣмъ наполняются лицевыя Евангелія въ этомъ періодѣ, какъ старательно отыскиваются прежде объѣянные сюжеты, какъ тщательно изображаются калѣбны, прокляженные, изгоняемые бѣсы, всякія сцены мученій и пр.; эта старческая болтливость, эта разнузданность иллюстраціи, понятнымъ образомъ, нуждалась въ особенныхъ облегченій для плодovitости въ производствѣ и, соединившись съ упорнымъ консерватизмомъ византійскаго искусства, много способствовала окончательному закрѣпощенію его формъ: едва ли не въ концѣ XI вѣка прекращается уже окончательно разработка иконографіи и все дальнѣйшее является лишь бѣднымъ варіантомъ на условленную

¹⁾ Gesch. d. bild. K., III р. 235 — 7. Авторъ приписываетъ эту черту переживъ въ нравахъ и въ античномъ характерѣ искусства. Но мы знаемъ многія свидѣтельства древнихъ писателей о существованіи подобныхъ сценъ въ первые вѣка христіанства, и прямымъ объясненіемъ этого явленія должно считать натуралистическій характеръ искусства въ IV—V вѣкахъ, См. свидѣтельства, собранныя защитниками иконъ въ указ. соч.

тому. Подобное быстрое завершение художественной деятельности не могло, понятно, быть исполнено, если бы тому не способствовала постановка ея въ особня, безпримѣрныя въ исторіи искусства условія: она избрала себѣ самое опредѣленное и ограниченное содержаніе; санкціонированныя формы художественной композиціи довольствовались всевозможными случаями; известное число избранныхъ иконографическихъ типовъ полагалось для образнаго воспроизведенія евангельскаго и библейскаго факта, и поучительно-практическая цѣль, заправлявшая всѣмъ, требовала, чтобы въ фигурахъ являлся отблескъ ликовъ ангельскихъ, пророческихъ и святыхъ; идеальное служило здѣсь подкладкою и фономъ для реальнаго — порядокъ обратный естественному; ремесло устранило художника и превратило его въ искуснаго мастера, который нуждается только въ мелочно-вѣрномъ *переводѣ* сюжета, чтобы воспроизвести его въ эмали: никто не спроситъ отъ него новыхъ мыслей и формъ, потому что въ этомъ монументальномъ и драгоценномъ родѣ живописи представляется только все канонизованное. Единодушное стремленіе къ типичности, къ освященнымъ формамъ вызвало обезличеніе и придало самымъ произведеніямъ характеръ ординарности, казенной мертвенности; это не фигуры, но схемы ихъ, не самыя тѣла человѣческія, но ихъ призрачные облики. Не то, чтобы византийское искусство стремилось, какъ говорятъ, придать своимъ образамъ исключительно выраженіе неплотскаго, небеснаго и потому самому уродовало жизненныя формы: этому противорѣчитъ привязанность къ свѣтлымъ краскамъ, роскоши и изящнымъ фигурамъ античныхъ олицетвореній, но ремесленное искаженіе этой идеальности — вотъ что было причиною внутренняго паденія искусства. На миниатюрахъ знаменитаго Ватиканскаго Менелогія мы ясно увидимъ, въ чемъ состояла важнѣйшая задача искусства: утонченная идеализація простыхъ типовъ; замѣна прежней натуральности искусственнымъ тономъ, въ которомъ чувство красоты и лирической порывъ уступаетъ мѣсто холодному демонстративному благочестію и благообразію; однообразный, общій тонъ настроенія вмѣсто прежней драматичности; исканіе мелкихъ техническихъ трудностей и мел-

кихъ варіацій въ однообразныхъ композиціяхъ; подведеніе всѣхъ разновидностей мѣстныхъ, племенныхъ и пр. подъ одинъ общій уровень, согласно съ общою враждебностью Византіи къ мѣстнымъ интересамъ, ко всякой племенной разности. Отсюда ни одна эпоха не представляетъ подобнаго согласія въ художественной дѣятельности самыхъ разьединенныхъ мѣстностей, и различныя школы Цареграда и Солуни, Антиохіи и Сиріи, Греціи и Сициліи суть только внѣшнія названія: если мы встрѣтимъ гдѣ либо подобіе мѣстныхъ костюмовъ, то всего чаще они лишь изображаютъ намъ условно принятыя для выраженія мѣстнаго элемента — напр. особенно восточнаго — формы, какъ въ театральныхъ декораціяхъ и костюмахъ, и лишь рѣдкій случай позволитъ намъ умозаключить по нимъ о мѣстѣ происхожденія рукописи. Подъ вліяніемъ этихъ условій, одновременно оковавшихъ художественную дѣятельность, въ ней разомъ вымерла вся жизнь, исчезъ характеръ и оригинальность творчества, а съ теченіемъ времени обезличилось и то, что предано было прошедшимъ. Такъ самые византійскіе типы, это прямое наслѣдіе греческаго и притомъ благороднѣйшаго аттическаго племени съ широкимъ и умѣреннымъ по высотѣ лбомъ, плоско-закругленными изящными бровями, большими и глубоко-лежащими глазами, прямымъ и тонкимъ психическимъ носомъ, тонко вырѣзаннымъ, но достаточно широкимъ ртомъ и вообще сильнымъ развитіемъ верхней части овала, въ эту эпоху утратили окончательно свой первоначальный характеръ и, мѣнясь подъ вліяніемъ времени и племенныхъ смѣшеній, приобрѣли новый и специфическій характеръ, который составляетъ штемпель каждой византійской работы.

Всѣ типы византійскаго искусства въ этомъ періодѣ какъ явно сводятся къ одному національному, такъ и составляютъ развитіе и разновидности одного характера или феномена. Высокій ростъ, въ соединеніи съ пропорціональнымъ сложеніемъ, нѣкоторая длиннота оконечностей, и при наклонности къ худобѣ ширококостность и массивность; на длинной тонкой шеѣ маленькая голова; широкій и низкій лобъ, временами напоминающій изувѣра или тяжелаго педанта. Лобная кость нависаетъ надъ глазами,

глубоко лежащими и широко разставленными, образуя глубокой характерный перехватъ на переносицѣ и усиливая мрачное сверканіе большихъ ¹⁾ глазъ; длинный, тонкій и прямой носъ, иногда загибающійся на концѣ (примѣсь восточнаго типа, особенно армянскаго и персидскаго ²⁾), почти упирается въ сухой маленькій ротъ, усиливая характеръ психическаго типа, выработаннаго вѣковой культурою, а не образованнаго однимъ физическимъ смѣшеніемъ; сильно выдающійся подбородокъ и угловатая линія овала отличаются черствымъ характеромъ; въ молодыхъ лицахъ полнота переходитъ въ опухлость, а въ пожилыхъ находимъ рѣзкую худобу и общую сухость тѣла, особенно способную къ изображенію суроваго аскета. Эта рѣзкость чертъ, хотя и выражаетъ духовность типа, была столько же чертою племенною, сколько выработана искусствомъ и составляла драгоценное достоинство стили; простота, ясность и рѣзкая опредѣленность этого типа дѣлала легкимъ его усвоеніе въ мастерскихъ всѣхъ странъ и давала въ руки всегда готовую форму. Понятно также, что черезъ эту затверженную типичность исчезло всякое изученіе натуры и типовъ живыхъ, и что вторженіе ея въ XIII в. было уже результатомъ окончательнаго паденія искусства. Вместе съ тѣмъ эта типичность сильно повредила иконографіи, прервавъ ея дѣятельность въ наиболѣе живой сферѣ: отнынѣ всѣ святые пишутся почти на одно лицо и имѣютъ одну фигуру, и все различіе ихъ сводится къ

¹⁾ Между мелкими чертами усвоенія восточнаго типа замѣчается одна наиболѣе характерная: не только въ молодыхъ мужскихъ лицахъ, но и женскихъ видимъ часто сросшіяся брови, которыя, при глубокой перерѣзанной переносицѣ, производятъ оригинальное впечатлѣніе: это черта кавказскихъ расъ: Грузинъ и Армянъ. Известно, что послѣдніе сильно примѣшались къ византійской аристократіи въ эту эпоху. I. Дамаскинъ (и Германъ) указываетъ даже эту черту въ типѣ I. Христа въ письмѣ къ Θεοφιλω Patrol. gr. t. 95, стр. 345 (*σύνστροφος*—«по древнимъ историкамъ») но, по его же словамъ, были изображенія Христа съ желтымъ (*αὐτχρῶνος*) сирийскимъ цвѣтомъ лица. Алексѣй Дука, удивившій Имп. Алексѣя IV Комнена, извѣстный вѣтеръ, прозывался Мурзулою—искаженіе *ὁ μωροφύτιλος*—со сросшимися бровями. См. Muralt Chronolog. Byz. II. p. 275. А въ средніе вѣка, на Западѣ по народнымъ воззрѣніямъ, эта черта приписывалась греческой красотѣ.

²⁾ О притокахъ армянъ въ высшую администратію Византіи, см. Finlay, History of the byzantine empire, I p. 236, 256 сдд.

примѣтамъ въ родѣ волосъ, бороды и пр., которыя не даютъ индивидуальности и сейчасъ же забываются. Исключеніе составляютъ лишь прежде сложившіеся типы Г. Христа, Апостоловъ, и Евангелистовъ, Богородицы, образы Святителей: Василія, Іоанна Златоуста, Григорія Б. и др. Наконецъ, иконографическіе типы превращаются въ условную академическую схему, которая легко можетъ быть описана, но ничего не выражаетъ; эта схема дробится на подраздѣленія, которыя мы могли бы назвать лицами: ангельскимъ, пророческимъ, или библейскимъ (онъ же и типъ Іоанна Крестителя), апостольскимъ, Христовымъ и пр.; ангельскій типъ съ обильною вьющеюся по плечамъ вудрявою прическою употребляется въ изображеніи благочестивыхъ юношей; всѣ матроны похожи на Св. Анну, а молодыя жены на Богородицу; типъ Іосифа служитъ для изображенія благочестивыхъ мужей и пр. Безхарактерность или безличность женскаго типа въ рукахъ живописца монаха заставляетъ пользоваться иногда тѣмъ-же юношески-ангельскимъ лицомъ для изображенія Святыхъ дѣвъ и дѣвицъ вообще; только изрѣдка напоминаетъ о себѣ дѣйствительный типъ, съ узкимъ и блѣднымъ лицомъ, большими глазами, крошечнымъ ртомъ, напоминая собою изношенное лицо Феодоры, супруги Юстиніана; любопытно, что мозаика надалтарнаго купола Св. Марка въ Венеціи воспроизводитъ именно этотъ типъ въ лицѣ же-нолюбиваго Соломона. Много разъ наконецъ указывалось на пристрастіе византійскаго искусства къ старческимъ образамъ, къ сѣдинѣ и дряхлой худобѣ тѣла, и много высказывалось по этому поводу мнѣній: эстетическій взглядъ хотѣлъ непременно видѣть въ этой чертѣ вымираніе искусства и самой націи. Историки любятъ сравнивать съ этимъ старчествомъ юность образовъ древне-христіанской эпохи и видятъ въ этой послѣдней свѣжестъ впечатлѣній искусства въ первыхъ его порывахъ, молодое чувство, унаслѣдованное будто бы потомъ западнымъ искусствомъ черезъ посредство римской школы V—IX вѣковъ и карловингскихъ мастеровъ. Но въ самомъ древне-христіанскомъ искусствѣ эта юность вовсе не выражаетъ какихъ либо современныхъ символическихъ идей непреходимости, божественности и пр. и представляетъ лишь

вышнюю форму, заимствованную отъ античнаго искусства и нимало не вызванную самымъ содержаніемъ, а, наоборотъ, даже обусловившую отчасти самые сюжеты (изображеніе Христа, какъ юнаго пастыря, Орфея и пр.): эта форма слишкомъ подкупаетъ историковъ, которые должны бы были при этомъ вспоминать, что само классическое искусство начало не съ юныхъ и дѣтскихъ образовъ, но мужественныхъ и взрослыхъ и кончило первыми. Что касается старчества типовъ византійскихъ, то мы должны видѣть въ немъ наивѣренную реакцію противъ того пристрастія къ возрасту Амура, стремленіе къ аскетическому идеалу, опредѣленное міровоззрѣніе. Въ миниатюрахъ XI и XII вѣковъ оно чувствуется особенно сильно: между юношескими фигурами и пожилыми нѣтъ средняго возраста: волосы серебрятся матовымъ отблескомъ сѣдины даже у Евангелиста Марка, и лишь немногіе типы, какъ напр. Христа, удержали свое цвѣтущее мужество.

Наконецъ, общее направленіе византійскаго искусства имѣло цѣлью лишь развитіе условленныхъ формъ, выработку стиля и манеры. Только разъ и то въ началѣ эпохи застаемъ мы художника въ заботахъ объ анатомическомъ изображеніи тѣла, (см. рукопись Григорія Наз Париж. № 510); общій же принципъ, руководящій миниатюристами, есть непрерывное стремленіе къ условному, схематическому, и это не только въ рисунокѣ человѣческой фигуры, гдѣ натуральность представленія неизмѣримо труднѣе, но даже и во всѣхъ мелочахъ и деталяхъ. Византійскій рисунокъ этой эпохи представляетъ поэтому оригинальный и любопытный образецъ историческаго наслоенія художественныхъ формъ, которое легко разбирается на составныя части: композиція представляетъ ясную копировку античной манеры въ группахъ, но эти группы расположены живописно по требованію натуралистической манеры; фигуры имѣютъ развитое классическое тѣло, или, по крайней мѣрѣ, драпировка ихъ одеждъ повинуется могучимъ движеніямъ атлета, а голова этихъ фигуръ представляетъ старческую немощь, и монументальныя складки раздроблены сѣтью морщинъ, которая уничтожаетъ предположеніе тѣла подъ одеждою; декорация пейзажа усложняетъ, утрируетъ простыя античныя фор-

мы. Такое сдѣленіе контрастовъ, сочетаніе разнообразныхъ данныхъ природы и стила могло, конечно, держаться только подъ условіемъ господства и управленія одной общей формы, одного изученнаго направленія; разъ достигши извѣстнаго совершенства, художники должны были во всемъ строго держаться манеры, иначе они теряли всѣ выгоды, сопряженныя съ ея единообразіемъ, иной путь возможенъ былъ-бы только съ кореннымъ измѣненіемъ системы, къ чему искусство было неспособно. Вотъ почему съ паденіемъ школы неизбѣжно слѣдовало и паденіе манеры, и потому всѣ неудачи политическаго характера, вліяніе провинціальныхъ школъ и подражаніе должны были рано начать свое разрушающее дѣйствіе, тогда какъ необходимо вторгавшійся въ эту искусственную систему натурализмъ дѣйствовалъ на нее разлагающимъ образомъ. Отсюда мы должны рѣзко различать въ этой эпохѣ ея кратковременные блестящіе періоды и наступающій за ними непосредственно упадокъ; и въ томъ, и другомъ случаѣ характеристика положенія искусства у историковъ основывается главнымъ образомъ на техникѣ, и вообще внѣшней формѣ: различіе по внутреннему содержанію не берется во вниманіе; и между тѣмъ, даже въ иныхъ работахъ видимо провинціальнаго, неумѣлаго и грубаго характера мы встрѣчаемъ болѣе жизни и свѣжаго интереса, нежели въ блестящихъ произведеніяхъ столицы. Итакъ, и въ этомъ періодѣ *вторичнаго процветанія* византійскаго искусства, который, въ отличіе отъ перваго — древневизантійскаго, можно назвать *поздnevизантійскимъ*, мы будемъ слѣдовать той же системѣ разсмотрѣнія по содержанію, выдѣляя отдѣлы лицевыхъ рукописей по мѣрѣ сложности ихъ редакцій, а также по времени происхожденія кодексовъ. Отдѣлы болѣе декоративнаго характера (Лицевыя Евангелія и пр.) сами по себѣ и по эпохѣ рѣзко отдѣляются отъ Лицевыхъ Библий, Палей и соч. Отцовъ Церкви, какъ эти послѣднія отъ Житій, Минеи Четвѣи, соч. Блимака и т. д.

Лицевая Псалтырь продолжаетъ играть видную роль и въ этомъ періодѣ, и одна изъ наиболѣе раннихъ и вмѣстѣ видныхъ по богатству украшеній и художественности рукописей есть Псал-

тырь Парижской Библіотеки № 139¹⁾, относимая палеографами къ X вѣку. Единогласный отзывъ всѣхъ историковъ искусства, справедливо превозносящихъ античный стиль и помпейскій колоритъ 14 миниатюръ кодекса, и здѣсь привелъ къ предположенію, что мы имѣемъ въ немъ копію съ древняго оригинала (мнѣніе Лабарта, Ваагена, Шнаазе и др.): Ваагенъ не рѣшается даже отнести эту рукопись къ исторіи византійскаго искусства. Напротивъ того, по нашему мнѣнію, миниатюры кодекса, хотя и представляютъ, дѣйствительно, сводъ редакцій древнѣйшихъ и позднихъ, носятъ на себѣ особенно чистый характеръ византизма IX—X вѣковъ и прямо служатъ характеристическимъ образцомъ расцвѣта искусства въ эту эпоху. Поэтому было бы равнымъ заблужденіемъ какъ думать вмѣстѣ съ Лабартомъ²⁾, что эти миниатюры древнѣ самой рукописи, такъ и домогаться такой тонкости оцѣнки, какъ у Ваагена, который³⁾ сначала выдѣляетъ изъ 14 миниатюръ двѣ какъ будто бы позднѣйшаго времени, а затѣмъ различаетъ по техникѣ одну половину отъ другой: утонченная критика знатока мелкихъ отличій въ манерахъ живописцевъ оказалась здѣсь вовсе неумѣстна. Во всѣхъ миниатюрахъ вездѣ видна одна манера въ техникѣ и одинъ стиль рисунка, хотя различная степень отдѣлки и, главное, содержаніе иныхъ миниатюръ допускало пользованіе древнимъ оригиналомъ.

1) Выходною миниатюрою служитъ изображеніе Давида — юнаго пастыря стадъ, среди идиллической картины развлекающагося игрою на лирѣ, подобно Орфею или Аполлону. Эта во всѣхъ подробностяхъ помпейская картина скомпонована съ такимъ вкусомъ, что оставляетъ далеко за собою даже изображеніе Орфея въ катакомбахъ. Самъ Давидъ съ длинными волосами, вьющимися

¹⁾ Fol. описаніе точнос. но неполное у Ваагена Kunstwerke in Paris. II, p. 217—225, Лабарта. III p. 47—75; рисунокъ у Лабарта (Д. между Пророц. и Мудр.), pl. 82; Le moyen âge et la renaiss. etc. Miniat. pl. VII); О. И Буслева въ Сбор. 1866 г. стр. 63 рис. 9, 10; большой фототраф. снимокъ въ Христ. Древн. г. Прохорова. 1863 г., кн. I. рис. 1. (Поканіе Д.)

²⁾ I. с. p. 46.

³⁾ I. с. p. 218.

по плечамъ, юноша въ Аполлоновомъ типѣ и носить одежду пастуховъ, конечно, изъ временъ Теоокрита. Опираясь граціозно на его лѣвое плечо, его слушаетъ Мелодія, одѣтая въ небриду, какъ прилично музѣ пастушеской игры на свирѣли; на головѣ ея розовая повязка (стѣмма) съ драгоценнымъ камнемъ посреди. Они оба сидятъ на пригоркѣ, ниже ихъ полунагая фигура, расположившись на обнаженной скалѣ, держитъ стволъ дерева, какъ олицетвореніе горы Виедеемъ, а позади ихъ лѣсистый горный ландшафтъ съ городомъ Виедеемомъ въ видѣ античной виллы въ ущельи и самая вершина горы; среди кустовъ поднимается мраморная круглая колонка — украшеніе античнаго культивированнаго пейзажа — повязанная красною лентою и съ сосудомъ на верху; изъ-за колонки высовывается пугливая Эхо¹⁾, подслушивая игру. Миниатюра замѣчательна тѣмъ, что она перешла во всѣ позднѣйшія рукописи Псалтыри²⁾. 2) Давидъ убиваетъ льва и медвѣдя; при гораздо худшемъ исполненіи, мы и здѣсь находимъ античное изображеніе «крѣпости» ἰσχυρός, которая скопирована съ охотящейся Артемиды: ея разноцвѣтный хитонъ по дорически разрѣзанъ на правомъ боку и застегнутъ аграфами. Античный пейзажъ со стѣлою, виллою и заря на небѣ. 3) Вновь замѣчательная композиція вѣнчанія Давида, также усвоенная другими рукописями³⁾: надъ юнымъ пастухомъ-помазанныкомъ стоятъ образъ «смиренія» πραύτης, античная матрональная фигура въ дубовомъ вѣнкѣ, рукою указывая на Давида какъ на образецъ для подражанія; группа братьевъ представляетъ, однако, весьма жалкую попытку къ драматизму. 4) Въ битвѣ Давида съ Голиафомъ крылатая «сила» δύναμις, держа палецъ на подбородкѣ, какъ прилично спокойному величію, ободряетъ Давида, а «хвастовство» Голиафа, бѣжа прочь, рветъ на себѣ волосы. Однако же, если эта часть изображенія замѣчательна своею пластичностью, то нижняя ея

¹⁾ Что эта фигура есть Эхо, а не повѣя, какъ говоритъ Ваагенъ. смъ въ ст. Визелера. Ann. del Inst. 1871.

²⁾ См. год. Варбер. Вибл. № 202, Vat. библ. Palat. 381.

³⁾ См. год. Христ. № 1 въ Vat. библ.

половина, изображающая Давида, рубящего голову Голиафу, представляет всё недостатки рисунка и манеры, хотя из этого никакъ нельзя заключить съ Ваагеномъ, что эта часть позднѣе другихъ. 5) Дщери Израиля, славящія Давида, — предельно задуманныя, но слабо исполненныя фигуры; Саулъ и воинъ уродливы. 6) Коронаваніе Давида въ формѣ поднятія на щитъ, которое заинтересовало Даженкура своимъ сѣверно-нѣмецкимъ происхожденіемъ¹⁾; миниатюра перешла въ другія рукописи и особенно Псалтыри, какъ выраженіе торжества. 7) Наибольше прославленная миниатюра кодекса величаваго, монументальнаго характера: представляетъ пожилаго царя Давида въ церемониальной позѣ, подобно византійскому императору, являющемуся передъ народомъ на богато убранномъ подножіи; въ лѣвой рукѣ его раскрытая Псалтырь, а правою онъ благословляетъ; справа «мудрость» съ книгою, поднявъ правую руку, какъ бы говоритъ, что въ небесахъ ея источникъ, а слѣва «Пророчество» указываетъ на Псалтырь, какъ на сочиненіе вдохновенное. Надъ головою Давида покоящійся голубь, но безъ нимба, символически обозначаетъ дары Духа Святаго, имъ полученныя. Миниатюра обращаетъ на себя вниманіе и тѣмъ, что здѣсь впервые дана церемониальная композиція специально византійскаго характера, впоследствии послужившая для изображенія императоровъ; ея формы, однакоже, взяты отъ древняго представленія римскихъ консуловъ среди фигуръ городовъ и иныхъ олицетвореній и извѣстны намъ въ диптихахъ. 8) Византійская композиція сюжета, также пользовавшагося съ этой эпохи особенною любовью среди другихъ поучительныхъ сценъ Псалтыри: покаяніе Давидово въ двухъ моментахъ: обличенія его Пророкомъ (онъ хватается за голову) и его смиреннаго раскаянія; Давидъ, падшій на землю въ той же позѣ, въ какой изображенъ императоръ Юстиніанъ передъ Престоломъ Господа, послужилъ неизмѣннымъ мотивомъ для представленія «Давида молящагося». Но надъ падшимъ Давидомъ стоитъ Раскаяніе, величаяя, классическая фигура, какъ и другія олицетворенія, изображенная въ без-

¹⁾ См. сопоставленные имъ рис. на табл. 61, 8—11.

рукавномъ хитонѣ, съ пурпурною повязкою и въ голубомъ нимбѣ; она помѣщена на проповѣднической кафедрѣ, задумчиво и скорбно наклонивъ голову; фигура полна выраженія. Остальныя фигуры тяжелы и страдаютъ отъ парадности представленія. На Давидѣ еще жемчужная стѣмма. 9) Переходъ черезъ Черное море, композиція наиболѣе замѣчательная изъ всѣхъ своимъ классически живописнымъ характеромъ, повторенная нѣкоторыми рукописями ¹⁾ цѣликомъ, другими въ частностяхъ. Картина перехода очень живая и ясно скомпонованная, сравнительно съ хаотическимъ представленіемъ саркофаговъ, даетъ четыре замѣчательныя олицетворенія: богиню моря съ весломъ, по поясъ въ водѣ; бога бездн морской $\delta \beta \theta \delta \varsigma$, вынырнувшего изъ моря, чтобы за волосы увлечь Фараона въ глубину; на землѣ же, обернувъ голову къ идущимъ Израильтянамъ и восторженно ихъ привѣтствуя, сидитъ женская фигура пустыни, въ безрукавномъ хитонѣ и окутывающемъ ее снизу гиматіи; наконецъ фигура ночи въ голубомъ нимбѣ и лиловомъ платьѣ, держа надъ собою покрывало—небесный пологъ, провожаетъ ихъ сзади ²⁾. 10) Въ двухъ сценахъ изображеніе восхода Моисея на Синай для принятія заповѣдей: въ первой бесѣда Моисея съ Господомъ; устранный Пророкъ лѣвую руку приложилъ къ устамъ въ знакъ полного вниманія, а правую указываетъ внизъ на ту черту, которую положилъ онъ и освятилъ на горѣ, чтобы не переходили выше ея (Исходъ, гл. 19, 23); во второй сценѣ Моисей приѣмлетъ уже заповѣди. Вагень, принявъ первую композицію за сцену изведенія воды въ пустынѣ, по справедливости удивляется ея странности, не замѣчая того, что какъ подобное сопоставленіе двухъ разныхъ сценъ невозможно въ строгомъ искусствѣ, такъ здѣсь было бы и нарушеніе

¹⁾ Ватик. Октогевхъ к. 192 в. № 7 6, у Даженкура pl. 62, 4. Описаніе этой мин. въ ст. Виноградскаго: «Миніатюры Ват. библи. рукописи XII в. въ Сбор. Общ. древне-Рус. Исх. за 1873 г. стр. 148. Замѣчательно, что таже миніатюра въ рукописи Ват. № 747 уже не имѣетъ олицетвореній.

²⁾ См. объ этихъ олицетвореніяхъ въ Symb. u. Myth. Пипера, общее г. 1, стр. 24, II, стр. 115, 360, 528 и др.

историческое, ибо изведеніе воды происходило въ Хоривѣ, а не на Синаѣ, тогда какъ въ миниатюрѣ внизу, т. е. у подошвы изображена самая гора Синаѣ въ извѣстномъ образѣ мужчины полунагаго, сидящаго на скалѣ и въ одномъ гиматіи ¹⁾. Что же касается текущей воды, то эта деталь горной природы сохранена живописцемъ для оживленія картины. Соединеніе двухъ сценъ въ одной миниатюрѣ повторено затѣмъ въ замѣчательномъ рисункѣ Ват. рукописи Палеи Корол. Христ. № 1, но первая сцена представляетъ Моисея, передъ кущиною снимающаго сандаліи, и гора раздѣляется бѣгущимъ сверху горнымъ ручьемъ. 11. Пророчица Анна, молящаяся предъ Десницею, — композиція специально византийская и по стилю ничѣмъ не отличающаяся отъ фигуръ Пророчицы въ Менологій Ватиканскомъ и другихъ позднѣйшихъ рукописяхъ. 12. Сцены похищенія Іоны и изверженіе его витомъ: рисунокъ напоминаетъ и въ цѣломъ и въ частностяхъ извѣстную манеру изображенія сюжета въ ватакомбахъ; но сцена усложнена дальнѣйшею исторіею Пророчества; народъ Ниневіи одѣтъ въ бѣлые наплечники и черные сапожки, чтобы представить Сирійцевъ. 13) Исаія молится въ лѣсу на утренней зарѣ предъ Десницею; позади него Ночь, уже тушащая свой факель, а впереди юный геній Разсвѣта (въ рукоп. Ват. 755 это Утренняя Звѣзда Фосфоросъ); миниатюра столь же блестящая пластичностью своей рельефной композиціи, какъ и важная своимъ повтореніемъ въ Ват. кодексѣ X вѣка Исаіи № 755; фигура Ночи представлена вся въ дымчато-лиловомъ цвѣтѣ ²⁾; нимбъ Исаіи пепельно-голубой, Ночи — синій. 13) Молитва сокрушающагося Іезекии въ присутствіи Пророка Исаіи; надъ царемъ олицетвореніе молитвы въ видѣ жены, указывающей на небо, въ голубомъ нимбѣ.

¹⁾ Waagen I. с. р. 223; Виноградскій принялъ толкованіе Ваагена I. с. стр. 149. Дабартъ I. с. р. 49 считаетъ за сцену передъ восходомъ на Синаѣ.

²⁾ Рис. въ изд. Le moyen âge etc. Miniat. pl. 7; Даженкуръ Peint. изъ жод. 755 pl. 46, 1. Сбор. общ. древне-рус. иск. за 1876 г. къ стр. 63. Замѣчательно также, что копія этой миниатюры перешла въ Лицев. Псалтырь Славянскую г. Хлудова, см. ст. Арх. Аменлохія въ Трудахъ М. А. Общ. т. III, стр. 26, къ псалмъ 4-й.

Рукопись представляет и живописныя формы заглавных буквъ, составленныя изъ животныхъ, плодовъ и цвѣтовъ, а также жемчужныхъ нитокъ. Однакоже этотъ жанръ, видимо, еще не развитъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы произвести сочетанія дѣйствительно любопытныя, и будетъ болѣе вѣроятнымъ полагать, что его сложеніе относится, главнымъ образомъ, уже къ X—XI вѣку.

Помимо классическаго рисунка этой знаменитой Псалтыри, мы видимъ и въ самыхъ краскахъ и колоритѣ фигуръ и деталей черты чисто античныя, долженствовавшія перейти въ рукопись изъ первыхъ рукъ. Такъ, напр., тѣло всѣхъ фигуръ олицетвореній представляетъ еще тотъ здоровый, южнаго происхожденія, красновато-коричневый цвѣтъ, который мы наблюдаемъ въ мужскихъ фигурахъ помпейскихъ фресокъ и въ древнѣйшихъ миниатюрахъ, тогда какъ фигуры иконописнаго цикла: Давидъ, Исаія и др. писаны уже въ условномъ византійскомъ розовато-зеленомъ и мертвенномъ колоритѣ тѣла, который составляетъ отличительную черту эпохи. Точно также различаются и нимбы: золотые византійскіе для царя, пророковъ и съ кружками и античные—собственно сіянія, голубаго цвѣта для фигуръ символическихъ, какъ бы воспоминающихъ этимъ свое эфирное сіяніе вокругъ головы и небесное происхожденіе; нѣкоторыя фигуры имѣютъ нимбы розовые, что можно отнести къ такому же желанію представить блескъ подобный зарѣ, если только употребленіе этихъ красокъ не относится къ простой привязанности къ нимъ византійцевъ. Но притомъ нимбами художникъ отмѣчаетъ видимо фигуры, имѣющія въ его глазахъ особое значеніе: такъ онъ придаетъ нимбъ христіанскимъ добродѣтелямъ, и лишаетъ его изображенія мелодіи, крѣпости, силы и даже божества разсвѣта.

¹⁾ Независимо же того, что все разсужденіе акад. Стефани «Нимбъ и лучезарный вѣнецъ», въ Зап. Акад. Наукъ Прил. I, 1863 направлено къ тому, чтобы доказать, что нимбъ не былъ специальнымъ атрибутомъ божествъ свѣта, имъ указано нѣсколько случаевъ употребленія голубаго нимба для подобныхъ божествъ: Ириды р. 84—85 89; Нимфъ на рим. мон. Имп. Эрмитаж. р. 66. или божествъ вообще: Деметры р. 62, Амфитриты р. 64.

Это отношеніе особенно характерно для народнаго направленія искусства и приобретаетъ рѣшающее значеніе впоследствии. Такъ, напр., византійскій художникъ, завѣдывавшій мозаическою декорациею Палатинской Капеллы въ Палермо (около 1143 г.), украсилъ изображенія добродѣтелей въ медальонахъ (боковой нефъ южн. сторона) надъ колоннами: Вѣры, Надежды и Любви *пурпурными* нимбами.

Ближайшимъ къ этой редакціи Псалтыри является кодексъ Палеи (Извлеченія изъ Библии до Маккавеевъ) и Псалтыри въ Ват. библи. изъ отдѣла Королевы Христіны № 1 въ л., отличающійся особеннымъ богатствомъ и красотою большихъ миниатюръ, стилемъ болѣе чистымъ, чѣмъ Македонскія рукописи, и еще чуждымъ ихъ сухаго характера и мелочной техники. По различнымъ указаніямъ (см. ниже) и по античной орнаментикѣ рукопись должна быть не позже середины IX вѣка. Рукопись эта, однакоже, хотя и была извѣстна Даженкуру¹⁾, пользовавшемуся *полною свободою* въ обзорѣ библиотеки Ватикана но итъ, видимо, не оцѣнена по достоинству и оставлена безъ должнаго вниманія. Широкой характеръ рисунковъ, вполне заслуживающихъ названія картинъ, далеко оставляетъ за собою даже описанную Псалтырь и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ ближайшую аналогію въ манерѣ, цвѣлахъ и даже стилѣ съ великолѣпной иллюминаціею рукописей карловингскихъ. Но рукописи карловингскія, щеголяя богатствомъ всюду расточаемыхъ орнаментовъ, даютъ обыкновенно четыре, пять выходныхъ миниатюръ съ изображеніемъ Евангелистовъ, и только извѣстная Библия храма св. Павла въ Римѣ внѣ стѣнъ²⁾ можетъ соперничать по значенію съ визан-

Палеи и Псал.
Ват. В. Христ.,
№ 1.

¹⁾ Чтò видно изъ того, что этотъ авторъ въ числѣ рисунковъ, изображающихъ коронованіе Давида (или Соломона) съ поднятіемъ на шить помѣстилъ и маленькій снимокъ съ одной изъ миниатюръ кодекса (л. 281) Peint. pl. LXI, 11. во введеніи же своемъ дѣлаетъ такой непонятный по своей краткости и несправедливости отзывъ: «Миниатюры, числомъ 18, стили нерѣшительнаго и кажутся поздне (противъ рукоп. Псалтыри № 139) на одинъ или два вѣка».

²⁾ Рукопись эта описана и издана въ рис. но малаго размѣра, Даженкурумъ, peint. pl. 41—45.

тійскимъ кодексомъ. И такъ какъ вся его орнаментация, несомнѣнно, принадлежитъ еще старой византійской школѣ и предшествуетъ блестящей, но оцѣпенѣлой манерѣ Парижской Псалтыри, — хотя обѣ рукописи и могутъ быть современны, — то очевидно, что кодексъ стоитъ на первомъ мѣстѣ послѣ этой рукописи. Мы встрѣчаемъ въ этомъ кодексѣ миниатюры съ необычными размѣрами фигуръ во весь листъ, соединеніе сюжетовъ наиболѣе эффектныхъ, показныхъ, открыто заявляющихъ привязанность къ церемониальнымъ сюжетамъ и парадной манерѣ: таковы коронація, помазаніе Давида, несеніе ковчега, засѣданіе Судей народа Израильскаго и пр. Художникъ видимо подражалъ античной манерѣ, широкой и легкой; всѣ фигуры, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ уже установился византійскій типъ со всеми чертами его стиля, отличается монументальною драпировкою, напоминающею мозаики; всѣ олицетворенія, находившіяся въ древнихъ оригиналахъ, сохранены и скопированы, даже и тѣ, которыя были непонятны; побочныя фигуры представлены юными и безбородыми. Но при этой древне-византійской техникѣ самое исполненіе сравнительно съ Парижскою рукописью представляетъ работу второй руки: краски мутны, ихъ нанесеніе небрежно, толстыя, черныя очертанія намѣчаютъ контуры бровей, носа, рукъ, рта, часто даже складокъ. Зеленоватыя глубокія тѣни покрываютъ тѣло и лицо; у фигуръ молодыхъ красновато-кирпичный цвѣтъ тѣла неудачно подражаетъ загорѣлымъ фигурамъ древнѣйшихъ кодексовъ и представляетъ весьма слабыя признаки моделировки; въ характерной но уже схематической однообразной драпировкѣ много угловатыхъ и ломаныхъ линій. Обыкновенная одежда священныхъ лицъ представляетъ бѣлый хитонъ съ голубоватыми тѣнями и коричневыми полосами, а также и бѣлый гиматій, но съ розоватыми тѣнями или же лиловыми и зелеными: оттѣняя такимъ образомъ однообразныя бѣлыя одежды, художникъ помогалъ себѣ этимъ способомъ въ расчлененіи фигуры, необходимомъ для художественной ясности ея, но, очевидно, находился еще подъ вліяніемъ строгаго иконописнаго преданія, требовавшаго отъ апостольской одежды сѣлаго цвѣта. Напротивъ того, византійское искусство X и XI

стол. зашѣвило этотъ цвѣтъ сочетаніемъ голубаго и розоваго. Независимо отъ множества подробностей античнаго происхожденія и характера, миниатюры рукописи представляютъ съ одной стороны множество мотивовъ изъ мозаикъ и виѣтвѣ съ тѣми картинами, полныя драматической живости. Выходной листъ представляетъ оглавленіе — *τίναξ*, писанное киноварью по золотымъ медальонамъ въ греческомъ пурпурномъ крестѣ; наверху Богородица, а въ четырехъ поляхъ по сторонамъ креста Давидъ, Исаія, Геремія и Моисей, пророчествовавшіе о Ней. На оборотѣ же листа представлены: сцены изъ жизни первыхъ человѣковъ — Адамъ даетъ имена тварямъ и Грѣхопаденіе. Такимъ образомъ этотъ выходной листъ параллелизмомъ Ветхаго и Новаго Завѣта и богословскою характеристикю ихъ соотношеній приготовляетъ читателя къ усвоенію поучительныхъ цѣлей Сборника или Палеи; въ тоже время наглядно поясняется значеніе Богородицы, которой и посвящена вся книга. Самое изображеніе Пророковъ сдѣлано на голубомъ фонѣ, сильно наведенномъ на зеленой подмалевокѣ; фигуры и живы, и изящны и вообще задуманы очень удачно. Изъ нихъ юный Исаія энергически указываетъ на свое пророчество, а Геремія подѣмлетъ руки къ небу. Адамъ — античная фигура — сидитъ на большомъ стулѣ и записываетъ имена животныхъ въ большой книгѣ съ краснымъ обрѣзомъ. Въ этой сценѣ и въ Грѣхопадении мы встрѣчаемъ какъ бы копіи съ миниатюръ Вѣнскаго Библия: тоже стремленіе къ роскоши деталей въ изображеніи животныхъ и рыбъ, хотя фигуры и отличаются уже длиннотою и мертвенностью; на небѣ пылаетъ заря, а внизу течетъ рѣка Евфратъ.

Слѣдуетъ въ 60 ямбическихъ ¹⁾ стихахъ изложеніе содержанія, писанное киноварью и окаймленное орнаментомъ изъ волютъ и крестовъ и перевитыхъ лентъ. Во второй половинѣ этого изложенія находятся стихи, указывающіе и на владчика (*κτῆτορα*) и списателя, любопытные церемониальными подробностями:

¹⁾ Соответственно числу мѣсть: припомнимъ 60 силъ или воинствъ небесныхъ; Киприанъ, Иронимъ и др. относятъ число какъ священное къ двамъ вдовамъ, вообще дѣвству: Martigny, Dictionnaire p. 440, а кодексъ посвященъ Богородицѣ.

οὕτω λέων ὁ θερμὸς ἐντολῶν φύλαξ | πιστὸς ταμείας τῶν ἀνακ-
 τῶρων πέλων | τῆς εὐσεβείας εὐκλεῶς τὰς ἀξίας | φέρων ἑαυτῷ τὴν
 πρωτοσπαθάρου | πατρικίου τε καὶ τὴν τοῦ πρεποσίτου | ἐπεὶ περ
 ἄλβον ὡσπερ ἐν τῇ καρδίᾳ | τέτευχεν πίστιν καὶ γὰρ οὕτω καὶ
 βίβλοις | ταύτην τεθηκῶς δῶρον ἐμπύρω πόθῳ | τῇ παρθένῳ καὶ
 μῆρι τοῦ Θεοῦ λόγου | δέλτον προσάγει τὴν δὲ τὴν θεηγόρου | ἔχου-
 σαν ἔνδον πάσαν ἔνθεον βίβλον | λυτρώσιν ἔνθεν ἀμπλακημάτων
 θέλου | σαφῶς μετασχεῖν οὐδὲ γὰρ καταξίαν | εὐρεῖν τίς ἰσχὺς εἶεν
 ἄλβον προσφέρειν | δέχοιο δ' ἔνθεν ὡ' πανόμνητε κόρη | διδοῦς αἰεὶ
 σοι πνεῦμα συντετριμμένον | λαμπρὸν βίον τε καὶ καθαρὰν καρ-
 δίαν | πλουτῆν ὅπως με τῆς ἀνωτυχεῖν δόξης | τὸν σοι τὸ δῶρον καὶ
 καλῶ μου προστάτῃ | νικολᾶω σπένδον τῇ καρδίᾳ πόθῳ.

На послѣднемъ листѣ имѣется приписъ черными чернилами,
 которая просить смотрѣть, какъ «всякая исторія изложена кромѣ
 того въ пояснительныхъ рисункахъ, а по полямъ этихъ рисунковъ
 стихами же—стиχοι ἔμμετροι ἱαμβικοί смыслъ изображеннаго вы-
 ясенъ вполне».

За этими предварительными поясненіями слѣдуютъ вновь два
 выходные же листа, украшенные двумя крестами и двумя же по-
 святительными миниатюрами во весь листъ. Кресты, великолѣпной
 византійской констругціи, съ камнями и жемчугомъ, имѣютъ
 внизу листовые разводы въ видѣ загибающихся зубчатыхъ ака-
 товъ¹⁾ и помѣщены въ голубомъ полѣ портика изъ пестромра-
 морныхъ колоннъ: украшеніе, спеціально принадлежащее рукопи-
 сямъ X вѣка. Первая миниатюра изображаетъ Богородицу, которая,
 стоя на ступенчатомъ помостѣ въ античной оградѣ, правою рукою
 принимаетъ книгу отъ преклонившаго колѣна и поднимающагося
 византійскаго вельможи, а лѣвою указываетъ на Христа въ небѣ;

¹⁾ Это украшеніе соответствуетъ вообще представленію древа креста,
 прозябшаго, подобно жезлу Авронову, см. въ разсужденіи Пипера *Der Baum
 des Lebens; Evang. Kalender für 1863*, p. 85—92, о формахъ такого креста
 изъ древа жизни; эту форму находимъ въ барельевахъ вратъ Салернскаго
 собора и др. Возможно также, что изъ этого украшенія возникъ впоследствии
 орнаментальный рогъ, о чемъ см., впрочемъ, разсужденіе г. Филимонова: О
 значеніи луны подъ крестомъ въ Сбор. Общ. древне-рус. иск. за 1868 г.

сама Богородица является въ пурпуровомъ хитонѣ и таковой же пенуль, навиннутой на голову, съ бахрамою, и пурпуръ утратилъ античный цвѣтъ, ставъ темнокраснымъ; на ея поясѣ виситъ бѣлый платъ—по всей вѣроятности, простой рушникъ, какъ атрибутъ ея хозяйственныхъ и материнскихъ занятій¹⁾; ея типъ и лицо полное и важно-величавое еще близки къ древнему юношескому типу и имѣютъ прекрасныя правильныя черты, непосредственно близкія къ изображенію Б. М. въ рукописи Космы. Но крайне удлинненныя пропорціи и колоссальность всей фигуры, почти втрое большій, чѣмъ стоящій передъ нею патрицій, напоминаютъ начала средневѣковаго искусства на Западѣ и почти безпримѣрны въ Византіи, гдѣ искусство, помня высшіе законы классической пластики, не знало или чуждалось подобныхъ дѣтскихъ приѣмовъ. Патрицій, интересная по реальности портрета фигура, малаго роста, худосочная, съ узкими глазами, одѣтъ въ бѣло-атласный короткій хитонъ съ золотомъ и красно-пурпурную хламиду съ золотыми каймами; это тотъ самый Левъ, казначей и секретарь двора, глава оруженосцевъ, спальникъ и вѣстѣ воевода, который былъ патрономъ писателя или его монастыря, о чемъ и гласитъ надпись киноварью²⁾. За низкою оградой виднѣются горы.

Подобная же миниатюра представляетъ Святителя Николая Чудотворца въ бѣломъ облаченіи (фелонь обшита мѣхомъ) среди подобной же ограды; у-ногъ его павшіе на землю челомъ: игу-

¹⁾ Впервые этотъ атрибутъ, по нашему мнѣнію, является на мозаикѣ ораторіи св. Венанція, 642 г. *Stowe und Cavalcaselle I стр. 41, Parker Phot. № 1710.*

²⁾ Имя Льва слишкомъ обыкновенно, чтобы можно было прямо указать, какою это Левъ здѣсь представленъ: см. *Chronogr. Byz. de Muralt, ind.* Но между разными лицами этого имени Л. патрицій, доборникъ Фотія ib. стр. 459 можетъ быть одно и тоже лицо, что Л. патрицій и сакелларій, къ которому есть три письма Св. Феодора Студита, см. Письма 56, 129, 187 указ. изд.: покровитель М-ря Студійскаго (онъ былъ въ подозрѣніи какъ «Студитъ»), защитникъ иконопочитанія и градоначальникъ въ Е-полѣ. Переписчикъ поминаетъ, очевидно, Св. Игумена Студ. Николая (4 еевр. въ Менол. Ват.)+868, пострадавшаго за Св. иконы, ибо онъ называетъ его *καλβ; προπάρτης* (и начальникъ, и патронъ).

мень — *ὁ ἐυλαβέστατος καθηγούμενος μάκαρ κήμενος* про τῶν ποδῶν и пр. и другой вельможа, покровитель монастыря и брат сакелларія Льва — *κωνσταντίνος ὁ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει γέγονος πρωτοσπαθάριος*, и по срединѣ *ἀδελφός τοῦ σακελλαρίου ὁ καὶ τῆν μόνην μετὰ θῆρ ὀπισθάμενος* ¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ кодексѣ мы владѣемъ образцомъ монастырскаго художества, тогда какъ въ Псалтыри и подобныхъ ей кодексахъ, писанныхъ для Македонскихъ монарховъ, мы имѣемъ работу царской школы.

Затѣмъ 12 большихъ миниатюръ въ листъ представляютъ избранные библейскіе сюжеты: 1) Исходъ Евреевъ въ трехъ сценахъ: Моисей созерцаетъ нестарающую купину—сцена, представляется вполне въ извѣстной античной манерѣ; Моисей и Ааронъ получаютъ наконецъ согласіе Фараона на Исходъ Евреевъ ²⁾; самый Исходъ представленъ въ видѣ перехода черезъ Черное море; также группа радующихся Евреевъ, на шеѣ матери сидитъ дитя въ золотой одеждѣ (Исходъ, XII, 35); ниже потопленіе Египтянъ съ изображеніемъ моря (πόντος) вмѣсто бездны и другой фигурой моря съ несломъ, обернувшейся, въ знакъ того, что воды его обратились на Египтянъ (Исходъ, XIV, 26). Ааронъ и Левиты несутъ ковчегъ Завета мимо большихъ зданій — помпозная миниатюра, напоминающая ту же сцену въ свиткѣ Іисуса Навина.

Прекрасная иконописная и рельефная композиція: Моисей со свиткомъ въ рукахъ и благословляя, обращается къ юному же Іисусу Навину, записывающему его слова въ развернутомъ свиткѣ; Іисусъ одѣтъ въ византийскій патриціанскій костюмъ, и его лицо чрезвычайно типично. Въ нижней половинѣ листа представлены въ 12 клѣткахъ колѣна Израилевы, но уже въ видѣ множества фигуръ, отъ которыхъ изображены только головы кружками.

¹⁾ Имя Константина протоспаерія также обыкновенно, а пошары (по преимуществу церковей) знаемъ отъ годовъ: 790, 887 и 912 въ Chron. Byz. Muralt.

²⁾ Интересно, что Фараонъ обращается къ нимъ съ жестомъ греческаго благословенія, а они къ нему съ латинскимъ; не имѣеть ли первый значенія благоволенія, а второй — убѣжденія?

Лучшая по драматизму сцена, близкая къ 10-й мин. Пар. Псалтыри: Моисей въ порывисто восторженномъ движеніи развязываетъ ремни своихъ сандалій, вдали на право видна купина горящая и не сгорающая, а выше онъ быстро шагаетъ по горѣ, чтобы принять отъ Десницы Божіей заповѣди; внизу двѣ группы народу, глядя вверхъ, въ страхъ отступаютъ: одна группа уже вышла изъ оврага и созерцаетъ чудо съ живыми знаками изумленія; другая еще на дорогѣ, но передніе ряды уже повернули головы; сидя на утесѣ, богъ горы Синая смотритъ тоже вверхъ и держитъ въ лѣвой рукѣ стволъ дерева; нижняя часть фигуры окутана зеленымъ гиматіемъ, остальное тѣло наго и хотя богъ сидитъ задомъ, но мускулиность и крѣпость здороваго загара на тѣлѣ столь же ясно и типично представлены, какъ и его косматые волосы, заимствованные отъ звѣрообразнаго Сатира при грубыхъ и животненныхъ чертахъ лица. Художникъ долженъ былъ быть очень близко знакомымъ съ античною миеологіею, особенно въ памятникахъ искусства, чтобы намѣренно искать подобнаго типа. Вершины Синая окутаны голубымъ дымчатымъ флеромъ. Къ Книгѣ Судей Израилевыхъ оригинальная миниатюра представляетъ идеальное засѣданіе—*κριτήριον* разомъ четырехъ судей: Сампсона, Соломона, Варака и Геффаи; кругомъ толпы дивящагося народу.

Самуилъ помазуетъ Давида на царство—полное повтореніе того же оригинала, что и въ мин. 3-й Пар. Псалтыри: Самуилъ, стоя на возвышеніи, льетъ изъ рога на голову скромно преклоненнаго Давида; таже женская фигура — образъ его Бротости или Смиренія—въ голубомъ гиматіи и розовомъ хитонѣ, видна до пояса, но безъ надписи; сзади братья Давида, дивясь, недоумѣваютъ и переглядываются—еще счастливый мотивъ натуралистическаго направленія; особенную красоту сценѣ придаетъ богатый архитектурный фонъ въ видѣ портиковъ, ротондъ съ раковиннымъ сводомъ и зданій въ саду. Самуилъ и Смиреніе представлены въ розовыхъ нимбахъ. Соломонъ, вѣнчаемый Нааномъ, оба подняты на щитѣ; въ оградѣ направо изъ окна глядятъ на сцену Давидъ и Варсавія. Соломонъ, какъ царь, въ золотомъ нимбѣ, а Пророкъ изображенъ въ голубомъ.

Илія порицаєтъ нечестиваго Ахава, сидящаго съ двумя тѣлохранителями; Ахавъ представленъ въ свѣтлозеленомъ нимбѣ. Ниже извѣстная по рукописи Космы сцена вознесенія Иліи: вдоль рѣки Евфрата ¹⁾ на гору несется огненная колесница, за нею бѣжитъ Елисей; направо виденъ городъ съ двумя башнями; все это слабо, неловко и отличается многими неправильностями рисунка, но дано въ широкой древней манерѣ. Елисей имѣетъ голубой нимбъ.

Наиболѣе замѣчательная миниатюра, изображающая подвигъ Юдиои, представляетъ лучше всего замѣтное въ рукописи желаніе выйти изъ узкой рамки иконописныхъ сюжетовъ и соединить задачу богословскую съ требованіями искусства: въ нашемъ кодексѣ, посвященномъ самой Богородицѣ, самый выборъ сюжетовъ долженъ былъ имѣть тайное отношеніе къ ней, а между ними исторія Юдиои ближе другихъ, и вотъ миниатюристъ даетъ здѣсь едва-ли не первую пробу представленія ея подвига. Вверху городъ Іерусалимъ; на его стѣнахъ шесть воиновъ безпокойно глядятъ внизъ, ожидая приступа; ворота заперты; въ центрѣ справа слуга ведетъ Юдиою со служанкой въ Олоферну и рядомъ же Юдиою отрѣзаетъ ему голову на ложѣ; судорожное движеніе тѣла его не можетъ, конечно, назваться удачнымъ, и вся сцена, хотя жива и натуральна, но дурно рисована, за то ниже въ далекой перспективѣ видимые отряды Израильской конницы, преслѣдующей Ассирійцевъ, могутъ назваться по справедливости лучшимъ изъ всего, что мы знаемъ въ миниатюрѣ послѣ кодекса Иліады, съ которыми этотъ рисунокъ имѣетъ такое поразительное сходство, что оно не можетъ быть случайнымъ: явно, что миниатюристъ воспользовался здѣсь въ частности древнимъ оригиналомъ.

Царь Антиохъ, передъ нимъ Элеазаръ съ 7 Макбавеями; Антиохъ одѣтъ въ пурпурный гиматіи, съ зелеными нарукавниками и оплечьемъ, а его тѣлохранитель въ зеленую тунику съ голубымъ табліономъ на груди; голова царя окружена зеленымъ же нимбомъ.

¹⁾ Въ рукоп. Космы есть олицетвореніе рѣки въ гипѣ свитка I. Навина и носить имя Іордана.

Праведный Иовъ, пораженный проказою, въ печали сидитъ на кучѣ пепла; будучи еще молодымъ, онъ поражаетъ крайнею худобою; передъ нимъ три царя и четыре филы народу; съ другой стороны его жена, подающая ему хлѣбъ на палкѣ; внизу видны античные портики и дома города. Рисунковъ сходный въполнѣ съ миниатюрою Парижскаго кодекса Григорія Наз. № 510¹⁾; жена Иова столь-же красива въ античной позѣ и простой, но изящной драпировкѣ. Последняя миниатюра, изображающая посѣдѣлаго Царя Давида, представляетъ уже всю сухость и черствость этого типа въ поздне-византійскомъ искусствѣ

Хотя совершенно справедливо, что эта рукопись много уступаетъ въ характерности стиля и техническомъ достоинствѣ современнымъ блестящимъ кодексамъ Македонскихъ монарховъ, а перенятое остатковъ античной живописи не могло дать основъ для развитія, тѣмъ не менѣе миниатюры, нами описанныя, представляютъ замѣчательную художественную жизнь и попытку къ созданію новаго. Живописный ихъ характеръ не имѣетъ себѣ подобнаго въ современномъ византійскомъ искусствѣ, и съ миниатюрами Парижск. Псалтыри ихъ различаетъ уже золотой фонъ и иконописный пошибъ ея иллюстрацій. Взвѣсивъ, въ карловингскихъ рукописяхъ, какъ замѣчено, есть некоторая близость къ нашему кодексу и болѣе другихъ въ Вибліи храма Ап. Павла въ Римѣ²⁾: тоже стремленіе къ представленію живописному, безусловное предпочтеніе натурального, не золотого фона, античные типы и костюмы, драматизмъ и живость въ группахъ и натуралистическій взглядъ на обстановку библейскихъ событій. Но въ то время, какъ византійскій кодексъ, держась иконописной традиціи, сохраняетъ всю высоту религіозной живописи, возмѣщающей характер-

¹⁾ Миниатюра этого кодекса изображена у Louandre, Arts Somptuaires pl. XIII.

²⁾ Кромѣ рисунковъ съ нея въ малую величину и некоторыхъ кадекъ, изданныхъ Даженоуромъ, Peint. pl. XI—XLV, недавно сдѣланы и фототипическіе снимки Паркеромъ въ Римѣ, A Selection from the 3000 ph. of Rome, part. V.

ностью типовъ отсутствіе талантовъ, рисовальщикъ карловингской рукописи самъ лишилъ себя этой основы, ради желанія превзойти всѣхъ, т. е., понятно, представить нѣчто совсѣмъ новое, и, задавшись такою невозможною задачею, сдѣлалъ лишь жалкую произвольную компиляцію изъ византійскихъ образцовъ, разбавленную мѣстами мелкими натуралистическими подробностями. Гдѣ въ кодексѣ Христины драматическая цѣльная картина, тамъ въ каролингской рукописи хроническій длинный рассказъ, тянуційся полосами по листу (три полосы или фриза и даже четыре); гдѣ въ первомъ рельефная композиція, тамъ во второмъ однообразныя и скучныя толпы побочныхъ лицъ; гдѣ, наконецъ, византійскій художникъ копировалъ прекрасный античный рисунокъ, тамъ живописецъ западный только повторялъ всѣ недостатки изуродованнаго византійскаго оригинала. Здѣсь переняты были собственно всѣ элементы: типы, содержаніе, манера и пр., но затѣмъ даны въ новомъ сложеніи, и притомъ самыя элементы были лучшей эпохи византійскаго искусства, близкаго къ античному. Въ позднѣйшую эпоху дѣтское состояніе искусства на Западѣ обуславливало прежде всего перениманіе самыхъ византійскихъ композицій, но художникъ былъ безсиленъ въ передачѣ типовъ и чистоты стиля. Хотя рисовальщикъ Библии и имѣлъ, конечно, кромѣ византійскаго образца и другой, подобный Вѣнской Библии, но это не помѣшало ему перенять всю внѣшность перваго: костюмы даютъ полное воспроизведеніе византійской драпировки, съ зубчатыми изрѣзами поль гиматія, образующими т. н. ласточкины хвосты, хотя мѣстами и видна попытка представить тѣло подъ одеждою; укажемъ главное: молодые люди часто наряжены въ туники съ вырѣзными полами, которыя спеціально принадлежатъ византійскому искусству VIII—XIII в. Обстановка, архитектурная часть (города, ротонды на пестрыхъ колоннахъ или сіоны, т. е. пологіе круглыя или четырехсторонніе купольные своды, пестромраморная облицовка и пр.)—византійскаго характера; типы иконописные скопированы съ византійскихъ VIII—IX в. (Христосъ, Евангелисты и пр.), но не Давидъ, не Моисей, изображаемый сѣдымъ и др.; черты или типъ лица вездѣ того же происхо-

жденія: это суженный греческій овалъ, низкій лобъ, большіе глаза, большой и широкій носъ, сильно развитый и не закру-
гленный подбородокъ, придающій лицу характеръ черствости, ска-
редности; типъ этотъ есть на столько же достояніе стила, на
сколько его варіаціи въ греческихъ рукописяхъ XIII вѣка. Но
художественную слабость этого западнаго произведенія лучше всего
можно видѣть на сличеніи его рисунковъ съ миниатюрами ко-
декса Христины. Въ миниатюрѣ Исхода вверху изображено, какъ
младенца Моисея находятъ въ рѣкѣ Нилѣ (рѣка въ видѣ боро-
датаго мужчины со скипетромъ и сосудомъ); въ срединѣ Фара-
онъ на тронѣ подъ круглою сѣнью, а по сторонамъ его состя-
зающіеся съ магами Моисей и Ааронъ производятъ изъ жезла
змія, пожравшаго змія маговъ, въ то время какъ Фараонъ еще
кличется могуществомъ своихъ волшебниковъ; сбоку Моисей, уже
сѣдой, видѣнъ до пояса въ ущельи горы передъ купиною, —
дѣтскія хлопоты о натуральности; ниже сцена Перехода, состав-
ленная прямо по византійскому описанному переводу, но безъ оли-
цетвореній. Сцена принятія заповѣдей — только часть обширной
византійской же композиціи, нами описанной, тогда какъ другая
употреблена на изображеніе чудесной смерти Моисея и прощанія
его съ народомъ, но его толпы чужды драматическаго пред-
ставленія и однообразны. Подвиги Иисуса Навина: взятіе Иерихона,
переходъ по суху черезъ Иорданъ съ ковчегомъ и пр. изображены
въ дѣтской, натуралистической манерѣ; самъ Иисусъ пред-
ставляется сѣдымъ и въ типѣ Моисея, безъ малѣйшихъ измѣненій;
пусть западные историки, упрекающіе византійское искусство въ
старчевствѣ его типовъ, сравнятъ эти двѣ реалистическія фигуры
западнаго художества съ идеалами, хотя традиціональными, ис-
кусства византійскаго! Сравненіе сцены помазанія Давида, окру-
женнаго двумя рядами есладъ со щитами, конечно, также не
въ пользу западной работы, тѣмъ болѣе, что тутъ же досужестъ
западнаго маляра придумала изобразить и Илию, падающаго бук-
вально вверхъ ногами. Въ исторіи Юдиои она сама изображена
7 разъ, и неловкость миниатюриста дошла до того, что онъ пред-
ставлялъ ее три раза со служанкою въ сценѣ убіенія Олоферна:

разъ, когда онѣ отсѣкають ему голову, другой, когда онѣ поднимають ее за волосы и третій, когда онѣ уходятъ съ добычею.

Въ заключеніе мы должны сказать, что византійскій кодексъ предлагаетъ еще одну важную, хотя не вполне ясную черту аналогіи съ карловингскою рукописью: это его заглавныя буквы, которыя, будучи по преимуществу составлены изъ плетеній, нестро раскрашенныхъ блѣдными красками (лишь изрѣдка орнаментальныя пальметты), могли бы быть отнесены въ романскому влиянію, если бы мы не знали отчасти этихъ формъ въ рукописяхъ восточныхъ.

Псал. Вар. 6.
Palat. № 381.

Интереснымъ воспроизведеніемъ тѣхъ же оригиналовъ, что являются намъ въ Париж. Псалтыри и кодексъ Христины, оказывается рукопись Ватиканской Библіотеки изъ Палатинскаго отдѣла¹⁾ № 381, оставшаяся почему-то вовсе неизвѣстною Даженьгору²⁾. Четыре миниатюры въ листъ in 4° отличаются прекраснымъ рисункомъ, полнымъ техническаго умѣнья и шаровки, стіля XI—XII вѣковъ (отличный крупный уставъ скорѣе указываетъ на первое), и представляютъ тѣ же намъ извѣстные сюжеты декоративной иллюстраціи Псалтыри: 1) Давидъ играетъ на лирѣ, сидя въ профиль на утесѣ горы; зади него Мелодія, лицомъ къ зрителю, и пр.—точная копія описаннаго сюжета. Замѣтимъ только, что Давидъ играетъ здѣсь на большой еврейской треугольной арфѣ, а не античной четырехугольной лирѣ³⁾. Техника отличается намѣренною блѣдностью красокъ. 2) Давидъ среди Мудрости и Пророчества и пр. какъ въ мин. 7-й Пар. Псал. Но типы, подчиняясь вкусу времени, представляютъ уже то мелкое изящество, которому

¹⁾ Объ этомъ отдѣлѣ Библіотеки: *Platner, Bunsen etc. Beschreibung der Stadt Rom. Bd. II, 309.*

²⁾ Указаніе на рукоп. съ номеромъ находится въ соч. *Assemani. Kalendaria eccl. univ. 1750 t. I. Kal. eccl. aevicisae, p. 56, 57, по поводу изображенія Бога Отца въ видѣ Десяницы въ небѣ.*

³⁾ Арфа — *σαμβούκη*—или треугольная лира съ неравной длины струнами, была специально употребляема въ музыкѣ еврейской, также египетской; специальное ея названіе псалтеріонъ, символъ Троицы, см. *Ann. arch. t. IX, p. 329 сл.*

художество удовлетворяетъ также усиленно розовымъ колоритомъ и голубоватыми тѣнями. Самъ Давидъ изображенъ, поэтому, въ красномъ хитонѣ и голубой хламидѣ, украшенной крестчатыми орнаментами растительнаго происхожденія. Къ ис. 77 двѣ миниатюры: 3) Моисей приѣмлетъ заповѣди — тождественно во всемъ съ рис. код. Христины, только, какъ и слѣдуетъ въ копиі, все уменьшено, слабо и блѣдно, сравнительно съ блестящимъ оригиналомъ. 4) Моисей вторично восходитъ на Синай для принятія заповѣдей и на этотъ разъ принимаетъ ихъ отъ самаго Бога. Согласно съ принятымъ въ X и XI вѣвѣ иконографическимъ обычаемъ, который установился въ виду забытой еще ереси, Богъ изображенъ въ типѣ Христа, но сѣдымъ и съ простымъ нимбомъ, въ лѣвой рукѣ подъ гиматіемъ онъ держитъ золотую книгу.

Художникъ сохранилъ также и всѣ детали живописнаго изображенія этихъ сценъ, но и зарево, и голубой эфиръ горъ переданы гораздо грубѣе. Въ средствѣ съ код. Христ. находится и то, что заставки рукописи образованы изъ простѣйшей орнаментики, которая не встрѣчается въ эту эпоху въ Византіи и болѣе свойственна Востоку.

Дальнѣйшую копию съ этихъ редакцій Лицевой Псалтыри, быть можетъ, уже съ посредствующей редакціи X вѣка, представляетъ любопытная рукопись Псалтыри въ Барберинской Библіотекѣ № 202, in 12°, XII столѣтія ¹⁾, а именно 1177 г. какъ значится въ приписи: содержитъ семь малаго размѣра миниатюръ: четыре выходныхъ и три иллюстраціи въ текстѣ, всѣ съ характеромъ показныхъ, декоративныхъ сюжетовъ. 1) Помазаніе Давида на царство; таже сцена, но Самуилъ представленъ уже въ образѣ библейскаго аскета, напр. Тереміи; этимъ типомъ въ данную эпоху такъ злоупотребляли, что онъ превратился въ своего рода «академическій»; Самуилъ стоитъ на богатомъ возвышеніи въ формѣ омбиликоса. 2) Царь Давидъ, поднявшись съ трона, въ живомъ движеніи простираетъ руки,

Псал. Барбер.
б. въ Римѣ,
№ 202.

¹⁾ Замѣтка о рукописи сдѣлана Руноромъ въ его *Italianische Forschungen* I, p. 299.

чтобы принять свитокъ отъ Руки Господней; онъ въ красныхъ императорскихъ сапожкахъ, убранныхъ жемчугомъ, и порфировой хламидѣ, накинутой на голубой длинный хитонъ — костюмъ въ дѣйствительности небывалый и понятный только, какъ наивный компромиссъ иконографическаго преданія и натурализма.

3) Давидъ съ Псалтырью, стоитъ, благословляя; тотъ же костюмъ

4) Маленькая миниатюра, копирующая со всѣми подробностями картину игры Давида на арфѣ: Мелодія, божество горы, нимфа Эхо и пр. Въ текстѣ пишется: 1) л. 112 къ ис. 77: Моисей съ утесовъ горы Синая приноситъ народу заповѣди; вдали бѣлѣющая вершина Синая, на лѣво нагая фигура горы, сидя, смотритъ на сцену. 2) л. 212. Давидъ рубитъ голову Голиаѳу. Мелочные, наименѣе художественные приемы Ватиканскаго Менология. 3) л. 221. Переходъ черезъ Черное море, копія выше переданнаго перевода. Фигура ночи замѣнена юношей, держащимъ надъ головою раздутое покрывало, — быть можетъ, не понято или изображеніе дня (впрочемъ, подобная же фигура въ октотевхѣ Ват., въ сценѣ Лѣствицы). Наконецъ, къ поздне-византійскимъ приемамъ относится и то, что буквы кодекса представляютъ въ миниатюрныхъ размѣрахъ Моисея, Давида, Христа въ позахъ имъ присущихъ.

Наряду съ этими малоизвѣстными или и вовсе неизвѣстными рукописями, но представляющими разработку, или храненіе, хотя бы въ копіяхъ, высшихъ или идеальныхъ задачъ искусства, прославленная Псалтырь Марціаны (Библиотека Св. Марка въ Венеціи, во дворцѣ дожей) есть произведеніе грубаго вкуса, жалкаго выбора и такого неидеальнаго характера, что, казалось бы, она вовсе не заслуживаетъ своей извѣстности ¹⁾. Эта рукопись писана для Императора Василія II Македонянина (976 — 1025) и изображаетъ его самого на выходномъ листѣ во всемъ показномъ

Псал. Марціаны № 17.

¹⁾ Въ л. № 17 библ. греч. код. Описаніе и рисунокъ главной члв. у Zanetti Graeca S. Marci Bibliotheca codd. man. 1740, стр. 18. Даженбургъ I. с. pl. 47, 4, 6. Labarte, I. с. pl. 85—мин. съ изобр. Василія и pl. 87: листъ миниатюръ изъ исторіи Давида.

византійскомъ орнатѣ: на золотомъ подножіи, съ мечемъ въ лѣвой и копьемъ въ правой, въ золотой кирасѣ на пурпурномъ короткомъ хитонѣ изъ шелку и длинныхъ красныхъ сапогахъ, убранныхъ жемчугомъ, а на плечахъ застегнута фибулою голубая воинская хламида; Архангелы Гавріилъ и Михаилъ съ ивѣрилами надѣваютъ на Имп. корону и въ руку даютъ ему копье; онъ стоитъ какъ бы въ царскихъ дверяхъ во время коронаціи, потому что по сторонамъ его по три медальона съ изображеніемъ Свв. Θεодора, Димитрія, Георгія, Прокোпа, Меркурія — все Святыхъ воинствующихъ. Согласно съ этимъ, внизу у ногъ Императора павшіе старѣйшины депутаціи отъ покоренныхъ городовъ, съ золотыми наручами и въ богатыхъ одеждахъ. Шесть мелкихъ миниатюръ изъ исторіи Давида: его помазаніе, онъ убиваетъ медвѣдя, льва, сражается съ Голиафомъ, играетъ для больнаго Саула на киварѣ, кается передъ Пророкомъ и молится.

Въ этихъ рисункахъ выказываются всѣ достоинства и недостатки византійской миниатюры втораго періода: блескъ свѣтлыхъ красокъ, тщательность мелкой работы, замѣчательно прекрасные иконографическіе типы, напр. ангеловъ, стильность рисунка отъ изящной композиціи и до мелкихъ деталей и пр. Въ то же время видимъ здѣсь крайне изуродованныя пропорціи ¹⁾, зеленое тѣло, рулянецъ, грубо обозначенный розовыми пятнами, утрированные жесты, преувеличенное выраженіе, словомъ, при декоративномъ направленіи художества скудную, омертвѣлую схему въ высшихъ его сферахъ. Весь интересъ этихъ миниатюръ только въ томъ, что онѣ послужили посредствующимъ звеномъ для передачи высокихъ оригиналовъ отдаленнымъ подражателямъ, напр. въ искусствѣ древне-русскомъ ²⁾.

Слова Григорія Богослова, одного изъ наиболѣе чтимыхъ

¹⁾ Таковъ отзывъ изв. Шнаазе, но напрасно судить онъ по этой рукописи обо всемъ искусствѣ въ эту эпоху, см. *Gesch. der bild. Künste*, III, стр. 24.

²⁾ Рис. изъ рукоп. Космы, перешедшій въ Макар. Четьи-Минен, Моск. Синод. Вибл. № 997, см. Пров. Буслаева *Очерки*, т. 2, къ стр. 325.

въ греческой церкви Святителей, получили особенное значеніе въ эпоху иконоборства: его поучительная стойкость въ защитѣ истинной вѣры, его ясное и краснорѣчивое представленіе догматовъ, наиболѣе глубокихъ и недоступныхъ, какъ напр. догмата о Троицѣ, его вдохновенныя откровенія Таинствъ дѣлали его постояннымъ образцомъ для такихъ дѣателей вѣры, какъ Феодоръ Студитъ. Блестящія ораторскіе приемы, склонность къ пышной, цвѣтистой рѣчи, сыплющей образными уподобленіями¹⁾, поражающей своими классическими формами и вѣстѣ высокимъ содержаніемъ, привлекали почитателей и учениковъ. Отсюда значительное число кодексовъ этого писателя, происходящая изъ этого періода²⁾, — отсюда, конечно, и редація миниатюръ, украсившихъ эти рѣчи. И это обстоятельство тѣмъ рельефнѣе обнаруживается въ исторіи миниатюры, что всѣ кодексы Григорія Богослова съ миниатюрами принадлежать безусловно періоду IX—XII вв.³⁾ и притомъ всѣ сводятся болѣе или менѣе къ одной основной редакціи, представителемъ которой является извѣстный кодексъ Григорія Богослова Париж. Вибл. въ л. 510⁴⁾. Эта знаменитая рукопись или была написана для самаго имп. Василія Македонянина, или во всякомъ случаѣ въ его царствованіе, притомъ между 880 и 885 годами, потому что изображенные въ кодексѣ двое дѣтей Василія: Левъ и Александръ были наречены императорами приблизительно около этого времени, послѣ того какъ старшій его сынъ Константинъ умеръ въ 880 г.⁵⁾

Рукопись эта, вѣстѣ съ Ват. Менологіемъ представляетъ,

Код. Григор.
В. Пар. библ.
№ 510

¹⁾ Выборъ уподобленій изъ рѣчей Григ. Богослова въ изд. Migne, Patrolog. с. с., т. 35-й, стр. 387 слѣд.

²⁾ См. Migne, Patrolog. с. с. ser. gr. t. XXV, стр. 29, перечисленіе 24 кодексовъ Парижскихъ, между которыми лишь три или четыре XIII и XIV вѣковъ.

³⁾ Мощи Григ. Б. перенесены въ К—поль въ 950 г.

⁴⁾ Описаніе первыхъ мин. въ изд. S. Greg. Naz. opera ex ed. mon. ord. S. Bened. 1768, I, 11—12; Du Cange, Constant. chr. tab. 9: *Waagen*. I. с. р. 202—217. *Labarte*, I. с. III р. 36—46; рис. pl. 81 (Иезекииль); *Louandre, Les arts. sompt.*, pl. I. 50—8.

⁵⁾ Muralt, *Essai de chron. byz.* стр. 461 — 466.

несомнѣнно, одно изъ наиболѣе удивительныхъ произведеній миниатюрнаго искусства; богатство ея украшеній должно происходить отъ непосредственнаго участія двора; весьма вѣроятно даже, что эта рукопись, какъ и менологій, работана царскими миниатюристами. Этому соотвѣтствуютъ и необыкновенно развитая техника, и блескъ красокъ, и поразительное искусство моделировки самой нѣжной въ тѣняхъ и колерахъ, и вся нарядность виѣшняго парада въ богатствѣ костюмовъ и деталей; нѣжно лиловый фонъ неба, или яркое зарево и блестящая зеленая мурава почвы; складки драпировки, поражающія чистымъ классическимъ типомъ, хотя какъ будто скопированнымъ съ другихъ или болѣе высокихъ или болѣе низкихъ фигуръ; тѣло полное и румяное, красивыя округлыя лица, легкіе и пріятные жесты, все указываетъ намъ изящный, воспитанный вкусъ. Но въ то же время всѣ эти и многія другія достоинства суть результатъ, добытый уже давно византійскимъ художествомъ, нынѣ только щедро расточаемый; все это богатство мелочей и подкупающія нѣжностью колеровъ формы лишены истинной силы древне-византійскаго искусства; хотя искусство группировки и пониманіе драматической композиціи не утрачено, но фигуры старательно изображаются en face, согласно съ господствующимъ монетнымъ типомъ; поэтому, если фигура въ церемональной позѣ, она удачна, всякое движеніе ее безобразить; второстепенныя фигуры и вовсе пишутся по краткому шаблону, притомъ онѣ изображаются нарочно въ маломъ размѣрѣ; истинное величіе и изящество еще видно въ иконописныхъ сочиненіяхъ, но натурализмъ живописныхъ сценъ приводитъ къ дѣтски-уродливымъ картинкамъ. И если, по обычаю, Ваагенъ и Лабартъ видятъ въ кодексѣ работу двухъ рубль, а именно въ десяти большихъ миниатюрахъ больше искусства, чѣмъ во всѣхъ малыхъ, то это различіе должно отнести именно къ самому характеру и происхожденію миниатюръ иконописныхъ и живописныхъ. За восторженными похвалами техникѣ нельзя, поэтому, не видѣть внутреннихъ недостатковъ этой парадной иллюстраціи: именно въ ея средѣ ясно чувствуется, какъ мало и слабо передается живописцемъ высокое содержаніе рѣчей,

какъ много, наоборотъ, потрачено силъ на изображеніе пустыхъ церемоніальныхъ или декоративныхъ сценъ. Античный характеръ миниатюръ, которыми такъ восторгаются въ кодексахъ эти писатели, представляетъ только внѣшнюю оболочку и не простирается далѣе нѣкоторыхъ мотивовъ, формъ заученныхъ и окаменѣвшихъ. При сравненіи этой рукописи съ кодексомъ Христіны, видно, какъ по искусству прошло уже мертвящее вліяніе художественнаго застоя: изображеніе, формы, мотивы позъ и движеній, типы,—все остановилось въ своемъ развитіи; художникъ, безсиленный создать что либо новое, начинаетъ поклоняться преподанной ему формѣ и обращаться къ ней какъ къ священному канону. Отсюда жестъ всегда нѣсколько утрированъ и рѣзокъ; типъ благочестивый и почтенный становится суровымъ, хотя и сохраняетъ еще античное изящество и приличіе; выраженіе ударяетъ въ слащавость, приторность. Если тѣ-же писатели отивчаютъ съ особеннымъ удареніемъ, что въ одной изъ миниатюръ Христосъ на крестѣ былъ нарисованъ сначала нагимъ, а потомъ сверху на немъ написанъ коллобій, то эта анатомическая прорисъ ни къ чему не послужила для верхняго изображенія, и врядъ ли можно здѣсь видѣть пріемъ Рафаэля, сначала рисовавшаго все Преображеніе съ нагими фигурами, а потомъ въ костюмахъ¹⁾. Какъ ни была бы блестяща внѣшность этой рукописи, она всетаки принадлежитъ уже поздне-византійскому искусству, и лишь съ этой точки зрѣнія можно правильно и безпристрастно оцѣнить ея достоинства. Сначала идутъ пять выходныхъ миниатюръ въ листъ:

1) Ис. Христосъ, благословляющій, съ Евангелиемъ въ лѣвой рукѣ, на престолѣ. Воспроизведеніе лучшей иконописной манеры представленія, подобной Эммануилу на сферѣ въ абсидѣ С. Виталія въ Равеннѣ, какъ догматическое и идеальное изобра-

¹⁾ Мы замѣтимъ кстати, что на нагой фигурѣ Христа въ этой миниатюрѣ чресленный поясъ: не имѣетъ ли скорѣе эта миниатюра связи съ древнѣйшею манерою представленія Распятаго нагимъ и въ этой только появивъ: таково изображеніе на дверяхъ базилики Св. Сабинны; также въ соч. Rohault de Fleury L'Évangile 1874, t. II p. 255.

женіе Вожества. На Евангеліи читается: *εἰρήνην τὴν ἐμὴν δίδωμι*. Иоан. XIV, 27, при чемъ эти прощальныя слова Иисуса съ Апостолами, согласно съ представленіемъ древне-христіанскихъ катакомбъ, перенесены на торжественное исповѣданіе по воскресеніи ¹⁾. Типъ представляетъ уже поздневизантійское развитіе типа равенскаго и не имѣетъ ничего общаго съ мозаикою нартекса Св. Софіи Цареградской, съ которою сравниваетъ его Лабартъ; лицо имѣетъ розовый колоритъ; маленькая опушающая борода не раздвоена. 2) Евдокія, супруга Имп. Василія, и ея дѣти: Левъ и Александръ по сторонамъ. Кругомъ идутъ стихи прославленія Евдокіи *φώσφορος*. Лица византійскаго типа отдають зеленоватымъ колоритомъ. Всѣ обуты равно въ красныя сапожки, и по пурпурнымъ туникамъ имѣютъ богато расшитыя лороны, перекинутыя на лѣвую руку, въ которой церемоніально держатъ расписную сферу. 3 и 4) Два золотыхъ креста, убранныхъ драгоценными камнями и жемчужными привѣсками съ надписью: Христосъ побѣждаетъ, на голубомъ фонѣ. Этотъ символическій образъ утвержденной вѣры и царства Христова представляетъ внизу двѣ расходящіяся отъ корня вѣтки аканта, — какъ прототипъ позднѣйшаго «процвѣтшаго креста». 5) Архангелъ Гавріилъ, благовѣствующій радость, и Илія—побѣду надъ врагами; послѣдній поэтому съ лабарумомъ ²⁾, по сторонамъ Имп. Василія: замѣчательная замѣна обычныхъ аллегорій высокими и выразительными образами.

Слѣдуетъ сорокъ одинъ листъ миниатюръ (къ 50 рѣчамъ, недостаетъ 9), иллюстрирующихъ или общее содержаніе рѣчей, или наиболѣе выдающіяся мѣста (избраны подъ руковод. какого-либо богослова). Миниатюры помѣщаются обыкновенно по три на листѣ, иногда по одной.

1) а. Сцены Благовѣщенія (*δ χαριστισμός*). Цѣлованія Елисаветы

¹⁾ См. ереску катакомбъ Св. Агнесы: *Bosio. Roma sotter. p. 475.*

²⁾ Помимо извѣстнаго почитанія Пророка Иліи въ Византіи, Имп. Василій читалъ Пророка и потому, что впервые прибывъ въ Царьградъ, былъ привѣтствованъ въ ц. Св. Діонода или Иліи, по голосу свыше, какъ Императоръ. *Chronogr. Byz. de Murali, 837-й годъ, стр. 419.*

(δ ἀσπασμός), т. е. свиданія ея съ Марією и Принесенія во храмъ. При изящной античной композиціи, тины поздневизантійскаго искусства, въ красныхъ башмакахъ, пурпуръ, съ золотыми, унизанными жемчугомъ подножіями; но драпировка еще напоминаетъ лучшіе образцы. Благовѣщеніе ¹⁾ представляетъ прототипъ извѣстнаго перевода съ веретеномъ. Замѣчательною красотою и строгостью представленія, еще чуждаго экстаза и силы экспрессіи, отличается сцена Цѣлованія, любопытная и тѣмъ, что это есть несомнѣнно, ея древнѣйшее изображеніе ²⁾. Ея значеніе въ иконографіи совпадаетъ со вторымъ періодомъ византійскаго искусства и особеннымъ почитаніемъ Предтечи въ греческой церкви, а также легендарными сборниками, развивавшими апокрифическія Прото-евангелія. За отсутствіемъ въ рѣчи какого либо указанія на эти событія, остается предположить, что художникъ помѣстилъ ихъ какъ приличное начало. Принесеніе во храмъ ³⁾ интересно живымъ движеніемъ младенца, протягивающаго руки къ Симеону, но иконографическій переводъ лишился торжественнаго присутствія Анны, а также ангеловъ, какъ въ моз. Марія Маджіоре. в. *Исторія пророка Іоны*. Въ рѣчи Апологетической о бѣгствѣ Григорія отъ пресвитерской каедры въ Понтъ къ другу Василию и о значеніи званія пресвитера, гл. 106, 107 уподобляютъ его удаленіе бѣгству Іоны, который, полагая бѣжать отъ предначертаній Господа, попалъ въ чрево китово и послужилъ для прообразованія еще высшаго таинства: въ видѣ ряда сценъ, въ живописной композиціи передающихъ событія со многими деталями: отплытіемъ, поглощеніемъ и пр.; стѣна Ниневія въ формѣ аркадъ, между ними видны фигуры.

¹⁾ Рис. къ ст. графа Уварова въ Трудахъ Моск. Арх. Общ. т. I, табл. 3.

²⁾ Rohault de Fl. L'Évangile I p. 22 утверждаетъ, что эта сцена есть на извѣстной каедрѣ Максимиана въ Равеннѣ, но мы не видѣли ея въ оригиналѣ и полагаемъ, что авторъ разумѣетъ другую сцену.

³⁾ Рис. въ изд. Rohault de Fleury, L'Évangile. Etudes iconographiques. 2 vol. Tours. 1874. 4°, I pl. 15. Авторъ много пользовался кодексомъ для иллюстрацій, но исполненіе рисунковъ нѣсколько поверхностное.

2) а. Замѣчательное изображеніе Распятія во всѣхъ чертахъ и подробностяхъ типическаго византійскаго перевода, непосредственно слѣдующаго за древне-христіанскимъ: съ Логиномъ, прободающимъ (красная туника), и воиномъ съ губкою (зеленая), и затѣмъ Божію Матерью и Іоанномъ по сторонамъ креста; изображеніе разбойниковъ опущено по условіямъ иконографическаго сюжета; вверху солнце и луна, а въ сторонѣ направо видны бѣгущія фигуры Апостоловъ, а налѣво святыя жены. Замѣчательна по силѣ экспрессіи фигура Іоанна, въ опущенныхъ рукахъ выражающая безпомощное горе ¹⁾. б. Іосифъ и Никодимъ ²⁾ (въ нимбахъ) снимаютъ Тѣло; въ сторонѣ скорбящій Іоаннъ съ Богородицею, далѣе они несутъ спеленатое Тѣло въ склепъ; ради натуральности за работою они представлены въ короткихъ туникахъ; изображеніе сюжета древнѣйшее, не являвшееся въ иконографіи потому, что этого не допускалъ ея строго-объективный и символическій характеръ. Извѣстно, наоборотъ, что въ эпоху мистико-лирическаго поклоненія Мадоннѣ и въ итальянской живописи этотъ сюжетъ былъ любимѣйшимъ. Въ византійскомъ же искусствѣ онъ является только какъ одно изъ звенъ евангельской хроники. в. Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ и другой Маріи по Мат. гл. 28, 9; въ отличіе отъ миниатюры Ев. Рабулы, Христосъ не идетъ здѣсь, но стоитъ въ монументальной позѣ.

3) Мученія 12 Апостоловъ (въ Апологіи о бѣгствѣ, гдѣ излагается жизнь Ап. Павла), образующія икону изъ двѣнадцати полей; дѣйствительно, ученически-слабая по исполненію и стилю миниатюра вовсе, однакоже, не другой руки, чѣмъ прежнія, но по самой своей концепціи долженствовала быть особенно слабою. Замѣтимъ, однако, что художникъ изобразилъ здѣсь еще не однѣ мученія, но чаще смерть и погребеніе Апостоловъ, что значительно разнится съ Менологіемъ Ват. Библіотеки.

4) Къ рѣчи 6-й и 7-й на кончину Кесарія и Горгоніи три миниатюры, изображающія Святителей и погребеніе этихъ Святыхъ,

¹⁾ Рис. у Rohault de Fleury l. c. t. II pl. 88.

²⁾ Рис. ibid. t. II pl. 91.

замѣчательныя по монументальности композиціи и по благородной экспрессіи. 5) Къ рѣчамъ «о мирѣ» или мирномъ житіи три придуманныя самимъ художникомъ миниатюры: а. Грѣхопаденіе и Твореніе Евы — въ нагрѣнномъ ¹⁾ совмѣщеніи этихъ сценъ, смыслъ же отношенія къ рѣчи тотъ, что зло грѣха человеческого возмутило миръ райской жизни. б. Изгнаніе изъ рая и плачь. с. Святители поучаютъ народъ. 6) Къ начальнымъ словамъ Апологіи къ отцу ²⁾, когда былъ избранъ епископомъ: «Вновь на мнѣ помазаніе и Духъ; и вновь я скорблю и печалюсь. И да не покажется, однакоже, вамъ это удивительнымъ, ибо и самъ Исаія» и пр., миниатюра изображаетъ видѣніе Исаія: Іегова-Эммануиль, окруженный херувимами съ золотыми и пурпурно-огненными крыльями и ангелами. б. Посвященіе Григорія Богослова въ епископы: онъ одѣтъ въ подиръ, и на голову ему возлагаютъ кидарисъ ³⁾; дѣйствіе происходитъ за низкимъ иконостасомъ. 7) Ко 2-й рѣчи о мирѣ, гл. 1-я съ упоминаніемъ объ Іосифѣ, въ пяти полясахъ исторія Іосифа; особенно плохая по исполненію миниатюра представляетъ, тѣмъ не менѣе, копію древняго оригинала, сохранившую всю античную, нѣсколько игрушечную манеру: маленькія молодыя фигуры, эпическое повѣствованіе; въ послѣдней сценѣ Іосифъ ѣдетъ на колесницѣ, держа лабарумъ. Измаильтяне носятъ, какъ азіаты, фригійскіе колпаки. 8) На слово къ Григорію, брату Василя Великаго, иллюстраціей служитъ изображеніе Святителей, напоминающее мозаики Солуни. Къ гл. III, гдѣ на общую тему о значеніи дружбы, упоминается Іовъ, изображена сцена искушенія его: онъ сидитъ на пеплѣ, покрытый проказою, и жена издали и закрывая себѣ носъ, подаетъ хлѣбецъ на палкѣ; въ сторонѣ соболѣзнующіе

¹⁾ Барельефъ Перуджин, Grimouard de St. L., Guide de l'art. chr. vol. IV, стр. 35.

²⁾ Patol. graec. XXXV, p. 821.

³⁾ *κιδαρὶς* видъ камелавки, иначе *tiapa*; Du Cange Glossar. graec. Appendix, v. *κιδάριον*.

друзья цари со свитою ¹⁾. Эта сцена перешла затѣмъ во всѣ изображенія Іова. 9) *Преображеніе*—лучшее исполненіе древняго византійскаго перевода, послужившаго образцомъ самому Рафаэлю, и вообще показывающаго въ самомъ выгодномъ свѣтѣ искусство Византіи изображать монументальныя торжественныя событія; «слава», окружающая Христа, желторозоваго цвѣта, ибо Христосъ по І. Златоусту явился какъ «солнце восходящее»; самъ Христосъ въ древнемозаическомъ типѣ съ небольшою округлою бородою. Замѣтимъ, что Петръ стоитъ и обращается къ Христу — мотивъ впоследствии не встрѣчающійся ²⁾. Миниатюра эта въ манерѣ древне-христіанскаго параллелизма Ветхаго и Новаго Заѣта должна относиться тому мѣсту рѣчи Григорія Бог. къ отцу ³⁾, гдѣ говорится о Моисеѣ, который, во время битвы молясь, былъ поддерживаемъ подъ руки Аарономъ и Уромъ и прообразовалъ тѣмъ распятаго Христа. 10) Къ рѣчи о *градобитіи* художникъ, по византійскому обычаю, изобразилъ группу мужчинъ и женщинъ, прибѣгающую къ епископу. 11) Къ рѣчи похоронной объ отцѣ и въ утѣшеніе матери любопытныя по расположенію и искуснымъ композиціямъ три сцены призванія Апостоловъ (Петра, Маттея и Закхея ⁴⁾) и сюжеты изъ исторіи обращенія и крещенія Григорія Чудотворца; то и другое въ отношеніи параллелизма. 12) Восемь событій изъ *жизни Василія Великаго* въ четырехъ поясахъ; миниатюры, пестряющія блестящими красками, разноцвѣтными расшитыми византійскими одеждами, съ жемчугомъ и золотыми каймами, болѣе другихъ напоминаютъ Ват. Менологіи. 13) Этой же спеціально византійской манеры двѣ миниатюры, отличающіяся особеннымъ обиліемъ золота, красныхъ одеждъ: а) *поклоненіе волхвовъ* ⁵⁾; вмѣсто неловкаго выраженія энтузіазма

¹⁾ Снимокъ у Louandre Arts Somptnaires, I, pl. 13.

²⁾ Рис. мин. въ изд. Rohault de Fleury L'Évangile, t. II pl. 65.

³⁾ Patrol. gr. ed. Migne, t. XXXV стр. 846.

⁴⁾ Rohault de Fleury, I pl. 41.

⁵⁾ Rohault de Fleury I, pl. 25.

въ рѣзкихъ движеніяхъ, что въ мозаикѣ Св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, мы встрѣчаемъ живую группировку; костюмировка ихъ и бѣлыя коническія шапки, совершенно сходныя съ турецкими фесками, составляютъ прототипъ позднѣйшихъ изображеній. Одинъ изъ волхвовъ также молодъ какъ въ мозаикѣ и одинъ слѣд. в) *Избиеніе младенцевъ* ¹⁾ обставленное убіеніемъ Захаріи при алтарѣ и спасеніемъ Елисаветы и Младенца Крестителя, укрывшихся въ пещерѣ. Къ рѣчи: «О своихъ рѣчахъ и противъ Юліана (ἑξίσωτήν), гдѣ въ XII главѣ Григорій восклицаетъ: «и нынѣ маги преклоняются и дары приносятъ» и «вновь нынѣ Иродъ безумствуетъ и дѣтубійствуетъ» и пр. 14) «На рѣчь къ гражданамъ Назіанзенскимъ, страшившимся гнѣвнаго префекта» на текстъ прор. Іереміи IV, 19: «Утроба моя! скорблю въ глубинѣ сердца моего» и пр., слѣд. сцены: Пророкъ Іеремія въ ямѣ и исторія Давида и Вирсавіи, оканчивающаяся покаяніемъ Давида, котораго благословляетъ Наоанъ; сюжеты въ композиціи близкой къ Пар. Псал. б) На рѣчь «о любви къ бѣднымъ» миниатюристъ изобразилъ и, вѣроятно, впервые любопытную сцену причти о милосердомъ Самарянинѣ и впадшемъ въ разбойники; живописная манера представленія изображаетъ два города: Іерусалимъ и Іерихонъ, посреди горы, гдѣ и происходитъ нападеніе; мѣсто благодѣтельнаго Самаряннина, по высшему символизму византійскаго искусства, занимаетъ самъ Христосъ ²⁾. с) Сцены исцѣленій ³⁾ въ искусныхъ рельефныхъ композиціяхъ съ крупными фигурами, въ типѣ равеннскихъ мозаикъ. 15) Къ рѣчи «о любви къ бѣднымъ»: а) сцены чудесныхъ исцѣленій, совершенныхъ Святителями Василиемъ и Григоріемъ, въ храмѣ; б) жизнь и кончина богача и бѣднаго Лазаря, замѣ-

²⁾ Ibid. I pl. 29.

¹⁾ Но переводъ этотъ также иллюстрируетъ слова Григорія Богослова въ слѣд. рѣчи «о Сынѣ» гл. 2-я Patrol. gr. XXXVI. p. 102, гдѣ по образному выраженію оратора, Христосъ по человѣческому естеству, ищущій, жаждущій, терпѣвшій поруганія, называемый Самаритяниномъ и пр., былъ въ то же время Богомъ, тѣмъ Самаритяниномъ и т. д.

³⁾ Рис. Rohault de Fleury I pl. 60.

чательная по античному рисунку; бѣдный Лазарь на лонѣ Авраамовомъ и богачъ въ пламени ада, — также, вѣроятно, первый по времени переводъ извѣстнаго византійскаго сюжета. 16) Къ рѣчи о Сынѣ, гл. 12, гдѣ описывается земная жизнь Сына Божія, миниатюры: а) Христосъ двѣнадцати лѣтъ поучающій въ храмѣ, въ исторической обстановкѣ, когда его нашли обрадованные Іосифъ и Марія; вмѣстѣ съ высокою простотою композиціи слѣдуетъ отмѣтить и лирическій мотивъ въ выраженіи любви и послушанія Сына; этотъ мотивъ, какъ и многое другое, всецѣло принадлежитъ миниатюристу и не встрѣчается въ этомъ сюжетѣ ¹⁾. б) Искушеніе отъ дьявола въ трехъ сценахъ ²⁾, въ обычной композиціи; дьяволъ въ обыкновенномъ молодомъ человѣческомъ образѣ (какъ, впрочемъ, всегда въ византійскомъ искусствѣ этого и древнѣйшаго періода) имѣетъ лилово-дымчатое тѣло—какъ духъ тьмы по античному представленію (смерть въ рукописи Ват. Космы) и одѣтъ по чресламъ темно-зеленымъ гиматіемъ. Одно изъ древнѣйшихъ изображеній сюжета, сдѣланнагося любимымъ въ XI вѣкѣ. в) *Чудо пяти хлебовъ* въ извѣстномъ уже симметрическомъ расположеніи: Христосъ между двумя Апостолами, благословляя въ ихъ рукахъ хлѣбъ — символъ Причащенія (см. выше Сир. Еван.) ³⁾. 17) Три сцены исцѣленій; б) исцѣленіе дочери архисинагога и исцѣленіе невѣстки Петра; в) спасеніе Петра ⁴⁾: отличной манеры, сохранившей всю классическую простоту и ясность; высокое достоинство величавыхъ фигуръ; особенно выдѣляется сцена исцѣленія дѣвицы, лежащей въ томительной позѣ на постели, среди богатой обстановки, воиновъ у двери, служанки съ *label-*

¹⁾ Миниатюру этого сюжета, изъ кодекса рис. въ соч. Rohault de Fl. I pl. 31, считаемъ первымъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ его изображеній, такъ какъ этого содержанія мозаика триумфальной арки Марин Маджіоре содержитъ подробности особаго происхожденія.

²⁾ Одна сцена въ рис. *ibid.* pl. 36.

³⁾ Rohault de Fleury I. c. I, pl. 57.

⁴⁾ *ibid.* II, pl. 54.

лшм для отогнанія мухъ¹⁾ и пр., всѣ эти сюжеты появляются впервые въ византийской иконографіи: ко второй рѣчи «о Сынѣ».

18) Къ рѣчи «Объ умѣренности въ спорахъ и о томъ, что нельзя человѣку спорить съ Богомъ»²⁾, художникъ, не найдя ничего конкретнаго въ текстѣ, избралъ самъ изъ особенно ходячихъ въ современной ему иконографіи сюжетовъ три: а) Жертвоприношеніе Исаака; сюжетъ третиранъ въ той же манерѣ, что и въ сценѣ большой миниатюры Ват. Космн: Авраамъ, оставляя слугъ съ конемъ, идетъ съ сыномъ къ высокому античному алтарю; хорошо выраженіе недоумѣнія у слугъ, живой поворотъ головы ржущаго коня; но одинъ изъ слугъ падаетъ на землю, чтобы выразить повинновеніе. б) Иаковъ спитъ и затѣмъ борется съ Богомъ; фигура спящаго кажется скопированною со статуи и столь же прекрасна, сколько безобразна фигура борющагося. с) Помазаніе Давида Самуиломъ, — сюжетъ столь любимый въ Псалтыри и тамъ получившій значеніе какъ наглядное представленіе награды за смиреніе; та-же композиція.

19) Къ рѣчи «на Пасху»: а) Воскрешеніе Лазаря³⁾, представленное съ Марією и Мареею у ногъ Спасителя, б) Магдалина въ домѣ Симеона⁴⁾; домъ въ видѣ портика и все представляетъ древній рисунокъ; на столѣ въ сосудѣ символическая рыба, и задомъ къ зрителю отдѣльно сидитъ Иуда. По другимъ признакамъ суда, сюжетъ этотъ компопировался художникомъ вновь: болѣе древнихъ изображеній не извѣстно. с) Входъ въ Іерусалимъ⁵⁾, замѣчательный строгостью рисунка: Христосъ сидитъ лицомъ къ зрителю, не управляя осломъ, который идетъ самъ; правая рука, слегка высунутая изъ гиматія, благословляетъ, на подобіе торжественныхъ изображеній въ алтарныхъ мозаикахъ.

20) Къ рѣчи на Крещеніе, тексту гл. 14-й о Соломонѣ и его мудрости, а также гл. 27, — изображеніе Суда Соломона;

¹⁾ Louandre l. c., t. I, pl. 15.

²⁾ Patrol. gr. ed. Migne t. XXXVI, p. 174.

³⁾ Rohaut de Fleury, II, pl. 68.

⁴⁾ *ibid.*, II, pl. 69.

⁵⁾ *ibid.* pl. 71.

миниатюра опять вноситъ всю роскошь и пестроту византійской обстановки; интересны костюмы трабантовъ и палача, котораго кафтанъ также вырѣзанъ, какъ вообще въ эту эпоху въ изображеніи слугъ; на груди вшитъ треугольникъ. б) Къ тексту 27-й гл. «Блаженъ тотъ, у кого Христосъ попроситъ пить и дастъ тому источникъ жизни вѣчной» — сцена съ Самаритянкою ¹⁾. Исцѣленіе 12 немощныхъ. 21) Къ рѣчи на Крещеніе: а) Моисей изводитъ воду. б) Ис. Навинъ, падшій передъ архангеломъ—вождемъ воинства Господня, далѣе онъ-же побѣждаетъ. Съ древняго рисунка. 22) Къ исторіи архіепископства Григорія въ Константинополѣ: а) Григорій и Θεодосій въ храмѣ около киворія—по всей вѣроятности, изображеніе того случая, о которомъ разсказывается въ жизни Богослова ²⁾, что когда онъ вошелъ въ храмъ съ Θεодосіемъ, то облачное небо вдругъ прояснилось. б) Отъѣздъ Григорія изъ Константинополя: дурная живописная манера. 23) Къ рѣчи: «на Крещеніе» же гл. VI-я ³⁾ текста описываетъ чудесный свѣтъ, возсіявшій Моисею изъ кувшины, Савлу съ неба, Иліи въ огненной колесницѣ и Израильтянамъ въ ихъ странствованіяхъ по пустынѣ. Поводъ же къ этимъ сравненіямъ лежалъ въ имени самаго праздника Крещенія - *φῶτα* — свѣтъ⁴⁾. Согласно съ этимъ, миниатюристъ составляетъ символическую иллюстрацію изъ этихъ сценъ. Въ сценѣ кувшины внутри ея видимъ ангела—по древнему способу изображенія Бога (а впоследствии Младенецъ Эммануилъ); Вознесеніе Иліи въ типѣ саркофаговъ; Переходъ черезъ Черное море въ живописной манерѣ, какъ, однакоже, и всегда изображается этотъ сюжетъ, со множествомъ Египетскихъ всадниковъ въ римскихъ доспѣхахъ; танцующая Маріамъ держитъ надъ собою въ видѣ ореола пурпурный шарфъ, какъ въ рукоп. Ват. Космы ⁵⁾.

¹⁾ *ibid.* I, pl. 49.

²⁾ *Patrol. gr.* XXXV, p. 222.

³⁾ *ibid.* t. XXXVI, p. 366.

⁴⁾ Дюванжъ въ *Glossarium gr. v. φῶτα*, объясняетъ это названіе изъ возжигаемыхъ на Крещеніе свѣчей; м. б., и сокращеніе отъ *φῶτισμα*—*baptisma*. Мартинья. *Dict.* p. 267 видитъ лишь этотъ символизмъ имени.

⁵⁾ Мартинья, *Dictionnaire* p. 400: въ основѣ этихъ живописныхъ сценъ и саркофаговъ была древняя картина.

24) Замѣчательная миниатюра въ листѣ; должна, повидному, относиться къ рѣчи «на Новое Воскресеніе» «εις τὴν κατὰ τὴν χοριακὴν» — праздникъ ἐγκαθίστα — обновленія ¹⁾, подѣ чѣмъ разувѣлась недѣля Пасхи. Большая церемониальнаго характера композиція изображаетъ въ нижнемъ поясѣ святыхъ: Григорія Богослова, св. Елену, мать Константина, съ маленькою моделью горы Голгофы въ рукахъ, въ византійскомъ костюмѣ, съ лорнонъ, перекинутымъ черезъ лѣвую руку, діадемъ и жемчужной сѣткѣ, покрывающей оригинальную прическу въ видѣ короны; рядомъ св. Пелагія въ коричневой монашеской пенулѣ, держа атрибуты Страстей: копьё, губку, гвозди и сосудъ ²⁾; Апостолъ (?) указываетъ Григорію вверхъ, гдѣ ангелъ въ ореолѣ на небеспомъ пологѣ, усыпанномъ звѣздами, окруженный другими ангелами, знаменуетъ собою Воскресеніе, на что указываетъ и надпись: *στῆμερον ἡ σωτηρία τῷ κόσμῳ*, что находится въ соответствіи съ гл. V и X рѣчи («Нынѣ небо блистаетъ сильнѣе» и пр.). Какъ праздникъ Энкеній у Іудеевъ былъ праздникъ обновленія храма по плѣненіи, такъ и совершившееся черезъ св. Елену обновленіе храма Гроба Господня празднуется въ недѣлю Пасхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта богословская композиція иллюстрируетъ и тонкую параллель Г. Богослова между энкеніями іудейскими и христіанскими, ибо въ гл. II рѣчи говорится: «Были энкеніи въ Іерусалимѣ. и была зима, зима невѣрія, и явился Іисусъ, Богъ и храмъ, Богъ извѣка сущій, и храмъ вновь созданный, въ одинъ день разрушенный» и пр. Такимъ образомъ, въ этой миниатюрѣ мы имѣемъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ богословско-символическаго рода, который слагался въ Византіи въ данную эпоху. Миниатюра сильно разрушена.

25. Къ рѣчи «на Пятидесятницу» — Сошествіе Св. Духа, но не на Апостоловъ непосредственно, а на «уготованный престолъ», отъ котораго идутъ уже лучи на нихъ; Апостолы сидятъ полукругомъ, благословляя: Престолъ изображаетъ церковь,

¹⁾ См. Glossar. Du Cange v. *Σαχαινήσιμος*.

²⁾ Эта часть въ рис. Louandre l. c., I pl. 14.

и Апостолы первые ея служители ¹⁾. 26) Сцены чудесъ (смоковница), поученій (депта вдовы) и исцѣленій ²⁾, безъ особаго значенія. 27) Воскрешеніе дочери Гаировой въ натуралистической манерѣ. 28) Въ житію Кипріяна, Антиохійскаго мученика III-го в., весьма любопытныя миниатюры аскетически-монашескаго содержанія, которое уже успѣло получить значительный перевѣсъ въ выборѣ сюжетовъ: вверху изображена молящаяся та дѣва, которою напрасно пытался овладѣть страстно влюбленный Кипріянь, потому что она постомъ и зельями извела свою красоту, не желая погубить его, и вмѣсто нечистой любви зажгла въ его сердцѣ огонь вѣры и чистой дружбы. Далѣе Кипріянь, еще знаменитый по учености волшебникъ, подъ балдахиномъ, покрывающимъ золотого идола, сидитъ передъ сосудомъ, въ которыхъ также находятся два золотыхъ божка, и столонъ, на которомъ поставлена голубая сфера съ золотою полосою; сзади на горѣ, спрятавшись и лежа, наблюдаетъ дьяволъ; слѣдуетъ ирещеніе Кипріяна, сожженіе магическихъ книгъ, мученической подвигъ въ кипящемъ котлѣ и кончина. 29. Въ рѣчи на Маккавеевъ изображено мученіе Элеазара и Маккавеевъ въ видѣ девяти маленькихъ сценъ: самыя разнообразныя пытки: батоги, обдираніе кожи вѣдьями, ломаніе и разрваніе шипами на колесахъ, пиленіе деревянною пилою, сожиганіе, удушеніе въ особомъ гробѣ и пр. Сравнивъ этотъ сюжетъ съ миниатюрою къ этому событію въ рукописи Христ. I и др., мы легко найдемъ, въ чемъ заключалась переиѣна, совершившаяся въ художественномъ міровоззрѣніи Византіи, и приурочимъ нашу рукопись къ одной изъ тѣхъ ступеней, которую прошло поздневизантійское искусство, прежде чѣмъ въ Ват. Менологіи, Лѣствицѣ Климаса и под. рукописяхъ окончательно утратитъ освѣжающую струю античнаго мышленія и искусства и послужитъ печальнымъ

¹⁾ Совершенно таже композиція, но расположенная въ кругѣ, посреди котораго гетимасія, а по радіусамъ лучей Апостолы, съ группами народовъ по угламъ четырехугольника, замыкающаго кругъ, въ куполѣ св. Софіи К—польской, у Зальценберга. Die altchr. Denkm. in Const., Bl. 31.

²⁾ Рис. Rohault de Fl. l. c. II pl. 72, 60, 58.

выраженіемъ цивилизаціи, впадшей въ варварство и огрубѣніе. 30) На похвалу Герону, въ которой (гл. III-я) ораторъ сравниваетъ епископа 1) съ атлетами древности, представлены Самсоновы подвиги, 2) съ мучениками — смерть Исаи; миниатюра лучшей манеры; интересна также краткая символическая подробность во вкусь лицевой Псалтыри: Гедеонъ и руко. 31. Къ рѣчи на прибытіе египетскихъ епископовъ большая миниатюра въ листъ изображаетъ, по надписи, второй вселенскій соборъ 381 года. Живое и картинное представленіе съ искуснымъ архитектурическимъ расположеніемъ: престоломъ посреди и портиками въ полукругѣ; Македоній сидитъ на землѣ, какъ одержимый бѣсомъ. и кричитъ Имп. Θεодосію. 32) Къ 3-й рѣчи о мирѣ: построение ковчега и Ной, выпускающій голубя. 33) Къ рѣчи «противъ Аріанъ и о себѣ» различныя сцены дурной, живописной манеры и вновь изобрѣтенныя: преслѣдованіе православныхъ Аріанами, сожженіе церкви, мученіе старцевъ и пр. 34) Къ 2-й рукописи противъ Юліана, 32-й гл., извѣстная сцена Юліана съ языческими богами—демонами въ пещерѣ; жертвоприношеніе идоламъ и сцена раздачи наградъ съ характеромъ подкупа народу и войску (гл. 72-я 1-й рѣчи). 35) Юліанъ выступаетъ въ походъ черезъ мостъ; страхъ и общее моленіе въ городѣ Назіанзѣ; воинъ (ангелъ) въ нимбѣ пронзаетъ Юліана. 36) Къ той-же рѣчи 2-й, гл. 19-я (?) двѣ сцены, и вообще играющія важную роль въ сочиненіяхъ Богослова, и въ данномъ случаѣ наиболѣе ясно выразившія его мысль объ участіи Бога въ судьбахъ людей: паденіе Іерихона и битва Евреевъ съ Амалекитянами, когда побѣда, по Библии, осталась за Евреями, по силѣ моленій Моисея, котораго руки въ поднятомъ положеніи поддерживали Ааронъ и Хуръ: для христіанскаго богослова,—по силѣ тайнаго знака креста, изображеннаго руками Моисея. Подобная, по рефлексу построенная символика была особенно любима современнымъ богословіемъ и художествомъ ¹⁾).

¹⁾ См. особенно 2 важнѣйшія Гомиліи Св. Андрея Критскаго: In Exaltationem S. Crucis въ Migne Patrol. с. с. ser. gr. t. 97: жезлы, обращенные въ змѣй—типу Креста; Давидъ, водѣвшій руки, фигура его же; Авраамъ, на

Изображеніе Григорія Бог. пишущаго, въ типѣ Евангелиста, неудачно и отзывается упадкомъ. 37) Къ рѣчи Григ. Богослова на мѣсто Еванг. отъ Мат. XIX, 1 слд. изображенъ Христосъ, посылающій Апостоловъ на проповѣдь, — любопытная древне-христіанская композиція, въ живой античной группировкѣ¹⁾; всѣ ученики лицомъ къ зрителю, кромѣ Петра и Іоанна, которые, преклонившись, слушаютъ Христа; фигуры юныя, малаго роста. — Ниже въ 12 поляхъ сены крещенія Апостолами новообращенныхъ, безусловно та-же композиція, что въ мозаикѣ переви Св. Марка въ Венеціи, въ баптистеріи, но гораздо выше по исполненію: купели крестообразной формы, прислужникъ съ полотенцемъ, въ бѣлой одеждѣ — эмблема очищенія отъ грѣха. 38) На рѣчь или письмо къ монаху Евагрію (соч. Григорія Нисскаго) четыре однозначущія библейскія сцены: Даниилъ во рву львиномъ; три отрока въ печи, Манассія, молящійся около быка, и Исаія у ложа смертельно больнаго царя Езекиа (Исаія, гл. 38): древнія композиціи рельефнаго характера; фономъ служатъ тополи и античный ландшафтъ. 39) Миниатюра въ листъ и особенно хорошаго исполненія къ рѣчи (*Σημασία*) «на Іезекиила». Въ четырехугольномъ голубомъ полѣ овальная рамка изъ четырехъ соединенныхъ роговъ изобилія охватываетъ богатный горный ландшафтъ съ сценою видѣнія Іезекиилемъ поля полнаго костей (Прор. Іез. гл. 37). Помпейско-живописный характеръ этой картины сочетается со всѣми особенностями поздневизантийской манеры, хотя строгіе типы еще хранятъ благородныя формы, и сухая, угловатая драпировка имѣетъ много жизни. 40) Миниатюры новаго изобрѣтенія и дурнаго рисунка (къ метафразису на Екклесіаста) съ удлинненіемъ пропорцій, искаженіемъ правилъ перспективы и техническими недостатками. Константинъ Великій на ложѣ; преслѣдованіе бѣгущихъ войскъ Максентія; нахожденіе Креста: Елена сидитъ на тронѣ,

горъ приносящій тельца, проображалъ возвышеніе Креста; Исаія, распилываемый, представляетъ видъ его, и Юдией, поднимающая мечъ и пр.

¹⁾ Известная, указ. выше мозаика триклинія папы Льва въ Латеранѣ, видъ въ соч. Аллемана.

благословляя, почетная стража залита золотомъ и жемчугомъ; въ Воздвиженіи креста поза Св. Елены съ умиленно наклоненномъ головой и рѣзкіе жесты присутствующихъ очень неудачны. 41) Къ жизни Гр. Богослова: отъѣздъ его на корабль (фигура Святителя несоразмѣрно велика); посвященіе Святителя въ оградѣ алтаря изъ низкой мраморной балюстрады съ крестами и одною золотою дверью; іоническая колонна съ четверо-конечнымъ греческимъ крестомъ наверху означаетъ храмъ ¹⁾). Кончина и погребеніе Святителя съ обычною церемоніальною обстановкою.

Заставки и инициалы рукописи также представляютъ новыя формы; первыя являются съ типомъ мелкаго растительнаго орнамента, въ видѣ ковроваго рисунка; или же въ формѣ закругленнаго креста съ гроздьями и листовными побѣгами; буквы, въ которыхъ ихъ линейная форма со временемъ превращается въ стволъ растенія, зеленый или голубой, съ золотымъ окаймленіемъ ²⁾), украшеннымъ перлами, имѣютъ здѣсь еще простую линейную форму, свойственную IX столѣтію: это тѣже уставныя буквы, но большаго размѣра и золотыя; въ буквѣ *E* помѣщается всегда благословящая рука; иногда стволъ буквы расчлененъ въ видѣ шахматнаго поля; есть буквы въ формѣ рыбы; иногда къ листовному побѣгу внизу буквы подлетаетъ птичка и влѣкаетъ цвѣтки и плоды, изрѣдка буквы въ видѣ птички, влѣющей грозди. Обильное развитіе этихъ сюжетовъ увидимъ въ заставкахъ и инициалахъ позднѣйшихъ рукописей; ихъ начало указываетъ намъ въ рассказахъ о привязанности къ этимъ сценамъ иконоборца Имп. Теофила и другихъ свидѣтельствахъ объ общей къ нимъ привязанности Византійцевъ ³⁾).

Насколько, при всемъ томъ, эта рукопись Григорія Богослова близко стоитъ къ древне-византійскому искусству, можно

¹⁾ Рис. въ изд. Séré. Le moyen âge et la renaissance. Miniatures p. 6.

²⁾ Наиболѣе ранній типъ этихъ буквъ находимъ въ греч. Еван. VII или VIII в. библ. Киджи въ Римѣ, R. VII. 52.

³⁾ Подъ именемъ зоографіи или просто ζωδια въ письмѣ Св. Нила къ Олимпіодору, въ соч. Патр. Никифора Antirrhēt., въ Spicil. Solesm. Писма, т. IV, стр. 271.

заклучить изъ сравненія съ лицевыми кодексами этого Отца Церкви въ XI — XII вѣкахъ. Но такъ какъ единство анализа одного содержанія въ данномъ случаѣ нарушило бы послѣдовательности развитія мысли и формы, то разборъ другихъ рукописей Григорія долженъ быть отдѣленъ и уступить мѣсто лицевой редакціи Библии, сложившейся въ X—XI вв.

Замѣчательный обломокъ древнѣйшей манеры миниатюръ втораго періода, которыхъ редакція или черпаетъ самое содержаніе въ прошедшемъ или вообще носитъ на себѣ характеръ искусства предыдущей эпохи (какъ напр. Пар. Псал. или код. Христини), представляетъ Ватиканскій кодексъ *Октомеаха* или *Восьмикнижія* въ л. въ 2 томахъ № 746, который, будучи еще извѣстенъ Даженкуру, былъ, однакоже, правильно оцѣненъ впервые въ указ. статьѣ пов. Виноградскаго ¹⁾. Даженкуръ ²⁾ замѣтилъ только одинъ томъ и считалъ его за сборникъ библейскихъ повѣствованій, тогда какъ два тома рукописи предлагаютъ цѣлое восьмикнижіе съ обильными толкованіями, и притомъ не одного Феодорита. Далѣе, его же заключеніе по курсиву письма, что рукопись принадлежитъ XIV вѣку, всѣми признано нинѣ неправильнымъ, такъ какъ письмо во всякомъ случаѣ не позднѣе XII вѣка. Извѣстно-совершенство и античный характеръ миниатюръ этой Библии, наконецъ, Даженкуръ придумалъ объяснить возрожденіемъ искусства въ Греціи, котораго начало онъ относитъ къ XIV вѣку, какъ ни было странно самое предположеніе подобнаго возрожденія на основаніи только одной рукописи. Но лучшимъ опроверженіемъ Даженкура можетъ служить недавно найденная вторая лицевая рукопись Библии въ Ват. библ. № 747, соединяющая восьмикнижіе и книгу Руей въ одномъ томѣ и остававшаяся *неизвѣстною* доселѣ ³⁾; этотъ кодексъ, кромѣ письма XI вѣка, представляетъ

¹⁾ Сбор. Общ. Древне-Рус. Иск. за 1878 г. стр. 127—150.

²⁾ Peint. pl. 62.

³⁾ Рукопись эта открыта молодымъ нѣмецкимъ археологомъ изъ Лейпцига Ж. П. Рихтеромъ во время его занятій миниатюрами въ библиотекѣ совершенно случайно: ему пришло въ голову спросить номеръ, слѣдующій за 746, чтобы посмотреть, нѣтъ-ли 3-го тома этого номера. За сообщеніе номера приносимъ ему здѣсь свою благодарность.

миниатюры совершенно тѣже, что и въ 746-мъ, но роскошно исполненные въ «миниатюрномъ» жанрѣ XI—XII вѣковъ, который былъ бы совершенно невозможенъ не только въ XIV, но и въ XIII вѣвѣ. Видѣтъ съ тѣмъ мы находимъ и въ самой техникѣ миниатюръ 746-го код. безусловныя примѣты обыкновеннаго византійскаго рисунка X — XI вв., равно такой же характеръ въ краскахъ и орнаментикѣ. Но въ иныхъ частяхъ иллюстраторъ этой рукописи копировалъ древнѣйшій оригиналъ и потому перенималъ многія техническія стороны его, напр. зеленый, травный фонъ сценъ, вмѣсто натурального, красную каемку и пр., и какъ главнѣйшее наслѣдіе древности — замѣчательныя композиціи миниатюръ, полныя преданій древнехристіанскаго искусства. Въ этомъ подражаніи или копированіи легко можно вскрыть широкій стиль оригинала; мѣстами перениманіе его дало работу небрежную, съ характеромъ почти дѣтской мази; притомъ въ ходѣ иллюминаціи рукописи видна крайняя неровность работы, то тщательной и мелочной, то легкой и грубой. Напротивъ того, въ код. 747 блескъ тщательнаго и мелочнаго исполненія, необыкновенная нѣжность и тонкость красокъ, ярко-свѣтлыя тоны и колоритъ ландшафтовъ, блестящая пестрота одеждъ, расцвѣченный голубымъ эфиромъ фонъ, склонность къ бѣлесоватымъ полутонамъ, — все это соотвѣтствуетъ и въ содержаніи нѣсколько сухому, позднему церемониальному представленію, въ которомъ уже значительно иссякла струя древне-византійскаго искусства. Видѣтъ съ тѣмъ въ этой рукописи обращаетъ на себя вниманіе присутствіе особаго, чуждаго чистому византизму элемента: оно выражается въ привязанности къ зеленому и красному цвѣту, въ отличіи отъ византійскихъ красокъ: розовой и голубой; въ бѣловатомъ тонѣ золота, особенно же въ оригинальныхъ прическахъ и костюмахъ. Правда, эти костюмы изображаются по преимуществу въ сценахъ, дѣйствующихъ на Востокѣ, но ихъ разнообразіе само по себѣ имѣетъ значеніе въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи рукописи. Такъ въ миниатюрахъ, изображающихъ съ начала Библіи исторію посланія Аристея въ Филократесу, изображается царь Птоломей со своими писцами-секретарями: архіерей Элеазаръ, пиръ у

Птоломея и пр.; костюмы чрезвычайно напоминают мавританскіе, такова напр. корона, головные бѣлые платки въ родѣ капуцъ ¹⁾ съ мелкими цвѣтами длинныя бѣлыя рубашки съ широкими рукавами ²⁾ и съ разноцвѣтными полосками вдоль по полотнищу ³⁾, слуги изъ черныхъ мавровъ, красно-черное знамя въ сценѣ столпотворенія и пр. По всему судя, можно было бы вести происхожденіе этой рукописи изъ какой-либо мѣстности, близко знакомой съ арабскою или мавританскою культурою, напр. какъ Сициліи, такъ и Сиріи, а можетъ быть, и самаго Іерусалима. Но при всемъ томъ византійская основа ея съ поздне-греческими фигурами, греческими типами, ландшафтами и всею обстановкою греческихъ миниатюръ на столько непреложна, что не можетъ быть и рѣчи о національности самого художника и принадлежности кодекса византійскому искусству, гдѣ бы онъ ни возникъ.

Приступая къ краткому обзору самыхъ миниатюръ этой редакціи Лицевой Библии, предварительно замѣтимъ, что и новые взгляды, высказанные о ней и указывающіе на ея древнехристіанскія основы, грѣшатъ вслѣдствіе своей общности. Если справедливо то, что рукопись повторяетъ древній оригиналъ, то все же не оригиналъ IV вѣка: между Вѣнской Библией и этими рукописями есть много посредствующихъ звеньевъ, а именно: для начальныхъ миниатюръ Бытія и вѣстьи книги «Левитъ» (съ изображеніями Скинии, утвари священной и пр.) можно указать древнія рукописи и миниатюры, подобныя кодексу Космы Индик. или близкими къ нему; тоже для исторіи жизни патріарховъ; но исторія Іосифа уже пользуется образцомъ позднѣйшимъ, или сочиняетъ вновь; напротивъ того, для исторіи Моисея и Исхода Израильтянъ ил-

¹⁾ Weiss, *Kostümkunde, Araber* p. 232.

²⁾ *Ib.* p. 235, о рубашкѣ полосатой и каганѣ съ широкими рукавами; рис. 118—образчикъ восточной матеріи съ мелкими цвѣточками, одинаковой съ фигурами код. 717 на л. 35 и др.

³⁾ Эти полосатыя туники двухъ цвѣтовъ (краснаго и зеленаго) не по силѣ ли названіе *δ'βαρος* — матерія, описываемая въ соч. Francisque Michel; *Recherches sur les étoffes etc.*, I p. 250; см. Unger, *Byz. Kunst*, въ *Encykl.* v. Ersch. u. Gr. Th. 85 p. 60.

люстраторъ, видимо, имѣлъ готовыя композиціи въ извѣстныхъ сценахъ, потому что, покидая свою хроническую манеру, онъ сводитъ мѣстами разсказъ къ драматической цѣльной сценѣ. Далѣе, кромѣ древне-христіанскихъ преданій въ рисункѣ, типахъ и символическихъ представленіяхъ и олицетвореніяхъ, рукопись предлагаетъ много новаго въ той же символической сферѣ, сложившагося уже въ направленіи и идеяхъ Толковыхъ Псалтырей.

Первыя миниатюры представляютъ намъ подробный эпическій разсказъ творенія; особый интересъ имѣетъ символическое изображеніе дня и ночи въ видѣ женской и мужской фигуръ съ небеснымъ покрываломъ надъ головою, на темномъ и на голубомъ фонѣ. Адамъ, приподымающійся съ земли, послѣ того, какъ благословляющая Десница надѣлила тѣло духомъ жизни, представляетъ переводъ замѣчательный тѣмъ, что онъ является затѣмъ во фрескахъ Паоло Уччелло въ монастырѣ Маріи Новеллы во Флоренціи; отсюда уже перенесенъ въ знаменитую композицію Микель-Анджело въ Сикстинской капеллѣ. Всѣ сцены общенія Бога съ первыми людьми изображаются въ миниатюрахъ среди прелестныхъ пейзажей рая, и мелкое изящество работы въ код. 747 напоминаетъ западныя иллюстраціи XV вѣка. Въ Грѣхопадении змѣи изображается въ видѣ дракона на львиномъ тѣлѣ: это буквальный пониманіе того изреченія въ проклятіи змѣя Богомъ, по которому онъ долженъ ходить на чревѣ своемъ (Быт. III, 14) существовало, по мнѣнію Пицера, до V вѣка¹⁾; въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, гдѣ представлено наглядно проклятіе, змѣиное тѣло спалзываетъ съ верха четвероногого туловища и ползетъ у ногъ прародителей. Подобная же сцена изображена въ мозаикахъ собора Монреале конца XII вѣка, слѣдовательно, пониманіе это еще существовало и даже было узаконено искусству, такъ какъ эти мозаики воспроизводятъ лишь типическіе переводы²⁾.

Въ сценѣ смерти Авеля онъ изображается въ той же позѣ, что и въ большой миниатюрѣ Космы Ват. Каинъ также пред-

¹⁾ Ст. Виноградскаго стр. 145.

²⁾ Gravina, Duomo di Monreale, fol. 1859.

ставленъ юнымъ мальчикомъ въ розовомъ хитонѣ, но темно-коричневомъ гиматіи; выслушавъ судъ Божій, онъ уходитъ плача, и вся дѣтская манера напоминаетъ классическій образецъ, подобный Вѣнской Библии, гдѣ библейскіе сюжеты представлены, какъ наивная эпическая хроника въ поздне-римскомъ натуралистическомъ вкусѣ. Согласно апокристическому развитію образныхъ словъ Библии (Бытія, IV, 23), Каина убиваетъ затѣмъ Ламехъ, великанъ, правнукъ его, въ лѣсу по причинѣ слѣпоты своей.

Въ изображеніи перваго астронома ¹⁾ Эноха съ «отворачивающагося отъ него смертью» (см. мин. Ват. Космы), на землѣ рядомъ представлены гробы, а въ небѣ шествуютъ 12 знаковъ зодіака съ атрибутами въ видѣ фигуръ по грудь, въ поздне-византійскихъ типахъ. Слѣдуетъ рядъ сценъ новаго сочиненія, правда, въ искусныхъ еще условіяхъ композиціи, но съ замѣтнымъ паденіемъ въ типахъ и поздними византійскими костюмами; таково напр. изображеніе сыновъ Сиеовыхъ, брачавшихся съ дочерьми человѣческими; по сторонамъ почтенный старецъ Сиеъ и обросшая понурая фигура пустытника Каина; дѣтски намалеванныя фигуры гигантовъ и пр.,—сцены безусловно чуждыя древнихъ образцовъ.

Напротивъ того, древняя манера видна въ сценахъ исторіи Ноя и потопа: завѣтъ Божій съ человѣками выраженъ въ фигурахъ дня и ночи, вѣчно вращающихъ кругъ дѣтъ съ четырьмя временами года, представленными въ натуралистической манерѣ: сѣятель—весною, женщина собирающая цвѣты лѣтомъ, жнецъ осенью и грѣющійся зимою у огня рабъ въ мѣховой накидкѣ напоминаютъ всего болѣе описанныя нами миниатюры Календаря Константина; эти сцены изъ жизни Ноя вновь имѣютъ и фонъ травный или небесный. Сцена Ноева оцѣпленія можетъ служить образцомъ античной манеры въ композиціи и подробностяхъ: трое юношей, взявшись за руки, даютъ виноградъ въ прессуарахъ, около которыхъ сидитъ, упиваясь, Ной; справа сцена посмѣянія.

Слѣдуютъ вновь пустыя и безсодержательныя сцены бесѣдъ,

¹⁾ Dictionnaire des apocryphes, publié par l'abbé Migne, II p. 226, см. также liste alphabétique: Enoch.

поученій, жизни Ноева потомства и пр. Нѣкоторый интерес по живописи и драматизму представляетъ столпотвореніе, въ которомъ являются уже разныя народности въ пестрыхъ костюмахъ.

Авраамъ изображается уже слѣпымъ старцемъ, а его исторія полна многихъ грубыхъ наивностей въ сценахъ съ Агарью и обрѣзаніи. Египетскій царь изображенъ арабомъ. Въ сценѣ Авраамова гостепріимства трое странниковъ представлены ангелади, а подѣ столомъ, за которымъ они сидятъ, нарисованъ быкъ лежащій, такъ какъ Авраамъ былъ богатъ стадами: символическій смыслъ уже смѣнился историческимъ характеромъ: въ окнѣ башенки видна Сарра, подслушивающая. Обѣтованіе Бога Аврааму и Саррѣ изображено уже въ видѣ Христа, ихъ благословляющаго среди двухъ зданій,—композиція поздневизантійскаго типа, какъ прототипъ западныхъ «конверсацій».

Въ исторіи Мельхиседека замѣчательная (въ обоихъ кодексахъ) миниатюра: вверху, за горами видны по полю двѣ фигуры: одна въ позѣ молящейся, воздѣвъ руки къ Десницѣ, видимой въ небѣ,—Авраамъ, другая справа, представляетъ старца нагаго съ длинною бородою и обросшаго волосами,—въ типѣ отшельника, правою рукою онъ благословляетъ, обращаясь къ Аврааму; слѣва надпись: *ὁ τοῦ Μελχισεδὲκ πρὸς Ἀβραὰμ φανέρωσις*. Ниже подѣ горою Авраамъ со спутниками и Мельхиседекъ съ двумя царями; оба обращаются другъ къ другу съ жестомъ греческаго благословенія; царь Мельхиседекъ въ одеждѣ священника. т. е. въ стихарѣ и ризѣ — фелони, застегнутой на груди, а на головѣ царская діадема, надпись: *ὁδε καὶ Ἀβραὰμ καὶ ὁβλον*. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь буквальный иллюстрацію апокрифическаго сказанія, сложившагося очень рано по поводу изреченія Ап. Павла и мистическаго значенія Мельхиседека въ древнехристіанской церкви. Сказаніе это было записано Афанасіемъ Александрійскимъ и потому получило значеніе во всей богословско-поучительной литературѣ ¹⁾; оно передаетъ, что Мельхи-

¹⁾ См. *Fabricius Cod. apocr. Vet. Test.*, t. I, p. 311 Sq. *Athanasii Alex. edit. Montfaucon.* t. 3, p. 239. *Migne Dictionnaire des apocryphes*, II p. 584.

седекъ былъ сынъ царя Салимскаго, грека и идолопоклонника, поглощеннаго со всѣмъ народомъ своимъ по молитвѣ обращеннаго къ истинной вѣрѣ сына; но послѣ этого самъ юноша ушелъ на гору Фаворъ и жилъ тамъ въ лѣсу какъ звѣрь. И былъ Аврааму черезъ 7 лѣтъ гласъ Божій, повелѣвавшій итти на Фаворъ и вызвать тамъ человѣка Божія, — остричь ему волосы и ногти, одѣть его въ пышныя одежды и попросить у него благословенія. И такъ было. Сказаніе добавляло затѣмъ, что при встрѣчѣ, затѣмъ происшедшей, было у Авраама 318 спутниковъ, какъ 318 епископовъ было на Никейскомъ Соборѣ ¹⁾.

Грубымъ натурализмомъ отличаются миниатюры, изображающія дочерей Лота, ихъ роды (родильница сидитъ на лавкѣ, а бабушка вынимаетъ у нея ребенка), и пр. Въ подробныхъ же иллюстраціяхъ исторіи Исаака миниатюра окончательно нисходитъ къ роли забавной, развлекающей игры, уничтожающей всякое значеніе высокаго сюжета: наивный рисовальщикъ пишетъ дорожныя сцены, брачныя переговоры, любовь, рожденіе дѣтей, бесѣду и пр., все это въ небрежной манерѣ, хотя и сохраняющей еще особенности чистаго стиля XI в. въ свѣтлыхъ краскахъ, сильныхъ оживкахъ и мелочной обработкѣ подробностей; но всѣ позы и жесты утомительно однообразны, и ихъ благочестивый характеръ напоминаетъ дурной вкусъ миниатюръ XIII в. Подобнаго же рода и миниатюры изъ исторіи Іакова и Іосифа, но послѣднія, видимо, копируютъ въ грубой мазнѣ картинокъ древній оригиналъ; Іосифъ умираетъ юнымъ, согласно съ обычаемъ византійской идеализаціи патріарховъ.

Явное улучшение стиля и работы представляетъ жизнь Моисея; самъ онъ сначала изображается въ видѣ розоваго мальчика, потомъ цвѣтущимъ юношею. Замѣчательно, что если первыя сцены отличаются изяществомъ рисунка и колорита X—XI вв.,

¹⁾ Въ Русской Палатѣ Синод. Библ. № 210, 1477 г. вставлено на стр. 77 «Анастасія отъа нашего пастуха слово о Мелхисециѣ», и вишнетка изображаетъ гласнаго человѣка передъ ангеломъ, который помазуетъ его какъ іерея и уставника безкровной жертвы.

то «языки» египетскія отличаются грубостью и намалеваны безъ дальнихъ околочностей надъ Фараономъ, прибѣгающимъ къ защитѣ Моисея.

Переходъ черезъ Черное море, какъ извѣсто, копируетъ древнюю миниатюру со всѣми олицетвореніями въ код. 746¹⁾, а въ 747 аллегорическихъ фигуръ уже нѣтъ; классическій танецъ Маріамъ съ тремя дѣвицами сохраненъ въ обоихъ кодексахъ; но въ 747 танцу приданъ болѣе характеръ изступленнаго экстаза. Въ сценахъ на Синаѣ громы изображены въ видѣ харь.

Но самое замѣчательное воспроизведеніе древняго рисунка представляетъ книга Исуса Навина, съ миниатюрами, столь близкими къ знаменитому свитку, какъ будто бы онѣ были его копією; небрежное исполненіе сложныхъ рисунковъ соотвѣтствуетъ копировкѣ; въ код. 747-мъ оно лучше, но олицетвореній почти вовсе нѣтъ. Самъ І. Навинъ въ концѣ книги изображается съдѣмъ, что ясно указываетъ на идеальность въ юномъ типѣ Моисея.

Книга Судей, по понятному отсутствію религіознаго интереса ея иллюстрацій и слѣдовательно древняго оригинала, вновь представляетъ жалкую мазню.

Въ заключеніе этого очерка главнѣйшихъ сторонъ двухъ кодексовъ Библии, должно замѣтить, что оцѣнка ихъ значенія, данная Виноградскимъ, погрѣшаетъ лишь въ двухъ пунктахъ: приписывая древнехристіанскому оригиналу кодекса тѣ сцены, въ которыхъ изобрѣтеніе и особенно типы, несомнѣнно, поздневизантійскаго характера, и усваивая приѣмъ Ваагена, объясняющій неровность стила и исполненія рисунковъ участіемъ нѣсколькихъ миниатюристовъ. Эта неровность съ болѣе большими основаніями опредѣляется оригиналами, по которымъ составлялась редакція лицевой Библии въ эпоху отъ VIII—IX стол., а потомъ и самыя копія этой редакціи съ X по XII вѣкъ.

Отрывокъ той же редакціи иллюстрированной Библии представляетъ рукопись *Толковой Библии* Аеонскаго монастыря Ва

¹⁾ На л. 444, 445 обор., 448, 449 об., 450 об. на л. 442 изображена даже сцена съ барельефомъ, что въ свиткѣ, въ сценѣ бѣгства соглядается.

топеда № 1, XI стол. ¹⁾), содержащая въ себѣ in 8° книги: Левить по книгу Руоѣ включительно; мелкія виньетки съ крошечными фигурами иллюстрируютъ сюжеты въ той же манерѣ, что и Vat. Осмикнижія, а многія композиціи представляютъ замѣчательное съ ними сходство; но при мелочной отдѣлкѣ, изображеніе страдаетъ утомительнымъ однообразіемъ условныхъ церемоніальныхъ позъ и отсутствіемъ выраженія. Несеніе ковчега представлено въ 12 квадратныхъ поляхъ, согласно числу колѣпъ Израилевыхъ, съ вѣнками, изображенными въ античныхъ туникахъ по грудь, — миниатюра, скопированная съ древней. Книги Левить, число и пр. по обычаю полны иллюстрацій еврейской церковной утвари, обрядовъ и пр., при чемъ повторяются рисунки Космы. Въ книгѣ Ис. Навина мы видимъ схематическое сокращеніе все тѣхъ же рисунковъ, съ олицетвореніями напр. въ сценѣ созданія жертвенника Богу божество съ рогомъ изобилія (л. 337, 340 и др.) и пр.; тоже слѣдуетъ замѣтить и о костюмахъ.

Библи. Леон.
и-ря Ватопеда № 1

Начало же этой лицевой редакціи Библии сохранено въ двухъ листахъ миниатюръ (всего 8 рис.) греческаго кодекса Библии (Пятикнижіе Моисея, книга Ис. Навина, Руоѣ) in 4°, XI в., въ Лаврентіанской библіотекѣ во Флоренціи Plut. V, cod. 38 ²⁾); блестящая мелочною отдѣлкою и яркою свѣжестью красокъ техника миниатюръ соотвѣтствуетъ самому выбору сюжетовъ: твореніе земли и неба, животныхъ, человѣковъ и ихъ райская жизнь до грѣхопаденія включительно; микроскопическій жанръ живописи пригодился здѣсь для передачи множества деталей и пестроты райскаго пейзажа. Мифологическіе кони и чудовища моря, боги четырехъ вѣтровъ въ различныхъ возрастахъ и типахъ, помѣщенные притомъ въ золотыхъ медальонахъ, и съ другой стороны букваль-

Библия Лавр.
Библи. Plut. V;
cod. 38.

¹⁾ Въ альбомѣ Севастьянова, т. 46-й, стр. 4 — 66, въ Христіанскомъ Музеѣ Имп. Академіи художествъ.

²⁾ Описана въ статьѣ Румора о началахъ итал. живописи, помѣщ. въ Kunstblatt, 1821, гдѣ приложенъ рис. одной изъ миниатюръ. Въ его же Italiënische Forschungen I p. 304 рип. эта приводится какъ частное доказательство того положенія, что византійское искусство отличалось отъ западнаго и вліяло на него техническимъ совершенствомъ.

ное изображеніе Ветхаго деньми, ангельскихъ сонмовъ и пр. представляетъ обычное соединеніе античнаго и поздневизантійскаго.

Миниатюра сотворенія человѣка развиваетъ далѣе вышеописанную художественную мысль: Адамъ лежитъ простертый на землѣ, но отъ Десницы на него падаютъ лучи, и онъ приподнимается; твореніе Евы совершается также исходящимъ лучемъ.

Но въ общей исторіи искусства эта редакція Лицевой Библии имѣетъ особенное значеніе потому, что она въ XII — XIII стол. является воспроизведенною въ византійскихъ мозаикахъ Италіи: по крайней мѣрѣ, общій характеръ библейскихъ сюжетовъ ихъ, несомнѣнно, сложился въ области миниатюры. Мы встрѣчаемъ здѣсь тотъ же предпочтительный выборъ Бытія, или Пятикнижія Моисеева и Восьмикнижія: мозаическія изображенія изъ Ветхаго Завѣта на стѣнахъ главнаго нефа въ Палатинской Капеллѣ Палермо 1143 г. и въ соборѣ Монреале 1182 г. оканчиваются одинаково сценою борьбы Іакова съ Богомъ (Бытія гл. 32); въ атриумѣ, обходящемъ съ зап. и сѣв. сторонъ церковь Св. Марка въ Венеціи, серія мозаикъ Ветхаго Завѣта оканчивается изведеніемъ воды въ пустынь ¹⁾. Въ ц. Св. Павла за стѣнами въ Сполето ²⁾ фрески изображаютъ райскую жизнь и изгнаніе изъ рая человѣковъ, сходно съ описанною нами рукописью. Фрески баптистерія въ Падуѣ, росписи конца XIV в., изображаютъ событія Ветхаго Завѣта до борьбы Іакова включительно ³⁾. Между тѣмъ греческій подлинникъ или Ерминія Діонисія Фурнографіота ⁴⁾ представляетъ въ своей иллюстраціи Библии всего менѣе сценъ изъ этой ея части, такъ что въ немъ приходится не болѣе половины сценъ, представленныхъ въ церкви Св. Марка, да

¹⁾ Рисунки и описаніе этихъ мозаикъ см. въ издѣніяхъ: *Grav. na Il duomo di Monreale*. 2 vol. in fol. 1859. *Busceti*. Notizie della Basilica di S. Pietro. 1840. 4°. *Meschinello*. La chiesa ducale di S. Marco. III vol. Ven. 1753.

²⁾ Crowe u. Cavalcaselle, I стр. 71, 72 прим. 53.

³⁾ Förster, Gesch. d. ital. Kunst, II, стр. 497.

⁴⁾ Изд. *Didron Manuel d'iconographie etc.* 1845. Нѣм. изд. Шеєра *Handbuch d. Mal.* 1855 Русскій переводъ Арх. Порфирія въ трудахъ Киев. Дух. Академіи за 1888 г.

и то значительная их часть представляет или другіе сюжеты, или избирает иные моменты въ сюжетахъ одинаковыхъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что древнехристіанское искусство интересуется по преимуществу книгою Бытія и служитъ поэтому образцомъ для миниатюры и византійскихъ мозаикъ. Напротивъ того, главнѣйшій интересъ подлинника тяготеетъ къ книгѣ Судей, исторіи Давида и Соломона, Пророкамъ—изъ древней же библейской исторіи взяты по преимуществу сцены символично-пророческаго характера: три ангела у Авраама, Завѣтъ, изъ исторіи Иакова только видѣніе лѣствицы. Связь этихъ мозаикъ съ миниатюрами указывается и общими чертами въ ихъ содержаніи, манерѣ представленія, изобрѣтеніи и типахъ: таже утомительная подробность хроническаго разсказа, особенно выказывающаяся въ мозаикахъ Марка, гдѣ одно событіе представляется во всѣ его моменты: сначала напр. Ной пьющій и скачущій въ опьянѣніи, затѣмъ посмѣяніе Хама и поступокъ братьевъ; или: Богъ призываетъ Каина сидящаго въ раздумьи на скалѣ и слова Бога къ нему; много подобныхъ случаевъ въ исторіи Иосифа. Отсюда—отсутствіе драматизма и идеальныхъ сценъ подобныхъ тѣмъ, которыя были созданы древнехристіанскимъ искусствомъ какъ иконографическія композиціи: Переходъ черезъ Черное море, Изведеніе воды въ пустынь, Грѣхопаденіе съ эмблемами труда и пр. Мозаика, также какъ и миниатюра, пытается замѣнить эту бѣдность художественнаго изобрѣтенія буквеннымъ воспроизведеніемъ текста, а также и тѣмъ натурализмомъ въ представленіи, который, не касаясь самой идеи событія, или иконографическихъ типовъ, ищетъ оживить сюжетъ внесеніемъ натуральности въ подробности и сложной обстановкѣ, хотя, конечно, не позволить себѣ низвести эту обстановку до представленія окружающей современной дѣйствительности: подъ архитектурнымъ фономъ этотъ натурализмъ всегда разумѣетъ причудливую игру небывалыхъ формъ, а въ реальности костюмовъ ограничивается мелочами, напр. шапками, сапожками и пр. сохраняя по прежнему традиціонныя, уже бессмысленныя формы. Адамъ и Ева (моз. Марка), лежа на постели, обнимаются: надпись *crescite* и пр.; далѣе Евѣ подають ребенка

Каина, въ сторонѣ слуга держитъ сосудъ съ водою; надпись *hic reperit*. Или: Богъ повелѣваетъ Аврааму итти въ Ханаанъ, и вотъ мозаика представляетъ разнообразныя приготовленія къ отъѣзду; самое обрѣзаніе представляется еще реальнѣе, чѣмъ въ миниатюрахъ, гдѣ находимъ лишь рядъ фигуръ съ плаксивыми гримасами: здѣсь производится самая операція, и по сторонамъ обрѣзываемаго стоятъ женскіе члены семьи и утѣшаютъ его, обнявъ и удерживая за руки. Адамъ сотворенный подымается отъ земли, когда на него падаетъ свѣтъ отъ Бога (Монреале). Мы находимъ въ этихъ мозаикахъ затѣмъ тѣже апокрифическіе сюжеты (Дамехъ, змѣй четвероногій), тоже пристрастіе къ поученію, ту же поздне-византійскую символику риторическаго склада: рѣка Нилъ; четыре райскія рѣки, привѣтствующія Бога; вѣчная гора Сіонъ, Богомъ созданная, съ юнымъ Эммануиломъ и сонмомъ ангеловъ. Стоитъ рядомъ со столпомъ Вавилонскимъ, который валится, и отъ котораго въ четыре края свѣта расходятся четыре группы народовъ (моз. Марка). И рисунокъ представляетъ прямое перенесеніе миниатюрной композиціи на мозаику, что при большихъ размѣрахъ даетъ нерѣдко самыя неуклюжія формы: Ной изъ ковчега прямо шагаетъ на Араратъ. Замѣтимъ, наконецъ, что и всѣ современныя мелкія издѣлія: эмали и рельефъ дверей повторяютъ тѣ же самыя сцены: алтарный образъ Салернскаго собора (*palitotto*) изъ слоновой кости, XI в. представляетъ также сюжеты Бытія, до потопа включительно, въ переводѣ очень близкомъ къ миниатюрамъ¹⁾. На двери въ соборѣ Монреале въ схематически сокращенной формѣ изображены эти же переводы: твореніе Адама завершается прикосновеніемъ Десницы Бога; *Eva servet Adam*; она носитъ корзины, рождаетъ Каина и Авеля и кормитъ ихъ, это тотъ же византійскій натурализмъ, хотя Шнаазе²⁾, вслѣдъ за мѣстными археологами Южной Италіи и полагаетъ найти въ этой двери какое-то новое движеніе противъ чистыхъ византій-

¹⁾ Рис. и описаніе у Salazar. *Studi sui monumenti dell'Italia meridionale del IV al XII s.* Napoli, 1874. 5 fasc. стр. 33 слѣд.

²⁾ L. c. VII, стр. 560.

скихъ произведеній. Возражая противъ подобныхъ тенденціозныхъ или апріорныхъ преувеличеній, мы, однакоже, не полагаемъ, что всѣ эти мозаики и другіе памятники монументальнаго и мелкаго искусства Италіи суть произведенія собственно византійскаго искусства: это работы мѣстныхъ мастеровъ по греческимъ образцамъ. Но — скажемъ встаети — это обстоятельство только увеличиваетъ значеніе византійскаго вліянія на западное искусство, переводя самый вопросъ о вліяніи на реальную почву.

Помимо этого отдѣла традиціонныхъ редакцій лицевыхъ Псалтырей, Библий и сборниковъ, вторая эпоха византійскаго искусства представила въ миниатюрѣ и новыя самостоятельныя продукты. Подчиняясь общему поучительному направленію, эта дѣятельность сосредоточила свой спеціальнй интересъ на слѣдующихъ отдѣлахъ богословской литературы: 1) сочиненіяхъ главнѣйшихъ Отцовъ Церкви и Святителей, наиболѣе чтимыхъ въ церкви греческой: Григорія Богослова, Іоанна Златоуста; миниатюрная редакція ихъ сложилась въ IX вѣвѣ; 2) собраніяхъ Житій Святыхъ какъ въ Минеяхъ или Святцахъ (первый Менологій относится къ X вѣву), такъ въ Сборникахъ и изложеніи Симеона Метафраста, составленномъ въ началѣ X стол. и впоследствии иллюстрированномъ; 3) поучительныхъ сочиненіяхъ духовныхъ лицъ, какъ напр.: Дѣствицы райской Іоанна Климаса, Гомиліи о Св. Дѣвѣ монаха Іакова — относящихся къ XI — XII вв., 4) иллюстраціи Евангелій съ изображеніемъ событій евангельскихъ, а также и всего Новаго Завѣта и 5) собственно лицевыхъ Евангеліяхъ, т. е. Евангеліяхъ, украшенныхъ изображеніями 4 Евангелистовъ; сюда же относятся немногія рукописи Апостольскихъ Посланій и Пророчествъ съ изображеніями авторовъ. Важнѣйшими отдѣлами являются первые три: послѣдніе два, хотя и представляютъ много кодексовъ различныхъ эпохъ, мало самостоятельны въ самомъ сложеніи редакцій и потому въ исторіи періода должны занимать и по мѣсту, и по значенію послѣднее мѣсто.

Влестящая рукопись Григорія В. Пар. Вибл. (№ 510) осталась какъ бы безъ подражанія впоследствии, — по крайней мѣрѣ, позднѣйшая иллюстрація словъ его воспользовалась изъ нея очень

немногимъ для лицевой редакціи, бывшей въ ходу. При этомъ даже рукописи, ближайшія къ описанному кодексу по эпохѣ, XI в. или начала XII в. оказываются ушедшими дальше отъ ея иконографическаго склада, чѣмъ иные кодексы XII и XIII вѣковъ. Всѣ они пользуются взаимнѣ образцами уже посредствующими, какъ напр. рукописями Минеи Лицевыхъ, Житій и др.

Кодексъ Гринг.
Наз. Париж.
Нац. Библ.
№ 543.

Важнѣ другихъ въ иконографическомъ и художественномъ отношеніяхъ является кодексъ той же Париж. Нац. Библиотеки Проповѣдей Гр. Богослова за № 543 въ четв. Роскошная орнаментика разсыпала всюду прелестныя заставки, а въ нихъ орнаментальные кресты, цвѣты и листву, свѣтильники и корзины; на верху всякой заставки (какъ это обыкновенно дѣлается для украшенія аркадъ каноновъ) по сторонамъ причудливаго фонтана, бьющаго изъ фигурнаго креста въ свѣтлый водоемъ и явно изображающаго источникъ воды живой, собраны различныя животныя и птицы, изъ которыхъ по преимуществу, однакоже избираются также отличающіяся пестротой красокъ: перепелки, павлины, тигры и пр. Самыя миниатюры помѣщены на 13 листахъ по двѣ на каждомъ и обружены всегда широкою рамкою, также орнаментированною крестчатымъ рисункомъ съ листвою, птичками, звѣрками и пр.

Къ 1-й рѣчи на Пасху—Воскресеніе: Христосъ въ огненномъ хитонѣ, подобно Ангелу Господню, на крыльяхъ ¹⁾ спустился въ адъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ мольбами ветхозавѣтныя праведники, томящіеся въ узахъ. Ко 2-й рѣчи на Пасху Ангелъ Господень со свиткомъ распущеннымъ (какъ у Христа въ Вознесеніи въ древне-христіанскомъ искусствѣ, означаетъ откровеніе Новаго Завѣта) несется въ голубой круглой славѣ (ореолѣ), сопровождаемый тьмою Ангеловъ: Вознесеніе. Ангелъ Господень, слетѣвъ въ мракъ адовой бездны, налагаетъ цѣпи на діавола; по сторонамъ возстаютъ изъ гробовъ мертвые, до пояса въ пестрыхъ саванахъ.

¹⁾ Эта прибавка крыльевъ Христу воскресшему есть явленіе совершенно случайное и въ иконографіи уродливое. Символическій элементъ упалъ здѣсь до самаго низкаго рефлексъ.

Та-же рефлексивная символика на Пятидесятницу: Григорій В. съ пресвитерами и діаконами на Пятидесятницу, преклоняясь передъ престоломъ или аналоемъ изъ зеленого мрамора на одной ножкѣ, совершаетъ служеніе; семь священниковъ суть семь даровъ Св. Духа¹⁾. На Рождество: по ирмосу: «Христосъ рождается, славите» и пр. (соотвѣтствіе Пс. 95) сочиненная сложная композиція Рождества Христова съ пастухами и ангелами благовѣствующими, волхвами и ангелами славословящими и пр., усвоенная искусствомъ въ X вѣкѣ, о которой упоминаетъ І. Дамаскинъ. Твореніе Адама—символическая параллель, заимствованная изъ код. 510 (начало рѣчи); Адамъ и Ева здѣсь, дѣйствительно, не имѣютъ пуна, какъ не рожденные, и пола, какъ не согрѣшившіе,—не важная и не постоянная подробность поздневизантійскаго искусства, которую слишкомъ обобщилъ Дидронъ²⁾. Кромѣ этого имѣемъ нѣсколько церемоніальныхъ сюжетовъ: поставленіе на еп. кафедру, блаженная кончина Аѳанасія, проповѣди Григорія В.,³⁾ и также нѣсколько копій наименѣе интересныхъ историческихъ сценъ изъ код. 510: исторія Кипріяна, Маккавеевъ и т. д. Этотъ обзоръ достаточно указываетъ, до какого глубокаго внутренняго паденія дошло искусство, лишившееся свѣжаго творчества и задачъ серьезныхъ и высокихъ; вмѣсто живописи истинно исторической, эти богатые образы рѣчи, не дали ничего, кромѣ банальной иллюстраціи и развлеченія зрителя церемоніальными пустыми сценами. Недостатки письма выступаютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ничтожнѣе содержаніе: гористый ландшафтъ по шаблону съ полосками цвѣтовъ безъ всякихъ измѣненій; группировки не существуетъ; пропорціи уродливы, что и необходимо при крошечныхъ фигурахъ;

¹⁾ О символическомъ празднованіи Пятидес. см. ст. Felix Clément, Ann. arch. XI, p. 10 слд.

²⁾ Manuel d'iconographie p. 78. Прим.

³⁾ Святитель изображается всегда въ такъ наз. *полуставрѣ* епископская фелонь, см. Симеона Солунскаго у Goar, Euchol. gr. стр. 113. Du Cange v. Glossar. gr. tab. VIII v.

жесты, позы и движѣнія или деревянны или непріятно рѣзки¹⁾. Любопытны лишь заглавныя буквы очень хитрой работы, какъ первый опытъ новой орнаментаци ихъ сюжетами, заимствованными въ самомъ же кодексѣ: Воскресенія, Святителя съ ангеломъ и пр., при чемъ, въ отличіе отъ сѣверной антропоморфической формы, фигура входитъ въ очертаніе буквы.

Рис. Григорія
№ 550 въ
Пар. Нац. Б.

Гораздо выше въ иконографическомъ отношеніи и важнѣе въ исторіи миниатюры стоитъ третья греческая рукопись Париж. Нац. Библ., содержащая избранныя рѣчи Григорія Богослова, въ четв., № 550. Этотъ кодексъ также, если не болѣе еще, богато изукрашенъ, какъ и №543, и характеризуетъ жалкую манеру крохотныхъ фигурокъ также хорошо какъ и эта рукопись; но такъ какъ эта рукопись значительно позднѣе, а именно по приписи принадлежитъ 1262 году, то и не возбудила къ себѣ особаго вниманія. Между тѣмъ она заслуживала этого вниманія ради интересовъ содержанія. Миниатюры въ ней помѣщаются въ заставкахъ, также въ аркадахъ портиковъ или широкыхъ разубранныхъ различными хитроплетеніями рамкахъ, которыя имѣютъ много сходства съ арабскими Альгамбра; сюжетъ играетъ роль побочную. Съ другой стороны въ миниатюрахъ, размѣщенныхъ въ поляхъ мелкихъ и всегда покрытыхъ золотымъ фономъ, есть много иконописнаго характера; въ одно и тоже время миниатюра стремится превратиться въ картину и сохранить значеніе и важность иконы. Этотъ характеръ не измѣняется отъ того, что около виньетки, обыкновенно съ боковъ, вверху или внизу, изображаются животныя: львы и леопарды, грифоны крылатые, лисы и бараны попарно, даже охота на медвѣдя и т. п., или борьба мирныхъ животныхъ съ хищниками, въ чемъ иногда, быть можетъ, есть и символическая связь съ сюжетомъ рѣчи (напр. волки и грифоны къ рѣчи на Юліана)²⁾.

¹⁾ Лабартъ, очевидно, былъ подкупленъ блескомъ этого жанра; онъ находитъ даже много выраженія въ фигурахъ: онъ говоритъ (!!) по его словамъ; онъ видитъ попытки къ анатомической правильности (!) фигуръ и пр. *Histoire d. a. ind.* III стр. 56.

²⁾ Для противниковъ символическаго объясненія этихъ орнаментовъ замѣтимъ, что звѣриная орнаментика могла имѣть здѣсь одну общую мысль:

Затѣмъ къ этой же декорации относятся и символическія пальмы, отягченныя плодами, которые клюютъ птицы, и замѣчательныя по своимъ сюжетамъ заглавныя буквы. Эти послѣднія по большей части представляютъ схематическое сокращеніе тѣхъ же иллюстрацій текста: Сошествіа Св. Духа; Василій Вел. на одрѣ и Святитель съ кадиломъ (буква е), Крещеніе и пр. Но есть также инициалы, которыхъ звѣринныя формы наука привыкла встрѣчать доселѣ въ рукописяхъ средневѣковой сѣверной Европы: леопардъ съ поднятою лапою, нагая фигура на драконѣ съ вѣнкомъ, животныя и птицы сплетшіяся въ причудливыхъ группахъ, смотря по очертанію буквы, борьба двухъ фигуръ и т. п., — однимъ словомъ, вполне развитые элементы той звѣриной, фантастической орнаментации, которую наука археологін обобщала доселѣ, какъ явленіе спеціально западнаго искусства и произвольно окрестило именемъ «стиля романскаго». Между тѣмъ, среди этихъ фигуръ мы находимъ, пожалуй, даже прототипъ (ибо откуда же иначе было заимствованіе) фантастическаго полета Александра Македонскаго на небо, недавно бывшаго предметомъ ученыхъ изслѣдованій ¹⁾ по скульптурамъ средневѣковыхъ соборовъ: а именно мы видимъ двѣ фигуры, которыя, обнявшись, поднимаются на орлахъ запряженныхъ въ колесницу; вверху улетаетъ еще фигура, — по всему судя, это образъ символическаго переселенія души въ рай ²⁾. Сходство съ средневѣковыми скульптурами даютъ Сирены, олицетворенія вѣтровъ и пр., а также и сцены быта: качели, лазаніе по деревьямъ. Подобный символизмъ содержатъ въ себѣ и самыя миниатюры. Изъ нихъ, конечно, почти

изображеніе пороковъ и добродѣтелей, и нѣтъ нужды непрѣменно въ каждой детали видѣть символъ. «Физиологи» шли съ Востока, изъ Александріи, черезъ Сирію и Византію на Западъ (см. *Pitra Spicil. Solesm.*, t. III p. LV, LXI eq.). Въ соч. Кайе *Mélanges d'arch.* II изд. армянскій *Bestiarій* въ переводѣ, стр. 106 сл.

¹⁾ *Cahier, Nouveaux mélanges d'archeologie*, P. 1874 in 4° p. 165—180. *Annales arch.*, t. XXV. стр. 141 слд, при ст. Дюрена впервые изданъ рисунокъ этого сюжета.

²⁾ По древне-христіанскому вѣрованію, которое послужило Григорію Бог. для сравненія вознесшагося Христа съ птицею въ рѣчи на Ев.; см. *Martigny, Dict. v. Oiseaux, Aigle*. Также у Мелитова *Sard.* изд. *Pitra, Spicil.* т. 2, стр. 180.

половина (ихъ всего 18) представляетъ церемональные и безсодержательные сюжеты, какъ напр. Святителя проповѣдующаго, Св. Кипріана и Святую Дѣву съ крестами въ маперѣ позднихъ мозаикъ (Св. Марка въ Венеціи), блаженную кончину Святителя въ присутствіи прощающагося съ ними народа (на хорахъ церкви); фигуры представляютъ старческія лица, изрытыя морщинами, съ длинными уже бородами и большимъ посомъ, угрюмо сжатыми губами; узкія формы замѣнили историческое представленіе перваго кодекса. Выходная виньетка изображаетъ Распятіе по позднѣйшему переводу: на Христвъ прозрачный платъ на чреслахъ; тѣло слегка изогнуто и чрезвычайно худо и тонко; помертвѣвшее лицо съ закрытыми глазами и сведенными бровями; по сторонамъ Іоаннъ и Марія. Сложную икону представляетъ Воскресеніе, расположенное въ девяти поляхъ: Христосъ въ аду (въ бѣломъ гиматіи); по сторонамъ Богородица со святыми Женами и Апостолы; выше четыре архангела со свѣщниками и два ангела слетающіе; ниже воскресшіе со свѣчами привѣтствуютъ Спасителя: сводъ каменныхъ и обрядныхъ сценъ. Того же характера миниатюра Вознесенія (?), изображающая Христа въ голубой «славѣ», въ золотыхъ одеждахъ, среди ангельскихъ сонмовъ также въ богатыхъ одеждахъ съ золотыми табліонами, возносящихся на небо; внизу Іоаннъ Богословъ и Григорій. Въ сценѣ Сошествія во вратахъ или среди полувруга возлежащихъ Апостоловъ, двѣ извѣстныя фигуры, изображающія «Всѣмь» — весь міръ, въ видѣ царя съ золото-жемчужнымъ лорономъ и стѣмкою и смерда въ бѣлой рубахѣ, бесѣдующихъ другъ съ другомъ; обыкновенно же царь одинъ, сидитъ, держитъ на колѣнахъ длинное полотенце, на которомъ двѣнадцать золотыхъ свитковъ означаютъ Апостоловъ, и тогда какъ первая форма, близкая къ самому описанію событія въ Дѣян. гл. II, носитъ еще характеръ историческій, вторая имѣетъ смыслъ общій и иносказательный и принадлежитъ времени позднѣйшему ¹⁾. Живописецъ превратилъ уже триглиній Апосто-

¹⁾ Въ русскихъ подлинникахъ см. прое. Буслаява Общія понятія о русско-иконописи въ Сбор. Общ. древне-рус. иск. за 1866 г. стр. 102.

ловъ ¹⁾ въ полъное купольное здание, а помѣщеніе фигуръ цара и смерда внутри этого триклинія въ какіе то темные ворота; повидимому, эта ошибка явилась уже въ X—XI вв. Рождество является въ сложномъ переводѣ съ пастырями (старый и молодой) и пр. Но, конечно, изъ всѣхъ этихъ миниатюръ наиболѣе замѣчательною является одна, которой поэтическое содержаніе сентиментальнаго характера само по себѣ уже способно удостовѣрить насъ въ живомъ значеніи византійской миниатюры. Въ рѣчи «на Новое Воскресеніе» въ прелестномъ фронтисписѣ, наполненномъ арабесками и внутри осьмиугольнаго поля, образованнаго оригинальнымъ плетеніемъ вѣтвей, виньетка изображаетъ молодаго пастуха (буква рядомъ изображаетъ пастуха доящаго ланей) съ кошелюю на плечѣ, среди оленей, славословящаго Бога (въ небѣ Христосъ по грудь); миниатюристъ хотѣлъ такимъ образомъ схватить и сильнѣе выразить мысль оратора о всеобщности празднованія Воскресенія и слѣдовалъ тексту ²⁾, который изображаетъ это общее веселье въ античномъ образѣ пастуха и земледѣльца, настраивающихъ свирѣли и наигрывающихъ пѣсни. Народно-книжное воззрѣніе затѣмъ видѣло въ этомъ пастухѣ непремѣнно мученика Мамапта (слово о немъ Василія Вел.), о которомъ упоминаетъ и Богословъ въ обличеніи Юліана.

Гораздо бѣднѣе по самому характеру, стилю и содержанію лицевая рукопись Григорія Назіанзіана, находящаяся въ Лаврентіанской бібліотекѣ (16 словъ, въ четв.) Plut. VII, cod. 32, и принадлежащая XI вѣку. Рядъ виньетокъ въ заставкахъ къ каждой рѣчи представляетъ краткую схему ея содержанія, взятаго исключительно съ внѣшней стороны: напр. къ рѣчи о Кипріанѣ изображенъ мученикъ, повѣствующій Григорію о своемъ подвигѣ; Святитель пишетъ, подобно Евангелисту; Григорій В. и

Кодексъ Лавр.
библ. Plut.
VII, cod. 32.

¹⁾ Полукруглый триклиній съ яснымъ еще устройствомъ ложъ въ Тайной Вечерѣ, моз. Св. Аполлинарія Новаго въ Рав., Rohault d. Fl. I. c. II, pl. 7. 2, Примѣры болѣе древніе изъ катакомбъ, Bosio, Roma sotter. p. 391, 447.

²⁾ *Εἰς τὴν καινὴν κυριακὴν*, гл. X: *Ἦδὲ οὐρανὸς διαγυρότερος, ἤδὲ ἤλιος ἀρηλότερος ... Ἄρτι δὲ ποιμὴν καὶ βοῦκόλο; ἀριζοῦται σφύγγας καὶ ὄμιον ἐμπέουσι μέλος* и т. д., а также гл. XI: *πάντα θεὸν ἠμεῖ* и пр.

Григорій Нисскій, къ нему пришедшій, другъ передъ другомъ до земли преклоняются, умиленно сложивъ руки, и пр. Интереснѣе изображеніе Крещенія, въ которомъ совмѣщено Крещеніе І. Христа и народа по богословскому мотиву; при этомъ, въ рѣкѣ видна фигура моря убѣгающая и подплывающая фигура Іордана, по Псал. 113, 3¹⁾. Въ кончинѣ Аванасія два ангела несутъ его душу въ бѣломъ на покрывалахъ.

Рукопись Синод. Библи. № 61.

Еще сокращеннѣе становятся виньетки въ рукописи Синодальной Библіотеки, XI или даже XII вѣка, въ л., № 61 (LXII)²⁾ съ миниатюрами въ видѣ виньетокъ передъ словами, отличнаго письма, но крайне пострадавшими. Сцены мученичества обильны и совершенно скопированы съ образцовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Ватиканскій Менологій. Въ Воскресеніи представленъ въ ореолѣ ангелъ благовѣствующій, а вверху самъ Христосъ воскресшій во славу, какъ Богъ вѣчный, — наглядное представленіе вѣчной божественности І. Христа, согласно съ общими богословскими стремленіями искусства.

Кодексъ Ват. Библи. Грег. Наз. № 463.

Наконецъ, конечное сокращеніе въ узкую схему этихъ иллюстрацій представляетъ рукопись Ват. библи. въ л., XI в., за № 463³⁾. Помимо значительнаго паденія въ стилѣ, темнокоричневыхъ одеждъ, безжизненной манеры въ драпировкѣ, всѣ композиции втиснуты въ очертаніе буквъ, чѣмъ прекращается дѣятельность живописи и начинается работа каллиграфіи.

Итакъ даже въ миниатюрахъ торжественныхъ рѣчей Григорія В., согласно ихъ общему лирико-сентиментальному характеру, мы встрѣчали много сценъ мученичества и вообще изображенія Святыхъ, ихъ жизни и блаженной кончины. Это направленіе, дѣлаясь болѣе и болѣе замѣтнымъ, соответствуетъ въ богословской

¹⁾ См. Проє. Буслаева Общія понятія о рус. иконописи, I. с. стр. 97.

²⁾ См. Указатель Библи. Арх. Саввы.

³⁾ Даженикуръ, почему то приписавшій этой рукописи большое, ей вовсе не свойственное значеніе, выдалъ единственную миниатюру и всѣ буквы въ снимкахъ: Peint. pl. 49, 2, 3, но неудовлетворительно сдѣлавъ кальки: въ Крещеніи (В) недостаетъ Іордана слѣва.

литературѣ появленію разныхъ родовъ сочиненій: отдѣльныхъ жизнеописаній святыхъ, Сборниковъ Житій и Миней или Менологіевъ, т. е. житій въ порядкѣ дней въ году или полного мѣсяцеслова. Между послѣдними ¹⁾ сочиненіями знаменитый Ватиканскій Менологіи есть древнѣйшій кодексъ этого рода и былъ написанъ и украшенъ для Имп. Василя II Порфиророднаго (976—1025). Какъ древнія Миней содержали главнымъ образомъ житія мѣстныхъ мучениковъ, такъ и въ этомъ Менологіи они стоятъ выше Святителей, даже Пророковъ и Апостоловъ и на первомъ мѣстѣ въ порядкѣ. При жизни Константина VII Порфиророднаго (913—959) было составлено Симеономъ Метафрастомъ колоссальное собраніе переведенныхъ подъ его руководствомъ со всѣхъ возможныхъ языковъ Востока и Запада и имъ изложенныхъ жизнеописаній Святыхъ ²⁾. Жизнеописатель самого Симеона съ неподдѣльнымъ восторгомъ излагаетъ жизнь патриція: составитель житій пережилъ душою всѣ духовныя сладости жизни мучениковъ и отшельниковъ и самъ сподобился святости. Въ теченіи XI—XII вв. мы встрѣчаемъ наибольшее количество рукописей, исполненныхъ въ Греціи, Италіи и Малой Азіи ³⁾ и содержащихъ въ себѣ или отдѣльныя житія Святыхъ, или различные сборники—синаксари (мартирологіи, легенды), или миней, гдѣ житія располагались по числамъ мѣсяцевъ, или менологіи, гдѣ они же представлялись въ сокращеніи, или сводъ въ родѣ нашихъ святець или календаря; позднѣе является дѣленіе и по

¹⁾ Арх. Сергій въ новомъ соч. Полный мѣсяцесловъ Востока. т. 1-й стр. 5 относитъ Менологіи Ват. къ прологамъ или Синаксарямъ, т. е. сборникамъ житій, расположеннымъ по днямъ года. Впрочемъ, тотъ же авторъ указываетъ, что эти названія часто замѣняли другъ друга.

²⁾ См. Rambaud, L'empire grec au X-e s. Const. Porp. P. 1870. ch. V, p. 92 — 104.

³⁾ Перечень рукописей этихъ въ изд. Fabricius Bibl. graeca, t. X, p. 141 слѣд. прим. Въ томъ же соч. Арх. Сергій т. I стр. 21 слѣд. указано, что греческіе мѣсяцесловы слагаются особенно въ періодъ IX—XIII в., притомъ особенною дѣятельностью отличается въ этомъ направленіи X вѣкъ — начало «студійскаго періода». по автору.

содержанію: являются лимонари, βιβλία μοναχικὰ, ἐξοδιαστικὰ, γεροντικὰ, πατερικὰ и пр.

Менологія
Ват. Библ.
№ 1613.

Въ IX же вѣкѣ является и редакція иллюстрированная, и ея первымъ представителемъ знаменитый кодексъ Ватиканскаго Менологія, драгоценнѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей съ миниатюрами, если не единственный въ своемъ родѣ образецъ ¹⁾. Историческое значеніе этого кодекса лежитъ въ томъ, что онъ съ одной стороны совмѣстилъ въ себѣ всѣ силы современнаго художества и завершилъ блестящимъ образомъ техническое совершенствованіе византійской живописи, съ другой въ томъ, что его художественнымъ результатомъ была схема, закрѣпостившая послѣдующее искусство. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія того взгляда, который признаетъ византійское искусство лишь въ эпоху IX—XIII в., эта рукопись является главнѣйшимъ его представителемъ, и всѣ западные изслѣдователи иконографіи (Дидронъ, Гэнбо, Кавальказелле, Пиперъ, Шнаазе и др.) любили обращаться къ ея свидѣтельству, какъ источнику чистаго и лучшаго византизма.

Несомнѣнно, что Менологія Ват. библ. представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи византійской миниатюры уже потому, что ея иллюстраціи имѣютъ историческую почву: онѣ исполнены во первыхъ въ извѣстное намъ время — царствованіе Василия II Порфиророднаго ²⁾; вовторыхъ, мы знаемъ поименно художниковъ, ея исполнявшихъ. Для этой значительной работы (мы владѣемъ половиною рукописи за полгода съ мѣсяца Сентября по Февраль включительно, и на 430 листахъ имѣемъ столько же миниатюръ,

¹⁾ Изъ К—поля привезенъ Людовіку Сюрцъ, пріобрѣтенъ Павломъ V. Въ двухъ томахъ in fol., № 1613. Изд. въ рис. кард. Альбини, Menologium г. 3 vol. 1727. Ст. Акад. Срезневскаго въ Христ. Древн. 1862, кн. 2, стр. 9 слд.

²⁾ Рукопись имѣетъ посвященіе Василию вообще, и Кард. Бароніи относилъ ее къ Вас. Македонянину, но такъ какъ Императоръ названъ въ посвященіи ἦμος τῆς πορφύρας В. τὸ θεῖμα τῆς ἀλουργίας, то Аллагіи указалъ на Василия II, а Угелло въ изданіи Italia sacra, т. VI стр. 1049, найдя подъ 16 Декабремъ Св. Θεοεάνу жену Имп. Льва VI, умершую въ 894 г. и другія Святыхъ, жившихъ послѣ Василия I, подтвердилъ это мнѣніе Аллагіи. нынѣ всѣми признаваемое. См. указ. ст. акад. Срезневскаго, стр. 10.

украшающихъ одну половину листа, а на другой написанъ текстъ), собрались, видимо, лучшія силы царской школы, притомъ школы свѣтской, не монастырской, слѣдовательно, художниковъ специалистовъ, не только каллиграфовъ любителей; работа была роздана по листамъ, но по многимъ признакамъ дѣлалась въ одномъ мѣстѣ и сообща. По крайней мѣрѣ, если мы находимъ часто листы, иллюстрированные съ обѣихъ сторонъ однимъ живописцемъ, то столь же часто встрѣчаемъ и противное; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо полагать, что работы подвигалась сразу и сообща. А именно: художники, подписывавшіе всегда свои имена съ боку миниатюры: Пантолеонъ, Михайль Влахернитъ, Симеонъ Влахернитъ (изъ участка Влахернскаго), Михайль меньшей (или второй, вѣроятно, изъ того же мѣстечка), Минай, Несторъ и Георгій, — то чередуются, то расписываютъ одинъ листъ, то иногда Симеонъ пишетъ сряду нѣсколько, — особенно къ концу рукописи и т. д. въ перебивку, что прямо указываетъ на общую работу. Въ работѣ, несмотря на замѣчательную ея ровность, обусловленную ремесленными формами, все же легко отличить большую или меньшую тщательность, умѣніе и вообще степень вѣшняго совершенства. По типамъ, изобрѣтенію выше другихъ Пантолеонъ и Симеонъ; по мелочности отдѣлки, блеску колорита, узорамъ и пр. отличается Михайль Старшій; а Михайль Меньшой работаетъ скоро и смѣло, но небрежно и съ мутными красками; работы Нестора ребячески слабы и неумѣлы¹⁾. Но всѣ мастера пишутъ въ одной манерѣ; стремленіе къ вѣшной красотѣ, или, скорѣе красивости и мелочной щеголеватости, блестящія свѣтлыя краски, пестрота и ловкое сочетаніе цвѣтовъ, роскошные узоры одеждъ, реализмъ ужасныхъ по жестокости сценъ лиризмъ въ прославленіи Святыхъ, какъ характеризуютъ всю рукопись, такъ и запечатлѣваютъ всякую фигуру, всякую деталь любой миниатюры. Блестящая своими куполами, пестро мраморными портиками, гигантскими водопроводами, каріатидами, вилами съ

¹⁾ Дабартъ 1. с. р. 62 находитъ лучшими работы Пантолеона и Нестора.

плоскими крышами и парапетами, двухъ-этажными зданіями съ открытою колоннадою наверху, архитектура представляетъ намъ великолѣпія Цареграда. Мелочная пышность обстановки и костюмовъ занимаетъ исключительно художниковъ: во всѣхъ сценахъ мученичества — а ихъ три четверти — мы видимъ неизмѣнно казенную фигуру палача — прислужника, наряженнаго въ короткій до колѣнъ кафтанъ (иногда безрукавный), высоко подпоясанный, штаны и сапожки; на плечахъ развивается застегнутая фибулою короткая хламида или плащъ; несмотря на однообразіе этого костюма, который долженъ быть пышнымъ, какъ и слѣдуетъ для палача, нельзя найти и двухъ фигуръ одинаково одѣтыхъ: такъ тщательно старались разнообразить костюмъ цвѣтами матерій, рисунками узоровъ и сочетаніемъ цвѣтовъ. Эта дѣтская тенденція искусства, которое боится наскутить, проведена и въ архитектурной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, важнѣйшая сторона художественной дѣятельности, въ которой выражается личность художника, изобрѣтеніе и, какъ его результатъ, композиція сюжета наименѣ оригинальны. Мелкій натурализмъ сложныхъ рисунковъ въ сюжетахъ евангельскихъ, кровавыя сцены мученій и казенная форма казней, въ видѣ усѣяновенія головы, скучныя аллегорическія сцены смѣняются церемоніальными изображеніями процессій, молебствій, церковныхъ празднествъ. Мы видимъ цѣлые ряды святыхъ Мужей, Женъ, Святителей въ особенности (самый выборъ предпочтительно падалъ на высшій клиръ), стоящими въ церемоніальной неизмѣнной позѣ, среди портива, котораго боковыя арки задернуты занавѣсами, и который изображаетъ собою храмъ, — мотивъ особенно извѣстный намъ изъ мозаикъ Солуни и Равенны. Такимъ образомъ, по монументальной обстановкѣ фигуръ, развивающей древне-христіанскій мотивъ, нѣкогда символизовавшій торжество Церкви и ея служителей, эти изображенія повторяютъ рисунки мозаикъ. Рѣзкимъ диссонансомъ, поэтому, кажется сравнительно съ этими неподвижными величавыми фигурами чистой иконописи общее стремленіе къ картинности, живописному распредѣленію сюжета; пейзажъ обрабатывается какъ нѣчто самостоятельное, и

рельефный характеръ композиціи утрачивается окончательно. Такъ напр. сцены мученій изображаются всегда среди горъ; нѣсколько обезглавленныхъ труповъ лежитъ въ сторонѣ, сзади стоятъ мученики, моляся, а въ центрѣ совершается убіеніе главнаго мученика. Миниатюристъ, заботясь о полнотѣ внѣшняго изложенія, прибѣгаетъ къ различнымъ натуралистическимъ прикрасамъ, чтобы скрыть ничтожество сюжета и придать ему хотя посторонній интересъ. Возьмемъ первый листъ съ изображеніемъ Симеона Столпника: на порфировой колонкѣ съ рѣшеткою виднѣтся выдающійся бюстъ аскета въ монашеской кубукли; къ нему изъ городовъ приходятъ люди на поклонъ и съ съѣстными припасами; монахъ задумчиво смотритъ на него, мірянинъ умиляется, правитель въ чалмѣ — дѣло происходитъ въ Сириі — даже припалъ къ колоннѣ. Рукопись преисполнена подобнымъ лирико-сентиментальнымъ тономъ, и самая легкость, общедоступность этой манеры устраняетъ всѣ попытки къ драматической концепціи; очень рѣдко встрѣчаемъ оживленіе въ церемониальной сценѣ какою-либо драматическою чертою, но и то принадлежитъ тексту: мнимый монахъ Смарагдъ на смертномъ одрѣ открывается отцу своему. Установленіе канона, какъ существенная задача современнаго художества, составляетъ, такимъ образомъ, главный интересъ композицій и самыхъ типовъ. Вообще говоря, типы крайне бѣдны, узки, не богаты элементами и чертами характера: общія различія возрастовъ; типъ лица слѣдуетъ опредѣленному шаблону, носъ крючковатый и длинный помѣщенъ подъ сплошной линіею брови и нависъ надъ узкою линіею губъ съ опущенными углами рта; болѣзненно-тонкій и психическій овалъ обрамляется у молодыхъ фигуръ бѣлокурными (византійская мода любила рыжіе, каштановые и свѣтлорусые волосы) или темнорусыми волосами, у старыхъ черновато-сизыми или стального отблеска волосами, съ пробивающеюся сѣдиною; борода, безъ исключенія короткая, но широкая, прядями; лицо вообще скуласто, лобъ какъ въ народномъ типѣ низкій, но у Отцовъ церкви, Святителей и учителей высокій, «валыистый» т. е. обнаженный спереди отъ волосъ. Лицо чаще всего имѣетъ мрачно-покойное, даже невозмутимое въ аскетической замкнутости выраженіе; взоръ на-

правленъ въ сторону, по традиціональной позѣ Пророковъ (и въ русскихъ подлинникахъ); выраженіе умиленія, благочестиваго вниманія сухо и черство или же полно аффектаціи и слащаво; дикая свирѣпость палачей за то очень характерна. Отъ античнаго искусства удѣляла мѣстами ораторская поза: гиматій окутываетъ справа фигуру и сдерживается на боку лѣвою рукой, тогда какъ кисть правой руки, высунутая изъ его складокъ, дѣлаетъ жестъ греческаго благословенія. Въ драпировкѣ святыхъ женъ замѣчается жестъ, противоположный античной пластикѣ: въ ней, начиная съ Геры и кончая римскою матроною, правая рука фигуры неизмѣнно отводитъ въ сторону покрывало отъ лица, — это жестъ новобрачной, показывающей своему мужу; византійская женская фигура закрываетъ лицо — жестъ женщины, обрекшей себя на монашество. Но затѣмъ, сравнивъ типы Святыхъ съ нашимъ подлинникомъ, мы встрѣчаемъ въ Менологіи какъ большее разнообразіе этихъ типовъ, ихъ костюмовъ (хотя національныхъ костюмовъ избѣгаютъ), которые ближе къ положенію лица, возрасту и пр., такъ, главное, большую ясность традиціи, еще удерживающей юность для многихъ Пророковъ и Апостоловъ: Іоны (22 Сент.), Аввакума, Малахіи (Янв. 3), Михея (Января 5), Ананія, Осія и пр. (Осія, Іоиль и др. являются въ нашемъ подлинникѣ сѣдymi) ¹⁾ и Святыхъ: Никиты, Вавилы, ²⁾ и пр. Равнымъ образомъ юный Арсѣв, Артемій, Дмитрій Солунскій, Гервасій и Протасій и другіе святые воины являются не въ воинскихъ доспѣхахъ, въ уваженіе къ ихъ великой святости. Наконецъ евангельскіе сюжеты, несмотря на сложную натуралистическую манеру, все же проще и удачнѣе обработаны, чѣмъ въ послѣдующемъ искусствѣ и имѣютъ историческій интересъ; такъ Зачатіе (Силлипеисъ) Богородицы въ видѣ обниманія, какъ проявленія плотскаго зачатія, безъ апокрифическихъ подробностей; Соборъ Божіей Матери, Введеніе, Обрѣзаніе не обставлено еще

¹⁾ А также въ руководствѣ Діонисія, что должно объясняться его поздней редакціею: *Manuel d'iconographie* p. 138, 312.

²⁾ *Ib.* p. 319, 334.

церемониальною помпою; Поклоненіе волхвовъ отдѣльно отъ Рождества: ангелъ ведетъ ихъ въ пещерѣ, гдѣ сидитъ В. М. съ Младенцемъ, въ Крещеніи позади Крестителя двѣ мужскія фигуры переговариваются — это будущіе Апостолы; Соборъ Крестителя въ видѣ его проповѣди: у корня древа лежитъ топоръ; Обрѣтеніе главы, напротивъ того, съ блистательною помпою историческаго происшествія; Срѣтеніе прославлено наивно дѣтскимъ испугомъ Младенца, потянувшася къ матери ¹⁾; подъ 16 января избавленіе Петра изъ темницы замѣнено изображеніемъ перенесенія веригъ Апостола въ св. Софію Цареградскую.

Слѣды древнехристіанскихъ композицій и формъ искусства разбросаны тамъ и сямъ: Архангелъ передъ павшимъ Ис. Навиномъ съ обнаженнымъ мечемъ въ правой и ножнами въ лѣвой, и самъ Навинъ — копія съ образца, что въ Ват. Свитеѣ. Въ сценѣ бѣгства въ Египетъ (дек. 26) у вратъ Египта — города стоитъ для встрѣчи женская фигура города въ коронѣ и туникѣ безрукавной, она держитъ покрывало, готовясь принять Младенца; замѣтимъ, что таже самая фигура съ надписью «Египетъ» съ обнаженною грудью, дѣлая привѣтствіе правою рукою, встрѣчаетъ бѣглецовъ на мозаикѣ Палатинской капеллы ²⁾. Далѣе встрѣчаемъ много деталей античныхъ и древнехристіанскихъ: саркофаги съ барельефами, идоловъ нагихъ и перепоясанныхъ по чресламъ, со скипетромъ, изображающихъ юное божество, туники съ буллами и клавиами до груди, лабарумъ въ рукѣ Архангела, копію древней иконы Эммануила въ рукахъ Имп. Феодоры (февр. 11), возстановившей иконопочитаніе, наконецъ самую позу адоранта для святыхъ женъ и пр.

Продолженіе этого Менологія заключаетъ въ себѣ рукопись Синодальной Библіотеки въ Москвѣ, содержащая четыре Миней за Февраль и Мартъ: рукопись эта въ л. подъ № 183 (184 у Маттеи), XI вѣка и привезена съ Афона; имѣетъ 57 миниатюр.

Миней Синод. Библ. № 183.

¹⁾ Crowe u. Cavalcaselle, Gesch. d. A. Mal. I p. 230 указываютъ тотъ же мотивъ въ эресахъ Джотто въ Падуѣ.

²⁾ Рисунки см. въ изданіи Buscemi, Notizie della Basilica di S. Pietro. Palermo, 1840 in 4. tav. XVI.

тюръ¹⁾, которыя настолько близки къ Менологію Ват. по композиціи (въ общихъ мненьяхъ на Февраль), стилю, технику рисованія и красокъ, всёми деталямъ костюмовъ, хотя нѣсколько менѣе пышныхъ (плащи — *мятли* у прислужниковъ), но также заботливо разнообразныхъ, — что нельзя не признать этой рукописи прямою копіею съ этой же части Ват. рукописи, отъ которой мы владѣемъ лишь текстомъ. Копія, конечно, не имѣетъ того богатства и блеска въ краскахъ и золотомъ фонѣ; въ рисовкѣ есть уже упадокъ, пейзажъ не такъ тщательно мелокъ, фигуры меньше, гуашь суха и дурно наложена, и сильно лупится на шероховатомъ пергаментѣ; иногда контуры очерчиваются черною краскою. Въ композиціи становятся обычными уродливо дикія движенія, которыя утрированы чтобы быть выразительными.

Менол. Париж. Библиот. по 1561.

Значительный отрывокъ той же редакціи составляетъ рукопись Париж. Нац. Библиот. за № 1561, содержащая греческій Менологіи за Январь, XII вѣка, въ л.; 23 миниатюры въ текстѣ въ размѣрахъ и стилѣ Ват. рукописи исполнены, однако же, торопливо и съ большою небрежностью, хотя работа явно копируетъ хорошій оригиналъ XI вѣка: контуры толсты и не закрыты моделировкой; рисунокъ иногда приближается къ простой иллюминаціи, безъ тѣней и бликовъ; многія детали явно утратили свой первоначальный колоритъ; пропорціи уродливы и мрачный элементъ въ типахъ усилился; часто встрѣчаются оливковые хитоны и верхнія одежды — празелень. Эту чувствительную разницу въ типахъ стоитъ прослѣдить вкратцѣ, чтобы убѣдиться, что уже въ IX вѣкѣ искусство было готово сдѣлать тотъ гибельный шагъ, который повелъ его къ полному омертвѣнію. Сравнимъ нѣсколько сюжетовъ кодекса съ Ват. Менологіемъ. Соборъ 70 Апостоловъ представленъ въ видѣ сплошной кучи фигуръ, всё благословляютъ, отдѣланы лишь три: въ Ват. кодексѣ этого праздника еще не находится. Малахія сѣдъ, благословляетъ именованно: въ Ват. Менологіи юнъ и безбородъ, держитъ развернутый свитокъ, живая фигура. I. Предтеча среди горнаго ландшафта какъ от-

¹⁾ Кратко перечислены въ указателѣ арх. Саввы, стр. 106.

шельникъ—манера изображенія, утвердившаяся въ XII и XIII вѣкѣ, въ силу аскетическихъ тенденцій (извѣстныя иконы, на которыхъ Креститель созерцаетъ свою собственную голову на блюдѣ въ пустынѣ): въ Ват. рук. сцена проповѣди. Св. Доминика держитъ крестъ передъ собою: въ Ват. рукоп. изображена молящаяся, освѣщена лучемъ отъ Десницы, живое представленіе благочестивой жизни. Θεодосій съ длинною аеонскою бородою, а Макарій весь обросъ сѣдыми волосами; мрачныя фізіономіи Ефраима и др.; Стратоникъ въ византійскомъ костюмѣ и Ермилъ въ бѣломъ діаконовскомъ облаченіи. Въ Менологіи же не только Θεодосій, но даже и Макарій въ строгой монашеской одеждѣ, но безъ кубуклія, и съ небольшою бородою. Ап. Петръ представленъ въ темницѣ, со скованными ногами, но въ то-же время на тронѣ и благословляя двуперстно: Аванасій и Кириллъ, папа Сильвестръ, Максимъ, Климентъ и др. также благословляютъ двуперстно. Такимъ образомъ, уже этотъ кодексъ сократилъ свои иллюстраціи въ схему подлинника, т. е. руководства въ правильному представленію типовъ и тѣмъ уничтожилъ ихъ самостоятельное значеніе. Въ то же время, ища бѣльшей выразительности и догматической чистоты, все болѣе и болѣе отвлекали типъ отъ чертъ дѣйствительной жизни; стиль, манера представленія, посильно совершенствуемая каждымъ, здѣсь сдѣлались законоположнымъ образцомъ, и въ извѣстныхъ его условныхъ формахъ видѣли спеціальныи смыслъ; чѣмъ страннѣе выдавался какой либо признакъ, тѣмъ старательнѣе совмѣщали его съ группою признаковъ натуральныхъ, чтобы этимъ соединеніемъ вызвать вниманіе и дѣятельность религіознаго воодушевленія. Въ то время, какъ самъ Святой облачался въ мрачныя цвѣта, представлялъ типъ мрачно суроваго аскета, его обстановка вызвала мысли о потерянномъ и обѣтовачномъ свѣтломъ раѣ: блестящія краски ландшафта, фантастическая архитектура, изящно-классическая утварь

Сборникъ житій, въ порядкѣ Минеи, за половину Ноября съ 17-го числа, содержитъ въ себѣ греческая рукопись XI вѣка Парижск. Библиот. за № 580, гдѣ одна таблица миниатюръ въ три ряда изображаетъ Святыхъ на темно-голубомъ фонѣ, въ техникѣ,

Сборн. Пар.
Библ. № 580

еще блестящей красками и въ характерѣ X вѣка, но уже огрубѣлой. Церемониально поставленные Святители окружены діаконами; Св. Александра изображена въ церковномъ облаченіи сходящею со ступеней богатаго дома, а передъ нею Христось-Младенецъ въ небѣ и пр.

Миней Сн.
Библ. Моск.
за № 175.

Сходны съ этимъ кодексомъ, но идутъ еще далѣе въ схематизмъ и миниатюры Миней за Октябрь въ Синод. Библ. въ л. за № 175 (177 у Маттеи), съ виньетками къ заглавію и концу каждаго житія: мы видимъ здѣсь ряды небольшихъ изображеній Святыхъ и Жень съ крестами въ рукахъ и молитвенно раскрытою лѣвою рукою. На л. 28 обезглавленный Святитель Діонисій Ареопagitъ самъ держитъ на покрывалѣ свою голову въ сіяніи, около же налачъ и двое Святителей на него указываютъ. Обыкновенно въ началѣ житія изображается самъ мученикъ, а въ концѣ его мученической подвигъ.

Кодд. Париж.
Библ. 1528 и
Сн. Библ. 9.

Ближе къ Ват. Менологию нѣкоторые рукописные сборники Житій, удержавшіе въ своихъ иллюстраціяхъ эпическую манеру. Изъ нихъ прежде другихъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ рукописи одного и того же содержанія: Париж. Нац. Библ. № 1528 въ л. XII в. (или вѣрнѣе XI в.) и Избранныя Житія № 9 въ Синод. Библ. въ Москвѣ, 1063 г. съ 12 миниатюрами въ формѣ заставокъ, между тѣмъ какъ въ Париж. рукописи тѣ же рисунки сдѣланы въ видѣ виньетокъ. О послѣдней Ваагенъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что миниатюры ея находятся еще на хорошей степени художества¹⁾; дѣйствительно, мы находимъ здѣсь всѣ достоинства миниатюръ IX вѣка: нѣжно-блестящая, розовую и голубую краски; античные типы юныхъ фізіономій съ полнымъ оваломъ, легкою моделировкой, экспрессіею и пр.; но рядомъ же и въ полной силѣ находятся черты манеры специально византійской; всѣ архитектурныя формы, пейзажъ и детали общія съ Ват. Менологіемъ. Въ манерѣ этой рукописи также самыя сцены мученичества, особенно типично усѣкновеніе главы: святой изображается

¹⁾ Kunstw. zu Paris II p. 228.

благговѣнно преклонившимъ голову; онъ шагнулъ впередъ, выражая этимъ живѣйшее желаніе пріять мученическую смерть, и самъ держитъ платъ для того, чтобы принять въ него падающую голову. Подробно иллюстрировано житіе Арсенія Великаго (житіе составлено Феодоромъ Студитомъ и С. Метафрастомъ), его поѣздка въ Цареградъ, обученіе царскихъ дѣтей; также подробна исторія нерукотвореннаго образа. Пророки по энергіи выраженія, юности и архитектурной обстановкѣ соперничаютъ съ Ватиканскимъ оригиналомъ. Въ Синодальномъ же кодексѣ имѣемъ интересныя формы птицеобразныхъ (орнитодальныхъ) буквъ; одна буква изображаетъ Юліана, поглощаемого дракономъ, надпись: *ὁ παραβάτης*. Сюда же относится и единственная лицовая рукопись Мартирологіи Симеона Метафраста въ Библиотекѣ Британскаго Музея за № 11,870 въ большой листъ, содержащая въ себѣ отрывокъ его собранія за Сентябрь мѣсяцъ. Великолѣпныя иллюстраціи этой рукописи представляютъ въ маленькихъ виньеткахъ внутри заставокъ сюжеты Ват. Менологія. Однако же типы далеко ушли отъ этого образца: темныя одежды на высокомъ и худомъ тѣлѣ съ прямыми архитектурными складками, большія сѣдыя бороды и узкія сжатія губы указываютъ на работу XII вѣка. Виѣсть съ тѣмъ здѣсь какъ будто совмѣщаются двѣ манеры: древнѣйшая въ сложныхъ сценахъ, блестящихъ красками пейзажа, и новая иконописно-строгая. Въ лицахъ мучениковъ грубое натуралистическое направленіе допустило даже выраженіе скорби и страданія. Переходимъ къ частностямъ первой манеры: мученической подвигъ Анеима Никоидійскаго изображенъ въ пяти медальонахъ; Діоклеціанъ въ желтомъ нимбѣ, посылающій взять мученика въ пустынь, колесованіе, обезглавленіе; художникъ съ особенною любовью расписалъ цвѣточки и травку въ пустынь; съ Вавилы, еп. Антиохія, сдираютъ кожу. Нѣсколько житій иллюстрируются въ такомъ порядкѣ: сцена у правителя или Императора, принуждающаго мученика принять язычество и жертвовать идоламъ, затѣмъ пытки, сѣченіе и пр., среди горнаго пейзажа, за городомъ, и убіеніе. Какъ натуралистическую живую черту, замѣтимъ мертвенную блѣдность отрубленныхъ головъ. Двѣ

Рис. Сим. Метафраст. въ библ. Брит. Музея № 11870.

миниатюры изображаютъ святыхъ женъ съ крестами въ правой рукѣ; лѣвая раскрыта ладонью передъ собою. Но что эта манера представленія становится обычною въ XII и XIII вѣкахъ, доказываютъ мозаическія изображенія святыхъ мучениковъ, исповѣдниковъ, Святителей, Левитовъ, Пророковъ, Патріарховъ, Апостоловъ, святыхъ женъ и дѣвъ и пр. подъ сводами арокъ всѣхъ нефовъ ц. Св. Марка въ Венеціи; церемоніальная безжизненность позы, однообразіе византійскихъ и традиціональныхъ костюмовъ, безхарактерность или, напротивъ того, утрировка чертъ и признаковъ, декоративная небрежность рисунка дѣлаютъ эти мозаики мало интересными въ художественно-историческомъ отношеніи. Но онѣ имѣютъ интересъ иконографическій по своей близости къ древнѣйшимъ формамъ представленія Святыхъ въ церкви греческой и заслуживаютъ съ этой точки зрѣнія удовлетворительнаго изданія. Наконецъ, послѣднее звено въ этомъ ряду рукописей составляютъ Лицевые Святцы при Евангеліи (Апавкосъ) ¹⁾ въ рукописи XII вѣка (по мнѣнію Даженкура — XI в.) Ватик. Библиот. за № 1156 греч. рукописи, in 4° ²⁾). Богато и пестро украшенная рукопись писана золотомъ и содержитъ въ себѣ рядъ миниатюръ поздневизантійскаго характера и стиля, которыя, не оставляя ничего желать въ техническомъ отношеніи, представляютъ крайне бѣдное изобрѣтеніе и сухое, схематическое повтореніе формъ. Особенною скудостью мысли отличаются иллюстраціи самыхъ Святцевъ: Мученикъ Созонтъ на горкѣ стережетъ стадо, онъ одѣтъ какъ Моисей въ рукописи Космы въ красный хитонъ съ золотыми нашивками. Далѣе Святитель, священнодѣйствуя у престола, благословляетъ группу молебщиковъ, — это приготовленіе къ Пасхѣ, а Святитель, вѣроятно, Григ. Богословъ. Въ эту эпоху окончательнаго сложенія обрядовъ, когда устанавливались ирзднества и являлось много временныхъ, которыя послѣ

Святцы Еванг.
Ват. б. № 1156

¹⁾ Объ этомъ обычаѣ помѣщать мѣсяцесловы при греческихъ Евангеліяхъ и Апостолахъ подробно говорится въ соч. Арх. Сергія указ. стр. 68 слѣд. Эта рукопись осталась автору неизвѣстною

²⁾ Описаніе и рисунки въ соч. Даженкура *Peint. pl. 57*: таблица Страстей Господнихъ и двѣ миниатюры изъ Святцевъ.

отметались (напр. день, въ который Христосъ далъ Апостоламъ власть вязать и рѣшить, день Собора учениковъ со Спасителемъ, Пришествія въ Визанію, и пр.), миниатюра слѣдуетъ тому же направленію: къ Рождеству изображается Иродъ съ выраженіемъ изумленія и передъ нимъ писецъ или секретарь, производящій народную перепись; онъ записываетъ Іосифа и Марію жену его, стоящихъ тутъ же. Празднованіе дня Пришествія Господня въ Египетъ (Мая 19) копируетъ сцену Менологія. Начало Проповѣди І. Христа (1 Мая): за полукруглымъ столомъ, на которомъ лежатъ книги за семью печатами, посреди сидитъ юный учитель, и пять Евреевъ въ пестрыхъ покрывалахъ; Іосифъ и Марія рядомъ. Но большая часть миниатуръ изображаетъ Святыхъ въ иконописномъ переводѣ, котораго схема ничѣмъ не отличается отъ Ват. Менологія.

Въ анализѣ миниатуръ, иллюстрирующихъ въ эту эпоху евангельскія событія, мы увидимъ, какъ отражалось въ искусствѣ новое движеніе въ религиозномъ быту Византіи, создавшее уставы монастырей и установившее окончательно христіанскій мѣсяцесловъ. Ближайшимъ результатомъ этого движенія была канонизація Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ, повліявшая очень чувствительно на самый выборъ иконописныхъ сюжетовъ. Отнынѣ не рѣдкость въ области миниатюрнаго искусства встрѣтить полное подчиненіе художества иконописи и отсюда упадокъ оригинальности въ сюжетахъ и безцѣльное повтореніе избитыхъ темъ. То же самое движеніе коснулось и области духовной литературы: заботливо сводя самыя мелкія остатки легендарной исторіи или такъ называемыя благочестивыя преданія хотя бы апокрифическія, лишь бы они служили поученію и давали благочестивое чтеніе, оно создало обширную литературу «похвалъ», «сомнѣній», «вопросовъ», «писемъ» и пр. Эти мелкія сочиненія, назначавшіяся спеціально для наставленія богословскаго и расходившіяся во множествѣ, особенно умножились въ эпоху иконоборства и въ рукахъ наиболѣе видныхъ представителей богословской науки замѣнили слова и рѣчи древнихъ учителей Церкви. Понятнымъ образомъ, многія изъ нихъ сосредоточились около многочисленныхъ

вопросовъ о жизни Богородицы. Рядъ сказаній ¹⁾ о событіяхъ, предшествующихъ Рождеству Господа, такъ наз. Протоевангелія, Евангелія дѣтства, Іосифа и пр., идущій, какъ извѣстно, изъ первыхъ временъ христіанской Церкви и въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ искусства имѣвшій свою важную долю участія, уже въ силу этой древности, говорилъ за себя въ глазахъ позднѣйшаго богослова. Въ IV вѣкѣ ведется въ греческой богословской литературѣ оживленная защита почитанія Богородицы противъ Несторіанства, начатая такими ораторами и писателями, какъ Кириллъ, Григорій Нисскій (текстъ спорный), Іоаннъ Златоустъ. Она продолжается въ V и VI в.: слова, посланія и общія разсужденія о почитаніи Богородицы Прокла Константинопольскаго патріарха († 446), Гезихія пресвитера Іерусалимскаго († 428). Но эти общія идеи и правила почитанія переходятъ на почву обрядовую лишь въ эпоху Юстиніана, когда во имя Богородицы (*θεομήτορ*, *θεοτόκος*, *πρωτόκλητα* и т. д.) воздвигается множество большихъ и великолѣпныхъ храмовъ ²⁾. Празднество Благовѣщенія получаетъ свое начало лишь въ VII вѣкѣ, а Очищенія или Срѣтенія съ VI-го ³⁾, при чемъ, однакоже, самая общенародность и важность этого праздника отчасти обуславливались историческою связью этого дня съ памятью объ избавленіи отъ моровой язвы ⁴⁾. Напротивъ того, эпоха иконоборства и непосредственно за нѣмъ слѣдующаго періода къ этой общей постановкѣ присоединила догматическій анализъ. Св. Патріархъ Германъ (до 730 г.), Тарасій (до 806 г.) и Іоаннъ Дамаскинъ, не ограничиваясь общими сочиненіями («похвалы, панегирики» и пр.), научаютъ слушателей своихъ о значеніи и истинной исторіи событій въ жизни Божіей Матери. Общія сочиненія, какъ напр. Епифанія монаха

¹⁾ Извѣстныя изданія: *Fabricius Codex apocryphus N. T.* и *Thilo Cod. ap.*, т. I-й 1832.

²⁾ *Procop. de aed.* I, 3 ed. Dindorf p. 184. *Codinus de aed. ed. Niebuhr* p. 107.

³⁾ Вѣтринскаго Памятника древ. христ. ц. т. 5-й, стр. 74.

⁴⁾ Муральтъ, *Chronogr. Byzant.* v. Нурарантѣ, p. 134, 183.

и пресвитера (VIII—IX в.) «объ истинной Богородицѣ и при-снодѣвѣ» распространяются во множествѣ списковъ съ прибавле-ніями о чудотворныхъ иконахъ¹⁾. О Зачатіи Маріи пишетъ Георгій, митрополитъ Никомидіи (IX в., переписывавшійся съ Фотіемъ), Іоаннъ монахъ Эвбеи (VIII в.) и Іаковъ монахъ Кокцинобаф-скаго монастыря. О Введеніи: Германъ, Тарасій, Георгій, этотъ же Іаковъ и Имп. Левъ Мудрый († 912). О Рожденіи: Андрей Критскій, пострадавшій за православіе въ царствованіе Констан-тина Копронима, тѣже патріархи, Левъ и Никита, епископъ Па-флагоніи (конецъ IX в.). О Благовѣщеніи: послѣ Златоуста и Григорія Неокесарійскаго, много разъяснявшихъ это наиболѣе вы-дающееся въ древнехристіанской иконографіи событіе, — пишутъ Андрей Критскій и Германъ. Наконецъ объ Успеніи²⁾ — событіи какъ нынѣ признано, единственно извѣстнымъ по апокрифическимъ преданіямъ, является въ VII—VIII вѣкахъ рядъ разсужденій и пѣснопѣвній тѣхъ же передовыхъ учителей Церкви: Дамаскина, Андрея Критскаго (4 гомиліи), Германа (двѣ), Льва, Модеста патр. Іерусалимскаго (VII в.) и др. позднѣе. Георгій Никомидійскій и Іаковъ монахъ разсуждаютъ даже «о сомнѣніяхъ Іосифа и его бесѣдѣ съ Марією» по поводу ея зачатія³⁾, а Германъ, какъ пламенный ревнитель почитанія, о чудесномъ входѣ Дѣвы въ Святаѣ Святыхъ. Въ то-же время была установлена и обрядовая сторона этого почитанія, всегда имѣющая первостепен-ное значеніе въ искусствѣ.

¹⁾ Fabricius, Bibl. graeca. t. VIII, p. 258 слд. А также и другаго Епископа еп. Кипрскаго VII в. ib.

²⁾ Разборъ хронологическій апокрифовъ объ Успеніи въ ст. Свящ. І. Смирнова въ Правос. Обзорѣніи 1873 г., см. тамъ-же литературу, стр. 5, 20. также въ соч. Альбова: «Апокр. сказанія» и пр. Христ. Чтеніе 1871 г. стр. 43—9.

³⁾ Нельзя-ли объяснить себѣ этими «сомнѣніями» задумчивую позу сидящаго Іосифа на современномъ виз. переводѣ Рождества? Размысленіе его тогда бы указывало на чудесность рожденія. Особенность этой позы замѣчена Проф. Буслаевымъ въ ст. Сбор. Общ. и пр. 1861 г., стр. 97, 31—2. По подлиннику: «Іосифъ одною рукою закрылся, другою подперся», рис. ib. таб. IV.

Въ виду этого намъ вполне должно быть понятно, почему сочинение, представляющее сводъ всѣхъ подобныхъ сочиненій и мѣстѣвъ излагающее для поучительнаго чтенія Протоевангеліе, а равно всѣ апокрифическія сказанія о жизни Богородицы, должно было имѣть важное значеніе, а такимъ было сочиненіе Іакова, монаха Кокципобафскаго монастыря, въ шести гомиліяхъ изложившаго повѣствованіе и ученіе о жизни Св. Дѣвы до Рождества І. Христа. Кодексы этого сочиненія находятся въ бібліотекахъ: Вѣнской ¹⁾, Московской Синодальной ²⁾ и др., а знаменитыя своими миниатюрами: въ Библиот. Ватикана № 1162 въ л., и Парижской № 1208 въ малую четвертку; послѣдній есть точная копія перваго и даетъ право думать, что подобныя копія существовали во многихъ экземплярахъ ³⁾.

Гомилія Іакова о Дѣвѣ:
Ват. № 1128.
и Пар. сб. № 1208.

Въ этихъ миниатюрахъ впервые обработаны многочисленные сюжеты, впоследствии вошедшіе въ византійскую иконографію или послужившіе образцомъ для аналогическихъ сюжетовъ какъ въ византійскомъ такъ и западномъ искусствѣ. Позднія складни Ват. Христіанскаго Музея ⁴⁾ повторяютъ до мелочей въ италіанской манерѣ нѣсколько композицій этихъ кодексовъ (см. ниже), а серія фресокъ изъ жизни Божіей Матери самого Джіотто (Мадонна делл' Арена въ Падуѣ), Таддео Гадди въ капеллѣ Барончелли въ S. Croce во Флоренціи, барельефы Орваньи въ алтарѣ Оръ Санъ Миккеле во Флоренціи, рисунки и фрески Никколо да Модена, Анджіоло Гадди и пр., представляютъ, помимо общ-

¹⁾ Lambecius III cod. XX пч. 4 р. 96, VIII р. 692, 697.

²⁾ Маттея р. 26, № 10 (IX). Въ Bibl. Orient. Ассемани есть руки Іакова Саругенскаго (?).

³⁾ Время жизни автора точно неизвѣстно: Даженкуръ указываетъ на XII в., но назвавъ источника, см. Лабартъ, pl. 87 explication. Монеопонъ относить къ этому Іакову 43 письма къ Ирину Августу, жонѣ Алексія Комнена (1061 — 1 26), въ защиту божественности Духа Св., и полагаетъ, что эти письма писаны ранѣе спора объ исхожденіи Св. Духа. По Коллару, этотъ Іаковъ былъ архіеп. Булгаріи. См. Fabricius, Bibl. gr., т. XI, стр. 637; также Lambecius — Kollar I. р. 699. Объ этомъ спорѣ въ XIII в. въ соч. г. Троицкаго «Арменій» въ Христ. Чтеніи 1871 г. стр. 601 сл.

⁴⁾ Рис. Даженкуръ Point. pl. 113.

ности сюжетовъ, зависящихъ отъ одинаковаго источника, мѣстами косвенное вліяніе византійскихъ иконописныхъ оригиналовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, манера иллюстраціи рукописи, давшая 57 миниатюръ, сама по себѣ уже разнилась отъ драматическихъ композицій итальянскихъ мастеровъ: на эти 57 сюжетовъ у нихъ приходится не болѣе 10.

Объ рукописи чрезвычайно сходны и по техническимъ достоинствамъ: въ обѣихъ миниатюра сохранила блескъ исполненія, тонкость моделировки, свѣтлыя краски, (розовая, голубая, красная, розовые блики) и рѣзкія типичныя формы; Ватиканскій кодексъ, однакоже, неравненно выше по работѣ и крупнѣе по фигурамъ, какъ оригиналъ; Парижскій совращаетъ его композиціи, а мелочность его фигуръ производитъ непріятное впечатлѣніе. Кромѣ византійскаго общаго типа, особенное значеніе получаетъ академически-школьный типъ I. Предтечи — сухаго, съ веколоченными волосами и изможденнымъ лицомъ аскета: въ его типѣ изображаются іереи, пророки, вдохновенные патріархи. Иной типъ, болѣе почетный или прилично-степенный — подражаніе отчасти типу святителей и благодушнаго Іосифа и суроваго Ап. Петра (въ эту эпоху не видимъ уже нервной живости въ его чертахъ, передаваемой прежними византійскими иконописцами) придается всѣмъ вообще благочестивымъ старцамъ. Экспрессія исчезла, композиція дѣлается хаотичною, загроможденною, и живописецъ — видимо, монахъ — въ своемъ художественномъ замыслѣ и манерѣ представленія, не мудрствуя лукаво, пишетъ свои многочисленные композиціи, не заботясь о художественной красотѣ. Большая миниатюра нерѣдко представляетъ фигуры только вверху, нижняя же половина заполнена излишнимъ ландшафтомъ, въ которомъ заботливо выписаны зубчатныя скалы и тянущіяся по нимъ ленточками гряды цвѣтовъ и травъ. Или же живописецъ наполняетъ остающееся пространство ангелами, дѣтящими въ разныхъ направленіяхъ и, право, мудро было бы видѣть здѣсь мысль, намѣреніе или символическія подробности. Грубый натурализмъ и ничто болѣе должно видѣть напр. въ томъ, что въ Благовѣщеніи ангелъ летитъ сначала сквозь окно: такая наивная точность ни-

когда не создаетъ истинной иконописи. Такимъ образомъ, эти рукописи, и особенно Ватиканская, самымъ блестящимъ богатствомъ миниатюръ вызываютъ скорѣе строгій приговоръ, нежели похвалу; искусство расточается здѣсь на праздную забаву.

Затлавленный или выходной листъ Пар. рукп. имѣетъ изображеніе святителей I. Златоуста и Гр. Богослова съ авторомъ, монахомъ Гавономъ; этого листа въ оригиналѣ Ват. нѣтъ, что показывается, что онъ могъ быть написанъ еще при жизни автора, такъ какъ Пар. рукопись не позднѣе конца XII в.

Выходной листъ въ обѣихъ рукописяхъ изображаетъ *Вознесеніе*, въ архѣ пятикупольнаго храма (св. Софія); по сторонамъ, въ профилахъ боковыхъ нефовъ видны Давидъ и Исаи (впервые въ типѣ Предтечи) съ развернутыми свитками, восторженно взира на совершеніе ихъ пророчествъ: идея этого конечнаго искупленія человѣчества въ торжественномъ Вознесеніи Христа играетъ большую роль въ поздневизантійскихъ и русскихъ переводахъ.

Начальная миниатюра къ Гомиліи на Зачатіе представляетъ изображеніе собора или *Синклита* Богородицы (*ἡ εἰς τὴν ἑορτὴν σύγκλητος παντὸς τῆς αἰῶνος* — гласитъ обычная надпись виноварью верху): какъ уже было замѣчено, композиція изъ рода, специально созданнаго эпохою, въ связи съ церемоніальными празднествами и формальнымъ пониманіемъ древнихъ писателей: такъ пламенный Діонисій Ареопагитъ желалъ церковную іерархію сравнить съ безчисленными ступенями небесной іерархіи. Богородица сидитъ на престолѣ, окруженная сонмами ангеловъ съ мѣрилами, Святителей и іереевъ въ бѣлыхъ фелоняхъ подлиставрійныхъ или бѣлыхъ колобіяхъ съ черными полосами и золотыхъ эпитрахиляхъ (впереди Златоустъ, Гр. Богословъ, Василиій¹⁾), монашествующихъ (Онуфрій), царями и владыками (Давидъ въ древнемъ и Константинъ въ позднѣйшемъ византійскомъ обла-

¹⁾ Отнынѣ эти 3 Святителя всегда изображаются вмѣстѣ (мозаика Палатинской капеллы): известна исторія видѣній и общаго имъ празднованія.

ченіи, т. е. саккосѣ съ лорономъ, а тотъ въ хламидѣ), начальниками и подначальными, женами и дѣвами; все это съ табличками, большими коронами, осыпано перлами и пр., но отдѣланы только переднія фигуры.

Приношеніе Іоакимомъ даровъ и отверженіе ихъ іерелии. Первая миниатюра изъ апокрифическаго разсказа о зачатіи матери Богородицы. Іоакимъ и Анна съ ящичками въ рукахъ быстро идутъ къ сѣдому первосвященнику, выражая тѣмъ свое страстное желаніе исполнить долгъ; но Иссахаръ отвергаетъ ихъ дары, такъ какъ они по своей бездѣтности, не исполнивъ закона Израилева, лишены права участія въ приношеніи. Моленіе Іоакима (просеухѣ lamentatio въ теченіе 40 дней и 40 ночей) въ пустынѣ, усыпанной цвѣтами, на горѣ виденъ Іоакимъ всходящій, затѣмъ онъ же молится, слушаетъ ангела и наконецъ сходитъ съ горы; внизу пастухи купаются въ рѣкѣ, кто раздѣвается, кто плаваетъ; фигуры Іоръ и Данъ¹⁾, въ смыслѣ двухъ источниковъ, бѣгущихъ съ горъ, и соединяющихся въ одну рѣку, представляютъ молодого и пожилого мужчину съ длинными развѣвающимися волосами, по грудь поднявшихся изъ земли (какъ источники), съ пурпурною или красною трубою на плечѣ, изъ которой льется вода.

Моленіе Анны и цѣлованіе (ἀσπασμός). Скорбная Анна (δὸν θρήνου ἐθρήνει по Протоев. гл. II) въ сопровожденіи служанки Юдифи, надѣвъ брачныя одежды, какъ въ день Господень, идетъ въ садъ, блестящій пестротою цвѣтовъ (позднѣе въ домѣ, у наоя и пр.) и тамъ, встрѣтивъ гнѣздо воробьиное близъ фонтана, горюетъ и слушаетъ прорипаніе ангела, указывающаго ей на птичку, питающую птенцовъ. Выше Анна въ волненіи обнимаетъ возвратившагося Іоакима и сообщаетъ ему слова Ангела. Іоакимъ и Анна постоянно изображаются въ нимбахъ¹⁾.

¹⁾ Didron, Manuel d'iconographie p. 164. Рѣка же изображена въ этихъ сценахъ у Бернардино-Луини.

¹⁾ Ближайшимъ евангомъ почитанія Богоотецъ І. и А. можетъ служить мозаическое ихъ изображеніе погрудь въ боковыхъ абсидахъ ц. Св. Маріи Маргоряны въ Палермо (1143 г.), въ колоссальныхъ размѣрахъ. На Западѣ почитаніе установлено съ XVI вѣка.

Къ главѣ II о рожденіи рядъ любопытныхъ и замѣчательныхъ еще для этой эпохи символическихъ сценъ, отчасти также и мистическаго характера: Уходъ Іакова въ Месопотамію къ Лавану (*δ ἀποχαρισμὸς*) въ трехъ сценахъ, какъ параллель счастливому отходу Іоакима въ пустыню, гдѣ обрѣли они оба милость Божию, принося домой счастье: эта монашеская иллюстрація отвлеченныхъ умствованій текста наглядно поучаетъ о пользѣ пустынножительства, счастья уединенія и молитвы. Іаковъ прощается съ родными, переходитъ Іорданъ и купается, видитъ во снѣ дѣтвицу.

Роженіе Маріи и синклитъ филарховъ Израиля (Протоев. гл. XI) собраніе іереевъ, книжниковъ и герусіи черезъ годъ послѣ роженія; старцы, слушая Анну, дивятся; ниже Младенца умываетъ бабка (таже Соломея, чтѣ въ Рождествѣ Христа, или же вообще *μαῖα* — бабка) и работница въ безрукавномъ хитонѣ. Анна какъ и другія фигуры женщинъ, кромѣ Маріи, изображается въ красной пенулѣ и голубомъ хитонѣ.

«Отходъ (*καθόδος*) душъ въ адъ»: два ангела несутъ двѣ души, радостно протягивающія руки, на небо; другіе два копьями гонятъ души грѣшниковъ въ адъ; въ его отдѣленіяхъ видны Адамъ старецъ и Ева въ вѣчной скорби. Изгнаніе изъ рая прародителей въ пяти сценахъ, и въ срединѣ какъ узелъ всего — Ева со змѣемъ; Богъ въ видѣ ангела съ свиткомъ; рѣка льетъ четыре потока; Адамъ и Ева безполюе. Исторія Каина и Авеля; оба въ иѣховыхъ шкурахъ — милотяхъ; Каинъ бьетъ Авеля камнемъ; посреди видна пещера съ крышею, гдѣ сидятъ горящіе прародители.

Ἐυχαριστία περὶ τῆς βασιλίδος: младенецъ Марія на ложѣ; Іоакимъ и Анна бесѣдуютъ, около группа пришедшихъ мужчинъ; слуга отдергиваетъ занавѣсъ, а двѣ служанки подносятъ на бѣломъ полотенцѣ хлѣбъ и держатъ *ριπιδιον* изъ павлиньихъ перьевъ для опахиванія ¹⁾. *Κλήσις τοῦ Δαυὶδ ἀπὸ τῆς Ἀννης* — сцена, на-

¹⁾ Тоже изображеніе надъ Младенцемъ Марією въ иконѣ изъ Христ. Музея Ватикана: Даженкуръ Peinture pl. 113, авторъ относитъ къ XIII—XIV в.; эта часть въ изд. Grimouard de St. Laurent Guide vol. IV, p. 90, pl. II.

поминающая въ западномъ искусствѣ обычна такъ наз. *Sanctae conversationes*; передъ Анною съ Младенцемъ — Марією группа благочестивыхъ и Давидъ со свиткомъ; слуга отдергиваетъ занавѣсъ. 'Απόθεσις τῆς θεοτόκου ἐν τῷ ἀφορισθέντι αὐτῇ ἀγίασματι — Младенецъ на богатомъ платѣ и ложѣ, убранномъ жемчугомъ. Вечера іереевъ: Марію приносятъ къ трапезующимъ іереямъ. 'Αφορισμός διήσεως τῇ Ἐκφ: Анна молится и укрываетъ спящаго ребенка, затѣмъ держитъ его на груди. О сошествіи въ адъ І. Христа: вновь подобная же параллель; изображаетъ въ трехъ рядахъ ¹⁾: Христа воскресшаго въ аду, Богородицу на престолѣ среди двухъ архангеловъ, Адама и Еву умоляющую въ колѣнопреклоненномъ положеніи (въ Пар. рукописи только нижняя часть). Соборъ (συναγωγή) пророковъ о Христѣ: Богородица съ Младенцемъ среди Архангеловъ и ангеловъ, преклоняющихся; двѣ группы пророковъ, простирающихъ вверхъ руки въ радостномъ движеніи; дѣйствіе въ раю. Къ главѣ III: Логосъ о «Святая Святыхъ» выходная миниатюра — Моисей передъ несгорающею купиною на горѣ Синаѣ; среди пылающей и покрытой цвѣтами купины ²⁾ медальонъ съ погруднымъ изображеніемъ Эммануила — Младенца — древнѣйшее символическое представленіе, впоследствии повторявшееся восточнымъ и западнымъ искусствомъ на разные лады; далѣе Моисей, держащій жезлъ, который превращается въ змія. Приготовленіе въ отходѣ (προβός) во храмъ Богородицы — на третій годъ ея жизни: группы дѣвъ со свѣчами, женъ, мужей съ благонаравно сложенными на груди руками. Такъ какъ стремленіе Дѣвы во храмъ — благовѣстіе сущимъ

¹⁾ Въ трехъ рядахъ изображенъ Страшный Судъ въ мозаикѣ западн. стѣны базилика на о. Торчелло б. Венеціи, XII вѣка.

²⁾ Купина изображается здѣсь и впоследствии въ другихъ виз. работахъ какъ дикій терновый кустъ. Ибо Кириллъ Алекс. намѣренно замѣчаетъ, что Господь выбралъ не обработанное дерево, но лѣсной горный кустъ для совершенія чуда (Дѣва изъ простаго званія). См. Кирилла соч. О положеніи въ Духъ и Истинѣ, въ *Patrol.* с. с. т. 68, стр. 233. Клим. Ал. Педаг., II, гл. 8, *Patrol.* т. VIII, р. 488: *διὰ τῆς ἀκάνθου*. Ср. также поэтическое сравненіе Вавилія (Кн. Судей, гл. IX, 15) о терновникѣ, ставшемъ царемъ: «выидеть огонь изъ терновника и пожесть кедры Ливанскіе».

во адѣ, то изображена самая процессія, а далѣе группы въ аду взывающихъ къ спасенію и живыхъ радующихся. Продолженіе того же мистическаго шествія: ложе, окруженное 60 силами, помышленіе о душахъ: три такія же идущія группы, передъ среднею ангелы въ латахъ и Марія. Вопросеніе Захарія о ребенкѣ и отвѣтъ Анны: въ храмѣ, гдѣ стоитъ высокій киворій и епископская кафедра. Рядъ сценъ, сочиненныхъ по шаблону: Захарія обнимаетъ дитя и молится; сажаетъ дитя на третью ступень Святая Святыхъ: ангелъ, сходя съ кафедры, привѣтствуетъ Марію ¹⁾; Захарія и клирошанинъ, зажигающій свѣчи, созерцають чудо. Приходъ благочестивыхъ людей въ храмъ; Захарія созерцаетъ второе чудо (*δεύτερα δευτέρα*), какъ Марія получаетъ пищу отъ ангела.

Логосъ IV — Исходъ имѣетъ большую выходную миниатюру: «ложе Соломона, кругъ шестидесяти силъ дориносящихъ, ищетъ толкованія» и пр.: на золотомъ одрѣ лежитъ Христосъ (полуприкрытый покрываломъ въ Пар. рукописи); за нимъ въ шесть рядовъ, сгруппированы попарно, по 10 въ рядъ, ангелы и 4 архангела по концамъ, съ копьями ²⁾.—Рядъ сценъ, утомительно однообразныхъ, на всѣ подробности историческаго текста: Захарія размышляетъ о Дѣвѣ; возраженія іереевъ; его молитва о Дѣвѣ; невидимая сила сопутствуетъ всюду и помогаетъ ей готовить завѣсы для храма; совѣтъ ангела Захарія. Въ послѣдней сценѣ изображается Захарія съ дѣтьми, трубачами, сзывающими мужей и, какъ параллель, паденіе Іерихона. Затѣмъ слѣдуетъ раздача жезловъ, надъ жезломъ Іосифа является голубь, и врученіе Дѣвы Іосифу; наконецъ Дѣва оставляетъ храмъ и уходитъ въ его домъ. Такимъ образомъ, собственной сценн оброченія съ Іосифомъ нѣтъ, и ея избѣгаетъ миниатюристъ, тогда какъ западное искусство около нея совмѣщаетъ все остальное. Сцена же ухода представлена въ сентиментальномъ вкусѣ: Іосифъ идетъ впереди, умиленно нагнувшись, и несетъ книгу и щилу. Вообще всѣ миниатюры, избѣгая всего дур-

¹⁾ Сцена эта перешла затѣмъ всюду и въ той же формѣ. См. напр. изображеніе Кіевского Собора, въ изд. Солнцева, рис. 28.

²⁾ Подобная же композиція къ тексту «Богъ почилъ въ день 7-й» см. Лид. Библия въ Очеркахъ пров. Вуслаева т. II къ стр. 291.

наго, представляютъ лишь благонравное, почтенное; въ сценѣ водворенія Дѣвы въ домъ Іосифа (въ Пар. ркп. нѣтъ) даже всѣ домочадцы и слуги представлены въ нимбахъ, такъ какъ это все родственники и ближніе Христа. Дѣва бесѣдуетъ съ Іосифомъ, а домочадцы слушаютъ, между ними, мальчикъ въ нимбѣ же,—это Іаковъ Меньшой; она получаетъ изъ храма пурпуровую шерсть для завѣсы.

Логосъ 5-й о Благовѣщеніи начинается выходною миниатюрою съ троякимъ изображеніемъ старца Гедеона передъ руномъ—символизація таинственнаго Зачатія Дѣвы. Исторія же излагается чрезвычайно подробно, слѣдя за текстомъ не только въ повѣствованіи, но и въ лирическихъ его отступленіяхъ, хотя безъ особенной изобрѣтательности. Архангелъ Гавріиль посылается къ Дѣвѣ—отъ Троицы, которая изображена въ видѣ трехъ ветхозавѣтныхъ отроковъ безъ крыльевъ, сидящихъ на одномъ престолѣ, съ красными свитками; Архангелъ приходитъ въ Назаретъ—онъ влетаетъ черезъ открытый верхній портикъ дома; является Дѣвѣ, берущей воду ¹⁾ въ фонтанъ (по апокрифу, а не изъ источника, текущаго со скалы, какъ символически изображаетъ искусство древнехристіанское ²⁾), въ то время какъ она, съ изумленіемъ обернувшись, ищетъ голоса сверху, а затѣмъ возвращается въ смущеніи къ себѣ домой, гдѣ передъ домомъ выставлено большое кресло, покрытое бѣлымъ расшитымъ полотенцемъ. Затѣмъ самое Благовѣщеніе за веретеномъ, въ домѣ. Какъ богословское отступленіе, изображается въ лицахъ Пророчество и видѣніе Исаи: среди сонмовъ силъ на престолѣ «Ветхій деньми», благословляющій двуперстно и ангелы, держащіе завѣсу или пологъ небесный съ солнцемъ, луною и звѣздами. Сцена Благовѣщенія повторяется затѣмъ четыре раза, слѣдуя за перипетіями этого событія, и видоизмѣняя положеніе Богородицы: показаніе истины евангель-

¹⁾ Объ этомъ апокрифическомъ переводѣ Благовѣщенія см. Martigny, Dict. v. Annonciation, p. 42. Графа Уварова статья о древнемъ диптихѣ въ Трудяхъ Моск. Арх. Общ. т. I вып. 1-й.

²⁾ На Миланскомъ диптихѣ, рис. въ Сбор. Общ. древнерус. иск. за 1866 г., т. XI.

свой, Сомнѣніе Маріи, разрѣшеніе сомнѣній, молитва ея и подчиненіе волѣ Божіей—кругомъ ликующіе ангелы. Восхожденіе Архангела къ престолу, за которымъ позади три ангела, одинъ безъ крыльевъ.

Догосъ IV о врученіи порфиры иллюстрируется прежде всего рядомъ символовъ, сгруппированныхъ по внѣшней связи ихъ отношенія къ дѣвственному Зачатию: скинія и ковчегъ (скинія въ видѣ палатки круглой и разноцвѣтной), херувимы, сосудъ (*ἡ στάμνος*), огородъ (*πλάκας*—*hortus conclusus*, выраженіе Пѣсней Соломона IV, 12) жезлъ Аарона¹⁾. Рядъ сценъ почти тождественныхъ, изображающихъ «стремленіе» Дѣвы, отправившейся въ Иерусалимскій храмъ; одна сцена представляетъ Дѣву на пути: Она сидитъ посреди милого пейзажа, слуга рветъ для нея плоды съ деревьевъ, въ сторонѣ течетъ ручей и у его источниковъ фигура рѣчки льетъ воду; любопытная нимфа горнаго ущелья, нагая, съ длинными волосами, отвисшими грудями, съ черными браслетами на рукахъ, простираетъ къ Дѣвѣ руки. Новый рядъ миниатюръ рассказываетъ, какъ Дѣва отправилась къ Елисаветѣ, и изображаетъ пророческое цѣлованіе ихъ, сдѣлавшееся послѣ любимой деталью въ иконографіи Богородицы, какъ открытое признаніе ея божественнаго зачатія; какъ символическая параллель, изображено жертвенное приношеніе Авраама на горѣ, далѣе рожденіе Предтечи и пр. За этимъ уже слѣдуетъ подробная иллюстрація того, какъ въ самомъ Іосифѣ возникли сомнѣнія по поводу положенія Дѣвы, какъ онъ скорбѣлъ, спрашивалъ Марію; ея защита, которую благоговѣнно выслушиваетъ весь родъ. Но книжникъ Анна, посѣтившій домъ Іосифа, доноситъ іереямъ, обвинивъ Іосифа въ грѣхѣ противъ Дѣвы; силою влекутъ ихъ изъ дому, хотя Марія въ подтвержденіе своихъ словъ показываетъ книгу Пророка со

¹⁾ Андрей Критскій въ Гомилии на Рожденіе Дѣвы, IV, въ *Patrol. c. Ser. gr.*, t. 97, p. 868, вписываетъ рядъ символовъ Дѣвы (трехъ родовъ): 1) покои брачныя, домъ Божій, алтарь, Святаи Святыхъ, 2) золотой сосудъ, жрица, жезлъ, діадема, алавастръ, свѣтильникъ, 3) дикій кустъ, скала, рай, огородъ или садъ, источникъ, капля, руно, купина и пр.

словами о Дѣвѣ, и несмотря на сопротивление близкихъ ведутъ въ судъ, отгоняя народъ, вѣрящій и выражающій участие. Наконецъ самъ Захарія выслушиваетъ доносчиковъ и Марію, и обвиненные, принявъ въ испытаніе «воду обличенія Господа» и очистившись отъ обвинения, уходятъ, Іосифъ «въ горы» а Марія къ Елисаветѣ.

Рукопись интересна и своими заглавными буквами, которыхъ звѣринныя и фантастическія формы (сирены, сфинксы, грифоны) кромѣ обычныхъ сплетеній представляютъ и живныя сцены: соколъ преслѣдуетъ зайца, ястребъ терзаетъ перепела и пр., а блестящія заставки, полныя широкой еще классической орнаментики изъ растительныхъ формъ, изображаютъ напр. символическую розу—юную Дѣву—распускающуюся среди пестрящаго поля цвѣтовъ.

Въ тѣсной связи съ этою рукописью стоитъ и иллюстрація Церковныхъ пѣсенъ въ честь Богородицы, и между ними замѣчательный кодексъ Акакиста Вожіей Матери (*καθίσμα* — отдѣлъ, собраніе икосовъ, кондаковъ и прочихъ пѣсенъ), находящійся въ Синодальной Библиотекѣ въ Москвѣ за № 429, въ четв., XI вѣка, съ 24 миниатюрами¹⁾. Хотя рисунокъ уже полонъ недостатковъ, колоритъ мутно-темнень, свѣтъ и моделировка рѣзки и сухи, но содержаніе еще полно интереса и имѣетъ характеръ нѣкоторой художественной жизни; но въ Благовѣщеніи Марія молится; послѣ сцены Рождества группа молящихся людей, Дѣва *τεῦχος τῶν παρθένων* со Святителями; Дѣва въ сіяніи и съ нею лампада, какъ она сама есть лампада *φωτοδόχος* и пр. въ лирико-сентиментальномъ родѣ, разрушавшемъ основы строгой иконописи.

Достаточно указать на извѣстное умноженіе въ Византіи съ [X по XII стол. всякаго рода монастырей, обителей, лавръ, на установленіе и узаконеніе разнообразныхъ, наиболѣе строгихъ мо-

Акакистъ Богород. Синод. библ. № 429.

¹⁾ Эта рукопись (нѣкогда приношеніе Алексѣя Комнена) прислана въ Москву царю Алексѣю Михайловичу отъ старосты церкви Богородицы—Хриониги (золотого источника) въ крѣпости Галатѣ, насупротивъ Цареграда; заглавн. для обзор. М. Патр. Библ. стр. 41-42.

настырскихъ уставовъ и вообще на значеніе монастырей въ эту эпоху, иными богословами называемую «Студійскою» по церковно-политической силѣ монастыря Іоанна Студіоса въ Цареградѣ, чтобы сдѣлать вполнѣ понятнымъ то вниманіе, какое отнынѣ возбуждала въ себѣ аскетическая литература. Востокъ вновь получилъ свою силу и пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы проводить въ мірѣ аскетизмъ, самоотреченіе и презрѣніе къ жизни. Въ эту эпоху не только устанавливались новыя уставы монастырей съ мелкою іерархіею, съ подробнымъ прописаніемъ обязанностей и занятій каждаго киновита, отъ игумена до повара ¹⁾, но и распространялись общія сочиненія объ аскетическомъ подвигѣ. Между ними сочиненіе пр. Іоанна, по сочиненію своему «о Дѣствицѣ духовной» прозваннаго Климакомъ или Дѣствичникомъ, а по учености «Схоластикомъ» (δ τῆς φωτισμένης κλίμακος Ἐλεφύτης), аббата Синайской горы, жившаго въ концѣ XI вѣка, и, несмотря на всю свою ученость, ведшаго жизнь аскета 40 лѣтъ, получило даже художественную иллюстрацію. Рукопись XI вѣка, которая представляетъ такой единственный лицевой списокъ и есть, несомнѣнно, оригиналъ ²⁾, находится въ сборникѣ Ват. библиотекѣ за № 394 ³⁾ въ малую четв., миниатюры котораго представляютъ самую совершенную и вполнѣ неподражаемую работу въ микроскопическихъ своихъ фигуркахъ ⁴⁾. Но, несмотря на блестящую моделировку, прекрасные образцы и все техническое умѣнье, ми-

1. Климакъ
код. Ват. б.
№ 394.

¹⁾ См. жизнь Θεодора Студита въ твореніяхъ его, изд. С.-Петербур. Духов. Академіей ч. I. Письма 1867 г., стр. 30 слд.

²⁾ Копія съ одною выходною миниатюрою въ рукописи Вѣн. Библиотекѣ № 207 (180), Lambec. IV, 421, рис. Также миниатюра въ копіи Hortus deliciarum изд. Энгельгардта.

³⁾ Этотъ сборникъ кромѣ иллюстр. Дѣствицы содержитъ слово Максима о милосердіи, Никиты діакона «о тройственности души» и акростихъ: «спраха» и пр. Въ концѣ сборника одна припись называетъ писца, смиреннаго грѣшника Константина, а другая говоритъ, что рукопись посвящена московской митрополіи Фотию митрополитомъ принесшимъ молитвы богоносныхъ отецъ нашихъ въ Никей. О множествѣ списковъ «Дѣствицы» см. Fabricius I. c. t. IX, p. 523 прим.

⁴⁾ Калькированные рисунки въ изд. Даженьгура Peint. pl. 52 удовлетворительнымъ и по численности, и по исполненію.

ніаіюры эти только и говорят намъ о существенныхъ недостаткахъ: композиціи въ художественномъ смыслѣ не существуетъ, и художникъ, вытвердивъ одно расположеніе фигуръ, повторять его десятки разъ. Темнокоричневныя и зеленоватыя тѣни измѣнили прежнюю ясную моделировку, замѣнивъ ее неприяіно рѣзкими свѣтами по глубокимъ тѣнямъ: типъ утомяеть однообразіемъ фигуръ и угрюмымъ фанатическимъ выраженіемъ; черты лица болѣзненно осунулись и вырѣзались. Внутреннее содержаніе безповоротно пошло по той узкой колеѣ, на которой оно должно было довольствоваться развлеченіемъ глаза и поучительными цѣльями, утративъ интересы духовно-эстетическіе. Эти обширныя аллегорическія сцены въ нѣсколько полевовъ, проникнутыя приторно—умилительнымъ характеромъ, съ прииѣсю символическихъ деталей, своими церемоніально неподвижными позами вытянутыхъ фигуръ, расположенныхъ въ архитектурной симметріи, или дико-искривленными и неправильными движеніями и жестами, указываютъ на состояніе искусства, близкое къ полному паденію. Самый архитектурный фонъ сдѣлалъ шагъ къ этому паденію: это обширныя колоннады, башни, пестраго, ярко-фантастическаго характера; ограды безцѣльныя, низкія и безхарактерныя; рѣдко прорываются черезъ эту хаотическую пестроту черты мѣстной дѣйствительности: восточныя плоскія крыши и террасы, и иногда монастырскіе дворы съ глухими маленькими окнами келлій въ глубинѣ.

Въ анализѣ содержанія сюжетовъ мы опустимъ пустыя и обыкновенныя сцены поученія, проповѣди, переписки ораторовъ духовныхъ и пр., которыя намъ уже извѣстны изъ болѣе раннихъ образцовъ; равно какъ и первую выходную миниатюру съ изображеніемъ лѣствицы, по которой всходятъ разныхъ званій и занятій люди къ Христу и Богородицѣ, съ раемъ и адомъ по сторонамъ, такъ какъ это поздѣйшая иллюстрація и дурной работы. Содержаніе сочиненія распредѣляетъ и миниатюры по тремъ отдѣламъ: сначала идетъ рѣчь о пяти добродѣтеляхъ или подвигахъ монашескихъ, а затѣмъ о способахъ и формахъ подвига и наконецъ о порокахъ. Введеніемъ служитъ размышленіе о жизни, ея собла-

знахъ и отреченія отъ нихъ: миниатюра изображаетъ намъ монаха, собравшагося уходить отъ прелестей міра, съ кошачкою за спиною, вслѣдъ за молодою женскою фигурою (η $\varphi\upsilon\lambda\acute{\eta}$ $\chi\omicron\sigma\mu\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\pi\rho\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\eta$), изображающею «невозлюбленіе» міра, но за монахомъ гонится сама «жизнь» — нагая мужская (δ $\beta\iota\omicron\varsigma$) фигура, которая послѣ является также бѣгущею на колесахъ, какъ праздное, ($\mu\acute{\alpha}\tau\alpha\iota\omicron\varsigma$ $\beta\iota\omicron\varsigma$), вѣтренное существо.

Основаніе и источникъ монашескаго подвига, «невозлюбленіе» (первая глава) изображается въ конечномъ результатѣ жизни: Второе пришествіе, подъ которымъ видны разлучающіеся друзья и братья, адъ и рай. Сбоку представлена жизнь съ ея страстями: *сластолюбіемъ* въ видѣ мужчины на ложѣ, котораго опахиваетъ слуга; *стяжаніемъ* въ видѣ жатвы и посѣва. На противъ того, ища уединенія (глава $\epsilon\pi\iota$ $\xi\epsilon\upsilon\iota\tau\epsilon\iota\alpha\varsigma$), монахъ уходитъ отъ умоляющихъ его остаться родителей вслѣдъ за фигурою «уединенія», несущею деревцо или вѣтвь пустыни; тамъ монахъ видитъ, какъ бодрствуютъ надъ усопшимъ отшельникомъ ангелы и чтутъ его родители и ближніе. Глава о *послушаніи и уничтоженіи* воли рисуетъ намъ, какъ образецъ добродѣтелей, Давида, передъ которымъ эти самыя добродѣтели преклоняются, въ присутствіи Климака и его благочестивыхъ слушателей. А непокорные и самоинительные ($\delta\omicron\chi\mu\acute{\alpha}\zeta\omicron\upsilon\tau\epsilon\varsigma$) уподоблены тому чловѣку, что старается въ безуміи своимъ поднять съ земли свою собственную тѣнь. Пятый подвигъ ($\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$) есть покаяніе, и оно изображено въ реальной сценѣ: группа монаховъ вмѣстѣ каются игумну; двое несутъ на креслѣ больного, а третій несетъ игумна на спинѣ. Затѣмъ двадцать маленькихъ сценъ изображаютъ намъ различныя ступени покаянія, совершающагося во мракѣ пещеръ: сначала видимъ лишь непрестанную поучительную бесѣду, постоянное умиленіе, молитвы съ воздѣваніемъ рукъ и воздыханіемъ; а иные, упорно углубляясь въ созерцаніе своей грѣховности, неподвижно стоятъ съ заложеными за спину руками и глядя внизъ; иные же посыпали пепломъ голову, или бьютъ себя въ перси, рвутъ волосы, рыдаютъ, приводя въ ужасъ даже привычнаго сосѣда; всѣ кающіеся подъ конецъ имѣютъ видъ скеле-

товъ, а одинъ изъ нихъ по смерти своей совершаетъ первое чудо: его тѣло потеряло земную тяжесть и само держится въ воздухѣ.

Памятуя смерть, монахъ не разоблачаетъ и клеветы, когда его обвиняютъ въ томъ, что онъ съѣлъ чужой хлѣбъ: онъ не отвѣчаетъ, и около него фигура высокой добродѣтели молчанія. Имъ должны руководить неизмѣнно *кротость* и *смирение* (*ἀοργησία*, *πραότης*) — прекрасныя дѣвы съ жестами умиленія; когда *паятозлobie* пытается стащить его съ лѣстницы, ему поможетъ *уничтоженіе* и онъ одолѣетъ и попреетъ ногами *клевету* и *многославолю*, имѣющихъ черное тѣло. Напрасно *ложь*, *злоба* и *удовольствіе* будутъ стараться повредить ему или прельстить монаха, напрасно соблазнять — *обжорство*. *Миниатюрист* изображаетъ также грѣхопаденіе въ главѣ о подчиненіи тѣлу: трудовой потъ, *блаюразуміе* и *безстрастіе* возвеличили св. игумена Николая (помощника Феодора Студита). *Сребролюбіе* представлено въ видѣ черной какъ уголь женской фигуры, стремительно бѣгущей, а *бѣдность* въ видѣ Іова, которому ангелъ приноситъ вѣнецъ мученическій. Особенно частый соблазнъ находить монахъ въ снѣ, и потому, миниатюры предлагаютъ намъ наивную иллюстрацію отвлеченнаго выраженія, что сонъ побѣждается молитвою: *молитва* въ видѣ молодца съ дубиною бьетъ повергнутую черную фигуру сна; въ другой миниатюрѣ сонъ стаскиваетъ монаха съ лѣстницы, при чемъ ему помогаютъ *гордость* (*ὀπερηφάνεια*), *тщеславіе* (*κενοδοξία*), гнѣвъ (*ὁ θυμός* — мужская фигура), обжорство (*γαστριμαργία*) зловонное указываетъ на свою жертву, а внизу въ грязи невѣдѣнія (*λάθος τῆς ἀγνοίας*) рѣсположилась скука съ чашею вина (*ὁ χόρος*); порокъ изгоняетъ добродѣтели. Другой рядъ миниатюръ изображаетъ намъ монаховъ на молитвѣ, воздерживающихся отъ сна. Слѣдуетъ разсужденіе о различныхъ мелкихъ недостаткахъ: боязливости (дочь невѣрія), привычкѣ къ божбѣ, богохуленіи, злобѣ и добродѣтелямъ, имъ противоположныхъ, также о крѣпости тѣла и души и пр., и наконецъ о *безстрастїи*, которая является кульминаціоннымъ пунктомъ монашескаго подвига и изображается въ овальномъ ороудѣ, *ἔχει τὰς ἀρετὰς χόρου*, благословляя и ведя

за собою сонмъ небесныхъ добродѣтелей. Въ концѣ главы всегда находится изображеніе монаха въ веригахъ, взобравшагося на известное число ступеней золотой лѣствицы и въ религиозномъ энтузіазмѣ подымающаго вверхъ свои руки; въ концѣ подвижничества монахъ изображенъ на послѣдней ступени, вѣнчаемый Христомъ. Главнѣйшій интересъ миниатюръ сводится, такимъ образомъ, къ изображенію аллегорическихъ фигуръ и олицетвореній, отвлеченныхъ понятій, являвшихся въ византійскомъ искусствѣ, какъ наслѣдіе древне-греческаго мифологическаго представленія, неизвѣстнаго средневѣковому искусству ¹⁾ на Западѣ. Несомнѣнно, что всѣ эти образы не представляютъ ничего новаго противъ прекрасныхъ и истинно античныхъ фигуръ древнихъ кодексовъ; пороки разнятся отъ добродѣтелей иногда только чернымъ цвѣтомъ тѣла, изрѣдка также крыльями ангеловъ или демоновъ; обжорство изображено въ коронѣ, какъ властитель міра, пожирая въ дверяхъ дворца куски мяса. Сравнись, потому, эти олицетворенія съ аллегоріями Джіотто въ ц. Мадонны делл'Арена въ Падуѣ, невольно поражаешься скудостью мысли въ византійскомъ произведеніи.

Тѣмъ не менѣе, для полной оцѣнки этого явленія будетъ бесполезно указать на другой образецъ этого шаблона аллегорическихъ олицетвореній отвлеченныхъ понятій въ греческой рукописи Евангелія въ библиотекѣ св. Марка въ Венеціи, за № 540, XI в. Мы встрѣчаемъ въ этой рукописи наиболѣе замѣчательную орнаментуку каноновъ: на фронтонахъ портиковъ, ихъ окаймляющихъ, изображаются четыре вѣтра ¹⁾, на базахъ колоннъ видимъ звѣрей, а также гимнастовъ, плясуновъ, Давида бро-

¹⁾ Piper, Mythol. d. chr. Kunst, II знаетъ эти олицетворенія въ Диоскоридѣ въ Вѣн. рукописи Бытія, а затѣмъ только съ XV вѣка въ Италіи, см. стр. 686 и 689.

¹⁾ Связь этого изображенія съ представленіями Страшнаго Суда и творенія, см. Piper Mythol., II p. 439, 447. Но существенный смыслъ фигуръ относится къ четыремъ Евангелистамъ, какъ указываетъ Никифоръ Каллистръ въ каталогѣ сочиненій, при чемъ 4 Евангелиста, 1 Херувима и 4 *казолжі пнеѣмата* сравниваются разомъ. См. каталогъ С. Banduri Imp. Orient. II, p. 875.

сающаго пращу и пр.; но самое замѣчательное—крошечныя фигуры каріатидъ, поддерживающихъ фронтоны. Мы видимъ здѣсь олицетворенія мѣсяцевъ, какъ въ календарѣ Константина, въ натуралистической манерѣ: полевыхъ занятій, охоты, видовъ домашняго хозяйства и быта, смотря по времени года ¹⁾ и пр., — какъ будто скопированныхъ съ того образца, а также 24 фигурки добродѣтелей, единственное въ своемъ родѣ собраніе олицетвореній; схема нѣкоторыхъ не лишена историческаго интереса, какъ она ни грубо-наивна и не лишена художественности. *Мудрость*—первое олицетвореніе—какъ и всѣ другія, въ видѣ женской фигуры въ мнѳологическомъ костюмѣ, т. е. безрукавномъ хитонѣ, указываетъ себѣ на лобъ; *благоразуміе* — на уста; *познаніе* льетъ изъ рога въ сосудъ; *милостыня* свѣтъ; *раскаяніе* держитъ зеленую вѣтвь; *любовь* съ двумя вѣтвями; *истина* — съ факеломъ; *незлобіе* (*ἀχαλῖα*) съ мѣшкомъ, носящимъ его имя и составлявшимъ атрибутъ византійскаго императорскаго орната временъ Комненовъ; *сочувствіе* (симпатія) положило обѣ руки на грудь; *теорія* соображаетъ, смотря въ землю; а *практика* ведетъ бесѣду и т. д.

Переходимъ теперь къ *Лицевымъ Евангеліямъ* — разряду миниатюръ наиболѣе многочисленному въ эту эпоху и въ исторіи византійской миниатюры вообще, — и предварительно замѣтимъ, что подъ этимъ именемъ разумѣемъ во 1-хъ, вообще иллюстрацію Евангелія, съ изображеніемъ событій (кодексы двухъ видовъ: Четвероевангеліе, особенно часто украшавшееся миниатюрами, и Евангеліе Апракось или недѣльное, рѣдко иллюстрировавшееся) и во 2-хъ, собственно «Лицевыя» Евангелія — т. е. Четвероевангелія или Еванг. Апракось съ изображеніями Евангелистовъ, при чемъ къ нимъ иногда присоединяются главнѣйшіе Господскіе и Богородичныя праздники. Художественное достоинство и значеніе ихъ, вообще говоря, весьма различно: нныя рукописи представляютъ

¹⁾ Перешло также и въ латинскую иконографію мѣсяцевъ въ рукописяхъ, см. напр. Псалтырь лат. 1300 г. въ Marciana, Ваагенъ, Kunstw. in Wien p. 13, относятся къ нѣмецкой школѣ.

лучшіе образцы искусства; напротивъ того, другіе исполнялись уже по извѣстному шаблону, хотя-бы иногда и хорошими мастерами. Но такъ какъ Лицевыя Евангелія обоихъ родовъ изготовлялись во множествѣ, то самая многочисленность обуславливаетъ отчасти ихъ историческую важность: въ нихъ яснѣ виденъ ходъ развитія и паденія искусства, притомъ въ разныхъ странахъ; черезъ нихъ удобнѣ сравненіе на одинаковыхъ сюжетахъ и однихъ типахъ. Если, наконецъ, Евангеліе не помѣчено именемъ вкладчика, съ обозначеніемъ года и страны, что случается часто, то нерѣдко помѣщенные при кодексахъ Святцы даютъ опредѣленную дату. Однакоже, распредѣленіе всѣхъ памятниковъ по времени и невозможно и только безъ нужды затруднило бы ясное представленіе ихъ хода развитія; оно принималось прежними изслѣдователями греческихъ лицевыхъ рукописей только потому, что они имѣли передъ собою немногіе образцы. Въ этой же области не рѣдко найти въ XII и XIII вѣкахъ копии съ древнѣйшихъ образцовъ, которыя должны быть разсматриваемы вмѣстѣ съ памятниками IX и X вѣка, и наоборотъ, отъ X — XI вѣковъ встрѣтить работы съ характеромъ позднѣйшимъ, что зависитъ прямо отъ мѣста возникновенія этихъ памятниковъ и условій распространенія редакцій. Такъ, начиная свой анализъ иллюстраціи Евангелія, мы видимъ въ X и XI в. рядъ рукописей, предлагающихъ намъ первую форму иллюстраціи въ формѣ *миниатюрныхъ* въ переносномъ смыслѣ композицій, которыхъ появленіе гадательно относятъ къ эпохѣ Константина Порфиророднаго. И такъ какъ въ теченіе X — XII вв. мы не находимъ ни одной рукописи, гдѣ бы изображеніе евангельскихъ событій имѣло еще естественные размѣры художественныхъ формъ, то мы должны обращаться къ XIII вѣку, чтобы найти для нашего анализа подобные образцы. Что касается «миниатюрнаго» жанра, то его появленіе объясняется самымъ упадкомъ искусства въ XI вѣкѣ, столько-же, сколько и новымъ стремленіемъ подчинить искусство служебному значенію поучительной, наставительной мѣры. Но, заботясь о художественности и изяществѣ своихъ изображеній, искусство должно было служить грамотою для простолюдиновъ и нагляднымъ повѣствованіемъ для грамотныхъ: чѣмъ больше ил-

иллюстрацій, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе текстъ превращается въ краткіе этикетки картинокъ. Нужны, конечно, были и досугъ, и все трудолюбіе монаха, чтобы наполнить небольшую рукопись двумя, тремястами мелкихъ, требующихъ медленной, тщательно-усидчивой работы, миниатюръ, и, конечно, въ этой обширности иллюстрацій заключается въ значительной степени ея интересъ, ибо эти рисунки сохраняли всетаки переводы типичные и иконописные. Въ большей части дошедшихъ до насъ образцовъ мы безусловно видимъ работы монастырскія: всѣ композиціи и замыслы залечатѣльны монашескими идеями и тенденціями. Съ одной стороны схоластическая иллюстрація догматовъ, особенное вниманіе, обращенное на изображеніе притчъ и чудесъ, (по преимуществу на изгнаніе Ѳсовъ), — съ другой, грубый натурализмъ, не сдерживаемый художественнымъ чувствомъ, и буквенное пониманіе священнаго текста. Живопись сливается здѣсь съ каллиграфіею и перестаетъ быть достояніемъ таланта.

Лучшія рукописи этого рода принадлежатъ особенно Вѣнской и Парижской Націон. Библиотекъ, а изъ нихъ Четвероевангеліе XI вѣку, in 4°, за № 74 Париж. Библ. имѣетъ право первенства ¹⁾). Мы находимъ въ немъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ образцовъ иконнаго письма миниатюръ, выражающагося какъ въ догматически-сухомъ замыслѣ, такъ и въ церемоніальной постановкѣ фигуръ. Миниатюрность ихъ даетъ полную возможность пренебрегать рисункомъ, доводя до уродства извѣстные недостатки византійскаго типа и стиля: длинноту фигуръ, тонкость рукъ, утрировку жестовъ и движеній или мертвенный покой.

Роскошь мелочной отдѣлки и блескъ свѣтлыхъ красокъ и тоновъ, господство византійскихъ костюмовъ съ ихъ богато-пестрымъ убранствомъ не скрадываетъ упадка искусства. Архитектурный фонъ съ преобладаніемъ купола и конусообразныхъ башенъ

¹⁾ Особенно широко пользуется этою рукописью для своихъ иллюстрацій Рого де Флери въ изд. *Évangile etc.* См. pl. 31, 39, 43, 48, 53, 58, 69, 71, 74, 76, 78, 83. Сочиненіе Гримуара *Guide de l'art chr.*, вообще неудачно и слабое въ критикѣ, относитъ рукопись даже къ VIII в. (?) т. IV, стр. 18 и даетъ рис. *ibid.* стр. 189, 319.

отличается пестротой, отсутствием ясности формъ и фантастическимъ нагромождениемъ формъ, прикрывающимъ бѣдность мысли. Византійская эмаль, или финифть повліяла замѣтнымъ образомъ на технику: художникъ видимо подражалъ этому драгоценному производству; онъ только иллюминируетъ внутренности контуровъ, не моделируя тоновъ, что въ финифти и невозможно, а въ микроскопическихъ миниатюрахъ крайне неудобно; отсюда мелкая штриховка золотомъ одеждъ назначена замѣщать вѣстѣ и складки и тѣни. Слащавый тонъ господствуетъ въ композиціи и типахъ: каждая сцена обставляется деревцами, почва пестрѣетъ цвѣтами: умильные жесты замѣняютъ драматизмъ выраженія; почтенный типъ высокаго и строгаго старца, драпированнаго въ длинныя одежды, измѣняется въ мрачный типъ фанатика съ угрюмо опущенными углами рта, изборозженнымъ лицомъ и взглядомъ изподлобья. Выходныя виньетки изображаютъ Славу Господню въ видѣ «ветхаго денъи», окруженнаго Херувимами, Авраамомъ и Исаакомъ. Въ родословію Іисуса изображеніе патріарховъ, царей, всѣ въ обычныхъ типахъ: патріархи со свитками, а цари по сторонамъ Соломона въ нимбахъ, съ лоронами поверхъ туникъ¹⁾). Подробно излагая исторію Благовѣщенія и Рождества, миниатюристъ безъ разбору пользуется всеми ходячими аповерифами: онъ изображаетъ Ирода съ народомъ, волхвовъ скачущихъ за звѣздою и пр.; на волхвахъ надѣты маленькія цилиндрическія шапки (какъ у Самуила петаль) огненнаго, синяго и голубаго цвѣта, какъ на представителяхъ восточныхъ царствъ: Мидіи, Персіи и пр. въ топографіи Космы; затѣмъ они являются или съ огненными шапками, или съ непокрытою головою. Точно также сохранены, но приукрашены, или даже утрированы и другія подробности древнѣйшихъ типовъ евангельскихъ сценъ; сосуды, дома носятъ античныя формы; пѣтухъ въ сценѣ отреченія Петра стоитъ на колоннѣ; всюду почва усѣяна цвѣтами

¹⁾ Лоронъ, родъ омофора, эпитрахили или палліума; импер. одежда; прежде родъ нашивки: *imāta lorāta*, а потомъ отдѣльное *Superhumerale*. См. Дюканжъ *De pomism.* n. 6, *Gloss. gr., lat. v. v.*

и пр. Всякое изрѣченіе Евангелія, доступное конкретному представленію, иллюстрируется съ сохраненіемъ самой буквы выраженія; такъ, особенно подробно изображаются притчи о работавшихъ въ виноградникѣ (господинъ—это Христосъ), о богачѣ, построившемъ домъ и отъѣзжавшемъ изъ страны, объ овцѣ заблудшей, блудномъ сынѣ, о потерянной драхмѣ (Господинъ въ типѣ Христа, но съ краснымъ нимбомъ, ищетъ дархмы, въ правой метла, въ лѣвой монета), злыхъ виноградаряхъ, все это съ богатою обстановкою, въ видѣ ряда сценъ для каждой притчи. Миниатюристъ ищетъ и иныхъ сюжетовъ, дотолѣ еще не изображавшихся ни въ иконописи, ни въ миниатюрахъ: Христа проповѣдующаго на высокомъ сѣдалищѣ, исцѣляющаго и пр.; толпы народа подлѣ, въ группѣ видны дерущіяся и играющія дѣти. Вездѣ манера старческаго реализма смѣняетъ идеальныя задачи; церемониальность и аффектація въ роскошной обстановкѣ, но убогость мысли и воображенія. Изъ этой массы рисунковъ немногіе даютъ что либо новое: утишеніе моря (Мат. гл. VIII, 26) и вѣтровъ ¹⁾ представляетъ вѣтръ — нагую фигуру на берегу, закрывающую себѣ ротъ, а море бьетъ себя въ грудь въ страхъ. Любопытны изображенія Троицы: Богъ Отецъ — какъ ветхій денъми, Иисусъ Христосъ и Духъ Св. — Эммануилъ по сторонамъ: къ введенію Іоанна о Словѣ; также въ притчѣ о дѣвахъ Троица замѣняетъ одного жениха, и различается по возрастамъ фигуръ: Богъ Отецъ сѣдъ въ золотомъ гиматіи, Христосъ въ голубомъ, Св. Духъ въ зеленомъ и молодѣ. Въ сценѣ Страшнаго Суда ангелъ свиваетъ небо какъ свитокъ, « уготованный престолъ » — *ἐτοιμασία* замѣняетъ Троицу; земля, море, чуда морскія возвращаютъ свою добычу, — мотивъ, воспроизведенный монументально мозаикою ц. въ Торчелло и впоследствии русскою иконописью. Въ Распятіи подъ Крестомъ «Вѣра» собираетъ кровь въ потиръ ¹⁾, Тайная Вечера въ видѣ двоякаго причащенія Апостоловъ, по извѣстному

¹⁾ Подлин. миниатюры въ Углич. Иссл., рис. у Буслаева, Очерки, т. 2, къ 205 рис.

¹⁾ *Annales arch.* vol. III p. 360.

византийскому переводу²⁾ и пр. Въ связи съ общимъ мнѣніемъ о рукописи, мы находимъ также, въ противоположность похвалѣ Лабарта³⁾, что орнаментика заставокъ скудна мотивами: вездѣ повторяется въ нихъ правильная сѣть вѣтвей съ листовомъ и цвѣтами.

Грузинское
Евангеліе. Ге-
латскаго мо-
настыря.

Близка къ этому кодексу или даже ему современна известная рукопись Гелатскаго монастыря близъ Кутаиса, въ Грузіи, также относящаяся къ XI или XII вѣку, въ малую четв., въ перешлетѣ чеканнаго серебра съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія и Вознесенія. Привычныя въ Кавказской археологіи притязанія на глубокую древность отнесли рукопись къ IX вѣку, но достаточно взглянуть на миниатюры, чтобы убѣдиться, что она не могла быть написана ранѣе XI вѣка, и самый переводъ на грузинскій языкъ сдѣланъ въ это же время въ Афонѣ, по словамъ ученаго отца Θεодора, переводившаго намъ запись писца Георгія. Рукопись интересна для насъ, какъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ миниатюрнаго жанра въ Россіи, хотя золото и краски не такъ уже чисты и свѣтлы какъ въ парижскихъ кодексахъ. И здѣсь въ орнаментикѣ канонѣ есть черты восточнаго звѣринаго стиля: левъ терзаетъ оленя — известный древневосточный символъ; есть и черты средневѣковаго натурализма: по колоннѣ лѣзутъ двое состязающихся и т. д. Сосчитавъ, съ цѣлью общей характеристики всѣхъ миниатюръ, мы нашли, что въ Евангеліи отъ Маттея изображено 64 миниатюры, Марка — 60, Луки — 72, Иоанна — 41, итого около 240 миниатюръ всего, и по числу приблизительно одинаковому для Евангелій, очевидно, должны нерѣдко воспроизводить одни сюжеты, съ легкими вариантами. Наконецъ сходство съ парижскимъ 74-мъ кодексомъ до такой степени близко въ общемъ характерѣ и стилѣ, композиціяхъ съ двумя деревцами и всѣхъ иконописныхъ переводахъ, что необходимо думать, что обѣ рукописи изготовлены (на Афонѣ?) въ одно время и съ одного оригинала. Также точно повто-

²⁾ Рис. въ соч. Rohault de Fl. Évangile, t. II pl. 77.

³⁾ Histoire des arts industr. vol. III p. 17.

рени и всё описанныя нами символическія детали, хотя иногда не въ однихъ и тѣхъ же миниатюрахъ: напр. изображеніе Троицы: Богъ, Слово и Эммануиль приведено въ Сошествіи Св. Духа, гдѣ вмѣсто царя и смерда изображенъ самый сбѣжавшійся народъ. Попытки драматизма видны въ тѣхъ же сценахъ Тайной Вечери, гдѣ представлено открытіе предателя, и въ плаваніи по озеру Тиверіадскому, гдѣ безпокоящіеся сильно Апостолы будятъ Христа. Безъ всякаго сомнѣнія, кодексы полонъ другими мелкими деталями (есть и уродливыя формы: Христа приводятъ къ Пилату привязаннаго за шею)—но онѣ не составляютъ ничего особенно новаго въ движеніи иконописи, и разбирать ихъ значило бы описывать типы ея, а не ея исторію.

Къ XII уже вѣку (но также возможно, что и къ XI в.) относится рукопись Евангелія греч. въ Вѣнской Дворц. Библіотекѣ, за № 154 (у Ламбеція № 29 ¹⁾), изъ библ. Матвѣя Корвина), украшенная чрезвычайно богато и по большей части писанная золотомъ. Уже самые каноны орнаментированы богато и вмѣстѣ пестро: наверху по сторонамъ фонтана попарно голуби, павлины, утки и аисты, а также около растенія львы, грифоны, левъ терзающій быка, пѣтухи и пр. И здѣсь видимъ тщательное перениманіе формъ финифти: мельчайшіе контуры сдѣланы золотыми штрихами, тѣже сочныя эмалевыя краски. Но что эта небывалая миниатюрность не вяжется съ искусствомъ и скорѣе результатъ каллиграфическихъ упражненій, доказывается тѣмъ, что большія фигуры Евангелистовъ уродливы и безобразны до нельзя. Отсутствие художественности въ композиціяхъ покажетъ одинъ примѣръ: въ явленіи Христа Апостолы выстроены въ двѣ шеренги и согнулись въ дугу, принимая Его благословеніе покровенною рукою; при этомъ уродствѣ замысла сохранены типы, сѣдина бороды и волосъ и -пр.: все говоритъ намъ, что работа была не дѣломъ художественнаго мастерства, но дѣломъ угоднымъ Богу, и художественное впечатлѣніе заслонялось религиозными мотивами. Ради усиленія реальности прежніе переводы измѣняются: Лазарь

Еванг. Вѣн.
Дворц. Библ.
№ 154.

¹⁾ Catalogus, ed. Kollar, lib. III p. 110.

воскресшіи выльзаетъ изъ гроба; при Вознесеніи видны непремѣнно только 11 Апостоловъ.

Еванг. Аеон.
Ивер. н. №
27, 58

Подобны этимъ кодексамъ рукописи Аеонскаго Иверскаго монастыря за № 27 in 8^о и 58 въ 12 долю, XII вѣка съ обширными иллюстраціями въ описанной натуралистической манерѣ со множествомъ фигуръ въ нѣсколько поясовъ: въ притчахъ участвуетъ, какъ главное лицо, Христосъ съ своими прислужниками — ангелами.

Загр. кодекс.
Plut. VI, 23.

До окончательной крайности доходить этотъ миниатюрный жанръ въ рукописи Флорентійской Лаврентіанской Библіотеки греч. Евангелія XI в., въ малую четв., Plut. VI сод. 23 ¹⁾. Миниатюристъ, однако же, не могъ выдержать трудности своего предпріятія: вторая половина рукописи представляетъ фигуры вдвое крупнѣе первой, въ которой фигуры не выше 2 сантим. Въ большихъ изображеніяхъ Евангелистовъ открывается много недостатковъ, повторяемыхъ и сюжетами: нагроможденная архитектура, мрачность (звѣрскія, фанатическія лица Фарисеевъ), или слащавая приторность въ типахъ, ломающіяся или кружащіяся волнами складки. Рядомъ въ полосѣ помѣщаются сюжеты Новаго и Вѣтахаго Завѣта, коль скоро они вмѣстѣ упоминаются въ текстѣ. Подобное сопоставленіе и художественная неразвитость однообразныхъ рисунковъ дѣлаетъ ихъ безусловно непонятными безъ пособія текста, особенно, если нѣтъ знакомой фигуры Христа, Богородицы, и если изображается реально подобіе притчи. Самыя дикія и утрированныя позы и движенія не помогаютъ различить выраженіе и смыслъ композиціи, и, конечно, становятся возможными самыя уродливыя въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи сцены. Эта монашеская забава, развлеченіе для празднаго взора болѣе погубили искусство, чѣмъ всё внѣшнія бѣды. Иныя сцены столь наивны въ своемъ воспроизведеніи буквы текста, что стоять того, чтобы ихъ отмѣтить, какъ немногіе образчики чудо-

¹⁾ Неудовлетворительный обращеніе этихъ миниатюръ данъ въ каталогъ Бандини, т. I, стр. 163.

вишняго направленія искусства: выраженіе «ввергнуты въ тьму вѣшнюю: тамъ будетъ плачь» и пр. иллюстрируется въ видѣ ямы, въ которой видны торчащія изъ тьмы головы, двое со страхомъ, наклонившись, глядятъ туда; или передъ Христомъ съ учениками волкъ хищный, или же три патріарха и пр. Рождество разбилось на двѣ сцены: въ первой, когда двѣ женщины моютъ Младенца, Богородица лежитъ по слабости естества человѣческаго, а въ другой, гдѣ являются пастухи, она уже сидитъ. Сцена Христа съ Хананейкою, по Мат. гл. XI, 26, изображена такъ, что рядомъ представлены псы, подбирающіе крохи со стола господъ. Христосъ вездѣ держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ бѣлый, свернутый трубкою, и всегда благословляетъ; въ одной только сценѣ Страстей въ безрукавномъ колобіи.

Подобная утомительная, лишенная смысла иллюстрація является, однакоже, въ немногихъ образцахъ и рано была сокращаема въ видѣ виньетокъ на поляхъ. Такъ напр. украшено описанное Евангеліе Апракосъ Ват. библи. (съ сентября) за № 1156. Кромѣ праздниковъ Господнихъ, въ виньеткахъ въ Евангеліи Страстей листъ миниатюръ изображаетъ шесть сценъ въ иконописной манерѣ¹⁾; въ Положеніи во гробъ представлены три рыдающіе ангела и кровавое солнце; тѣло кладутъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, Богородица у головы, а саади двѣ жены, ломающія руки. Выходною же миниатюрою служитъ изображение Сіона въ видѣ коробовой трехнефной церкви съ тремя абсидами, надъ дверью икона Знаменія.

Того же характера Евангеліе XI вѣка, находящееся въ канцеляріи греческой церкви (S. Giorgio dei Greci) въ Венеціи въ л., со множествомъ расписанныхъ золотомъ и красками инициаловъ, изображающихъ иконографическіе сюжеты; характеръ буквенной иллюстраціи текста доведенъ до того, что Христосъ, умывающій ноги ученикамъ своимъ, по Іоанну гл. XIII, 4 (гдѣ читается: «снялъ одежды свои» и дополнено: «снялъ верхнюю одеж-

Ват. Еванг.
№ 1156.

Еванг. греч.
и. Св. Георгія
въ Венеціи.

¹⁾ Изданы Даженкурромъ, Peinture, pl. 57.

ду») изображенъ нами т. е. въ одномъ только препоясаніи ¹⁾. Выходною миниатюрою служить изображеніе Славы Господней, въ которой изображенъ Деисусъ, спокланяемый Евангелистами, Архангелами и силами небесными. Это повтореніе сюжета на пѣснь: «Всякое Дыханіе» въ началѣ Евангелія имѣетъ соотношеніе съ описанною Дидрономъ ²⁾ фрескою въ портнѣ Иверскаго монастыря на Афонѣ, но любопытное дополненіе къ этому переводу находимъ въ выходной (и единственной) миниатюрѣ рукописи Новаго Завета въ четв. XIII вѣка, въ Вѣнской Дворцовой Библіотекѣ, за № Suppl. 52 ³⁾: въ радужномъ кругу Троица изъ ветхаго денми — сѣдаго, необутаго старца, въ крестчатомъ нимбѣ, держащаго обѣими руками маленькую фигуру Христа, однакоже, въ совершенномъ возрастѣ, а Христосъ въ свою очередь держитъ на груди Духа Святаго; кругомъ Ангелы, а ниже земля цвѣтущая и *ἄνθρωπος* — юноша.

Ран. Ват. б.
Suppl. 52.

Къ XIII же вѣку относятся двѣ греческія рукописи Евангелій съ крупнаго размѣра миниатюрами. Одна изъ нихъ есть греческій кодексъ Париж. Библ. за № 54, замѣчательный тѣмъ, что къ Евангелію Маттея и Марка помѣщенъ съ боку греческаго текста латинскій, писанный съ нимъ въ одно время, но уже и мельче. Фигуры Евангелистовъ съ ихъ уродливою драпировкою, синюю мертвенною кожею, тучнымъ тѣлосложеніемъ, говорятъ за позднее происхожденіе, хотя приписъ указываетъ на XII вѣкъ, и техника мелкихъ миниатюръ отличается нѣжными красками, блестящимъ золотомъ и нѣжной моделировкой, правда, блѣсоватыхъ фигуръ ⁴⁾. Но иллюстрація евангельскихъ сюжетовъ (20 миниатюръ оконченныхъ) представляетъ еще нѣкоторую художественную

Еванг. Пар.
библ. № 54.

¹⁾ Въ соч. Rohault de Fl. vol. II p. 189 справедливо, однакоже, сказано, что нѣтъ ни одной сцены болѣе неизвѣстной, какъ Умовеніе ногъ.

²⁾ Manuel d'iconographie, p. 235 прим.

³⁾ У Колларъ въ Supplem. изд. 1790 г., № 5. Экземпляръ Эрзма Роттердамскаго.

⁴⁾ Отзывъ Лабарта, относящаго руп. къ 1204 — 1261, эпохѣ владѣтельства престолосцевъ, что миниатюра плохой работы, не вполне справедливъ.

жизнь и движение какъ въ реалистическихъ стремленіяхъ, такъ и въ развитіи сюжетовъ. Живописныя изображенія чудесъ отличаются сложностью: чудо пяти хлѣбовъ въ три пояса, ученики дѣлать хлѣбъ, дѣти дерутся изъ за него; въ Благовѣщеніи около Дѣвы служанка съ прясломъ, тоже обернулась къ Ангелу. Любопытнѣе притчи; такъ притча о десяти дѣвахъ изображаетъ жениха—Христа въ голубомъ кругу съ двумя поклоняющимися ему ангелами, а по сторонамъ группы дѣвъ,—переводъ, напоминающій намъ равненскія мозаики. Притча о плевелахъ (Мат. XIII, 24—30) представлена нѣсколько отличною отъ Подлинника Діонисія¹⁾: Христосъ съ Евангелиемъ стоитъ посреди, благословляя; направо за столомъ пять сѣдовласыхъ монаховъ, книжниковъ и фарисеевъ бесѣдуютъ и, повидимому, пируютъ; за плечами нѣкоторыхъ изъ нихъ видны лохматые черти; ангелъ вытаскиваетъ одного изъ нихъ за шиворотъ; другой ангелъ, надѣво отъ Христа, повалилъ чорта и, прижавъ его колѣномъ, вязетъ. Вообще же, это изображеніе притчей, предлагая богословское истолкованіе ихъ, а не самое подобіе, какъ мы видѣли въ описанныхъ другихъ Евангеліяхъ, даетъ живую, разнообразную тему, и если иногда переводъ притчи слишкомъ страдаетъ сухостью аллегоріи, а часто и мистицизмомъ, то все же требовалъ отъ миниатюриста замысла и изобрѣтенія. Поэтому, хотя въ подлинникѣ переводы притчъ уже значительно искажены позднѣйшимъ монашествомъ, но представляютъ наиболѣе интересный отдѣлъ и, видимо, имѣли вліяніе на западное искусство: нельзя не назвать остроумною мыслью изобразить работавшихъ въ виноградникѣ въ видѣ ветхо-завѣтныхъ и ново-завѣтныхъ дѣятелей вѣры, или представить злыхъ рабовъ въ видѣ пирующихъ и веселящихся мирянъ и елириковъ, надъ которыми носится смерть съ косомъ, напоминая картины Пизанскаго Кампо-Санто. Напротивъ того, буквенное изображеніе притчи дало въ этомъ же Подлинникѣ нелѣпыя фигуры человѣка съ сучкомъ въ глазу и фарисея съ бровномъ у глаза.

¹⁾ Manuel d'icongraphie p. 207.

Цифонецъ послѣдняя рукопись Евангелія иллюстрированная, намъ извѣстная, принадлежитъ Амврозіанской библіотекѣ въ Миланѣ и относится къ XIII вѣку. Многочисленные инициалы въ такъ наз. романскомъ стилѣ изъ звѣринныхъ и растительныхъ сплетеній изображаютъ различные иконописные и реальные сюжеты: человекъ лѣзетъ по дереву съ топоромъ, больной несетъ одръ, женщина съ кувшиномъ на плечѣ (Самаритянка), фигура съ чертомъ за плечами, аллегорія съ якоремъ, крестомъ и пр., даже нагая беременная женщина. Евангелисты пишутъ, слушая Св. Духа, который въ видѣ голубя, у ихъ праваго уха³⁾; фигуры Евангелистовъ худобою, старчествомъ, уродливою схемою драпировки указываютъ на позднее время. Въ сюжетахъ замѣтны неудачныя попытки толкованія сюжетовъ и слишкомъ ревностнаго выраженія благочестія рисовальщика: въ Тайной Вечерѣ Ангелъ, слетѣвъ съ неба, приноситъ блюдо рыбы (быть можетъ, воспоминаніе о символическомъ значеніи рыбы). По инымъ костюмамъ воиновъ, напоминающимъ порманскіе, можно было-бы производить рукопись изъ южной Италіи.

За неимѣніемъ рукописей греческихъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на уцѣлѣвшія копии ихъ миниатюръ въ двухъ кодексахъ Евангелія на коптскомъ и армянскомъ языкахъ, принадлежащихъ Париж. Библіотекѣ. Первый изъ нихъ, содержащій въ себѣ полное коптское Евангеліе, писанное въ 1173 г. рукою Михаила, епископа Даміаты, въ л. за № 13, Сорт., по своей техникѣ гораздо дальше отъ византійскаго искусства, чѣмъ вторая рукопись армянская, исполненная въ извѣстномъ типѣ византійскихъ рукописей XI — XII вѣковъ, и находящаяся въ той же Париж. Нац. Библ., по новому каталогу восточныхъ рукописей за № 10 а, въ 16 долю; отнесена въ каталогъ къ XV вѣку. Не будучи въ состояніи судить объ этомъ хронологическомъ опредѣленіи, хотя оно не основано на точной датѣ, мы находимъ, что по миниатюрамъ рукопись не можетъ быть по-

Армянское
Еванг. Пар.
Библ. 10 а.

³⁾ Копія для изображенія чернокижниковъ въ упомянут. собраніи рис. Hortus deliciarum.

здѣе XIII в.; въ ней сохранены ещё всѣ свойства техники этого времени: господство розовой и голубой краски, изящный вкус виньетокъ, характерныя формы листьевъ стрѣловидныхъ и сердцеобразныхъ, инициалы изъ перегибающихся птицъ съ змѣйными оконечностями ¹⁾ и даже изъ окрыленнаго быка, какъ будто сроссаваннаго съ ниневійскихъ колоссовъ. Сокращенныя схемы евангельскихъ сюжетовъ на поляхъ въ миниатюрномъ жанрѣ представляютъ всю грубость копій.

Напротивъ того, рукопись коптская видимо блюдетъ оригинальный, хотя скудный характеръ, свойственный коптскимъ рукописямъ: пестро украшенная виньетками, заставками, знаками препинанія въ видѣ сердца, треугольника, розетки и пр., она всюду вноситъ свое плетеніе ²⁾, тогда какъ мы не видимъ его ни въ грузинской, ни въ армянской рукописи, — на родинѣ этого орнамента. Слѣдовательно, если эти послѣднія писаны гдѣ либо въ Византіи, напр. на Аѳонѣ, коптскій кодексъ писанъ дома. Съ этимъ согласна и вся переѣвна въ византійскомъ (всѣ надписи греческія) оригиналѣ: дикопорывистый, страстный тонъ, которымъ проникнуты всѣ сцены; водяныя краски, слегка покрывающія поверхность; старческія фигуры и множество мелкихъ чертъ восточнаго типа и характера, какъ напр.: толстыя губы, черныя какъ смоль волосы, владыки или цари, сидящіе на корточкахъ, чалма Иродіады, татарскія шапки волхвовъ и пр. При композиціяхъ неудержимо страстнаго, бѣшенаго характера, любовь къ сценамъ жестокости и уродству; темный фонъ иллюстрацій, простота красокъ сообщаетъ также миниатюрамъ аскетическій оттѣнокъ. Въ Крещеніи ангелы летятъ сверху; въ бѣгствѣ въ

Еван. копт.
Пар. Нац. б.
Сопт. № 18.

¹⁾ Совершенно тѣже формы встрѣчаемъ въ инициалахъ меровингскихъ, см. напр. снимки ихъ въ изд. *Le moyen âge et la Renaissance*, vol. II. *Miniatures*, pl. 2. Также съ рип. лат. Августина № 2110 въ известномъ драгоценномъ фоліантѣ графа Вастара, листъ 19 — VII в., изъ исторіи Григ. Турскаго, Библии Диможской нынѣ въ Париж. Вибл. X в. *ibid.*

²⁾ Вся эта орнаментика плетеныхъ крестовъ, рамокъ и пр. тождественна съ сирийскими Евангеліями той же Париж. Вибл. 1191 и 1195 г. за № 40 и 41, съ изображеніемъ одного Евангелиста.

Египетъ изображены идола въ видѣ черныхъ дьяволовъ съ золотыми рогами, летящіе внизъ головою, пальма преклонившаяся, для того, чтобы странники насытились ея плодомъ¹⁾ и пр.; при сценахъ исцѣленія непрѣменно присутствующая толпа съ дико протянутыми руками, переогнутыми уродливо головами выражаетъ изумленіе. Ученики въ сценахъ проповѣди, поученія, представлены разомъ устремившимися ко Христу: какъ ни грубы эти рисунки, все же видимъ здѣсь новыя мотивы, плодъ горячей вѣры монаха-писца. Фантазмагорическія мечтанія его изображаютъ напр. дьявола около повѣсившагося Іуды: туловище изъ двухъ головъ слона съ клыками, ноги обвиты змѣями и обезьянья морда. Въ то же время большая миниатюра сцены въ Канѣ служитъ какъ бы воспоминаніемъ индо-персидскихъ образцовъ: пирующие сидятъ толпами, держатъ въ рукахъ букеты, на столахъ же вазы съ плодами, восточныя флаконы съ цвѣтами и пр.

Всѣмъ извѣстно, какъ многочисленны греческія рукописи Евангелія съ изображеніями четырехъ Евангелистовъ и ихъ послѣдующія копія въ рукописяхъ русскихъ, сербо-болгарскихъ, чешскихъ, латинскихъ и восточныхъ. Этотъ обычай изображать Евангелистовъ относится къ древнѣйшей эпохѣ (VI — VII вѣкамъ), и его распространеніе зависѣло столько же отъ каллиграфическаго копированія ихъ фигуръ, возможнаго для всякаго переписчика, сколько и отъ извѣстныхъ богослужебныхъ надобностей. Множество Евангельскихъ кодексовъ, идущихъ непрерывно съ IX в. по конецъ Виз. имперіи, также имѣетъ свое значеніе въ исторіи, хотя, несомнѣнно, самый духовный интересъ ихъ изображеній очень умаленъ этимъ жалкимъ копированіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишь немногія и наиболѣе замѣчательныя рукописи X вѣка представляютъ нѣкоторое оживленіе мысли въ фигурахъ Евангелистовъ; такъ напр. одинъ рядъ рукописей изображаетъ ихъ стоящими или даже идущими. Лучшій изъ этихъ кодексовъ, не сомнѣнно, Парижскій греч. за № 70, въ 16-ю долю, 964 года,

Визк. Пар. 70.

¹⁾ Чудесную исторію этой пальмы по апокрисамъ въ ст. Альбова Христ. чтеніе, 1872, стр. 220. Thilo, Cod. apoc., p. 396 — 7.

второго миниатюрныя изображенія такъ поразительны своею отдѣлкою, что приводятъ въ отчаянiе копистовъ¹⁾; миниатюристъ сумѣлъ передать здѣсь въ тонкой моделировкѣ то, что доступно лишь масляной живописи: необыкновенное богатство тѣней выраженiе въ лицахъ, загаръ физиономiи и складки, облегающiя тѣло. Маттеи и Иоаннъ читаютъ раскрытую книгу какъ бы вѣду; Маркъ, лицомъ къ зрителю, съ вдохновеннымъ выраженiемъ еще собирается открыть ее. 756-й кодексъ Ват. Библ. (неизвѣстный Даженкуру) представляетъ Евангелистовъ въ безусловной тождественномъ рисункѣ, и Христа благословляющаго, которому Евангелисты какъ бы читаютъ свое повѣствованiе, но какъ далеко ниже самый рисунокъ! Къ этому же типу примыкаетъ рукопись Аеонская (Ивер. м.—ра?) за № 28 въ собранiи фотографическихъ снимковъ Севастьянова, относимая къ XI вѣку (вѣроятно, IX)²⁾, въ которой стоящiе Евангелисты съ замѣчательною энергiею въ лицахъ, но работа гораздо хуже Парижской. Подобная же рукопись за № 51, въ которой Евангелисты указываютъ на текстъ, должна принадлежать уже XI вѣку, какъ и Вiенской кодексъ № 240.

Обыкновенная же манера изображенiя представляетъ Евангелистовъ сидящими за аналоемъ, на которомъ положенъ развернутый свитокъ или поздиѣ книга; сзади Евангелиста передняя часть зданiя, или же портикъ, или даже горный ландшафтъ; поздиѣ сложная фантастическая масса различныхъ зданiй, башенъ, воротъ и пр., долженствующая изображать Иерусалимъ. Привычная поза всѣхъ Евангелистовъ представляетъ ихъ въ глубокой задумчивости, передъ свиткомъ или книгою, которую они иногда листуютъ, или читаютъ, но Лука, какъ написавшiй самое большое Евангелiе, всегда изображается пишущимъ быстро, а Иоаннъ среди горъ и пещеры, въ пророческомъ экстазѣ слушая откровенiе диктуеть своему ученику Прохору, — манера, перенесенная на

¹⁾ Labarte, Hist. d. a. ind. pl. 84. Въ изд. Дуандра I. с. въ увеличенн. размѣрѣ, на 4 табл.

²⁾ Рис. въ Христ. Древн. Прохорова, 1864 г. табл. 2—5.

Евангелиста изъ исторіи сочиненія Апокалипсиса; или же всѣ Евангелисты одинаково пишутъ, безъ различенія ихъ отдѣльныхъ характеровъ.

Въ этомъ многочисленномъ ряду кодексовъ опять таки первенство принадлежитъ Парижскому кодексу Нац. Библ., въ 12 д. за № 64, относимому къ X вѣку¹⁾. Богатая орнаментика миниатюрнаго жанра въ канонахъ рисуесть намъ лучшія въ поздненизантійскомъ искусствѣ изображенія птицъ и животныхъ; мы видимъ среди роскошной зелени грифоновъ — эмблему храбрости, пасущихся коней, верблюда съ погонщикомъ, слона, Араба съ конемъ, пастуха играющаго на свирѣли, и прочія натуральныя сцены. Изображенія Евангелистовъ среди богатой и разнообразной обстановки отличаются живою энергіею жестовъ: Матеей, поднявъ палецъ, задумался; Маркъ считаетъ по пальцамъ; Іоаннъ, согнувшись, какъ подобаесть глубокой старости, размышляетъ. Самый текстъ имѣетъ нѣсколько миниатюръ: къ Матеею родословіе Христа въ фигурахъ патріарховъ и пр.; къ Марку — Крещеніе; Лукъ — Захарія, Іоанну — Слава Господня. 12 заставокъ въ концѣ представляютъ обильный запасъ формъ такъ называемаго романскаго стиля въ звѣряхъ, обвитыхъ змѣями, клубкахъ змѣй и пр. Къ IX вѣку (вѣрнѣе X) отнесено Еван. Брит. Муз., Архив. отдѣла, № 547, помертвѣлаго типа, съ любопытными инициалами (Т въ видѣ уroda на одной ногѣ).

Брит. Муз.
Архив. 547.

Еванг. Пар.
Библ. Coisl.
№ 20
Ват. № 854.

Къ X вѣку относятъ и другое Евангеліе той же бібліотеки, отд. Коилен. № 20, въ четв., которое въ своей орнаментикѣ заставокъ и каноновъ еще воспоминаетъ формы мозаическихъ рисунковъ, но превращаетъ уже всякую архитектурную форму въ растительную и въ этой игрѣ формами теряетъ истинное изящество. Изображенія Евангелистовъ въ золотомъ полѣ отличаются

¹⁾ Но основаніе этого Лабартъ видитъ въ томъ, что выходная аркада изображаетъ Богородицу и по сторонамъ ея стараго и молодаго императора: по его мнѣнію, Конст. Порфирородный и Романъ Лакапенъ, тогда какъ это просто Давидъ и Соломонъ, см. р. 83 и текстъ. Въ изд. Луандра фигуры въ увелич. размѣрѣ, на четырехъ таблицахъ: Соломонъ (Давидъ), Иродъ, Захарія и Богородица.

мрачнымъ византизмомъ, и Маркъ уже съ просѣдью. Замѣтимъ въ свѣбкахъ, что греческія рукописи Востока подчиняются все таки его манерѣ: такъ рукопись Ват. Библ. № 354 въ л. 949 г. иллюминирована въ канонахъ желтою и кирпично-красною краскою.

Къ XI вѣку должны относиться рукописи Евангелія въ Вѣнской библиотекѣ за № 50 Сim. 4 (въ Supplem. Коллара, № 6), замѣчательная описанною нами шраффиоровкою острымъ инструментомъ по золоту (техника Сіенской школы) и Евангеліе Париж. Библ. Coisl. 21, съ предѣстнѣйшими рисунками различныхъ заставокъ и каноновъ; изображеніе самихъ Евангелистовъ, помѣщенное подъ собранной занавѣсью, копируетъ древній образецъ: Матеей и Іоаннъ сидятъ, задумавшись и держа въ рукахъ тростникъ и хартію; аналоги уже имѣютъ обычную ножку въ видѣ дельфина. Напротивъ того, рукопись той же библиотеки Парижской за № 71 представляетъ намъ и орнаментиву въ сухомъ узаконенномъ типѣ, въ которомъ крестообразные разводы вѣтвей оканчиваются схематическими синими листьями съ зелеными бликами и условными трехлепестковыми цвѣтками или розеткою; изображенія Евангелистовъ отличаются изможденнымъ типомъ въ худыхъ, вырѣзавшихся чертахъ, глубокихъ и воспаленныхъ глазахъ, лихорадочномъ румянцѣ на впалыхъ щекахъ. Особенно мраченъ видъ Іоанна, среди скалъ Патмоса повѣствующаго Прохору. Тонкія миниатюры Евангелія Марціана № 541, въ 18-ю д. л., XI вѣка, исполнены въ той Ma зализанной моделировкѣ, которая, хлопоча особенно о тѣняхъ, оживкахъ, изображаетъ тѣло темно-коричневымъ съ красноватыми старческими жилками на лицѣ и непремѣнною сѣдиною въ черныхъ волосахъ; фигура Луки замѣчательна даже естественностью складокъ и натуральностью формъ.

Одно изъ Евангелій Лаврентіанской Библ. въ 4° Plut. VI, 18, отнесенное у Вандина даже къ X вѣку, хотя оно носитъ всѣ признаки XI вѣка, также представляетъ отличные рисунки Евангелистовъ, барельефы, занавѣсы и другія традиціональныя формы Македонскихъ рукописей; въ небѣ видна Десница или Христось погрудь. Коп. библ. V.

Затѣмъ встрѣчаемъ многочисленный разрядъ Лицевыхъ Евангелій XI вѣка, исполненныхъ вполне удовлетворительно съ технической точки зрѣнія, но лишенныхъ всякаго художественнаго движенія; блестящая орнаментика не соответствуетъ одеревянѣлымъ формамъ фигуръ. Лучшимъ образцомъ могутъ служить два интересные кодекса Синод. Библ. въ Москвѣ за № 518 и 519, въ четв. съ прелестными украшениями каноновъ, но жалкими схематическимъ рисункомъ Евангелистовъ. Однакоже, замѣчательнымъ образомъ, въ обоихъ кодексахъ — дръжевахъ, представлены надъ Евангелистами ихъ эмблемы — переводъ, специально принадлежащій западному искусству и до позднѣйшихъ временъ не встрѣчающійся въ византийскомъ. Можетъ быть, по причинѣ простаго незнанія или же особыхъ соображеній, эти эмблемы распределены также не совсѣмъ обычно: надъ Матеемъ *левъ* держитъ свитокъ съ его монограммою, надъ Маркомъ-же *быкъ* ¹⁾, въ 519 кодексѣ къ Лукѣ *ангелъ*. Подобныя рукописи въ Британской Публ. Библ.: въ греч. рукописи въ л. Harl. 5785 выходная заставка изображаетъ четырехъ апокалипсическихъ животныхъ; фигуры Евангелистовъ страдаютъ кирпичнымъ тѣломъ, блѣдностью красокъ, вялостью безпомощнаго рисунка. Другая рукопись отдѣла Harl. № 1810. въ которой растительная орнаментика замѣняется уже геометрическими формами, предлагаетъ украшения канонвъ уже въ заставкахъ къ Евангелистамъ, но нельзя думать, чтобы въ этомъ заключалась особая мысль. Нѣсколько миниатюръ при каждой Евангеліи представляютъ казенные рисунки главнѣйшихъ праздниковъ; но напр. въ Сошествіи Св. Духа вмѣсто дверей дома и народа или аллегорической фигуры царя—міра изображены врата темницы и около нихъ два воина съ копьями,—забавное смѣшеніе истиннаго смысла. Замѣчательный кодексъ греч. Евангелія XI в. въ Лаврент. библ. за № 163 (посвященный въ царствованіе Андроника Комнена въ Трапезунтѣ, ц. Маріи Златоглавой) съ прекрасными фигурами, замѣчательными по тонкости изображенія,

Синод. библ.
№№ 518.
519.

Брит. Муз.
Harl. 5785.

Томе Harl.
1810.

Лавр.
б. № 163.

¹⁾ Объ этихъ перемѣнахъ см. Аевнасія Synopsis Scripturae, t. II p. 155, у Дидрона Manuel etc. p. 302 прим.

(старческаія налитыя кровью лица) и интересною миниатюрою Христа, учащаго ребенкомъ въ храмѣ.

Евангеліе Парижской Нац. Библиотеки, въ четв., — замѣчательный образецъ миниатюрнаго жанра¹⁾, но уже съ признаками паденія въ длиннотѣ фигуръ, зеленыхъ одеждахъ, также содержитъ изображеніе праздниковъ. Послѣ маленькаго изображенія Евсевія и Карпіана выходная миниатюра изображаетъ Славу Господню: Христосъ, возсѣдающій на радугѣ, окруженъ Херувимами съ ликами: львинымъ, тельчьимъ и пр. и эмблемами Евангелистовъ, держащими Евангелія, а по угламъ самими четырьмя Евангелистами; далѣе Давидъ и Исаія, Петръ и Павелъ, Іоаннъ Богословъ и императоръ Константинъ. Вторая миниатюра рисуеъ намъ Рождество и Воздвиженіе Креста съ Константиномъ и Еленю. Къ каждому Евангелію въ заставкѣ главное его событіе: къ Матеею путешествіе въ Назаретъ; Марку — Креститель, крестящій народъ въ купели; Луку — Рожденіе Предтечи: поздравители съ дарами, Захарія пишетъ на таблѣткѣ; Іоанну — Сошествіе во адъ. Три листа многоличныхъ миниатюръ изображаютъ: чудо въ Канѣ: Христосъ уже возлежитъ здѣсь съ Петромъ; спасеніе Петра: по тексту — онъ раздѣтъ и въ одномъ препоясаніи; Умовеніе могъ и Снятіе со креста полны тѣхъ художественныхъ мотивовъ, которыми воспользовался Дуччіо.

Еван. Парж.
Нац. Библ.

Замѣчательная рукопись Ватик. Библ., отд. Urb. 2, на-Ват. Urb. 2. писанная въ 1128 г. съ почитательными стихами въ честь Іоанна (а не Алексѣя) Комнена филометора, порфиророднаго автократора земли Авзоновъ, предлагаетъ подобную же иллюстрацію²⁾, но со внесеніемъ уже новыхъ элементовъ и формъ декоративнаго направленія искусства при Комненахъ. Такъ въ выходной миниатюрѣ Христосъ, окруженный «милосердіемъ и правосудіемъ» — заступницами за императора, вѣнчаетъ Іоанна Комнена и Алексѣя (+1118), стоящихъ съ лабарумами и на по-

¹⁾ Какъ образецъ византійскаго искусства, описана у Розини въ его Storia della pittura Italiana 1839—47, t. I p. 49 съ рис. выходной миниатюры.

²⁾ Почти всѣ главныя миниатюры изданы Даженкурромъ pl. Peint. 59.

душкахъ. Тѣже праздники Господніе въ Евангеліяхъ: въ Крещеніи виденъ народъ и гетимасія вверху; сцена Рождества Предтечи обставлена сложно и пышно. Натурализмъ проявился въ мертвенныхъ лицахъ Комненовъ съ длинными загнутыми носами, высоко поднятыми бровями и тонко прорѣзанными сухими губами фанатическаго восточнаго типа. Другое Евангеліе той же бібліотеки, отдѣла Palat. № 189, въ 32-го д. л., очень близко по изображенію праздниковъ въ Урбинскому кодексу. Шестъ праздниковъ въ большомъ размѣрѣ содержитъ въ себѣ Аеонское Евангеліе за № 57 въ фотографической коллекціи Севастьянова.

Ват. Palat. 189.

Аеон. Еван. 57.

Черезъ весь XII вѣкъ проходитъ этотъ типъ лицеваго Евангелія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряется жизнь и красота въ его изображеніяхъ. Въ Ватиканской Библіотекѣ нѣсколько рукописей: № 1158 (рѣк. папы Иннокентія III), блестящая золотомъ и красками, по тонкости живописи, напоминаетъ нѣмецкихъ мастеровъ XIV стол.; всѣ Евангелисты, даже Маркъ, сѣды. Въ № 1522 фигуры отличаются длинными бородами. Много кодексовъ въ Брит. Музеѣ, въ отд. Вигн. 19, въ четв.: при хорошей техникѣ, рѣзкость и черствость фигуръ, краснокоричневое тѣло, лицо изрытое морщинами и худоба тѣла. Мало по малу и самая техника слабѣетъ: фигуры становятся уродливы, бѣлые блики, подобно мылу, покрываютъ одежду; мучительно мелкая штриховка въ одномъ направленіи, насущенное выраженіе, монашеская обстановка; золото становится красноватымъ, краски мутны и грязны, моделировка ограничивается наложеніемъ оливковыхъ тѣней; голубую краску начинаетъ смѣнять зеленая. Токовы рукописи Британскаго Музея за №№ 4949, 26103, 22740, Вигн. 20 (1285 г.); въ Лаврентіанской Библ. Plut. VI, cod. 7 и 14, послѣдній съ особенно уродливою драпировкою — закругленныхъ зигзагами и защищенныхъ складокъ; въ Библ. Общины (Коммунал.) въ Сіенѣ Евангеліе XII в. (извѣстное переплетомъ съ отличными византійскими финифтяными изображеніями на зотыхъ цатахъ¹⁾), замѣчательное тѣмъ, что заглавные буквы при-

Еван. Ват. 6.
№№ 1158,
1522.

Еван. Брит.
Муз. Вигн. 19.

Еван. Брит.
Муз. 4949,
26103, 22740
Вигн. 20.

Еван. Лавр.
6. Plut. VI,
7, 14.

Еван. Сіенн.
Комму. библ.

¹⁾ Изд. въ рис. Лабартонъ I. с. pl. 101.

няты какъ орнаментъ на зданіяхъ, фонтанѣ и представляютъ разнообразныя фигурныя формы: руки, вазы и пр. Въ Падуѣ, въ соборной ризницѣ хранится Евангеліе греч. священника Исидора отъ 1170 г., съ звѣринными буквами, уродливыми ломаными фигурами и дурными бѣлесоватыми красками. На Аеоиѣ рукописи подъ №№ 2, 25, 31 и др. Въ Имп. Публичной Библиотекѣ номера: 67 (отнесенное въ каталогъ въ XI в., но позднѣе по миниатюрамъ) съ изображеніемъ креста и двухъ агнцевъ по его сторонамъ; 98 отличается уже значительнымъ упадкомъ всей техники рисунка; 105 (въ типѣ Новаго Завѣта Палермской библ.) со многими миниатюрами; 101—съ Аеоиа изъ м-ря Св. Аванасія, рѣжущее глаза дисгармоніею бликовъ и тѣней, и № 72 (1062 г.), отличающійся оливковымъ тѣломъ и деревянностью складокъ.

Еван. Падуан.
Собора.

Аеои. Ев. №
2, 25, 31.

Еван. Имп.
Публ. Библи.
№ 67, 68, 72,
98, 101, 105.

Въ XIII столѣтіи это паденіе техники усиливается настолько, что забывается самая гамма византійскихъ красокъ и вмѣсто голубой, розовой и свѣтло зеленой а также пурпурной является темнозеленая, алая или кирпичнокрасная; въ деталяхъ грубая пестрота, всѣ одежды и даже утварь усыпаны жемчугомъ. Эмблемы Евангелистовъ, перешедшія въ византійскую иконографію (или возобновленные въ ней) отъ соприкосновенія съ западнымъ искусствомъ, становятся обычнымъ дополненіемъ сцены; напр. въ Пар. кодексѣ № 51 надой Іоанна утверждень на орлѣ, въ № 95 той же библиотеки орелъ несетъ ему Евангеліе съ небесъ; въ первой рукописи также изображенъ Св. Духъ, глаголющій Марку въ видѣ голубя у его уха. Въ то время, какъ Евангеліе 1263 года за № 11 той же библиотеки еще сохраняетъ по крайней мѣрѣ раскраску прежняго времени, рукописи Евангелій XIII вѣка въ Ватиканской Библиотекѣ за № 1155 и 1159 имѣютъ уже краски мутныя, контуры толстыя, наведенныя черною краскою и не скрытыя, фонъ или желтый; или темнозеленый; задумавшійся Матеей крутить свой усъ.

Еван. Пар. б.
№ 51, 95, 117.

Еван. Ват.
№ 1155, 1159.

Этого послѣдняго разряда Лицевыхъ Евангелій особенно много въ Италіи, притомъ Южной (библиотеки Монтекассинскаго монастыря, другихъ Василіанскихъ монастырей, Мессины, Палермо,

Бапуи и пр.), гдѣ они остались, какъ памятники тѣсныхъ связей страны съ Византією. Изъ этихъ кодексовъ, однако, разбѣянныхъ по монастырямъ и церквамъ немногіе доступны иностраннымъ изслѣдователямъ, но и немногіе заслуживаютъ вниманія, такъ какъ повторяютъ въ слабой манерѣ одни и тѣже мотивы. Нѣсколько находится въ Римѣ: въ библіотекѣ Барберини (между другими №№ 184; IV, 31—кодексъ, относясь къ 1153 году, служить образчикомъ паденія, нестротою красокъ, коричневыми тонами тѣла и невозможными складками), Валличелланской (два кодекса, лучше № F. 17), Киджи (Chigi). Въ Национальномъ Музеѣ Палермо сохраняется греч. кодексъ Новаго Завѣта XIII вѣка мелкаго письма, со многими миниатюрами, по преданію, принадлежавшій Констанціи, матери Имп. Фридриха II, которая какъ мать этого «антихриста», по гвельфскому преданію, родила его монахиней; кромѣ иллюстрацій Евангелія подобныя же и къ Посланіямъ; передъ Дѣянїями Лука, на тронѣ пишущій, и слуга ожидающій, чтобы отнести рукопись Теофилу. Какъ этотъ кодексъ кромѣ Новаго Завѣта, содержитъ въ себѣ и Псалмы (см. выше), такъ и рукопись Синодальной Библи. за № 382—407 въ 12-ю долю, содержитъ въ себѣ сходную иллюстрацію: къ изображеніямъ Евангелистовъ прибавлены ихъ эмблемы, окрыленныя въ медальонахъ; въ Посланіямъ Ап. Іаковъ пишущій съ любовнымъ типѣ Еврея; — Ап. Петръ на большомъ престолѣ, лицомъ къ зрителю и др.,—все это въ сравнительно хорошемъ исполненіи а фигуры къ Псалмамъ не лишены и художественности (Аввакумъ).

Замѣчательные отрывки Дѣянїй и Посланїй, быть можетъ, даже XI в., сохранены въ видѣ вставочныхъ выходныхъ листовъ въ латинскомъ Евангелїи Британскаго Музея за № Harl. 7551, съ монументальными рисунками: Павла, врачаго типа, и Іоанна истолкователя.

Наконецъ, эта иллюстрація Лицевыхъ Евангелїй перешла на другія богослужебныя и духовныя книги, напр. Пророчества, соч. Отцовъ Церкви. Между первыми извѣстны три рукописи Пророчествъ съ миниатюрами: лучшая изъ нихъ въ Лаврентіанской Флор. библи-

Еван. Барберини. б. № 184, IV. 31.

Еван. Валличелланск. б. F. 17.
Еван. Нац. Муз. въ Палермо.

Нов. Завѣта Синод. б. № 382.

Рип. Посланїй Брит. Муз. Harl. 7551.

отекъ XI вѣка, содержа въ себѣ Толкованія (catena) на Пророковъ: Исаію, Іеремію и пр. Plut. V, код. 9-й, есть одна изъ прекраснѣйшихъ лицевыхъ рукописей, но сохранила только одну миниатюру: среди золотого поля, Іеремія указываетъ въ голубомъ кругѣ неба Христа. Монументальная фигура Пророка, стоящаго передъ зрителемъ, лицомъ же обернувшись къ Христу, — замѣчательное созданіе византійскаго искусства: движеніе головы и плечъ измѣнило и оживило позу и драпировку; суровыя, худыя черты лица Пророка, глубокія морщины, сухой овалъ и волнистыя волосы съ просѣдью возведены въ художественный типъ. Но всего выше моделировка, которая тонкостью и разнообразіемъ переходовъ въ краскахъ и тѣняхъ даетъ положительные признаки свѣтотѣни ¹⁾). Далекое слабѣе рукопись пророчествъ Исаіи Vat. библи. за № 755 въ листъ, о которой мы уже говорили, IX или вѣрнѣе X вѣка, съ тремя миниатюрами, изъ которыхъ одна изображаетъ Пророка, изрекающаго велѣнія Духа, котораго Десница видна въ небѣ; кругомъ медальоны съ изображеніемъ Свв Кирилла, Θεодорита и др.; вторая — бдѣніе Исаіи ночью, а третья мученическую его кончину отъ пилы. Эти раннія рукописи послужили образцами для позднѣйшихъ, изъ которыхъ мы владѣемъ характерною копіею въ Библиотекѣ Киджи въ Римѣ: Толкованіе на Пророковъ XII или даже XIII вѣка ²⁾), въ листъ: большая рукопись въ 500 л., за № 54 въ отд. R. VIII, изображаетъ намъ Пророковъ въ монументальныхъ же фигурахъ (28 сантим.), лицомъ къ зрителю и благословляющихъ. Типы содержатъ въ себѣ еще хорошіе мотивы; Іониль, Амось еще молоды, хотя съ бородкою; напротивъ, Іона съдъ и плѣшивъ; Аввакумъ молодой, тоже Софонія; Аггей уже сурово серьезенъ, а Исаія въ типѣ Іоанна Крестителя. Техника пала совсѣмъ, контуры грубы и толсты, краски мутно-грязны, и гиматіи — или олива, или вохра.

Пророч. Иср.
б. Plut. V,
cod. 9.

Пророч. Vat.
б. № 755.

Пророч. б
Биджи R.
VIII 54

¹⁾ Контуръ фигуры въ рис. каталога Бандини, т. I, табл. 2.

²⁾ Въ оглавленіи названъ владѣлецъ рип.: Іоаннъ Матвій Габертъ, эки. Уроны.

Наконецъ та же монументальная иллюстрація Евангелій въ XI и XII вѣкахъ была перенесена и на духовныя сочиненія Отцовъ церкви. Изъ нихъ слова Іоанна Златоуста, какъ пользовавшіяся въ эту эпоху особеннымъ почитаніемъ¹⁾, представляются намъ въ четырехъ кодексахъ, изъ которыхъ одинъ въ Париж. Библ. Coisl. 79 въ л., писанный для имп. Никифора Вотаниата въ 1080 году, древнѣйшій и украшенъ болѣе остальныхъ. Четыре большія парадныя миниатюры прекрасной работы, но со всеми поздними чертами неправильнаго рисунка, съ тяжелыми расшитыми одеждами, такъ что сидящая фигура, если она должна быть изображена лицомъ къ зрителю (а не въ профиль, какъ Евангелисты) кажется стоящею съ согнутыми колѣнами: вездѣ жемчугъ, вездѣ пестрый орнаментъ и арабески, пожалуй, дѣйствительно приближающіяся къ восточнымъ образцамъ. Миниатюры изображаютъ самого Императора²⁾ въ влѣтчатомъ таларѣ и хламидѣ, по сторонамъ его Правосудіе и Истина одѣты въ хитоны съ короткими рукавами; ниже вельможи; далѣе императоръ принимаетъ книгу отъ Златоуста, а справа Архангелъ Михаилъ въ иконописномъ одѣяніи императоровъ и красныхъ башмакахъ; императоръ и монахъ Савва за наосемъ и Христосъ. вѣнчающій императора и императрицу.

Код. I. Златоуста Пар. б. Coisl. 79.

Гоммаин I. Злат. Пар. б. Coisl. 66.

Другая рукопись 45 Гомилій Златоуста (на Ев. Маттея) XI вѣка, въ той же библ. Coisl. 66 кромѣ множества разнообразныхъ заставокъ изображаетъ самого Златоуста въ томъ сухомъ и виѣствѣ страстномъ типѣ изможденнаго низкорослаго человѣка, съ маленькими пронизательными глазами, большимъ лбомъ и рѣдкою бородкой, который, начиная съ византійскихъ мозаикъ (Палатинская капелла въ Палермо) и мелкихъ изображеній въ эмаляхъ, миниатюрахъ и пр., также точно описанъ въ подлинникѣ

¹⁾ Перенесеніе при Константинѣ Порфир. его мощей, см. Rambaud L'empire grec au X-e S., p. 113.

²⁾ См. подробное описаніе въ соч. Labarte Hist. d. arts ind. t. III. Монеоконъ Bibl. Coisl. стр. 136 о чиновникахъ. Ваагенъ, Kunstw. in Paris. стр. 227.

Эльпія (Ушпія) Ромейя XII в. ¹⁾). Такая же мініатюра въ спискѣ XII в. въ Марціанѣ Сл. II, cod. 27 передъ 25-ю гомилією, но костюмъ представляетъ голубую ризу съ кружками и крестчатый паллій, и рукописи Синод. Библи. за № 41 XII или XIII вѣка, гдѣ изображены также Христосъ во славіи и Евангелисты.

И. Загауос.
Marc. cl. II.
cod. 27.

Код. I. Заг.
Син. б. № 41.

Замѣтимъ, наконецъ, что къ этому же отдѣлу парадныхъ иллюстрацій относятся и прословутыя мініатюры, украшающія оба кодекса Догматической Панопли, сочиненія Евеміа Загабена, написаннаго по повелѣнію Алексѣя Комнена: Ват. № 666 и Синод. Библи. № 387; эти мініатюры, изображающіе шествіе Святителей на защиту православія и Алексѣя передъ Христомъ, тождественны въ обѣихъ рукописяхъ и не прибавляютъ ничего къ нашимъ свѣдѣніямъ о художествахъ въ эпоху Комненовъ ²⁾).

Панопа. Ват.
б. № 666 и
Синод. б. 387.

Внѣ религіозной живописи духовныхъ книгъ существовали также въ Византіи и мініатюры въ сочиненіяхъ научныхъ или учебныхъ: изъ нихъ рукопись Хирургіи т. наз. Гиппократа XI вѣка въ Лаврент. Библи. Plut. 74, код. 7 ³⁾ особенно богата крупными мініатюрами, въ которыхъ для насъ интересны развѣ только фигурныя арки портиковъ, да уродованіе челоуѣческаго тѣла живописцемъ; рукопись Пар. Библи. сочиненій Гиппократа за № 2144 относится къ 1345 году.

Хирург. Гипп.
Лавр. б. Plut.
74. 7.

V.

Анализъ памятниковъ византійскаго искусства въ періодъ его вторичнаго процвѣтанія достаточно показалъ намъ, что это процвѣтаніе было кратковременно, обязано своимъ существованіемъ исключительно общему государственному процвѣтанію Византіи и

¹⁾ См. текстъ и переводъ, изд. Арх. Порфирія въ Трудахъ Киев. Дух. Акад. за 1867 г. и указатель Моск. Синод. Библи. арх. Саввы.

²⁾ У Дажениура, Peinture, pl. 58. Въ Христ. Древн. г. Прохорова. 1863 г.

³⁾ Подробно о рукописи въ каталогѣ Бандини, т. 3, стр. 55. Рис. въ изд. Дажениура, l. c. pl. 48.

потому, какъ явленіе внѣшнее, не поддержанное въ своемъ развитіи причинами внутренними, не могло пустить глубоко корней. Художество, вызванное къ жизни политическими обстоятельствами, не было способно къ самостоятельности и не успѣло этого достигнуть, какъ уже перемѣна этихъ обстоятельствъ повлекла его къ паденію. Цивилизація, вѣками стянутая къ великому городу, падала вмѣстѣ съ нимъ и не находила себѣ пріюта въ истощенныхъ, впавшихъ въ дикость провинціяхъ. Искусство, служившее непосредственно церкви, или даже бывшее одною изъ мелкихъ функций ея, вмѣстѣ съ потрясеніемъ ея внѣшняго положенія, бѣднѣло и мельчало какъ въ задачахъ своихъ, такъ и производствахъ, и теряло разомъ прежній блескъ, который становился немислимымъ въ періодъ бѣдствій. Эти и имъ подобные удары, наносимые византійской культурѣ и ея искусству, начались уже съ неурядиць XII вѣка и превратились въ истинныя бѣдствія со времени завоеванія Византіи крестоносцами (1204 — 1261): пожары, разграбленія, поборы раззорили Имперію; орды варваровъ грабили городъ, монастыри, дворцы и даже Св. Софію, а феодалыне властители вытягивали послѣдніе соки въ народѣ: отъ 14 городовъ Бипра скоро осталось только четыре, и то въ родѣ деревень. Церкви и дворцы Генуи и Венеціи украсились матеріалами и плитами, проданными Генуезцамъ отъ новыхъ владѣльцевъ дворцовъ Византіи, какъ описываетъ лѣтописецъ. Среди неурядиць и бѣдъ духъ народный одичалъ, и та образованность, которою кичились Греки противъ варваровъ Европы, уменьшилась, не поведши, однако, къ уменьшенію женоподобной изнѣженности, расточительности, подкупности и продажности злаго и развращеннаго общества, всего того зла, которое скопилось въ немъ и дало ему прозвище въ устахъ своего же патріота «народа, потерявшаго смыслъ»¹⁾. Этотъ народъ, воспитанный на античныхъ преданіяхъ и формахъ, столь способный къ политиче-

¹⁾ См. характеристику византійскаго общества по Никитѣ Акоминату въ соч. г. О. Успенскаго: Византійскій писатель Никита А. изъ Хонъ. Пет. 1874 г., гл. III стр. 43—103.

ской жизни, поклонникъ красоты, потомокъ и наслѣдникъ римлянъ, именемъ которыхъ онъ дорожилъ, жилъ идею тѣсной связи съ культурою древняго міра и, понятно, терялъ свою идею, когда его отрывали отъ почвы, когда столицу греческой Имперіи переносили изъ Константинополя въ Никю и Трапезундъ. Имперія, возстановленная въ Цареградѣ Михаиломъ Палеологомъ, въ новомъ устройствѣ своемъ уже не вполне сохранила свой прежній античный характеръ ¹⁾, а поколѣніе людей, встрѣчавшихъ эту Имперію, отрѣзано было отъ прежней полувѣковымъ хозяйничаніемъ генуезскихъ, венеціанскихъ, фламандскихъ, французскихъ и иныхъ феодальныхъ авантюристовъ, разорвавшихъ Имперію на мелкіе куски. Паденіе столицы, говоритъ Финлей ²⁾ вносило тревогу во всѣ провинціи, такъ какъ національное существованіе было тѣсно связано съ центральнымъ правительствомъ, а новое чужое правленіе представлялось безначаліемъ, тѣмъ болѣе безнадежнымъ, что вымершій гражданскій духъ націи не позволялъ надѣяться на общественную инициативу, а муниципальныя учрежденія въ провинціяхъ настолько утратили политическую жизнь, что подчинялись всякому захвату центральной власти, какъ прежде дворцовымъ переворотамъ. Тѣмъ менѣе, понятно, желало это общество какихъ либо новыхъ, хоть бы и настоятельно необходимыхъ перемѣнъ въ своемъ положеніи, когда внѣшнее устройство Имперіи было возстановлено, и, исторія ея, казалось, приняла вновь свой монотонный типъ, чтобы удерживать его въ теченіи двухъ столѣтій. Но въ то же время этотъ типъ далеко отошелъ отъ своего древняго образца еще въ эпоху Македонской династіи: мудрая начала распредѣленія властей въ римской Имперіи болѣе не имѣли мѣста, произволъ исполнительной власти давно ограничилъ тотъ кругъ, изъ котораго выходили люди администраціи и лишили ее силы интеллекта,

¹⁾ Соч. Медовикова, Латинскіе императоры въ Константинополѣ М. 1819, стр. VII и др. Labarte, l. c. I p. 90—6.

²⁾ History of the Byz. and Greek Empires from 716 to 1453, vol. II p. 349 кн. 4-я.

науки и опыта; господство привилегій, политическое невѣжество, объѣднѣніе идей, упадокъ промышленности и застой въ народной жизни отвѣчали дикому безправію въ управленіи; народъ не искалъ уже въ центральной власти удовлетворенія своихъ нуждъ, и провинціи только внѣшнимъ образомъ держались имперіи. Соединеніе и сліянiе власти церковной съ политической было всегда самымъ болѣзненнымъ пунктомъ, подымавшимъ безконечную и бесплодную тревогу; эта сфера теперь притянула къ себѣ всѣ дурныя страсти и въ эпоху деспотической, разнузданной династіи Палеологовъ церковь стала средоточіемъ политической оппозиціи. Когда исчезъ литературный вкусъ, политическая жизнь, умерло также патріотическое чувство и гражданская свобода; жизнь и мысль общества ушли въ церковныя дѣла, ту арену, гдѣ общественное недовольство должно было проявляться или въ формѣ православнаго абсолютизма или же въ ересяхъ и расколахъ; церковная обрядность и догматика стали, къ сожалѣнію, исключительною областью выраженія народной воли и недовольства. Достаточно прослѣдить исторію патріарха Аенасія и борьбы приверженцевъ Іосифа и Арсенія. Въ концѣ существованія Имперіи мы слышимъ о небывалыхъ униженіяхъ ея храбрыми дружинами на свободѣ хозяйничавшими въ сѣверныхъ частяхъ, какова: напр. великая дружина Каталанъ, о девятикратномъ посѣщеніи столицы чумою въ теченіи 100 лѣтъ, хладнокровныхъ и безнаказанныхъ злодѣйствахъ самихъ Императоровъ и явно присутствующемъ при умираіи больного политическаго организма.

Этотъ краткій очеркъ внутренняго состоянія Византіи въ эпоху ея разложенія съ 1204 по 1453 годъ самъ по себѣ даетъ указаніе того, чего можно ожидать отъ художественной жизни Имперіи. Искусство, предоставленное теперь самому себѣ, послѣ того, какъ оно обильно эксплуатировалось въ своихъ задачахъ и формахъ въ XI и XII вѣкахъ внѣшнею властью, по тому самому падало безвозвратно. Въ этомъ организмѣ, видимо, лишенномъ жизни уже издавна, не было собственнаго питанія, и его существованіе обуславливалось внѣшними мѣрами. Поэтому, въ собственномъ смыслѣ, въ эту эпоху искусство уже не существуетъ,

его историческая роль сыграна и переходит въ руки другихъ болѣе живыхъ силъ Запада. Какъ самая исторія политическая и бытовая представляетъ за это время поразительную дѣтопись бѣдствій, безправія и развращенности, такъ и исторія искусства считаетъ только тѣ ступени глубочайшаго паденія, которыми приближалось оно къ послѣднему своему разложенію. Ибо не насильственное прекращеніе политической жизни привело съ собою это разложеніе, но порочность самаго организма. Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти, кромѣ развѣ первобытныхъ издѣлій дикарей, болѣе грубости, варварскаго уродства формъ, какъ въ византійскомъ искусствѣ послѣдняго періода Имперіи, и эта грубость наступала послѣ вѣковаго обладанія самымъ утонченнымъ изяществомъ. Дѣтская мазня удовлетворяла теперь любителя живописи и наполняла такимъ множествомъ иллюстрацій извѣстныхъ рукописи, какого не находимъ въ теченіи всей исторіи миниатюры. Специально монашеское направленіе, задачи внѣшняго аскетически-обряднаго характера, грубый мистицизмъ, проявляющійся въ безсильномъ недовольствѣ жизнью и отреченій отъ нея, и связанный съ ходячими принципами восточнаго фатализма, суевѣрное воображеніе, настроенное астрологическими гаданіями и демонологіей¹⁾, составляютъ отнынѣ ту почву, на которой живетъ искусство. И, конечно, мы не найдемъ лучшаго выраженія этому направленію искусства, какъ популярныя иллюстраціи толкованій на книгу Іова или Житія Варлаама и Іосафа Царевича; но то же направленіе проникаетъ и въ оригиналы, данные эпохою предъидущей и на глазахъ нашихъ разлагаются ихъ мысль и формы. Техника теряетъ отъ каждаго опыта и ухудшается съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мастеровъ: мы присутствуемъ при самомъ процессѣ паденія, наблюдая, какъ мутнѣютъ краски, уродуется и сокращается въ контурахъ схематической рисункъ, какъ гамма свѣтлыхъ красокъ сжѣняется на болѣе и бо-

¹⁾ Кромѣ собственно магическихъ сочиненій, и въ духовной литературѣ замѣчается особый отдѣлъ сочиненій о дэмонахъ (Михаилъ Пселлъ ст.), голимія Ѳ. Абуханы о борьбѣ Христа съ демономъ и пр., хотя на почвѣ нравственной.

лѣ темныя, какъ исчезаетъ, наконецъ, самый типъ. Подобное быстрое паденіе всего лучше наблюдать тамъ, гдѣ одна внѣшняя сторона художества занимаетъ живописца, гдѣ ему нечего создавать, и гдѣ передъ нимъ готовы образцы — въ лицевыхъ Евангеліяхъ. Мы знаемъ нѣсколько подобныхъ рукописей отъ XIII и XIV вѣка, но еще многія держатся прежней манеры, и мы относили ихъ къ разряду подражательныхъ работъ XIII вѣка (см. выше); но есть между ними такія, которыя совершенно отрѣшились уже отъ традиціи. Въ Париж. библ. Евангеліе за № 118. XIV в. въ 16 д., представляетъ намъ полное господство красной краски, смѣнившей розовую; при этомъ фигуры низки, тѣло темнозеленаго и оливковаго цвѣта. Рукопись 1302 г. въ библ. Марціана св. I, cod. 20, писанная каллиграфомъ Θεодосіемъ¹⁾, знаетъ только красную, зеленую и желтую краски; вмѣсто золотого фона бѣлый натуральный; въ орнаментѣ видно вліяніе восточнаго вкуса и возвращеніе къ простѣйшей рѣзбѣ и плетенію. Въ Брит. Музеѣ рукопись Harl. 5731 представляетъ прямо орнаменту канонъ, исполненную красными чернилами, въ первобытномъ геометрическомъ рисункѣ; изображенія Евангелистовъ вполнѣ утратили византійскіе типы; всѣ они одного возраста и одинаковыхъ грубыхъ чертъ; даже Матѳей черноволосъ, а не сѣдъ. Въ Евангеліи Барберинской библ. за № 16 XIV вѣка грубаго вида Евангелисты держатъ большія заглавныя буквы, орнаментированныя плетеніемъ, котораго концы представлены въ видѣ змѣиныхъ, звѣриныхъ и птичьихъ головъ и пр., раскрашенныхъ красною краскою. Наконецъ, нѣсколько лицевыхъ Евангелій Аѳона (въ собраніи Севастьянова №№ 24, 23, 62 и др.) показываютъ намъ весьма характерную утрату типовъ; мы видимъ здѣсь однообразныя, будто бы красивыя мелкія черты, маленькій тупой носъ и крошечныя губы, круглое лицо, большой до нельзя лобъ. словомъ, какъ разъ тотъ самый типъ, который былъ усвоенъ рус-

Еванг. Пар.
библ. № 118.

Еванг. Мар-
ціаны Св. I.
cod. 20.

Еванг. Брит.
Муз. Harl
5731.

Еванг. Пар
берин. библ.
№ 16.

Еванг. Аѳон.
и рей №№
23, 24, 62.

¹⁾ Любопытно, что каллиграфъ именуется себѣ Амартоломъ καὶ ἁγιογράφος.

свою иконописью съ XVI вѣка. Замѣчательно также, что, подчиняясь западному искусству, и согласно съ известными преданіями, Евангелисты изображаются такъ: за Матеемъ ангель, за Маркомъ Петръ, глядя въ книгу, за Лукою Павелъ, за Прохоромъ Іоаннъ.

Паденіе мысли и содержанія, фаталистическое преклоненіе передъ дѣйствительностью, самоотреченіе, уничтоженіе личности и воли, исканіе самозабвенія и гробоваго покоя вмѣстѣ съ аскетическимъ убѣжденіемъ въ ничтожествѣ и нищетѣ всего земнаго, вся эта отрицательная мораль вылилась въ миниатюрахъ, украсившихъ популярнѣйшую въ это время бѣдствій книгу Іова. Мы знаемъ шесть большихъ иллюстрированныхъ кодексовъ, — всѣ относящіеся къ XIII и XIV вѣкамъ, — а сколько ихъ еще находится въ монастырскихъ бібліотекахъ Востока! Эти миниатюры такъ грубы, что рѣдко возбуждали хищность разныхъ любителей къ тому или другому ихъ способу приобрѣтенія; кодексы мало разнообразны и разрисованы на скорую руку; это своего рода лубочныя издѣлія Востока, изготовлявшіяся во множествѣ на потребу благочестиваго люда.

Одинъ изъ лучшихъ и, слѣдовательно, болѣе раннихъ (XIII в.) кодексовъ книги Іова принадлежитъ Париж. библ. — Толкованія (Catena) за № 134; но только двѣ выходныя миниатюры сдѣланы гуашными красками, остальные водяными; вездѣ преобладаетъ цурикъ, особенно въ одеждахъ; точно также развѣ въ двухъ, трехъ миниатюрахъ можно найти какую либо художественную композицію. Типы отличаются приземистою фигурою, большою неуклюжею головою, самыми грубыми формами, а одежда только обозначена краскою и вполнѣ чужда драпировки. Изъ знакомыхъ намъ композицій встрѣчаемъ въ выходѣ книги вновь «Ветхаго денями», изображенія дня и ночи въ миндалевидномъ ореолѣ, окруженныя знаками зодіака и звѣздами и поднявшія небесный пологъ надъ головою; любимыя сцены бѣдствій Іова исполнены въ самой дѣтской манерѣ. Въ Ватик. библ. за № 1231, въ четв., со славою Саваоа, возсѣдающаго на Херувимахъ и т. д., въ ореолѣ съ тремя золотыми поясами; самъ Богъ огненнаго цвѣ-

Кн. Іова Пар.
Библ. № 134.

Код. Іова
Ват. библ.
№ 1231.

та. Любопытно, что дьяволъ является здѣсь также въ миндалевидномъ ореолѣ — но черномъ, и всегда изображается съдымъ. Послѣдняя часть книги, отчасти независимо отъ текста, наполнена самыми разнообразными, причудливо-фантастическими чудищами: треглавые драконы, кентавръ крылатый съ львинымъ тѣломъ (скимень); изображены здѣсь и бегемотъ, и левіаѳанъ, и онагръ; двѣ сирены съ киварами, змѣя, питающая грудью человѣка (гл. 20), и жена вдушая на львѣ, изъ головы ея дерево, она подпоясана голубымъ и одѣта въ красное, а въ рукахъ держитъ вѣтви — это земля. Припись называется писца Іоанна іерея въ Тарситѣ (?) на Кипрѣ при великомъ Дукѣ (Аѳинѣ) Львѣ Никеритѣ.

Код. ки. Го-
ва Пат. 6. №
701.

Еще разнообразнѣе буквенная иллюстрація образныхъ изреченій книги въ другомъ Ватик. кодексѣ за № 751 XV вѣка, гдѣ искусная рука скопировала грубый оригиналъ и представила чудищъ въ натуральномъ видѣ; кромѣ обычныхъ фигуръ земли, моря на чудищѣ, держащаго корабль, змѣи съ человѣческимъ туловищемъ и головою во фригійской шапкѣ—образа судьбы, всевозможныя изображенія ужасовъ тартара.

Толкованія
на ки. Го-
ва Пат. 6. №
135.

Несомнѣнно, писана на Востокѣ, можетъ быть, въ Палестинѣ, рукопись Толкованій Олимпіодора на Гова 1368 года въ Пар. Вибл. въ л. за № 135, со множествомъ самыхъ грубыхъ миниатюръ; по костюмамъ, фландрскимъ шапкамъ, сапогами съ острыми носками и пр., происходитъ не изъ собственной Византии. Рукопись Иверскаго монастыря на Аѳонѣ № 73 XIII вѣка, въ 12-ю д., съ небольшими виньетками въ текстѣ, замѣчательна сохраненіемъ по мѣстамъ античныхъ деталей, но большая часть миниатюръ, не подражающихъ раннему оригиналу, также въ видѣ дѣтской мази. Дьяволъ изображенъ, какъ античный титанъ, въ видѣ дракона отъ пояса ¹⁾. Эти же иллюстраціи перешли и въ

Рис. ки. Го-
ва Пат. 6. №
73.

¹⁾ Ст. проф. Буслаева въ Моск. Вѣд. за 1862 г. № 113.

²⁾ Морали на книгу Гова на лат. яз. въ Пар. Нац. библ. Sorbonne 167, нынѣ 18,675, XIII вѣка копируютъ также греческій образецъ.

другія столь популярныя духовныя сочиненія, какъ Апokalипсисъ и пр. ¹⁾).

Близки по содержанію къ книгѣ Гоа миниатюры, украшающія Париж. кодексъ Житія Варлаама и Гоасафа Царевича XIV в., за № 1128, со множествомъ виьетокъ. По стилю техникѣ эта рукопись значительно выше предъидущихъ; несмотря на толстыя очерки перомъ и темныя краски тѣла, желтыя лакъ, покрывающій небрежно рисунки, предпочтеніе красной зеленой краски, мѣдяно-красный цвѣтъ золота и другіе недостатки, еще держится византійскій стиль и миниатюрный жанръ. Сцены монашеской жизни, благочестивыхъ богоугодныхъ занятій, гоненія и преслѣдованія наполняютъ первую часть житія Варлаама. Въ жизни Гоасафа множество любопытныхъ бытовыхъ подробностей: астрологи въ чалмахъ и персидскихъ шапкахъ, составляющіе гороскопъ Царевича; торжественный поѣздъ Гоасафа, проказенные, представленныя со всѣмъ знаніемъ Востока. «Вѣхій деньми» или Слава Господня съ Арх. Михаиломъ позади уготованнаго престола—образомъ Премудрости (Св. Софія ¹⁾)—представляетъ выходную миниатюру въ изложеніи Священной Истории В. и Н. Завѣта. Вновь поучительныя сцены монашеской жизни въ горахъ и пещерахъ, притчи евангельскія, повѣсть о единорогѣ, преслѣдующемъ челоуѣка, и двухъ мышахъ — въ миниатюрахъ, сходныхъ съ изображеніемъ Лицевой Псалтыри. Многочисленныя сцены бесѣдованія, сфабрикованныя по одному образцу, гоненія, искушенія отъ дьявола, изображаемаго въ позднѣйшемъ уродливомъ видѣ и тому подобныя поучительныя сюжеты чрезвычайно бѣднаго склада и узкаго круга зора. Нѣтъ здѣсь ни символовъ, надъ которыми можно было задуматься, ни изящнаго рисунка и блестящихъ красокъ, которыми залюбоваться: все скудно, мрачно, все показываетъ убогость воображенія и мысли, которая, казалось тогда, и состо-

¹⁾ См. изслѣдованіе г. Филимонова въ Вѣстникѣ Общ. древнерус. я ва 1874, кн. 1 — 3.

леть истинное достоинство спасающагося отшельника. Глазъ мірянина не развлекается здѣсь даже цвѣточками и травками, которыя покрываютъ почву прекрасной матери пустыни въ аскетическихъ миниатюрахъ XII и XIII вѣка; грубый натурализмъ монаха каллиграфа удовлетворялся всѣмъ неизящнымъ, безобразнымъ, онъ не искалъ и бѣгалъ красоты. И эта есть главнѣйшая черта отличія этого старческаго отчужденія, свойственнаго умирающему искусству, отъ того живительнаго, свѣжаго реализма, которымъ начинается дѣятельность искусства нарождающагося.

Въ бібліотекѣ канцеляріи греческой церкви (S. Giorgio dei Greci) въ Венеціи мы встрѣтили также подобную иллюстрированную рукопись «Жизни Александра Македонскаго¹⁾ XIV в. въ л., харатійную, со множествомъ иллюстрацій, къ которымъ текстъ служить не болѣе, какъ этикетамъ и поясненіями. Общій характеръ этихъ малеваній, бьющихъ въ глаза повсемѣстнымъ цурикомъ, поражающихъ уродствомъ композицій, безхарактерностью одного типа, круглолицаго, съ русою бородкой и локонами, и дѣтскимъ ландшафтомъ зеленыхъ горъ, безъ растительности, — почти не отличается отъ нашихъ раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ. Но и эти рисунки походовъ имѣютъ для насъ интересъ въ томъ, что цѣликомъ перешли къ намъ и черезъ посредство «Александрій», появившихся съ XVII вѣка, наполнили разными дивовищами бѣдный этнографическій и художественный обиходъ русскаго народа²⁾; здѣсь есть волкодлаки, кинокефалы, сирены, кентавры, амазонки и пр. По спеціальной привязанности къ изображенію битвъ, хотя въ самомъ дѣтскомъ рисункѣ, сходятся съ этими рукописями иллюстрированныя хроники, изъ которыхъ болѣе всего подходитъ извѣстная Болгарская, писанная около 1350 г. въ Vat. библ. Слав. 2 (прежде 1-й номеръ). Начальныя мини-

Жизнь Алекс.
Макед. рип.
Канцел. греч.
и Св. Георгія
въ Венеціи.

¹⁾ Сочиненіе Псевдо-Каллисена, описано и издано въ текстѣ съ другаго кодекса Париж. Берже де Ксиврей въ Notices et extraits des manusc. de la Bibl. Nat. vol. XIII, p. 162 слѣд.

²⁾ См. рисунки и перечень этихъ дивовищъ изъ рукописи г. Забѣлина въ ст. проф. Буслева «Литература рус. иконоп. подлинниковъ» въ Историч. Очеркахъ т. 2. стр. 370 слѣд.

тюрн изъ Ветхаго Завѣта вспоминають византійскій образецъ; есть любопытные апокрифы; Марія Магдалина передъ Тиверіемъ и миниатюра, изображающая «крещеніе Русомъ»¹⁾: изъ научныхъ сочиненій выступаетъ Динамерось великій или собраніе рецептовъ Николая Миронса въ Пар. Нац. Библ. за № 2243²⁾, съ крас-
ножелтыми заставками въ видѣ рѣзныхъ арокъ, напоминающихъ русскую рѣзбу XVI вѣка и нѣсколькими виньетками, изображающими зодіакъ, Гелиоса и Селену съ простертыми руками, Благовѣщеніе и большую миниатюру, изображающую Славу Христа между Предтечею и Богородицею съ предстояніемъ Архангеловъ, а внизу большаго (οἶκτρος) со стеклянкою, хромага, разслабленнаго и лѣкаря около аптечнаго шкапа—т. е. изображеніе аптеки³⁾. Подобное же сочиненіе: *Кинегетика* Опіана въ Пар. Биб. за № 2736 относится уже въ XV вѣку и написана, вѣроятно, не въ Константинополѣ, а въ Италіи подъ явными вліяніями возрожденія классическихъ знаній, ибо среди различныхъ миеологическихъ сценъ (битва Амика и Полидевка, Персей, убивающій Горгону, Аталанта, Гарпіи въ гостяхъ у Финея, Сирены, Сатиры и пр.) видимъ даже изображеніе Антиохіи на Оронтѣ, Діониса съ пантерю, исторію Аэаманта и Нефелы, Медои и пр., т. е. такого рода сцены, которыя могли интересовать лишь новыхъ гуманистовъ. Выходная миниатюра—Опіанъ передъ Антониномъ—какъ будто взята изъ Амврозіанской⁴⁾ Иліады. Наконецъ, заканчивая краткое изложеніе этой повѣсти паденія и бѣдствій искусства въ послѣдніе дни существованія Имперіи, мы находимъ послѣ завоеванія Цареграда любопытную иллюстрацію извѣстныхъ Пророчествъ Имн. Льва Мудраго, которыхъ списки, быть можетъ

Динамерось
Пар. б. №
2243

Кинегетика
Пар. библ. №
2736.

¹⁾ Образцы миниатюръ въ изданіи Даженкура, *peinture*, pl. 63.

²⁾ Рукопись упомянута Унгеромъ, но ошибочно отнесена къ Vat. библ., см. E. u. Gruber, Th. 85, p. 29.

³⁾ Любопытно, что Ваагенъ въ указан. описаніи рукописей, стр. 231 принялъ эту миниатюру за изображеніе Страстнаго Суда.

⁴⁾ Рис. въ соч. Silvestre, *Paléographie universelle*. Другая же рукоп. *Кинегетика* писана въ Парижѣ, см. *Notice et extraits des mss. de la Bibl. Nat.*, vol. V, p. 630 sq № 2737.

Пророчества
Льва Мудра-
го Марціана
СІ. VII. 3.

Палерм. Нац.
6. 1, F. 8.

и теперь еще ходятъ въ Греціи. Изъ нихъ мы встрѣтили два списка, одинъ даже съ хорошими венеціанскими миниатюрами, въ библ. Св. Марка въ Венеціи кл. VII, вод. 3 и въ Націон. Библ. Палермо 1, F. 8; всѣ они иллюстрированы крупными миниатюрами поздне-византійскаго типа, изображающими пророческихъ животныхъ: единорога — султанъ Мехметъ, медвѣдицу — Семенъ и пр.; далѣе слѣдуютъ иллюстраціи содержанія стиховъ и самыхъ предметовъ: вѣнчаніе Императора, Сулеймана въ византійскомъ орнатѣ, смертнаго передъ гробомъ въ умиленной позѣ, а на гробу сидитъ юноша препоясанный (можетъ быть, самая смерть по переводу Космы Инд.), вѣроятно, наглядное изображеніе того, какъ нагимъ отыдетъ человекъ въ жизнь вѣчную» и т. п. Художественнаго или даже общедуховнаго значенія эти миниатюры не имѣютъ никакого и только формальнымъ образомъ заканчиваютъ исторію византійскихъ миниатюръ, которая по существу своему окончилась гораздо ранѣе.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 65-й. Непонятный сюжетъ торжественной встрѣчи неизвѣстную группу Христа Младенца, въ сопровожденіи Богородицы, Иосифа и 3 ангеловъ, доселѣ истолковываемый, какъ изображеніе 12-ти лѣтняго Христа въ храмѣ среди учителей, находитъ себѣ объясненіе въ одномъ мѣстѣ древняго апокрифическаго Евангелія о дѣтствѣ Спасителя и пребываніи его въ Египтѣ, издавнаго Thilo, Codex apocryphus Novi Testamenti, t. primus, Lipsiae 1832, 339 — 400. Это мѣсто послѣдней главы 24-й, стр. 400, описываетъ, какъ слухъ о паденіи идоловъ дошелъ до Афродизія, дука города Сотины (гл. 22, 23), гдѣ это паденіе произошло, и онъ явился въ храмъ и привѣтствовалъ Младенца и призналъ его Богомъ: *Tunc Afrodizio duci illius civitatis cum nuntiatum fuisset, cum universo exercitu suo venit ad templum et cum omnibus comitibus suis... Ille ingressus templum et videns omnia idola in faciem suam in terra jacere, accessit ad Mariam et adoravit infantem, quem ipsa in sinu suo portabat. Et cum adorasset eum, allocutus est universum exercitum suum et amicos suos dicens: Nisi hic deus esset, dii nostri coram eo in facies suas minime cecidissent, neque in ejus conspectu prostrati jacerent: dominum suum esse taciti protestantur.* Понятенъ, затѣмъ, и интересъ эпохи, еще борющейся съ язычествомъ, къ этому сюжету, и то обстоятельство, что Христосъ изображенъ здѣсь уже ребенкомъ: извѣстно, что апокрифы описываютъ множество чудесъ, имѣ совершенныхъ въ Египтѣ, при которыхъ ребенокъ часто говоритъ; между тѣмъ на этой же аркѣ Христосъ изображенъ взрослымъ ребенкомъ въ сценѣ Благовѣщенія. Что наша сцена изображаетъ встрѣчу на дорогѣ, что налѣво, за группою въ сторонѣ представленъ городъ Египетъ съ падающими идолами и пр., остается яснымъ само по себѣ, но для окончательнаго утвержденія требуетъ изданія мозаики въ рисунокѣ.

ИКОНОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Ветхій Завѣтъ** (вообще) стр. 42—50, 91, 110, 118, 119, 132, 155, 194—5.
- Твореніе и жизнь первыхъ чело­вѣковъ въ раю:** стр. 155, 188, 193—196, 199.
- Грѣхопаденіе:** стр. 42, 155, 174, 188, 224.
- Изгнаніе изъ рая и жизнь:** 43, 189, 195—6, 224.
- Потопъ:** стр. 43, 182, 189.
- Завѣтъ Бога съ Ноемъ и его жизнь:** 44, 93, 189, 195—6.
- Жертвоприношеніе Исаака и жизнь Авраама:** 93—4, 119, 178, 190—1.
- Мельхиседекъ:** стр. 44, 85, 89, 93, 124, 190—1.
- Гостепріимство Авраамово:** стр. 85, 190, 195.
- Исторія Іакова:** стр. 46—7, 54, 178, 191, 224.
- Исторія Іосифа:** стр. 47—9, 109, 119, 174, 187, 191.
- Исторія Моисея:** стр. 120, 123, 127, 150 — 1, 158, 162 — 3, 165—6, 179, 182, 191.
- Чудо кувшины:** стр. 94, 151, 158 —9, 163, 179, 225.
- Переходъ черезъ Черное мо­ре:** стр. 150, 155, 163, 166, 179, 192.
- Исторія Іисуса Навина:** стр. 57, 81, 158, 163, 179, 192 — 3, 211.
- Исторія Давида:** стр. 95, 111, 117—8, 120, 129, 130, 147—9, 159, 161, 163—7, 176, 178.
- Жизнь Іова:** стр. 100, 109, 110, 161, 174.
- Іудея:** стр. 160, 163.
- Патріархи:** стр. 90—4, 117, 125, 130, 127, 188—9, 238.
- Пророки (вообще):** стр. 81, 95—6, 109, 110, 144, 210.
- Соломонъ:** стр. 95, 110, 144.
- Илія:** стр. 95, 160, 171, 179.
- Исаія:** стр. 96, 99, 151, 155, 174, 183, 222, 257.
- Іеремія:** стр. 96, 155, 257.
- Іезекіиль:** стр. 96, 183.
- Даніиль:** 97, 109, 183.
- Осія:** стр. 96, 210.
- Іоиль:** стр. 96, 210, 257.
- Амосъ:** стр. 96, 257.
- Авдій:** стр. 96.
- Іона:** стр. 81, 95, 151, 172, 210, 257.
- Михей:** стр. 96, 110, 210.
- Наумъ:** стр. 96.

Аввакумъ: стр. 96, 210, 257.
 Софонія: стр. 96, 257.
 Аггей: стр. 96, 257.
 Захарія: стр. 81, 96.
 Малахія: стр. 210, 212.
 Самуилъ: стр. 123, 127, 238.
 Гедeonъ: стр. 182.
 Ананія: стр. 210.
 Сирахъ: стр. 110.
 Новый Заветъ: вообще: стр. 75—
 82, 85, 91, 110, 118, 120, 130,
 155, 210.
 Протоeвангеліе: стр. 81, 97,
 222—6, 250.
 Благовѣщеніе: стр. 64, 84, 124,
 172, 221, 227—9.
 Цѣлованіе Елисаветы: стр. 121,
 172, 228.
 Рождество: стр. 81, 199, 203,
 217, 229, 243.
 Поклоненіе волхвовъ: стр. 64,
 175, 238.
 Срѣтеніе: стр. 64, 172, 211.
 Избѣненіе младенцевъ: стр. 176.
 Бѣгство въ Египеть: стр. 211,
 217, 248.
 12-ти лѣтній Христосъ, учащій
 въ храмъ: стр. 65, 177, 217,
 271.
 Искушеніе отъ дьявола: стр. 177,
 263.
 Крещеніе: стр. 82, 121, 204,
 211, 247, 254.
 Умноженіе хлѣбовъ: стр. 80,
 177, 244.
 Бракъ въ Канъ: стр. 133, 253.
 Чудеса. Проповѣди І. Христа:
 стр. 74, 80, 81, 124, 176—7,
 179, 181, 243—4.

Христосъ въ домъ Симона:
 стр. 178.
 Воскресеніе Лазаря: стр. 121,
 178, 242.
 Преображеніе: стр. 133, 175.
 Входъ въ Іерусалимъ: стр.
 121, 178.
 Умовеніе ногъ: стр. 85, 132, 243.
 Тайная Вечеря: стр. 80, 133,
 239, 241, 246.
 Страсти Христовы: стр. 63, 75,
 79, 120, 140, 241, 243.
 Распятіе: стр. 77—8, 122, 173,
 202, 239.
 Положеніе во гробъ: стр. 173,
 243.
 Воскресеніе: стр. 75, 78—9,
 132, 180, 198, 202, 204, 242.
 Сoшествіе во адъ: стр. 132,
 202, 225.
 Вознесеніе: стр. 76, 202, 222,
 241.
 Христосъ возвѣщаетъ законъ,
 даетъ миръ или посылаетъ
 Апостоловъ на проповѣдь по
 Воскресенію: стр. 63, 133,
 171, 183, 241.
 Сoшествіе Св. Духа: стр. 75,
 82, 180, 199, 202—3, 241, 252.
 Страшный судъ: стр. 99, 130,
 239.
 Притчи (вообще): стр. 239, 244.
 > о Самарянинахъ: стр. 139,
 176.
 Притча о потерянной драхмѣ:
 стр. 139, 239.
 Притча о плевелахъ: стр. 244.
 > о Лазарѣ и богачѣ:
 стр. 177.

- Притча о единорогѣ и пр. стр. 124.
 Троица: стр. 43, 227—8, 239, 241, 244.
 Богъ-Отець: 42, 52, 109, 165, 179, 194, 238, 265, 267.
 I. Христось: стр. 63, 73—5, 76, 85, 96, 98—9, 110, 114, 119, 120, 129, 130, 132, 143, 170, 171, 190, 226, 243—4, 253, 258—9, 269.
 Духъ Св.: стр. 64, 149, 255.
 Богородица: стр. 64, 76, 82, 98, 114, 156—7, 160, 172, 218—9, 222.
 Ангелы и Архангелы: стр. 46, 47, 48, 52, 59, 77, 84, 126, 129, 144, 167, 171, 179, 190, 222, 226, 258.
 I. Креститель: стр. 82, 92, 98, 121, 144, 172, 211, 213.
 Апостолы: стр. 75, 77, 80, 82, 98, 121, 131—3, 173, 175, 183, 211, 241, 256.
 Петръ: стр. 77, 98, 123, 213, 221, 253, 256.
 Павелъ: стр. 77, 98, 101, 256.
 Евангелисты: (вообще) стр. 80—1, 98, 109, 132, 241, 244, 246, 248, 252, 254, 264—5
 Евангелисты:
 Матѣей: стр. 81, 249, 250, 264.
 Маркъ: стр. 80, 145, 249, 250, 251, 254, 255.
 Лука: стр. 80, 249, 256.
 Иоаннъ: стр. 81, 109, 249.
 Святые: стр. (вообще) 108—9, 113, 122, 127—9, 157, 173—4, 179, 181, 184, 202, 209, 210, 212—6, 258—9.
 Стефанъ: стр. 99, 106, 109.
 Лаврентій: стр. 65.
 Константинъ и Елена: стр. 112, 222, 253.
 Пелагія: стр. 180.
 Дмитрій: стр. 128, 167, 201.
 Георгій: стр. 128, 167.
 Кипріанъ, муч. Антіохіи: е. 181, 199, 202—3.
 Николай Чудотворецъ: стр. 112.
 Григорій Чудотворецъ: стр. 112.
 Василиій Великій: стр. 144, 172, 201.
 Иоаннъ Златоустъ: стр. 112, 144, 222, 258.
 Григорій Богословъ: 109, 121, 144, 174, 179, 184, 216, 222.
 Кесарій и Гергонія: стр. 172.
 Павелъ Оивейскій: стр. 128.
 Мамантъ: стр. 203.
 Симеонъ Столпникъ: стр. 203.
 Ѳеодоръ Страт.: стр. 167.
 Макарій: стр. 213.
 Ѳеодосій: стр. 213.
 Ермиль: стр. 213.
 Стратоникъ: 213.
 Арсеній Великій: стр. 215.
 Созонтъ: стр. 216.
 Онуфрій: стр. 128, 222.
 Діаволь: стр. 126, 147, 245, 266—7.
 Олицетворенія:
 земли и моря: стр. 125, 158, 239, 269.
 свѣтилъ: стр. 78, 99, 127, 112.
 горъ: стр. 58, 148, 151, 159, 1228.
 рѣкъ и источниковъ: стр. 46, 124, 127, 163, 196, 204, 223, 2

городовъ: стр. 31, 58, 211.
дня и ночи: стр. 127, 151, 166,
188—9, 265—6.
вѣтра: стр. 125, 201, 234, 239.
пустыни: стр. 150.
эхо: стр. 148, 166.
отвлеченныхъ понятій (добро-
дѣтелей, пороковъ и пр.): стр.
43, 69, 125 — 6, 130, 138,
148—9, 159, 164, 166, 232—5,
239, 253, 258, 266, 267.
церкви: стр. 63, 64, 77.
смерти: стр. 93, 189, 270.
Символы (вообще): стр. 79, 91,
123—4, 182—3, 200—1.
агнецъ: стр. 131.
рыба: стр. 178, 246.
двѣ рыбы: стр. 80.
фениксъ: стр. 29.
пальма: 63, 128, 248.
горлица и голубь: стр. 79.
павлинъ: стр. 68.
фонтанъ: стр. 79.
голубь: стр. 149, 226.
олень: стр. 125.

единорогъ: стр. 128—4, 267, 270.
орелъ: стр. 201.
вѣтры (четыре): стр. 193, 234.
гора Сионъ: стр. 123, 196, 243.
купина: стр. 94, 225.
руно Гедеона: стр. 182, 227.
крестъ процвѣтшій: стр. 171.
акакія: стр. 115, 235.
свитки: стр. 202.
гетимасія: стр. 180—1, 239, 254.
Символы Богородицы — Дѣвы:
стр. 94, 228—9.
Эмблемы Евангелистовъ: стр.
252, 255—6.
Аллегоріи: стр. 109, 110, 124—7,
243, 244, 246.
Крещенія: стр. 179.
Христосъ креститъ Іудеевъ: стр.
129.
Воскресенія: стр. 180.
Креста и Распятія: стр. 175, 182.
Мѣсяцевъ и временъ года: стр.
31, 189, 235.
Нимбы: стр. 75—7, 84, 151—3,
159, 165, 223.

ОТЧЕТЪ

доцента Н. Кондакова о его занятіяхъ за границей съ 1-го Марта
по 1-е Августа 1876 г.

Имѣю честь представить Ученому Комитету отчетъ о моихъ научныхъ занятіяхъ въ теченіи послѣднихъ пяти мѣсяцевъ моею ученой командировки за границу.

Изъ Рима я проѣхалъ въ Неаполь, откуда, осмотрѣвъ его замѣчательный Музей (Studii, б. Бурбонскій) и памятники, а также посѣтивъ окрестности (Помпею, Геркуланумъ, Пуццолли и пр.), ближайшіе города и остатки древнихъ поселеній (Салерно, Амальфи и пр.), переехалъ въ Сицилію, гдѣ и провѣлъ болѣе полутора мѣсяца, живя въ Палермо и оттуда дѣлая экскурсіи. На этой классической почвѣ мои занятія необходимо сосредоточивались на античномъ искусствѣ, притомъ, согласно съ моею давно разрабатываемою темою о терракоттахъ, на мелкихъ его издѣліяхъ въ различныхъ областяхъ дешеваго, ремесленнаго производства. Коллекціи Студій оказались особенно богаты этого рода остатками античной древности и искусства, а въ собраніи герракоттъ находятся образцы колоссальныхъ и большихъ статуй; но что касается мелкихъ статуэтокъ, добываемыхъ по преимуществу изъ гробницъ Южной Италіи и Сициліи, то какъ собранія неаполитанскія, такъ и сицилійскія оказались крайне бѣдны и неудовлетворительны, сравнительно съ коллекціями Парижа, Лондона и пр.; все, въ нихъ находящееся, представляетъ типы, опубликованные уже въ давнее время, и весьма мало новаго; очевидно, что на этотъ неказистый отдѣлъ въ Италіи еще мало обращаютъ вниманія.

Съ томъ же цѣлью общаго осмотра памятниковъ Италіи, я вернулся изъ Сициліи назадъ и черезъ Римъ проѣхалъ въ Умбрію для обозрѣнія на мѣстѣ ея школы живописи и началъ итальянскаго искусства въ Ассизи; въ церквахъ этого городка, особенно же въ извѣстной трехъ-поясной церкви Св. Франциска я ознакомился съ начальною исторіею итальянской живописи и убѣдился, что въ ея основаніе положено еще до Джіотто замѣчательное и цѣльное художественное движеніе, но въ отличіе отъ индивидуальнаго развитія искусства въ дѣятельности этого гениальнаго художника, — движеніе съ характеромъ типическимъ: въ дѣятельности Чимабуэ, Джіунты, Дуччіо мы должны видѣть не столько личныя ихъ свойства, сколько типы искусства въ мѣстностяхъ ихъ дѣятельности: Флоренціи, Сіены, Ассизи; видѣть съ тѣмъ различіе ихъ стилей существенно коренится въ различіи техники, а знаніе техническое передавалось въ XIII в. изъ двухъ источниковъ: искусства византійскаго, стоявшаго на значительной высотѣ, и вымиравшей римской школы, въ эту эпоху также начавшей пользоваться греческимъ знаніемъ. (дѣятельность рода Косматовъ, мозаики Каваллини, особенно изъ первыхъ). Въ противность мнѣнію господствующему у западныхъ историковъ, я полагаю, что византійская основа играетъ въ исторіи этихъ началъ первую роль, что извѣстное совершенство произведеній этой эпохи зависитъ отъ прямаго или посредственнаго знакомства съ византійскою живописью; фрески, приписываемыя Чимабуэ, и болѣе грубыя фрески Джіунты въ верхней ц. Франциска представляютъ усвоеніе византійскихъ композицій, но разную технику (Распятіе, Преображеніе, Благовѣщеніе, Успеніе, Страшный Судъ съ гетимасіей и пр.); то же должно сказать объ изображеніи Евангелистовъ Чимабуэ на сводѣ главнаго нефа этой церкви, прекрасно сохранившихся; дальнѣйшее развитіе этого византійскаго образца представляютъ евангельскіе сюжеты на стѣнахъ главнаго нефа въ работахъ школы предшествовавшей непосредственно Джіотто, а талантливую драматическую ихъ переработку мы видимъ въ нижней церкви въ южномъ поперечномъ нефѣ, какъ работу самого великаго мастера (между этими сценами напр. Рождество по сложному византійско-

му переводу на стихиру «Слава въ вышнихъ Богу» *Gloria in excelsis* удивляетъ Кавальказелла, который его почитаетъ за «Поклоненіе Пастырей», см. Crowe u. Cavalcaselle *Gesch. d. ital. Mal.* I p. 205). Но если въ настоящее время миниатюры, эмали, издѣлія на слоновой кости и пр. насъ убѣждаютъ въ томъ, что западное искусство началось съ воспринятія византійскихъ иконографическихъ типовъ и композицій, отказавшись, однако, отъ сложной техники византійскаго искусства, то прослѣдить это въ монументальномъ искусствѣ Запада еще предстоитъ въ будущемъ; надо надѣяться также, что современное пониманіе реставраціи (ц. Ассизи нынѣ реставрируется) будетъ способствовать сохраненію и обнаруженію этой стороны въ исторіи итальянской живописи, тѣмъ болѣе, что итальянскіе археологи никогда не были противниками теоріи византійскаго вліянія, какъ нѣмецкіе ученые, и даже принимали ее въ свои изслѣдованія, хотя съ ограниченіями въ пользу художественной самостоятельности Италіи.

Цѣлью моихъ специальныхъ занятій при этомъ осмотрѣ памятниковъ въ Италіи было изученіе византійскаго искусства въ двухъ областяхъ: мозаикахъ церквей и лицевыхъ греческихъ рукописяхъ.

Византійскія мозаики церквей Италіи, охватывая собою періодъ отъ X по XIII стол. включительно и притомъ на протяженіи всей Италіи отъ Венеціи и Триеста на С. до Сициліи на Ю., представляютъ самыя замѣчательныя памятники монументальнаго византійскаго искусства, которымъ подобныхъ нельзя найти ни въ предѣлахъ собственной Византіи (немногія позднѣйшія мозаики Афона, монастырей Ахаіи, Хиоса, Парнасса, Аѳинъ и пр.), ни въ странахъ, перенесшихъ къ себѣ византійское искусство, какъ Россіи, Грузіи и т. д. Достаточно упомянуть о колоссальномъ протяженіи мозаической декораціи собора въ Монреале близъ Палермо и ц. Св. Марка въ Венеціи, занимающей въ каждой церкви по нѣскольکو десятковъ тысячъ квадратныхъ футовъ и иллюстрирующей Ветхій и Новый Заветъ, чтобы исключить всякое сравненіе. Самая колоссальность этой декораціи вызывала на

вниманіе къ ней, и нѣтъ ни одного мѣстнаго описанія древностей этихъ городовъ, въ которомъ бы эти памятники не играли первой роли. Иное, напротивъ, положеніе и значеніе имѣютъ эти памятники въ наукѣ общей исторіи искусства; въ послѣднее время обширное сочиненіе Кавальказелли и Кроу объ итальянской живописи едва упоминаетъ эти мозаики въ описаніи началъ ея; въ изданіяхъ мѣстныхъ древностей онѣ цѣнились лишь съ исторической точки зрѣнія; лишь въ немногихъ важнѣйшихъ пунктахъ были попытки или только приступлено теперь къ обнародованію ихъ. Мозаики Св. Марка описаны подробно, но лишь по внѣшнему содержанію еще въ соч. *Мескинелло* 1753 г. въ 3 т., и предпринятое *Крейцемъ* изданіе ихъ въ рисункахъ остановилось на самомъ началѣ. Мозаики Триеста, Торчелло и пр. изданы и описаны отчасти въ сообщеніяхъ Австр. Центр. Коммиссіи. Погибшія уже отъ реставраціи мозаики собора въ Салерно публикуются теперь въ рассчитанномъ на большія цѣли изданіи Салазаро (*Studi sui monumenti della Italia meridionale dal IV al XIII s.*, около 10 вып.), но, за исключеніемъ нѣсколькихъ фотолитографій, всѣ рисунки этого изданія не имѣютъ никакого археологически-научнаго достоинства. Мозаики Сициліи описывались и издавались во всевозможныхъ рисункахъ много разъ, начиная съ частныхъ описаній церквей и соборовъ: знаменитый соборъ въ Монреале въ изданіи Герцога Серрадифалько, абб. Гравини въ двухъ томахъ съ хромофотографическою передачею всѣхъ мозаикъ 1859 г.; мозаики Палатинской капеллы, начиная съ изданій прошлаго столѣтія мѣстныхъ археологовъ: Рокко, Бушени, Гарофало и пр., въ общемъ соч. Марцо «объ изящныхъ искусствахъ въ Сициліи», и въ послѣднее время въ изданіи художника Терци и нѣсколькихъ археологовъ, при чемъ, однако жъ, въ пяти выпускахъ этого изданія мозаики занимаютъ самое послѣднее мѣсто; самые рисунки этого изданія нельзя считать удовлетворительными, потому что они исполняются безъ пособія фототрафій и передаютъ стиль мозаикъ лишь условно и не вполне.

Такъ какъ я надѣюсь представить въ печати со временемъ подробное описаніе всѣхъ византійскихъ мозаикъ Италіи, а имен-

но: собора Св. Юста въ Триестѣ, ц. Марка въ Венеціи, ц. на о. Торчелло и Мурано близъ Венеціи, мозаикъ въ флорентинскомъ баптистеріи, въ Луккѣ и нѣкоторыхъ церквей Рима: Св. Марка, Св. Петра въ Узахъ (моз., изображающая Св. Севастьяна) и пр., собора въ Салерно, капеллы Палатинской или дворцовой въ Палермо, Мартораны или Св. Маріи Адмиральной тамъ же, собора въ Монреале, собора въ Чефалу и пр., то я представлю здѣсь только тѣ общіе выводы, къ которымъ я пришелъ въ этомъ *первомъ* осмотрѣ византійскихъ мозаикъ:

1) Всѣ эти мозаики Италіи суть несомнѣнныя произведенія византійскаго искусства, или непосредственно — рукою мастеровъ, выписанныхъ изъ Византіи, какъ то было въ Сициліи, или какъ работы мѣстныхъ школъ и художниковъ, но образовавшихся исключительно по указаніямъ греческихъ мастеровъ и на византійскихъ оригиналахъ: таковы мозаики Марка. Но и въ первомъ случаѣ греческіе мастера были болѣе руководителями, нежели производителями, ибо для исполненія подобныхъ колоссальныхъ работъ, какъ мозаики Монреале, по вычисленію Герцога Серадифалько, потребовались бы сотни рабочихъ для окончанія ихъ въ три года — исторически извѣстный срокъ ихъ исполненія.

2) Эти мозаики, за немногими исключеніями, ограничиваются воспроизведеніемъ выработанныхъ и узаконенныхъ византійскихъ формъ и типовъ, а также композицій сюжетовъ евангельскихъ и библейскихъ, подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ и натуралистическому направленію поздне-византійскаго искусства. И такъ какъ этимъ направленіемъ, съ его полнымъ выраженіемъ въ миниатюрахъ рукописей, достаточно объясняется всякая переиhrна въ этихъ композиціяхъ, то всѣ предположенія западныхъ историковъ о реалистическомъ вліяніи Сѣвера на венеціанскую школу мозаистовъ совершенно излишни. Точно также не имѣетъ историческаго основанія и то мнѣніе итальянскихъ археологовъ, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ (изд. Салазаро развиваетъ повсюду это мнѣніе, изд. Терци и др.), что мозаики Южной Италіи представляютъ продуктъ дѣятельности неизвѣстныхъ южно-итальянскихъ школъ, явившихся съ XI в. подъ вліяніемъ Византіи и по наставленіямъ

ея мастеровъ. Специально же византийское происхожденіе, притомъ или прямое или косвенное, въ видѣ подражанія ученика, конировки греческаго образца, видно и въ мелкихъ художественныхъ издѣліяхъ Ю. Италіи этой эпохи: алтарномъ образѣ Св. Марка въ Венеціи (pala d'oro) изъ золота и эмали и образѣ же изъ слоновой кости Салернскаго собора (raliotto), въ бронзовыхъ дверяхъ Амальфи, Салерно, Монреале и пр., при чемъ даже всѣ типы и содержаніе изображеній на нихъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ мозаиками или тождественно съ рисунками миниатюръ XII — XIII в.

3) Эта общность византийскаго происхожденія мозаикъ разныхъ мѣстностей Италіи доказывается, главнымъ образомъ, *тождествомъ техническимъ*. Мозаическая техника ихъ видоизмѣняется лишь въ подробностяхъ и притомъ только подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій (напр. обиліе шифернаго мягкаго камня въ иной мѣстности и недостатокъ въ другой) и представляетъ слѣдующія формы: для принятія кубиковъ мозаики, приготовленный цементъ расцвѣчивается краскою (въ Сициліи красная), для того, чтобы просвѣчивающая масса получала въ цвѣтномъ цементѣ болѣе глубокой тонъ; эта подкладка важна особенно для золотыхъ фоновъ; иные изъ итальянскихъ и иностранныхъ археологовъ (Вушеми, Риола и Сабатье) полагали даже, что по этому цементу предварительно исполнялся самый рисунокъ мозаики фрескою, которому и слѣдовалъ послѣ мозаистъ. Кубики, наиболѣе употребительные, изготовлялись изъ сѣрватаго мягкаго шифера — для изображенія бѣлыхъ одеждъ, горъ, сѣдыхъ волосъ, лица, даже тѣла; при этомъ свѣта или оживки дѣлались изъ бѣлаго камня; затѣмъ въ большемъ ходу былъ камень свѣтло-оливковаго цвѣта, также коричневаго и бураго; и всѣ эти и др. сорта кубиковъ изъ камня, а мѣстами также мрамора (въ Римѣ) составляли *главный* матеріалъ мозаической техники, и, сравнительно съ нимъ, кубики изъ стеклянной цвѣтной массы или смальты занимали второстепенное мѣсто по количеству ихъ употребленія. Изъ темносерой смальты выкладывались контуры темныхъ одеждъ, а изъ голубой — бѣлыхъ и свѣтлыхъ; смальта красноватая употребля-

лась для контуровъ тѣла, чертъ лица; тѣни на бѣломъ изъ голубой смальты, а также зеленой—на тѣлѣ изъ оливковаго шифера; далѣе, желтоватымъ камнемъ штриховались оживки по коричневому полю хитоновъ, волосъ и пр., розовою же смальтою по золоту. При этомъ рѣзкость бѣлыхъ оживокъ, кружащихся среди темнаго фона, рѣжетъ глаза и образуетъ непріятную пестроту, общую Палермскимъ мозаикамъ и Венеціанскимъ; эти мозаики уже утратили гармонію красокъ X и XI вв.; и хотя художникъ вездѣ заботится о переходахъ, сочетаніи полутоновъ, но ремесленное производство, усиленное въ своихъ недостаткахъ поспѣшностью работы, уродуетъ тонкую и непонятную моделировку. Черты лица дробятся мелкими оживками вздутыхъ мускуловъ и глубокими морщинами, и потому утрачиваютъ величавую красоту типа. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе схематична и орнаментальна становится драпировка, представляющая теперь правильныя струи складокъ, выраженные глубокими тѣнями, которыя не образуютъ рельефа и показываютъ оживки какими то наклейками; полутоны уступаютъ мѣсто однообразнымъ дисгармоническимъ сочетаніямъ, и градаціи тѣней не даютъ никакого цѣльнаго впечатлѣнія рельефа и округлости; живая моделировка тѣла переходами отъ бѣлаго къ розовому и желтому замѣняется сѣроватымъ фономъ съ бѣлыми опухлостями, а прекрасныя голубыя одежды съ градаціею синюю, зеленою, оливковою и пр.—какими то неопредѣленными, бѣлосоватыми съ голубыми тѣнями. Наконецъ, вся эта сложная моделировка отличается отъ античной своимъ механическимъ характеромъ, и въ этомъ какъ выгоды, такъ и коренной недостатокъ византійской мозаики: въ античной мозаикѣ самъ художникъ подбиралъ цвѣта и тоны, въ крайнемъ разнообразіи своихъ сочетаній, стремясь къ естественности, какъ бы передъ нимъ была картина или фреска; мозаика же византійская исполнялась ремесленникомъ, и по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ требовала схемы простой и удобной. Что касается самой смальты, то, будучи порознѣе теперешней, мало отличалась отъ древней; главною примѣтою, какъ и для древнихъ римскихъ мозаикъ, служить золотая смальта, которая въ эту эпоху всегда накладывалась на массу

бѣдую съ зеленымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ, но никогда на синюю, какъ римская, и красную какъ въ мозаикѣ позднѣйшей и современной.

4.) Сложная, механическая моделировка мозаической техники обуславливаетъ собою и самый стиль мозаикъ, представляющихъ намъ строгое соблюденіе данной схемы, установленныхъ типовъ и формъ. Этотъ стиль не наблюдаетъ никакихъ мѣстныхъ условій: богатое и бѣдное освѣщеніе, ровныя стѣны и округлые своды и пр.; все переиъны въ немъ зависятъ единственно отъ сохраненія большей и меньшей чистоты условленныхъ формъ, а инны представляютъ своимъ появленіемъ начало паденія; развитіе является только въ композиціи которая опредѣляется господствомъ двухъ родовъ мозаической декораціи: въ собственномъ смыслѣ архитектурной декораціи монументальныхъ фигуръ; всегда колоссальныхъ размѣровъ, стоящихъ или отдѣльно, или же рядами и въ группировкѣ этихъ рядовъ согласно съ формами самой архитектурной части: вертикальное протяженіе средней части стѣнъ, пояса абсиды, надстолбія и пр.; идеальный золотой или даже серебряный фонъ, иногда покрытый орнаментикою въ видѣ ковра на восточный манеръ, портретъ и пр. выдѣляютъ эти изображенія и служатъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ связью; и второе—декораціи живописнаго характера съ натуралистическимъ направленіемъ и попытками къ драматизму. Все нарушенія чистоты стила сосредоточиваются особенно въ этой формѣ, и паденіе рисунка замѣчается здѣсь съ самаго начала, какъ напр. въ наиболѣе высокихъ по стилю мозаикахъ Палатинской Капеллы; напротивъ и рисунковъ, и краски сохраняютъ совершенныя формы XI в. въ монументальныхъ фигурахъ Святителей мозаикъ XIII стол. и упадокъ ихъ относится уже къ XIV в.

5.) Содержаніе византійскихъ мозаикъ Италіи представляетъ существенный интересъ въ монументальномъ воспроизведеніи иконографическихъ типовъ, которое въ подробномъ описаніи съ избыткомъ замѣнитъ поздній Подлинникъ Діонисія, нынѣ единственно руководящій не только западныхъ, но и отечественныхъ изслѣдователей; эти памятники представляютъ византійскую иконографію

чище, ближе къ идеалу, чѣмъ это позднее монашеское искаженіе. Но и въ этихъ мозаикахъ мы не владѣемъ художественнымъ идеаломъ Византіи: мы присутствуемъ здѣсь при его разработкѣ и осложненіи, а это никогда не бываетъ безъ ущерба для самаго идеала, и мы наблюдаемъ въ мозаикахъ его разложеніе.

Должно замѣтить также, что многія изъ мозаикъ Италіи значительно пострадали еще съ XIV вѣка и теперь продолжаютъ страдать отъ самыхъ безцеремонныхъ реставрацій. Между наиболѣе искусными изъ нихъ, напр. въ Чезалуді (художникъ Риола) можно встрѣтить грубѣйшіе промахи: Моисей изображенъ старцемъ въ противность общезвѣстному и неизмѣнно юному его типу въ византійскомъ искусствѣ.

Занятія мои по второй специальной цѣли—исторіи миниатюры въ византійскомъ искусствѣ состояли за это время въ осмотрѣ греческихъ лицевыхъ рукописей въ итальянскихъ бібліотекахъ, а въ самомъ концѣ срока моей командировки въ посѣщеніи для того же Москвы и Петербурга.

Национальная Библіотека Неаполя, вообще бѣдная греческими рукописями, не имѣетъ вовсе лицевыхъ, но въ отрывкѣ Гова изъ Коптскихъ фрагментовъ Библии и Житій (разд. эпохъ, съ IV или V в. описаны у Zoëga: *Catalogus codicum copticorum, qui in Museo Borgiano etc.* 1810; Fornari *Notizia della Bibl. di N.* 1874, стр. 60) есть замѣчательная въ древневизантійскомъ стилѣ миниатюра Гова съ семействомъ; въ Лат. Гомиліяхъ Отцовъ Церкви IX в. двѣ миниатюры—копіи съ византійскихъ.

Национальная Библ. въ Палермо владѣетъ одною неважною копіею лицевой рукописи Пророчествъ Льва Мудраго. Въ Музеѣ рукоп. Новаго Завѣта съ Псалмами XIII в., будто-бы принадлежавшая Констанціи, матери Имп. Фридриха II, которая, какъ «мать антихриста» по итальянскому гвельфскому преданію, была монахиней; плохія и незамѣчательныя миниатюры. Никакой важности не имѣетъ и миниатюра Божіей Матери Заступницы на спискѣ капитула братства В. М. Навпактитиссы въ ризницѣ Палатинской Капеллы (Марцо, соч. II, 23).

Во Флоренціи, Венеціи и Вѣнѣ я дополнялъ рисунками свои описанія хранящихся тамъ лицевыхъ кодексовъ. Притомъ въ Венеціи, благодаря содѣйствію г. бібліотекаря Веллуды, я осматрѣлъ еще шесть кодексовъ, и между ними любопытное Евангеліе съ символическими фигурами крошечныхъ каріатидъ на портикахъ каноновъ, которые представляютъ мѣсяцы и 24 добродѣтели.

Въ Синодальной Библіотекѣ Москвы кромѣ прекрасныхъ образцовъ лицеваго Евангелія XI в. — №№ 518, 519, интересны: Акаѳистъ В. М., близкій къ Ват. Гомиліямъ о В. М., Новый Зав. съ Пс. 382, тождественный съ Палермскимъ, Минеи-Четыи за Февраль и Мартъ № 183, продолжающіе Ват. Менологіи, код. Григорія Наз. близкій къ Париж. 550 и знаменитая русская Палея № 210, сохранившая греческую символику.

Въ Имп. Публичной Библіотекѣ одна изъ замѣчательнѣйшихъ вообще лицевыхъ греческихъ рукописей Отрывокъ Четвероеванг. № 21, VII—VIII стол. (по миниатюрамъ скорѣе VIII-го в.) съ 13 миниатюрами, любопытными по стилю и иконографіи, съ древними композиціями VI вѣка въ нѣкоторыхъ евангельскихъ сюжетахъ (близки къ Миланскимъ диптихамъ, Еванг. Рабулы и Ват. Космѣ); кодексъ по всему характеру своему не имѣетъ себѣ подобныхъ отъ этой эпохи. Далѣе важны для исторіи миниатюры: Арабскій код. Посланій Ап. Павла 892 г. и Лат. Еванг. IX в. на пурпурѣ. Греческіе кодексы Евангелій: 67, 72, 98, 101 обыкновенны или очень плохой работы. Какъ дополненіе къ исторіи греческой Лицевой Псалтыри особую важность имѣетъ извѣстная Лицевая Псалтырь Угличская 1485 г.

Одесса, 24 Сентября 1876 г.

Доцентъ по кафедрѣ исторіи и теоріи искусства въ Имп. Новороссійскомъ Университетѣ *Н. Кондаковъ.*

III. Приложение.

INDEX SEMINUM

ANNO 1876 COLLECTARUM

QUAE

HORTUS BOTANICUS UNIVERSITATIS NOVAE ROSSIAE

MUTUO COMMUTANDA OFFERT.

A. Acrobrya Endl.

Filices L.

- Aspidium falcatum* Sv. p. fr.
Nephrolepis exaltata Schott. p. c.

B. Amphibrya Endl.

Gramineae Juss.

- Achnodon Billardieri* P. B. a. d.
Aegilops ovata L. a. d.
 > *squarrosa* L. a. d.
Aegopogon tenellus Trin. a. d.
Agrostis alba Schrad. a. d.
 > *vulgaris* With p. d.
Alopecurus agrestis L. a. d.
 > *pratensis* L. p. d.
Aira caryophylla L. a. d.
Andropogon Sorghum Brot. a. d.
Antennaria agrostidis Parl. a. d.
Aristida coerulescens Desf. a. b. d.
Arundinella miliacea H. Basil. p. c.

- Atropis distans* Led. a. d.
Avena carpathica Host. a. d.
 > *geminiflora* Kth. a. d.
 > *Ludoviciana* Dur. a. d.
 > *nuda* L. a. d.
 > *orientalis* Schreb. a. d.
 > *podolica* a. d.
 > *pubescens* L. a. d.
 > *sativa* L. var. *mutica trisperma* a. d.
Beckmannia erucaeformis Host. a. d.
Bromus arvensis L. a. d.
 > *bryzaeformis* Fisch. et. May. p. d.
 > *Wolgensis* Spr. a. d.
Calamagrostis sylvatica D. C. a. d.
Castellia tuberculata Ten. a. d.
Catabachne vaginata P. B. a. d.
Ceratochloa pendula Schrad. a. d.
Chascolythrurum erectum Lindl. a. d.
Chloris barbata Swartz a. d.
Coix Lacryma L. a. c.
Cri tho aegiceras E. Mey. a. d.
Cynosurus cristatus L. a. d.
Dactylis altaica Bess. a. d.
Deyeuxia retrofracta Kunth. a. d.
Diarrhena americana P. B. p. d.
Dineba curtispindula Dc. p. fr.
Elymus arenarius L. p. d.
 > *canadensis* L. p. d.
 > *sibiricus* L. p. d.
Eragrostis megastacheja Lnk. a. d.
Festuca borealis M. et K. p. d.
Glyceria fluitans R. Br. p. d.
 > *norwegica* Rupr. p. d.
Holcus annuus Salzm. p. d.
Hordeum distichum L. var. *nigrum* a. d.
 > > *erectum* a. d.
 > *hymalayense* Schult. a. d.
 > *Hystrix* Roth. a. d.
 > *jubatum* L. a. d.

- Hordeum macrolepis* A. Br. a. d.
 › *maritimum* With. a. d.
 › *trifurcatum* Ser. a. d.
 › *vulgare* L. var. *aestivale* a. d.
 › › › *nigrum* a. d.
- Lagurus ovatus* L. p. d.
- Lappago racemosa* W. a. d.
- Lolium perenne* L. p. d.
 › *temulentum* L. a. d.
 › › var. *speciosum* a. d.
- Melica altissima* L. p. d.
 › *ciliata* L. p. d.
- Mibora verna*.
- Milium effusum* L. p. d.
 › *multiflorum* Cav. p. d.
- Nardurus unilateralis* L. a. d.
- Oplismenus crusgali* Kth. a. d.
- Oryza sativa* L. a. d.
 › › var. *cristata* a. d.
 › › › *mutica* a. d.
- Panicum brevifolium* Kth. a. d.
 › *capillare* Gren. a. d.
 › *coloratum* L. a. d.
 › *fimbriatum* Kth. a. d.
 › *italicum* L. a. d.
 › *miliaceum* L. a. d.
 › *oryzinum* Gmel. a. d.
 › *persicum* L. a. d.
 › *plicatum* Lam. p. d.
 › *proliferum* Lam. a. d.
 › *sanguinale* L. a. d.
 › *Teneriffae* A. Br. a. d.
 › *umbraticola* Kth. a. d.
 › *Weinmanni* a. d.
- Pennisetum longistylum* Hochst. a. d.
- Phalaris canariensis* L. a. d.
- Phleum annuum* Sieb. a. d.
 › *pratense* L. p. d.
- Poa nemoralis* L. p. d.

- Podosaemum gymnostylum Nees. p. d.
- Schismus marginatus Paliss. a. d.
- Secale cereale L. a. d.
- Serrafalcus diffusus Dumort. a. d.
- Sesleria cylindrica DC. p. d.
- Setaria viridis R. Br. a. d.
- Sorghum abyssinicum a. d.
 - > caffrorum Kunth. a. d.
 - > halepense Pers. a. d.
 - > sacharatum Moench. a. d.
- Stipa capillata L. p. d.
 - > pennata L. p. d.
- Trachynia distachya Link. p. d.
- Triticum aegyptiacum.
 - > amyleum Ser. a. d.
 - > caninum L. p. d.
 - > chinense Trin. a. d.
 - > ciliatum Dc. a. d.
 - > compositum L. a. d.
 - > cristatum Schreb. a. d.
 - > dicoccum Schrank. a. d.
 - > durum Desf. a. d.
 - > elymoides Desf. a. d.
 - > flabellatum Tausch. a. d.
 - > maritimum Wulf. a. d.
 - > monococcum L. a. d.
 - > polonicum L. a. d.
 - > repens L. p. d.
 - > Spelta L. a. d.
 - > Tasmania Schrad. a. d.
 - > tricoccum Scheubl. a. d.
- Zea Mays L. var. americana a. d.
 - > > > capsularis a. d.
 - > > > chrysocarpa a. d.
 - > > > hirta a. d.
 - > > > japonica fol. varieg. a. d.
 - > > > lutea a. d.
 - > > > nana a. d.

- Zea Mays L. rubra a. d.
- » » virginiana a. d.
- » » semine striato. a. d.

Cyperaceae Dc.

Cyperus esculentus L. p. fr.

Alismaceae R. Br.

Alisma Plantago L. p. d.

Juncaceae Agardh.

Juncus bulbosus L. p. d.

Liliaceae Lindl.

Agapanthus umbellatus l'Her. p. fr.

Albuca major L. p. t.

Allium cepa L. p. fr.

» illyricum Iacq.

» obliquum L. p. d.

» senescens L. p. d.

» Schoenoprasum L. p. d.

Aloe umbellata DC. l. t.

Asphodelus clavatus Roxb. p. fr.

Lilium Martagon L. p. d.

Muscari racemosum Med. p. d.

Ornithogalum Ecklonii Fisch. p. fr.

» longibracteatum Iacq. p. fr.

» refractum p. fr.

Tulipa Gesneriana L. p. d.

Veltheimia viridiflora Iacq. p. fr.

Iridaceae R. Br.

Gladiolus byzanthinus.

Iris fragrans Salisb. p. d.

Lapeyronsia corymbosa Ker. p. t.

Amaryllidaceae R. Br.

Amaryllis Belladonna L. p. c.

Zephyranthes candida Herb. p. c.

Bromeliaceae Lindl.

Acantostachys strobilaceus Schult. p. c.

Pitcairnia sulphurea Andr. p. c.

— 6 —
Cannaceae Ag.

- Canna indica* L. p. c.
› *lagunensis* Lindl. p. c.
› *Warschewizii* Bché p. c.

Patameae Juss.

- Potamogeton gramineus* L. p. d.

Typhaceae Juss.

- Sparganium ramosum* Huds. p. d.

C. Acramphibrya Endl.

Apetalae Endl.

Urticaceae Endl.

- Parietaria judaica* L. p. d.
Urtica balearica L. a. d.
› *cannabina* L. a. d.
› *Dodartii* L. a. d.
› *urens* L. a. d.

Cannabineae Endl.

- Cannabis chinensis* Delile a. d.
› *sativa* L. var. *himalayensis* a. d.

Chenopodiaceae Vent.

- Acroglochis persicarioides* Schrad. a. d.
Basella alba L. a. c.
› *comosa* Iacq. a. c.
Beta bengalensis Roxb. b. fr.
› *foliosa* Ehrh. a. d.
› *patellaris* Moq. a. d.
› *stricta* Koch. a. d.
› *vulgaris* L. b. fr.
Boussingaultia baselloides M. B. p. fr.
Chenopodium altissimum Schrad. a. d.
› *Botrys* L. a. d.
› *foetidum* Schrad. a. d.
› *fulvum* a. d.
› *luteum* a. d.
› *Quinoa* W. a. d.
› *urbicum* L. a. d.

- Corispermum canescens Kit. a. d.
- Obione sibirica Fisch. a. d.
- Roubieva multifida Moq. a. d.
- Salsola Kali L. var. hirta Moq. a. d.
- Spinacia oleracea L. a. d.
- › speciosa Moench. a. d.

Amaranthaceae R. Br.

- Alternanthera nodiflora R. Br. a. d.
- Amaranthus atropurpureus Roxb. a. d.
- › caudatus L. a. d.
- › retroflexus L. a. d.
- Celosia argentea L. a. d.
- › cristata Moq. a. d.
- Euxolus viridis Moq. a. d.
- Gomphrena decumbens Jacq. a. d.
- › globosa L. var. atropurpurea a. d.
- › › › alba a. d.
- Scleropus amaranthoides Schrad. a. d.
- Teleianthera paranychioides Schult a. d.

Polygonaceae Juss.

- Fagopyrum emarginatum Meisn. a. d.
- Oxyria reniformis Hook. p. d.
- Rheum caspicum W. p. d.
- › raponticum L. var. canaliculatum p. d.
- › › › tetragonum Reg. p. d.
- Rumex Fischeri Rehb. b. d.
- › Patientia L. p. d.
- › stenophyllum Led. p. d.

Nyctagineae Juss.

- Mirabilis Jalappa L. p. fr.
- › longiflora L. p. fr.
- Oxybaphus violaceus Clois. p. fr.

Plantaginaceae Endl.

- Plantago lanceolata L. p. d.
- › major L. p. d.
- › media L. p. d.
- › Psyllium W. p. d.

— 8 —
Gamopetalae.

Plumbagineae Vent.

Armeria plantaginea W. var. *brachylepis* Boiss. p. d.

Valerianaceae Endl.

Centhrantus longiflorus p. fr.

Valeriana Locusta L. var. *olitaria* L. a. d.

Dipsaceae Juss.

Cephalaria joppensis Coult. a. d.

Dipsacus fullonum Mill. p. d.

› *laciniatum* Link. p. d.

› *sylvestris* Mill. b. d.

Knautia orientalis L. a. d.

Pteroccephalus Sibthorpianus St. a. d.

Scabiosa alpina L. b. d.

› *atropurpurea* L. a. d.

› › var. *flore albo* a. d.

› *Columbaria* L. a. d.

› *linifolia* Hoch. a. d.

Compositae Vaill.

Achillea Millefolium L. p. d.

Acroclinium multifolium p. fr.

Amberboa moschata Dc. a. d.

Aster altaicus W. a. d.

› *Amellus* L. a. d.

› *chinensis* L. a. d.

› *cyaneus* Hoffm. a. d.

Asterothrix scaber a. d.

Bidens pilosa L. a. d.

Calendula aegyptiaca Desf. a. d.

› *officinalis* L. a. d.

› › var. *ranunculoides* a. d.

› *tripterocarpa* Rup. a. d.

Calais Bigellowii A. Gray. a. d.

Calliopsis bicolor Rehbch. a. d.

Carthamus tinctorius L. a. d.

Centaurea argentea L. p. d.

› › var. *sulphurea* p. d.

- Centaurea austriaca* W. p. d.
 > *coronopifolia* Lam. p. d.
 > *pontica* C. M. p. d.
 > *solstitialis* L. p. d.
Chrysanthemum segetum L. a. d.
Cineraria Petasites Sims. l. fr.
Cirsium canum M. B. p. d.
Cladanthus prolifer DC. a. d.
Clavena canariensis DC. p. d.
Cnicus Benedictus L. a. d.
Conoclinium janthinum Dc. l. t.
Cotula anthemoides L. a. d.
Crepis agrestis W. et K. a. d.
Dahlia pinnata Cav. p. fr.
Dracopis amplexicanlis Cass. a. d.
Dysodia Porophyllum Cav. a. d.
Echinops niveus W. b. d.
Gaillardia picta Sweet. a. d.
Gatyna globulifera Cass. a. d.
Guizotia oleifera Dc. a. d.
Helenium scorzonerifolium a. d.
Helianthus annuus L. var. *californicus* a. d.
 > > > *uniflorus* a. d.
 > > > *giganteus* L. p. d.
 > > > *Maximiliani* Schrad. p. d.
 > > > *tracheliaefolius* W. p. d.
Helichrysum monstrosum W. a. d.
Hieracium aestivum Fries p. d.
Inula Helenium L. p. d.
 > *Oculus Christi* L. p. d.
Iva ciliata W. a. d.
Kentrophyllum lanatum Dc. a. d.
Lactuca sativa L. a. d.
 > > *virosa* L. a. d.
Lampsana communis L. a. d.
Lappa tamentosa All. p. d.
Lappago edulis b. d.
Leucanthemum arcticum Dc. a. d.

- Madia mellosa* Molin a. d.
 › *sativa* Molin a. d.
Matricaria chamomilla L. a. d.
Notobasis syriaca Cass. a. d.
Onopordon tauricum W. p. d.
Pinardia coronaria Cass. a. d.
Pyretrum Balsamita W. p. d.
 › *corneum* Brst. p. d.
Rudbeckia laciniata L. p. d.
Sanvitalia procumbens Lam. p. d.
 › › var. *flore pleno*.
Senecio vulgaris L. a. d.
Sogalgina trilobata Cass. a. d.
Solidago canadensis L. p. d.
 › *Virga aurea* L. p. d.
Spilanthes oleraceus L. a. d.
Tagetes erecta L. a. d.
 › › var. *fistulosa* a. d.
 › › *patula* L. a. d.
Tanacetum vulgare L. b. d.
Taraxacum officinale Web. p. d.
Vernonia anthelmintica W. a. d.
Xanthium spinosum L. a. d.
Youngia Thunbergiana Dc. a. d.
Zinnia elegans Iaeq. a. d.
 › › var. *flore pleno*.

Campanulaceae Dc.

- Campanula Pallasiana* R. S. p. d.
 › *pulcherrima* Schrank. p. d.
 › *Trachelium* L. p. d.
Trachelium coeruleum L. p. fr.

Lobeliaceae Bartl.

- Lobelia bicolor* Curt. a. t.

Rubiaceae Juss.

- Galium humifusum* Brbst. a. d.
Rubia tinctoria L. p. d.
Sherardia arvensis L. a. d.

Lonicerae Endl.

- Lonicera japonica* Juss. l. d.
 « *tatarica* L. l. d.
Sambucus nigra L. l. d.
Symphoricarpus racemosus Mich. l. d.

Oleaceae Lindl.

- Ligustrum vulgare* L. l. d.

Apocynaceae Lindl.

- Vinca rosea* L. p. t.
 » » var. *flore albo* p. t.

Asclepiadaceae Jacq.

- Asclepias curassavica* L. p. t.
Hoya carnosa R. Br. L. c.

Gentianaceae Juss.

- Erythroea Centaurium* Pers. a. d.

Labiatae Juss.

- Ballota nigra* L. p. d.
Betonica officinalis L. p. d.
Calamintha officinalis L. p. d.
Clinopodium vulgare.
Hyssopus officinalis L. p. d.
Lallemantia peltata F. et M. a. d.
Lavandula spica Dc. p. d.
*Leondurus Cardiac*a L. p. d.
Lophantus rugosus F. et M. a. d.
Marrubium vulgare L. p. d.
Melissa officinalis L. p. d.
Mentha piperita L. p. d.
 » *viridis* L. p. d.
Molucella laevis L. a. d.
Nepeta cathartica L. var. *citriodora* p. d.
Ocimum basilicum L. a. d.
 » » var. *minimum* a. d.
Origanum vulgare L. p. d.
Panceria sibirica Moench a. d.
Perilla nankinensis Desne a. d.
Phlomis tuberosa L. p. d. .

Salvia aethiopica L. p. d.
 › *austriaca* L. p. d.
 › *mexicana* L. l. fr.
 ‹ *officinalis* L. p. d.
 › *Sclarea* L. p. d.
 › *sylvestris* L. p. d.
 › *verticillata* L. p. d.
Satureja hortensis L. a. d.
Scutellaria peregrina L. p. d.
Stachys annua L. p. d.
Teucrium Botrys L. a. d.
Zizyphora tenuior L. a. d.

Verbenaceae Juss.

Lantana aculeata L. l. t.
Schuttelworthia pulchella Sweet. a. d.
Verbena hybrida L. p. d.
Vitex Agnus castus L. l. d.

Asperifoliae Bartl.

Anchusa officinalis L. p. d.
Cerinthe maculata DC. p. d.
Echinosperrum Lappula Lehm. a. d.
Heliotropium europaeum L. p. d.
 › *peruvianum* L. p. t.
Lithospermum arvense L. a. d.
 › *officinale* L. p. d.
Myosotis hispida Slechtd. b. d.
Solenanthis circinatus L. b. d.

Convolvulaceae L.

Evolvulus linifolius L. a. d.
Ipomoea barbata Chois. l. c.
 › *pes tigrida* L. a. d.
 › *purpurea* Roth. a. d.
 › *sibirica* Pers. a. d.
Nolana prostrata L. fil. a. d.

Polemoniaceae Vent.

Collomia coccinea Lehm. a. d.
 › *grandiflora* Dougl. a. d.

Gilia nivalis Van Hout. a. d.
Navarretia heterophylla Benth. a. d.
Phlox Drummondii Hook a. d.

Hydrophyllaeae R. Brown.

Cosmanthus viscidus Alph. DC. a. d.
Nemophila atomaria F. et Mey. a. d.
 < *insignis* Bnth. a. d.
 > *maculata* Bnth. a. d.
 > *parviflora* Bnth. a. d.
Whitlavia grandiflora Hook. a. d.

Solanaceae Bartl.

Atropa Belladonna L. var. *minor* p. d.
 > *biflora*.
Capsicum annum L. a. d.
 > *baccatum* L. a. d.
 > *grossum* Willd. a. d.
Cyphanandra betacca Sendtn. l. fr.
Datura fastuosa L. flore albo pleno a. d.
 > > > *violaceo pleno* a. d.
 > *fruticosa* Horn. a. d.
Hyosciamus niger L. a. d.
Lycopersicum esculentum Mill. a. d.
Nicandra physaloides Gaertn. a. d.
Nicotiana glauca L. l. fr.
 > *rustica* L. a. d.
Petunia hybrida L. a. fr.
 > *nyctaginiflora* a. fr.
Physalis Alkekengi L. a. d.
 > *angulata* L. a. d.
Sarracha stapeliaeflora Desv. a. d.
Solanum atropurpureum Schrank. l. fr.
 > *citrullifolium* A. Br. a. d.
 > *Dulcamara* L. l. d.
 > *edule* Arrab. p. fr.
 > *Gilo* Rodd. a. d,
 > *laciniatum* Ait. l. fr.
 > *melanogena* L. var. *fruct. alb.* a. d.
 > > > > *viol.* a. d.
 > *nigrum* a. d.

Solanum tuberosum L. p. fr.

Scrophulariaceae R. Br.

Antirrhinum majus L. p. d.

Celsia orientalis a. d.

Digitalis lutea L. p. d.

Linaria genistaefolia Mill. p. d.

Maurandia antirrhiniflora Willd. p. fr.

Scrophularia divaricata Ledb. a. d.

Verbascum Blattaria L. a. d.

› *phoeniceum* L. b. d.

› *Thapsus* L. b. d.

Veronica Andersoni l. fr.

› *spicata* L. p. d.

Acanthaceae Brn.

Thunbergia alata Hook a. d.

Pedalineae R. Br.

Martynia proboscidea Glox. a. d.

Primulaceae Vent.

Anagallis vulgaris L. a. d.

Androsace maxima L. a. d.

Dialypetalae Endl.

Umbelliferae Juss.

Ammi glaucifolium L. a. d.

Anethum Sowa Roxb. a. d.

› *vulgare* L. a. d.

Angelica Archangelica L. p. d.

› *dichotoma* Mich. p. d.

Anthriscus cerefolium Hoffm. a. d.

Apium graveolens L. b. d.

Archangelica officinalis Hoffm. a. d.

Bubon gummiferum L. p. d.

Bupleurum rotundifolium L. a. d.

Carum Carvi L. p. d.

Chaerophyllum nodosum Lam. p. d.

› *temulum* L. p. d.

- Coriandrum sativum L. a. d.
Daneus Gingidium L. b. d.
 › gummifer L. b. d.
 › mauritanicus All. b. d.
 › pulcherrimus Koch. b. d.
Falcaria Rivini Host p. d.
Ferula communis L. p. d.
Foeniculum vulgare Gaertn. b. d.
Heracleum amplissimum Wender p. d.
Levisticum officinale Koch. p. d.
Pastinaca lucida Gouan b. d.
 › opaca Bernh. b. d.
 › sativa L. b. d.
Petagnia saniculaefolia Guss. p. d.
Petroselinum sativum Hoffm. b. d.
Scandix brachycarpa Juss. a. d.
 › cerefolium L. a. d.
 › Pecten veneris L. a. d.
Selinum carvifolium L. p. d.
Seseli multicaudatum b. d.
 › pratensis Bess. p. d.
 › varium Trevir. b. d.
Tordylium maximum L. a. d.
Zozimia absinthifolia DC. p. d.

Ampelideae H. B. K.

- Ampelopsis quinquefolia Rich. l. d.

Crassulaceae DC.

- Sedum acre L. p. d.
 › maximum Sut. p. d.
Sempervivum arboreum L. l. fr.

Ranunculaceae Juss.

- Adonis aestivalis L. a. d.
Aquilegia glandulosa F. M. p. d.
Ceratocephalus orthoceras DC. a. d.
Clematis erecta All. p. d.
Delphinium consolida L. a. d.
 › › var. grandiflorum a. d.

- Garridella Nigelastrum L. a. d.
- Nigella Bourgei Jord. a. d.
- › pygmaea Pers. a. d.
- Ranunculus repens L. p. d.
- › sceleratus L. a. d.
- Thalictrum appendiculatum Led. p. d.

Berberidaceae Vent.

- Leontice altaica Pall. p. d.

Papaveraceae Juss.

- Argemone mexicana L. var. ochroleuca a. d.
- Chelidonium majus L. p. d.
- Corydalis glauca Pursh. a. d.
- Eschscholzia californica Cham. a. d.
- Fumaria officinalis L. a. d.
- Glaucium corniculatum Pers. a. d.
- › fulvum L. a. d.
- › rubrum Sib. a. d.
- Hypocoum procumbens L. a. d.
- Papaver Rhoeas L. a. d.
- › › var. flore pleno a. d.
- › somniferum L. a. d.
- › › var. pœoniflorum a. d.
- › umbrosum a. d.

Cruciferae Dc.

- Aethionema persica Boiss.
- Alyssum calycinum L. a. d.
- Barbarea vulgaris R. Br. b. d.
- › europea Reg. a. d.
- Berteroa orbiculata DC. b. d.
- Brassica arborea Mill. b. d.
- › nigra L. a. d.
- › oleracea L. capitata alba b. fr.
- › › › rubra b. fr.
- › › › gongyloides b. fr.
- › › › sabunda b. fr.
- Bunias orientale L. p. d.
- Camelina microcarpa Andr. a. d.

- Camelina sativa* Crantz a. d.
Capsella bursa pastoris Vent. a. d.
Cheiranthus annuus R. Br. a. d.
 › *Cheiri* DC. b. fr.
 › *incanus* L. b. fr.
Crambe cordifolia Stev. p. d.
Draba verna L. a. d.
Eruca cappadocica Benth. a. d.
 › *sativa* Lam. a. d.
Erysimum orientale L. a. d.
 › *repandum* L. a. d.
Euclidium syriacum R. Br. a. d.
Hirschfeldia incana DC. a. d.
Iberis amara L. a. d.
Isatis allepica Scop, b. d.
Lepidium micranthum Ledb. a. d.
Malcolmia africana Brw. a. d.
Mathiola odorathissima R. Br. b. fr.
Neslia commutata Boiss. a. d.
Nothoceras canariensis R. Br. a. d.
Peltaria altaica b. d.
Raphanus acanthiformis a. d.
 › *caudatus* L. a. d.
 › *Gayanus* F. et May. a. d.
 › *sativus* L. a. d.
Sinapis alba L. a. d.
 › *nigra* L. a. d.
Sisymbrium Sophiae L. a. d.
Thlaspi ceratocarpum Murr. a. d.
Capparidaceae Vent.
Cleome Eckloniana Schrad a. d.
 › *speciosa* L. a. d.
Gynandropsis pentaphylla DC. a. d.
Resedaceae DC.
Reseda arborea p. fr.
 › *odorata* L. a. d.
Violarieae DC.
Viola canina L. p. d.

- Viola odorata* L. p. d.
 > *tricolor* L. a. d.

Bixaceae Endl.

- Passiflora albida* Ker. l. fr.
 > *suberosa* L. l. c.

Louseae Juss.

- Cajophora lateritia* Benth. a, d.

Cucurbitaceae Juss.

- Abobra viridiflora* Ndn. p. fr.
Bryonia dioica Jacq. p. fr.
Bryonopsis erythrocarpa Ndn. a. d.
Citrullus vulgaris Schrad. a. d.
Cucumis chate L. a. d.
 > *chito* Ndn. a. d.
 > *cubensis* Schrad. a. d.
 > *Melo* L. a. d.
 > var. *linearis* a. d.
 > > *persica odorata* a. d.
 > > *Dudaim* a. d.
 > *microcarpa* Ndn. a. d.
 > *sativa* L. a. d.
 > *pulcherrimus* Ndn. a. d.
Cucurbita Pepo L. a. d.
 > > var. *aurea* a. d.
 > > > *maliformis* a. d.
 > > > *maxima* a. d.
 > > > *rotunda* a. d.
 > > > *ovifera* a. d.
 > > > *pyriformis* a. d.
Ciclanthera edulis Ndn. a. d.
 > *explodens* Torr. et Gray. a. d.
 > *pedata* Schrad. a. d.
Ecbalium agreste Rehbch. a. d.
Lagenaria enormis Ndn. a. d.
 > *vulgaris* Ser. var. *Gourda* Ser. a. d.
Luffa Jacquini Schrad. a. d.
 > *marylandica* Hort. Erf. a. d.

Luffa Plukenetiana Ser. a. d.
Momordica Charantia L. a. d.
 > *Elaterium* L. a. d.
Muckia scabrella Ndn. a. d.
Rhynchoscarpa dissecta DC. p. fr.
Sicydium Lindheimeri Ndn. a. d.
Sicyos angulata L. a. d.

Begoniaceae R. Br.

Begonia acuminata Dryandr. l. c.
 > *argyrostigma* Fisch. l. c.
 > *fuchsioides* Hook. l. c.
 > *hydrocotylefolia* p. c.
 > *ricinifolia* Dietr. p. c.
 e *semperflorens* Lk. p. c.

Mesembryanthemaceae Endl.

Mesembryanthemum tetraphyllum Harv. p. t.

Portulacaceae Juss.

Portulaca grandiflora Cambess. a. d.
 > > var. *flore pleno* a. d.
 e *sativa* L. a. d.
Talinum patens W. a. d.

Caryophyllaceae Endl.

Agrostemma Coeli rosa L. a. d.
Alsine tenuifolia Crantz a. d.
Anychia dichotoma Mich. a. d.
Arenaria graminifolia Schrad. p. d.
Cerastium Biebersteinii Dc. p. d.
 > *chlorifolium* F. et Mey. a. d.
Cucubalus baccifer L. p. d.
Dianthus arenarius L. p. d.
 > *caryophyllum* L. p. d.
 > *chinensis* L. a. d.
 > > var. *imperialis* a. d.
 > > > *Hedwigii* a. d.
 > > > *laciniatus* a. d.
 > *plumarius* L. a. d.
 > *prolifer* L. a. d.

- Dianthus saxifraga L. p. d.
 › superbus L. p. d.
Elisanthe ornata Endl. a. d.
Eudianthe Coeli-rosa Fenzl. a. d.
 › laeta Fenzl. a. d.
Githago segetum Desf. a. d.
Gypsophila elegans Bibr. a. d.
 › paniculata L. p. d.
Herniaria hirsuta L. a. d.
Lepirodielis holosteoides Fenzl. a. d.
Loefferlingia hispanica L. a. d.
Lychuis chalcedonica L. p. d.
 › dioica L. p. d.
 › vespertina Sieb. p. d.
Melandrium macrocarpum Boiss. a. d.
 › pratense Roehl p. d.
Moehringia trinervia Clairv. a. d.
Ortegia hispanica L. a. d.
Paronychia arabica DC. p. d.
Saponaria officinalis L. p. d.
Silene annulata Thor. a. d.
 › Armeria L. var. flore alba, a. d.
 › › › › rubro a. d.
 › inflata Smith a. d.
 › noctiflora L. a. d.
 › pendula L. a. d.
 › saponariaefolia Schott. p. d.
Tunica prolifera Scop. a. d.
Vaccaria grandiflora L. a. d.
Viscaria oculata L. a. d.

Phytolacaceae Endl.

- Phytolacca esculenta v. Hutte p. f.
Rivinia aurantiaca Warsb. l. c.
 › purpurascens Schrad. l. c.

Malvaceae Juss.

- Abutilon Avisennae Gaertn. l. fr.
 › Fraseri l. fr.

- Abelmoschus moshatus* Moench. a. d.
Althaea officinalis L. p. d.
 › *rosea* Cav. var. flore pleno p. d.
Gossypium herbaceum L. a. d.
Hibiscus abyssinicus Steud. a. d.
 › *esculentus* L. a. d.
 › *moschatus* a. d.
 › *Rischarsonii* Lindl. l. t.
 › *ternatus* Cav. a. d.
 › *Trionum* L. a. d.
 › › var. *grandiflorus* a. d.
Kitaibelia vitifolia Willd. p. d.
Madiola Caroliniana Moench. d. d.
Malope trifida L. var. *grandiflora* Hart. fl. albo a, d.
 › › › *purpurea* a. d.
Malva Durieui Spach a. d.
 › *mauritiana* L. a. d.;
 › *nicaensis* All. a. d.
 › *perennis* p. d.
 › *sylvestris* L. a. d.
Nuttalia pedata Hook a. d.
Palavia malviflora Cav. a. d.

Buettneriaceae R. Br.

- Hermannia denudata* L. l. fr.
Riedleja corchorifolia DC. a. d.

Hypericaceae Dc.

- Hypericum perforatum* L. p. d.

Rhombaceae R. Br.

- Paliurus aculeatus* L. l. d.

Euphorbiaceae R. Br.

- Ricinus borbonensis* Hort. a. d.
 › *cairensis* a. d.
 › *ex Insul. Philip.* a. d.
 › *sanguineus* Hort. a. d.

Zanthoxyleae Juss.

- Ailanthus glandulosus* Desf. l. d.

Rutaceae Endl.

Ruta graveolens L. p. d.

Zygophylleae Endl.

Tribulus terrestris L. a. d.

Zygophyllum Fabago L. p. d.

Geraniaceae Endl.

Erodium Ciconium W. a. d.

› *cicutarium* W. a. d.

› *Manescavi* Bubon. a. d.

Geranium molle L. p. d.

Pelargonium Scarlet l. fr.

Lineae Dc.

Linum acuminatum Moench. a. d.

› *agreste* Brot. a. d.

› *alpinum* L. a. d.

› *ambiguum* Jord. a. d.

› *aquilinum* DC. a. d.

› *corymbulosum* Rehbch. p. d.

› *diffusum* Schrad. p. d.

› *fasciculatum* Hort. a. d.

› *grandiflorum* Desf. a. d.

› *hirsutum* L. a. d.

› *humile* Mill. a. d.

› *monadelphum* Mart. a. d.

› *multiflorum* L. a. d.

› *nervosum* W. a. d.

› *regale* Hort. a. d.

› *squamulosum* Bartl. a. d.

› *usitatissimum* L. a. d.

› › *var. flore albo* a. d.

› › › *grandiflorum* a. d.

› › › *semine viride* a. d.

Oxalideae DC.

Oxalis corniculata L. var. *atropurpurea* p. d.

Balsamineae A. Rich.

Impatiens Balsamina L. a. d.

Philadelphaeae Don.

Philadelphus coronarius L. l. d.

Oenotheraeae Endl.

Boisduvallia concinna Spach. a. d.

Epilobium hirsutum L. p. d.

› *uralense* L. p. d.

Gaura parviflora Dougl. a. d.

Lopezia racemosa Cav. a. d.

Oenothera Sellowii L. p. d.

Halorageae R. Br.

Myriophyllum spicatum L. p. d.

Lythrariceae Endl.

Cuphea lanceolata Ait. a. d.

› *procumbens* Cav. a. d.

› *viscosissima* Jacq. a. d.

Heimia salicifolia Lk. l. fr.

Lythrum virgatum L. a. d.

Rosaceae Juss.

Acaena coica Jacq. p. d.

Comarum palustre L. p. d.

Dryas octopetala L. p. d.

Fragaria indica Andr. p. d.

Geum chilense Balb. p. d.

› *urbanum* L. p. d.

Potentilla canescens Bess. p. d.

› *collina* Wibel p. d.

› *recta* L. p. d.

Poterium Sanguisorba L. p. d.

Papilionaceae Endl.

Anthyllis tetraphylla L. a. d.

Astragalus Cicer L. p. d.

› *hypoglottis* L. p. d.

Cicer arietinum L. a. d.

Coppoleria monantha Todara a. d.

Coronilla varia L. p. d.

- Cytisus Laburnum* L. l. d.
Dolichos Catjang L. a. d.
 › *Lablab Adans.* a, d.
 › *myodes* Ten. a. d.
 › *ornatus* a. d.
 › *surinamensis* a. d.
Ervum hirsutum L. a. d.
 › *Hohenackeri* Fisch. et Mey. a. d.
 › *Lens* L. var. *himalayense* A. Br. et Bché a. d.
Galega officinalis L. p. d.
 › *orientalis* Lam. p. d.
Gleditschia triacantha L. l. d.
Glycyrrhiza echinata L. p. d.
Hedysarum coronarium L. p. fr.
Lathyrus alatus Fisch. a. d.
 › *Aphaca* L. a. d.
 › *coccineus*.
 › *tuberosus* K. a. d.
 › *sativus* L. a. d.
Lotus australis Andr. a. d.
 › *corniculatus* L. p. d.
Lupinus hybridus Hort. a. d.
 › *pulchellus* Sweet. a. d.
Medicago falcata L. p. d.
 › *lupulina* L. p. d.
 › *orbicularis* Ait. a. d.
 › *tuberculata* W. p. d.
Melilotus albus Desv. p. d.
 › *longifolius* Ten. p. d.
 › *melanospermus* p. d.
 › *ruthenicus* M. B. p. d.
 › *parviflorus* Desf. a. d.
 › *speciosus* Dur. a. d.
 › *tauricus* M. Bieb. a. d.
Ornithopus compressus L. a. d.
Phaseolus vulgaris L. a. d.
 › › *ellipticus* M. aureolus M. a. d.
 › › › *carneus* M. a. d.;
 › › › *niger* M. a. d.

- Phaseolus vulgaris ellipticus Willmotianus M. a. d.
 » » oblongus Savi albus M. a. d.
 » » » saponaceus S. a. d.
 » » » Sargentone S. a. d.
 » » » turcicus S. a. d.
 » » » vinosus D. a. d.
 » » » Zebrinus M. a. d.
 » » sphaericus M. haematocarpus Sav. a. d.
 » » » sulphureus M. a. d.
 » » vulgaris Savi amethystinus S. a. d.
 » » » aureus M. a. d.
 » » » fuscoviolaceus M. a. d.
 » » » vitellinus H. a. d.
 » » » Zebra M. a. d.
 » » gonospesmus Savi ochraceus H. a. d.
 » multiflorus Lam. coccineus Lam.
- Pisum humile Mill. a. d.
 » sativum L. a. d.
 » Zeylonicum Hort. a. d.
- Psoralea Palaestina L. p. fr.
 Securigera Coronilla DC. a. d.
 Sophora japonica L. l. d.
 Soya ochroleuca Kth. et Bché a. d.
 Trigonella polycarpa Smith a. d.
 Trifolium agrarium L. a. d.
 » arvense L. a. d.
- Vicia azurea Koch a. d.
 » Cracca L. a. d.
 » pannonica Jacq. a. d.
 » sativa L. a. d.

Indicatur : Lit. a -- planta annua ; b -- biennis ; p -- perennis ; l -- lig
 fr -- frigidarium ; c -- calidarium ; t -- tepidarium ; d -- sub

Professor Dr. J. Walz, horti director.
 R. Rudolph, hortulanus

O d e s s a , 1876.

отрасль правовѣдѣнія. *М. Штмлесскаю*.—6) Замячанія на программу изданія, въ рускомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіемъ. *А. Павлова*.—7) Обь изданіи «Извѣстій» Императорскаго русскаго географическаго общества.

ТОМЪ XVII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 25-го января по 12-е мая 1875 г. 2) Браткій отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 1874/75 академическомъ году.—3) Личный составъ служащихъ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ.—4) Обзоръніе преподаванія предметовъ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ въ 1875/76 академическомъ году.—5) Бъ вопросу обь ассимиляціи. *А. Волкова*.—6) Нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи развитія предростцевъ папоротниковъ. *А. Шельтима*.—7) Опытъ понятія военной контрабанды. *Князя М. Кантакузина—Графа Сперанскаю*.

ТОМЪ XVIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 19 августа по 18 декабря 1875 г. 2) О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ новорос. унив. 30 августа 1875 года орд. проф. *Я. Я. Вальцемъ*. 3) О кожно-мышечныхъ рефлексгахъ. *П. Спиро*. 4) Способъ вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *А. Кононовича*. 5) Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Н. Головкинскаю*. 6) Вліяніе тепла на растенія. *А. Шельтима*. 7) Отчетъ о занятіяхъ заграничей съ 1-го марта по 1-е сентября. *А. Кондакова*. 8) Прибавленіе къ статьѣ «о кожно-мышечныхъ рефлексгахъ». *П. Спиро*. 9) Отчетъ о занятіяхъ заграничей славянскими нарѣчіями, съ 1 августа 1874 г. по 1 февраля 1875 г. *А. Кочубинскаю*.

ТОМЪ XIX. Содержаніе: Протоколы засѣданій совѣта съ 19-го января по 29-е мая 1876 года. 2) Докладъ комиссіи, назначенной совѣтомъ по вопросу о перенесеніи библиотеки. 3) Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ (Продолженіе). *А. Кононовича*. 4) Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Е. Клименко*. 5) Вопросъ о кодификаціи международнаго права. *Князя Кантакузина—Графа Сперанскаю*. 6) О такъ называемыхъ «Гомеровскихъ поэмгахъ». *Л. Ф. Воеводскаю*. 7) Приложеніе теоріи функцій. *К. Карстеллева*.

ТОМЪ XX. Содержаніе: 1) Браткій отчетъ о дѣятельности новороссійскаго университета за 1875/76 учебный годъ. 2) Отзывъ о докторской диссертаціи магистра ботаники *А. Н. Волкова*. *Я. Вальца*. 3) Отчетъ за первую половину заграничной командировки 1874—75 г. *М. Малинина*. 4) Отчетъ о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюня по 8 октября 1875 г. *В. И. Григоровича*. 5) Обь участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. *В. И. Григоровича*. 5) Отчеты (второй и третій) о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля 1875 по 1-е февраля 1876 г. *А. Кочубинскаю*. 6) Отчетъ о занятіяхъ заграничей съ 1 сентября 1875 г. по 1-е марта 1876 г. *Н. Кондакова*. 7) Бъ вопросу о «оріи» участія народнаго элемента въ уголовной вѣстиціи. *В. Н. Палузова*. 8) О разномъженіи растеній ч. стами сѣмянъ. *Я. Вальца*. 9) Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской. *А. Н. Будрявцева*.

Редакціи періодическихъ изданій могутъ получать Записки Императорскаго Новороссійскаго университета въ обмѣнъ на свои изданія. Заявленія объ этомъ сообщаются въ канцелярію университета.

1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STUDY CHARGE

CANCELLED

WIDENER BOOK DUE
JUL 22 1983
AUG 29 1983

~~WIDENER - R
JUN 12 1985~~

WIDENER BOOK DUE
JUL 2 1985
1630990

WIDENER CANCELLED
JUN 14 1985
JUN 20 1985
16010320

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900